

Нурбей Гулиа

Приватная жизнь профессора механики

(научно-авантюрно-эротико-юмористический роман)

От редакции

Этот роман – откровенная правда о жизни и необыкновенных приключениях известного российского ученого и изобретателя. Жизнь этого человека удивительным образом прошла через калейдоскоп исторических эпох. Детство с унижениями, издевательствами, а затем и мстью за это; позже - спорт, секс, браки и разводы, обильные возлияния, встречи со знаменитостями, любовные истории. Наука и мистика, загадочные происшествия, розыгрыши и авантюры, наконец, просто хулиганства – ничто не было чуждо нашему герою. Это и многое другое настолько круто замешано в одном человеке, что на его примере можно составить обобщённый портрет целого поколения, активно влияющего на современную жизнь. И ещё – прочтя этот роман, вы с удивлением узнаете, сколько неожиданных «скелетов в шкафах» может тайно храниться у ваших вполне добропорядочных и уважаемых знакомых.

Содержание

От автора.....	1
Глава 1. Детство, отрочество, юность.....	2
Глава 2. Мои «университеты».....	66
Глава 3. Наука и жизнь.....	126
Глава 4. Я вспоминаю солнечный Тбилиси.....	199
Глава 5. Тольятти, Тольятти.....	231
Глава 6. Курский соловей.....	282
Глава 7. Добрый город.....	369

Новая редакция: текст исправлен и дополнен двумя последними разделами в гл.7

От автора

Вот и довелось мне снова встретиться с читателем в этой новой книге, и я хочу рассказать о некоторых подробностях, связанных с ней.

Дело в том, что до новой книги, которая явно мемуарного характера, у меня недавно вышли четыре книги того же плана, но каждая со своими особенностями. Так как они имеют непосредственное отношение к этой, пока последней книге, то я позволю себе кратко пояснить суть дела.

В первой книге «Русский Декамерон, или о событиях загадочных и невероятных», я рассказываю о необычайных, таинственных и где-то необъяснимых, с точки зрения современной науки, случаях в моей жизни. А жизнь моя грешная была очень уж, я бы сказал, несправедливо богатой на таковые.

Вторая книга – «Любовная исповедь тамароведа» повествует о сугубо личной стороне моей жизни, то есть о взаимоотношениях, преимущественно, с противоположным полом. И этот аспект моей, повторяю, грешной жизни не обошёлся без мистики, в результате чего я и получил прозвище тамароведа.

История с третьей книгой «Друзья – дороже!» стоит особняком. Здесь описаны мои отношения с ближайшим другом и его женой – тоже близким, может даже и излишне близким мне человеком. Получилось так, что совсем недавно друзья мои эмигрировали в одну из хорошо известных стран дальнего зарубежья. А перед тем они дали разрешение на публикацию книги о моих с ними взаимоотношениях, которого я долго и безуспешно от них добивался. Дескать, нам теперь всё равно, что о нас в России подумают. Но они не учли того, что страна их нынешнего обитания – почти филиал России, и об их «подвигах» тут же стало известно всем, кому надо. Особенно ортодоксальной части населения, строгой на нравы. Поэтому друзья мои вскоре после выхода книги слёзно обратились ко мне с просьбой больше не раскрывать широкой публике наших былых взаимоотношений. Что я, скрепя сердце, им и обещал.

И, наконец, четвёртая книга, повествует о моём научном поиске. Ибо, кроме мистики, любовно-авантюристических приключений, спорта, и - назовём всё своими именами - пьянства, я ещё, как это ни странно, занимался и наукой. Изобретал, понимаете ли, всякие штучки, испытывал их и отдавал людям – пользуйтесь, мол! И ведь брали, пока правда, преимущественно в дальнем зарубежье. А книга об этом научном поиске называется «Удивительная механика, или В поисках энергетической капсулы».

Вот и получается, что если кто-то прочитает только первую книгу, подумает, что я – мистик и где-то экстрасенс. Прочтёт четвёртую и решит, что я - учёный сухарь, профессор-очкарик, который ни водки, ни фемин в жизни не выдывал. А уж те, кому попадут вторая и третья книги, точно посчитают меня сексуальным маньяком и эротоманом, эпатирующим публику, и от влияния которого следует по возможности оградить добропорядочных людей, особенно молодёжь.

Все эти три мнения в отдельности меня никак не устраивают, и я решил описать мою жизнь, все её крупные аспекты, в общем, не выделяя ничего особо. И тогда перед читателем предстанет приватная жизнь обычного, я бы сказал, ординарного профессора механики, не чуждого различным увлечениям. Увлечения эти – спорт, мистика, вино, дамы, «невинные» шуточки, розыгрыши и, конечно же, наука и изобретательство, без которых всё остальное для меня теряет всякий смысл. Мой пример показывает, что жизнь любого человека, тем более – профессора механики, несмотря на внешнюю серьёзность и пуританство, полна всяких чудес, открытий, прекрасных моментов, трагикомических ситуаций, риска, любви, измен, отчаяния, излишеств и ошибок, сожалений и покаяний ... И, наконец, следует закономерный переход к состоянию мудрости, когда уже никакие страсти не волнуют кровь. Но до этого ещё следует дожить!

Теперь вы знаете, о чём эта моя последняя книга. Прочтя её, вы с удивлением узнаете, что не так уж прост, скучен и однообразен человек, с первого взгляда кажущийся таковым, и сколько загадочных, неожиданных «скелетов в шкафах» может тайно храниться у ваших вполне добропорядочных и респектабельных знакомых!

Глава 1 . Детство, отрочество, юность

Начало

Оказывается, я помню себя и мир вокруг меня еще до моего рождения. Лев Толстой был уникален тем, что помнил свое рождение, и этим мало кто другой мог похвастать. Я рождения своего не помню - мне потом об этом много раз рассказывали. Но оказалось, что помню я событие, происшедшее в городе Тбилиси, где мы жили, летом в июле или августе 1939 года, хотя я родился на несколько месяцев позже – 6 октября 1939 года. А дело было так.

Как-то, когда мне было лет пять, только проснувшись утром, я вдруг спросил у мамы:

- А где находится кино «Аполло»?

Мама удивленно посмотрела на меня и ответила, что так раньше назывался кинотеатр «Октябрь», что на Плехановском проспекте - это ближайший к нашему дому кинотеатр. Но так он назывался еще до войны. Я продолжал:

- А помнишь, мама, кино, где человек застрял в машине, и его кормили через вареную курицу, как через воронку? Наливали, кажется, суп или вино. Было очень смешно ... Это мы с тобой видели в кино «Аполло»!

Мама ответила, что это мои фантазии, потому что, во-первых, я никогда в кинотеатре «Аполло» или «Октябре» по-новому, не был (меня водили иногда только в детский кинотеатр, тоже поблизости), а во-вторых, это я рассказываю о фильме Чарли Чаплина, который могли показывать только до войны.

Я, не обращая внимания на слова мамы, продолжал вспоминать дальше:

- Вдруг кино прекратилось, раздался свист, крики, и зажёгся свет. Все стали смеяться, потому, что мужчины сидели голые, без рубашек и маек. Было очень жарко и они разделись ... Ты сидела в белой шёлковой кофте. С одной стороны от тебя сидел папа, а с другой – дядя Хорен, оба были без маек и хохотали ...

Мама с ужасом посмотрела на меня и спросила:

- А где же сидел ты? Если ты видел это все, то где же был ты сам?

- Не знаю, - подумав немного, ответил я, - я видел вас спереди. Вы сидели на балконе в первом ряду. Может, я стоял у барьера и смотрел на вас?

Мама замотала головой и испуганно заговорила:

- Да, действительно, такой случай был, я помню его. Но это было до твоего рождения, летом 1939 года. Отец ушёл в армию в начале 1940 года, и ты его не мог видеть в кинотеатре. Я бы не понесла младенца в кинотеатр, да и была уже зима - никто не стал бы раздеваться от жары. А я точно помню, что была беременной, и твой отец повел меня в кино на Чарли Чаплина. А был ли там дядя Хорен, я не помню. Но сидели мы точно на балконе в первом ряду. Но как ты мог знать о балконе в кинотеатре «Октябрь» и о барьере на нем, если ты там не был? – И, желая проверить меня, мама спросила:

- А как выглядел дядя Хорен, ведь ты его никогда не видел? Отца ты хоть по фотографиям можешь помнить, а дядю Хорена – нет.

- Дядя Хорен был очень худым, у него были короткие седые волосы, а на груди что-то нарисовано чернилами.

Мама от испуга аж привстала.

- Да, Хорен был именно таким, а на груди у него была наколка в виде большого орла ... Нурик, ты меня пугаешь, этого быть не может. Наверное, кто-то рассказал тебе об этом случае, - пыталась спасти положение мама.

- Ты мне рассказывала об этом?

- Нет, зачем бы я тебе стала рассказывать это? Да я и не помню, был ли Хорен там. С другой стороны, ни отец, ни Хорен тебе не смогли бы этого рассказать, так как они ушли на войну. А про наколку Хорена – особенно! – и мама чуть ни плача, добавила: - Нурик, перестань об этом говорить, мне страшно! Я замолчал и больше не возвращался к этой теме. И мама тоже.

Рождения своего я не помню, а про него ведь рассказывали пикантные подробности.

Дело в том, что большевики или коммунисты, точно не знаю, кто из них, «уплотнили» нас и поселили в одной из комнат нашей квартиры семью Грицко Харченко, веселого хохла, кажется военного, и его жену – тётю Тату – акушерку. Вот эта-то тётя Тата и принимала роды у мамы в родильном отделении железнодорожной больницы.

Надо сказать, что уплотнили нас по-большевистски: в трёхкомнатной квартире перед войной жили – бабушка с матерью и мужем, мама с мужем и я, тётя Тата с мужем – восемь человек. И когда на войне погибли все мужчины, и умерла моя прабабушка, посчитали, что мы живем слишком просторно. Одинокой тётю Тате дали комнату поменьше, а нам подселили еврейскую семью – милиционера Рубена и его жену Риву с сыном Бориком.

Тётя Тата нас не забывала и часто приходила в гости. Я хорошо помню полную хохотушку, не стесняющуюся в выражениях. Мне было лет десять, когда она рассказала историю моего рождения.

- Мама твоя не хотела ребенка - война на носу, все об этом знали. Ну и решила она от тебя избавиться – прыгала с лестницы, мыла окна, делала гимнастику. Чтобы был выкидыш, одним словом ...

- Тата, как тебе ни стыдно, зачем ребёнку это? – краснея, пыталась урезонить тётю Тату мама.

Но акушерка продолжала говорить, ей очень хотелось рассказать про пикантный конец истории:

- Ну и родился ты задушенный – пуповина вокруг шеи обмоталась, сам синий и не дышишь, то есть - не кричишь. А хозяйство это у тебя, - и она ткнула меня пониже живота, - окрепло и стоит, как у взрослого мужика. Это от удущья бывает, но чтобы так сильно - прямо как у мужика, я ещё не видела. Ну, похлопала я тебя по попе, дала дыхание, и ты как заорёшь! Это примета такая акушерская – у кого при рождении эрекция, тот таким кобелём вырастет ...

Тут уж мама вскочила с места и закричала:

- Тата, прекрати сейчас же, что ты говоришь при ребёнке, он этих глупостей пока не понимает!

- Понимает, понимает, - успокоила тётя Тата маму, - десять лет ему, небось, вовсю ручками балуется. – Ручками балуешься? – весело спросила она меня.

- Какими ручками? – краснея, переспросил я её, - фу, глупости какие говорите!- пробормотал я и выбежал из комнаты под оглушительный хохот тётю Таты.

Конечно, тётя Тата была грубоватой женщиной, но про приметы акушерские знала всё основательно ...

Чудеса детства

Я уже говорил, что сохранил информацию о том, что было до моего рождения, но о самом рождении и о первых двух-трёх годах жизни знаю только понаслышке. Через год и девять месяцев после моего рождения началась война. К сожалению, а может быть и к счастью, этого этапа своей жизни я не помню, так как почти всё это время болел чем-то желудочно-кишечным, так, что голова почти не держалась на шее – повисала от слабости. Отца уже забрали в армию в самом начале 1940 года, и главой дома остался муж бабушки – Фёдор Кириллович Зиновьев. Туго ему приходилось – во-первых, он был единственным кормильцем семьи, во-вторых, припоминали ему его белогвардейское прошлое, а в-третьих – чуть не приписывали ему участие в троцкистско-зиновьевском блоке. Из-за фамилии. Люди при этом забывали, что «Зиновьев» – это исконно русская фамилия, а «враг народа» Зиновьев («бой-френд» Ленина и его «сожитель» по шалашу в Разливе) был Радомысльским, а до этого – Апфельбаумом. Видимо для того, чтобы, если его

спросят: «А кем вы были до «Зиновьева»?», ответить – «Как кем – Радомысльским!», а потом уже огорошить любопытного колоритной фамилией – «Апфельбаум». Неужели можно было спутать белого офицера, дворянина Зиновьева с Апфельбаумом? Но путали по безграмотности.

Так вот, лечил меня от перманентного поноса врач – армянин Григорянц. Но лечение не помогало, и голова моя повисала на немощной шее все больше и больше. Зиновьев не стерпел экспериментов над малышом и, схватив свою белогвардейскую шашку (она до сих пор висит у меня на стене), изгнал злосчастного эскулапа. Может и зря он переборщил, так как врача этого все очень хвалили. А потом началась война, кормильца Зиновьева мобилизовали, и есть стало нечего. И хоть понос при этом прошёл сам собой, но начался голод, и бедная голова моя окончательно повисла, на сей раз с голодухи. Несмотря на то, что последнюю еду оставляли мне. Однако размоченный в воде чёрный хлеб и вареные кукурузные зёрна я не усваивал и медленно угасал.

Помню случай, происшедший на Новый, то ли 1943, то ли 1944 год. Похороны на отца и Фёдора Кирилловича Зиновьева уже пришли, и бабушка, собрав уже ненужную одежду наших мужчин, пошла на тбилисский Дезертирский базар. «Колхозный рынок Первомайского района» - никто так не хотел его называть, потому, что это был форменный базар, где дезертиры первой мировой войны продавали своё обмундирование и разные наворованные вещи. Кто знает Тбилиси с 20-х по 70-е годы прошлого века, тот помнит, что такое Дезертирский базар. Бабушка иногда брала туда меня с собой, и я не знал места более отвратительного. Голодные люди просили продавцов дать им хоть кусок на пропитание, но те гнали их, и не было этим голодным защиты. Торговля – это страшная вещь! Хороша она тогда, когда есть закон и благополучие в стране. Но нет ничего отвратительнее и страшнее торгаша, когда он становится хозяином положения.

Я хорошо помню молодого жирного торгаша на базаре, который, вонзив нож в «кирпич» сала высокомерно провозглашал: «Двести рублей!». Это было так дорого, что никто не мог купить это вожащенное сало. У меня самого слюнки текли, но сало было недоступно. Удивляюсь терпению народа, не уничтожившего этих паразитов и не отнявшего силой жизненно необходимые «дары природы».

Так вот, бабушка продала носильные вещи наших мужчин, а купить на базаре перед Новым годом было почти нечего. Только чачи было навалом – закусывать-то было нечем, и чача оставалась. Бабушка купила два литра чачи, а на все оставшиеся деньги приобрела у спекулянтов большую жестяную банку американской тушёнки. Гулять, так гулять – Новый год все-таки!

И вот вечером к нам пришли гости – мамы товарищи по студенческой группе – русская Женя, армянин Рубен и осетинка Люба. Бабушка поставила на стол чачу, а Рубен, как мужчина, принялся открывать ножом тушёнку.

- Нина Георгиевна, знаете, это, вроде, не тушёнка, - упавшим голосом произнёс Рубен, и все почувствовали запах того, что никак не могло быть тушёнкой. Это было то, чем был сам человек, который во время войны и голода распаял банку, выложил тушёнку, и нет – чтобы положить туда песок или землю. Он, пачкая руки, наложил туда дерьма и снова запаял банку. Такой урод нашёлся, и мы получили «подарочек» к Новому Году!

А я, ползая по полу и шаря под мебелью (мне было тогда три или четыре года), неожиданно нашел под шкафом крупный, никак не пролезавший в щель между полом и шкафом, «кирпич» довоенного чёрного хлеба! Как он попал под шкаф, почему его не тронули вездесущие тогда крысы – это остаётся непознанным, но целый, без единого изъяна, твёрдый как алмаз «кирпич» был с трудом извлечён из-под шкафа и трижды благословлён. Его размочили в кипятке, нарезали ломтями, подали на фарфоровом блюде и разлили по стаканам чачу. Все были счастливы!

И когда перед самым наступлением Нового года Сталин сделал по радио своё короткое обращение к народу, стаканы сошлись в тосте: «За Сталина, за Победу!» Потом были тосты за Жукова, за Рокоссовского и других военачальников. Рубен провозгласил тост даже за своего земляка – генерала Баграмяна. Всех вспомнили, только того, кто нашёл этот «кирпич» хлеба, вернувший оптимизм и накормивший страждущих, почему-то забыли. Ну да ладно, я им это простил!

Утром хозяйева и гости долго выползали из-под стола и приводили себя в порядок перед работой. Первое – то января был тогда обычным рабочим днем!

Итак, голод стоял тогда в Тбилиси нешуточный. Не блокадный Ленинград, конечно, но люди мёрли тоже. И вот, появляется на горизонте (а вернее, в нашей квартире) некий армянин и спасает меня от голодной смерти.

У нас в квартире было три комнаты – две занимали мы, а третью соседка – еврейка Рива. Ей тогда было лет двадцать. Её муж – милиционер Рубен, сперва бил её нещадно, а затем ушёл, забрав с собой сына Борика. Рива ничего не умела делать, ну ровным счётом ничего, даже обеда себе не могла приготовить. Не знала Рива ни по-грузински, ни на идиш, даже по-русски говорила с трудом. Но, забегая вперёд, скажу, что жизнь научила её и русскому, и грузинскому, и идиш – правда говорила она на дикой смеси этих трёх языков. Научилась она и обеда готовить и субботы соблюдать и даже мужа нашла себе прекрасного, который и увёз её в большой дом на Ломоносовском проспекте в Москве. Но это – через двадцать лет. А пока сдали мы одну нашу комнату армянину Араму, который приехал из села Воронцовки и устроился заведующим гаражом («завгаром») в Тбилиси. Его машины возили продукты из Воронцовки в Тбилиси: две – направо, одна – налево. Богат Арам был невероятно!

Бабушка моя (бывшая графиня!) готовила ему обеды, а денег он давал чемоданами. Я хорошо помню платяной шкаф, вся нижняя часть которого была навалом засыпана деньгами. Бабушка покупала по заказу Арама икру, груши «Дюшес», фигурный шоколад (напоминавший знакомый мне сургуч по внешнему виду: шоколада я до этого просто не видел). Но Арам был болен туберкулёзом уже в открытой форме, и аппетита у него не было.

– Отдайте груши ребёнку! – говорил он, не в силах съесть этот редчайший в голодное время деликатес. – Нурик, сургуч хочешь? – звал он меня отвесть фигурный шоколад, стоивший килограммы денежных знаков. Икру я даже перестал любить с тех пор, перекормленный ею Арамом. Но я выжил и стал крепышом.

Арам же, страшно разбогатев, купил большой дом в Тбилиси, женился на юной красавице и вскоре умер. От туберкулёза тогда не лечили.

Сейчас всё тогда произошедшее вызывает у меня удивление. Ну, хорошо, с хлебом всё ясно. Вернее, совсем не ясно, когда и как он попал в узкую щель под шкафом – что, специально поднимали шкаф и засовывали туда нетронутый кирпич хлеба? Даже если предположить, что сделали этот странный поступок спяну, то почему этот хлеб не съели за два-три военных года голодные крысы, кишмя кишевшие в нашей комнате?

Но даже если представить нахождение мною хлеба в подобных условиях чудом, то что же такого необыкновенного в том, что больной туберкулёзом армянин не имел аппетита и отдавал свою еду мне, этим невольно спасая меня от голодной смерти? А то, что имя, отчество, фамилия и национальность этого армянина полностью совпадали с таковыми у изгнанного Зиновьевым эскулапа – Арама Мартиросовича Григорянца! Выходит, хотел меня спасти один армянин Арам Мартиросович Григорянц, но ему не дали этого сделать. Но пришёл его полный тезка и сделал это, возможно и невольно, но спас меня, после чего вскоре умер сам!

Чудеса, да и только!

Постояльцы

Так как жизнь была трудной, а семья наша убавилась на три человека, мы стали брать квартирантов. Кому только мы ни сдавали после войны нашу вторую комнату! В основном – артистам, которые почему-то активно разъездились в конце войны и сразу после неё.

Жили у нас молодые муж и жена – воздушные акробаты из цирка. Голодали, но тренировались. У них не было даже одежды на зиму. Бабушка подарила им пальто и всю тёплую одежду своего погибшего мужа, которую не успела продать.

Жили скрипачка и суфлёр. Скрипачка (правда, играла она на виолончели) была, видимо, психически больной. Она была молода, красива и нежно любима суфлёром – правда, тоже женщиной лет сорока. Скрипачка постоянно плакала и пыталась покончить жизнь самоубийством;

суфлёру (или суфлёрше?) удавалось всё время спасать её. Но скрипачка всё-таки сумела перехитрить свою опекуницу и броситься с моста в Куру. От таких прыжков в бурную реку ещё никто не выживал, и суфлёрша, поплавав, съехала от нас.

Жили муж с женой, имевшие княжескую фамилию Мдивани. Это были администраторы какого-то «погорелого» театра. Жена Люба нежно ухаживала за больным мужем Георгием – у него оказался рак мозга. В больницу его не брали, так как места были заняты ранеными, и он больше месяца умирал, не переставая кричать от боли. Когда Георгий умер, то и Люба съехала от нас.

Приезжали из Баку два азербайджанца–ударника – Шамиль и Джафар, которые играли на барабанах в оркестре. Так они, прожив у нас месяц, не только не заплатили, но одним прекрасным утром сбежали, прихватив кое-что по мелочи и сложив это в наше же новое оцинкованное ведро. Бабушка долго гналась за ними с кухонным ножом, вспоминая все, какие знала, азербайджанские ругательства: «Чатлах! Готверан!» («суки, педерасты!»). Но азербайджанцы бежали резво, и догнать, а тем более зарезать их, бабушка так и не смогла.

Соседка Рива тоже сдавала свою комнату, правда и жила вместе с постояльцами. Как тогда говорили – «сдавала угол». Мне запомнилась перезрелая пышнотелая певица Ольга Гильберт, немка из селения Люксембург, близ Тбилиси, где почему-то всегда жили немцы. Ольга пила, постоянно срывая свои концерты, и приводила любовника, которого отпускали на это время из Тбилисской тюрьмы. Фамилия его было Кузнецов, и я его называл кузнечиком, благо он был очень похож на это насекомое.

Певица Ольга, буквально, затерроризировала всю квартиру. Во-первых, своим громким оперным пением, особенно в пьяном виде и дуэтом с Кузнечиком. Во-вторых, своим полным пренебрежением к нам. Обращение к нам было одно: «Шайзе!» Она, правда, утверждала, что это по-немецки «уважаемые». А Риву называла не иначе, как «Юдише швайне» - «юная красавица» в её интерпретации. Наше терпение было и так на пределе, а тут мы ещё вдруг узнали реальный смысл её обращений, что означало «дерьмо» и «еврейская свинья». Фрау Гильберт сделалась «персоной нон грата» в нашей квартире.

Взбешенная Рива стала выталкивать спившуюся «Брунгильду» из комнаты, выбрасывать вон её концертные платья и туфли. Ненавидя «фрю» всей душой, я принялся посильно помогать Риве, плюясь на обидчицу из-за угла и приговаривая: «Шайзе, шайзе!». И тогда мерзкая гримаса исказила опухшее от пьянства, порочное лицо «фри». Она глянула мне прямо в глаза и прошипела:

- Ах, гадёныш, и ты против меня? Да чтобы тебе всему, с головы до ног, оказаться в шайзе!

Наконец, Рива палкой прогнала пьяную Ольгу из комнаты и спустила её вниз по лестнице, причём жили мы на последнем третьем этаже дома с многочисленными верандами, столь характерными для Тбилиси. «Шайзе!» - кричала ей снизу разъярённая Ольга. «Юдише швайне!» - отвечала ей сверху не менее разъярённая Рива. Соседи высыпали на веранды и аплодировали победе Ривы над «фашистским» угнетателем.

Изгнание фрау Гильберт было столь радостным событием для меня, что я сразу же позабыл о проклятии «Брунгильды». А зря – если бы помнил и опасался, возможно, уберёгся бы, пожалуй, от самой позорной истории в моей жизни.

Но особенно запомнились мне постояльцы–лилипуты. Кочующий театр лилипутов давал представление в тбилисском клубе им. Л.П. Берия – весёлую азербайджанскую оперетту «Аршин-мал-алан», правда, на русском языке. Даже меня водили на это представление, и оперетта мне понравилась. Особенно понравился припев, который постоянно пел один из лилипутов – главный герой оперетты: «Ай, спасибо Сулейману, он помог жениться мне!» Мне было лет пять, но я с дотошностью, свойственной мне с детства, постоянно расспрашивал маму, кто этот Сулейман, и каким образом он помог жениться лилипуту, который жил рядом с нами без жены? Мама отсылала меня в соседнюю комнату узнать об этом самому.

Я часто бывал в гостях у лилипутов. Я почему-то считал их детьми и заигрывал с ними. Они нередко огрызались и гнали меня из комнаты. Однажды я застал процесс изготовления ими колбасок. Приготовленный тут же фарш один из лилипутов, стоя на табуретке за столом, кулачком

набивал в кишку. Меня поразило это, и я попытался сунуть свой, громадный по сравнению с лилипутским, кулак, в эту кишку. За что был с гневом изгнан лилипутами из нашей же комнаты. Потом уже я прочитал про путешествия Гулливера, и нашёл, что мои взаимоотношения с лилипутами несколько напоминали описанные Свифтом.

Женат был лишь один лилипут из всей труппы – её директор по фамилии Качуринер. Имени я не запомнил. Жена его была обычная, высокая и дородная русская женщина. Думаю, что никакого секса между ними не было, и быть не могло. Просто так им было удобно – их поселяли в одном номере гостиницы, да и мы бы не пустили, если бы директор не показал паспорт, где была записана его жена. Но казалось, что жена не воспринимала его как мужа, а скорее - как ребёнка.

Однажды, когда я, по обыкновению, был в гостях у лилипутов (дело было летом в тбилисскую жару), жена строго приказала мужу-Качуринеру: «Пойдём купаться!» Муж тонким голоском пытался что-то возражать, но жена, подхватив директора на руки, нашлепала его по попе и понесла в ванную, снимая с него штаны по дороге. Плеск воды и визг любимого директора вызвали переполох в стане артистов. Но тут жена вернулась, неся на руках довольного, чистого, завернутого в полотенце директора, шикнула на малорослых артистов и принялась одевать мужа.

Кажется, это были последние постояльцы у нас. Наступал 1947 год. «Жить стало лучше, жить стало веселее», - как говорил вождь. Я слышал эту фразу и был согласен, что жить становилось очень даже весело. Но с лилипутами всё равно было намного веселее!

Сбылось проклятье Брунгильды!

Войну я помню очень смутно. Я запомнил её как голод, постоянно плачущих маму и бабушку (обе получили похоронки на мужей), чёрный бумажный радиорепродуктор, не выключающийся ни днём, ни ночью. Иногда были воздушные тревоги – репродуктор начинал завывать, и все бежали в убежище – свой же подвал под домом, который на честном слове-то и держался. Я хватал плюшевых мишку и свинку и бежал, куда и все. Я слышал треск выстрелов, говорили, что это стреляли зенитки. Иногда, очень редко слышались далёкие взрывы – это рвались то ли немецкие бомбы, то ли падающие назад наши же зенитные снаряды.

Запомнились и стоящие на улицах зенитные установки с четырьмя рупорами – звукоуловителями и прожекторами. Говорили, что если поймут самолет в луч прожектора – хана ему, обязательно подстрелят.

Мне говорили, что я был странным ребёнком. Во-первых, постоянно мяукал по-кошачьи и лаял по-собачьи. Дружил с дворовыми кошками и собаками и разговаривал с ними. Метил, между прочим, свою территорию так же, как это делали собаки, и животные мои метки уважали. Понюхают и отходят к себе. Да и я их территорию не нарушал.

Мама и бабушка решили этому положить конец и запретили мне спускаться во двор. Двор – это огромная территория, почти как стадион, заросшая бурьяном, усыпанная всяким мусором. Посреди двора, в луже дерьма стоял деревянный туалет с выгребной ямой для тех, у кого не было туалета в квартире. Наш трёхэтажный дом с верандами и железной лестницей чёрного хода, стоял по одну сторону двора; по другую сторону – «на том дворе» - находились самостройные бараки и даже каморки из досок и жести. Там жили «страшные люди» - в основном, беженцы, бродяги, одним словом – маргиналы, но попадались и вполне интеллигентные люди. Боковые части двора с одной стороны занимала глухая стена метров на пять высотой, а с другой стороны – кирпичное пятиэтажное здание знаменитого Тбилисского лимонадного завода с постоянно и сильно коптящими трубами.

Что ж, я очень переживал мою изоляцию от животных, и вечерами, с шатающегося железного балкона, который держался только на перилах, тоскливо мяукал и лаял своим друзьям во двор, а те отвечали мне.

Были попытки отдать меня в элитный детский сад, где изучали немецкий язык. Но я тут же стал метить территорию, и нас попросили убраться, да побыстрее. Дома мне было строжайше запрещено мочиться под деревьями, на стены и т.д., так как это «очень стыдно и неприлично». Справлять свои нужды можно было только там, где тебя никто не видит, т.е. в туалете, закрыв дверь. Лаять, мяукать и выражаться, нецензурными словами (что я уже начал делать) – нельзя ни под каким видом нигде. Внушения эти сопровождалась поркой, и я торжественно обещал не делать всего вышеперечисленного.

Это моё обещание сыграло самую печальную и жуткую роль в моей жизни, так как я, из-за собственной моей педантичности, действительно придерживался всего обещанного, а оказалось, что это чревато очень печальными последствиями.

Была ещё одна причина взять с меня подобное трудновыполнимое обещание. Дело в том, что после неудачи с элитным детским садом, меня тут же отдали на летнее время на так называемую детскую площадку. Это была отгороженная территория бывшего детского парка «Арто», близ нашего дома. Контора, столовая и кавказский туалет с дырками и двумя кирпичами по обе стороны оных в помещении без перегородок и с многочисленными дырочками в наружных деревянных стенах женского отделения. Дырочки были и в стене, отделявшей мужское отделение туалета от женского. И эти дырочки почти постоянно были заняты глазами наблюдателей. Поначалу и я, чтобы не отстать от других, проковырял свою дырочку и делал вид, что внимательно смотрю туда. Было неинтересно, да и запашок стоял неподходящий для летнего отдыха, но я не хотел отставать от других.

За этим занятием ко мне как-то подошёл старший мальчик лет двенадцати (мне было около пяти лет), непонятным образом шастающий по площадке для дошкольников. Приветливо улыбаясь, он предложил мне, на смеси русского и кавказских языков, стать с ним «юзгарами». Потом я узнал, что это, кажется, по-азербайджански означает «друзьями». Я немедленно согласился, ведь предлагал старший мальчик, а он ведь плохого не предложит.

- Тогда (видимо, для подтверждения «юзгарства») надо пиписька сунуть в попка, - на своём наречии сказал кандидат в «юзгары».

Я, опять же, вследствие своей педантичности, начал пытаться повернуть назад то, что он оскорбительно назвал «пиписькой» и достать до того места, куда надо было её сунуть. Не получалось - длины не хватало. Я в ужасе хотел сообщить «юзгару» об этой неудаче, но увидел, что он хохочет, обнажив не по-детски гнилые зубы.

- Нет, не ты сам, а я помогу! – пытался втолковать мне «юзгар» азы нетрадиционного секса, но я опять не понял его.

- Но тогда ты оторвёшь мне её ...

Вокруг уже стали собираться любознательные дети, готовые дать полезные советы.

- Завтра встретимся, я тебя всему научу! – хохоча, проговорил «юзгар», - не бойся, больно не будет.

Но я был сильно обеспокоен случившимся. Неужели у меня «это» такое короткое, намного короче, чем у других детей? Весь остаток дня я пристально рассматривал «причинные» места у детей, нередко вызывая их негодование, но особой разницы в габаритах не заметил.

Тогда я (очередная ошибка!) поделился своим беспокойством уже дома с мамой. Но мама, вместо спокойного разъяснения вопроса, подняла крик и всё рассказала бабушке.

- У них на площадке завёлся педераст, я не знаю, успел он или нет ... - кричала мама бабушке, а та привычным движением пододвинула к себе знакомый кухонный нож.

- Не педераст, а юзгар! – плакал я, не понимая ровным счётом ничего.

Назавтра на площадку отвела меня не мама, а бабушка. Я вынужден был указать ей на «юзгара», а затем бабушка зашла в контору к директору площадки и долго с ним говорила.

- Ничего не бойся, тебя защитят, если понадобится, - уходя, успокоила меня бабушка. Я остался на площадке, совершенно не понимая сути происходящего. Но скоро понял.

Дело в том, что на детской площадке помимо упомянутых выше сооружений, находился аттракцион для детей, представляющий собой огромный деревянный барабан на оси, помещённый между двух лестниц с перилами. Дети забирались по лестнице наверх, держась за

перила, толкали ногами барабан, который с грохотом крутился на своей оси. Я часто крутил этот барабан и не подозревал, что и барабан может покрутить меня. Закон жизни!

Уже под конец дня, незадолго перед тем, как родители начинали приходить за детьми, мне снова встретился «юзгар». Я, было, испугался, что «предал» его, но тот приветливо улыбался гнилыми зубами, как будто ничего и не произошло.

- Золот хочишь? – спросил он меня, - там много, я сама видел, - и «юзгар» указал на барабан, который уже никто не крутил.

- Там много, я себе взяла, думаю, юзгар тоже пусть себе возьмёт! – добродушно проговорил «юзгар» и показал, как забраться сквозь деревянные спицы внутрь барабана.

Решив, что золото мне не помешает, я почти в полной темноте пролез сквозь спицы барабана внутрь него. Запах чем-то напомнил наш любимый туалет с дырками и дырочками. Но, несмотря на это, я жадно принялся шарить по полу барабана, в надежде найти золото. И таки нашёл - «юзгар» был прав, там его было много! Тут барабан завертелся - видимо «юзгар» успел взобраться наверх и начал ногами крутить его. Барабан вертелся долго, криков моих из-за его грохота никто не слышал. «Юзгар», видимо, наблюдал, когда придут за мной, и тогда уже, соскочив с лестницы, был таков.

Я, обливаясь слезами, в глубокой печали вылез из барабана, и, оставляя за собой пахучий след, направился к маме, которая уже пришла за мной. Вот и исполнилось проклятье Брунгильды, которому я легкомысленно не придавал значения. Если бы меня такого увидела незабвенная Ольга Гильберт, то она с полным основанием могла назвать меня «Шайзе»!

Моё первое проклятье

После этого случая меня взяли с детской площадки, и остаток лета я провел дома. Тут уж никак нельзя было обойтись без того, чтобы спуститься во двор, что я иногда и делал.

И вот однажды я увидел во дворе на траве – лежит этаким большой шприц. Никого вокруг не было, и я забрал этот шприц себе, как ничейный. Выйдя на железный балкон, я набирал воду шприцом из ведра и поливал ею проходящих под балконом людей. И вот этот шприц заметил у меня в руках дядя Минас, отец моего ровесника Ваника, жившего в самом начале страшного «того двора». Оказалось, что я «прибрал к рукам» его масляный шприц, который он оставил на траве, ремонтируя свой допотопный «Мерседес». Почти каждый день дядя Минас с группой ребят вытаскивал из «гаража» - убогого сарайчика из досок – его «Мерседес», наверное, дореволюционного года выпуска, и весь день владелец «престижной» иномарки валялся под машиной, починяя её. Вечером машину заталкивали обратно. Едушей самостоятельно её так никто и не видел.

Одним словом, дядя Минас потребовал возврата шприца; моя бабушка была против, мотивируя тем, что ребёнок нашёл его на траве. Высыпавшие на веранды соседи в своих мнениях разделились. Наконец, дядя Минас принял Соломоново решение:

- Пусть Нурик и Ваник подерутся: кто победит, тот и возьмёт себе шприц!

А Ваник, оказывается, был грозой двора и бил всех ребят, включая даже Гурама, хотя тот был и старше Ваника. Но я-то об этом не знал, а за шприц готов был сражаться насмерть. И к предстоящей битве отнёсся вполне серьёзно.

Я спустился со шприцом во двор, где уже собрались мальчишки и даже взрослые соседи во главе с арбитром – дядей Минасом. Ваник был уже готов к схватке и принял угрожающую стойку. Мы кинулись друг на друга, упали и начали кататься по траве. Я инстинктивно зажал шею Ваника в своей согнутой руке. Это называется «удушающий приём сбоку»; я, конечно, не знал про это, просто, как сейчас любят говорить в рекламе, «открыл для себя» этот приём. Ваник завопил от боли, но я не отпускал его.

- Запрещённый приём! – пытались принизить мой успех друзья дяди Минаса, но тот решил быть справедливым.

- Забирай шприц себе! – великодушно разрешил он мне, - Ваник сам виноват, что дал ухватить себя за шею. Но я научу его правильно бороться! - и дядя Минас запустил камнем в убегающего плачущего Ваника. Я ушёл домой победителем, гордо неся завоёванный в битве шприц.

А на следующий день Ваник позвал меня поговорить с ним во двор. Я спустился, и Ваник предложил мне сесть в отцовский «Мерседес». Для меня это было пределом мечтаний, и я забрался в салон. Ваник захлопнул дверь, запер её и сказал, что я буду сидеть в машине запертым, пока не признаю, что вчера победил не я, а Ваник. Мне некуда было деваться, да и шприц всё равно оставался у меня. Я признал своё поражение и верховенство Ваника перед дворовыми девочками – Марусей и толстушкой Астхик (по-армянски – «Звёздочка»), и был отпущен домой. Больше я во двор не спускался – узнав, что я дрался, мама запретила мне это и взяла с меня слово, что я больше руку не подниму на товарища.

Итак, путь во двор мне был заказан, на площадку тоже. Но, по крайней мере, ещё год до школы меня надо было куда-то девать. И решили с осени отправить меня в детский сад в старшую группу. Как назло, все русские группы были заняты и меня определили в грузинскую. Но я ни одного слова по-грузински не знал! «Ерунда, - решила мама, -значит научишься! Знаешь русский, будешь знать и грузинский!»

И тут я на себе узнал, что такое «детская ксенофобия», да ещё кавказская! Сперва дети стали присматриваться ко мне: ни слова ни с кем не говорит – немой, что ли? Сидит или стоит на месте, ни с кем не играет. В туалет не ходит – кабинок там, естественно, не было, а я ведь слово дал. Попробовали толкнуть меня – адекватного ответа не было, ведь драться мне было запрещено. К концу дня штаны мои на причинном месте потемнели – я не мог целый день терпеть малую нужду, а в туалет – путь заказан. Я стал избегать жидких блюд – супа, чая, молока, чтобы как-то снизить тягу в туалет. Вот так и сидел на скамейке целый день или стоял у решётчатого забора, за которым находилась территория русской группы. Слышать милые сердцу русские слова, видеть своих родных светловолосых и светлоглазых людей – единственное, что мне оставалось в этом проклятом детском саду.

Постепенно злоба детей к чужаку всё нарастала. Мне стали подбрасывать в кашу тараканов, дождевых червей. Выливали суп, а иногда и писали на мой табурет за столом. Потом уже стали откровенно бить пощёчинами, плевали в лицо, не стесняясь. Я видел глаза детей, совершающих это, и до сих пор боюсь тёмных глаз, тёмных волос и лиц. Хотя по справедливости говоря, это в общем случае, необоснованно. Славянские дети тоже бывают вредные, но какое сравнение! Они никогда не подойдут к чужому ребёнку, не сделавшему им никакого зла, чтобы плюнуть в лицо. Разбить бы в кровь такому обидчику рыло, но нельзя, табу – слово дал! Я весь день следил, когда туалет окажется без посетителей, чтобы забежать туда и помочиться. Но это случалось так редко!

Дети заметили эту мою странность и решили, что я – девочка, раз не могу зайти в туалет вместе с ними.

- Гого, Гого! («девочка, девочка») – звали они меня, подбегали, лапали за мягкие места и пытались отыскать отличительные от девочки части тела. Ещё бы - бороды и усов у меня ещё не было, женского бюста тоже, а детям так хотелось окончательно убедиться, что я – девочка. Теперь, как мне известно, и в детском саду и в школе группы общие, а тогда об этом и подумать нельзя было. И детские сады и школы были мужские и женские. По крайней мере, старшие группы детских садов были отдельные.

Я был загнан в угол окончательно. Однажды я стоял, прислонившись к решётчатому забору, смотрел на бегающих русских ребят и плакал. Вдруг ко мне с той стороны забора подошёл крупный светловолосый парень и спросил: «Ты чего плачешь, пацан, обижают, что ли?» Я кивнул и быстро, глотая слова, чтобы успеть высказаться, рассказал парню, что я не знаю грузинский, что меня из-за этого бьют, что я не могу больше здесь находиться.

- Погоди немного, - сказал парень и убежал. Через минуту он был уже на территории грузинской группы, подошёл ко мне, взял за руку и повёл по двору. Вокруг столпились мои обидчики и, как зверьки, с любопытством смотрели, что будет.

- Я – Коля, вы меня знаете. Это, - он указал на меня, - мой друг. Я набью морду любому, кто его обидит! Понятно, или сказать по-грузински?

Дети закивали как болванчики, злобно глядя на меня. Я был восхищён речью шестилетнего Коли, но понял, что завтра мне придёт конец. Урок поиска золота в деревянном барабане многому меня научил. Но там был один полоумный «юзгар», а здесь – целая группа злых, как хорьков, детей.

Когда мама вела меня домой, я срывающимся голосом попросил:

- Мама, не отправляй меня больше в этот детский сад, я не буду мешать дома, не буду спускаться во двор, не буду даже ходить по комнатам. Я буду неподвижно сидеть на стуле, чтобы не мешать, только не отправляй меня сюда больше!

Но мама назвала всё это глупостями, сказала, чтобы я поскорее подружился с ребятами и выучился говорить по-грузински. Что-то оборвалось у меня в душе, положение было безвыходным. И вдруг я почувствовал какой-то переход в другую бытность, я стал видеть всё как-то со стороны. Вот идёт женщина и ведёт за руку сутулого печального ребёнка – это меня. Солнце перестало ярко светить, всё стало серым и блеклым, как бы неживым. Я почувствовал, что наступило время какого-то решения, это время может тут же закончиться, нужно спешить. И я твёрдо сказал про себя совершенно чужими словами: «Этот вертеп должен сегодня сгореть!» Тут опять засияло солнце, я оказался на своём месте – за руку с мамой, она что-то говорила мне, но я не слушал. Я распрямылся, мне стало легко, я не думал больше о проклятом детском саде. Мне потом мама сказала, что я весь вечер вёл себя спокойно и тихо улыбался.

Утром я не умолял, как обычно, оставить меня дома; спокойно собрался, и мама повела меня за руку куда надо. Приближаясь к двухэтажному деревянному зданию детского сада, я даже не смотрел в его сторону, а улыбался про себя. Вдруг мама неожиданно остановилась и испуганно вскрикнула: «Сгорел!»

Я поднял глаза и увидел то, что уже представлял себе и лелеял в воображении. Мокрые обгоревшие брёвна, раскиданные по двору. Печь с высокой трубой, стоящая одиноким памятником пепелищу. Невысокая лестница в никуда. Отдельные люди, медленно бродившие по углям.

- Сгорел, - повторила мама, - что же теперь делать?

- Сгорел вертеп проклятый! – чужим голосом, улыбаясь, вымолвил я. Мама с ужасом посмотрела на меня и даже отпустила руку.

– Откуда ты такие слова знаешь: «вертеп»? Что это такое, где ты слышал это слово?

Мама забежала во двор и о чём-то поговорила с бродившими там людьми, видимо работниками детского сада.

- Пожар начался поздно вечером от короткого замыкания. Спавших детей успели вывести, так что никто не погиб!

Вот так сбылось моё первое проклятье, хотя я тогда и не понял этого. Но понимание этого моего «дара» я ещё хорошо осознаю а дальнейшем.

Школа и детская любовь

Мне ещё не исполнилось и семи лет, когда в 1946 году я пошёл в 13-ю мужскую среднюю школу. Школьных принадлежностей тогда в магазинах не было. Мама сшила из брезента мне портфель; из листов старых студенческих работ, чистых с одной стороны (она принесла их из ВУЗа, где работала), скрепками собрала тетради, налила в пузырёк из под лекарств чернила. А чернила приготавливались так: брали химические карандаши (таких, пожалуй, уже нет в продаже), оставшиеся ещё с довоенного времени, вынимали из них грифель и растворяли его в воде. Перо обычно брали из довоенных запасов и прикручивали к деревянной палочке ниткой или

провококой. Мама преподавала в ВУЗе черчение, и у нее были с довоенных времён так называемые чертёжные перья, вот я и писал ими.

Меня отводили в школу и приводили обратно. Самому переходить улицы не позволяли. Ещё бы – по этим улицам курсировали с частотой в полчаса раз трамваи и троллейбусы, а также иногда проезжала такая экзотика, как танк, автомобиль или фазтон. Иногда мама или бабушка запаздывали брать меня. Тогда я медленно, крадучись шёл по направлению к дому, иногда доходя до самих дворовых ворот, и как только видел спешащую ко мне маму или бабушку, стремглав бросался бежать назад к школе, не разбирая ни переходов, ни проходящих по улицам трамваев, троллейбусов и танков.

Когда меня уличили в этом, то провожать и встречать перестали. Никаких ярких впечатлений от первых классов школы у меня не осталось. Школа была старая ещё дореволюционной постройки с печным отоплением и, слава Богу, с отдельными кабинетами в туалете. Матом тогда ещё в младших классах не ругались и сильно не дрались. Поэтому товарищи ко мне относились терпимо.

Моего дедушку Александра – отца моей матери - которого я называл «дедушка Шура» (между прочим, великорусского шовиниста, графа в прошлом), просто умилял контингент нашего класса. Вообще мой дедушка был большим специалистом в национальном вопросе. Он считал, например, что все грузины – «шарманчики и карманчики». Опыт жизни, видимо, научил его этому. Про армян он говорил, что «их сюда привезли в корзинах». Когда-то давно, рассказывал он, армян свозили из горных армянских селений на строительство Тбилиси как «гастарбайтеров». Причём привозили на лошадях в больших корзинах – лошади были этими корзинами навьючены. Почему-то это считалось обидным. А что, их должны были вывозить из нищих горных селений золотыми каретами? Евреев дедушка вообще всерьёз не воспринимал. Даже самый богатый еврей был для него просто «бедный еврейчик». Видимо, это было ошибкой, и не только моего дедушки!

Дедушка Шура был женат на второй жене – директоре крупной военной организации, и жил богато. Мама со мной часто ходила к нему в гости – поесть вволю, да и поговорить, по родственному, конечно. Дедушка любил беседовать со мной.

- А ну, назови всех евреев в классе! – приказывал мне дедушка Шура. И я начинал перечислять:

- Амосович, Симхович, Лойцкер, Мовшович, Фишер, Пейсис ... - и так фамилий десять-двенадцать.

Дедушка кайфовал:

- Мовшович, Фишер, - подумать только! – Пейсис, - какая прелесть, - Пейсис, - ведь нарочно не придумаешь!

- А ну, назови всех армян в классе! – теперь приказывал он.

- Авакян, Джангарян, Погосян, Минасян, Похсранян ...

- Хватит, хватит, - стонал дедушка, - Похсранян – это шедевр! «Пох», - это по-армянски – «деньги», а «сранян» - что это? Неужели «Похсранян» - переводится как «Деньгокаков»? Ха, ха, ха, - какая прелесть! – умилялся дедушка. – Послушай, Нурик, ну а русские в классе есть?

- Есть, один только – Русанов Шурик – отличник!

- Хорошо, есть хоть один, да ещё отличник! А грузины есть? Ведь Тбилиси – Грузия всё-таки!

- Есть, двое – Гулиа и Гулиашвили!

Дедушка хохотал до слёз, – ничего себе ассортимент – Герц и Герцензон! Ха, ха, ха!

Дело в том, что по иронии судьбы, у нас в классе были именно две фамилии с одинаковыми грузинскими корнями – Гулиа (что по-грузински переводилось как просто «сердце») и Гулиашвили («сын сердца»). Дедушка, как полиглот и настоящий аристократ, кроме русского говорил ещё по-немецки и по-французски, а также знал местные языки – грузинский и армянский, он перевёл эти фамилии на немецкий лад. Получилось очень складно, ну просто как название фирмы: «Герц и Герцензон». Я - это Герц (сердце), а Герцензон (сын сердца) – Гулиашвили.

Но не во всех школах Тбилиси был такой контингент. В элитных районах (проспект Руставели, площадь Берия и т.д.) в классе могли быть одни грузинские фамилии. А наш район был армяно-еврейским, вот и фамилии соответствующие.

Но затем, к сожалению, меня перевели в 14-ую школу, где доминировал почти чисто армянский контингент, жидко разбавленный грузинским. Еврея уже не было ни одного. Вот в этой-то школе, начиная класса с пятого, и начались мои неприятности, аналогичные тем, что были в детском саду. Туалеты в этой школе были кавказские или азиатские; ученики дрались и ругались скверными словами.

Я, уже в зрелые годы, встречался, кроме русского, с другими языками: английским, немецким, грузинским, армянским и идиш. Так вот, на английском и немецком языках матерные ругательства безобидны. По-немецки даже мужской член называется безобидно: «шванц» – «хвост», «хвостик». Когда будет необходимо, я буду пользоваться таким безобидным термином. По-русски же соответствующий термин восходит к словам «хвоя», «хвоинка» - как-то уж очень убого и малогабаритно! Правда, существует легенда о том, что когда император Александр Второй в детстве прочёл на заборе выражение из трёх букв и спросил своего воспитателя поэта Василия Андреевича Жуковского что это означает, тот, нимало не смутившись, ответил:

- Ваше величество, это повелительное наклонение от слова «ховать», то есть «прятать»!

Конечно же, «неприличные» вещи нужно прятать – вот вам и другое толкование происхождения обсуждаемого термина.

На идиш ругательства выглядят как-то комично, но может, я далеко не всё знаю. Например, глупому человеку говорят: «У тебя «хвостик» на лбу лежит», или «твой лоб и мой «хвостик» - два приятеля». Забавно и не очень обидно, не правда ли?

Ругательства на грузинском языке, пожалуй, по обидности могут быть сравнимы с русскими, то есть обиднее, чем на предыдущих языках. Но я не слышал более обидных и грязных ругательств, чем на армянском языке. Тут часто присутствуют в одной фразе и онанизм, и орально-генитально-анальный секс, и даже жир с заднего места матери обругиваемого персонажа. Ужас! После армянских ругательств, как сказал бы незабвенный Фрунзик Мкртчян: «Даже кушать не хочется!»

Разумеется, я не мог поддерживать разговоры моих армянских товарищей, выдержанных в подобных тонах; в туалеты, которые мне предоставляла 14-я школа, я ходить тоже не мог; не мог и адекватно отвечать на зуботычины и пощёчины одноклассников. И постепенно начались мои, уже несколько забытые с детского сада, терзания. Меня называли бабой, гермафродитом, засранцем; плевали, писали и даже онанировали мне в портфель, пока я выходил из класса на перемену; не опасаясь возмездия, отвешивали пощёчины. Одним словом, «опускали» как могли. Когда кончались уроки, я стремглав убежал домой, так как брюки мои или были мокрыми, или готовы были стать таковыми. Азиатские туалеты, увы, мне были недоступны!

А тут, вдобавок, со мной случилось то, что обычно и случается с мальчиком в отрочестве – я стал понемногу постигать половые влечения и любовь. Началось всё с происшествия в ванной. Горячей воды у нас, разумеется, не было, да и холодная еле дотягивала до нашего третьего этажа. Но рано утром и поздно вечером она ещё поступала. Для разогревания воды служили большой медный бак, который надо было топить дровами, углём, опилками, старыми книгами – чем придётся.

И вот однажды поздно вечером, почти ночью, я нагрел бак воды и решил искупаться. Распылителя на душе не было, и вода лилась сверху тоненькой струйкой. И струйка эта ненароком попала на место, которое я, как уже упоминал, буду называть «хвостиком». Эрекция не заставила себя ждать, я стоял под этой струйкой, чувствовал, что лучше отойти в сторону, но не мог. Древнейшее из ощущений – либидо не позволяло мне этого сделать. Уж лучше бы горячая вода закончилась в баке, и душ обдал бы меня отрезвляющим холодом. Но бак был полон, и оргазм стал неминуем. Вдруг всё тело охватила сладкая истома, затем начались судорожные движения туловища, от которых я даже свалился в ванну. И последовало сильнейшее из тех сладостных ощущений, которые только доступны миру животных и людей, называемое оргазмом.

Я уже решил, что умираю, только удивлялся, почему смерть так легка и сладостна. Заметил также, что это новое ощущение сопровождалось выделением какой-то прозрачной клейкой жидкости, похожей на яичный белок. Что это, откуда жидкость, где я нахожусь – в обшарпанной, загаженной ванной, или в сказке?

Немного отдохнув, я решил повторить опыт – страсть к исследованиям оказались сильнее страха смерти. И опыт снова удался! Первое время я только и занимался тем, что повторял и повторял опыты, модифицируя их исполнение, и видимо, скоро дошёл до общепринятого метода. Но тут меня взяло сомнение – всё имеет свой конец, и видимо, запас этой жидкости тоже не безграничен в организме. Кончится жидкость, и в худшем случае – смерть, а в лучшем – прекращение этого восхитительного чувства. А без него уже жизнь казалась мне совсем ненужной!

Надо сказать, что медицинские познания у меня в те годы (в восемь-девять лет, точно не помню) были, мягко выражаясь, недостаточны. Я, например, полагал, что человек, как кувшин наполнен кровью, проколешь кожу – вот кровь и выливается. Я очень боялся переверачиваться вниз головой, чтобы кровь не вытекла, и когда это всё-таки случалось, плотно закрывал рот и зажимал нос, чтобы не дать крови ходу.

Интуитивно я решил, что «жидкость удовольствия» берётся из тех двух маленьких шарообразных ёмкостей, которые находились у основания «хвостика». Исследователь по натуре, я измерил пипеткой количество выделявшейся за один раз жидкости и проверил сколько таких доз поместиться, например, в ореховой скорлупе, близкой по размерам к упомянутым ёмкостям. Результат заставил меня побледнеть – судя по количеству проведённых «опытов», жидкость должна была давно кончиться со всеми сопутствующими печальными последствиями. Но этого не произошло, я был в недоумении, но опытов не бросал. Дойти до мысли, что в организме что-то могло вырабатываться – кровь, слюна, моча, наконец, я пока из-за возраста или «упёртости» не мог. Вот так под страхом смерти и продолжал сладостные опыты.

Примерно в это же время ко мне стала приходиться и страсть (пока возвышенная) к противоположному полу, которую условно называют любовью.

Первое её проявление я почувствовал поздней весной, а может быть ранним летом 1949 года (помню, что это был год 70-летия Сталина), когда мне было 9 лет. Мама повела меня в цирк, если мне не изменяет память, на одно из первых представлений Юрия Никулина, которое проходило именно в Тбилиси. Цирк в Тбилиси расположен в очень живописном месте – на горке над Курой, очень напоминающей Владимирскую горку в Киеве над Днепром. А на склоне до самой Куры простирался Парк физкультурника, весь в извилистых дорожках и цветущих кустах. Этот парк пользовался дурной славой «парка влюблённых» и вечерами он прямо кишел парочками.

Но представление в цирке было утреннее, мы с мамой познакомились со своими соседями по местам – молодыми супругами с дочкой Сашей – моей ровесницей, и после представления вместе пошли гулять в парк. А в парке во всю цвели кусты, как мне помнится, диких роз с одуряюще-сильным притягательным запахом. Я как сейчас помню родителей Саши: отца – военного в форме с погонами, и его жену – в белой кофте и чёрной юбке. Оба супруга были улыбчивыми, стройными, голубоглазыми блондинами; их дочка Саша имела две косички белокурых волос, повязанных белыми же бантами и одета она была в белое платьице и белые же туфельки. Вся группа представляла, по современным меркам, прекрасную модель для рекламы бленд-а-меда, дирижабля или здорового отдыха на курорте в Анталии. Родители наши сели на садовую скамейку, а мы с Сашей принялись бегать по тропинкам и срывать пахучие цветы. Набрав букеты, мы прибежали к родителям и оставляли цветы мамам, каждый своей.

На каком-то из «забегов» я оказался с Сашей под цветущим кустом, с которого мы уже успели кое-что оборвать. Я увидел вблизи лицо Саши, показавшееся мне совершенством, которого я раньше и представить себе не мог. Светлые, длинные, загнутые вверх ресницы вокруг голубых глаз-озёр, персиковая детская кожа на пухлых щёчках, чуть вздёрнутый носик и пухлые розовые полуоткрытые губки. В этом лице было что-то от красивой куклы – Мальвины, но в отличие от «мёртвой» куклы, Саша необыкновенно притягивала меня к себе своей жизненной реальностью, со мной происходило что-то фантастическое. Я как во сне протянул ей мой букет, и она взяла его, не переставая пристально смотреть мне в глаза.

- Саша, я люблю тебя! – совершенно неожиданно, автоматически вырвалось у меня.

- Я тебя тоже! – видимо, так же автоматически отвечала Саша, не открывая взгляд от меня. Я заметил, как она часто и отрывисто задышала, и запах её дыхания, отдающий почему-то молоком, вместе с запахом цветов окончательно вскружил мне голову.

- Саша, я хочу жениться на тебе, давай никогда-никогда не расставаться! – молот я на ухо девочке эту чепуху.

- Давай! – тихо ответила Саша, отвела глаза, и как-то съёжилась, повернувшись ко мне боком. Я нагнулся и быстро поцеловал её в пухлую персиковую щёчку, после чего она сорвалась с места и побежала. Я, разумеется, за ней. Она носилась по извилистым тропинкам, пряталась от меня за деревья, глядя оттуда, как зверёк, то справа, то слева, повизгивала, но поймать себя не давала.

Так мы и выбежали на поляну к скамейке, где сидели старшие. Тут они поднялись, заметили нам, что мы уж очень разбегались, и стали собираться домой. Мы спустились с цирковой горки по длинной и широкой лестнице и стали прощаться. Мама попрощалась с Сашинными родителями, как тогда было принято, за руку, и мы с Сашей повторили это. Мы разошлись в разные стороны.

Всю дорогу домой я забежал вперёд, карабкался на платаны, которые росли по пути, а, переходя через мост Челюскинцев над Курой, вдруг неожиданно забрался на перила и сел на них. Испуганная мама бегом бросилась ко мне и сняла с опасного места.

- Что-то ты перевозбудился сегодня! – подозрительным голосом заметила она мне, - Саша, что ли, подействовала?

Я только потупил голову в ответ. А трагедия, первая моя детская трагедия подобного рода, наступила уже дома, когда я неожиданно спросил маму:

- Мама, а когда мы пойдём в гости к Саше?

- Никогда! – удивлённо ответила мама, - а зачем нам ходить в гости к незнакомым людям? Да я и не знаю, где они живут!

Только после этих слов я представил себе весь ужас положения – я никогда больше не увижу Сашу!

- Как, - закричал я, - почему ты не спросила, где они живут, я ведь должен жениться на Саше, я её люблю, я обещал!

Громкий хохот мамы отрезвил меня.

- Жениться, говоришь? А женилка у тебя для этого отросла?

- Цаца, не надо так с ребёнком, видишь он плачет – укоризненно заметила ей бабушка. «Цаца» - это было домашнее прозвище мамы, так называли её друзья и родственники. На работе же сотрудники её звали «Марго».

Я не только плакал, я ревел по-звериному, разбегался и бился головой о стену. Мысль о том, что я больше никогда-никогда в жизни не увижу Сашу, убивала меня, жизнь теперь казалась мне одной непрерывной мукой. Я продолжал биться головой о стену, хотя бабушка и пыталась подкладывать между стеной и головой подушку.

Дело закончилось тем, что в комнату заглянула Рива, обеспокоенная ударами в её стенку. Увидев происходящее, она раскрыла рот от удивления, а потом громко и презрительно произнесла:

- Что ни день, то «новости дня»!

Через несколько дней тоска по Саше прошла. Конечно, я думал о ней, засыпая вечером в постели, грёзы о ней были одна сладостнее другой. Даже сейчас я иногда вспоминаю её, и жалость, жалость о возможно утерянном счастье терзает меня ...

Лагерная коллизия

Классе в третьем или четвертом меня оптом приняли в пионеры, а когда мне было лет одиннадцать или двенадцать, меня в первый, и к счастью последний раз, отправили на лето в лагерь. Нет, не в лагерь для малолетних преступников, а в пионерлагерь, что оказалось даже похуже. А до этого я летние месяцы проводил в Сухуми у родственников.

Рано утром нас – детей сотрудников и преподавателей Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта, где моя мама тогда работала лаборантом, погрузили в кузова двух грузовых автомобилей и отвезли километров за десять от города в местечко Цхнети. Там и располагался пионерлагерь этого института. Одновременно с нами туда прибыли, правда на легковом автомобиле, какие-то институтские начальники – «товарищи» Джорбенадзе и Габуния. Первый выглядел как настоящий Гаргантюа – толстый, краснолицый, высокий, с неправдоподобно выпирающим животом. Второй же – маленький, как гномик, дистрофичный худой человек с землистым лицом.

Пионеры и их «вожатые» срочно построились на плацу в «линейку», а проще – прямоугольник вокруг плаца. Нас разбили на звенья, звенья подобрали в отряды, а всё это сборище получило название дружины. Вороньим карканьем горна, в который дул краснолицый толстый мальчик по фамилии Кишмарая, пионерский сбор или совет, не помню уже как правильно, открылся. Старший вожатый – товарищ Гиви – мужик с пропитым лицом, весь заросший черной курчавой шевелюрой, как и все мы – в красном галстуке, трижды с грузинским акцентом прохрипел нам: «В борба за дэло Лэнына-Сталына буд гатов!». На что мы, почти по-гитлеровски задрав правые руки, нестройными голосами трижды же проорали: «Всегда готов!». Потом товарищ Гиви, по обе стороны которого встали просто вожатые, тоже в красных галстуках: грузинка - товарищ Лейла и армянка - товарищ Астхо, обратился к начальству с рапортом.

Мне показалось странным, что товарищ Гиви называл начальников не по должности, даже не «товарищами», а «батонэбо», что означает «господа» - Джорбенадзе и Габуния. Нелепо звучало слово «товарищ» по отношению к женщинам-вожатым – толстой Астхо и прыщавой Лейле. Ну, «подруга» там, или «товарка» Астхо или Лейла, а товарищем, вроде бы, должен быть мужчина. Но и к самому Гиви это «товарищ» тоже совсем не шло, как, собственно, и мятый, замусоленный красный галстук.

Затем снова закаркал горн и нас повели в наши «апартаменты». Мой отряд, численностью человек в тридцать, поместили в комнате, где железные кровати стояли настолько близко друг к другу, что мы едва протискивались между ними. Кровати были застелены серыми простынями, и тёмно-серыми байковыми одеялами. Каждый запомнил номер своей кровати. Кое-какие вещи в котомках, которые нам дали из дома с собой, мы положили под подушки – тоже серые и плоские как блины. Мне, например, дали несколько носовых платков, смену трусиков и маек, ещё что-то по мелочи, а также пару шоколадок и яблоки.

Обед состоялся на открытом воздухе, где над столами из строганных досок и такими же скамейками, был натянут тент из брезента – в хорошую погоду от солнца, а в плохую – от дождя. По вкусу и составу обед был очень похож на тот, чем кормили нас в детском саду, только пока без червей и тараканов. Кормили наши два отряда по очереди – сперва наш, второй отряд – малолеток, а потом – первый, из ребят лет по четырнадцать – пятнадцать. Наш лагерь считался маленьким – всего в два отряда, или человек в шестьдесят. Вожатой нашей оказалась толстая Астхо, армянка лет двадцати, весьма крепкая на язык, страшная детоненавистница. Кстати, Астхо – это очень даже пионерское имя, в переводе с армянского, как я уже об этом упоминал, это – Звезда, Звёздочка. Этакая толстененькая пионерская Звёздочка.

Непосредственно рядом с нами располагался пионерлагерь для девочек, но от нашего он был отгорожен забором. Мы, или, по крайней мере, я, видел их только издали.

Когда я пришёл с обеда в палату, то увидел, что большинство наших котомок было выпотрошено, а вещи разбросаны по кроватям. У всех что-то пропало, у меня, например, шоколадки и яблоки. Это старший отряд поразбойничал, пока мы обедали. Но жаловаться мы никому не стали – бывалые ребята сказали, что это бесполезно.

Моя кровать оказалась крайней к стенке, а рядом была койка моего ровесника Гагика Мерзояна – сына институтской уборщицы. Мальчишка, надо сказать, был наглый и воровитый. Меня он невзлюбил сразу же, когда я не смог ему ответить по-армянски. Когда же «детишки» узнали, что и по-грузински я не говорю, то я для всех стал чужаком, почти как в детском саду. Прозвищем моим стало «русает» - это обидная кличка для русских на Кавказе. Конечно, были в нашем отряде и русские ребята, даже поляк был, но они считали себя грузинами, и по-русски

старались не разговаривать.

До завтрака у нас была нудная линейка с непременным «всегда готов!» и каркающим горном. Я не оговорился, не упомянув утреннего туалета: вода хоть и была в колонке во дворе, но никто не умывался и не чистил зубы. Даже наша вожатая - товарищ Астхо, не говоря уже о товарище Гиви, который от пьянки и не просыхал. Где только он только брал спиртное – для нас оставалось загадкой. Но поговаривали, что Гиви покупал чачу у местных жителей – она была крепкая и стоила копейки. Поговаривали также, что толстушка – товарищ Астхо, которая жила в одной комнате с товарищем же Лейлой, по ночам втихаря перебиралась к товарищу Гиви, который жил в своей комнате один. Светила, наверное, ему во тьме, она же – Звездочка!

По-видимому, чтобы обойтись без свидетелей, нас – пионеров в 11 часов вечера запирали в палате. А чтобы предупредить потоп, у дверей ставили пустое ведро, которое к утру практически наполнялось. Простите, и не одной жидкостью. Утром его выливал в туалет дежурный, назначаемый из нас же. Туалет был «азиатский» с выгребной ямой, но, к моему счастью, предусматривались и отдельные кабинки, для вожатых, наверное.

До обеда товарищ Астхо вслух читала нам книжку «Рассказы о Ленине», но так неразборчиво и с таким акцентом, что никто ничего не понимал. Да никто и не хотел ничего понимать – процедура чтения была обязательной, ну а вопросов по содержанию товарищ Астхо нам не задавала. Мы стреляли друг в друга из трубочек жеваной бумагой, отвечивали друг другу подзатыльники, не стеснясь, грязно матюгались. Товарищ Астхо иногда отрывалась от рассказов о Ленине, с ненавистью смотрела на нас и сквозь зубы цедила в нашу сторону обидные слова по-армянски. Замечу, что я был пассивным участником всего этого представления – я не стрелял из трубочки, не отвечивал подзатыльников, не матюгался. Я не понимал бормотания «товарищ» Астхо ни про Ленина, ни про армянские ругательства. Надо ли говорить, что «русапету» во время этих ленинских чтений доставалось больше всего.

После обеда наступал тихий или мёртвый час, который я люто ненавидел. Чего только ни вытворяло друг с другом в этот час пионерское отребье! Борьба и драки на койках, метание подушек, сбрасывание друг друга с кроватей, имитация половых актов, вернее, изнасилований. Несколько ребят держали на койке одного за руки и ноги, а наиболее бойкий, чаще всего мой сосед Гагик Мерзоян, наваливался на него сверху и воспроизводил сексуальные движения. По крайней мере, какими они ему тогда казались. Вся палата при этом мерзко хохотала. Не стоит, наверное, и упоминать, кто из ребят бывал чаще всех избит, сброшен с кровати и «изнасилован».

После мёртвого, или правильнее – убийственного часа, нас вели на полдник, включавший в себя обычно прогорклую ватрушку и пахнущий рыбой компот, частыми гостями в котором были черви (по-видимому, из фруктов), и тараканы. Крупные чёрные тараканы, прочные как жуки, и давящиеся со смачным хрустом, встречались на Кавказа не только в компоте. Часто фруктовое варенье, если оно некоторое время стояло открытым, превращалось в цукаты из засахаренных тараканов. Сколько раз я, поедая дома ночью тайком варенье, утром обнаруживал в банке остатки вышеупомянутых цукатов.

Так вот, обнаруживая в своём компоте тараканов, мои «сожителю» по палате, как правило, подбрасывали их «русапету», считая, что так его компот станет питательнее, жирнее, что ли.

Перед ужином мы играли в военно-патриотические игры типа «зорянки», или в «пионербол», так и не вошедший в программу Олимпийских игр. А если шёл дождь, то собирались под навесом в столовой, и пели, вернее, хором кричали пионерские песни, щедро разбавляя их матерными словами. Запомнил только одну строфу, которую почему-то так и не разбавили: «Мы пионеры – дети рабочих!». Большие шутники, затайки и безобразники эти кавказские дети!

И, наконец, проходил ужин, и наступала ночь. Проклятая южная ночь в пионерлагере. Прелюдией ко сну были все те же безобидные шуточки, что и на «мёртвом» часе, ну, а ночь! Я никогда не думал, что такой большой процент детей во сне скрежещет зубами, разговаривает, скулит и воет, храпит, и даже...громко «стреляет». Последнее, впрочем, объяснялось большим количеством бобовых в кавказской пище, вездесущим «лобио». А всего остального я ничем так и не смог объяснить. Это была не палата, а лежбище упырей, что ли, или вурдалаков. Такое я впоследствии видел в фильмах ужасов, типа «Байки из склепа», или тому подобных.

Время от времени кто-то из «упырей», только им свойственным движением, вставал с постели и походкой призрака направлялся к ведру у двери. Следовал характерный звук, от которого страдающие энурезом тут же описывались во сне. И это благо – потому, что небольшого, помятого ведёрка, литров на семь, всё равно бы не хватило на всех желающих, да ещё по обеим типам нужд. Я специально не пил на ночь, чтобы не подвергать себя этой унижительной процедуре, но иногда, особенно под утро, не мог стерпеть. Тогда я, осторожно оглядываясь вокруг, без единого шороха вставал и беззвучно, на цыпочках шёл к ужасному ведру. Там я опускался перед ним почти на колени, чтобы струйка почти неслышно стекала по стеночке в ведро.

Так было и в ту ночь, вернее утро, когда я не смог дотерпеть до отпираания дверей (что происходило около семи утра), и как обычно, тайком «сходил» в ведро. Я уже заканчивал свое действие, когда сдавленный хохот заставил меня обернуться. Оказывается, мерзкие детишки наблюдали за мной, и когда я медленно, на цыпочках шёл к ведру, эта тварь Мерзоян, тихо поднялся со своего ложа и с обезьяньими ужимками мочился на мою постель. А почти вся палата, проснувшись, одобрительным хохотом приветствовала это.

Заметив, что я увидел его, Мерзоян быстро лёг на свою койку, и закрыл глаза, притворившись спящим. Я остолбенел. Отвращение и ненависть охватили меня. Этот отвратительный «йэху» (я уже прочёл к тому времени про путешествие Гулливера в страну добрых и мудрых лошадей – гуигнгнмов, где обитали также отвратительные, полные всяческих пороков обезьянолюди - йэху), этот, в моих глазах, недочеловек, при всех помочился на мою постель!

Я осторожно поднял ведро за ручку и твёрдо пошёл к своей кровати. Обитатели палаты замерли. Зайдя в проход между моей и мерзояновой кроватями, я поднял ведро и с удовольствием вылил тёплое, как бульон, содержимое в лицо Мерзояну. Особенно порадовали меня импровизированные «фрикадельки» в этом «бульоне», с нежным хлюпаньем ударявшиеся о лицо и тело «йэху». Мерзоян начал вопить, еще обливаемый «бульоном», и часть его попала крикуну в рот. Следом завопили другие обитатели палаты, повскакав со своих мест. Я медленно, с пустым ведром в руках, спиной попятился к двери. Мерзоян продолжал истошно вопить, судорожно вытирая лицо руками. Остальные не рискнули подойти ко мне – боялись, что в ведре ещё кое-что осталось и для них. Да и Мерзояна большинство нашего отряда боялось и ненавидело.

Тут дверь поспешно отворилась, и в палату ввалился ещё не протрезвевший товарищ Гиви. Стоя за ним, испуганно глядела в палату наша отрядная Звёздочка – толстушка Астхо, простите, «товарищ Астхо». Я спокойно поздоровался с ними и вышел во двор с ведром в руке как дежурный. Оказавшись на свободе, я отбросил ведро, и как был в трусиках и майке, опрометью бросился бежать вон из лагеря. В отличие от концлагеря, пионерлагерь, хоть и был обнесен забором, но тока по нему не пускали, и я смог живым перелезть через него. Найдя тропинку, я, ориентируясь по Солнцу, побежал в сторону Тбилиси. Бежать было, с одной стороны, легко – тропинка шла всё время вниз, а с другой стороны, трудно – я был босиком, и не привык так ходить, а тем более, бегать.

Через часок я присел под деревом – отдохнуть немного, а затем продолжить путь. И тут мимо меня проехали два всадника на лошадях, в одном из которых я узнал товарища Гиви. Я с ужасом понял, что пропал – меня поймали. Но товарищ Гиви и другой всадник спешили, и дружелюбно улыбаясь, подошли ко мне.

- Маладэц, суши, что ти этот Мэрзоянц харашо праучил! – начал товарищ Гиви, - надаэл он мнэ, суши, нэ знаю как! Эсли сичас кажды армэнин грузыну в пастэль пысат будэт, то это тэрпэт савсэм нэлзя! – «товарищ Гиви» перемигнулся со своим коллегой всадником, видимо, тоже грузином. «Приняли меня за грузина по фамилии, - удовлетворённо заключил я, - а что меня «русаметом» дразнят, они просто не знают!»

Товарищ Гиви посадил меня перед собой на лошадь, которая, как мне показалось, тоже дружелюбно и одобрительно кивнула мне.

- Точно, - догадался я, - лошади-то – это гуингнмы, а они, ох как не любят этих мерзких «йэху»! – нашёл я подтверждение «теории» Джонатана Свифта, отчего мне стало спокойно и радостно.

Когда мы подъезжали к лагерю, я снова струхнул. Товарищ Гиви заметил это и успокоил меня:

- Я тэбэ запру у мэнэ комната, чтобы армян нэ тронул. Но мама придиотся вызывать!

Товарищ Гиви быстро провёл меня к себе в комнату под ненавидящим взглядом нашей армянской Звёздочки. Там он запер меня, а вскоре принёс мне туда завтрак – тёплые ещё две купаты и немного пива на дне бутылки. Так вкусно я ещё никогда не завтракал.

- Как хорошо, что есть ещё распри между нациями, - думал я, жуя купату и запивая её пивом из бутылки, - если их правильно учитывать, то жить ещё можно!

К вечеру приехала моя мама и, недовольно ворча, увезла меня домой. Я был счастлив, что меня забирают из этого треклятого лагеря, и не спрашивал маму, кем она недовольна – мной, Мерзояном, или лагерными порядками. Я покидаю этот ад, и больше мне ничего не надо!

В пионерлагере я после этого никогда не был, по крайней мере, в роли пионера. И ещё – я осознал, что в народе, особенно южном и восточном, даже в то далёкое, казалось бы, «интернациональное» время были очень сильны межнациональные антипатия и недоверие. Сейчас это многократно усилилось. Я не хотел бы быть пойманным армянским всадником, той же «товарищ Астхо», но в брюках. Мне так повезло, что я, при моей грузинской фамилии, был пойман грузином, причём явно националистом. И я научился использовать эти национальные особенности и противоречия, что мне очень помогло в дальнейшем.

Гадёныш Мерзоян тоже должен был бы извлечь пользу из случившегося. Надо давать себе отчёт, что знание меры в своём хамстве просто необходимо. Если вообще само хамство так уж обязательно. Думаю, что, отмывшись, Гагик Мерзоян, сделал необходимые выводы и стал поумнее. Не так ли, Гагик-джан, откликнись, «дарагой» если ты сейчас читаешь эту книжку!

Генеалогическое древо

Думаю, что пора поговорить о моём происхождении. О генеалогическом древе, так сказать. Иначе многое в дальнейшем будет непонятно. К счастью, я знал даже о своих прапрапрадеде с отцовской стороны и прапрадеде с материнской. Это - конец 18 века, мало кто помнит своих предков с таких далеких времен.

Начнем с отцовской стороны. Итак, мой прапрапрадед, или прадед деда родился в конце 18 века в селении Уарча Сухумского военного отдела (так называлась нынешняя Абхазия) и звали его Дгур Гулиа. Чем он занимался, его прапраправнук, то есть я, не знал; а чем может заниматься джигит в Абхазии 18 века? Гарцевал, небось, на коне, размахивал шашкой, пил чачу и тому подобное. Там же родился и прапрадед нашего героя по имени Тыкуа. Простое и благозвучное имя, не правда ли? В этом же селении и появились на свет мои прадед по имени Урыс и дед по имени Гач. Но, слава Богу, они приняли крещение по православному обычаю и стали Иосифом и Дмитрием, соответственно. Бабушку – жену Дмитрия Гулиа звали Еленой Андреевной и девичья фамилия ее - Бжалава, она – грузинка. Отец – Владимир Дмитриевич Гулиа (1914-1942) был всесторонне талантливым человеком энциклопедических знаний, инженер, он погиб в Отечественную войну. Его взяли в армию еще до начала войны, когда мне было всего шесть месяцев.

Самой колоритной фигурой из предков по отцу был, вне всякого сомнения, Дмитрий Гулиа, мой дед, основатель письменности, литературы и театра, то есть всей культуры абхазского народа. Он создал алфавит (это в 18-то лет отроду – вундеркинд!) абхазского языка.

Более того, известен факт, что в Абхазии тех времен жених и невеста не могли, не имели права даже разговаривать друг с другом, только через посредников. Дмитрий Гулиа нарушил этот вековой обычай и написал стихотворные обращения жениха и невесты, которые они имели право говорить друг другу. Так вот, когда сваты представляли жениха и невесту друг другу, те вынимали листки со стихотворными посланиями Дмитрия Гулиа и складно говорили по ним.

Но, став мужем и женой, они все равно, чаще всего, меняли имена, чтобы нечистые силы не внесли раздора. Так, например, мои дядя и тетя, крещенные православные Зоя и Павел стали после женитьбы (не формально, а друг для друга, для родственников, и, видимо, нечистой силы!) Ицкой и Джамфером, но и так они не имели права непосредственно обращаться друг к другу.

- Пусть Ицка несет на стол чачу и мамалыгу! – провозглашал в пустоту, не глядя на жену, Джамфер.

- Пусть Джамфер меньше приказывает, а то получит что-то другое! – отвечала уже в другую пустоту Ицка. Сначала гостям это казалось довольно диким, но после рюмки-другой привыкали. То есть православие существовало в Абхазии достаточно формально. Но не для Дмитрия Гулиа, который, как и Сталин, и в одно с ним время, учился в Горийской семинарии.

Дмитрий Иосифович был не по-кавказски педантом. Уже при советской власти, когда он стал Народным поэтом Абхазии, депутатом, орденоносцем, и вообще очень влиятельным человеком, его часто приглашали на всякие там собрания «актива» республики, чаще всего в качестве «свадебного генерала». Назначали, допустим, собрание на 17⁰⁰. Дмитрий Гулиа приходил в половину пятого и ждал начала собрания. Видя, что народ подходит медленно, он постепенно свирепел, багровея, а точно в 17⁰⁰ вставал и уходил, если собрание не начиналось. Так он приучал абхазов к точности.

Но в отношении своего здоровья он таким педантом не был. У него был сильнейший диабет, ему были запрещены многие продукты. Но он улавливал момент, когда строгая жена Елена отворачивалась, хватал со стола, то, чего ему не положено, и пускался убежать, на ходу сжевывая запрещенный продукт. Постепенно его стали кормить за отдельным столом.

Когда наступила советская власть, его несколько раз пытались арестовать и даже расстрелять. Это потому, что он был похож на белогвардейского генерала Кауфмана, и потому, что нагрубил (сказал правду) местному партийному вождю Нестору Лакобе. Но Господь спасал его каждый раз. Умер Дмитрий в глубокой старости в 1960 году.

Я, повидимому, унаследовал от деда ту же педантичность. На вокзал я обычно прихожу более, чем за час до отхода поезда. Правда не ухожу домой, если поезд вовремя не приходит.

Теперь о материнской стороне генеалогического древа Гулиа.

Мама моя - русская, девичья фамилия ее – Егорова, Маргарита Александровна. В этой части древа нет такой яркой личности, как Дмитрий Гулиа, но каждый предок по-своему оригинален.

Самый «древний» предок с материнской стороны, о котором хоть что-то известно, это Кузьма Егоров, мой прапрадед, родился в начале 19 века. Это был полковник, граф, посланный служить в Тифлисскую губернию в район Аджарии. Полк был расквартирован в городе Батуме, где часты были набеги турок. Запомнили о нем только то, что он постоянно выпивал, очень скучал по родине, и, выпивая, сетовал: «Эх, Расея, Расея!». Так он называл Россию.

О сыне его, тоже полковнике – Тарасе Кузьмиче Егорове известно больше. Он был достаточно богат, имел большое влияние в Батуме, но, кроме того, сильно выпивал, как и его отец, а еще и погуливал по батумским портовым борделям. Влюбился в девушку из борделя, грузинку по национальности - Марию и женился на ней. Родственники и друзья были в шоке – граф женился на девушке из борделя. Но своевольный Тарас объявил, что в доме у себя он примет только тех, кто выпьет вина из тувельки Марии и признает ее законной графиней. И постепенно потянулись друзья и родственники испить из тувельки Марии. Я помнил дожившую почти до ста лет свою прабабушку Марию Константиновну, гордую и степенную женщину, по которой никак нельзя было подумать, что она юность провела в борделе.

А сам Тарас погиб еще молодым. Вышел в море на своей яхте вместе с одиннадцатью друзьями, выпили, как водится, перевернули яхту (а может, буря случилась) и утонули. Но Тарас и Мария успели родить сына Александра, которого я хорошо помнил.

Александр переехал жить в Кутаис, где женился на моей бабушке – Нине Георгиевне Гигаури, мещанке, дочери мебельного фабриканта. Гигаури – фамилия грузинских горцев – мохеев, которые славились необузданностью характера и свирепостью. Стараясь выбиться в «поставщики его императорского высочества» князя Ольденбурга, Георгий Гигаури подготовил огромную партию шикарной мебели для дворца Ольденбургов в Гаграх. Но придирчивый немец

забраковал мебель, и наш фабрикант разорился. Как часто при этом случалось, сошел с ума и покончил собой в больнице.

Бабушка Нина была признанной красавицей, но, как и ее отец, была бурного и необузданного нрава. Александр тоже был собой хорош, с военной выправкой - молодой граф, пошедший по банковской карьере. Но был слабоволен, и как все его предки, склонен к выпивке и загулам.

Молодые переехали жить в губернский город Тифлис, купили большую квартиру и родили дочь Маргариту в 1913 году – мою маму. Но жизнь не устроилась, как это сразу можно было предположить, и супруги развелись. Бабушка осталась в Тбилиси, где вплоть до 1921 года (когда советская власть добралась и до Грузии), продолжала вести светский образ жизни, а дед уехал жить в Ялту, где получил высокую должность в Крымском банке.

Но советская власть все изменила. Александру так и не удалось эмигрировать из Крыма, его то расстреливали, то миловали, пока он не перебрался снова в Тифлис, где устроился в банке счетоводом (это низшая ступень бухгалтера).

Бабушка же вспоминала начало советской власти так: «Утром загрохотали в дверь ногами, и вошли вооруженные люди. «Мы – большевики, - заявили они, - выносите все золото, драгоценности, а то приставим к стенке!». В семье были только женщины: прабабушка - вдова мебельного фабриканта Анна Александровна (между прочим, еврейка по-национальности!), бабушка и семилетняя Маргарита. Они грохнулись на колени и просили только не убивать их. Большевики забрали все, что было ценного, но заметили, что кольцо с бриллиантом осталось на руке красавицы Нины.

– Не снимается, - оправдывалась бабушка.

– А ну, Петро,ними вместе с пальцем, - скомандовал главный большевик, и, как вспоминала бабушка, кольцо мгновенно и бескровно снялось.

Уходя, главный большевик сказал: «Вы еще нас добром поминать будете, вот придут коммунисты, все до последнего заберут!» И бабушка, озираясь по сторонам, подтвердила:

- А ведь правду говорил, собака, все так и получилось!

Но, вопреки всему, выжили. Бабушка открыла шляпную мастерскую и вышла замуж за бывшего белого офицера Зиновьева, «настоящего благородного дворянина», по ее словам. Он, как и мой отец, погиб на войне в 1942 году.

Дедушка же Александр был настолько красив и обаятелен, что влюбил в себя директора крупной военной организации Тамару и женился на ней. Она его и от войны уберегла. Но характер свой он не утратил и, прожив в роскоши и загулах более 20 лет, оказался лишним. Тамара бросила его и вышла замуж за своего главбуха – тихого, скромного человека. Но Александр не сдавался; он, как граф, вызвал главбуха на дуэль и выстрелил в него из своего «пугача». Скромный главбух, имея больное сердце, умер от испуга на месте. Благородный граф лишился работы, квартиры и чудом не загремел в тюрьму.

Вот тут-то бабушка, которую Александр боялся до смерти, проявила благородство и женила своего бывшего мужа на подруге – польке. Подруга обиходила стареющего графа, который так и не начал работать. Они жили в маленькой комнатке на нищенскую пенсию, а Александр без водки «просто умирал». И вот красивая полька «тетя Нелли», как я ее называл, ходила на рынок со стаканом и выпрашивала у торговцев чачей «по капле». Потом приносила этот стакан мужу, который растягивал его чуть ли не на неделю. Днями он сидел у окна, поставив стакан на подоконник, и смотрел на улицу. В 1963 году он умер. А вскоре заболела и бабушка, пережив деда на 4 года. Более года тетя Нелли ухаживала за ней, живя у нас дома. А потом она ушла жить в свою комнатушку.

Удивительная судьба была у тети Нелли! Дочь богатых родителей, живших в Варшаве на Маршалковской, она летом 1914 года одна поехала к подруге в Луганск. А тут началась война и девочка так и осталась в России. Жизнь бросала ее от Казахстана до Тифлиса, где она и осела. Хорошо разговаривать по-русски она так и не научилась.

Остается сказать о моей маме. Она после гибели мужа в 1942 году замуж так и не вышла. Почему-то уехала из Тбилиси жить в Сухум, поближе к родственникам мужа. А там случилась

война Абхазии с Грузией, квартиру ее сожгли, и ей чудом удалось вылететь в Москву ко мне. Маме было уже за восемьдесят, она плохо ходила, видела и слышала. Ухаживала за ней моя последняя (третья) жена Тамара, остальных же людей мама перестала узнавать. Даже мне она говорила, что не узнает меня, и у нее, дескать, никогда не было детей. Наконец, улыбалась и «узнавала»:

- Узнаю вас, вы муж Тамары! – говорила она мне.

В 2001 году мама тихо умерла в возрасте 88 лет.

Вот и все про моих предков. Остается добавить, что национальность свою я считаю по матери; так правильнее, ведь так считают умные евреи. При этом то, что бабушка, или мать матери – грузинка, а, может и еврейка, если считать по матери, в расчет не идёт. Я русский – и по духу и по крови – и баста! Ведь русские же – Пушкин, Лермонтов, Фонвизин, а почему и мне нельзя?

Я уже рассказывал про моего деда с отцовской стороны – Дмитрия Иосифовича Гулиа и мою бабушку Елену Андреевну. Они жили в Абхазии в городе Сухуме. Дом деда был в самом центре города на улице Берия, возле дома Правительства. В этом доме жила ещё моя тётя – сестра отца – Татьяна Дмитриевна (Татуся) и её сын Дима (чуть младше меня возрастом). В детстве в этом же доме жили мой отец Владимир Дмитриевич и дядя Георгий Дмитриевич, пока не уехали учиться в Тбилиси в Закавказский институт путей сообщения. Туда же поступила учиться моя мама. В этом институте познакомились мои отец и мать, которые, будучи ещё студентами, поженились. Жить стали в нашей квартире, о которой я уже рассказывал.

Дядя, окончив вуз, вернулся в Абхазию, очень быстро стал Наркомом (министром) культуры Абхазии. Наркомов на войну не брали, и чаша сия его миновала. Могла бы миновать она и отца. Его, ещё молодого и талантливого инженера, приглашали возглавить строительство стратегического моста через реку Или в Средней Азии. Он загорелся этой перспективной работой, но мама отказалась ехать в «глушь», и отец с сожалением остался. Между прочим, эта работа давала и бронь от армии – объект был стратегическим, но маму не убедило и это. А вскоре, в начале 1940 года отца взяли в армию и направили во Львов, который только что «освободили» и присоединили к СССР наши войска. Так что к началу войны отцу сразу же оказался на передовой...

Летний отдых в Сухуме

После войны мы с мамой почти каждое лето ездили отдыхать в Сухум, купаться на море и есть фрукты. Но отдых в Сухуме имел и «культурную» программу. Дом деда летом обязательно посещал какой-нибудь известный деятель культуры. Так мне удалось увидеть писателей А.А. Фадеева, Н.С. Тихонова, К.М. Симонова и других, фамилии которых я уже не помню, не считая всех абхазских и многих грузинских писателей и деятелей культуры. Но наибольшее впечатление произвело на меня знакомство со знаменитым, «первым» в то время поэтом – К.М. Симоновым, о котором я хочу рассказать.

Летом 1948 года мне довелось встречаться с Константином Михайловичем Симоновым. Я, в то время восьмилетний мальчик, отдыхал в Сухуме в доме моего деда – народного поэта Абхазии – Дмитрия Иосифовича Гулиа. Там же в то время жил и мой дядя – брат отца – Георгий Гулиа, известный писатель и друг Константина Михайловича. Вот потому-то Симонов так часто и навещался в наш дом, где его очень радушно встречали. Ещё бы – такой знаменитый на весь мир гость! Помню, моя бабушка Елена Андреевна – жена Д.И. Гулиа – даже брала «в долг» у соседней индюка, чтобы приготовить сациви для Константина Михайловича. Жили тогда бедно!

Я приезжал из Тбилиси, где учился, в Сухум обычно в конце мая, когда кончались занятия в школе. И вот, приехав с мамой в 1948 году в дом деда, я обнаружил в сарае (это был первый этаж двухэтажного дома) какие-то деревянные столбы, а под лестницей – мотки проволоки. Я уже, было, приспособился «оприходовать» часть проволоки, но моя бабушка предупредила меня, чтобы я не трогал проволоку - это для телефона самому Симонову Константину Михайловичу. Я был поражён – самому Симонову, великому Симонову, стихотворения которого мы учили в школе!

Особенно мне нравилось его стихотворение «Митинг в Канаде», где говорилось о том, как враждебно была настроена аудитория при встрече Симонова в Канаде, и как он покорила её своими первыми словами: «Россия, Сталин, Сталинград!»

Я, «как и весь советский народ», в то время горячо любил Сталина. Я и сейчас его люблю, в первую очередь за то, что он был величайшим государём «всех времён и народов», создавшим империю таких размеров и такой мощи, какая не снилась и Александру Македонскому. Настоящий «властитель полумира» - и грузин (я тогда и не подозревал, что Сталин – сын великого путешественника Н.М. Пржевальского!), что мне особенно льстило – ведь я жил и учился в Тбилиси и обе бабушки у меня – грузинки. Спешу напомнить, что мать у меня русская, причём из столбовых дворян, на что у меня есть свидетельство «с печатью»! К тому же Сталин учился с моим дедом – Д.И. Гулиа в одном городе – Гори, в семинарии, правда, дед был на пять лет старше Сталина. В школе я слышал, что поэт Симонов был любимцем Сталина, что ещё больше возвышало Константина Михайловича в моих глазах.

Симонов и мой дядя познакомились в январе в 1947 году в Сухуме, во время пребывания там Константина Михайловича. Там же дядя передал Симонову рукопись своей повести «Весна в Сакене». Повесть так понравилась знаменитому поэту, что он взял с собой моего дядю в Москву на пару месяцев и помог опубликовать повесть. В конце того же 1947 года Георгий Гулиа получил за эту повесть Сталинскую премию.

Дядя так рассказывал мне о присуждении этой премии. Повесть, каким-то неведомым образом попала к Сталину (нетрудно, наверное, догадаться, каким именно образом это случилось!). Вождь, по своему обыкновению, прочёл повесть на ночь глядя, и уже ложась спать, спросил референта: «Повесть «Весна в Сакене», какой из писателей Гулиа написал – старый или молодой?» (Сталин знал о существовании обоих писателей Гулиа, но не помнил, как кого зовут). Референт обещал к утру всё разузнать и сообщить ответ вождю. Тем временем в сухумский дом, где проживали оба Гулиа – отец и сын, явилась охрана НКВД и приказала никому не покидать помещение. Бабушка рассказывала, что они всю ночь сушили сухари и собирали тёплую одежду. Наутро референт доложил вождю, что повесть написал молодой Гулиа. И спросил, как бы невзначай: «А что, Иосиф Виссарионович?» «Ничего», - позёвывая, отвечал Сталин – «хорошая книжка!». Охрану сняли, а премию дали.

Так вот, Симонов тогда строил себе дачу на Черноморском побережье, близ Сухуми в местечке Агудзера (там, где был расположен «сверхсекретный» институт физики, о котором, между тем, было известно каждому сухумцу). С телефонизацией тогда было очень сложно, и наша семья помогала Симонову устанавливать воздушную телефонную связь с миром. Отсюда проволока и столбы. Дедушка был очень влиятельным человеком в Абхазии. Ещё бы – народный поэт, создатель абхазской письменности, литературы и театра.

Константин Михайлович знал всё это и относился к моему деду с необычайным уважением, как, впрочем, и к бабушке, которой всегда при встрече целовал руку.

В действительности Симонова звали не Константином, а Кириллом. По-видимому, он переименовал себе имя по той причине, что сильно грассируя, не мог произнести имя «Кирилл». Грассировал он настолько сильно, что мне просто трудно было понять его речь. Впрочем, эта трудность усугублялась тем, что мне, как жителю Тбилиси вообще было нелегко понять «акающих» москвичей. В то же время наши тбилисские слова «звонит», «поняла», «кофэ», и это ужасное лакейское слово «кушать», буквально шокировали интеллигентных москвичей.

Симонов в молодости и Симонов в зрелых годах – это внешне, а может быть, и внутренне совершенно разные люди. Мы хорошо знаем Симонова, как суровой внешности седого человека с короткой стрижкой, весьма сдержанного и осторожного. Я знаю даже такую деталь – в зрелые годы Константин Михайлович укрывал домашний телефон особым звуконепроницаемым ящиком, тихо и устало, приговаривая при этом: «Пусть отдохнёт!» Догадываюсь, почему он совсем не выключал телефон из сети; по-видимому, понимают это и люди старшего поколения, которым знакомы аббревиатуры: НКВД, МГБ, КГБ ...

Так вот, Симонов конца сороковых годов – это необычайно подвижный красавец-весельчак, шумный и громко хохочущий, отнюдь не худенький, с длинными чёрными вьющимися волосами и

пышными чёрными усами. По Сухуму он ходил в шортах, шокируя население, даже на пляже не снимавшее черкеску с буркой или чёрный костюм со шляпой. Костюм Симонова дополнял цветной платок, повязанный вокруг шеи, и потрясающая бамбуковая трость толщиной, если не с ногу, то с мускулистую руку. Сталинская трубка во рту завершала портрет Симонова.

Как-то он пришёл к дяде в гости вместе с женой – тётей Валей, как я её называл. Помню, как разволновалась моя мама, увидев «тётю Валю». «Смотри и запоминай!» – быстро шептала она мне, «это - знаменитая актриса, это – сама Серова!» Но я тогда не понимал, насколько знаменита Серова, меня больше интересовал жизнеобильный весельчак Симонов – любимец Сталина.

Подарок, который он принёс однажды дяде, удивлял своей оригинальностью. Это была картина, писанная маслом самолично Константином Михайловичем, в хорошей рамке. Изображён был какой-то пейзаж с небом, рекой и, то ли с лугом, то ли с лесом. Конечно же, рисунок был любительский. Но изюминка заключалась в надписях на картине. Через весь рисунок белыми большими буквами было неряшливо написано «Прерода». Да, да, именно «прерода»! На реке надпись «Вада», на небе «Аблака». Симонов, мой дядя, тётя Валя и моя мама, до упаду хохотали над картиной, а потом торжественно забили в стену гвоздь и повесили пейзаж на самом видном месте. Насколько я помню, дядя во всех своих последующих квартирах уже в Москве, на самом почётном месте вешал именно эту картину. Ещё бы – она собственноручно написана великим Симоновым. Безусловно, великим, а особенно - в то время. Я сам видел, как моя мама читала его «Жди меня ...» и обливалась слезами. Конечно, кроме таланта поэта, здесь причиной было и то, что сколько ни ждала мама отца с фронта, он так и не вернулся ...

А однажды мы – дядя Жора (так называл я Георгия Дмитриевича), Симонов, моя мама и я – побывали в ресторане «Лебедь», что находился посреди пруда в Новом Афоне, близ Сухума. Живописнейший ресторан: идёшь к нему по узкому мостку через пруд, а вокруг островка на сваях, где располагались столики, плавали лебеди – белые и даже экзотические чёрные. Мы их кормили, и это не только не возбранялось, но и приветствовалось. Лебеди хватали пищу прямо с рук, и я так увлёкся, что попытался ухватить одного из них за шею. И лебедь, с виду такая мирная и спокойная птица, широко раскрыл клюв, замотал головой и страшно зашипел. Он даже больно ущипнул меня за руку, оцарапав до крови своими мелкими шипами, которые у него вместо зубов. Я, конечно, заревел и бросился бежать от агрессивной птицы под смех посетителей ресторана.

Все, конечно, узнали Симонова и бросали на наш столик любопытные взгляды. «Смотрите, Константин Михайлович, как все на вас обращают внимание!», - с провинциальной непосредственностью шепнула ему моя мама. «Что вы, Марго», - ловко парировал её слова Симонов, - «это на вас все смотрят, ведь вы такая красивая женщина!» Я запомнил, как зарделось лицо у мамы, действительно, тогда очень красивой женщины, похожей на киноактрису Дину Дурбин. Ещё бы – ей сделал комплимент сам Симонов – кумир женщин того времени.

Администратор ресторана, безусловно, тоже узнавший Симонова, подошёл и вежливо поздоровался с нами, а потом подослал к нашему столику, наверное, самого опытного официанта. Я запомнил его на всю жизнь – таких официантов я видел только в кино. Это было отнюдь не «лицо кавказской национальности», а славянской внешности, вымуштрованный, как робот, стройный человек с полотенцем через левую руку. «Земной шар к вашим ногам!» - поклонившись, сказал он, приняв заказ. Я больше нигде и никогда, ни от кого не слышал подобной фразы. Надо же придумать такое: «Земной шар к вашим ногам!»

Пили абхазское розовое вино «Лыхны», слабенькое и сладковатое, закусывали красивейшими фруктами, кажется, персиками и арбузом. Наверное, был и шашлык, но не уверен, я его не ел. Разговор Симонова искрился юмором, он рассказывал какие-то смешные истории и анекдоты, смысла их я не понимал, но в них мелькали фамилии, очень известные в то время. Дядя Жора в голос хохотал, а мама всё краснела и краснела, потупив взор ...

Помню, когда трапеза была закончена, и дядя Жора расплатился, щедро дав официанту на чай, Симонов вдруг достал бумажник и, быстро отсчитав несколько крупных купюр, по-видимому, превосходящих стоимость всего заказа, картинным движением вручил их официанту. Тот так оторопел, что стоял, вытаращив глаза, забыв даже поблагодарить. Симонов громко захохотал над этой «немой сценой» и, обняв за плечи дядю Жору и маму, повёл нас к машине, ожидавшей с

водителем на улице. Официант с полотенцем семенил впереди нас, расчищая дорогу, и всё кланялся, кланялся, а потом, когда машина уже отошла, долго махал нам рукой вслед ...

И ещё один случай, так или иначе, связанный с Симоновым, произошёл несколькими годами позже, когда мне было уже лет двенадцать, то есть в 1952 году, в конце августа. Дядя должен был заехать на дачу к Симонову в Агудзеры по какому-то делу и взял меня с собой. Машину («Победу») вёл шофёр – дядя Гриша, большой шутник. Мы приехали на дачу под вечер, уже темнело. Встретила нас тётя Валя Серова, от неё так и веяло добротой и уютом. Дядя Жора вошёл в дом, тётя Валя звала и меня, но я отказался, а зря. Не мучила бы меня совесть сейчас за тот вечер.

А дело, за которое я краснею (совсем как моя мама) до сих пор, обстояло так. Тётя Валя послала своего сына поиграть со мной во дворе. Это был очень подвижный полный мальчик, мой ровесник или немного старше. К сожалению, не запомнил его имени. Мальчик тут же спросил меня: «Ты за Хомича болеешь?» Я не сразу понял, о чём речь и переспросил: «А кто это такой – Хомич, и почему я должен за него «болеть»?» Оказалось, что Хомич – это знаменитый в то время московский футбольный вратарь, а слово «болеть» в его спортивном смысле тогда в Тбилиси было не в ходу. Мои товарищи говорили обычно «прижимать» вместо «болеть». Сейчас, например, дико было бы слышать такое выражение: «Ты за какую команду прижимаешь?», но именно так и выражались. Во мне заговорил дух противоречия, и я решительно ответил: «А я прижимаю за Шудру!» Шудра – это тоже был известный вратарь, но, кажется, тбилисского «Динамо».

«Тогда давай драться!» - как-то миролюбиво предложил мне мальчик. Я вдруг забыл о слове, данном маме, о моём табу, действующем в Тбилиси, и молниеносно нанёс мальчику удар в нос. У того так и хлынула кровь, он зажал нос пальцами и, хныкая, побежал домой. А я понёсся к машине под защиту дяди Гриши, так как решил, что сейчас Константин Михайлович выбежит из дома и, ругаясь матом, начнёт бить меня в отместку за сына. Во всяком случае, так обязательно поступил бы любой отец в моём родном дворе в Тбилиси. Но Симонов почему-то так и не выбежал бить меня; более того, дядя Гриша, хитро подмигивая, увёл меня в огород Симоновых воровать арбузы, которые он уже там присмотрел. Что мы, по кавказскому обычаю, и сделали.

Я очень переживал, что позволил себе ударить мальчика, который ничего плохого мне не сделал. Я обещал себе, что больше никогда никого не ударю.

Скоро вышел дядя Жора и мы уехали. По дороге он укоризненно смотрел на меня и приговаривал: «Показал-таки своё тбилисское воспитание!» На что я возражал, дескать, сухумское не лучше! Знал бы дядя Жора, что мы везём под задним сиденьем ворованные симоновские арбузы!

И тем же вечером дядя Гриша и я убедились, насколько вкусны ворованные арбузы, особенно украденные у великих людей!

Мы с мамой ездили отдыхать не только в Сухум. Почему-то мама иногда предпочитала поездке в комфортабельный дом деда, где было много знакомых и родственников, путешествия в совершенно чужие, незнакомые места. Мне было лет шесть, когда мама вдруг решила поехать отдыхать со мной в Батум.

Приехали - и стоим на вокзале: ни одного знакомого в городе. Мама стала обращаться ко всем подряд, не сдаёт ли кто комнаты близ моря. Желающие сдать комнату находились, но запрашивали большие деньги. А мама, оказывается, взяла с собой совершенно смешную сумму денег. В результате мы смогли снять только угол в посёлке БНЗ (Батумский нефтеперерабатывающий завод) в пригороде Батума, где море на километры было в мазуте. Ни один нормальный человек в этом районе не купался. Ненормальные, правда, купались. Дело в том, что угол нам сдала женщина, жившая с ненормальным сыном – мальчиком по имени Цолак. Она работала, а мы купались в мазутном море с Цолаком, у которого я учился новым словам. Даже сейчас помню: «Цумпапа» - это в первую очередь музыка, но во вторую – всё остальное тоже. Приехав с отдыха домой, я поразил всех своим новым лексиконом. Но домой ещё надо было доехать!

Деньги у мамы кончились тут же. Есть стало нечего. Мы бродили по субтропическим лесам Аджарии и поедали различные ягоды.

- Как думаешь, это не ядовито? – спрашивала мама у шестилетнего мальчика, показывая мне гроздь каких-нибудь диковинных ягод. И не получив ответа, ела сама и мне давала. Или находили в лесу грибы непонятного вида. Приносили домой и советовались с Цолаком.

- Цумпапа! - говорил Цолак: мы жарили и съедали грибы. Цолаку, несмотря на его экспертизу, грибов не давали – боялись отравить. А сами, по предложению мамы, ложились после еды на пол (а именно там мы и спали), чтобы быть готовыми к смерти.

Комары в том посёлке кусали нещадно. Собаки, а не комары! В результате – у меня малярия. Температура – 41 градус. Чуть не отдал концы. Лекарств не было, денег тоже. Хорошо, что билет на поезд у мамы был бесплатный – как у преподавателя железнодорожного ВУЗа. Еле добрались домой в Тбилиси.

Так мама один раз даже в Москву и Ленинград меня взяла – билет-то бесплатный! Где мы только там ни перебивались, пока мама не догадалась обратиться в общежитие МИИТа в Москве и ЛИИЖТа в Ленинграде. Это были железнодорожные вузы, родственные ТБИИЖТу, где мама работала. «Свой брат – железнодорожник» выручал, нам выделяли койки, летом пустующие без студентов. Впечатление от этих городов было несколько подпорчено с детства, но, слава Богу, потом оно исправилось.

Мама очень любила и пешие прогулки из города в город, по шпалам, преимущественно. Например, на море – из Нового Афона в Гудауты. Двадцать пять километров – сущая чепуха, особенно с возвращением в ночное время! Как железнодорожники, мы предпочитали идти по путям – так короче. И по шпалам, через мосты и неохраняемые туннели, мы шпарили как живые паровозы. Правда, нас иногда догоняли и настоящие, они свистели и сгоняли нас с путей. Я тогда понял, что у меня замедленная реакция. Мама сразу прыгала вбок, а я долго бежал впереди паровоза, пока он не начинал скидывать меня с путей своей выступающей вперёд решёткой. На побережье, к счастью для меня, дороги были извилистые, и поезда ездил медленно.

Так мы отдыхали на море почти до моего студенчества, в основном, конечно, в Сухуме. Пребывание в доме деда обогащало меня ещё одним – я целыми днями читал книги в его богатейшей библиотеке. Там я впервые увидел и прочитал старинное издание «Фауста» Гёте – пуговую книгу размером с большой поднос. Там же я внимательно просмотрел почти все тома энциклопедии Брокхауса-Ефрона, и чтение словарей с тех пор стало моим любимым занятием.

В мае 1960 года я приехал на последние проводы моего деда, которого похоронили в саду филармонии в самом центре Сухума. А в 70-е годы, как я уже говорил, мама переехала жить в Сухум, поменяв свою тбилисскую квартиру на сухумскую. С тех пор я каждое лето ездил к ней, хотя бы на неделю – две.

Самоподготовка

Лет в десять я понял, что установка, данная мне мамой (не справлять нужды при посторонних, не маются и не драться), нежизненна. Но по привычке придерживался её. Посоветоваться с умным мужчиной возможности не было, а товарищей, тем более друзей, я пока не завёл. И я стал читать книги.

Первыми книгами у меня были: «Про кошку Ниточку, собачку Петушка и девочку Машу» и «Путешествие Нильса с дикими гусями». Читал я не совсем обычно – прочитывая книгу по сорок и более раз, я выучивал её наизусть. Эти две книги я мог цитировать наизусть, начиная с любой страницы. В 1949 году мне подарили отрывной календарь на 1950 год, и я его тоже выучил наизусть, причём, почти не понимая содержания. Мои таланты показывали гостям; например, гость говорил: «15 сентября», а я наизусть, глядя в потолок, бубнил: «И. М. Сеченов (1829-1905). Великий русский физиолог ...» и так до конца. Естественно, я не понимал, что такое «физиолог», и другого подобного тоже.

Мне подарили политическую карту Мира, и я выучил все столицы государств по ней. Хуже всего то, что я и сейчас помню названия государств и столиц так, как они именовались в 1950 году, и никак не могу привыкнуть к новым.

У нас дома в Тбилиси тоже была достаточно богатая библиотека (большевики и коммунисты её не разграбили - книги им были ни к чему), и мне попался на глаза трёхтомник «Мужчина и женщина». Его я освоил достаточно основательно, особенно том 2, из которого мне особенно понравилась глава: «Болезненные проявления полового влечения». И если меня в школе обижали я, в ответ на грязные ругательства и поступки, произносил странные слова:

- Ты - урнинг несчастный! (это если меня пытались «лапать»), или – эксгибиционист вонючий! (это если пытались помочиться в мой портфель). Естественно, одноклассники считали меня «чокнутым», хотя я и был «круглым» отличником, что их ещё больше раздражало.

Забегая вперёд, скажу, что, несмотря на «круглые» пятёрки, медали я так и не получил: ни золотой, ни серебрянной. Кому получать медали – давно уже было распределено классным руководителем и родительским советом. В то время был такой предмет «Конституция СССР», вот по ней-то мне и вклеили «тройку». И кто-кто – пожилой уважаемый преподаватель истории – Александр Ильич Шуандер (путать со Швондером, именно Шуандер; национальность – «да, а что?»!). Сам же он обычно вызывал меня к доске на уроках по истории Грузии, когда ему нечего было сказать (предмет этот ввели недавно, и Шуандер не успел его выучить сам).

Я, гордый тем, что меня будет слушать весь класс вместо преподавателя, взахлёб рассказывал весь урок про царя «Деметре-самопожертвователя», который несколько лет затратил на поездку в Орду, только для того, чтобы ему там отрубили голову, а Грузию – не трогали. Или про князя Дадиани, который, когда поймали его соучастников по заговору, раздели их и приковали к скале под палящим солнцем, пришёл на место казни сам, разделся и лёг рядом, хотя его никто не обвинял. В результате – отпустили всех! Но не учёл всего этого тов. Шуандер, когда я, уже в одиннадцатом классе, выучив Конституцию СССР наизусть (для меня это было тогда пустяком), пришёл к нему пересдавать тройку. Коварный «наймит» школьного руководства и родительского совета спросил меня про право гражданина СССР на свободное перемещение по стране. Я и объяснил ему, что гражданин СССР может перемещаться по стране, выбирая себе место для жизни и работы по своему усмотрению.

- Значит, любой колхозник из Марнеули (село близ Тбилиси) может приехать в Тбилиси или в Москву, жить там и получить работу?

Я прекрасно понимал, что его никто не отпустит из колхоза и не пустит в Тбилиси, а тем более в Москву, но не знал, что и говорить.

- Вот ты и не знаешь вопроса! Как и любой гражданин СССР, колхозник из Марнеули, по конституции СССР имеет право приехать жить и работать как в Тбилиси, так и в Москву! – дидактически заключил Шуандер, бесстыдно глядя на меня широко раскрытыми честными глазами. Хорошо ещё, что двойку не поставил!

Но, нет худа без добра. Когда я, окончив школу, поступал в Грузинский Политехнический институт, то попал, как это и было положено, на собеседование к проректору института, патриоту Грузии по фамилии Сехниашвили. Тот развернул мой аттестат зрелости, и широкая улыбка расплылась на его лице.

- Что, ты чем-то не согласен с Конституцией СССР? – ласково спросил он меня, - а то все пятёрки и только по Конституции – тройка! В ответ я только потупился, глупо улыбаясь.

- Ничего, - сказал проректор, - мы тебя здесь научим понимать **нашу** Конституцию, - он сделал ударение на слове «нашу», и поставил галочку около моей фамилии в списке. Я сдал все пять вступительных экзаменов на высший балл. Я действительно хорошо готовился к экзаменам. И я поступил. А туда же без экзаменов пытались поступить золотые медалисты с моего же класса, отлично понимающие Конституцию СССР, но не прошли. Не выдержали собеседования с проректором. Вот она - относительность добра, зла и справедливости, работающая даже на Кавказе!

Но до одиннадцатого класса ещё надо было дожить, а пока я только переходил в шестой класс. Так вот, кроме «Мужчины и женщины» и «Физиономики и хиромантии» Эжена Ледо, я

читал Гёте, Вольтера, Тургенева, Чехова, Гаршина, Леонида Андреева, Горького («Детство», «Мои университеты»), а также Диккенса (мне так близок был его Дэвид Копперфильд!), «Дон-Кихота» Сервантеса (который так понравился мне, что я нашёл и изучил подробную биографию самого Сервантеса – она очень необычна!), «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, Джорджа Филдинга, Жорж Санд, Эдгара По, Конан Дойла, Киплинга, Фейхтвангера и многое другое, что просто обязан был читать школьник. Особое место занимали в моих книгах сказки – братьев Гримм, Гауфа, Перро, арабские сказки, в том числе «Тысяча и одна ночь», грузинские и абхазские сказки, сказки народов мира, «Мифы классической древности». Не говоря уже о русских народных сказках в каком-то удивительном издании, где была «непечатная» лексика. Вот эти-то книги, а не «Как закалялась сталь», определили моё мировоззрение, достаточно несовременное, но проверенное веками.

Что касается физического самоусовершенствования, то я и его не забывал. Дома у нас были старинные весы, а к ним разновески – гири, от пятидесяти грамм до одного пуда, целый набор. И я регулярно тренировался с ними по найденным мной старинным методикам. Кроме того, я раздобыл и повесил на веранде кольца, а в дверной проём просовывал сменный турник. Подтягивался я раз по 50, даже на одной руке – по два раза; это уже к 13-14 годам. И вот такого-то богатыря били и оскорбляли одноклассники!

Не забывал я и сексуальное совершенствование. Мне как-то попала рукописная книга («самиздат») – перевод, якобы с индийского, о развитии мужского «хвостика». Например, там было написано, как удлинить этот «хвостик» до любого, приемлемого для жизненных ситуаций, размера. Нужно было взять бамбуковую палку соответствующей толщины и длины, расщепить её вдоль на две половинки, надеть на «хвостик», предварительно растянув его, и скрепить в таком состоянии шнурком. Так нужно было держать, не снимая около месяца, потом, когда плоть вытягивалась, брать новую палку – подлиннее, и т.д. Написано было, что вытянуть «хвостик» можно было до полуметра. А потом, когда длины хватало, надо было придать «хвостик» диаметра и силы. Для этого, оказывается, использовались камни различной тяжести (вот где пригодились разновески!), которые надо было привязать к «хвостик», и усилием воли поднимать их. По мере развития силы и диаметра, вес камня увеличивался.

Удивительные люди – индусы! Культ секса у них такой, как у нас сейчас культ денег! Но деньги – это, в общем то, бумажки, игра, а «хвостик» в полметра длиной и с шампанскую бутылку диаметром – это вещь! Но такие габариты показались мне излишними и неудобными для практической жизни, а вот рекомендованные максимальные в доверительной книге «Мужчина и женщина» (специально не называю их, прочтите и сами увидите!), подошли бы! Дефицитный бамбук, конечно, был заменён картонной трубкой, неудобные камни – разновесками, и индийская методика себя полностью оправдала!

В довершении самоподготовки я достал брошюрку «Самоучитель по борьбе «Самбо», и как следует проштудировал её. Так как партнёров у меня не было, удалось выучить только самые примитивные приёмы: мои любимые «удушающие» захваты, захваты рук с последующим их «выламыванием», а также подножки и удары ногами. Эти несколько приёмов я выучил до автоматизма, тренируясь на деревянных палках и свёрнутых трубой матрацах.

Я был готов к труду (в том числе и сексуальному!) и обороне (от злых одноклассников!). Для этой же цели я, вслушиваясь в разговоры людей, тех же одноклассников, запомнил и выписал самые неординарные ругательства, составив неожиданные комбинации из них, как на русском, так и на армянском языках. Периодически повторяя их, я был готов «обложить» самой грязной бранью достойную кандидатуру.

И в довершении всего я начал ходить в зал штанги, и помогла мне в этом ... соседка Рива. Наша Рива, по отчеству Ароновна, к тому времени преобразилась в солидную даму-билетёра из Филармонии, и стала называть себя Риммой Арониной, грузинкой по национальности. Благо, фамилии грузинских евреев отличит от подлинно грузинских только специалист. Она очень удачно вышла замуж за бывшего боксёра Бреста Файвеля Боруховича, который стал Фёдором Борисовичем. Я, с его подачи, называл его «дядя Федул» - так более по-русски, - шутил он.

Он был репрессирован за антисоветскую деятельность – поговаривал с друзьями, что неплохо было бы переехать в Израиль, который с подачи Сталина организовали в 1948 году. Друзья, конечно же, заложили Федула, и сидел он до 1953 года, когда по Бериевской амнистии весной его отпустили. Квартиру в Москве он потерял, ему предложили несколько городов на выбор, и он выбрал Тбилиси, где еврейская община сразу же нашла ему невесту – нашу Риву. Всё произошло очень быстро, и у нас появился сосед – муж Ривы.

Мастер спорта, бывший чемпион СССР в легчайшем весе, ученик знаменитого Градополова, дядя Федул был очень интеллигентным и грамотным человеком. Мы быстро подружились с ним, и он подучил меня кое-каким приёмам из бокса. Дядя Федул стал воспитывать Риву, создавать из неё Римму, как Пигмалион, но получалось не сразу. Вот пример. Дядя Федул ездил иногда в Баку и покупал там по-дешёвке у браконьеров икру. А в Тбилиси Рива её понемногу продавала, в основном, соседям. Однажды она уронила на пол эмалированный таз, наполненный икрой, и острые как стёклышки осколки эмали прилипли к икре. И Рива не нашла ничего умнее, как перемешать икру, чтобы осколки не были бы видны, и так продавать эту смертельную смесь соседям.

Но дядя Федул, узнав об этом, сразу же строжайше запретил производить какие бы то ни было операции с икрой, и решил осторожно и понемногу съесть её, причём вместе со мной.

- Нурик, иди икру кушать! – звал постоянно дядя Федул, и мы садились на два табурета друг против друга, ставили между собой на третий табурет злополучный таз, и чайными ложечками, медленно, тщательно обсасывая каждую икринку, поедали «смертельный» деликатес. При этом мы внимательно смотрели в глаза друг другу.

- Попался мне осколок, попался! – радостно произносил время от времени кто-нибудь из нас, вынимая изо рта эмалевый «кинжальчик». Не помню уже, доели ли мы этот таз до конца или нет, но икру, на сей раз, я окончательно возненавидел.

Как-то раз весной 1954 года дядя Федул решил определить меня на спорт и повёл на стадион «Динамо» (бывший им. Л.П. Берия). Стадион был в двух кварталах от дома, и я с удовольствием пошёл туда с бывшим чемпионом – это было для меня почётно.

Заглянули мы в гимнастический зал – тренера не было, в зале борьбы – тоже, а в зале штанги тренер сидел на своём месте, и как оказалось, он был другом и «соотечественником» дяди Федула; звали его Иосиф Шивц.

- Йоська, прошу тебя, сделай из этого стилига штангиста! – сказал тренеру дядя Федул.

Я действительно в последние годы стал «стилигой» - вызывающе одевался, носил волосы до плеч, а часы – на ноге, из-за чего одноклассники возненавидели меня ещё больше.

Йоська, подозрительно посмотрел на меня бычьим взглядом и велел подойти к штанге. Я, подражая тренирующимся спортсменам, поднял её на грудь и медленно выжал над головой – сказала моя самоподготовка. Тренер взвесил меня – с одеждой я «тянул» на 60 килограммов.

- Свой вес выжал с первого раза, это редко бывает! – удивился тренер, - можешь ходить в зал, только тряпки свои сними, - презрительно отозвался он о моих одеждах, - не раздражай ребят, а то побьют ведь!

Итак, я буду ходить в зал штанги! Мы с дядей Федулом радостные возвращались домой, он – что пристроил меня, а я – что появился шанс стать полноценным человеком, спортсменом.

Зайдя на веранду мы застали бабушку и Риву за разговором, в котором услышали последние слова Ривы:

- Да не еврей он, какой же может быть еврей – Фёдор, даже Федул, как его друзья зовут ...

Фёдор Борисович мигом сунул большие пальцы рук подмышки и, отплясывая «семь – сорок», дурным голосом запел частушку:

- Полюбила я Федула, оказался он – жидула!

Все расхохотались, а Рива стала шуточно бить мужа по спине, приговаривая:

- Заходи, жидула, в комнату, а то люди услышат, какие ты глупости поёшь! Ещё и взаправду решат, что ты – еврей!

Стилига

В мае 1954 года произошли два основополагающих события в моей жизни – начало занятий штангой и первая настоящая, но неудачная любовь. Эти два события совершенно по-новому повернули мою жизнь. Занятия штангой, общение со здоровыми телом и духом товарищами, помогли мне почувствовать себя не только полноценным, но, я бы сказал, сверхполноценным юношей. Казалось бы, начитанный и умный отличник учёбы, да ещё спортсмен-силач с завидным телосложением – чем не предмет зависти для окружающих ребят!

А первая любовь, которая оказалась неудачной, не только без взаимности, но и с презрением со стороны объекта любви, всё поставила с ног на голову. К тому же, если говорить о любви, и об этом будет ещё сказано чуть попозже, я сам сделался объектом любви, но совершенно непонятной и, казалось бы, ненужной для меня. Эти противоречивые события обрушились на мою педантичную голову с такой силой, что не в состоянии философски оценить обстановку, я решился на суицид. Но до этого оставалось ещё целых два года ...

С 12 до 14 лет, помимо домашней самоподготовки уже описанными выше способами, я имел ещё два рода любимых занятий, хобби, что ли, – стилиажничество и занятие химией. Стилиаги в начале и середине 50-х годов прошлого века – это не нынешний панк или что-то в этом роде. Движение стилиаг, как мне показалось, возникло на фоне робкого проникновения к нам западной, в первую очередь, американской моды и образа жизни. Это проникновение было искажённым – ведь получить правдивую информацию объективно мы не могли, а пользовались суррогатными источниками. Фильмами, чаще всего нашими об Америке, а не произведёнными в ней непосредственно, музыкой, которая прорывалась по «вражеским» передачам и культивировалась кулуарно. Наши «стилиаги», чаще всего, имели смутное представление об американском образе жизни, моде, музыке, культуре, и просто пытались выразить свой протест затхлому постсталинскому времени.

Мне смешно, когда говорят о Хрущёвской «оттепели» - я рос в это время и понимал, что жизнь в СССР в этот период становится просто безнадёжной. При Сталине существовала опасность быть арестованным, допустим за антисоветскую пропаганду. Но были и перспективы стать большим учёным, артистом, руководителем, не будучи комсомольским вожаком, партийным подхалимом, демагогом и т.п. Во времена Хрущёва и далее Брежнева, без членства в партии, без рабского вылизывания анальных зон у партийного и комсомольского начальства, можно было рассчитывать только на жизнь рабочей пчелы.

Я лично стал стилиагой в знак протеста против удушающе-затхлой, буквально вонючей жизни молодёжи в то время. Может, я и был нетипичным стилиагой по внутреннему содержанию, но внешнее сходство старался соблюсти на 100 и даже более процентов. Начну сверху вниз. Волосы у меня были гладкие, почти до плеч, с загнутыми вверх концами (я их загибал горячими щипцами), чтобы причёска была похожа на Тарзанью. Тогда все стилиаги подражали Тарзану-Вайсмюллеру в причёске; серия фильмов о Тарзане была тогда супермодной. Но, в отличие от Тарзана, я носил длинные бакенбарды и тонкие усики. Плечи у меня, в отличие от других стилиаг, были и взаправду широкие, но жёлтый клетчатый пиджак, который я сам заказал портному, был с каррикатурно большими «липами» - накладками на плечи. Низ пиджака плотно обтягивал бёдра, а на красном галстуке из клеёнки я сам нарисовал масляными красками пальму с обезьяной на ней.

Брюки шил я сам, долго подгоняя их по фигуре. Они были зелёного сукна, страшно короткие, зауженные сверх предела. Нормой считались 21-22 сантиметра, а у меня были 18 сантиметров. Ступни туда пролезали с трудом. Брюки были настолько коротки, чтобы носки ярко красного цвета, под стиль галстука, были видны до самого верха. Брюки заканчивались широкими обшлагами, как и было тогда положено. Туфли стиля «буги-вуги» я изготовил из женских (материнских) туфель, благо размер ноги у нас был одинаков. Я срезал невысокий каблук и приклеивал резиновым клеем к подошве несколько слоёв микропористой резины жёлтого цвета, так, чтобы общая толщина подошвы была сантиметров 7-8. Затем я острым ножом надрезал подошву по периметру такими неровными надрезами, чтобы она казалась как бы изготовленной из грубого тёсаного камня.

И в довершении всего, чего не было у других стилияг, на левой ноге, прямо на красном носке, красовались огромные наручные часы, специально купленные у часовщика. То есть это была фигура, затмевающая даже самые смелые каррикатуры на стилияг.

На улицах комсомольский патруль хватал стилияг и ножницами разрезал у них узкие края брюк. Меня эта участь миновала. Самым шиком было стать в такой одежде спиной к медным перилам какого-нибудь кафе на Плехановском проспекте и с безразличным видом курить, сплёвывая на асфальт вокруг себя ровным полукругом. Я для этой цели покупал дешёвые, но крупные сигары «Север», от которых меня тошнило каждой ночью. Я, сдуру, затягивался, не зная того, что дым от сигар чаще всего просто выпускают изо рта в воздух. По крайней мере, мне так говорили знающие люди.

А кульминацией моего шика был тот момент, когда сигара вынималась изо рта, и окрестности кафе оглашались громким Тарзаньим позывным. Кто его слышал, тот этого не забудет никогда! Я долго тренировался, пока не научился делать это в совершенстве.

По правде говоря, в таком облике я пробыл не более года в то переходное для меня время, когда никак не мог определиться – супермен ли я, жалкий ли тип, брошенная девушкой, или личность совершенно нетрадиционной сексуальной принадлежности. Мой облик говорил о том, что я стилияга, а остальное мне было всё по фигуре.

Но польза от такого облика тоже была – меня так и не приняли в комсомол, хотя я и сам туда не стремился. Когда в школу пришли представители райкома комсомола для «вербовки» учеников в свои ряды, они были в ужасе от моего внешнего вида и намекнули, что такого не грех бы и из школы исключить. И исключили бы, но учился я отлично. Учителя по физике, английскому и латыни (был такой предмет у нас!), правда, нашли выход из положения – они договорились со мной, что я не буду ходить на их занятия, а они ставят мне в четверти пятёрки. Выходит, что ученик с таким порочающим советского человека видом на их уроках не присутствовал, и они не несут ответственности.

Я всегда ненавидел комсомольцев с их наигранно-серьёзным видом, райкомовскими словечками: «есть мнение ...», «мы будем рекомендовать ...», «тебе доверили». А, чтобы документы мои приняли на конкурс в ВУЗ (без комсомольского билета это было невозможно), я пошёл на подлог. Достав чистый бланк комсомольского билета, я вклеил туда свою фотографию, и горячим, сваренным вкрутую куриным яйцом со снятыми скорлупой и плёнкой, проставил себе все печати – и круглую, и «уплачено», пользуясь чужим билетом с жирными печатями. Горячее крутое яйцо прижимается к образцу отпечатка в чужом документе, а потом быстро ставится на нужное место своего документа. Правда, печать «уплачено» получалась из-за своей длины несколько волнистой, но кому до этого было дело!

Кроме стилияжничества, вторым моим хобби была химия, практическая химия, которой я занимался на кухне, преобразованной в химлабораторию. Удивительно только, как Рива с этим мирилась!

Химик

Началось всё с пороха. Я прочёл где-то, что древние китайцы смешали вместе селитру, серу и уголь, получив при этом порох. И использовали его не в военном деле, а для ракет-шутих (выходит, китайцы и ракеты первыми изобрели, а мы всё думаем, что придумал их в тюрьме наш террорист Кибальчич!).

Я загорелся идеей приготовить порох. Сера и уголь у меня были дома, а вот с селитрой начались трудности. Селитры бывают натриевые, калиевые, аммиачные и ещё бог знает какие. Да и в каких пропорциях брать каждый компонент – неясно. Стал рыться в энциклопедиях и нашёл-таки. По рецепту знаменитой лаборатории в Шпандау нужно 75% калиевой селитры, 15% серы и 10% угля.

Начались поиски селитры, которую я неожиданно нашёл в магазине для удобрений. Оказывается, калиевая, как и другие, поименованные выше, селитры – прекрасные удобрения! Купил, смешал, со страхом пытаюсь поджечь – не горит. Еле поджёт – нет, это не порох! Опять -

по энциклопедиям. Оказывается «порох» - от слова «порошок», молотить надо мелко, как пудру, тогда и гореть будет хорошо.

Сказано-сделано. Купил фарфоровую химическую ступку и стал перетирать в ней компоненты. И когда смесь стала как пыль или пудра (а по-английски порох – именно пудра!), она от приближения спички вспыхнула во мгновение ока, обдав меня облачком дыма. Поэтому и порох этот называется «дымным».

За порохом пошли ракеты – и шутихи, размером с сигарету, и побольше. Я запускал их с железного балкона, и они, шипя, взмывали в небо, не возвращаясь обратно. Ракеты тоже уметь делать надо: обязательно отверстие по центру, чтобы объём газов всё увеличивался, гильзу ракеты надо привязывать к длинной палочке - стабилизатору, чтобы ракета шла вверх, а не кувыркалась. До всего этого я дошёл сам, убегая от кувыркающихся и постоянно догоняющих меня ракет.

И, наконец, мне в руки попала толстая книга Будникова «Взрывчатые вещества и пороха». Вот тут и Рива, и все соседи по дому стали вздрагивать от неожиданных взрывов. Сейчас бы меня немедленно арестовали, как террориста, а тогда я подрывал изготовленные мной дымовые шашки, даже в кинотеатрах. И кричал: «Пожар!». Давку себе представляете? И всё с рук сходило!

Я изготовлял гремучую ртуть, аммонал (столь любимый нашими террористами!), все виды цветных огней и дымов для фейерверков, составы для ослепления ярким светом с магнием (световые бомбы), взрывающиеся от воды составы – моё изобретение.

Но особенно любимы были два состава – йодистый азот и смесь фосфора с бертолетовой солью.

Если слить крепкий нашатырный спирт с настойкой йода, то получится чёрная, как тушь, жидкость. Если дать ей отстояться, а осадок высушить, то получится настолько чувствительная взрывчатка, что срабатывает она даже от прикосновения. Я любил приносить в школу ещё сырой йодистый азот (чтобы в кармане не взорвался), и размазывать его по полу возле учительского стола. Особенно классно получалось у историка – Шуандера; он был хромой и одну ногу волочил. Так вот, когда он здоровой ногой наступал, получалось: «Бах!», а когда больную волочил: «трах-тах-тах-тах!». Умора!

Смесь красного фосфора с бертолетовой солью я тоже готовил в сыром виде. Все мои подражатели, которые пытались смешивать компоненты в сухом виде, подрывались тут же и получали ожоги. А если смешать в сыром виде, а потом высушивать, получался шедевр. Смесь, взятая в щепотку, взрывалась, если потереть пальцами. Сильный хлопок и густой дым от этого взрыва, к удивлению, не повреждали пальцев. Я пользовался этим составом против своих соперников по штанге на тренировках. «Случайно» размазывал ещё сырую смесь на помосте перед подходом соперника. Смесь, особенно замоченная на спирту, высыхала, пока соперник готовился: затягивал пояс, разминал мышцы, натирался тальком и т.д. Рывок, разножка, взрыв, дым – штанга летит вниз, а соперник со страху – в раздевалку! Конечно, всё рано или поздно раскрывалось, меня били, но потом выпрашивали-таки по кусочку взрывчатки для личного пользования.

После взрывчаток я занялся светящимися составами, которые приготавливал обжиганием негашёной извести с серой и добавлением микроскопически малых количеств висмута. Порошок разводил в бесцветном лаке и разрисовывал, например, скелет с черепом на старой одежде. А потом, переодевшись в эту одежду, встречал соседей у ворот вечером. Лампочек-то у нас ни у ворот, ни на лестницах, отродясь не было. А на юге темнеет быстро! Вот и оглашали двор визг и крики припозднившихся соседей. Особенно недовольны были беременные женщины и дети.

Ну, а под конец своей химической карьеры я всерьёз занялся ядами и «запретными» препаратами. Всё началось с опия. Удивительно, но в годы моего детства и юношества опиум почти свободно продавался в аптеках. «Таблетки от кашля» по 3 тогдашние копейки за пачку, состояли из порошков опия и соды. Только ленивый (каковым я не был!) мог не растворить эти таблетки в воде и не выцедить на промокашку чёрный порошок опия. И вот зевающий аптекарь спокойно продавал школьнику 100 (!) пачек «таблеток от кашля» с опиумом, а тот, то есть я – приготавливал из них напёрстка два порошка опия. Растворял этот порошок в одеколоне или другом

спирту и пропитывал этим раствором табак в папиросах. После просушки я курил такие папиросы и даже угощал других. Ловили кайф. Я, например, мог представить себе любую девушку, которая приходила ко мне в комнату и раздевалась...Получалось очень натурально! Но почему-то к опию я не привык, даже остался целый спичечный коробок этого порошка, куда он потом делся – не помню. Просто диву даёшься – почти даром продавали в аптеках опий – и ни одного наркомана я лично не видел. Да и сам не стал таковым.

Потом занялся я мухоморами. Это только говорят, что они ядовиты. В энциклопедиях написано, что нет, только могут вызвать галлюцинации – «глюки». Я верил энциклопедиям, собирал красные мухоморы, сушил их, а затем варил или настаивал на спирту порошок. Или просто поедал сырыми два-три небольших свежих мухоморчика. «Глюки» были цветными и очень воинственными. Хотелось боя, драк, и в таком роде. Хорошо, что я эти мухоморы ел не перед школой, а то бы перебил всех своих обидчиков! А не ел я их перед школой потому, что вместе с глюками, наступал и понос, который в школе был для меня совершенно неприемлем. Привычки, как известно, мухомор не вызывает, и это развлечение я тоже оставил.

А подконец я занялся ядами. Синильную кислоту и цианистый калий я легко приготавливал из фотохимикатов – красной и жёлтой «кровавой» соли. Не буду рассказывать как - яды эти очень сильные, и вряд ли стоит их готовить. А потом стал изучать алкалоиды и набрёл на описание яда шпанских мушек. Эти симпатичные зелёные жучки обитают весной на сирени и других пахучих растениях. Жучки эти семейства нарывников, есть и множество других подвидов – красные в полоску, например, очень распространённые на юге. Если их высушить, растереть в порошок, а порошок этот растворить в пропорции 1:10 в спирту, то получалось «приворотное зелье» - кантаридин. Это «зелье» использовали в старину для соблазна девушек – до пяти капель в вино, и, считай, девушка твоя, ей очень трудно будет удержаться от возникающего при этом либидо. Но беда в том, что свыше пяти капель это «зелье» представляет собой смертельный яд. Забегая вперёд, я могу сказать, что почувствовал это на себе.

Я собирал этих жучков на горе св. Давида в Тбилиси, морил эфиром, сушил, растирал в порошок, растворял в спирту. «Тестирование» производил на девушках из нашего класса, угощая их конфетами с кантаридином. Спустя урок они обычно покидали школу, ссылаясь на недомогание. Судя по слухам, они рассказывали подругам о необыкновенном сексуальном желании, почему-то возникшем в классе. С конфетами они это желание не связывали.

Моей сверхзадачей было, используя эту настойку шпанских мушек, соблазнить девушку, и не любую, а конкретную, подступиться к которой иными способами не получалось.

Знакомство с Фаиной. Сухумские трофеи. Поражение Минаса

Вот этой конкретной девушкой, вернее девочкой, стала моя соседка Фаина. Её родители – отец Эмиль (Миля) и мать Зина с дочкой и малолетним сыном поселились недавно в нашем доме этажом ниже нашего, и их комната была точно под моей. В 1954 году весной, Фаина, тогда 12-летняя девочка, нанесла свой первый визит к нам в квартиру.

Звонок, я открываю дверь и вижу на пороге ангелочка – толстая золотая коса с бантом, голубые глаза, брови вразлёт, пухлые розовые губки, слегка смуглая персиковая кожа. - Я знакомлюсь со всеми соседями! – объявила девочка-ангелочек, - меня зовут Фаина, мы недавно поселились у вас в доме, - девочка, не ожидая приглашения, вошла на веранду. Я стоял, как истукан у дверей не в силах пошевелиться – настолько поразил меня облик этой девочки. Она, как будто, вошла не в двери, а прямо в мой организм, захватив его сразу как сонм болезнетворных микробов. Вот, оказывается, что называется «любовью с первого взгляда»! Болезнетворные микробы поразили в первую очередь мои ноги - я лишился возможности свободно передвигаться. Ноги не сгибались в коленях, одеревенели, и я отошёл от двери как на ходулях.

Из комнаты вышла бабушка, приветливо встретила Фаину:

- Нурик, смотри, какая красивая девочка пришла к нам в гости! Наверное, она станет твоей невестой! Да ты отойди от двери, встретить девочку, проводи её в комнату!

Я весь зарделся, на непослушных ногах отошёл от двери и вслед за Фаиной зашёл в комнату. Бабушка поила Фаину чаем с вареньем, расспрашивая, кто её родители. Отец оказался рабочим-гальваником, мать – домохозяйкой. Заранее замечу, что довольно странно для еврея – рабочий вредного производства, вдобавок - пьяница и дебошир. Чуть ли ни каждый день он приходил домой пьяным и бил жену Зину, которая кричала истошным голосом. И у таких родителей – царственной красоты дочь!

Фаина сразу же почувствовала моё смущение, правильно его поняла, и теперь смотрела на меня взглядом победительницы, сквозь слегка приспущенные веки.

Бабушка опытным взглядом оценила ситуацию и, как бы невзначай, спросила:

- Нурик, а Жанна сегодня должна к тебе прийти?

Жанна, дочь наших знакомых, уже не была у нас несколько лет, и я чуть было не спросил, о какой Жанне идёт речь.

Но Фаина опередила меня:

- А она красивая? – тут же спросила она у бабушки.

- Да, конечно, - подначила она Фаину. Фаина громко вздохнув, перевела тему разговора - ну, прямо как в сценарии водевиля! Эта девочка была прирождённая кокетка! Она поинтересовалась, где я учусь - в какой школе, каком классе и т.д. Узнав, что я отличник, она деловито заметила:

- Значит, будешь помогать мне делать уроки!

В практичности ей отказать было нельзя. Всю весну я решал за неё задачи, собирал гербарии, делал ещё что-то. Она командовала мной со знанием дела. Например, сажала меня делать её уроки, а сама заявляла:

- А я пойду играть во двор, и чтобы к моему приходу всё было готово!

Я, как китайский болванчик, только кивал головой. К лету я уже был безнадежно влюблён в Фаину. Я видел её в фантастических снах и нередко вечерами плакал в подушку, вспоминая её. Рано плакал, слабак! До настоящих слёз было, действительно, ещё далеко.

Летом я, как обычно, поехал с мамой в Сухум. Уже начав заниматься штангой, я нашёл в доме деда себе настоящую и верную подругу – старинную двухпудовую гиру. Все дни подряд я занимался с ней, научился не только «выбрасывать» её на вытянутую руку, но и выжимать её, и даже жонглировать ею. Моей мечтой было победить дядю Минаса, отца Ваника.

Надо сказать, что дядя Минас был большим «трепачом». Достаточно сильный, хотя и худой мужчина лет тридцати пяти, он был ненавидим всеми соседями. Ведь он не только гулял от своей красивой и безропотной жены Мануш, родившей ему Ваника, но бил, и даже бил жену, которая не издавала ни стоны при этом. Но всё равно все знали о побоях. Более того, поговаривали, что у Минаса была ещё и вторая жена в Осетии, что было совершенно недопустимо с точки зрения морали соседей, а особенно соседок.

Любимым шоу дяди Минаса было поднятие двухпудовой гири (которую, кстати, он мог только «выбрасывать», но не выжимать!) на потеху всем высыпавшим на веранды соседям. Шоу обычно начиналось так:

- А не попробовать ли нам размять косточки! – риторически и громко говорил сам себе Минас, вылезая из-под «Мерседеса». – А то ещё, чего доброго станешь послабее Мукуча! Мукуч-джан, хватит тебе туфли чинить, всё равно денег твоей Айкануш не хватит, выходи, поднимем по мужски гиру! – обращался он к своему брату, хилому сапожнику Мукучу.

Мукуч что-то верещал в ответ, но выходил. В круг собиралось несколько мужчин с «того двора» - Мишка-музыкант, старый Арам, Витька-алкоголик, безногий Коля - тоже сапожник. Собирались в круг и мальчишки – конечно Ваник, Гурам, Вова-Пушкин (прозванный так из-за сходства с поэтом), и другие ребята. Ваник, тужась, подтаскивал из гаража двухпудовую гиру, и шоу продолжалось.

- А ну, Мукуч-джан, покажи нам, как надо правильно поднимать гиру! Айкануш, прикажи своему мужу поднять гиру, что он не мужик, что ли?

Айкануш визгливо отвечала, чтобы Минас отстал от неё и Мукуча, а дядя Минас заключал:

- Не мужик, значит! А кто же тогда детей тебе заделал, Айкануш-джан?

- Может кто-нибудь из вас хочет поднять? – Минас обводил глазами мужиков вокруг. - Ну Коле не предлагаю – у него ноги нет, но остальные-то с ногами, руками, даже ещё кое с чем! Выходите, мужики!

Но никто не выходил. Тогда дядя Минас с нарочитым трудом выбрасывал несколько раз гирю правой, потом левой рукой, отдыхал и повторял упражнение снова. Когда надоедало, приказывал Ванику затаскивать гирию в гараж, приговаривая:

- Да, надо тренироваться, а то скоро стану таким же дряхлым, как мой дорогой Мукуч!

Шоу заканчивалось, все расходились. Я наблюдал это шоу обычно со своего железного балкона и лелеял жгучую мечту – посрамить дядю Минаса посреди всего двора.

За лето я порядочно «подкачался» и даже выпросил гирию себе в подарок. Бабушка сперва заартачилась, дескать, гирия самим нужна, взвешивать что-то. Тётя Татуся убеждала её отдать мне никому не нужную железку, но бабушка стояла на своём. Тогда я нашёл блестящее решение этого, а заодно и другого, не менее важного вопроса.

Вокруг дедушкиного двухэтажного дома вилась огромная виноградная лоза, доходящая до второго этажа и даже до крыши. Лоза исправно плодоносила и давала литров сто вина. Чтобы ветви винограда не падали, вся лоза была крепко привязана к деревянной веранде дома одним куском толстого шнура, в котором я, как знаток взрывчатки, узнал бикфордов шнур. Бикфордов шнур – это полый водоупорный шнур, полость которого заполнена дымным порохом. Один сантиметр длины шнура горит ровно секунду.

Одним концом бикфордов шнур засовывают в гильзу капсюля-детонатора, отрезают нужную длину шнура, вставляют капсюль во взрывчатку – пакет, мину, шашку и т.д. Когда придёт время подрывать заряд, поджигают конец бикфордова шнура, который, кстати, может гореть даже в воде, и рассчитав время до взрыва (по длине шнура), удаляются. Дойдя до капсюля, пламя поджигает его, где находится особая – иницирующая взрывчатка, например, гремучая ртуть. Она от пламени не горит, а детонирует – очень быстро взрывается, и детонация эта подрывает заряд взрывчатого вещества. А иначе ни аммонал, ни тол, ни другую взрывчатку взорвать невозможно – ни пламя, ни удар, ни даже, выстрел её не возьмут. Толлом из снарядов даже печки топят, как углём, без опасения, что он взорвётся.

Не могу понять только, для какой цели виноградник был связан бикфордовым шнуром. Скорее всего, никто не знал, что это за шнур, приняли его за крепкую верёвку. За обедом, когда за столом сидела вся семья, я многозначительно спросил бабушку, знает ли она, чем привязан виноградник к дому. Все были в полной уверенности, что верёвкой.

- Тогда посмотрите, чем у вас обмотан весь дом, - сказал я, тут же отрезал ножом от конца шнура кусок и на виду у всех поджёг его спичкой. Шнур зашипел как змея, из конца его вырвалось пламя и дым; так продолжалось до тех пор, пока пламя не вырвалось из другого конца, и шнур погас. Впечатление было потрясающее. Бабушка схватилась за голову:

- Выходит, от любой спички или папиросы у нас может быть пожар? – спросила она.

- Да, - серьёзно ответил я, - и попытайтесь вспомнить, кто и когда обвязывал виноградник этим шнуром. Вероятнее всего, это сделал враг народа, который таким образом хотел уничтожить гордость Абхазии! – и я кивнул в сторону ничего не подозревающего дедушки, который плохо видел и слышал, и даже не заметил страшного опыта со шнуром.

- Что теперь делать? – испуганно спросила у меня бабушка.

- Думаю, - важно продолжал я, - что никому об этом нельзя говорить ни слова. Ещё дойдёт до НКВД, спросят – откуда бикфордов шнур, кто обвязывал – не отстанут, пока кого-нибудь не арестуют. Лучше всего я вечером, когда никто не видит, сниму этот шнур и заменю его обычной бельевой верёвкой. А шнур тихо унесу, привяжу к нему камень и утоплю в море – брошу с пристани, и поминай, как звали!

Мысль моя всем понравилась, и план был исполнен. Только шнур оказался не в море, а в моём чемодане.

В благодарность за спасение дома и гордости Абхазии, бабушка назвала меня умницей и согласилась подарить мне гирию, тем более, что я туманно намекнул и на то, что враги народа часто маскируют мины под гири.

Уезжая домой, я с удовольствием нёс в правой руке дарёную гирию, а в левой – чемодан с бикфордовым шнуром. Это были настоящие царские подарки для меня!

Теперь надо было дожидаться того момента, когда сам дядя Минас начнёт своё шоу с гирей. Я постоянно выходил на железный балкон и смотрел вниз на «Мерседес», из-под которого были видны только ноги дяди Минасы. И вот – долгожданное:

- Мукуч-джан, хватить тебе туфли чинить, всех денег не заработаешь!

Я стремглав кинулся вниз по лестнице и через пару минут был в кругу уже знакомых нам персонажей. Мой визит не остался незамеченным. Мне показалось, что дядя Минас был даже польщён тем, что зрителей у него прибавилось, и что я стану ещё одним свидетелем его триумфа.

- Нурик-джан, я рад тебя видеть во дворе, совсем ты нас с Ваником забыл. Загордился! Наверное потому, что на великого писателя стал похож!

Видя моё недоумение, Минас пояснил:

- На Гоголя Николая Васильевича – такие же длинные волосы, а особенно - нос! Что-то, Нурик-джан, нос у тебя последнее время вытянулся!

-Ты даже не представляешь себе, Минас-джан, как нос у тебя самого скоро вытянется! – так и хотелось сказать мне, но я воздержался.

И вот после обычной преамбулы, дядя Минас выбросил гирию правой, потом левой рукой и присел на табурет отдохнуть.

Настало моё время.

- Что-то сдаётся мне, дядя Минас, что гирия-то у вас лёгкая какая-то! Может она пустая внутри, или «люменевая»? (Я намеренно употребил его манеру говорить, чтобы поиздеваться над ним).

-Что ж, Нурик-джан, подойди, попробуй поднять эту люменевую гирию! Только Ваник-джан, принеси из дома горшок, боюсь, что он может кому-то понадобиться! – все осклабились на грубую шутку Минасы.

Я подошёл к гире и несколько раз легко выбросил её и правой и левой рукой. Затем, так же легко, выжал гирию и правой и левой. Была немая сцена, как в «Ревизоре» моего «двойника» Гоголя.

- Да, дядя Минас, морочили вы голову людям пустой гирей, - начал я издеваться над бедным Минасом, такой только жонглировать надо! – и я несколько раз подкинул гирию вверх, вращая её, и подхватывая то правой, то левой рукой.

Минас стоял растерянный, не понимая, как и поступить. Но тут послышался скрипучий голос Мукуча:

- Минас-джан, что же ты нас так бессовестно обманывал, выходит – гирия-то пустая, её ногой футболивать можно, как мяч.

- Да, подхватил Мишка-музыкант, я такую надувную гирию в детстве в цирке видел. Силач с трудом её поднимал, а «Рыжий» ногой зафутболил её прямо в верхние ряды!

Народ заржал, веранды ликовали.

- Минас-джан, Ваник горшок принёс, кому его подавать? – не унимался Мукуч. Народ заржал с новой силой.

Глаза Минасы горели недобрым огнём. Он сделал выпад в сторону Мукуча и с силой залепил ему затрепину.

- А ну, расходитесь, бездельники, мне работать надо! Ваник, убери эту железку подальше! – и дядя Минас спешно залез под свою машину. В мою сторону он даже не посмотрел.

С тех пор я заделался «хозяином» двора. Мне подавали табурет, когда я спускался во двор. Вокруг меня собирался народ, когда я сбрасывал свою гирию с железного балкона, чтобы позаниматься ею. Гирия хлопалась о землю с такой силой, что люди вздрагивали.

- Да, видно, что эта гирия настоящая, чугунная! Не пустая, как некоторые! – тихо комментировал Мукуч, с опаской поглядывая в сторону ног Минасы, торчащих из-под «Мерседеса». Ваник демонстративно поворачивался к нам спиной или уходил домой.

Скоро я приволок во двор и штангу. Йоска Шивц, пересматривая спортивное хозяйство зала, нашёл в коптёрке старую ржавую штангу с побитыми чугунными блинами, которую хотел, было, выбросить. Я упрямил подарить её мне. Привёл в помощь дворовых мальчишек (зал, как я уже

говорил, был вблизи дома), подсунули гриф и блины под ворота стадиона, на улице собрали штангу снова, надели замки. Затем, ухватившись за гриф все вместе, покатали её по дороге с криком: «Хабарда!» («Поберегись, разойдись, дай дорогу!» на каком-то из кавказских языков, термин, понятный каждому на Кавказе). Штанга грохотала, как тяжёлый каток, вызывая страх и уважение разбегающихся в сторону прохожих.

Во дворе был пустующий закуток, где раньше дворник Михо хранил свой инструмент. Теперь, когда двор зарос бурьяном, подметать его стало необязательно, и закуток пустовал. Дверь была крепкая, окованная железом. Я подобрал большой амбарный замок, запер штангу в закутке, громко сказав при всех:

- Увижу, кто балует с замком, прибью!

Так я устроил во дворе филиал зала штанги. Моими постоянными зрителями были дворовые мальчишки, восхищённо наблюдавшие за упражнениями с тяжёлой штангой. Особенно преданным зрителем был мальчик лет двенадцати – Владик, житель «того двора». Он жил в каморке вдвоём с мамой – молодой красивой женщиной – Любой, вслед которой обычно смотрели все наши мужчины, пока она, покачивая бёдрами, проходила через наш двор, следуя на свой «тот двор».

Владик для своих лет, был достаточно крупным мальчиком, с красивой фигурой и смазливый лицом. Белокурые, почти белые волосы, голубые глаза, пухлые губы, нежная, слегка обветренная кожа. Мальчик стал, буквально, моей тенью, он провожал меня на стадион, сидел во время тренировки на полу в углу зала, наблюдая за спортсменами. Затем шёл за мной домой и оставался во дворе до вечера. У себя в каморке он почти не сидел, всё свободное время он играл во дворе. Надо сказать, что и Фаина, которая была чуть постарше Владика, тоже почти весь день пропадала во дворе, дружила с дворовыми мальчишками. Остальные девочки, живущие в нашем доме, появлялись во дворе редко.

Я, как и весной, продолжал помогать ей с уроками, но отношение её ко мне становилось всё безразличнее. Не помогало, ни моё «руководящее» положение во дворе, ни всеобщее восхищение дворовых детей моей силой. Я стал подозревать, что она увлеклась одним из мальчиков, живущих на первом этаже дома – Томасом.

Она постоянно следила за Томасом, и стоило ему появиться во дворе, как Фаина начинала громко смеяться и вертеться вокруг него. Томас был ровесником Владика, и, стало быть, моложе Фаины. Худенький, чернявый мальчик небольшого роста, разговаривающий, в основном, по-грузински. Чем он привлёк внимание красавицы – Фаины?

Я любил Фаину всё сильнее, и её безразличие просто убивало меня. Целые дни я думал о ней и о том, как привлечь к себе её внимание. Бабушка видела мои страдания, но не знала, как помочь мне. Мама же считала все мои увлечения «блажью» - и штангой, и Фаиной; она как-то не воспринимала меня самого и мою жизнь всерьёз и мало интересовалась моими делами.

Соседи

Сведения о нашем доме и дворе были бы далеко не полным, если не сказать о соседях. Ну, не обо всех, конечно, а о наиболее заметных личностях. О Риве я уже не буду говорить – она уже стала не соседкой, а как бы членом семьи. Коммуналка иногда роднит людей. Но что можно интересного сказать, например, о двух пожилых сёстрах-учительницах, живших на втором этаже в одной комнате, честно и добросовестно работавших всю жизнь, так и не вышедших замуж? Да ничего, скуотища одна! Или о дочери священника с первого этажа, которая была соблазнена провинциальным фатом, родила сына Гурама и воспитывала его, работая на заводе. Так дожила до старости, умерла, и не было её не видно и не слышно. Нет, нет и ещё раз нет, грустно и скучно вспоминать об этом! Давайте, лучше поговорим о весёлом.

Я опишу один день из жизни нашего дома, и таких дней в году было если не 365, то, по крайней мере, 300.

Немного о доме. Наш дом был построен богатым евреем Раминдиком (это его фамилия) в 1905 году. Дом имел форму подковообразного магнита в плане. В дуге магнита - проход и ворота.

Вся внутренняя поверхность магнита в остеклённых верандах. Потолки – около 4-х метров, первый этаж – высокий. Третий этаж – на высоте современного пятого.

Большевики (или коммунисты?) отобрали дом у Раминдика. Дочери Раминдика – Севе Григорьевне, оставили комнату на втором этаже. Это была безумно разговорчивая еврейка, в моём детстве, я её помню уже лет шестидесяти. Беда, если Сева Григорьевна поймает вас во дворе или при выходе из дома – тогда она немедленно схватит вас за пуговицу и начинает рассказывать в таком роде:

- Вот наш Лёва, он же – гений, весь Челябинск - а он живёт в Челябинске – говорит об этом, нет, вы просто не знаете нашего Лёву, вы бы не то сказали ... - и пуговица отвинчивается от вашего пальто, пиджака или рубашки.

- Сева Григорьевна, вы оторвете мне пуговицу!

- Дело в не этом! – перебивает дочь Раминдика, - если бы вы знали нашего Башкирова, вы бы не то сказали (известный музыкант Башкиров действительно приходился дальним родственником Раминдикам) - весь мир знает нашего Башкирова, он же гений, гений!

- Сева Григорьевна, я опаздываю на работу!

- Дело не в этом! – отмахивается она и продолжает говорить.

Наконец, наш домоуправ Тамара Ивановна, которая всегда была на своём посту – на балкончике в самом центре дома-магнита, кричит зычным голосом:

- Сева, оставь человека в покое, вот идёт Роза Моисеевна, лови её, она с тобой поговорит!

И Сева Григорьевна, выставив руку-ухват для очередной пуговицы, бежит ловить Розу Моисеевну.

С Севой Григорьевной связан ещё один эпизод, ставший «притчей во языцех» для соседней. У неё хранились облигации займа «восстановления и развития», на которые советская власть обязала подписаться её сына - коммуниста. На предприятиях существовали своего рода коммунисты-провокаторы, которые, выступая на партсобраниях, обязывались подписаться - кто на годовой, а кто и на больший заработок. Их «почин» тут же распространяли на весь коллектив, а самого провокатора тайно освобождали от подписки. Так вот, сын Севы Григорьевны уехал жить и работать в Баку, а бесполезные облигации оставил на хранение маме. Но дочь Раминдика, видимо по старинке, верила, что советские ценные бумаги дадут-таки доход, и бережно хранила их, оберегая прежде всего от соседней по коммуналке.

Так как она часто меняла места хранения (то зашивала в матрас, то засовывала под комод и т.д.), то однажды, она сама позабыла, куда же запрятала советские «ценные» бумаги. Сева Григорьевна, конечно же, решила, что их украли соседи, и подняла страшный крик на весь дом. В поисках облигаций участвовали все «авторитетные» соседи, включая, конечно же, и Тамару Ивановну. Наконец, «ценные» бумаги нашли где-то в двойном дне платяного шкафа, а Сева Григорьевна тут же побежала на почту и дала сыну телеграмму в Баку:

«Что пропало то нашлось не беспокойся тчк мама».

На что сын, не ведая ни о чём, шлёт телеграмму Севе Григорьевне в Тбилиси:

«Мама телеграфируй здоровье тчк Фима»

Конечно же, всё стало известно соседям и те, желая поддеть Севу Григорьевну, постоянно спрашивали у неё:

- Ну, «что пропало, то нашлось», Сева Григорьевна?

- Дело не в этом! - следовал универсальный ответ.

Живя над самым проходом-проездом в дом, Тамара Ивановна контролировала весь дом и двор. Бабушка прозвала её «вахтёром».

- Вы к кому идёте? – спрашивала она проходящего незнакомца.

- К Розе Моисеевне! – например, отвечал он.

- Розы Моисеевны нет дома, вот с ней беседует Сева Григорьевна, идите лучше освободите её.

Этой Тамаре Ивановне я обязан своей жизнью, я об этом ещё расскажу.

Часов в десять утра соседи выходят на веранды, раскрывают окна, и, опёршись на подоконник, высовываются наружу. Идёт активный обмен мнениями.

- Я сон собака видел, - рассказывает попадая с первого этажа Мариам-бебия (бабушка Мариам) свой сон соседке напротив Пепеле (Пепела – имя, но в переводе с грузинского означает «бабочка»). Мариам-бебия плохо говорит по-русски и путает род, падеж, число, склонение, спряжение и т.д., и продолжает, - так бил её, так бил, что убил совсем!

Поясню, что это означает: «Я во сне собаку видела, так била её, что убила совсем».

Смачно зевнув, Мариам-бебия отправляется досматривать свой сон, а Пепела уже возмущённо рассказывает соседям с третьего этажа напротив:

- Вы представляете, госпожа Елизавета, наш Ясон так сильно избил собаку, что животное погибло!

Елизавета Ростомовна Амашукели (Амашукели – княжеская фамилия; сама Елизавета или «тётя Лиза» - подруга моей бабушки и главная соперница её по победам над кавалерами в светских салонах дореволюционного Тбилиси) с французским прононсом сообщает всему дому:

- Наш Ясонка, совсем сошёл с ума! Нет, подумать только, поймал бедную собаку и забил её насмерть! Возмутительно!

Ясон, старый высокий железнодорожник, болевший болезнью Паркинсона в ранней стадии, не успел пройти через пост «вахтёра», как был ею допрошен:

- Ясон, ты что, на старости лет с ума свихнулся, за что ты собаку убил?

Идёт длительное выяснение вопроса, старый и добрейший Ясон плачет, у него трясутся руки, он и мухи-то за свою жизнь не обидел, а тут – на тебе – убил собаку!

Будят Мариам-бебию, и та с трудом вспоминает, что видела во сне собаку ... и так далее. Всё выясняется, Ясон, плача, уходит домой. Мариам-бебия, так и не поняв сути дела, отправляется смотреть сны дальше, а тётя Лиза – культурно, как подобает княгине, критикует Пепелу за дезинформацию – что спутала «я сон» с именем Ясон.

Наступает жаркий день. Дети-дошкольники вот уже часа три носятся во дворе. Их начинают звать домой полдничать:

- Гия, иди какао пить! – зовут воспитанного мальчика Гию его культурные родители-грузины со второго этажа.

- Мера-бик! – с французским проносом зовёт тётя Лиза своего внука Мерабика, - хватит бегать, иди, попей молока и отдохни!

Рива, уже благополучная замужняя женщина «Римма Арониевна», зовёт свою племянницу Ларочку:

- Ларочка, иди кушать: у нас сегодня икра, балык, какао ... Рива не успевает закончить, как её перебивает громовым голосом Гурам с первого этажа:

-Ты ещё весь меню расскажи, чтобы у других слюнки текли!

Возбуждённый этими призывами неработающий пьяница дядя Месроп (это армянское имя такое) зовёт своего немытого сынишку Сурика (это не краска, а тоже такое армянское имя, полностью – Сурен):

- Сурык, иды кофэ пыт!

Бедный Сурик, не выдавший за свою жизнь даже приличного чая, изумлённый тем, что ему предлагают какой-то неведомый кофе, тут же подбегает к дверям халупы дяди Месропа во дворе. Но тот вручает Сурику грязный бидон из-под керосина и сурово приказывает:

- Иды, керосын принеси!

И несчастный Сурик, так и не узнавший вкуса кофе, плетётся за угол в керосиновую лавку ...

Наступает вечер. Самый ранний вечер – пять часов. Четыре часа – это ещё день, а пять – уже вечер. Возвращаются мужья с работы. Эмиль и Арам живут на одном этаже – втором, под нами, и работают в кровати артели вместе. Вместе и пьют чачу после работы.

- Ах вы, пьяницы! – сперва слышен зычный голос «вахтёра», а затем уже появляются фигуры Эмиля и Арама, поддерживающих друг друга. С трудом они взбираются по лестнице, и - чу! – слышен звук удара по чему-то мягкому и визг Зины. Комната Эмиля по коридору первая, вот Зина и завизжала первой. Арам ещё с минуту плетётся, ударяясь о бока веранды, до своей комнаты, и вот уже слышны глухие удары Арамовых кулаков о бока его жены Маро, и её сдержанные стоны. С Эмиля и Арама начиналось обычно в нашем дворе традиционное избиение

жён. Зина-то бойкая, она и сама сдачи даст, и за избиение утром денег с мужа возьмёт. Ещё бы – Эмиль – участник войны, член партии – боится огласки. А с беспутного Арама взятки гладки. Маро с детьми бежит вверх к нам. Бабушка прячет их на шатающийся железный балкон, и те в страхе ложатся на металлический пол.

Арам (метр пятьдесят ростом, пятьдесят кило весом) соображает, где семья, и тоже поднимается к нам. Бабушка приветливо открывает дверь и ему.

- Где Маро? – свирепо вращая глазами, голосом средневекового киллера, вопрошает Арам.

- Арам-джан, здравствуй, дорогой, заходи, сколько времени мы не виделись! – приглашает его бабушка. Арам заходит и садится на кушетку у двери. – Для чего тебе Маро? – спрашивает бабушка.

- Я у неё кров пыт буду! – заявляет Арам.

- Арам-джан, а как ты будешь у неё кровь пить? – интересуется бабушка.

Арам открывает рот, соображает что-то, и потом поясняет:

- Я ей горло рэзат буду и кров пыт! – уже устало разъясняет Арам.

- А за что, Арам-джан? – не отстаёт бабушка.

- Семь дней работал, семьсот рублей заработал, семь индюков купил, принёс Маро, а она ...- и Арам устало завращав глазами, закрывает их, и, храпя, падает на кушетку. Арам был помешан на цифре семь... Через несколько минут Маро с детьми, поднимут спящего щупленького Арама с кушетки, поволокут домой, уложат спать и заботливо укроют одеялом.

Идёт битъё жён и на первом этаже напротив. Там живёт очень толстая, килограмм на сто сорок, армянка и её муж, тоже армянин, но которого никто никогда не видел. Фамилии их тоже никто не знал, да и имён тоже – жили они обособленно. Кто-то называл её просто – «толстая женщина», ну а бабушка придумала ей кличку «Мусорян». Когда «толстая женщина» садилась у окна, то начинала интенсивно есть, а шкурки, кости, кожуру и прочие отходы бросала на двор прямо под окном. Вокруг неё вечно был мусор, отсюда и «Мусорян». У неё с мужем был малолетний сынок по имени «Баджуджи» (прости Господи за такое имя!). Так он первым реагировал на мощные удары мужа по телу г-жи Мусорян. Сама же г-жа Мусорян не кричала, потому, что, во-первых, кричать ей было лень, а во-вторых, нужно быть Майком Тайсоном, чтобы пронять ударами столь мощное тело. Зато Баджуджи орал так, что глушил все остальные крики и шумы.

И во дворе битъё жён идёт полным ходом. Старую партийную работницу, чуть ли не соратницу Клары Цеткин и Розы Люксембург, бьёт старый же её муж, довольно тёмная личность; идёт ругань на идиш, так как оба - евреи. Дядя Минас, если он не у второй жены, бьёт скромную и молчаливую первую жену; Витька-алкаш за неимением жены, бьёт сестру Нелю. Только хилый сапожник Мукуч не бьёт свою жену, потому, что бьёт она его – почему мало денег заработал?

А когда уже становилось совсем темно, безногий сапожник Коля с «того двора», пьяный в дым, начинал с отчаянным матом пробираться домой по неосвещённому ночному двору, и конечно же, обязательно попадал в какую-нибудь яму. Продолжая матюгаться, он всё-таки выбирается из ямы, доплетается до своей будки, и идет обратно, волоча тоже уже пьяненькую свою жёнушку Олю. Он доводит её до ямы и снова падает в неё - на сей раз уже умышленно. Теперь же он, отчаянно костыляя (костылём, разумеется!) свою Олю, заставляет её поднять его и доволочь до дому.

Самое же ужасное завершение дня нашего дома заключалось в явлении Вовы. Вова – это особая судьба. Добропорядочные грузины, муж и жена Картвелишвили, не имея детей, усыновили ребёнка, рождённого русской женщиной в тюрьме. Женщина умерла при родах, а Картвелишвили взяли родившегося малыша. Уже с детства было видно, что голубоглазый блондин Вова – не грузин, а гораздо более северной нации. Хулиганил Вова с детства, а годам к двадцати, став, буквально монстром, стал пить запоем и чудить. Силы он был немеренной – когда я, пытаюсь его как-то успокоить, стал рядом с ним, то он, ухватив меня за ворот, поднял одной рукой от пола и заглянул в глаза. Я увидел совершенно круглые белые глаза, дикую остекленевшую улыбку бравого солдата Швейка, и уже считал себя выброшенным в окно с третьего этажа (а жил Вова на

третьем этаже напротив нас). Но Вова произнёс только: - Это ты, Нурик? Тогда иди на ...! – и опустил меня на пол.

Родители не выдержали такого сыночка и тихо умерли один за другим. А Вова, оставшись один, начал чудить по-серьёзному. Обычно он уже поздно вечером, почти в белой горячке, начинал перелезть к себе домой снаружи, через веранды и карнизы. Он пробирался, разбивая по дороге все окна, раздеваясь и скидывая вниз одежды. Как ему это удавалось – один Бог знает! Балансируя на карнизе и держась одной рукой за подоконник, Вова другой рукой бил стёкла и сдирал с себя одежды. Кровь лилась на карниз, окна, и висевшее внизу соседское бельё.

- Я с-сошёл с-сума! – орал при этом Вова нечеловеческим голосом.

Его мечтой было перелезть по бельевой верёвке, перекинутой через блоки, на противоположную сторону к «культурным» Амашукели и, видимо, устроить там погром. До них было метров пять-семь пропасти, и он собрался переползти эту пропасть по верёвке.

Конечно же, узнав об этих намерениях, Амашукели тут же резали верёвку. Потом днём вновь перекидывали, и так продолжалось до тех пор, пока однажды её не успели перерезать. То ли поздно спохватились, то ли их не было дома, но стокилограммовый пьяный Вова, ухватившись за верёвку, тут же, по законам механики, оказался висящим на руках в центре пропасти - в самом нижнем углу образовавшегося верёвочного треугольника.

Соседи, естественно, все высыпали на веранды и разом ахнули. Что делать? Тянуть за верёвку, пытаясь перетащить Вову, как бельё, на другую сторону, бесполезно – он занимал устойчивое нижнее положение. Оставалось кидать на асфальтовое покрытие двора под Вову матрасы, но почему-то никто не хотел начать это первым.

Картина, которую я увидел, когда меня криком позвали к окну, была фантастической. На фоне тёмных окон веранд, мыча что-то, висит на вытянутых руках, держась за натянутую, как струна верёвку (и как только она не лопнула?) толстый и пьяный Вова. Я понимал, что это продлится две-три минуты, не больше ...

И тут вдруг прямо под Вовой спокойной походкой, не ведая о, буквально, нависшей над ней смертельной опасностью, проходит наша соседка Валя. Увидев высунувшихся из окон всех соседей, непонятно почему молчащих и с дичайшими выражениями лиц, Валя от изумления остановилась на самом опасном месте. Соседи в панике молча замахали ей руками, а она ничего не понимая, стала озираться вокруг. Наконец, увидела что-то нависшее над ней и сделала пару шагов вперёд. И тут же руки Вовы разжались, и он, молча, рухнул вниз.

- Вах! – одновременно произнесли десятки губ, и это громовое «Вах!» совпало с ударом тела о землю. Вова пролетел в метре от Вали; падал он вертикально, и тело его отскочило, наверное, на метр вверх после удара о землю. У кого нашлись силы и мужество подойти поближе (я испугался это сделать), увидели, что Вова лежал на боку, дышал равномерно, казалось даже, что спал. А на нижней половине его лица, висела, простите, сопля, наверное, с килограмм весом. Вышибло её при падении, а высморкаться заранее в висячем положении у него не было никакой возможности!

Вова выжил, сломал только ноги. Месяца через три он уже бодро ходил на костылях, а через четыре, вместе с друзьями, привёл с вокзала приезжую девушку и изнасиловал её. Она там пыталась снять квартиру, ну Вова и предложил её свою. Сделку обмыли, но пошли чуть дальше. Насилие это было столь неприкрытым и громким, что страстные крики слышал весь дом. Девушка была явно пьяна и неадекватно оценивала обстановку. Насытившись сами, Вова и дружки «угостили» бабой приличного человека – соседа, инженера Сергея, у которого жена и дочь уехали на отдых. Польстился Серёга на бесплатное, забыв, где бывает бесплатный сыр ...

А наутро девушка, опохмелившись у Вовы, зашла в милицию и заявила об изнасиловании. Инженера посадили на шесть лет, жена с ним разошлась тут же. На сколько посадили Вову, я не знаю, помню только, что он умер в тюрьме года через три после осуждения.

Обиднее всего то, что именно этого Вову обычно приводила мне мама в пример: «Посмотри на Вову ...» До изнасилования и тюрьмы, конечно. Я сперва не понимал, чем же так славен был Вова, что его мне в пример приводят. А потом понял – человек столько пил, упал с высоты пятиэтажного дома, переломал себе кости, и только выйдя из больницы ... изнасиловал женщину,

щедро угостив при этом и инженера! Завидное жизнелюбие, здоровье и щедрость – вот каким качествам надо бы поучиться у Вовы!

Батоно Нури

Осенью 1954 года мне исполнилось пятнадцать лет, но я выглядел гораздо старше своего возраста. Бриться я начал с двенадцати лет, так что щетина на щеках и усы, которые я носил, выдавали уже не мальчика, но мужа. В эти годы я уже достиг полного своего роста – 172 см и тогда был одним из самых высоких в классе. Это потом многие товарищи догнали и перегнали меня в росте. Знаменитый баскетболист Угрехелидзе по прозвищу «Птица» ростом в два с лишним метра, учился со мной в одном классе и тогда был гораздо меньше меня ростом.

Несмотря на высокий, не по возрасту рост, и даже вполне «взрослые» усы, одна детская привычка у меня оставалась – мне было очень трудно вставать с постели по утрам. Пробуждался я легко, даже от звонка будильника, но оторваться от постели не мог никак. Понимая, что вставать вовремя всё-таки надо, я придумал ряд ухищрений, которые хочу описать, может, кому и пригодится.

В то время таймеров ещё не было, по крайней мере, в открытой продаже, и мне пришлось приготовить его самому из будильника. В час икс, чаще всего в семь утра, будильник-таймер замыкал контакты сирены, похищенной мной из бывшего бомбоубежища. Сирена будила всех соседей, но поднять меня с постели она так и не смогла.

Тогда я устроил сооружение посложнее. К матрацу я пришил два оголённых гибких телефонных кабеля, к которым подсоединил провода от автомобильной катушки зажигания. Одновременно с рёвом сирены меня через простыню начинали «жалить» искры, напряжением в пятнадцать тысяч вольт. «Укусы» эти от автомобильной свечи зажигания были не смертельны, но интересующимся рекомендую попробовать. Мало не покажется! Но и от этих укусов я научился уворачиваться.

Тогда я решился на последний шаг – к потолку я подвесил мощную пружину, которую, растягивая вечером, цеплял к своему одеялу. Пружина стояла на зацепке, управляемой небольшим электромагнитом. Теперь одновременно с военно-воздушной тревогой сирены и пыткой высоковольтным напряжением, добавлялось срывание с меня одеяла и взмывание его к потолку. Но и с этим я научился бороться – за минуту до воя сирены я судорожно цеплялся за одеяло, и мощная пружина подтягивала меня вместе с одеялом. Так я и висел невысоко над постелью, качаясь как маятник, вместе с одеялом. Хорошо хоть то, что я уже становился недосягаем для искр.

Следующими мероприятиями я уже видел опрокидывание кровати и обливание меня с потолка ведром воды. Но потом решил вставать утром одним усилием воли, убрав все навороты. Соседи, наконец, спокойно вздохнули и перестали видеть военно-воздушные сны.

Благодаря упорным занятиям штангой, я имел крепкое телосложение и недюжинную силу. И этого-то «богатыря» продолжали «по инерции» задевать и оскорблять, а иногда позволяли себе и ударить, некоторые одноклассники с совершенно жалкими возможностями.

Меня буквально поразил такой случай. Учился у нас в классе некто Апресян - мальчик, переболевший в детстве полиомиелитом, по существу инвалид. Ходил он без костылей, но еле держался на ногах. И этот инвалид на общем фоне издевательств надо мной, как-то подходит ко мне, и чуть ни падая при этом, отвешивает пощёчину! Отвечать, я естественно, не стал.

Пылу агрессивных одноклассников немного поубавилось после одного урока физкультуры. Обычно на этих уроках класс выводили во двор, давали мяч и мальчики играли в «лело» - игру без правил и, мне кажется, без смысла. Просто гоняли мяч руками и ногами. Я в этих играх не участвовал; надо сказать, что и всю последующую жизнь не умел и не любил играть с мячом. Каждый раз, когда я вижу игры с мячом, то вспоминаю это ужасное «лело», тупые, одичавшие лица игроков с безумными глазами, и моё вынужденное простаивание в закутке двора вместе с девочками, которые, как и я, в «лело» не играли.

Эта игра была очень удобна для учителя физкультуры дяди Серго, который, сидя на стуле, похрапывал при этом. Дядя Серго был «фронтвик», ему многое прощали, даже то, что он приходил на занятия «подшофе».

Однажды был сильный дождь и нас, вместо игры в «лело», повели в спортзал, где был турник. Дядя Серго приказал нам отжиматься от пола и подтягиваться на турнике, а сам ставил отметки в журнал. Я со злорадством наблюдал нелепые позы, в которых корчились ребята, пытаюсь отжаться от пола и особенно - подтянуться на руках! По обыкновению, я стоял в стороне, и все решили, что я, как и при игре в мяч, не участвую в соревновании. Но когда мне уже ставили прочерк в журнале, я вышел и отжался от пола 50 раз. Дядя Серго даже сбился со счёта. А подтягиваться я стал не на двух, а на одной руке – два раза – на правой и два раза – на левой. Дядя Серго аж протрезвел от удивления. Узнав, что я занимаюсь штангой, дядя Серго, обнял меня за плечи, и громко сообщил всему классу, что он «знает» олимпийского чемпиона по штанге 1952 года в Хельсинки, Рафаэля Чимишкяна. На это я заметил, что мы с «Рафиком» тренируемся в одном зале, и я даже бываю у него дома. Дома у него я действительно один раз был, когда дядя Федул попросил меня срочно сбегать к нему и передать какой-то документ, касающийся квартиры. Чемпиону дали отдельную квартиру только после того, как к нему должна была приехать финская журналистка и написать о нём очерк.

Дядя Серго многозначительно поднял руку и объявил классу:

- Вот он – друг знаменитого Рафаэля Чимишкяна и скоро он сам станет чемпионом!

Учился у нас в классе один, не побоюсь этого слова, омерзительный тип, второгодник и двоечник, некто Гришик Геворкян. Маленький, сутулый, со стариковским землистым лицом и гадкими злыми глазами, он был «грозой» класса. Поговаривали, что он - вор и носит с собой нож, и тому подобное, поэтому с ним не связывались. Он мог любого, а тем более меня, без причины задеть, обругать и ударить.

Так вот этот Геворкян приходился каким-то родственником Ванику - сыну Минаса. А о моей любви, к сожалению безответной, к Фаине, во дворе было хорошо известно. Да это просто бросалось в глаза каждому: я её часто отзывал в сторону, упрекал, просил о встрече. Ей надоело всё это, и она даже перестала пользоваться моей помощью в учёбе. Тогда я стал её прогонять со двора: вроде бы, она мешает мне тренироваться, что тут не место для девчонок, и так далее. Дошло до того, что я обвинил её в приставании к Томасу, а она с гримасой ненависти ответила мне по-грузински: «Сазизгаро!» (Мерзкий, ненавистный!). Мы поссорились. Я, хоть и продолжал гонять её со двора, страшно переживал и плакал по ночам в подушку – «мою подружку», а она стала ходить домой к Томасу, откуда я её выгнать не мог. Бить же Томаса не имело никакого смысла, так как было заметно, что он на неё никак не реагирует, видимо, возраст не позволял.

И вот в разгар моей печальной любви, слух о ней дошёл от Ваника к Гришику. И однажды произошёл случай, конфликт, наконец, изменивший мой печальный статус в классе.

Как-то сразу после занятий, в коридоре подошёл ко мне этот «карла злобный» Гришик Геворкян, и бессовестно глядя на меня своими преступными глазами, неожиданно сказал:

- Я твою Фаину «трахал»!

Несколько секунд я был в шоке. Я никак не мог даже представить себе имя «Фаина» - имя моей Лауры, моей Беатриче, моей Манон, наконец, в мерзких чёрных губах этого уродца. А смысл того, что он сказал, был просто вне моих сдерживающих возможностей. И я решился на революцию, пересмотр всех моих взаимоотношений в классе.

Я упёрся спиной о стену и, поджав ногу, нанёс сильнейший удар обидчику в живот. Геворкян отлетел и шмякнулся в противоположную стену коридора, осев на пол. Потом я схватил его за ворот и волоком затащил в класс, в котором ещё находились ребята. Девочки с визгом выбежали в коридор, а мальчики окружили меня с моей ношей. Я спокойно поглядел на всех и внушительно спросил, указывая на Гришика:

- Видите это вонючее собачье дерьмо? «Народ» согласно закивал.

- Вот так будет впредь с каждым, кто чем-нибудь затронет меня! Я все эти годы хотел с вами обходиться по-культурному, но вы не достойны этого. Слышите вы, «ослиные хвостики»? (я назвал это по-армянски – «эшипоч»). Ты, слышишь, Гарибян, сука позорная? – и я отвесил

затрещину Гарибяну, который часто без всякой причины давал мне таковые. Щека его покраснела, но он стоял, не пытаясь даже отойти.

- А ты Саркисян, дрочмейстер вонючий, помнишь, как ты онанировал мне в портфель? – удар коленом в пах, и мерзкий «дрочмейстер», корчась, прилёг рядом с Геворкяном.

- Все слышали, что мне надоело вас терпеть! – я перешёл на крик. – Не понравится мне что-нибудь – убью! – и я пнул ногой тело Гришика Геворкяна, которое начало было шевелиться. Шальная мысль пришла мне в голову.

- И называть меня впредь будете только «батано Нури» (господин Нури), как принято в Грузии. Мы в Грузии живём, вы понимаете это, дерьма собачьи?

Несколько человек из присутствующих согласно закивали – это были грузины по национальности. Неожиданно для себя я избрал правильную тактику: будучи в душе русским шовинистом, но, живя в Грузии и имея грузинскую фамилию, я взял на вооружение неслабый грузинский национализм. К слову, скажу, что «грузин» - это название собирательное. Грузинская нация состоит из огромного числа мелких национальностей, нередко имеющих свой язык – сванов, мегрелов, гурийцев, рачинцев, лечхумцев, месхов, кахетинцев, карталинцев, мохеров, хевсуров, аджарцев ... не надоело? Я мог бы перечислять ещё. Только немногочисленные карталинцы могут считать себя этнически «чистыми» грузинами. А вот, например, многочисленные, умные, а где-то и страшные, мегрелы, иногда не причисляют себя к грузинам. У них свой язык. Как, собственно и абхазы. Но в те годы, о которых я рассказываю, все эти народности проходили как «грузины».

- А кто не будет меня так называть – поплатится! – и с этими словами я вышел, спокойно пройдя сквозь раздвинувшийся круг.

Репрессии

Назавтра, придя в школу, я невозмутимо сел на своё место. До начала урока оставалось минут пять. Сосед мой по парте – Вазакашвили, по прозвищу «Бидза» («Дядя»), никогда не обижал меня, даже защищал от назойливых приставаний одноклассников. «Дядей» его называли потому, что он несколько раз оставался на второй год и был значительно старше других ребят. Я давал ему списывать, а он защищал меня – получался своеобразный «симбиоз».

- Привет, Бидза! – нарочито громко поздоровался я с ним.

- Салами, батано Нури! – вытаращив глаза, выученно отвечал он на приветствие.

Я встал со своей парты и начал обходить ряды, здороваясь со всеми мальчиками. Отвечали мне кто как. Кто называл меня «Нурбей», кто «Курдгел» («Кролик» по-грузински – это была моя «кличка», по-видимому, из-за моей былой беззащитности), а кто, как положено – «батано Нури». Последним я кивал, а первым спокойно сообщал: «Запомню!» Девочки испуганно смотрели на меня, не понимая, что происходит.

Напоследок я подошёл к Геворкяну:

- Привет, Эшипоч! – громко поздоровался я с ним. Серое лицо Геворкяна передёрнулось. Очень уж было обидно получить «ослиного члена» перед всем классом. И от кого – от вчерашнего робкого «Курдгела»! Но Гришик опустил глаза и ответил:

- Здравствуй, батано Нури!

На перемене я поочерёдно отзывал в сторону того, кому говорил «запомню», и, вывернув ему руку, либо схватив за горло, спрашивал:

- Ну, как меня зовут?

Если получал нужный ответ, то отпускал его, а тем, кто отказывался называть меня господином, я быстрым движением шлёпал левой рукой по лбу, приговаривая:

- Теперь твой номер – шестьсот три!

«Шлёпнутые» шарахались от меня, смотрели как на чокнутого. Иногда даже пытались кинуться на меня. Но я всё предвидел и применял к ним один из трёх разученных мной приёмов

самбо. Левую ногу я ставил сбоку от правой ноги противника и сильно бил правой рукой по его левой щеке. Ударенный тут же падал вправо. Если ноги у противника были расставлены, я протягивал в его сторону свою левую руку, как бы пытаюсь толкнуть его. Противник инстинктивно захватывал мою руку за запястье. Если он хватал левой рукой, то я, придерживая его захват своей правой, локтём левой руки, надавливал сверху на его левую руку. Если же тот хватал правой рукой, то я, опять-таки, придерживая его захват, клал ладонь своей левой руки на его правую сверху и давил на неё. В обоих случаях противник с криком приседал и продолжал сидеть и кричать, пока я не отпускал его со словами:

- Запомни, теперь твой номер – шестьсот три!

Назавтра, придя в школу, я прямо в вестибюле увидел группу ребят из моего класса, большинство из которых были с родителями. Они о чём-то громко и возмущённо говорили с директором школы по фамилии Квилитая. Ребята стояли в надвинутых на лоб кепках. Директор Квилитая, по национальности мегрел, был человеком буйного нрава и очень крикливым. Про него ученики даже сочинили стишок:

Наш директор Квилитая,
С кабинета выбегая,
На всех накричая,
И обратно забегая!

Увидев меня, толпа подняла страшный гомон, родители указывали на меня пальцем директору:

- Вот он, это он!

Директор сделал такие страшные глаза, что будь поблизости зеркало, он сам бы их перепугался. По-русски директор говорил плохо, но зато громко.

- Гулиа, заходи ко мне в кабинет! А твоей маме я уже позвонил на работу! Сейчас ты получишь, всё чего заслуживаешь! – и он затолкал меня в свой кабинет, который находился тут же, на первом этаже у вестибюля. – Чорохчян, заходи ты тоже, позвал он одного из ребят с нахлобученной шапкой.

Директор сел в своё кресло, а я и Чорохчян стояли напротив него. Чорохчян снял кепку, и я увидел на его лбу большие цифры «603». Цифры были похожи на родимые пятна – такие же тёмно-коричневые и неровные.

- Что такое «603»? – завопил директор, дико вращая глазами.

- Трёхзначная цифра! – невозмутимо ответил я.

Директор подскочил аж до потолка.

- Чорохчян, пошёл отсюда! – приказал он, и когда тот вышел, стал вопить не своим голосом. – Ты меня за кого считаешь, по-твоему я не знаю, что цифра «603» читается как слово «боз», что по-армянски значит: «Сука, проститутка?»

- Сулико Ефремович (так звали нашего директора), а почему я должен знать по-армянски? Я – мегрел! – с гордостью произнёс я, - и армянского знать не обязан!

Квилитая знал, что фамилия у меня мегрельская, часто мегрелы, долго живущие в Абхазии, начинают считать себя абхазами. Фамилия «Гулиа» очень часто встречается в Мегрелии (Западная Грузия). Директор сам, по-видимому, недолюбливал армян и сейчас сидел, вытаращив глаза и недоумевая, ругать меня или хвалить.

- Почему ты требовал, чтобы тебя называли «батано Нури»? – спросил он сначала тихо, а потом опять переходя на крик – господ у нас с 17-го года нет!

- Прежде всего, Сулико Ефремович, «батано» - это общепринятое обращение у нас, грузин, а мы живём всё-таки в Грузии. А, кроме того, моё имя в переводе с турецкого означает «Господин Нур»; «бей» - это то же самое, что «батано» по-грузински - «господин». Я и хотел, чтобы они называли меня моим же именем, но на грузинский манер, - я смотрел на директора честными наивными глазами.

- Чем ты писал цифры у них на лбу? – уже спокойно и даже с интересом спросил он.

- Да не писал я ничего, весь класс свидетель. Я шлёпал их по лбу и называл цифру. А потом она уже сама появлялась у них на лбу. Я читал, что это может быть из-за внушения. Вот у Бехтерева...

- Тави даманебе («не морочь мне голову») со своим Бехтеревым, что я их родителям должен говорить?

- Правду, только правду, - поспешно ответил я, - что это бывает от внушения, просто у меня большие способности к внушению!

- Я это сам вижу! – почти весело сказал директор и добавил, - иди на урок и больше никому ничего не внушай!

Я вышел, а директор пригласил к себе столпившихся у дверей родителей. Думаю, что про Бехтерева они вспоминали не единожды ...

А в действительности мне помогла химия. Купив в аптеке несколько ляписных карандашей – средства для прижигания бородавок – я их растолок и приготовил крепкий раствор. Этим-то раствором я незаметно смазывал печать – резиновую пластинку с наклеенными на неё матерчатыми цифрами. И прихлопывал моих оппонентов по лбу этой печатью. Ляпис «проявлялся» через несколько часов, вероятнее всего ночью; держались эти цифры, или вернее буквы, недели две. Так что, времени на то, чтобы познать свою принадлежность, у носителей этих знаков было предостаточно!

Дома мне попало от мамы, которой директор успел позвонить на кафедру и сообщить, всё, что думал обо мне ещё до нашего разговора. Сулико Ефремович до директорства был доцентом института, где работала мама, и даже был знаком с ней.

- Тебя не приняли в комсомол, тебя выгонят из школы, у тебя всё не так, как у людей, ты – ненормальный! – причитала мама, - посмотри на Ваника, как он помогает маме ...

Этого я не вытерпел. Это «посмотри на ...» я слышал часто, и смотреть мне предлагалось на личностей, подражать которым мне совсем не хотелось. И главное – стоило маме предложить мне посмотреть на кого-нибудь, как пример для подражания тут же проявлял себя во всей красе.

- Посмотри на Вову ... - и Вова вскоре попадает в тюрьму; - посмотри на Гогу ... - и Гога оказывается педерастом (случай, надо сказать, нередкий на Кавказе); - посмотри на Кукури (есть и такое имя в Грузии!), и несчастный дебил Кукури остаётся на второй год.

Ванику это «посмотри на ...» тоже даром не прошло. Вскоре он был скомпрометирован перед соседями тем же манером, что и Гога. Но об этом я скажу ещё отдельно, так как история эта рикошетом, но очень чувствительным, задела и меня.

- Мама, - сказал я решительно, - из-за твоих советов меня били и надо мной издевались и в детском саду и в школе; из-за твоих советов я казался ненормальным всем товарищам; своими постоянно мокрыми брюками я тоже обязан твоим советам. Хватит, теперь я попробую пожить своим умом, буду делать, что сочту нужным – бить, кого надо, матюгаться прямо на улице – всё буду делать, но и отвечать за свои поступки тоже буду ...

- Вот за это Фаина любит не тебя, а Томаса, и такого тебя никто не полюбит ...

Это было запрещённым приёмом; ударить маму я не мог, но и стерпеть этих слов – тоже. Всё помутилось у меня в голове, и я рухнул в обморок.

Раньше со мной этого не случалось. Когда я пришёл в себя, мама извинилась, чего тоже раньше не было.

Обозлённый своим положением брошенного ухажёра, я вымещал свою злобу в классе. Так как там остались ещё «непокорные», я применял к ним комплексную методику – то у них неожиданно загорался портфель, то их одежда начинала невыносимо вонять – это от сернистого натрия, вылитого на сиденье парты. Очень успешным оказалось использование серной кислоты – даже следов её на парте было достаточно, чтобы во время глажки на одежде появлялись сотни дырок.

Но самым устрашающим оказался взрыв в туалете. Как я уже рассказывал про это самое замечательное помещение в школе, оно было построено на азиатский манер – дырка и два кирпича по сторонам. Упомянутая дырка оканчивалась таким раструбом наверху, видимо, чтобы

не промахнуться при пользовании. Эти раструбы на нашем первом этаже были заполнены вонючей жижой почти до верха.

Я набил порохом четыре пузырька из-под лекарств, завёл в пробку по бикфордову шнуру. К каждому из пузырьков, по числу очков в туалете, я привязал тяжёлый груз – большую гайку, камень и т.д. Дождавшись когда в туалете не было посетителей, я быстро «прикурил» от сигареты все четыре шнура и бросил по пузырьку в каждый раструб. После чего спокойно вышел из туалета. Секунд через двадцать раздались четыре взрыва, вернее даже не взрыва, а всплеска огромной силы, после чего последовали странные звуки сильного дождя или даже града.

Я заглянул в туалет уже тогда, когда там раздались крики удивления и ужаса забежавших туда учеников. Картинка была ещё та – весь потолок был в дерьме и жижа продолжала капать оттуда крупными фрагментами. Я представил себе, как взорвавшиеся пузырьки с порохом, развив огромное давление, вышибли жидкие «пробки» вверх, мощными фонтанами, ударившими в потолок. Замечу, что если бы это был не порох, а обычная взрывчатка, то, скорее всего, разорвало бы трубопровод в месте взрыва. Как это бывает с пушкой, где снаряд взрывается, не успев вылететь из ствола. А порох превратил канализационную трубу в подобие пушки, выстрелившей своим биологическим снарядом в потолок.

Все догадывались, что это затея моя, но доказательств не было. Сейчас бы в эпоху терроризма, исследовали бы всё дерьмо, но нашли бы обрывки бикфордовых шнуров и осколки пузырьков. Назвали бы это «самодельным взрывным устройством» и непременно разыскали бы автора. А тогда просто вымыли туалет шлангом и посчитали, что это из-за засора в канализации.

К слову, туалеты прочистились замечательно! Взрывом, как мощным вантузом их прочистило так, что до окончания школы я уже засоров не замечал. Безусловно, в классе этот случай среди учеников обсуждался. Все невольно посматривали на меня. Но я, не принимая намёков на свой счёт, заметил просто, что если бы во время взрыва кто-нибудь находился бы в туалете, а тем более, пользовался бы им, то он уже не отмылся бы никогда.

Надо сказать, что я был перепуган масштабами этого взрыва и решил мои безобразия прекратить. К тому же, в классе не осталось ни одного смельчака, который бы решился теперь обратиться ко мне иначе, чем «батону». А я сделал вывод, что сила – это лучший способ борьбы с непокорным народом. Особенно, не успевшим вкусить демократии.

Расстрел

Тем временем наступил 1956 год, последний для почти тысячи студентов и школьников Тбилиси. Я был в самом центре тогдашних событий марта 1956 года в столице Грузии. Меня до сих пор поражает умалчивание этих страшных событий в центральной прессе. Про Новочеркасск, Познань, Будапешт, Прагу – пишут и даже по телевидению показывают. Про Тбилиси конца прошлого века, когда советские войска забили сапёрными лопатками несколько женщин и стариков – тоже. А про то, когда около восьмисот (это самые усреднённые данные) человек, в основном молодёжи, были расстреляны, задавлены и утоплены в центре Тбилиси – упорно умалчивают даже сейчас. При том, как грузинские газеты уже с конца 80-х годов (т.е. ещё в СССР!) открыто посвящали этому событию огромные статьи.

Я начну рассказ об этом событии издали – с описания жизни обыкновенного тбилисского юноши, родившегося и воспитанного в годы «культы личности». Юноша, который до этих дней воспринимал любовь «партии и правительства» к своему народу всерьёз, сталкивается с чудовищным предательством – и взрывается.

У меня в детстве был целый иконостас портретов Сталина, я обращался к нему утром и вечером. Как я теперь понимаю, молился. Правда, молился и Боженьке, но потом просил за это прощения у Сталина.

И вот в 1952 году я узнал, что Сталин приедет в Тбилиси. Как должен поступить сын, когда приезжает отец? Я так и поступил – пошёл встречать отца на вокзал. Взяв, естественно, с собой свой фотоаппарат «Фотокор-ГОМЗ».

Я думал, это будет бронепоезд, с красными флагами. Но сталинский вагон оказался обычным с виду; проводник распахнул двери, протёр тряпкой поручни и отодвинулся куда-то вглубь вагона. Сердце моё заколотилось. В проёме под аплодисменты показался Сталин. Я почему-то думал, что Сталин - молодой, высокий и энергичный, а увидел полноватого, рябого старика в белом кителе с брюшком и усталым взглядом. Видимо, дорога утомила старика. Это было моё первое потрясение. Второе не заставило себя ждать.

Старик устало помахал рукой толпе, а потом сделал то, чего я никак не ожидал увидеть. Вместо того, чтобы молодцевато, как и подобает Вождю Всех Пролетариев Мира, выскочить из вагона, гордо подняв голову, он вдруг, медленно топчась на месте, повернулся к публике спиной, и, выпятив вперёд зад в белых брюках, стал неторопливо и аккуратно спускаться по лестнице на низкий перрон, держась за протёртые проводником поручни. Я протиснулся со своим «Фотокором» поближе и, дождавшись пока Сталин глянет в мою сторону, щелкнул.

Фотография получилась. Я берёг её всю жизнь, перевозил с квартиры на квартиру и из города в город. Снимок изрядно пожелтел, видимо, я, по пионерской неопытности недодержал его в ванночке с закрепителем. Но и сейчас я бережно храню этот снимок, иногда вывешивая на стену.

Сталин и сопровождающие вышли на привокзальную площадь, но ни в какие машины не сели, а просто и демократично, как и подобает Вождям в самой демократичной и свободной солнечной стране, прошли пешком один квартал по улице Челюскинцев (ныне Вокзальной). И лишь потом сели в авто. Я поехал за ними на троллейбусе, потому что знал, куда поедет Вождь. Это знал весь Тбилиси – он направится во дворец бывшего наместника генерал-губернатора Воронцова-Дашкова, переделанный большевиками во дворец пионеров.

Ещё из троллейбуса я увидел толпу мальчишек, прилипших к ограде сада, куда выходил фасад дворца. И я тоже протиснулся к ней. Сталин находился от меня в метрах пятидесяти, не далее. Позже, повзрослев, я дивился, почему не было никакой охраны – ведь через эту решётку ограды любой мог выстрелить в товарища Сталина и убить его! Например, я. Никто никого не обыскивал. Толпа стояла перед оградой и глазела. А за оградой был Сталин.

Он сидел на скамеечке и беседовал с людьми. Рядом, ничуть не обращая внимания на самого Сталина, садовник в белом переднике и картузе, невозмутимо поливал сад из шланга. Вдруг Сталин что-то сказал окружающим, после чего один из присутствующих бегом удалился. Видимо, Сталин попросил воды. Но вождь не стал дожидаться посланца, он просто пальцем поманил садовника, взял у него резиновый шланг и, налив себе в ладонь воды, выпил её прямо из горсти. Вскоре прибежал человек с подносом в руках, на котором стояли бутылка «Боржом» и бокал. Но Сталин только отмахнулся от него.

5 марта 1953 года Сталин умер. Что было тогда в России, хорошо известно: плакали даже дети репрессированных. Ну, а Грузия - она просто потонула в слезах. Моя бабушка сказала: «Теперь брат на брата пойдёт, пропадёт страна!» А поэт Иосиф Нонешвили писал, что если бы Солнце погасло, то мы бы не так горевали – ведь оно светило не только хорошим, но и плохим людям, ну а Сталин, как известно, светил только хорошим.

Народ на стихийных сходках предлагал всю страну или, по меньшей мере, Грузию назвать именем вождя (ну, как Колумбию – именем открывателя Америки), а первым секретарём сделать сына Сталина – Василия или, «на худой конец, Лаврентия Берия, тоже грузина, как-никак».

А потом, в начале 1956 года, случился роковой XX съезд партии. Потрясённая Грузия узнала, что Анастас Микоян выступил с разоблачением культа личности Вождя.

И тогда Грузия стала ждать печальную дату – 5 марта, чтобы ещё раз убедиться: великая катастрофа случилась. Наступило 5 марта. Все газеты были раскуплены. Люди передавали их друг другу и возмущённо качали головами: «Вах! Вах! Ны одын слова нэ напысалы про дэн смэрты Важдя!». Как будто Сталина и не существовало! Это было невыносимо, и население Грузии, особенно молодёжь, взорвалась.

Придя утром 6 марта на занятия в школу, я обнаружил учеников и учителей во главе с директором, на улице перед школой. Никто, похоже, не собирался заходить в здание. Завхоз молча с мрачным видом выносил со склада портреты Вождей – Ленина, Сталина, Маленкова, Молотова ... Хрущёв и Анастас Микоян были тут же с гневом отвергнуты и затоптаны школьниками. Мы намеревались идти с портретами и лозунгом: «Ленин-Сталин!» к Дому Правительства. Это решение возникло как-то внезапно и сразу во всех головах одновременно. Никто даже ничего не обсуждал.

Старшеклассники остановили пару грузовиков, и мы быстро залезли в кузов. Ехать было куда интереснее, чем идти. Оказалось, что мы со своей школьной идеей были не одиноки – по дороге было много таких грузовиков со школьниками. Было достаточно и пеших демонстрантов. Подъезжая к центру города – улице Руставели, где и находился Дом Правительства, - мы выкрикивали наши лозунги и боролись с попытками некоторых двоечников крикнуть нецензурщину в адрес строгих учителей.

Возле Дома Правительства нас всех встретил какой-то дядя и, махая руками, торжественно пообещал, что завтра газеты напечатают про Сталина всё, что надо. И удовлетворённые демонстранты разъехались: завтра напишут, наконец, что 5 марта три года назад умер Сталин!

8 марта было устроено грандиозное представление на центральной площади города – площади Ленина. Но мы помнили, как называлась раньше эта площадь. Люди мрачно шутили, что в Москве даже Институт Стали переименован в Институт Лени ...

На площади по кругу разъезжала чёрная открытая машина «ЗиС», в которой находились актёры, наряженные как Ленин и Сталин. Это был тбилисский народный обычай – на всех демонстрациях и торжественных мероприятиях два актёра, любимые народом, наряженные в вождей, ездили по площади на «ЗиСе» с одной и той же мизансценой. Стоящий «Сталин» широким жестом показывал сидящему «Ленину» на ликующий народ вокруг. «Ленин» одобрительно улыбался, похлопывая «Сталина» по талии и жал ему руку. Толпа ликовала.

Кстати, тот дядя, у Дома Правительства, сдержал своё слово – тбилисские газеты вышли с громадными портретами Сталина и хвалебными статьями о нём. Казалось, ничего не предвещало трагедии. Но наступило 9 марта 1956 года ...

Не знаю почему, но представлением и газетами, властям успокоить народ не удалось. И на следующий после торжественных мероприятий день, демонстранты, в числе которых был, разумеется, и я, подошли к Дому Связи, располагавшемуся поблизости от Дома Правительства, и многотысячной толпой стали напротив него. У входа в Дом связи находилась вооружённая охрана.

Не помню уже, по какой причине у «инициативной группы» в толпе возникло желание дать телеграмму Молотову. Кажется, хотели поздравить его с днём рождения, который был 9 марта. От толпы отделились четыре человека – двое юношей и две девушки, подошли к охране. И их тут же схватили, выкрутили руки и завели в дом. Толпа бросилась через улицу на выручку... А из окон Дома Связи вдруг заработали пулемёты.

Дальнейшая картина преследует меня всю жизнь. Вокруг начали падать люди. Первые мгновения они почему-то падали молча, я не слышал никаких криков, только треск пулемётов. Потом вдруг один из пулемётов перенёс огонь на огромный платан, росший напротив Дома Связи, по-моему, он и сейчас там стоит. На дереве, естественно, сидели мальчишки. Мёртвые дети посыпались с дерева, как спелые яблоки с яблони. С тяжёлым стуком ...

И тут молчание прервалось, и раздался многотысячный вопль толпы. Все кинулись кто куда – в переулки, укрытия, но пулемёты продолжали косить убегающих людей. Рядом со мной замертво упал сын бывшего директора нашей школы – мой ровесник. Я заметался и вдруг увидел перед собой небольшой памятник писателю Эгнате Ниношвили. Я бросился туда и спрятался за спиной писателя, лицо и грудь которого тут же покрылись оспинами от пуль. Затем, когда пулемётчик перенёс огонь куда-то вправо, я бросился бежать по скверу.

По дороге домой я увидел, как танки давят толпу на мосте через Куру. В середине моста была воющая толпа, а с двух сторон её теснили танки. Обезумевшие люди кидались с огромной высоты в ночную реку. В эту ночь погибло около восьмисот демонстрантов. Трупы погибших, в основном, юношей и девушек, ещё три дня потом вылавливали ниже по течению Куры. Некоторых

вылавливали аж в Азербайджане. На многих телах, кроме пулевых, были и колотые - штыковые ранения.

Дворами я добрался до дому и, не раздеваясь, лёг спать. И только тут я обнаружил, что ранен: в ботинке хлюпала кровь, и я вылил её как воду. Штанина была вся в крови и прострелена насквозь. Я даже маме не сказал, что ранен. Осмотрел рану – кость не задета. Перемотал ногу, чем попало, спрятал штаны, и как ни в чём не бывало, утром пошёл в школу. Кстати, рана эта потом долго гноилась.

Но только я высунул нос из ворот, как тут же наткнулся на танк, стоящий прямо перед нашим домом на улице. Страшно перепугавшись (арестовывать приехали!!!), я взлетел на свой третий этаж и забился в чулан. Переждав некоторое время, я понял, что танк, видимо, приехал не за мной, а за кем-то другим, и вышел из дома.

Проходя мимо больницы на улице Плеханова, я увидел странную картину: деревья перед окнами больницы были сплошь увешаны окровавленными бинтами, А пожарные, приставив лестницы, снимали их, матерясь. Оказалось, раненые сорвали свои окровавленные бинты, выбросили их из окон больницы и разбежались, боясь, что всех раненых арестуют как участников беспорядков.

Однако арестов, судов и расстрелов, как потом в Новочеркасске, в Тбилиси не последовало. По крайней мере, никого из моих знакомых не взяли. Видимо, власти посчитали, что «и так хорошо».

В 1989 году я с моей будущей женой Тamarой, побывал в Тбилиси и пошёл на место расстрела - поклониться писателю, защитившему меня своей каменной грудью. На памятнике были отчетливо видны оспинки от пуль. Прохожие улыбались, наверное, принимая меня за почитателя таланта Эгнате Ниношвили, произведения которого я, к своему стыду, так и не удосужился прочитать ...

Суицид

Но кланялся я памятнику после, а сейчас у меня голова шла кругом - рушились все устои. Нас расстреливали правительственные войска только за то, что мы выступали за советскую власть. Мы же выступили «за», а не «против»?

Беспокоила меня и рана, которая стала нагнаиваться. Кость не была задета, но рана всё расплзлась и кожа вокруг неё краснела. К врачам я обратиться боялся – ещё арестуют. Я даже перестал тренироваться – болела нога. С Фаиной нет никаких контактов – она меня явно избегала. Один Владик был со мной рядом, он постоянно приходил ко мне и проводил со мной всё свободное время. Я и в школу перестал ходить: узнают о моём ранении - донесут куда надо.

И за время вынужденного безделья мне в голову пришла мысль, которую назвать умной никак было нельзя. У меня было несколько негативов на плёнке, где я тайно фотографировал Фаину. Один раз я даже сумел сфотографировать её в ванной, где она купалась. Мне это чуть не стоило жизни – я по стене с железного балкона дополз, цепляясь за выбитые кирпичи и остатки креплений бывшей лестницы, до окна в её ванную на втором этаже. В нашем доме ванны были совмещены с туалетом и имели большое окно во двор. Летом соседи чаще всего ставили на подоконник ванной вёдра с водой, вода грелась на солнце, и этой водой они купались, поливая себя шайками. В одно из таких купаний я и сфотографировал Фаину в обнажённом виде. Она орала и пыталась облить меня водой, но родителям не сказала.

Так вот, имея этот негатив, я несколько раз фотографировал себя в своей ванной в подходящих позах и без одежды. Позы должны были подходить к той, в которой сфотографирована была Фаина. Затем из готовых и крупных фотографий я сделал монтаж и сфотографировал его снова. Проявив плёнку, обнаружил, что работа вышла на славу – монтаж удался. Я выбирал вечер, когда смогу запереться на кухне и изготовить позитивы.

Тем временем Владик принёс мне жестяную баночку из-под вазелина, наполненную какой-то жёлтой мазью. Это была пенициллиновая мазь – чудо того времени, которую притащила из госпиталя мать Владика - Люба, работавшая там медсестрой. Несколько побаиваясь, я смазал

мою рану этой мазью, израсходовав её почти всю. А баночку выбросил в мусорное ведро. Положил на рану сверху марлю и перебинтовал ногу.

А утром – вы можете мне не поверить, но почти вся рана затянулась тоненькой розовой плёнкой. Только в самом углу рана продолжала гноиться. Я рассыпал по полу мусорное ведро, которое, к счастью, не выкинули, разыскал жестяную баночку, тщательно собрал остатки мази и намазал её на гноящийся угол раны. И к утру зажил и этот кусочек раны! В то время микробы, ещё не вкусившие пенициллина, погибали от него все и разом! Владик был счастлив, что помог мне; странно, что меня даже не удивляла его привязанность и постоянная, нежная забота. Я считал, что всё так и должно быть, не задумываясь – почему.

А в один из вечеров я велел Владiku уходить домой, так как собирался печатать заветные фотографии. Владик буквально со слезами на глазах упробил меня взять его с собой и показать, как это делается. Меня смущала только конспиративность в отношении «криминальных» фотографий - Владик знал о том, что я люблю Фаину. И я задумал испытать на нём впечатление от монтажа.

Итак, мы с Владиком в запертой и затемнённой кухне; перед нами ванночки с проявителем, ведро с водой для промывания фотографий. На столе - увеличитель и красный фонарь. Сейчас, когда фотографии заказывают в ателье, эта картина кажется диким атавизмом, но именно так и изготовлялись фотографии в то время. Особенно «криминальные».

Я подложил под красное изображение бумагу и откинул светофильтр. Сосчитав, до скольких положено, я утопил бумагу в проявителе, придвинул красный фонарь, и с замиранием сердца стал ждать результата. Обняв меня за спину, Владик тоже напряжённо смотрел в ванночку. И, наконец, появилось, на глазах темнея, заветное изображение: обнажённая Фаина, стоящая по колено в ванной, а сзади я обнимаю её руками за талию, высовываясь сбоку. Лица у нас оскаленные – то ли в улыбке, то ли в экстазе.

Владик аж раскрыл рот от неожиданности:

- Так ты её трахал? – страшным шёпотом спросил он меня, отпустив мою спину и заглядывая прямо в глаза.

- А что, не видно, что ли? – уклончиво ответил я, отводя глаза от пристального взгляда Владика.

- А она, сучка, говорила мне, что у неё с тобой ничего не было! Все девчонки – суки! И на что она тебе нужна? – горячо говорил Владик, - во-первых, она еврейка, а они все хитрые и продажные; во-вторых – она бессовестно кадрит Томаса, а он плевать на неё хотел! Да она – лихорадка тропическая! - употребил он в сердцах термин, вероятно заимствованный от матери-медсестры.

- Ну, а тебе, собственно, что за дело? – удивился я, - ну, может и сука, может и лихорадка, а тебе-то что?

Даже при свете красного фонаря мне показалось, что Владик побледнел.

- Мне - что за дело? Мне - что за дело? – дважды повторил он и вдруг решительно сказал тем же страшным шёпотом: - А то, что я люблю тебя, ты, что не видишь? И я не отдам тебя всякой сучке! Ты женишься на мне, может, не открыто, не для всех – а тайно, только для нас!

Владик стал хватать меня за плечи, пытаюсь поцеловать. Я был выбит из колеи, ничего не понимая, я тарасился на Владика, увёртываясь от его поцелуев.

- А ну-ка дай себя поцеловать! И сам поцелуй меня! – так властно потребовал Владик, что я невольно пригнулся, подставив ему своё лицо. До сих пор не знаю, целовала ли меня за всю жизнь, жизнь долгую и отнюдь не монашескую, какая-нибудь женщина так искренне, так страстно и с таким страхом, что всё вот-вот кончится!

За этими внезапными поцелуями я и не заметил, как руки Владика стали шарить меня совсем не там, где положено. Это меня сразу отрезвило – мальчик-то несовершеннолетний! В нашем дворе ничего не скроешь (хорошо, что я тогда понял эту очевидную истину!). Всё дойдёт до Фаины, и тогда вообще конец всему! Голова у меня уже кружилась, но я нашёл силы оттолкнуть Владика, успокоить его, и отпечатать несколько фотографий. Чтобы никто посторонний не увидел, я их тут же отглянцевал и спрятал. Владика просил об этом никому не рассказывать.

Совершенно одуревший, я проводил Владика до дверей кухни и, поцеловав, отпустил домой. Сам же остался прибираться на кухне.

Никогда, наверное, у меня не было таких сумбурных снов, как в эту ночь. Я видел, как я в цветущих кустах целую Сашу, и её лицо вдруг превращается в лицо Владика. Я продолжаю целовать это лицо и страстно говорю: «Я люблю тебя, я женюсь на тебе!» Проснувшись, я поразился, насколько Владик действительно похож на Сашу, на повзрослевшую девочку Сашу. Как только это сходство не бросилось мне в глаза раньше! И тут же, заснув, вижу разъярённое лицо Фаины, кричащее мне: «Сазизгаро!» («Мерзкий!»).

Назавтра утром я пошёл в школу и никаких новостей не заметил. Учителя даже не спросили, почему я не ходил. У всех лица были испуганные и замкнутые; никто ничего лишнего не спрашивал. Молодая красивая учительница грузинского языка Нателла Артемьевна - персонаж моих сексуальных сновидений, тихо сказала классу, что оказывается, на демонстрации убили сына нашего бывшего директора. Новый директор – Квилитая - ходил мрачнее тучи.

А дома меня ожидал сюрприз, предсказанный последним сном. Фаина встретила меня у лестницы, не дав подняться домой. Она с улыбкой пригласила меня погулять во дворе. Надежда уже стала просыпаться в моей душе, как вдруг Фаина повернула ко мне своё искажённое злобой лицо, и, кривя рот, спросила:

- Так мы с тобой трахались в ванной? И даже фотографировались при этом? – Она достала экземпляр злосчастной фотографии и разорвала у меня перед носом. – Да кто с тобой, уродом, вообще станет трахаться, может только педик какой-нибудь! Ко мне не подходи больше и не разговаривай, а покажешь кому-нибудь эту гадкую фотографию – всё скажу отцу, тогда ты пропал! И скривив лицо, как в моём сне, Фаина прямо глядя на меня, прошептала: «Сазизгаро!», добавив по-русски: «Подонок!». В продолжение этого разговора я несколько раз заметил, что Владик крутился где-то рядом. Как только Фаина отошла в сторону, её место занял Владик.

- Нурик, прости, я стянул у тебя фотографию и проговорился, прости меня, если можешь! Я не хотел, так получилось! – канючил Владик.

В моей душе с Владиком было покончено. Как нелепо, что в результате страдает тот, кто любит, а человек, которого любят, швыряется этой любовью, так как будто ему тут же предложат что-то ещё лучшее. Но тогда это был первый (но не последний!) подобный случай в моей жизни, и я злым шёпотом ответил Владиду:

- Фаина сказала, что со мной может трахаться только педик! Ты, наверное, и есть этот педик! Не смеешь больше подходить ко мне, подонок!

И я ушёл от Владика, который остался стоять с поникшей головой.

Недели две я был, как говорят, в прострации. Спасали только тренировки, и я не вылезал из зала. Я стал отдавать себе отчёт, что зря обидел Владика, мне было очень тоскливо без него. Некому, совершенно некому было излить душу. За эти два года я, что ни говори, тоже привязался к нему. Мне так захотелось возобновить отношения с Владиком, что я стал подумывать, как бы «подкатить» к нему и обернуть всё шуткой.

Но жизнь, как говорил, Отец народов, оказалась богаче всяческих планов. Как-то, возвращаясь со школы, я заметил во дворе толпу соседей, в центре которой стояли дядя Минас, Мануш и мама Владика – Люба. Люба что-то кричала Минасу, соседи гомонили, а затем она, размахивая руками, быстро ушла к себе «на тот двор».

- А твой друг Владик педерастом оказался! – почти радостно сообщила мне мама. – Застукали их во дворе в туалете с Ваником! Подумать только – Ваник, такой хороший мальчик, и – на тебе! Это Владик сам его соблазнил! Кстати, у тебя, случайно, ничего с ним не было? А то он так липнул к тебе!

Я тихо покачал головой, давая понять, что ничего у меня с Владиком не было, может, к сожалению! Потом зашёл на кухню, заперся, сел на табурет. Умных мыслей не было – перед глазами стоял только грязный, в луже дерьма, дворовый туалет, ненавистный Ваник, и несчастный, брошенный мной Владик. Чистый, красивый ребёнок, не виноватый в том, что в его душе проснулось чувство именно ко мне. И как раз тогда, когда моя душа была закрыта к чувству

от кого бы то ни было, кроме Фаины. Всё - ничего и никого больше не будет, дальше – одиночество!

Я открыл потайной ящичек, где у меня лежали яды - порошок опиума, цинистый калий, кантаридин. Улыбнувшись себе, я выбрал кантаридин – любовный напиток. Раз решился на смерть от любви, пей любовный напиток – и подыхай!

Налил полстакана воды, накапал туда десять капель настойки. Вода стала мутной, как молоко. И я чуть ни рассмеялся – вот педант – отмерил точно смертельную дозу, как будто больше - повредит! Я опрокинул весь пузырёк настойки в стакан и залпом выпил его.

Затем отпер двери кухни, вышел на веранду и стал безучастно смотреть во двор. В окне второго этажа я сразу заметил золотые волосы Фаины, которая смотрела в окна квартиры Томаса. Соседи во дворе не расходились, продолжая обсуждать злободневную тему грехопадения дворовых мальчишек.

Вдруг голова моя пошла кругом, резко заболел живот, и я упал на пол:

- Мама, - тихо прошептали губы, - я умираю!

Больница

На моё счастье мама услышала звук падающего тела и вышла на веранду.

- Ну и умирай! – услышал я слова наклонившейся надо мной мамы: - опять, небось, фокусы твои! Фаину увидел в окне, или что ещё?

Но тут страшная отрыжка выдавила у меня изо рта кровавую пену. Резь в животе была невыносимой. Мама испугалась, стала трясти меня за плечи, непрерывно спрашивая: «Что с тобой, что с тобой?»

- Мама, я принял яд! – пытаюсь изобразить улыбку, проговорил я.

Мама панически закричала, из комнаты выбежала бабушка

- Зови Нателлу, срочно зови Нателлу! – закричала она маме, и обе стали кричать в открытое окно: «Нателла, Нателла!»

Нателла – это мама Томаса, врач по образованию, правда, никогда ещё по специальности не работавшая. Но она хоть что-то может посоветовать, к тому же у них телефон. У нас своего телефона не было, чтобы самим вызвать скорую помощь. Да приедет ли она – ещё большой вопрос. Машина скорой помощи тогда была почти автобусом – огромная неповоротливая с большим красным крестом. Приезд её был настоящим событием. Нателла оказалась дома. Эта молодая красивая женщина проявила большое участие и смекалку. Переговоры с Нателлой велись с третьего этажа на первый, при участии всех высипавших на свои веранды соседей. Узнав, что я принял яд, Нателла сразу же закричала:

- Марго, узнай, что и сколько он принял!

- Тинктура кантаридис ординариум, грамм двадцать, - в полуобморочном состоянии проговорил я. Мне пришлось несколько раз повторить это название, пока мама криком не сообщила это Нателле. Та побежала звонить своему знакомому профессору-терапевту.

Тем временем, на крик и гомон соседей вышла из своей квартиры управдом, или как её называла бабушка - «вахтёр» - Тамара Ивановна Цагарели, властная женщина под два метра ростом, о которой уже рассказывал.

- Марго, - закричала она снизу маме, - к Лине приехал любовник на машине (во дворе стоял «Москвич-401»), сейчас я его позову, а ты быстро выводи мальчика во двор!

Мама и бабушка подхватили меня под руки и стали спускаться по лестнице под испуганные взгляды соседей. Я так хотел, чтобы на втором этаже нам встретилась Фаина, но она не вышла на лестницу.

- Дело плохо, - мрачно сказала Нателла маме уже во дворе, – профессор спросил: «И он ещё жив?» Я ведь назвала ему яд и его количество!

Растерянный любовник нашей соседки Лины уже стоял около машины и Тамара Ивановна деловито поясняла ему обстановку. Мама со мной села на заднее сиденье, Тамара Ивановна –

рядом с водителем. Минут через десять мы были уже у ворот больницы «Скорой помощи», находящейся поблизости от нашего дома.

Тамара Ивановна была рождена распорядителем – она шла впереди и перед ней раскрывались все двери. Позади ковылял я, поддерживаемый мамой. Не прошло и получаса с момента приёма яда, как я был уже у врача.

Меня посадили на табурет, покрытый клеёнкой, под ноги поставили таз. Врач, похожий на военного фельдшера, принёс огромный чайник с тёплой водой, налил в стакан и протянул мне: - Пей!

У меня всё болело внутри, и я замотал головой. Врач показал мне на толстый шланг, висящий на стене, и сказал:

- Не будешь пить – сейчас засунем в горло шланг и будем наливать! Жить хочешь – выпьешь!

Я пересилил себя и стал давиться водой. Не успевал я проглотить один стакан, врач наливал второй. Рвота не заставила себя ждать, таз понемногу наполнялся.

Затем врач выпроводил в соседнюю комнату маму и Тамару Ивановну и снял со стены шланг. Оказывается, он предназначался для той процедуры, которая в старые времена называлась «катаклизмой». Я уже перестал замечать боль, стыд и прочие мелочи; мне казалось, что через меня, как через засоренную трубу, пропустили целый водопад воды, и я не знал, остались ли ещё при мне хоть какие-нибудь внутренности.

С меня сняли мою промокшую насквозь одежду, надели серо-бежевый халат огромного размера и повели по больничному коридору. Врач отпер ключом какую-то комнату, завёл меня туда, и, указав на койку, приказал: «Ложись, отдыхай!» - и снова запер за собой дверь. На маленьком окне комнаты я увидел решётку. Коек в комнате было три, на одной из них лежал мальчик моего возраста, а третья была свободной.

- Славик! – представился мне мальчик и продолжил, - ты находишься в палате для самоубийц. Здесь нет поясов, верёвок, острых и тяжёлых предметов. Обед будут давать, если, конечно, он тебе положен, прямо сюда, но про ножи и вилки – забудь!

И Славик рассказал про своё злключение.

В кинотеатрах Тбилиси тогда шёл знаменитый фильм: «Фанфан-тюльпан». Там, если помните, главного героя, которого играл знаменитый Жерар Филипп, вешают на ветке дерева, которая ломается, и герой остаётся жив. После этого фильма десятки ребят Тбилиси повторили подвиг Жерара Филиппа и лишь некоторые остались живы. К последним относился и мой сосед по палате - Славик. Он с друзьями, играя Фанфана-Тюльпана, повесился на ветке, которая показалась ему недостаточно прочной. Но знаний сопромата у Славика и его друзей оказалось недостаточно, и ветка упорно не хотела ломаться. Товарищи сперва тянули агонизирующего Славика за ноги, пытаясь всё-таки победить ветку, но вовремя поняли, что только усугубляют положение. Тогда они, используя табурет, с которого вешался Славик, добрались до ветки, пригнули её к земле, и освободили шею Славика из петли. Тот, конечно, был уже без сознания, но вовремя подбежали взрослые и спасли его. Славик показал мне красно-синюю полосу на шее:

- Вот и держат меня здесь как какого-нибудь малахольного, всё из-за этой полосы. Выходит - самоубийца!

Я в ответ что-то пробормотал про крысиный яд, но все мои секреты раскрыла лечащий врач по фамилии Горгадзе. Она вошла в комнату и спросила по-грузински:

- Ак кантаридини вин далия? («Кто здесь выпил кантаридин?»).

- Мэ! («Я!») – как мне показалось, радостно ответил я, и привстал с койки.

- Ты что, сумашедший? – переходя на русский язык, продолжала Горгадзе, - ты не знаешь, что от этого можно умереть? Откуда он у тебя?

Я подробно рассказал технологию приготовления этого яда в домашних условиях.

- Что, девочек хотел соблазнять? – допытывалась врачиха, так зачем сам выпил? Себя хотел возбудить, что ли? С потенцией плохо или с головой? И добавила:

- Твоё счастье, что так много выпил. Жидкость обожгла слизистую пищевода, а также желудка, и начались сильные боли. Вот тебя и привезли сюда, промыли и прочистили. А выпил бы

двадцать капель, более не было бы, и яд всосался бы в организм. Тогда – конец! Ну, а теперь только будешь импотентом до конца жизни! – и, увидев мой испуг, успокоила, - шучу, шучу!

Мне сделали несколько уколов и перевели в общую палату.

- А ты, Демонфор, будешь лежать здесь, пока синяк не шее не пройдёт! Нельзя тебя в таком виде в нормальной палате держать. Придёт комиссия – сразу увидит, что повешенный!

- Надо же, - подумал я, - в тбилисской больнице – де-Монфор! – и сразу позавидовал его фамилии. Я хорошо помнил по истории графа Симона де-Монфора, основателя первого парламента Англии, фактического диктатора страны в 13 веке. Вот бы мне такую фамилию! Но тогда имя пришлось бы менять – не может быть де-Монфор и Нурбей!

И тут я вспомнил, что крестили-то меня именем «Николай»! Ещё до школы, лет в пять, бабушка повела меня в Дидубийскую церковь крестить. Тайно от мамы – она же была членом партии и против этих «отсталых обрядов». Бабушка подобрала мне крестных отца и мать и повела в церковь. Я смутно помню всю процедуру своего крещения, только врезался в память эпизод, когда поп произнёс имя «Николай». Бабушка засуетилась, стала совать попу в карман рясы красную тридцатирублёвку (была, оказывается, и такая!) и подсказывать: «Нурбей, Нурбей»!

Но поп сверкнул на неё глазами и твёрдо произнёс: - «Николай»!

Нашла тоже, какую купюру совать попу – **тридцать** рублей, ведь это так напоминает **тридцать** серебряников! Да ещё советского кроваво-красного цвета! Но поп не предал устоев православной церкви, а то был бы я сейчас православным Нурбеем! Кошмар!

А сейчас – в миру – Нурбей, а крещён - Николаем. И венчаться с таким именем можно и отпевать! И к фамилиям знаменитым подходит – граф Николая де-Монфор, барон Клаус фон-Шлиппенбах, или князь Николоз Бараташвили! Меня с детства привлекали звучные, благородные фамилии.

Но я отвлёкся от темы. Полежал я в больнице ещё дней пять – были сильные рези в животе, а когда они прошли, меня выпустили. Стыдно мне было возвращаться домой, когда все знали, что я принял яд. Соседи отводили глаза, когда встречались со мной, очень немногие спрашивали, как здоровье. Я узнал неприятную новость – Владик с матерью Любой бросили свою комнату и переехали жить куда-то в другое место, куда – не знал никто.

В школе привыкли к моим пропускам занятий и только облегчено вздыхали. Постепенно я пустил среди соседей легенду о том, что проглотил яд случайно.

- Пахнет спиртом, - забиваю я им баки, - я и выпил, думал - настойка какая-нибудь. Оказалась – отравка!

Сказанное было полуправдой, потому, что такое вполне могло бы случиться. К тому времени я уже сам готовил хороший спирт и на его основе делал различные напитки: ром, ликёры, настойки. И даже нелегально продавал кое-что из этого. Появилась нужда в деньгах, а возможности заработать их законно не было. В то время детский труд был запрещён. Вот и приходилось приторговывать напитками. В Грузии это было не в новинку. Рынок ломился от дешёвой чачи. Можно было зайти в любой двор, в том числе и наш, и спросить, кто торгует чачей. Но народу чача уже приелась, а попробовать необычные напитки – ром, ликёр «тархун», или такую экзотику, как «гремучий студень» или «любовный напиток», всем хотелось.

Дела дрожжевые

Как-то бабушка принесла домой банку свежих дрожжей - пивзавод был рядом, и там почти бесплатно – пять копеек за ведро – отдавали эти дрожжи. Как я понял, дрожжи эти были побочным продуктом при производстве пива. Люди брали эти дрожжи для разных целей – кому-то они помогали избавиться от прыщей (в дрожжах много рибофлавина - витамина B₂), другим помогали пополнить. Не удивляйтесь, тогда для моды не худели, а полнели. Осенью, после летнего отдыха люди спрашивали друг друга:

- Вы насколько поправились?

«Поправиться» - это сейчас означает «опохмелиться»; тогда это означало «пополнить». Люди были настолько истощены, что полнота, как сейчас у некоторых африканских племён, считалась признаком красоты.

- Мужчина полный, красивый ... - часто слышал я в разговорах соседок.

Итак, литровая банка дрожжей была передо мной. Сверху образовался достаточный слой прозрачного пива. Я попробовал и решил, что по вкусу – это почти настоящее пиво, только очень уж горькое. На ведро дрожжей литра два такого пива можно нацедить. Два литра пива за 5 копеек – это уже неплохо. Чтобы сделать вкус этого пива менее горьким, я насыпал в него немного сахарного песка. И – о чудо! – пиво «закипело», стало мутным, пошла пена вверх, переливаясь через край банки. Я оставил его отстаиваться на ночь, а утром, когда попробовал его, мне показалось, что я пью вино – настолько крепким оказалось это пиво. Оказывается, я «открыл для себя» древнейший биологический процесс – брожение. Теперь уже я сам пошёл на пивзавод и взял целое ведро дрожжей. Я подсыпал в это ведро понемногу сахарного песка и дожидался конца «кипения» жидкости. Наконец, настал такой момент, когда добавка сахара уже не приводила к брожению, а жидкость становилась сладковатой на вкус.

Заметил я и ещё одну особенность этой жидкости – я быстро пьянел, если даже выпивал только один стакан. Слышал я, что из такой спиртосодержащей жидкости - браги, получают чачу методом перегонки. Как химик-самоучка, я быстро освоил этот процесс и стал делать из браги достаточно крепкие напитки. После второй-третьей перегонки водка получалась крепче чачи и без запаха дрожжей.

Так постепенно я пришёл к получению спирта-сырца в полупромышленных количествах, с использованием в качестве ёмкости для браги уже известного медного бака в ванной. Холодная вода по ночам начинала подниматься до нашего третьего этажа, что нужно было для охлаждения пара при перегонке. Неделию я сбраживал брагу, а в субботу, когда Рива сидела в комнате и не имела права ничего делать (как ортодоксальная иудаистка – тогда это было её новым увлечением!), я с вечера начинал гнать водку. Из ста литров браги получалось до трёх четвертных бутылей отличного восьмидесятиградусного спирта.

Ортодоксальный иудаизм Ривы, начавшийся с приобретением христианского имени «Римма», был мне весьма на руку. Всю субботу она почти не выходила из своей комнаты, а если уж выходила, то только бессильно повесив руки вдоль туловища и с печальным образом вековой еврейской тоски. «Нурик, зажги свет, Нурик, потуши свет, Нурик, подай воды!» - только и произносила она умирающим голосом, и какое ей дело было моей браги в медном баке. «Субботу отдай Богу!» - эту еврейскую догму Рива теперь соблюдала жёстко, и плевать ей было на мою брагу и водку.

Я понемногу попивал этот спирт, но мысль моя была занята возможностью его сбыта. Своих денег у меня не было, а у мамы и бабушки если их и можно было выпросить, то очень мало.

И я начал экспериментировать. Настаивал на этом спирту все известные мне травы, делал из них смеси, пробовал и давал пробовать «людям». Из всего многообразия напитков успехом пользовались два: ром и ликёр «Тархун». Ром я готовил таким способом: грел сахар на огне в половнике до плавления и последующего потемнения. Сахар превращался в карамель, я грел дальше, пока карамель не начинала кипеть с сильным бульканьем. Пары карамели чаще всего загорались, я гасил пламя и выливал тёмно-коричневую густую жидкость в спирт. Добавлял кипячёной воды и доводил крепость до 50°. В таком виде я и продавал ром. Подбирал по дворам бутылки, мыл их, разливал туда ром и перевязывал горлышко полиэтиленом. Продавал я ром чуть подешевле чачи, и люди брали этот деликатесный напиток, который не стыдно было даже понести с собой в гости. Чача же считалась уделом алкашей. Помню, «пол-литра» чачи стоила около пятнадцати рублей, а я свой ром продавал по десяти. Сахарный песок в Тбилиси (продукты там были дешевле, чем, например, в Москве, - так называемый «ценовой пояс» был другим) неочищенный, жёлтого цвета, стоил 60 копеек килограмм, а 80 копеек – рафинированный. Из килограмма сахара получались две пол-литры рома. Прибыль составляла более ста процентов.

Ликёр «Тархун» получился уникально вкусным напитком. На 80 градусном спирту я настаивал траву тархун (эстрагон), в Грузии очень распространённую и дешёвую. Затем

разбавлял до 45 градусов и добавлял сахар «по вкусу». Получался зелёный напиток дивного вкуса и запаха. Позже я встречал «фабричный» ликёр «Тархун». Не могу понять, чем так можно было изгадить напиток, чтобы превратить его в густую, маслянистую, пахнущую глицерином отвратительную жидкость, да ещё запредельной стоимости.

- Будь проще, - говорил Лев Толстой, - и к тебе люди потянутся!

Мой «Тархун» был проще фабричного, и к нему действительно тянулись люди, хотя продавал я его по 20 рублей за бутылку. Водка в Грузии тогда стоила 22 рубля простая («Хлебная») и 25 рублей – «Столичная». Но разве можно было сравнивать мой деликатесный зелёный «Тархун» с «рабоче-крестьянской» водкой! В то время принести с собой водку в гости считалось оскорбительным для хозяев. А ром, ликёр – пожалуйста!

И ещё одну уникальную находку сделал я в своих экспериментах по напиткам. Я попробовал приготовить мармелад, но не на воде, а на моём спирту. Желатин, агар-агар, восьмидесятиградусный спирт, любой сироп – всё это нагревается на огне, но не до кипения, выдерживается, а затем разливается по формочкам и охлаждается. Потом готовые «конфеты» обсыпаются сахарной пудрой, чтобы не слипались.

Назвал этот продукт я «гремучим студнем», как когда-то Нобель свой динамит. По вкусу это был обычный мармелад, только чуть более «острого» привкуса. Но после двух-трёх конфет человек пьянел, как от стакана водки. Чем это было вызвано, я так и не понял – то ли компоненты мармелада усиливают действие алкоголя, то ли конфета рассасывалась медленно и лучше усваивалась. «Гремучий студень» очень пригодился мне уже гораздо позже, во время Горбачёвско-Лигачёвского сухого закона. Я безбоязненно носил эти «конфеты» даже на кафедру, и с чаем они «врезали» не хуже, чем водка. Но наладить производство «гремучего студня» уже тогда, несмотря на многочисленные предложения открыть «гремучий» кооператив, я не решился. А то, глядишь заделался бы вторым Березовским, только по «гремучей» линии! Так вот, возвращаясь к детству, могу сказать, что в последних классах школы я в деньгах не нуждался.

Прозвище моё из «Курдгела» («Кролика») изменилось на «Химика».

- Возьмём у Химика бутылку «коричневой» и бутылку «зелёной!» – можно было услышать в определённых кругах населения нашего микрорайона. Так почему-то прозвали соответственно, мой ром и мой тархун. «Микрорайон», или по местному «убан» наш назывался «Клароцеткинский», по названию известной улицы им. Клары Цеткин, бывшей Елизаветинской, где я жил.

Но занятие торговлей мне не понравилось, даже несмотря на доходы. Дело в том, что торговля портит людей, занимающихся ею – «торгашей». Я заметил, что, продавая напитки, готов был заработать даже на товарищах, что деньги начинали становиться главным в жизни. И я бросил это «нечистое» занятие.

И вспомню ещё одно актуальное применение дрожжей, которое я им нашёл. Дело в том, что наш туалет во дворе не давал мне покоя. Меня даже не столько беспокоил запах, к которому я уже привык; это грязное сооружение с выгребной ямой похоронило легенду о чистой любви, которую хоть кто-то ко мне питал. Со временем я очень сожалел, что так обидел Владика, и невольно толкнул его на непростительный протестный поступок. Я очень скучал по нему, но сделать уже ничего было нельзя – я даже не знал, где он теперь живёт.

Я бы мог поджечь или взорвать туалет, но за это могли бы серьёзно наказать. Поэтому я избрал другой путь – я решил утопить ненавистное мне место в дерьме. Летним вечерком я как-то вылил в выгребную яму туалета два ведра свежайших дрожжей. Через пару дней полдвора было уже залито пенящимся дерьмом, а яма всё продолжала и продолжала бродить ...

Но хоть я и думал, что больше никогда не увижу Владика, это оказалось не так. Уже после окончания института, я как-то вечером возвращался с тренировки и вдруг близ моего дома дорогу мне преградил улыбающийся гигант под два метра ростом и килограмм на 120 весом, спортивного сложения. Гигант не давал мне пройти и всё улыбался. Я уже решил, что сейчас будут меня бить, но он произнёс:

- Что, Нурик, не узнаёшь меня?

Боже, да ведь это Владик! Только по озорным голубым глазам я и узнал своего изгнанного друга детства. Мощный торс, ноги как тумбы, толстая шея, круглые щёки и сломанный нос – всё это было чужое. А вот глаза – свои, родные!

- Владик, «твою мать», ты ли это? Тебя не узнать!

- Маму не трогай! – со смехом ответил Владик, - вот я стал таким. Мастер спорта, чемпион Грузии по боксу в тяжёлом весе! А к спорту ты меня приобщил, - добавил Владик.

Мы оба одновременно вздохнули и, видимо, подумали об одном и том же – до чего же мы были близки когда-то и насколько чужими стали друг другу сейчас. Я никакими ухищрениями фантазии не мог бы представить этого Гаргантюа, нежно и страстно целующего меня и просящего: «женись на мне!». Владик, видимо, понял мои мысли и подал руку.

- Ну, пока, рад был видеть тебя! – Он хотел сказать ещё что-то, но только махнул рукой.

- И я тоже, Владик! – ответил я, и мы разошлись. Он не оставил ни адреса, ни телефона, не дал никакого намёка на возможную встречу. Что прошло, то прошло ...

Выпускной вечер и экзамены

Наконец, подошла к концу школа. Противоречивые чувства оставила она у меня. Хотя я «свой позор сумел искупить», но, как говорят, «осадок остался». Нет тех слёз умиления, которые проступают у некоторых при воспоминании о школе. В последнее время я общался почти только с вновь пришедшими к нам в 11 класс из других школ Зурабом Асатиани и Женей Фрайбергом. Учились они посредственно, но они не были свидетелями моего позорного прошлого. Для них я был штангистом-перворазрядником и отличником учёбы, то есть человеком уважаемым.

Я сам первый подошёл к Зурабу и сказал:

- Приветствую, князь! – я знал, что его фамилия - княжеская.

- Приветствую вас! – напыщенно ответил мне князь и продолжил, - я знаю, что вы потомок великого Дмитрия Гулиа, вы – уважаемый человек!

Я намекнул ему, что дедушка мой по материнской линии был графом, и после этого Зураб называл меня только «графом». К нам присоединился «новенький» Женя Фрайберг, которого мы, не сговариваясь, назвали «бароном». Так мы и встречались обычно втроём, разговаривая на «вы» и с произнесением титулов, как в каком-нибудь рыцарском романе:

- Приветствую вас, граф!

- Моё почтение, князь!

- Мы рады вас видеть, барон!

К остальным одноклассникам мы относились снисходительно и высокомерно, безусловно, не на «вы». От них же требовали непременно «батона», а желательно и произнесение титула. И Зураб и Женя были рослыми, физически и духом крепкими ребятами. Мы могли дать отпор любому непослушанию. Между собой мы называли других одноклассников «глехи», что переводится как, «простонародье», «крестьяне».

Учителя чувствовали такую дискриминацию, знали наши «титулы», но тушевались и не вмешивались. Только Шуандер как-то издевательски произнёс:

- А ну-ка вызовем мы к доске нашего графа, пусть он расскажет нам про подвиги грузинских князей! – но тут же осёкся, заметив мой вызывающий прямой взгляд ему в глаза. Он понял, что я могу отказаться от роли его помощника, и у него будут проблемы с «Историей Грузии». А может, он вспомнил про йодистый азот и звуки: «Бах!» и «тах-тах – тах – тах!», которые могут повториться. И если потом он и называл меня графом, то казалось, что это было совершенно серьёзно.

Может, мой «титул» оказал своё влияние на тройку по конституции, которую он мне поставил при пересдаче; но скорее, тут был только расчёт ...

Вспоминается ещё случай с учительницей-словестницей – Викторией Сергеевной. Как-то она рассказывала нам про поступок советского машиниста, которого фашисты силой заставили вести поезд с их солдатами и танками куда им надо было. Так вот, желая устроить аварию,

машинист выбросился на ходу поезда. Это был эпизод из какого-то патриотического произведения, которое мы «проходили». Виктория Сергеевна спрашивает класс:

- Машинист выбросился из поезда, что должно случиться с поездом? – и не слыша ответа, пояснила, - поезд после этого сойдёт с рельсов и будет крушение. Ведь машинист должен постоянно «рулить» поезд, чтобы его колёса шли по рельсам!

Класс замер, ведь даже двоечники понимали, что «рулить» колёсами паровоза, да и всего поезда не под силу никакому машинисту. Колёса поезда просто не поворачиваются. Но как же тогда поезд действительно удерживается на рельсах и не сходит вбок на поворотах? И я поднял руку. Встав, я пояснил словеснице, что поезд без машиниста не сойдёт с рельсов, потому, что у колёс по бокам есть реборды, которые и удерживают их на рельсе. И не «рулит» машинист поездом, потому что, во-первых, там нет руля, а во-вторых, колёса не могут повернуться – они закреплены на осях жёстко.

- Всё наш «граф» знает! – презрительно сказала на весь класс Виктория Сергеевна, - даже паровозы. Лучше бы вёл себя поскромнее!

А вскоре после этого была контрольная – сочинение на свободную тему. Я выбрал тему по своему любимому «Фаусту» Гёте. Изучал снова это произведение по подстрочному переводу, который имелся в нашей домашней библиотеке, чтобы не упустить какую-нибудь «тонкость» на немецком языке. В результате – четвёрка, несмотря на отсутствие грамматических ошибок.

- Тема эта неактуальна, - пояснила Виктория Сергеевна, - «Фауст» устарел для советского человека, это тебе не «Как закалялась сталь»! Молодцы ребята и девочки, которые выбрали эту тему!

Учителя, будьте же принципиальны, ведь ученики вырастут и всё вспомнят про вас!

На экзаменах я не стал «выпендриваться» и сдал всё на пятёрки.

Наступил выпускной вечер. Это был не бал, как теперь это вошло в традицию, а ужин с обильной выпивкой, что было предпочтительнее для учителей и родителей. Активисты-родители собрали с нас деньги и устроили ужин отдельно для нашего класса в доме напротив школы, принадлежащем вместе с садом одному из родителей наших учеников. Большой стол был поставлен в саду под виноградником, на котором закрепили электролампочки.

Бочка с вином стояла в сарае, и вино носили на стол, набирая его в кувшины. Пригласили учителей, которые вели у нас занятия последние годы, конечно же, классного руководителя, активистов-родителей, и одного из завучей, который оказался уже достаточно пьян.

Первый тост предоставили завучу Баграту Сократовичу, как начальнику. Завуч был огромен, толст, со зверским выражением лица, и прозвище ему было – Геринг. Глаза его постоянно были налиты кровью, особенно, когда выпьет, то есть и сейчас. Он поднялся, чуть не опрокинув стол, и медленно, значительным голосом произнёс тост, но совсем не тот, что от него ждали.

- Сегодня вы получили эту грязную бумажку, - сказал он с таким презрительным выражением лица, что в мимике ему бы позавидовал сам Станиславский, - но не думайте, что вы с этой бумажкой умнее, чем были без неё. Какими дураками вы были, такими и останетесь! За исключением, может, трёх-четырёх, - исправился завуч, поняв, что перегнул палку. – Главное, как вы себя покажете в жизни, чего добьётесь. И не надейтесь, что эта грязная бумажка (он, видимо, имел в виду аттестат), вам поможет стать достойными людьми!

И Геринг, испив огромный бокал, грузно сел на свой табурет. За столом установилась гробовая тишина. Только классный руководитель, учительница английского языка Эсфирь Давыдовна, робко высказала мнение, что уважаемого батона Баграта надо понимать иносказательно, что он хотел сказать совсем другое ...

Тут я почувствовал, что наступило время моего высказывания о школе, больше я это не сумею сделать при всех присутствующих лицах. Я поднялся с бокалом и громким, авторитетным голосом («граф», всё-таки!) произнёс:

- Я уже не ученик, и от уважаемых учителей и завуча больше не завишу. И поэтому не считите за лесть то, что я скажу!

Разволновавшиеся, было, учителя, успокоились, услышав слова о лести. Не дождётесь!

- Я считаю, что уважаемый Баграт Сократович, как всегда, прав. Недаром он поставлен начальником и лучше других знает и людей и учебный процесс! - Геринг поважнел так, что стал похож на потолстевшего Гитлера. - Я расскажу про мою грязную бумажку, то есть аттестат. У меня все пятёрки, но по Конституции СССР – тройка!

Шуандер опустил глаза, утопив свой взгляд в вине.

- Может ли такой ученик иметь почти все пятёрки, справедливо ли это? Как можно не зная Конституции СССР, даже не сумев её пересдать в одиннадцатом классе, получить пятёрки по всем остальным предметам? Это аполитично, тем более, все знали, что мои предки были графами – эксплуататорами народа! Я считаю, что аттестат мой – это несправедливая грязная бумажка. Но, как пожелал наш батона Баграт, я постараюсь и с этой грязной бумажкой стать достойным человеком. Спасибо ему за тёплые напутственные слова! – и я, стоя, выпил свой бокал.

Нектаром показалось мне это кислое вино «Саперави», я сумел высказать то, что я о них думаю, о моих наставничках. Могу считать себя отмщённым, как граф (надо же – и он граф, хотя и «липовый»!) Монте-Кристо.

Тосты, которые следовали после моего, показались мне жалким блекотаньем, я их слушать не стал, и мы – князь Асатиани, барон Фрайберг и я – захватив с собой закуски, отправились в сарай, поближе к бочке с вином. Препятствовать этому никто не стал, более того, как мне показалось, что за столом облегчённо вздохнули.

- Что с этими «глехами» сидеть, недостойно для нас это, - заметил князь, и мы одобрительно закивали, - тем более, здесь ближе к первоисточнику! – и он указал на бочку.

Скоро к нам присоединился и Геринг, настоящей фамилией которого была Мегвинет-ухуцеси, что означает должность царского виночерпия. Это безусловно княжеская фамилия и Геринг заслуживал своей фамилии – мне кажется, что он один мог бы выпить целую бочку.

- Ребята, я вам так скажу, - продолжил он в сарае, - я хоть и грузин и предки мои для Грузии немало сделали, не оставайтесь здесь, уезжайте лучше в Россию, там воздух чище, там дышать легче! А лучше – бегите, если сможете, за границу – в Европу, Америку, Австралию – там настоящая жизнь. У нас в Грузии сейчас гниение, а не жизнь! – И Геринг, могучий Геринг, заплакал ...

Тогда я подумал, что он преувеличивает. Но наступит время, когда я пойму, насколько он был прав, и буду благодарен за совет – бежать в Россию. За границу я не ушёл – но туда уехали мои ученики. Я «прирос» к России, - «отечества и дым мне сладок и приятен»!

Под утро я, шатаюсь, еле дошёл домой. Меня проводили князь и барон, более устойчивые к вину. Геринг так и заснул в обнимку с бочкой, и поднять его не было никаких сил.

- Всё, - подумал я дома, - со школой покончено, нужно срочно стряхивать с себя старую кожу, как это делают змеи. Сейчас говорят – «изменить имидж». Чтобы со всем старым было покончено, чтобы начать новую свежую жизнь!

Я выбросил мои стилижки «тряпки», подстригся под «полубокс», сбрил идиотские усики. Без волос, усов и глупой, уродующей одежды, я стал, наконец, похож на спортсмена-силовика.

- Фу, - брезгливо заметила мама, - у тебя шея толще, чем голова!

- Ничего, - ответил я, - не шея на голове держится, а голова на шее!

Я надел трикотажную рубашку – «бобочку», чёрные стандартные брюки, спортивные ботинки-штангетки. Часы надел, как люди, на левую руку. В таком виде я и пошёл на собеседование к проректору Сехнишвили, который сделал тогда какую-то отметку напротив моей фамилии.

Вступительных экзаменов было целых пять. Я получил по первым четырём пятёрки и без страха пошёл на последний экзамен по математике (устно). Всегда имея пятёрки по математике, я не очень её боялся, тем более по физике получил пять с двумя плюсами.

Но молодой преподаватель, который потом вёл у нас математику и всегда ставил мне «отлично», на сей раз почему-то «заартачился», стал говорить, что я не понимаю мною же написанного, и уже ставил «удовлетворительно». Тогда я, как меня учили бывалые люди, громко и серьёзно потребовал:

- Я требую проэкзаменовать себя на комиссии, я имею право на это!

Преподаватель ступешался, стал перебирать какие-то бумаги и заглядывать в них. Затем, неожиданно пошёл на попятную и спросил:

- А какую же оценку вы хотите?

- Только «отлично», как я и получил по всем остальным предметам! – твёрдо и, глядя в глаза преподавателю, ответил я.

- Хорошо, хорошо, будет вам «отлично!» - и преподаватель проставил мне в лист эту оценку.

Что сыграло свою роль в такой метаморфозе математика, не знаю. Может быть, мои отличные оценки по предыдущим экзаменам, или уверенность, с которой я потребовал комиссию. А может быть и тот значок, что проставил проректор около моей фамилии на собеседовании ...

Летние испытания

Я хоть и изменил имидж, прошлое пока преследовало меня. После экзаменов я, как обычно, поехал на отдых в Сухум, на сей раз всего недели на две - больше времени не оставалось. Взял с собой резиновые эспандеры, чтобы не потерять спортивную форму.

Весь день я проводил на пляже, то плавая, то делая «стойку» на руках, то занимаясь с эспандерами. К тому времени я имел вполне спортивную фигуру и мышцы, какие только можно было «накачать» без анаболических стероидов, которых тогда не знали. У меня не было ни капли жира под кожей - по мне можно было изучать анатомию, и тонкая «осиная» талия – 56 сантиметров в обхвате. Как-то на пляже ко мне подошёл фотограф и предложил бесплатно сфотографировать меня:

- Три штука – тебе, один большой штука – мне, на выставку! Идёт? – предложил фотограф.

Он поставил меня в позу культуриста с согнутыми в локтях руками и сжатыми кулаками, щёлкнул несколько раз затвором.

Назавтра, идя на пляж, я увидел на доске с фотографиями свой большой портрет. Фотография получилась на славу – я никогда не думал, что выгляжу столь внушительно. «Рисующий» солнечный свет подчёркивал рельефность мышц. Фотограф сдержал своё обещание и дал мне три фотографии 9x12, одна из которых сохранилась у меня до сих пор. Когда у меня плохое настроение, я иногда смотрю на эту фотографию – красивое телосложение, рельефные мышцы, гордое надменное выражение лица супермена! После этой фотографии мне лучше было не глядеть сейчас на себя в зеркало – откуда взялся этот «дед» с желчным лицом и мешками «хорошо прожитых лет» под глазами?

После выставления моей фотографии на пляжной доске, мои акции на пляже серьёзно выросли. Утром же ко мне подошла симпатичная, невысокая, спортивного вида девушка.

- Я – акробатка первого разряда, зовут меня Нина,- представилась девушка, - я москвичка, учусь в МАИ на четвёртом курсе, - добавила она, знакомясь.

- А я штангист того же разряда и только что поступил в Политехнический в Тбилиси, - представился я, вставая.

Нина была поражена, узнав, что мне всего семнадцать лет, она была уверена, что мне лет двадцать пять, не меньше. Мне всегда давали возраст больше реального, даже сейчас ...

Нина предложила мне «выжать» её на вытянутых руках, ну, а она попробует сделать на моих руках «стойку».

- Только сам держи моё равновесие, я этого сделать не смогу – предупредила она. Нина весила не более пятидесяти килограммов, это была «пушинка» для меня. Я поднял её на вытянутые руки, и Нина медленно, по-силовому, вышла в стойку. Пляж заплодировал. Мы постепенно усложняли нашу программу, превратив наше пребывание на пляже в шоу для отдыхающих. Когда силовые упражнения надоедали, мы отправлялись плавать, плавали часами.

Плавая с Ниной, я заметил, что она заигрывает со мной, щупает меня за бока и ноги, обнимает за спину и приказывает «буксировать» её. Она нравилась мне, но я боялся её. Боялся, что прояви я какую-нибудь инициативу, она, как Фаина, обзовёт меня подонком. Поэтому после

пляжа я отправлялся прямо домой, не реагируя на предложения Нины встретиться вечером на танцплощадке. Танцплощадки я боялся как огня – я не умел танцевать и боялся опозориться.

Так подошло время моего отъезда домой – билет был уже куплен. Но когда я сообщил Нине о том, что завтра уезжаю, она повела себя, на мой взгляд, неадекватно.

- Как уезжаешь, значит, я с тобой потеряла целую неделю! – сердито сказала она и даже привстала с песка, - я думала, что ты так осторожно кадрешь меня, а тебе, выходит, вовсе не нужна женщина! Давай пройдемся! – предложила она.

Мы вышли в тенистую аллею, где почти не было народа.

- Что же ты так подвёл меня, ведь я рассчитывала, что ты пробудешь до конца августа и мы успеем, - она замялась, - пожить вместе, как люди! Ну, ты даёшь! – возмущённо закончила она.

Вдруг она неожиданно обернулась и спросила:

- Завтра, а когда?

Я понял, что она спрашивает про отъезд, и ответил:

- Поздно вечером, около двенадцати ночи.

- Тогда мы успеем! – быстро проговорила Нина, и, нагнув мою голову к себе, поцеловала в губы.

Я вспомнил порывистые и страстные поцелуи Владика, но это было совсем другое. Нина втянула мои губы в свои и начала водить по ним языком, пытаясь раздвинуть их и проникнуть в рот. Я, не понимая этой «техники», плотно сжал рот и даже стал отталкиваться от неё.

Нина отодвинула своё лицо и посмотрела на меня серьёзными глазами.

- Ты что, нецелованный? – с жалостью спросила она.

Я ответил уклончиво – и да, мол, и нет. Мне, конечно же, стыдно было признаться, что я сам целовал только девочку в раннем детстве, и уже потом меня самого целовал несовершеннолетний мальчишка.

- Да ты, никак, гомосексуалист! – вдруг сообразила Нина, - у вас на Кавказе много таких! Скажи, ты с мужиками трахался? – заглядывая в глаза, спрашивала Нина.

Я почему-то густо покраснел и опустил голову.

- Нет, ты ошибаешься, я не гомосексуал, я хорошо знаю, что это такое! – пытаюсь оправдаться, использовал я устаревший термин, знакомый мне по «Мужчине и женщине».

- «Лист!» – жёстко добавила Нина, - Гомосексуалист, или педераст, если тебе так понятнее!
- Господи, думала, что нашла здорового мужика, а нашла подружку! Слушай, подружка, не подходи ко мне больше, хорошо! А других девушек, которые будут к тебе подкатывать, впредь предупреждай, что ты не по их части! Так будет честнее, чем морочить им голову не по делу!

Она отошла, оглядела меня на прощание и сказала:

- Надо же, дал Бог такое тело педикуну! А я-то, дура, потеряла столько времени на юге!

Мы расстались. Я пошёл домой, заперся в библиотеке и стал читать энциклопедию про гомосексуалов – а вдруг Нина и впрямь права. Ночью я даже всплакнул – что-то мне не везёт с женским полом. Чем-то я не такой, не пойму только чем.

А назавтра, в день отъезда, мне, оказывается, было подготовлено испытание на «вшивость». Утром я пошёл на Сухумский «медицинский» пляж, где купаются голыми. Не путать с нудистским пляжем – на медицинском голыми купаются только однополые – мужчины на одном пляже, а женщины – на другом. Между этими пляжами стояла деревянная стенка с множеством отверстий, проделанных с мужской стороны, и заткнутых ватой – с женской. Я решил ещё раз посмотреть, отличаюсь ли я чем-нибудь от других голых мужчин.

Я разделся, оставил свою одежду в шкафчике и вышел на пляж, в чём мать родила. Впервые я показался в общественном месте в таком виде. С интересом я стал осматривать голых мужчин и нашёл, что большинство из них здорово от меня отличались. Тонкорукие и тонконогие пузатые фигуры с висячим микроскопическим «хвостиком» производили каррикатурное впечатление. Я-то из голых мужчин видел только моих коллег-штангистов в душевой. На медицинском пляже я здорово разочаровался в мужчинах.

Лёг на песок, подставив спину солнцу. Почувствовал под собой тёплый, ласковый песок. Эрекция не заставила себя долго ждать, а вот конца её я так и не дождался. Тёплый песок

щекотал определённые нервные окончания, и кровь всё прилиwała и прилиwała куда надо, повышая давление до критического ...

Спина начала уже было подгорать, перевернуться нельзя – я не заметил на пляже ни одного мужчину с моим состоянием «хвостика». А вдруг это страшно неприлично, или за это могут публично осрамить или арестовать? И я решил спасаться в воде. Развернувшись в сторону моря головой, я медленно, как морская черепаха, пополз к морю. Оглянувшись назад, я с ужасом увидел, как позади меня остаётся глубокая борозда, как после плуга. Возле берега я вскочил и стремглав бросился в спасительное море.

От прохладной воды эрекция быстро прошла, но я хотел, чтобы свидетели моего бегства успели уйти с пляжа. Около часа я плавал туда-сюда, заплывая на женскую территорию моря. Но она не была огорожена, море было общим, и я без опасения проплывал мимо купающихся женщин, белые ягодицы которых были хорошо видны сверху. Не удовлетворяясь увиденным сверху, я подныривал под плывущих женщин, разглядывая их снизу. Но без маски или специальных очков разглядеть что-либо отчётливо не удавалось.

Наконец, я закончил своё сексуальное плавание и вышел на берег. Проклятая борозда ещё оставалась на песке, и я стал ногами засыпать её. И тут вдруг, как Мефистофель явился моему любимому Фаусту, мне явился некий улыбающийся человек лет тридцати пяти. Он подошёл ко мне, заботливо взял под локоть и сказал:

- Боже мой, вы живы и целы! А я уже думал, что вы утонули! Ну, разве можно столько плавать, вы же переохладитесь! Я на вас сразу обратил внимание – у вас такая красивая фигура! Нет, чтобы не простудиться, надо выпить немного. Позвольте пригласить вас в эту забегаловку на пляже! – и он уважительно повлёк меня к киоску на пляже, возле которого стояло несколько столиков под зонтиками.

Выпить меня не надо было уговаривать, это – всегда, пожалуйста!

- Вот, наконец, встречаю порядочного интеллигентного человека. Точно, благородного происхождения! А то одни «глехи» вокруг! – думал я, идя с новым знакомым к киоску.

Меня удивило, что продавец поздоровался с моим спутником: «Салами, Миша!», и, не ожидая заказа, подал ему бутылку вина «Салхино» с двумя стаканами. Я никогда не пил «Салхино», но знал, что оно всегда завоёвывает «Гран-При» на выставках.

- За знакомство! – сказал мой новый приятель и чокнулся со мной, - меня зовут Миша, можешь называть меня по имени и на «ты», я ещё молодой! – засмеялся он.

- А я – Николай! – назвал я себя, считая неуместным произносить своё турецкое имя.

- Ника, значит! – Можно я буду называть тебя «Ника»? – спросил Миша.

Я знал, что в Грузии Николаев так чаще всего и зовут, правда, чисто по-грузински - «Нико», но культурные обрусевшие грузины так и произносят «Ника». Я пригубил «Салхино» и был поражён его вкусом и запахом. «Салхино» - красное вино ликёрного типа, очень сладкое, такое и не пьют в Грузии. Но его вкус и запах – это сказка, сладкая, душистая сказка! Это нектар, амврозия, наших богов – обязательно попробуйте настоящее «Салхино», если вы ещё не пили его!

От бутылки слегка креплёного «Салхино» приятно закружилась голова, захотелось отдыхать в тени и беседовать с приятным человеком. Воспоминания от Нины исчезли, как будто её и не было вовсе.

- Ника, давай пойдём в баню и смоём этот песок, соль, пот и тому подобное. А потом зайдём в ресторан и выпьем. Я тебя приглашаю! – предложил Миша, и я, естественно, согласился. Мы вышли на улицу, Миша остановил машину, мы сели.

- К центральным баням! – сказал Миша водителю.

- Ты был когда-нибудь в этих банях? – спросил Миша, на что я ответил, что ещё ни в каких банях вообще не был и моюсь дома.

Миша рассмеялся и заметил, что бани не только для того, чтобы там мыться. Я не понял, чем ещё можно там заниматься, а водитель громко рассмеялся. Вскоре мы подъехали к незнакомому мне зданию сухумской бани, вышли, и водитель пожелал нам успехов.

В бане Миша уверенно повёл меня куда-то по коридорам, пока мы не пришли к двери с красными плюшевыми портьерами.

- Это «люкс», - сказал мне Миша и подошёл к дежурному в белом халате. Тот поздоровался с Мишей и согласно кивнул на его короткие слова.

- Пошли! – как-то поспешно повёл меня Миша, и мы зашли в номер, где была большая ванна, душ, каменное ложе, видимо для массажа, раздевалка, и маленькая комната отдыха со столом, стульями и койкой. Мы не успели раздеться, как в дверь постучали и вошёл дежурный в халате, неся в руках поднос с бутылкой того же «Салхино» и парой крупных красивых персиков.

Мы быстро выпили по стаканчику вина, и пошли в душевую. Я заметил, что движения у Миши стали какими-то нервными и поспешными, он был серьёзен. Мне же было хорошо, и я улыбался.

- Давай, сперва я потру тебе спину, а потом ты мне! – скороговоркой предложил Миша. Мне не очень хотелось мыться с мочалкой, но я согласился. Миша поставил меня к стенке, велел опереться на неё руками, и быстро протёр мне спину мыльной мочалкой.

- Теперь ты меня! – как-то нервно сказал Миша, вручил мне намыленную мочалку, а сам упёрся руками в каменное ложе, и, согнувшись в три погибели, подставил мне спину. Я начал мылить ему спину, подражая его движениям.

- Плечи, плечи! – попросил Миша, и я потянулся мочалкой к его плечам.

Вдруг он неожиданно обхватил меня правой рукой сзади за талию и прижал к себе. Неожиданно я ткнулся «причинным» местом в его ягодичи, и эрекция возникла почти мгновенно. Я пытался отодвинуться назад, но Миша упорно прижимал меня к себе.

Голова моя пошла кругом, но я тут же понял всё. Миша - педик! Как я только сразу не догадался! Так вот о чём говорили и Фаина и Нина! Вот, оказывается, моя участь и судьба – педики!

- Нет, шалишь! – подумал я и оттолкнулся от Миши.

Миша обернулся, и я увидел его совершенно безумное лицо.

- Ника, Никуша, прошу, не гони, трахни меня, никто никогда не узнает! – Миша лихорадочно пытался схватить меня за «хвостик», но я увёртывался.

- Так ты – гомосексуал? – задал я ему, казалось бы, совершенно ненужный вопрос.

- А как ты думаешь? – нервно сказал Миша, - как Чайковский, Чабукиани, Жан Маре, да и половина вообще всех артистов, даже Ленин. Чем, думаешь, занимался он в шалаше с Зиновьевым? Ничего плохого в этом нет, повторяю, никто не узнает, а я заплачу тебе! Хорошо заплачу!

- Пора сматывать удочки, - подумал я и даже не смыв мыла, стал экстренно одеваться.

Миша с мыльной спиной стал хватать меня за руки и угрожать:

- Сейчас позову дежурного и скажу, что ты хотел меня изнасиловать! Знаешь такую статью – 121-ю – «Мужеложство»? В тюрьме будешь сидеть! – пугал он меня, сам не веря в свои угрозы.

- Дурень ты, Миша! – сознавая своё превосходство в силе, спокойно сказал я ему, - я несовершеннолетний, хотя и выгляжу старше, у меня и паспорта-то нет! Статью назвать? – спросил я его, и, одевшись, вышел из номера. Миша, голый с падающей со спины пеной, стоял неподвижно, как выросший в пол.

В коридоре ко мне подошёл дежурный. Заметив, что я в «растрепанных» чувствах, он спросил: «Что ничего не вышло?»

- А что должно было выйти? Вы знаете этого человека? – приступился я к нему.

- Кто же в Сухуме не знает Мишку-пидора, небось, он тебя на пляже «снял»? – ответил дежурный, - он почти каждый день приводит нового. Но он богатый и очень опасный человек, если вы поссорились – берегись!

- Молодец я, что не назвал ему фамилии и города, где живу! – подумал я, - наконец, начал умнеть!

Я вышел из бани и поспешил домой. А вечером поезд уже мчал меня в Тбилиси, изрядно поумневшего и набравшегося опыта. Жаль, но марочное «Салхино» я с тех пор пить не могу. Мне теперь кажется, что этот приторный вкус и запах по душе только сексуальным извращенцам.

Глава 2. Мои «университеты»

Студент первых курсов

Клянусь, я не заимствовал название этой главы у великого пролетарского писателя Максима Горького. Как, собственно, и название первой главы. Сравните и сами убедитесь. Слово «университеты», например, у меня в кавычках, а у великого – нет! Хотя ни у него, ни у меня, университетов, в буквальном смысле этого слова, не было. У меня – потому, что я учился не в университете, а в Грузинском политехническом институте, и это не одно и то же!

Когда я силюсь вспомнить, чем же примечательны были мои первые годы в политехническом, то, прежде всего на ум приходит спорт, потом женитьба, и только после всего этого – учёба.

Учёба не требовала от меня никаких усилий. Почти все предметы, я изучал с интересом и поэтому легко, а «Историю КПСС», которая не вызывала ни малейшего интереса, я сумел вы зубрить наизусть. Память в молодые годы была «ещё та».

Я знал, что стипендию мне дадут только в случае исключительно отличных оценок в сессии, и поэтому именно их я и получал. Дело в том, что стипендию у нас давали только в том случае, если доход на каждого члена семьи получался менее 300 рублей. Мама моя – ассистент ВУЗа, получала 1050 рублей, бабушка – 360 рублей пенсии, и на троих получалось аж под пятьсот рублей. Только в случае одних пятёрок в сессию мне полагалась стипендия, причём повышенная. Мои шикарно одетые и разъезжающие на своих машинах сокурсники приносили справки о нищенских доходах родителей-артельщиков и «забронировали» себе стипендию при любых оценках. Ну, кто дал бы справку о его доходах подпольному цеховику, спекулянту, мошеннику и т.д.! А работать тогда должны были все – иначе ты тунеядец. Вот и приносили справки о работе на полставки сторожем, дворником и тому подобное.

За всю учёбу в ВУЗе я не получил ни одной четвёрки, ещё бы – без стипендии мне пришлось бы переходить на вечернее отделение, чего не хотелось. А повышенная стипендия – 550 рублей тогда была примерно равна 60 долларам, и при тогдашних ценах (красная икра – 35 рублей за килограмм, столичная водка – 25 рублей за бутылку, проезд на трамвае – 20 копеек и т.д.) на неё вполне можно было прожить. Тем более икру я не ел – она мне опротивела ещё в детстве, водку готовил сам, а за трамвай платил не 20 копеек, а 3 копейки. Поясню последнее.

Дело в том, что монеты достоинством в двадцать копеек и в три копейки имели точно одинаковые диаметры и реверс (то, что всю жизнь называлось «орлом»). И только аверс (где написано достоинство монеты) и цвет были разными.

Я достал немного ртути (в то время её можно было похитить даже в ВУЗовской химлаборатории) и амальгамировал трёхкопеечные монеты. То есть, я натирал их тряпочкой с ртутью, и монеты приобретали серебристый цвет. Если такую монету показать «орлом», то никакого отличия от двадцатикопеечной не было. В трамвае я показывал народу такую монетку орлом и бросал её в кассу, а потом уж отрывал билет.

О вреде ртути тогда не говорили – это сейчас поднимают страшный шум, если вдруг в еде находят хоть капельку ртути. Авторитетно заявляю всем, что при приёме внутрь ртуть не токсична! Дышать её парами не стоит, а глотать – пожалуйста, сколько влезет!

У нас на «том дворе» жил бывший «зек» - Рафик, который на зоне работал на ртутных приисках. Так вот эту ртуть на работе он каждый день пил килограммами, а, приходя домой, переворачивался вверх ногами и выливал содержимое в таз. Потом он продавал ртуть скупщикам, которые перепродавали её частным зубным врачам. В те годы были очень распространены медные и серебрянные пломбы, материал (амальгама) для которых готовится на ртути. Две медные пломбы, поставленные мне более полувека назад, прекрасно держатся у меня в зубах и сейчас, а каков век пломб нынешних – вы сами прекрасно знаете.

Монета, натёртая ртутью, недолго оставалась серебристой – ртуть выдыхалась и золотистый цвет возвращался. Поэтому у меня в комнате стояло блюдце с ртутью и монетами, плавающими в ней как кусочки дерева или пробки. Я их время от времени переворачивал, чтобы амальгамировать обе стороны. Как мы все не поумирали от этого сам не понимаю! Наверное, на Кавказе даже ртуть была поддельной!

А если серьёзно – то не повторяйте этого опыта сами. Я думаю, изобретатель ртутного барометра Торричелли умер молодым, как раз из-за целых корыт с ртутью, которые стояли открытыми у него в лаборатории. Это видно, хотя бы из рисунков, изображавших этого учёного в своей лаборатории.

Так вот, возвращаясь к начальным годам в ВУЗе, я первым делом вспоминаю тренировки. У нас в политехническом был хороший зал штанги, где я тренировался три-четыре раза в неделю. Но первые годы продолжал ходить в прежний зал на стадионе «Динамо», к которому привык, да и с товарищами не хотелось расставаться. У нас образовалась тёплая группа товарищей, шуточным девизом которой был: «Поднимем штангу на должную высоту!».

Иосиф Шивц почему-то ушёл с тренерской работы, и у нас появился молодой симпатичный тренер Роберт, которого мы все очень полюбили. Мы даже стихотворение такое придумали в подражание Маяковскому:

Да будь слабаком я преклонных годов,
И то без сомнений и ропота,
Я штангу бы поднял только за то,
Чтобы порадовать Роберта!

А Роберту очень нравился мой жим – я «выдавливал» штангу несмотря ни на что, даже если она была непомерно тяжела для меня.

- Венацвале ам спортсменс! («Благословляю этого спортсмена!» - по-грузински) – восхищённо говорил Роберт, видя мой жим. Он был уверен, что я побью мировой рекорд в жиме, а он был тогда в моём полулёгком весе, равен 115 килограммам. В 1958 году весной я на тренировке жал, конечно, не очень «чисто», штангу в 115 килограммов, а на соревнованиях поднял всего 105 килограммов – не хотел рисковать, мне нужно было выполнить норматив мастера, что я успешно и сделал. Кстати, норма мастера спорта в жиме тогда была всего 95 килограммов. Но я не сомневался в том, что осенью 1958 года, побью мировой рекорд. Даже сам экс-рекордсмен мира в жиме Хайм Ханукашвили говорил мне, что я вполне могу осенью побить этот рекорд.

Рекордсмен тренировался в том же зале, что и я, только в другое время. И чемпион мира – Рафаэль Чимишкян также тренировался в нашем зале. Мне «повезло» - только в моём – полулёгком весе, в Грузии были штангисты мирового класса – чемпион и рекордсмен мира. «Рыпаться» мне вроде, было некуда, но именно в жиме была «брешь» - 115 килограммов – вес, который никак нельзя было считать очень большим. У чемпиона мира Чимишкяна жим был слабый – 105 килограммов, но в рывке и толчке, он был недостижим (в то время соревнования по штанге проводились по классическому троеборью – жим, рывок и толчок двумя руками). Вот и поуходили мало-мальски сильные спортсмены в другие весовые категории - легчайший и лёгкий веса, боясь конкуренции с Чимишкяном. А Ханукашвили был уже «в возрасте» и установить новый рекорд не мог. Так и держались эти 115 килограммов, как будто специально дожидаясь меня.

В начале лета я уже на тренировке жал 115 килограммов, нужны были только соревнования соответствующего уровня, которые должны были состояться осенью.

За многие ошибки в жизни я крепко ругал себя, но самыми последними словами я обзываю себя за то, что «прозевал» этот рекорд, который, казалось бы, сам шёл в руки. Летом наш курс уезжал по комсомольским путёвкам убирать урожай на целину, и я принял идиотское решение ехать вместе с моей группой. Эта поездка представлялась мне чем-то вроде летнего отдыха, заодно можно позаниматься моими любимыми эспандерами, и осенью же – побить мировой рекорд. Как ни убеждал меня тренер не ехать, но я был непреклонен и стоял на своём, как известное вьючное упрямое животное.

И что же – поездка затянулась до октября, ещё в поезде я заболел кишечным заболеванием, от которого чуть не отдал концы, и в результате прибавил в весе 25 килограммов, перейдя сразу через четыре весовые категории в полутяжёлый вес. Да ещё, слава Богу, что приехал живым - двое с нашего курса погибли, замёрзнув в снежной буре... в сентябре!

И пока я гонял эти 25 килограммов и приходил хоть в какую-нибудь спортивную форму, прошёл год, а уже в сентябре Виктор Корж улучшил рекорд в жиме аж до 118,5 килограммов! Близок был локоток, но так и не удалось мне его укусить!

На первом курсе учились в нашей группе две девушки – спортсменки, отличницы и т.д. Одна – Лиля, была гимнасткой, другая Ира – теннисисткой. Мне нравились они обе, и как оказалось, взаимно. Лиля похитила со спортивного стенда мою фотографию со штангой, и это послужило поводом для встречи. Она опоздала на свидание на полтора часа, а я педантично ждал её. Не нашлось тогда участливого человека, который научил бы меня уму-разуму – если девушка опаздывает, тем более, на первое свидание и настолько, то ненадёжный она человек!

Ира никогда не опаздывала, она была умной, начитанной и весёлой брюнеткой с чёрными глазами. Лиля была сильна в математике, но не начитана – она воспитывалась в очень простой и бедной семье. Но она была блондинкой – и это сыграло свою роль. Я как «лицо кавказской национальности» сильнее увлёкся ею. Но не забывал и Иру.

В конце года между девушками произошёл конфликт из-за меня, где победила Лиля. Ира даже ушла из политеха в университет, поссорившись с Лилей, но не со мной. Несмотря на ссору между собой, они принимали горячее участие в моей спортивной жизни, не пропуская ни одного соревнования с моим участием.

- Который из этих два девушка не твой – познаком! – просили меня кавказские штангисты, увидев такую яркую парочку на соревнованиях по штанге, где женщин среди зрителей почти не было. О том, чтобы женщинам самим поднимать штангу и соревноваться, тогда и думать не могли.

- Все два – мой! – отвечал я, и «просители», цокая языками, уходили.

Узнав откуда-то, что я летом решил ехать на целину, Ира специально встретила со мной, чтобы отговорить от этого глупого, с её точки зрения, шага:

- Ты что, ненормальный, что ли? – горячо убеждала Ира, - тебе же к мировому рекорду надо готовиться – режим, диета, отдых! А ты неизвестно куда собрался?

Лиля, и что самое главное, мама, были противоположного мнения. Лиля, правда, потом говорила, что так она поступала только «в пику» Ире, но слова мамы убедили меня:

- Все товарищи едут на целину, а ты хочешь показать им, что ты особый? Некрасиво будет!

Оказавшись в вагоне, я понял, кто из группы считал себя особым. Все, кто имел хоть какую-то зацепку, не поехал. А кто не имел – опоздали, сославшись на поломавшийся автобус. Поехали только простодушные, идиоты (к которым я охотно причисляю и себя!) и те, кто, имея специальность каменщика или плотника хотели на целине подзаработать. Последних оказалось только трое, это были взрослые люди, после армии, а одному вообще было за тридцать. С двумя из них – «стариком» Калашяном и комсоргом группы Абрамяном, судьба ещё столкнёт меня в одном пикантном деле, о котором я расскажу после.

Умные и хитрые с нами не поехали, и они были тысячу раз правы. Сколько я ругаю себя за непростительные ошибки и промахи в прошлой жизни, но продолжаю их делать даже сейчас. Неглупый вроде человек (это я мнение окружающих высказываю!), а промахи – достойны ребёнка из дикого островного племени.

Вывод, который я сделал для себя (может, слишком поздно!) – научные, технические и прочие специальные знания и знание жизни – совершенно разные, порой, взаимоисключающие вещи!

Путь на целину

В июле 1958 года, в страшную сорокоградусную Тбилисскую жару, закинув за плечи рюкзак с банками тушёнки и сгущёнки, с полотенцем, сменой белья и свитером на всякий случай, я в назначенное время пошёл на вокзал пешком. Благо от дома до вокзала – десять минут хода. С собой взял немного денег (остальные надеялся там заработать), паспорт и «комсомольскую путёвку».

Нашёл свой товарный поезд и пульмановский вагон с нарами для перевозки комсомольцев-целинников. Намёка на туалет в вагоне не было – обращаю на это внимание, так как вопрос туалета окажется для меня очень актуальным! На нары были набросаны грязные матрацы, на которых клопы ползали, не скрываясь даже днём.

В вагоне размещались четыре группы студентов – две русские в одном конце, и две грузинские – в другом. Всего было человек около семидесяти. Путь в Северный Казахстан – Кустанайскую область, лежал через Азербайджан – печально известный Сумгаит, Дагестан – Махачкалу, и Чечню – Гудермес, а далее – через Астрахань, Оренбург на станцию Тобол, где нас и высадили. Переезд занял почти неделю. До Оренбурга наш поезд часами стоял на разных полустанках, пропуская более важные поезда, ехал он медленной скоростью, а после Оренбурга двигался, хотя и медленно, но безостановочно, днём и ночью.

Лиля провожать меня не пришла – она отдыхала на море. Поезд отошёл под «Прощание славянки» и бравурные грузинские марши. Мы поделили свои нары и матрацы, постелили на них выданные нам пятнистые простыни с ужасными чёрными штампами, величиной с тетрадную страницу, разложили плоские жёсткие подушки. Занозы из нар свободно проходили через тощие матрацы и помогали голодным клопам жалить нас.

До Сумгаита ехали весь первый день, изнывая от жары. Оказывается, есть жара хуже Тбилисской – это жара Азербайджанская. Мы выскакивали на каждой остановке, чтобы выпить воды и намочить полотенца, которыми постоянно обтирались, спасаясь от жары и отпугивая клопов. Убедительно прошу вас, не ездите на нарах в товарных вагонах, вот рассказываю и сам чешусь от воспоминаний!

Проезжая по Чечне на следующий день, мы по инициативе «старика» Калашяна, созвали общее собрание и решили собрать всю еду в общий котёл и назначить дежурных на ночь. Я с удовольствием отдал в общий котёл свои банки тушенки и сгущенки, но заметил, что многие рылись в своих торбах довольно долго, явно утаивая ценные продукты. Увидел, что Калашян положил в общий котёл только батон хлеба, весело заметив, что он не куркуль, чтобы брать с собой запасы.

Ночью мы проезжали по Чечне. Думали ли мы, что через сорок с лишним лет здесь будет твориться такое! Чеченцев в ту пору там не было, я встречал их уже на целине, как и ингушей. Они мирно работали в колхозах и воинственности не выказывали.

Утром следующего дня поезд подошёл к Махачкале. Нас высадили, повезли в военную часть и накормили солдатским обедом из полевой кухни. Каша и чай – это тоже неплохо! Днём купались в Каспийском море, а потом часть ребят поехала на вокзал, а я с моим товарищем Максимовым пошел на вокзал пешком. Когда мы добрались до вокзала, то увидели наш поезд только с хвоста – он медленно уходил.

Никогда не забуду наш с Максимовым бег вдогонку уходящему товарняку. Он продолжался, наверное, полчаса. Еле-еле мы подпрыгнули на площадку заднего вагона, подхватываемые такими же опоздавшими, и пробыли там до ближайшей стоянки. Потом нашли свой вагон и встретились с товарищами, которые весело сообщили, что они нас уже не ждали. Господи, почему я не упал при этом беге и не вывихнул ногу! От Махачкалы я бы за день

добрался бы до Тбилиси на попутных машинах или зайцем на пассажирских поездах, но целинная чаша меня бы миновала!

Беда случилась в эту ночь и на следующий день, когда мы проезжали по Калмыцким степям, Астраханской дельте и Западному Казахстану.

Этой ночью дежурным по вагону был я с приятелем Максимовым. И пришла мне в голову шальная мысль – а не пошарить ли нам по торбам сокурсников и не поискать ли там чего-нибудь вкусного. Ведь все продукты мы должны были сдать в общий котёл, а утаивать от товарищей – не по-комсомольски! Стало быть, жаловаться не будут. Обшарив вещи, мы обнаружили фляжку коньяка, несколько банок икры и много шоколада. Выпили на двоих фляжку, а икру я больше банки съесть не смог, по известной причине. Зато шоколаду я съел до десятка плиток, запивая водой; давился, но ел. Заснуть после этого, я даже утром не смог.

Наутро ребята, конечно же, обнаружили пропажу, но открыто сказать об этом не смогли. Зато я на каждой остановке выбегал и пил воду, где мог – из кранов, фонтанчиков, даже лёд сосал. А хуже всего то, что на одной из станций мы похитили у морожещицы бочонок со льдом. Лёд был обычный, не сухой, и я сперва сосал его, утоляя мучительную жажду после ночного шоколада. Шоколадный кофеин вызвал сильный жар и приливы крови к голове, и я стал класть на голову лёд. Замотал голову полотенцем, как чалмой, а под него по мере таяния, подкладывал всё новые и новые куски льда. Мне казалось, что голова даже покрылась инеем, но я всё подкладывал и подкладывал лёд.

По Оренбургу я ещё, пошатываясь, гулял, а вечером слёг с сильным жаром – видимо, простудился. Жар вызвал такую жажду, что я пил любую воду, не разбирая её принадлежности. Под утро к жару прибавился понос, а поезд, как я уже упоминал, шёл не останавливаясь. Дверной проём вагона был перегорожен доской, чтобы люди при качке не выпадали. И я, зацепившись руками за эту доску, приседал наружу и давал волю поносу. Почти все два дня до Тобола я провисел в такой позе, при температуре (по крайней мере, своей собственной!) почти в сорок градусов.

Сорок снаружи и сорок в организме - я чувствовал себя на все восемьдесят градусов. В этом жару и бреду мне запомнилась одна картина. Мы проезжали в степи мимо двух женщин в юбках до земли и с лицами, густо напудренными мелом или побелкой. На этом белом фоне выделялись ярко-красные губы. Ребята уже с первых вагонов начали кричать им пошлости и делать неприличные жесты. И вдруг прямо перед нашим вагоном обе женщины резко повернулись к нам спиной, нагнулись и задрали сзади юбки. Поезд шёл очень медленно, и я, несмотря на жар и понос, разобрал все анатомические подробности женского таза сзади.

Вечером, уже не помню, какого дня пути, мы прибыли на маленькую станцию Тобол, где нас высадили. Я чувствовал себя всё хуже и хуже, лекарств никаких не было, и на ум приходил анекдот, который я раньше считал очень смешным, а в тот момент крайне грустным и страшным.

Вот этот анекдот: умирает в больнице человек от дизинтерии. Врачи сказали ему, что он безнадежен и спросили, что передать родным и друзьям.

- Передайте, что я умер от сифилиса! – просит больной.
- Помилуйте, - удивляются врачи, - зачем такая дезинформация?
- А чтобы думали, что я умер как настоящий мужчина, а не как засранец!

Я, в отличие от того больного, обмануть никого уже не смог. Диагноз мой был ясен всем.

Нам велели погрузиться навалом в кузова автомобилей ГАЗ-51, и повезли куда-то. Трясло так, что из одного кузова выпал на дорогу какой-то студент. Его подобрали и поехали дальше. По дороге мы сделали две-три остановки и стояли примерно по часу. Мне уже эти стоянки были ни к чему, и я даже не вылезал из кузова – меня бил озноб, и вылезти наружу не было сил.

К утру приехали на какой-то распределитель – барак с нарами, но без матрасов, и велели ждать, пока подыщут жильё. Я, весь дрожа, еле добрёл до нар и лег прямо на доски. До этого, побывав в туалете, я обнаружил, что уже хожу кровью.

- А ведь ты подохнешь, наверное! – внимательно посмотрев на меня, сказал мой приятель Витька Галушкин, - хоть ты и падла приличная, хорони потом тебя тут! Так и быть, дам тебе лекарства, может, пригодишься ещё!

Витька был сыном какого-то союзного военного представителя в Грузии в ранге министра. Он мог бы спокойно увильнуть от целины, но не стал этого делать. Отец обеспечил его классными лекарствами, чтобы обезопасить сына. Я забыл название этого лекарства, но помню, что это был импортный антибиотик, целенаправленно от кишечных болезней.

Витька дал мне пакетик с таблетками и аннотацию, где были рекомендации по применению. Днём прекратился понос, а к вечеру я чувствовал себя уже сносно. Я поблагодарил Витьку за спасение и извинился за «чистку» его вещей. Помню, что именно в его рюкзаке мы нашли больше всего деликатесов и фляжку коньяка.

- Если не подохнешь, - за тобой ящик водки! – объявил Витька.

Но я не успел поставить ему ящик на целине – он вскоре же заболел и был отправлен в Тбилиси. Дома же мы с ним выпили не один ящик водки; для меня это пьянство прошло безвредно, а Витька же, к сожалению, постепенно спился и умер ещё молодым, причём, прямо на улице. Но это было лет через пятнадцать, а пока я почувствовал, что выжил.

На ночь нас определили в пустующий амбар под номером 628, где уже были нары. Дали по тоненькому байковому одеялу, матрасу, соответствующее бельё и подушки. Амбар № 628 принадлежал Чендакскому зерносовхозу, и мы поступили в распоряжение отделения этого совхоза.

Всё было бы ничего – я выздоровел, погода была хорошая, только из-за запасов зерна под полом в амбаре водились крысы с кролика величиной. Они были здесь хозяевами, мы – гостями. Крысы вынужденно мирились с нами, по-видимому, понимая, что если мы уйдём из амбара, придут местные, которые хуже. Но замахиваться, а тем более бить себя – не позволяли: по-звериному скалились и угрожающе пищали. Часто они ночевали в наших постелях, правда, поверх одеяла, внутрь почему-то не лезли. Крысы очень любили сало, а мы иногда покупали его у местных. Приходилось подвешивать его к потолочным балкам на проволоке, иначе крысы в момент съели бы это лакомство.

«Притирка»

Рядом с амбаром была кухня в виде вагончика, а также туалет, правда без дверей, но с входом, обращённым в поле. Дня через два-три после выздоровления, ко мне вернулись прежние сила и наглость. Я подобрал где то пилу-ножовку, заточил её на круге с двух сторон кинжалом и сшил из кирзы чехол. Ещё я сшил себе широкий пояс из сыромятной кожи, а потом надеялся изготовить и самодельную штангу. А пока прицепил к поясу чехол с импровизированным кинжалом.

Штангу я всё-таки себе сделал из длинной стальной оси, с посаженными на неё катками от тракторной ходовой части, где катки эти катятся изнутри по гусеницам. Штангу я поставил посреди амбара и стал регулярно тренироваться.

Витька, спасший мне жизнь, как-то снисходительно отозвался о штанге, назвав её «жестянкой». Я обиделся и предложил поспорить на две бутылки водки – если она меньше 100 килограммов, выигрывает Витька, а больше – я. Тут же нашлись помощники, погрузили штангу на телегу и гурьбой отправились в магазин – взвешивать. Выиграл я – штанга оказалась весом 105 килограммов. Витька купил две бутылки водки (уборочная ещё не началась и водка пока продавалась), которые тут же и выпили: первый стакан – я, второй – Витька, а остальное - выпили помощники.

Витька быстро захмелел, кричал, что зря дал мне дорогие лекарства, что лучше бы я подох, и тому подобное. А вскоре он сильно заболел (уже не помню, чем) и его отправили домой. Оставшиеся матрас, одеяло и подушку, я забрал себе, сказав, что Витька «завещал» это добро мне. Матрасы я положил друг на друга, а байковые одеяла сшил по периметру, набив между ними сухое сено. Как я оказался прав, что сделал это – грядущие холода я перенёс сравнительно легко, по крайней мере, не спал в телогрейке и сапогах, как другие.

По праву сильнейшего я вёл себя в группе по-хозяйски, но у меня обнаружился конкурент. Это был староста группы – Володя Прийменко, прошедший армию и знавший некоторые приёмы

самбо. Володя был худ, белоглаз, похож на Иудушку Головлёва по рисункам Кукрыниксов, зол и достаточно силён. Мы с ним периодически цеплялись друг к другу, но пока по-мелочи. Володя был очень нудным парнем и всё доносил нашему куратору – члену парткома факультета Тоточава. Последний был добрым и неплохим человеком, но как партиец должен был реагировать. А как мегрел (Тоточава – мегрельская фамилия), наверное, симпатизировал мне, если это вообще можно было делать при моём поведении.

Причина моего раздора с Володей была одна – кухня. Не знаю медицинского обоснования этого явления, но после моего кишечного заболевания неизвестной мне этиологии, у меня проснулся бешеный аппетит. Я ел всё, что попадёт под руку – зерно молочно-восковой спелости, кашу, остающуюся в котле, яйца, которых было так много, что и съесть их все оказывалось невозможным. Иногда я по ночам вставал, будто в туалет, а сам шёл на кухню, вскрывал дверь ножом и быстро поедал оставленные там припасы. Я вынужден был поедать быстро потому, что минут через десять Прийменко, убедившись, что меня нет в туалете, бежал на кухню и мешал мне утолять голод. Какое ему было дело до этого – не понимаю, нудный и вредный был он, и всё тут!

А время от времени мы схватывались. Я старался захватить его в мои смертельные объятия, он же предпочитал удары. В конце концов, мы сваливались на землю и как два зверя катались, пытаясь укусить друг друга. Услышав мат и рычание, ребята вставали и отдирали нас друг от друга.

Я знал, что Володька «обхаживал» нашу повариху Марту, он постоянно просиживал с ней на кухне. Ребятам это не очень нравилось. И когда Тоточава объявил, что надо назначить ответственного по кухне, то я и Прийменко одновременно выставили свои кандидатуры. Вопрос решался голосованием.

- Он же обожрёт вас, вам это надо? – приводил свой довод Прийменко.

- А Прийменко будет на кухне трахаться с Мартой, это вам понравится? – приводил я свой довод.

- Пусть подерутся, и кто выигрывает, тот и будет зав. кухней! – предложил Гога Тертерян.

Меня ребята не очень любили, но Володю за его доносительство и нудность, просто ненавидели. Наша драка была бы для них неплохим шоу.

Уговаривать нас не надо было. Мы вскочили на нары – а они были как одна площадка 5х2 метра и покрыты матрасами – и сцепились. Мне удалось ухватить противника за шею согнутой правой рукой, которую я дополнительно сгибал левой. Прийменко, пользуясь тем, что руки у меня заняты, стал пальцами выдавливать мне глаза. Я пытался укусить его, бил его коленом в пах, но не помогало. Только когда он стал хрипеть от удушья, а у меня пошла кровь, как показалось, из глаз (на самом деле кровь пошла из носа), нас растащили, как двух питбулей.

Вопрос о начальнике кухни оставался открытым, пока его не разрешил Тоточава.

- У вас есть староста, пусть он будет и ответственным за кухню, и причём здесь Гулиа? – провозгласил Тоточава и ребята неохотно, но согласились. Я грозился поджечь кухню, но потом понял, что первым пострадаю от этого я сам. К тому же мы стали менять зерно у местных жителей на самогон, сало и другие съестные продукты, и актуальность кухни поубавилась.

Делалось это так. В то время хлеба убирали раздельным способом – сперва косили и укладывали в валки, а потом, когда зерно недели через две созревало в валках, подборщиками на комбайнах подбирали и молотили это зерно. Этот метод, пригодный для высоких, крепких колосьев, например, на Кубани, плохо подходил для целины 1958 года.

Колосья были слабые, часто шли дожди, и подбирать жиденькие, прибитые к земле валки было очень трудно. Все комбайнёры понимали это, но было указание партийного руководства, то ли области, то ли Казахстана, то ли самого Хрущёва – косить враздельную. Мы же с моим комбайнёром Толиком на нашей самоходке, косили впрямую по диагонали поля – «напрямки» к какой-нибудь деревне. Там медленно ехали вдоль домов и громко предлагали: «Кому пшеницы?»

Покупатель находился тут же. Мы высыпали ему за забор наш бункер – 11 центнеров, а он давал за это четверть самогона, огромный кусок сала, засоленного мяса, маринованных огурцов и другой снеди. Так что, водкой и закуской мы были обеспечены! В своё слабое оправдание могу только, забегая вперёд, сказать, что к середине августа пошли непрерывные дожди, когда

подбирать валки было нельзя, а к концу месяца повалил снег, засыпав всю скошенную пшеницу толстым слоем. Только весной такой хлеб частично подбирали и отправляли на спиртзаводы. А мы косили «по уму» - напрямую, спасали зерно, отдавая его труженникам деревни, а спирт получали тут же, минуя спиртзаводы. И быстро и экономично!

Мне постоянно приходила на ум крамольная мысль – а нужно ли было вообще «поднимать» целину? Окупятся ли такие колоссальные финансовые затраты, переброс людских ресурсов, сломанные судьбы людей? Кормила же Россия в 1913 году пол-мира и без всякой целины. В частных беседах с «бывалыми» людьми - и на целине и в Москве, я получал однозначный ответ: «Не нужно!» Правда, ответ произносился тет-а-тет и шёпотом.

А вот на другой, менее глобальный, но более близкий мне вопрос – нужно ли было посылать на целину неопытных студентов со всей страны – я однозначно отвечаю: «Нет!». Не самый худший был наш «призыв» - все идейные, готовые к труду ребята. И что же мы сделали полезного? Скосили малую часть хлебов, которые всё равно пропали. Причём за счёт совхоза съели столько, что все остались должны не менее, чем по тысяче рублей. Кроме того, израсходовали государственные деньги на проезд (будь он неладен!) и обмундирование – телогрейки, сапоги, матрасы, одеяла и пр. Вместо летнего отдыха чуть ли не половина ребят заболела, и на два месяца все опоздали на занятия. А два парня с нашего вагона вообще погибли нелепой смертью. Доходили слухи, что в соседних отделениях совхоза тоже были погибшие – кто от электротока, но больше всего от убийств со стороны местных и драк с ними. Мы были очень невыгодны местным жителям – работали почти бесплатно, отбивая их хлеб. Да и подворовывать так или иначе им мешали.

Местные несколько раз стреляли дробью по фанерному туалету близ нашего амбара-общезития. Они появлялись со стороны деревеньки, обычно поздно вечером, ждали, когда кто-нибудь пойдёт с фонарём в туалет, а потом стреляли крупной дробью. Дробь легко пробивала фанеру, и несчастный студент мчался обратно в амбар, отправляя свою нужду по дороге. В амбаре мы заливали ему ранки йодом и выковыривали дробины иголкой или шилом. Жаловаться было некому, да и лечиться было не у кого. Хорошо ещё, что ранки были неопасные. После двух-трёх случаев я нашёл лист железа и прибил его к стенке туалета изнутри. Договорились, что когда прозвучит выстрел, сидящий в туалете должен истошно орать, имитируя ранение. Довольный снайпер шёл домой и не придумывал новых способов борьбы с нами.

Как-то «старик» Калашян, двухметровый студент-богатырь Чуцик и я пошли в засаду в кусты. Дождались, когда местный вышел с ружьём, выбрал позицию и стал ждать свою жертву. «Жертва», с которой мы, конечно же, договорились, надел сапоги, телогрейку и обмотав голову одеялом, несколько раз перебежала с фонарём, привязанным к швабре, до туалета и обратно.

Наконец раздался выстрел и тут же - другой. Мы бросились наперерез стрелку, отгородив его от деревни. Мы ногами свалили его на землю, потоптали прилично, избили прикладом его же ружья, которое потом сломали ударами о пень и бросили рядом. Напоследок я вынул свой кинжал-ножовку, порезал на «снайпере» куртку и сделал несколько неглубоких проколов в мягкие области – ягодицы, бёдра, икры. Стрельба по «бронированному» туалету прекратилась.

Поединки с десятником и первый секс

До уборочной «страды» нас почти не использовали, мы даже просили работы. Направили как-то подровнять силосный ров, но нас там от вони стошнило, и мы сбежали. Я попросил у десятника Архипова «силовой» работы, поднять там чего-нибудь или перетащить. Штангист, дескать, сила пропадает. Десятник хитро улыбнулся и повёз на своём «козле» меня в поле. Там стоял комбайн «Сталинец – 6» со снятым двигателем. Видимо, двигатель отремонтировали и поставили на землю рядом с машиной. Поднять двигатель надо было метра на полтора.

- Поднимешь – сто рублей дам! – сказал на прощание Архипов и повернул машину, - заеду часа через два!

Я уже продумывал хитрые комбинации из рычагов и верёвки, как вдруг увидел ехавший навстречу мне «газик» с чужими студентами на борту. Я замахал руками, и когда машина остановилась, попросил:

- Студенты, дорогие, помогите комбайнёру поднять двигатель обратно! Свалился по дороге, узнает начальник – головы не сносить!

Студенты попрыгали с кузова, и за пару минут двигатель был на месте. Я сказал им: «Большое целинное спасибо!», а водитель, хитро подмигнув мне, увёз студентов дальше. Я не стал ждать десятника и пошёл сам в контору – дороги туда было минут двадцать. Архипов аж рот раскрыл от удивления, когда узнал, что двигатель на месте. Не поверил, посадил меня в козла, и мы поехали на место. Вышел, посмотрел на двигатель, потом на меня и покачал головой.

- Хочешь, ещё за сто рублей сниму его снова? – предложил я, но десятник отверг мое предложение. Вернулись в контору, и он без разговоров выдал мне сто рублей. Но злопамятный Архипов решил доконать меня следующим своим заданием. Он предложил уложить фундамент для печи в строящейся конторе. Цоколь конторы был уже выложен саманными блоками – «саманами». Изготовлены они были из навоза, глины и рубленой соломы, и весили, наверное, по пуду штука. На дворе валялась куча саманов и куча земли, вырытой из ямы под фундамент. Нужно было замесить глину (бочка воды и глина имелись), уложить саманы в фундаментную яму в пять слоёв, подогнать их, положить на глину, подровнять топором и лопатой, которые лежали тут же рядом.

Кучу земли нужно было вывезти подальше и рассыпать – для этого стояла лошадь с телегой. Одной бочки воды не хватило бы, и на этой же телеге мне пришлось бы привозить воду из озера. На это давался целый день и двести рублей оплаты. Архипов должен был заехать часов в шесть и проверить работу.

Я почесал голову и понял, что не в коня корм. Работу эту я не осилю, а уж Архипов разнесёт «парашу» по всему совхозу. Тогда я (даром, что ли отличник!) решил схитрить. Я вылил бочку воды в глину и размешал ее, затем засыпал лопатой кучу земли обратно в фундаментную яму, и как следует утрамбовал её ногами. Небольшой остаток разровнял по полу конторы. Затем уложил сверху один слой саманов, обильно смазанный глиной и даже отштукатуренный ею же сверху. Остальные саманы набрал в телегу и отвёз подальше, свалив в овраг, а затем улёгся отдохнуть на траву близ строящейся конторы и заснул.

Забегая вперёд, расскажу, что на следующий год сюда приехали наши же студенты, но курсом младше. Так вот, бригада, которая достраивала контору, рассказала мне, как чертыхался Архипов, когда поставленная на мой фундамент печь осела и покосилась так, что чуть не свалилась. Пришлось разбирать печь и перекладывать фундамент.

Проснулся я оттого, что кто-то будил меня. – Неужели, Архипов! – в страхе подумал я, но будили меня очень уж нежно, явно не по-Архиповски. Открываю глаза: надо мной сидит женщина в косынке, загорелая, глаза голубые, улыбается. Зубы – как у всех местных - находка для стоматолога.

- Я – Ульяна, - представилась она, - подойду, думаю, посмотрю, не помер ли. Вижу – здоров!

Увидев, что я в порядке, Ульяна улыбалась всё шире и шире.

- Может за здоровьечко самогончику по чуть-чуть? – подмигнув, предложила Ульяна и, раскрыв холщёвую сумку, показала горлышко бутылки, заткнутое газетной пробкой.

Я поднялся и осмотрел Ульяну. Надо сказать, что снизу она казалась привлекательнее. Маленького роста, крепышка, лет тридцати, Ульяна была скорее не загорелой, а вся в коричневых веснушках. Нос – чухонский, губы обветренные. Настроение упало, но сразу поднялось при мысли о самогоне, а возможно, и закуске. Как-никак – весь день без обеда!

Мы уселись на цоколь, Ульяна постелила газету, поставила бутылку и один гранёный стакан. Затем положила на газету нарезанного солёного сала, полбулки хлеба и несколько огурцов.

- Стакан-то один всего, - виновато улыбнулась Ульяна. Но я быстро налил самогон в стакан, вручил его Ульяне, а сам взял в руки бутылку.

- У нас на Кавказе, откуда я приехал, пьют только из бутылки! – уверенно соврал я.

- Так ты тоже с Кавказа? – радостно удивилась Ульяна, - ты что, не грузин ли? Слово «тоже» насторожило меня, но я бодро доложил:

- Грузин – первый сорт - мегрел называется, мы на Чёрном море живём, - хвастался я, хлопая себя кулаком в грудь, совсем как это делает самец гориллы, который, правда, живёт ещё несколько южнее.

Мы выпили за здоровье, как предложила Ульяна, потом – за встречу, а последнюю – уже за любовь. Меня поразила метаморфоза, которую, я испытал тогда впервые в жизни. До первого глотка Ульяна, как я уже говорил, казалась мне невзрачной, даже некрасивой женщиной, намного старше меня. После первого тоста, я стал находить её загадочной незнакомкой, такой пастушкой, забредшей к соседнему пастушку на посиделки. После второго тоста Ульяна преобразилась в красивую мулатку, необычайно привлекательную и сексуальную. Обнимая её за талию, я ощутил здоровую упругость сильного тела, созданного как будто специально для плотской любви. Тогда я ещё не знал народной мудрости: «Не бывает некрасивых женщин, бывает только мало водки!» Солнце грело, но не пекло, вокруг конторы была зелёная густая трава, поодаль – кусты.

Мы выпили по третьему разу и как-то вместе встали. Обняв друг друга за талии, мы, пошатываясь, пошли в известную одним нам сторону. Я пошатывался больше (наверное, больше выпил, или привычки было меньше!), но Ульяна твёрдой рукой направляла моё движение в нужную нам сторону – к кустам.

Как голодные звери набрасываются на свою добычу, как вольные борцы горячо схватываются друг с другом после сигнала судьи, так и мы с Ульяной необузданно повалившись на траву, обхватили друг друга всем, чем можно было только обхватить. Задыхаясь и рыча, мы срывали друг с друга одежды, стараясь не очень повредить их, так как помнили, что надо будет ещё и одеваться ...

Опыта подобных встреч у меня ещё не было, но как-то всё получилось само собой. Вот она – сила инстинкта! Вокруг никого не было, но я всё же прикрывал рот Ульяны рукой - мне казалось, что её финальный вопль слышен аж в нашем амбаре. Затем мы разом откинулись друг от друга и, лёжа на спинах на прохладной траве, дышали так тяжело, как будто выполнили всю работу, порученную мне прощелыгой Архиповым.

Постепенно наше дыхание стало ровнее, реже; мы снова посмотрели друг на друга – и снова в бой. Второй раунд был поспокойнее, но и подольше.

- Ты не очень-то вопи подконец! – попросил я Ульяну, - десятник скоро должен подойти, как бы не услышал, гад!

Ульяна, страдальчески улыбаясь, кивнула, но обещания своего не сдержала ...

Архипов пришёл, как и обещал, в шесть. Увидев выполненную работу, он потоптался на фундаменте, похвалил его, но, посмотрев на меня уставшего и всего взмокшего, выжатого, простите за банальность, как лимон, даже пожалел:

-Ты уж так не убивался бы, завтра можно было бы закончить!

- Я - человек слова! – был мой ответ Архипову, - и к тому же – комсомолец! Я на целину не отдыхать приехал!

Тот молча выдал мне двести рублей, и я пошёл к себе в амбар. Когда все уже улеглись спать, я, как бы невзначай, спросил:

- Ребята, а кто такая здесь Ульяна, может, кто знает? И тут один из наших студентов, по фамилии Жордания и по прозвищу «меньшевик» вскочил так быстро и так с криком, будто его ткнула за заднее место вездесущая крыса. Пояснил его прозвище: Жордания - известный в Грузии меньшевик-эмигрант, наш «меньшевик» был просто его однофамильцем.

- Так вот почему эта сука прогнала меня сегодня, выходит, это ты её успел трахнуть! – Жордания кричал так, как будто его обворовали, - это моя баба, я её раньше нашёл, так не по-кавказски – отбирать чужое! - причитал «меньшевик».

- Слушай, оставь ты эту «шалашовку», она со всем совхозом уже успела перетрахаться, вот и тебя подобрала! – На ухо мне советовал «старик» Калашян, - наш «меньшевик» живёт у неё, пьёт её самогон, трахает её и горя не знает; ты видел, чтобы он ночевал с нами в амбаре? Только

сегодня – и всё из-за тебя! Оставь её, ещё подхватишь бяку, если уже не подхватил. А у тебя, как я знаю, невеста дома ...

Я, подивившись осведомлённости «старика», «оставил» Ульяну. Вернее, не стал искать с ней свиданий. Да и она сама больше ко мне не подходила. «Меньшевик» опять перестал ночевать в амбаре. Вот такой была моя первая **настоящая** встреча с женщиной ...

Где первая любовь – и где первый секс? Как говорится - две большие разницы! И сколько ущербности мне принесла первая любовь, столько же уверенности в женском вопросе дал мне этот первый секс!

Уборочная

Наконец, по мнению совхозного руководителя, хлеба созрели до молочно-восковой спелости, необходимой для отдельной уборки. Управляющий совхозом, похожий на борова мужик по фамилии Тугай, сам приехал к нам в отделение и объявил готовность № 1. С утра – на комбайны! Большинство комбайнов были прицепные типа «Сталинец-6» - его тянул трактор ДТ-54, а сзади был прицеплен копнитель. Тракторист и комбайнёр были из местных специалистов, а нас использовали копнильщиками. Комбайнёр должен был получать 100% оплаты, тракторист- 80%, а копнильщик – всего 40%.

Расскажу, что такое копнитель и как должен работать копнильщик, чтобы вдруг никто не позавидовал лёгкой работе за 40% оплаты. Копнитель-бункер, этакий куб, размерами примерно 2,5х2,5х2,5 метра, катившийся на паре колёс, прицеплялся сзади к комбайну. В него из тяжёлой, казалось, чугунной трубы, торчащей сзади из комбайна, сыпалась солома и всякая другая труха. По бокам бункера справа и слева были дощатые мостки с перилами для копнильщика. Когда бункер заполнялся соломой, копнильщик, по инструкции, должен был разравнивать её вилами, потом прыгать внутрь и утапывать солому ногами, а затем вскакивать обратно на мостки и нажимать педаль. Дно копнителя откидывалось, и кубическая копна вываливалась на поле. Это всё теоретически.

А практически уже с первых минут копнильщика всего так засыпало сверху соломой и половой, что он только чесался и отряхивался. При первом же повороте комбайна, труба выходила за габарит копнителя и сбрасывала неопытного, не успевшего пригнуться копнильщика, с двухметровой высоты на землю. Он ещё должен был, потом догонять комбайн и вскарабкиваться по болтающейся подвесной лесенке снова на свой проклятый копнитель.

В результате, никто не хотел работать на копнителе и вскоре все ушли с этой работы. Копнильщиками нанимали местных женщин (!), которые покорно, за нищенские деньги, выполняли эту идиотскую и опасную работу. Конечно же, никто из них не бросался самоотверженно в бункер и не утапывал его содержимого под водопадом из соломы и половы, грозящем засыпать копнильщика с головой. Бедные копнильщицы, посыпаемые сверху трухой, сгорбившись и накрывшись с головой брезентом, сидели на мостках, изредка поглядывая в бункер. Когда он наполнялся, они нажимали педаль и копна, конечно же, не такая плотная, как положено, но вываливалась из копнителя, а днище захлопывалось для набора новой копны.

Но неужели я, изобретатель по природе, мог бы мириться с таким рабским трудом? Я просто привязал к педали верёвку, сам удобно устроился на комбайне, а конец верёвки положил рядом с собой. Для комфорта я постелил на комбайне одеяло, лежал и загорал на нём, а время от времени поглядывал: не наполнился ли копнитель? Если он был уже полон, то я дёргал за верёвку, днище открывалось и копна, точно такая же, что и у женщин-копнильщиц, вываливалась наружу. Но в отличие от несчастных женщин, я не сидел, согнувшись, весь день под водопадом из соломы и трухи на подпрыгивающем, как мустанг, копнителе, а лежал и загорал на удобном большом комбайне.

Честно говоря, я ожидал премии за такое рацпредложение, и на одном из объездов Тугаем подведомственных ему комбайнов, с гордостью показал управляющему новшество. Но ожидаемой премии не последовало. Тугай побагровел как боров, испечённый в духовке, и заорал:

- Так что, бабы пусть горбатятся, а ты как барчук, загорать тут будешь! – и распорядился снять меня с «поста» копнильщика, а верёвку сорвать и уничтожить. Логика Тугая мне осталась

непонятной до сих пор. А потом я, подумав, решил: какая же может быть логика у пламенного коммуниста Тугая, которому мозги заменяют инструкции из райкома партии. И я простил ему. Сам же, оставшись без работы, как и остальные экс-копнительщики, я разгуливал по бескрайним целинным просторам, постигая загадки жизни. Только стишки стал сочинять про нашего управляющего, где рифмовались слова «Тугая - бугая», и писал их мелом, а иногда и масляной краской на любых гладких поверхностях – амбаре, кухне, доске приказов и т.д.

Наиболее крупный и представительный вариант красовался на фанерной стене туалета, по которой стреляли дробью местные. Варианты двестишья были такие:

«Лучший друг для Тугая -
это ... у бугая!»

Или

«А любовь у Тугая -
под хвостом у бугая!»

А на доске приказов было объявлено вполне цензурно:

«По приказу Тугая -
подложись под бугая!»

Не знаю, как самому Тугаю, а студентам, и особенно местным, стишки понравились. Появилось и много других вариантов интимных связей Тугая с бугаём – что-то, а народ наш на безобидные шуточки горазд!

Интересно то, что настоящий бугай-то в совхозе был, жил он на ферме, откуда мы на лошади привозили молоко на кухню, и похож он был на Тугая, может даже больше чем боров.

А ещё была у Тугая собственная бахча километрах в пяти от нашего амбара. Я с приятелем Максимовым (помните злополучное дежурство по вагону!) случайно натолкнулся на неё во время очередных прогулок по необозримым просторам целины.

Маленькие аппетитные дыньки «колхозницы» сотнями созревали там, скрытые от глаз целинной общественности. Спелые, вкусные дыни – на целине, где не то, что самых заваливающих яблочек - воды нормальной не было, пили рассол какой-то. Прямо на бахче поесть дыни было не с руки и мы, набрав пяток штук, пошли искать укромное местечко для трапезы. Долго искать не пришлось – прямо в поле стоял до боли знакомый мне отцепленный копнитель.

Я привычно взобрался на мостки, нажал педаль, днище открылось, и мы влезли внутрь копнителя. Чтобы получше представить себе внутренность копнителя, нужно вообразить себе маленькую комнатку, что-то вроде карцера, только без потолка и с решётчатой задней стенкой. Тюрьма, но без потолка!

Когда мы оказались внутри, днище, естественно, захлопнулось, но мы не придали этому значения – быстрее бы съесть халявные дыни. Но дух Тугая наказал нас за воровство его дынь. Мгновенно, как это нередко бывало на целине, над нами собрались грозные тучи, сверкнула молния, и полил дождь, переходящий в град.

Мы металась по тесному копнителю, пытаюсь выбраться. Но по отполированным соломой стенкам, взобраться было невозможно. Попытки взломать заднюю решётчатую стенку тоже не помогли. Мы вымокли до трусов, и уже мокрых нас избивал град. Наконец, я, взбравшись на плечи Максимова, вылез на мостки и нажал педаль. Мы освободились и затрусил домой, поливаемые остатками заканчивающейся грозы.

Мы запомнили это злодеяние «духа Тугая» и решили отомстить ему. Назавтра мы уговорили шофёра Васюку Пробейголова (по прозвищу «Бобби Динамит») съездить с нами на своём газике на бахчу. Набрал полкузова дынь, мы вернулись. Проезжая мимо нашего амбара, я закинул одну «колхозницу» в открытую дверь. Видели бы вы, что там поднялось! Бедные целинники не видевшие никаких фруктов после Грузии, накинулись на дыню, как в зоопарке крокодилы на брошенный им филейный кусок мяса.

Но месть – штука обоюдоострая. Естественно, Тугай узнал, кто был автором стишков и похитителем его личных дынь. Доброхотов-стукачей нам на Руси не занимать!

И вот на доске приказов, прямо на замазанном краской месте стиха про вечный союз Тугая с бугаём, появляется объявление о собрании партийно-комсомольского актива отделения прямо у нас в амбаре. С утра, когда многие безработные студенты ещё лежали на своих нарах, к нам вошли: Тугай, Тотоचाва, неизвестная дама в кирзовых сапогах, и два местных механизатора.

Дама провозгласила, что есть мнение считать собрание открытым, все пришедшие подняв руки, проголосовали «за», и фарс начался. Естественно, разговор был только о моём поведении. Как-будто в разгар уборочной не было больше дел, чем обсуждать возмутительное поведение студента «Гулии», сняв для этого с комбайнов даже механизаторов. Но инкриминировать мне стишки они не могли – не доказано; на счёт дынь тоже разговоров не могло быть – с какой это стати дыни, выросшие на «всенародной» земле могли принадлежать только Тугаю. А вот рацпредложение моё горячо обсуждалось. Докладывал, конечно же, сам Тугай.

- В то время как наши женщины в поте лица ... - лицо, вернее, ряшка, у Тугая побагровела, на углах рта выступила пена слюны. Мне казалось, что под фуражкой у него даже зашевелились вырастающие рожки ...

И тут я повёл себя, как говорится, неадекватно. Встав с нар, я извинился перед собранием и сказал, что мне нужно на минутку выйти. Потом товарищи рассказывали мне, что дама даже испугалась, чтобы я ненароком не повесился от позора: «Потом отвечай за него!». Но я не собирался вешаться. Зайдя на кухню, я разбил тройку яиц в алюминиевую кружку, насыпал туда сахарного песка и ложкой стал сбивать свой любимый «гоголь-моголь», или «гогель-могель», как называли его в еврейских местечках. Так я и зашёл в амбар обратно.

Актив аж голос потерял от моей наглости. Потом заголосили все вместе: Тугай и дама – от ярости, механизаторы – от смеха, студенты – от восторга. Только Тоточава сидел молча, широко раскрыв глаза и рот. Я смотрел на этот театр абсурда, взбивал своё еврейское лакомство и почему-то спокойно думал:

- Вот приехал я сюда с благими намерениями, чуть не помер по дороге, потерял надежду на рекорд, оставил в Тбилиси невесту. Конечно, обманывал Архипова, но в уборочной участвовал честно – даже рацпредложение сделал, как вообще избавиться от копнильщика (позже на комбайнах эту должность действительно упразднили), а меня тут как врага народа ...

- Погоди, - обратился ко мне Тугай, - сейчас на это времени нету, соберём урожай, а тебя отошлём с письмом в институт, чтобы выгнали тебя оттудова!

И вдруг - у меня помутилось в голове и «наступило» то особое состояние отчуждённости, какое было знакомо мне со времени предсказания пожара в детском саду. Я увидел весь амбарный театр со стороны – кричащего багрового Тугая, чопорную даму в кирзовых сапогах, студентов на нарах, и себя с алюминиевой кружкой в руке. Чужим, громким, но бесстрастным как у автомата голосом, я заговорил чьими-то чужими словами, от которых в амбаре наступила гробовая тишина:

- Так, теперь слушайте меня! Выгнать, Тугай, надо, прежде всего тебя за то, что в данных метеоусловиях дал приказ косить раздельно. Тебя предупреждали, что это преступно, что надо быстрее косить напрямую. Поэтому урожай будет потерян, а тебя уволят! Выгляни за дверь – идёт снег и это надолго; скошенные валки засыплет и ты не подберёшь их! Это конец твоей карьере, Тугай!

Тугай, слушавший меня с вытаращенными глазами, вдруг сорвался с места и бросился к выходу. Когда он открыл дверь, все ахнули от удивления – снег, крупный снег, падающий сплошной пеленой, скрыл всё вокруг – и кухню, и многострадальный туалет, и доску приказов, и всё остальное целинное убожество ...

- ... твою мать! – глухо выкрикнул Тугай и исчез за пеленой снега. Вслед за ним бегом исчезли члены партийно-комсомольского актива. А вслед исчезающим фигурам из амбара № 628 понеслись аплодисменты и свист студентов- целинников.

Меня всего трясло, кружка с еврейским лакомством прыгала у меня в руке, я медленно приходил в себя. Окончательно оклемавшись, я первым делом доел гоголь-моголь (не пропадать же добру!), а потом выглянул за дверь ...

Финал

Снег пошёл внезапно, вопреки всем прогнозам погоды. Когда я выходил на кухню за яйцами, его ещё не было, но низкие тёмные тучи уже нависали над землёй. Очевидцы рассказывают, что снег начался с грома и молний, но мы в амбаре из-за пламенных партийных речей даже грома не услышали.

Я был подготовлен к холодам – кроме телогрейки, которая была насквозь мокрая и никак не могла просохнуть, у меня появилась шикарная длинная чёрная шинель. К ней необыкновенно шли мой широкий пояс из сыромятной кожи с ножовкой-кинжалом в чёрном же чехле, чёрные кирзовые сапоги, и чалма из моего зелёного тбилисского махрового полотенца. В таком одеянии сейчас меня бы задержал первый же постовой, ну а тогда терроризма не было, и я гордо носил мою «форму», уважаемый всеми, как «победитель» Тугая.

Справедливости ради надо бы рассказать, как ко мне попала эта шикарная шинель. Недалеко от нас в сарае располагалась грузинская группа студентов, которая ехала с нами в одном вагоне. И был там студент по фамилии Дадиани, которому я необыкновенно завидовал. Во-первых, потому, что у него была княжеская фамилия, да не простая, а царей мегрельских. Я, правда, убеждал себя, что русский граф по всем показателям старше мифического мегрельского царя, но зависть всё же глодала меня. Во-вторых, потому, что у Дадиани была шикарная чёрная шинель, каковой у меня не было. А в-третьих, у Дадиани были нарды – популярная игра на Кавказе. Он предусмотрительно взял нарды с собой из Тбилиси, и как прекрасный игрок, выигрывал у всех всё, что ему нравилось. Думаю, что и шинель была у него выигранная.

Я играл в нарды посредственно, и хоть брал иногда у князя их взаимы, чтобы тренироваться, толку от этого не вышло. Для незнакомых с этой игрой, расскажу, в чём состоит её наиболее распространённый вариант. Нарды раскрываются, по обе стороны их садятся игроки, у каждого из которых образуется по два поля – правое и левое. Левое поле – это «дом», куда надо собрать все фишки (обычные шашки), а потом «сбросить» их. Но и ходы и «сброс» фишек подчиняются цифрам на двух игральных костях, которые перед каждым ходом выкидывает игрок. Если ход фишки попадает на единичную фишку противника, то она считается «убитой», и её обязательно надо поставить на поле «дома» противника, чтобы опять же довести до своего «дома». Самое главное – если в доме противника соответствующее гнездо занято его фишками, то поставить «убитую» фишку некуда, и игрок может проиграть даже «марсом». «Марс» - это очень обидная форма проигрыша «всухую», когда один игрок «сбросил» все свои фишки, а другой – ни одной.

Нарды – не шахматы, там всё зависит от того, какой счёт выбросят кости. «Что делать хорошему игроку в нарды, если вовремя «шаш» не выпадет!» - писал знаменитый грузинский писатель князь Илия Чавчавадзе; он был и прав и нет. Конечно, «шаш», или «шесть» по-нашему, очень нужная, высшая цифра на костях. Особенно ценно, когда выпадают одновременно две шестёрки – «ду шаш». Это очень помогает игроку – он быстро продвигает фишки к своему «дому». Но если есть «убитая» фишка, то нет ничего хуже счёта «ду шаш», потому что шестая лунка в «доме» обычно всегда бывает занятой, хотя бы из-за первоначального построения фишек.

Ну, а неправ великий писатель в том, что хороший игрок всё равно выиграет у плохого – кости по теории вероятности при большом числе выбросов показывают практически одинаковый счёт обоим игрокам. Повторяю, это если работает теория вероятности, а она может и не работать. И я добился «отмены» теории вероятности, если не в глобальном масштабе, то, по крайней мере, для нард Дадиани.

Я «испортил» кости княжеских нард и сделал их своими агентами. Раскалённым гвоздём я прожёл небольшие дырочки в пластмассовых костях, точно в чёрных точечках, так, чтобы на обратной стороне кости был «шаш» - шесть точек. Обычно на другой стороне кости были две точки - «ду» или одна точка – «яг». В эти дырочки я на клею вставил отрезки железного гвоздика и чёрной краской поставил на них точки. Кости – «агенты» внешне не отличишь от

первоначальных «честных» костей. Нужен был лишь сильный магнит, подложенный под нарды, чтобы заставить кости, как по приказу, стать на «ду шаш».

Магнит я выдрал из старого динамика на стене пустующего совхозного клуба. Оставалось прибинтовать этот магнит к своему колену под брюками и отправиться вызывать князя на поединок. Зная мои способности в нардах, князь не захотел даже разговаривать со мной. Тогда я при его группе, сердитой на князя за его постоянные выигрыши, обвинил его в трусости и мошенничестве. Но это не подействовало. Я добавил, что «раскопал» его родословную и нашёл, что его предок был не князь Дадияни, а армянин Дадьян, паспорт которого был специально подчищен.

- Вах! – вскричал князь и схватился за нож.

- Вах! – ответил я и успел вынуть ножовку-кинжал чуть пораньше князя.

Обращаю внимание на то, что восклицание «Вах» - это чисто кавказское слово, и ничего общего не имеет со словом «Бакс», если «Вах» читать латинскими буквами или по-английски. Хотя, что-то в кавказской любви к баксам здесь есть, не без этого!

- Ставлю миллион против копейка! – высокомерно сказал князь, «купившись» на мою хитрость.

- Став свой шинел против мой телогрейка! – парировал я князя, выражаясь на понятном ему диалекте.

Он кивнул, мы сели на стулья, нарды поставили на колени, разложили фишки и игра пошла.

Студенты грузинской группы обступили нас кругом, и я с холодком в душе подумал, что будет, если кому-нибудь придёт в голову пощупать меня за колено. Но, во-первых, на Кавказе щупать мужиков за колени неприлично, а во-вторых – перебинтованная нога указывала на травму, а магнитом, как известно, лечат ушибы. Что кости-то «краплёные» ведь никто не знает!

Кинули первые кости – я подставил князю коленку с магнитом и у него выпал «ду шаш». Бедный, попавшийся на удочку Дадияни, орлом посмотрел на меня, и начал ходить. Он так верил в свою скоротечную победу, что по рассеянности «зевнул» фишку, и я «убил» её. Всё, князь был обречён. Он так и не смог поставить фишку в «дом», потому, что ему выпадал только «ду шаш». Мне же выпадали обычные цифры, я методично заполнил свой «дом» и уже начал сбрасывать фишки.

Кто играет в нарды, тот поймёт, что ситуация складывалась парадоксальная и смехотворная. Меня никто не мог обвинить в том, что я жульничаю, потому, что мне-то выпадали обычные цифры. А князь, как царь Мидас в своём золоте, захлёбывался в своих «ду шашах», не в состоянии выкинуть другие цифры. Я даже набрался такой наглости, что стал обвинять князя в шулерстве: дескать, кости у него «заколдованные», если у него выпадают только «ду шаши», а других – нет. Выиграл я у князя «марсом».

- Бакс! - вернее «Вах!» - выдохнула группа, и князь швырнул мне шинель. - Реванш! – вскричал он, бледнея.

- Хорошо, - согласился я, только играем на твои нарды. Князю уже было всё равно, на что играть.

На сей раз, я дал ему возможность «выбрасывать» и другие цифры, поселив в нем огонёк надежды, но во время корректировал игру своим «травмированным» коленом и выиграл с небольшим перевесом.

Уходил я в новой шинели, держа под мышкой нарды с «краплеными» костями.

- Реванш! – орал взбешённый князь, удерживаемый под руку товарищами.

- Слушай, князь, ты пока в шашки потренируйся – в нарды тебе ещё играть рано! – усмехался я, - тем более с русским графом. Армянин Дадьян – с русским графом! Невероятная самоуверенность! – я на всякий случай не снимал руки с рукоятки моей ножовки, слыша звериный рёв князя.

Придя в амбар, я тут же спрятал «магнитные» кости, а в сельмаге купил другие. Потом я, в знак примирения, принёс нарды с новыми костями князю обратно и предложил сыграть снова. Князь выиграл, я вернул ему нарды с новыми костями и назидательно сказал:

- Я разобрался в твоих прежних костях – они были «заговорены» на «ду шаш». Вот ты и попался сам на этом. Я уничтожил эти нечестные кости и купил тебе новые. Выигрывай мастерством, а не обманом!

С этим гроссмейстерским напутствием я ушёл к себе, гордо неся на плечах «честно» выигранную шинель. Всё это было до снега. А как стал падать снег, случилась трагедия, как раз в этой грузинской группе.

Снег то усиливался, то прекращался, при этом небо прояснялось и сияло солнце. Мы с Максимовым чуть не попались на этом, решив доесть последние дыни у Тугая. Не успели мы отойти метров на двести от амбара, повалил такой снег, что мы опрометью бросились обратно и с трудом нашли свой амбар.

А в грузинской группе получилось хуже. Два студента, сильные ребята, спортсмены – Хабулава и Гонгадзе, в период прояснения пошли в контору за деньгами. Они получили деньги и пошли обратно домой. От конторы до сарая, где они жили, было километров пять. Ребята прошли почти половину пути, как повалил снег. И они стали, как это бывает при отсутствии видимости, ходить по кругу. Снег валил весь день и всю ночь. Наутро на лошадях отправились искать ребят и нашли два замёрзших трупа недалеко от конторы. Одеты они были легко, так как в моменты прояснений, было по-августовски тепло.

Тела ребят отправили в Тбилиси; случаи гибели студентов из Тбилиси были и в соседних отделениях. Прибытие нескольких цинковых гробов с целины в Тбилиси вызвало панику среди родителей. Они уже готовились выезжать на целину искать нас.

В начале сентября руководству стало понятно, что «битва за урожай» была проиграна. О нас забыли, даже кормить перестали. Мы покупали в сельмаге или у местных еду и выпивку. Дела не было, началось моральное разложение – местные запили по-чёрному, а мы – эпизодически. Мы стали требовать у нашего парторга Тоточава отъезда. Но руководству совхоза было не до нас. Приехал большой начальник (кажется, Предсовмина Казахстана Кунаев) раздавать выговора и снимать нерадивое руководство совхоза, которое слепо слушало указания из того же Совмина. «Пал» жертвой «борьбы роковой» и дружок бугая – Тугай.

Но в конце сентября нашли таки возможность отправить домой небольшую группу студентов с нашего амбара, а именно шесть человек. Решили кинуть жребий, кому ехать. «Актив» группы – староста и комсорг, подготовили бумажки по числу ребят, написали там шесть раз «да», а остальные – «нет» («да» - едет; «нет» - понятно), скрутили бумажки в трубочки и положили в шапку. Я, зная честность и принципиальность нашего «актива», не стал участвовать в жеребьёвке. Первыми кинулись к шапке друзья «актива», я почувствовал подвох, но, не зная, где его ожидать, вышел к шапке и потребовал высыпать жребии на стол. «Актив» и его приближенные начали возмущаться. Тогда, я спокойно вынул свою ножовку из чехла и как можно свирепее процедил: «Всех порешу и скажу – так и было!»

Группе тоже показалось подозрительным поведение «актива» и приближённых, число которых почему-то тоже оказалось равным шести. Я отнял шапку у «держателя» и высыпал бумажки на стол. В глаза бросилось то, что некоторые бумажки были скатаны в ровные трубочки, а некоторые – а именно шесть штук, были согнуты пополам. Развернув согнутые жребии, мы прочли «да», а прямые – «нет».

- Падлы! – закричал я, поддерживаемый большинством группы, - своих же ребят дурите! Сейчас, - и я схватился за ножовку ... «Старик» Калашян (он тоже был в «активе») вдруг выскочил вперёд и предложил:

- Нурбей раскрыл подлог наших нечестных товарищей, он молодец! Пусть сам и предлагает – кому ехать, мы согласимся!

«Старик» был хитрым армянином – все согласно закивали. Я почувствовал огромную ответственность, но отказываться было нельзя – ведь я сам хотел ехать во что бы то ни стало.

- Ну, если вы мне доверяете, то, во-первых, поеду я сам. Доводы нужны? – на всякий случай спросил я, обводя всех глазами.

- Нет, нет, продолжай быстрее! – опустив взгляд перебил меня Калашян.

- Гога и Руслан поедут – им ещё домой на родину нужно заехать, а это не близко. Юра сильно болеет, у него ревматизм, сами знаете, он может помереть в этой стуже. У Миши отец старый и больной, за ним уход нужен, а он один ... Я продолжал обводить глазами ребят и натолкнулся на пронзительный взгляд «старика».

- Тьфу, черт, чуть не забыл! – подумал я и закончил, - ну и «старик» наш – Калашян, трудно ему в его возрасте. Вот шесть кандидатур на отъезд! – подытожил я. Я заметил, как многозначительно обменялся взглядами «старик» и пять его «активных поделщиков». Словесно это можно было выразить так:

Поделщики: «Что, старый козёл, продал нас за поездку?»

«Старик»: «Сами вы засранцы, что всё так грязно сделали! Если бы не я – морду вам набили бы!»

Наутро нам выделили двух быков: Цоба и Цобе с санями, на которые мы вшестером сели, свесив ноги вниз. Если нужно было свернуть в одну сторону, погонщик кричал: «Цоб!» и бил палкой одного быка, и тот тянул в свою сторону сильнее. Сани сворачивали. Чтобы свернуть в другую сторону, кричали: «Цобе!» и били другого быка. Дороги до нашего отделения не было, ехать нужно было по полю по глубокому снегу. Опытный погонщик должен был довезти нас до центрального отделения, а откуда уже грузовиком – некое подобие дороги там уже было – до железнодорожной станции Джаркуль. А там – куда и как сами хотим – без денег, но с комсомольскими путёвками, дающими сомнительное право на бесплатный проезд.

К вечеру мы доехали до центральной, почти отморозив ноги. Там устроились на ночлег в здании конторы, которая на ночь была свободна от сотрудников. Договорились, что утром за нами подъедет грузовик, который должен был остановиться на главной площади центрального отделения. На этой площади находились – сельсовет, магазин, наша контора и большой выгребной деревянный туалет на четыре очка.

Я не зря упомянул о туалете – он, как то ружьё, которое висело на стене в первом акте, а в четвёртом должно было выстрелить. И так, вечер – это акт первый; туалет стоит на площади между магазином и нашей конторой. А до утра, или акта четвёртого, осталась ночь, за которую я совершил свой последний подвиг на целине. Какая-то мистическая ненависть к выгребным, да и вообще азиатским туалетам, непроизвольно толкала меня на их истребление.

Спать мы легли в конторе – кто на столе, кто на полу – диванов там не было. Вечером я поинтересовался у «конторщика», размещавшего нас на ночлег, где в конторе туалет. Тот сначала не понял, а потом с улыбкой сообщил, что, как выйдешь из конторы – тут тебе везде и туалет. - Ну, а если хочешь с «шиком» - то иди на площадь вон в те хоромы, - и конторщик указал на уже упомянутый, как оказалось обречённый, туалет. - Только туда ещё, отродясь, кажется, никто не ходил. Для понту его поставили и только!

А ночью мне, как обычно, захотелось по малой нужде. Я взял с собой спички и газеты из конторы, которые свернул в факел для освещения. До туалета я добрался без огня – ярко светила луна. А внутри, сами понимаете, чтобы не свалиться в очко, я запалил факел. Всё прошло планоно, и, уходя, я кинул факел вниз, где по моему разумению, должно было находиться негорючее вещество сметанной консистенции.

Утром, выйдя из конторы, мы обнаружили на площади дымящиеся останки памятника деревянного зодчества эпохи освоения целины. Как оказалось, в выгребной яме, вместо, простите, дерьма, был мусор, который загорелся от моего факела. Клянусь, я тогда не хотел этого! Хотя я так ненавижу эти уродливые символы неуважительного отношения к современному человеку, что с удовольствием сжёг бы их все до одного! В германских туалетах мне хочется пить шампанское, а в наших – особенно в южной и восточной глубинке – заложить фугас!

Мы сели на грузовик и к вечеру были уже в Джаркуле на железнодорожной станции. Ожидался поезд на Челябинск, и мы подобрались поближе к путям, чтобы брать его на бордаж. К нашей группе «прибилась» девушка, которая попросила «подсадить» её на челябинский поезд. Народу было много, и все хотели уехать на запад; в данном случае западом был Челябинск.

Девушка была без вещей, даже без сумочки. Узнав, что мы из Грузии, она сказала, что она тоже грузинка, зовут её Линой, даже произнесла несколько слов по-грузински. Объяснить толком,

что она делала в Джаркуле и для чего едет в Челябинск, она не могла. Да нам и не нужно было это знать.

«Старик» Калашян кивнул на меня – вот, дескать, у нас главный, к нему и обращайся. Мой «видок» в длинной чёрной шинели, зеленой чалме на голове, и кинжале на поясе поразил её. К тому же я уже оброс чёрной бородой – ни дать, ни взять – абрек! Мы, буквально, прилипли друг к другу, и говорили, говорили – чёрт знает о чём. Помню только, что я ей рассказывал что-то из Куприна, выдавая приключения героя за свои.

Пыхтя и обдавая пассажиров паром и вонючим дымом подошёл поезд до Челябинска. Мы атаковали вагоны; я легко подкинул Лину на высокие ступеньки вагона, и она запорхнула внутрь; за ней взобрался я, за мной – мои попутчики. Кто-то лез прямо в окна. Никаких проводников я в вагоне не видел. Устроились - кто где. Вагон был так называемый «жесткий», это худшая разновидность современного плацкартного вагона. Все стали искать себе «спальные» места – нижние, верхние, третьи, боковые полки, пол, наконец. Нам с Линой не хотелось спать, мы были возбуждены знакомством, разговорами, и вышли туда, где нашим разговорам никто не мешал – в тамбур. Сейчас в тамбур выходят покурить; тогда же курили прямо «на местах», даже в купе, не спрашивая разрешения у попутчиков. Кто постарше, помнит, наверное, известный фильм сороковых годов, где по дороге из Сибири в Москву в международном вагоне встретились главные герои фильма – девушка (кажется, Серова) и военный (кажется, Переверзев). Купе двухместное, она ложится внизу, он – на верхнюю полку и ... закуривает папиросу! Дым заполняет всё купе, стелется вниз... И – ничего, никаких скандалов, замечаний и т.п. Хочешь курить – кури, а на всех других наплевать!

Я это говорю к тому, что тамбур на всю ночь оказался свободным, и, наговорившись вволю, мы по обоюдному согласию, приступили к действиям. Какое чудное время - молодость! Не думаешь не только о завтрашнем дне, даже об утре, когда поезд должен был прибыть в Челябинск. А поезд тем временем уже прибывал. Лина зашла в туалет привести себя в порядок, а я лихорадочно теребил «старика» Калашяна, чтобы тот проснулся.

Ведь я-то ещё помнил, что обещал девушке довести её до Тбилиси и жениться на ней. А я даже довести не мог – денег не было, а комсомольская путёвка была только на меня. Тем более жениться, ибо в Тбилиси у меня уже была невеста. Да и Лина утром показалась мне отнюдь не столь привлекательной, как ночью – длинный нос, бледная вся, круги под глазами.

- Калаш, а Калаш, - толкаю я в бок «старика», - нужен твой совет! Влип я, кажется, с девкой-то, трахнулись мы, обещал жениться на ней, дал слова джигита ... Я никогда не слышал более весёлого смеха «старика», чем в то утро. Вдоволь насмеявшись, он сказал:

- Держись, как ни в чём ни бывало, она же в Челябинск едет, значит есть к кому. А я тебя отзову от неё, вроде за билетами, а там ищи-свищи! Между прочим, я тебя считал поумнее, отличник всё-таки! - добавил «старик».

Моя пассия вышла из туалета, мы стали ждать прибытия в Челябинск. Моросил дождик, утро было хмурое. Наконец, показался вокзал, паровоз засвистел и остановился. Все стали выходить. Вышли и мы, поёживаясь от холода и недосыпу, собрались группкой и стали решать, что делать дальше.

- Надо брать билеты, - деловито сказал «старик» - деньги и документы у старшего, - он кивнул на меня, - иди в кассу, или пойдём вместе, - исправился он, а вы – обратился он к остальным – побудьте с девушкой, мы придём к вам!

«Старик» взял меня под руку и быстро повёл куда-то. Я только успел обернуться и посмотреть на мою «невесту». Она, казалось, поняла всё и смотрела на меня устало и отчуждённо. Я чуть не вырвал руку и не рванулся обратно. Но «старик» ещё сильнее сжал мой локоть и твёрдо повёл вперёд, добавив по-армянски: «Гна!» (Иди!).

«Старик» отвёл меня в какой-то сквер, как будто знал Челябинск наизусть, посадил на скамейку и приказал: «Жди!», после чего быстро ушёл.

Мне было тошно – и от своего поступка и от бессонной ночи; вскоре я заснул сидя на этой же скамейке. Проснулся я от толчков в бок; ребята уже сидели рядом со мной, а «старик» протягивал мне бутылку пива и плавленый сырок:

- Съешь, а то похудеешь! – со смехом проговорил он.

Я печально взял то, что мне дали, но в рот ничего не лезло. Положение усугубил Гога.

- Ну и хорёк же ты, Нурбей! – в сердцах сказал он, - девушка плакала, когда узнала, что ты сбежал от неё.

- Как, неужели, вы сказали ей всё! – картинно возмутился я.

- А ты как думаешь, мы за твои поступки отвечать будем? Жди своего любимого, он обязательно придёт и заберёт тебя? Так что ли? – распалился Гога.

- Да нет, всё произошло самым лучшим для неё образом! – рассудительно сказал Юра. – Куда ехала она – в Челябинск? Вот и доехала! Не будь нас, она так бы и куковала в Джаркуле. Теперь представьте себе, что Нурбей взял бы её с собой и так далее. Есть ли что-нибудь худшее, чем довериться этому человеку, зависеть от него? Да это же необузданный, непредсказуемый тип! Она ещё легко отделалась!

Я уже схватился за рукоять ножовки, как положение спас «старик».

- Успокойся, я сказал ей, что у нас нет денег на её билет, что мы едем по комсомольским путёвкам, что тебе стыдно было признаться ей в этом. В Челябинске её дом и отец с матерью. В Джаркуле она попала с таким же, как ты, хахалем, который обещал ей золотые горы и бросил. А в Челябинске она будет ждать твоего письма на Главпочтамт до востребования. Ты же знаешь её имя, отчество и фамилию? Вот и вызовешь её к себе в Тбилиси и денег вышлешь на дорогу. Я сказал ей, что ты из очень богатой семьи ...

Я только качал головой, и слёзы капали на сырок, на горлышко бутылки. И я решил, что больше никогда, никогда не буду поступать с женщинами так подло и так жестоко. Я, кажется, даже поверил в то, что так оно и будет. Знал бы глупый студент, на какие изощрённые подлости и жестокости к женщине, не к мимолётной знакомой, а к самому близкому человеку – жене, решится он, будучи уже умудрённым и образованным человеком, доктором наук, профессором. Причём к самой молодой, самой беззащитной и самой любящей из всех трёх жён, бывших в его жизни ...

Знал бы – не уехал из Челябинска, а лёг бы прямо на вокзале на рельсы и дал пыхтящему и вонючему паровозу медленно переехать себя – жестокое и необузданное животное кавказской национальности!

Но студент-отличник вместе с товарищами благополучно доехал до Сталинграда, денёк погулял там, добрался затем до Сочи, понежился там на пляже. При этом попросил товарищей изрисовать его тело химическим карандашом на манер наколок - татуировок: «Целина», «Не забуду целину», «Привет комбайнёрам!», снабдив эти надписи рисунками солнца, восходящего над целиной, комбайна и копны сена в стороне. Так изрисованный и прибыл студент в свой родной Тбилиси, который встретил его, как героя.

А вскоре прибыли и именнные благодарственные грамоты от ЦК Комсомола Казахстана за самоотверженную помощь в уборке богатого целинного урожая! Какую помощь, в какой уборке, какого урожая? Ведь не было ни одного, ни другого, ни третьего! А как же обещание управляющего выгнать меня из института?

Так, где ж угрозы Тугая?

Спросите вы у бугая!

Прощай целина. Прощай летняя школа лицемерия, обмана, опасностей, лжи, ханжества, вражды, жестокости, выживания, помощи и земной любви! Спасибо за науку, но больше я туда не хочу!

Женитьба

Главной задачей по приезду домой я считал сгонку веса и вхождение в спортивную форму. Как я уже говорил, на целине я прибавил около 25 килограммов, но не мышц, а чистого (сомневаюсь, что чистого, наверное, в смеси с соломой и половой!) жира. Около 10 килограммов ушло за последние голодные дни, когда нас перестали кормить, и утомительную, безденежную

дорогу. В Тбилиси я прибыл около 75 килограммов весом. Жим сохранился, я легко жал на тренировках 110 килограммов, но это было хорошим результатом для моего прежнего, а не настоящего веса. А рывок и толчок я почти позабыл. Техника забывается быстро! Только к весне я довёл свой вес до 62-63 килограммов, когда можно было оперативно согнать вес до полулёгкого – 60 килограмм. Это было достигнуто и диетой (попросту голодовкой) и постоянными встречами и времяпрепровождением с моей, как я считал невестой, Лилей.

Она не скрывала, что у неё был молодой человек, который считался её женихом, хотя отношения у них были вполне платонические. Но Лилия любила его, а гуляла со мной, видимо, только потому, что видеться с ним она могла редко. Парень этот был старше Лили, учился и работал, в общем, был занят делами. Когда же я стал настаивать на определённости с её стороны, она переговорила с женихом об их будущем. Он не отрицал, что видит своё будущее с ней, но пояснил, что жениться сможет только по окончании института, когда он будет достаточно хорошо зарабатывать и иметь квартиру. Вообще, это – взвешенный и современный подход к данной проблеме, но где тогда, чёрт возьми, любовь?

Хуже, когда есть любовь (или её суррогат – страсть), но нет ничего другого – ни денег, ни положения, ни своей квартиры. Это я говорю о себе. И совсем плохо, когда нет любви (и даже её суррогата), и ничего из перечисленного другого, а есть только желание не остаться «в девках». Лилия была на три года старше меня, а тут её немедленно берёт замуж, пока ещё студент, но перспективный – отличник, спортсмен.

Теперь я понимаю, что поступил скоропалительно, главным образом, сбил её с толку. Для чего была эта официальная женитьба, когда встречаться и даже жить вместе, вполне можно было и без этого. Она сама мне об этом говорила, правда гораздо позже.

Одним словом, поговорила она со своим женихом, а на следующее утро сообщила мне, что замуж за меня пойти согласна. Мы решили пожениться в марте. Нужно было познакомить родителей и тому подобное.

Раньше среди студентов добровольно-принудительно распространяли лотерейные билеты. Шутки ради нам на двоих дали один билет – вроде, почти семья. И на этот билет выпал выигрыш – 30 рублей. Мы решили романтически зарыть эти деньги в землю и откопать в день женитьбы, чтобы купить шампанское.

Я заготовил специальную свинцовую капсулу, куда мы должны были поместить деньги и зарыть в любимом нашем парке физкультурника (помните прогулку с девочкой – Сашей?). Деньги были у Лили, капсула у меня. Но когда я в назначенный день мы встретились у парка физкультурника, Лилия передала мне не 30 рублей – точную сумму выигрыша, а 29 рублей 80 копеек. Оказывается, она разменяла эти деньги, чтобы заплатить за трамвай.

Я был совершенно обескуражен этим поступком. Разменять заветную сумму ради билета на трамвай? Да я лучше не сел бы в этот трамвай, а пошёл бы пешком, или проехал бы без билета, или взял бы с собой ещё денег, не сошёл же мир на этих тридцати рублях? Но она поступила именно так, и мы поместили в капсулу эти 29 рублей и 80 копеек и зарыли в определённом месте (два шага от дуба и три шага от платана).

В марте мы пошли в ЗАГС нашего района, чтобы подать заявление. В этот ЗАГС нужно было пройти через двор, подняться по винтовой железной лестнице, на которой через одну не хватало ступенек. Над жилым домом на мансарде в двух обшарпанных комнатах размещался ЗАГС. В одной из комнаток сидела злущая тётка, которая выискивала различные причины, по которым нельзя было расписать новобрачных. В другой камерке стояла длинная скамья перед столом, причём мебель была, как в тюрьме, прибитая к полу. На стенах висели образцы заявлений на заключение брака, на его расторжение, на что-то ещё, причём все эти образцы, как и стены, были сплошь исписаны грязными ругательствами и разрисованы иллюстрациями на соответствующую тему. На столе стояла привинченная к нему чернильница, заполненная дохлыми мухами, и перьевая ручка, привязанная к столу цепочкой от смывного бачка унитаза.

Мы заполнили заявления, тётка брезгливо взяла его и придирчиво осмотрела. Ошибок, вроде, не было.

- Приходите через два, нет через три недели! – не глядя в глаза, злобно проворчала тётка. Я положил пятидесятирублёвку в мой паспорт и подал ей оба документа. Тётка уже более охотно взяла паспорта, стряхнула купюру в ящик стола и поставила печати в паспорта. Нам же велела расписаться в амбарной книге в местах, где она поставила «птичку». Поздравления, наверное, стоили дороже, поэтому делать этого она не стала.

Всё, мы муж и жена! Мы, проваливаясь в выбитые ступеньки, быстро сбежали вниз и помчались в институт на тренировки – мы уже опаздывали на них. У меня тренировка не пошла, я скомкал её и стал ждать, теперь уже жену. Лиля протренировалась нужное время, мы встретились и пошли в парк физкультурника откапывать наш клад.

Уже вечерело. Мы шныряли между деревьями, которые за прошедшие два месяца сильно изменились. Я тыкал перочинным ножом в условленное место, но капсулы не находил. «Неужели кто-то вырыл?» - мелькнула, было, мысль, но тут нож наткнулся на мягкий свинец. Я вынул капсулу, стряхнул с неё землю и мы пошли на выход из парка. Слава парка физкультурника была всё той же, и кучки вуайеристов так и шныряли в поисках влюблённых парочек, чтобы поонанировать всласть. Но мы не дали им повода заниматься своим извращением. Один из них так и остался недовольно стоять с выпростанным «хвостиком», пока я, проходя мимо, не поддал его под зад ногой.

Мы вышли на проспект Плеханова и стали искать по магазинам шампанское. Сейчас странно это слышать, но шампанское надо было искать в Грузии – стране вина! И нашли мы только красное шампанское, которое не пили до этого никогда. Забегая вперёд, почти на двадцать лет, скажу, что второй раз в жизни я встретил красное шампанское в ресторане в Курске, где мы с Лилей «отмечали» наш развод. Не нашлось в ресторане никакого шампанского, кроме красного. Она даже ахнула – надо же - женитьба с красным и развод – с красным!

Но пока был только брак, о разводе и мысли не было, мы строили планы на будущее. Первое – мы оба должны учиться только на отлично, чтобы получать повышенную стипендию, иначе мне пришлось бы уйти на вечернюю форму обучения и работать.

Второе – через год Лилия должна была выполнить мастера по гимнастике, изучить, кроме немецкого, и английский язык.

Третье – я должен был-таки побить мировой рекорд в жиме и стать чемпионом Грузии в троеборье.

Четвёртое – тут же после окончания ВУЗа вместе поступить в аспирантуру. Дети в эти планы не входили, так как они могли нарушить всё задуманное.

Лилия стала жить у меня в коммунальной квартире, хотя у её родителей был собственный дом. Но они не любили меня, так как справедливо считали, что я расстроил её брак с женихом, которого они уважали.

Но правильно говорят: человек предполагает, а Господь располагает!

Планы наши стали накрываться один за другим. Лилия не смогла больше заниматься спортом, так как забеременела. Я не смог даже повторить мастера, так как меня засосали семейные дела. Лилию не интересовали мои научные и изобретательские планы. Она засыпала, когда я начинал читать ей вечером моего любимого «Фауста». Одно удалось – училась она отлично, хотя для этого мне пришлось сидеть с ней как репетитору и чертить за неё проекты.

Летом я должен был поехать на соревнования в Москву на Всесоюзную спартакиаду профсоюзов. Сборы проводились в курортных местах Грузии, но я поехал непосредственно в Москву, «пробивать» свои изобретения.

Начало изобретательства

Удивительно, но изобретать я начал в ненавистой мне области – табакокурительной. Я уже говорил, что покуривал опий в детстве, но позже любое курение вызывало у меня только боль в горле и кашель. Питьё – другое дело! И если бы напротив нашего дома в Тбилиси был бы ликёро-водочный завод, то я, безусловно, занялся бы изобретательством на этом заводе. Но напротив дома была Тбилисская табачная фабрика № 2, и там работал мой приятель Гурам.

Находилась же эта фабрика на улице со странным названием. Странность эта заключалась в фамилии человека, кажется музыканта, именем которого называлась улица.

Грузинские фамилии иногда бывают, мягко говоря, непривычны (чуть не сказал «неприличны»!) для нашего слуха. Чего стоят, например, такие «перлы», как Сирадзе, Касрадзе, Херхеулидзе, Блиадзе, Иобашвили ... Мой знакомый по фамилии Хухуни защищал кандидатскую диссертацию в России, так женщина – учёный секретарь, отказалась публично произносить эту фамилию.

Мой дедушка, великорусский шовинист граф Егоров Александр Тарасович даже анекдот придумал на эту тему. Дескать, генерал (конечно, в русской «дореволюционной» армии) производит осмотр прибывших из Грузии солдат. А есть в Грузии район Рача, где особенно много «неприлично» звучащих фамилий. Так этот генерал спрашивает фамилии у солдат, призванных из Рачи, а те отвечают: «Сирадзе, Касрадзе, Насрадзе» и в том же роде. Генерал в смущении восклицает: «Братцы, кто ж вы такие?» А солдаты хором отвечают: «Мы с Рачи, ваше превосходительство!» Естественно, дедушка это «с Рачи» произносил слитно, как, видимо, это делали и те солдаты ...

Но грузины говорят, что и иностранные фамилии на грузинском тоже иногда звучат не лучше. Например, известной киноактрисе Лючии Бозе было отказано в визите в Грузию, по причине того, что её фамилия звучала как: «Лючия Проститутка». Просто и без обиняков. Моя подруга по фамилии «Бзикина», переезжая из Сибири, где она жила, в Грузию, исправила свою фамилию на «Бозикина». Она считала, что так будет благозвучнее, чтобы не говорили, что она с «бзиком» в голове. А получилась фамилия и вовсе неприличная: что-то вроде «Проституткина». Пришлось снова менять на Бзикину, что по-грузински звучит очень даже симпатично: «Пчёлкина».

Так вот, возвращаясь к названию улицы, на которой находилась Тбилисская табачная фабрика №2, можно сказать, что оно происходило из дважды неприличной фамилии. Первая часть этой фамилии означала «хвостик» на еврейском-идиш. Вторая – перевод первой части на русский, а третья – что носитель фамилии – сын первых двух частей. И фамилия эта звучит, простите, так: «Почхерашвили»!

Раньше в моде были папиросы – «Казбек», «Дукат», «Курортные», «Друг», любимые сталинские «Герцеговина Флор». Только сам Сталин папирос не курил – он высыпал табак из папиросы себе в трубку, а уж потом курил ее. Но высыпать табак из папиросы легко, а вот засунуть его в тончайшую гильзу папиросы – попробуйте! Для этого использовались старые «заграничные» станки системы «Элинсон».

Приготовить сигареты – пара пустяков. С этим легко справлялись и наши советские станки МГ и ЛГ (Московский Гильзовый и Ленинградский Гильзовый). Идёт длинная лента из папиросной бумаги, по дороге засыпается табаком, сворачивается, смазывается клеем, калибруется и разрезается на «колбаски». Сигареты вылетали из станка, как пули из автомата.

А вот с папиросами дело было сложнее. Сперва сворачивалась гильза определённой длины из папиросной бумаги. Края бумаги завальцовывались, заметьте, без капли клея! Затем с одного края гильзы железные «пальцы» станка засовывали мундштук из плотной бумаги, что было несложно. Но с другого края нужно было железными же пальцами засунуть порцию табака в нежнейшую, буквально воздушную гильзу. Это часто не получалось – или гильза была чуть неровной, или за неё задевали кусочки табака, торчащие из железных «пальцев», но гильза сминалась, и машина бестолково тыкала порции табака в смятые папиросы. «Каша» из смятой бумаги и табака всё нарастала и, если станок не остановить, нежные «пальцы» ломались, что часто и случалось.

Местный умелец изготовил, наконец, «останов», который, как только очередная папироса не поступала в бункер, выключал станок. Но так станок выключался буквально каждую минуту – единичный брак бывал часто, а после него машина вполне могла работать нормально. Вот если четыре-пять папирос подряд сминались, то тогда уж точно наступал «затор» и станок мог сломаться. Но остановить станок на четвёртой-пятой бракованной папиросе не мог никакой «останов».

Так или иначе, главным образом стараниями Гурама, руководство фабрики узнало, что в соседнем доме живёт грузинский «Кулибин», который мог бы помочь делу. Меня привели на фабрику, показали сценки, когда станок, как дурной работник, суёт табак в смятую папиросу. Показали и существующий «останов» - как только папироса не появлялась в лотке, щуп «останова» проваливался и замыкал контакт. Станок останавливался. Вопрос состоял лишь в том, чтобы щуп замыкал контакт не на первой же, а допустим, на четвёртой бракованной папиросе.

Решение пришло сразу же – здесь нужен «замедлитель». Если щуп будет «проваливаться» не в воздухе, как сейчас, а, допустим, в густом масле, то он отключит станок не сразу, а секунды через четыре. Если же за это время пойдут снова целые, твёрдые папиросы, щуп снова поднимется на прежнюю высоту, и станок будет продолжать работать.

Составить эскизы и изготовить новый «останов» было делом одного дня. И что ж, «останов» с первого же раза сработал, руководство было счастливо. Наградить меня, хоть чемнибудь, они, правда, забыли. Но я наградил сам себя – подал заявку на изобретение и написал статью в журнал «Табак». Красивый был такой журнал, издавался в Москве в районе Курского вокзала. Первый опыт изобретательской и журналистской работы оказался удачным – авторское свидетельство (это тогда было вместо патента) выдали, статью – опубликовали.

Но с «остановом» стали твориться чудеса. Он то самостоятельно соскакивал со станка, то гнулся, а то и вовсе ломался, как от ударов молотка. Мастера цеха подходили ко мне и с явной угрозой предупреждали: «Снимай свой «останов», он мешает нам работать! И, лучше будет, перестань ходить к нам на фабрику совсем!». Я не мог понять, в чём дело. Ведь «останов» экономит время, бумагу, табак ...

Ситуацию разъяснил мне начальник производства – мудрый человек Соломон Давидович. Он пригласил меня к себе в кабинет, усадил на диван и ласково спросил:

- Ты кушать хочешь?

Я в данный момент есть не хотел, да и вообще лакейское словечко «кушать» мне было противно и вызывало тошноту, поэтому я покачал головой.

- А наши мастера и рабочие хотят кушать! Если станки будут всё время работать, не будет брака, то не будет оставаться табак, который, по инструкции должен выбрасываться. А его не выбрасывают, его собирают и после работы из него делают неучтённые папиросы! Гаиге? («Понял?») – по-грузински закончил мудрый Соломон, - А потом выносят под одеждой и продают перекупщикам по-дешёвке. Рублей двести в день имеют. А так – восемьсот рублей в месяц. Разницу чувствуешь? Поэтому твой «останов» им поперёк горла. Если будешь настаивать и жаловаться директору – поймают тебя на улице и побьют!

Я пошевелил мускулами. Соломон понял меня и горько усмехнулся.

- Ты плохо знаешь жизнь, хмацвило! («Юноша»). Особенно нашу жизнь, кавказскую!

Мудрый Соломон был на сто процентов прав. Кое-что я узнал «за жизнь» на улице, а про кавказскую жизнь мне ещё предстояло узнать. Я решил не лезть на рожон и снять ещё не разбитые «остановы». У меня была задумка предложить их на табачные фабрики Москвы, где мастера должны быть честнее тбилисских.

Когда я в цеху снимал «остановы», мастера участливо помогали мне. Завернули штук пять «остановов» в газету, а один из мастеров даже помог вынести их за проходную. Провожали меня с таким почётом, как какого-нибудь инструктора райкома партии. Уже на улице мастер пожал мне руку и виновато сказал:

- Извини дорогой, что так получилось, но кушать все хотят: и мы – мастера, и рабочие, и Соломон, и даже этот «зверь» в проходной! А директору лишь бы отчитаться за снижение брака, что он в жизни понимает!

Больше я на табачную фабрику № 2, что на улице Поцхерашвили, не ходил.

А второе изобретение я сделал прямо на лекции по землеройным машинам. Есть такая землеройная машина – скрепер. В Америке такими выполняют почти половину всех земляных работ (у нас больше предпочитают экскаватор). Наш лектор Картвелишвили (у него фамилия грузинская, но всю жизнь он прожил в России) чётко и недвусмысленно рассказывал, что когда скрепер набирает в свой громадный ковш грунт, ему не хватает силы своего «родного» тягача.

Тогда зовут на помощь особые трактора-«толкачи», которые и подталкивают скрепер сзади, чтобы тот набрал полный ковш. Эти толкачи работают меньше минуты, а вынуждены стоять и ждать своей очереди по полчаса. Невыгодно.

- Это не от хорошей жизни! – подытожил Картвелишвили, - но другого пока никто не придумал.

На первой же перемене я подошёл к лектору и спросил:

- Юрий Лаврентьевич, а если на заднюю ось скрепера поставить маховик и разогнать его во время холостого пробега, то во время копания – а это меньше минуты – он даст на задние колёса такую тягу, что вполне заменит толкачи!

Картвелишвили мигом «схватил» идею и тут же предложил:

- После лекции зайди, я помогу составить заявку на изобретение!

Подобный опыт у меня уже был с «остановом» и заявку мы составили быстро.

Пару слов о Юрии Лаврентьевиче Картвелишвили. Это сын знаменитого Лаврентьева – Лаврентия Картвелишвили – советского «хозяина» Дальнего Востока 20-х годов, конечно же, репрессированного. Несмотря на это, Юрий Лаврентьевич уважал Сталина и ненавидел Хрущёва. Как здесь не вспомнить эпизод, когда Хрущёв спросил писателя Шолохова: «Неужели вы не признаёте, что был культ личности?» На что великий писатель ответил: «Была Личность, был и её культ!» - Хрущёв понял, что он сам совсем «не личность» и обиделся.

Но, несмотря на помощь сына такого великого человека и талантливого учёного, на заявку пришёл отказ – дескать, головной институт «ВНИИСтройдормаш» не считает предложение полезным.

Иногда надо людям отказывать! Я сейчас не представляю себе свою жизнь, если бы не этот отказ. Он помог мне приобрести друзей на всю жизнь. В том же «ВНИИСтройдормаше», других институтах, общежитиях. Он помог мне поступить в аспирантуру, он дал мне ярости бороться с противниками. Даже любимых женщин на долгие годы, помог мне найти этот отказ. И то, что я сейчас живу и работаю в Москве – этим тоже я обязан этому отказу!

Люди, не бойтесь получать отказ! Если, конечно, это не отказ в помиловании от смертной казни!

Знакомство с Москвой

Я впервые побывал в Москве в 1952 году. Мама меня привезла по своему бесплатному железнодорожному билету. Нам повезло – мой дядя Георгий был дома, и «приютил» нас на несколько дней. Москва поразила меня своими большими домами, вечно спешащими людьми, магазинами, в которых всегда всё было.

Мама повела меня и в Мавзолей. Я не представлял себе, что увижу внутри этого загадочного здания, но что зрелище будет столь неприятным, я не мог себе вообразить. Под стеклянным колпаком лежало в неестественной, бессильной позе жалкое мёртвое тело. И это – Ленин? Великий, вечно живой, гениальный? Нет, лучше бы я не ходил в Мавзолей, неприятный осадок остался на всю жизнь.

Хотел я позже посмотреть и на Сталина, когда он тоже был в Мавзолее, но что-то удержало меня. И сейчас в моём представлении Ленин – это то, что я увидел в Мавзолее, а Сталин – хоть и немного неуклюжий, но живой, такой, каким я видел его рядом с собой на вокзале, а потом в саду дворца Наместника в Тбилиси.

Дядя подарил мне купленный в магазине «Юный техник» электрический трансформатор, чему я был безумно счастлив. В Тбилиси такого не продавали, и я провёл много интересных опытов по электричеству, благодаря моей поездке в Москву.

Вторая поездка в Москву была менее удачной. Мама ни с кем не согласовала свой выезд, и летом 1954 года никого из родственников в Москве не оказалось. К тому же, на мою беду ещё в самом начале пути в Сурамском тоннеле, разделяющем Восточную и Западную Грузию, мне в глаза попала угольная пыль или сажа с паровоза. Я, конечно же, в тоннеле открыл окно вагона и решил посмотреть, что впереди. А впереди были дым, копоть и сажа. Попытки промыть глаза

водой из-под крана в туалете поезда привели к сильному воспалению, и при подъезде к Москве веки у меня слиплись, и я практически ослеп. Мама купила в аптеке раствор сулемы (сильнейшего яда, между прочим!) и промывала мне глаза.

Гостиницы Москвы летом были переполнены, да и денег у мамы - кот наплакал, так что переночевали мы на вокзале на скамейках. Хуже всего было утром, когда надо было бежать в туалет, а я ничего не видел. В женский зайти вместе с мамой уже возраст не позволял. Как вышел я из этого положения сейчас не помню, наверное, так же как в детском саду или начальной школе. Мама со слепым ребёнком нашла адрес общежития МИИТа – железнодорожного ВУЗа, и нас туда пристроили, благо студенты были на каникулах.

Мы не очень умели пользоваться раствором сулемы, но пробовали, немного оторвав веки, заливать раствор в глаза. Боль была ещё та, но позже врач-окулист сказал, что хорошо хоть то, что меня не заставили эту сулему пить. Тогда глаза можно было бы и не лечить.

Для меня оказалось очень полезным то, что я, во-первых, узнал, что в МИИТе есть большое общежитие, а во-вторых, то, что туда можно устроиться. И вот, когда я вместо сборов с тренировками в курортных Боржоми и Бакуриани летом 1959 года самостоятельно приехал в Москву, эти знания мне пригодились. Правда, не в первый день.

Приехал я налегке. В портфеле – материалы заявки, пять экземпляров «останова» для табачных машин. А также - бритва, мыло, зубная щётка и разные мелочи, в том числе, пара бутылочек чачи. Ещё в Тбилиси, предчувствуя трудности, я купил, модные в то время, нейлоновые трусы, майку, носки и рубашку. Их, если постирать, то можно встряхнуть, как следует, и надевать. Ни сушить, ни гладить их не надо было.

Сразу же после прибытия поезда, я, узнав в справочном бюро адрес ВНИИСтройдормаша, направился туда. Можно только себе представить все мытарства с пропусками, переговорами в канцеляриях и т. д., прежде, чем я нашёл эксперта, давшего отрицательный отзыв по моей заявке – Якова Иосифовича Немировского. Мужчина пенсионного возраста в очках для глухих (а был он действительно совершенно глухим человеком!), усадил меня за стол и сел рядом.

Первые же его вопросы и мои ответы поставили бедного Якова Иосифовича в тупик. Он доверительно наклонился к моему уху, как будто глухим был я, а не он, и виновато улыбнувшись, сказал:

- Видите ли, если мы дадим положительный отзыв, то министерство обяжет нас разрабатывать вашу машину. А это нам надо?

- Почему же не надо? – удивился я, - ведь эта машина не потребует толкачей, она же будет производительней, да и разработка грунта станет дешевле!

Яков Иосифович изобразил в ответ на мои слова такую сложную гримасу на лице, что я тогда не понял её смысла. Сейчас я уже понимаю смысл этой гримасы, и означала она в устах Якова Иосифовича примерно вот что:

- Молодой человек, с какого острова вы прибыли, кому нужна ваша производительность и стоимость разработки? Всё это – халоимес («мечты», «сны» - на идиш). А есть жизнь, план работ нашего института, фонд зарплаты, отчётность руководства и т.д., и т.п. Шли бы вы ..., или ехали бы себе домой на Кавказ есть фрукты и пить вино, и не морочили бы головы простым русским людям, таким, как Яков Иосифович, например ...

Вот какие сложные мысли изобразил Яков Иосифович своей мимикой, но расшифровывать её он мне не стал, чувствуя, что я могу пойти жаловаться, как угодно высоко. Он только переменял свою мимику, на благожелательную и, опять же, наклонившись к моему уху, прошептал:

- Приходите завтра (о, как я ожидал услышать эти слова!), и я вас познакомлю с очень умным специалистом, кандидатом наук (и Немировский, уважительно поднял вверх палец!) Вайнштейном Борисом Михайловичем, он-то уж разберётся в вашем изобретении. А что мы – простые инженеры, - и Яков Иосифович изобразил выражение лица «бедного еврейчика».

Я вышел из ВНИИСтройдормаша часов в шесть вечера, купил в магазине бутылку кефира, плавленый сырок и булочку, называемую тогда «калорийкой». Дёшево пообедав, я помыл и сдал бутылку в магазин, а потом решил, что искать общежитие уже поздно и первый день можно

переночевать и на вокзале. Я пешком дошёл до Крымского моста, перешёл его и заглянул в Парк Горького. Там было шумно и весело. Дойдя до летнего кинотеатра, я устроился так, что мне был виден весь экран и бесплатно просмотрел какое-то кино.

Потом уже, когда людей стали выпроваживать на выход из парка, вышел к Калужской площади, сел на станцию метро «Калужская» (теперь «Октябрьская») и доехал по кольцу до «Курской». Но там было такое столпотворение, что найти свободную скамейку не представлялось возможным. Расспросив людей, я установил, что самые малолюдные вокзалы Москвы – Рижский, Савёловский и Павелецкий. До Савёловского вокзала, добраться тогда на метро было нельзя. До Рижского вокзала нужно делать пересадку, а до Павелецкого – всего две остановки по кольцу.

Действительно, Павелецкий вокзал оказался малолюдным, но совсем свободных скамеек не было. На каких-то скамейках спали по двое, а на других – по-одному. Я критически осмотрел скамейки и решил прикорнуть на той, где уже спала полная женщина непонятных лет – лицо она закрыла косынкой. Женщина была невысокой и занимала немного места в длину.

Я сперва присел, потом прилёг, подложив портфель под голову. Железные «остановы» больно «кусались» даже через портфель. Сильно мешал свет в зале ожидания. Но постепенно усталость взяла своё, и я заснул. Проснулся я часов в шесть, встать было ещё рано, и я вождеденно взглянул на полные ноги моей соседки, решив хоть на часок прилечь на что-нибудь мягкое. Пододвинувшись к полной даме, я осторожно положил голову ей на голень вытянутой в мою сторону ноги. Но голова моя упёрлась во что-то твёрдое. Не поверив первому впечатлению, я несколько раз ткнулся головой о голень женщины, но она, о ужас, была твёрдой, как бревно. Сон прошёл мгновенно, я присел и костяшками пальцев постучал по дамской ножке. Звук был такой, словно я стучу по деревянной трубе. Я в страхе поднял глаза на голову женщины и увидел, что она, проснувшись, и, откинув косынку, с любопытством наблюдает за моими действиями.

- Что, хотел поспать на мягком, милоч? - добродушно спросила женщина лет пятидесяти, - протез там у меня, нету левой ноги, понимаешь! Если хочешь, я повернусь, можешь прилечь на правую, она настоящая, мягкая!

Я вскочил на ноги и стал благодарить, отказываясь и извиняясь. Женщина поняла, что я здорово испугался, вздохнула, и снова накрыла лицо косынкой. Я пошёл в туалет стирать и трусить своё нейлоновое бельё. Потом побрился, стоя в трусах, которые за время бритья высохли. Оделся, даже надел нейлоновый плетёный галстук на резинке, взял портфель и вышел.

Новые знакомства

Первым делом я заехал на площадь Маяковского, на табачную фабрику «Дукат». По телефону в бюро пропусков связался с отделом Главного механика и рассказал о своём деле. Оказывается, там уже читали мою статью в «Табачке», и меня с радостью приняли. Молодой человек - то ли главный механик, то ли его заместитель, взял у меня «остановы» и вызвал по телефону человека в синем халате. Он передал этому человеку мои «остановы», я пояснил - куда надо крепить, и какое масло заливать в маленькие ёмкости «остановов». Оказывается, у них на «Дукате» те же проблемы со станками системы «Элинсон», что и на Тбилисской фабрике.

Я осмотрел цех - он был гораздо чище, чем тбилисский, мастера не спали на табуретках, как в Тбилиси, а деловито ходили между станками. Сами станки работали тише, но так же мяли папиросы и забивались табаком.

Молодой человек оставил свой телефон и попросил позвонить через недельку, чтобы узнать результат. Фамилии его я уже не помню. А я тем временем, окрылённый ласковым приёмом на «Дукате», понёсся во ВНИИСтройдормаш. Прошёл я внутрь гораздо быстрее, чем вчера - Яков Иосифович заранее заказал мне пропуск. Встретив, Немировский повёл меня в какой то кабинет, который оказался пустым. Усадив меня на стул, он вышел искать, видимо, хозяина кабинета. Минут через пять он вошёл вместе с человеком лет тридцати пяти с густыми волнистыми чёрными волосами и очками с толстыми вогнутыми стёклами. У хозяина очков, видимо, была сильная близорукость, но он предпочитал смотреть поверх очков.

- Кто сочинил эту ахию? – с места в карьер громким голосом заговорил незнакомец, - придумывают всякую ерунду, а потом разбирайся, чёрт знает с чем!

- Вайнштейн Борис Михайлович! – наконец, протянув руку, представился он, - да вы, оказывается ещё и студент – добавил он, заглядывая в мою заявку, - что могут понимать студенты в скреперах? Да вы хоть скрепер живой видели когда-нибудь?

Я приготовился к решительной схватке. Вайнштейн сел за стол, пригласил сесть и меня. Немировский трусцой выбежал из кабинета.

- Яков Иосифович уже рассказывал мне о вашем предложении, - продолжал Вайнштейн – это же ахию, чушь собачья ...

- Борис Михайлович, - спокойно, но без тени надежды начал я, - может, вы и меня слушаете, хотя бы как автора.

Он положил перед собой чертежи к заявке, а я начал рассказывать суть дела. Вайнштейн напряжённо вслушивался в мои слова.

- Ну, тогда совсем другое дело, - вдруг протянул Вайнштейн, а то этот Немировский такое наплёл, что волосы встали дыбом. Редчайшей бестолковости мужик! – добавил он, видимо не опасаясь, что я могу передать его слова. – Мне всё понятно, - продолжал Вайнштейн, - параметры, конечно, не подобраны, но это детали. Интересная идея, но в нашем институте у вас всё равно ничего не получится. Вот, у нас есть Борисов – начальник отдела – ту же идею с маховиком применил на экскаваторе, результат прекрасный, и что – внедрились? Институт у нас – дерьмо, хотя, впрочем, вообще всё – дерьмо, кроме, разумеется, мочи! – добавил Вайнштейн.

Я с ужасом слушал крамольные речи Вайнштейна, хотя последняя фраза мне понравилась. Как оказалось, это была его любимая присказка. А, забегаю вперёд, скажу, что через несколько лет Вайнштейн станет моим лучшим другом, можно даже сказать родственником, крайне много сделает для меня хорошего, и дружили мы до самой его смерти. Что же касается Борисова, которого он упомянул в разговоре, то и этот человек впоследствии сделает для меня много хорошего, я стану его преемником по заведыванию кафедрой, и мы будем дружить, опять же, до самой его смерти. Вот с какими людьми столкнула меня судьба, только благодаря отказу по заявке на изобретение! «Благодарите отказывающих вам», поддельваясь под библейский стиль, советую я!

Но это ещё далеко не всё, что принёс мне этот отказ! Вайнштейн задумался, а потом медленно произнёс:

- А пошёл бы ты знаешь куда... - он помолчал, а я с огорчением спросил:

- Неужели, всё туда же?

- Ха, ха, ха, - да нет, я не то имел в виду, пошёл бы ты в ЦНИИС, они реальными делами занимаются, им нужны земляные работы и хорошие машины для этого. Он перешёл со мной на «ты», и это было хорошим знаком.

- Позвони мне на днях, я разузнаю к кому лучше обратиться, - и Вайнштейн написал на бумажке свой телефон. Визитные карточки были тогда, пожалуй, только у партийных деятелей и академиков. Вайнштейн академиком не был, а деятелем был скорее антипартийным. Во всяком случае, как выяснилось потом, коммунистов мы ним любили почти одинаково.

Остаток дня я посвятил своему устройству в общежитие. В справочном бюро я нашёл адрес общежития МИИТа: 2-й Вышеславцев переулок, дом 17, в районе станции метро «Новослободская». Это где такие красивые витражи, которые мне удалось разглядеть ещё в 1954 году, когда меня, полуслеплого, мама отводила и приводила в общежитие через станцию «Новослободская».

Найдя общежитие, я подраспросил ребят, входящих и выходящих в заветные двери – как «устроиться» сюда. И все в один голос сказали – иди к Немцову. Я смело вошёл в двери общежития, и когда вахтёрша схватила меня за ворот, удивлённо сказал: «Я же к Немцову!». Вахтёрша указала на дверь – вот здесь сидит начальник!

Войдя в кабинет я увидел пожилого полного человека с густыми седыми волосами, сидящего за столом в глубоком раздумьи.

- Здравствуйте! – вкрадчиво поздоровался я.

- Чего надо? – напрямую спросил Немцов.
- Коечку бы на месячишко! – проканючил я.
- Кто ты? – поинтересовался Немцов.

Я рассказал, как и было дело, дескать, заранее прибыл на Спартакиаду профсоюзов, ищу, где бы остановиться.

- Тебе повезло, - проговорил Немцов, - в нашем общежитие как раз и будут размещаться спортсмены. Но это – через месяц, не раньше. Я могу дать тебе койку заранее, мне не жалко. А ещё лучше, если ты мне подкинешь за это рублей пятьдесят, - без обиняков закончил он.

Я с радостью отдал Немцову эти небольшие деньги (две бутылки водки, если нужен эквивалент!), и прошёл в комнату, где стояли три кровати, две из которых были заняты. Хозяйева в задумчивости сидели на своих кроватях.

- Гулиа! – представился я фамилией, решив, что в общежитии МИИТа так лучше.
- Сурков! – представился один из них, коренастый крепыш.
- Кротов! – представился другой, высокий и худенький.
- Что грустите ребята? – спросил я.
- А ты что предложишь? – переспросили они.

Я, зная народный обычай обмывать новоселье, вынул из портфеля бутылочку чачи. Сама бутылка была из-под «Боржоми», и это смутило соседей:

- Ты что, газводой решил обмыть койку? Не уписаться бы тебе ночью от водички-то!
- Что вы, ребята, - чистейшая чача из Грузии, пятьдесят градусов!

Ребята встали.

- Пойдём отсюда, - предложил Сурков, - проверки бывают, сам знаешь, какое время. Выйдем лучше наружу.

Я положил бутылку в карман, ребята взяли для закуски три куса рафинаду из коробки, и мы вышли в скверик. Экспроприировав стакан с автомата по отпуску газводы, мы засели в чашку кустов. Я открыл бутылку, налил Суркову.

- За знакомство! – предложил тост Сурков и выпил.

Следующий стакан я налил Кротову; тост был тем же.

Наконец, я налил себе. Стою так, с бутылкой в левой руке и со стаканом – в правой, только собираюсь сказать тост, как вдруг появляются живые «призраки» - милиционер и дружинник с красной повязкой.

- Ну что ж, распитие спиртных напитков в общественном месте, - отдав честь, констатировал старшина. И спросил: - Штраф будем на месте платить или пройдемте в отделение?

И тут я внезапно стал автором анекдота, который в те годы, годы очередной борьбы с алкоголем, обошёл всю страну:

- Да это же боржомчик, старшина, - сказал я, показывая на бутылку, - попробуй, сам скажешь! – и я протянул ему стакан.

Старшина принял стакан, понюхал, медленно выпил содержимое, и, вернув мне стакан, сказал дружиннику:

- Действительно боржомчик! Пойдём отсюда!

Через несколько дней я уже слышал эту историю от других людей в качестве анекдота.

ЦНИИС

Позвонив через неделю на «Дукат», я поинтересовался, как идут дела с «остановами». Молодой человек мрачно ответил, что мастера не хотят ставить мои «остановы», а те, что установили на станках, оказались сломанными.

- Я мог бы назвать причину этого, но не по телефону, подытожил молодой человек, - если подойдете на «Дукат», расскажу и отдам то, что осталось от ваших «остановов».

Но я ответил, что причина мне известна, а девать искорёженные «остановы» мне некуда. Так я и не пошёл на «Дукат». На этом работа моя в области пагубной привычки человечества была закончена и больше не возобновлялась.

Расстроенный неудачей, я позвонил Вайнштейну, и он назвал мне фамилию человека, к которому надо было обратиться в ЦНИИСе. Это был Фёдоров Дмитрий Иванович, заведующий лабораторией машин для земляных работ. Тогда еще кандидат наук, сорока двух лет (Дмитрий Иванович был «ровесником Октября» - он родился в 1917 году), заслуженный мастер спорта, бывший капитан сборной страны по волейболу, Фёдоров слыл человеком прогрессивным. Вайнштейн знал это и посоветовал мне подойти к Фёдорову без телефонного звонка, чтобы сразу не «отфутболили».

- Пройдёшь к нему, вход туда без пропуска, скажешь, что спустился с Кавказских гор и хочешь поговорить с самим Фёдоровым – автором нового экскаваторного ковша ...

- Неужели, это тот самый Фёдоров? – изумился я, - мы ковш Фёдорова изучали на лекциях.

- Вот и скажи, что ты его считаешь гением и поэтому обращаешься к нему! А про то, что это я посоветовал – молчок! Понял? – закончил Вайнштейн.

Узнав как проехать в ЦНИИС, я немедленно отправился туда. Институт находился в городе Бабушкине, тогда ещё это Москвой не считалось. На автобусе № 117, я от ВДНХ доехал до последней станции, где машина делала круг, около маленького скверика с памятником Сталину в нём. Почему-то скверик и памятник чем-то привлекали лосей, они часто лежали у постамента. Народ как мог развлекался с животными – совали в них палки, сигареты, даже водку наливали в бумажные стаканчики и протягивали зверям. Лоси только храпели в ответ, иногда вскакивая на ноги и отпугивая любопытных. А когда в 1961 году памятник разрушили, лоси приходиться перестали. И скверик «обезлюдел».

Лежали лоси у памятника Сталину и тогда, когда я первый раз посетил ЦНИИС. Я посчитал это хорошим знаком – Сталина я любил, а лосей – уважал. Поэтому я решительно пошёл к Фёдорову на четвёртый этаж второго корпуса ЦНИИСа, куда направили меня люди, развлекавшиеся с лосями у памятника. Фёдорова в ЦНИИСе знали все. Я дошёл до кабинета с надписью: «Зав. лабораторией тов. Фёдоров Д.И.» и решительно вошёл в дверь. В кабинете, вопреки моим ожиданиям, стояли два стола, за которыми сидели два человека. Который из них – Фёдоров, я не знал. Поэтому я громким голосом и с кавказским акцентом спросил:

- Могу я видеть изобретателя «ковша Фёдорова» - Дмитрия Ивановича Фёдорова?

Оба сотрудника вытаращили на меня глаза, как на диковинного зверя, кенгуру какого-нибудь. Тот, стол которого был у окна, осторожно сказал:

- Ну, я - Фёдоров, - а вы кем будете?

Я подошёл к столу Фёдорова. Мне бросилось в глаза, что памятник Сталину и лоси вокруг него прекрасно видны из окна кабинета Фёдорова. Я осмелел и, протянув руку, Фёдорову, представился:

- Гулиа!

Только намного позже я узнал, что грубо нарушил этикет – первым протянув руку старшему и более значительному человеку. А тогда я думал, что это – знак верноподданничества и уважения.

Фёдоров встал – он был худощавым человеком высокого роста. Сощурился в хитрую и, казалось, язвительную улыбку, он быстро протянул мне свою руку.

Здесь надо, забегаю вперёд, сказать, что у Фёдорова было необычное рукопожатие – так называемое «фёдоровское». Потом уже я слышал, что об этом знали все знакомые Фёдорова и подавали ему руку осторожно. Дмитрий Иванович медленно, но с необычайной силой начинал сжимать ладонь здоровающегося с ним человека, пока тот не взмолится, закричит или запрыгает. Наверное, поэтому Фёдоров встал и подал мне руку с явным интересом.

Но подобная же привычка была и у меня – я натренировал свою кисть до того, что ломал динамометры. Моим развлечением в Тбилиси было, подвыпив, бродить с друзьями-штангистами по Плехановскому проспекту и подходить к каждому весам, которые вместе с динамометрами («силомерами») стояли там через каждый квартал.

На всех этих весах была одинаковая и устрашающая надпись: «Медвесы». В детстве я думал, что это какая-то страшная разновидность медведей и боялся подойти к весам. Но потом мне пояснили, что это сокращённо означает «медицинские весы», и я перестал бояться весов.

Так вот, подойдя к очередным «медвесам», я, указывая на динамометры, спрашивая:

- Сколько стоит?

- Пятьдесят копеек – один и рубль – оба! – отвечал «весовщик».

Динамометров было два – один кистевой, а другой – для становой силы. Я платил рубль и тут же ломал оба динамометра, под хохот друзей и проклятия весовщика. Конечно, тут нужна была и сила, но главное – умение. Беря кистевой динамометр в ладонь, я безымянным пальцем незаметно отгибал набок хилую стрелку с её стойкой, а затем беспрепятственно сжимал динамометр до поломки. Предельная сила, которую показывал прибор, была 90 килограммов, а дальше стойка стрелки упиралась и не давала сжиматься прибору сильнее. Если убрать стрелку со стойкой, то 100 килограммов уже разрушали прибор – он с треском лопался. Но 100 килограммов – это для кисти очень много, лично я не знал других людей, которые развивали бы такую силу.

Со становым динамометром было ещё проще. Я не тянул рукоятку одними руками, где я мог развить тягу около 200 килограммов, а клал её на бёдра согнутых в коленях ног. После чего тянул рукоятку руками и отжимал её вверх бёдрами, разгибая ноги.

Раньше, годах в 20-х прошлого века, такой приём среди штангистов, назывался «староконтинентальным», так можно было подтянуть огромные тяжести. Но позже этот приём запретили. Но «весовщик», разумеется, не знал этого, да и ему все эти тонкости были ни к чему. Поэтому, развивая «староконтинентальным» способом килограммов 400-500 тяги, я легко разгибал цепочку динамометра, и она рвалась.

Постепенно весовщики стали меня узнавать и начинали орать, лишь только наша весёлая компания приближалась к «медвесам».

А теперь перейдём к немой сцене моего с Фёдоровым рукопожатия. Сам Дмитрий Иванович и его сотрудник – Игорь Андреевич Недорезов (будущий мой большой друг) не сомневались в его исходе. «Кавказский горец» должен был запрыгнуть и заорать от боли: «Вах, вах, вах ...» (Бакс, бакс, бакс ...). Но когда Фёдоров стал сжимать мою ладонь, я, решив, что в Москве так принято, стал отвечать тем же. Дмитрий Иванович перестал улыбаться, и чувствовалось, что он затрачивал на пожатие всю свою силу. Я отвечал ему адекватным пожатием, причём, не меняя выражения лица. Пожать руку потенциальному благодетелю сильнее я не решался и правильно сделал. Но я понял, что такое в практике Фёдорова встречалось впервые. Он с достоинством убрал свою руку и ласково предложил мне сесть.

Начало было успешным, и я, оставив своё «казацкое» произношение, рассказал Фёдорову и подсевшему к нам Недорезову суть своего изобретения.

- Так, - произнёс Фёдоров, - мы будем изготавливать это хозяйство («так» и «это хозяйство» - были любимыми словами Фёдорова).

- Какой скрепер вам нужен? – деловито спросил Фёдоров.

Я опешил от такого поворота событий и робко пролепетал:

- Да какой-нибудь самый маленький и дешёвый!

Фёдоров рассмеялся.

- Я считаю, что тут лучше всего подойдёт девятикубовый Д-374. В Центрстроймеханизации есть такие, они дадут нам один. На нашем опытном заводе мы откроем заказ. Чертежи-то у вас есть? – спросил Дмитрий Иванович.

Я покачал головой; в принципе «настоящие» чертежи для завода я и не умел пока делать. Студенческие проекты и рабочая документация для завода – вещи совершенно разные. Как пистолет и его муляж, к примеру.

- Я приехал в Москву на соревнования и пока только ищу заинтересованную организацию. Но чертежи будут, обязательно будут!

- Считайте, что вы нашли «заинтересованную организацию» - Фёдоров усмехнулся, - делайте чертежи и если они будут готовы даже через полгода, то это ничего. Вы знаете, что такое рабочие чертежи?

Я кивал головой, хотя понятия не имел об этом. Тогда для меня главным было не потерять доверия Фёдорова.

- А каким спортом вы занимаетесь? – поинтересовался Фёдоров.

- Я - штангист, мастер спорта. Приехал на Спартакиаду профсоюзов от Грузии.

- Никогда бы не сказал, что вы – штангист! Вы же очень худы для штангиста. По рукопожатию я понял, что вы – не простой человек. – Видите, Игорь Андреевич, - обратился Дмитрий Иванович к Недорезову, - я же всегда говорил, что у спортсмена всё получается лучше, даже наука, даже изобретательство! Студент с гор Кавказа – и такое гениальное предложение! Только спортсмен мог додуматься до такого!

Игорь Андреевич кивал, улыбаясь. Чувствовалось, что разговор на эту тему возникал у них не раз, и точка зрения Фёдорова здесь была ясна. На моё счастье, я дал ещё одно подтверждение этой точке зрения, и видимо, стал симпатичен ему.

Договорились на том, что я готовлю за осень рабочие чертежи моего устройства к скреперу Д-374, приезжаю весной в Москву, мы получаем скрепер, завод изготавливает устройство, и мы монтируем его на скрепере. А потом испытываем машину и ... Испытываем успешно – хорошо, а неуспешно – плохо.

Закончив разговор с Фёдоровым, я спустился на первый этаж в столовую. В первый раз я зашёл в столовую – мою будущую спасительницу – вечная ей благодарность! В ней хлеб – чёрный и белый, а также горчица, стояли на столах бесплатно. Бесплатным же был и горячий чай, без сахара, разумеется. Вы когда-нибудь ели бутерброд, «чёрно-жёлто-белый»? Это толстый кусок чёрного хлеба, намазанный горчицей с тонким куском белого хлеба сверху. И душистый горячий грузинский чай, причём всё это - бесплатно!

Но всё это будет потом; а сейчас же я пообедал в столовой за деньги, не забыв набрать бесплатного хлеба в портфель. Выйдя к памятнику Сталину, я глубоко поклонился ему за поддержку и помощь, а лосей угостил бесплатным хлебом. Не из рук, конечно, а бросая куски издалека. Лоси храпели и с удовольствием ели бесплатный хлеб. На халяву, как говорят, и укус сладок!

Адюльтер

Несмотря на небывалую удачу в ЦНИИСе, молодой организм требовал ещё кое-чего. Нет, это я не насчёт выпивки. Выпивка была, настроение поднималось, но куда его потом было девать? Помню и трудности, создаваемые «властями» выпивкам в общественных местах. Эти трудности только раззадоривали нас на поиски всё новых средств конспирации. Были среди нас очень осторожные ребята, которые заносили бутылку с собой в туалет и, запираясь, выпивали там. Туалеты в Москве – конечно, не «азиатско-выгребной» вариант, но всё-таки как-то недостойно строителей коммунизма. За что боролись?!

Поэтому наиболее решительные и остроумные предпочитали обманывать власти похитрому: пить на виду и не попадаться.

Помню, завтракать ходили мы на фабрику-кухню при МИИТе. Это огромная столовая самообслуживания, столы здесь стояли длинными рядами, а между рядов ходили толстые столовские тётеньки – «проверяльщицы» в белых халатах. Так вот задалась мы целью выпить по стакану водки прямо на глазах у «проверяльщиц». Купили «Горный дубняк» по двадцать шесть рублей за бутылку (дешевле «Московской особой» и ещё настоена на чём-то полезном, пьётся легко!), взяли салатки, хлеб и стаканы, но без чая. Только собрались с духом – идёт «проверяльщица». И тут меня осенило – «дубняк» был коньячного цвета, как чай. Я быстро опустил ложку в стакан и со звоном стал размешивать «дубняк», как чай, да ещё и дуть на него, вроде чтобы охладить. Ребята быстро переняли пример, нашлись и такие, которые даже наливали «дубняк» в блюдце и хлебали из него, как горячий чай. Ужимки у нас были при этом

подходящие – попробуйте «хлебать» сорокаградусный «дубняк», особенно из блюда! Это потрудней, чем семидесятиградусный чай!

Но природа требовала не только водки, но и любви. И мы вышли на улицы, кто куда. Мы с Сурковым, которого звали Толей, выбрали улицу Горького – нынешнюю Тверскую – не на помойке же себя нашли! Престиж! Но престиж выходил нам боком – нас «динамили» по-чёрному. По мордам нашим было видно, кто мы такие. Сейчас такие называются «лохами», а тогда «телками» (не путать с «тёлками», которых тогда ещё не было!). Мы знакомились, приглашали девочек в кафе или ресторан, выпивали, а когда уже собирались вместе покинуть это заведение, они выходили в туалет, чтобы «привести себя в порядок». При этом нередко оставляли свои вещи – преимущественно, картонные коробки из-под обуви, причём просили «приглядеть» за ними. Так мы и приглядывали, пока официанты не поясняли «телкам» истинное положение вещей.

Взбешённые неудачами мы решили и сами отомстить «динамисткам». Набрали займы у соседей самые лучшие костюмы, я даже надел тогда галстук-бабочку и модную беретку. Решил изобразить студента-иностранца, прибывшего погостить в Москву к советскому товарищу. Нашли красивую коробку из-под вазы, поставили туда пустую бутылку из-под портвейна, перевязали ленточками и – на Горький-стрит.

Говорил я тогда по-английски неплохо, недаром специально изучал. Сурков отвечал мне по-русски, поясняя непонятные слова жестами. Заходили в модные магазины, осматривали дорогие покупки. В магазине «Подарки», что почти на углу Горького с Охотным рядом, заметили парочку, явно из команды «Динамо». В руках у них была авоська с коробкой из-под обуви. Мы обратились к ним за помощью в выборе подарка для моей английской тётушки. При этом Толя всяческими жестами за моей спиной показывал девушкам, что хватит, дескать, и вазы, а остаток лучше пропить в подходящем ресторане. Наивный английский студент долго уговаривать себя не стал, и мы, перейдя Охотный ряд, дружной компанией отправились в ресторан «Москва», что был на третьем этаже одноимённой гостиницы. Тем более, что я по «легенде», в этой гостинице и остановился.

Надо сказать, что это было достаточно официальное заведение, в отличие, например, от «Зимнего сада» на седьмом этаже, или совсем уж демократичного кафе «Огни Москвы» на пятнадцатом. Но в два последних заведения вечером попасть было невозможно, а в «Москве» постоянно были пустые столики. Желających слушать патриотические мелодии и вести себя «культурно» было немного – в основном, посетители были приезжие.

Мы не стеснялись себя в выборе закусок и выпивок, а под конец уже договорившись с девочками, как будем проходить в мой номер через коридорного «цербера», отошли «разведать» обстановку. Я глупо порывался взять с собой вазу, Толя пояснял мне, что лучше её понесут девушки, так «натуральнее», и мы, оставив вазу и, попросив беречь её от ударов, отошли на «пять минут».

Покатываясь от хохота, мы спустились в метро и поехали на свою «Новослободскую». Особенно развеселило Толю то, что я повесил на бутылку из-под портвейна «этикетку» с надписью «Привет от игроков тбилисского «Динамо»!»

Утолив жажду мести, мы решили искать счастье, не отходя далеко от дома, то есть от общежития. Ведь в нашем же корпусе жили и студентки, но мы почему-то считали их «честными» и не рассчитывали на быстрый результат. В чём по неопытности, конечно же, ошиблись.

На следующий вечер Толя привёл в нашу комнату двух знакомых ему девушек с экономического факультета – Зину и Настю. Девушки отучились один год, а на лето никуда из общежития не уехали. Они жили в далёком пригороде в коммунальных квартирах – Зина с родителями, а Настя – одна. Где жила Зина, я не запомнил, а Настя (которая предполагалась, как я понял, мне) жила в Тучково, под Можайском. Она была замужем, но мужа весной забрали в армию. Вот и вся предыстория.

Мы выпили бутылочку портвейна прямо в комнате, а другую взяли с собой. Гулять пошли в детский парк, что был в Марьиной роще недалеко от общежития. Парк-то был уже закрыт, но в ограде имелся шикарный лаз, и мы конспиративно проникли на детскую территорию. Катались там на качелях, бегали друг за другом, потом Зина предложила всё-таки выпить. Мы рассказали

девочкам, как «обманули» старшину с «боржомчиком», они, конечно же, смеялись. Я выбил пробку из бутылки ударами по «казённой части», но ни стаканов, ни киосков с газводой, где их можно было бы украсть, не наблюдалось. А из «горла» девушки пить отказывались – некультурно.

И тут я предложил способ питья, приемлемый сразу по двум критериям – и стакана не нужно, и в случае чего, девушек не обвинят в распитии спиртных напитков в детском парке (даже подумать страшно!). Способ я показал прямо на примере. Набрал из горлышка полный рот портвейна, я притянул к себе ошалевшую от удивления Настю и в поцелуе упругой струёй «передал» ей половину набранного в рот вина. Сам я читал об этом у Мопассана, так поступил один его герой со своей невестой, и я мечтал повторить его опыт. И вот - довелось!

Настя, задыхаясь, наконец, оторвала свои губы от моих и, тяжело дыша, долго смотрела мне в глаза. Сразу стало понятно, что Мопассана она не читала, и видимо, её муж тоже. Я на такое впечатление и не рассчитывал. Глаза Насти в тот момент я и сейчас вижу перед собой – это были счастливые глаза человека, сделавшего открытие. «Давай ещё, я не успела распробовать!» – потребовала Настя, и я под внимательные взгляды Зины и Толи медленно повторил Мопассановский поцелуй.

Как вежливый кавалер, я предложил научить этому способу и Зину, но когда она согласилась и уже подошла ко мне, в Толе вдруг разыгралась ревность. Он резко оттянул Зину назад, сказав, что эти варварские способы не для них, и Зина выпьет, как положено, из «горла».

- Нечего тут свои бактерии людям передавать! – по-учёному подытожил Толя.

Мы все трое бросились возражать, что в портвейне, дескать, бактерии дохнут, и опять продемонстрировали с Настей этот кошмарный для бактерий опыт. Наконец, разомлевший от выпитого, Сурков решил повторить пикантный опыт. Но по неопытности, залил платье Зины красным портвейном. Оба закашлялись, и мы били их по спинам кулаками.

Возвращались мы домой уже весёлые. Новый способ питья, как оказалось, пьянил вдвойне (советую попробовать, только не водкой!). Пока Толя и Зина, чертыхаясь, пролезали в лаз, Настя посмотрела мне в глаза каким-то смущённым взглядом и спросила:

- А у тебя хватит сил на последующие поцелуи, или ты их уже все растратил?

Я не совсем понял намёк Насти, а может, тут и никакого намёка не было, и жарко целуя её, говорил:

- Хватит, на всю жизнь хватит, на тебя и сил и поцелуев навсегда хватит!

Придя в общежитие, мы согнали заспавшегося «Крота» с постели.

- Погуляй, Крот, тут много коек свободных рядом! – по старой дружбе прошептал Толя своему другу, и «Крот», вздохнув, взял простыню с подушкой и вышел из комнаты.

Мы буквально ворвались в освободившуюся «обитель», и одежды полетели во все стороны. Вот вам – «честные» студентки и «нечестные» динамистки с «Горький-стрит»! Дома, дома у себя надо искать настоящую любовь, а не на Бродвее! Про жену свою, надо сказать, я забыл тогда начисто. Видимо, как и Настя про своего Сашу, который исполнял воинский долг перед Родиной в армии где-то на Урале.

- Не спеши, я хочу, чтобы тебяхватило надолго! – вот последние слова Насти, которые, я ещё смог осмыслить. Слова, а главным образом, междометия были и позже, но критического осмысления их уже не было. Да и надо ли было их осмысливать?

Утром девочки, как сговорившись, проснулись ровно в шесть, быстро оделись и ушли. На прощание Настя поцеловала меня и сказала:

- Твой друг знает, как меня найти. Если, конечно, ты захочешь этого!

Я как был лёжа, схватил Настю и прижал к себе. Я готов был не отпускать её никогда, держать и держать вот так на себе до самой смерти, своей, по крайней мере. Столько нового, неиспытанного счастья и за такой краткий промежуток времени!

Когда Настя ушла, а я, потянувшись, решил поспать ещё, мне в голову пришла мысль, что это – моя первая измена жене, причём далеко не только физическая. Я уже любил Настю, любил так, как может не очень-то поднаторевший в любовных перипетиях «горец» полюбить настоящую русскую девушку или молодую женщину. Может я в свои теперешние годы ещё и не очень опытный мужчина, может опыт ещё прибавится (этак, годам к ста!). Но мне кажется, что именно в

русских женщинах есть загадочная смесь решительности, безрассудства, прямота чувств, может даже и не очень серьёзных, полной самоотдачи в любви, без каких-либо гарантий на её продолжение, не говоря уже о сохранении пресловутой «верности». Вот в эту сладкую русскую западную любви я попал тогда в первый раз!

- Дай Бог не последний! – чуть было не вырвалось у меня грешное пожелание; я совсем выпустил из головы, что уже венчан, и что мысли такие надо гнать из головы... Чур меня, чур!

Изнасилование в прачечной

Наступило время спортивных сборов в Москве. Наша команда приехала, но её разместили в другом месте. А я, разумеется, никуда уходить и не собирался. Мы хорошо устроились – выпроводили «Крота» в соседнюю комнату, а Настя поменялась комнатой с соседкой Зины. Теперь на ночь Толя уходил к Зине, а Настя приходила ко мне. Шёл мой счастливейший медовый месяц.

К нам в общежитие поселили спортсменов, приехавших на Спартакиаду профсоюзов. Пустующие комнаты заполнились, в общежитии стало людно, звучала речь на языках народов СССР. В соседнюю комнату поселили трёх спортсменок из Армении – то ли толкательниц ядра, то ли метательниц диска. Огромные такие тётки, килограммов по сто двадцать, несмотря на молодость. Глаза огромные, чёрные, волосы курчавые, кожа смуглая.

- Вот с такими - не хотел бы оказаться в койке?- пошутил Толя, как оказалось, достаточно пророчески. Тёткам не сиделось у себя в комнате, они то и дело топали в своих криво стоптанных шлёпанцах на кухню и обратно, громко разговаривая через весь коридор по-армянски:

- Че! Ха! Ахчик, ари естех! Инч бхавунэс? Глхт котрац!?! – гремели «мелодичные» армянские словечки из края в край этажа.

Как-то утром мы с Толей принимали душ в нашей «законной» мужской душевой. И вдруг туда одна за другой вваливаются наши спортивные тётки («тёлками» назвать их даже язык не поворачивается!) и на ломанном русском говорят:

- Женски душевой весь польный, ти не протиф мы здесь моимся? – и плотоядно хохочут – откажись, попробуй!

Мы с Толей забились в крайние кабинки, правда, кабинок, как таковых, и не было, были только коротенькие перегородки, тётки же заняли всю середину. Мы стояли под душем, глупо улыбались и не знали, как достойно исчезнуть.

А дамы не терялись. Намывшись, они стали бриться. Нет, не подумайте, что они стали брить себе бороду и усы, хотя и это следовало бы сделать. Они сперва стали брить себе ноги, на которых росла чёрная курчавая шевелюра. Затем поднявшись повыше, они побрили поросшие черной проволочной щетиной лобки, и ягодичы, на которых тоже курчавились волосы, правда пожиже, чем на ногах. Такой же густоты волосы были и на животах. Наши с Толей взгляды поднимались вверх вместе со станком безопасной бритвы, срезающей шерсть, мохер или меринос (не знаю что ближе к истине!) с тел наших «граций». И, наконец, мы увидели то, что перенести было невозможно – меж арбузных грудей с тёмно-коричневыми, почти чёрными, сосками, свисала вьющаяся шевелюра, напоминающая пейсы у ортодоксального иудея.

Мы прикрыли наши донельзя поникшие достоинства ладонями, и, сгорбившись, под улюлюканье наших дюймовочек, выбежали в раздевалку. Наскоро вытеревшись и сбросив с ног налипшую курчавую шевелюру (бежать-то приходилось почти по ковру из бритых волос!), мы, дрожа то ли от холода, то ли от животного ужаса, бросились к себе в комнату и заперли дверь.

- Неужели моя Настя и эти существа принадлежат к одному и тому же виду – гомо сапиенс? – лихорадочно рассуждал я. Моя Настя, с тончайшей беломраморной кожей на руках и ногах, сквозь которую, как через матовое стекло, были видны голубые кровеносные жилки; жилки, которые я любил прижимать пальцами, и кровь переставала по ним течь – они обесцвечивались, пока я не убирал палец, и эти мериносовые, пардон, ляжки! Настя, которая, вообще слова не могла произнести громко: она говорила с придыхом, почти шёпотом, чаще всего на ушко, например: - можно мне немножко побаловаться, миленький? И эти оглушающие непонятные

звуки: «Инч бхавунэс? Глхт котрац? – которые издавали наши соседние «гомо сцапиенс». Да, да, именно «сцапиенс», потому что, попадись мы им ненароком вечером в безлюдном месте, так сцапают, что лужицы не останется! О, как в самом худшем виде оправдались мои опасения!

После нашего позорного бегства из душевой, соседки просто начали издеваться над нами. Подловят иной раз кого-нибудь из нас в коридоре, одна спереди, другая сзади, и начинают сходитьсь, расставив руки. Глаза чёрные горят, рты приоткрыты, сквозь крупные зубы слышится то ли смех, то ли рычание. Рванёшься вперёд или назад – обязательно схватят и облапают вдвоём, сладострасно приговаривая: «Иф, иф, иф ...» Тьфу, ты!

Мы – штангист, мастер спорта – я, и акробат-перворазрядник Толик, чувствовали себя несчастными девственниками, попавшими в какое-нибудь африканское племя. Бить по морде? Неудобно как-то, да и явно проигрышно. Жаловаться Немцову – засмеют на всю жизнь. Оставалось запираться и не попадаться, что мы пока и делали.

Вечерами, перед встречей с нашими девушками, мы с Толей обычно принимали стимулирующий массаж в стиральных машинах. Поясняю. В подвале общежития была студенческая прачечная с огромными стиральными машинами активаторного типа. Это были баки из нержавеющей стали с большой бочку величиной, в боках которых вращался активатор – небольшой диск с гладкими выступами. Вечером, когда прачечная почти всегда была свободна, мы запирали дверь на щеколду, набирали в стиральные машины тёплой воды, садились в них и включали активатор. Вода приятно массирует кожу, разминая мышцы – лучше любой джакузи!

Если сесть к активатору лицом, а правильнее – передом, то потоки воды начинали активировать нас известно что, а там уже и до оргазма было недалеко. Но последний нам не был нужен, даже вреден – можно было опозориться ночью.

И ещё один нюанс надо пояснить для полноты тех драматических событий, которые уже нависали над нами. У меня в тумбочке была початая бутылочка с зелёным ликёром «Бенедиктин». Но бутылочка была с секретом – помните «тинктуру кантаридис» из шпанских мушек, которая чуть ни стоила мне жизни? Так вот, я добавил чуть-чуть этой настойки в ликёр, и когда мы с Настей, уже потушив свет, быстро выпивали по маленькой рюмочке «любовного напитка», ночь наша после этого была активной, почти до членовредительства. Толя знал, что в тумбочке у меня ликёр, но не знал его секрета.

И вот однажды вечером (думаю, что это была пятница тринадцатое число!), я налегке пошёл в прачечную подготовить машину – вымыть её, залить воду и т.д. Толя должен был спуститься следом за мной. Я уже набрал воды, но Толи всё нет. Минут через десять вбегает Толя с полотенцами и рассказывает:

- Только я вышел из комнаты, наши тётки, уже подданные, обступили меня и затолкали обратно в комнату. «Где твой друг?» – говорят, «хатым с вами выпыт!» Я и объяснил, что мы должны бельё постирать в прачечной, и что ты уже ждёшь меня там. «Тогда давай водка!» – потребовали они. Я им и отдал твою бутылочку ликёра ... Толя замер, разглядев выражение моего лица.

- Я верну, ты не сердись ... - залепетал он, но я стремглав бросился к двери.

- Бежим отсюда, они знают, где мы! – закричал я, пытаюсь выскочить вон. Но было поздно.

Дверь распахнулась и наши три грации с постыдными улыбочками на полуоткрытых красных губах, шатаясь, вошли в прачечную. Две прошли вперёд, а последняя заперла дверь на щеколду и часовым встала возле неё. Дамы, скинув халаты, и оказавшись в одних стоптанных шлёпанцах, привычно раздвинув руки, двинулись на нас, как толстые привидения. Мы осмотрелись – помещение подвальное, бежать некуда. Припёртые к стенке, мы приняли бойцовскую стойку.

- Гаянэ, - обратилась одна из обнажённых дам к нашему часовому, - иды аткрой двэр, крычи, зави помощ! Нас хатят износиловат!

- Че!!! («Нет!!!») – завопил я Гаянэ, которая уже пошла отпирать щеколду, - ари естех, ни бхави! («иди сюда, не кричи!») Делайте - инч узумес, лав? («что хотите, хорошо?») – кричал я на диком армянском. Я представил себе, что будет, если нас поймут в подвале с этими голыми

чудовищами. Поверят ли нам, что жертвы насилия – мы, а не наоборот? Поэтому я крикнул Толе, чтобы он не «ломался», а сам добровольно лёг на стопку сложенных занавесей в углу.

- Шмотки скидавай! – приказала «моя» гигантша, а Толика его «пассия» просто подхватила, как жена лилипута Качуринера (если помните эпопею с лилипутами!) и поволокла в угол.

Я покорно скинул майку, тренировочные брючки, закрыл глаза, зажал зубы и замер, лёжа на спине. Я почувствовал, что на меня ложится что-то вроде гигантской породистой свиноматки с колючими бёдрами, икрами и животом (небось, после того раза не брилась! – мелькнуло у меня в голове). Хуже всего то, что «свиноматка» чуть не задушила меня своими арбузными грудями, нависающими как раз над моими ртом и носом.

Я понял, что она пытается вставить мне в рот свой чёрный сосок, который я хорошо запомнил с момента душа с бритьём. Я замотал головой, как уже насытившийся молоком младенец, и моя гигантская «кормилица» прекратила эти попытки. И тут меня буквально обжёт липкий, засасывающий, пахнувший бенедиктином и водкой, густой поцелуй, от которого я чуть не лишился сознания. Я мычал, мотал головой, пытаюсь высвободить губы из высоковакуумного засоса. Моя насильница попыталась раздвинуть своим языком мне зубы и просунуть его мне в рот. Но и этот маневр не вышел. Тогда она, надавив на меня всей своей тяжестью, стала использовать меня по прямому сексуальному назначению. Я знал, что если она не удовлетворится, то может вытворить что угодно, и поэтому отчаянно помогал ей, мысленно представляя себе Настю. Но эти два образа не «ложились» друг на друга, и я чувствовал, что скоро стану недееспособным. Поэтому я собрал все силы и, как последняя проститутка, имитировал оргазм.

Видимо это было сделано натурально, потому, что вскоре оргазм охватил и её. Удивительно только, что я остался жив от этих испытаний, и то, что на её вопли никто не прибежал. Моя насильница (подруги называли её Ахчик, но это могло быть и не именем, это слово по-армянски означает «девочка», «девушка»), медленно сползла с меня, не забыв «отвесить» прощальный густой поцелуй, и с рук на руки передала меня уже раздетой и готовенькой Гаянэ.

- Это несправедливо, - всё возмущалось во мне, - а Толик? Почему мне – две, а ему – одна? Но Толик с его соперницей сопели и ворочались в углу, и видимо, не без взаимного удовольствия. К моему ужасу я оказался не готов к сеансу с Гаянэ.

- Сейчас перевяжут шнурком, и тогда конец! – успел подумать я, но всё обошлось более гуманно. Гаянэ, более мелкая из своих гигантских подруг, быстро восстановила мою потенцию оральными упражнениями, и началась моя «вторая смена». Удивительно, а может и грешно, но акт с Гаянэ был мне менее противен, чем первый. Она не душила меня своими сосками, не пыталась протиснуть свой язык мне в рот, а совершала привычные и непринуждённые сексуальные движения, которые были мне близки и понятны. И случилось то, чего я не мог никак ожидать – я изменил моей Насте – у меня произошёл самый натуральный оргазм! Гаянэ, видимо, не ожидала этого, но быстро подстроилась, и, прежде, чем я окончательно лишился сил, успела удовлетвориться. Не так громко и бурно, как Ахчик, но оргазм явно ощущался. Я даже ответил на её поцелуй.

Мои дамы растормошили Толикину партнёршу, и они вместе быстро покинули прачечную. Мы с Толиком, жалкие и «опущенные», сели в стиральную машину и минут десять приходили в себя, успокаивая царапины и ссадины на своих телах. Потом вытерлись, оделись, и понуро побрели в комнату Зины. Было около часу ночи, но девушки не спали – не знали, что и подумать. Мы честно рассказали, что с нами случилось. Опытная Зина быстро спросила:

- А они шнурком вам не перевязывали?

- Нет, - отвечали мы, пряча глаза, - мы старались сами, вас представляли, - не соврали мы. – Иначе – шнурок, и конец нашему счастью, если не всей жизни...

Всю ночь шло оперативное совещание. Девушки решили забрать нас на время к себе по домам или устроить по знакомым, чтобы больше не подвергаться насилию. А Немцову – написать заявление о безобразиях спортсменов из такой-то комнаты, с требованием их выселить, и подписаться всем женским коллективом общежития. Наглые «тётки» были уже поперёк горла всем девушкам, оставшимся на лето в общежитии.

Под утро мы с Толей сделали робкие попытки исполнить всё-таки свой мужской долг перед нашими возлюбленными. Удивительно, что они приняли наши ухаживания, но ещё удивительнее то, что всё замечательно получилось. Молодость!

Любовь и штанга

Нам было «приказано» покинуть нашу комнату, чтобы не подвергать себя угрозе повторного изнасилования. Толика Зина устроила где-то у своих родственников, а меня Настя забрала с собой в Тучково.

Она очень беспокоилась и переживала – что подумают соседи, ведь они непременно узнают про моё пребывание у Насти. Выехав с Белорусского вокзала на Можайской электричке под вечер, мы прибыли в Тучково почти ночью. Погода была на редкость тёплой, и Настя приняла решение провести первую ночь на природе. Мы вышли на берег Москвы-реки, которая в Тучково ещё не набрала своей мощи, и устроились на бережке. По дороге Настя зашла домой и забрала оттуда спальник. Мы наломали ветвей, устроили что-то вроде шалаша, постелили спальник. На полянке перед шалашом разожгли костёр. У нас были с собой сардельки из фабрики-кухни и две бутылки дагестанского портвейна «Дербент».

Вечер получился незабываемым. Светила полная луна, отражаясь в речке. На том берегу чернел хвойный лес, а на нашем – горел костёр, на котором на деревянных шампурах поджаривались сардельки. Пробки из бутылок я выбил известным способом, а стаканы мы снова забыли. Пришлось вспомнить старый мопассановский способ, который мы всячески модернизировали. Я то прекращал «подачу» вина, и тогда Настя, почти как младенец из груди кормилицы, пыталась высосать вождельный портвейн, покусывая меня за губы; то вдруг пускал вино такой сильной струйкой, что Настя начинала захлёбываться и бить меня по плечу.

Никогда ни один из шашлыков, которые мне довелось есть потом, начиная с приготовленных в горах Абхазии, и кончая подаваемыми в лучших ресторанах Москвы, не был так вкусен и желаем, как шашлык из сарделек у костра на берегу Москвы-реки.

Закончив ужин, мы, как водится на Руси, малость попели хором. Потом я, положив голову на колени сидящей Насти, и стал смотреть на всю эту прелесть вокруг, стараясь запомнить на всю жизнь. И запомнил! Сколько было прекрасных мгновений и после, но когда я хочу вообразить себе нечто, совершенно волшебное и милое сердцу, то вспоминаю речку с отражённой в ней полной Луной, мрачный и страшный лес на той стороне, а на этой - потухающий костёр, шалаш, и наклонившееся надо мной любимое лицо, ласковые светлые глаза и свисающие на меня светлые волосы Насти.

И вдруг Настя тихо запела:

Зачем тебя я миленький (именно «миленький», а не «милый мой») узна-а-а-ла!

Зачем ты мне ответил на любовь,
Уж лучше бы я горюшка не зна-а-а-ла,
Не билось бы моё сердечко вновь!

Я хорошо помнил эту песню, она мне нравилась, но никогда не подумал бы, что эта мелодия и эти слова произведут тогда на меня такое сильное впечатление. Настя пела тоненьким слабым голоском, часто делая паузы для вдохов. Но только здесь, в самом центре России, на русской природе, в типично русских обстоятельствах – «ворованная» у супругов любовь, отсутствие удобств, недавнее моё унижение и совершенная неясность будущего нашей любви – я, наверное, понял до конца весь пессимистический смысл этой песни. Рыдания судорогой сдавили мне горло (лёжа это особенно чувствуется!) и я заплакал в голос, причитая, как старая бабка. Слёзы

струились как из прохудившейся кружки, я не знал, когда это всё прекратиться – такого срыва у меня раньше не случалось. Настя сверху тоже поливала меня слезами, но лицо её улыбалось.

- Успокойся, миленький, не плачь, у нас всё-всё будет хорошо! Вот увидишь! – пыталась утешить меня Настя.

- Ничего не будет хорошо,- ревя, как ребёнок, отвечал я, - ничего у нас не получится, и мы расстанемся плохо!

Конечно, я предвидел всё, как оно и оказалось, в этом и сомневаться было нечего. Настя была права только этой ночью, да и в ближайшие неделю-другую. Потом приехала жена, была Спартакиада, а в конце августа, я, украдкой попрощавшись с Настей, уехал с женой в Тбилиси. Когда мы прощались с ней, я что-то ей говорил, а Настя отрешённо смотрела куда-то вниз. Под самый конец разговора она подняла глаза на меня - в её взгляде и улыбке отразился приговор нашей любви. У меня похолодело на сердце, но я быстро поцеловал Настю, и, не оглядываясь, пошёл.

- Погоди, миленький, будет тебе **ужо!** – говорил её взгляд. Я ссутулился, опустил голову и пошёл, куда надо было.

Сейчас, несмотря на прошедшие десятилетия, и на всё плохое, что потом произошло между нами, я так благодарен Насте за этот вечер и за эту ночь на берегу Москвы-реки. Может, из-за этого я так полюбил Россию, русскую природу, русские речки и мою любимую Москву-реку. А возможно, и то трепетное отношение к русской женщине - волшебнице, какое у меня осталось на всю жизнь - всё тоже благодаря этому вечеру, этой ночи, и этой песне.

Но настало утро, и нам надо было куда-то деваться. Мы выкупались, позагорали немного, зашли в привокзальное кафе позавтракать. И Настя, вздохнув, сказала:

- Что ж, пойдём домой, буду знакомить тебя с соседями!

Мы, по совету Насти, взяли в магазине две бутылки «Старки» (сосед, оказывается, «Старку» любит, а одна – для нас с Настей), закуску какую-то, и подошли к дому Насти. Я заметил и запомнил название улицы: «улица Любвина». Да провалиться мне на этом месте, если я вру! Именно – Любвина! Не знаю, кем был этот человек с такой замечательной фамилией, сохранилась ли эта улица и её название до сих пор, но более подходящего названия улицы для дома Насти и выдумать было нельзя!

Это был дом, по-научному - «ряжевой конструкции» или, проще, бревенчатой сруб с печным отоплением. У соседей было две комнаты, у Насти - одна; кухня общая, «удобства» - во дворе. Соседи – муж и жена лет по сорока, оказались людьми общительными; мы выпили на кухне, подружились, а сосед даже сказал, что так и надо Сашке, за то, что пил и дрался с Настей. За это сосед получил по лбу от жены, но Настя подтвердила, что так оно и было.

- А когда, провожала его в армию, то плакал и просил не изменять ему! – улыбаясь, но как-то жёстко сказала Настя. На этом разговор о Настинем муже прекратился, и мы, посидев ещё немного за столом, ушли «к себе».

Так как мне через день надо было тренироваться, да и у Насти были дела в Москве (практика в одном из вычислительных центров на проспекте Мира), мы решили наезжать в Тучково эпизодически. В Москве мы устраивались в комнате у Насти, приходя поздно вечером. В мою комнату Настя меня пустить не захотела.

Тренировался я в зале возле Курского вокзала, по другую его сторону от центра. Тренером был очень известный в наших спортивных кругах Израиль Бенцианович Механик, которого мы почему-то называли «дядя Лёва». Надо сказать, что ни любовь, ни пьянки не мешали мне тренироваться два-три раза в неделю. О качестве и пользе этих тренировок можно было спорить, хотя бы потому, что вес мой неуклонно падал, а должно было быть наоборот. Приехал я в Москву весом в 63 килограмма, а к соревнованиям был всего 58. Впору было согнать ещё 2 килограмма и перейти в легчайший вес. Но я не стал этого делать.

В это время члены грузинской сборной тренировались в курортном Боржоми, нормально питались и отдыхали. Тренер сборной Дмитрий Иосифович Копцов поставил меня вторым номером, он привёз мне из Боржоми мериносовый «олимпийский» спортивный костюм, мериносовую же «финку» - майку с трусами, в которой выступают штангисты, кожаный широкий

пояс и ботинки-штангетки. Кроме того, он передал мне 700 рублей, вырученных за мои «боржомские» талоны на питание, которые выдавались спортсменам. Московские талоны обеспечивали мне питание в Москве.

В нашем же зале почему-то тренировались глухонемые спортсмены. Правда, говорить-то они говорили, но очень странно. Был среди них один очень сильный тяжеловес по имени Женя, весивший килограммов 160. Так, он цифру «сто сорок» произносил как «то торок» - это был его любимый вес в рывке. Не слышал он, как нам казалось, ничего.

И вот однажды в душевой, куда я с приятелем-спортсменом моего же веса, зашёл после тренировки, уже мылся наш глухонемой Женя. Мы с приятелем заспорили, слышит он или нет. Я говорил, что немного должен слышать, иначе бы не смог разговаривать. Приятель же утверждал, что он не слышит ничего. И в подтверждение своих слов он стал сзади Жени и закричал: «Эй ты, глухая тетеря!»

Женя спокойно пошёл к выходу и запер дверь в душевую. Затем открыл почему-то холодную воду в душе во весь напор. После этого он схватил нас, как котят, за шеи обеими руками и подставил под ледяной душ. Подержав так с полминуты, посмотрел нам прямо в глаза своими огромными, налитыми кровью глазищами и спросил:

- Тватит или ечо?

- Тватит, тватит! – хором закричали мы, для наглядности кивая головами.

Женя, опять же за шеи, вывел нас за дверь душевой, вытолкнул голых в коридор и, сказав: «Пододёте!», запер дверь. Вот мы и ждали под смех спортсменов, пока Женя не помоется и не выйдет из душевой. А тренер, догадавшись, в чём дело, серьёзно сказал нам:

- Дразнили, наверное? Почему-то все, кому ни лень, дразнят этого Женю за спиной. Хорошо, что не ударил, а то бы долго входили в форму!

Из этого происшествия мы сделали два вывода: что глухонемые всё-таки что-то слышат, может даже через пол, и что дразнить их не следует, потому, что можно получить. Противостоять же спортсмену, который весит больше тебя вдвое – безнадёжное занятие. Здесь каждый килограмм играет большую роль, фактически - во сколько раз тяжелее спортсмен, во столько же раз он и сильнее.

Как-то после очередного пребывания в Тучково, я утром поехал по делам в Москву. Позвонил дяде, а он пригласил зайти к нему пообедать. Я и зашёл, зная, что и обед и выпивка будут отменные. Ну, как положено, придя в гости и поздоровавшись, отправился в «санузел» вымыть руки и «оправиться».

А надо вам сказать, что, боясь забеременеть, Настя требовала, чтобы я предохранялся. Не зная, куда девать потом эти резинки, я заворачивал их в носовой платок, надеясь при удобном случае избавиться от них, сохранив единственный мой платок. Санузел был совмещённым, я вытряхнул лишние предметы из платка в унитаз (совершив огромную ошибку!), и принялся стирать платочек под краном. Спустил воду в унитазе раз, спустил два – «вещдоки» мои не тонут!

Потом бывалые люди говорили мне, что их ни за что нельзя сбрасывать в унитаз – не смоятся. Но это потом, а теперь я не мог выйти из санузла. Дядя уже стучал в дверь и спрашивал, не заснул ли я. Мне оставалось только брезгливо засунуть руку в унитаз, снова отловить неугомонные резинки, помыть их, сложить поплотнее и завернуть в туалетную бумагу. Потом уже на улице, я, озираясь по сторонам, бросил этот пакет в урну. Сейчас, наверное, меня посчитали бы за такое неадекватное поведение террористом и, схватив, заставили бы вытащить пакет и показать, что в нём находится. Больше я так неосмотрительно не поступал и вам не советую!

И ещё один случай произошёл у меня связанный с дядей и Настей. Как-то я несколько дней не видел Настю, очень скучал по ней, тем более наступало время соревнований, и ко мне завтра должна была приехать жена – «болеть» за меня. Остановиться мы должны были у дяди, вот я и зашёл к нему предупредить обо всём, а заодно и повидаться. А когда я уже собирался уходить, дядя спросил, когда я вернусь. И узнав, что я собираюсь вернуться лишь завтра, почему-то страшно разнервничался. Он обвинил меня в желании гульнуть перед приездом жены и ещё чёрт знает в чём. Но я обещал Насте приехать вечером и обмануть её я не мог. С другой стороны, дядя потребовал с меня честное слово, что я сегодня же вернусь и переночую у него.

Я бегом бросился к такси и еле успел к поезду на Можайск. Когда я приехал в Тучково был уже вечер. Я постучал в дверь, увидел счастливое лицо Насти и сразу же её огорошил:

- Я должен сейчас же ехать обратно в Москву, я обещал дяде приехать вечером, честное слово дал!

- Ты действительно дурак, или хитришь со мной? – спросила Настя. Но, уже зная о моей педантичности, она с горечью констатировала: - Конечно же, дурак! Мы что, так и не ляжем? – почти с гневом спросила она. И когда я покачал головой, с истерическим интересом спросила:

- А какого ... тогда ты ехал сюда?

- Я ведь тебе слово дал вечером приехать!

Настя в сердцах захлопнула дверь, потом снова открыла её и вслед мне прокричала (я первый раз услышал, как кричит молчунья-Настя):

- Если не вернёшься сейчас же, то пожалеешь об этом! Сильно пожалеешь! – Настя была взбешена.

Полжизни я бы отдал за то, чтобы иметь возможность вернуться и остаться с любимой женщиной на ночь. Но я ведь дал слово!

Я знаю, что и один процент нормальных людей не поверит в то, что я всё-таки уехал. Но, может, найдётся из тысячи один такой же дурной педант, и тогда он поймёт меня! На всякий случай, я клянусь, что дело обстояло именно так – я вернулся в Москву. И что ж, я был жестоко, но справедливо наказан.

Возвращался я поздно, спешил, бежал. К полуночи я уже звонил в дверь дяде. Звонил минуту, другую. Наконец, заспанный дядя Жора открывает дверь и с удивлением смотрит на меня:

- А ты же сказал, что не придёшь ночью?

Я чуть не умер с досады.

- Я же слово дал, знал бы ты, чего мне стоило выполнить его! – чуть ни со слезами причитал я.

- Подумаешь - слово! – зевая, проговорил дядя Жора, - твоё слово: захотел – дал, захотел – взял! Да кто вообще сейчас слово держит, ты что, дурной? Или у вас в Тбилиси все слово держат?

Я был раздавлен – да, в Тбилиси не любят держать слово, и я мог бы этим мотивировать, оставшись у Насти. Но не ехать же снова в Тучково – поездов больше не было, да и пустила бы меня назад Настя после всего, что произошло – неизвестно!

- А вдруг, она уже не одна? – от этой мысли я чуть не лишился последнего ума, во всяком случае «крыша» съехала почти на три четверти.

Я зашёл на кухню и слёзно попросил у дядиной тётки, доброй женщины Марии Павловны, которая проснулась и слушала, о чём мы говорили, водки. Мария Павловна, тихо сунула мне в руку бутылку: «Водки нет, но возьми - это моя чача!»

Я упросил Марию Павловну выпить со мной хоть напёрсток, и, выпив за разговором остальную часть бутылки, рассказал ей всё, совершенно всё. Мария Павловна, где смеялась, где хмурилась, но под конец, подытожила:

- Если бы я не знала, что ты отличник, то решила бы, что ты - полный дурак. Но так как дураки отличниками не бывают, значит - ты из прошлого века. Или, - засмеялась она, ты – герой рассказа Аркадия Гайдара «Честное слово». Но тогда ты – натуральный дурак, хотя и отличник!

Для тех, кто не читал рассказа Аркадия Гайдара – не путать с Егором Гайдаром, его внуком – поясню, что там пионер дал какому-то хмырю слово постоять на «вахте» и стоял так почти до ночи, пока его не освободил, якобы, «старший по званию». Козьма Прутков писал и о другом примере подобной педантичности, когда Жан-Жак Руссо дал слово аббату де Сугерию подождать его, пока тот сходит по нужде, и так ждал три дня, пока не умер на этом же месте от голода. В общем, оказывается, у меня были предшественники – педанты! Я дополз до выделенной мне кровати и, не раздеваясь, заснул прямо на одеяле.

Соревнования

Моя жена Лиля приехала поездом, я её встречал (тогда было принято давать телеграммы на почтовые отделения, прямо как во времена Конан Дойла). Остановились мы сперва у дяди Жоры, а потом, узнав, что наших насильниц - соседок отселили, я перевёз её в мою комнату в общежитие, сделав соответствующий взнос Немцову. Лиля уже была беременна, но этого видно почти не было, и выглядела она вполне нормальной женщиной. Оказавшись в комнате, где бывала Настя, она тут же обнаружила ряд предметов, на которые я не обратил бы внимания, выдающие былое присутствие в помещении женщины. Конечно же, вся вина была возложена на Толика, благо он был далеко и не появлялся. Про то, как нас «опустили» соседки, я тоже промолчал.

Тренер объявил мне место и время начала соревнований, к сожалению, я уже и позабыл это место. Помню только, что ехать надо было далеко – сначала на метро, потом на автобусе.

Команду полулегковесов построили по росту – и я, как всегда, оказался самым высоким, чуть ли ни на голову выше следующего за мной спортсмена. Ещё бы - 58 килограммов при росте 172 сантиметра – это не параметры штангиста. Средний рост хорошего штангиста-полулегковеса – примерно 155 сантиметров. Всё бы ничего, но мне полагалось в таком случае вести «парад», докладывать что-то главному судье соревнований и т.д. Я наотрез отказался делать то, чего совершенно не умел, и место ведущего тут же занял опытный Алексей Вахонин, чемпион мира в легчайшем весе, уж точно на голову меньше меня ростом. Почему Вахонину понадобилось переходить в невыгодный для него полулёгкий вес – осталось неизвестным, но он легко и непринуждённо провёл всю «официальщину» за меня.

Соревнования по штанге, а тогда они проводились по классическому троеборью – жим, рывок и толчок двумя руками, включали в себя по три подхода к каждому движению. Максимальная пауза на отдых – 3 минуты. Вес можно было только повышать от подхода к подходу, но если подход не выполнялся, то давали повтор. Если в трёх подходах вес не был зафиксирован, то спортсмен получал нулевую оценку – «баранку» и фактически выбывал из соревнований. Спортсмен выступал на тяжёлом и крепком помосте, стянутом из поставленных на ребро толстых досок длинными стальными болтами. Судили соревнования трое судей – передний, боковой и главный. Каждый имел две лампочки – белую («вес взят») и красную («попытка»). Итог подводил главный судья. Для разминки выделялись специальные комнаты с помостами, куда пускались и тренеры. Вот, пожалуй, и всё.

Коротко о трёх «движениях» спортсменов. Первым шёл жим – самое силовое, но и самое «кляузное» из движений. Судить его было очень трудно. По правилам запрещалось почти всё – поворачиваться, отклоняться, даже пошевелить ногой, перекашивать штангу, как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости, останавливать её в движении и т.д. и т.п. Ну, скажите, каким прибором уследить, перекашивается ли штанга? На сколько градусов она имеет право перекашиваться? И так далее. Ясно, что всё отдавалось на откуп судьям, и часто происходили казусы – бывало, что у всех спортсменов «жим» переставали «считать». Дескать, было отклонение назад. А можно ли вообще поднять штангу, не отклоняясь? Нет, подбородок помешает! В общем, вся эта ахиня с жимом окончилась в 1972 году, когда это движение отменили. Соревнования по штанге стали неинтересными, сами спортсмены потеряли в объёме и силе плечевого пояса и стали похожи (простите, коллеги!) на этикие брёвнышки («120-120-120» - талию, где будем делать?»). А раньше штангисты, например, знаменитый Томми Коно, выигрывали первенства и по красоте тела («Мистер Универсул», «Мистер Мир»), вместе с культуристами. Но что произошло, того не вернёшь! Так вот у меня как раз жим и был силен; не скажу, что я был таким богатырём, но я исполнял жим хитро, так, что судьи считали.

Рывок производился одним движением – штанга взмывала на вытянутые руки спортсмена, который при этом подседал. Толчок выполнялся в два приёма – сперва штанга с пола переходила на грудь спортсмена, а затем, после короткой передышки – на вытянутые руки над головой. Тоже, конечно, было много «запретов», но хоть судить можно было почти объективно.

Перед соревнованиями проходило взвешивание. Обычно спортсмены «гоняли» вес - до трёх, четырёх и даже пяти с лишним килограммов. Сбрасывали штангисты вес перед соревнованиями, чтобы остаться в выгодной, более лёгкой весовой категории. Организм

обезвоживался до предела, движения замедлялись, спортсмен напоминал засушенный фрукт. Помню, в такой период я случайно порезал себе руку – кровь медленно выступала этакими шариками и тут же застывала, как смола на сливе.

Но после взвешивания, если вес был «сдан», спортсмены начинали медленно пить тёплый чай с большим количеством глюкозы, мёда и аскорбинки. Два-три литра жидкости – и наш высохший «фрукт» разглаживался, веселел, приобретал прыткость и силу – одним словом, был готов к «труду и обороне». Мне, к сожалению, этого делать было не нужно – итак двух килограммов не хватало.

Начались выступления спортсменов. Мой коллега по команде – первый номер, который тренировался «по системе», жил в Боржоме на сборах месяц, не позволял себе ни водки, ни женщин, под присмотром строгого Копцова, окончил жим на 80 килограммах, когда я ещё и не начал подходы. Помню, что я начал подходить последним, к весу 97, 5 кг. Выжав, я прибавил 5 кг, и к этому весу уже никто другой не подходил. Выжав 102,5 кг, я оказался лидером. Я уже не помню, почему так произошло – то ли команда наша шла не под первым номером, то ли вес действительно был большим – на 7,5 кг выше нормы мастера спорта. Хотел, было, подойти к 105 кг, но передумал – силы начали катастрофически пропадать, сказывались все перечисленные излишества, плюс нервотрёпка.

В рывке «первый номер» показал тоже 80 кг и тогда тренер полностью переключился на меня – он и массировал мне руки и давал нюхать нашатырный спирт. Стало понятно, что «первый номер» не тянет даже на зачётную норму.

Я начал рывок с веса 85 кг и два раза ронял его. Рывок – это не моё движение – выбросишь штангу вверх и сидишь в подседе, как курица на насесте, не ведая, что делается у тебя за головой. Вот штанга и падает. Назревала явная баранка. Тут тренер применил «силовой» приём – начал кричать на меня: я, дескать, и на сборы не поехал, и не жил вместе со всеми, пил и гулял – а теперь, если «зачёт» не сдам – «поговорим в другом месте!» Заявление это испугало меня, я не хотел терять репутацию в институте. Сосредоточившись, удержал над головой эти несчастные 85 килограммов. Теперь, чтобы попасть в «зачёт» мне хватало вытолкнуть всего 100 килограммов, то есть даже меньше жима. Копцов назначил мне именно этот вес. Я оскорбился и хотел переменить хотя бы на 110, но тренер доверительно сказал: «Дай мне «зачёт», а потом иди хоть на 140 и поднимай его староконтинентальным способом! Призового места ты не займёшь, а «зачёт» мне позарез нужен!»

Поднимая эти, казалось бы, ничтожные 100 кг, я понял, насколько был прав тренер: сил почти не было – наступала спортивная импотенция. Эти 100 кг в толчке я поднимал труднее, чем 102,5 жимом. Хотя в толчке нужно поднимать процентов на 20-40 больше, чем в жиме. Я всё-таки подошёл на 110 килограммов, но это был не подход, а смех и слёзы. Вес водил меня, как пьяного, я чуть ни вышел за пределы помоста – боковой судья даже сорвался со своего столика и отбежал подальше. Наконец, под смех зала, я остановился, и вес засчитали. Чуть ни на карачках я отполз с помоста и тренер, подхватив меня, отвёл в разминочную.

- Молодец, заслуживаешь сто грамм! – одобрительно похлопывал он меня по плечу и совал в нос его любимый нашатырный спирт.

- Сто грамм! – умоляющим тоном повторил я его последние слова, но тренер замахал руками, - ты что, хочешь, чтобы нас дисквалифицировали! Выходи в зал и там пусть кто хочет и даёт тебе твои сто грамм – но только не я!

Я выполз в зал, там меня встретила жена, а с ней и пришедшие болеть мои приятели. Сто грамм и даже чуть больше нашлись; я выпил их с горячим чаем, аскорбинкой и мёдом. Силы вернулись и я, казалось, готов был выступать по-новой. Но меня увели из зала, я не смотрел дальнейших соревнований и не участвовал в заключительном параде. Потом мне сказали, что в жиме я так и остался первым, а по сумме троеборья вошёл в десятку.

Бесплатный билет на поезд обратно мне полагался как участнику, у жены обратный билет уже имелся. Осталось ещё немного денег и талоны, что мы благополучно и пропили. Накануне отъезда я разыскал Настю, поведал ей о моих делах и стал прощаться.

- Я должен зимой приехать, я хочу видеть тебя, ты ведь простишь меня, не правда ли? – скороговоркой высказал я, пытаюсь заглянуть ей в глаза. Настя отрешённо смотрела куда-то вниз и странно улыбалась. Под конец она подняла глаза на меня, продолжая улыбаться одними губами. Но во взгляде её, как уже упоминал об этом, я прочёл судьбу нашей любви, и она не показалась мне оптимистичной.

Я быстро поцеловал её, она не отворачивалась, но и не отвечала мне. Отойдя на несколько шагов, я обернулся и увидел на лице Насти тот же взгляд и ту же улыбку. Я ссутулился, опустил голову и пошёл туда, куда надо было идти ...

Зимний визит в Москву

Вернувшись в Тбилиси, я лихорадочно принялся за чертежи. Делать их я не умел, как не умеет, пожалуй, даже самый лучший студент, не имевший дела с реальным производством. Да и на кафедре мне не очень-то могли помочь – производственников там не было. Я обложился справочниками и, как мог, выполнял чертежи. Кафедра помогала мне хоть тем, что ставила отличные оценки за то, что я фактически не сдавал.

Наступила осень, а затем и зима. В конце декабря у жены начались роды, и 26 декабря она родила сына, которого в честь моего отца назвали Владимиром. Потом уже я узнал, что нельзя называть ребёнка в честь умершего, а тем более, погибшего деда. Вроде, имя умершего будет довлеть над ним. Ребёнок еле выжил после родов; какое-то время в роддоме говорили, что мы должны смириться с его потерей. Но ребёнок выжил; правда, век его был недолог - в 41 год он умер от инсульта. Владимир был дважды женат – первый раз на польке, второй – на гречанке. От первого брака у него остались сын и дочка - мои внук и внучка, которые теперь учатся и живут в Польше, и у которых там уже родилась дочка – моя правнучка. Дожил-таки я до правнуков! По научной линии сын не пошёл, но получил инженерное образование. Его «носило» по свету: он жил в Тбилиси, Тольятти, Курске, Сухуми, Москве, Орехово-Зуеве (где и умер), а также в Германии, Австрии, Греции. У него были большие склонности к изобразительному творчеству – он вырезал художественные изделия из дерева, изготавливал ювелирные изделия из металлов, рисовал. Но серьёзно он ничем так и не занялся – постоянно менял места жительства и род занятий. Но самое лучшее, что он сделал – оставил двоих детей, которые, дай Бог, проживут лучшую жизнь, возможно, в стабильной и благополучной Европе.

Надо сказать, что переход от холотского социализма к криминальному капитализму у нас в стране сломал много судеб, особенно людей несильных духом и излишне чувствительных. Но, безусловно, этот переход от совершенно нереального, надуманного «царства небесного» на Земле, причём в отдельно взятой стране, был необходим. Но «хотели - как лучше, а получилось - как всегда», совсем как в крылатой фразе нашего бывшего премьера Черномырдина.

В январе я закончил чертежи, сделали, как было тогда положено, с них кальки, с калек – светоконии – «синьки». Затем, выхлопотав себе командировку по студенческой научной линии, я поехал недели на две в Москву. Первым делом я зашёл в общежитие МИИТа. Опять было каникулярное время (окончилась зимняя сессия) и комнаты были свободны. «Мой друг» Немцов выделил мне койко-место аж на две недели. Я помчался на четвёртый этаж в комнату, где жили Зина с Настей.

Стучу в дверь и чувствую, что стук сердца превосходит по громкости стук в дверь. Зина оказалась дома, встретила она меня приветливо, но странно. Рассказала, что Настя у себя в Тучково и если я хочу, то могу туда поехать.

- Если рискнёшь! - добавила она.

- А в чём риск-то? – поинтересовался я.

- А в том, что Настя – женщина свободная, имеет же она право завести кого хочет. Но в Тучково, она, конечно, никого больше не пустит – пойдут разговоры! Да, кстати, - продолжала

Зина, - теперь я тоже женщина свободная – мы с Толей разошлись! - Зина внимательно посмотрела на меня, и я её взгляд понял.

У нас с ней с самого начала была взаимная симпатия, но я заглянул к себе в душу и понял, что Настю я люблю, и поэтому не могу – даже не морально, а чисто физически, не могу променять её на другую. Даже параллельно с ней не могу быть близким с другой женщиной. Жена – это как сестра, мать, родственница - одним словом, а любимая женщина, причём страстно любимая – это совершенно другая материя. Можно иметь жену и любимую женщину, но иметь двух и более любимых женщин, а тем более одну любимую и ещё одну и более - обычных, нелюбимых – это не для пылкого юноши, которому только исполнилось двадцать. Потом – в тридцать, сорок, пятьдесят - это возможно, и, как показала жизнь, иногда даже нужно. Но, повторяю, не для двадцатилетнего педанта, кандидата в герои рассказа Гайдара «Честное слово».

И я рванул в Тучково, захватив пару бутылок «Старки». Душа моя, буквально, бежала впереди электрички, как я сам когда-то в детстве впереди паровоза. Бегом я добрался от станции, до любимой улицы Любвина, нашёл дом Насти и позвонил в дверь с продранной чёрной дерматиновой обивкой, из-под которой торчала серая вата. И – бывают же чудеса – дверь открыла сама Настя в халатике на голое тело. Она быстро втянула меня внутрь дома и захлопнула дверь.

- Ты? – совершенно искренне изумилась она, - откуда ты знаешь, что я здесь? Как ты рискнул – а вдруг я не одна?

- Настя, я люблю тебя и полагаю, что моя любовь не позволит тебе изменить мне! – патетически выпалил я совершенно глупую фразу.

- Не позволит, конечно, не позволит, - соглашалась Настя, снимая с меня пальто. – Соседей нет дома, уехали на неделю – ты понимаешь, мы - одни! Можем бегать голыми по всей квартире и делать что хотим! – пританцовывая вокруг меня, говорила Настя. Она скинула халатик, и, взяв меня за плечи, пыталась показать, как это мы будем бегать, в чём мать родила, по квартире. Я вынул бутылки из портфеля с чертежами, поставил их на стол и принялся энергично раздеваться.

В доме было хорошо натоплено, мы голяком сидели на общей кухне, пили старку «за любовь» и закусывали квашеной капустой – единственным, что было съедобного у Насти. Потом – перешли в комнату Насти, на её самую лучшую в мире постель, с самыми лучшими в мире перинами и подушками.

- Настя, а я ведь без этих ... ну, резинок, одним словом, - пытался я установить «формат» нашей встречи. Но Настя прикрыла мне рот ладонью и только повторяла: «Молчи, молчи, молчи ...». И я благодарно целовал её в мягкую тёплую ладонь... А теперь, когда происходящее складывалось для меня самым счастливым образом, поясню, почему всё так получилось, и что этому предшествовало. Всё равно - всё тайное становится явным, и оно стало таковым из «показаний» Зины, самой Насти, Толика, ещё кое-кого. И чего тянуть резину – расскажу всё, как было, прямо сейчас!

А было вот что. Вскоре после моего отъезда в Тбилиси Зина познакомила Настю со своим приятелем, тоже студентом МИИТа – Шуриком, проживающим в том же общежитии. Шурик – щуплый, прыщавый блондин, оперировавший, в основном, зековской терминологией, но ничего общего с зеками не имевший. Трусоватый, но брэнчавший на гитаре, Шурик пришёлся по сердцу Насте, испытывающей после моего отъезда с женой определённый дискомфорт. Зина, видимо завидовавшая нашей с Настей любви, сделала всё, чтобы Настя сошлась с Шуриком. Толик потом говорил мне, что Зина была недовольна таким раскладом, который у нас получился. Она хотела бы (по словам Толика) быть со мной, а Толика передать Насте. По её словам, я тут же бросил бы жену и женился бы на ней; при этом Зина говорила, что парень я «перспективный», и для такой «мямли», как Настя, слишком хорош. На этой почве честный и прямой Толик разругался с Зиной, и они расстались.

Шурик стал похаживать в комнату девушек и оставаться иногда на ночь с Настей, что бесило Зину. Вот Зина и устроила перед каникулами скандал Шурику, чтобы он искал другое место для интимных встреч. Настя во время их ссоры помалкивала, скромно потупив глаза. Тогда Шурик,

послав их обеих подальше, отправился на каникулы на родину - в город Сасово Рязанской области. А Настя, оставшись без кавалера, уехала грустить к себе в Тучково. Шурика брать с собой она не решилась, да и ссора произошла раньше, чем она успела бы предложить ему это. Вот на такой беспрюгишный для меня вариант, я, сам того не подозревая, попал к Насте в Тучково.

Зима в Тучково – прелесть! Особенно если выбегать налегке из натопленного дома только в соседний магазин и, тут же опрометью – обратно. И все дни, и все ночи напролёт – вместе! Зная при этом, что срок счастья – всего каких-нибудь недели полторы. А там – полная неясность и почти никакой перспективы... Но хоть полторы недели – но полностью наши!

Первую неделю мы действительно все 24 часа были вместе. Даже в магазин налегке бегали вдвоём. Но в начале следующей недели я по утрам стал выезжать в Москву, главным образом в ЦНИИС, с чертежами. На Опытном заводе, куда передали чертежи, конечно же, над моими «каракулями» посмеялись, но заметили, что и из института не лучше приходят. Чертежи надо переделывать под оборудование завода, под имеющиеся материалы, под заводские «традиции», его «культуру» производства. Директор завода Нифонтов высказал мне свою любимую присказку: «Давайте назовём кошку кошкой!», и заверил, что к лету чертежи постараются откорректировать.

И ещё одно важное дело было сделано – на Опытный завод перевезли огромный скрепер Д-374. Но в связи с этим я дал, можно сказать, маху, и помню свою оплошность, по сей день.

Дмитрий Иванович Фёдоров договорился с начальником треста «Центрстроймеханизация» Михаилом Васильевичем Тимашковым, что я заеду к ним в трест к 11 часам утра, они соберут техническое совещание, и я расскажу, что мы собираемся делать со скрепером и для чего. А потом выделенный скрепер отбуксируют в ЦНИИС при моём участии.

Но я, провалявшись («назовём кошку кошкой», как говаривал Нифонтов!) лишний часок с Настей, опоздал на электричку; дальше был перерыв, и я прибыл в трест только в два часа дня. Выговор, который устроил мне Тимашков, я запомнил на всю жизнь:

- Вы, молодой человек, несостоятельны! Я собрал совещание, люди, которые хотели послушать вас, ждали два часа и, разочарованные, ушли! Если вы так будете себя вести в дальнейшем, то ничего путного в жизни не добьётесь! Идите! – сказал он мне, не глядя в глаза, и добавил, - а скрепер мы послали в ЦНИИС на Опытный завод, выделили тягач и послали! Стыдно вам! – и Тимашков выпроводил меня, не пожав руки.

Спасибо ему за урок! И хоть на нашей любимой Родине быть точным не «модно», теперь я лучше приду заранее (как мой дедушка на собрания!), но совесть моя будет чиста, и никто не обвинит меня в несостоятельности!

Я приехал на Опытный завод и увидел мой красавец-скрепер с опущенным до земли раскрытым ковшом, смотанными с лебёдок канатами, валяющимися на снегу, дышлом, уткнувшимся в сугроб. Прав был Вайнштейн – ведь «живого» то скрепера я до сих пор и не видел. Всё чертежи да фотографии, а вот это железное чудовище, у которого одно дышло весило 300 килограммов (я, под смех рабочих завода, пытался вытащить его из сугроба вручную!), я видел впервые. Что-то напомнило мне комбайн с копнителем, тоже прицепляемый к трактору, только в десять раз массивнее, тяжелее и прочнее! Это был мой мощный друг, с которым мы не расставались почти пять лет. Самые горестные и самые счастливые моменты в моей жизни теперь будут связаны с моим любимым железным «мамонтом» - скрепером Д-374, на который я собирался установить свой маховичный «толкатель»!

Всё хорошее быстро кончается и, вот наступил день моего отъезда в Тбилиси. Настя проводила меня до электрички, мы долго целовались, прощаясь. Она приглашала меня снова приехать и сказала, что будет ждать меня.

Печальная телепатия

В конце апреля 1960 года я собирался на тренировку, которая начиналась около шести часов вечера. Чувствовал я себя хорошо, погода была отличная. Апрель в Тбилиси превосходен –

всё цветёт, город как будто обрызган духами, яркое солнце, но ещё нет жары. Я бросал тренировочные принадлежности в чемоданчик – пояс, бандаж, штангетки, трико, как вдруг меня неожиданно качнуло в сторону. Впечатление такое, как при землетрясении – пол уходит из-под тебя. Я выправился, но снова и снова толчки в стороны - голова шла кругом, равновесие было совершенно потеряно. Я оцупью добрался до тахты, влез на неё и лёг. Мама налила мне валерьянки – тогда от всего лечили валерьянкой. Я чувствовал, как бешено колотится сердце, не хватает воздуха, силы совершенно покинули меня – руки не мог оторвать от тахты.

Постепенно сердце успокоилось, дыхание нормализовалось, голова перестала кружиться. Я легко привстал с тахты и прошёлся по комнате – всё недомогание закончилось бесследно. У меня не осталось и сомнения – надо идти на тренировку, как намечалось. Посмотрел на часы – пять минут шестого, успеваю с запасом. Подсобрал вещи и пошёл. Тренировка прошла хорошо, сил было даже больше, чем обычно.

Около половины восьмого весело возвращаюсь домой – у мамы и бабушки суровые лица. Бабушка протягивает мне телеграмму из Сухуми, я помню её наизусть: «Дорогие мои сегодня в пять часов скончался отец Дмитрий Иосифович Гулиа – Жора».

Так вот, в чём дело, сразу подумал я – время моего приступа совпало со временем смерти деда. Но почему только от смерти деда мне передался на расстоянии такой мощный импульс? Ведь умирали же у меня и другие близкие люди – и ничего! Мама умерла вообще в соседней комнате, почти в том же возрасте, что и бабушка – никакой телепатии, утром заглядывая к ней в комнату, я и поверить не мог, что её уже нет в живых.

Я не специалист по телепатии, но уверен, что она в этот момент была - поступил сильнейший сигнал от умирающего деда ко мне, и удивительно, что только ко мне – ни у кого другого из близких родственников сходных ощущений не возникло. Может быть потому, что мы с дедом были очень схожи и по характеру, и по поведению, и по отношению к жизни?

Мы с мамой на следующий же день выехали в Сухуми и прибыли как раз к панихиде, которая состоялась в Доме литератора. Меня, да и не только меня одного, поразило, как выглядел бабушка – лицо розовое, ни одной морщинки, как живой спящий человек. Притом, что он болел диабетом почти сорок лет, а под конец жизни, практически ослеп и оглох. Да и внешне выглядел он неважно – совершенно высохший, бледный старик. А тут – помолодевший и румяный! Бабушка никак не могла успокоиться – она говорила всем и каждому: «Посмотрите на него, как он выглядит - ни одной морщинки!»

На следующий день гроб перенесли в здание театра им. Самсона Чанба, что в центре Сухума, на набережной Руставели. Два дня проходили панихиды в здании театра, народ шёл непрерывным потоком. Казалось, во всём Сухуме, во всей Абхазии нет столько людей, сколько проходило мимо его гроба.

Характерно ещё одно: хоронили деда в Сухуме, а ночевали мы с мамой, да и все близкие родственники - в загородном доме в Агудзера. А по дороге мама захотела купить цветы на похороны. И вот парадокс – в конце апреля, когда в Абхазии цветёт всё, когда цветы можно собирать с любого куста, с любого дерева – цветов в продаже не оказалось.

- Вы что не знаете, где сегодня все цветы? – сурово спросила нас продавщица, - все цветы сегодня у Дмитрия Гулиа, и ничего больше не осталось!

Во время панихиды и митинга на центральной площади Сухуми вдруг заморосил небольшой дождик. И люди мигом догадались снять с магазинной витрины гнутое стекло и покрыть им открытый гроб.

Похоронили деда в саду филармонии в центре Сухуми. В подготовленной бетонированной яме был заготовлен массивный железный ящик, погружённый в расплавленный битум – гидроизоляцию. Гроб стали опускать в этот железный ящик и обнаружили, что он не проходит по длине. Тут же отпилили в районе ног небольшую полоску дерева, и гроб прошёл в ящик. Железный ящик покрыли железной же плитой и эту плиту несколько сварщиков приварили к ящику толстым и плотным швом. А сверху уже закрытый ящик снова залили битумом, а сверху – бетоном.

Бабушка при этом постоянно спрашивала у дяди Жоры – своего сына:

- Для чего это, Жорочка, для чего так сильно закрывают?

- Мама, это же на тысячелетия! - скороговоркой отвечал взволнованный Жора.

Позже на могиле деда установили гранитный бюст. Дед изображён таким энергичным прямым красавцем-мужчиной в галстук. А в жизни он был сутулым, нерешительным в движениях, и в галстук, я лично его никогда не видел. Конечно, хорошо, что у народного поэта такой энергичный и жизнерадостный вид. Как Гоголь на Гоголевском бульваре в Москве – весёлый и жизнерадостный! Но у Гоголя есть и другой памятник – в сквере на Арбате, более отражающий его внутреннее состояние. Так и у моего деда есть памятник в Тбилиси в районе Ортачала. Там дед сидит в кресле, у него задумчивый и сосредоточенный вид. На мой взгляд, конечно, этот памятник больше похож на реального Дмитрия Гулиа. Кстати, памятник цел, и слухи о том, что его снесли грузины во время грузино-абхазской войны, не обоснованы.

Я помню «дедушку Дмитрия», когда он по утрам вставал с постели и, надев пижаму, выходил со своей любимой палкой на застеклённую веранду, где мы обычно обедали. Эта веранда играла роль холла, где кто-нибудь постоянно находился. Усы у деда утром хаотично торчали в разные стороны, и если он был в плохом настроении, то громко говорил: «Кхм!» и, палкой или ногами, расталкивал стулья, попадающиеся на его пути. Он шёл к своему любимому плетённому креслу на открытой части веранды, где виноградник особенно густо обвивал перила, и казалось, что кресло подвешено на виноградной лозе. Там, в этом кресле, дед сидел часами.

Если же настроение деда с утра было хорошим, то он, проходя по веранде, затягивал абхазскую песню:

- «Оу райда, сиуа райда, оу!» - и так далее, или другую:

- «Оре раша, раша орера, оу!» - с соответствующим продолжением (если, конечно, я правильно передал эти звуки в русской транскрипции).

Или, указывая на сливочное масло, которое обычно стояло в маслёнке на холодильнике, спрашивал бабушку:

- Лёля, это масло или сало?

- Масло, Дыма, масло! – начиная сердиться, отвечала бабушка. Она звук «и» произносила твёрдо, и получалось что-то вроде: «Дыма».

- А где сало? – тем же тоном спрашивал дедушка.

- Нэту у нас сала, Дыма, нэту! – заводилась бабушка.

- Кхм! – произносил дед и шёл дальше.

Эти вопросы я слышал каждый день. Видимо, дедушка их задавал автоматически, думая совершенно о другом. А если он видел на веранде меня, то заходил, с его точки зрения, незаметно сбоку, и быстро ухватывал меня за шею крючковой рукояткой своей палки. Затем притягивал меня этим «крючком» к себе и, делая страшные глаза, произносил армянские слова: «Инч хабарес? Глхт котрац?» (Искажённо по-армянски: «В чём дело? Голову разбил?»). Мне кажется, что он и не вникал в суть произносимого. Ему или нравилась, или, может, его раздражала сама музыка этих фраз; согласитесь, она необычна!

Утром каждый день приходила медсестра делать ему укол инсулина. Он очень неохотно соглашался на укол, постоянно повторяя: «Кхм!». А если было больно, то громко причитал: «Ай-яй-яй, ай-яй-яй!».

Дед очень не любил своей диабетической диеты, и когда представлялась возможность, хватал запрещённый ему продукт, допустим, солёный огурец, и пытался улизнуть от бабушки, по дороге съедая этот огурец.

Однажды я увидел деда, когда ему впервые показали электрическую бритву. Он, сидя за столом перед зеркалом, долго рассматривал её, то включая, то выключая, и приговаривал: «Придумают же такое, надо же!».

Обеды в доме готовились или на дровяной печке или на электроплитке. Газа, разумеется, не было и в помине. И вот электроплитка как-то раз перегорает. В сороковых-пятидесятых годах спирали у плиток были открытыми, их свободно можно было вынимать. Перегоревшую плитку обычно выбрасывали и покупали новую. Починять их никто не умел. А я взял и соединил концы

перегоревшей спирали, ещё и, как следует, укоротив её. Спираль, естественно, накалилась на славу. И вот я слышу как-то вечером разговор деда с бабушкой.

- Лёля, ты знаешь наш Нурик – гений!

- Почему, Дыма?

- Плитка сгорела, а он починил её так, что она теперь огнём горит! Ты понимаешь, Лёля, на фабрике не могли так сделать, а ребёнок починил – и огнём горит!

Моей маме дедушка на полном серьёзе рассказывал, что воробей, который сейчас сидит на ветке – это его знакомый воробей.

- Ты понимаешь, Марго, я поехал отдыхать в Кисловодск, гляжу, а мой воробей за мной прилетел и сидит на ветке возле меня!

Мама, конечно же, соглашались с ним и ахала от удивления.

Я помню деда на праздновании его юбилея в Тбилиси в 1954 году, когда ему исполнилось 80 лет. Чествование происходило в театре Руставели – главном театре Тбилиси. Один из докладчиков, как и все, поздравил деда с юбилеем, а потом и говорит:

- Дмитрий Иосифович, вам уже 80 лет, а вы всё работаете и работаете! Пожалейте себя, отдохните, поживите в своё удовольствие!

Как только дед услышал эти слова, то тут же без спроса и регламента, вышел из президиума на трибуну к микрофону и громко сказал:

- Кхм! Если вы услышите, что Гулиа перестал работать, то знайте, что Гулиа умер! Не прекращу я работать, и не надейтесь! – он гневно стучал палкой по полу, и стук этот громкоподобно усиливался микрофоном.

Мы часто путешествовали на автомобиле по Абхазии с дедом, тётёй Татьяной (Татусей), и моим двоюродным братом Димой, который младше меня на 4 года. Дедушка знал много абхазских легенд, притч, поверий и т.д.

Проезжая как-то по шоссе между Гудаутами и Гагрой, он обратил внимание на плоский камень-островок, находящийся довольно далеко от берега. Каждая волна покрывала этот камень водой, и затем, когда она отходила, камень снова обнажался. Таким образом, камень этот, как бы, то тонул, то выплывал. Этот камень-остров имел своё название по-абхазски, что-то вроде «Камень Ахыц» (опять я могу ошибаться в транскрипции!). И дедушка сказал, что есть в Абхазии проклятие (а там любят проклинаться, мамалыгой их не корми!), которое переводится на русский язык так: «Чтобы тебе оказаться на камне Ахыц!» То есть, чтобы тебе постоянно тонуть и выплывать!

Какие-то легенды постоянно повторяют экскурсоводы по Абхазии, эти легенды уже успели набить оскомину. Например, про озеро Рица: что горы вокруг озера – это братья, сама Рица – сестра, а река Юпшара (страшная река в страшном ущелье, избави Бог даже во сне увидеть!) – это разбойник, который похитил Рицу. Но нужна богатая фантазия, чтобы эти все метаморфозы представить себе. А про камень Ахыц никто из экскурсоводов не рассказывает – а холодок по коже проходит. Не дай Бог очутиться на этом камне зимой, да ещё не умея плавать! Б-р-р!

Или, проезжая мимо какого-то селения, дедушка улыбнулся и рассказал (рассказ в моём изложении):

«В этом селении была корчма. Мой отец Урыс однажды остановился здесь, и у него ночью украли коня. Утром он созывает хозяев корчмы и заявляет им: «Или верните мне коня, или я сделаю то, что сделал мой отец Тыкуа, когда тридцать лет назад, в этой же корчме у него тоже украли коня!» Что такого ужасного сделал Тыкуа, он не говорит, но клянётся-божится, что непременно сделает это. И как на грех, никто из стариков не помнит, чтобы тридцать лет назад на корчму обрушились какие-нибудь страшные несчастья. Но любопытство взяло верх над природной кавказской клейптофилией (не ищите в словарях, это слово я только что придумал – «любовь к воровству» по-гречески!) и ему вернули коня. Но вежливо попросили рассказать-таки, что же сделал дед Дмитрия – Тыкуа, когда у него тридцать лет назад в этой корчме украли коня.

- А ничего особенного, - ответил Урыс, вскакивая на своего коня, - просто взвалил седло себе на шею и ушёл пешком!

Ну, всё, заканчиваю повествование, вспоминая слова бабушки, обращённые к молодым писателям Абхазии:

- Пишите, пожалуйста, чуть короче. И чуть веселее ...

Летняя практика в ЦНИИСе

Май и июнь прошли в хлопотах – теперь мне нужно было сдавать «за двоих» - задания, курсовые работы и проекты, лабораторки – жена сидела с ребёнком. И надо было обеспечивать отличные оценки для нас двоих, иначе – прощай повышенная, да и вообще - стипендия! Постепенно у меня с женой появлялись разногласия по разным вопросам, и её любимым ответом на мои доводы были слова: «Хорошо, тогда я брошу учёбу!». Или поступком – например, разорванным курсовым проектом. Проект-то был её, но делал-то его – я! Почему-то я считал, что брак – это на всю жизнь, и жена обязательно должна соответствовать мужу по образованию, эрудиции, спортивным и учёным званиям и т.д. Поэтому я и поднимал «уровень» жены во всех отношениях, преимущественно насильно. Насильно заставлял учить предметы, насильно выводил на пробежки, насильно учил английскому языку (немецкий, который она учила в группе, я считал неперспективным).

Бабушка рассказывала, что это обучение моей жены английскому языку напоминало ей то, как её брат – «дядя Саша», ставший в нашей семье «притчей во языцех», обучал свою мегрелку-жену - Надежду Гвитиевну Топурия, русскому языку.

Легендарный дядя Саша, служивший при царе в полицейском управлении детективом, прославился тем, что упустил уже пойманного им большевика-террориста Камо. Дядя Саша выследил Камо и преследовал его по бывшей Кирочной улице (там раньше была немецкая кирха) в Тбилиси. Камо, почувствовав «хвост», зашёл в часовню, где были выставлены гробы с покойниками для последующего отпевания. Дядя Саша панически боялся мертвецов, но по долгу службы зашёл туда за Камо. Тот стал истово молиться, дядя Саша, стоя в полутёмной часовне рядом с Камо, последовал его примеру. И вдруг, Камо медленно поворачивает к дяде Саше своё лицо, на котором изобразил страшнейшую гримасу. Камо был мастер по таким «прикидам», он несколько лет успешно изображал из себя сумасшедшего. Дядя Саша был очень нервным и возбудимым человеком; увидев страшную «рожу» Камо, да ещё в часовне с гробами, он истошно закричал и выбежал вон. Когда же детектив опомнился от ужаса и бросился обратно, Камо и след простыл. Всё сыскное отделение полиции смеялось над этим происшествием.

Дядя Саша женился несколько раз и всё как-то случайно. Когда бабушка спросила брата, почему он женился на мегрелке из деревни, которая не то, что русского, грузинского языка не знала, да к тому же была старше него на 5 лет, тот отвечал:

- А кто же ещё жениться на такой?

«Тётя Надя» пережила своего молодого мужа лет на 60 и умерла 105 лет от роду, воспитав четверых детей от дяди Саши, дала им всем высшее образование.

Но возвратимся к тому, как дядя Саша всё-таки учил свою мегрелку-жену русскому языку. Будучи полицейским, он привязывал жену к дереву, и начинал обучение русскому языку почему-то со слова «врач». Ну, какой мегрел сможет произнести слово «врач»? Да он язык сломает при этом! Поэтому тётя Надя произносила это слово как «рача».

- Ах, «рача», мегрельская рожа, я покажу тебе «рачу!» – орал дядя Саша и кидал в жену всеми попавшимися под руку предметами: яблоками, бутылками, тарелками, табуретом ...

- А ну, скажи, как положено - «врач»!

- «Рача!» - упрямо повторяла тётя Надя.

Не выдержав преподавательского труда, дядя Саша сбежал от тёти Нади к некоей Нюрке, с которой уехал куда-то в глубинку России, где и сгинул ...

Но я был природённым преподавателем – я выучил таки жену английскому лучше, чем она знала немецкий, который изучала и в школе, и в ВУЗе. Я просто прекратил говорить с ней по-русски... Но нервы-то тратились, и я всё чаще стремился уйти из дома куда-нибудь подальше.

Мечтал, конечно, о Москве, о Насте – днём, и ночью – во снах. Иногда называл жену Настей, ну и получал за это. Никому не советую жениться на силовых спортсменках – штангистках, боксёрках и тому подобных. Напомню, что Лиля была спортивной гимнасткой, а это тоже очень даже силовой вид спорта!

Но один важный вывод я при этом сделал – если одновременно «встречаешься» с несколькими дамами, то позаботься, чтобы их звали одинаково. Это же так легко сделать! Ну, не выбирай себе в подруги Гертруду, Степаниду или Домну, а – Машу, Настю, Олю или Тамару. Кстати, забегая вперёд, доложу, что в годы моего сексуального расцвета имя «Тамара» было очень даже популярно. И я избрал его в качестве эталонного. Многие годы подряд у меня были одни только Тамары, и параллельно и последовательно. Друзья даже прозвали меня «Тамароведом». Я даже и сейчас обвенчан с Тамарой.

Но это всё пришло гораздо позже, а пока наступила летняя сессия, после которой – летняя производственная практика в ЦНИИСе. И хотя ребят нашей специальности и так на практику направляли в ЦНИИС, я, не рассчитывая на случай, запасся соответствующим письмом оттуда. Жена же осталась на практике в Тбилиси, поближе к дому.

Но, наконец, прошла сессия, всё сдано на «отлично», и я еду в Москву! Со мной вместе едут студенты – мои целинные приятели – «старик» Серож Калашян, комсорг Левон Абрамян, весёлый парень-музыкант Толик Лукьянов, «Крисли» Сехниашвили - сын проректора, проводившего со мной собеседование. Все мы направлены на летнюю практику в ЦНИИС, и нас впятером поселяют в знакомое общежитие МИИТа в большую комнату на 2-м этаже.

Я в Тбилиси тайком откладывал деньги в «заначку», и по дороге в общежитие зашёл в ювелирный отдел Марьинского Мосторга и купил для Насти обручальное кольцо.

Я едва дождался вечера и, увидев с улицы, что в заветной комнате зажгёлся свет, бегом взлетел на четвёртый этаж и, еле сдерживая удары сердца, постучал в эту заветную комнату. Крик: «Да!». Открываю дверь – Настя с Зиной сидят вдвоём и пьют чай с баранками.

Увидев меня, девушки и не приподнялись со своих мест, только как-то странно переглянулись. Зина со словами «третий лишний» выпорхнула в коридор, а я, поцеловав Настю, сел на её место. Меня удивило, насколько холодной была наша встреча. «Стыдится Зины, наверное», - подумал я и протянул Насте коробку с кольцом.

- Что это? – недоверчиво спросила она, - но раскрыв коробку даже ахнула. Она быстро примерила кольцо, потом сняла его, посмотрела на внутреннюю сторону, убедилась, что оно золотое, и снова надела его, любуясь обновкой.

- Оно моё? – как-то загадочно спросила Настя, и, получив утвердительный ответ, сказала, - мне оно так нравится, я не верну его тебе! – и продолжила, - ты знаешь, я тебе изменила! Густо покраснев и потупив, как обычно, глаза, она продолжила: - я познакомилась с парнем, который неженат, который никуда не уезжает и который меня любит! Конечно, кольца золотые он мне не дарит, - и Настя снова залюбовалась колечком на руке, - парень он простой, не спортсмен, не изобретатель, но мне он нравится. Настя в упор посмотрела мне в глаза, - и я хочу остаться с ним! Ты меня понял? – спросила Настя, видя, что я продолжаю улыбаться, - ты ведь не бросишь из-за меня жену, а я не хочу жить одна. С Сашей я всё-таки разведусь, вот и выйду замуж за Шурика! А ты езжай к своей жене, - вдруг распалаясь, стала повышать голос Настя.

- Ничего не понимая, я встал и вышел из комнаты. У самых дверей стояла Зина и «переживала». Она взяла меня за руки и, волнуясь, рассказала то, о чём я уже упоминал ранее. Зина повторила, что она уже «свободная женщина», и что я ей нравлюсь.

- Зина, ты тоже мне нравишься, но ведь Настю я люблю, ты знаешь, что это такое? – шептал я ей, роняя слёзы. Зина, видя мои слёзы, заплакала сама.

- Хорошо, тогда я скажу тебе всё, - вдруг решила она, - Настя не любит Шурика, а ты ей очень по сердцу, может она даже любит тебя. Но он свободен, понимаешь, и намекает, что если Настя разведётся, то он женится на ней! Вот она и не знает, как поступать! Лучше синица в руках... Если ты пообещаешь, что разведёшься, то Настя снова будет твоей! - Видя, что я замотал головой, Зина резко сказала: «А ты соври, ты что, с неба свалился? Соври, как все мужики! Этот Шурик – никчёмность, я его терпеть не могу! Зря я вам с Настей воду замутила, хотела тебя

закадрить, а ты какой-то несовременный – заладил своё: «люблю да люблю!» Решай – я тебе всё рассказала! - и Зина, пожав мне запястья, зашла в комнату.

Я не знал, куда и деваться. Стоять здесь перед закрытой дверью было бессмысленно. Идти к себе в комнату и веселиться вместе с ребятами – не хотелось. Что-то надо было решать, но что – непонятно. Я чувствовал, что теряю что-то важное в жизни, но как поступать – не представлял себе.

Жизнь опять оказалась «богаче планов» – к дверям заветной комнаты подошёл нетвёрдой походкой худенький парень. Стукнув в дверь, он смело открыл её и вошёл. Я понял, что это был Шурик, мой соперник. Кровь прилила мне в голову, но войти в комнату я не решился. Но дверь опять открылась и из комнаты резко вышла Зина. Увидев меня, она за руку, почти насильно, затащила меня внутрь и сказала Насте:

- Разберитесь тут втроём, а я погуляю!

Настя сидела за столом, Шурик, развалился на её койке. Было видно, что он «подшофе». Невыразительное угреватое лицо, русые выщипанные волосы с «чубчиком». Соперник уставился на меня светлыми водянистыми глазами и молчал. Настя сидела, по обыкновению опустив глаза. Я сел на стул Зины и понял, что разговор надо начинать мне.

- Я так понимаю, что Шурик знает, кто я такой, кем прихожусь Насте, да и я знаю про ваши дела. Я люблю Настю, и хотел бы прожить с ней всю жизнь, - Настя подняла глаза и посмотрела мне в лицо, - но и я, и Настя сейчас находимся в браке с другими людьми. Но брак – государственный, а не церковный - дело наживное. Его заключают и расторгают, если на это есть серьёзная причина.

- А мне и разводиться не надо, - с вызовом вымолвил Шурик, захочу – хоть завтра женюсь!

- Не женишься ты завтра, Шурик, ещё Насте надо разводиться, а Саша может развода и не дать. Армия – не причина для развода! Поэтому я, как человек не чужой в этой компании, хочу поставить вопрос так – с кем из нас хотела бы остаться Настя, если считать, что мы все – свободны, и оба хотим жениться на Насте.

- А ты не москвич, ты не можешь жить здесь! – сдуру брякнул Шурик.

- И Сасово – не Москва, а к тому же, если я женюсь на Насте, то могу жить там, где живёт моя жена!

- Я не позволю! – в Шурике вдруг заговорил пьяный мужчина, - я убью тебя, и все дела!

- Руки коротки! – вдруг в сердцах сказала Шурику Настя. Я понял, что Настя склоняется в мою сторону.

- А что, Шурик, ты смелый и решительный человек, но готов ли ты действительно убить меня, рискуя, что и я буду обороняться? – остроумный план уже созрел в моей голове, - ведь я человек неслабый, и потом – грузин, а мы грузины, с финками ходим!

Шурик вскочил с кровати и замахал руками.

- Было бы старое время, я вызвал бы тебя на дуэль и убил бы как собаку! – махая перед собой руками, разглагольствовал Шурик, - да в тюрьму из-за такого чмура идти неохота!

Настя смотрела на Шурика с нескрываемым презрением.

Я встал и серьёзно спросил Шурика:

- Выходит, если бы у тебя была возможность убить меня так, чтобы про это никто никогда не узнал, но с равным риском, что убью тебя я, ты пошёл бы на это? – завлекал я Шурика в хитрые сети, но он не понимал этого.

- Конечно, но всё равно - убью тебя я! – как-то быстро согласился Шурик.

- Всё, - подытожил я, – завтра я хочу предложить способ как одному из нас остаться вдвоём с Настей, и чтобы всё было тихо и по закону. Настя, это и тебя касается, попроси, пожалуйста, Зину пойти погулять часа два, с семи до девяти вечера, а я зайду сюда ровно в семь! – и я, вежливо поклонившись, вышел.

- Лишь бы не сорвалось, лишь бы Шурик не передумал! – лихорадочно думал я, идя в комнату к ребятам.

Когда я зашёл к ним, выпивка «за проезд» уже кончилась. Но у меня в чемодане, разумеется, была бутылочка отменной чачи. Ребята восприняли её с энтузиазмом, я налил чачи и предложил тост:

- За успех безнадёжного дела!

Все выпили и похвалили мой тост – они такого не слыхали раньше. Я сейчас уже не помню, знал ли я его раньше, или экспромтом придумал, но предложил такой тост в своей жизни впервые. Я-то уж знал, какое «безнадёжное дело» меня ожидало и очень уж хотелось его осуществить!

Японская дуэль

Назавтра с утра я поехал в ЦНИИС чисто с формальной целью – отметить, зашёл к моим благодетелям - Фёдорову и Недорезову (к счастью, оба оказались в Москве). Заглянул я и на Опытный завод, убедился, что комплект чертежей готов и нужен только наряд-заказ из института на изготовление деталей. Договорившись о том, что серьёзные дела начнутся завтра, я ушёл из ЦНИИСа пораньше.

Я походил по аптекам, приобрёл кое-что, затем купил бутылку «Старки», бутылку шампанского и пошёл домой – в общежитие. Там я немного «поколдовал» в одиночестве в пустой комнате, а потом прилёг отдохнуть. К семи часам вечера я цивилизованно оделся, взял с собой портфель и, не торопясь, поднялся в знакомую – «заветную» комнату. Там уже сидели за столом Настя и Шурик, лица у них были серьёзные.

- Слава Богу, – подумал я, - они всё восприняли всерьёз!

Я спокойно, с достоинством зашёл, и попросил Настю запереть дверь на ключ, что она и сделала. Затем поставил на стол бутылку «Старки» и предложил выпить за любовь, что и было выполнено с охотой.

- Здесь присутствуют два человека, которые любят одну и ту же женщину, - дипломатично начал я, - но остаться с ней может только один (не современно как-то, но происходило-то это в 1960 году!). Другой должен уйти, и я предлагаю сделать это по-японски.

Я попросил у Насти блюдечко, достал из кармана пробирку и выкатил из неё на блюдечко две серо-белые горошины.

- Одна из горошин – адреналин, другая – «плацебо», или только наполнитель, сахар, если угодно - начал пояснять я. - Если принять горошину адреналина, а это очень большая доза, но только обязательно нужно проглотить её, а не удерживать во рту, - медленно и выразительно говорил я, чтобы «наживка» была заглотана, - то минут через пять кровяное давление поднимется до невероятных величин и сосуды мозга лопнут, не выдержав его. Человек сначала чувствует тяжесть в голове, потом он ощущает там удары сердца, как молотком по наковальне, ну, а потом – летальный исход. Сразу и без мучений. Кому же попадёт горошина из сахара – тот - счастливчик, он и будет мужем Насти. Через час-полтора адреналин в организме умершего разложится на уксусную кислоту и углекислый газ и никакой анализ не покажет его. Кстати, надпочечные железы у человека сами вырабатывают адреналин, так что сосуды мозга могли лопнуть, например, от стресса, вызвавшего выброс натурального адреналина. Таким образом отвечать никто не будет – оставшийся в живых через часик-другой вызывает скорую помощь, дескать, человеку стало плохо, думали - просто заснул, а он - навеки!

Я методично вешал Насти и Шурику «лапшу на уши», но лапша-то таковой была лишь наполовину. Человек без специального медицинского образования, даже достаточно эрудированный, мог всё воспринять серьёзно и вполне поверить легенде. Серьёзный врач или биохимик, конечно же, обнаружил бы ляпсусы, в основном, намеренные, в моих разговорах.

На самом деле обе горошины были изготовлены из нескольких толчёных таблеток нитроглицерина, свободно продаваемого в аптеках, и клея. Те, кто пользуется или пользовался нитроглицерином, знает, какие неприятные ощущения вызывает даже одна таблетка в голове – кажется, что она должна разорваться от сильнейшей пульсации крови. Но вреда от этого лекарства нет никакого. Таблетки сладковатые на вкус и действительно, они почти целиком состоят из сахара – нитроглицерина там крохи.

Я прогнозировал поведение Шурика, следующим образом. Мы одновременно берём по горошине в рот, я тут же глотаю её, и показываю пустой рот. Проглоченный нитроглицерин хоть и действует, но гораздо слабее, чем спрятанный под языком или за щекой. Шурик осторожно пробует горошину на язык, чувствует сладость и полагает, что ему попалась «плацебо». На всякий случай, он не глотает горошину, а прячет её под язык, чтобы она не была видна при открывании рта. И тут-то нитроглицерин ударит по Шурику во всю мощь трёх таблеток, слепленных в горошину. Минуты через три, когда горошина рассосётся и выплюнуть её уже будет нельзя, начинаются «удары кувалдой» по голове и сильнейший страх смерти для непосвящённого. А дальше я предполагал действовать по обстоятельствам.

Всё произошло так, как и планировалось. Настя, казалось, была шокирована происходящим настолько, что раскрыв рот и вытаращив глаза, она просто молча наблюдала за происходящим. «Старка» придала Шурику уверенность – после того, как я, морщась, как бы от неприятного вкуса горошины, проглотил её, он, прикоснувшись языком к ней, тут же запрятал горошину под язык и открыл рот для проверки. Я долго заглядывал ему в горло, но потом признал, что всё честно.

Мы с Шуриком уставились друг на друга, ожидая исхода, а Настя – со страхом смотрела то на одного, то на другого. И тут я со злорадством увидел, как расширяются от ужаса глаза Шурика. Он хватается за голову, вскакивает с места и начинает метаться по комнате.

- Я, кажется, съел эту гадость! – стуча зубами, говорит он мне, - что, я умру сейчас? А если я откажусь от неё, - он пальцем указывает на Настю, – ты можешь спасти меня? Ну, сделай же что-нибудь!

Я понял, что «кувалда» заколотила Шурика по голове. Он начал плевать, совал два пальца в рот, пытаюсь вызвать рвоту, но ничего не получалось. Он рухнул на колени передо мной и обнял меня за ноги.

- Помоги, умоляю, у тебя должно быть лекарство! Рабом твоим буду всю жизнь, спаси! – Шурик бился в истерике. Вслед за ним рухнула на колени Настя и принялась умолять меня спасти Шурика, целовала мне колени и гладила по бёдрам.

- Не помер бы от испуга, - подумал я, - бывает и так!

- Ну, хорошо, - произнёс я, вставая, - ты проиграл! – театральным жестом я указал пальцем на поверженного и плачущего Шурика. - Так неужели тебе захочется жить, если я заберу себе Настю?

- Да, да, захочется, забирай её себе, только спаси меня как-нибудь! – причитал Шурик. Опасаясь, что действие нитроглицерина может закончиться, я быстро спросил у Насти:

- Так ты – моя?

Она быстро закивала, не в силах произнести слова от страха. Тогда я достал из портфеля огромную трёхграммовую таблетку чистой аскорбинки для витаминизации пищи и протянул её Шурику.

- Грызи и глотай её быстрее – может ты и спасёшься!

Обезумевший Шурик с хрустом принялся жевать эту кислейшую в мире таблетку и, икая, заглатывал кашицу аскорбиновой кислоты. Я велел ему прилечь на кровать Зины (чтобы вдруг его не вырвало на теперь уже «нашу» постель!), и глубоко дышать. Он дышал и часто икал от ужасной кислятины. Настя продолжала стоять на коленях, сжимая себе виски руками, как будто голова должна была расколоться у неё самой. Зрелище было незабываемое, Станиславский рыдал бы от восторга!

Постепенно Шурику стало лучше, я налил ему «Старки» и он, шатаясь, вышел из комнаты. Вся сцена японский дуэли заняла около получаса. У нас с Настей осталось почти полтора часа до прихода Зины.

Я поставил на стол шампанское, мы выпили его гранёными стаканами; я слышал, как зубы Насти лязгали по стеклу – её охватила нервическая дрожь. Я приказал ей раздеться и лечь, чему она повиновалась, как зомби. Степенно, как хозяин, раздевшись, я потушил свет и лёг с Настей. Зубы её продолжали стучать, пока я своими поцелуями не укротил эту дрожь.

И совсем несвоевременно я стал размышлять о том, правильно ли я поступил, так жестоко разыграв Шурика и Настю. Но потом решил, что если даже поступил я неправильно, то, по крайней мере, на всю жизнь запомню эту маленькую, но насыщенную действием пьесу.

А потом думать о чём-то постороннем стало недосуг, «всё стало вокруг голубым и прекрасным». До прихода Зины мы успели привести в порядок себя, постели и комнату.

- Шурик покинул нас, - грустно сообщил я вошедшей Зине. Она испытующе посмотрела на Настю и поняла, что та не в себе. Я поцеловал Настю, потом Зину и, довольный, пошёл спать к себе.

Утром я зашёл к своему старому знакомому Немцову и «снял» у него по-дешёвке отдельную комнату в дальнем краю общежития. Студенты почти все разъехались, а новой Спартакиады не намечалось – свободных комнат было навалом. Мы с Настей «переселились» туда. Зина так и не могла понять, в чём было дело. Она решила, что я обещал жениться на Насте, и та «бортанула» Шурика. Потом Зина сообщила Насте, что Шурик срочно «снялся» с общежития и уехал к себе в Сасово. Якобы, для «поправки здоровья».

Дела заводские

Благодаря заботам Фёдорова наряд-заказ был «выбит» и направлен на Опытный завод. Фёдоров лично попросил директора Нифонотова провести изготовление деталей поскорее, пока я в Москве. Но чертежи – это планы, а жизнь – гораздо богаче всяческих планов.

Редуктор, который я по неопытности заложил в чертежи, достать было невозможно, решили закладывать в проект то, что сможем достать. С помощью дяди и его друга – главного инженера Московского метростроя Фёдора Фёдоровича Плюща, удалось получить (бесплатно!) два редуктора РМ-350 и перевезти их на Опытный завод.

Потом оказалось, что таких крупных зубчатых колёс, которые заложены в проекте, нарезать на заводе нельзя. И мы (а мы – это я и старшие инженеры Перепонов и Бондарович, которых дал мне в помощь Фёдоров. Кстати Бондарович, или просто Боря, сейчас зам. директора ЦНИИС) перелазили все свалки, все заводы, на которые смогли пробраться, в поисках нужных зубчаток. Наконец повезло – на заводе «Серп и Молот» на свалке утиля мы обнаружили огромную старую лебёдку, как раз с такими колёсами! Радостные, заготовив письмо из ЦНИИСа, мы с Перепоновым бросились на приём к зам.директора завода по фамилии Григорьев. Тот внимательно выслушал наш сбивчивый рассказ о маховичном толкателе к скреперу, и о том, что на складе утиля завода имеются чрезвычайно нужные нам зубчатки. Показывая письмо института, мы просили передать нам эти колёса, конечно же, с оплатой, как за утиль. Григорьев поднял трубку телефона и позвонил, как мы поняли, начальнику этого склада. Обматюгав его, Григорьев потребовал, чтобы он немедленно отправил под пресс и в переплавку залежавшийся на складе утиль и не пускал на территорию склада всяких сумасшедших изобретателей.

Меня поразило коварство этого Григорьева, я вскочил, намереваясь напасть на него, но Перепонов удержал меня, схватил письмо из ЦНИИСа и, извинившись, вытащил меня вон из кабинета.

- Мы где живём, ты знаешь? – тарача глаза, спрашивал меня Перепонов, и сам отвечал – в СССР. То, что нельзя взять законно, у нас воруют!

Мы быстро, пока не отреагировал начальник склада, прошли обратно на этот огромный двор, забросанный железками, нашли нашу лебёдку и отвинтили две зубчатки, весом килограммов по 30 каждая. Гаечный ключ, к счастью, у нас был с собой. Потом подсунули эти колёса под помятые временем и транспортом складские ворота, в щель, в которую потом выползли и сами. Подогнали наш ЦНИИСовский грузовик, на котором мы прибыли на «Серп и Молот», погрузили в кузов ворованные колёса и благополучно уехали на Опытный завод.

Теперь, когда я проезжаю на электричке мимо завода «Серп и Молот», а делаю я это часто по дороге на дачу, то показываю этому зданию огромный нос, и тихо говорю: «Привет Григорьеву!» Пассажиры думают, что я - ненормальный ветеран прославленного завода.

Основная проблема была с маховиком – из чего его делать? Диаметр около метра, в полтонны весом – эту деталь можно было достать только готовой. Вначале у меня была пагубная идея снять маховик с большой камнедробилки. Но там этот маховик – чугунный, его могло, да и не только могло, а обязательно разорвало бы при раскрутке.

Признаюсь в том, что студентом, даже будучи отличником, я совершенно не понимал, почему при вращении маховик может разорваться. То есть был не только невеждой в этом вопросе, но и просто опасным невеждой. Удивительно и то, что, едва поняв, какие именно силы всё-таки разрывают маховик при вращении, я придумал метод прочностно-энергетического расчёта маховиков, которым с 60-х годов прошлого века, пользуются в мире все, кому надо считать маховики. Сначала хоть ссылались на мои статьи и книги по этому вопросу, а потом, решив, наверное, что автор почти за полвека отошёл в небытие, перестали делать и это. Считаю же мы, например, валы на прочность, а кто придумал эти формулы – не знаем. Однако, не сами же собой они возникли? Но так как автор расчёта маховиков был очень молод, то и через полвека он не очень-то и стар, и обижается, когда его формулами пользуются как своими, без ссылок.

Но тогда, ещё до создания метода расчёта, я заложил в проект чугунный маховик, который, разорвавшись, уничтожил бы не только саму идею, но и кое-кого из присутствующих. Спас положение тот же Нифонтов. Назвав «кошку кошкой», он сказал мне, что не гоже из чугуна делать скоростные маховики, что «трещинка пойдёт по ступичке и так дойдёт до края», разорвав маховик на три части, которые разлетятся на километры. Потом, уже участвуя в испытаниях маховиков на разрыв, я понял, насколько прав был старый практик Нифонтов. И вовремя принял решение делать маховик не из чугуна, а из прочнейшей стали, используя для него...колесо от железнодорожного вагона. Это – идеальный маховик, таким я пользуюсь и по сей день.

Но где его взять, причём быстро? Используя «метод Перепопова», мы посадили в кузов грузовика человек шесть ребят с завода, поехали в район вагоноремонтного завода им. Войтовича, что на шоссе Энтузиастов и подобрали пару-тройку «плохо лежащих» колёс поновее. Вся трудность была в том, что каждое колесо весило 350 килограммов и для подъёма их вручную в кузов автомобиля пришлось попотеть и проявить смекалку. К тому же следить, чтобы нас не «засёк» народный контроль. Но народу, видимо, было наплевать на колёса (которые, кстати, стоят очень дорого!). Собравшиеся вокруг нас представители народа помогали нам, кто советом, а кто и физически, похищать «народные» колёса.

Всё было перевезено на Опытный завод, и работа пошла. Я полагал, что должен был присутствовать при изготовлении каждой важной детали, но оказалось, что это только раздражает рабочих-станочников. Маховик из колеса должен был обтачиваться на своём огромном токарном станке ДИП-500, пожилой и опытный токарь, еврей по национальности, Зяма Литгостер. Кто сейчас помнит, что такое «ДИП»? Оказывается, это – «догнать и перегнать», Америку, конечно же! Вот так и назывались почти все наши токарные станки – «ДИП».

Дядя Зяма тут же прогнал меня от станка и сказал, что если я хочу помочь делу, то лучше сбежал бы в магазин за бутылкой. Пока я бегал, Зяма тайно от меня перевернул маховик, сняв его с прежней установки для удобства обработки, чем сбил центровку. Из-за этого пришлось потом отвезти маховик для балансировки в МИИТ, что оказалось ещё труднее, чем обточить его. Лучше бы я остался и настоял на обработке с одной установки! Поэтому я считаю, что авторский надзор за изготовлением очень желателен, если даже станочник стар, «мудёр» и опытен!

Но вот все детали готовы; наступило время сборки и монтажа их на скрепере. Шёл август, времени до отъезда осталось мало, я спешил. Сборку поручили опытному слесарю, лет сорока пяти - Сане Беляеву, ставшему потом моим приятелем (к сожалению, его давно нет с нами). У него было два помощника – Генка и Колька, которые Саню совсем не боялись и его приказов не выполняли. А Саня боялся бригадира Журавлёва – желчного и сердитого человека, к тому же требовательного.

Я пытался давать Сане полезные советы по сборке, но он под смех своих подмастерьев, заявил мне, что яйца курицу не учат, и послал в магазин для ускорения работы. Решив, что водка действительно может ускорить работу, и, не учтя печального опыта с Зямой, я сбежал-таки и принёс две бутылки.

Беляев был несказанно рад и заверил, что один узел будет собран уже сегодня. Удовлетворённый этим, я отошёл пообедать, а когда вернулся, застал у скрепера настоящее шоу. Санька Беляев, пьяный в дупель, сидел на табуретке перед скрепером, держа в одной руке зубило, а в другой – молоток. На голову его до самой шеи была надвинута старая соломенная шляпа. Ничего не видя, а возможно и не соображая, Саня отдавал распоряжения: «Генка, твою мать! Колька, твою мать! Крутите гайки под редуктором, так вашу и растак, а то Журавлёву скажу!»

При этом Саня делал нелепые движения молотком и зубилом, но инструмент не отпуская. Народ ржал, а Коля и Гена подначивали Беляева:

- Саня, а ты покажи, как крутить, какой ключ брать? Мы же – бестолковые, не понимаем ни хрена!

Вокруг скрепера стоял смех и мат-перемат. Я чуть ни плакал и решил, что установку так никогда и не соберут. Однако собрали, но, во-первых - не скоро, во-вторых - некачественно, а в третьих – хорошо, что вообще собрали, потому, что переделывали по несколько раз. Просто я переживал, так как ещё не знал наш отечественный стиль работы.

Нескромный эксперимент и тайна комсорга

Жили мы с Настей в нашей общежитийской комнате. Она на лето устроилась на подработку в тот же вычислительный центр на Проспекте мира. Вечером мы встречались, и, как законные супруги, шли в «кафе-мороженое» или ужинали дома с портвейном.

Почему-то мне так полюбились портвейны, что я лет до пятидесяти употреблял, в основном, только их. Портвейн для меня был сопряжён с любовью, причём любовью тайной, незаконной, а поэтому желанной. А потом тайная и незаконная любовь закончилась, и я, как законопослушный гражданин, перешёл на сухое вино. Водка и спирт приводили обычно к буйству, я их боялся, а коньяк, как мне казалось, пахнул клопами, и я его избегал. Я несколько раз в жизни сильно травился коньяком, выпивая его чрезмерно много. А коньяк, или виноградный самогон, настоящий на дубе – это яд (я говорю это вполне профессионально!), и он не прощает перебора. Поэтому к коньяку у меня идиосинкразия (русский язык надо знать!), и если есть что-нибудь другое, то я коньяк не пью.

В конце августа, когда студенты уже стали приезжать после каникул и заполнять общежитие, мы с Настей лишились нашей комнатки. Часто просить Зину о «прогулке» было неудобно, да и потом мы с Настей уже привыкли оставаться вместе ночами. Поэтому Настя решила на пару-тройку дней уехать в Иваново, навестить свою маму, которая там жила. К тому же у неё наступили «особые дни» и все обстоятельства были за поездку.

Я снова переселился в свою большую комнату к ребятам, грустил вечерами, не зная, куда себя девать. Заводить какие-либо знакомства было ни к чему, и я принимал участие в коллективных выпивках по вечерам среди своих в нашей же комнате. Естественно, разговоры у нас в мужском коллективе были скромные, мы обсуждали животрепещущие проблемы сексуального характера и сопутствующие вопросы. По прежним целинным воспоминаниям ребята знали, что я «самосовершенствовался» по индийской методике, повышая геометрию и силовые характеристики того, что я назвал «хвостиком». И как-то сам по себе возник спор, может ли мужчина подвесить на этом «хвостике» ведро с водой. Нет не так, как вы подумали – завязать «хвостик» узлом на ручке ведра и подвесить его, как на верёвочке – так, оказывается, нельзя, и об этом известно ещё со времён целины.

Был «у нас на целине» шофёр – Васька Пробейголова, весёлый парень, любимой поговоркой которого была: «Всё можно, только «хвостик» узлом завязать нельзя!». Мне запала в душу эта присказка и я, как человек склонный к исследованиям, решил подтвердить или опровергнуть этот тезис.

Теоретические расчёты и многочисленные эксперименты (фу, как вам не совестно даже подумать такое! Конечно же, эксперименты на толстых верёвках и резиновых шлангах!) показали, что завязать даже самый простой (не «морской» или «двойной»!) узел можно только тогда, когда длина абсолютно гибкого цилиндра раз в 10 превышает его толщину. Но даже самые

элементарные анатомические познания свидетельствуют о том, что такого соотношения для рассматриваемого предмета не бывает. Кроме того, в предложении об «абсолютной гибкости» цилиндра есть определённая натяжка, которая ещё более усугубляет выведенное соотношение. Поэтому «гипотеза Пробейголовой» оказалась однозначно справедливой.

Стало быть, речь идёт о подвешивании ведра, не как на верёвке, а как на кронштейне, или если использовать отечественные термины - на рычаге, болте, костыле и т.п., укрепленном в стене под небольшим углом (около 20°) к горизонту. Тут возникает новый вопрос, а на каком расстоянии от «заделки» надо подвешивать это ведро? Ведь из сопромата известно, что момент растёт по мере удаления точки подвеса от заделки. Чувствуя, что дело идёт к эксперименту, спору на этот счёт, и тому, что мне никак не остаться в стороне от этого спора, я естественно, высказал мнение, что подвес должен осуществляться именно в точке заделки. Там теоретически изгибающий момент равен нулю и действует только перерезывающая сила. Иначе задача становится неопределённой, решение которой будет зависеть от выбора точки подвеса.

Мои предчувствия не обманули меня. Мы заключили пари – я против «старика» Калашяна – подвешу ли я, будем называть так, на своём «кронштейне» ведро воды в точке «заделки» этого кронштейна, с выдержкой в две секунды. Как в соревнованиях по штанге. Приз – две бутылки водки с распитием в нашем же коллективе. Комсорг Абрамян взял из комсомольской копилки, куда он складывал взносы, шестьдесят рублей, а Толик Лукьянов быстро принёс на эти деньги две бутылки водки и буханку чёрного хлеба на закуску.

Пока шли приготовления, Левон и Крисли принесли из общественной кухни оцинкованное ведро с надписью масляной краской «кухня», наполненное водой по каёмочку, после чего Левон куда-то исчез. Серож Калашян поставил две настольные лампы на тумбочки близ окна, осветив место предполагаемого эксперимента. Согласно условиям эксперимента, руки - у меня за спиной, а Крисли показывает мне фотографию эротического содержания из журнала «Плейбой». Помню, это была фотография обнажённой Брижит Бардо конца 50-х годов в коленно-локтевом положении, вид сбоку-сзади, голова повернута в профиль к фотоаппарату. Мне очень нравилась Брижит Бардо, а особенно эта фотография; я уже два дня не встречался с Настей, и результат не заставляет себя ждать. Затем Толик наносит ручкой метку, куда вешать ведро, и Крисли с Серожем осторожно, без динамики вешают ведро. Считают: «двадцать один, двадцать два», отмеривая секунды взмахами руки, и снимают ведро.

Всё так и произошло; ведро, к счастью, не упало; его сняли, торжественно поставили на стол, за которым мы и распили выигранные бутылки. Рассчитаться с Левоном Абрамяном – комсоргом, должен был Серож Калашян – «старик». Меня несколько смутило отсутствие комсорга при эксперименте и распитии, но Серож сказал, что комсоргу на таких сомнительных экспериментах, а особенно на распитии, присутствовать нежелательно. Меня это только обрадовало – делить две бутылки на четверых – понятно и привычно, а вот как мы поделили бы эти же две бутылки на пятерых – сложно сказать!

Всё было путём – поспорил, выиграл, выпил, но тайна исчезновения Левона всё-таки осталась. А ведь всё тайное рано или поздно становится явным! Тайна исчезновения комсорга Левона Абрамяна открылась только через двадцать три года – в 1983 году.

Я, уже сорокатрёхлетний профессор, доктор наук, еду с циклом лекций от общества «Знание» по стране, конкретно – на юг России. И вот в городе Ростове-на-Дону мне забронировали в центральной гостинице «Московская» на главной улице Ростова, носившей славное имя Энгельса (теперь – Большая Садовая), трёхкомнатный номер-«люкс». Я читал лекцию в конце рабочего дня на каком-то транспортном предприятии. Чемодан свой, конечно же, с выпивкой на вечер, я оставил в номере, а на лекцию отправился налегке.

Лекция была в актовом зале предприятия, прошла она, как обычно, с успехом, было много празднично одетых людей, задавали вопросы по теме и не совсем, и я уже, собрав свой нехитрый реквизит, намеревался выходить из зала, как ко мне вдруг подошла стройная симпатичная женщина лет сорока.

- Профессор, можно мне задать вопрос не совсем по теме? – слегка зардевшись, спросила она, - не жили ли вы в 60-м году в общежитии МИИТа на Вышеславцевом?

Я с интересом посмотрел на неё, понял, что не ошибся в оценке её внешних данных – румянец ещё более украшал её, - и ответил еврейским вопросом на вопрос:

- А что?

- Знаете, - она зарделась ещё больше, - дело, конечно, прошлое, люди мы уже взрослые, но я видела, как вы ведро с водой подвешивали ... на этом, ну вы понимаете, на чём?

Я поглядел на даму с таким выражением лица, которое, будь рядом Станиславский, обязательно вошло бы в каталог мимики. Вроде баб в комнате тогда не было, это что – мистика или розыгрыш?

- Я всё объясню, - продолжала дама, - как-то вечером стучит к нам в комнату на женском этаже ваш комсорг и быстро сообщает, что если кто хочет видеть, как «грузин» будет ведро подвешивать, ну, сами понимаете, на чём, то быстро – в Ленинскую комнату! Свет не зажигать, по десять рублей – скинуться! Смотреть в окно напротив! И побежал дальше звать зрителей. Набилось в Ленинской комнате человек двадцать, и всё было очень прекрасно видно – вы, наверное, специально подошли к окну и хорошо осветили нужное место!

- Вот она, тайна комсорга! Вот какие они – все комсомольцы и коммунисты – коварные и корыстные сволочи! Ославили меня на всю страну, да ещё 200 рублей прикарманили! Заработали на мне, вернее на моей части тела! На два рыла, наверное, договорились поделить со «стариком»!

Видя моё искреннее смущение, дама взяла мою ладонь в свои руки и, уже не смущаясь, спросила:

- Скажите, профессор, а вы могли бы повторить этот опыт теперь, ну, скажем, сегодня? Без комсорга, разумеется?

Прямой и открытый взгляд дамы привёл меня в чувство.

- Сегодня? Повторить? Без комсорга? Да с большим удовольствием! – принял я вызов дамы, взял её под руку и вышел с ней на улицу.

Вскоре мы уже были в моём «люксе» на улице Энгельса. Но все попытки найти в номере ведро не увенчались успехом. Пришлось прикладывать, как говорят в сопроамате, другие «эквивалентные» нагрузки. Но мы, как инженеры, справились.

Администрация гостиницы уважала посетителей «люксов» и даже не послала к нам проверяльщицу к 11 вечера. И заготовленная красная «десятка» на этот случай, так и осталась лежать у меня в кармане.

Утром мы распрощались, поблагодарили друг друга за отлично проведённую ночь, и, не обмениваясь адресами и телефонами, расстались. Я поехал объезжать дальше юг России с лекциями ...

Конец любви

Наступил конец августа – время уезжать домой в Тбилиси. Я видел, с какой охотой готовились ребята к отъезду, и мне становилось ещё тяжелее. Не хотел я уезжать домой, хотя там была моя семья, мой институт. Я успел так полюбить Москву, её людей, здешний менталитет, лёгкость в отношениях, и многое другое, чего не было в Тбилиси. Включая ЦНИИС и моего железного «мамонта». Была здесь в Москве и Настя, но именно перед отъездом я её и лишился. Не подумайте, как говорится, дурного, с нею ничего страшного не случилось, скорее наоборот.

Для меня осталось тайной, действительно ли Настя поехала к маме в Иваново, или в Рязанскую область, в город Сасово. Но, прождав Настю три, потом четыре и пять дней, я поднялся на четвёртый этаж, спросить у Зины, не в курсе ли она дел Насти.

Было часов семь вечера, я вернулся с Опытного завода весь расстроенный безалаберностью моих «мастеров». Стучу в дверь и вдруг слышу голос Насти: «Да!». Распахиваю дверь и вижу Настю и Шурика, сидящих на Настиной кровати в обнимку. Я не поверил глазам – как так, я же победил в японской дуэли! Не вставая с койки, Настя тихо, но жёстко сказала мне:

- Уходи и не приходи сюда больше! Между нами всё кончено! Мы с Шуриком любим друг друга и не хотим тебя видеть! - Настя больше не опускала глаз, как обычно, а смотрела прямо и решительно. Я заметил, что кольца на её руке не было.

Убитый случившимся, я вышел вон и поплёлся к себе. Ребята отмечали завтрашний отъезд домой. Я выпил с ними и, не выдержав, всё рассказал им. Конечно же, о моем «романе» с Настей знало почти всё общежитие, не то, что свои ребята. Эмоциональный Крисли вскочил с места и вскричал:

- На твоём месте я бы избил этого Шурика, да и Настю тоже! Вот суки!

«Старик» Калашян был противоположного мнения.

- Тебе завтра уезжать, ну попьёшь ты их и уедешь, а они снова встретятся! Плюй на это и езжай домой, у тебя же жена там!

Но выпитая водка не давала покоя. Я подал знак Крисли, чтобы он вышел со мной. Вместе мы поднялись на четвёртый этаж, и я громко постучал в комнату. Никакого ответа. Я прислушался - за дверью послышалось шевеленье. Нажал на дверь – она не поддаётся. Я начал дубасить в неё ногами, но тут же вышли соседи напротив – две знакомые девочки, и сурово пригрозили, что они вызовут милицию. Все против меня!

И вдруг мне в голову пришла пьяная мысль – залезть в комнату через окно. Комната Насти была крайней, за ней шёл тупичок коридора, оканчивающийся окном. Мы с Крисли подошли к окну, я высунулся и оценил ситуацию. Окна в комнате Насти были открыты, карниз под окнами был широким, но, к сожалению, чуть покатым наружу. Под окнами располагалась палатка для приёма стеклотары.

Я решился. Вылез в окно, держась за руку Крисли, не отпуская её, ухватился за подоконник Насти, и только после этого отпустил руку. И вдруг я вижу Настю – она соскакивает с кровати, подбегает к окну и со всей силы пытается его захлопнуть. Лицо её перекопилось от страха, она всё давит и давит на окно, расплющивая мне пальцы. Я посмотрел вниз – высота огромная, я представил себе, как загрохочет разбитая стеклотара, если я упаду вниз и пробью хилую пластиковую крышу палатки. А Настя всё давит и давит на окно.

- Перестань давить, я уйду! – крикнул ей я. Она приоткрыла окно, но держала его обеими руками, чтобы снова захлопнуть, если я попытаюсь залезть внутрь. Шурика видно не было, забился в угол, наверное, чмур поганый!

Я оторвал окровавленные пальцы от подоконника и, балансируя на карнизе, схватил протянутую мне руку Крисли. Кое-как влез в окно, и, неуклюже перевалившись, растянувшись на полу. Вставая, заметил, что всю эту позорную сцену наблюдали девочки из комнаты напротив. Я шуганул их, они тут же захлопнули дверь, и мы с Крисли шатаясь, пошли к себе. Я не удержался, чтобы не пнуть ногой дверь Насти и не плюнуть на неё.

Вот как закончилась наша любовь! Говорил же я ночью на берегу Москвы-реки, что всё кончится, и кончится плохо. А Настя, помню, целовала меня, утирала слёзы и настаивала:

- Успокойся, миленький, не плачь, у нас всё-всё будет хорошо! Вот увидишь!

- Вот и увидел! – я посмотрел на свои окровавленные с содранной кожей пальцы и решил – всё равно хорошо, что не грохнулся с четвёртого этажа на палатку со стеклотарой!

- Удивительное, мистическое совпадение - лет через десять после этого, мой знакомый парень с нашего двора в Тбилиси, внук домоуправа Тамары Ивановны, поступивший учиться в МИИТ и живший в том же общежитии, сорвался и упал как раз с того же карниза, совершая тот же путь из окна, что и я. Но совсем не с той же целью – он выпил с товарищами, а закуски не хватило. А из окна комнаты, которую когда-то занимали Настя с Зиной, свешивалась авоська, набитая всякими вкусными вещами. Правда, было не лето, а холодное время года, и удержаться на карнизе было труднее. Парень разбился насмерть – палатку, которая могла смягчить удар, к тому времени уже убрали. Получило-таки окно-убийца свою жертву из Тбилиси, из того же самого двора!

Нет худа без добра – тем более с легким сердцем я уехал домой с приятелями, и, выпивая с ними по дороге, со смехом вспоминал моё приключение. Только Крисли мрачнел и приговаривал, качая головой:

- Окно захлопывала, сука! Наша грузинка никогда бы так не сделала!

Я молчал и поддакивал, а сам вспоминал, что грузинка Медея (правда, древняя грузинка!) не пожалела даже своих детей, зарезала их, чтобы досадить своему любовнику Ясону! Попался бы ей этот Ясон на карнизе, она бы ему и шею прихлопнула, а не только пальцы!

В Тбилиси я окунулся в привычный мир семьи, учёбы и спорта. Настроение подавленное, на душе – пустота. Интересно, что любовь к Насте исчезла мгновенно. Вылезал я из окна на карниз пылко и страстно влюблённым, а залезал обратно и растянулся на полу – уже нормальным человеком. Уже так не ждал поездки в Москву, хотя идеей своей горел, как и раньше.

А к лету следующего 1961 года всё «устаканилось» в моей душе, и я снова официально отправился на производственную практику в ЦНИИС, опять же, по вызову. В общежитие МИИТа я даже не стал заходить, чтобы случайно не встретить Настю под ручку с дебилом-Шуриком. Явился сразу же к своим благодетелям Фёдорову и Недорезову, и они устроили меня в рабочее общежитие ЦНИИС, которое народ называл «Пожарка».

Эх, «Пожарка»! Она мне и сейчас по ночам снится! Сколько с ней связано – три года, проведённых в ней были самыми концентрированными по впечатлениям, полученным от жизни. Там я понял цену человеческим отношениям, познакомился с самыми различными судьбами, узнал дружбу и любовь, сам предал и то и другое, наконец, сделал первые шаги в науке – не за ручку, а самостоятельно, падая, расшибаясь и поднимаясь снова!

Часть 3. Наука и жизнь

«Пожарка»

Вот и окончились «мои университеты», но юность еще и не думала заканчиваться. Ведь согласно современным понятиям, юность – это период между отрочеством и зрелостью. А когда наступает зрелость? У иных она и вообще никогда не наступает – и живет такой человек всю жизнь «незрелым». Судя по всему, меня тоже пока было рановато считать зрелым. Зрелые люди солидны и таких «выкрутасов», как я, не выделяют.

Так что, остается юность, и не так уж она и плоха! Но наступила пора как-то реализовывать знания, полученные в «университетах» - знания в науке, общении с друзьями и коллегами, противоположным полом, а проще говоря – в любви. И лучше всего эти знания реализовывать, живя не под крылышком у родителей, а в общежитии, обыкновенном рабочем общежитии 60 –х годов прошлого века, и не в самой столице, а в провинциальном подмосковном городке Бабушкине. А что касается науки – то и здесь мне повезет – я поступлю в аспирантуру, где реализую свои научные знания. Таким образом, учась в аспирантуре и живя в рабочем общежитии, я убью сразу двух зайцев - постигну и науку и жизнь. Исходя из этого, новую часть моего повествования я так и назвал - «наука и жизнь», несколько опасаясь, что известный журнал того же наименования сочтет это «заимствованием».

«Пожарка» - это общежитие, под которое приспособили здание бывшей пожарной части, даже с каланчой. Первый этаж был занят всевозможными бухгалтериями и канцеляриями, а второй этаж – рабочее общежитие. Коридорная система – справа четыре комнаты и туалет, а слева – пять комнат. В самом начале коридора у входа с лестницы - кухня с угольной печью, которая весь день топилась. На ней грелся бак с водой, и семейные готовили на ней еду. По утрам с 7 часов приходила сильная, костлявая и крикливая уборщица Маша, которая мыла полы во всех комнатах, кроме семейных.

Комендантом общежития была «диктаторша» Татьяна Павловна Мазина – моя будущая смертельная «врагиня».

Вот в это самое общежитие по указанию Фёдорова привела меня Мазина, выдала бельё, выделила койку в предпоследней комнате слева, где проживали два пенсионера – Баранов Серафим Иванович, 1905 года рождения, и Рябоконец Дмитрий Лукьянович, 1900 года рождения. Третью койку занимал мужик, который в общежитии был только прописан, а жил у своей «бабы», четвертую же койку выделили мне.

Мазина успела предупредить меня, что в этой комнате происходит постоянная пьянка, и чтобы я поберёгся. Когда я зашёл в комнату, было часов 11 утра. Один из жильцов – «визави» с моей койкой - лежал, покрытый до шеи простынёй, так что была видна одна лысая голова; второй же – в глубокой задумчивости сидел у окна.

Я положил бельё на койку и поздоровался. Сидящий у окна встал, пошатываясь, подошёл ко мне, церемонно протянул руку и представился: «Баранов Серафим Иванович – «дядя Сима» - восемьдесят седьмой апостол Бахуса!» Я не понял и поинтересовался, официальная ли это его должность, или общественная? «Официальная!» - строго заявил дядя Сима, но лежащий гражданин заулыбался, замахал руками и простонародным говорком сообщил:

- Врёт всё он, никакой он не апостол, а пенсионер обычный! Шутник только, ты сам скоро поймёшь! А я – Дмитрий Лукьянович, но рабочие зовут меня просто «Лукьяныч».

- Ты с Лукьянычем будь осторожен, он полицаем работал у немцев, это – старый бродяга! – и дядя Сима, неожиданно резво подбежав к кровати Лукьяныча, сдёрнул с него простыню. Лукьяныч, оказавшийся под простыней совершенно одетым, вскочил и, указывая на дядю Симу обеими руками, забубнил:

- Вот дурной, пенсионер – а дурной, ну скажи, какой я полицаи, ведь война давно кончилась, я пенсию получаю, живу с рабочими – какой же я полицаи?

- Дядя Сима схватил Лукьяныча за толстые щёки и затряс его голову так, что чуть не снёс её с шеи.

- Вот дурной, - что рабочий, – и Лукьяныч указал на меня, - подумает, а подумает, что ты с Кащенко!

Тут они схватились врукопашную, но я растащил их, и высказал, как потом оказалось, идиотскую мысль:

- Вы, наверное, не завтракали, может я забегу в магазин за тортом, чаю попьём!

Оба моих будущих «сожителя» весело расхохотались. Серафим подошёл ко мне и спросил: «Как вас по имени – отчеству?»

- Нурбей Владимирович! – простодушно отвечал я.

- Ну, вот что, Нурий Вольдемарович, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец! – дядя Сима выложил из кармана смятый рубль и сказал: - добавь что-нибудь и принеси-ка лучше бутылку!

Я от рубля отказался, сбегал в магазин («Пожарка» располагалась точно напротив Опытного завода, а магазин был рядом) и принёс две бутылки «Особой» по 2,87.

Для тех, кто не шибко помнит историю родной страны, напоминаю, что в 1961 году рубль стал сразу в 10 раз дороже. И тут же появились анекдоты на эту тему, вот один из них: «Что можно было купить на старый рубль? Шиш! А что можно теперь купить на новый? В десять раз больше!»

Оба «сожителя» необычайно оживились - не ожидали, что я принесу сразу две бутылки хорошей водки. Лукьяныч достал из-под кровати кочан капусты, дядя Сима сбегал к семейным и принёс полбуханки чёрного хлеба, а также поставил на стол кастрюлю ухи, коробочку с рафинадом и интеллигентскими щипчиками, расставил три гранёных стакана.

Наливал дядя Сима необычно – пока хватало водки, он наполнял стакан с мениском. Брать надо было очень осторожно, чтобы не пролить.

- Пусть на дне наших стаканов останется столько капель, сколько мы желаем друг другу зла! – провозгласил восемьдесят седьмой апостол Бахуса и выпил стакан до дна. Мы последовали его примеру. Закусывали нарезанной капустой, ухой, хлебом и четвертушками рафинада. Остаток дневного времени прошёл за пьяными разговорами.

Учитывая, что дядя Сима и Лукьяныч – персонажи, оказавшие на моё мировоззрение серьёзное влияние, коротенько расскажу об их прошлом. Дядя Сима – в прошлом заведующий лабораторией ЦНИИС, понемножку спился, психически заболел, прошёл курс лечения в больнице им. Кащенко, после чего был отправлен на пенсию по здоровью – 450 рублей. У него никогда не было семьи, видимо, не было и квартиры. Он так и остался жить в общежитии.

Лукьяныч жил на Украине, во время оккупации действительно пошёл в полицаи; после войны отсидел, сколько за это положено, и был отправлен на строительные работы в Москву. Потом получил пенсию – 265 рублей. Подрабатывал сторожем на складе. Жил в общежитии, и хотя ему предлагали комнату в коммуналке, отказывался. «С рабочими веселее!» - было его доводом. Всех жителей общежития он называл почему-то рабочими.

Иногда, не чаще чем в две недели раз, Лукьяныча навещала его «пассия» - Шурка, совершенно спившаяся дама лет тридцати пяти. Она жила с дочерью лет десяти. Где-то работала и на этой работе потеряла пальцы на одной руке. Лукьяныч очень дорожил Шуркой и обычно покупал ей «Столичную», а себе – «Перцовую». Выпивали, пели немного, и на ночь она

оставалась с ним на узенькой общежитейской кровати. Вся их любовь и переговоры при этом, происходили в метре от меня:

«Шурка, давай!» «Отстань Митя, ты старый и противный!» «А как «Столичную» пить – не противный?» «Не приду к тебе больше!» и т.д. Но всё кончалось ритмичными поскрипываниями и посапываниями... Утром, часов в 7, до прихода уборщицы Маши, Шурка уходила.

Жизнь дядя Симы и Лукьяныча, а теперь и моя, в общежитии протекала так. В тёплое время года дядя Сима поутру закидывал в Язу (она протекала рядом с домом), бредень и вытаскивал немного мелкой рыбёшки. Из неё варили уху. Зимой он починял часы, в основном, будильники, и на полученные деньги покупал дешёвые продукты. Лукьяныч подрабатывал сторожем на овощных складах, воровал оттуда картофель, капусту и прочие овощи. Вы спросите – а где же водка, где самый насыщенный и самый дорогой продукт каждодневного потребления? Сейчас вы всё поймёте.

В пять часов вечера заканчивалась работа на Опытном заводе ЦНИИС, да и в самом огромном ЦНИИСе. Дядя Сима к этому времени подогревал кастрюлю с ухой и варёный картофель в мундирах, Лукьяныч резал капусту, и всё это добро ставилось на стол.

Не проходило и пятнадцати минут после окончания работы, как появлялись первые посетители. Они несли с собой бутылки, а жаждали стаканов, называемых «мерками», закуски и человеческого общения. Контингент был самый различный – от доктора наук, старшего научного сотрудника (по кличке «профессор Фул»), и главного инженера Опытного завода, до простых рабочих и вообще ханыг без определённых занятий. У многих были семьи, благополучные и не очень, а у иных – ничего.

Один из таких – у кого «ничего» - Николай («Колька») Ежов, до войны имел жену, работавшую научным сотрудником в ЦНИИСе. На войне он был лётчиком-истребителем, имел много орденов и медалей. Живым вернулся к жене, которая уже имела любовника. Она и перехитрила Кольку – развелась с ним и спихнула в общежитие, якобы для того, чтобы он получил квартиру, а потом, снова женившись на бывшей жене, объединился с ней. Но бывшая жена захлопнула перед бывшим мужем дверь новой квартиры, лишь только он затащил туда последнюю вещь при переезде. Колька так и остался в общежитии, спился и стал нашим посетителем.

Люди приходили, торопливо вытаскивали бутылку, Серафим разливал её – гостю, себе и, понемногу Лукьянычу и мне. Гость выпивал, закусывал, разговаривал с Серафимом о жизни, со мной о науке, о Грузии, перебрасывался парой шуток с Лукьянычем и спешил домой. Были и такие, которые долго не уходили и норовили выпить «дозу» у следующего посетителя. Но таких дядя Сима не любил и спускал их с лестницы – всё равно завтра они были нашими. Иногда посетители валялись с ног; их Серафим складывал на полу в комнате, а когда те просыпались – выпроваживал вон.

Часам к восьми-девяти посетители кончались, Серафим прибирал в комнате, мы чуть-чуть добавляли из оставшегося от гостей и ложились спать. Утром Серафим опохмелялся и шёл ловить рыбу. Лукьяныч и я не опохмелялись – первый оставался в постели до полудня, а второй – бежал на Опытный завод собирать свой скрепер.

Так и жили. По выходным гостей не было, и мы с дядей Симой с утра шли гулять на Язу – там был небольшой парк, состоящий из двух аллей – «аллеи вздохов», где гуляли влюблённые, и «аллеи пьяных» - где выпивали. По какой аллее гуляли мы - понятно. Почти всегда к нам присоединялся сосед по общежитию - Володя Ломов. Он жил с женой Таней и годовалым сыном Игорьком напротив нашей комнаты через коридор. Володя говорил, что он - старший научный сотрудник, кандидат наук, работает специалистом по тепловозам. Он называл несколько книг по тепловозам, где он был автором. Володя сильно заикался, и это звучало так:

- А вот, знаешь, есть учебник по тепловозам, а вот, авторы, значит – Петров, Чернышов и Ломов, а ведь писал-то я, и вот, я - последний автор, а они - первые!

Своё неважное материальное положение, отсутствие квартиры и последнее место в авторстве книг Володя объяснял исключительно своей скромностью и любовью к науке:

- А вот, мне ничего, кроме науки, не нужно! Танька ругается, а я ей говорю, а вот, тебе меня не понять – ты темнота, а мне главное – наука!

Я согласно кивал, потому что поддерживал Володю в его убеждениях. Серафим не любил, когда Володя говорил о науке, он требовал краткости и определённости – выпил, иди домой, или носи новую бутылку!

Работа на Опытном заводе, состоящая, в основном, в принуждении моих приятелей-слесарей к работе, требовала больших сил и нервов. Кончалось, обычно, всё тем, что я сам брал в руки ключ, зубило, молоток или другой инструмент и работал под советы моих приятелей. Не доверяли мне только сварку – её имел право делать лишь специалист.

К концу лета устройство было почти собрано и установлено в задней части скрепера. Резиновые колёса мы сняли, а вместо них установили огромные стальные барабаны с зубцами, какие были на тракторах 20-х годов, «Фордзонах», например. С такими колёсами тяга развивалась побольше, чем с резиновыми. Эти стальные колёса соединялись открытыми зубчатками и редукторами с маховиком, установленным на огромных подшипниках. Но колёса были соединены с маховиком не постоянно – две дисковые электромагнитные муфты могли по желанию соединять и разъединять их.

Работать скрепер с моим устройством должен был так. По дороге к «забою» тракторист включал муфты, и маховик на холостом ходу скрепера разгонялся от колёс до 3000-3500 оборотов в минуту. Затем муфты отключались, и маховик вращался вхолостую. Когда скрепер входил в «забой» и нужно было резать грунт, набирая его в ковш, трактор делал это сперва «своими силами». Ковш медленно наполнялся менее, чем на треть, а трактор начинал «глохнуть». Тут-то и включал тракторист муфты. Задние колёса начинали вращаться от маховика и давали сперва 5-6, а по мере наполнения ковша грунтом, и до 10 тонн дополнительной тяги. Ковш быстро заполнялся «с шапкой» и муфты отключались. Маховик, отдав энергию, медленно вращался вхолостую. А потом – опять разгон, вход в «забой», копание, набор ковша с помощью маховика. И так всю смену!

Конец августа. Скрепер практически собран, можно работать, но тут возникает целый ряд проблем. Где работать – во дворе Опытного завода? Мы находимся в Москве, тут скреперами особенно не покопаешь. Нужен простор и ... разрешение на работы! Вокруг Москвы – или поля, засеянные чем-нибудь, леса, или дачи; все земли задействованы. Если поработает скрепер, он оставит после себя котлован, или, по крайней мере, длинную ложбину – а кому это нужно?

Второе – мы не просто поработать хотим, а провести исследовательскую работу. Нужны датчики – оборотов маховика, оборотов колеса, объёма и веса грунта в ковше, силы тяги – отдельно трактора и отдельно стальных колёс от маховика. Записывать показания этих датчиков нужно на осциллографе, с ним нужна связь. Одним словом, нужна полевая лаборатория. По ходу скрепера нужно брать пробы грунта, покрывать их расплавленным парафином, чтобы не изменилась влажность, постоянно измерять прочность грунта так называемым «ударником ДОРНИИ» и многое другое. Поэтому было принято решение начать испытания скрепера следующим летом, а весной – оснастить машину датчиками и другим исследовательским оборудованием. Если бы мы начали это делать сейчас же, то закончили бы в октябре-ноябре, а в эти месяцы скрепер не работает – мокро, а на мокром и липком грунте копать нельзя. Тем более, нельзя работать зимой, когда промёрзший грунт твёрже бетона.

Мы потягали скрепер взад-вперёд по двору завода и убедились, что маховик приводит колёса, а те, в свою очередь, разгоняют маховик. Затем затащили скрепер подальше, чтобы не мешал, отцепили трактор (если быть точнее – бульдозер на базе трактора С-80), и оставили скрепер с моим устройством зимовать под снегом. Я простодушно думал, что его хоть под крышу заведут – заржавеет ведь, сложное оборудование – открытые зубчатки, муфты, валы – но это были лишь мечты. Я набросил на устройство толь, полиэтиленовые мешки, брезент, надеясь предохранить его от сырости.

В конце августа, когда мне нужно было снова уезжать, я попрощался со скрепером, обняв его за колёса, попрощался с дядей Симой, Лукьянычем и Володей, пообещав привезти из Тбилиси чачи. попрощался с моими благодетелями, которые были довольны, что скрепер хоть всё-таки собрали. Опять мне не хотелось уезжать, хотя любви больше в Москве у меня не было, если не

считать неодушевлённый скрепер, конечно. Но именно этот неодушевлённый предмет, который был для меня «живее всех живых», мне не хотелось оставлять одиноко мёрзнуть под снегом!

А осенью произошло событие, которое совершенно подорвало моё, и без того пошатнувшееся после расстрела в Тбилиси, отношение к советской власти. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года, по решению хрущёвского 22 съезда партии, из Мавзолея было вынесено тело Сталина. Спорили ему на кителе генералиссимуса (форма, которую он так никогда и не надел в жизни!) золотые пуговицы, пришили латунные и похоронили под кремлёвской стеной.

Я, конечно, был этим событием взбешён, строчил ответы Евтушенко на его гадкий стишок «Наследники Сталина», написанный по заказу газеты «Правда». Ишь, какой «коммунист-правдист» отыскался! всю жизнь был диссидентом, а тут захотелось подлизнуть партии анус да поглубже! Вот и получил от Никиты Сергеевича его большевистскую благодарность! А сейчас я очень доволен, что тело моего любимого вождя, православного человека с церковным образованием, восстановившего патриархат и возобновившего нормальный диалог с церковью, не выставлено напоказ, как в витрине магазина! Вот лежит один, достойный этого бесстыдного эксгибиционизма (русский язык надо знать!), и душа его неприкаянная носится, не даёт нам стать нормальным народом, и хватит! Может, наступит день, когда мы закопаем эту мумию, признаем, что столько лет дурили людей по-чёрному, и станем нормальным народом, как, например, немцы! Но пока этого дня не видно!

И мне так захотелось смыться куда-нибудь за рубеж, настолько опротивел этот хрущёвский «волюнтаризм» и одурение страны, так хорошо показанные в потрясающем фильме «Тридцать три», что я даже стал искать такую возможность. Но не нашёл, может быть и к счастью!

Пьём по критерию и по меркам

И вот я снова в Москве, на сей раз надолго – на преддипломной практике – это весь весенний семестр! Бегу сразу на Опытный завод проведать моего «мамонта». «Мамонт», как и подобает северному чудовищу, весь в снегу; вокруг него разбросаны куски толя и полиэтилена, брезента нет – или ветром сдуло, или, что вероятнее, спёрли. Все металлические части в ржавчине и грязи; я как мог, счистил снег и прикрыл механизм, чем нашёл.

Перейдя дорогу – улицу Ивовую, зашёл в «Пожарку». Серафим, Лукьяныч и моя койка – на месте, никого не подселили. Затем зашёл в лабораторию. Фёдоров был в командировке, а Игорь Недорезов, исполнявший его обязанности, встретил меня очень радушно. Между нами начало завязываться нечто тёплое, перешедшее потом в многолетнюю дружбу. Игорь Андреевич официально объявил мне, что он временно на период практики, оформляет меня на работу в качестве старшего мастера, и теперь я не только буду получать зарплату, но и законно занимать койко-место в «Пожарке». Я отдал честь и отрапортовал: «Служу ЦНИИСу!».

Началось оснащение скрепера датчиками и измерительной аппаратурой. На очищенную и обезжиренную поверхность осей скрепера десятками наклеивались тензодатчики – основные и компенсирующие; на колёса и маховик устанавливались датчики оборотов. Колёса крутились медленно и на них мы ставили обычные «чиркалки», а на маховик – тахогенератор с ремённым приводом. На дышло поставили специальную месдозу для измерения силы тяги. До самого июня шло это оснащение скрепера.

А жизнь в «Пожарке» протекала своим чередом. Правда, были и изменения. Мазина пожаловалась в ЦНИИС на наших многочисленных посетителей, и новый заместитель директора по хозяйственно-административной части (мы называли кратко – «зампохач») Чусов, поставил на входе в «Пожарку» дежурного. Поток посетителей резко упал, остались лишь самые верные, или кому терять репутацию было уже не опасно. Возник винно-водочный дефицит, который надо было как-то пополнять.

Прежде всего, я как человек учёный, особенно в глазах «рабочих» т.е. жителей общежития, решил уточнить, какой же напиток покупать наиболее выгодно. По этому поводу в общежитии шли нескончаемые споры – Лукьяныч говорил, что выгоднее всего «Перцовка» за 2,20, хотя она и 30 градусов, слесарь Жора утверждал, что выгоднее всего сорокоградусная водка типа

«Калгановка», «Зубровка» или «Горный дубняк» по 2,65. Володя Ломов, как «кандидат наук», утверждал, что выгоднее всего армянский портвейн «Лучший» по 2,30, но объёмом 0,75 и крепостью 18 градусов. Серафим Иванович смотрел на эти споры скептически и считал их беспочвенными, так как нет объективного критерия выгоды.

И я, поработав головой, вывел этот критерий – им оказался «грамм-градус-копейка», который в «Пожарке» в мою честь назвали «Гул»-ом. Чтобы получить этот критерий, надо было массу напитка в граммах умножить на его крепость в градусах и поделить на стоимость в копейках. Чем выше значение критерия, тем выгоднее покупать напиток.

Расчёты показали удивительные вещи. Взятая за эталон «Московская Особая» за 2,87, имела критерий 500x40: 287, т.е. почти 70 Гул'ов; «Горный дубняк», «Зубровка», «Калгановка» - 75 Гул'ов; «Перцовка» - 68 Гул'ов, то есть она невыгоднее даже «Особой»! Портвейны «Альб де Десерт», «Альб де Маса» и «Анапа» (500x17:127) – 67 Гул'ов, т.е. эти дешёвые портвейны – невыгодны, это сенсация! Володин выбор – портвейн «Лучший», оказался совсем не лучшим, а пожалуй, худшим – 58 Гул'ов. Но чемпионом оказался красный молдавский портвейн «Буджакский» (750x19:167) – аж 85 Гул'ов! Тогда ещё не было таких шедевров, как «Солнцедар» или плодово-выгодное «Биле Мицне», которое ещё называли, наверное, из-за вкуса, «Биомицином»; появились они лет через десять. Но, уверяю вас, выше «Буджанского» им бы не возвыситься!

Протестировали даже пиво – самое дешёвое разливное-бочковое «Жигулёвское», оказалось по Гул'ам равным «Буджакскому». Стало быть, пить пиво за 22 копейки кружка – выгодно. Но сколько же его надо выпить? И потом, разливное пиво явно разбавлено, да его и недоливают. А бутылочное имело всего 50 Гул'ов, т.е. было явно невыгодным!

Введение нового критерия произвело такой переполох в умах «рабочих», что некоторые из них почти свихнулись (по современному - у них «крыша съехала») – рушились их представления о самом главном в жизни. Слесарь Жора даже порывался избить меня за этот критерий. Но я заметил ему, что избыток он меня или даже убьёт, критерий всё равно останется! Все уже знают о нем и будут вычислять даже без меня. На что Жора высказал великую мысль, достойную нашего менталитета:

- Вас – учёных ещё до рождения убивать надо, чтобы не успели нагадить народу!

Но инициатива наказуема, и из-за моего критерия больше всех пострадал я сам. Убедившись, что красный портвейн «Буджакский» - самый выгодный, и опасаясь, что его могут раскупить, я на весь свой аванс старшего мастера, купил этого вина и запрятал в платяной шкаф. Бутылок 20 притащил, не меньше, по 85 Гул'ов - думал, хватит на месячишко. Но «гул» шёл по общежитию всего один день, гульбище и гулянка тоже. Вот сколько хороших слов происходят от моей фамилии! Вылакали соседи по общаге мой «выгодный» портвейн одновременно, и я сам угощал им «рабочих», после того, как «пропустил» бутылки две сам. Пили за новый критерий, за великого учёного-спиртоведа, за Молдавию – родину самого выгодного вина. На халяву, говорят, и уксус сладок! Выпили столько, что и тошнило многих красным. Сперва испугались, думали, что кровь горлом пошла. Но потом вспомнили, что пили красное, и успокоились.

Я же сделал для себя важный вывод – нельзя покупать сразу много спиртного, а только по мере расходования. Вы видели когда-нибудь, чтобы ханыги-алкаши, которые тусуются возле винных магазинов, сразу покупали бы много? Нет, они роются по карманам, достают мелочь, считают, роняют монеты на снег, потом набирают нужную сумму и покупают бутылку. Выпьют на троих и начинают снова шарить по карманам, и ведь наскребают-таки! И так по нескольку раз! Значит, деньги у них исходно были, ведь не выросли же они сами в карманах. Но не купили они, к примеру, сразу три бутылки, чтобы не разливать по капле каждую по трём стаканам, а гордо и независимо выпить из горла каждый – свою! Ханыги – люди опытные, они-то в своём деле соображают!

И ещё одно полезное нововведение было сделано в питейную практику нашей комнаты. На сей раз – секретное. Так как число наших посетителей с бутылками резко уменьшилось, то нужно было подумывать об увеличении «налога» с посетителей. Для этого я принёс из

лаборатории стеклянную мензурку, на которую нанёс стеклографом чёрточки с надписями: «на двоих», «на троих», «на четверых» и т.д.

Допустим, приходят к Серафиму или ко мне двое с бутылкой. Договариваемся делить «на троих»: переливаем в стакан одному - раз, потом другому - два, а остаток – себе в железную кружку. Но чёрточки-то я провёл чуть ниже реальных значений объёмов, поэтому остаток оказывался больше, чем по расчету. Особенно большой выигрыш был, когда приходилось делить бутылку на много доз. Свою кружку делящий до конца не выпивал, а сливал в «общак» - на «чёрный день».

Особенно хорошо это получалось у дяди Симы. Он на корню пресекал всякое недоверие посетителей, а если те артачились, привычно спускал их с лестницы. Так что, на ухудшение условий существования мы отвечали привычкой русской смекалкой и сноровкой.

О выгодах спорта и споров

Но, тем не менее, о новых пополнениях спиртного думать было нужно, что мы всё свободное время и делали. Помог, как обычно, случай. Как-то заказал Серафиму починить свой будильник начальник конструкторского бюро ЦНИИС Фёдор Иванович Зайцев – фигура колоритная. Участник войны, 1909 года рождения, с орденами и медалями, он имел высокий рост и ещё более высокий вес – явно выше центнера. Ходил он, гордо выпятив грудь, имея на это все основания – начальник КБ, фронтовик и самый сильный человек нашего институтского городка. 52 года – расцвет мужской силы, он был завидным женихом, но таким и остался, потому, что хоть и любил женщин, но жениться и терять свободу не хотел.

Меня заинтересовало, почему он считался самым сильным человеком в городке. На это Серафим пояснил, что у него дома есть тяжёлая штанга, и он её, к ужасу соседей (квартира у него была коммунальная), иногда поднимает. Ужасало соседей не то, что он её поднимал, а то, что она иногда падала, сотрясая весь дом до фундамента. Узнав про штангу, я потерял покой и упросил Серафима «свести» меня с Зайцевым, желательно у него дома. Случай такой представился – Серафим договорился занести готовый будильник Зайцеву прямо на дом.

Пошли втроём – Серафим, Володя Ломов и я. Зайцев был явно недоволен большим количеством гостей. Так бутылку – плату за будильник – распили бы вдвоём, а так - волей-неволей приходилось делиться. Серафим познакомил меня с Зайцевым, я рассказал ему, чем занимаюсь в ЦНИИСе. Зайцев слышал про «чудо-скрепер» и сразу зауважал меня, как изобретателя.

Но душа моя рвалась к штанге и я, наконец, увидел её. В углу комнаты лежал самодельный спортивный снаряд, достаточно профессионально изготовленный. Фёдор Иванович, заметив мой интерес, рассказал, что сконструировал штангу сам, изготовили её на Опытном заводе, и весит она до 105 килограммов.

- Но поднимаю я килограммов пятьдесят-шестьдесят, - пояснил Зайцев, - а больше боюсь: упадёт. Соседи загрызут!

По дороге я намекнул Серафиму, что хочу «сразиться» по штанге с Зайцевым на бутылку. Серафим не одобрил моего намерения – он не знал про моё спортивное прошлое, а фигура Зайцева внушала ему уважение. Но ради бутылки (безразлично с чьей она будет стороны!) он решил подыграть мне.

Я подошёл к штанге – там было килограммов пятьдесят, неумело подобрал её с пола. Сказал, что она лёгкая, и её поднять – раз плюнуть. Зайцев подошёл к штанге, важно поднял её на грудь и выжал. Я понял, что больше шестидесяти ему не поднять, и стал рваться в бой.

- Молодой человек, вы можете получить грыжу, ведь вы никогда не поднимали штанги, - убеждал меня Зайцев, - да и по фигуре вы худенький, subtilный ...

- Это я-то «субтильный»? – рассвирепел я и предложил Зайцеву обидный спор на бутылку – кто больше выжмет. При этом вытащил из кармана трёхрублёвку и выложил её на стол. Зайцев покачал головой и осудил меня за такую безрассудность – спорить на жим, с ним, с самим Зайцевым – самым сильным человеком городка? Недальновидно! Но вызов принял. Немалую роль сыграл здесь Серафим, подзадоривший Зайцева, что какой-то «субтильный» мальчишка смеет спорить с ним, самим Зайцевым ...

Он выжал пятьдесят пять килограммов, затем взял на грудь шестьдесят, но выжать не смог. Он мял себе мышцы на руках, сетовал, что «пошёл на вес» без разминки, что дал втянуть себя в авантюру. Он даже не ожидал, что я подойду к шестидесяти килограммам, и пытался не позволить мне это сделать. Бедный Фёдор Иванович боялся, что вес меня «сломает». Серафим и Володя взяли меня страховать, и Зайцев уступил.

Я, призвав всю свою фантазию, как можно только непрофессиональнее взвалил штангу себе на грудь, и, боясь рассмеяться, с колоссальным трудом выжал её. Зайцев был поражён. Этого он никак не ожидал.

- Чем вы берёте вес? – Зайцев недоумённо пожимал плечами, - ведь у вас же нет мышц! И он попытался пощупать мои бицепсы с трицепсами, но я уклонился, опасаясь разоблачения.

- Не люблю, когда мужиков лапают, не принято у нас на Кавказе! – соврал я. Что принято на Кавказе, я уже хорошо знал!

Зайцев выложил свой трояк, Володя побежал в магазин, прихватив и мою бумажку. Протесты не помогли – «за подыгрывание и страховку» - шепнул Володя, и через несколько минут уже прибежал обратно с двумя бутылками «Старки». Двадцать четыре копейки он добавил от себя! Невероятная щедрость!

Трёх бутылок – одной – за будильник, другой - выигранной и третьей – за «страховку», вполне хватило для дружеского застолья. Фёдор Иванович любил закуски, и они у него всегда водились – сыр, колбаса, икра баклажанная, «Лечо» - всё это для нас было лакомством.

- Чем вы берёте такой вес? – повторял Зайцев мне свой вопрос, и я отвечал ему:

- Головой надо работать, головой! – отвечал я и постукивал себя по лбу. Все смеялись.

Подвыпив, Зайцев обещал потренироваться и взять у меня реванш. Он сказал, что не уступит своё звание «самого сильного человека городка» субтильному, хоть и умному юноше. Я понял, что ещё несколько бутылок, причём с хорошей закуской - наши!

Замечательная русская черта – отыгрываться. Как говорится в пословице: «Не за то отец сына бил, что играл, а за то, что отыгрывался». Так вот, многоопытный Зайцев несколько раз присылал мне вызовы на поединок, и я всегда выигрывал с минимальным перевесом, выжимал решающий вес с таким трудом, с такими мучениями, что под конец не выдержал. Когда количество побед перевалило за пять, мне стало стыдно, и, невзирая на протесты Серафима и Володи, я набрал на штангу полный вес - 105 килограммов, взял на грудь и с лёгким толчком сделал «швунг». Неспециалист не отличит его от жима, и «самый сильный человек городка» был повержен – физически, а главное – морально.

Он никак не мог представить себе, что я – мастер спорта по штанге, почти кандидат на мировой рекорд в жиме. Да я и не рекламировал себя ни ему, ни Серафиму. Пусть думают, что я «головой работаю», применяю какую-то неведомую теорию для поднятия тяжестей.

Больше Зайцева побеждать было нельзя, но я снял эскизы с его штанги и, пользуясь связями Серафима, Зайцева и своими, изготовил на Опытном заводе ещё одну штангу. Для наших целей - оздоровления пьющего мужского населения «Пожарки».

Штангу поставили в нашей комнате, и пошли соревнования с мужским населением общежития. Никто в мою силу не верил, шли сплошные отыгрывания и реванши. Слесарь Жора отыгрывался аж семь раз, но так ничего и не понял. Я просто отказался больше с ним соревноваться – посоветовал тренироваться. Раскрыть свои возможности перед всем обманутым общежитием было бы слишком опасно – побьют ведь!

Скоро весь «бюджет надувательства» в общежитии закончился, и мы принялись искать «внешнюю клиентуру». Её, в основном, поставлял Серафим. Где-то по своим старым каналам связи, он выискивал слегка подвыпивших, здоровых телом мужиков и затаскивал их под тем или

иным предлогом в «Пожарку». А там – штанга, якобы оставшаяся от четвёртого жильца в комнате. Серафим имитировал страстное желание поднять хоть какой-то вес, но у него не получалось. «Здоровые телом» мужики авторитетно показывали ему, как это надо делать, а я, обычно лёжа на своей койке, оценивал силовые возможности мужиков. После чего вставал и, якобы с подпития, предлагал поднять одной рукой столько же, сколько поднимет «здоровый телом» мужик – двумя. Предложение, надо сказать, обидное, особенно от «субтильного» юноши. Меня пытались отговорить, советовали лучше поиграть в шахматы, но я распался всё больше. Серафим и Лукьяныч подыгрывали мне, и спор завязывался.

Я и «здоровый телом» выкладывали по трояку. Серафим накрывал деньги шляпой, и начинались силовые упражнения. Мужики обычно поднимали пятьдесят, от силы шестьдесят килограммов, а я знал, что могу свободно вытолкнуть правой рукой 65-70 килограммов. И это – немного, рекорды в моём же полулёгком весе доходили до 100 килограммов. Правда, это движение уже не входило в троеборье; раньше существовало «пятиборье» - с рывком и толчком одной рукой, но его в 50-х годах отменили.

Так или иначе, я побеждал в споре, причём «рекордный» вес поднимал с имитацией невероятного труда и напряжения. Ошарашенный «здоровый телом» мужик проигрывал, но делал всё возможное, чтобы, во-первых, отыграться, а во-вторых – вовлечь в спор других своих знакомых. Знакомые здоровяки, по идее проигравшего, могли или выиграть, или проиграть мне, а «доза» от поставленной водки всё равно доставалась «посреднику». Выигрывал, конечно же, я, потому что профессионалов среди приглашённых не бывало.

А если бы такой вдруг появился, я бы его сразу же «вычислил» и не стал бы спорить, сославшись, например, на болезнь. Но постепенно иссякли и эти «клиенты», ведь городок наш был так мал. Я вёл учёт выигранным бутылкам, «чиркая» острым напильником по грифу штанги после каждого выигрыша. «Зарубок» на грифе оказалось 173!

Надо было подумывать о других способах изымания выпивки с населения. И новое решение было найдено.

Тогда в начале 60-х годов магнитофоны были ещё в новинку, особенно среди не шибко «современного» населения нашего общежития и городка в целом. Я купил недорого в комиссионном магазине магнитофон «Днепр» и быстро приспособил его для изымания бутылок с населения.

Магнитофон был спрятан в тумбочке, а микрофон закамуфлирован в настольной лампе. Одновременно с включением этой лампы, включался и магнитофон, настроенный на запись. Когда приходил очередной солидный «клиент» к Серафиму на выпивку, я ввязывался в разговор и предлагал очередной анекдот про Хрущёва (тогда эти анекдоты ходили сотнями). Например, что купил Хрущёв на базаре поросёнка и несёт домой, завернув в детское одеяльце, чтобы скрыть покупку. Встречается знакомая, спрашивает, что в руках. А Хрущёв отвечает: «Это сынок родился, несусь с роддома домой!». Знакомая откидывает край одеяльца и говорит: «Весь в папу!» Ха-ха-ха!

«Клиент» тоже вспоминает анекдот про Хрущёва, например, что на обеде у индийского премьер-министра Неру, Хрущёв украл серебряную ложку и спрятал в карман. А Булганин (с которым Хрущёв первое время всегда ездил вместе), заметив это, говорит: «Господа, я покажу вам русский фокус. Вот я беру со стола и кладу себе в карман серебряную ложку, фокус-покус, и достаю её из кармана Никиты Сергеевича!» Ха-ха-ха!

Но перед анекдотом «клиента» я успеваю включить лампу на тумбочке, и весь текст записывался на ленте магнитофона. Отогнав ленту обратно, я даю «клиенту» возможность выслушать его анекдот. «Клиент» сереет лицом и просит: «Сотри!». Серафим смотрит на часы и деловито предлагает: «до закрытия магазина осталось больше часа. Давай, беги за бутылкой, а потом сотрём вместе». «Клиент» сорвавшись с места, убежал и вскоре прибежал обратно с бутылкой, а нередко и с другим «клиентом-анекдотистом». Если сам «вляпался», то почему бы и не подставить другого. Выпивать-то всё равно вместе! Сейчас трудно представить себе, что за подобный анекдот можно было запросто «вылететь» с работы, а коммунисту - из партии тоже.

Но постепенно стала исчезать и эта клиентура. К нам в комнату стали опасаться заходить. Но мы не «потерялись» и на этот раз. Прихватив бутылку, мы с Серафимом заходили куда-нибудь

в чужую компанию, «на огонёк». Послушаем у дверей, если в комнате громкие полупьяные разговоры, мы стучим в дверь – просим спички там, или соли. Хозяйка наливает, мы вынимаем свою бутылку и пошло-поехало. А потом я начинаю показывать фокусы. Например, разворачиваю платок и прошу положить на его середину сложенную в несколько раз трёхрублёвку. Засучив рукава, я под пристальными взглядами компании, сворачиваю платок «котомкой», на дне которого лежит денежка, и предлагаю пощупать, там ли она. Все щупают, засовывая руку в «котомку», и подтверждают, что, дескать, денежка там. Последним, засовывает руку Серафим, долго копается, придирчиво ищет бумажку, сперва не находит её, но потом вынужденно соглашается, что она там. При этом, конечно же, незаметно забирает её себе в кулак.

- Фокус-покус! – и я, встряхивая платком, показываю, что он пуст. Пьяная компания взволнована, она просит повторить фокус. Они следят за моими руками, чуть ли ни придерживая их своими. Больше всех обвиняет меня в шулерстве Серафим – он долго копается, никак не может найти бумажку в платке, гневно сердится на меня, но чуть ли ни с посторонней помощью, находит её и, конечно же, забирает. «Фокус-покус!» - и платок снова пуст. Мне проверяют карманы, залезают, чуть ли ни в трусы, но трёшки-то у меня нет!

Или ещё один, более интеллектуальный фокус. Вроде, я могу по отпечатку пальцев тут же найти «хозяина» этих отпечатков. Но тоже за трояк.

Делалось это так. На небольшое зеркальце клалась трёхрублёвка, и кто-нибудь из присутствующих должен был взять её, оставив на зеркальце отпечаток любого пальца. Меня, конечно, на это время выводили из комнаты и следили, чтобы я не подглядывал. Когда дело было сделано, меня вызывали, я быстро глядел на отпечаток и тут же стирал его платком. Потом каждому из присутствующих предлагал оставить свой отпечаток, но так, чтобы он не налезал на чужой. Потом рассматривал эти отпечатки «оптом» и указывал на того, кто взял трояк. Однажды в такой компании случайно присутствовал следователь-криминалист, так он чуть с ума не сошёл. Говорил, что я – уникал, что меня надо брать в МУР и платить бешеные деньги за такое мастерство.

Но скромно признаюсь, что в дактилоскопии я был совершенным профаном, просто Серафим, оставляя свой отпечаток на зеркале, указывал пальцем на того, кто взял трояк ...

Из ВУЗа – в аспирантуру

В конце мая мне пришлось оставить мой приятнейший научно-питейный образ жизни, так гармонично сочетавший науку, спорт, шулерство и пьянство, и отправиться в Тбилиси на защиту дипломного проекта. Кое-какие чертежи я взял с Опытного завода, кое-что доделал, а самое главное – изготовил действующую модель скрепера. Из механизма больших настенных часов я приготовил редуктор, тихоходный вал соединил с осью колёс от игрушечного грузовика, а быстроходный – оставил свободным. На него я надевал крыльчатку, если имитировал обычную машину, и свинцовый диск, если имитировал мой привод с маховиком. Осталось спаять из белой жести ковш скрепера и другую «фурнитуру», чтобы сделать модель похожей на оригинал.

И вот, на защите диплома, рассказав про скрепер по чертежам, я ставлю на стол модель скрепера, а перед ней на другом конце стола - пятикилограммовую гирю от домашних весов. Завожу ключом пружинку, ставлю на быстроходный вал крыльчатку, и отпускаю машину. Скрепер с тихим урчаньем двигается к гире, но, упёршись в неё, останавливается, как и было намечено. А теперь, снова отведя модель на исходную позицию и заведя пружину, я ставлю на быстроходный вал свинцовый маховик. Почувствовав свободу, игрушечный скрепер сперва движется медленно, разгоняя быстроходным валом маховик, а затем уверенно «прёт» на гирю. Упёршись в неё носовой частью, скрепер, влекомый разогнанным маховиком, весь как-то собирается, тужится, и пробуксовывая колёсами, медленно тащит перед собой гирю. Доведя её до края стола, скрепер, не задумываясь, сталкивает с грохотом гирю на пол.

В аудитории аплодируют – принцип работы маховичного устройства поняли все, включая председателя экзаменационной комиссии, который обычно тихо спал на защитах. Разумеется,

оценка диплома была отличной. Жена получила такую же оценку; тема её диплома была такой же, что и у меня – вариант маховичного толкателя к тому же скреперу.

В те годы после окончания ВУЗа следовало идти работать по «направлению». Раз проучился бесплатно – иди работать, куда направят – в любой район нашего большого Союза, хоть на Чукотку.

Известен анекдотичный случай распределения на мехмате МГУ. Выпускники – мехматовцы, обычно называемые механиками, в обыденном понятии – чистые математики. И распределили их по институтам Академии наук. А тут в МГУ явился с визитом Хрущёв и заявил, что механики должны работать механизаторами в колхозах, а не «греться» в московских институтах. И весь выпуск «механиков» был направлен в колхозы. А выпускники – молотилки от веялки отличить не могут, для них самое «приземлённое» в механике – это уравнения Лагранжа 2-го рода.

Так вот, жена моя получила свободное распределение (из-за малолетнего ребёнка), а меня направили в марганцовую шахту Чиатурского района в болотистой глуши Западной Грузии. На этих вреднейших шахтах только зеки и работали. Там после пяти лет работы – эмфизема лёгких и хана тебе (кто не понимает слово «хана», поясню – это абзац, амба и т.д. до буквы «я», русский язык богат синонимами!). А тупые дети артельщиков, заплатив взятки, получали направления в Москву, Ригу, Ленинград, Киев, разве только не в Рио-де Жанейро.

Но жена, походив в Министерство образования Грузинской ССР, добилась-таки моего «освобождения» от шахты, и я отправился в Москву сдавать экзамены в аспирантуру, как об этом я договорился с моими благодетелями Фёдоровым и Недорезовым. Скрепер-то надо было доделывать, денег былохлопано много...

И вот в начале сентября я снова в Москве. Благодаря опубликованным трудам – авторскому свидетельству, статье в журнале, и ходатайству благодетелей, мне разрешили поступать в аспирантуру без обязательного стажа работы в течение двух лет.

Советская власть считала, что молодой специалист после окончания ВУЗа должен проработать 2 года в колхозе механизатором, или на Красном Богатыре мастером цеха, забыть всю науку, кроме мата, а потом спокойно поступать в аспирантуру – научный успех будет обеспечен! Ну, а мне – в порядке исключения, разрешили-таки учиться дальше.

Что ж, сдал я специальность; экзамены принимали сами Фёдоров и Недорезов, вопросы задавали про скрепер, а я серьёзно на них отвечал, благо чувствовал я скрепер всеми частями своего тела, более всего спиной – тяжеловаты были его детали, особенно дышло!

Английский сдал легко и непринуждённо – сказались занятия, которые я давал жене. А вот с историей КПСС, которую тоже надо было сдавать при поступлении в аспирантуру, вышла заминка.

Не буду обсуждать, на какого хрена история отдельно взятой партии аспиранту технической специальности, а скажу только, что у меня тогда начал завязываться роман с девушкой по имени Валя. И мы с большой компанией товарищей затеяли поход в лес на субботу-воскресенье с ночёвкой в палатках. Валька должна была идти со мной «в паре».

Но что-то изменилось, я так и не понял что, и вместо одной Вальки, в поход пошла другая – её подруга. Подошла так просто ко мне и говорит: «Я вместо Вальки такой-то, зовут меня тоже Валей, не ошибёшься». Критический осмотр показал, что вторая Валька была существенно хуже первой, но выбирать не приходилось, и я согласился на замену. Тем более, выпивки брали с собой достаточно. Взял я с собой и толстый синий фолиант – историю КПСС, будь она неладна – в понедельник с утра назначен последний экзамен.

Весело так гуляли, выпили малость, нашли под вечер полянку, разбили палатки. Мы с Валей любовно ставили наше «гнездышко», укладывали в нём два матраса, подмигивая друг другу, дескать, два может и не понадобится. На полянке горел большой костёр, мы выпили, закусили, пожелали друг другу спокойной ночи; Валя заранее залезла в палатку стелить постели, я же задержался минут на десять с ребятами – надо же было допить, что оставалось – водка-то до утра выдохнется!

Залезаю, как хозяин, в палатку, а там на «моём» матрасе лежит какой-то тип, которого я и не замечал раньше. Рослый мальчик лет пятнадцати, чей-то сынок, почему-то лёг не со своими родителями, а полез в палатку к Вальке. На мой недоумённый взгляд она ответила, что мальчику

спать негде, и она пустила его «к нам». Ещё Валька заметила, что мы поместимся и втроём, а мальчика (который был повыше меня!) положим в середине.

Я заключил, что всё происходит к лучшему. Молча достал том Истории КПСС и сел к костру. Всю ночь я пробыл дежурным у костра, бросая палки (в костёр, разумеется!) и «запоем» читал про историю «нашей любимой партии». Утром я немного поспал в палатке, свободной от Вальки и «недоросля», и опять продолжил чтение моего «бестселлера».

Валька снова липла ко мне, но я молча отстранил её, благо поутру я ещё раз её осмотрел попристальнее и покритичнее. Нет, спасибо недорослю, иначе бы я себя совершенно перестал бы уважать! Да и столько водки у нас не нашлось бы! Роль этой второй Вальки в походе я до сих пор так и не понял; пусть это так и останется малоинтересной загадкой навсегда. Днём мы возвратились к себе в городок. Я окончательно дочитал учебник и понял, что без ночного бдения, я его бы так и не осилил.

На экзамене я получил по истории КПСС «четвёрку», первую за пять лет учёбы. Преподаватель, толстенький весельчак, всё время пытался узнавать моё собственное мнение о событиях в истории партии. А на мои ответы давал язвительные комментарии: «Ваше мнение совпадает с точкой зрения фракции меньшевиков», «так думали оппортунисты», и т.д. Я не выдержал и напрямую спросил, что он собирается мне поставить.

- «Хорошо», наверное, - нерешительно ответил преподаватель, - с тройкой, а тем более с двойкой вас не возьмут в аспирантуру!

Молодец - хоть и коммунист, но оказался порядочным человеком!

Да что я ополчился так против коммунистов? Мой кумир – Сталин, был коммунистом, талантливейший организатор, спасший страну от атомной агрессии США – нарком Берия, внучатым племянником которому я прихожусь, тоже был коммунистом. Мои благодетели – Фёдоров и Недорезов – тоже были коммунистами, причём Фёдоров уже потом долгое время был парторгом ЦНИИСа. Мои отец и мать были коммунистами. Комендант общежития МИИТа - взятчик Немцов – тоже коммунист, причём убеждённый, мы как-то беседовали с ним об этом. Парторги институтов, где я работал, тоже были приятными людьми и собутыльниками – часто моими друзьями. Так что грех ругать всех коммунистов подряд, они все поодиночке, в общем – люди нормальные, а вот когда вместе соберутся и голосовать начнут – нет хуже сволочей!

В результате я получил две «пятерки» и одну «четвёрку», и был принят в аспирантуру. Учёба начиналась с января уже 1963 года, так что оставалось месяца три для устройства на работу. И мне надо было срочно уезжать в Тбилиси и устраиваться на постоянную работу с окладом не менее 100 рублей в месяц. Поясню, почему.

Так как меня приняли в аспирантуру в виде исключения без трудового стажа, стипендию мне, вроде бы, и не полагалось выплачивать. В Положении об аспирантуре было сказано, что стипендия назначалась в размерах последней заработной платы, но не свыше 100 рублей в месяц. А так как я ещё нигде постоянно не работал, то и последняя зарплата равна нулю рублей. А в Москве я не мог устроиться на работу, нужна «прописка», а у меня была только тбилисская. Надеюсь, что слово «прописка» ещё знакомо бывшим советским людям?

Итак, я уже в Тбилиси и лихорадочно ищу работу. Кинулся на знакомую табачную фабрику, но получил «от ворот поворот». Им ещё нового «останова» не хватало! И я устроился по объявлению «Организации требуются инженеры-конструкторы» на почтовый ящик № 66.

В почтовом ящике

Не подумайте, что это какое-нибудь почтовое отделение, где нужно стоять с высунутым языком, ожидая, что кто-нибудь захочет приклеить марку и воспользуется его влажной поверхностью. Нет, это была серьёзная военная организация, где разрабатывались телетайпы для армии. А чтобы не выдавать секрета, организация называлась «Почтовый ящик». Таких «ящиков» по стране были тысячи, и все знали, чем в них занимаются. Спросишь, бывало: «Как пройти к почтовому ящику №31?» А тебе отвечают: «Это что, к авиазаводу?» И т.д.

Начальник отдела, куда я устраивался, по фамилии Мхитаров, хитрый армянин, тщательно выведывал у меня, почему я не поехал по распределению. Ответ выглядел убедительно: «А кому охота в марганцовую шахту лезть?». Диплом был «красный» - с отличием, и Мхитаров взял меня, но осторожно назначил зарплату всего в 80 рублей.

«Проявишь себя – повысим!» - резюмировал он.

Я соглашался – выбора-то не было! 80 рублей – это около 25 бутылок водки, то есть что-то около 80 долларов получалось по покупательной способности. Но мне нужно было 100 рублей, и я начал «проявлять себя», хотя мне и предложили месячишко осмотреться и привыкнуть.

Я спустился в цех и осмотрел производство, поговорил с мастерами. Узнал у Мхитарова о недостатках изделия. Тот стал перечислять их, но потом пылливо посмотрел на меня и спросил:

«Хочешь задачу, которую никто не может решить, даже я сам? Решешь, тут же на сто рублей переведу. Не можем аппарат на госиспытания выставить из-за этого!».

И он рассказал мне о самом крупном пороке тбилисского телетайпа. Дело в том, что телетайп печатал по принципу печатной машинки, там так же протягивалась красящая лента, причём протягивалась она ненормально быстро. Привод был от единственного торчащего поблизости вала, на который был насажен кулачок-эксцентрик, как на распределительном валу автомобильного двигателя, если так понятнее. А толкал этот кулачок рычаг с маленьким роликом, раза в три меньше по размерам, чем сам кулачок. Толкнёт – лента протянется; но толкал-то он очень часто, так как вал вращался быстро. А понизить его обороты не было никакой возможности – не ставить же редуктор, там места не было вообще никакого. Да и новых деталей не добавишь – их номенклатуру нельзя увеличивать. Вот как хочешь, так и крутись, а обеспечишь скорость протяжки ленты в 2-3 раза медленнее, не добавляя ничего! «Это задачка потруднее теоремы Ферма!» – глубокомысленно заметил Мхитаров.

У меня мелькнула остроумная идея, но я всё-таки переспросил Мхитарова:

- Точно дадите сто рублей в месяц, если докажу эту теорему Ферма?

- Честное слово, при свидетелях говорю! – и он, подозвав к себе ведущего конструктора Хагагордяна и старшего инженера Тертеряна, ещё раз пообещал мне прибавку при них.

Надо сказать, что в отделе, где начальником был Мхитаров, инженеры были все армяне. Не всем это нравилось, например, начальнику предприятия – грузину Нижарадзе, да и самим работникам это было не по душе. Нет, не то, что все вокруг были армяне, а то, что они сами были этой национальности.

Дело в том, что родившиеся и выросшие в Тбилиси армяне (а их было более половины всего населения Тбилиси тех годов) считали себя грузинами, но фамилия-то выдавала их происхождение. Сколько я знал людей по фамилии Мхитаришвили, Тертерашвили, Саакашвили и других, фамилии которых имели армянский корень и грузинское окончание. Тот же Мхитаров – это Мхитарян, но переделанный под русского, если переделывать под грузина – будет Мхитаришвили. Фамилия Саакашвили (да простит меня нынешний грузинский президент!) – от армянского имени Саак, Саакян – в исходном армянском варианте; эта фамилия так же распространена в Армении, как у нас – Иванов. Тертерян – от армянского слова «Тертер» - «священник»; фамилия Тертерашвили нереальна, как, например, «Рабинов». Рабин, раввин – это еврейский священник, русское окончание «ов» к нему так же нелепо, как и грузинское «швили» к армянскому священнику - «тертеру».

Наш старший инженер Тертерян, как выпивал, плакал и жаловался, что жить не может с такой фамилией – даже грузинское окончание не поможет!

- А ты женись на грузинке и возьми её фамилию, так ведь разрешено! – как-то посоветовал ему я.

Бедный Тертерян был поражён лёгкостью разрешения этой проблемы. Он даже поцеловал меня за мудрый совет и налил стакан водки. Так вот, я представил Мхитарову такое доказательство «теоремы Ферма», что он тоже расцеловал меня, правда, стакана не налил. Но тут же попросил написать меня заявление о прибавке зарплаты и завизировал его.

В чём же заключалось доказательство «теоремы Ферма»? Я просто переставил местами кулачок и ролик: маленький ролик я надел на приводной вал, а кулачок – на рычаг. Ролик должен

был сделать около трёх оборотов, пока кулачок обернётся один раз и толкнёт рычаг, протягивающий ленту. Скорость ленты убавилась втрое. Такого решения, когда ведущим является ролик, а ведомым – кулачок, не описано ни в каких справочниках – вот конструкторы и не знали, как поступать.

Новый вариант лентопротяжки был тут же изготовлен, и телетайп пошёл на госиспытания в модернезированной виде. А Мхитаров ещё раз сделал мне доброе дело, выручил в серьёзной ситуации.

Как-то мне понадобились латунные прутки определённого диаметра, но я нигде их не мог достать. А на работе, то есть в п/я 66, такие были. Вынести что-нибудь из военной организации – уголовное дело. Но я решился – просунул себе в брюки и под пиджак два прутка, концы вставил под носки в туфли и пошёл в конце рабочего дня на проходную. Шёл, правда, не очень нормально – ноги-то не сгибались! И вот меня по дороге догоняет Мхитаров, дружески берёт под руку и чувствует – под пиджаком прутки. Пощупал с другого бока – другой прутки.

- Ты что, в тюрьму захотел? – бледнея, спросил меня Мхитаров, но так как дело было уже в проходной и нас толкали сзади, взял меня за локоть и, подталкивая, провёл через проходную.

Его знали все вахтёры и отдали под козырёк. Уже на улице Мхитаров серьёзно предупредил меня, чтобы это было в последний раз. По крайней мере, в данной организации.

Кроме лентопротяжки я сделал ещё несколько более мелких усовершенствований в конструкцию телетайпа – уменьшил размеры фрикционной муфты, перенёс в удобное место стробоскопические метки для определения скорости её вращения, не буду перечислять больше, так что разницу в кладе, я, думаю, купил.

Но после достижения своей цели – ста рублей в месяц, охота к работе прошла. И я стал делать другие изобретения, за которые Мхитаров меня бы не похвалил. Прежде всего, я изобрёл «мхитароскоп». В бюро, где я сидел, было ещё человек пятнадцать конструкторов среднего звена. Работать они не очень любили, но в картишки перекинуться на работе, были не прочь. А женщины предпочитали вязать спицами. Я же делал эскизы не совсем относящиеся к телетайпу, а скорее к скреперу. Но хитрый Мхитаров обычно тихо крался по коридору, а затем стремглав врвался в дверь нашего бюро, ловя нерадивых сотрудников за посторонними занятиями. Выставить же дежурного за дверь мы не могли – нас тут же разоблачили бы.

Но под потолком бюро было маленькое вентиляционное отверстие, куда я вставил старое зеркало заднего вида от автомобиля, без металлической оправы, разумеется. Выделялся дежурный, который из комнаты снизу смотрел в зеркало, названное «мхитароскопом», и видел всё, что происходило в коридоре.

Забавно было наблюдать, как Мхитаров на цыпочках крался вдоль коридора, а потом врвался в комнату, где все были заняты своими прямыми делами. Дошло до того, что он вызвал меня к себе в кабинет и расспросил, что бы такое могло значить. И я, не смущаясь, поведал ему, что предупредил сотрудников, которые занимались посторонними делами: дескать, я всё расскажу Мхитарову, так как многим обязан ему и, кроме того, болею за свою организацию.

Мхитаров как-то недоверчиво посмотрел на меня, похлопал по плечу, и сказал:

- Скоро у нас в бюро появится новый ведущий инженер!

- Благодарю за доверие, - отвечал я, скромно потупясь.

Наступил декабрь, скоро мне нужно было увольняться и ехать в Москву в аспирантуру. Мне было стыдно перед Мхитаровым, но я успокаивал себя тем, что кое-что всё-таки сделал для предприятия. И для трудящихся – изобрёл «мхитароскоп».

Но ещё одно полезное для трудящихся дело я успел-таки сделать в п/я 66. Кто не знает, что такое табельная система пропусков, поясню, что в проходной у нас висел плоский ящик с пронумерованными крючками в нём. Приходя на работу, мы вешали свой табельный номерок на нужный крючок и проходили. А в 8 часов утра ящик запирался сетчатой крышкой на замок. Раньше в крышке было стекло, но его разбили, пришлось заменить металлической сеткой, через которую было видно, чьи крючки пустые. Но опоздавшие отгибали крышку и всё-таки вешали свои номерки, несмотря на истошные крики табельщицы Этери.

И вот, наступил чёрный день для трудящихся п/я 66. В проходной установили автомат, куда мы должны были совать специальные картонки, и он на них проставлял время: если до 8 часов - синими чернилами, а опоздавшим – красными. После этого трудящийся проходил во внутренний двор проходной.

Народ взвыл – обмануть или уговорить автомат было невозможно. И народ, в лице своего представителя Тертеряна, обратился ко мне, как к народному умельцу, с просьбой – испортить автомат. Проходя через него, я заметил, что сверху на коробе автомата имеются вентиляционные отверстия, видимо, для охлаждения электрической аппаратуры.

План был готов. Наутро в проходной стихийно возник затор – у кого-то застревала карточка или не нравилось время, пробитое на ней, но так или иначе Этери была втянута в полемику с сотрудниками нашего бюро. А тем временем я незаметно залил в вентиляционные отверстия пузырёк серной кислоты, не забыв вытереть тряпкой пролитые капли. Дело было сделано – автомат перестал работать навсегда!

А под самый Новый Год я сильно простудился и заболел. Мне дали бюллетень, и моё заявление об уходе с работы в связи с поступлением в аспирантуру отнесла в отдел кадров жена, вместе с копией извещения о поступлении. С работы меня освободили, и у меня на руках была трудовая книжка со справкой о размере получаемой зарплаты.

Ребята из бюро рассказывали мне, что Мхитаров в связи с моим уходом устроил собрание в бюро и сказал, что надо внимательнее присматриваться к поступающим на работу – для чего они идут работать в наш почтовый ящик. И всё возмутился:

- Надо же – абхаз, а нас, армян, перехитрил!

Влюблённый грузчик

К середине января 1963 года я снова в моей любимой «Пожарке», но уже в другой комнате – вместе с тремя аспирантами. Так получилось, и видимо не случайно, что мы все четверо оказались выпускниками одного и того же института в Тбилиси, только мои коллеги были старше меня. Вадим Корольков был самым старшим – ему было под тридцать пять – предельный возраст для поступления в дневную аспирантуру; двое других – Володя Кафка и Хазрет Шазо (кабардинец по-национальности) - помоложе, но тоже существенно старше меня. Ведь я поступал без трудового стажа!

Нам было что вспомнить – Тбилиси, институт, преподавателей; в случае чего мы могли поговорить и по-грузински. К слову замечу, что аспирант следующего года приёма – Саша Лисицын, тоже был выпускником нашего института; он быстро стал директором крупнейшего научно-исследовательского института ВНИИЖТа, при котором и была наша аспирантура. К сожалению, его уже нет с нами.

С моими друзьями – Серафимом, Володей Ломовым, Лукьянычем, я связи не терял, часто заходил к ним в гости. Штангу я перетащил в свою новую комнату, но обыграть кого-нибудь уже почти не удавалось – все обо всём были наслышаны. Я продолжал по утрам ходить на Опытный завод, а потом в лабораторию. Кроме того, посещал занятия по английскому языку и философии, необходимые для сдачи кандидатского минимума.

С выпивкой дела стали похуже. Коллеги-аспиранты были по моим понятиям трезвенниками, а в комнату Серафима каждый раз заходить было неудобно. Зато я сблизился с Володей Ломовым, тоже не дураком выпить, а, к тому же, каждый вечер мы ходили «кадрить» девушек в парк города Бабушкина.

Ездили мы на электричке - «трёхвагонке», которую уже ликвидировали. Она соединяла станции Лосиноостровская и Бескудниково. Нам со станции Институт Пути до Лосинки ехать было недалёко – всего четыре километра, но поезд тащился минут десять, с промежуточной станцией Дзержинская, которую называли обычно Облаевкой, потому, что там поезд облаивали десятки, если не сотни, бродячих собак.

Успехов на женском фронте у нас почти не было, потому, что мы перед заходом в парк обычно «брали на грудь», и дело кончалось либо дракой у танцплощадки, либо сном на скамейке

с последующим ночным возвращением домой «по шпалам». Володя жил в своей комнате с женой Таней и маленьким сыном Игорьком. Таня не жаловала меня, как очередного друга-алкаша её мужа. К тому же мы тащили из дома закуску, которой нам обычно не хватало.

И вдруг мне неожиданно повезло. Утром, идя на Опытный завод, я всегда проходил мимо магазина типа сельмага, где продавалось почти всё – начиная от водки и заканчивая посудой и телогрейками. И однажды вижу - внизу у магазина стоит грузовик ГАЗ-51, гружённый ящиками с водкой и консервами, а вокруг него бегают запыхавшаяся молодая женщина. Она рванулась ко мне и просит:

- Парень, помоги разгрузить машину, хорошо заплачу, грузчик запил, собака!

Я никуда не спешил и перетасил ящики в магазин. Женщина, оказавшаяся директором магазина - Валею, как она сама представилась, дала мне за это две бутылки «Московской особой», и попросила иногда помогать ей. Раза два в неделю по утрам приходит машина и каждый раз - трудности с разгрузкой – грузчика не найдёшь. На полную ставку брать – работы не найдётся, а на эпизодическую никто не соглашается.

Я подумал и согласился. «За» было несколько доводов – во-первых, труда мне это не составляло, и я никуда особенно не спешил по утрам. Во-вторых – две бутылки водки бесплатно на улице не валяются. А ещё эта Валя мне понравилась – интересная крепышка-блондинка, смотрит прямо в глаза, да и говорит без экивоков. Называет кошку кошкой, как говорит директор Нифонтов.

Валя попросила меня только отдавать ей бутылочный «бой», желательно с пробкой; пробки в ту пору были алюминиевыми колпачками.

- Ты пробку-то не срывай, а покрути немного и она сама спадёт. А потом, как выпил, разбей бутылку, а пробку надень на горлышко и завальцуй хоть ключом или ножичком! – учила она меня. – А я спешу бутылки как транспортный «бой». И тебе будет хорошо – и мне!

Как-то Валя спросила меня, почему я живу в «Пожарке» и чем, вообще, занимаюсь. Я и объяснил ей, как мог, что учусь, дескать, в аспирантуре, науку делаю, а через три года защищу диссертацию и буду кандидатом наук.

- Врёшь ты всё, – прямо заявила Валя, – если ты учёный, то почему ладони как у слесаря, да и сила такая, что машину за десять минут разгружаешь?

- Да потому, что я – спортсмен-штангист, повезло вам с грузчиком! – смеясь, ответил я.

- И сколько ты будешь получать, когда защитишь свою диссертацию? – без обиняков спросила Валя.

- Ну, смотря, кем работать буду. Заведующий лабораторией, например, в ЦНИИСе четырёхста рублей получает.

Валя аж присвистнула, заметив, что эта зарплата побольше, чем у министра, опять обвинив меня во лжи.

- Валя, - говорю я ей, - телефон у вас в кабинете, наверное, есть, позвоните в отдел кадров ЦНИИСа и спросите, кем числится у них Гулия и сколько получает кандидат наук!

- Слушай, Гулия (с ударением на «я»), - как-то вдруг задумчиво проговорила Валя, зашёл бы ты ко мне в магазин после работы, часов в восемь. У меня кое-какие шмотки есть, отдам по своей цене! – она показала мне окошечко с решёткой, куда надо постучать, чтобы она вышла и открыла магазин.

- Мы до семи работаем, но тут до полвосьмого продавцы крутятся, а к восьми никого не будет. Заходи!

Я еле дождался этих восьми часов, и парадно одетый, даже в галстук, постучал в окошечко. Занавеска приоткрылась, мелькнуло Валино лицо, и занавеска прикрылась снова. Я пошёл к входу в магазин. Валя отперла замки изнутри, пустила меня и замкнула двери снова. Она была красиво приодета, накрашена и сильно надушена. Запах духов меня всегда брал за живое, а сейчас – в пустом тёмном магазине с красивой женщиной рядом – особенно.

Валя провела меня в подсобку в подвальном этаже. Открыла обитую оцинкованным железом дверь и зажгла свет. Комнатка напоминала склад – на полу стояли ящики с дефицитными напитками – коньяком, «Охотничей» водкой, «Московской особой» 8-го цеха (так называемой

«Кремлёвской»), баночками икры, крабами, печенью трески. Из фруктов я заметил ананасы и плоды манго. На стенах висели дублёнки, и в полиэтиленовых мешочках – меховые шапки. Я смотрел на всё это, как в музее.

Валя подала мне синтетический (кажется трикотинный) пуловер красного цвета и белую нейлоновую рубашку. Это в магазинах найти было трудно.

- Деньги после отдашь, когда примеришь, - заявила она, - а сейчас давай обмоем и твои обновки, и знакомство. Ведь ты меня до сих пор на «вы» называешь! Что я – старуха, что ли? Мне всего двадцать пять лет!

Я попытался, было, сказать, что не привык «тыкать» директорам, что я исправлюсь, но она открыла уже початую бутылку коньяка и разлила по рюмкам.

- Давай выпьем на «брудершафт», чтобы мы были друг с другом на «ты»! И даже тогда, когда ты будешь кандидатом наук, - добавила она. Мы чокнулись, скрестились руками и выпили. Потом, как положено, поцеловались. Я заметил, что поцелуй её, был отнюдь не дружеским. Мы выпили ещё, и ещё раз на брудершафт, сильно задержавшись в поцелуе. Я обнял Валю и, заметив в углу комнаты какие-то ткани на полу, поволок её туда.

- Ты что, ты что, - смеясь, говорила Валя – туда нельзя, ты же меня изваляешь всю – это мешки!

Валя быстро освободилась из моих объятий, погасила большой свет, оставив лампочку аварийного освещения. Потом, взяв меня за руку, подвела к письменному столу у стены, стала лицом к нему и наклонилась, положив локти на стол. Я стоял позади неё, ничего не понимая. Тогда она, тихо похохотывая, задрала себе юбку сзади и приспустила трусы.

- Теперь догадался? – проворковала она, обернувшись.

К своему стыду, догадался я только сейчас. Мой небольшой опыт сексуальной жизни не включал в себя такой удобной, естественной и практичной позы. В какой-то из «самиздатовских» книг по сексу ещё в детстве я прочёл, что единственно правильной позой при совокуплении является такая, когда «женщина лежит на спине, а мужчина – на ней, обернувшись к ней лицом. Все остальные позы – скотские и содомические». Ну, жена – ладно, она девушкой была, это я её должен был учить, но Настя – неужели она тоже не знала этих милых, прекрасных и удобных «содомических» поз! Темнота, я темнота – двенадцать часов ночи – как любил говорить Лукьяныч!

Валя оказалась женщиной, что надо. Да, до директоров всем нам только расти и расти! Так просто директорами, особенно магазинов не становятся! Тут нужна сноровка, ум, и главное - решительность и самостоятельность. Слунтяи и интеллигенты директорами магазинов не бывают!

Я пребывал наверху блаженства. Такая умная, в меру страстная и удобная женщина мне встретилась впервые. С ней было легко; что-то решать, предпринимать и думать было не обязательно. Тебе всегда выдавалась самая правильная в мире инструкция, как поступать.

Две секунды, два движения – и Валя снова одета и в порядке. Даже я отстал в приведении себя в нормальный вид.

- В девять машина придёт, тебе уходить надо, - целуя меня, прошептала Валя, - я тебя выпущу. – Шмотки не забудь, - напомнила она, и вывела меня за дверь магазина. - Я тебя позову сама! – напоследок сказала Валя.

Я зашёл за угол «Пожарки» и стал наблюдать за входом в магазин. В девять часов, действительно, приехала машина - ГАЗик, который тогда называли «козлом», с военными номерами. Валя вынесла из магазина две полные тяжёлые сумки и передала их кому-то в машине. Затем села рядом с водителем и «козёл» отъехал.

Два раза в неделю Валя по утрам звала меня на разгрузку машины. Те же два-три бутылки в обмен на «бой». Никакого намёка на былую близость – я с ней опять на «вы». Только перед расставанием, передавая бутылки, Валя одними губами шептала: «В восемь постучишь в окошко!», и тут же заходила в магазин. Так продолжалось до самой весны, до таяния снегов, прилёта птиц, цветения подснежников, фиалок, ландышей и сирени. И в одну из интимных встреч в подсобке, когда у нас оставалось до девяти ещё полчаса, Валя затеяла неожиданный разговор.

- Ты, я вижу, человек неженатый, - она хихикнула, - кольца нет, да и опыта тоже никакого. А ведь рано или поздно жениться-то надо! Я тоже – незамужняя, никто пока замуж не позвал. Да и я себя на помойке-то не нашла, за всякого охломона не пойду. А вот ты мне – по сердцу пришёлся! Ты – не наглый, умный, что тебе говоришь, то ты и делаешь! Не глядишь, чего-бы хапнуть на халяву! Мы были бы отличной семьёй – всем на зависть. Ну, будешь ты получать свои четыреста – но ведь и всё. А у меня всегда будет ещё «кое-что», и не меньше. Вот так будем жить – и Валя оттопырила вверх большой палец сжатой в кулак левой руки, а пальцами правой сделала такое движение, как будто посыпает солью кончик этого оттопыренного пальца.

Я такой жест видел впервые, видимо он означал, «очень, очень, хорошо!».

- Что скажешь? – Валя вопросительно посмотрела на меня.

Что мне было ей сказать? Я блудливо водил глазами «долу», не в силах взглянуть ей прямо в лицо, как это делала она, и говорил, что надо бы закончить учёбу, защитить диссертацию, а какой я сейчас жених со ста рублями в месяц?

- Всё понятно! – сказала Валя и выпроводила меня из магазина, как обычно.

Но тщетно я ждал по утрам её озорного крика: - Гулия, Гулия! – она не звала меня больше. Я проследил, кто же разгружает ей машину по утрам, и увидел большого полного «дядю» в кепке. Видел я, как она передала ему две бутылки водки, и он ушёл. А вечером машина пришла уже не в девять, а в восемь часов. Водитель заглушил двигатель, погасил огни, и, заперев дверцу, постучал в заветное окошко в магазине. Через минуту Валя отперла двери, пустила его внутрь, и, оглянувшись по сторонам, заперла двери снова.

Я постоял немного и пошёл к себе в комнату.

- Что-то ты сегодня рановатого, да и грустный какой-то! – оторвавшись от работы, подозрительно проговорил Вадим. Я только вздохнул в ответ, и пошёл в комнату Серафима, где раздавались громкие пьяные разговоры. Шел апрель – пора любви, а я снова один!

Невинные развлечения

Жизнь в общежитии шла своим чередом. Напротив «Пожарки» через переулочек (рядом с Валиным магазином) освободилось маленькое одноэтажное здание, и туда решили переселить аспирантов и научных сотрудников ЦНИИС, оставив в «Пожарке» только рабочих и, частично, инженеров. Но и я, и Вадим отказались переезжать, и нам оставили комнату на двоих.

Освободилась всего одна комната, куда заселили молодого инженера Валерку Кривого (это его фамилия), и странного типа по имени Иван Семёнович (иначе его пока никто не называл). Ивану Семёновичу было лет сорок, он был маленького роста с большой треугольной головой и тонкой, с запястье толщиной, шеей. Глаза у Ивана Семёновича были белые, водянистые и выпученные, как у рака, зато голос был зычный и басовитый. Он когда-то безуспешно учился в аспирантуре и остался работать инженером. С ним часто случались анекдотические происшествия, и после одного из них он получил прозвище, заменившее ему имя.

Почему-то Иван Семёнович часто ходил в бывшую Ленинскую библиотеку что-то читать. И рассказал нам, за рюмкой, конечно, что в него там влюбилась красавица – дочь директора этой библиотеки.

- А разве в меня можно не влюбиться, - на полном серьёзе говорил он нам, - у меня такая эрудиция, такая интеллигентная внешность, такие умные глаза ...

- Про глаза молчал бы, казёл! – заметил ему слесарь Жора, взбешённый самодовольством Ивана Семёновича.

И вот захотела эта дочка познакомить свою маму, со слов Ивана Семёновича, как раз директора знаменитой библиотеки, с нашим героем.

- Я гордо так независимо захожу в кабинет директора, представляюсь ей, - рассказывает Иван Семёнович, - а она как глянет на меня, и, чуть не падая со стула, говорит: «Да вы же монстр, Иван Семёнович!».

- Теперь вы знаете, кто я – я монстр, монстр! – гордо кричал Иван Семёнович, расплёскивая вино из рюмки.

- Казёл ты, а не монстр! – обиженно сказал Жора и, плюнув на пол, вышел из комнаты.

Тогда слово «монстр» было всем в новинку. Иван Семёнович понял его как «донжуан, супермен», и страшно гордился, повторяя каждому и всякому: «Я – монстр, монстр!».

Мы с Валеркой Кривым специально взяли из библиотеки том какого-то словаря и дали всем прочесть: «Монстр – урод, чудовище», и что-то там ещё. Написали это крупно на листе бумаги, дали ссылку на словарь и повесили на стенку. Иван Семёнович прочёл это объявление, погрузнел, и что-то в нём надломилось. Он перестал горлопанить своим обычно бравурным голосом, начал изъясняться тихо и как-то виновато. Но прозвище «Ванька-монстр» к нему прилипло навечно, а «Иван-Семёныча» забыли напрочь ...

Так вот, этот «Ванька-монстр» приводил иногда в свою с Валеркой комнату, донельзя падших, пьяных и старых проституток с Казанского вокзала. Видимо, обычные женщины, кроме разве только дочек директоров государственных библиотек, брезговали им. Валерке приходилось выходить погулять, это ему не нравилось, да и вшей, по-научному – педикулёза, боялся. И придумали мы с ним, как проучить нашего «монстрика».

Мой магнитофон «Днепр», который уже долго простаивал без дела, сыграл здесь свою роль. Валерка поставил его под кровать Ваньки-монстра, когда он привёл очередное страшилище с Казанского. Дескать, переодеться надо перед «прогулкой» и тому подобное. И включил магнитофон на запись на малой скорости, чтобы надольше хватило.

Через час «монстр» обычно выпроваживал свою «пассию», провожая её до автобуса. Мы же перетаскивали магнитофон ко мне в комнату и монтировали одну продолжительную запись. Потом носили магнитофон с этой записью по комнатам, где народ выпивал, и нам за это наливали тоже.

- Ты моя первая любовь, ты моё первое чувство! – отчётливо можно было разобрать басок Ваньки-монстра.

- Мм-хррр-мать! – слышался ответ его «пассии».

Народ хохотал до колик. А как-то и сам Ванька-монстр услышал эту запись. Вскоре после этого он переселился в другое общежитие, а потом женился на совсем старой татарке, но и она его бросила. Потом следы его затерялись совсем.

С Ваньки-монстра мы переключились на местного полусумашедшего по прозвищу «Фидель Кастро». У него было ещё одно прозвище, но об этом в своё время. Фидель Кастро ходил в кирзовых сапогах, носил военные френч и брюки, а также большую бороду, отчего и получил своё прозвище. Он часами просиживал в столовой ЦНИИС, беря бесплатно стакан за стаканом несладкого чая. Возьмёт в рот глоток чая и полощет, полощет им зубы, уставившись неподвижным взглядом куда-нибудь в стенку, и потом уже проглотит...

«Вождю кубинской революции» было под тридцать лет, родом он был из деревни Медведково. В те годы в пяти минутах ходьбы от нашего современного городка была настоящая деревня, с печным отоплением деревянных домов, выгребными ямами и прочими атрибутами деревенской жизни где-то в глубинке. Даже остановка автобуса №61 у нашего городка по-старинке называлась «деревня Медведково».

Успехом у девок наш Фидель не пользовался по причине слабого ума, хотя он и сочинял стишки. Вот один из них:

Цветёт сирень, идёт весна,
и молодёжи не до сна!

Сам слышал, как он его на улице зевакам декламировал.

И вот Фидель стал присматриваться к деревенским козочкам, причём пользовался он, в отличие от девок, у них успехом. Выдумал он и свою технологию секса с ними, он рассказывал о ней так:

- Ставишь сапоги на землю носками к себе, а козу-то задними ногами – в голенища, сам наступаешь на носки, чтобы коза-то ножками не сучила, а руками – за рога... До чего ж хорошо, до чего ж хорошо! – эмоционально вспоминал Фидель.

Но однажды вышел прокол. То ли напугал козу кто-то, то ли очень уж захорошело Фиделю, но «склепился» он с козой как-то раз. Что там произошло по медицинской линии – не знаю, но расцепиться не могут, как собаки после полового акта. Коза орёт, Фидель матюгается, народ вокруг хохочет. Наконец, вызвали скорую помощь и увезли их, накрыв брезентом. Потом появились-таки опять в деревне и Фидель и коза. Только Фидель с этого дня для жителей деревни утратил своё революционное имя и стал «Козьим ё...», как бы покультурнее выразиться, «хахалем», одним словом. Ну, а в городке, где жили люди поинтеллигентней, продолжали его звать Фиделем, хотя новое прозвище знали все.

А на соседней улице жила дебильная девушка лет двадцати. Не знаю уж точно степени её дебильности – олигофрения ли, или полный идиотизм ли, но телом она была дородна, играла с малыми детьми, всегда была перевозбуждена и громко кричала. И решили мы подарить счастье секса и ей и бедному «козодю» Фиделю. Инициатором затеи был Серафим.

Заранее пригласили Фиделя, налили ему стакан и дали подробный инструктаж поведения. Затем конфетами подманили девку и завели её в комнату, где сидел бородастый Фидель, которого она уже должна была знать. Рыбак-то рыбака видит издалека! Разговорили их, тихо вышли из комнаты и заперли дверь. Стоим под дверью, хихикаем, строим догадки.

Минут через десять в дверь изнутри начали долбать, что коза копытами. Отперли дверь, оттуда с рёвом выбежала девка, а за нею вышел довольный улыбающийся Фидель – он же козий угодник:

- До чего же хорошо, до чего же хорошо! – не перестовал повторять молодой любовник, уходя, повидимому, в столовую полоскать зубы чаем...

Мы решили, что из этой парочки, в принципе, вышла бы неплохая советская семья, но уж очень трудна и неблагодарна была бы роль сватов...

И ещё одна шалость, на сей раз совершенно невинная и ненаказуемая. В ЦНИИСе я подружился с одним бывшим аспирантом, который потом каким-то образом женился на англичанке и уехал за кордон. Имущество своё он распродал, но оставалось у него нечто такое, что и выбрасывать было жалко и продавать опасно. А это «нечто» было надувной резиновой бабой, нивесть как попавшей из-за кордона к моему другу. Сам хозяин говорил, что его знакомый – дипломат привёз для смеха и подарил ему. Муляж женщины верой-правдой служил ему женой вплоть до законного брака с англичанкой, а теперь надлежало им расстаться. Ну, хозяин и подарил её мне, будучи уверен, что я не разболтаю секрета, по крайней мере, до его отъезда.

- Дарю, - говорит, - именно тебе, потому, что уверен - ты как джентельмен не будешь над ней издеваться, а используешь по делу, честно и без особого разврату...

Чтож, я обещал, что особого разврата не будет, сложил бабу, завернул её в куртку и принёс домой. Спросят: откуда – что я скажу? Да и потом пойдёт слух по аспирантуре – ещё выгонят. Поэтому пользовался я моей бабой только когда был уверен, что Вадим ушёл надолго. Кроме уборщицы, никто комнату отпирать не мог. Да и уборщица Маша уже относилась ко мне иначе.

Должен сказать, что у меня был старый большой пневматический пистолет, которым я иногда забавлялся. Позже я его переделал под однозарядный мелкокалиберный, а ещё позже продал Вадиму. А пока он у меня лежал в тумбе.

Как-то я забыл его спрятать на ночь, и он остался лежать на моей тумбочке. А тут с утра заходит крикливая Маша и начинает шуровать шваброй по ножкам кроватей. Я лежу, притворяюсь крепко спящим. Маша заметила пистолет, перестала махать шваброй, спрашивает у Вадима, что, дескать, это? Она уважала Вадима, считалась с ним, так как он был уже «в годах» и не такой охломон, как я. И тут Вадим проявил талант артиста.

- Тсс, Маша! – он приставил палец к губам, - подойди сюда, тебе лучше знать обо всём, чтобы не проколоться. Как ты думаешь, кто он такой? Почему ему всё с рук сходит? Почему его ЦНИИСовское начальство само сюда подселило? Так знай, что он - оперативный сотрудник КГБ,

капитан, но в штатском. Он слушает, кто что говорит и записывает. Магнитофон у него видела? То-то же! А вчера он ночью с задания пришёл, уставший, говорит, что пару шпионов пристрелить пришлось. Почистил, смазал пистолет, и вот забыл на тумбочке. Принял снотворное, так до полудня спать будет. Ты Маша, по утрам лучше дёргай за дверь, если открыта – заходи, убирай, а если заперта, лучше не беспокой его, пусть отдыхает. Чего тебе хорошую работу терять? Вот Володя и Хазрет узнали про всё и тут же смотались. А я – его старый друг, он меня не трогает...

Спасибо Вадиму, теперь Маша не шваркает шваброй по ножкам кроватей, не заходит утром, пока я сплю, да и здороваться стала совсем по-другому – с поклоном. А я, как ни в чём не бывало, нет, нет, да и спрошу её:

- Ну, как, Маша, что говорят в конторе? Жрать-то ведь нечего, ничего не купишь в магазинах, не так ли? И сверлю её глазами.

- Нет, что вы (на «вы» перешла, подхалимка!), это всё временные трудности, мы властям нашим верим и любим их!

Да и Вадим остался не в накладе – он тоже любил по утрам поспать.

Итак, возвращаюсь к моей надувной подруге, которую назвал я ласковым именем «Муся». Сперва я пользовался ею просто из любопытства. Надувал её то сильнее, то слабее, исследовал все её явные и скрытые возможности. Надо отдать должное создателям этой прелести – потрудились они на славу и знание вопроса проявили изрядное.

Теперь продают каких-то надувных уродин – от взгляда на них импотентом можно заделаться. А моя Муся была красавицей – всё было продумано, всё было натурально – ни швов не видно, ни клапанов. Максимум натуральности – каждый пальчик отдельно, кожа – бархатистая, как настоящая. Краски, правда, кое-где пооблезли, на сосках, например. Чувствовалось, что они раньше были коричневыми, а теперь облезли до белизны. Сосал, что ли, их её бывший «муж»? Ротик приоткрыт чуть-чуть, не разинут настез, как у современных чучел. И зубки белые (мягкие, правда!), чуть-чуть виднеются. Глазки полузакрыты, не смотрят нагло прямо в рот! Ну, прямо не кукла, а Мона-Лиза!

Постепенно я стал чувствовать к Мусе привязанность, разговаривал с ней, а за лето успел даже полюбить её. Да, да, как настоящую женщину. Даже лучше – молчаливую, скромную, покорную, верную! Возвращаясь домой, я тут же нащупывал её в тумбочке. Надувая, придирчиво осматривал её и принюхивался – не прикасался ли к ней кто другой. Понемногу я прекратил заниматься с Мусей излишествами, ну разве только по сильной пьяни. Нежно целовал её после надувания, ласкал, как живую бабу.

Наступила на меня болезнь, называемая «пигмалионизмом», по имени скульптора Пигмалиона, влюбившегося в своё создание. Да я уже и на живых-то баб перестал смотреть, быстрее бы домой, к моей родной Мусе. Теперь я понял, почему сейчас таких уродин надувных выпускают – чтобы не влюблялись!

Чувствую, что крыша моя едет, причём с ускорением. Подарить Мусю другому – никогда! Чтобы её коснулась рука, или (о, ужас!), какая-нибудь другая часть тела чужого человека!

И решил я её «убить». Пусть ни мне, ни другому! А оставаться с ней – тоже невозможно, с ума схожу, в натуре! Надул я её, поцеловал во все любимые места, попросил прощения, и ножом кухонным – пырь, пырь! Муся засвистела, задёргалась, сникла и опала. Я завернул её в газеты, и, озираясь, как натуральный убийца, вынес «тело» на кухню. Там никого не было, угольная печь пылала.

«Крематорий!» - грустно улыбнулся я и засунул свёрнутое тельце убитой Муси в дверцу печи. Печь запылала, разнёсся запах горелой резины. В моей душе творилось что-то ненормальное – я плакал, как по человеку, а ведь, по сути, горела-то резиновая камера.

А скульптура Галатеи – не кусок камня ли? А человек – не химические ли элементы, собранные в известной пропорции? Если же главное – душа, то почему она не может быть в статуе, картине, кукле? Так как в то время я был гораздо менее подкован в этих вопросах, чем сейчас, то не нашёл ничего лучшего, чем пойти в магазин, купить бутылку и нажраться – напиток, то есть.

Магия Муси прошла быстро, но даже сейчас, когда вспоминаю эти «пырь, пырь!» ножом, этот сист воздуха и полужакрытые, укоризненные глаза Муси, волосы на теле шевелятся.

Неудачные испытания и удачная встреча

К лету ЦНИИСу удалось договориться с Лосиноостровским кирпичным заводом, что был на территории современного района Медведково, об испытаниях на его территории нашего скрепера. Грунт был глинистый, он должен был заполнять ковш толстой «сливной» стружкой.

Заказав тягач с трейлером, мы вывезли на полигон скрепер вместе с бульдозером. Выгрузили в «чистом поле», вернее глиняном карьере, проверили лебёдки, дёрнули разок – маховик крутится, и оставили, прикрыв датчики и провода к ним картонками. К датчикам, а их было не менее двадцати, шли разноцветные тонкие провода, которые с одной стороны припаивались к тоненьким выходным концам датчиков, а с другой стороны - к клеммам крупного разъёма типа «мама-папа». Проводки по дороге к центральному пульту сплетались в толстую разноцветную «косу», на конце которой находилась часть разъёма «мама». «Папа» находился на той части пульта, где были осциллограф, усилитель, перьевые самописцы, и другие приборы. Эту часть мы не привозили, она была в передвижной полевой лаборатории, иначе говоря, в будке специального автомобиля.

И вот назавтра мы с прибористами и трактористами едем к нашему «мамонт», чтобы начать его испытания, и видим картину, от которой меня чуть кондратий не хватил. Прежде всего, отсутствовал бульдозер – его, попросту, украли. Бульдозер – дефицитная машина, его могли увезти в область, и там работать, как на своём. Ищи-свищи тогда! Подойдя к скреперу, мы увидели, что толстая разноцветная «коса» валяется вместе с «мамой» на земле, вытянутая каким-то паразитом и вандалом из датчиков. Все кропотливо припаянные концы оборваны, и снова припаять к ним ничего нельзя – нужно клеить новые датчики. Одним словом – амба, абзац и т.д., до ханы – конец, одним словом. Конец всем трудам и испытаниям, этим летом, по крайней мере.

Траурной процессией мы возвращались в ЦНИИС. У Фёдорова аж желваки по скулам заходили от ярости.

- Сволочи! – мрачно процедил он

- Кто? – упавшим голосом спросил я, думая, что это и про меня. Я готов был заплакать.

- Да нет, Нурибей (так меня почему-то называли Фёдоров и Недорезов), не вы, а эти вандалы – сволочи, попались бы они мне...

- Достукался, горец! – ядовито прошипел мне зам. начальника отделения – «завхоз» Пшерядовский Казимир Янович, - будем открывать уголовное дельце! Это он пугал меня – я потом узнал, что он был не таким уж вредным мужиком, но «завхоз» - должность обязывает быть таким, иначе всё разворуют.

К счастью, бульдозер через неделю нашёлся, его «похитили» работники кирпичного завода, чтобы выполнить план по глине. А чего машине простаивать без дела? Косу вытянули тоже они, просто из любопытства. Так из любопытства разбойники режут людям животы – посмотреть, что там внутри!

Наконец без энтузиазма и веселья, мы перетащили скрепер с бульдозером обратно на Опытный завод для доработки, но никто не горел желанием её начинать. К тому же пошли затяжные дожди, так и перешедшие в снег. Скрепер был брошен на дворе завода, и о нём забыли.

- Придётся, Нурибей, осень и зиму затратить на теорию, - успокоил меня Фёдоров, - а весной начнём снова шевелиться со скрепером.

И я взялся за теорию. Я ходил в Государственную публичную научно-техническую библиотеку (ГПНТБ), что на Кузнецком мосту. Там был свободный доступ к технической литературе и я, по примеру великого Эдисона, стал читать книги «метрами». Начал с буквы «А» - авиация, автоматические устройства, автомобили, и так до «Я» - ядерный реактор и яшма – её отделка, и т.д.

Я ходил в библиотеку каждое утро, как когда-то в почтовый ящик 66, и просматривал, отрывочно конспектируя, почти по четверти метра книг ежедневно. Учитывая, что общая длина полок свободного доступа была около пятидесяти метров, и что некоторые книги я всё-таки пропускал, к весне я стал совершенно иным человеком в плане технической эрудиции.

На этом чтении «метрами» я, наверное, и надорвал свою память, которой сейчас нет совершенно – я каждый раз забываю номер своего домашнего телефона, не говоря уже о мобильнике (не понимаю даже, как его вообще можно запомнить!).

Но тогда я стал настоящей ходячей технической энциклопедией. Скажу больше – если кто-нибудь думает, что читать метрами – это скучно, то он здорово ошибается. Скучно изучать, допустим, один и тот же предмет постоянно. А, изучив авиацию, перейти к автоматике, а затем к автомобилям – это же здорово! Каждый день – несколько новых тем, причём, начиная каждую, узнаёшь каким же ты был невеждой в этом вопросе ещё вчера! Всем молодым людям советую читать книги метрами, заручившись знакомством в какой-нибудь хорошей библиотеке. Результатом будете довольны! В частности, именно в этот период я пришёл к идее супермаховика, изобрёл дискретный вариатор и разработал прочностно-энергетический расчёт маховиков, которым горжусь до сих пор.

Разработал-то я его почти в юности, а сейчас, когда читаю о нём лекцию студентам, повторяя её каждый год уже более трети века, регулярно сбиваюсь и начинаю рыться в конспектах. Сердобольные студенты подсказывают мне вывод формул и участливо ругают «учёного гуся», создавшего такие трудные выводы. Только к экзаменам, узнав из учебника, кто был этим «учёным гусем», удивляются, как можно забыть собственные же выводы.

- Попейте с моё! – так и хочется ответить им, но я всё ссылаюсь на возраст.

Не повезло мне этим летом в испытаниях – повезло в любви. Возвращаясь из библиотеки, я встретился в самом центре Москвы – на Кузнецком мосту, с яркой и бросающейся в глаза девушкой. Она была в брючках, почти мужском пиджаке с галстуком, небрежно повязанном на тонкой шейке, берете, нахлобученом на бок. Она на ходу ела мороженое, держа его в одной руке, а в другой – достаточно тяжёлый портфель. Мороженое капало, и девушка едва уворачивалась, чтоб не запачкать костюм.

- Can I help you? («Могу я помочь вам?») – желая показаться джентельменом, высказал я, а мне в ответ посыпался целый каскад английских фраз, и девушка передала мне свой портфель. Оказывается, я напоролся на преподавательницу английского языка с филологического факультета (филфака) МГУ, что на Моховой. И хотел поразить её моей английской фразой!

Она шла как раз на работу, и я проводил её. Мы прошли мимо Большого театра, перешли Пушкинскую (Б.Дмитровку), затем Горького (Тверскую), вышли на Манежную площадь, на Моховую, и оказались у филфака. Я спросил, наконец, у девушки, как её зовут, а она вытянула ко мне шею, сделала страшные глаза и сказала:

- Царица Тамара! – после чего взяла у меня портфель и исчезла за дверьми здания. Ни телефона, ни встречи!

- Ну, ничего, - думаю я, - если она идёт к занятиям, то в это же время я её встречу, если не завтра, то, по крайней мере, ровно через неделю.

Вызывающий внешний вид, свобода поведения, английский с оттенком «американизмов» - да ещё в начале 60-х годов – всё это поразило меня. И имя Тамара. Какая-то новая музыка этого имени затронула мне душу. Когда посторонняя женщина Тамара – наш управдом в Тбилиси, например, это одно. А когда твоя новая знакомая – Тамара, да ещё царица – это «совсем другая разница»! Итак, сегодня вечером я выпью за знакомство с Тамарой!

Роковой клуб мукомола

Однако, сколько я ни просиживал на скамеечке в скверике у входа в здание филфака, Тамару я никак не мог подловить. А заходить внутрь, и расспрашивать мне было неудобно – ни фамилии её не знаю, ни должности. Настроение – аховое.

Шёл апрель – пора любви, а с женским вопросом у меня полный аут. Поэтому мы с моим другом Володей Ломовым решили искать что-нибудь попроще и зачастили на танцплощадку в парке у станции Лосиноостровская, а попросту – Лосинке. Танцоры мы с Володей были неважные, поэтому в основном кадрили подруг у входа на танцплощадку, периодически бегая к магазину за настроением. Как-то нам подвезло, и мы познакомились с двумя подругами – Мариной и Милой, которым, как нам показалось, тоже было «уж замуж невтерпёж». Бутылка прибавила нам всем энтузиазма, и вот мы уже мчим на родной «трехвагонке» в нашу Пожарку. Дело в том, что мои соседи по комнате разъехались по своим домам на майские праздники, и помещение было свободно. Мы забежали по дороге в магазин и скоро набрались до приличной кондиции. Дальнейшее я помню плохо, но вспоминаю, что Володя выбрал Милу, а я – Марину, мы о чем-то горячо поспорили и Марина почему-то ткнула моим же ножом меня...туда, одним словом в причинное место. Зачем она это сделала – не помню, наверное, я брал ее «на слабо» - ткнет или побоится. Вот и не побоялась, правда ранку продырявила махонькую. Залили йодом и продолжили пьянку. Мила вскоре забрала с собой Володю, и мы остались одни.

Как ночь провели – могу только догадываться. Ранка кровоточила, говоря по медицински, болевой синдром не дал особенно сосредоточиться на сексе. Заснули только под утро, но крепко. А затем решили продолжить встречу уже у Марины, где-то в Подлипках. Еле добрались – сперва на «трехвагонке» до Лосинки, а затем с пересадкой в Мытицах – до Подлипок. Зашли в какой-то барак типа общежития, не успели распить и бутылки, как ввалились местные ребята, и пошла свалка. Обиднее всего то, что меня же и избili, видимо, сломали ребро, и меня же забрала местная, кажется станционная милиция. Я, наверное, возражал, и они добавили мне тумачков. Я только и кричал, чтобы по ребрам не били. Ночь я просидел в КПЗ, а утром меня отпустили, слава Богу, без последствий, а то могли бы выгнать из аспирантуры. Несколько дней, я то лежал, то ходил перетянутый полотенцем – болел правый бок. К врачу так и не обратился – недосуг было. Хотелось любви и мы с Володей, которого, оказывается, «бортанула» его Мила, решили добиваться этой любви всеми силами.

И вот мы как-то вечером, разгуливая близ нашего родного Ярославского вокзала и периодически выпивая портвейн в закоулках, попали под дождь. Дождь был холодный и противный, и мы, взяв ещё бутылку, нашли спасение в клубе работников мукомольной промышленности, или чего-то вроде этого, а в народе – просто клубе мукомола. В кинозале клуба шёл какой-то мультфильм и мы, купив дешёвые билеты, сели на свои места в полупустом зале и продолжали попивать портвейн из горлышка под мельтешение мультперсонажей.

Вдруг, откуда не возьмись (судьба, наверное!), на стул впереди Володи, в темноте села некая опоздавшая полная девушка в сером плаще. А Володя-то успел вытянуть ноги и положить их на передний стул, так что девушка села, как раз на ноги Володи, хотя места рядом и были свободны. Крики и ругань Володи заглушили блекотанье мультипликационных зайцев и уточек, девушка пыталась отвечать, но на другое место не переходила. В результате, совершенно пьяного Володю вывели работники клуба, а я, притаившись, остался и просидел до конца фильма.

Дождь на улице прошёл и, выйдя наружу, я тотчас же отыскал полную девушку в сером плаще, из-за которой вывели моего друга. Догнав её, я вступил в разговор.

- Девушка, вот из-за вас моего друга выгнали из зала, а он так хотел посмотреть этот фильм!

- А пусть он ноги на чужие места не протягивает, мультфильм, ему, видите ли, посмотреть надо! Место для выпивки искал и всё! А я от дождя спасалась...

Так, слово за слово, мы познакомились. Жила девушка рядом, в большом доме на Верхне-Красносельской улице. За время, пока я провожал её до дома, она беспрерывно разговаривала, почти не давая мне вставить слова. Похожа она была на совшку – круглое лицо, большие круглые очень светлые глаза, светлые волосы, комплекция – полноватая. Сказала, что работает замом главного бухгалтера где-то на заводе, хорошо зарабатывает, незамужем, и если у меня к ней серьёзные намерения, то мы можем начать встречаться. И зовут её Аней.

Я всё напрашивался к ней в гости, но Аня подобные претензии пресекала, заявив, что мы ещё недостаточно знакомы для таких визитов на ночь. Но телефон оставила.

Домой я возвращался по шпалам, так как последняя трёхвагонка уже ушла. Дождь возобновился, я пришёл в общежитие поздно и весь промокший, чем вызвал ворчание уже спавшего соседа Вадима. Я понял, что познакомился с Аней зря, так как она мне не понравилась, и я решил найти Тамару во что бы то ни стало. Поэтому стал предлагать кандидатуру Ани (за бутылку, конечно!) прежде всего, Вадиму, у которого «дамы» не было. Но он, узнав, что Аня очень разговорчива, знакомиться отказался. Но Володя Ломов, которому я предложил это знакомство, тут же согласился.

- Вот, а вот я, и врежу ей, значит, за то, что она ноги мне отдала! – оживился Володя, - а что разговорчивая, то это вот, надо, значит, чтобы её слушали, а я слушать-то, значит, и не буду! Замуж хочет - вот сучка, надо же, и получает хорошо – вот здорово! Женюсь и всё! – громко рассуждал Володя. - Танька со мной, значит, разводится, сучка. Она ещё увидит, как жить без мужа, - Володя явно нервничал.

Я внимательно посмотрел на него, вспомнил Таню с её соблазнительными формами, и сообразил, что такая перспектива мне на руку. Я замечал заинтересованные взгляды Тани, обращённые на меня во время случайных встреч, и понял, что не будь у неё мужа - моего друга, между нами могли бы завязаться тёплые отношения.

Володя этим же вечером при мне позвонил Ане, напомнил ей, что с ней говорит «а вот, человек с отдаленными ею же, понимаешь, ногами...», что я заболел, и, передав ему телефон Ани, попросил развлечь её на время моей болезни. Аня сразу же согласилась на встречу («вот сучка!» – отвернувшись от трубки, комментировал мне её поведение Володя), он приделся и пошёл к ней, а домой на ночь уже не вернулся.

А на завтра он сообщил мне, что в первый же вечер предложил руку и сердце Ане. И остался на ночь, как жених.

- Она богата, как тысяча чертей, понимаешь, - делился со мной Володя, - нет, если ты жалеешь, что передал её мне – бери обратно. А так – вот Танька, я вижу, что она тебе нравится, можешь подменить меня – не обижусь! Всё равно скоро развод!

- И Аня так быстро согласилась? – удивился я, - она же тебя не знает совсем?

- А чем я плох? – улыбался Володя, - и собой хорош, и вот, опять же, кандидат наук...

Но «кандидатство» его с треском провалилось. Как-то при очередной пьянке в присутствии дяди Симы, я спросил у Володи какой-то специфический вопрос по тепловозам – по их электроприводу. Я увидел, как дядя Сима пытался перевести разговор в другое русло, но Володя успел ответить:

- А вот, если рогалики-то опустить, почему бы и нет...

- Какие рогалики, ты что – пантограф имеешь в виду? – изумлённо переспросил я.

- Да, а вот у нас – специалистов, он попросту рогаликом называется, - бормотал Володя.

- Какой рогалик у тепловоза, ты что рехнулся? – возмутился я, - у тепловоза свой двигатель, он не питается от сети!

Серафим скорчил гримасу и принялся выталкивать Володю в дверь. Но я не отставал:

- Погоди, погоди, ты же автор учебника по тепловозам, кандидат наук!

Володя, приговаривая только: «А вот!» - вылетел в дверь, а я возмущённо спросил у дяди Симы:

- Так кем же работает Володя?

Серафим выразил на лице крайнюю степень досады и тихо прошептал мне:

- Лаборант он, восемь классов окончил, а техникум – техникум не сумел! Какой он к чёрту – кандидат наук! Болтун!

Володя с «грохотом» свалился в моих глазах с высоченного пьедестала, и я стал кое-что понимать. Почему они с Таней так бедно живут, хотя Таня сама – крановщица, получает немало. Почему с ним в общежитии почти не считались соседи, даже слесарь Жора держался с ним таким начальником. Почему, наконец, Таня так легко пошла на развод с ним. Оказывается, он врун и пустомеля с красивой внешностью. А я-то так внимательно прислушивался к его советам! Хорошего же женишка я «подсуропил» Ане – она, небось, всей его болтовне поверила!

Но хоть мне и нравилась Таня, а Тамару я решил, во что бы то ни стало разыскать. Найду, получится у нас любовь – хорошо. Не выйдет с Тамарой – через коридор комната Тани, сама же все вечера на кухне топчется – подходи, заговаривай, кадрись!

Царица Тамара

Я гладко побрился, приделся, надел галстук и после работы в библиотеке, со страхом зашёл в здание университета на Моховой и спросил у ребят, где филфак. Узнав, что он на втором этаже, я поднялся и стал заглядывать по аудиториям. Меня окликнула проходящая мимо седеющая, очень интеллигентного вида пожилая женщина с властным взглядом.

- Вы ищете кого-нибудь, молодой человек?

- Да, - смутился я, - ищу преподавательницу английского по имени Тамара.

- Фамилия-то хоть её вам известна? – спросила дама.

- Нет, но она такая, экстравагантного вида, одним словом, - пробормотал я, - и попытался жестами изобразить манеры моей знакомой.

- Ах, всё понятно, - рассмеялась дама, - это, наверняка, Томочка Грубер! Больше таких, - и она повторила мои жесты, - у нас нет.

Дама повела меня по коридорам, заглядывая в аудитории. Заглянув в одну маленькую комнатку, где сидело-то всего человек пять, она поздоровалась с преподавателем, и, прикрыв дверь, сказала мне:

- Вот здесь та, кого вы ищете. Подождите звонка и встречайтесь. Но Тамара отпустила студентов ещё до звонка.

- Господи, это вы? – изумилась она, - как же вы меня нашли? Неужели вы зашли к Ахмановой и стали обо мне спрашивать?

Я решил разыгрывать из себя влюблённого с первого взгляда юношу и говорить соответствующие фразы. А дама, которая искала для меня Тамару, оказалась деканом – Ольгой Сергеевной Ахмановой, или «Ахманихой», как её прозвали студенты и молодые преподаватели. Ахманова – составитель и редактор английских словарей, многие из которых мне были хорошо известны.

Мне показалось, что Тамаре очень льстило моё романтическое поведение. Занятия её закончились, и неожиданно она предложила проводить её. Одета Тамара была уже по-другому, но тоже достаточно экстравагантно. Зелёный длинный плащ, зелёный же берет, красные туфли на высоких каблуках. Я заметил, что у неё зелёные глаза и очень тёмные волосы, может даже крашенные. Она разговаривала достаточно громко и как-то восторженно.

Мы подошли к дому рядом с аптекой на улице Арбат.

- Здесь живут мои родители – пояснила Тамара, - а знаешь что (мы быстро перешли на «ты»), зайдём на минутку, я тебя с ними познакомлю, и тут же выйдем. Я кое-что передам маме, и все дела. Только можно я буду тебя называть «Ник», а то имя у тебя какое-то вычурное.

- Не съедят же меня её родители, - подумал я и согласился.

Мы зашли в дом с шикарным старинным подъездом, поднялись на второй этаж, и Тамара позвонила. Дверь открыла моложавая женщина, очень похожая на Тамару, только полнее. Она удивлённо посмотрела на меня, а Тамара сразу же представила меня: - это Ник, племянник нашего декана Ахмановой, мы идём по университетским делам, но решили по дороге зайти к вам.

Я зашёл в квартиру и поразился её роскоши, я раньше в таких квартирах не бывал. Даже прекрасная квартира моего дяди – известного писателя, не была так богато и со вкусом обставлена. Неожиданно в холл зашёл мужчина в клетчатом пиджаке (оказавшемся пижамой) и галстуке. Он поцеловал Тамару и пожал мне руку, представившись: - Грубер!

Я назвал свою фамилию; Грубер наморщил лоб и сказал: - Где-то слышал, ваша фамилия мне знакома!

Потом я узнал, что отец Тамары был начальником Главного управления какого-то военного министерства. Взгляд у него был, я бы сказал, сверлящим. Он посмотрел на меня ещё раз и вспомнил: - Друг моего коллеги профессора Севрука имеет такую фамилию – Гулия.

Я заулыбался и пояснил: - Доменик Доменикович Севрук – большой друг моего дяди, и я сам хорошо знаком с профессором, даже бывал у него дома в Химках.

То, что я близко знаю Севрука – фактически одного из заместителей знаменитого Королёва, человека чрезвычайно влиятельного, произвело на Грубера самое положительное впечатление. Он заулыбался, серые глаза его стали тёплыми, но он всё-таки спросил:

- А вы дома у него были по делу или просто так?

- Я докладывал ему мои предложения по бортовому источнику питания на основе супермаховиков – не соврал я.

- А вы знаете, что французы...- осторожно начал он.

- Фирма Аэроспасьяль, - продолжил я мысль, - но там супермаховик другого типа.

Сказалось-таки чтение книг метрами, я стал настоящим всезнайкой! Грубер был поражён, мама Тамары – Марина Георгиевна тоже.

- Вот, молодёжь нынешняя, совсем не туда смотрит, не тем занимается, но хорошо, что есть такие молодые люди, как вы, Ник, которые занимаются делами и прославят нашу Родину! – с этими словами Грубер налил в маленькие рюмочки виски и, чокнувшись со мной и своей женой, выпил. Тамаре не налил – отцом он был строгим.

Мы распрощались и ушли. Тамара была в восхищении – её отец, столь критично относящийся к молодёжи, оказался довольным мною. А уж мама – так всё вокруг меня и носилась.

- Вот с каким парнем меня судьба свела, - задумчиво произнесла она, всё так нереально, так в жизни не бывает. К чему бы это? – Тамара чего-то не договаривала.

Так мы дошли до площади Революции и, почему-то, завернули направо, на лестницу, которая перешла в узкий проход. Я решил, что мы выходим на Никольскую улицу (бывш. 25 Октября), но прямо посреди прохода, Тамара остановилась и сказала:

- Мы пришли, здесь я живу, - и показала на дом слева, прямо напротив мастерской по изготовлению ключей.

Я никогда не думал, что в этом узком проходе может быть жилой дом, ведь это почти Кремль!

- Чтож, раз довёл до дому, так заходи – гостем будешь! – пригласила Тамара. Мы поднялись на второй этаж, нависавший над самым проходом. Люди проходили прямо под квартирой, их всех можно было рассмотреть в лицо.

Тамара задёрнула окно плотной портьерой и только после этого зажгла свет. Квартира была маленькой, но двухкомнатной, со странной планировкой. Повидимому, она перепланировалась под контуры старого дома. Мебели было мало, зато стены увешаны картинами, большей частью любительскими. Полка с книгами, в основном, на английском языке, виднелась и словари. Диван-кровать и рядом - модный тогда торшер. Прихожей почти не было. Тамара отнесла наши плащи в большую кладовку, примыкающую к спальне.

- Квартиру снимает для меня отец, чтобы я не мельтешила перед ним и не мешала работать. Да и маме так удобнее. Плохо только, что у неё есть ключ от этой квартиры, и она может прийти когда угодно.

Тамара зашла на кухню, принесла бутылку мадеры и яблоки. стаканы почему-то поставила чайные в подстаканниках. Видно было, что она «не в своей тарелке». Я тоже сидел напряжённо, не зная «программы» вечера. А ведь было уже около десяти часов.

Тамара налила вина в стаканы, чокнулась со мной подстаканником и выпила. Я очень любил, да и сейчас люблю мадеру – крепкое, чаще всего девятнадцатиградусное вино с уверенным, надёжным вкусом. Выпили и молча смотрим друг на друга.

- Ник, знаешь, я ведь замуж выхожу, - вдруг напряжённо произнесла Тамара и криво улыбнулась. Но жениха своего не люблю, хотя он и очень правильный человек. Он – холодный, и глаза у него, как у рыбы. Ему тридцать пять лет, он – старший научный сотрудник, работает в «закрытом» институте. Даже не знаю, чем он занимается. Познакомились у подруги на дне рождения, он меня проводил до дома. Не вошёл, хотя я его и приглашала. Потом встретились, пошли в театр. А по дороге из театра он сделал мне предложение. Я даже привела его к

родителям познакомить. Маме он вроде бы понравился, но отцу – нет. «Неживой он какой-то», - только и сказал отец. А отец хорошо знает жизнь и разбирается в людях.

Я вспомнил сверлящий взгляд «патера Грубера» поначалу, и тёплый, восхищённый – потом, и подумал, что «патер» не так уж и хорошо разбирается в людях. Почему-то мне захотелось его так называть - «патер Грубер»!

- А ведь ты ему так понравился, с первого взгляда! – казалось, с сожалением сказала Тамара, - и мне тоже, с трудом выдавила она, - и тоже с первого взгляда. «Can I help you?» - только успел сказать ты, а я уже любила тебя. Специально не дала тебе телефона, ни к чему это, думаю, расстались – вот хорошо, ничего не будет смущать меня перед замужеством. И – на тебе – разыскал! Что же мне теперь делать? – Тамара уже выпила стакана полтора мадеры и, грустно улыбаясь, смотрела мне в глаза.

- Димой его зовут, - предвосхитила она мой вопрос, - сюда он никогда не заходил. Живёт с мамой в Черёмушках, хочет, чтобы я туда переехала после замужества. А эту квартирку, которую я так люблю, советует оставить, перестать снимать, то есть. Близки мы с ним не были – только после замужества это положено, говорит. А вдруг - он или я – ненормальные, что тогда? Заявление уже подали, свадьба через две недели, в ресторане «Прага» хотим отметить. Дима уже договаривается об этом.

Я сидел, не в состоянии вставить ни слова. Только подливал себе мадеру из бутылки.

- Я тебя понимаю, - так же грустно продолжала Тамара, - может быть ты меня и любишь, как говоришь, но ты был бы ненастоящим, фальшивым мужиком, если бы сказал: «Тамара, бросай Диму, выходи за меня!». Во-первых, ты совсем не знаешь меня, может я и ненормальная. Во-вторых, ты живёшь на стипендию в сто рублей, а я получаю ещё меньше – ведь я работаю на полставки. Что, будем сидеть на шее у «патера», как ты его называешь? Стыдно. Хотя, я чувствую, он был бы рад этому, денег у него хватает. Но ты гордый, и не пойдёшь на это. Грузчиком ты работать не будешь, ты слишком любишь свою науку, да и много грузчиком не заработаешь.

Я вспомнил, как работал грузчиком у Вали. Хорошо, что Тамара знает только о моей аспирантуре и о спорте, а больше ни о чём. Особенно о моей семье в Тбилиси. А то бы не сидеть мне здесь!

- А сделаю я вот что! – решительно сказала Тамара, подошла к дивану-кровати и начала стелить её, - сделаю я тебя своим любовником, и не буду чувствовать себя жертвой. Почему я должна потерять человека, которого так сразу полюбила, которого судьба мне так неожиданно подарила! Но и мужа иметь, в принципе, нужно, тем более, что он - правильный и хороший человек. Ну, давай, допивай свой стакан, и, как говорят «у койку!».

Я не дал себя дважды уговаривать. Не знаю, нужно ли описывать эту нашу ночь в самом центре Москвы, в самой уютной квартирке, с самой экстравагантной женщиной в моей жизни.

Надо ли описывать моё состояние в эту ночь? И вот вдруг, просыпаюсь я в середине ночи, смотрю на чудесный профиль едва знакомой любимой девушки, на странные тени на потолке комнаты и слышу голос. В этом загадочном месте – сердце Москвы, смотрю я на потолок, на гуляющие по нему загадочные тени и слышу далёкий громкий голос как бы из-за окна, то есть почти с Красной Площади:

- Тамара – это твоя судьба!

Я гляжу на профиль Тамары рядом со мной – она крепко спит и, видимо, голоса этого не слышит. Тогда я (видимо, в силу своей дотошности) тихо переспрашиваю: «Вот эта Тамара, что рядом – моя судьба?» Голос медленно, как Фантомас, рассмеялся и добавил: «Нет, это твоя первая Тамара, но у тебя их будет достаточно!»

Я поразмыслил и логически пришёл к выводу, что если моя судьба – не эта, первая Тамара, то таковой может быть только последняя. Потому, что, найдя свою судьбу, я остановлюсь именно на этой, последней Тамаре. И, как настырный студент, переспрашиваю Голос: «Тогда получается, что моя судьба – последняя Тамара?» И Голос, как мне показалось, уже раздражённо, ответил: «Нет, последняя твоя Тамара будет нести корону над головой той, что была до неё!» Я

понял, что Голос больше не желает общаться со мной. Тамара «первая», которая, оказывается, - не моя судьба, тихо спала рядом со мной, не подозревая, какую задачку задал мне Голос.

Не так уж велик мой опыт сексуальной жизни, скорее очень уж мал, но мне показалось, что Тамара – необыкновенная женщина, ненормальная, как она сама выражалась. Она, если и удовлетворялась любовью, то на очень короткий период, и требовала постоянных повторов. Желание у неё было постоянно, и сил для неё нужно было иметь много.

Мы стали встречаться почти каждый день, в основном, у неё. Но, несмотря на осеннюю погоду, мы могли экстренно, прямо после университета выехать в парк или ближайший пригород и там «пристроиться» друг к другу. У Тамары была ещё одна, на сей раз физиологическая особенность – мы могли свободно заниматься нашими делами, просто стоя лицом друг к другу. Запахнёмся в широкий плащ или пальто, обнимемся и легко, особенно, если на ней были юбка или платье, «любили» друг друга. Никому и в голову не могло прийти ничего криминального, если только не присматриваться.

Однажды сильный дождь застал нас у Ярославского вокзала, откуда мы хотели отъехать в пригород на электричке, всё для тех же целей. Народу набилось под каменной крышей входа в метро – тьма. Мы со всех сторон оказались сдавлены народом. А Тамаре – невтерпёж. Чтож, обнялись мы, запахнул я её в свой широкий плащ, и занялись «делом». Люди вокруг сами толкали нас, сообщая необходимые движения. Ну, ойкнула она подконец, как будто кто-то на ногу наступил, и все дела.

Даже в «альма-матер», родном университете в ложе тёмного актового зала, и то пробовали. В пустой курилке того же университета – то же самое.

- Ну и сняли же мы с тобой стружку! – любила говорить после очередного подвига Тамара.

Однажды мы заскочили под вечер в парк Горького, ищем укромное местечко, взяли круто налево к Ленинскому проспекту и увидели прямо в парке пустое, уединённое здание, отгороженное забором без дверей. Мы – шмыг туда, и уже было, пристроились, как в глаза бросилась надпись: «Морг». Мы - стремглав оттуда. Видимо, это здание относилось к градским больницам, что были неподалёку, но как могло оказаться, что такое специфическое здание никак не отгорожено от парка – непонятно!

Наступил день свадьбы. Тамара сказала, что видимо, после ресторана она поедет к Диме домой, но жить там не будет. Попытается уговорить его, что будет приезжать сюда несколько раз в неделю. Дескать, пишет диссертацию, и пару-тройку дней в неделю ей нужно побыть в одиночестве для работы. И действительно, Тамара на кафедре была оформлена соискателем у Ахмановой.

Это было в конце октября. Я не знал, куда девать себя. Вадим уехал по делам в Тбилиси, и я был в комнате один. Я ходил по комнате общежития, по коридору. Водка была, но пить почему-то не мог – не лезла в горло. Я знал, что Тамара любит меня, но ведь спать-то в первую брачную ночь она будет с Димой, то есть с мужем. Я отчётливо представлял себе весь этот процесс, и мне было не по себе.

В комнатах общежития шла обычная пьянка. Неожиданно, вваливается в комнату мой приятель Толя Кириллов (сыгравший роковую роль в гибели дяди Симы через несколько лет, и сам погибший вскоре), выпивший, с красивой молоденькой девушкой под руку. Девушка была яркой блондинкой в красном коротеньком пальтишке, отороченном белым мехом – настоящая Снегурочка.

- Познакомься – Кастуся! – представил её Толя, - а это – наш будущий профессор, а, кроме того – самый сильный человек городка, и он постукал меня в грудь кулаком. А затем отозвал в сторону и попросил: «Будь другом, пусти в комнату на полчаса! Я знаю, что Вадим в командировке – ты один, пусти!».

Я пустил «влюблённых» на мою койку, а сам сел на стол для глажки в коридоре. Нет-нет, но надеялся, что зазвонит телефон в торце коридора, и я услышу голос Тамары. Ну, просто так, может спросит, - живой ли ты ещё? Или – «Люблю только тебя! Завтра увидимся!» Но телефон хоть и звонил, но всё пьяным голосом, и всё не про мою честь.

Наконец, Толя вышел из комнаты, закурил и тихо говорит мне: «Заходи, Кастуся ждёт тебя. Понравился ты ей. Необычный парень, говорит, непохожий на вас всех. Позови, - говорит, - хочу с ним быть!».

Я улыбнулся Толе и покачал головой. Тот посмотрел на меня, как на идиота.

- Не могу, Толя, Конечно, мне она очень понравилась, но я люблю другую! Пусть не обижаются!

А сейчас я думаю - жаль, наверное, что не зашёл к красивой Кастусе. Тем более – «угощали»!

Прошёл день, звонка нет. У Тамары в квартире телефона не было. Я оделся и поехал в центр. Был поздний вечер, когда я подошёл к проходу со стороны Никольской. Зайдя в проход, я увидел задёрнутые шторы на окне, а сквозь щели – лучи света. Дома кто-то был. Зайти? А вдруг она с мужем? Притвориться, что ошибся квартирой? Не навредить бы! Я простоял всю ночь в проходе под окном. Попрыгаю, согреюсь немного, и стою, не отводя глаз от окна.

Как милиция не взяла меня – не знаю. Но ни один милиционер не встретился. А тёмных углов в проходе было тогда – полно! Свет в комнате погас часов в двенадцать. Часов в семь утра стало с трудом светать. Я, не отрываясь, смотрел в окно. Димы я в лицо не знал, он меня - тем более, так что встретить его я не боялся.

Девять часов утра. Штора распаивается, и я вижу Тамару в халатике. А главное, и она видит меня, почти превратившегося в барельеф. Она машет руками, заходи мол, скорее! Я, как голодный кот на кормёжку, взбежал по лестнице и вошёл в открытую дверь.

- Ёлки-палки, откуда ты здесь? – удивлялась ещё не отшедшая ото сна Тамара.

- Я с вечера стою под твоим окном! – почти потеряв голос, отвечаю я.

- Бедный Ромео! – Тамара приласкала меня, угостила уже разрезанным ананасом и налила ликёра «Роза» в рюмочку. Я жадно накинулся на фрукту, выпил ликёра и много стаканов воды. Затем опять ликёра. Тамара рассказала, что бракосочетание и свадьба прошли нормально. Что она первую ночь провела в квартире Димы в Черёмушках на улице Гаррибальди.

- Вы трахались? – давясь ананасом, прохрипел я.

Тамара зарделась.

- Давай договоримся, о некоторых вещах не спрашивать! Не твоё дело! Он мне муж, в конце концов! А ты кто?

Я почувствовал, что вся, какая ещё у меня осталась, кровь, прилила к голове и в глаза. Ярость затмила зрение, и, пережёвывая обжигающий губы ананас, я потянулся к ножу, которым этот ананас резали. Нож был с острым концом и с деревянной рукояткой. Я замер, капли ананасового сока капали из полуоткрытого рта, правая рука остановилась на полдороге к ножу. Тамара всё поняла и застыла на месте. Она поступила правильно. Если бы она кинулась убежать или, наоборот бросилась на меня, чтобы защититься, я обязательно зарезал бы её. Бессонная, сумашедшая ночь, вся в дурных мыслях, нарушила стабильность моей и без того слабой психики.

Я с минуту сидел так, потом медленно убрал руку назад и прикрыл рот. Выпил ликёру ещё, и просто сказал Тамаре: «Ложись!» Она покорно и быстро исполнила просьбу. Но сколько мы ни мучились, ничего не вышло. Первый раз в жизни я потерпел фиаско. И хоть очень, невообразимо хотелось спать, я собрал все оставшиеся силы и стал собираться домой.

- Сегодня я тоже буду ночевать здесь, я взяла у мужа «отгул» на два дня, - быстро сообщила мне Тамара, - приходи вечером, прямо звони в дверь.

К одиннадцати часам я был в общежитии, заперся в комнате, спал до семи вечера, потом поел, что нашёл, и поехал к Тамаре. Всё прошло без приключений, дома была она одна, мы немедленно бросились в постель и неистово занялись тем, к чему так стремились оба. Ночь прошла достойно, мы подошли к своим лучшим результатам. Часам к шести мы забылись и заснули. А в восемь часов нас разбудили частые звонки в дверь.

- Это Дима, мы пропали! – причитала Тамара, засталивая меня в чулан и забрасывая туда мою одежду. Я едва успел надеть там, в темноте, трусы. Тут дверь открыли ключами, и по голосам я понял, что пришла Марина Георгиевна.

- Где Ник? – кричала она, - я выследила его, он вечером зашёл к тебе, я не спала всю ночь, а сейчас проверю квартиру. Он здесь, я это чувствую! Распахнулась дверь в ванную, туалет, и, наконец, дверь чулана. Чуть не падая от сердечной недостаточности, я поздоровался с обомлевшей мамашей.

- Good morning, mammy! – и сделал попытку улыбнуться.

- Волк! Ник, вы – волк! (хорошо хоть, что не «монстр»!) – Вы забрались в наш дом, чтобы погубить нас! - патетически восклицала Марина Георгиевна. Если бы папа узнал об этом, он бы умер от огорчения!

Я с ужасом представил себе разъярённого «патера Грубера» и порадовался, что навестил нас не он. Я уныло вышел из чулана и стал одеваться.

- Ты хоть отвернулась бы! – заметила, внимательно смотрящей на меня маме, Тамара, но получила пощёчину.

Одевшись, я сел за стол, где уже сидели мать с дочерью.

- Чай подавать? – съязвила Тамара, но мама сухо сказала: «Да».

- Что будем делать? – деловито спросила Марина Георгиевна, прихлёбывая чайку, - я, конечно же, всё скажу Диме.

- Ты не такая дура, - не боясь пощёчины, сказала Тамара, - ты не сделаешь вреда своей дочери.

- Хорошо, - неожиданно согласилась Марина Георгиевна, - но могу ли я быть уверена, что вы больше встречаться не будете?

- Нет! – тихо, но уверенно, сказал я. - Но сюда я больше не приду. Даю слово. Иначе меня здесь от страха кондратий хватит.

Марина Георгиевна неожиданно рассмеялась. – Спасибо скажи, - она обратилась ко мне на «ты», что я хоть в дверь позвонила, - а то бы бегали голыми, как в дурдоме, - нервически хохотала Тамарина мама.

- А честнее - всё сказать Диме, развестись с ним, и пожениться вам по-человечески. Тогда валяйтесь в постели по-закону, хоть весь день! – добавила она.

Мы вышли из дома втроём, как порядочная семья. Я обогнал женщин со стороны Тамары, быстро поцеловал её в щёчку и шепнул: «Звони!»

Мы продолжали встречаться, но уже не так комфортно. На природе было холодно. Иногда я упрашивал Вадима не приходиться, допустим, часов до шести вечера.

- На мою кровать не ложитесь! – мрачно предупреждал каждый раз он и уходил.

Чтобы не было разговоров, Тамара надевала свой «мужской» костюм, я сворачивал её женское пальто, клал в сумку, и давал ей свои пальто с шапкой, а сам шёл в плаще. Так мы заходили в «Пожарку», а в запертой комнате уже разбирались, кто мужчина, а кто женщина.

Как-то при выходе из общежития нас встретили мои приятели, видные ребята. Мы разговорились, и Тамара, забыв, что она «мужчина», стала кокетничать перед ними. Ребята удивлённо посмотрели на неё, а потом заметили мне: «Ты что, на педиков переключился?»

Шла середина декабря. Как-то договорившись с Вадимом, я уже подходил к «Пожарке» с Тамарой в моём пальто. Я увидел, что у окна нашей комнаты стоит Вадим и смотрит на улицу. Увидев нас, он жестами приказал нам остановиться. Мы так и сделали. Вадим быстро сбежал вниз и, поздоровавшись с Тамарой, коротко сказал мне по-грузински: - Шени цоли мовида! (Твоя жена приехала!).

Я почти в шоке повернулся на 180 градусов и кинулся бежать прочь. Ничего не понимая, Тамара бросилась за мной. Совершенно ничего не понимая, за нами с лаем бросилась знакомая дворовая собака. Наконец, отбежав метров на сто, я отдышался и смог ответить на настойчивые вопросы Тамары.

- Я виноват перед тобой - я женат. Жена приехала и находится сейчас в моей комнате. Это мне сказал по-грузински Вадим!

Тамара быстро отвесила мне пощёчину, а я почему-то сказал ей «спасибо». Она пошла к остановке автобуса, а я – в «Пожарку» к жене. Вскоре жена увезла меня в Тбилиси на встречу Нового года, но до этого ещё произошли события, достаточно новые для меня.

В феврале, когда я приехал обратно, зашёл на филфак и застал прямо в коридоре Тамару, разговаривавшую с двумя очень красивыми девушками. Мы кивнули друг другу, и я стал ждать конца разговора. Наконец девушки ушли, а Тамара сказала мне: «Та, которая блондинка – это Белла, у которой мы познакомились с Димой; та, которая с тёмными волосами – это Галя, внучка твоего любимого Сталина». Видя, что я восторгнулся, Тамара заметила: «Я не позволю тебе, жалкому женатику, даже подойти к хорошей девушке. Забудь!».

А затем, взглянув мне в глаза, Тамара продолжила: - Ты, как скорпион при пожаре, ужалил сам себя, и теперь тебе – конец. В моих глазах, по крайней мере. Встреч больше не будет! А сейчас пойдём в «Москву» на 15 этаж и отметим наш развод!

Мы поднялись туда; в кафе «Огни Москвы», почти не было посетителей. Мы пили портвейн «777». Я уверял Тамару, что «безумно» люблю её, и даже делал попытки перелезть через ограду на балконе, чтобы броситься вниз (сетки на балконе тогда не было). Но Тамара сказала: «Бросайся, если хочешь, чтобы я поверила тебе, что ты любишь меня «без ума»!»

Я был повержен. Тогда я взял ручку и написал Тамаре на салфетке прощальное стихотворение, которое сочинил заранее, предчувствуя наше расставание.

Стихотворение было в стиле Руставели:

Я уйду по доброй воле,
Осознав своё паденье,
Я тебе не нужен боле –
Не помогут ухищренья!

Тщетно я спасти пытаюсь
Чувство, мёртвое от яда -
Что погибло, не рождаясь,
То спастись уже не надо!

Я ж уйду по доброй воле,
Буду маяться по свету,
И на крик душевной боли
Не найду ни в ком ответу!

Тамара прочла стихотворение, оно ей понравилось; она заметила, что оно похоже на стихи Шота Руставели.

- Чтож, Шотик, попрощайся со своей любимой царицей Тамарой и больше на моём пути не попадайся!

Мы поцеловались и разошлись.

Белая горячка и голодные пиры

Как я уже говорил, в середине декабря жена увезла меня в Тбилиси. Во-первых, Новый Год приближался, и она хотела встретить его со мной. А во-вторых, обнаружилась причина и посущественней.

Дело в том, что «разоблачение» меня в квартире Тамары, а главное – внезапный приезд жены и мой позорный разрыв с любимой женщиной, так подействовали на мою психику, что я перестал спать. Вадим милостиво уступил нам комнату, перебравшись в другое - «культурное» общежитие, куда ранее перешли жить наши аспиранты, где так и остался в дальнейшем.

Но, несмотря на комфорт, сон ко мне не шёл. Я был слишком возбуждён, в голову лезли нездоровые мысли; я лежал с открытыми глазами и мучился. Потом решил встать и хоть почитать что-нибудь. Выпил кофе, чтобы взбодриться и позаниматься «теорией» до утра.

День прошел как-то сумбурно – я с утра сбежал за выпивкой, познакомил жену с Серафимом и Лукьянычем; мы погуляли немного по заснеженному городку, а вечером выпили снова. Чтобы заснуть, я выпил, как следует. Но сон снова не шёл ко мне.

Тогда я поднажал на кофе, чтобы добиться какой-нибудь определённости. Но так как после кофе я протрезвел полностью, то опять принялся за водку. И к своему ужасу заметил, что не пьянею. Я выпил всё, что было, но в голове – хрустальная чистота. И я стал понимать, что это всё не просто так, а меня травят. Подсыпают, подливают мне в кофе и в водку какую-то отраву, а потом исчезают. Выбегают из комнаты, как тени и ходят под окном. Ждут, когда я отвернусь или выйду в туалет, чтобы снова забежать ко мне и сделать подлость. Ну, погодите, я вам покажу!

Был уже восьмой час утра. В окно было видно, как по снегу в сумерках пробежали какие-то серые тени; они иногда оборачивались и злобно скалились на меня.

- Обложили кругом, сволочи! – подумал я, и осторожно, чтобы не разбудить жену, достал из тумбочки огромный воздушный пистолет, уже переделанный на гладкоствольный мелкокалиберный. Положив на подоконник коробку с патронами, я вставил один из них в ствол, закрыл затвор и, открыв окно, прицелился в одну из теней на улице. Гулко прозвучал выстрел. Тень молча рванулась и исчезла. Я перезарядил пистолет и выстрелил в другую тень, которая тоже безмолвно ускользнула.

- Вот, гады, пуля не берёт - значит нечистые! – мелькнуло в голове, - что же делать? Обернувшись, я увидел бледное лицо жены позади себя, а в глубине комнаты, прямо на нашей кровати, я заметил нечто такое, чего не могу забыть и по сей день. Это нечто (или некто) был коротышкой, похожим на большое толстое полено, стоявшее на кровати в изголовьи. Полено было как-бы обтянуто чёрной замшей, мягкой и нежной, а в верхней части его горели зелёным фосфористым светом большие глаза. Глаза были спокойными и уверенными, и сам «он» стоял твёрдо, как забетонированный столб.

- А вот и «главный»! – покрывшись холодным потом, подумал я, и, глядя «главному» в глаза, не раздумывая, выстрелил в него. «Главный» и не пошевелился.

Тогда я в ужасе швырнул в него пистолет и со звериным рёвом кинулся на него. Я кусал его, рвал его на части, а он спокойно и уверенно продолжал смотреть мне в глаза. В комнате вдруг зажгли свет, и я почувствовал, что меня крепко держат за руки. Я рванулся, куснул кого-то, а потом вдруг увидел, что меня держат соседи по общежитию. Лиля трясла меня за плечи и что-то кричала, вся в слезах.

Увидев, что я пришёл в себя, меня отпустили. Я сел на кровать и оглянулся на изголовье. Там было пусто.

- А где Главный? – спросил я

Меня снова схватили. Так продержали меня, уже сколько, не помню. Кто-то успел вызвать скорую помощь, как я понял, с психиатрическим уклоном. В комнату вошли два здоровых мужика в белых халатах, сделали мне укол в вену. Я не сопротивлялся, так как начал понимать неадекватность своего поведения. Вкололи мне, как я узнал позже, аминазин.

С этим препаратом я ещё встретился и гораздо позже, но действие его я никогда не забуду. При полном сознании, я почти не мог шевелиться. Состояние было, как у животного, тигра, там, или медведя, в которого стрельнули обездвигивающей пулей; по крайней мере, как это показывали по телевизору.

Мужики подхватили меня под руки и снесли вниз. Усадили, вернее, уложили в машину типа УАЗика, жену посадили рядом, и мы поехали. Минут через сорок (я понял, что мы ехали не в Москву, а в пригород), меня выволокли и затащили в красное кирпичное двухэтажное здание. Немного посидели в коридоре и завели в комнату врача.

К тому времени я уже соображать начал хорошо, но двигался с трудом. С врачом старался говорить с юмором: перепили, дескать, вот я и решил поугадать друзей игрушечным пистолетом. А соседи приняли всерьёз, ворвались в комнату, схватили и ребят этих вызвали.

- Ну, виноват, я, но не в тюрьму же сажать из-за этого! – заключил я.

- За хулиганство можно и в тюрьму, - устало ответил врач и проверил мои реакции.

- Что это мне вкололи ребята? – успел спросить я врача, - сильная вещь, первый раз встречаю!

- Будешь буяннить, встретишь ещё раз! – ответил врач, и взглянул в какую-то бумажку, сказал: «Аминазин, три кубика двух с половиной процентного раствора с глюкозой – внутривенно!».

- А – а, ответил я, - запомню, может, пригодится!

Меня отпустили под честное слово жены, что она первое время не оставит меня одного. Она ответила, что сегодня же отвезёт меня домой в Тбилиси.

- Вот так будет лучше! – с облегчением сказал врач.

Лиля остановила такси и отвезла меня в «Пожарку». Собрала вещи, и мы поехали на Курский вокзал. Долго стояли в очереди, но сумели-таки взять билеты на вечерний поезд на Тбилиси – продали разбронированные билеты. Стоили тогда билеты суший пустяк, сейчас электрички дороже!

Ехали в плацкартном вагоне, я преимущественно спал, отсыпаясь за две бессонные ночи.

Про случай со мной договорились никому не говорить; я понял и хорошо запомнил, что же это такое – «белая горячка», никому не советую, ею «болеть»!

Тбилиси встретил нас новогодними хлопотами. Надо сказать, что эти хлопоты были обоснованными - есть было нечего, а стало быть, и закусывать нечем на встрече Нового Года. В Москве особых изменений в продовольственном вопросе я не заметил, да мне было и не до этого – любовь не давала замечать ничего вокруг. А в Тбилиси я воочию увидел, что такое голод, да, да, голод, как, например, в 1946 году и ранее.

В самом конце 1963 года, да и в первой половине следующего, продовольственные магазины были практически пусты. Особенно волновало народ отсутствие хлеба – в Грузии, да и вообще на Кавказе, хлеб едят килограммами – это вам не Германия! В остальном выручал рынок или «базар» по-местному, но цены были заоблачными. Но хлеба и на базаре не было – продавали кукурузный «мчади» (пресные лепёшки), но хлеба они населению не заменяли.

Новый Год договорились встречать с однокурсниками на квартире у одного из товарищей. Вино, чачу, зелень, лобио, пхали (простите за неприличное название – это всего лишь зелёный кашеобразный острый салат), хули (ещё раз простите, но это сильно наперченный салат из варёной свёклы), и другие разносолы (не буду перечислять, чтобы больше не извиняться!) привезли из деревень. Кур (по-местному «куррей») и другое мясо купили на рынке («базаре»).

Нам же с женой дали самое серьёзное задание – достать хлеб. Мы устроились в засаде у одной из булочных, по-местному «пурни», и стали ждать машину с хлебом, которая должна была по «секретным» сведениям подъехать вечером 31 декабря.

Наконец, показалась машина. Вот где спорт-то пригодился. Расталкивая голодных людей локтями, я как гиббон, вскарабкался в кузов и стал кидать большие «бублики» хлеба (а только такой и выпускался то время в Тбилиси) Лиле. Та нанизывала этот хлеб на руку, отражая попытки отнять, или хотя бы куснуть дефицитное лакомство. Вся операция заняла секунды, иначе бы Лилю с хлебом растерзала толпа. Я выскочил из кузова и по головам спустился на землю. Об оплате за хлеб не шло и речи.

Редко такие приезды машин с хлебом оканчивались без летального исхода. Вот и на этот раз, как мы узнали позже, два пожилых человека были затоптаны насмерть в давке у машины.

Это в годы-то Хрущёвской «оттепели», после победы в Великой Отечественной войне, после изобилия 1952-56 годов, погибнуть в давке за хлебом перед самым Новым Годом! Нет, всё-таки «боюсь я данайцев, даже дары приносящих!», как говорил старик Лаокоон перед тем, как его с семьёй задушили два питона. Поэтому и голосую теперь за кого угодно, только не за коммунистов!

Чтож, встреча Нового 1964 Года прошла весело. Пили наиболее популярное в восточной Грузии вино «Саперави», известное тем, что оно окрашивает в красный цвет даже стаканы. Виноград «Саперави» в отличие от многих других сортов красного винограда, имеет окрашенную в красно-чёрный цвет мякоть. Ведь я не открою, наверное, секрета, если скажу, что не только

розовое, но и многие сорта белого вина готовят из красного винограда. Но у тех сортов винограда только кожица – красная, а мякоть – белая или розовая.

Пили также чачу, приготовленную перегонкой из отжатого винограда – шкурок, косточек – сброженных без сахара. Ели салаты с вышеупомянутыми неприличными названиями, без которых не обходится ни один грузинский стол. Острый перечный вкус этим салатам придаёт особая «дьявольская» смесь, жертвой которой я когда-то чуть ни стал.

Очищенные грецкие орехи перемалывают (хотя бы в мясорубке) с особым страшно горьким мелким перцем, похожим на черешню. По-болгарски он называется «люта чушка», а по-грузински, как и обычный горький перец – «цицаки».

За день-два этот перец «выдавливает» из орехов масло, как уверяют специалисты, «своей горечью». Так вот, это масло капают, буквально одну каплю на блюдо пхали или хули, чтобы эти блюда европеец уже точно не смог бы съесть. Грузины там, абхазы, испанцы, и особенно корейцы, ещё смогут есть такие горькие салаты, а жители «культурных» стран с умеренным климатом – «ни в жисть»!

Однажды я, по-ошибке, утром «хватанул» глоток такого масла из стакана, приняв его за лимонад. Горло «замкнулось» тут же, я задыхался, выпучив глаза. Хорошо, люди поняли, в чём дело, и залили мне в рот чачи – вода в таких случаях может только навредить.

Были хорошие кавказские тосты – за Новый Год, за присутствующих, за хозяев, за родителей, детей, братьев и сестёр, других более дальних родственников, за их друзей и их «кетилеби» (буквально – «хороших», видимо, приятелей или тех, кто им приятен, что ли).

В общем, доходили и до таких тостов, где буквально, признаются в вечной дружбе и любви к человеку, но при этом просят назвать своё имя, так как его просто ещё не знают.

Мои «патентованные» тосты «за любовь до брака, в браке, после брака, вместо брака, и за любовь к трём апельсинам!», а также «за успех безнадёжного дела!» понятны не были, восприняты они были с настороженным молчанием, и только уже при расставании один из гостей, спросил меня:

- Зачём пыт за дэло, катори безнадидожни?

На что я ему ответил в его же манере:

- А зачём пыт за дэло, катори и бэз этого выгорит?

- Пачему выгарит, пажар, что ли?

Я кивнул, что действительно это тост про пожарных, захватил со стола, как старый еврей, «кусоч пирога для тёти Брони, которая не смогла прийти», и мы с женой уже под утро пошли домой.

Моя поездка в Тбилиси была примечательна вот этой встречей Нового Года, и ещё тем, что 15 сентября этого же года родился мой младший сын Леван. Его мама ещё намучается со мной, будучи беременной, об этом я отдельно расскажу.

Я ожидал, что мой сын станет учёным, спортсменом, писателем, поэтом, журналистом, художником или полицейским, наконец, повторит специальность кого-нибудь из родственников. Но если бы мне позволили назвать миллион специальностей, я бы назвал весь миллион, остановившись на специалисте по внеземным цивилизациям или переводчике с суахили, но не назвал бы его реальной специальности. А стал он...мастером по изготовлению бильярдных столов, таким бильярдным Страдивари.

Но я, с моей дотошностью, всё-таки отыскал его предка, который занимался почти тем же. Это был мой прадедушка – отец моей бабушки - Георгий Гигаури, мебельный фабрикант, несостоявшийся «поставщик его императорского высочества». Тот самый, которого так подвёл князь Ольденбург, забрав его огромную партию мебели. Возможно, среди этой мебели были и бильярдные столы...

В феврале я снова приехал в Москву и простился в кафе «Огни Москвы» с Тamarой. А в конце апреля с двоюродным братом Димой поехал на празднование Пасхи в Рязань к родственникам. Это были родственники Марии Павловны - тёщи моего дяди, а следовательно и наши.

Рассказываю про это путешествие, чтобы показать, как голодала в 1963 –1964 годах вся Россия, а не только Грузия, которую, может статься, Хрущёв хотел наказать, как родину Сталина. Но за что же было наказывать родину Есенина, да и всю Россию, за исключением, пожалуй, только Москвы?

Ничего не подозревая, мы с братом выехали в Рязань, не взяв с собой никаких припасов. Поселились в центральной гостинице и тут же познакомились с двумя девицами, тоже по их словам, приехавшими из Москвы на празднование Пасхи. Они остановились в номере этажом выше нас. Договорившись отметить встречу у нас в номере (чтобы не повторять московских ошибок с ресторанами и с игроками «Динамо»), мы спустились в магазин, чтобы взять выпивку и закуску.

В пустых магазинах на нас посмотрели, как на провокаторов. Мы кинулись в гостиничный ресторан и смогли взять там лишь несколько бутылок залежалого ликёра «Роза», несколько порций «мяса кита тушёного» и несколько кусков хлеба нарезанного, ярко жёлтого цвета, крошившегося в руках.

И мы с девушками пили за знакомство липкий сладкий ликёр, заедали его пахнущим рыбой, несъедобным мясом кита (не путать с кетой!) и крошками жёлтого, похожего на кукурузную лепёшку, хлеба.

Мы быстро захмелели. Девушка брата (а мы сразу же их «поделили» - он выбрал себе полную, я – худенькую, поинтеллигентней!), быстро «свалилась», и мы её положили спать на софу. «Моя» оказалась выносливее и «злее». Мы допили всё, что было, а затем она попросила меня проводить её наверх, в их «девичий» номер. Чтобы, по её словам, не устраивать «групповухи». Я и проводил мою подругу наверх. Её, конечно, вело, но номер открыть мы сумели. Она едва добежала до кровати, кинулась в неё, и вдруг... похвасталась, чем пила-закусывала.

Признаюсь, что тогда я и сам был близок к этому. Я постоял над телом «отрубившейся» девушки, несколько минут, соображая, исполнять ли мне свой мужской долг, или нет. Потом решил, что если бы мы только пили ликёр, я бы, пожалуй, этот долг исполнил бы. Но мясо кита, так напоминавшее старую говядину, притом пахнущую рыбой, живописными кусочками лежавшее на подушке в розовом ликёрном «соусе», отбило у меня всякую мысль о сексе.

Я вышел из номера, и, не заперев двери, бегом спустился вниз. Хорошо, что дверь была не заперта, и я успел в туалет. Поэтому я ни перед кем не успел похвастаться своей трапезой. Дима спал на своей кровати, подруга его - на софе. Я растолкал её и попросил пройти наверх, присмотреть за товаркой, чтобы та не задохнулась.

Мы спали до вечера, а утром в субботу в канун Пасхи, собрались к родственникам. Перед уходом нас всё-таки навестили «подружки» и попросили денег «в долг». Мы ответили, что-то вроде «сами подбираемся», и пошли встречать Пасху.

Вот так мы вели себя в Страстную пятницу! Ничего про всё это я больше не скажу и говорить не хочу. Но одну мысль всё-таки выскажу – такому народу (как мы с братом, разумеется, никого больше я не имею в виду!) – так и надо! Такую жизнь, такого Хрущёва, таких баб, такую выпивку и такую закуску! Кушайте, как говориться, на здоровье, и не жалуйтесь!

Противный Вася и приятная Таня

Между приездом из Тбилиси и поездкой на Пасху в Рязань, как я уже говорил, произошла размолвка между мной и Тamarой. Или, короче, я получил по заслугам и опять остался «холостым». И, как я предполагал, наступило время заняться Таней – женой моего друга Володи.

Но на этом пути мне встретились два обстоятельства – хорошее и плохое. За время моего пребывания в Тбилиси Таня, как и предполагалось, развелась с мужем – это хорошо. Володя так и жил у Ани и в общежитии не появлялся.

А плохо то, что «свято место пусто не бывает» - у Тани завёлся ухажёр из числа «салажат» - аспирантов нового призыва – некто Уткин. Он жил в комнате с Васей Жижкиным – инженером-исследователем с математическим уклоном, человеком очень высокомерным, моим

вечным оппонентом. Мы с Жижкиным сходились только в одном – оба были не дураки выпить. Но в остальном – сплошной антагонизм.

Вася был худ, немощен, хотя и задирист. Он ещё тогда терпеть не мог лиц кавказских национальностей, к которым причислял и меня. Ну, а лично меня он ненавидел не только из-за этого. Причины были, и о них я ещё расскажу. Вот из-за этой-то ненависти, он, этот Кощей-Вася, заметив, что я равнодушен к Тане, а она ко мне, надумал опередить меня. Он успел познакомить Таню со своим «сожителем» по комнате Уткиным (имя его я позабыл). Лично он сам не стал на моём пути, так как вероятность успеха была близка к нулю. Дамы его не жаловали из-за непонятности его разговоров с математической терминологией, «теловычитания», и невероятной заносчивости.

Когда у меня появилась штанга, я, как и всем, предложил Васе поспорить со мной с хорошей форой в его пользу. Но тот отказался, мотивируя тем, что только тупые и умственно отсталые люди могут поднимать тяжести. А умные, дескать, занимаются соответствующими видами спорта, например, шахматами. У Васи был первый разряд по шахматам, а я не знал даже, да и сейчас не знаю названия фигур. Но в детстве мне как фокус кто-то показал так называемый «детский мат», и я решил попытаться счастья в споре с Васей.

Вынесли шахматы, поставили на стол для глажки. Я, как неопытный, вытребовал себе право играть белыми. Мы стали расставлять фигуры, причём я механически повторял все действия Васи. Получилось, что короли у нас стояли по одной линии – видимо, так правильно. Я, помня, чему меня учили в детстве, сыграл: первый ход – обычный: пешка e2-e4. Жижкин – как и положено разрядникам, сыграл тоже королевской пешкой. Затем я вторым ходом выдвинул офицера или слона (не знаю, как он там правильно называется!) на c4. Жижкин выдвинул своего коня. Третьим ходом я выдвинул королеву (или ферзя) на h5. Вася задумался и почему-то выдвинул подальше своего правого офицера (или слона). Я заранее торжествовал – Вася был обречён, но пока не понимал этого.

- Вася, - вкрадчиво спросил я, - а что я тебе буду должен, если проиграю?

- У нас тариф единый – бутылка! – не задумываясь, выпалил Вася.

- Тогда беги за бутылкой – ты проиграл! – громовым голосом провозгласил я и поразил ферзём (или королевой) его пешку f7, - мат тебе, Вася! Детский мат от тупого силовика, кавказца, первый раз взявшего в руки шахматы! Если не веришь, что тебе мат, я могу доказать это словесным матом, – скаламбурил я.

Среди болельщиков стоял гомерический хохот. Жижкин сидел в шоке – он мог «убить» моего ферзя королём, но становился под удар офицера! Такую досаду и ярость я видел у него впервые. Он побледнел и чуть не кинулся на меня с кулаками.

- Вася, что я вижу, - с удивлением спросил я, - ты собираешься бить тупого силовика? И при этом надеешься, что ты не рассмешишь публику?

- Гони трояк! – загудели болельщики.

Жижкин забежал в свою комнату, выбросил оттуда скомканный трояк и тут же захлопнул дверь. Перворазряднику – и так попасться на детский мат!

Кто-то из болельщиков сбегал за бутылкой, и мы пили её прямо на столе для глажки, выкрикивая оскорбления в адрес проигравшего, даже пинали его дверь ногами. Вдруг дверь рывком распахнулась и показался Жижкин. На нём не было лица, и на том чего не было, блестели слёзы ярости.

- Реванш, я требую реванша! – орал он срывающимся голосом.

- Во-первых, после детского мата реванша не бывает – это навсегда – посмотри правила. Во-вторых, потренируйся в шашки, а шахматы даже в руки не бери! Чмур позорный! – шикнул на него я, и Жижкин пропал.

Прошло время, Жижкин успокоился и уже не требовал реванша. Но, тем не менее, постоянно говорил о превосходстве математики над другими науками.

А как раз в то время – что-то с ранней весны 1964 года - на первом этаже нашей «Пожарки» стали устанавливать большую вычислительную машину для ЦНИИС. Так как она должна была излучать сильное электромагнитное поле, от которого на втором этаже даже ножи

вставали «дыбом», то аспирантов до конца года должны были переселить в другие общежития, а старым и семейным – дать комнаты в квартирах.

Так вот, уже зная о том, что машина может «в лоб» решать самые сложные дифференциальные уравнения, я возражал Жижкину, что с появлением машин кончается время «чистых» математиков, и их место займут программисты и операторы.

Но он всё же настаивал на преимуществах математического ума и подкидывал нам «технарям» задачи из «Живой математики» Перельмана, которые я тут же решал, изучив в детстве эту книгу почти наизусть. И тогда я сам решил «подкинуть» Васе на спор математическую игру, которую узнал от массовика-затейника в санатории в Новом Афоне ещё в 1948 году.

Играют двое – один называет цифру, другой прибавляет к ней число от единицы до десяти и называет готовую сумму, затем это же делает первый и т.д. Тот, кто первым назовёт цифру 100 – выигрывает. Казалось бы – игра примитивная, да, оказалось, не совсем.

Вася смекнул, что эта игра как раз для него, и согласился. Собрались вечером на кухне, поспорили на бутылку. По трояку взяли с нас предварительно, чтобы потом вернуть выигравшему. Начали играть пока для ознакомления. Жижкин назвал число – 37; я говорю следующее – 45, и практически выигрываю, так как что бы ни прибавлял Жижкин к этому числу (от 1 до 10!), следующим я назову только 56, и т.д. – 67, 78, 89 – т.е. такую «магическую цифру», где второе число было бы больше первого на единицу. А после 89 соперник мог назвать только число от 90 до 99 - и в любом случае я называю 100. Вася вынес из комнаты листок бумаги и быстро составил последовательность от обратного - 89, 78, 67 ... и так до 12. Следовательно, кто первым назовёт 12, тот и выиграл. Он ещё раз проверил свои выкладки и смело сказал мне: - Начинай, но чтобы первое число было меньше десяти! – Вася боялся, что я сразу назову «магическую цифру».

- Но такого в условии не было! – деланно возмутился я.

- А тогда я спорить не буду! – твёрдо стоял на своём Вася, заглядывая в свою шпаргалку.

- Тогда спор на две бутылки! – потребовал я, поддерживаемый болельщиками.

- А хоть на сколько! – хвастливо заявил Вася, - всё равно побежишь в магазин ты. Я понял алгоритм твоей примитивной задачи!

- Тогда слушайте все, - значительно произнёс я, - я называю цифру – «единица»!

Жижкин взглянул на свой лист и стал что-то лихорадочно вычислять. Потом густо покраснел и неуверенно сказал:

- Единицу – нельзя!

- Почему? – возмутились все, - разве это больше десяти?

Жижкин швырнул в нас карандашом, скомкал бумажку, и, обозвав всех тупарями, чуть не плача забежал к себе в комнату, заперев за собой дверь.

Народ явно не понимал в чём дело. Я подобрал бумажку, брошенную Васей, и прочёл по ней весь ряд чисел, которые надо было говорить: 89, 78, 67 и т.д. – до 12. То есть, каждое последнее число было меньше предыдущего на 11. А последнее число – 1, он проставить не догадался. Но если я назвал единицу, то, что бы ни прибавлял Жижкин, следующей я назову 12, и пошло-поехало до 100. Вот он и рассвирепел на свою же детскую ошибку.

Мы стали трясти дверь и требовать: «Васька, математик херов, давай вторую трёшку, а то дверь высадим! Ты же народу обещал!»

Вася подsunул под дверь вторую трёшку, но пить с нами - «тупарями» - отказался. Нам же лучше – больше останется! Естественно Жижкин возненавидел меня всеми фибрами своей математической души и назло мне познакомил Таню со своим соседом Уткиным.

Уткин был полным невысоким парнем в очках, типичным школьным отличником, даже стриженным под «полубокс». Он по вечерам заходил в гости к Тане «на чай», причём действительно на чай, выпивкой там и не пахло.

Я «подловил» Таню на кухне и завёл разговор – «про это, да про то». Она призналась, что Уткин – для неё как подружка, «толку» от него нет, только время тянет. Я всё понял и пообещал зайти в гости вечером.

Сказано – сделано, часов в 10 вечера, когда сын Тани Игорёк должен был уже спать, я положил в портфель бутылку модного тогда портвейна «777», свой огромный чёрный пистолет и

постучал к Тане. Дверь была не заперта, и я вошёл. Таня с Уткиным сидели за столом и пили чай вприкуску. Я присел за стол со стороны Тани и поставил бутылку.

- Мы не пьём! – серьёзно сказал Уткин и насупился.

- А мы пьём! – неожиданно ответила Таня и засмеялась. Уткин отклонился и вышел.

Мы весело разлили вино по стаканам и чокнулись. И вдруг в незапертую дверь просунулась круглая физиономия Уткина, проговорившая, что это невежливо врываться в чужую комнату, где люди беседуют... Точно, Жижкин накрутил ему хвоста и послал мешать нам. Тогда я расстегнул портфель и вынул чёрный пистолет, о котором в общежитии все знали и помнили ещё с моей белой горячки в декабре.

Круглая физиономия исчезла, и я по-хозяйски запер дверь. Выпили, поговорили о жизни, о Володе, о нас двоих. Я погасил свет (чтобы в окно не заглядывали с улицы!) и стал валить Таню на кровать. В комнате стояли две узенькие общежитейские кровати, придвинутые друг к другу. На той, которая ближе к стене, уже спал Игорёк. Так что, валить надо было осторожно.

На Тане был мой любимый бежевый сарафан, обтянутый до предела. Ни одна частичка ладного привлекательного тела Тани в нём не скрывалась. Я стал нащупывать молнию, чтобы расстегнуть её. Но это мне не удалось, а сарафан сидел, как влитый. Удалось лишь немного приподнять юбку, а под ней – конец всему! – были плавки обтянутые ещё сильнее сарафана, и застёжек никаких не нащупывалось. Тщётно я провозился, лёжа на бывшей жене друга, да ещё она и приговаривала, правда со смехом:

- Уступи тут вам, всё общежитие будет завтра знать!

Или:

- Трахаться – смеяться, а аборт делать – плакать!

Я понял, что сегодня не выйдет ничего, «путём», по крайней мере, встал, поцеловал Таню и вышел.

А назавтра Таня – была сама внимательность. Пригласила на утренний чай (действительно чай!), посидели, поговорили «за жизнь». Она подготовила Игорька в детский сад – мальчик ко мне хорошо относился, как к другу отца, и не хотел уходить. А, уходя с Игорьком, Таня тихо сказала мне:

- Ты не обижайся, заходи вечером!

Я не обиделся и зашёл. Таня была в халатике; он, правда, не шёл ей так, как сарафан, но был, видимо, уместнее на сегодня. Выпили, погасили свет, и я легко повалил Таню на кровать. Игорёк недовольно засопел и повернулся к стенке. Расстегнув халат, я стал искать рукой ненавистные плавки, но не находил их. «В чём дело?» – не мог понять я. Жижкин был где-то прав – математик бы сразу догадался, а тупарь-силовик – нет. Плавков-то не было! Таня завлекательно похохатывала, пока я тщётно искал их. А потом!

Потом было то, за что я привязался к Тане так, как к никому до неё. Кроме упругого, сильного, ладного тела, у неё был такой азарт, самозабвение, что-ли, врождённая любовь к мужику и мужскому телу, восхищение им в полном «формате», что не «упасть в любовь» (как говорят англичане) к Тане было просто нельзя.

Игорёк просыпался несколько раз и сквозь сон недовольно ворчал:

- Нурик, перестань толкать маму, зачем ты бьёшь её?

На что мы шёпотом отвечали, что это ему только показалось, мы лежим мирно, и вообще, любим друг друга ...

В русской армии говорим по-русски

В политехническом ВУЗе, который я закончил, была военная кафедра, где нас учили на сапёров, но лагерей мы не прошли – Хрущёв начал всеобщее разоружение страны. Так я и остался – не офицер, но и не солдат. А тут мною, как всегда невовремя, заинтересовался Московский военный комиссариат. Пришла повестка, и слова «будете подвергнуты насильственному приводу», содержащиеся в ней, повергли меня в панику. Надо было спасти себя – «спасаться». Я запасся справкой из аспирантуры, но, не доверяя советским Вооружённым

Силам, я решил не быть годным к службе в них ещё и по здоровью. И был прав, потому что, оказывается, забирали не на солдатскую, а на офицерскую службу, и аспирантура бы не помогла.

Апеллировать я мог на глаза: левый – 1,5, правый – 3, но это было слишком мало, а, кроме этого, на кровяное давление. Когда я активно выступал как штангист, систолическое давление крови доходило у меня до 150 мм ртутного столба. Но это тоже не ахти сколько.

Поэтому я, выбросив первую повестку, чуть не сказал «стал ждать» - с ужасом стал ожидать вторую, а пока купил очки со стёклами минус 11 диоптрий и тонометр – аппарат для измерения давления.

Очки в мнус 11 диоптрий я стал носить постоянно, пугая окружающих толстенными стёклами – решил привыкнуть к ним. Достал таблицу для проверки зрения – эту «Ш Б, м н к ...» и так далее до микроскопических букв, и выучил её наизусть. Изучил по медицинской энциклопедии проверку миопии (близорукости) по световому пятну на глазном дне.

С тонометром ничего путного не выходило, пока я не понял принципа его действия. Надувная шина-подушка сжимает артерию, перекрывая кровь в артерии руки, а затем при выпуске воздуха, давление в шине снижается, пока кровь не сможет «пробить» это давление. Тогда появляются первые «тоны» в фонендоскопе и первые удары пульса на руке. А до этого я, к своему удивлению, обнаружил полное отсутствие пульса на руке, как будто сердце и не билось.

- А зачем резиновая подушка, - подумал я, - когда у меня имеются достаточно сильные мышечные «подушки» - мышцы-антагонисты: двуглавая и трёхглавая (бицепс и трицепс), которые при желании зажмут артерию так, что крови нипочём не пробиться.

Я попробовал измерять себе давление без надувной резинной шины-подушки, невидимо «включая» мышцы-антагонисты и пульс, а стало быть, и давление стало пропадать начисто. Таким образом, я мог снизить себе давление до любого, почти смертельного значения, например, до 50 на 30.

Накачивает, скажем, врач шину, а я параллельно «включаю» мышцы. Начинает врач выпускать воздух, а я – отпускать мышцы так, что при 50 мм ртутного столба появляются первые удары, а при 30 мм – затухают. Человека с таким давлением надо не в армию отправлять, а в реанимацию.

А глаза я натренировал так, что только при стёклах минус 11-12 диоптрий начинал едва видеть первую и вторую строчку выученной наизусть таблицы. Тогда врач пускал мне в зрачок свет и говорил: «Смотрите вдаль».

- Хрена! – про себя отвечал ему я, и огромным усилием воли начинал рассматривать ободок лупы у самого моего носа. Глазные мышцы работали как мои трицепсы и делали хрусталик как можно более выпуклым. Пятно на сетчатке расплывалось – налицо сильнейшая миопия.

А до осмотра я подготавливал врачей соответствующим анамнезом или беседой о хилости своего здоровья.

- С каждым годом близорукость всё усиливается, книги у самого носа читаю! Вот что ученье со мной сделало! – это я окулисту.

- Хожу как во сне, засыпаю на ходу, а если жарко или воздух спёрт – падаю в обморок! - симулировал я сильнейшую гипотонию терапевту.

Врачам надоело со мной мучиться, и они признали меня негодным к военной службе. Выдали мне документы на руки и сказали: - «Неси в военкомат сам!».

- А если я потеряю? – наивно спросил я.

- Да ты скорее голову потеряешь, чем эти документы! Они для тебя дороже золота – это твоё освобождение от армии! – посмеялись врачи.

Я донёс документы до военкомата в целостности и сохранности. Только едва не валясь с ног – я не пропустил ни одной пивной по дороге до военкомата.

Я не стал делать из моих методов секрета и научил им всех страждущих, которых считал достойными избежать военной службы. И эти мои методы помогли почти всем, кого я им обучил. Проследившая будущее этих людей, я убедился, что не зря давал свои советы – избавясь от

армии, они стали достойными, где-то даже известными людьми, приносящими пользу людям и без военной службы. А за советы – простите, но ведь тогда у нас была страна сплошных Советов!

Но на три дня лагерной военной подготовки или «сборов» меня всё-таки взяли. Вместе с такими же «инвалидами», как и я. Эти три дня беспробудной пьянки забыть будет трудно. Помню только, что я, в очках со стёклами минус 11, постоянно спрашивал у офицера, обучавшего нас обращению с противогазом:

- Товарищ майор, а очки куда надевать – поверх или подниз противогаза? У меня, видите ли, стёкла минус 11, я ничего без очков не вижу. А поверх – очки не лезут, подниз – не помещаются! Боюсь, я без очков по своим стрелять начну!

Бедный майор потел и краснел, но ничего ответить не мог, кроме одного: «В уставе не записано!».

Но я не отставал:

- А если не записано, то, что мне – по своим, что ли, стрелять?

Смеялись так, как на концертах Райкина, даже больше. Я не понимаю, почему такой «выгодный» сюжет прошёл мимо наших юмористов?

И ещё - в лагерях я поверил в принципиальность нашего офицерства. Дело в том, что там я познакомился с коллегой по «сборам», армянином по-национальности. Он узнал, что наш командир – майор, тоже армянин. И решил уйти в город в увольнение без очереди.

- Вот смотри, - говорил он мне, - я обращаюсь к нему по-армянски, и он отпустит меня.

- Ахпер майор! – отдавая честь майору, заорал мой коллега по-армянски, что означало: «Товарищ майор!». Дальше должна была следовать просьба об увольнительной. Но майор не дал ему закончить. С невозмутимостью какого-нибудь индейца Виниту, и, не отдавая чести, он произнёс на ломаном русском языке (ибо другого он не знал!):

- Руским хармим гаварим па руским! – что должно было означать: «В русской армии говорим по-русски!».

Спасибо тебе, безвестный товарищ майор, за принципиальность, и за то, что не пустил своего изворотливого соотечественника в увольнение! Больше бы таких принципиальных офицеров в «руским хармим»!

Я с нетерпением ждал моего возвращения в «Пожарку». А вдруг Таня уйдёт куда-нибудь «налево». Я почему-то постоянно стал ревновать Таню, что раньше у меня замечалось только эпизодически, вспышками.

Зная как она любит мужиков, я нет-нет, да и представлял её с другим. Мне трудно это вообразить себе сейчас, но говорю по памяти – это невыносимо! В этот раз всё окончилось благополучно, но были моменты, когда только чудом дело завершилось без кровопролития.

У меня была своя комната (которую Вадим покинул ещё до нового года), а Игорька, видя такой расклад дела, забрала к себе Танина тётка Марина. По счастью она работала в том же детском саду, куда ходил мальчик. Мы были предоставлены себе и пользовались этим сполна.

В тёплую погоду – это уже в мае-июне, ходили на пруд на Яузе, что был в сотне метров от дома. Купались, выпивали, наслаждались созерцанием друг друга в купальных костюмах. Потом бежали домой, запирались на полчаса, и передохнув – снова на пруд.

Иногда почему-то Таня уводила меня не домой, а в заброшенный яблоневый сад неподалёку, над Яузой. Мы стелили там наш половичок и занимались тем же, что и дома. Таня смотрела своими светло-голубыми глазами в небо, они сливались по цвету с весенним небосводом, и улыбаясь, пела песню яблоне, что росла над нами, признаваясь ей в любви... Неужели это действительно было когда-то?

Я был бы неблагодарным, человеком, если бы не упомянул об успехах ещё на одном фронте, пожалуй, важнейшем – научном. За февраль-март-апрель мы подготовили скрепер к испытаниям снова. «Косу» и все мало-мальски заметные и ценные вещи сделали съёмными, датчики закамуфлировали грязными бинтами на клею. Бульдозер чаще всего отгоняли домой – до полигона было километров пять-семь, и бульдозер проходил их своим ходом меньше, чем за час. В середине мая мы начали серьёзные испытания.

Испытания

По утрам, часов в 9, мы – инженер-тензометрист Коля Шацкий, инженер по оборудованию Лёша Пономарёв, техник-тензометрист Володя Козлов, водитель Равиль Ралдугин и я, садились в автолабораторию и выезжали на полигон к скреперу. Чаще всего мы оставляли бульдозер в сцепке со скрепером, и тогда с нами вместе ехал тракторист – Юрий Маслов. Из всех поименованных я был самым младшим по возрасту, и самая тяжёлая физическая работа доставалась мне. Тем более, я был самым заинтересованным в испытаниях.

В первый день мы, довольно быстро подключив все датчики к осциллографу, сделали пять-шесть ездов с копанием грунта.

Скрепер шёл вхолостую, разгоняя маховик и волоча за собой кабель, шедший в автолабораторию. Мы постоянно перебрасывали кабель, чтобы тот не попал под гусеницы трактора. Затем скрепер становился на исходную позицию и по сигналу начинал копать. Ковш опускался, трактор тянул его, и срезаемый грунт медленно заполнял полость ковша. Когда сил трактора переставало хватать, задние колёса скрепера, приводимые от маховика, начинали толкать машину сзади – это было видно по проскальзыванию этих колёс.

Наконец, заполненный ковш выглублялся, двигатель трактора убыстрял своё тарыхтение, и скрепер отъезжал в сторону для разгрузки ковша. Задняя часть ковша поднималась, и грунт высыпался, разравниваясь ножами в передней части ковша.

Всё прошло, как по-писаному, мы, довольные возвращались домой, везя несколько рулонов, записанных осциллографом на специальной фотографической бумаге. Это были самые главные документы испытаний. Проезжая мимо гастронома шофёр сбавил ход.

- - Что, обмывать будем? – спросил меня старший по испытаниям – Лёша.
- - Да ну, - окончим испытания, а затем оптом и обмоем, - ответил я, наученный горьким опытом заводских обмывок.

Наутро, уже в автолаборатории ребята сообщили мне, что фотобумага с осциллограммами не проявилась. Они даже показывали мне рулоны снежно-белой бумаги без единой линии на ней.

- - Лампа, что ли отключилась в осциллографе, не шлейфы же все вместе сорвались? – удивлялся Коля Шацкий.

Я сделал для себя важный вывод – успешные испытания надо всегда обмывать с первого же дня. Мы стали заезжать в магазин прямо с утра, и все осциллограммы начали проявляться. Более того, ребята открыли мне секрет, как без всяких испытаний получить документ – осциллограмму.

Тензодатчик наклеивается на металлическую линейку и через усилитель подключается к осциллографу. Автор, диссертант, в общем – человек, жаждущий документа, рисует на бумаге, какой график ему нужен и ставит бутылку. Любой из нас, а под конец своего обучения в аспирантуре я это делал бойче всех, берёт в руки линейку и, наблюдая за световым зайчиком от шлейфа, сгибая и разгибая эту линейку, строит в точности такой график, какой нужен диссертанту.

Я лично так помог десяткам аспирантов, в основном, из южных республик. Но сам от такой помощи отказался – мои графики и так получались отличными.

Кроме осциллограмм нужно было брать пробы грунта по ходу его среза ножом скрепера для последующего анализа в лаборатории. Не менее 20 проб с каждого забоя – срезанного участка грунта. Беда в том, что пробу эту, берущуюся забиваемой трубкой и называемую керном, нужно было парафинировать – опускать в расплавленный тут же в полевых условиях парафин, чтобы грунт не высох, т.е. сохранил исходную влажность.

Когда я увидел этот керн – диаметром около 3-4 сантиметров и длиной сантиметров в 20, то ассоциативно представил себе, что нам нужно делать вместо этого нудного парафинирования. Мы сели в автолабораторию и поехали к ближайшей аптеке. Там я купил сто пачек презервативов, взяв чек при этом. Презервативы идеально накатывались на керн. Конец мы перевязывали ниткой, и наш керн надёжно предохранялся от высыхания. Трудозатраты уменьшились в десятки раз. Но появились и трудности.

Первые - пустяковые – в аптеке. На третий или четвёртый день женщина-провизор отказалась отпускать мне презервативы.

- Это какое-то жульничество, - жаловалась она заведующему. Продаёт он их, что ли? Ведь по сто пачек берёт – это двести штук, что он, за ночь, что ли, их всех использует?

Но я возражал, что, дескать, я – грузин, человек темпераментный, да и на всю семью беру, так что нам этого скорее мало, чем много. Да и рвутся изделия, сами, небось, знаете, как. А чтобы доказать, что я не спекулирую презервативами, я надрывал пакетики, делая товар непродаемым.

Трудности посерьёзнее были в лаборатории, куда мы сдавали грунт на анализ. И хоть вынимать керн грунта из презерватива было несравнимо легче, чем очищать его от парафина, работники лаборатории брали наши керны недоверчиво: а где, дескать, гарантия, что презервативы-то не использованные? Тогда я показывал сотню пустых пакетиков и чек от покупки сегодняшним днём – мы не успели бы использовать их при всей грузинской темпераментности.

А третья трудность оказалась самой серьёзной. Чеки от покупки презервативов мы включили в отчёт по испытаниям в местной командировке и сдали в бухгалтерию с другими документами. Через несколько дней главный бухгалтер Архинчев, пожилой мужчина чукотской внешности, доложил на техническом совете ЦНИИС, что он отказывается оплачивать по чекам за презервативы. «Трамвайные билеты я оплачиваю, билеты в баню – тоже, мало ли что ещё я должен оплачивать, но презервативы – никогда! Чтобы за ихний разврат государство платило, я не допущу!» И никакие доводы не помогали. Ну и выписали нам премию за эти презервативы и за находчивость, и на этом презервативная эпопея закончилась.

Сняли мы и фильм по испытаниям скрепера – полную часть – 10 минут на плёнке нормальной ширины. Не забудьте про этот фильм - я с его помощью произвёл социологический эксперимент.

Мы испытывали скрепер целый июль. Сделали столько ездов, что осциллографной бумаги не хватало. А подконец выезжали просто для удовольствия – брали с собой выпивку, закуску, и устраивались на природе – в рабочее-то время. Тут было несколько курьёзов – чего только ни случается спяну.

Жара, солнце палит, просыпаюсь, чтобы выпить пива, и вижу – наш шофёр Ралдугин, прячась от солнца, заснул прямо под тяжеленным ножом-отвалом бульдозера. Ну, ослабни тормоз в лебёдке, или кто-нибудь по ошибке потянет не тот рычаг в кабине, - нож упадет, как в гильотине, и у нас сразу окажется два Ралдугина, но ни одного шофёра! Матюгаясь на весь полигон, я за ноги вытащил рассерженного Ралдугина из-под занесённого над ним тяжёлого ножа-отвала бульдозера.

Опять же по-пьянке, мы разогнали трактор до недозволенной для маховика скорости и вдруг – резкий хлопок, и со свистом в разные стороны разлетаются осколки. Я уже подумал, что маховик, не приведи Бог, разорвало. А оказалось, что разорвало более слабые обоймы электромагнитных муфт сцепления. Не ранило и не убило никого, но осколки на четверть метра вошли в плотный грунт, ну а с неба падали такими метеоритами, ещё минут десять.

Чтож делать, пришлось муфты «замонолитить» дубовыми клиньями и перевязать толстой проволокой. Теперь маховик был уже намертво связан с колёсами, и отсоединить его от них было нельзя.

И вот, как-то разогнал Юра Маслов всю маховик на холостом ходу, думал отключить потом его от колёс, повернуть трактор и начать копанье в другую сторону. А впереди, метрах в двадцати – Московская кольцевая дорога, только что построенная, без ограждений, но уже с приличным транспортным потоком. А тракториста, то есть Юру Маслова, мы забыли предупредить, что муфты заблокированы. Выключает он муфты, а выключить не может. И толкает скрепер с разогнанным маховиком этот трактор вперёд прямо на Кольцевую дорогу. Пытается Юра тормозить или сворачивать – скрепер своей огромной тягой просто начинает поднимать зад трактора, грозя опрокинуть его через голову. Хорошо, что скорость была малая – шаг человека. Юра выключает двигатель, спрыгивает с трактора и кричит нам:

- Что, вашу мать, делать?

Ребята – ко мне, тоже криком: - Что, профессор, твою мать, надо делать?

- А хрен его знает, что делать, ума не приложу! – заглушая свист маховика, ору я.

Скрепер, тем временем, преодолел подъём на кольцевую, и медленно так вытолкнул бульдозер до середины дороги. На дороге – переполох, образовалась пробка, водители с удивлением наблюдали, как прицепной скрепер, который никогда не имел своего двигателя, выталкивает впереди себя бульдозер с неработающим двигателем и без тракториста, на Московскую кольцевую дорогу.

Наконец, наш скреперный «поезд» остановился и медленно пополз назад. Хоть бульдозер и стоял уже на кольцевой, но сам тяжеленный скрепер был ещё на подъёме к дороге. И он, разгоняя маховик обратно, пополз назад, увлекая за собой задним ходом и бульдозер, Вот где бы киноаппарат, но его под руками не было!

После этого случая мы сильно выпили, и я каким-то непостижимым образом оказался самым трезвым. Я уложил ребят в будке автолаборатории, запер её снаружи, чтобы они не выпали по дороге, сел за руль машины и поехал по буеракам домой. Я знал, что я «хороший» водитель, но что до такой степени, не представлял себе. Бедные ребята стучали мне в кабину, но я не обращал внимания. Заезжая в ворота завода, я задел за них и ободрал весь правый бок будки.

Я ожидал крупного мордобоя, но ребята выползли из будки на карачках и спокойно послали меня в магазин, при этом даже вежливо вручили сумку. Ралдугин стал осматривать ободранный бок машины, остальные сели обратно в будку и стали ждать меня. Я скоро вернулся, неся полную сумку.

Ревность

Таня работала крановщицей в три смены: неделю – в дневную, неделю – в вечернюю, и неделю в ночную смену. Завод, где она работала, я хорошо знал – он был недалеко от нашей «Пожарки», я даже как-то бывал на самом заводе по делам.

Таня часто рассказывала про свой цех, там изготавливали стеновые железобетонные панели для домов. Рассказывала о сотрудниках – злом и кляузном бригадире, начальнике цеха с непредсказуемым поведением, который, по словам Тани, пытался принудить её к сожительству. О добром пьянице–такелажнике с татарской фамилией, которую, я уже забыл, и другом такелажнике – Коле, который симпатизировал Тане. Она не могла скрыть, что нравился ей этот Коля, и постоянно рассказывала про него. Глаза её при этом глядели куда-то в бесконечность с нежностью и любовью.

Я спрашивал Таню, какую роль играю я сам в её жизни. Она отвечала, что я – её любимый человек, любовник, если быть точной. А Коле она просто симпатизирует, и никакой близости между ними не было.

Однажды, когда Таня ушла в ночную смену, меня одолела ревность – а вдруг она в перерыв или там, когда нет работы, находит в цеху укромное местечко (ночь ведь!) и трахается с этим Колей. Заснуть я не мог, выпил для храбрости, добавил ещё и – пошёл на Танин завод.

Через проходную прошёл легко – ночью никто посторонний не ходит на завод. Вокруг была тьма и только вдали горело огнями высокое, этажа в три, производственное здание, и оттуда же раздавались звуки вибрирующих прессформ, крана, идущего по рельсам, его сигналов, воздуха вырывающегося под давлением.

Я нетвёрдой походкой побрёл к зданию. По дороге мне встретился спешащий на выход человек, и я спросил у него, где цех стеновых панелей. Он указал мне на это же здание. Я нашёл дверь и вошёл в цех. Меня обдало сырым тёплым воздухом, запахом жидкого бетона, цементной пылью.

Мостовой кран был только один - стало быть, на нём Таня. Если не обманула, конечно, что ушла в ночную смену, а не гулять с этим Колей. Я вышел на середину цеха, где в формах вибрировались ещё жидкие панели. Но крановщицы видно не было, кран сновал туда-сюда, а кто им управлял – Таня, или кто другой – неизвестно.

Я заметил сидящего на какой-то тумбе маленького пожилого человечка, жующего что-то вроде плавленого сырка. Подойдя к нему, я спокойно спросил у него, кто сегодня на кране.

- Танька, - тихо улыбаясь, ответил он.

- А кто здесь такелажник Коля? – продолжал я свой «допрос».

Я понял, что это тот добрый татарин, о котором рассказывала Таня. Человек поднялся, и, обняв меня за плечи, отвёл в сторону.

- Я знаю, кто ты, Таня мне всё о себе рассказывает. Она любит тебя, но у тебя жена где-то на Юге. А Коля – это чепуха, дурость, это чтобы разозлить тебя. Я тебе покажу его, и ты всё поймёшь.

Татарин свистнул, помахал рукой и тихо позвал: «Колян!» К нам подошёл маленький, худенький мужичок в серой рваной майке. Лицо его было совершенно невыразительным, из носа текла жидкость, запёкшаяся в цементной пыли.

- Вот это наш Колян, ты хотел его видеть! – всё улыбаясь, тихо сказал мне татарин.

Я на секунду представил в своём воображении этого мужичка с Таней в интимном действе. И вдруг мгновенно, совершенно произвольно, я схватил Коляна за горло и сжал его так, что у него выпучились глаза.

- Таньку не трожь, убью падлу! – не своим лексиконом заговорил я. Мужичок заголосил и стал вырываться от меня. Я схватил его за майку, которая тут же порвалась на куски. Колян шмыгнул между колонн и исчез. Татарин держал меня сзади. Я вырвался, схватил арматуру и стал ею размахивать.

- Всех убью на хер! Где Таня? Устроили здесь притон! – мне показалось, что ко мне возвращается белая горячка, хотя выпил я мало.

Вдруг, разъярённая как тигрица, Таня хватает меня за плечи и трясёт. Я не узнал её. В какой-то зелёной косынке, грязной робе, лицо в цементной пыли.

- Позорить меня припёрся? – плача кричала Таня, - нажрался и сюда стал ходить, как Володя! Какие же вы все одинаковые, гады! Ну, увидел Колю, доволен?

Она повернула меня к двери и толкнула в спину. – Уходи, добром прошу, утром поговорим! А сейчас уходи, не позорь меня!

Вдруг подскочил плотный, властного вида мужик и стал орать на меня.

- Это бригадир, - шепнул мне татарин, - уходи лучше, если не хочешь навредить Тане, уходи, пока не напорол беды!

Я разъярился, повертел в руках арматуру, осмотрел цех бешеным взглядом и сказал, казалось бы, совершенно глупые слова, причём каким-то чужим, «синтетическим» голосом:

- Разрушить бы всё здесь, раскидать колонны, сорвать кран на хер!

Потом повернулся и тихо ушёл домой. Завалился в койку и заснул. А утром проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечи, приговаривая:

- Проснись, соня-дрыхуня, хулиган, алкоголик!

Надо мной было смеющееся лицо Тани – вымытое, покрашенное, надушенное. Она простила меня, она не поссорилась со мной!

Я мгновенно ухватил её за талию мёртвой хваткой и подмял под себя.

- Дверь запири! – только и успела пролепетать Таня, прежде, чем её губы вошли в мои. Двери я, разумеется, не запер. Даже потом, валялись на койке, отдыхая, и то дверь не заперли.

- Ну, увидел Колю, успокоился? – только и спросила Таня. – А бригадир с меня месячную премию снял, чтобы хахалей больше на завод не приводила, - вздохнула Таня.

Это было в конце апреля. На майские праздники цех не работал. А третьего мая Таня пошла на работу в утреннюю смену и вскоре же вернулась. Оказывается, пока не было людей, в цеху произошёл взрыв. То ли взорвался паровой котёл, из которого пропаривали бетон, то ли какой-то крупный ресивер со сжатым воздухом, но цех был на ремонте и всех отпустили.

- Самое удивительное то, что мой кран сорвало с рельсов. Такое бывает только, если весь кран приподнимется, или хотя бы одна его сторона. Но что могло приподнять такую тяжесть? Неужто, от взрыва котла? – удивлялась Таня.

Я вспомнил свои глупые слова ночью в цеху и поразился. Это уже в третий раз – десткий сад сгорел, на целине урожай накрылся, а теперь – взрыв в цеху, и главное – кран сорвался, как я об этом и сказал! Совпадение или закономерность?

В июне, когда я все дни был на испытаниях, до меня дошли слухи, что вышел из тюрьмы бывший Танин любовник, «гулявший» с ней ещё до Володи. Таня и про него мне рассказывала, какой он был сильный, волевой и красивый. Попал в тюрьму, выгородив друга. Таня очень страдала, потом вышла замуж за Володю. И теперь этот тип на воле, в нашем городке.

Однажды я, возвращаясь домой, случайно увидел у магазина Таню с каким-то типом небольшого роста, чуть повыше её. То есть сантиметров на десять поменьше меня; это маловато для сильного красивого человека, каким мне представляла Таня своего бывшего любовника. Они что-то взволновано говорили друг другу, а потом пошли вдоль Вересковой улицы к ЦНИИСу.

Я мигом забежал домой, зарядил пистолет, спрятал его за пояс, и побежал искать «гадов». Я заметил, что от ярости стал как-бы весить меньше - едва касаясь асфальта подошвами, я «порхал» по дороге. Это мешало мне продвигаться быстро, так как обувь пробуксовывала. Я бегал по немощённым улочкам городка, заглядывая в каждый подъезд.

Я представлял себе, что я сделаю, если поймаю их. Ему – пулю в лоб, а Таню... Я наступлю ей на одну ногу, а за вторую разорву изменницу на две части. Умом я понимал, что это не под силу человеку, но я так решил, и живыми они от меня не должны уйти!

Обегав весь городок, я вернулся в «Пожарку». Заглянув в зеркало увидел, что у меня в глазах полопались сосуды и белки глаз стали красные, как у кролика. Я дёрнул дверь Тани, и она открылась. За столом, на котором стояла початая бутылка водки, сидела сама Таня, красивая молодая девица крепкого сложения и высокого роста, и тот тип, которого я видел у магазина.

Таня схватила меня за руку и усадила за стол.

- Это моя племянница Оля, только сегодня приехала из Мичуринска погостить у меня. А это – мой давний друг Витя, она замялась ...

- Тоже погостить приехал? – со скрытой яростью прошептал я, - так представь же и меня гостям, - посоветовал я.

- Это мой большой друг... – начал Таня.

- Не такой уж большой, но покрупнее некоторых, - я посмотрел на неказистую мелкую фигурку Виктора, его широкое лицо, на котором одна за другой менялись ужимки бывалого «зека». – А вообще, такой друг называется любовником, а если угодно сожителем, хахалем... - продолжать? - спросил я.

Витька вскочил и, с ужимками павиана стал прыгать вокруг меня, заложив между пальцев лезвие безопасной бритвы. Я ухватился за спинку кровати, чтобы не упасть, и нанёс ногой сокрушительный удар в грудь бывшего «зека». Лёгкое тельце его было отброшено на стенку. От удара ногой в грудь и о стенку спиной, Витька свалился замертво. Мы бросились щупать ему пульс - удары были заметны, зеркало у рта мутнело. Жив, собака!

- Я вызову скорую помощь! – крикнул я и побежал в коридор.

- Не надо скорую! – прошептал Витька, обращаясь к Тане, - замотай мне грудь полотенцем, и я сам дойду домой.

Мы вместе с девушками туго замотали его полотенцем и закололи конец английскими булавками. Видимо, были сломаны рёбра. Витька медленно побрел из комнаты, дошёл до двери, и, обернувшись ко мне, сказал:

- А тебя я убью!

Я подскочил к нему, чтобы сделать это первым, но девушки удержали меня.

- Раньше в тюрьму загремишь, козёл вонючий! – орал я ему из объятий девушек, в полном смысле слова, не своим голосом, похожим на голос Буратино или робота из кинофильмов.

Витька поковылял вон.

Я принёс из моей комнаты портвейна, и мы выпили за всё сразу, в том числе и за приезд Оли, которая во все глаза, казалось восхищённо, смотрела на меня.

- А мы с Витей тебя видели, как ты летал по улицам, глаза красные, морда свирепая! Ну, - говорю я Вите, - давай прятаться, а то поймают – убьёт обоих, он зверски силен, да и пистолет у

него огромный! И мы спрятались в подъезде, а ты пролетел в двух шагах от нас... - лепетала Таня.

Вдруг в дверь комнаты раздались удары ногами. Я кинулся открывать и тут же получил удар ногой в подбородок. За дверью стояли три приятеля Витьки, как потом сообщила мне Таня. Я был в нокдауне и мало что соображал.

Зато Оля не растерялась. Она мгновенно скинула с ноги приличного размера туфлю на шпильке и нанесла молниеносные удары этой шпилькой по головам нападавших. Враги залились кровью. Таня, видя это, оживилась, взяла в руки свою скалку, которую так не любил Володя, и «добила» врагов. На шум из комнат повыскакивали соседи и добавили своё – они терпеть не могли «бандита» Витьку и его дружков. Тела спустили с лестницы, как учил это делать Серафим.

Некоторое время я носил с собой пистолет и нож для самообороны. Но примерно через неделю Таня сообщила мне, что звонила матери Виктора, и та поплакалась ей, сообщив, что её сына снова забрали, и снова несправедливо. Кто-то кого-то зарезал в драке, а Виктор оказался крайним...

Мне снова стало не по себе из-за своего языка, но я легко пережил это, благо тень Виктора с бритвой преследовала меня все эти дни.

Сплошные стуки в дверь

Мы опять зажили спокойно – ночевали с Таней у меня в комнате, а Оля – в комнате Тани. Игорёк жил у Таниной тёти. Днём Оля ходила по московским магазинам, а вечером мы встречались, ужинали и выпивали втроём.

Настало время Оле уезжать к себе в Мичуринск, остался один полный день – завтра, и полдня послезавтра. И Таня предложила мне поводить Олю по «культурным» местам Москвы. Сама она не могла пойти с нами, так как работала в вечер и приходила домой ровно в полночь.

Мы назначили встречу с Олей среди колонн Большого Театра в шесть вечера. Оля стояла у колонны, как мне показалось, смущённая и тихая. При встрече она поцеловала меня немного не по родственному, но я не придавал этому значения. Мы походили по центру, зашли в кафе «Артистическое», что напротив старого МХАТа (не знаю, сохранилось ли оно сейчас?), выпили немного. Оля, сославшись на усталость, попросилась домой. Я взял бутылку «Хереса», который нравился нам обоим, остановил такси, и мы «по-культурному» приехали в «Пожарку». Зашли ко мне в комнату и приготовили нехитрую закуску, кажется яичницу и апельсины. Таня была на работе, и мы решили её дождаться у меня.

Но после выпитого хереса дожидаться Тани мы не стали. Озорные глаза Оли сами определили дальнейшее наше поведение. До прихода Тани оставалось три с лишним часа. Мы заперли дверь, оставив ключ в замке, выключили свет и, не раздеваясь, кинулись в койку. Я не ожидал от восемнадцатилетней провинциальной девушки таких профессиональных поцелуев. В темноте Оля стала ещё на порядок красивее и загадочнее, чем была. Мы начали скидывать с себя всё лишнее, что мешало нам узнать друг друга поближе, как вдруг – требовательный стук в дверь. Мы замерли – для Тани это слишком рано, а другие люди нас не волновали.

- Нурик, открой, я знаю, что ты дома, дверь закрыта изнутри! – решительно сказала Таня, - а это был именно её голос. Для верности она постучала в дверь ещё раз.

Делать было нечего. Мы включили свет, лихорадочно оделись, прибрали койку. Оля села за стол доедать яичницу. Я с ужасом открыл дверь, инстинктивно защищая лицо левой рукой. Таня спокойно вошла, села за стол.

- Вы извините меня, что прервала ваш ужин, - тихо сказала она нам, - но я почувствовала себя неважно и вот пришла пораньше. Я хочу лечь, Оля пойдёшь, пожалуйста, в мою комнату – она открыта.

Олю как ветром сдуло. Таня быстро разделась и легла. Казалось, её била лихорадка. Я снова запер дверь и, опять же, раздевшись, лёг на сей раз с Таней. Мне было ужасно стыдно, я даже потерял голос от смущенья.

Таня ухватила за меня так, как будто я проваливался в пропасть. Плача и улыбаясь одновременно, она ласкала меня, что-то приговаривая и целуя меня всюду. Понемногу смущение моё пропало, и наступила ещё одна незабываемая на всю жизнь ночь. Мне, как мужчине трудно понять, какие чувства овладели Таней. На её месте я бы, скорее, отругал и побил неверных мне близких людей, но ей, как русской женщине, конечно же, виднее.

Наутро, как ни в чём не бывало, мы зашли к Оле и позавтракали с ней. Таня была весела и улыбчива, даже попросила Олю спеть что-нибудь. У Оли оказался красивый низкий и сильный голос, она спела песню, у которой я запомнил только начало:

«Скоро осень, за окнами август...»

Потом я слышал эту песню в исполнении знаменитой Майи Кристаллинской, но тогда в словах песни мне почудился какой-то тайный смысл наших отношений. Плакали все – Таня навзрыд, а я тихо утирал слёзы. Оля пела, широко улыбаясь, но на глазах тоже блестели слёзы. Мы все втроём расцеловались, и Оля ушла, хотя на поезд было ещё рано. Она решила ещё раз заглянуть в московские магазины.

Мы с Таней опять остались одни. Заглянув друг другу в лицо, снова заплакали – ну, прямо как в индийском сериале! Я понял, как я люблю Таню и как я обидел её. Мы заперли дверь и кинулись в койку. Рыча, как молодые тигрята, мы сбрасывали мешающие нам одежды, не заботясь об их целостности. И почти в самый ответственный момент, - нате вам! – стук в дверь. Я готов был соскочить со всего, на чём лежал, но Таня, обняв меня за талию, не дала этого сделать. Ещё несколько секунд, может полминуты... и мы, уже удовлетворённые начали одеваться под непрекращающиеся стуки в дверь.

- Едрёна вошь, так и склещиться недолго! – недовольно проворчала Таня и громко спросила: - кого чёрт носит?

Всех мы ожидали – соседей, коменданта общежития Мазину, комиссию по нравственности, наконец, но только не это...

- А вот, я могу зайти, чёрт возьми, а вот, в свою же комнату? Я в ней, можно сказать, ещё прописан!

- Володя! – открыв дверь, и, глядя другу в глаза, прошептал я.

Володю было не узнать. Гладко выбритый, в новом костюме из серого японского трико с заграничной авторучкой в верхнем кармане пиджака. Выражение лица – самодовольное.

- Ах вы румяные какие, эти вашу мать, ночи не могли дожждаться? – издевательски проговорил Володя.

Я пошёл в свою комнату. Мысль моя после всех этих стуков в дверь работала вяло. Был какой-то выходной день, кажется воскресенье. На работу не пойдёшь, гулять не хотелось. Я боялся, что Володя изобьёт Таню, и сидел напряжённо, готовый прийти ей на помощь.

И вдруг – крик и плач Тани, звон разбитой посуды. Я в секунду был у её комнаты. Володя стоял уже в дверях и пытался в коридор, а Таня орала благим матом и била свою же посуду. Володя пожал плечами и пошёл ко мне в комнату.

Мы сели, Володя издевательски смотрит мне в глаза, и я не выдерживаю его взгляда.

- Чтож, живём с женой друга, трахаем её, понимаешь, а вот, сына моего воспитываем...

- Молчал бы лучше про сына, сам алименты чего не платишь? - Я знал, что Володя не платил алиментов, так как нигде не работал. - А потом - ты сам посоветовал мне жить с Таней, свидетели есть! Да и я тебе свою бабу – Аньку – уступил! – оправдывался я.

Постепенно в комнату вошли, постучавшись, два-три соседа. Интересовались у Володи, как живёт, сколько получает.

- На жизнь хватает, - хвастливо отвечал Володя, подмигнув мне. Он вынул из кармана пиджака красивый кожаный бумажник, отсчитал от пачки десятку и протянул её мне.

- Сбегай за бутылкой по старой дружбе, - высокомерно сказал он.

Я так посмотрел на него, что он отвёл глаза и протянул десятку гостям. Её тут же выхватил сосед – Юрка-электрик и помчался в магазин.

- Жену, понимаешь, трахать могут, а сбежать за бутылкой – нет! – недовольно ворчал Володя.

Юрка-электрик примчался мигом. Он накупил выпивки и закуски точно на десятку, чтобы не отдавать Володе сдачи.

- Общежитейские привычки – быдло! – тихо ворчал Володя, раздосадованный такой «точностью» Юрки.

- А ты сам давно из этого быдла вышел, казёл? – чуть было не рассвирепел слесарь Жора, но вовремя осёкся, так как выпивка была за счёт Володи.

Мы выпили, Володя не закусывал и быстро захмелел. Он встал, снял пиджак и, повесив его на спинку стула, предложил мне: «Давай бороться!»

Все посмотрели на него, как на сумасшедшего. Я покачал головой.

- А тогда я предлагаю бороться за Таню, - буровил Володя, - ты победишь – ты трахнешь, ну, а я – то сейчас же пойду к ней в комнату, а вот, и трахну по старой памяти!

Я подсёк ноги Володе и легонько толкнул в плечо. Он мешком свалился и ударился головой об батарею отопления. Увидев кровь, все поспешно вышли. Володя поднялся, собрал ладонью кровь с головы и размазал её мне на стенке над кроватью.

- Это кровь твоего друга, запомни! – мрачно сказал он и вышел в коридор. Я выглянул туда и увидел, как он, шатаясь, побрёл к лестнице. Потом я узнал, что его подстерегли ребята, видевшие полный деньгами бумажник, избили и отняли бумажник, где кроме денег были и документы.

А над кроватью у меня так и осталось размазанное и почерневшее пятно крови моего друга. К зиме нас всё равно всех отселили из «Пожарки» и пятно больше не будоражило мне совесть.

Летние страдания

Мы закончили испытания скрепера и перевезли его снова на завод. Требовалось сделать кое-что по мелочи – основательно взвесить машину, определить развесовку по осям, измерить выбег, т.е. время холостого вращения маховика, найти сопротивление вращению колёс и т.д. Осциллограмм было свыше сотни, и их надо было расшифровать, обработать, построить графики, определить их достоверность и выразить математически. Кроме того, тогда было в моде математическое моделирование, и мои руководители решили провести и его.

В начале августа ко мне в гости приехала жена. Так вот, дала телеграмму – дескать, еду, и приехала. Я встретил её на Курском вокзале и был поражён – Лиля была с достаточно большим круглым животом - беременна. Как же так – а посоветоваться с мужем не надо? Но дело уже сделано, так что – счастливое выражение на лице – и вперёд!

В общежитии, где я жил в отдельной комнате, Лиле не понравилось

- Пахнет женщиной! – тут же заметила она. Сдуру я пригласил вечером на ужин, посвящённый приезду жены, Серафима и Таню. Лилия знала о моём друге Володе, но не знала, что они с Таней развелись. Но когда мы выпили, всё выползло наружу. Таня, ни с того ни с сего, разревелась. Серафим стал её утешать, и Лилия всё поняла. Таня выскочила за дверь, я – за ней, догнал её в коридоре.

- Таня, - трясущей её за плечи, - Таня, не надо сейчас так, я всё как-нибудь улажу!

Таня повернулась ко мне заплаканным лицом и, улыбаясь сквозь слёзы, пропела:

- Между нами решено -

ты за дверь, а я - в окно!

А Лилия вышла из комнаты и наблюдала эту сцену. Она тут же забежала обратно и тоже - в плач.

- Я сейчас же уеду, я всё поняла – ты живёшь с этой Таней, женой друга! И как же тебе ни стыдно!

Я «успокаивал» Лилию, что Таня и Володя в разводе, но это ещё более огорчило её. Она рыдала и повторяла, что терпеть этого не будет и уедет сегодня же обратно в Тбилиси.

Тут вмешался Серафим и предложил снять недорого «квартирку» в Пушкино у его знакомого. Серафим созвонился со знакомым, и наутро мы встретились.

Это был один из «ханыг», приходивших к дяде Симе, когда ещё я жил у него в комнате. Мы с «ханыгой» сели на трёхвагонку, доехали до Лосинки, пересели на электричку до Пушкино, доехали и достаточно долго шли пешком. На окраине Пушкино в сторону станции Заветы Ильича, стояло одинокое одноэтажное деревянное здание с забитыми окнами и дверями. Но одна из дверей не была заколочена, мы в неё и вошли. Маленькая комнатка с забитым окном, к счастью с электричеством. О воде и не помню. Дверь из комнаты ведущая куда-то внутрь – тоже заколочена. Лиля заранее взяла с собой постельное бельё и свои вещи. Мы заплатили какие-то небольшие деньги и остались там. Сам «ханыга» проживал у сожительницы, где и был телефон.

Лилия быстро подмела комнату, постелила постель, нарвала цветов у дома, поставила их в банку с водой. Казалось бы, живи – не хочу! Я сбегал в магазин за выпивкой, какую-то еду Лилия привезла с собой. Выпили, вернее, выпил я один, пошли погулять на речку. Достаточно близко протекала, кажется, Клязьма, с подочной станцией неподалёку. Но вскоре Лилия устала, и мы вернулись.

Таня не выходила у меня из головы; я попробовал ещё выпить, но получилось хуже, мне стало труднее сдерживать себя. Ничего, кроме Тани, не шло в голову. Было около семи вечера – лечь, что ли, спать? Но мысль о том, что я здесь – а она там, была для меня невыносима. Я почувствовал себя рабом, арестантом в тюрьме, пленным. Даже то, что жена – близкий человек, в таком положении и страдает – не останавливало меня.

Сейчас мне удивительно это вспоминать, но я способен был на всё, даже на самое худшее (не буду даже говорить об этом!), чтобы оказаться рядом с Таней. Вот, что такое – любовь и страсть, «амок» Цвейга! Вот какова природа страсти леди Макбет, булгаковской Фриды, и их многочисленных последовательниц и последователей! Любовь гони в дверь, а она влетит в окно!

Лилия, видя мои мучения, вдруг предложила мне поехать и проведать Таню – а вдруг ей плохо, вдруг она плачет! Понимая, что поступаю подло, я тем не менее, как был, так и сорвался с места и побежал. Потом, пробежав метров десять, вернулся, поцеловал жену, сказав «спасибо», и что вернусь к ночи обязательно, стремглав побежал к станции.

Как я оказался в «Пожарке» - не помню, кажется, путь от Лосинки до Института Пути я пробежал по шпалам. Но сердце неслось впереди меня, шагов на двадцать-тридцать, я даже видел его контуры передо мной.

Вот тут уж мне ни под каким видом никого нельзя было застать с Таней! Я гнал эту мысль, как опасную, а ведь всё было к тому. И сидеть бы мне вместо защиты диссертации, и нести грех на всю оставшуюся жизнь, если бы она ещё и осталась!

К счастью, Таня была одна. Серафим рассказал ей, что пристроил нас в пустой комнате в Пушкино. И вдруг появляюсь я, тяжело дыша, не видя ничего перед собой, кроме Тани.

- Как, ты оставил беременную жену, одну в этой глуши? – был первый её вопрос. – Поедем сейчас же туда!

Но я замотал головой и поволок Таню к койке. К счастью, Игорёк опять был у Таниной тёти Марины. Она взяла его к себе на весь период расселения «Пожарки». Внизу уже работала вычислительная машина, и все говорили, что излучение её особенно опасно для детей.

Когда я немного успокоился, было уже часов 11 вечера. Выходить так поздно было бесполезно – пока дойдём пешком до Лосинки, электрички перестанут ходить. Ночь прошла беспокойно, мучили мысли, и чтобы сбить их, я начинал нашу с Таней любовь снова и снова. Прекрасное средство для забвения – и мысли куда-то уходят и боль!

Утром рано я собрался ехать обратно в Пушкино. Таня решительно заявила, что едет со мной. Потом она пояснила мне – мало ли что могло за ночь случиться с Лилей – одной в пустом доме и беременной к тому же. Вдвоём всё-таки легче.

Когда мы приехали, а было около десяти утра, Лилия была уже одета (оказывается, она спать не ложилась, ждала меня и боялась выключить свет) и приведена в порядок. Неожиданно для меня, она встретила нас приветливо. Таня даже поцеловала её со словами: «Слава богу, жива-здорова!».

Мы выпили чаю и пошли гулять на реку. Зашли на лодочную станцию, взяли лодку, Таня села на вёсла - она прекрасно гребла. Катаемся, поём песни хором, чуть ли ни: «Парней так много холостых...» - с юмором и с подначками.

Вдруг я увидел посреди реки большой прекрасный цветок водяной лилии. Таня подгрестила к нему, и я сорвал его. Сорвал – и не знаю, кому давать – так и сижу с цветком в растерянности.

- Дай ей, - она же твоя жена! – кивнула Таня на Лилию.

- Нет, лучше дай Тане, - она же твоя любовница! – парировала та.

- Тьфу, - сказал я и выбросил в воду невинно пострадавший цветок.

После этого случая настроение упало, мы сдали лодку. Таня стала собираться домой. Я вызвался проводить её. Лиля отпустила. Мы приехали в «Пожарку» часа в четыре. Настроение гадкое.

- Куда это всё нас приведёт – не знаю! – рассуждала вслух Таня, - уж хоть она беременной бы не была, тогда понятно, а так – чёрт знает что получается!

- У Серафима в комнате «пир» шёл горой. Я заглянул к нему, мне замахали руками – заходи, мол! Все старые знакомые. Я зашёл, выпил полстакана, запил пивом. И вдруг так «захорошело», стало так легко, и ушли все, какие были, плохие мысли. Редко так сразу и, я бы сказал, эффективно, помогает водка человеку!

Я сбегал в магазин, взял две бутылки и зашёл к Серафиму вместе с Таней. Дядя Сима любил Таню за её прямоту, трудолюбие, красоту, за то, что она не фыркала при виде пьяного человека. Да её и нельзя было не любить – я не знал человека из знакомых, который сказал бы о ней плохо.

Нас посадили вместе – как жениха и невесту посреди стола, спиной к окну. Все чокались с нами и пили за нас. Даже кричали «горько!». И вдруг дверь тихо растворяется и появляется ... Лиля.

- Я вам тут не помешала? – спрашивает она скромно и проходит в комнату. Таня мгновенно вскочила и полезла в окно. Я – за ней, держать, второй этаж, всё-таки, и высокий. Все повскакивали с мест, ничего не понимая. Кое-кто бросился к Лиле с угрозами: кто такая, дескать, чего припёрлась?

Серафим мгновенно подскочил к Лиле, обнял её, закрыв своим телом, и, обернувшись, вытаращив свои белые глаза, сказал грозно:

- Она – моя! Это – моя прекрасная дама, и кто заденет её, будет драться со мной!

- Так бы и сказал, а то входят тут без вызова...- раздались вялые возгласы и тут же стихли.

Мы с Таней и Лилей вышли в коридор. Дамы заперли меня в Таниной комнате, а сами у дверей обсуждают мою судьбу.

- Мне такой не нужен, - слышу я голос Лили, - бери его себе.

- А мне на хрена такой, если тебе не нужен! – отвечала Таня.

- Эй вы, договоритесь какнибудь, а то так я и вовсе один останусь! – кричал из запертой комнаты я.

Дверь отперли, и эту ночь я провёл с Лилей в своей комнате. Несколько следующих дней мы провели, гуляя по знакомым. Дядя, к сожалению, летом в Москве не бывал, а то бы мы пошли к нему.

Зашли в гости к Риве и дяде Федулу, нашим бывшим соседям, жившим теперь на Ломоносовском проспекте, остались у них на ночь. Неожиданно встретили на улице тоже тбилисского соседа - Стасика, который уже жил и работал рядом с Москвой – в Щербинке. Он с матерью - тётей Валею (это на которую чуть ни свалился пьяный Вова, висевший на бельевой веревке) снимали где-то в подмосковье дачу с яблоневым садом. Мы – к ним.

А тут вскоре и мама моя приехала. Оказывается, тётя Валя уговорила её отдохнуть вместе с ней в подмосковье. Вот так неожиданно и оказались мы в компании наших близких тбилисских соседей. А я, сославшись на испытания, остался жить в «Пожарке», иногда навещая их на даче. Но без ночёвки, ведь к восьми утра мне на завод, без опоздания!

К сентябрю все разъехались, я проводил Лилю и маму, посадил в поезд, и обещал приехать, когда родится ребёнок. А этого можно было ожидать очень скоро.

Великое переселение

К первому сентября поступил приказ о переселении всех жильцов «Пожарки». В экстренном порядке всем постоянным жильцам дали по комнате, а аспирантов переселили на первый этаж бывшего здания поликлиники, где на втором этаже уже жила часть ранее переселённых жильцов «Пожарки». Почему-то туда же, но в отдельную комнату переселили и Фёдора Зайцева.

Тайна переселения Фёдора Зайцева открылась не сразу. Но уж если мы заговорили о ней, то стоит рассказать в назидание холостым мужчинам.

Фёдор иногда приводил в свою комнату (туда, где стояла штанга, и где был повержен первый силач городка) дамочек. Но так как он очень боялся соседей по коммуналке, то делал это тайно. Тайно запускал даму, убедившись, что соседи сидят по своим комнатам, и так же тайно выпускал. В туалет, если это было нужно, тоже отпускал гостью под своим строгим надзором.

И вот однажды гостя перепила, что ли, или приболела, но не смогла уйти утром вместе с Фёдором, который спешил на работу. Фёдор и запер её в комнате, а когда пришёл на перерыве (ЦНИИС, как я уже говорил, был в двух шагах от нас всех, жителей городка), то с соблюдением конспирации выпустил невольную пленницу.

Всё бы ничего, но через некоторое время – неделю или больше, Фёдор учуял в комнате запах канализации. Действительно, в стене проходила эта труба и, решив, что она течёт (ибо запах объективно стоял в комнате), начальство переселило Фёдора в другую комнату. Но зловонный запах не исчезал, и я тому свидетель, ибо частенько поднимался к силачу потренироваться, да и выпить. Так Федора переселяли уже третий раз, и последним его пристанищем была комната, о которой я уже говорил. Тайна зловонных комнат разрешилась тогда, когда Фёдор случайно встретил на улице ту даму, которую как-то в целях конспирации запер у себя в первой комнате. Пожаловавшись ей на ситуацию с переездами, Фёдор признался в своём бессилии – запах устанавливается в любой комнате, куда бы он ни переезжал. А дама неожиданно спрашивает:

- А фикус большой ты перевозишь с собой?

Фёдор подтвердил, что его любимый старый фикус в большой деревянной кадке переезжает вместе с ним. Дама засмеялась и рассказала, что ещё в тот раз, когда Фёдор запер её в комнате, ей «приспичило» в туалет по большой нужде. Комната заперта, делать нечего, она и вытащила фикус из кадки, справила туда нужду и снова посадила туда растение. Землицу утрамбовала, пригладила – всё в порядке. А запашок-то пошёл! И прочно устанавливался в том помещении, куда прибывал щедро унавоженный фикус!

Фёдор достал фикус из кадки, сделал ему соответствующую «санацию», и пить вино в его комнате стало значительно комфортнее! Но хватит о Фёдоре и его зловонном фикусе. Теперь – о более насущных вещах.

Тане дали комнату на улице Ивовой в доме № 6 на первом этаже. Это был огромный дом ещё сталинской постройки, самый большой дом городка в то время. В трёхкомнатной квартире проживала пожилая, интеллигентная пенсионерка – тётя Лиза, с двумя кошками - Апой и Сериком, и парень Серёга, который не пересыхал, хотя и работал где-то. И если тётя Лиза сразу прониклась ко мне симпатией, как интеллигент к интеллигенту, то для Серёги я был просто пустым местом, как, собственно, и он для меня.

Кстати, Серёга скоро исчез с горизонта и вот как (холостяки – насторожитесь!). В гости к нему зачастила худая, жилистая и бойкая девица из далёкого подмосковного посёлка с гордым названием «Вождь Пролетариата». Звали её Катькой, но она называла себя «Ксэ», т.е., видимо, кошкой. Серёгу она называла «Псэ», т.е. пёсиком, собачкой. Справедливости ради, надо заметить, что Катька называла «Ксэ» любую женщину, а «Псэ» - любого мужчину. «Такая Ксэ пошла, вся из себя!» - вот одна из её ходовых фраз.

Ксэ регулярно поила Псэ самогоном, который привозила её маменька из глубинки, и угощала квашеной капустой, ведро которой она же привозила каждую неделю. Псэ даже бросил работу и пьянствовал целые дни. В благодарность Псэ ежедневно колошматил Ксэ, но та молча переносила побои. Наконец Псэ и Ксэ расписались законным браком, Ксэ прописалась в комнату Псэ, и следующие же побои были зафиксированы где надо. Псэ исчез с горизонта, как хулиган и тунеядец. Властная Ксэ тут же стала распространять своё влияние на Таню. «Ксэ так сказала, Ксэ так велела...» Я пропускал всё это мимо ушей, но когда Таня вся в слезах объявила, что Ксэ хочет спать со мной, и более того, Таня дала на это согласие, я не выдержал. Я зашёл к этой Ксэ в гости, после чего она заявила Тане, что спать со мной она не будет, а будет только бодрствовать. «Спи сама с твоим Псэ!» - разрешила Тане всесильная Ксэ.

Из сказанного, наверное, стало ясно, что жил, или, по крайней мере, ночевал я у Тани, а занимался наукой, или конкретнее, писал диссертацию в моей новой «резиденции» по улице Вересковой. Я требовал отдельную комнату, но злодейка Мазина («комендантша») поселила меня вместе с Лукьянычем в маленькой комнате.

- Ты и так живёшь у Ломовой, нечего тебе ещё комнату занимать! – решила мою судьбу коварная комендантша.

- Мазина (не путать с Джульеттой Мазинной!), я всё свободное время потрачу на то, чтобы известить тебя, - пообещал я ей, - жаль только, что его у меня так мало!

- Видала я таких! – отмахнулась Мазина, но погорячилась. «Таких» она ещё не видала!

Серафиму дали комнату в большом доме на площади Рижского вокзала – если смотреть на центр Москвы по проспекту Мира, то этот дом слева. Коммуналка была огромной, но своей обычной клиентуры Серафим в этом доме не нашёл. Мизерной пенсии хватало разве на скудную выпивку, но зато шикарной закуски у Серафима было навалом: цыплята варёные, жареные, тушёные... На поверку, правда, все эти цыплята оказались голубями, которых Серафим ловил из своего окна. На широком карнизе под его окном голуби так и кишели сотнями.

А Лукьяныч не захотел уходить из общежития. «С рабочими веселее» - ответил он комиссии, которая предоставляла ему комнату. Так он и остался в общежитии, став моим «сожителем» по комнате. В той же квартире в соседней комнате жили – мой «оппонент» Жижкин, Саид Асадуллин по прозвищу «татарин» и рабочий Опытного завода Матвей (Мотя). А ещё одна комната, в которой стояла койка и шкаф, была резервной. Мазина заперла её и повесила пластилиновую пломбу на дверь.

Ключ к замку я подобрал тут же и объявил эту комнату своей. Если кому-то на ночь нужно было приткнуться с девицей, то я за бутылку открывал комнату, снимал пломбу, а утром снова запираю дверь, припечатывая пластилиновую пломбу пробкой от принесённой бутылки (на ней было вытеснено название выпускающего её завода).

Первым открытием в новой квартире был её погреб. Все стены большого погреба были уставлены стеллажами с пустыми бутылками – винными, водочными, пивными. Бутылки тогда можно было сдавать прямо в магазин, в обмен на спиртные напитки. Нам запаса бутылок хватило на неделю сплошной пьянки.

Тогда в народе ходила притча: большая пьянка – это такая, когда за сданные пустые бутылки можно получить хотя бы одну бутылку водки. Грандиозная же пьянка – это такая, когда за сданные бутылки можно получить столько водки, что за сданные, в свою очередь, бутылки можно приобрести хотя бы одну бутылку водки. Вот и считайте, если хотите – бутылка водки стоила 2,87 рубля, бутылка пустая - 12 копеек. А в погребе у нас были тысячи бутылок, причём мы сдавали и те, которые оставались от выпитого... На этой проблеме математик Жижкин сломал себе голову, причём в буквальном смысле, свалившись по пьянке в тот же погреб, когда полез за бутылками.

А в это время страну ожидало неожиданное и радостное событие. Как-то рано утром радио-репродуктор, который постоянно бухтел у нас в квартире, произнёс слова, от которых я проснулся и привстал с постели - «...здоровья...освободить Хрущёва Никиту Сергеевича...» от всех постов, одним словом.

- Хрущёва скинули! – взревел я и пошёл будить всех.

- Выключи радио, это враги народа мутят, сейчас придут и арестуют нас всех! – по привычке перепугался Лукьяныч, не по-наслышке знавший про аресты.

Но мы уже по-быстрому оделись, захватили кошельки и – к магазину!

Было 7 часов утра; магазин открывался в 8. У входа – море народа. Завмаг, пожилой и толстый еврей, уже стоял в домашней пижаме на верхней площадке лестницы, ведущей в магазин, и выступал, как на митинге:

- Уверю вас, что водки на всех хватит! Только соблюдайте спокойствие! Мы все рады мудрому решению Партии и Правительства, но громить магазин - не резон! Продавщицы и кассир уже на подходе, сейчас будем открывать!

На работу вовремя почти никто не вышел, а если и вышли, то «отмечали» прямо на рабочем месте.

Через пару дней в магазинах появилось «всё» - давно забытые народом копчёные колбасы, неведомые сыры, включая вонючий с зелёной плесенью «Рокфор», бананы, ананасы, манго и финики. Откуда, что взялось? Говорили, что «разбронировали» военные запасы. Но что, вонючий «Рокфор» тоже на случай войны берегли?

Все поносили Хрущёва, который довёл страну до голода и хвалили Брежнева, за считанные дни восстановившего изобилие. Народ ликовал, потекли рекой заявления о приёме в партию. Я злорадствовал свержению «карлы злобного» - Хрущёва и повесил в нашей с Лукьянычем комнате большой цветной портрет Брежнева, из тех, что в изобилии появились в то время в магазинах. Мазина, увидев огромный портрет на стене, уже разинула, было, рот, но я вежливо переспросил её: «Вы что-то хотите сказать, Татьяна Павловна?» Она с зубным стуком захлопнула рот и молча удалилась под хохот жильцов общежития.

А вскоре мне пришла телеграмма из Тбилиси о рождении второго сына, и я 15 сентября, не откладывая, выехал в Тбилиси. Благо билет у меня, как у железнодорожника (аспиранта головного железнодорожного института!) был бесплатным.

Наука по-кавказски

Когда я приехал в Тбилиси, жена уже вышла из роддома. Все удивлялись, как это – я живу в Москве, а жена рождает в Тбилиси. Я шутил, что семенной материал пересылал в письмах.

Назвали сына Леонидом, в честь отца жены, погибшего на войне. По-грузински это имя звучит как «Леван», так мы называем его и сейчас. Лиля с недавних пор работала в Академии Наук Грузии в Институте механики машин и полимерных материалов (да, да именно таким эклектическим названием обладал этот институт!), младшим научным сотрудником.

Она посоветовала мне зайти туда и побеседовать с начальником её отдела кандидатом наук Гераклом Маникашвили. По мнению Лили, мне в этом институте было самое место. Если кто читал и помнит прекрасную книгу братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», то там был описан точно такой же институт.

Институт был создан, видимо, как кормушка для детей и родственников «уважаемых» людей из Академии Наук Грузии и других важных организаций. Директором института был пожилой и хилый, как телом, так и умом, Самсон (простите) Блиадзе. Но подлинным «хозяином» института был вице-президент Академии Наук академик Тициан Тицианович Трили. Ну и имена же были у ведущих учёных института, подстать его названию!

Трили уже давно был вице-президентом, и его могли переизбрать. Тогда для него уже было уготовано «тёплое» местечко директора института, с которого не было никакого спроса за его продукцию. Перед каждым переизбранием в Академии Наук, директор - Самсончик, как его называли сотрудники, начинал жаловаться:

- Ах, устал я, как я устал от этой директорской должности! Нет, кажется, я перейду на начальника отдела, там проще! Попытаюсь уговорить Тициана, чтобы отпустил меня!

Но выборы проходили, Трили оставался на своём месте, а усталость Самсончика как рукой снимало - до следующих выборов, разумеется.

Аббревиатура института была сложной: НИИММиПМ АН Грузинской ССР. Когда я спросил жену, как ухитряются произносить это название люди, и что же даёт науке этот институт, Лиля ответила.

- Между нами - сотрудниками, наш институт называют НИИ Химических Удобрений и Ядохимикатов. Судя по аббревиатуре (которую я не решаюсь привести!), это же самое наш институт и даёт науке! Но если там появится такой человек как ты, то есть с передовыми, московскими знаниями, то он станет подлинным научным руководителем института!

О, святая простота и наивность! Жить на Кавказе, и не понимать Востока! Рабы им нужны из России, в том числе и учёные рабы, а не руководители! «Водить руками» или «руко-водить» они и сами могут, даже с таким умишком, как у старого склеротика Самсончика Блиадзе. А вот трудолюбивые и умные рабы – они нужны всегда - пожалуйста!

Здесь я выскажу свой взгляд на очень опасное заблуждение русских, а может быть и всех европейцев, в оценке людей с Востока, в том числе и кавказцев.

Видя, в основном, не шибко высокий научный, а иногда, что греха таить, и культурный уровень этих людей, европейцы полагают, что эти люди убоги умом, бесхитростны, и рады будут служить образованной элите за скромное вознаграждение.

Как бы не так! Даже если у кого-то из них нехватает культуры (нашей - европейской) и современных научных знаний, то не стоит заблуждаться насчёт их ума. Ум, особенно задний, вкуче со скрытностью, у них имеется, да побольше, чем у иных лиц с европейским менталитетом. Восточный человек осторожен, льстив с начальством, но стоит зазеваться – съест и начальника с потрохами. Не побрезгует ничем: нравственность - в сторону, один расчётец. Методы Макиавелли или Ленина, одним словом!

Дело в том, что обмануть, не исполнить данного обещания, убить, если дело того стоит – это грех с нашей, европейской точки зрения. А для них важно, кого обмануть или убить – своего человека, или чужака - «гяура». Мы же сами, нередко, всю его недолгую жизнь ласкаем и холим поросёнка, даём ему имя, даже целуем его в пяточок, а потом вонзаем нож в сердце! Так вот такими же поросятами или чем-то вроде этого являются и европейцы для азиатов (конечно, очень приближённо и грубо говоря!), и нечего удивляться их поведению среди людей, которых они в полной мере и за людей-то не считают! Племена людоедов в Африке и Полинезии не видят ничего зазорного в поедании и своих сородичей, и иноземцев!

А наивные европейцы думают, что они благодетельствовали азиатов, приравняв их к себе. Те-то и не собираются «приравняться»! Отношения в точности напоминают лицемерное и лживое поведение вождей Карфагена, да и вообще его жителей, с римлянами. Должны пройти долгие годы совместного проживания и вращивания культур друг в друга, чтобы менталитеты хоть как-то сблизились. Есть много примеров, касающихся грузин, армян, турок, китайцев, корейцев и других восточных людей, долго, поколениями проживших в России или Западной Европе, и полностью принявших менталитет этих стран.

Но в Грузии тех лет, о которых я говорю, этим и не пахло. И хоть по фамилии я – житель Грузии, но по менталитету уже был практически русским. Я никогда не смог бы согласиться на подхалимаж, низкопоклонство, лесть, обман, лицемерие, вероломство, подкуп и прочие атрибуты кавказского менталитета. Поэтому мне не грозило стать там руководителем, а только покорным рабом или непокорным изгоем. Но в те годы ни я, ни моя жена не были достаточно умны и опытны, чтобы понимать это.

Но, так или иначе, я вместе с Лилей пошёл в её институт – посмотреть, чем там занимаются, и поговорить с её «шефом» Маникашвили. Благо и институт-то был метрах в трёхстах от дома – близ политехнического института, где мы учились.

Четырёхэтажное небольшое здание, дворик, через который располагался двухэтажный производственный корпус с мастерскими, боксами, и лабораториями, на втором этаже которого находилась лаборатория Маникашвили..

Первым делом я зашёл в мастерские, так как всегда питал большую слабость к «железкам». Вход был совершенно свободным, но в проходе толпились какие-то сомнительные личности, похожие на крестьян. Они что-то передавали мастерам и забирали от них.

- Гири облегчают, - пояснила Лиля, - отбою от них нет! Наши мастерские только на базары и работают. Мы «приписаны» к ближайшему – Сабурталинскому базару.

Я заинтересовался «облегчением» гирь. Торговец, он же крестьянин, передавал мастеру обычно целый набор гирь-разновесок, и говорил, на сколько их надо облегчить. Токарь зажимал в патроне гирию, высверливал в ней отверстие, а конец забивал металлической же пробкой, которую затирали вместе с гирей. Пробка сливалась с материалом гири и становилась незаметной. Но процентов на 5-10 гирия уменьшалась в весе. Продавец платил мастеру деньги и уходил довольный - «надувать» покупателей. Деньги же делились между самим мастером и руководством разного ранга. Работа шла бойко, в охотку, без окриков и принуждений. Труд здесь был не обязанностью, а в радость!

Мы пошли дальше. У одного из боксов толпилось несколько человек, среди которых Лиля узнала и директора – Самсончика Блиадзе. Маленького роста сутулый человечек с реденькими серыми волосами, стоял в самом центре толпы и что-то пояснял ей. Но толпа мотала головами и отказывалась понимать его:

- Ар шейдзлеба, батано Самсон! (нельзя, господин Самсон!).

Мы протиснулись поближе и увидели следующее. В бокс для испытаний двигателей затаскивали стенд, имевший в своём составе весы с длинной линейкой, по которой перемещалась гирия, как у медицинских или товарных весов. Так вот эта длинная линейка не помещалась в боксе – упиралась в стену. Что делать? Вызвали директора Самсончика.

Мудрый директор тотчас же нашёл решение – согнуть линейку под прямым углом, чтобы стенд поместился. Но пользователи стендом не соглашались – дескать, весы не будут показывать то, что надо. Директор настаивал на своём - ведь длина-то линейки останется прежней, в чём тогда дело? Ему пытались объяснить, что момент – произведение силы на кратчайшие расстояния до оси - изменится. Но директор продолжал настаивать, повторяя, что длина линейки-то останется прежней.

Мне показалось, что я попал либо на съёмки комедийного фильма, либо в дурдом. Я хотел вмешаться, но Лиля одёрнула меня: «Не портить отношений с директором!». Я посоветовал ей передать сотрудникам, чтобы они не отпускали своего директора в город одного – или потеряется, или улицу не сможет перейти с таким интеллектом.

Мы поднялись на второй этаж в лаборатории. В нос ударил запах горелой пластмассы.

- Это лаборатория полимерных материалов, - пояснила Лиля. Сейчас очень модны металлоорганические соединения, так вот они натирают напильником опилки свинца и текстолита, пытаюсь их сплавить в тигле, чтобы получить металлоорганику. Свинец-то плавится, а текстолит – горит! Вот ничего и не выходит! Только вонь стоит! – жаловалась Лиля.

Я окончательно понял, что нахожусь в дурдоме, только научной направленности. Сейчас выйдет из дверей Эйнштейн подручку с Аристотелем, а за ними - Галилей. Но вышел... Геракл, простите, Маникашвили, и, улыбаясь, провёл нас в свою лабораторию. Он, оказывается, наблюдал за нами из окна.

- Чем они занимаются – стыдно сказать! – возмутился Геракл – маленький полный мужчина, постоянно потиравший себе ладони.

Я хотел, было присоединиться к мнению «батано Геракла», но Лиля толкнула меня в бок – не критикуй никого – завтра будет известно всем!

«Батано» Геракл повёл меня по лаборатории, показывая, чем они занимаются. Две проблемы стояли перед лабораторией – измерение крутящих моментов и создание образца работающей волновой передачи. Чуж, проблемы, действительно, насущные, вроде металлоорганических соединений, смотря только, как их решать. Маникашвили подвёл меня к стенду. Там стояла коробка передач от грузового автомобиля, и задачей было измерить крутящий момент на первичном валу, который шёл от двигателя.

- Это архиважная задача, - горячо убеждал Маникашвили, - её поставил шеф – батано Тициан. Мы разрежем первичный вал, вставим туда мерную мездозу с датчиками, и будем снимать электрические сигналы с них, - пояснял Геракл устройство всем известного моментомера.

- А как снимать сигналы с вращающегося вала – переспросил я Геракла, - ведь это самое трудное?

- Ты попал в точку! - Геракл перешёл со мной на «ты» и попросил обращаться к нему так же, - это очень трудно, нужны ртутные токосъёмники! А они опасны – это беда!

Я вспомнил, что успел узнать об измерении моментов, когда читал книги метрами.

- Батоно Геракл, - спокойно сказал я ему, - задача твоя решается очень просто. Не надо ничего резать, да и дел-то – с гулькин нос!

- С чей нос? – озабочено переспросил Геракл, - Кто такой Гулька? Уж не ты ли сам себя так называешь? Но твой нос не так уж и мал!

- Нет, батоно Геракл, это русская присказка, она означает, что чего-то мало, в данном случае дел. Гулька – это голубь!

- Видишь, косозубые колёса на валах – они создают давление на подшипники, пропорциональные крутящему моменту. Подложи под подшипник неподвижную месдозу, хотя бы трубочку с маслом и снимай обычным манометром давление – это и будет крутящий момент!

Геракл аж рот раскрыл от удивления и восторга.

- Но нам на эту задачу пять лет финансирования выделили! Как же мы теперь скажем, что она так легко решается? Батоно Тициан уьёт меня!

- Уважаемый Геракл, - пояснил я, - сперва разрежем вал, поставим месдозы, - пройдёт год; ещё год будем искать токосъёмники; ещё год – доказывать, что они неточны и опасны; один год уже прошел на размышления, а на пятый год выдадим уже готовую и испытанную «новую» конструкцию!

- Ты – гений! – вскричал Геракл. Как жаль, что Виктор Иванович Бут в Москве, он поехал по институтам узнавать про моментомеры. Вот он бы обрадовался!

Виктор Иванович Бут – единственный русский в отделе – самый грамотный, но немолодой инженер, который вёл всю научную и конструкторскую работу. Он поехал вместе с заместителем директора Топурия в Москву, как раз по вопросам измерения моментов.

А в это время директор Самсон Блиадзе, закончив, видимо, гнуть линейку у весов, зашёл в сопровождении свиты в отдел Геракла. Мы были в стороне, а директора навтыяжку встретил заместитель Геракла – Гиви Перадзе.

- Где Виктор Иванович Бут? – спросил его директор.

- Топурия и Бут в Москве! – громовым голосом отрапортовал Гиви.

Директора чуть не хватил удар:

- Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне? – выговаривал он Гиви (Гиви-то произнёс свою фразу не только громко, но и слитно!) – Ну, хорошо, может Топурия и критикуют в Москве, значит заслужил, но зачем выражаться так грубо?

Мы с Гераклом задыхались от смеха.

- Батоно Геракл, объясните ситуацию, где Виктор Иванович? - обратился к нему директор.

- Я же сказал, что Топурия и Бут...- обиделся Гиви, плохо понимавший смысл сказанного им.

- Молчи, Гиви, - перебил его Геракл, - дело в том, что Топурия взял с собой Виктора Ивановича в Москву в командировку. А Гиви лучше бы сказал это по-грузински, видите, как неприлично по-русски выходит. - Гиви, - продолжал Геракл, - но ты же мог сказать: «Бут и Топурия в Москве!».

- Нет, начальника надо называть первым, подчинённого – вторым! – невозмутимо декларировал Гиви.

Инцидент, лишний раз подтвердивший, что я нахожусь всё-таки в дурдоме, был исчерпан.

Осталась вторая проблема отдела – волновая передача. Модель её была зажата в токарном станке, но дела с ней были ещё хуже, чем с моментомером.

Дело в том, что волновая передача содержит так называемое гибкое колесо, в которое вставлен распирающий его кулачок-подшипник. Кулачок-подшипник быстро вращался, и если гибкое колесо было не так уж гибко, допустим, стенка колеса была излишне толста, то это колесо, попросту, ломалось за несколько минут. Как гвоздь, который начинают гнуть туда - сюда.

Беда Геракла была в том, что колесо он взял излишне толстым - для прочности. Его делали из самых дорогих и прочных сталей, но проходило пять-шесть минут работы, и колесо, нагревшись почти докрасна от деформаций, лопалось. Этот вопрос даже рассматривали на Учёном Совете института и сделали Гераклу внушение. Год потратили на волновую передачу, а долговечность – всего шесть минут!

Я, увидев, какой толщины колесо, от души пожалел бедный токарный станок, который вынужден был деформировать и ломать колесо, греясь сам от натуги. Толщина колеса была миллиметров пять.

Я позвал токаря – его звали Мурман, - и сказал Гераклу: - прикажи, пусть сточит четыре миллиметра и оставит только один!

Геракл изумился: «Тогда колесо сломается мгновенно!»

Пришлось гнуть перед Гераклом гвоздь и лезвие бритвы. Гвоздь выдержал десять изгибов и сломался. Бритву можно было сгибать до турецкой Пасхи, т.е. до бесконечности.

Геракл хоть сомневающимся голосом, но приказал Мурману: «Точи!»

Мурману было всё равно, он и сточил четыре миллиметра, оставив один. Вставили в колесо кулачок и включили станок. Геракл отошёл от станка и зажал почему-то уши. Но колесо и не думало ломаться. Как замороженные смотрели сотрудники лаборатории на то, что с треском ломалось уже через пять минут. Станок крутился полчаса, час – колесо даже не грелось!

- Батоно Геракл, давайте на ночь оставим, пусть крутится! Я обещаю – год будет крутиться, не меньше! - посоветовал я.

Геракл отвёл меня в сторону и тихо сказал на ухо:

- Ты был прав с моментомером, и мы так же поступим с волновой передачей. Будем постепенно повышать её долговечность и к пятому году дойдём до нужного срока!

Лучше – одним другом больше!

Ещё не проведя даже испытаний скрепера, я понял, что использование маховика на этой машине – незаметная часть того, что может дать маховик в технике. Электростанции, например, работают и днём и ночью, а потребляется энергия, в основном, днём. Накопив энергию в большой маховик ночью, можно было бы использовать эту энергию днём. Но здесь нужен уж очень большой маховик.

Но оказывается гораздо больше энергии, чем вырабатывают все электростанции мира, потребляют автомобили. Вот пишут и говорят о том, что, дескать, когда будет ёмкий накопитель энергии, тогда проблема массового электромобиля будет решена. Всё это обман и сплошное надувательство!

Ну, будет ёмкий накопитель энергии, да он и есть уже – современные супермаховики накапливают полкиловатт-часа в каждом килограмме своей массы. Это больше, чем нужно для силовой установки автомобиля, а где электромобиль? Да дело в том, что будь электромобилей много, то их заряжать будет не от чего. Не хватит всех электростанций мира, даже если от них отключить все остальные потребители: сидеть в темноте и только заряжать электромобили.

Поэтому в первую очередь надо научиться сокращать расход топлива на наших обычных автомобилях с двигателями. Как вы думаете, какую часть топлива полезно использует автомобиль? Или, выражаясь научно, чему равен КПД двигателя на автомобиле? Во всех учебниках написано, что этот КПД у бензиновых двигателей – 25%, а у дизельных – до 40%. А слабо проверить самому?

Проедем в городе на той же «Волге» 100 километров и израсходуем 12, а то и 14 литров топлива. А потом поделим реальный расход энергии, затраченной на перемещение массы около 1 тонны на колёсах на 100 километров пути, на количество энергии в израсходованном топливе и получим около 7%. Вот чему равен реальный КПД двигателя на автомобиле – он почти такой же, как у паровоза!

Высокий КПД у двигателей – до 40%, а у так называемых топливных элементов – перспективных источников энергии – вообще до 70%, бывает только тогда, когда эти источники

отдают энергию в самом эффективном, оптимальном режиме. Обычно же двигатель бывает сильно недогружен, ну часто ли вы полностью, до пола, нажимаете на педаль акселератора (в простонародье – «газа»)? А у топливных элементов – наоборот, чтобы развить мощность, например, для обгона, этими «элементами» нужно заполнить весь кузов автомобиля.

Автомобилю нужен накопитель, «банк» энергии, который отбирал бы энергию от двигателя или топливных элементов при их максимальном КПД, а отдавал бы машине – по потребности. Но такой «банк» уже есть – это супермаховик. Хватило бы супермаховика массой в десять килограммов, чтобы обеспечить таким «банком» от легковушки до автобуса, но экономичного автомобиля с таким банком что-то пока не видно.

Вот такие размышления привели меня тогда к выводу, который теперь уже ни для кого не является откровением. Такому экономичному автомобилю с «гибридным» источником энергии (помесь двигателя с накопителем) нужна особая бесступенчатая трансмиссия – вариатор, связывающий колёса и маховик с двигателем.

Мечта о таких автомобилях заставила меня заняться проблемой вариатора. И вскоре такой вариатор был придуман – не буду вдаваться в подробности его устройства – оно достаточно сложно. Как положено, я подал заявку на изобретение, и, уже не доверяя принципиальности «эксперта от предприятия» решил проследить путь заявки. И вот судьба – заявка опять пришла во ВНИИСтройдормаш, но уже другому специалисту – тому самому Борисову, который применил маховик на экскаваторе. Помните, о нём упоминал Вайнштейн, когда поминал «добрым словом» родной ВНИИСтройдормаш?

И вот я, с тяжёлыми воспоминаниями о ВНИИСтройдормаше, поднимаюсь по винтовой лестнице в кабинет Сергея Михайловича Борисова – начальника отдела экскаваторов. И вместо глухого крючкотвора в огромных очках на носу бабы-Яги, меня приветствует высокий красивый человек славянской внешности с огромными серо-голубыми глазами. Сергей Михайлович, пристально всматриваясь в меня, ещё юношу-аспиранта, как будто чувствовал, что лет через тридцать я стану его преемником совсем в другом месте и на другой должности. Лет десять ещё мы будем ближайшими сотрудниками и хорошими друзьями, а через сорок лет я поцелую его в лоб, провозжая в вечность. Но тогда Сергей Михайлович был в расцвете сил и творчества; он уверенно объявил мне, что ему нравится моё изобретение и он даст на него положительный отзыв.

- Только одно мне непонятно, – удивлялся Борисов, – почему вы назвали своё изобретение «мезан-привод»? Что вообще означает это «мезан»?

Я отвечал, что и для меня это название в новинку, и его придумали эксперты Комитета по изобретениям.

А объяснялось всё по-русски просто. Буквы «З» и «Х» на машинке, да и на клавиатуре компьютеров, стоят рядом, и машинистки их часто путают. Однажды я вручил некому начальнику письмо, адресованное «хам. директора», за что этот «хам» чуть не спустил меня с лестницы. Видел я и письмо в Горисполком города Орехово-Зуево, где буква «З» также была заменена на «Х».

Так вот, оказывается, эксперты назвали моё изобретение «Механ-привод», что должно было означать, повидимому, «механический привод», а вышел этот загадочный «мезан», напоминающий какой-то французский автомобиль.

Получив авторское свидетельство на вариатор, я разыскал «главного» учёного по автомобилям – профессора Бориса Семёновича Фалькевича, бывшего в то время заведующим кафедрой «Автомобили» в Московском автомеханическом институте. Добившись аудиенции у известного учёного, я показал ему схему «мезан-привода» и даже маленькую модель, которую я успел изготовить.

- Изъящное решение! – констатировал Борис Семёнович и послал меня... нет, всего лишь на Ликинский автобусный завод, заключить договор на разработку вариатора для городского автобуса. Вместе со мной он послал туда молодого ассистента своей кафедры – Георгия Константиновича Мирзоева – будущего Главного Конструктора Волжского автозавода. Я понял, что Фалькевич видел меня после защиты диссертации преподавателем на своей кафедре.

И кто знает, как сложилась бы моя судьба, если бы академик Тициан Трили не встретился бы со своим, как оказалось, другом - Борисом Фалькевичем, а тот не рассказал бы ему обо мне и моём изобретении. Трили, оказывается, уже слышал о моей «феноменальной» изобретательности от небезызвестного Геракла Маникашвили и запланировал «иметь» меня у себя в институте.

И вот расстроенный Борис Семёнович рассказывает при встрече мне, что академик Тициан Трили, узнав о том, что мы сотрудничаем, задал ему риторический вопрос, переданный мне буквально:

- Почему сей молодой человек, должен работать у тебя, а не у меня? У тебя в Москве и без него много талантливой молодёжи!

Смущённый Борис Семёнович поведал мне, что академик Трили – очень влиятельный человек, да и его близкий друг. Отказать ему профессор Фалькевич не мог. Так я, как какой-нибудь скакун или борзой пёс, был передан от одного «феодала» другому. Тем более позже, когда Маникашвили устроил мне встречу с Трили в его кабинете вице-президента АН Грузинской ССР, я увидел очень симпатичного, спортивного человека, лет пятидесяти, непохожего на всех этих Самсончиков и Гераклов. Чувствовалось, что он и на своём посту близок к науке, знает о том, что его институту пора менять стиль работы и руководство, да вот всё «руки не доходят». Вот переизберут его с этой должности, тогда...

А что «тогда», я так и не успел узнать, потому, что из смежной комнаты вдруг быстрой походкой вышел человек, появление которого заставило Тициана, да и меня, конечно, встать навтыжку. Этим человеком оказался Президент Академии, великий учёный-математик Николай Иванович Мухелишвили. Я впервые в жизни увидел живого классика, равного, пожалуй, Ляпунову, Остроградскому или Гамильтону по значимости.

Классик был в помятом костюме с помятым же галстуком на боку, и растёгнутыми верхними пуговицами рубашки. Рассказывали, что он был так рассеян, что однажды появился на работе в двух галстуках сразу.

- Батоно Нико, - сказал Тициан, когда Президент передал ему стопку каких-то бумаг, - хочу представить вам молодого учёного Нурбея Гулиа, которого думаю взять к себе на работу.

- Гулиа, Гулиа, - повторил классик, пожимая мне руку, - да это же писатели!

- Да, батоно Нико, - подтвердил Трили, - это его дед и дядя писатели, я их хорошо знаю, но сам он – учёный, причём в моей области знаний. Сейчас он учится в аспирантуре в Москве, должен скоро защититься, а затем приедет на родину – в Грузию!

- Это хорошо, - скороговоркой подтвердил батоно Нико, - хорошо, когда из Москвы – на родину, вообще – из Москвы – это хорошо! – и ретировался в свою комнату.

Мы с Тицианом сели. Я достал статью, где писал о перспективных автомобильных проблемах, тех, о чём я рассказывал выше. Авторами были записаны академик Трили и я. Тициан внимательно прочёл статью, а потом, вычеркнув мою фамилию, написал: «профессор Б.С. Фалькевич». Улыбнувшись, он сказал мне фразу, которую я хорошо запомнил:

- Лучше – одной статьёй меньше, а одним другом больше!

Статья в рекордные сроки была опубликована в самом солидном журнале Академии Наук СССР.

Разбитая дверь

Я обещал потратить своё свободное время на борьбу с Мазиной и должен был выполнить своё обещание. Но всё, почти как у Тициана Трили, «руки не доходили». Но, наконец, дошли. И всё благодаря Васе Жижикину.

Пока не началась знаменитая на весь городок моя свара с Мазиной, я тратил свободное время на всякие пустяки, шуточки. После каждой выпивки наш «татарин» Саид Асадуллин показывал в общежитии номер, который, по его словам, исполнял в мире он один. Каждому, кто его исполнит, татарин обещал бутылку водки. Номер заключался в том, что Саид брал в руки ремень по ширине плеч, и перепрыгивал обеими ногами через этот ремень, согнувшись в три

погибели и подсовывая ремень себе под ноги. Это только выглядит легко, а попробуйте сами! Самый здоровый из соседей – Мотя, и тот падал носом, когда пробовал, а Жижкин даже и не пытался.

Желая выиграть у Саида, я начал тренироваться, падал, вставал и постигал мастерство.

– Почему татарин может, а я с моими ногами штангиста – нет? Не бывать такому – решил я, - и научился прыгать. Причём не только вперёд, а что гораздо труднее – и назад.

И в очередной раз, когда Саид заявил, что только он, единственный татарин на свете, может перепрыгнуть через пояс, я «разозлился» и сказал:

- Гони бутылку, сейчас я буду прыгать!

- Гани бутылк, гани бутылк! Ты прыгни наперёд, а я – гани бутылк!

Я лениво взял в руки пояс и легко перепрыгнул через него несколько раз вперёд, а потом и назад. Все ахнули. Саид, мгновенно отрезвев, погнался в магазин за бутылкой. Мы весело выпили, но показалось мало. Я и говорю уже подвыпившему Саиду:

- Татарин, а хочешь меняться – ты ставишь ещё одну бутылку водки, а я – бутылку десятилетнего коньяка из Тбилиси!

Саид смекнул, что эта сделка выгодная, но всё-таки потребовал:

- Покажи!

- Ты что, своим не веришь, не поставлю – ты можешь свою бутылку и не открывать... и т.д. и т.п.

Татарин побежал ещё за одной бутылкой, а я открыл подарочный набор «Охотничий», который привёз из Тбилиси. Там были три маленькие бутылочки по 25 миллилитров (грамм) 10-летнего коньяка – точные копии обычных бутылок. Я достал одну из них, поставил на стол, и мы стали ждать прихода Саида. Тот забежал с бутылкой и уставился на это «чудо» на столе.

- Это не бутылк! – только и сказал он.

- А что это – чашк, банк или кружк? – это и есть бутылк, только маленький, а размеры мы и не оговаривали! – убеждал я Саида. Ко мне присоединились и соседи, которые тоже убеждали Саида: «Это бутылк, настоящий бутылк!»

Добрый татарин не выдержал – открыл бутылку и разлил водку по стаканам. Для запаха мы добавили в каждый стакан по напёрстку коньяка, а красивую бутылочку Саид запрятал себе в тумбочку.

- Чтобы помнил, как меня надули! – смеясь, сказал он.

Назавтра выпить уже было нечего, я и вечером проглотил вторую бутылочку коньяка. А потом шальная мысль пришла мне в голову. Я втихую поставил эту пустую бутылочку рядом с первой в тумбочку Саида. А вскоре появился и слегка выпивший Саид.

- Как ты меня вчера надул со своей бутылочкой коньяка! – вспомнил Саид.

- Может и надул, но если быть честными, то бутылок коньяка было две! – убеждённо сказал я.

- Один, один! – настаивал Саид, ища поддержку у соседей. Но они только воротили носы, не понимая, чью сторону выгоднее принимать.

- Давай спорить на бутылку водки – предложил я, - что бутылок коньяка было две!

- Давай! – вдруг согласился Саид, - я знаю, как доказать. Я спрятал пустой бутылк в тумбочка!

Саид открыл тумбочку и достал... две пустые бутылки из-под коньяка. Жаль, что я не сфотографировал выражение лица Саида. Станиславский сказал бы, что это мимика «высшей степени удивления». Не меньшее удивление было и на лицах у соседей – они же видели вчера, что Саид прятал в тумбочку одну пустую бутылку. Но им маячила выпивка «на халяву», и они признали, что бутылки было две.

Саид побежал за водкой...

Назавтра я выпил последнюю бутылку коньяка, а пустую, конечно же, сунул опять в тумбочку Саида. И когда вечером подвыпивший Саид пришёл домой, я сразу «взял быка за рога».

- Ну, Саид, значит, выпили мы с тобой мои три бутылки коньяка...

- Что? – перебил Саид, - какой три бутылк? – и он быстро открыл тумбочку, где красовались живописной группкой три цветастые бутылочки.

- Сволочи! – возопил Саид, - надули меня всё-таки!

- А вы, - он кивнул на соседей, - вместо того, чтобы сосед помогай, этот жулик, - и он показал на меня, - помогай!

Хороший, добрый и бесхитростный парень был Саид. Был, потому, что нет уже его.

Он получил квартиру в новом «спальном» районе, где все дома одинаковые. Приходит выпивший, как ему показалось, к себе домой, пытается открыть дверь. А оттуда выходят жильцы и прогоняют его. Саид сидит на лестнице, соображает, осматривает дом – вроде его, и снова начинает рваться в квартиру. Теперь уже жильцы накостыляли ему бока, и Саид вышел наружу. Сел на крыльцо, а дело было зимой, и замёрз там. А дом его был рядом, как две капли воды похожий на тот злосчастный, куда рвался Саид...

Теперь о Жижкине, который и инициировал мою обещанную свару с Мазиной. Вёл себя он нагло – заходил в мою комнату, пользовался моей электробритвой, и что хуже всего, выливал после этого на себя мой одеколон. Лукьяныч мне донёс на его безобразное поведение. Я и заменил одеколон во флаконе на искусную эссенцию, которой клеил магнитофонную плёнку, а одеколон залил во флакон из-под эссенции.

- Видишь, Лукьяныч, - предупредил я его, - это эссенция, смотри, не обожгись ненароком!

И вот утром снова заходит наглый Жижкин и бреется моей бритвой. Хитрый Лукьяныч молчит. Но когда Вася налил полную ладонь эссенции вместо одеколону, Лукьяныч не выдержал:

- Сенсация, Вася, это - сенсация! – крикнул он, перепутав незнакомое слово - «эссенция», на столь же непонятное - «сенсация».

И тут, действительно, произошла сенсация. Вася плеснул полную ладонь эссенции себе в лицо и успел растереть, полагая, что это жжёт одеколон. А потом, когда понял подмену, стал бегать по квартире с криком и пытаться смыть едкую жидкость. Но вода, как на грех, не шла из крана (и такое бывало подчас!), и наш Вася обливался из чайников на плите, вытирался полотенцами, а Лукьяныч не переставал вопить: «Сенсация, сенсация!».

Наконец, разобрались, где сенсация, а где эссенция, а Вася неделю ходил с обожжёнными щеками и шеей.

- Не будет больше чужого добра трогать! – резюмировал Лукьяныч.

Но Жижкин продолжал вести себя непослушно. Привёл он как-то (первый раз, между прочим!) бабу, и стал требовать, чтобы я открыл ему запасную комнатку. А бутылку, положенную при этом, ставить отказался. Ну, я не открыл дверь, разумеется, и ушёл спать к Тане. Тогда он спьяну из последних своих силёнок, раздолбал ногами дверь. Замок вылетел, пломба сорвалась, но он вошёл в помещение. Положил туда свою даму (не иначе, как с вокзала привёл!), припер раздолбанную дверь снаружи шкафом, а сам, сдуру, пошёл спать на свою койку. Целомудренным, идиот, оказался. А утром - отпустил бабу спозаранку, чтобы Мазина не застала. Ушла баба от мужика недееспособного, но «подарок» оставила. Фикуса, как у Фёдора, там не оказалось, и она сходила на газетку, свернула её и положила в шкаф.

Утром Вася осознает, что наделал, и в истерику:

- Всё! О, я – дурак, выгонят сейчас меня из общежития, что делать?

А тут – уборщица Маша со шваброй. Увидела разбитую дверь, унюхала «подарок» в шкафу – и к Мазиной. Я пришёл, когда уже разбирательство шло полным ходом. Вася стоял с «подарком» в руках и плакал:

- Татьяна Павловна, я пьяный был, перепутал свою комнату с этой!

- А шкаф с толчком тоже спьяну перепутал, математик! – кричала Мазина. – Сейчас соберу комиссию, будем акт составлять! И с этими словами Мазина покинула помещение.

- Вася, - говорю я ему, - поди, утопи подарок в толчке, или по-культурному, в унитазае, и у меня будет к тебе предложение!

Жаль мне стало ничтожного Васю, а ещё больше хотелось досадить Мазиной. Вася выслушал предложение и пулей помчался в магазин за бутылкой.

Я зашёл на Опытный завод (три минуты хода), взял белой нитроокраски, кисть и дюжину мелких гвоздей. Собрал разломанную в области замка дверь на гвозди и выкрасил всю дверь нитроокраской. Велел открыть все окна, и через десять минут от запаха ацетона не осталось и следа. Дверь была как новая, вернее, как старая - до поломки. Затем я снова восстановил пластилиновую пломбу и припечатал её, как обычно, пробкой от бутылки, что принёс Жижкин.

А часов в 11, когда Мазина привела комиссию, дверь была в полном порядке. Мы – Лукьяныч, Саид (который сегодня работал в вечер), Жижкин и я, поздоровались с Мaziной, и с интересом стали наблюдать за поведением комиссии.

- Что-нибудь потеряли Татьяна Павловна? – ехидно спросил я.

- Где дверь? – не найдя ничего умнее, грозно спросила Мазина у Жижкина.

- Вот она! – робко ответил Вася, глядя бесстыжими глазами прямо в лицо грозной «комендантше».

- Но она была разнесена в клочья! И дерьмо – в шкафу!

- Какие клочья, какое дерьмо? – выдвинулся вперёд Лукьяныч, – ты, Мазина, наверное, перепила с вечера! Я - пожилой человек, участник войны, старший здесь по годам, и такое слышать не хочу! – завёлся Лукьяныч, обращаясь к комиссии. Эту Мазину, наверное, пора в Кащенко забирать, может у неё белая горячка! Не нужно нам такой дурной комендантши! – заключил Лукьяныч и вытер руки о подол френча.

- Ну, мы пойдём отсюда, - заключил председатель комиссии, - а вы, Татьяна Павловна, займитесь своими делами, пожалуйста!

Мы заперли за гостями дверь, и я высказал гениальную мысль:

- Мы выберем Лукьяныча «руководителем общежития», а самому общежитию присвоим гордое имя Дм. Рябокonia - участника войны, незаметного её героя, защитника интересов трудящихся и жильцов общежития! И пусть тогда Мазина сюда сунется! Кто - за? Кто - против? Единогласно!

Грандиозная свара с Мaziной

Война Мaziной была объявлена. Вечером мы созвали полное собрание жильцов общежития и составили протокол. Он гласил:

Собрание жильцов общежития по улице Вересковой 23 кв.1 – постановляет:

1. Перейти на самоуправление общежития и избрать старшим (руководителем общежития), полномочным представлять общежитие перед административно-хозяйственной службой ЦНИИС, тов. Рябокonia Дмитрия Лукьяновича, 1900 г. рождения, пенсионера.

2. Учитывая большие заслуги тов. Рябокonia Д.Л. в деле становления благоустройства и быта общежития, а также его героическое участие в ВОВ и послевоенном строительстве социализма в нашей стране, присвоить поименованному общежитию имя Дм. Рябокonia, и впредь именовать его: «Мужское общежитие ЦНИИС им. Дм. Рябокonia».

3. Установить доску с соответствующей записью на дверях при входе в общежитие.

4. Считать нецелесообразным участие коменданта общежитий ЦНИИС тов. Мaziной Т.П. в управлении делами мужского общежития ЦНИИС им. Дм. Рябокonia.

Председатель собрания Дм. Рябокonia.

Секретарь С. Асадуллин.

Я отпечатал протокол на своей пишущей машинке «Москва» в трёх экземплярах, один из которых отнесли в канцелярию зам. директора по АХЧ - Чусова, а другой подшили в дела общежития – в отдельную папку. Третий я взял себе на память, и он сейчас лежит передо мной.

Я немедленно подобрал на Опытном заводе латунную доску приличного размера и бормашинкой выгравировал на ней: «Мужское общежитие им. Дм. Рябокonia». Огромными винтами с гайками мы навечно прикрутили доску к входной двери и забили резьбу, чтобы развинтить было

невозможно. Заодно сменили замок в двери, и Маша теперь вынуждена была звонить, когда шла убирать к нам.

Мазина была в бешенстве, она пыталась поцарапать гвоздём нашу латунную доску, но Лукьяныч пригрозил ей уголовным делом за порчу имущества. Её ознакомили с протоколом собрания жильцов и сказали, что копия протокола находится в делах канцелярии АХЧ.

- Рабочие постановили, что в твоих услугах, Мазина, мы больше не нуждаемся. А у нас, Мазина, в стране власть рабочих. Маша будет нам убирать и приносить бельё, а ты, Мазина, нам и даром не нужна! – строго сказал ей герой войны и труда Дм. Рябоконт и захлопнул перед ней дверь.

Примерно через неделю пришла комиссия из трёх женщин, наверное, из АХЧ ЦНИИС. Вежливо поздоровавшись, они попросили разрешения поговорить с Дм. Рябоконт. Лукьяныч вытер руки о подол френча, надел фуражку без кокарды, и за руку поздоровался с каждой из женщин.

Мы сели у нас в комнате, и я поставил перед собой машинку.

- А это что? – удивилась одна из женщин.

- А это я буду вести протокол, ведь вы, чай, не на чай пришли? – скаламбурил я.

Дамы посерьёзтели.

- Это мой секретарь, – пояснил Лукьяныч, - я ему поручил вести дела общежития. Он – учёный, почти профессор, его на мякине не проведёшь! – хихикнул наш руководитель общежития.

- Не считаете ли вы, Дмитрий Лукьяныч, что называть общежитие вашим именем - это несколько нескромно? – начала одна из женщин.

- Очень даже скромно! – уверенно отвечал Лукьяныч, - я – участник войны, ветеран, я кровь проливал за вас, а потом строил Москву – тоже для вас. Вот вы все в квартирах живёте, а я – не взял, хотя и предлагали. Я с рабочими хочу жить, я – очень скромный человек!

- Дмитрий Лукьяныч – это образец советского человека, с которого мы должны строить свою жизнь. Вся его жизнь была отдана служению рабочим, простым советским людям. Поэтому он и заслужил ту честь, о которой вы говорите, - пояснил я. – Да и потом, велика ли честь – в общежитии-то всего пять человек живут, и все они беззаветно преданы своему руководителю. Включая его самого!

- Товарищ Рябоконт, но ведь именами живых не принято ничего называть! Вот умрёте – и пусть вашим именем и называют! - продолжила другая дама.

Лукьяныч панически боялся смерти и поднял крик: - Ты что это говоришь такое, ты что, с ума сошла, что ли? Ты хочешь, чтобы я умер? – смотрите, люди добрые, что эта ведьма сказала! Тебя Гитлер, что ли, послал сюда, он тоже хотел меня убить, но не вышло!

Лукьяныч соорудил кукиш и сунул даме под нос. - Накося, выкуси!

Взбешённый Лукьяныч вскочил и вышел из комнаты.

- Зачем вы взволновали старого большого фронтовика (чуть не добавил «и полицая»!), – усомнился я даму, задавшую вопрос. А отвечу я вам так, - как называется школа, что по дороге в деревню Медведково? Имени Гагарина? Но Гагарин ведь - жив и здоровствует! Называть ещё примеры?

Комиссия встала и стала собираться, Лукьяныч из кухни попросил их не приходить больше, или, если придут, то задавать вопросы поумнее.

Я понял, что это - проделки Мазиной. Но и я не оставался в долгу. Жила моя врагиня неподалёку на третьем этаже пятиэтажной хрущёвки. Я разузнал номер её дома, квартиры, и распечатал штук 50 коротких объявлений:

«Куплю дорого собаку дворовой породы для охраны участка. Приводить по адресу: (адрес Мазиной с указанием этажа и квартиры)».

Объявления я расклеил возле магазинов и забегаловок. И десятки ханыг бросились отлавливать бродячих собак, чтобы отнести их к Мазиной, - вдруг на бутылку перепадёт! Ханыг, разумеется, гнали, но собак они уже обратно не вели, а бросали прямо у дверей. Лай, визг и вой брошенных собак был слышен даже в общежитии.

Как-то Лукьяныч купил за рубль у какого-то несостоявшегося пьяного художника копию картины «Даная» Рембранта. Картина была незакончена, но сама «Даная» вышла на славу – если до этого не был импотентом, то, посмотрев на эту «Даная» - станешь обязательно. То ли у Лукьяныча вкус был особый, то ли он чрезмерно любил полных женщин, но он не уставал нахваливать свою «Даная».

- Ой, ты только посмотри, какая баба красивая, полная! А сиськи-то, сиськи – красота-то какая, что твои арбузы!

Лукьяныч огромными гвоздями прибил картину над своей кроватью. Придя утром, Маша, буквально, ошалела от этой картины.

- Ты, Митя, умом рехнулся, наверное, что это за уроду повесил? – укоряла она его.

- Ты, Маша темнота – двенадцать часов ночи. Ты, видать, и школу не кончила! (сам Лукьяныч успел закончить только три класса сельской школы). - Вот рабочий, - Лукьяныч указал на меня, - среднее образование имеют, так они говорят, что картину эту нарисовал знаменитый художник Бремрат, ну тот, который Ленина рисовал! Эх, темнота, темнота, а ещё уборщицей у меня в общежитии работаешь! Стыдно!

Маша, видать, донесла Мaziной, что Митя повесил «фарнографию» на стену, и что лучше её сорвать. И на следующее утро, когда мы открыли дверь Маше, вместе с ней к нам ворвалась Мазина и с поросычим визгом кинулась срывать «фарнографию». Рябокось ещё лежал на койке, так обезумевшая Мазина полезла прямо в сапогах на его постель. Митя, конечно, не преминул облапать её и полезть, по случаю, под юбку. Визг, крик и хохот слышен был, наверное, даже зам. директора по АХЧ тов. Чусову. Поглядев на ликвидацию «Данаи» бывшей комендантшей Мaziной, я, кажется, понял, почему Мазина не смогла стерпеть существование этой картины, особенно на стене в общежитии.

Дело было в том, что «Даная» на этой картине была как две капли воды похожа на саму Мазину, раздётся она и задери руку. Лицо и фигура – ну точно её! Может быть, Мазина служила натурщицей этому художнику, и это - Мазина, а вовсе не «Даная»? Но написано было внизу: Рембрандт. Даная.

На следующий день я отправил почтой письмо в газету «Советский транспортник» - главную газету в нашем городке. На неё заставляли подписываться всех, кто работал в ЦНИИСе, а ещё бесплатно бросали в почтовые ящики. И через неделю в газете появилась статья, вот она лежит передо мной:

«Усердие не по знаниям

Я, Рябокось Дмитрий Лукьянович, 1900 года рождения, участник ВОВ, пенсионер, являюсь любителем живописи. Отказывая себе во многом, я приобрёл копию картины великого Рембрандта «Даная» и повесил на стене комнаты в общежитии, где живу. Но бывший комендант, тов. Мазина Т.П., незаконно ворвавшись в мужское общежитие, и согнав меня, раздетого, с кровати, сорвала и уничтожила картину, обозвав её «фарнографией» (наверное, имелась в виду «порнография»). Прошу редакцию пояснить тов. Мaziной, что картина великого художника – не порнография! Ветеран ВОВ и труда – Дм. Рябокось».

И далее шло нудное разъяснение какого-то кандидата искусствоведения, что многие не искушённые в искусстве люди, принимают шедевры мирового изобразительного искусства просто за демонстрацию обнажённой натуры... и.т.д. и т.п. Иначе говоря - позор малограмотной темноте и хулиганке Мaziной!

Наутро после появления статьи, Мазина, плача, попросилась войти к нам. Мы открыли дверь, и к нам не вошла, а вползла несчастная, униженная, я бы сказал, «опущенная» Даная-Мазина. Я даже подставил ей стул, так она была несчастна. Митя вытер 0 подол френча руки, надел фуражку и был готов к бою. Но Мазина обратилась ко мне, на сей раз на «вы».

- Я знаю, что Рябокось неграмотный, он писать не умеет, это всё вы написали! – она протянула мне газету, которую я не взял, - и «куплю собаку дворовой породы» - тоже ваша затея! Я сдаюсь! – падая на колени и прижав руки с газетой к груди, простонала Мазина. Я не буду больше заходить к вам, творите, что хотите. Пусть будет общежитие имени этого идиота Рябокоса (Лукьяныч привстал, было, но сразу сел обратно – он был поражён поведением Мaziной – ведь

она лет двадцать жестоко третировала жителей всех общежитий ЦНИИС!) – это тоже ваша затея! Но не трогайте меня больше, я недооценила вас! Вы – умный и жестокий негодяй!

Я помог Татьяне Павловне встать с колен и усадил её на стул. Бледный Асадуллин принёс ей стакан воды. Испуганный Жижкин лёг в постель и притворился спящим.

- Договорились, договорились, Татьяна Павловна! – быстро согласился я. – Вы помните, как еврейский танк дошёл до Берлина без потерь? Ведь на нём была надпись: «Не троньте нас – не тронем вас!». Будем мудрыми, как те евреи, и договоримся не задирать друг друга! Ну как, мир с умным негодяем? – и я протянул Мaziной руку. Она, с ненавистью глядя мне в глаза, прикоснулась к моей руке.

- Ненависть – плохой союзник, - шепнул я Мaziной, провожая её к выходу, - она приносит больше вреда тому, кто ненавидит, чем тому, кого ненавидят. Поверьте мне, я же хоть и негодяй, но умный, как вы правильно заметили. Я, например, не испытываю к вам ненависти. Правда, и любви тоже!

На этом мы и расстались. Позже, если мы и встречались, то только на улице. Я вежливо здоровался с ней, а она демонстративно отворачивалась. Темнота, как говорил Лукьяныч, - двенадцать часов ночи!

Могилёвская эпопея

К декабрю 1964 года моя диссертация была написана, и я доложил её на научно-техническом Совете лаборатории Фёдорова. Доклад Дмитрию Ивановичу не понравился. Я, действительно, полагая, что всё знаю, не отрепетировал доклад, волновался. К тому же, «пробудился» неведомо откуда, мой грузинский акцент.

- Знаете, Нурибей, вам нужно надеть бурку и папаху, прикинуться этаким диким горцем, и тогда такой доклад пройдёт! А для москвича такой доклад слабоват!

Я понял свою ошибку, и после этого всегда репетирую каждый доклад, даже каждую лекцию. Иногда говорят, что экспромт покоряет слушателей. Так вот: самый лучший экспромт – это отрепетированный экспромт!

Теперь надо было доложить работу в головном институте по землеройным машинам – проклятом ВНИИСтройдормаше, которому ничего нового не нужно.

Мы с помощью молодых специалистов этого института – Малиновского, Гайцгори и Солнцевой, провели модное тогда математическое моделирование процесса копания грунта моим скрепером на аналоговых машинах. Моделирование показало полное подобие испытаниям, т.е. бесспорные преимущества новой машины. Я шёл на доклад совершенно спокойным.

Но не тут-то было – я плохо знал институт, который Вайнштейн откровенно называл дерьмом. И вот после моего доклада об испытаниях, доклада Малиновского о результатах моделирования, выступил начальник отдела землеройных машин Андрей Яркин и осторожно, но непреклонно дал понять, что моя машина нашей советской промышленности не нужна. Испытаний недостаточно, математическое моделирование – как дышло, куда поворотишь, туда и вышло, да и кто сказал, что работать, как сейчас - с толкачом – это плохо? Пока скрепер ходит вхолостую, бульдозер-толкач подчистит грунт вокруг, подготовит забой.

- И вообще, не надо быть наивными детьми, если бы использование маховиков на скреперах имело хоть малейшие перспективы, такие машины давно были бы в США! – завершил выступление Яркин.

Чтож, таких машин действительно не было и, до сих пор нет в США. Но в США полно скреперов с двумя двигателями – на тягаче, как у нас, и сзади на скрепере, там, где у нас стоял маховик. США – богатая страна, она может позволить себе дополнительный двигатель в сотни киловатт. А маховик – в десятки раз дешевле, не расходует топлива, правда менее универсален. Но в то время новое запатентованное техническое решение (изобретение всё-таки признали!) было бы полезным. Время энергосберегающих технологий ещё впереди, и «банку энергии» - маховику здесь будет принадлежать одна из первых ролей!

Но докладом во ВНИИСтройдормаше Яркин буквально огорошил нас, представителей ЦНИИСа. Мы-то, согласовывая доклад, получили «добро» от того же Яркина. К чему было это предательство, мы не понимали.

Но тут, не выдержав, на трибуну выскочил Борис Вайнштейн. Яркин пытался, было, не давать ему слова, Вайнштейн же послал его подальше. Вайнштейн сказал, что он вначале не понял принципа действия новой машины, но теперь видит её бесспорные преимущества. А выступление Яркина вызвано «окриком» руководства, полученным в последний момент. ВНИИСтройдормашу не нужны новые машины, институт не хочет новых разработок, ему и так хорошо.

- Я советую не связываться с нашим институтом, который погубит любое новшество. Разрабатывайте её сами и внедряйте у себя в Министерстве! – так закончил выступление Вайнштейн. Мы ушли из ВНИИСтройдормаша «не солоно хлебавши».

Но с Яркиным вышел курьёз. Мы с ним должны были защищать кандидатские диссертации практически одновременно. У Яркина была очень слабая работа, и Фёдоров решил дать ему резко отрицательный отзыв. Об этом он сообщил мне. А потом, засмеявшись, сказал:

- Поговорите с этим конъюнктурщиком и скажите, что его может спасти только блестящий отзыв на вашу работу. Тогда я как бы «не замечу» его работы и не буду давать отзыва вообще. Я и не обязан это делать!

Я позвонил Яркину и мы договорились о встрече. Я, не выбирая слов помягче, изложил ему суть дела. Назавтра же был готов именно блестящий отзыв Яркина на мою диссертацию, утверждённый руководством института.

- Вот лицемеры,- подумал я, - но отзыв взял.

Теперь нужно было думать об отзыве передовой организации, и такой мог быть завод, производящий скреперы. Один был далеко – в Челябинске, а другой ближе - в Белоруссии, в городе Могилёве – завод подъёмно-транспортного оборудования им. Кирова. Игорь Недорезов созвонился с этим заводом и получил согласие Главного Конструктора на рассмотрение моей работы. Мне надо было ехать в Могилёв.

Железнодорожный билет, как я уже говорил, у меня был бесплатный, я взял с собой том моей диссертации и поехал в Могилёв. Предварительно созвонился с Главным Конструктором завода – Петром Идилевичем Ревзиным и договорился о встрече. Он обещал забронировать мне место в гостинице «Днепровская».

Я благополучно доехал до Могилёва и уже узнавал на вокзале, как мне доехать до гостиницы, как вдруг меня тихо окликнули сзади: «Наум!» Я обернулся – мне в лицо улыбалась женщина лет сорока с золотыми зубами. Она пристально всматривалась в меня, а потом извинилась, сказав, что обозналась.

Одет я был несколько необычно, даже вызывающе. Пальто у меня было сине-зелёного цвета, сильно зауженное книзу и с большими «липами». Пуговицы, которые я выточил сам из латунного прутка, были крупными и вогнутыми, отчего они сияли, как фары. Кепочка из каракульчи и модные тогда мокасины довершали мой туалет.

Гостиница находилась в центре Могилёва на улице Первомайской. Мне дали место в «люксе», но на двоих; один жилец уже ночевал в номере. Меня удивило чрезвычайно вежливое поведение персонала гостиницы, причём именно со мной. Бесцеремонно разбудив моего соседа, горничная показала мне мою постель и, пожелав счастливого пребывания, ушла.

Сосед мой оказался тоже москвичом, лет сорока, командированным на тот же завод, что и я. Он представился Мишей. Миша был каким-то неадекватным по поведению, нервным, что ли. Потом всё прояснилось – он ещё не выпил с утра.

День был воскресный, нам можно было расслабиться. Мы взяли в магазине много дешёвого портвейна и оставили «про запас» в номере. А сами зашли в гостиничный ресторан. К нам за столик подсел хорошо одетый человек, лет тридцати, по его словам – тоже москвич. Сказал, что он за рулём – он показал на чёрную «Волгу» во дворе гостиницы, которая хорошо была видна из окна.

Подошла официантка, которая тут же широко открыла глаза на меня; меню взял новый знакомый, который оказался тоже Мишей. Миша «второй» заказал «царские» закуски и дорогую выпивку. Сказал, что за деньги мы можем не беспокоиться, они у него есть.

- Бизнесом занимаюсь! – улыбнулся Миша.

Бизнесом тогда называлась спекуляция. Сейчас это слово используют с положительным оттенком, но тогда «спекулянт» - это было приговором. Как впрочем, и «проститутка», особенно валютная. Сейчас это – уважаемые люди, пример для подражания, а тогда – страшные отбросы общества.

Миша даже позволил себе ущипнуть официантку за ягодицу, что было немедленно внесено в счёт. Мы весело беседовали, Миша-«второй» рассказывал о тонкостях своей профессии, о деньгах, которые он «зарабатывал», о том, что у него по всей Белоруссии «всё схвачено». Но когда принесли счёт, он похлопал себя по карманам и вспомнил, что деньги оставил в номере, и уже решил пойти за ними. Но мы услужливо скинулись с Мишей-«первым» и заплатили. Миша-«второй» попросил, чтобы мы, если ещё раз пойдём в ресторан вместе, денег с собой не брали – он теперь будет платить за всё сам.

Мы очень довольные таким знакомством, пригласили Мишу к нам в номер и допили весь имеющийся там портвейн. Вместо стаканов Миша предложил использовать вазы – так, дескать, делают настоящие джентльмены. Мне досталась хрустальная галетница, из которой я постоянно обливал свою рубашку. Допив портвейн, Миша пошёл отдыхать к себе в номер.

Миша-«первый» же, возбуждённый выпитым, предложил мне «снять девочек» у сквера. Место, как он сказал, хорошо ему известное из прошлых поездок в Могилёв. Миша нервно метался туда-сюда, возвращался ко мне (а я ждал его у входа в гостиницу), говорил, что «всё хорошее» уже разобрано, хотя ещё и шести вечера нет, и т.д. Наконец, он вернулся в компании совсем юной девицы, с виду школьницы, и не по сезону легко одетого юноши еврейской внешности.

Миша отвёл меня в сторону и спросил, согласен ли я, если девица будет одна на нас двоих? Я, ещё мало понимая в этом, кивнул головой, но переспросил: - и этот тоже нам на двоих?

- Ты что, педик, что ли? – удивился Миша и пояснил, - это сутенёр её, Свердлов по фамилии. А может быть по кличке. Он очень бедный, даже пальто не имеет, просил поддержать его в тёплом номере, пока мы с девицей управимся. Но я – первым буду, это же я её нашёл – идёт? Я согласился.

Поднялись к нам на третий этаж; у Миши оказалась бутылка водки в заначке, выпили. Миша стал торговаться со Свердловым о цене за девицу; нам посоветовали выйти в другую комнату. Мы вышли и закрыли за собой дверь. Девушка была худенькая, бледная, почти прозрачная, лет семнадцати. Глаза светло-серые, почти белые.

- Олесья, - представилась она и поинтересовалась, - ты из Москвы?

- Я кивнул.

- Никогда в Москве не бывала, мечтаю туда приехать! У тебя есть где остановиться? Я утвердительно кивнул, не отдавая себе отчёта, и поцеловал девушку. Она весело засмеялась, показала на дверь и сказала:

- Там меня уже продают, а ты хочешь – тайком и бесплатно?

Я кивнул головой и поцеловал Олесю ещё раз. Заметил, что она не отвечает на поцелуй, кожа на руках и плечах её холодная и в пупырышках. Я уже, было, дал волю рукам, как вдруг дверь резко открылась, вошёл разъярённый Миша, схватил Олесю за руку и стал выталкивать её из комнаты. Сзади орал ругательства Свердлов. Оказывается, не договорились о цене – нас здорово обескровил Миша-бизнесмен.

- Жмот! – кричал с лестницы Свердлов Мише, уводя за руку безразличную Олесю.

- Сутенёр! – отвечал ему сверху Миша.

- Всё – заключил Миша – обойдёмся без Свердловых! Сами найдём себе баб – пошли!

И мы снова спустились на улицу.

Миша кидался к каждой женщине, проходящей мимо, но получал отлуп. Наконец, «клюнула» парочка женщин лет сорока, полных, видимо семейных. Одна из них, покрасивее, уговаривала вторую, очень уж деревенского вида:

- Пойдём, Мария, они же не скушают нас! Пойдём у них коньяк там, конфеты... Мария дрожала крупной дрожью, как испуганная лошадь. Я впервые видел, как пожилая (с моей точки зрения) и полная женщина так вибрирует всем телом от страха.

- Какой коньяк, какие конфеты? – прошептал я Мише на ухо.

- Молчи! – только и ответил мне он.

Наконец Мария согласилась, и мы пошли к гостинице. Но не вышло – ни с Марией, ни со второй. Путь нам преградила бойкая женщина тех же лет и комплекции с золотозубой улыбкой. И почему в Белоруссии все женщины «носят» золотые зубы? Богатые, наверно!

- Здравствуй, Наум! – недобро улыбалась женщина, освещая мне лицо блеском своих зубов, - давно не виделась? – и она подала мне руку, на которой нехватало двух пальцев – безымянного и мизинца. Давно по проституткам ходишь?

Мария с подружкой сорвались с места, как два испуганных бегемота, и исчезли.

- Что же ты меня не узнаёшь? – продолжала ехидно спрашивать меня новая знакомая.

А когда мы с Мишей попытались ретироваться, она подняла крик:

- Люди добрые, помогите, я от него беременна, а он хочет скрыться! Держите их!

Мы не успели скрыться, как подошёл милиционер.

- Ваши документы?

Паспорта и командировочные удостоверения у нас были с собой. Милиционер уже отпускал нас, но на крик безумной бабы собралась толпа.

- Это Наум, это Наум из Витебска! – орала дурная баба, – опять он у нас, и ещё по нашим проституткам ходит! А я от него беременна!

Толпа напирала. Видимо, этот Наум из Витебска здорово насолил ей. Я отступал, шаря стену гостиницы, нащупал спиной какую-то дверь, но она оказалась запертой. Я остановился. Вдруг дверь отворилась внутрь и я буквально провалился в неё.

- Наум, скорее сюда! – услышал я женский голос, и меня втянули вовнутрь. Я, как испуганный кот, мигом взлетел к себе на третий этаж, скинул пальто и одетым полез под одеяло – скрываться от золотозубой беспалой и беременной женщины, милиции, толпы, всех...

Минут через десять появился Миша. Он сорвал с меня одеяло и приказал: - Пошли в ресторан!

Я покорно поплёлся за ним. Мы сосчитали последние деньги (я припрятал-таки заначку, что-то рублей пять) и отдали их официантке:

- На все! – гордо сказал Миша, и тихо добавил, - что подешевле и покрепче!

Как мы добрались до номера, я уже не помню. Проснулся я от того, что Миша «на всю катушку» врубил радио-репродуктор. Я чуть не задушил его тогда – ещё восьми утра не было, голова раскалывалась. Всю ночь я убегал от беспалой и к тому же беременной бабы, а она догоняла меня и кусала золотыми зубами...

- Пошли выставлять бизнесмена! – заявил Миша-«первый» поправляться-то надо, а деньги - все!

Мы ткнулись в номер, который назвал наш богатый друг. Но он был занят другими. Чёрная «Волга» стояла во дворе:

- Здесь гад, не уйдёт! – проворчал Миша, и мы пошли к администратору.

- Мы ищем своего друга, - скромно заявил Миша, - вот его «Волга» стоит во дворе!

- «Волга» это директорская, - отвечала строгая администраторша, - а друг ваш, с которым вы вчера пьянствовали и безобразничали, сбежал вчера вечером, украв чужую одежду и деньги. Он жил на четвёртом этаже в общежитии.

Мы остались практически без денег. Правда, я за номер заплатил до конца пребывания и билет у меня был бесплатный. Но перспектива голодной жизни, хотя бы и дня на два-три, меня не радовала. Сосед Миша позвонил в Москву и попросил выслать ему телеграфом денег. Я же решил денька два «перекантоваться» так.

Мы с Мишей стали часто принимать горячие ванны и пить много воды из-под крана – так, он уверял, переносить голод легче.

Побывал я и на заводе. Мы с Ревзиным вместе составили отзыв, и он отдал его печатать. Подписать должен был его он сам, а утвердить – директор. Поэтому Ревзин посоветовал мне уезжать домой не раньше послезавтра. Я закомпостировал свой бесплатный билет на среду, за плацкартное место с меня никакой платы не взяли.

На третий день голодовки я уже шатался, как привидение. Мы кляли жулика-бизнесмена всеми словами, которые знали, и теми, что выдумывали экспромтом. Миша клял ещё сутенёра Свердлова, а я – наглуую золотозубую бабу, которая к тому же от меня, то есть от Наума, была, по её словам, беременна. И жалел, что Миша со Свердловым так скоротечно разругались. Если бы поторговались ещё с полчаса, я бы с Олесей успел управиться...

Я прибыл на Могилёвский вокзал задолго до отхода поезда. Слонялся туда-сюда, но в отличие от того слона, от которого произошло слово «слоняться», еды за это не получал. Известно, что слон, которого подарили царю Алексею Михайловичу, был отпущен на подножный корм, и целыми днями он «слонялся» по Москве, получая за это от горожан еду и даже брагу, которую слоны любят и охотно пьют.

Сытые, мы на многое не обращаем внимание. Я с негодованием наблюдал, как некая неряшливого вида дама обдирает шкурку с сардельки прежде, чем съесть её. Так половину фарша она выбросила вместе с этой шкуркой. Я чуть не подобрал и не доел эти шкурки, народу только было вокруг много!

И вдруг – радостный возглас:

- Наум, ты здесь? – улыбающаяся во весь рот толстая женщина с воротником из чернубурой лисицы и, опять же, золотой челюстью, протягивала ко мне ладони, усеянные разнокалиберными кольцами.

- Нет, меня здесь нет, и вообще - я не Наум, а Махмут, оставьте только меня в покое! – завопил я и рванул на перрон.

Позже, уже в наши дни, я в поезде «Москва-Варшава» встретил женщину моих лет из Витебска. Название города пробудило у меня воспоминания о Науме, с которым меня постоянно путали в Могилёве. Женщина подтвердила, что давным-давно, лет сорок тому назад, действительно в Витебске «блистал» вор в законе или «авторитет» Наум. Она даже разок видела его.

Кроме того, что он был достаточно дерзким человеком, он слыл любимцем женщин. Вся Белоруссия трепетала от его имени, а женщины восхищались им. Лет пятнадцать назад Наума, по словам моей попутчицы, убили.

- Действительно, он чем-то был похож на вас, правда, я плохо представляю, каким вы были лет тридцать-сорок назад, - призналась мне попутчица.

Доехал я до Москвы без приключений, за исключением того, что от чая и постели отказался. Проводник ворчал и не разрешал пользоваться матрацем. Но настала ночь, я всё равно постелил матрац и лёг на него одетым. А утром пораньше, снова скатал его и поставил рядом. Израсходовать заветную пятёрку я боялся – вдруг на штраф понадобится, или мало на что ещё...

Билеты на метро и на электрички у меня тоже были бесплатные (хорошо, всё-таки, быть железнодорожником!), и я без расходов доехал до станции Институт пути.

Выбегаю из трёхвагонки, бегу домой, и вдруг на площади, где раньше стоял Сталин и любили лежать лоси, вижу важного Зайцева, медленно шествующего на работу.

- Фёдор Иванович! – кричу я, - дай в долг десятку, страсть как есть хочется! – и тут же коротко поведал ему историю моих могилёвских злоключений.

Фёдор поразмыслил с минутку, а затем коротко сказав мне: «Жди тут!», зашёл в институт. Через пять минут он весело вышел обратно. – Сообщил, что еду в местную командировку, - и добавил, - скорее, ко мне домой!

Мы побежали к общежитию и поднялись на второй этаж, где была последняя комната Фёдора, уже не пахнувшая фикусом и неудачной любовью. За мягким диваном («кушеткой», как он

называл) стояла батарея бутылок закупоренных пробками, или даже газетным катышком. Это была манера Фёдора попробовать или надкусить – и оставить «на потом».

Мы выпили по полному, с мениском, стакану водки, но закусывать не стали, а помчались во двор. Там были заросли красной рябины, щедрые гроздья которой до сих пор не были склёваны птицами, и от долгих морозов лишившиеся горечи.

Фёдор поднял меня за талию, как танцовщик танцовщицу, и я успел нарвать несколько ярких сладких гроздьев. Мы закусили рябиной «только что с ветки» - это тоже была манера Фёдора, и побежали наверх закусывать основательнее. Во дворе стояла скамейка, на которой постоянно, без какого-либо перерыва, сидели местные старухи – с клюками и без, в очках и без оных.

Старухи злобно проводили нас взглядами и что-то прошипели как гуси. Фёдор сделал, было, шага полтора вперёд, но вернулся. Он встал перед шипящими старухами, подбоченясь и выпятив богатырскую грудь, плавно переходящую в живот:

- А ну-ка, Наполеоны, поучите, поучите нас, как жить надо! Ну, начинайте с левого фланга! И вдруг как гаркнет: - Подъём!

Старухи послетали со скамейки, как куры с насеста. А скамейка представляла собой две доски, капитально скреплённые по краям скобами с двумя брёвнами-сваями, забитыми в землю. Мы взялись за края скамейки и – раз, два, три – огромной становой силой двух самых сильных мужиков городка приподняли её этак на полметра, вытащив на эту длину сваи из земли. Скамейка сразу стала на уровне груди старух, и посадить их туда теперь можно было разве только вильчатым погрузчиком. Группа старух, как стая разозлённых гусаков, злобно шипела на нас, но мы уже бегом поднимались по лестнице.

Закусывали мы печенью трески, мёдом, который Фёдор налил в тарелку и крошил туда хлеб, ветчиной и языковой колбасой, зельцем «Московский» и копчёной треской, даже вонючим с плесенью сыром «Рокфор», который Фёдор очень «уважал». Пили водку, ликёр «Бенедиктин», кагор «Араплы», который Фёдор очень даже жаловал, и красно-чёрное «Сапериави», причём мешали всё.

К шести часам, когда Таня приходила с работы, я сбегал к ней (практически только перебежав через улицу) и привёл её с собой к Фёдору. Таня очень нравилась Зайцеву. Он, нет-нет, да и положит ей тайно от меня, ладонь на бедро, и, зажмурившись, прошепчет: «Прелесть!», на что Таня, смеясь, хлопает его по рукам и кричит:

- Прими клешни-то, Иваныч! А то пожалуюсь, кому надо!

Фёдор тут же убирал «клешни», таращил глаза и виновато наливал вина. Давно уж нет Фёдора, давно прошли эти прекрасные, беззаботные дни...

По-науке сохраняется энергия, сохраняется масса вещества, никуда не девается даже молекула, даже атом, даже элементарная частица, даже фотон...А куда деваются счастливые и трагические минуты, героические и подлые поступки, куда делись «и ты Брут...» Цезаря, и печальная улыбка Гаррибальди? Куда делась, наконец, моя сладкая как кагор «Араплы» и такая же душистая, чувственная любовь к Тане, и её – ко мне? Ничтожный фотон воспоминаний – остался, а целая Вселенная – моей любви – исчезла? Быть такого не может!

Но философия – философией, а после трёхдневной голодовки и последующих возлияний у Фёдора, я не выдержал и отключился. И Таня, подняв меня на руки, как ребёнка, снесла вниз со второго этажа, перенесла через улицу и подняла к себе на бельэтаж. Раздела и уложила спать с собой.

Это был первый, и уже, наверное, последний раз в жизни, когда любимая женщина носила меня на руках!

Защита

Всю весну я готовил материалы к защите диссертации. Написал автореферат, после чего Учёный Совет официально утвердил оппонентов и день защиты – что-то в конце июня. В июле все массово уходило в отпуск, и уже кворума на Совете не соберёшь. Оппонентами утвердили известного учёного – доктора наук профессора Дмитрия Волкова и уже знакомого нам кандидата

наук Бориса Вайнштейна. Отпечатали и разослали по списку адресов авторефераты, и я стал готовить плакаты к докладу. Двадцать – двадцать пять плакатов – это нешуточная работа месяца на полтора-два. Да ещё их надо было выполнить красиво – денег-то на художника не было.

И вот ещё что я придумал. Где-то я слышал, или читал в газете под рубрикой «их нравы», про двадцать пятый кадр. Сейчас все знают про него, даже используют при изучении иностранных языков, а тогда это было совсем в новинку.

Писали, что некоторые «недобросовестные западные фирмы» вставляют в киноленты, где в секунду проходит 24 кадра, этот 25-й кадр, например, с надписью: «Пейте кока-колу!». После чего все, кто посмотрят фильм с этими вставками, тут же гурьбой отправятся пить эту неведомую тогда кока-колу до полного мочеизнурения. При этом никто не осознает этого 25-го кадра, его просто невозможно заметить, но на подсознание он вроде-бы действует.

А если помните, у меня имелся фильм – 10-ти минутка про испытания скрепера, который я хотел показать на защите диссертации. И начал меня точить червь экспериментаторства – дай-ка, вставлю в этот фильм через каждые 24 кадра ещё один – с надписью: «Голосуй – за!» Но что бы я сам ни сделал с плёнкой, мимо киномеханика ведь это не пройдёт.

Поэтому познакомился я с киномехаником, мрачным парнем по имени Лёша, и полушутя-полусерьёзно рассказал ему о моей затее. Лёша уже слышал про эти «западные штучки» и заинтересовался. Мы выпили с ним за эксперимент, и он не только дал согласие на демонстрацию такого сборного фильма, но и обещал помочь.

Я изготовил бумажный плакат с чёткой надписью: «Голосуй – за!». Затем Лёша снимал этот плакат киноаппаратом что-то около минуты. Кадров получилось больше, чем надо. А потом мы нарезали весь фильм на кусочки по 24 кадра и вклеивали 25-й кадр. Заняло это часа два, причём на это время мы заперли монтажную комнату и никого туда не пускали. Коробку с фильмом забрал я, а плакат и лишние кадры мы уничтожили. Я попросил Лёшу держать язык за зубами, и он ответил: «Могила!», сделав жест, как будто зашивает себе губы иголкой с ниткой.

Вот уже подходит июнь, я репетирую доклад и продаю по-дешевке своё сине-зелёное пальто – всё равно не пригодится! Я твёрдо наметил поле защиты ехать работать в Тбилиси под «эгиду» (это такая мохнатая шкура, а в современном смысле – «крыша») академика Трили. Пальто там или не нужно, или можно будет купить новое – у кандидата наук денег будет предостаточно (о, святая простота!).

А тут на последнее заседание Совета поставили защиту какого-то приезжего руководителя из филиала ЦНИИСа, а мою защиту перенесли на сентябрь. - Ну, чтож, в сентябре тоже не холодно, - подумал я, и на месячишко уехал в Тбилиси проведать семью. А заодно встретиться с самим академиком Трили, и об этой встрече я уже говорил.

В августе я опять был в Москве – готовил подзабытый доклад, а заодно продал Вадиму мой пистолет, чтобы вдруг по-пьяни не начать палить. И чтож, недели через две после этого я вижу – на улице близ общежития странную картину – бежит, вытаращив глаза, один наш аспирант – Галицкий, а за ним с моим пистолетом в руке – «солидный человек» Вадим.

Повидимому, у моего пистолета было какое-то неведомое свойство возбуждать у владельца желание пострелять. Я остановил бегущего аспиранта, закрыв его своим телом, схватил Вадима за руку с оружием и помирил их с помощью магазина. Нет, не оружейного магазина с патронами, а обыкновенного - с водкой.

Но защита не состоялась и в сентябре – не все члены Совета вовремя вернулись из отпусков. Затем в октябре был ещё один фальстарт, и окончательно назначили защиту на 26 ноября.

Мы с Таней, предчувствуя скорую разлуку, почти не расставались, периодически рыдая друг у друга на плече. Была такая безысходность, как будто мы – не свободные люди великой страны, а какие-нибудь римские или, ещё хуже, восточные рабы. Семья, конечно, это святое, но не до такой же степени! Да и Таня, видя бесперспективность своего «бой френда», как сейчас говорят, дала бы ему от ворот-поворот, да нет...

Потепенно становилось всё холоднее и холоднее. Я взял на опытном заводе телогрейку в которой работал в холодное время, но она была такая старая и замасленная, что к культурным

людям, например, за отзывом или в библиотеку в ней не пойдёшь. А в начале ноября ударили 20-градусные морозы (это был 1965 год, можете свериться с лабораторией Михельсона!).

Пришлось идти на поклон к дяде и он, увидев мою телогрейку, выдал мне (на время!) кожаную дублённую куртку, подаренную ему друзьями – лётчиками. Мна она так понравилась, что я даже надорвал её и заштопал, а потом сказал дяде – вроде, такую и отдавать неудобно. Так и присвоил её насовсем.

Мокасины мои «попросили каши», т.е. стала отваливаться подошва. Я вооружился шилом, очищенной медной проволокой, и так красиво подшил подошвы, что мне даже заказали пару такой обуви знакомые. Но теплее, правда, от этого мокасины не стали. Голову же спасала всё та же кепка из каракульчи, в которой я щеголял по Могилёву в качестве двойника донжуана-рецидивиста Наума.

За неделю до защиты приехала Лиля и остановилась у дяди Жоры. Я же чаще бывал в общежитии, т.е. у Тани, и Лиля решила не третировать меня перед защитой.

Итак, наступил день защиты – 26 ноября и в 14⁰⁰ заседание Специализированного диссертационного Совета. А у меня и приличного костюма нет – одна заношенная куртка и красный пуловер, ещё от Вальки-директорши. Правда, белая нейлоновая рубашка в гардеробе присутствовала, но галстук был окончательно испорчен красным портвейном. Пришлось занимать костюм и галстук у коллег-аспирантов.

Да, насчёт коллег-аспирантов. В аспирантуру поступила анонимка (как говорил Лукьяныч - «онанимка»), что я хулиганю в общежитии, веду аморальный образ жизни и даже целюсь из пистолета в аспиранта Уткина. Уткина вызвали, он подтвердил, что я целился в него, но не выстрелил.

Так или иначе, мне в характеристику (которая была обязательна при защите диссертации) всё это вписали. Подписал начальник аспирантуры и профорг, который меня даже не знал. А комсорг (помните Сашу Лисицына, который учился в том же ВУЗе, что и я, и который потом стал директором нашего огромного института – ВНИИЖТа?), подписывать отказался, дескать, нужно разобраться. Он встретился со мной и сказал, что эту характеристику не подпишет, а руководство не напишет хорошую. И поэтому, бери, говорит, другую характеристику в другом месте, где сможешь. Я – к Фёдорову, покаялся, так мол, и так. Он, сощурился, посмотрел на меня и высказал своё мнение:

- Ну и сволочи же у тебя друзья-аспиранты! Хорошо, если бы ты морду побил кому-нибудь, то это, может, так и надо было. Особенно автору анонимки! А то, что ты мог целиться из пистолета в аспиранта – не верю! Ты же мог запросто его побить, зачем же стрелять в него? Будет тебе характеристика!

Писал характеристику Игорь Андреевич Недорезов. Писал вдохновенно и художественно. Дмитрий Иванович прочёл, высказал мнение, что с такой характеристикой не кандидатскую, а докторскую степень нужно присваивать, причём без защиты. Добавил от себя, что я «успешно сочетаю научную деятельность со спортом». В конце дня я имел на руках блестящую характеристику из ЦНИИСа, подписанную руководством и сдал её в Совет. А «плохую» характеристику продолжал блокировать Саша Лисицын, не давая ей ходу.

Итак, в 14⁰⁰ – защита. Я принял «на грудь» стакан портвейна для храбрости и пошёл в конференц-зал развешивать плакаты. Фильм отдал мрачному Лёше-киномеханику.

Члены Совета, покашливая, собирались. Среди гостей был мой дядя со своей женой, Лиля, и, специально приехавший из Тбилиси, Геракл Маникашвили.

По залу прошёл слух, что известный писатель Георгий Гулиа пришёл послушать защиту своего племянника. Члены Совета подходили к нему - поздороваться и выказать восхищение его произведениями. Это подняло мой, как сегодня скажут, «рейтинг».

Я бодро и, главное, громко сделал доклад. На сей раз без кавказского акцента, даже со столичным «шиком». Да и работа была, говорят, неплохой, много публикаций, ну а скрепер мой все члены Советов, если не видели на Опытном заводе, то, по крайней мере, слышали «реактивный» свист его раскрученного маховика.

А в заключение я предложил членам Совета посмотреть фильм про испытания скрепера. Я нажал кнопку на пульте, в зале погас свет и пошёл фильм. Я так боялся, что лента оборвётся и остановится на кадре: «Голосуй за!», но этого не случилось. Фильм я потом забрал у Лёши и уничтожил.

Все члены Совета поступили так, как рекомендовал им сделать 25-й кадр, и после подсчёта голосов меня стали поздравлять. Банкет был назначен вечером того же дня в ресторане Будапешт. Деньги привезла из Тбилиси Лиля, да и дядя помог. Всё было путём, Лиля танцевала с Недорезовым и с моими коллегами по лаборатории. Она блистала своей причёской и танцевальным мастерством – гимнастка всё-таки! Я постарался не «нажраться» и не устроить дебош. Короче говоря, всё было неправдоподобно культурно!

Зато на следующий день была назначена пьянка в общежитии. Специально съездили на Рижскую за Серафимом, пригласили друзей во главе с Зайцевым, и жильцов общежития. Таню, к сожалению, пригласить было нельзя. Серафим тихо подошёл ко мне и грустно спросил на ушко:

- Что, Таню по боку, да?

Серафим знал, что я наметил отъезд в Тбилиси. Меня ошеломила такая постановка вопроса.

- Почему «по боку»? Я буду постоянно приезжать, мы любим друг друга...

- Хорошо, хорошо, я пошутил! – засмеялся дядя Сима.

Пьянка была серьёзная, за сданные бутылки можно было приобрести ещё пять бутылок водки. Фотографии запечатлели наши пьяные рожи, восстановленную «Даная» над постелью Лукьяныча, латунную доску с надписью «Мужское общежитие им. Дм. Рябоконя»...

Я срочно оформлял документы Совета для ВАКа – нужно было успеть до новогодних праздников. К середине декабря всё было сдано в ВАК.

Бесплатный билет мой ещё действовал до конца года, и Лиля купила билет только себе. Наступил день отъезда – поезд отправлялся вечером.

Днём я купил цветов, вина, и зашёл попрощаться к Тане. Она лежала в постели похуевшая и осунувшаяся; глаза были в слезах, а подушка – мокрая. Я понимал, что поступаю как-то не так, а как нужно было поступать, никто мне не посоветовал. Бросить семью? Тогда плакали бы Лиля и дети. Бросить всех и смыться куда-нибудь на лесоповал? Нелогично. Продолжать этот «марафон» долго было нельзя. Да и Лиля не могла оставаться в Москве – не было прописки.

Я поцеловал плачущую Таню, сказал, что буду часто приезжать (кстати, я так и поступал потом – в месяц раз, да приезжал!), и с тяжёлым сердцем ушёл.

Фёдоров и Недорезов негативно восприняли моё решение - уехать жить и работать в Тбилиси.

- Немудрое решение! – констатировал Игорь Андреевич.

- Нурибей, вам же будет там душно! – сказал своё слово Дмитрий Иванович, - вы же телом будете в Тбилиси, а душой в Москве! А в результате, вы обязательно снова вернётесь в Москву, только сделать это будет очень и очень непросто! Не вы первый, не вы последний!

Мудрый человек – Дмитрий Иванович Фёдоров, он как в воду глядел!

А пока, где-то счастливый, а где-то – с тревогой, что в чём-то допускаю ошибку, причём ошибку стратегическую, я уезжал с женой в «солнечный Тбилиси».

Глава 4. Я вспоминаю солнечный Тбилиси...

Тернистый путь к науке

Зрелость сразу не наступает. У нормальных людей сначала бывает младенчество, затем детство, за ним - отрочество, а потом и юность, которую энциклопедический словарь трактует как период жизни между отрочеством и зрелостью.

Так вот, обсудив вопрос своего перехода от юности к зрелости, я решил, что этот переход состоялся в конце декабря 1965 года. Таким образом, новый 1966 год я встретил уже не юношей, а зрелым мужем.

«Созреть» мне позволили такие жизненные события, как учёба в институте, спорт, женитьба и рождение детей, «поднятие» целины и увлечение наукой. Окончательно «дозрел» я, переехав в Москву, поступив в аспирантуру и защитив кандидатскую диссертацию.

Жизнь в общезитии, взаимоотношения с людьми различного возраста, общественного положения, мировоззрения, и даже пола, помогли мне, подобно швейцарскому сыру получить соответствующую зрелую кондицию и даже символические дырочки в сердце, оставленные любимыми женщинами.

Одна из этих «дырочек» - крупная, ещё живая, растущая и ноющая, оставлена была любовью к Тане, моей общежитийской подруге и бывшей жене моего лучшего приятеля. Но я, забыв, что любовь - не картошка, предпочёл сохранить семью и «бросил» любимую женщину. Оставил я и любимую работу, любимую Москву, позволив жене увезти себя на «малую родину» - в Тбилиси. Долг для меня - прежде всего! Перед «малой родиной», перед семьёй, перед грузинской технической наукой, которая показала мне несколько поотставшей и требующей моей помощи.

Вот с такими благородными намерениями, втайне не веря в их серьёзность, я и прибыл в родной солнечный Тбилиси, как раз к встрече Нового 1966 года.

«Солнечный» Тбилиси встретил меня морозящим холодным дождём, слякотью на улицах, сырым промозглым ветром, нетопленной коммунальной квартирой и протекающими потолками. Две керосинки, не столько согревающие, сколько «одорирующие» (понятие, обратное «дезодорированию») квартиру, двое маленьких детей, бабушка, мама и жена в двух комнатах коммуналки, а также старая безногая соседка в крошечной третьей комнате - всё это несколько подрывало мой патриотический порыв.

Я уже не говорю о почти полном отсутствии «в кране» воды, которую, в нашем случае, неизвестно, кто выпил. Речь идёт о холодной воде, так как горячей - в доме и отродясь не было.

Коксовые батареи «лимонадного» завода нещадно дымили, пачкая сохнувшее на многочисленных верёвках бельё, которое так проблематично было стирать. Злополучное бельё проблематично было не только стирать, но и вывешивать. Чтобы дотянуться до верёвок, нужно было перевешиваться через дощатые перила, которые давно сгнили и трещали под натиском бёдер вешающих бельё женщин. Да, да, именно бёдер, а не животов, потому, что такой «убийственно» малой высоты были эти проклятые перила. Я специально упоминаю эти, казалось бы, недостойные внимания перила, ибо они свою роковую роль в моей жизни ещё сыграют.

Одним словом, энтузиазма у меня от приезда на малую родину изрядно поубавилось. Да ещё и такая «мелочь» - я ещё в поезде понял, что без Тани жить просто не могу. Кому-то это покажется смешным и несерьёзным, но такая уже штука любовь, и на одном усилии воли тут долго не продержишься. Любовь гони в дверь, а она влетит в окно! Но я тешил себя тем, что, дескать, я уже кандидат наук, у меня будет много денег, и постепенно соберутся они на покупку кооперативной квартиры, а также на частые поездки в Москву к Тане.

А главное – наука! Я помогу институту, который приглашал меня на работу, и благодарные соотечественники осыплют меня почестями. Вскоре я защищу докторскую диссертацию и мне поможет в этом мой новый «гросс-шеф» академик Тициан Трили, человек огромного влияния... А уж с жизненными проблемами мне поможет справиться, как он это и обещал, просто «шеф» - Геракл Маникашвили, который просил считать его другом и называть на «ты».

А рядом будет семья – крепкая кавказская семья, которая поможет в трудностях и согреет в беде!

- Ничего, перезимуем! – не очень-то веря себе, всё-таки решил я.

И я, встретив Новый год в кругу семьи, уже 2-го января, который тогда был рабочим днём, явился в институт со сложным названием НИИММ ПМ АН ГССР (Научно-исследовательский институт Механики Машин и Полимерных Материалов Академии наук Грузинской ССР). Или, как его называли сами сотрудники - Научно-исследовательский Институт Химических Удобрений и Ядохимикатов (простите, что из этических соображений не могу привести его аббревиатуры!).

Как-то в Москве, перед самым отъездом в Грузию, ко мне попала газета, кажется «Литературка», со стихотворением поэта Рюрика Ивнева: «Я вспоминаю солнечный Тбилиси...» Я не знаю, с чем связаны ностальгические воспоминания поэта – то ли он жил когда-то в Тбилиси, то ли просто приезжал туда погостить и попить вина. Но я благородно прослезился, прочтя этот стишок, и уже твёрдо и бесповоротно решил: «Еду! Покидаю любимую, но не родную Москву, любимую, но не родную Таню, любимый, но расположенный не на Родной Земле ЦНИИС!»

- Спасибо тебе, Рюрик, спасибо! Большое кавказское спасибо за окончательно совративший меня стишок! Больше я стихам не верю – проза, особенно жизненная, как-то надёжнее!

Но эти мудрые мысли зрелого человека придут ко мне «опосля». А пока мы с женой, поддерживая друг друга за руки, карабкаемся по скользкой слякоти на горку над Курой напротив Цирка, где и располагался НИИММПМ.

Летом-то туда взбираться – одно удовольствие – кругом зелень, цветы, птички... А зимой – хорошо, если, как обычно, грязь. Но если снег или гололёд – тогда хана! Нужно быть альпинистом, чтобы попасть в НИИММПМ по «сокращёнке». В обход, по цивилинному пути, дорога туда километра на два длиннее.

Я хорошо знал эту горку – ведь там были казармы, где жил мой друг Саша, к которому я часто ходил в гости. Семья Саши – отец, боевой майор Вениамин Яковлевич, или «дядя Веня», участник Сталинградской битвы, мать – Мария Тихоновна, моложавая миловидная женщина, воевавшая вместе с мужем от Сталинграда до Берлина, и сам Саша, жила в одной комнате длинного двухэтажного здания казармы. В каждой комнате – по офицерской семье. Таких зданий было три, и на все эти три здания – один туалет, правда, большой, как кинотеатр. И такой же интересный – десятки «очков» азиатских «раковин» с двумя кирпичами по бокам дыры. Никаких перегородок в туалете, тут все равны! И пусть молодой лейтенант смотрит прямо в глаза сидящему визави седому майору, и пусть бойцы вспоминают минувшие дни. За что боролись и гибли они! – добавлю я от себя.

Я наврал, конечно, что туалет был один. Это мужской - один, но был и ещё один – женский. Говорят, что этот последний был почище – не знаю, не захаживал! Но в мужской надо было ходить, надевая специальные «туалетные» резиновые сапоги, которые потом мыли под краном перед входом в казарму. И из этого же крана женщины – жёны офицеров набирали воду в вёдра, которые потом заносили в дом.

Но отопление было, уже за это спасибо властям солнечной Грузии! Летом благовония из туалетов достигали зданий НИИММПМ, ибо располагались они рядом с казармами. Но основная «газовая» опасность для грузинской академической науки была не только и не столько в близости к казарменным туалетам. Вокруг академических зданий располагались жилища курдов, исторически избравших горку своим местожительством. Но это не курды потеснили академическую науку, а она - курдов, с доисторических (скажем - с довоенных) времён живших на этой горке без названия.

Что представляли собой жилища курдов, станет понятно из такого кавказского анекдота. Армянское радио спрашивают, что это такое: «дом перевернулся»? Ответ: «это семье курдов

дали квартиру на десятом этаже». Курды (тогда, по крайней мере) жили либо в подвалах старых домов, либо строили такие «бидонвили» из досок, жести и других подручных материалов на пустующих заброшенных территориях. Такой «бросовой» территорией была безымянная горка над Курой, напротив другой горки, на которой располагался цирк.

Жили курды большими полигамными семьями и внешне чем-то напоминали цыган. Из окна лаборатории Геракла Маникашвили «лоб в лоб» было видно жилище одной такой семьи, и мы часто снимали её быт на киноплёнку. Например, скандал в курдской семье: подрались две жены какого-то аксакала. На визг и крики жён вышел заспанный, солидного возраста муж в национальном кафтани, коричневых кожаных сапогах и пышных усах. Жёны - давай валяться перед ним в пыли и царапать себе лица, жалуясь, по-видимому, таким образом, каждая на свою обидчицу. Аксакал выслушал их внимательно, надавал обеим по шеям, и те, рыдая и подвивая, разошлись. Мир в семье был восстановлен.

Курды работали в большинстве своём дворниками, а также носильщиками на вокзалах или при магазинах. В частности, у нас в доме дворником работал курд Михо. Каждое утро он подметал участок двора внутри нашего дома (между северным и южным полюсами нашего дома, напоминающего по форме подковообразный магнит) и кричал дурным голосом:

- Кто дерьмо ел, шкурки бросал? (это, когда на дворе валялись выброшенные из окон шкурки от яблок, мандарин, гранатов и других фруктов).

- Кто дерьмо ел, кости бросал? (это, когда валялись рыбы, куриные, индюшачьи или бараньи кости).

- Кто дерьмо курил, окурки бросал? (это, когда валялось слишком много окурков).

Конечно же, вместо высококультурного слова «дерьмо» Михо употреблял его народный синоним. Параллельно Михо работал носильщиком, хотя имел большую нелеченую грыжу, которую он любил всем демонстрировать.

Воспользоваться услугами курда-носильщика было очень рискованно. Купит, например, интеллигентная женщина в магазине пианино, а как его до дома дотащить? Автомобилей тогда было мало, все грузовые машины были государственными, воспользоваться ими было очень трудно. А тут - подбегает курд и предлагает донести пианино до дома за три рубля (до реформы 1961 года за тридцать, соответственно). Хозяйка пианино соглашается, курд ловким приёмом обхватывает пианино ремнём, взваливает его себе на куртан (особый жёсткий мешочек на спине носильщика), и, переваливаясь на прямых ногах, легко тащит его по указанному маршруту. Но, оттащив всего на квартал, курд кладёт свою ношу на землю и отказывается нести дальше:

- Не могу, хозяйка-джан, тяжело очень, добавляй ещё три рубля, а то уйду! – и делает вид, что уходит, оставляя интеллигентную хозяйку один на один с неподъёмным пианино. Магазин, где можно было найти ещё носильщиков – далеко, отойдёшь от дорогой вещи – тут же сопрут и затащат в ближайший двор. Что делать, хозяйка соглашается добавить. Таких псевдоотказов за всю дорогу бывало обычно несколько, и курд «выставлял» хозяйку на сумму, соизмеримую со стоимостью пианино.

- Занимались курды и спекуляцией. Не на биржах, конечно, которых тогда и в помине не было, а так, в бытовом и справедливом смысле этого слова. Начнут «давать» в магазине какой-нибудь дефицит (а тогда всё было дефицитом!), например, стулья. И тут же у магазина выстраивалась очередь в километр. А в очередь обязательно вставал какой-нибудь вездесущий курд. И тут же по своему «телеграфу» он вызывал целую ораву курдов, которые пристраивались к нему. Вот и доставались все стулья курдам, а они тут же перепродавали их гражданам, которым этих стульев не хватило. Вот что такое настоящая спекуляция, а не то, что имеют в виду теперь, придавая этому слову позитивный, даже героический оттенок.

Поэтому и существовал на Кавказе анекдот, имеющий общую структуру с такими известными «перлами», как, например: «Один русский – это водка, два русских – драка, трое русских – партсобрание». И так про другие нации, а про курдов говорилось: «Один курд – это ничего, два курда – совсем ничего, а три курда – очередь за стульями».

Одевались курды в те годы, а это почти полвека назад, в основном, на национальный манер. Особенно выделялись женщины, которые повязывали голову цветным платком, заплетая его

наподобие тюрбана, кофточки носили цветные плюшевые. Множество юбок надевали друг на друга – брали цельные отрезки тканей, нанизывали на шнурок, как занавески и затягивали на талии. Верхние юбки были наиболее нарядные – из плюша и даже из панбархата. Русские женщины такие юбки называют «татьянками».

Обувь и у женщин и у мужчин обычно изготавливалась из куска сыромятной кожи, стянутой шнурками, наподобие индейских мокасин; наиболее богатые курды носили мягкие обтянутые «азиатские» сапоги – жёлтые, коричневые и чёрные.

Сейчас, ориентируясь на телепередачи, можно заметить, что современные курды, проживающие в Европе, одеваются по европейски; тогда же, а тем более в Грузии, было иначе.

Интересными были у курдов свадьбы. Где-нибудь в сёлах или маленьких городах они нанимали крупный грузовой автомобиль – «студебеккер» какой-нибудь или ЗИС-5, и молодожёны вместе с гостями устраивались в открытом кузове. Какой курд не любит быстрой езды? Грузовик мчит по просёлочным дорогам, а в кузове курды отплясывают свой любимый «кочарик». Танцующие сцепляются друг с другом мизинцами, образуя вокруг новобрачных круг, и начинают вращаться туда-сюда, под заунывные однообразные звуки зурны.

В Тбилиси же курды выбрали себе свадебным транспортом трамвай. Это куда удобнее грузовика – и ход плавней и крыша от дождя есть! Одна беда – «кочарик» приходилось танцевать не по кругу, а растянувшись цепочкой вдоль вагона – от площадки до площадки. На одной площадке располагались «зурначи» - музыканты, а на другой – молодожёны. Вот и колесил свадебный трамвай по городу, а в вагоне во всю шумели свадебные песни и пляски, на наш взгляд, правда, весьма заунывные.

Надо сказать, что молодые курдянки (так рекомендует называть женщин этой национальности орфографический словарь), бывают весьма привлекательными, похожими на молодых цыганок.

У нас в школе работала уборщицей миловидная молодая курдянка лет восемнадцати – нередкий персонаж моих эротических сновидений. Мы же, жестокие кавказские школьники, дразнили её «курдянскими» словечками, смысла которых сами же не понимали:

- Курэ варэ табике! – кричали мы и корчили ей рожи, а юная уборщица с перекошенным от злости лицом бегала за нами со шваброй.

- Зоарэ варэ, бовэ таго! – тогда заклинали мы, и бедная девушка, схватившись за сердце, падала в полуобморочном состоянии на стул.

Что означали эти слова, я так до сих пор и не знаю, но взяты они из лексикона самих курдов, часто устраивавших громкие перебранки между собой.

Но какая же связь между институтом Академии Наук Грузии, куда я шёл устраиваться на работу, военными казармами и курдами, избравшими безымянную горку своим местожительством?

А связь простая – органолептическая (русский язык надо знать!), а конкретно – обонятельная. Туалетов в жилищах курдов предусмотрено не было, а ходить в казарменные туалеты было далековато, да и в сыромятных мокалинах туда не зайдёшь, а резиновых сапог у курдов на этот случай не было. Вот и «ходили» они по нужде прямо на безымянной горке, отойдя немного от входа в свои жилища. А если отойти немного от этих хижин, то получалось как раз у стен высоконаучного академического института, так что институт со сложным названием оказывался в сложном положении, в этакое «дерьмовом кольце», через которое нашим сотрудникам приходилось каждый раз перепрыгивать, идучи на работу.

Сейчас умудрённый жизненным опытом, я подумываю: что, может, простодушные курды таким своеобразным способом выказывали своё справедливое отношение к той науке, которая «творилась» в стенах института? Но тогда по молодости да и по глупости, я не смог понять этой сермяжной правды древнего мудрого народа!

В дерьмовом кольце

И вот мы с женой с разбега перепрыгиваем через упомянутое выше дерьмовое кольцо и оказываемся на территории «большой науки».

Геракл Маникашвили встретил нас очень приветливо. Лилю послал исполнять свои обязанности младшего научного сотрудника, а меня усадил за стол напротив себя. Предстояло оформление на работу, и я ожидал от Геракла «вводную» - как не продешевить при переговорах с руководством. Всё-таки специалист из Москвы с защищённой диссертацией!

Но Геракл начал «гнуть» совсем другую линию.

- Вот ты, блестящий московский специалист, приехал на работу, как тебе кажется, в провинцию. Ты ожидаешь, что тебя осыпят благами - ну, дадут большую зарплату и так далее. Но здесь Кавказ, - и Геракл придвинулся к моему уху, - территория большой кавказской чёрной зависти! Ты отличаешь белую зависть от чёрной? Белая зависть - это когда тебе хорошо и я стремлюсь, чтобы и мне было не хуже. А наша, кавказская, чёрная зависть - это если тебе хорошо, то я сделаю всё возможное, даже в ущерб себе, но чтобы тебе стало как можно хуже! Вот где мы живём! - патетически завершил свой монолог Геракл.

Что-то совсем непохоже на те прелести, которые Геракл рисовал мне в Москве, когда уговаривал приехать сюда. И я впервые, с болью в сердце пожалел, что выписался из Москвы. Ведь можно было не выписываться, а устроиться сюда на работу временно, как когда-то в ЦНИИС. А коли выписался, то кранты - обратно не пропишут - нет оснований! Кто не знает, что такое московская прописка в то время, тот не знает ничего про нашу бывшую великую Родину - СССР!

- Как же мне поступать? - с интересом спросил я Геракла.

- Молодец, ты просто молодец, что спрашиваешь меня об этом! Ты действительно мог вообразить себя таким заезжим витязем (Геракла потянуло на эпос!), и сказать руководству: «Дайте мне всё по максимуму - иначе я не буду у вас работать!» И они оттолкнул тебя, - Геракл легонько толкнув меня в грудь растопыренными коротенькими, но толстыми пальцами, показал как «они» будут делать это, - и всем скажут: «Не имейте дела с этим гордым чужаком - он не отдавать приехал на родину, а забирать от неё!» Все отвернутся от тебя - ты останешься один, и даже я - твой друг, не смогу помочь тебе. Ведь Тбилиси - очень маленький город, здесь все уважаемые люди знакомы и доверяют друг другу! А московскую прописку ты уже потерял - назад тебе пути нет! - будто прочёл мои мысли Геракл.

У меня внутри всё похолодело - я понял, как стратегически я «лажанулся», а извечный русский вопрос: «Что делать?», пока не давал вразумительного ответа. Зато другой, не менее русский вопрос: «Кто виноват?», предполагал чёткий и однозначный ответ: «Виноват только я - чудак на букву «м»!»

- Конечно, тебя есть родовая вотчина - Абхазия, где, как ты думаешь, тебя всюду возьмут, и квартиру дадут, и деньги большие. Но помни, что если Тбилиси - провинция, то Сухуми - провинция в квадрате, и законы там ещё более жестокие, чем здесь. Встретить и напоить тебя там могут, но места своего и денег своих никто тебе не отдаст! Да и нужно ли будет тебе это место - главного инженера чаеразвесочной фабрики, например? Академий наук и институтов механики там нет, и не будет никогда!

Я вспомнил любимые слова Бориса Вайнштейна: «Всё дерьмо, кроме мочи!», и понял, что внутри дерьмового кольца - тоже всё дерьмо, но дерьмо в квадрате - простите за тавтологию!

Геракл продолжал забивать мне баки и дальше, он вошёл в раж, на углах его красных мясистых губ появилась пеннистая слюна. Но я уже не слушал его, а, призвав всё своё холоднокровие, констатировал: проигрывать тоже надо уметь! Собрав все мысли и волю в кулак, я решил получить из создавшейся ситуации всё, что можно, по-максимуму, а потом уж «рвать когти» назад - в Россию! В Москву, конечно, уже не получится, но главное - в Россию, в любую точку этой любимой и доброй страны, которую я так глупо потерял!

Наш разговор с Гераклом кончился тем, что я написал заявление с просьбой принять меня на работу в отдел мобильных машин (машинистки почти всегда печатали «могильных машин», видно интуиция подсказывала им истину!), на должность младшего научного сотрудника. Геракл завизировал заявление, и я пошёл к руководству оформляться.

Директор института – «малахольный» Самсончик Блиадзе «бюллетенил», и я зашёл к его заместителю по научной работе Авелю Габашвили. Заместитель директора с библейским именем и княжеской фамилией был похож на недовольного и невыспавшегося льва. Когда я зашёл к нему в кабинет, он приподнял гривастую голову от стола и грозно-вопросительно посмотрел на меня. Я представился ему и подал заявление. Авель закивал головой и пригласил меня присесть.

- Так ты и есть тот московский «гений», о котором здесь все болтают?

Без ложной скромности я кивнул головой.

- Я бы этого не сказал, - снова становясь похожим на недовольного льва, процедил Авель – оставить Москву, хороший институт, потерять прописку, и поступить на работу к этому идиоту Маникашвили? Это о хорошем уме не свидетельствует, скорее, об его отсутствии!

- Где ты был раньше, Авель? – хотелось возопить мне, но я только согласно закивал головой.

- К этому трепачу, сплетнику, пьянице, шантажисту, доносчику и дебилу, страдающему манией величия? – продолжил перечислять Авель достоинства Геракла, - ну, это должно повезти, чтобы так опростоволоситься...

- А зачем вы такого на работу взяли? – осмелев, спросил я, в свою очередь, Авеля.

Он улыбнулся страдальческой улыбкой и, немного помедлив, ответил:

- Ты всё равно всё сам узнаешь, но так и быть, и я скажу. Мать этого дебила одно время занимала огромную, - и Авель поднял указательный палец высоко вверх, - должность. Не здесь, а у вас – в Москве. Вот она и обеспечила квартирами всех, кого надо, - Авель снова поднял палец кверху, только немного пониже, – здесь в Тбилиси, - и сделали они ему диссертацию, и приняли на работу начальником отдела... Нас не спросили!

- А Тициан... - хотел, было, вставить я слово, но Авель перебил меня, рыча, как вконец рассерженный лев.

- Что «Тициан, Тициан»? Ты думаешь, Тициан - святой? Или он всегда был тем Тицианом, что сейчас? Ты полагаешь, на такую, как у него, должность из Тбилиси назначают? И это возможно без помощи из Москвы?

Авель нахмурился и доверительно прошептал: - ты только пока не болтай, а через неделю тебе всё расскажут, только другие люди. Тогда болтай, сколько влезет! Мы, грузины, добро помним, только всему есть предел. Так что не думай, что твой шеф вечен. Выгоним его через пару лет, тогда будем искать другого начальника отдела. Умного, понятливого, тактичного, молодого, - и Авель быстро добавил, – но уважающего старших!

И Авель не меняя выражения лица, подмигнул мне: – Гаиге? (Понял?) – по-грузински спросил он меня.

- Диах, батона Авел! («Да, господин Авель!») – на высокопарном грузинском ответил я ему, чему тот, безусловно, был доволен.

Авель подписал мне заявление, и главное, вселил надежду. Начальник отдела – это 400 рублей чистой зарплаты, а там - премии и другие льготы академического института. Командировки за рубеж, элитные путёвки... Я раскатал губы и понёсся в бухгалтерию, отдел кадров, канцелярию, и снова к Авелю – подписать приказ. Когда меня оформили, Лиля уже ушла домой – в отделе Геракла все разбредались после обеда, включая и начальника.

- Вот стану начальником – это безобразие тут же пресеку! – успел подумать я, но сразу отогнал от себя эту несвоевременную мысль.

Положили мне, как младшему научному сотруднику без учёной степени (для получения её требовалось ещё утверждение ВАК – Высшей Аттестационной Комиссии, от которой я ещё хлебну горя!) – 98 рублей, столько же, сколько получала Лилия.

Чтобы подчеркнуть смехотворность этой суммы приведу популярную тогда блатную песенку:

Получил получку я -

Топай, топай,

Девяносто два рубля -
Кверху попой!
Девяносто - на пропой –
Толай, толай,
Два жене принёс домой -
Кверху попой!

И так далее...

Если учесть, что со времени написания этой песенки до моего оформления, инфляция съела минимум треть суммы, и то, что выражение «попой» в песенке было представлено более жёстким синонимом, можно понять, что сумма в 98 рублей была смешной. Килограмм мяса в Тбилиси на рынке стоил 10 рублей (в магазинах его просто не было), мужской костюм – 300...500 рублей. Это уже в магазинах, а на заказ – много дороже. Жизнь в Тбилиси была не менее чем вдвое дороже московской. Только разве чачу и местные фрукты-овощи можно было купить дешевле.

Таким образом, наша семья из шести человек с доходом 98 рублей (я) + 98 рублей (Лиля) + 105 рублей (мама) + 36 рублей (пенсия бабушки), была обречена на голод. Мы спасались, продавая то, что осталось после войны и голода 45-47-х годов. Ковры, гобелены, паласы, ценные книги, уцелевший антиквариат – вот наши кормильцы. Помню, маме удалось продать фарфоровый барельеф Рихарда Вагнера, изготовленный ещё при жизни композитора за 150 рублей, и мы были просто счастливы. Потом, консультируясь у специалиста, я узнал, что стоимость этой вещи была на порядок большей.

Возвращаясь из института домой, и, проходя через казармы, я встретил дядю Веню, моющего под краном свои резиновые сапоги после очередного похода в туалет. Мы поздоровались. Дядя Веня долго кашлял, пытаясь, видимо, «выкашлять» осколок, засевший у него в лёгких ещё в Сталинграде. Но это у него опять не получилось.

Мне не оставалось ничего другого, как рассказать ему, что я сегодня оформился на работу в НИИММППМ, и буду его соседом.

- А сколько положили? – пылливо поинтересовался старый еврей.

- 98 рублей! – уныло ответил я, но есть перспективы, - неуверенно добавил при этом.

Дядя Веня некоторое время постоял в задумчивости, покашлял ещё, а потом жёстко сказал: - ты стоишь ровно столько, сколько тебе платят! И сколько мне ни пытались внушить обратное, весь опыт жизни убедил меня в правоте моих слов!

Через несколько лет внезапно умрёт, сравнительно молодая ещё Мария Тихоновна, а старик Вениамин переедет в Израиль. Там он овладеет новой профессией – плетением корзин и станет зарабатывать столько, сколько ему не снилось в бытность майором. Наконец-то израненный героический старец, прошедший с победой от Сталинграда до Берлина, стал стоять теперь столько, сколько заслужил...

Как Дмитрий Иванович поссорился с Николаем Григорьевичем

Я защитил диссертацию 26 ноября 1965 года и успел до Нового Года отправить документы в ВАК для утверждения. ВАК или Высшая Аттестационная Комиссия была настоящей Тайной Канцелярией, а скорее Инквизицией для учёного люда. В нормальных странах учёные степени и звания присуждаются и присваиваются, соответственно, Советами университетов или иных научных центров. У нас же в СССР, а теперь и в России, на это должна дать «добро» ВАК. Если ВАК «заваливала» несколько диссертаций, защищённых в каком-нибудь Совете, то эта грозная ВАК разгоняла и Совет, как некогда большевики Учредительное Собрание.

В чём же дело, почему наши учёные, в отличие от зарубежных, терпели над собой такой изуверский контроль? А потому, что зарубежные учёные, в основном, ничего от государства за свои учёные степени и звания не получали. Захотел назваться профессором, ну и называйся, если не боишься, что тебя засмеют коллеги. А у нас, в СССР, и в так называемых странах

«народной демократии», государство за учёные степени и звания очень даже доплачивало, поэтому и контроль за этим был драконовским.

ВАК, состоявшая, в основном, из «выслужившихся» учёных и чиновников, под зорким надзором Партии, решала - кому быть доктором или кандидатом наук, или доцентом с профессором, а кому – не быть. Ну, разумеется, учитывались все полученные характеристики, заявления и анонимки (или, как говаривал мой «сожитель» по общежитию – Рябоконт Дмитрий Лукьянович – «онанимки»). Так что у нас, да и в странах «народной демократии», учёный особенно не разгуляется!

Пару слов о странах «народной демократии», может кто-нибудь даже и не помнит о таких. Я не буду говорить о том, что эти страны были созданы гением всех времён и народов, как буфер вокруг СССР. Не буду упоминать и о том, как мы наводили там порядок, если страны эти начинали чувствовать себя излишне независимыми, например, Польша, Венгрия или Чехословакия. Но скажу только, как можно было даже по названию страны определить, где больше демократии, а где меньше.

Разумеется, все страны были «республиками», что в переводе с латыни, попросту означает «власть народа». Некоторые из них были и «демократическими», что по-гречески, тоже означает «власть народа». Ну, а очень уж одиозные страны назывались и республиками, и демократическими, а к тому же и народными. Тройная тавтология!

Эти страны были самыми страшными – Корейская народно-демократическая республика, например. Там – не пикнешь! В Германской демократической республике, например, хоть и пикнешь, но о том пожалеешь! А в просто Народной республике Болгарии, например, плакай, сколько хочешь, но уж если очень надоешь – тогда только арестуют. А в стране, называемой «Королевство Швеция», где республикой и не пахнет, тем более народной или демократической, хочешь - плакай, хочешь - ори лозунги, а хочешь - молчи в тряпочку! Никто тебя не тронет, только людям не вреди, пожалуйста!

Да, есть что вспомнить! «Блажен, кто мир сей посетил, в его минуты роковые!» - как сказал тоже гений всех времён, но преимущественно, одного - русского народа.

Так вот, мне повезло и по кандидатской и по докторской диссертациям попасть под «каток» ВАК, причём совершенно не по своей собственной вине или глупости. Хорошо, только, что этот «каток» не успел переехать меня полностью, как того Рабиновича из анекдота, тело которого потом подсунули в квартиру его жены в щёлку под дверь. О докторской разговор ещё впереди, а по кандидатской у меня не было никаких страхов перед ВАК. Публикаций много, эксперимент – мощнейший, теорией – до сих пор пользуются, голосовали на Совете – единогласно! Так в чём же дело, какого рожна ещё этой ВАК было нужно?

А всё дело оказалось в том, что мой научный руководитель Дмитрий Иванович Фёдоров поссорился с уважаемым экспертом ВАК, ведущим учёным по нашей специальности – профессором Николаем Григорьевичем Домбровским.

Мой руководитель был фигурой неординарной – знаменитый спортсмен, учёный, изобретатель. А профессор Домбровский и вовсе эпатировал весь наш «отраслевой» научный мир. Скандалист, страстный любитель женского пола, спортсмен-экстремал и многое, многое другое.

Домбровский, несмотря на солидный возраст и очки с толстенными стёклами, был страстным мотоциклистом, как сейчас сказали бы – «байкером». Несколько раз он попадал в страшнейшие аварии, после которых его «собирали по частям». Но он снова выписывал новый гоночный мотоцикл из Чехословакии, и снова лавировал на нём между автомобилями на улицах Москвы.

А что можно сказать о его прыжках с мотоциклом в море? Профессор выбирал где-нибудь в Крыму высокий утёс над морем, разгонялся по нему на мотоцикле и, описывая баллистическую кривую, падал в море. Мотоцикл тонул, а профессор, обычно, выплывал. Потом мотоцикл вытаскивали со дна морского водолазы, перебирали и отлаживали его специалисты, и профессор снова совершал свой смертельный прыжок.

Вот таким был профессор Николай Домбровский, когда он руководил научной работой своего аспиранта – Дмитрия Фёдорова. А Фёдоров тогда изобрёл свой знаменитый полукруглый экскаваторный ковш и собирался делать на этом материале диссертацию. Проведя множество экспериментов, он отдал этот ценнейший материал своему научному руководителю на проверку и одобрение, а тот возьми, да и опубликуй этот материал под своим именем. Я читал эту огромную статью Домбровского, даже не зная ещё самого Фёдорова.

После этого защита Фёдоровым этого материала стала невозможной, и он несколько лет потратил на написание совершенно новой диссертации по кулачковым каткам. От огорчения знаменитый спортсмен даже получил язву желудка.

Диссертация была защищена, но с тех пор Фёдоров и Домбровский стали врагами. Ещё бы – бросить такую подлянку своему аспиранту, причём, наплевав на общественное мнение – ведь все вокруг всё знали.

А я был первым аспирантом, защитившим диссертацию под руководством Фёдорова. Естественно, что её нашёл и взял к себе на рецензию эксперт – «чёрный оппонент» ВАК Домбровский.

А через некоторое время я получаю в Тбилиси вызов на экспертную комиссию ВАК по моей диссертации. Руководство НИИММПМ отпустило меня в командировку, но вместе с Гераклом Маникашвили. Ожидал я поездки с двойственным чувством – с одной стороны знал, что скоро увижу Таню, а с другой – понимал, что просто так в ВАК не вызывают.

С Таней мы общались в эпистолярном жанре. Я писал ей многостраничные письма, где доминировала одна и та же тема. Не могу жить без неё, не могу находиться на таком расстоянии от неё, не могу представить её с кем-нибудь другим. Таня отвечала сдержанными письмами с подробным описанием своей жизни без меня. Другие мужчины в этих письмах не фигурировали. Я писал Тане домой, а она мне на Главпочтамт, до востребования. Почта тогда работала быстро, точно и надёжно.

И вот мы с Гераклом, запасясь чачей и закуской, садимся в московский поезд, который отправлялся часов в 5 вечера, а прибывал в Москву через день утром, часов в 11.

Отношения мои с Гераклом были по-кавказски изощёрнёнными. Мы изо всех сил корчили из себя друзей, часто выпивали вместе, в том числе и на работе. Но отзывались друг о друге соответственно: я – повторял мнение о нём Авеля Габашвили и говорил, что я с этим согласен; Геракл же отзывался обо мне, как о совершенно несамостоятельном человеке, нуждающемся в постоянной опеке и руководстве.

К моему удовлетворению, Тициан Трили закрыл никому не нужную тематику отдела Геракла и дал единственную тему – разработку гибридного источника энергии автомобиля на основе моих разработок - супермаховиков и вариаторов. Академик Трили смотрел далеко, может быть даже излишне далеко, вперед.

Работа эта нужна была Маникашвили для выполнения плана научных работ и приобретения научного веса, а мне – в качестве материала для докторской диссертации и апробации моих изобретений. И мы временно стали союзниками, прекрасно понимая, что это ненадолго...

Полезное соседство

Мы с Гераклом ехали в Москву, уютно устроившись в двухместном купе «международного» вагона. В академическом институте нам оплачивали такой проезд. Мы открыли чачу, распаковали закуску, и принялись за знакомое дело. Часа через два после отхода поезда, когда состав уже шёл в горы и приближался к знаменитому Сурамскому тоннелю, мы были уже «хороши», и нашего купе нам стало мало. Мы пошли знакомиться с соседями. И первым же делом познакомились с девушкой из соседнего купе, по имени Люба.

Люба ехала одна в двухместном купе. Судя по тому, что к ней никого не подсаляли, купе было оплачено целиком. Она была небольшого роста невзрачной девицей лет двадцати пяти. Невыразительное лицо с серой пористой кожей, неказистая фигурка – мы с Гераклом никогда не

обратили бы на неё внимания, если бы не два обстоятельства. Первое – мы уже хорошенько выпили, а второе – было в её поведении что-то, влекущее к ней, какая-то скрытая власть над мужским самосознанием, природу которой мы не сразу распознали.

Через пару минут мы уже сидели в купе Любы. У Геракла нашлась бутылка хорошего «Киндзмареули» и вяленая хурма – для Любы, ну а мы сами продолжали угощаться чачей и холодными поджаренными купатами. Разговор начали мы, как водится, со знакомства. Коротко рассказали о себе, куда и зачем едем, а продолжила Люба. Говорила она медленно, смакуя свои фразы, а мы лишь иногда заинтересованно переспрашивали её.

Я передаю рассказ Любы, как я его запомнил.

- Вот вы, ребята всё пытаетесь меня удивить – Академия Наук, начальник отдела! Ну а мне, честно говоря, плевать на то, кто вы. Я как лифтёр в министерстве - и министров вожу, и рабочих, и никому не удивляюсь. Видела я всякого вашего брата - и артельщиков, и воров, и секретарей райкомов и обкомов... Может только вашего первого секретаря Мжаванадзе, ещё не видела, но не удивилась бы и ему тоже, если бы он сюда ввалился! Я – проститутка, и наезжаю к вам на работу в Грузию, в город Гори, где когда-то родился Сталин. Сама я из Ростова, у меня живут там муж и сынок пяти лет. Муж когда-то работал в НИИ техником, ну а потом я его освободила от работы – пусть за ребёнком смотрит. А денег я за нас двоих заработаю!

Раньше я работала учительницей в младших классах, из нужды не вылезали. Муж 80 рублей получал техником в НИИ. Родился ребёнок – что делать, как жить? И вот подруга посоветовала поехать в город Гори к её хозяйке, вроде на отдых, а там видно будет. Она туда месяца на два ездит – подзаработает, и домой. Поиздержится – и снова в Гори. Там говорит, без денег не останешься, к тебе клиент, как на работу будет ходить.

Собралась и поехала, рекомендательное письмо с собой от подруги взяла. Еле отыскала дом этой бабки, чуть не изнасиловали по дороге. Да, я знаю, что не красавица, но ведь им на Кавказе всё равно, какая ты. Лишь бы бабой была – раз, русской – два, и новой – три. Местные жёны к нам своих мужей и не ревнуют, вроде мы как куклы надувные, а не живые бабы.

Ну, устроилась я на постой у бабки, и в тот же вечер – на тебе, клиент – милиционер участковый. С милицией ссориться не резон, запустила его в комнату, а он потом ещё и пятёрку даёт: - ты, говорит, меня вообще бесплатно должна обслуживать, но чтобы не думала, что я жадный!

Ну и заработала живая газета и беспроводный телефон: повалил клиент так, что очередь стала выстраиваться. Я спрашиваю, что жёны ваши вам не дают, что ли? Клиент рожу кривит, отмалчивается. А один рассказал анекдот, чтобы я, значит, поняла ситуацию.

От некого грузина по фамилии Коридзе беременели все бабы в округе. Ну и доктор гинеколог всем аборт делал. А тут заявляется жена этого Коридзе и жалуется доктору на бесплодие. Доктор удивляется и велит позвать мужа. Приходит Коридзе, а доктор и говорит:

- Слушай, Коридзе, от тебя по всей округе бабы беременеют, а свою собственную жену чего же не можешь забрюхатить?

- Коридзе в нэволе нэ размножаются! – гневно ответил грузин и ушёл.

Люба неожиданно засмеялась.

- Был и у меня один по фамилии Коридзе – секретарь райкома. Приехал на «Волге», забрал на «Станок» - район такой, завёл в гостиницу. Старается, старается – ничего не выходит. А я смеюсь – что же ты, Коридзе, и на воле тоже не размножаешься? А какую гордую фамилию носишь – «Орлов» по-русски! Но не орёл, не орёл!

Вспылил Коридзе, даёт мне сто рублей и говорит: «Всем скажешь, что Коридзе две палки не вынимая бросил, а то тут же уедешь назад к себе в Россию!». Вот я всем так и говорила, а вам первым правду сказала.

Моя такса была – 25 рублей, одной бумажкой. Что я, сдачи что ли, буду давать, ещё этого не хватало! Чай, не в магазин пришли! Ну, сосед, через улицу живёт, молодой, интересный такой – с него всего десятку брала.

- У тебя же жена красавица, молодая, чего ко мне некрасивой ходишь? – спрашиваю. А он и отвечает: - нам всё равно, какая ты с лица и фигуры, главное – ты новая и русская. Какой же я

«важкаци», если у Любы ещё не побывал? Да меня в Гори все уважать перестанут и жена тоже! («Важкаци» - это вроде нашего - «мужик», «молодец»; «важи» - это отрок, «каци» - мужчина. Получается что-то вроде «молодой человек», но с оттенком силы и мужества. Грузины обращаются друг к другу – «кацо», т.е. «мужик»; отсюда их иногда уничижительно называют «кацошками»).

- Люба, сколько же мужиков у тебя обычно бывало за день? – поинтересовался я, но тут же исправился, - за ночь?

- Нет, ты правильно сказал, именно за день. Ночью я отдыхала, по ночам «кацошки» спали с жёнами. А так, в среднем по пять-шесть кобелей за день бывало, иногда и больше подваливало, но это уже перебор! А что, продолжила Люба, – я как замуж вышла, то и с мужем первое время столько же раз трахалась, правда, за ночь. И всё бесплатно! А так, глядишь, в месяц тысячи по три-четыре набегает. Ты-то сколько сам за месяц получаешь?

- Девяносто восемь! – скромно потупившись, ответил я.

- Батюшки – светлы! – изумилась Люба, – да у тебя месячной зарплаты и на четыре палки со мной не хватило бы! Как же ты живёшь вообще, страсть-то какая!

Я почувствовал какую-то симпатию со стороны Любы, она ласково погладила меня по голове и по плечам.

- Ишь ты, мускулистый какой, небось, физическим трудом подрабатываешь? – высказала свою догадку Люба. Я ничего не ответил ей.

Близилась полночь, и я, опрокинув ещё стаканчик чачи, высказал то, о чём думал с самого прихода в купе к Любе.

- Люба, ты едешь одна в купе, Ростов будет только завтра. Выбери одного из нас, и пусть он останется с тобой, а другой уйдёт! Я наполнил стакан Любы вином, наши с Гераклом – чачей.

- С кем из нас ты чокнешься, тот останется, а другой выйдет!

Мою страстную речь Геракл выслушал, потупив взор, как юная гимназистка.

- Чувствует гад, кому выходить придётся, - злорадствовал я, - что ж, где-то должен быть победителем и я!

Я несколько не сомневался, что Люба чокнется со мной. Но она решительно подняла свой стакан, чокнулась со стаканом Геракла, который тот даже не поднял, и выпила.

Я мигом отрезвел, поставил свой стакан на стол, и тут же вышел, хлопнув дверью. Ничего не понимая, я ошарашенно зашёл в туалет (ну, не писать же от огорчения в штанишки!) и, стоя у унитаза, мучительно думал.

- Почему она предпочла Геракла? Он - старый, толстый и некрасивый! В чём же дело? Чего-то я совсем не понимаю! Какое-то извращенное восприятие мужиков у Любы? – лихорадочно перебирал я свои мысли, вспоминая главы про «болезненные проявления полового влечения» из моей настольной книги «Мужчина и женщина».

Стоять над унитазом пришлось довольно долго (чачи-то выпито было немало!) и, когда я, забыв от огорчения даже сполоснуть руки, снова зашёл к себе в купе, то увидел там... лежащего на своей постели Геракла.

Я аж замотал головой от изумления. Да, чего-то я совсем не понимаю в жизни, наверное, мне действительно нужен руководитель и опекун, как об этом треплется всем этот мерзавец Геракл! Вытаращив глаза, я смотрел на лежащего Геракла, как на фантом или привидение.

- Ты почему здесь, а не у Любы? Она же выбрала тебя! – сдавленным голосом спросил я у Геракла.

Геракл присел на постель, пригласил сесть и меня, достал из сумки ещё одну поллитровку чачи.

- Вот вы все думаете, что Маникашвили – идиот, Маникашвили – дебил. Но не в такой степени, как кричит всем об этом подлец Авель Габашвили. Мне сорок пять лет, и кое-что я в жизни понимаю!

Геракл стал разливать чачу по стаканам.

- Ты думаешь, почему она выбрала меня, а не тебя? Ты же был уверен, что она оставит тебя – ты же молодой, сильный, красивый? Да для неё все мы, кавказцы – кобели, «кацошки», мы –

лишь источник её наживы. А что она может получить от тебя – ты же сам сказал, сколько получаешь. К тому же ты молодой и красивый, ещё сам попросишь на бутылку, зная, какая она богатая. А с меня ей может и перепасть четвертной, чего же ночь терять без заработка? Мужу пригодится рубашку купить. Но у меня тоже есть гордость – не такое уж я дерьмо, как вы с Авелем думаете, вот я поблагодарил Любу и вышел!

Мы отпили по полстакана, и я не выдержал. Резко открыв дверь, я вышел в коридор и стал стучать в купе к Любе.

Удивительно, но она открыла. Впустив, пригласила меня присесть и предложила допить мой стакан чаи.

- Не выливать же добро, оно денег стоит! – многозначительно добавила она, - а ты не такой богатый. Я знаю, зачем ты пришёл. Ты ещё молодой и глупый, прости меня за прямоту. Так выслушай меня, может это тебе пригодится. И без обид, пожалуйста.

- Что ты, что твой начальник, что секретарь райкома – вы все нерусские мне безразличны, даже не противны, а именно безразличны. Вы, не мужчины – кавказцы, не люди, а кобели. Вы не уважаете женщину, вы ничего не понимаете в ней. Вам не нужна ни её красота, ни её душевные качества. Вам лишь бы «отметиться», «кинуть палку». Поэтому и к вам такое отношение. – Не мотай головой, - резко сказала она, - ты же сам рассказывал, что у тебя любимая женщина в Москве, что она такая красивая, добрая и так любит тебя. Да и ты не можешь жить без неё! А напрашивался трахаться ко мне, некрасивой проститутке, которую первый раз в жизни видишь! Ну, не кобель ли ты после этого?

- Допустим, оставила бы я тебя у себя. А что с тебя брать, кроме, прости меня, мочи на анализ? А с твоего начальника можно было бы и слупить чего-нибудь, не будь он таким хитрым! А теперь – иди к себе в купе и дай мне выспаться! Меня муж будет встречать, мне надо хорошо выглядеть! Я допил чачу и вышел не попрощавшись. Люба захлопнула за мной дверь и заперла её на замок.

Московские мытарства

Ростов мы с Гераклом проспали, хотя и договорились «проводить» Любу и «посмотреть в глаза» её мужу. Проснувшись поздно, мы снова принялись за прежнее, и допились до того, что начали целоваться. Я называл Геракла гением, а он меня – надеждой грузинской науки.

- Не мешай мне делать тебе добро! – как обычно с пеной на углах губ, убеждал меня Геракл. – Кто я такой? – риторически спрашивал себя Геракл и сам же отвечал: я – утильсырьё! Я скоро уйду с моей должности, но я должен воспитать тебя достойным преемником! Иначе они – эти сволочи – растерзают, разорвут тебя на части! И не спасёт никто, даже я, если уйду с моей должности!

Геракл, видимо, был «помешан» на своей должности, тем более чувствовал, что «они, эти сволочи», вскоре всё-таки спихнут его и назначат «молодого, но уважающего старших». И он хотел, чтобы у этого «молодого» создалось впечатление, что именно он, Геракл, готовит его на своё место. Чего только не вообразишь себе по-пьяни!

Я, целуя Геракла, благодарил его «как брата» и корил себя за то, что думал о нём плохо, попав под влияние «этих сволочей». Подъезжая к Курску, мы допились почти до чёртиков и чудом не сошли с поезда, почему-то в поисках шампанского. В результате уже в Москве проводник так и не смог нас поднять. Поезд, простояв на Курском вокзале положенное время, уехал в тупик на Каланчёвку. Мы проспали в вагоне ещё часа два и только потом, бодая головами двери, стены, и другие препятствия, вышли из тупика на площадь Трёх вокзалов. В ближайшем магазине Геракл взял-таки бутылку шампанского и исполнил «мечту идиота». Мы откупили её, и выпили из горла, обливаясь пеной. Была середина марта, в Москве на газонах лежал снег, а тротуары уже были в жидкой грязи.

Таня работала днём и должна была прийти домой часов в пять вечера. Поэтому мы с Гераклом поехали в гостиницу «Москва», где у него был «блат» с администрацией. Он устроился в номер, и мы успели там ещё выпить. Затем, уже в шестом часу я, волнуясь, позвонил Тане и,

наконец, услышал её голос. Голос был весёлым, она, конечно же, поняла, что я «выпимши». Я писал Тане, что еду с начальником, и она пригласила нас зайти к ней в гости вместе.

Мы взяли «что положено», поймали такси и вскоре были у знакомого до боли дома № 6 по Ивовой улице. Таня весело встретила нас в подъезде, мы долго целовались, Геракл говорил, что завидует нам и так далее. Игорька дома не оказалось, он опять был у тётки Марины. Таня сказала, что специально оставила его там, зная о моём приезде.

Я был рад видеть Таню такой весёлой и похорошевшей – ведь оставил я её плачущей, больной и отощавшей до предела. Геракл продолжал надоедать нам своей «завистью», пока Таня, почесав в голове, ни пригласила знакомую - соседку по дому – Тосю. «Она с водителями гуляет, чего бы ей с твоим начальником не гульнуть!» – шепнула мне Таня.

Вскоре подошла и Тося - полненькая смешливая дамочка, чуть постарше нас с Таней, и мы дружно «загудели».

Проснулся я в постели с Таней и узнал, что Геракл увёз Тосю к себе в гостиницу. Я с поспешностью бросился исполнять свой мужской долг, ещё не вполне веря в реальность происходящего.

Да, Таня была той же, что и раньше. Можно было даже надеяться, что у неё за это время никого не было. Хотя, кто их, баб, знает! Я вспомнил, как чуть было ни изменил Тане с Любой. Ладно бы, просто изменил, а ведь мог и «нехорошую» болезнь принести. Там, в Гори, если и слышали про презервативы, а может, даже кто-нибудь и видел их «живьём», то использовать всё равно никто бы не стал. Не джигитское это дело – резинками баловаться! Риск – благородное дело, да и потом в то далёкое время этот риск был не смертельным – СПИДа ещё и в помине не было!

Что меня толкнуло на попытку секса с Любой? Ведь Таню я любил искренне, жестоко страдал без неё. Мечтал увидеть её и жил этой мечтой, особенно садясь в поезд. Отчётливо осознавал, что Люба некрасива, совсем не в моём вкусе, и она не скрывала, что пропустила через себя сотни, если не тысячи мужчин. До сих пор не могу понять, что сподвигнуло меня на моё предложение «одному выйти». Нет, наверное, это не только выпивка. Видно, права была опытная Люба, сравнившая нас с кобелями.

В ВАК я был приглашён на 17⁰⁰. Комиссия эта находилась в здании Министерства высшего и среднего специального образования СССР, что на улице Жданова (теперь – Рождественке). Как заканчивало работать Министерство, начинали работать секции ВАК. Я, показав приглашение, зашёл в помещение, нашёл нужную комнату, сел на свободный стул в коридоре и стал ждать вызова.

Надо сказать, что днём я успел зайти в ЦНИИС к Фёдорову и Недорезову. Впервые увидев их после Грузии, я понял, насколько они близки и дороги мне. Люди смотрят прямо в глаза, от них не ждёшь фальши, лицемерия, обмана. Если нужно сказать правду – они говорят её, им бояться некого. Даже трудно предположить, что они относятся к тому же роду, что и люди на Кавказе. Или это так мне повезло с моими знакомыми - тут и там?

Я рассказал Фёдорову о моём вызове в ВАК. Он сразу погрузился, тихо проговорил: - Это козни Домбровского! - и продолжил, - Нурибей, ты должен знать, как он выглядит – это худой высокий, прямой старик с гривой седых волос. Он страшно близорук, носит очки с толстыми стёклами, постоянно щурится и держит бумажки, которые читает, у самого носа. Разговаривает очень эмоционально, умеет привлекать слушателей на свою сторону. Несмотря на умные речи, ни черта, - Дмитрий Иванович пристально посмотрел мне в глаза и повторил, - ни черта не понимает в науке! Уже не понимает, - поправился он, - наверное, раньше что-то и понимал. Он тут же будет хулить меня перед всеми, обвиняя во всех грехах, но ты соглашайся. – И, заметив, что я собираюсь возражать, повторил с металлическими нотками в голосе, - соглашайся, а то он впадёт в ярость. Я просто требую, чтобы ты соглашался, мне плевать на его мнение, а вреда он может принести много. Это очень опасный человек!

Имея такое напутствие Фёдорова, я сидел на стуле у дверей комнаты секции «Строительные и дорожные машины», и смотрел на входящих туда людей. Проходили какие-то полные дамы, пожилые мужчины в помятых костюмах и с шаркающей походкой. И вдруг - я

увидел именно того, кого описал мне Фёдоров: высокий, прямой, элегантный пожилой человек с длинными седыми волосами, одетый в отглаженный, отлично сидящий на нём серый костюм. Человек быстрой походкой зашёл в дверь, но я успел заметить, что он держал под мышкой – это был хорошо знакомый том моей диссертации в тёмно-коричневом коленкоровом переплёте.

- Домбровский! – с ужасом подумал я, и стал ждать вызова, как на Страшный суд.

Наконец из двери высунулась строгая женщина в очках и позвала: «Гулия!» Я поднялся и вошёл. Меня пригласили сесть на стул возле стены. Передо мной стоял длинный стол, за которым сидели входившие в комнату немолодые люди, совершенно безразлично, без всякого интереса, глядевшие на меня. Так глядят даже не на вазу, не на унитаз, а так глядят на штепсель, радиатор водяного отопления, стул, наконец. Без тени каких-либо эмоций, ни положительных (ваза), ни отрицательных (немытый унитаз).

- Слово предоставляется профессору Домбровскому Николаю Григорьевичу – эксперту по рассматриваемой работе.

Эксперт - это «чёрный оппонент ВАК», - успел подумать я, и Домбровский начал говорить.

Говорил он быстро, читая по листку, который держал у самого носа. Речь, по сути дела, шла о том, что научный руководитель навязал диссертанту из пальца высосанную тему и заставил провести его весьма трудоёмкие исследования, включая сложный и опасный эксперимент. Ни малейшей пользы практике или науке из этой работы извлечь нельзя, это даром потраченный, огромный труд диссертанта! – заключил, уже не глядя в листок Домбровский.

- Всё ясно! – донёсся до меня голос одного из присутствующих - старика в помятом костюме. Он взглянул на часы и спросил у строгой женщины в очках: - есть там ещё кто-нибудь?

Строгая женщина покачала головой и сказала мне: - можете идти, наше решение вы получите по почте, у нас, как вы понимаете, ваш адрес есть!

Я вышел из ВАК в похоронном настроении. Зашёл в магазин, взял бутылку дагестанского портвейна и пошёл к метро. По дороге я догнал парочку экспертов ВАК, которые только что рассматривали мой вопрос – полную даму и старика в помятом костюме. Они медленно ковыляли, обсуждая, как ни странно, мой вопрос. Я ожидал какого-то сочувствия, защиты, что ли, но вот что я услышал:

- Странный человек этот Николай Григорьевич! Если диссертация ему не понравилась, зачем говорить о трудоёмких исследованиях? Ведь этим он затрудняет вынесение решения! – говорила полная дама.

- Да что там размышлять, отклонить и всё! – парировал старик в помятом костюме, - будем ещё голову ломать над ерундой!

Это был приговор! Я обогнал «сладкую парочку» и зашёл в метро. Дома у Тани я застал Геракла с Тосей. Видимо, наш Ромео зашёл за Тосей, чтобы взять её с собой в «Москву», а по дороге заглянули к Тане. Я рассказал о моём неудачном визите в ВАК. Таня была очень огорчена и даже сказала: - мне кажется, они тебя никогда не утвердят!

А Геракл загадочно улыбнулся, потупив взгляд. Я же принял про себя решение позвонить Домбровскому и встретиться с ним.

Хорошие вещи - вино и любимая, желанная женщина рядом! Обо всём печальном позабудешь, если они с тобой!

Утром я доложил Фёдорову о моём посещении ВАК и обо всём, что там произошло. Дмитрий Иванович обречёно махнул рукой: - Плохо всё это, не знаю, что и посоветовать! Ведь этот чёрт не отлипнет, пока не утопит окончательно!

Я взял у Фёдорова телефоны Домбровского – домашний и служебный, и, не откладывая в долгий ящик, позвонил ему на работу прямо из ЦНИИСа. Работал Николай Григорьевич заведующим кафедрой в Московском Инженерно-строительном институте.

У меня поинтересовались, кто спрашивает Домбровского, и вскоре соединили. Я в чрезвычайно вежливых тонах попросил Домбровского о встрече, мотивируя тем, что живу далеко, и хотелось бы посоветоваться о дальнейших моих действиях. Домбровский говорил со мной довольно благосклонно, и предложил вечером зайти к нему домой, на Хавско-Шаболовский

переулоч. Я до сих пор помню в трубке его какое-то необычное, может быть даже польское произношение: - «Хавско-Шаболовский!».

В назначенное время с точностью до секунды я позвонил в дверь Домбровского. Он открыл мне сам и проводил к себе в кабинет. Большая комната была вся в стопках книг, рукописей, папок, рулонах чертежей, нередко лежащих прямо на полу. Этакая лаборатория Лавуазье или Торричелли со старинного рисунка...

Домбровский усадил меня в кресло и, с места в карьер, стал «поливать» Фёдорова. Что у него нет ни одной здоровой идеи, раз он подсунул мне такую «тухлую» тему, что общего между маховиком и скрепером, до такого мог только полоумный додуматься...Я утвердительно кивал, выслушивая его «комплименты» фактически в мой адрес.

- Что же вы посоветуете мне делать? – наконец спросил я маститого учёного, который, как я понял, совершенно «не сечёт» в науке (прав был Фёдоров!).

- Да всё просто, - оптимистично заявил Домбровский, - вы делаете новую диссертацию на другую тему и с другим руководителем. Опыт у вас уже есть, всё будет быстро, могу посоветовать вам и тему и руководителя! Подумайте!

Я поблагодарил Николая Григорьевича за помощь и попросил разрешения позвонить, как надумаю.

Вечером я опять встретил Геракла и Тосю у Тани и рассказал им о визите к Домбровскому. Геракл улыбался ещё загадочней, но ни слова не вымолвил. Назавтра я снова был в ЦНИИСе, рассказал о визите в «логово врага». Фёдоров заметил, что в таком же тоне Домбровский предложил и ему заменить тему диссертации. А затем вдруг вспомнил, что утром позвонил в лабораторию один далёкий знакомый, работавший ранее в ЦНИИСе, а потом продвинувшийся по «министерской линии». Он почему-то спрашивал Гулия и просил позвонить ему по оставленному номеру телефона.

- Хочу сказать, что человек этот – с сомнительной репутацией, - осторожно предупредил меня Фёдоров, - как бы выразиться, ну, типа авантюриста, что ли. Сейчас работает, кажется, в Минвузе.

По номеру оставленного телефона я понял, что это недалеко от ВАК – та же телефонная станция. Я тут же позвонил Семёну Натановичу (так он назвал себя в своём звонке в ЦНИИС), он оказался на месте.

- Послушай, Гулия - он сразу обратился ко мне запанибрата, - есть разговор, полезный для тебя. Я тебя помню по ЦНИИСу, ты там пьянствовал и хулиганил, мы тебя за это уважали! Давай встретимся в скверике перед Политехническим музеем. Сядь на скамейку, я тебя узнаю сам. Часам к трём, успеешь? Ладушки!

Я заспешил на встречу к Семёну Натановичу, совершенно не представляя, кто это и что за полезный разговор меня ожидает. Не успел я присесть на скамейку, как ко мне подлетает мужчина лет сорока в расстёгнутой дублёнке и меховой шапке «Иванушка-дурачок», весьма модной в то время.

- Привет, Гулия – с места в карьер обратился Натаныч ко мне, - говорят, что у тебя с ВАК отношения испортились. Знакомые ребята сказали - надо помочь, человек он неплохой, но попал в сети к этому старому пауку Домбровскому. Скажи, сколько ты будешь получать, если станешь кандидатом? – поинтересовался Натаныч.

- Рублей триста, - неуверенно ответил я.

- Ну, ладно, давай триста рублей, я передам их инспектору, он положит твою работу в стопку утверждённых. Маразматики проголосуют оптом за всё, и тогда твой Домбровский тебе уже не страшен. У нас – сила в коллективе!

- Но у меня сейчас нет таких денег! – в ужасе пробормотал я.

- Нет сегодня, будут завтра! – жизнерадостно заключил Натаныч, - итак, завтра в три часа здесь же!

Я был в недоумении – где взять деньги. У Геракла – точно не будет таких с собой. Да ведь у меня есть в Москве дядя! – и я помчался к нему домой, не позвонив даже по телефону. Дядя оказался дома. Он подозрительно осмотрел меня, сказал, что в Москве без звонка не принято заявляться, и спросил, в чём дело.

Я сбивчиво рассказал ему всё, как было, и попросил триста рублей займа. – Мне больше негде взять! – взмолился я.

У дяди задёргался глаз.

- На взятки – никогда! Попросил бы на жизнь, сказал бы, что голодаешь – дал бы. Но на авантюру, на взятку – не дам! Попадутся твои дружки, потянут тебя, а откуда деньги – от меня! И поехало-покатилось! Я ничего не слышал от тебя и не видел тебя сегодня! – закончил дядя, и я ушёл не солоно хлебавши.

Я стал успокаивать себя, что всё равно ничем Натаныч уже помочь мне не сможет, только обдерут ещё на триста рублей. А дома всё рассказал Тане, благо Геракла с Тосей сегодня в гостях не было. Таня всё восприняла серьёзно.

- Ты знаешь, у нас многое сейчас таким образом и делается. И я удивлена словам твоего дяди, что он жизни не знает, что ли? Я дам тебе эти триста рублей, у меня они на книжке, только обещай, что вернёшь, ладно? А то трудом всё заработала!

Мы с Таней вышли из дома, перешли улицу и зашли в сберкассу. Народу не было, Таня быстро сняла с книжки нужную сумму и там же передала мне. Я опять понял, что многого не смыслю в жизни. В первую очередь я ожидал помощи от богатого дяди, но ошибся. Может быть, действительно надо было соврать, не говорить правды. Конечно же, дядя опасался за своё достаточно высокое положение в обществе и знал, что в случае чего, я и на суде правду скажу. Но от Тани, с которой у меня были даже не семейные, а любовные отношения, и которая сама нуждалась в деньгах, я такого поступка не ожидал. Да за любовь люди не то, что деньги, жизнь отдают! Но всё это для меня было в книжках, а чтобы в жизни – впервые! Я, конечно же, сразу переслал Тане деньги, как только вернулся в Тбилиси. Перезанял, у кого смог, и выслал.

Назавтра я снова встретился с Натанычем на том же месте, в тот же час. Он снова спешил, взял деньги, не пересчитывая, а на прощанье сказал:

- Что ж, старик, на это уйдёт месяца два, не меньше. К лету получишь извещение! Бывай! – и исчез как Коровьев или Азazelло, уже не помню, кто из них исчезал так внезапно.

Когда я в последние годы вспоминал этого Натаныча, то понимал, что он очень уж похож лицом на кого-то из известных авантюристов. А недавно понял – на Березовского, молодого Березовского. Простите – уже Платона Еленина, ведь он поменял фамилию, как некогда Апфельбаум на Радомысльского! И что ж – всё, как в любимом мной Фаусте: вроде, Натаныч, являясь «частью той силы, которая должна творить зло», в данном случае сотворила благо! Причём – объективно!

Постепенно прошла неделя, выделенная нам с Гераклом на пребывание в Москве. Мы подписали наши командировочные удостоверения в ЦНИИСе, устроили прощальный ужин в ресторане на знаменитом третьем этаже «Москвы» и поехали на Курский вокзал. Таня с Тосей проводили нас, дождавшись отхода поезда, и идя за вагоном, махали нам руками.

Прощаясь на вокзале, Таня отвела меня в сторону, и кроме слов любви, которые были взаимными, предупредила меня, чтобы я не трепался о делах с Натанычем никому, особенно Гераклу, даже по-пьянке.

- Он очень плохой человек, я это нутром почувствовала, опасайся его и не сближайся с ним! – на прощанье сказала мне она.

Итак, поезд отошёл, и мы с Гераклом принялись за наше любимое занятие – пьянку. Он утешал меня, что всё будет хорошо, что даже если всё будет не так, как хотелось бы, то у меня хоть есть жена и любимая женщина, а у него – Геракла, и этого нет.

Жена Геракла неожиданно умерла от острого панкреатита в возрасте двадцати девяти лет. Это случилось ещё до моего поступления на работу в Тбилиси, во время последнего визита с посещением академика Трили и встречей с классиком – академиком Мухелишвили. Я был на панихиде в доме Геракла и видел, как он убивался от горя. Жена была гораздо моложе Геракла, и он её очень любил. Мне показалось, что он слегка «тронулся» после смерти жены, стал немного неадекватным.

Весь следующий день Геракл посвятил заботам о моей дальнейшей жизни в Тбилиси и нашему взаимодействию в связи с создавшейся ситуацией.

- Я понял, - начал Геракл, - что тебя никогда не утвердят кандидатом наук. У вас в Москве люди ещё более жестокие и беспощадные, чем у нас. У нас пожурят, укажут тебе на твоё место – и простят. А у вас, - Геракл сделал зверское лицо и клацнул зубами, - горло перегрызут! Домбровский не зря советовал тебе взять другого руководителя, конечно же, он имел в виду себя. Но Москва далеко, туда не наездишься. А эксперимент – тоже будешь ставить в Москве? Да и нужен ли тебе вообще научный руководитель? И да, и нет. С одной стороны - ты уже созревший учёный, и никакой руководитель тебе не нужен. Ну, а с другой стороны – ты ещё неопытный в политике, во взаимоотношениях с людьми. И тогда тебе нужен руководитель – такой как я - друг-руководитель! Ты будешь делать науку, а я буду принимать на себя удары «этих сволочей». Тронув тебя, они затронут меня, а значит, и самого Тициана! Мы быстро создаём гибридный двигатель и испытываем его, пишем диссертации – я докторскую, с твоей, конечно, помощью, а ты – кандидатскую, с помощью моей. Я буду ограждать тебя от нападок, принимая их на себя, ускорять изготовление механизмов. Как начальник отдела, я огражу тебя от всех посторонних дел, я скажу – не троньте его, он талант, пусть, когда захочет, тогда приходит на работу и делает там то, что захочет! А деньги будете приносить ему домой!

Пена снова выступила на углах рта Геракла. Он был в экстазе.

- Ну, а потом я защищаю докторскую диссертацию, а ты – через месяц - кандидатскую! Всё это в Грузии, где нас никто тронуть не сможет – мы под крылом у Тициана!

- И тогда я скажу им, - я уйду на научную работу, я стар для административной работы начальника отдела, вот, - и Геракл, указал на меня, - вот новый начальник отдела, который прославит грузинскую науку!

Геракл в красноречии превзошёл сам себя. Он так и застыл в Цицироново-Демосфеновой позе с поднятой рукой, вытаращенными глазами и пеной на углах губ. Я замотал головой - чур, меня, чур! Не приснилось бы такое ночью, а то заикой навек останешься!

- Спасибо тебе Геракл, спасибо! – думал я про себя. Знаю, как ты будешь руководить мной, знаю, как защитишь меня от «этих сволочей»! Но также я знаю, как вести себя по приезду в Тбилиси, как лицемерить с тобой, исполняя необходимое для себя. Твоим же оружием добыю я тебя! Одно только единит нас теперь – быстреее исполнение установки в металле и её испытания на автомобиле!

Криминальные испытания

Прибыв в Тбилиси, мы с Гераклом продемонстрировали нерушимое единство взглядов и действий. Геракл целиком направил единственного дееспособного сотрудника отдела - Виктора Ивановича Бута – на изготовление деталей «гибрида», чертежи на который уже имелись, а остальным сотрудникам было велено исполнять все мои требования. Но если честный Виктор Иванович, соскучившись по настоящей работе, с душой взялся за дело, то все остальные попросту саботировали мои распоряжения. Жена по-прежнему уходила с работы после обеда, машинистка отказывалась печатать, а остальные сразу сделали вид, что не понимают по-русски.

Но, честно говоря, они и не нужны были пока, а вся загвоздка оказалась в том, что мастерские, целиком и полностью занятые облегчением гирь, отказывались работать по делу. Бут препирался с начальником мастерских – Гришей:

- Гриша, ты же коммунист, ты должен заставить своих подчинённых заниматься делом!

- Виктор, ты что хочиш, чтобы я умэр прямо здэс, что ли? Они же скушают мэна, эсли дэнги не будэт! – Гриша намекал на саботаж станочников.

Мы с Гераклом, демонстрируя братское единство, пожаловались Тициану Трили, и он по телефону потребовал от директора беспрекословного выполнения заказа.

Самсончик Блиадзе самолично поговорил с Гришей, не вызывая его к себе, а спустившись к «народу» в мастерскую. Стоя в кругу рабочих, где также был Гриша, Бут и я, Самсончик увещевал народ:

- Гриша, вы же сознательные люди, нельзя жить только левой работой! Выполните этот приказ уважаемого Тициана, и если не будет новых приказов, то занимайтесь снова, чем хотите!

Гриша, опустив голову, только поддакивал:

- Дიაх, батано Самсон! (Да, господин Самсон!)

А когда Самсончик ушёл, Гриша начал орать на рабочих благим матом:

- Ви что хатитэ, чтобы я турма сел? Хатитэ, чтобы я вигонал вас всэх на хэр? Нэ хатитэ, тогда дэлай этот пракляти заказ и здавай ему!

- Надо ещё - прислали нам этого еврейского фрайера из Москвы! – вякнул на меня токарь Хайм Бесфамильный, но был отослан Гришей к соответствующей матери, и работа пошла.

Мы с Бутом целые дни проводили в мастерской. Гиви, если его спрашивали, где я, по старой привычке отвечал: - Гулиа и Бут в мастерской! Ответ вызывал такой восторг у сотрудников, что вопрос этот задавался самыми разными людьми по несколько раз в день, и на него следовал один и тот же стандартный ответ – что со мной делают что-то неприличное в мастерской. Насилу я уговорил Гиви первым упоминать Бута, а потом уж и меня.

Трудно поверить, но в месяц заказ был выполнен, благо ничего сложного, по правде говоря, в нём и не было. А за этот месяц мы с Гераклом, пользуясь его связями, прикатили из гаража Академии Наук новенький УАЗ-450 с двумя ведущими мостами. Передний мост оставили приводным от двигателя, а задний – соединили карданом с «гибридом». Сам «гибрид» закрепили на месте снятого кузова автомобиля на раму, а рычаги ручного управления вывели вперёд. Так как водитель не мог одновременно управлять автомобилем и «гибридом», то позади кабины закрепили кресло (спинкой вперёд), где должен был сидеть я и управлять «гибридом». Для безопасности меня пристёгивали к креслу ремнём.

Геракл, почувствовав свою ненужность в период изготовления «гибрида», перестал приходить на работу, изредка позванивая в отдел и получая стандартный ответ насчёт меня, Бута и мастерской. А в мае месяце он и вовсе решил уехать подлечиться в санаторий на месяц.

- Никаких испытаний, пока я в отпуске! – предупредил он меня, уезжая.

- Настал мой час! – решил я, и передал Буту, что меня вызывал академик Трили и приказал немедленно испытать автомобиль с «гибридом». Дескать, приезжает профессор Янте из ГДР, и ему надо показать нашу работу. Янте, действительно, должен был приехать, и я доложил Трили, что в принципе, автомобиль готов к демонстрации, и мы можем показать его немецкому профессору.

За неделю до приезда Янте мы с Бутом оснастили автомобиль необходимыми приборами: так называемым «пятым колесом» со всеми необходимыми датчиками движения автомобиля, и расходомером, измеряющим расход топлива в динамике. Потренировали опытного водителя с французским именем Жюль, понимающего только по-грузински, как нужно управлять этим необычным автомобилем. Это была умора смотреть, как не умеющие толком говорить по-грузински Бут и я, объясняли угрюмому, похожему на Бальзака, Жюлю, методы вождения автомобиля с совершенно новой силовой установкой. Но Жюль справился, и мы сделали несколько пробных ездов. При этом вели тщательную запись движения и расхода топлива на специальной вощёной бумаге острым пером, оставляющим белые линии-следы. И я не поверил себе – этот, буквально на коленке сделанный «гибрид», сэкономил половину топлива, а грузовичок разогнался резвее мощной легковушки! Мой пояс едва удерживал меня от выпадания с кресла при разгоне.

И вот прекрасным майским днём, когда смрад дерьмого кольца вокруг института был окончательно забит одурманивающими запахами весенних цветов на кустах, окружающих весь институт, во двор въехал кортеж автомобилей во главе с «Чайкой» академика Трили, где он сидел вместе с гостем - профессором Янте.

Во дворе столпилось всё начальство института и все сотрудники, желающие посмотреть как на «заграничного» профессора Янте, так и на автомобильное чудо московского оригинала Гулиа. Мы договорились с Жюлем, что автомобиль начинает трогаться с середины двора, разгоняется и выезжает на улицу, называемую улицей Зои Рухадзе. Затем, огибает институт и снова заезжает во двор, где и тормозит. Потом опять следует разгон и так далее. Я чувствовал себя как на соревнованиях по штанге: взвешивание прошло, разминка и... ожидание вызова главного судьи. А «главный судья» – академик Трили подошёл ко мне и тихо спросил:

- Всё будет в порядке?
  - Надеюсь, вернее уверен, батоно Тициан!
  - Не вижу Геракла, где он?
  - Отдыхает на море, батоно Тициан!
  - В такое ответственное время – отдыхает? – Тициан сдвинул брови, но тут же расправил их.
- Готов начинать?
- Да, - ответил я.

Потом я сел в кресло и пристегнул ремень. Трили махнул рукой, и Жюль поехал. Обогнув институт, грузовичок набрал скорость около 60-ти километров в час и въехал на этой же скорости во двор. Я дёрнул за рычаг тормоза, и автомобиль через свой задний мост, кардан и мой дискретный вариатор за несколько секунд разогнал маховик до 6 тысяч оборотов в минуту, передав ему всю свою энергию движения. Машина остановилась. Затем я дёрнул рычаг хода, и вращение маховика обратным путём раскрутило задние колёса автомобиля. Тот, рванув с места, разогнался, как резвая легковушка. Заметьте, это всё без помощи двигателя, который был вообще выключен! Заслонка, висящая на выхлопной трубе, однозначно свидетельствовала об этом. Кто-кто, а Трили, Янте и все присутствующие автомобилисты понимали это прекрасно!

Таких кругов мы сделали несколько, и когда Трили сказал: «Хватит!», остановились. Янте быстро подошел к установке, расспросил об ее устройстве, особенно о новом вариаторе. Переводчик тщательно пояснил мой ответ. Я представил профессору показания расхода – по сравнению с эталонным кругом, расход топлива при движении с гибридом уменьшился вдвое. Янте восхищённо качал головой.

- Вот какие работы мы проводим в нашей провинции! – гордо сказал ему Тициан, и переводчик перевёл это.

Довольные гости пошли в особый кабинет, где уже был накрыт гостеприимный грузинский стол. Мы же с Виктором Ивановичем украдкой разлили спиртик, который нам периодически выдавали, разбавили водой и выпили «за успех русской науки». «Криминальные» испытания были выиграны мной, настала пора переходить к конфронтации!

Конфронтация

Уехал отдыхать Хрущёв – и его за это время сняли; отдых Горбачёва в Фаросе тоже стоил ему карьеры. Таких примеров множество, но они никого не учат. Если ты сам слаб, а у тебя остаётся мощный конкурент, то хотя бы не уезжай на отдых в самое решающее время! Примеры конечно, солидные, но вот вам и более мелкий пример – зная, что автомобиль практически готов, испытай его, припиши себе все заслуги, а потом езжай себе хоть к такой-то матери!

Но нет, не терпится слабым руководителям сунуть голову в уже смазанную мыльцем петельку, где останется только затянуть её! До приезда Геракла я провёл ещё несколько испытаний автомобиля с гибридной силовой установкой, составил акт испытаний, который подписали Бут, я, и водитель. Этот акт с удовольствием утвердил Авель Габашвили, в очередной раз обозвав Геракла идиотом.

Перед самым приездом Геракла я вынул из установки некоторые штифты, нарушив центрацию валов, затянул некоторые гайки и, наоборот, ослабил другие, сделав установку неработоспособной. Когда мы встретились с Гераклом на работе, он уже знал об испытаниях – видимо доброхоты позвонили.

- Как ты посмел проводить испытания без начальника отдела? – был первый его вопрос ко мне.

- Уважаемый Геракл, ты с отдыха приехал или с зоны? Почему такой вздрюченный?
- Как ты со мной разговариваешь? Что такое «вздрюченный»?
- Дрючить – это синоним слова «трахать», а это, в свою очередь, синоним...
- Да ты что, совсем распустился здесь без меня? – начал повышать голос Геракл.

- Батоно Геракл, если не умеешь с людьми культурно говорить, иди овец паси. У тебя, кажется, предки мецхваре были! («мецхваре» - по-грузински «овечий пастух» - это не только профессия, но ещё прозвище тупого, малограмотного человека. Как-то Геракл обмолвился мне, что предки его пасли овец в Кахетии). Крики и визг Геракла собрали всех сотрудников отдела.

- Я увольняю тебя! – кричал Геракл, делая рукой жест Юлия Цезаря.

- Меня только директор уволить может, - спокойно ответил я, - как и тебя тоже. А на твои грубые слова я напишу начальству докладную!

И я быстро настроил докладную записку на имя заместителя директора по научной работе Авеля Габашвили, где жаловался на грубость и самоуправство со стороны начальника отдела Маникашвили в ответ на мою напряжённую работу в период его отдыха на море. Не теряя времени, я зашёл с этой запиской к Авелю и показал ему её. Тот внимательно прочёл докладную, пригласил меня присесть и поручил секретарше срочно вызвать к нему Маникашвили.

Пока Геракл поднимался к Авелю, тот быстро расспросил меня по существу вопроса. Тяжело дыша, Геракл вошёл в кабинет заместителя директора.

- Рашия сакме, батоно Геракл? («В чём дело, господин Геракл?») Что ты такой злой с отдыха приехал? Вот Нурбей за тебя всю работу сделал, батони Тициан остался доволен, немецкий профессор тоже, а ты ещё ругаешь его, уволить хочешь?

- Да нет, батоно Авель, никого я увольнять не хочу, просто с языка сорвалось, но я приказывал не испытывать автомобиль без меня...

- А батони Тициан приказал показать машину в действии! Немецкие профессора ждать не будут, когда ты с моря приедешь! – громко, по начальственному, пояснил Гераклу Авель.

- Батоно Авель, прошу освободить меня от работы в отделе Геракла: после таких слов перед всем коллективом, я не могу там больше работать! – твёрдо заявил я.

- Хорошо, я подумаю, в какой отдел тебя перевести, а сейчас идите и успокойтесь! – выпроводил нас Авель.

Я добился, чего хотел и весело шёл рядом с Гераклом. Тот аж лопался от злобы.

- Иуда ты, а не друг, после этого! – громко уже во дворе при зеваках заявил мне Геракл.

- Тамбовский волк тебе друг, а не я! – почти криком ответил я, провоцируя ссору при народе. Собралось во дворе уже почти пол-института, даже любопытные курды стали заглядывать: что это «наука» так орёт друг на друга. Децибеллы нашей ругани всё нарастали, как вдруг Геракл использовал неспортивный приём.

- Хорошо, пусть нас двоих уволят, я хоть шофёром устроюсь работать, а ты – слепой очкарик, тебя даже шофёром не возьмут! – сморозил явную глупость Геракл. Как говорят, «на свою же голову».

Я рассвирепел, и вдруг наступило уже привычное для меня в этих случаях потемнение в глазах и головокружение. Почувствовав себя где-то в стороне и выше от толпы, я увидел Геракла в её центре. И я услышал исходящие от моей фигуры незнакомые слова, отчётливо сказанные чужим голосом:

- Я уволюсь раньше тебя; тебя же уволят через три месяца после меня. Шофёром ты работать не сможешь, так как потеряешь глаз!

Постепенно я вошёл в своё тело, народ вокруг нас безмолвствовал. Я повернулся и молча прошёл через расступившуюся толпу. Маникашвили, также молча, ушёл в другую сторону. Я вспомнил все предыдущие случаи с таким необычным моим состоянием. Детский сад, которому я посулил пожар – сгорел. На целине я пообещал снег и потерю урожая с увольнением за это Тугая – и это исполнилось. Разозлившись почему-то на Танин цех, я пожелал взрыва и схода крана с рельсов – так всё и вышло. Пообещал бывшему любовнику Тани – Витьке скорую тюрьму, и это сбылось! Это необычное состояние всегда сопровождалось чужим голосом и словами, головокружением и потемнением в глазах, а также иногда я начинал ощущать себя где-то в стороне от места событий и смотреть на происходящее со стороны.

Назавтра я пришёл на работу вовремя, чтобы не было причин писать на меня докладную. Лиля дома ругала меня за ссору с Гераклом, но я отмалчивался и не рассказывал ей истинную подоплёку событий. Она всегда говорила со мной громко, и как человек говорящий громко, всегда

слышала только себя. Моей хитрой интриги она не поняла бы и могла всё расстроить. Я зря старался – Геракл запил. Едва держась на ногах, он пришёл к обеду и заснул, положив голову на стол.

Авель перевёл меня в отдел теории машин, руководил которым доктор наук профессор Хвингия Михаил Владимирович, настоящий учёный-теоретик из школы профессора С. Д. Пономарёва в МВТУ. Хвингия согласился взять меня на ту же должность вместе с тематикой. На её продолжении, именно с моим участием, настаивал академик Трили.

С умным человеком всегда легко договориться (если, конечно, ты сам не дурак!) и мы поладили с Михаилом Владимировичем. С Гераклом мы вначале не здоровались, а потом, попав на какую-то общую пьянку, помирились.

- Кто старое помянет, тому глаз вон, - вдруг сказал тогда Геракл и сам испугался своих слов. Да и мне стало как-то не по себе.

- Какие глупые русские поговорки! – фыркнул Геракл.

- И какие жестокие! – добавил я.

В отделе Хвингия были интересные люди, из которых я особенно хорошо запомнил Аллочку Багдоеву – умную, высоко нравственную и красивую девушку, за которой я пытался приударять, и парня - Валеру Сванидзе. Алла теперь - доктор наук, известная учёная, а Валера – кандидат наук, живёт в Москве, мы с ним дружим и иногда «моржуемся» вместе зимой.

А в начале июня мне пришла из ВАК открытка, что меня утвердили в учёной степени кандидата наук. Сыграл ли здесь свою противоестественную «благую» роль двойник Мефистофеля-Березовского – Натаныч, или Домбровского совесть заела (что маловероятно!), но утвердила-таки меня эта страшная комиссия. А тут представилась командировка в Москву, и на сей раз, мы поехали вдвоём с моим новым начальником.

Устроились в гостинице «Урал» в двухместном номере. Я тут же побежал в Минвуз, и по паспорту получил мой диплом кандидата наук. Корочки покупать не стал – так носить удобнее и меньше места занимает.

Таня снова работала в утро, я вечером созвонился с ней и уговорил её приехать к нам в гостиницу. К её приезду мы с Хвингией были уже хороши. Михаил Владимирович, человек очень строгих нравов, признался мне, что так сильно выпил впервые.

Был уже первый час ночи, когда мы стали выяснять, как быть с Таней. Почему-то к нам не зашла «проверяльщица» в 11 вечера, и мы потеряли счёт времени. К Тане было ехать уже поздно, да и я был сильно «выпимши». Мы с Таней стали ложиться вместе, но Хвингия запротестовал:

- А если придут проверять, а ты лежишь с женщиной? – сурово спросил он и предложил лечь к нему в постель.

- А если придут проверять, а я лежу с мужиком, это лучше? – парировал я.

В результате, Хвингия заснул на своей постели, а мы с Таней на своей. Утром всё-таки нас заметили дежурные и пожурили. Но мне было всё равно, так как я ушёл жить к Тане, а Хвингия остался один. Ему очень понравилась Таня, и он назвал меня аморальным типом, за то, что я «обманываю» и жену и Таню.

Как мне рассказывали общие знакомые, Михаила Владимировича уже нет в живых. Он стал академиком Грузии, но жуликом так и не смог стать. Поэтому, в трудные для Грузии 90-е годы, он умер, почти, что от голода и недостатка лечения. Так, по крайней мере, мне рассказали, а как было взаправду, я и не знаю.

Ну, а пока, вернувшись в Тбилиси с победой, я получил должность старшего научного сотрудника с зарплатой 210 рублей. Должность была пока установлена по директорскому приказу, а по конкурсу меня так и не выбрали. Но об этом отдельно.

Международный съезд в Сухуми

В июле 1966 года состоялся международный съезд по теории машин и механизмов в столице Абхазии – Сухуми. Героем съезда был его организатор и душа – академик Иван Иванович

Артоболевский, фактический создатель этой науки. Открытие съезда проходило в красивом и по архитектуре, а особенно по местоположению, Институте Субтропиков. Он возвышался на горке, между морем и облаками, и Иван Иванович, стоя на возвышенном плацу, окружённый рукоплещущей толпой, поднимал руки над своей львиной головой, и, глядя в небо, потрясал ими. Поистине фантастическое зрелище – фигура Артоболевского с поднятыми руками, как бы повисала между небом и морем на фоне пальм, эвкалиптов и цветущих олеандр на горке. Это был звёздный час маститого учёного, всемирное признание созданной им науки, да ещё в месте, напоминающем древнегреческий Олимп.

От нашего института на съезд поехало всё руководство во главе с академиком Трили, а также - Хвингия, Маникашвили и я. Я написал доклад по теории и испытаниям гибридной силовой установки, изготовил демонстрационные плакаты, но делать доклад поручили начальнику отдела – Маникашвили.

Геракл, с пренебрежительным видом спросил у меня пару вопросов по плакатам, в частности, про длинную формулу с интегралом. Он любил шутить: «В дифференциалах я ещё разбираюсь, а в интегралах – ни черта!». Имелся в виду дифференциал автомобильный, а не математический, в чём, собственно, и состояла шутка. На плакате же был изображён так называемый эллиптический интеграл, и Геракл несколько раз повторил это название, чтобы не забыть.

Я развесил плакаты совсем не в последовательности изложения доклада, причём плакат с эллиптическим интегралом повесил первым. В этом была моя маленькая шутка, превратившаяся в большой конфуз для Геракла.

Доклады проходили в большом актовом зале. Трили хотел «поразить» международную общественность эффектной теоретической работой, давшей и практический «выход», что бывает нечасто. Авель Габашвили, Хвингия и я сели в первом ряду и приготовились слушать. Вёл собрание академик Трили, сидевший в Президиуме.

Наконец объявили наш доклад и Маникашвили с пренебрежительной улыбкой маститого «мэтра» вышел на трибуну. Вышел – и ступешался. Он не знал с чего начать. Долго топтался у плакатов, повернувшись спиной к залу, и, видимо, вспомнив что-то, обернулся к нам лицом, посеребрившим от ужаса. Он обвёл указкой длинную формулу на плакате и прерывающимся голосом проговорил в микрофон: «Эллиптический интеграл!». Зал замер от неожиданности, и было слышно, как переводчик перевёл для кого-то эту фразу на английский.

- Идиот! – уже без стеснения, громко проговорил сидевший со мной Авель. Он обменялся взглядами с обеспокоенным Тицианом в Президиуме и указал пальцем на меня.

- Прошу прощения у уважаемого собрания, но ввиду недомогания докладчика, мы просим выступить молодого кандидата наук Нурбея Гулиа, автора устройства, о котором идёт речь в докладе! – сообщил в микрофон Трили, и Геракл, пошатываясь, сошёл с трибуны. Сел он, почему-то, на моё место. Было видно, как Авель отодвинулся от него, как от зачумленного.

Я с удовольствием доложил о моём устройстве, упирая не столько на теорию, сколько на его практическую эффективность. Мне надо было, в первую очередь, дать его рекламу на заграницу. Но я зря старался. В зале присутствовали только теоретики, и основные вопросы ко мне были по методам составления и решения дифференциальных уравнений движения агрегата и по тому же злосчастному эллиптическому интегралу.

- Ну, что, разметал бисер не перед тем контингентом? – проворчал Авель, когда я, потеснив Геракла, сел на своё место. Это же теоретики, им наплевать на твою экономию бензина. Лишь бы эллиптический интеграл решить побыстрее!

Вечером должен был состояться, как нам его назвали «а ля фуршет» в ресторане «Амра», что по абхазски означает «Солнце». Ресторан располагался на бывшем причале, выходящем далеко в море. Академики и иностранцы были приглашены в особый зал с сидячими местами, а нас, включая и дирекцию института, запустили в общий зал.

Я до сих пор побаиваюсь слова «фуршет» после того, что довелось мне увидеть в ресторане «Амра». Солидные деды и тётки, уж не менее профессоров рангом, расталкивая друг друга, бросились к столу. Намётанным глазом мгновенно определялись самые дорогие напитки, в

основном, марочные коньяки, разливались в стаканы, которые тут же залпом опустошались. О закуске речи не шло – нужно было сперва расправиться с дорогими напитками, которые закончились мгновенно. Потом уже стали уничтожаться закуски в той же последовательности – бутерброды с чёрной, потом с красной икрой, балык из сёмги, форели и так далее. Всякие там салаты и винегреты остались на потом, когда стали уже доставать бутылки, принесённые за пазухой.

Мы, как зачарованные, смотрели на эту поспешно пьющую и жующую толпу учёных, как в фильме, прокрученном с повышенной скоростью. Нечто подобное я видел в фильмах с участием Чарли Чаплина. Пожилые люди, изголодавшиеся за годы индустриализации и коллективизации, войны, вечного «дефицита», забыв все свои учёные степени и звания, накинудись на «халявные» еду и питьё...

Мы, не притронувшись ни к чему (да нам и не дала бы это сделать обезумевшая толпа!), пошли в соседний ресторанчик «Диоскурия», где мы спокойно поужинали, вволю попив белого «Псоу» и розового «Лыхны» - абхазские сладковатые слабенькие вина.

После окончания съезда нас - представителей Тбилиси и некоторых, уж не знаю по каким критериям выбранных, российских учёных, пригласили в дом, вернее во двор, кого-то из местных учёных. Там был накрыт настоящий абхазский стол с местным тамадой. Правда, его быстро сменил блестящий эрудит-учёный и писатель, сотрудник московского института Машиноведения (ИМАШ), профессор Арон Ефимович Кобринский. Позже Арон Ефимович уедет в Израиль и умрёт в США, а пока он, брызжа сверкающим юмором, провозглашал свои тосты.

Юмор Кобринского был хоть и блестящим, но злым, и я, набравшись наглости, стал понемногу поддевать мэтра. Затем ко мне подсел профессор из Ленинграда Владимир Калинин, тоже посчитавший нужным «повозражать» тамаде. К нам присоединился и Константин Васильевич Фролов, нынешний директор Института Машиноведения, вице-президент РАН, академик, а тогда ещё молодой кандидат наук, и мы втрём организовали «оппозицию» Арону Ефимовичу.

Но поистине «смертельный» удар ему нанес, как ни удивительно, Авель Габашвили, тоже недовольный «шуточками» Кобринского. Под конец ужина тамаде, по кавказскому обычаю, преподнесли голову жареного поросёнка, лежащего в центре стола. По обычаю же, тамада должен был поцеловать эту голову в пяточок. Станный, но общеизвестный обычай, и Арон ничего не мог поделать – пришлось еврею поцеловать поросёный пяточок. «Мерзость это для вас!» - так поучал Моисей в своём пятикнижьи евреев общению со свинским родом. И когда, превозмогая «мерзость», Арон всё-таки целовал поросёнка в пяточок, Авель громко выкрикнул: «Горько!».

Арон отбросил поросёчью голову, и, обернувшись в сторону выкрика, яростно спросил: «Кто?». Но в ответ раздались лишь аплодисменты и смех. Пришлось ему тоже улыбаться и превратить всё в шутку. Но обиженный Арон, потом долго спрашивал у всех знакомых, включая и меня: «Ты крикнул «горько?». Ответ был, разумеется, отрицательным. А Авеля он и не спросил, так как был с ним незнаком.

Ночевал я на даче у дяди в Агудзерах. Институт Субтропиков был как раз на полдороги между Сухуми и Агудзерами. А наше начальство – Тициан Трили, Авель Габашвили и Геракл Маникашвили ночевали на бывшей даче Сталина в Синопе. Демократичный Хвингия ночевал вместе с рядовыми участниками съезда на турбазе в Сухуми, а Самсончик Блиадзе сразу же уехал назад в Тбилиси, чтобы совсем не «обезглавить» институт.

Я восхищённо ходил по скрипучим полам дачи, тем самым полам, которых касались «азиатские» сапоги самого Сталина. Дача была на горе, на самом верху знаменитого Синопского дендрария. Старый служащий дачи рассказывал нам, как Сталин приезжал сюда с Валерией Барсовой, с которой был близок последние годы жизни. Сталин, по привычке зарабатывался далеко за полночь, а Барсова в своей комнате с роялем, маялась на диване, не считая этичным лечь спать одной. А Сталин выходил к ней в комнату, и, указывая трубкой на диван, говорил своей Валерии:

- А вы ложитесь, товарищ Барсова, ложитесь!

Странно - называл любимую женщину на «вы», да ещё это ужасное слово - «товарищ». Но и себя самого он тоже называл не «я», а – «товарищ Сталин», как бы разделяя себя физически и себя как Вождя. Да, великие люди редко бывали без странностей, если, конечно, верить рассказам этого старого служащего. Правда, он заверял, что сведения, уже после смерти Сталина, им были получены от охраны, денно и ночью незаметно наблюдавшей за вождём.

Барсова (настоящая фамилия – Владимирова) была 1892 года рождения, то есть на 14 лет младше Сталина, если считать от реального его года рождения – 1878. Отец Сталина – беспутный пьяница-сапожник Бесарион Джугашвили – настоял на изменении даты рождения сына. Это было сделано, чтобы избежать сплетен по поводу того, что реальным его отцом был великий путешественник Н.М.Пржевальский, в 1977 году живший в Гори, практически вместе с матерью Сталина - Екатериной. Сам же Бесарион весь этот год находился на заработках в Тбилиси. Все знакомые и соседи знали, чьим сыном в действительности был маленький Сосо, но чтобы пресечь сплетни по этому поводу, дата рождения сына была «сдвинута» на год вперед.

Возвращаясь к Барсовой, замечу, что умерла она в 1967 году, на 14 лет же пережив вождя – близкого ей человека.

Падение Геракла

Вернувшись со съезда, Маникашвили решил показать перед всем институтом, что он и без меня будет успешно продолжать работу над гибридом. У меня был свой «шпион» в отделе Мобильных машин – жена Лиля, которая по вечерам рассказывала мне о новых «подвигах Геракла» - Геракла Маникашвили, разумеется, а не мифологического богатыря!

Геракл устроил общее собрание сотрудников отдела, нацелил всех на работу по «гибриду». Всем сотрудникам, в том числе и моей жене, он поручил разработать новый механизм вариатора. Я позволю себе в двух словах описать этот очень простой механизм, и те изменения, которые Геракл собирался в него внести. Чтобы маразм моего бывшего начальника предстал бы во всём его величии.

Мой вариатор, названный экспертами по ошибке машинистки «мезан-приводом», представлял собой крупную магнитофонную кассету, в которой вместо пластмассовой ленты, была лента стальная. Из которой, например, делают лезвия безопасных бритв. Шириной она была 5 сантиметров, а диаметр мотков – до 30 сантиметров.

Сперва с большим мотком соединялся маховик, а с малым – колёса автомобиля, через привод, разумеется. Лента быстро, секунд за пять, перематывалась с большого мотка на малый, разгоняя маховик примерно до 6-ти тысяч оборотов в минуту и доводя колёса автомобиля почти до остановки.

А затем, для разгона автомобиля (внимание, вот в чём хитрость изобретателя!) кассета всего лишь переворачивалась на 180 градусов, так чтобы мотки оставались на своих местах, но намотка меняла бы направление. Тогда, маховик и колёса автомобиля соединялись с теми же мотками, но намотанными в другом направлении. Маховик быстро перематывал ленту снова с большого мотка на малый, тормозясь сам, и разгоняя автомобиль. Никаких подготовительных операций!

Вот почему профессор Фалькевич назвал это «изящным решением», а эксперты не смогли отыскать такого механизма во всей мировой патентной литературе. И выдали патент на это решение.

Геракл решил «обойти» мой патент и добиться того же эффекта другим способом, получив на это свой патент. После торможения автомобиля и разгона маховика, всю ленту, по его замыслу, нужно было перемотать назад, а затем снова вперёд, но наматывая уже в другом направлении. Но все, кто знает, как устроен магнитофон, понимают, что при перемотке ленту надо подтормаживать, иначе она просто хаотически разматается и будет вылезать наружу. Для этого Маникашвили поставил на оба мотка по тормозу.

Больше года было затрачено на изготовление этого вариатора, который стал в три раза больше прежнего. Были сделаны мощные ремённые приводы от двигателя автомобиля, как на оба мотка ленты, так и на маховик. Последнее было вызвано тем, что он во время манипуляций с лентой сильно терял скорость. Хитрый Геракл намеревался «исподтишка» разгонять маховик двигателем.

Перед самым Новым 1968 годом приготовления были закончены, и Маникашвили решил продемонстрировать автомобиль с новым гибридом. Позвал Тициана Трили и всё руководство института. Любопытных набился целый двор.

Испытывать автомобиль решили по прежней схеме - выезд со двора на улицу Зои Рухадзе, разгон автомобиля, торможение маховиком во дворе и во дворе же разгон автомобиля тем же маховиком. Словом, как полтора года назад в моих опытах перед Трили и Янте. Декабрь в Тбилиси был достаточно тёплым и сухим – ни снега, ни дождя. Инженеры, пожалуйста, таблетку валидола под язык, сейчас я буду рассказывать, как сработало это чудо технической мысли!

Рассказываю со слов жены, а также Хвингия, так как я в это время был уже далеко от Тбилиси. Я строил для вас, дорогие читатели, коммунизм в городе Тольятти на Волге – автомобильной столице России. Как я там оказался – сказ впереди, а пока – про испытания «гибрида Маникашвили», прозванного научным людом института «Гераклоидом»

За рулём несчастного УАЗика, превращённого в «Гераклоид» был всё тот же Жюль. В моём кресле прикрепленном к кабине задом наперёд, сидел... нет, не Маникашвили, ему начальственная солидность не позволяла этого сделать. Там восседал Виктор Иванович Бут – высокий жилистый старец с совершенно лысой блестящей головой на длинной шее. Внешне «Гераклоид» напоминал огромную сноповязалку – во все стороны к механизму гибрида шли длинные мощные ремни, перекинутые через огромные шкивы со спицами. К креслу Бута шли уже не два рычага – торможения и разгона, а целых семь.

Увидев это чудо, выехавшее на середину двора, народ загоготал, а Тициан Трили нахмурился и стал ждать исхода испытаний. Мне было непонятно, почему Геракл, достаточно взрослый и опытный человек, стал испытывать свой «Гераклоид» на ходу, сразу перед академиком, руководством и народом. Нет бы, испытать заранее втихаря, а потом уже продемонстрировать народу. Но, во-первых, в Грузии втихаря ничего не сделаешь, вокруг полно зевак. А во-вторых, Геракл был коммунистом, а коммунисты имеют порочную привычку все приурочивать к знаменательным датам. И Геракл спешил провести испытания к Новому Году, а не после него.

Двигатель взревел и «Гераклоид», разогнавшись, выехал со двора. Минуты две он объезжал здание под восхищённые крики живущих рядом с трассой курдов, и вот это чудо въезжает во двор. Бут дёргает рычаг торможения, и автомобиль действительно плавно остановился, разогнав, как положено, маховик. Народ заплодировал.

Но осталась ещё самая мелочь – разгон автомобиля, для чего собственно весь гибрид и создавался. Прежде чем дёрнуть рукоятку перемотки ленты, умный Бут крикнул народу: «Всем уйти с плоскости вращения!». Люди подogaдливей, быстро отогнали народ с тех мест, куда могли полететь осколки в случае аварии; мудрое начальство само заранее отошло с этой опасной плоскости.

Тогда Бут начал первую перемотку ленты. Двигатель автомобиля натужно ревел, перематывая сотни метров ленты; тормоз мотка сперва задымил, а под конец засветился тёмно-малиновым накалом. Шум стоял как в цеху на ткацкой фабрике. Остановив ленту, Бут начал её обратную перемотку. Снова завыл двигатель, захлопала лента, заскрежетал и накалился второй тормоз. Это значит, что стоять перед светофором, да и где угодно, автомобиль должен был не менее семи минут – столько времени нужно было для перевода механизма от положения торможения до разгона. В моём варианте переворот кассеты занимал всего около секунды. О расходе топлива на эти перемотки, я уже и не говорю, чтобы не прослезиться!

Однако маховик за это время здорово замедлил своё вращение. «Лихач» Бут решил подразогнать его, и дёрнул рычаг подразгона. Снова взвыл двигатель и маховик начал набирать

обороты, что было заметно по всё увеличивающемуся его свисту. По-видимому, Бут перебрал оборотов, потому, что, когда он стал дёргать рычаг разгона автомобиля, моток соединился с маховиком, а привод автомобиля – нет. Зубья шестерён не входили в зацепление на такой скорости, трещали, а не сцеплялись. А моток ленты, соединённый с мощным маховиком, доведённым до семи-восьми тысяч оборотов в минуту, мгновенно перемотался вхолостую и, конечно же, вырвал конец ленты со второго вала.

Вот тут-то началась настоящая пулемётная очередь! Оборванный конец ленты с бешено вращающегося мотка при каждом обороте ударялся о раму автомобиля и оторванным «кинжалом», размером с лезвие большого кухонного ножа, летел в плоскости вращения мотка в стену института. Таких «кинжалов» в секунду вылетало свыше ста штук (шесть тысяч оборотов в минуту – это сто оборотов в секунду; один оборот – один кинжал), и за несколько секунд весь моток ленты превратился в сотни кинжалов, воткнувшихся, как гвозди из строительного пистолета в штукатурку институтской стены. Народ с воем стал разбегаться – кто куда. Ситуация напоминала расстрел демонстрации 9 мая 1956 года – та же пулемётная очередь, те же вопли толпы. К счастью, всё обошлось без трупов – умный Бут успел предупредить народ.

Сам Бут, услышав пулемётную очередь, молниеносно отстегнул ремень и, прикрывая лысую голову руками, ретировался прочь. Жюль, выскочив из кабины, метнулся в другую сторону. Несколько секунд ужаса – и всё стихло, слышен был только рокот и тихий свист маховика, израсходовавшего часть своей энергии на «кинжалообразование». Участок стены института, площадью с маленькую комнатку, напоминал огромную жёсткую металлическую щётку – он был густо утыкан «кинжалами» – погуще в центре и пореже на окраинах. По этой картине можно было изучать кривую «нормального распределения Гаусса».

Руководство, стоящее по обе стороны от Трили, ошалело глядело на него, как будто виновником «торжества» был не Геракл, а именно он – Трили. Сам Геракл в шоке стоял с открытым ртом, глядя куда-то в пространство. Наконец, Трили пришёл в себя и взглянул на утыканную «кинжалами» стену. На секунду он закрыл глаза ладонью, видимо представив себе людей, стоящих на этом месте. Это был бы конец всему, конец полный, «амба», как говорят в народе! Резко повернувшись, Трили пошёл к входу в главное здание института. Руководство заспешило за ним.

- Маникашвили и Бут – в кабинете Самсона! – с удовольствием скалабурил Авель Габашвили, догоняя своих коллег.

Все собрались в кабинете директора – Самсона Блиадзе. Трили сел в голове длинного стола, покрытого, как и положено, зелёной суконной скатертью. Над его головой висел портрет Ленина с открытым ртом сжимающего в вытянутой руке свою скомканную кепку, как задушенную птицу. Видимо, вождь произносил пламенную речь о необходимости отстрела реакционных учёных. Если таких, как Геракл Маникашвили, то вождь был, безусловно, прав.

Я не скажу, что Трили был мрачнее тучи, не хочу использовать набивший оскомину штамп. Но, тем не менее, это было так. Батони Тициан подождал, пока все рассядутся по местам, и молча, сорвав свои очки с носа, швырнул их по столу туда, где на самом краю друг перед другом сидели бледные Маникашвили и Бут. Самсончик вскочил с места и засеменил к остановившимся в своём движении очкам; подобрав их, он осторожно понёс очки хозяину, и в поклоне подал их Трили. Тот молча взял очки и снова без разговоров зашвырнул их туда же. Самсончик бросился доставлять их обратно. Так очки проделали свой путь туда и обратно несколько раз.

Кто-то вспомнил, что Трили так швырял очки ещё один раз – когда снимал начальника отдела, устроившего по-пьянке пожар в служебном помещении. Начальника сняли и отдали под суд – он «достал» всех своими пьянками и безобразиями. Кого будут снимать сегодня – всем было ясно. Наконец к академику вернулся дар речи.

- Ну что, батона Геракл, доигрался? – задал риторический вопрос академик. – Выжил талантливого человека, так что он вообще уехал из Грузии, и мы его потеряли. За год ты не смог даже повторить его опыт, имея готовую установку! Чем ты думал, когда создавал этого урода? Ведь у тебя был целый отдел в подчинении!

- Не было у меня никакого отдела, это не отдел, а сборище тупиц!

- Ах, у тэбэ нэ было атдэла? И нэ будэт! – закричал Трили, от волнения не сдержав сильный грузинский акцент.

- Пиши по собственному желанию, если не хочешь по статье! Уходи, куда хочешь, чтобы только ноги твоей у меня в институте не было! Говорят, ты хотел поработать шофёром? – съязвил Трили, - скатертью дорога!

Геракл, встал из-за стола и вышел, хлопнув дверью. За ним нерешительно засеменил Бут. У двери он обернулся, поклонился и, сказав «до свидания», вышел, тихо затворив за собой дверь.

Я знал, что Геракл страдает придурью, но что до такой степени – не думал. Как же ещё оценить его поведение после ухода из института? Геракл, после изгнания из института, устроился мелким чиновником в Комитет по науке Грузии (был такой «младший брат» Госкомитета СССР по науке и технике). И первым делом он вызвал с отчётом об академической науке ... самого Трили! Это стало анекдотом – сотрудники института только и говорили друг другу: «слышал новый анекдот – Маникашвили вызвал к себе Трили!».

И чтож, Трили пришёл и спокойно доложил об успехах академической науки. Но перед уходом на доклад, он позвонил своему другу, Председателю Комитета по науке и сказал: - Васо (Вано, Сандро и т.д.), дорогой, сделай так, чтобы этого идиота Маникашвили в твоём Комитете больше не было!

И не стало Геракла в Комитете; но доклад Трили он выслушать всё же успел...

Прощание с Тбилиси

Лето в Тбилиси ужасное! В Ашхабаде из-за сухого воздуха жара в 50 градусов воспринимается легче, чем Тбилисские «влажные» 35 градусов. Жена с детьми отдыхала в горном Коджори, я же сидя на работе, писал «докторскую».

Я сидел перед вентилятором, периодически поливая его лопасти водой из бутылки, и когда шквал брызг прекращался, снова доставал рукопись и писал. За время пребывания в Тбилиси я проделал много теоретической работы – домой идти не хотелось, нередко я оставался в институте и на ночь. Договаривался со сторожем, забегал в магазин, брал бутылку портвейна, два плавленых сырка «Дружба» и «французскую» булку.

Часов до 11 вечера я работал – писал теорию, обрабатывал материалы испытаний автомобиля – лент с записями от «пятого колеса» и прибора «путь-время-скорость» у меня было предостаточно. А в 11 я надувал резиновый матрац и такую же подушку, которые хранил у себя под столом, и гасил свет.

В сумерках, нарушаемых только фарами проезжающих по улице Зои Рухадзе редких автомобилей и загадочным сиянием Луны, столь яркой на юге, я пил портвейн и закусывал. Налив стакан, я символически чокался с Таней, улыбающееся лицо которой вырисовывалось передо мной в лунном свете. И только проезжающий, подчас, автомобиль светом своих фар давал мне понять, что передо мной – пустота.

Выпив вино и порядком захмелев (0,75 портвейна градусов по 18-19), я, улыбаясь, ложился на матрац и засыпал, прижимая к груди упругую надувную подушку, шёпотом повторяя: «Таня, Таня!»

К 9 часам утра, когда теоретически должны были приходиться сотрудники, я уже был умыт и выбрит. С помощью кипятильника приготавливал себе чай и съедал остатки сыра и французской булки. Ни Хвингия, ни молодёжь, работающая в отделе, не знала о моём ночном пребывании. Лиле я говорил правду – что пишу докторскую, а дома кавказские шум и гам мне мешают. Но просил об этом не распространяться среди сотрудников.

Иногда я после работы приходил домой и уж лучше бы этого не делал, хотя чему быть – того не миновать. Ведь оставались ещё субботы и воскресенья, когда я хоть и вынужденно, но должен был находиться дома. И вот в один из таких дней, когда я был дома, случилась беда.

В квартире (в наших двух комнатах) стоял постоянный кавказский крик: то дети «воевали» друг с другом, то не хотели есть, а их заставляли. Понять не могу, почему детей насильно заставляют есть, ведь еда эта идёт совсем не туда, куда надо. Неужели здоровый ребёнок

позволит себе умереть с голоду? Да он живьём съест всё, что движется вокруг, но только если голоден. А если он сыт, а вокруг сырая, одуряющая жара, то полезет ли ему в рот бутерброд с толстым слоем масла и жирный сладкий гоголь-моголь?

А у бабушки существовал свой метод принуждения детей к еде, который был испытан ещё на мне. Она с криком бросалась к хлипким и низким перилам веранды и делала вид, что бросается из окна вниз.

- Кушай, или я выкинусь из окна! – кричала она, и, перегнувшись через перила, ждала, когда ребёнок, давясь, заглотает последнюю ложку или кусок ненавистой еды, и только после этого слезала с перил.

Я в кошмарных снах видел эту имитацию прыжка в окно, да и сейчас нет-нет, да приснится такой сон. Я возненавидел лакейское слово «кушать», взятое как будто из лексикона персонажей Зоценковских коммуналок.

- Спасибо, я «накушался!» – так и хочется ответить на случающееся иногда приглашение «покушать».

Так вот однажды бабушка, в очередной раз заставляя своих правнуков «покушать», слишком уж перевалилась через перила. Я с ужасом увидел, как ноги её оторвались от пола и повисли в воздухе. Уж лучше меня не было дома, или я замешкался бы, спасая её от падения! Всё случилось бы гораздо быстрее и без мучений! Но я мгновенно подскочил к перилам и втащил бабушку внутрь веранды. Разумеется, от ужаса всего происходящего, я сделал это довольно резко, и бабушка, упав на пол рядом с перилами, стала кричать, не давая до себя дотронуться.

Скорая помощь забрала мою бабушку в больницу, а вскоре её привезли обратно и сказали, что таких больных там не держат. У неё перелом шейки бедра на фоне сильнейшего остеопороза, о котором никто ничего не знал, и ей оставалось только лежать до конца жизни. А конец этот, как заявил врач, наступит через несколько месяцев. Вот и говорю – уж лучше бы я не успел схватить её и стащить на веранду! Когда был бы больший грех с моей стороны – не знаю, но мучений для всех и для неё самой было бы меньше, если бы я не успел.

Жить дома стало совсем невмоготу – ко всему имеющемуся, добавилась эта неизлечимая болезнь бабушки. А к тому же ещё долго болела, а потом и умерла наша безногая соседка Вера Николаевна. Мама нашла где-то закон, что если освобождается комната в коммуналке, и у проживающей там семьи есть право на улучшение жилищных условий (простите за эти мерзкие совдеповские термины!), то комната достаётся этой семье. Это подтвердил и адвокат, с которым мы посоветовались.

А вскоре к нам пришёл в гости «гонец» из райисполкома – за взяткой. Он без обиняков заявил нам, что если мы заплатим ему тысячу рублей (всего-то тысячу – заработок провинциальной проститутки Любы за неделю!), то комната достанется нам. А если нет, то тогда вселят жильцов. Таких денег у нас, при всём желании не было, и мы ответили отказом. «Гонец», паскудно улыбнувшись, ушёл.

Мы, не теряя времени, подали в суд. Взяли адвоката, который гарантировал выигрыш, то есть присуждение спорной комнаты нам.

- Вас шесть человек, в том числе двое маленьких детей, один кандидат наук, и ещё лежачий больной - инвалид первой группы – это дело решиться автоматически!

Но «народный» суд отклонил наш иск. Мы подали кассацию в Верховный Суд Грузии. И Верховный Суд признал наше безусловное право. Судья сказал даже, что ему непонятно, почему районный суд отклонил иск – только один кандидат наук, по законам тех лет, имел право даже на неоплачиваемую дополнительную площадь 20 кв. м.

- Поздравляем вас! – сказал мне судья, приходите завтра утром за решением суда.

Вечером мы «отметили» наш выигрыш, а утром я пошёл за решением. Но ни судья, ни делопроизводители, не захотели даже видеть меня. Наконец, ко мне вышел прокурор, который был вчера на суде.

- Молодой человек, я вам сочувствую, но ничего не выходит! На суде был представитель Исполкома, а сегодня утром позвонили из Райкома Партии и сказали судье, чтобы он их квартирами не распоряжался. Если не хочет положить партбилет! Вот почему он к вам не вышел –

ему нечего сказать! Всё утро он матюгался после этого звонка. Такие у нас права! – развёл руками прокурор.

Я вышел из суда в мерзчайшем настроении. Пришёл домой и сообщил новость.

- Спасибо Партии за это! – съязвил я маме, и она в первый раз мне ничего на это не ответила.

Тогда мы нашли «полувыход» из положения. После смерти моего деда Александра в 1963 году, его вдова – «тётя» Нэлли осталась жить в их комнате. Так вот, эту комнату она сдала в Исполком, чтобы её переселили в освободившееся помещение в нашей квартире. И тётя Нелли до конца присматривала за бабушкой, до самой её смерти в июле 1967 года. Вот судьба – бабушка сосватала тётю Нелли за своего бывшего мужа, и у неё на руках умерли и мой дед, и моя бабушка!

А весной 1967 года меня должны были избирать по конкурсу на старшего научного сотрудника, а я был оформлен лишь «по приказу». Я не придавал этому избранию никакого значения, полагая, что оно пройдёт автоматически. Но нет – в отдел после Учёного Совета пришёл Хвингия и сообщил мне, что моя кандидатура не прошла.

- Что это означает? – поинтересовался я.

- А то, что пока ты остаёшься работать по приказу, но в любое время тебя могут приказом же уволить. А если бы избрали по конкурсу, то пять лет тебя тронуть не могли.

Но интересно то, что в конце декабря 1967 года избранного по конкурсу начальника отдела Геракла Маникашвили, как миленького, в одночасье уволили с работы по собственному желанию!

И я благодарю судьбу, которая отнеслась так благосклонно ко мне, что устроила все 33 несчастья именно в Тбилиси: «прокатили» с квартирой, не избрали по конкурсу. Казалось бы, судьба сама выталкивала меня из Тбилиси – уезжай, уезжай, тебе здесь не место! А я ещё чего-то раздумывал!

Но решающий шаг в моём «изгнании» из Тбилиси сделал сам академик Трили. К лету 1967 года я завершил-таки написание моей докторской диссертации. Под видом отчёта я оформил её отпечатку на машинке, изготовление фотографий и переплёт за счёт института. Получилось около 600 страниц – это был перебор, но в любой момент можно было «лишние» страницы перевести в приложение.

Печатных трудов в это время у меня было около ста. Была и теория, а главное – был эксперимент – скрепер из кандидатской диссертации и грузовик с гибридом. А, кроме того, именно в период работы в Тбилиси, мне удалось изготовить и успешно испытать в Москве в институте ЦНИИТмаш несколько супермаховиков. Заявку на это изобретение я подал ещё в мае 1964 года, опередив на несколько месяцев первую зарубежную заявку на супермаховик.

Одним словом, это была полноценная законченная докторская диссертация, и я её принёс академику Трили в одно из его посещений института. Я положил этот толстенный фолиант перед академиком, и в изысканных выражениях попросил «моего руководителя, столь много сделавшего для меня», найти время и просмотреть эту работу на предмет защиты её на Учёном Совете в Грузии. Я приоткрыл обложку и показал написанные на титуле слова «Диссертация на соискание учёной степени доктора технических наук» и далее «Научный консультант – академик Трили Т.Т.»

Батони Тициан не дотронулся до фолианта. Я заметил, что он даже спрятал руки подальше, чтобы ненароком не притронуться к нему. Слово фолиант, как криминальные деньги, был припудрен специальным красителем (кажется, родамином), для обнаружения лица, взявшего их.

- Зачем тебе докторская, ты ведь уже кандидат! – наивно улыбаясь, спросил Трили.

Я захлопнул фолиант и положил его к себе в портфель. Всё! Мне в Грузии делать нечего, надо «рвать когти», пока не поздно, пока не устроили какой-нибудь провокации, чтобы уволить по статье или сделать другую гадость.

Среди «гадостей», которые мне делали, уже была такая иезуитская штуковина, о которой сегодня молодёжь и подозревать не может. И которая была одним из «шедевров» совдеповского давления на учёных, а в Грузии (подозреваю, что и в других местах с аналогичным менталитетом) этот «шедевр» применяли и для пополнения списка трудов тупых научных начальников.

Эта штука называлась «акт экспертизы-рецензии». Допустим, написал незрелый молодой или старый, но невнимательный научный сотрудник книгу, статью, заявку на изобретение. Но чтобы их подать, соответственно, в издательство, журнал или Комитет по делам Изобретений, нужен был упомянутый «акт», о том, что материал не содержит государственных тайн и действительно принадлежит автору, то есть, не украден у другого лица. А подписывала этот акт комиссия во главе с кем-нибудь из руководства института, университета или другого предприятия, где работал автор.

Так вот, почти все мои статьи и изобретения эта комиссия «заворачивала», пока я не приписывал впереди кого-нибудь из руководства, как минимум, Геракла. Мне приходилось изыскивать невероятные приёмы, чтобы опубликовывать свои материалы. Не буду их описывать, они не будут адекватно восприняты нормальными современными людьми, а людям из прошлого они уже не пригодятся. Так что каждая моя статья или заявка на изобретение, сделанная в НИИММППМ, давались мне не только умом, но и «кровью».

Поэтому в августе, когда похороны бабушки были уже позади, и наступил отпуск, я, забрав с собой свой фолиант, необходимые документы, сел на самолёт и полетел в город Тольятти – «пробраз города коммунистического будущего», как писали о нём в газетах.

Я нашёл в газете «Молодёжь Грузии», рекламку, где писалось, что молодой Тольяттинский политехнический институт, заинтересованный в привлечении научно-педагогических кадров, принимает на работу с предоставлением квартир, лиц с учёными степенями и званиями.

Тольятти – это город молодых, Тольятти – это будущая автомобильная столица страны, Тольятти – это великая русская река Волга, наконец. А главное, Тольятти – это Россия, где перед тем, как тебя соберутся давить, ты хоть успеешь пискнуть. А в Грузии – и пискнуть не успеешь! Это слова Михаила Владимировича Хвингия, человека долго жившего и в России и в Грузии, доктора наук, профессора. А профессорам надо верить!

Из аэропорта Курумоч я на такси быстро добрался прямо до Тольяттинского политехнического института, который располагался рядом с автостанцией, на улице Белорусской в доме номер 14.

Институт был открыт и я, разузнав, что где, поднялся в приёмную ректора. На моё счастье сам ректор оказался на месте. Я попросил секретаря доложить о посетителе – кандидате наук из Тбилиси, который хочет поступить в институт на работу. Ректор, грузинский мужчина лет пятидесяти, сам, широко расставляя ноги, вышел из кабинета мне навстречу и пригласил войти, постоянно повторяя:

- Милости прошу, милости прошу!

Я успел прочесть на табличке, что ректора зовут Абрам Семёнович Рубинштейн. Это несколько озадачило меня – впервые мне встретился ректор российского вуза – явный и не закамуфлированный еврей. Дело было при Брежневе, и еврей – на такой высокой административной и педагогической должности – это что-то новое и необыкновенное.

Я показал Абраму Семёновичу мой фолиант, который он перелистал с большим интересом.

- Да это сплошная теоретическая механика! – заметил он, - знаете, - он почему-то перешёл почти на шёпот, - сейчас у меня кафедрой теоретической механики заведует человек вообще без учёной степени, он оформлен по приказу (мне это было знакомо!). Пол годика ознакомьтесь с педагогической работой на кафедре в должности доцента, - ведь вы никогда не работали в вузах, - а там – на заведующего! У нас в Тольятти всё быстро! – улыбнулся «дядя Абраша», как я его сразу прозвал про себя. – Квартиру дадим возле соснового бора, в километре – пляж на Волге, в десяти минутах хода – институт! Зарплата хорошая, по НИСу можете подрабатывать – четыреста рублей, как минимум! Милости прошу!

Ректор забронировал номер в гостинице, выделил мне автомобиль и приказал водителю показать мне город. Наутро была назначена новая встреча, где я должен был сделать окончательный выбор.

Водитель первым делом свозил меня на пляж. Прекрасный песчаный пляж на Жигулёвском водохранилище – «Жигулёвское море». На той стороне живописные горы – Жигули. По пляжу

бродят прекраснотелые загорелые блондинки-волжанки, от взгляда на которых вскипает кровь южанина. Затем стройплощадка нового автозавода. Огромная территория, где сотни копров забивают в песок железобетонные сваи. Здесь будет завод-гигант!

И напоследок – институтские жилые дома, белокаменные девятиэтажки на самой опушке соснового бора. Сосны – хоть сейчас на мачты - прямые и высокие!

Показав все эти прелести Тольятти, водитель завёз меня в гостиницу, где я без волокиты оформился в забронированный прекрасный номер. Я выпил заготовленный портвейн, закусил фруктами и принял горячую ванну. Из крана шла горячая вода – это тебе не Тбилиси, где и холодной-то не дождёшься!

Утром я с удовольствием написал заявление с просьбой допустить меня к конкурсу на замещение вакантной должности доцента по кафедре «Теоретическая механика». Представил копию диплома кандидата наук.

- С характеристикой заминка... - витиевато начал я, но «дядя Абраша» перебил меня. - Не беспокойтесь, я всё понимаю! Ну, кто захочет, чтобы от него уходил хороший сотрудник – вот и не дают характеристику, - вздохнул ректор, - поэтому мы принимаем документы и без этого.

Ректор с интересом рассмотрел мой паспорт, нашёл место, где фигурирует знаменитый «пятый пункт», и облегчённо вздохнул: «Слава богу!» Заметив мой интерес, он продолжил:

- Слава богу, что вы не еврей, а ведь внешне так похожи! За каждого нового еврея мне делают кровопускание в Горкоме Партии. Устроили здесь синагогу, говорят! Действительно, у нас перебор евреев, а ведь на всё есть свои квоты. И чего они только сбегаются сюда – ума не приложу, может потому, что ректор - еврей? И «дядя Абраша» хитро улыбнулся мне, даже подмигнув...

Мы расстались почти по-дружески. Ректор обещал немедленно сообщить телеграммой результаты конкурса.

- Милости прошу, милости прошу! – с этими словами он проводил меня до двери, энергично пожимая мне обе руки.

А в сентябре мне пришла телеграмма из Тольятти: «Вы избраны по конкурсу на вакантную должность доцента кафедры теоретической механики тчк сообщите приезд тчк проректор Подейко».

Надо было готовиться к отъезду. Ехать решил я один, а когда получу квартиру, «выпишу» семью. На работе сказал, что еду строить автозавод в Тольятти, чтобы не подбросили «подлянки» в Политехнический.

Я подал заявление об увольнении с шестого октября – как раз в день моего рождения. На месяц меня имели право задержать на работе, но получилось всё иначе. Видимо, директор или Авель сообщили Трили, так как он срочно вызвал меня к себе в Президиум Академии. Я никогда не видел его таким сердитым.

- Ты что дурака валяешь, корчишь из себя обиженного! – почти кричал на меня Трили. – Прикажу, как миленькие проведут тебя по конкурсу. Чего тебе здесь не хватает? Завод захотелось строить в этой России, на колбасе и водке жить?

Я не совсем понял эту последнюю фразу – «на колбасе и водке жить». А здесь я что, на икре паусной и на шампанском живу? Но я промолчал, и, улыбаясь, заметил, что решил участвовать в стройке коммунизма, и ему, Трили, как коммунисту, должно быть близко это и понятно. Трили аж рот раскрыл от моего лицемерия, но сказать ничего не решился. Мы попрощались, и я ушёл.

В последний рабочий день 6 октября я пришёл на работу ровно в 9 утра, чтобы не было повода подловить меня за опоздание. Но я не узнал отдела. В большой комнате стоял празднично накрытый стол, на котором были расставлены грузинские яства и возвышался бочонок вина. Поражённый этим событием я спросил, по какому это поводу:

- По твоему поводу! – был ответ Хвингия.

Аллочка Багдоева, много лет спустя рассказала мне, что я, посмотрев на этот стол, покачал головой и философски заметил:

- Эх, при жизни бы так!

Но я сам этой моей реплики не помню. Потом я забрал трудовую книжку и другие документы, и снова пришёл в отдел. Были тосты за мой успех, за то чтобы «обо мне было слышно», а Хвингия пожелал, чтобы в России мой «писк» был бы услышан, если меня надумают-таки «давить».

По грузинскому обычаю после поедания варёной телячьей лопатки – «бечи», на этой плоской кости, как на доске, каждый написал своё пожелание. Я эту «бечи» возил с собой повсюду, где пришлось жить, и часто рассматривал пожелания. Особенно понравилось мне: «Помни Грузию – мать твою!» Кто писал, не знаю, но видимо, искренне.

Что ж, буду помнить Грузию, вовек не забуду - твою мать!

Глава 5. Тольятти, Тольятти ...

Весёленькое начало

Итак, я успел унести таки ноги с грозного Кавказа, где меня могли «задавить» так, чтобы я и пискнуть не успел. Теперь я навек не забуду Грузию (твою мать!). А в городе «коммунистического будущего» меня, конечно же, ждали с распростертыми объятиями, с отеческой заботой ректора – «дяди Абраши». И романтические волжанки подбрасывали в воздух свои чепчики в ожидании кавказского донжуана!

«Размечтался, маразматик!» - пользуясь вульгарным лексиконом, констатирую я истинное положение вещей. В городе на Волге меня ждут обманы и разочарования, чуть не доведшие до суицида, предательства товарища и любимой женщины, собственные малодушие и слабость. Нет, были и приятные моменты, например, научные успехи, а особенно – любовь самой красивой и «правильной» женщины в моей жизни. И это немалого стоит!

Итак, я уже житель Тольятти – города «коммунистического будущего».

- Тольятти, Тольятти, в тайге и на Арбате -

Тебя я не забуду никогда!

Это слова из гимна городу, сочинённые, кажется, сыном ректора Лёвой, моим будущим студентом-отличником и хорошим парнем. Действительно, Тольятти я не забуду никогда – почти три года, проведённые в этом городе, были ярким этапом моей жизни. Я впервые столкнулся с совершенной самостоятельностью в жизни. В Тбилиси была семья, с её мнением приходилось считаться, было много знакомых, родственников и товарищей. В конце концов, я первые лет двадцать моей жизни непрерывно прожил там, худо-бедно, но знал законы тамошней жизни, местный менталитет. В Москве рядом были мои благодетели – Фёдоров и Недорезов, уберегавшие меня от очень непродуманных поступков, была моя любимая Таня, наконец, там жил мой дядя.

А здесь - всё ново! Начиная с самого города, который частично, построен на территории бывшего Ставрополя на Волге, большей частью затопленного Жигулёвским водохранилищем. Если переплывать водохранилище на катере, то под водой, как в сказочной Винетте, были видны затопленные дома и другие постройки. Мне казалось, что я видел даже затопленную церковь.

В Тольятти постоянно дули ветры, часто несущие с собой пыль, и сторожилы шутили: «Раньше был Ставропыль, а теперь – Пыльятти!». Совершенно неожиданно может разразиться гроза с ураганными порывами ветра, страшными молниями и градом, а через полчаса – снова светит Солнце.

Новое, странное название города, российского и не маленького, названного в честь итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти. Может из-за того, что завод большей частью был куплен у итальянцев? Но ведь у итальянцев-капиталистов, а не голодранцев-коммунистов; вот и назвали бы, например, в честь основателя концерна «Фиат» - Аньели. А то, ни с того, ни с сего – Тольятти! В Италии его почти никто не знает, а тут огромный город имени неизвестного дяди с трудновыговариваемой фамилией. Нет, пора переименовывать!

Новым и совершенно неожиданным оказалось у меня и местожительство – поселили меня в отдельной комнате, как ни странно, женского студенческого общежития. В других общежитиях свободных комнат не оказалось. Комната моя была на втором этаже двухэтажного деревянного дома, так называемого барака. В коридоре, на кухне, в холле у телевизора – одни девицы. Вроде бы, это и хорошо, но это - студентки, а на студенток – табу!

Заходил я на кафедру, познакомился с заведующим – пожилым человеком без учёной степени со странной фамилией – Стукачёв. Звали его Михаилом Ильичом. Остальные преподаватели тоже были без учёных степеней, кроме одного, прибывшего прямо к началу занятий – в конце августа.

Прибыл он из Еревана и фамилию имел тоже странную - Поносян, Григорий Арамович. Панасян, Полосян, Погосян – слышал, а вот Поносян – нет. Может быть, при регистрации

рождения где-нибудь в глубинке, ошиблись буквой. В школе, наверное, «Поносом» дразнили. А может, по-армянски это очень благозвучная фамилия; «Серун», например, (или «Серум») - по-армянски это «любовь», а по-нашему - чёрт знает что!

Так этот Поносян имел степень кандидата наук, работал доцентом в каком-то ВУЗе Еревана, и как он признался мне, приехал из-за квартиры. Григорий Арамович был лет на пять старше меня, полный, сутулый, с грустными чёрными глазами, в которых отражалась вековая скорбь вечно угнетённого армянского народа.

Он был очень обрадован, что я тоже с Кавказа: – родная душа, - говорит, - будет с кем поговорить! И тихо предупредил: - со Стукачёвым не откровенничай, он оправдывает свою фамилию!

Стукачёв собрал лекторов кафедры и предложил поделиться со мной «нагрузкой». Лекторы мялись, не желая отдавать своих «потоков», а поручить вести за кем-то из неостепенённых преподавателей семинары, кандидату наук было неэтично. А Поносян предложил вообще не загружать меня до весны, дескать, пусть новенький освоится, подготовит свой курс лекций, и так далее. На зарплате же это не отражалось – тогда все получали ставку, независимо от нагрузки.

На том и порешили, и я был очень рад этому – не надо было готовиться к занятиям. Так и «болтался» по общежитию, по городу, начал тренироваться в зале штанги при институте. Поносян жил в другом – преподавательском общежитии, расположенном далеко, а моё, фактически, было во дворе института.

Но день ото дня мне становилось всё скучнее и скучнее. Ни одного приятеля, а главное – приятельницы! И начал я потихонечку попивать в одиночку, дальше – больше. Вот так, начиная с утра, наливал себе в стакан грамм сто водочки и шёл на кухню жарить яичницу. В столовую или ресторан в Тольятти тех лет не пробьёшься – километровые очереди. Сажу в своей келье, слушаю, как мимо моей комнаты ходят студентки, а шлёпанцы их - «хлоп-хлоп» по голым пяткам. Я аж дверь запираю, чтобы ненароком не выскочить, не схватить какую-нибудь из тех «голопяток», да затащить в комнату и изнасиловать. А там - хоть трава не расти! И наливал новую «дозу» в стакан.

Заканчивался октябрь, в Тольятти уже несколько раз шёл снежок, но таял. Дул ледяной пронизывающий ветер. Я надевал своё «комиссарское» кожаное пальто, которое мне купила в Москве Таня.

Последний раз я ехал в Тольятти через Москву. Пару дней провёл с Таней, рассказал ей об изменениях в моей жизни. Она, посмотрев, как я был одет, немедленно повела меня в комиссионный магазин и купила длинное чёрное кожаное пальто с меховой подстёжкой, которую можно было и снимать. Это пальто застёгивалось на металлические пуговицы, а кроме них был и широкий пояс с металлической же пряжкой. Купила она мне также чёрную меховую «ушанку» с кожаным верхом и опускающимся передом, и чёрные кожаные же перчатки.

- На Волге бывают сильнейшие морозы с ветром – дыхание Сибири! – пояснила Таня, - мигом в ледышку превратишься! Конечно же, деньги я выслал Тане сразу, как только получил «подъёмные». Когда я надевал всю эту «кожу», то становился похож на комиссара времён гражданской войны. Пальто имело огромные холщёвые внутренние карманы, в каждом из которых помещалось по три поллитры. Находка, а не пальто! Пропал бы я без него, первой же зимой – холода зашкаливали за сорок три градуса, а при этом ещё и сильный ветер. Но наступления зимы я, возможно, и не дождался бы, не будь этого пальто, купленного мне любящей и любимой душой.

Наконец выпал устойчивый снег. Из моего окна, выходящего на запад, открывался вид на шоссе и бескрайнее поле. Очередной день мой прошёл в тех же мучениях сексуальной и трудовой недостаточности, что и раньше. Часам к четырём я выпил настолько сильно, что заснул. Проснулся я на закате, чего не пожелаю даже врагу, даже Гераклу Маникашвили или Домбровскому (а их в те годы я считал главными своими врагами!). Народная мудрость говорит, что сон на закате приводит к страшной депрессии при пробуждении.

Так случилось и со мной. Меня разбудил луч заходящего за снежный горизонт огромного красного солнца. Я понял, что наступил вечер, а перспектив – никаких. Пить водку не хотелось, я был сыт ею по горло. Впереди – пустота, чёрная дыра, сплошная энтропия!

Я привстал с постели, случайно потянув за собой простыню. Обнажился край грязно-серого матраса с огромной иссиня-чёрной печатью «ТФКПИ». Я догадался, что это «Тольяттинский филиал Куйбышевского политехнического института» - матрас был старый, ещё тех времён, когда наш Политехнический был филиалом.

- Ну и занесло же меня! – с ужасом подумал я и похолодел от этой мысли. – Москва, Тбилиси, теперь вот этот филиал... А дальше что? Дальше – ничего!

Я резко поднял голову и оглядел верх комнаты. Над окном с видом на уже зашедшее солнце проходила труба водяного отопления. Я выдернул из моего пальто кожаный пояс, просунул его конец в пряжку, образовав подобие петли, и забрался на подоконник. С этой высоты я увидел самый верхний краешек заходящего за снежный горизонт Солнца.

- Успеть, успеть! – забеспокоился я, и, лихорадочно стал завязывать узлом конец пояса на горячей железной трубе. – Успеть, пока не зашло! – бессвязно бормотал я, спешно просовывая голову в петлю. – Успеть! – как в бреду проговорил я, прыгая с подоконника.

Рывок за шею, затем – темнота в глазах, и вот я уже ощущаю себя лежащим на полу с петлёй на шее. Я взглянул на трубу - на ней торчал, завязанный узлом конец пояса. Порвался, порвался Танин пояс, не дал мне повисеть вволю! Я встал на колени и повернул петлю на шее оборванным концом вперёд. Пояс лопнул по косому шву; было заметно, что он сшит из мелких кусочков кожи и играл лишь декоративную роль. Воспользуйся я брючным ремнём, вынули бы меня из петли ещё не скоро...

Резкий стук в дверь прервал мои мысли; я, пошатываясь, подошёл к двери и отпер её ключом, торчащим из замка. В дверях стоял незнакомый молодой человек интеллигентной наружности.

- Меня зовут Геной, я живу в комнате под вами. У вас падало на пол что-нибудь тяжёлое? Гена взглянул на мой оригинальный галстук, на оборванный кусок пояса на трубе и всё понял. Он вошёл в комнату и затворил за собой дверь.

- Вы разрешите мне пригласить вас к нам на чай? Я живу с женой Леной и сейчас у нас в гостях ещё одна дама. Уверен, что вам сейчас необходимо развеесться. Только, пожалуйста, снимите этот ваш ужасный галстук!

Глупо улыбаясь, я снял «галстук», бросил его на койку и пошёл за Геной. По дороге Гена сообщил мне, что он меня знает - что я новый доцент с теоретической механики, и что дама, которая у них в гостях, тоже живёт в нашем общежитии - она доцент с кафедры химии.

Мы зашли в комнату Гены, где за столом пили чай две женщины – одной лет двадцать, другой лет на десять больше. Я представился дамам и сказал, что у меня со стены свалилась тяжёлая полка с книгами и чуть было не зашибла меня.

- Я - Лена, - сообщила молодая женщина, работаю на «Иностранных языках», а это – и она кивнула на женщину постарше – Наташа Летунова, она работает вместе с моим мужем на «Химии».

- Выпейте чаю! - предложила она.

- А как насчёт водки, у меня есть бутылочка? – осторожно спросил я.

Лена замотала головой, а Наташа заинтересованно посмотрела на меня огромными голубыми глазами и ответила неожиданной фразой:

- С большим и толстым удовольствием!

Голос у Наташи был низкий и хрипловатый. Мы встретились с ней взглядами, и я понял, что она – наш человек! Я сбегал наверх за бутылкой и «мухой» спустился вниз. Лена достала из шкафа два яблока и нарезала их; поставила три рюмки - мне с Наташей и Гене, сама она не пила совсем.

- Давайте выпьем мой любимый тост – за жизнь! - предложил я, - по-еврейски это звучит так – «лехаим!».

Гена внимательно посмотрел на меня, хитро улыбнулся и пригубил рюмку. Наташа выпила залпом; я медленно и с удовольствием отхлёбывал водку – в голове у меня был ураган. Лена захлопала в ладоши и спросила, не еврей ли я (потом я узнал, что она сама – еврейка)?

- Учусь этому! – загадочно ответил я.

Гена весь вечер допивал свою рюмку, а остальное выпили мы с Наташей. По её реакции на знакомство со мной, я понял, что «встретились два одиночества». Она стала называть меня «Нури», а я, её – «Натой». Вскоре она захотела спать и попросила проводить её; я заметил, что Наташу сильно «вело».

Провожать оказалось недалеко – она жила на первом этаже в конце коридора. Наташа отперла дверь, и, отворив её, быстро протолкнула меня в комнату, видимо, чтобы не заметили студентки. Затем она заперла дверь уже изнутри, но свет зажигать не стала. Достаточно света проникало через два окна, завешанные газетами. Наташа без обиняков обняла меня за шею и поволокла к постели, которая уже была разобрана. Всё это казалось мне какой-то фантастикой или сном, но я решил, что так, видимо, это и должно быть – судьба!

- Делай со мной, что хочешь, но только обещай, что не будешь звать меня замуж! – прошептала мне прямо в ухо Наташа, когда мы уже фактически выполняли супружеские обязанности.

- Торжественно клянусь – не буду! – прерывисто дыша, обещал я.

Интуитивно я почувствовал, что уже скоро Наташа собирается нарушить тишину, и прикрыл ей рот ладонью. Звуки получились сильно приглушёнными.

- Проклятые студенты! – успела только, задыхаясь, прошептать Наташа, как ей пришлось «глушить» уже меня.

И вот мы как рыбы, вытащенные из воды, лёжа на спинах, пытаемся дышать, беззвучно открывая рты. Студенты, вернее, студентки не дремлют! Им интересно всё, чем занимаются их доценты! В голове моей всё постепенно «устаканилось».

- Да, висеть бы мне сейчас с вываленным набок языком, не порвись пояс! – не давала мне покоя эта одна-единственная мысль. – Никаких суицидов больше, что бы ни случилось! – поклялся я сам себе. Заклялась, как говорят, свинья на помойку не ходить!

Предательства

Время от времени я заходил-таки на кафедру, чтобы сотрудники меня не забывали. Кроме преподавателей на кафедре работали три лаборанта – женщина-секретарь, жена доцента с соседней кафедры, а также двое мужчин – безногий ветеран войны Менадр Евстратович Олеандров (Поносян постоянно путал и называл его «Олеандр Менандрович»), и молодой, чрезвычайно мрачный и молчаливый парень – Коля Мокин – пришедший только что после армии.

Когда на кафедре было много сотрудников, я веселил их анекдотами, которых помнил множество. Народ хохотал, только один Коля Мокин сидел молчаливый и мрачный, даже не улыбался, хотя анекдоты внимательно выслушивал. Но вот я перешёл к анекдотам на армейскую тематику. Рассказываю один из них: «Солдат, слушающий анекдот, смеётся три раза: когда рассказывают, когда поясняют, и когда доходит. Офицер смеётся два раза: когда поясняют и когда доходит. Генерал смеётся только один раз: когда поясняют - до него не доходит!».

Ну, все посмеялись, а Коля всё сидит мрачный, сдвинув густые брови, о чём-то думает. Прошло минут пять, все уже забыли об анекдоте, как вдруг стены кафедры сотряс громоподобный смех Коли, чего раньше от него никто и не слышал.

- Ха, ха, ха! – громко смеялся Коля, а потом, закончив смеяться, отчётливо сказал: - Да, Нурбей Владимирович, вы не лишены чувства юмора!

На этот раз стены кафедры сотряс коллективный гомерический смех всех сотрудников, длившийся так долго, что к нам в дверь стали заглядывать из коридора. Когда я уходил, Григорий Арамович, провожая меня до вестибюля, сказал напоследок:

- Как весело с тобой, будто находишься в родном Ереване! Зашёл бы в гости, так хочется выпить с кавказским человеком!

Мне и самому хотелось выпить с коллективом – Абросимовы (это Гена и Лена) почти не пили, а вдвоём с Наташей пьянствовать скучно, хотя мы и делали это каждый день. И я спросил у Поносяна, можно ли мне прийти с подругой из нашего же вуза, на что получил резко

положительный ответ. Когда я сообщил Наташе, что мы приглашены к Поносяну в гости, она отнеслась к этому настороженно.

- Ты хорошо его знаешь, ведь к выпивке у нас в институте особое отношение – почти сухой закон?

Я слышал, что «дядя Абраша» нетерпимо относится к пьянству, на партсобрании разбирали даже чье-то «персональное дело» за выпивку – об этом гласило объявление в вестибюле. Но мы ведь идём к кавказцу, почти к родственнику!

Заложив три поллитровки в карман кожаного пальто, подпоясавшись отремонтированным поясом, и взяв под руку мою Наташу, я отправился в гости к Поносяну. Он жил, как я уже говорил, в преподавательском общежитии, но как оказалось, в одной комнате с другим доцентом, молодым и общительным Гавриловым с кафедры философии.

Мы перезнакомились друг с другом, я вытащил три бутылки из одного кармана, что поразило хозяев, и мы начали выпивать. Почему-то Поносян после первой же рюмки пить отказался – привык, говорит, к вину, да и вообще сегодня печень побаливает. Наташу это опять же насторожило, но я шепнул её на ухо: - больше останется!

Пили, в основном, я с Гавриловым, да и Наташа – чуть-чуть. Как поётся в песне, «выпили мы пива, а потом – по сто, а затем начали – про это и про то!» Коснулись мы того, что в институте – одни евреи. Поносян заметил, что почти все заведующие кафедрами – евреи, что нам здесь ничего не светит; он сам, например, собирается получить квартиру и снова тут же вернуться в Ереван.

– Так что, если ты собираешься получить кафедру, - забудь об этом, найдут какого-нибудь еврея! – доверительно сказал мне Поносян.

- А как же Абрам обещал мне через полгодика? – возмутился я.

- Да он всем обещает, и мне обещал то же самое! – признался Поносян.

И тут меня понесло – я и так, и этак поносил ректора, а за ним и всех институтских евреев. Даже затронул ректорскую маму, чего, правда, сам не помню.

- А какой он развратник – ты себе не представляешь! - добавил Поносян. – Был, понимаешь, в санатории в Кисловодске, да не один, а с молодой любовницей – вот с их кафедры, - и Гриша указал на Гаврилова. Тот засмеялся:

- Ну и шутник же ты, Гриша, да ей ещё тридцати нет, не верю!

- У меня доказательства есть – фотографии! В том санатории мой двоюродный брат работает, вот он их и сфотографировал на память. А потом фотки эти мне передал, узнав, где я работаю. - Если будут обижать – покажешь, - говорит!

Но когда Гаврилов посерьёзней, Гриша рассмеялся и превратил всё в шутку.

Выпил я у Поносяна сильно – Наташа еле довела меня домой и положила спать в моей комнате - в таком состоянии я был ей бесполезен. Студенток мы не стеснялись, все уже были в курсе наших дел. Я спал часов до одиннадцати, пока в комнату ни постучала дежурная и ни сообщила, что меня срочно вызывают к ректору. Не предполагая ничего плохого, я быстро оделся и через полчаса был уже в приёмной. Ректору доложили, и я зашёл.

- Разговор будет плохой, - сразу предупредил меня Абрам, - знайте, что у нас городок очень маленький, а институт ещё меньше! Вчера вы при сотрудниках института ругали меня матерно и ругали всех евреев – что плохого я или другие евреи вам сделали? Ведёте развратный образ жизни, пьянствуете – и это при студентах в общежитии. А нагрузки почему себе не взяли – так вы приобретаете преподавательский опыт? Я недоволен вами – немедленно исправляйтесь, если хотите вообще у нас работать!

Вышел я от ректора так, как будто меня окатили – нет, не холодной водой, а ушатом дерьма. Кто донёс? Наташе же это самой не выгодно. Поносяну – тоже, ведь мы ректора ругали вместе. – Гаврилов! – мелькнула мысль, – он коммунист, на кафедре философии все коммунисты; он не ругал ни ректора, ни евреев. Как бы он не сказал ректору про фотографии, что у Гриши!

Я немедленно разыскал Поносяна, для этого мне пришлось даже его вызвать с занятий, и рассказал ему о происшедшем.

- Точно – Гаврилов! – поддакнул мне Григорий, - ведь они на кафедре философии все «сексоты». Секретные сотрудники – расшифровал он это слово, видя моё недоумение. А с фотографиями – это я пошутил, ты сам смотри – никому про это!

Наташе я рассказал про визит к ректору уже после работы, она была очень раздосадована.

- Ну, всё, теперь мы оба у начальства на крючке! Не хотела туда идти, чего ты и меня потащил? Теперь тебе никогда не получить кафедру, а мне – должности заместителя декана по воспитательной работе. Хотела подработать немного! Уверена – донёс Поносян! Морда у него отвратительная, не выпил ни капли, да и заинтересован он, чтобы ты кафедру не получил. Он на место заведующего кафедрой метит!

Я решил, что и это логично, но прямых доказательств нет. Надо быть крайне осторожным со всеми, хотя чего уж осторожничать, когда всё потеряно! Я уже хотел, было отметить мою неудачу дома, но Наташа меня попросила:

- Сделай мне приятное, зайди со мной к одному знакомому, он в соседнем доме живёт. Он – шофёр-таксист. Недавно он меня с Курумоча бесплатно довёз. Летала в Казань, ещё до знакомства с тобой, а по дороге назад у меня из кармана кошелек спёрли, так он довёз меня бесплатно домой. Правда, я обещала занести ему деньги, даже паспорт показывала, где живу, оказалось, что мы соседи.

- Посидим полчасика, выпьем, отдам ему деньги, поблагодарю, и домой пойдём. Только не вздумай ревновать - ему пятьдесят с лишним лет, мужлан такой малограмотный - сам увидишь!

Взяли пару бутылок водки, Наташа перевела меня через двор, и позвонила в дверь, крыльцо, которого выходило почти на угол нашего дома. Дверь открыл хмурый мужик в тулупе, оказавшийся тем самым водителем.

- Дмитрий Васильевич, вот я и нашла вас! А вы, наверное, решили, что я забыла про должок! – Наташа вошла в дом, ведя меня за собой. В комнате оказалось очень холодно – отопление было печное, а печь – нетопленной. Кроме холода в комнате был страшный беспорядок, бардак, что называется. На газете на столе - недоеденная селёдка и полкирпича чёрного хлеба. Мы, не снимая верхней одежды, присели за стол, я вынул бутылки. Хозяин оживился, сбегал куда-то, принёс охапку дров. Помимо стенной печи, в комнате стояла жестяная печка-буржуйка, дымовая труба от которой шла прямо в верхнюю часть стенной печи.

Печка загудела, в комнате сразу же стало тепло. Мы сняли пальто и положили рядом с собой. Дмитрий Васильевич тоже снял свой тулуп и принёс из сеней пару селёдок, стал их чистить. Я заметил, что у него не хватает верхних фаланг нескольких пальцев на руке, а где эти фаланги имелись, был несмываемый «траур» под ногтями. Всё это было так противно, что я только и стал дожидаться конца этого визита. Мы выпили по первой, мне после вчерашнего стало тошно, и я больше не притрагивался к водке. Наташа и шофёр продолжали пить; Наташа оживилась, стала отпускать какие-то сальные шуточки.

Если хотите увидеть людей в самом гадком свете, то при коллективной пьянке сами воздержитесь, не пейте, и вам будет до тошноты противно смотреть на пьющих и слушать их бред. Если, конечно, они не английские лорды. Наташа и Дмитрий Васильевич лордами не были, и мне стало гадко. Я начал звать Наташу домой, мотивируя тем, что мне жарко (а в комнате действительно стало как в бане – тепло и сыро). Она посоветовала мне одеться и подождать во дворе.

- Я за тобой – мухой! – заявила она и поцеловала меня в щёку.

Я оделся и вышел. Подождал с четверть часа, разозлившись, вернулся назад. Но дверь оказалась запертой. Тогда я стал звонить, дверь, ворча, открыл Дмитрий Васильевич – босиком, в майке и кальсонах. Кинувшись в комнату, я увидел Наташу, лежащую в койке под одеялом; лицо у неё было багровым и в пятнах.

- Дмитрий Васильевич, - прогнусавила она, - выгоните его, он мне надоел!

- Ну, что, - спросил меня этот монстр в кальсонах, - сами уйдём, или сделаем, как они велели?

Я повернулся и, не ощущая ничего, вышел во двор. Полная Луна сияла, как холодное Солнце, освещая снег. Вокруг была смертельная красота. Глубоко проваливаясь в сугробы, я шёл

«напрямки» к входу в общежитие и удивлялся, как это земля не развернется подо мной, и я не провалюсь в Тартарары. Что это всё означает – спасение моё из петли, внезапное любовное счастье, неожиданное предательство сотрудника, и конец карьеры? И далее - неслыханное по цинизму предательство любимой женщины! Не слишком ли частая смена декораций, дальше, как будто, некуда...

Но я, как обычно, ошибся, дальше было куда... Зайдя в комнату Наташи (ключи были у меня), и погасив свет, я лёг в её постель. Постель не менялась, наверное, никогда; простыня была местами необычно накрахмаленной; в комнате стоял устойчивый запах застарелого секса. Понюхав подушку, глубоко втянув носом воздух, я почувствовал после прогулки по чистейшему и лунно-морозному воздуху, что от подушки приторно сладко запахло Наташей. Подумав немного, я снова сладострастно понюхал подушку и заснул, обняв и прижав её к лицу. Проснулся я от стука в дверь. Ключ был вставлен в замок и торчал с моей стороны.

- Кто там? – ошалело спросил я и понял, что уже утро.

- Нури, прости, это я! – жалобным баском пропела лисица-Наташа.

Отворив дверь, я увидел несчастных, дрожащих с похмелья, Наташу и её монстра-приятеля. Они вошли, и Дмитрий Васильевич заспешил обратно.

- Я проводил их, чтобы ничего по дороге с ними не случилось! Простите нас, чего по-пьянке не бывает! – стуча зубами, просипел Васильич.

- Одну минуточку! – бросил я ему и приказал Наташе, - раздевайся, и - в койку!

Она, дрожа от тремора, принялась быстро раздеваться, и я не отставал от неё. Раздевшись, она – худющая и сутулая, бессильно повалилась на койку. Я лёг на неё, покрыв своим телом, и тогда уже спросил ошеломлённого этим зрелищем Васильича.

- Что, выйдешь сам, или помочь?

Тот нелепо затопал сапогами, завертелся, видимо забыв, где выход и, наконец, вышел вон. Я запер за ним дверь и приступил к экзекуции Наташи...

А через три дня...Чтобы было понятно, и в тоже время, чтобы обойтись без обыденщины, расскажу анекдот в тему, причём в двух сериях.

Над Африкой, районом, где проживали дикие племена, разбился самолёт. Все погибли, осталась в живых одна стюардесса, которую взял своей очередной женой вождь местного племени. Конец первой серии.

Вторая серия. Через три дня вождь собирает своих воинов и спрашивает их:

- О, мои храбрые воины, помните, как в позапрошлом году крокодил откусил мне ногу, плакал ли я тогда?

- О, великий вождь, ты не плакал тогда! – отвечали воины.

- А когда в прошлом году тяжеленный бегемот наступил мне на живот, плакал ли я тогда?

- О, великий вождь, ты не плакал и тогда! – отвечали воины.

- А теперь я плачу, плачу, когда писаю!

Теперь ясно, что со мной случилось через три дня? Если не ясно, то дополняю сказанное ещё одним анекдотом.

- Всё течёт, всё меняется! – сказал философ.

- Всё течёт, но ничего не меняется! – возразил больной одной неприличной болезнью, называемой «гусарским насморком», «путешественником», «триппером», «гонорреей» и мало ли ещё как...

Одним словом, мне не хватило всех бед, которые со мной приключились, и я получил в наследство от Дмитрия Васильевича этот гусарский насморк, будь он неладен (и Васильич, и насморк!). Хотел, было, набить Натахе лицо, но пожалел - своя, всё-таки...

Дальнейшие приключения

И вдруг...Наконец, должно же нам хоть в чём-то повезти - Наташе объявили, что ей выделили квартиру и нужно срочно, за день или два заселяться. Квартира была двухкомнатной с одной проходной комнатой, совмещёнными удобствами и крохотной кухней в пятиэтажной «хрущёбе» на последнем этаже. Но считалось, что и это отлично.

Перевозить было практически нечего, вся обстановка в комнате была «казённой», но была одна загвоздка. Наташа никак не могла найти слов, чтобы сказать мне об этой загвоздке. Но, наконец, нашла слова, и вот в чём оказалось дело.

Будучи дамой ленивой, Наташа не выходила вечером, ночью и утром в туалет, который находился в конце коридора, и делала свои дела (естественно, не очень серьёзные!) в комнате в баночки. Баночки затем сливались в трёхлитровые баллоны из-под сока; они закупоривались полиэтиленовыми крышками и хранились под кроватью и в шкафу. Баллонов было таких около двадцати, и их надо было ликвидировать, чтобы «сдать» комнату и получить разрешение на въезд в квартиру.

Но как эти баллоны с желтоватой жидкостью пронести незаметно через весь коридор, чтобы проницательные студентки ничего не заметили? Я на минутку задумался и нашёл-таки решение. Мне его подсказала загадка, которую я немедленно загадал Наташе.

- Наташа, а у какой нации есть такая фамилия - Мачабели?

- Да грузинская это фамилия, такой писатель был или артист, не знаю, - без энтузиазма ответила Наташа.

- А фамилия Мачасини – это у какой нации?

- Итальянская она, а в чём дело?

- А дело, моя дорогая, в том, что была «моча бели», а теперь будет «моча сини», и ни один студент не догадается! Беги за чернилами!

Наташа «мухой» слетала в институт и принесла пузырьков десять синих чернил для авторучек с кафедры. Мы откупоривали баллоны, заливали туда пузырьки чернил, а потом несли баллоны с тёмно-синей жидкостью сливать в туалет. Студентки таращили глаза, но ничего понять не могли. Наташа сама призналась одной из них, что красила постельное бельё в синий цвет - так сейчас модно - а теперь сливает отработанную краску.

Так или иначе, комнату мы сдали, положили жалкие пожитки Наташи в чемодан и принесли его в квартиру, которая была неподалёку. Вторым рейсом мы зашли в спортмагазин и купили надувной матрас с подушками. По дороге взяли выпивку и закуску. Отметим вселение, надули матрас и заснули. Ночью, потихоньку сталкивали друг друга с узенького матраса, так как вдвоём на него не помещались. Назавтра пришлось покупать ещё один.

Начало моей «течки» совпало с нашим вселением на новую квартиру. О том, чтобы лечить позорную болезнь в городском диспансере, даже и разговора не могло быть. Как говорил мне наш ректор, Тольятти – городок маленький, и назавтра всё «интересненькое» будет известно повсеместно. Поэтому Наташа позвонила в родной город Казань и переговорила со своей знакомой медсестрой о нашей обоюдной проблеме.

- Миллион бициллина в мышцу сейчас и сто тысяч – через месяц. По пачке тетрациклина и норсульфазола в день в течение недели. От выпивки в период лечения воздержаться! – пробубнила мне Наташа советы медсестры.

Мы дружно посмеялись над последним советом «учёной» медсестры, но шприц и пузырьки с бициллином купили. Уколов, естественно, никто из нас делать не умел, знали только, что их делают в ягодичку. Прокипятили шприц (тогда одноразовых не было!), положили его на блюдечко остывать, а сами для храбрости «приняли». От страха нас бил колотун, уколов мы оба очень боялись, тем более от таких непрофессиональных «медиков».

Я раскрыл пузырёк с бициллином, это оказался порошок. Как же его колоть, если он порошок? Решили разбавить кипячёной водой. Высыпали два миллиона единиц бициллина на блюдце (а это оказались все десять пузырьков!), разбавили рюмкой воды и размешали ложкой. Получилась каша. Налить больше воды – тогда в шприц не поместится. А так - эта каша и не засасывается!

Вынул я поршень из шприца и ложкой заложил туда кашеобразный бициллин. Затем вставил поршень, надел иглу и приказал Наташе: - Ложись! Да не так, перевернись на живот, я же укол делать буду, а не то, что ты подумала!

Она заверещала, и, дрожа всем телом, стащила с себя трусы и легла на матрас лицом вниз.

Резким движением я воткнул иглу в ягодицу и начал давить на поршень. Лекарство не шло через иглу! Наташа начала издавать стоны, совсем как при половом акте. Я пристыдил её: она замолкла, положив себе в рот пальцы и прикусив их. Взяв шприц левой рукой, я со всех сил надавил на поршень правой. Наташа взвизгнула, кончик шприца выскочил из иглы и лечебная «каша» брызнула во все стороны. Мы все оказались, как в извёстке.

Тогда я вынул иглу из ягодицы моей пациентки. Чтобы успокоиться, мы выпили ещё, и на сегодня опыты решили прекратить. Даже мыться от «извёстки» не стали – отложили на утро. Легли сперва на один матрас, сделали «дело», потом я перелёг на свой. Снились кошмары.

А назавтра у меня был интересный день – доклад на расширенном Учёном Совете о моей диссертационной работе. Расскажу поподробнее. Желая реабилитировать себя, я как-то зашёл к ректору и попросил его устроить «слушание» моей докторской диссертации на Учёном Совете института. Конечно, диссертационного (специализированного) Совета у нас не было, но, во-первых, я получил бы выписку об апробации работы, а во-вторых, общественность института узнала бы, что я не только пьяница и развратник, но и «большой русский учёный».

А ректор предложил мне доложить работу на так называемом расширенном заседании Совета - в актовом зале с приглашением всех желающих. Фолиант мой отдали на рецензию «внутреннему» оппоненту, заведующему кафедрой «Теория машин и механизмов» - Жоресу Самойловичу Равве, наиболее «продвинутому» учёному института в технических науках. Плакаты для доклада у меня были - частично из Грузии, а частично изготовленные здесь между выпивками.

И вот мой доклад должен был состояться именно завтра в 16⁰⁰, когда утренние занятия будут уже закончены. Крупное объявление было заранее вывешено в вестибюле. Наташа помогла мне собрать плакаты и донести их в двух рулонах до института – листов-то было около сорока.

Но это была не основная трудность, я бы даже сказал, проблема. А проблема состояла в моей болезни, именно в том, что «всё текло, но ничего не менялось». Недостаточно опытная в этих делах Наташа, даже посоветовала мне воспользоваться презервативом, но я с гневом отверг эту глупую идею. Представляете себе, если эта штука, наполнившись, слетит со своего места и выпадет наружу через брюки прямо на пол! Это перед залом! Вот и будет причина устроить следующий суицид! Решил надеть несколько пар трусов, а сверху – тугие плавки и спортивные шаровары. Авось пронесёт!

Мы с Колей Мокиным развесили плакаты по стенам, а тем временем народа собрался полный зал. Такого аншлага я не ожидал! В зале были представители даже кафедр, далёких от технических наук. Видел и моих коллег по залу штанги, даже видел ту даму с кафедры философии, которую Поносян связывал с отдыхом ректора в Кисловодске. А Лена Абросимова привела свою подругу с кафедры – Тамару, яркую красавицу с иссиня-чёрными волосами и голубыми глазами.

Дело в том, что Тольятти тех лет был городком в глухой провинции, куда даже железная дорога не подходила. И любое событие, приезд даже самого «замшелого» артиста из Москвы, вызывали громадный интерес и аншлаги.

Помню, мы с Наташей еле достали билеты в наш Дом Культуры, где должен был выступать какой-то никому не известный певец из Москвы. Народ толпился даже в проходах, не говоря уже об откидных местах и балконе. Но мы сидели в первых рядах – билеты ведь взяли по блату. А певец-то вышел весь пьяненький, пускал петухов, а в довершении всего свалился в оркестровую яму. Мы его всем залом тащили оттуда, даже я участвовал в этом – помогал «выкатывать» его из ямы снова на сцену. Дело-то для штангиста привычное!

А тут, вроде, пока не пьян и петухов не пускаю, свой же сотрудник, и - «большая наука». Дурная слава о моей личной жизни только подогрела интерес публики.

Первым выступил ректор. Он говорил о том, что наш институт становится всё более привлекательным для учёных со всей страны. И скоро у нас будут свои доктора наук, а один из будущих докторов наук, - и он указал на меня, - сделает сегодня нам сообщение о своей работе.

Я был в ударе. Во-первых, нужно было реабилитировать себя в глазах общественности, да и перед ректором. Во-вторых, Наташа сидела в первых рядах, и мне хотелось показать себя и перед ней. А в-третьих, я неожиданно заметил, что всё время смотрю на подругу Лены Абросимовой – красавицу Тамару, просто не могу отвести от неё глаз, да и она смотрит на меня весело и заинтересованно.

Говорить на публику я уже умел и любил. Не залезая в дебри, популярно рассказал о том, что хватит уже создавать машины, которые расходуют всё больше энергии, загрязняют атмосферу, увеличивают энтропию (слово «энтропия» вызвало лёгкий вздох аудитории!). Скажут ли нам потомки «спасибо», если мы ставим на автомобили тормоза, которые «губят» энергию, с таким трудом выработанную двигателем, переводя её в тепло? А ведь эта энергия могла бы ещё не раз быть повторно использованной. Человечество сделало громадные шаги вперёд, когда научилось сохранять впрок – «консервировать» пищу, «консервировать» деньги в банках, и предстоит сделать ещё более значительный шаг, научившись «консервировать» вырабатываемую энергию в накопителях. А пока мы «уничтожаем» почти всю энергию прямо в момент её выработки! Затем я рассказывал о примерах использования накопленной энергии в моей работе – о супермаховиках, их магнитной подвеске, скрепере, гибриде на автомобиле и так далее.

- Вот к таким работам, которые позволят сохранить и повторно использовать самое ценное, что есть у нас в жизни – энергию, я и отношу мою работу. Не снизить, поскольку это невозможно, а хотя бы замедлить рост «царицы тьмы» - энтропии – вот цель, которую я поставил в моей скромной работе! - так закончил я выступление, которое почему-то вызвало в зале аплодисменты.

Не привыкшая к научным докладам аудитория, отреагировала как на доклад о политике партии.

- Прошу задавать вопросы! – провозгласил регламентную фразу ректор.

Но желающих задать вопрос не было. Я позабыл, что докладчики обычно раздают знакомым листочки с вопросами, на которые заранее заготовлен «хороший» ответ, и не предусмотрел этого. А вопросы должны быть обязательно. Положение спасла Наташа. Химик по образованию, она мало разбиралась в теме доклада. Но она спросила о химическом составе магнитов для подвески маховиков.

- Больно они сильные у вас, что-то я о таких и не слыхала!

Я с удовольствием ответил, что наука сейчас сделала большой прорыв в создании сплавов для постоянных магнитов, используя редкоземельные металлы. - Представьте себе, - говорю, - что есть сплавы для очень сильных магнитов, которые целиком состоят из неферромагнитных компонентов!

- Фантастика! – своим низким голосом с места провозгласила Наташа.

- Знал бы зал, в каком непрезентабельном положении я делаю этот доклад, и какова заслуга в этом той, что задала мне первый вопрос! - с содроганием подумал я, и почувствовал, что «брони» моей хватит не более, чем на час.

С лёгкой руки Наташи валом посыпались вопросы. Даже Тамара, подруга Лены, и та задала соответствующий её специальности, очень умный вопрос:

- Вы не сказали, есть ли какие-нибудь аналоги вашей работы в зарубежной, в частности, английской литературе?

Голос Тамары оказался очень высоким и нежным, он произвёл на меня весьма сексуальное впечатление.

- Надо же, - подумал я, - брюнетка, а с таким нежным голосом! Точно, красит волосы! Но на вопрос ответил.

Затем выступил оппонент Равва. Он, почему-то с глубоким вздохом, сказал, что это – почти готовая докторская диссертация. Тема – очень актуальная, есть и теория и эксперимент, а публикаций – море.

- Надо, - говорит, - защищать работу «по системе бикицер», и никаких гвоздей!

Равва не смог даже здесь удержаться от своей любимой присказки: «по системе бикицер», на которую живо отреагировала большая часть зала. «Бикицер» - на идиш – это быстрее, скорее. Ректор «дядя Абраша» закусил губу и неодобрительно покачал головой. Видимо, Равву ожидал разнос за его «сионистское» высказывание.

На этом мероприятие было закончено, зал опять аплодировал. Я с помощью Мокина собрал плакаты. Он отнёс их на кафедру, а я побежал домой менять «броню». Наташа заспешила на почту, звонить медсестре. Вскоре она пришла домой, поставила на стол бутылку водки и положила стопку пузырьков и ампул. Мы выпили по полстакана, и Наташа взяла слово:

- Слушай меня внимательно, - и она достала бумажку с записанным на ней пояснением. – Каждый пузырёк порошка заливается ампулой новокаина, и, не снимая пробки, а через неё; точно так же раствор набирается в шприц! Понял, чтобы кашу на блюде не устраивал!

Меня поразило то, что, выходит, и уколов надо делать по пять каждому, так как в шприц больше одной ампулы не влезало. Но, что подделаешь, за удовольствие надо платить! Я залил новокаин в пузырьки и набрал первый шприц. Наташа от страха заметалась по комнате, а потом предложила лечь первым мне.

- Ты уже колот первым, так вот что вышло! – привела она убедительный довод, и я лёг на матрас «кверху попой».

За такие уколы, что делала Наташа, надо убивать не раздумывая. Она прикасалась иглой к коже, а затем, сопя носом и по-собачьи повизгивая, медленно заталкивала её в ягодицу. Потом несколько минут вливала содержимое шприца внутрь моего тела.

- Мать твою, а побыстрее нельзя? – вскипел я.

- Маму не трогай, а то и вообще не буду колоть!- парировала Наташа, и я пожалел о сказанном. Наташа ведь была круглой сиротой.

«Я не мамкина дочь, я не папкина дочь,
Меня курица снесла, я на улице росла!»

Эту незатейливую песенку, часто пела выпившая Наташа, пританцовывая при этом.

- Нури, пожалей меня! - обычно просила она после этой песенки, и я тащил её на матрас «жалеть».

Я вытерпел все пять садистических уколов и приготовился колоть Наташу. Но не тут-то было! Она с визгом бросилась бегать по комнате, угрожая позвать соседей, если я не отстану. Увидев воочию, что такое укол, она наотрез отказалась колоться.

Я решил сначала, что хрен с ней, а потом, подумал хорошенько, и понял, что тогда я не смогу «спать» с ней – опять заражусь!

В ярости я догнал Наташу и врезал ей в глаз. Она упала и молча закрыла лицо руками. Видать, доставалось раньше от мужиков! Я перевернул её и быстро вколол все пять уколов. Затем, мы допили бутылку и легли, как обычно, с последующим моим переходом с одного матраса на другой.

Фрукты с неприличным названием

Проснулся я в дурном расположении духа. Тело ломило, тошнило. Видимо, сказывалась огромная доза сильного антибиотика, да ещё под водку. А мы с Наташей, дипломированные учёные, поверили по телефону, да ещё кому – медсестре. Скажи она не миллион, а пять миллионов, так и вкололи бы все пять! Даже в энциклопедию не заглянули, или в справочник какой. Темнота – двенадцать часов ночи, а не доценты!

Я посмотрел на спящую рядом на своём матрасе Наташу и заметил у неё огромный «фингал» под глазом. Господи, да это же я её вчера «учил»! А жива ли она вообще? Я потряс её за плечо, и она, сморщив нос, застонала:

- Нури, мне так плохо, Нури, что ты вчера со мной сделал?

- Что сделал, что сделал? Уколы сделал, а потом то, что обычно! Ты же сама говорила: «делай со мной, что хочешь, только замуж не зови!» – вспомнил я. – А кстати, почему замуж не звать, ты что, обет безбрачия дала?

- Да замужем я уже, потому и не надо ещё раз звать. Не разрешено у нас в СССР многомужество!

- Вот тебе и «новости дня»! – подумал я, и привстал с матраса. – А почему я до сих пор не знаю об этом?

- Теперь и узнал, а раньше всё было недосуг рассказывать. Сам бы догадался – с чего мне вдруг двухкомнатную квартиру дали?

- И где же твой муж – в тюрьме сидит?

- Почти, - спокойно ответила Наташа, он - военный, майор, в Белоруссии служит, иногда наезжает. Я ему уже звонила, адрес сказала.

Я, как ошпаренный, вскочил с матраса и стал спешно одеваться. А вдруг, как сейчас придет, телефона-то в квартире нет, он и предупредить не успеет. Заявится с пистолетом, и поминай, как звали!

- Да не бойся ты, трус, ещё импотентом заделаешься! – успокоила Наташа, - я ему сама раз в неделю звоню, если надумает приехать, сообщит.

Наташа, пошатываясь, встала и пошла в наш совмещенный санузел. Оттуда раздался её протяжный жалобный стон. «Фингал разглядела, не иначе» - решил я и оказался прав.

- Как я на работу пойду, ты что позволяешь себе! – заявила она мне свои претензии.

- Ты же сама заявила: «делай со мной, что хочешь...» Я же замуж тебя не звал – а остальное всё можно!

Мы договорились, что я попрошу Гену или Лену Абросимовых позвонить на кафедру химии и сказать, что Наташа заболела. А сам спустился вниз, взял пакет лекарств (тетрациклин с норсульфазолом), кое-что поест и бутылку на вечер. Занёс всё это на треклятый пятый этаж без лифта и пошёл на кафедру забрать мои плакаты, а заодно узнать о реакции сотрудников на доклад. Но никто ничего не сказал – ни Михаил Ильич Стукачёв, ни Гриша Поносян, как будто ничего и не произошло. Все спешили по своим делам, я только успел напомнить Стукачёву, чтобы мне не забыли на весенний семестр нагрузку предусмотреть.

Михаил Ильич как-то загадочно улыбнулся и ответил, что он поручил распределять нагрузку Поносяну, так чтобы я к нему и обращался. Эта новость заинтересовала меня, и я дождался Гришу с занятий. Отвёл его в сторону и спросил:

- Это почему ты вместо «Стукача» нагрузку распределяешь?

Гриша как-то забежал глазами, а потом, посмотрев мне прямо в лицо, рассказал:

- Ректору пришёл циркуляр из Министерства, что если на кафедрах имеются доценты, чтобы заведующими не держать неостепенённых и без звания. Ты ещё пока не имеешь аттестат доцента, да и не преподавал никогда в жизни! Вот ректор и принял решение назначить меня и.о. заведующего кафедрой вместо «Стукача». А будет объявлен конкурс – если хочешь, подавай на него, мне это место сто лет не нужно! Но я и тебе этого не советую, лучше получи квартиру – и снова в Тбилиси! Здесь жить нельзя – одни зеки и проходимцы!

Насчёт зеков Гриша был прав – строительство завода осуществлялось именно их силами. Не проходило и дня, чтобы не разнёсся слух о каком-нибудь новом преступлении, совершённом зеком. Говорили, что зеки в Тольятти находятся «на химии», я не очень понимал смысл этого слова, но постоянно дразнил Наташу, что она тоже «на химии».

Да и по поводу проходимцев Григорий тоже был прав. Ну, кто придет жить и работать в Тольятти, кроме тех редких, кого послала Партия или Комсомол? Карьеристы, люди, скомпрометировавшие себя на прежнем месте, неудачники, квартирные «махинаторы», наподобие Григория. Да он и не скрывал этого. А я чем лучше? Неудачник по прежней работе и местожительству. Идиот, променявший Москву на мифическую мафиозную «родину». Так что, кроме зеков и проходимцев, в Тольятти жили ещё и идиоты, уж один, по крайней мере, и это город не украшало!

Я буду несправедлив по отношению к Тольятти, если не упомяну ещё об одной группе населения прибывавшего в этот город – это романтики. Мне бы очень хотелось и себя причислить к этой категории, но совесть не позволяла. А вот Абросимовы, например, романтики – им и квартира не светила, они были неостепенёнными. Подруга Лены – Тамара, как я понял, тоже была из их числа. Бросила Москву, уехала от зажиточных родителей строить новую жизнь и получить практику языка, напрямую общаясь с «натуральными» иностранцами. Да за такую «практику» светил срок!

Я позвонил Лене и попросил сообщить «на химию» про Наташу, и расстроенный предстоящим назначением Григория на «моё» место, пришёл домой. Наташа была уже хороша – за день выпила почти всю бутылку, пришлось нести новую.

Я все разговоры переводил на мужа Наташи. Оказалось, что его зовут Игорем, ему тридцать пять лет, служит он под моим «любимым» Могилёвом. Насчёт пистолета Наташа ничего определённого не сказала, но припомнила, что видела кобуру с «чем-то» у мужа в ящике стола.

- Дался он тебе, - с досадой заметила Наташа, - ещё накликаешь!

За всю свою жизнь я убедился, что слова, пожелания, мысли, проклятия и прочие «нематериальные» субстанции, могут материализоваться, если страстно, пристально или со страхом, то есть весьма эмоционально о них думать или говорить. Чтобы материализовалось что-нибудь хорошее – я что-то не припомню, а вот проклятия и прочая гадость – пожалуйста! Пример не заставил себя долго ждать.

Перед сном, уже, наклюкавшись, как следует, мы с Наташей решили принять ванну. Мы оба были худенькими и легко уместились туда вдвоём. Тёплая вода с пенным «бадузаном» (тогда был такой шампунь для ванн), привела нас в восторг, и мы даже были близки к тому, чтобы прямо в воде заняться своим любимым делом. Наташа во всё горло пела: «О, море в Гаграх...» и плескалась водой, как вдруг в дверь позвонили.

- Это, наверное, соседи, - решила она и, накинув халатик прямо на мокрое тело, не раздумывая, открыла дверь.

Я беззаботно плескался в ванной, и, услышав несколько коротких фраз, которыми перебросилась Наташа с человеком за дверью, не придав им значения. Наконец я услышал громко сказанную фразу Наташи: «Ты пьян, убирайся отсюда!», и стук захлопнувшейся двери.

Наташа показала в ванной, опять голая, и вся в слезах: «О, море в Гаграх...» - кричала она, перебивая плач, и попыталась, было, даже опять влезть в ванну, но, повернув ко мне заплаканное лицо с огромным фингалом под глазом, прорыдала:

- Нури, мы пропали, это приехал Игорь!

Я, как дрессированный дельфин, так и вылетел из ванны в воздух. Ещё в полёте, я услышал частые звонки и стук ногами в дверь. В панике я вбежал в комнату и стал дёргать дверь балкона. Но, во-первых, она намертво примёрзла, а во-вторых, я вспомнил, что это пятый этаж. С лихорадочной быстротой я стал одеваться, надел даже своё кожаное пальто со злосчастным поясом, шапку-ушанку и сел на стул, зажав уши руками, чтобы не слышать этих ужасных звонков в дверь. Припомнив случай, когда меня «подловила» мать московской Тамары, я констатировал, что это были «цветочки». «Ягодки», может быть даже свинцовые и выпущенные из огнестрельного оружия, придётся пожинать, видимо, сейчас.

Наташа заперла дверь на цепочку, заметив при этом, что звонки прекратились. Я отпустил руки от ушей – звонков, действительно больше не было.

- Ушёл, гад, - удовлетворённо констатировала Наташа, но преждевременно. Вдруг раздались стуки в пол, то есть в потолок нижней квартиры.

- Он зашёл к Корнеевым, - поняла Наташа, - они открыли ему и впустили. Эти гады ненавидят меня, они уже жаловались на наши с тобой ночные «концерты» (что-то не помню о чём это?), они всё расскажут и ему!

Видимо, Игорь стучал шваброй по потолку. Неожиданно рассвирепев, Наташа стала в ответ топтать ногами. Стуки затихли. Тогда Наташа, что-то вспомнив, отбила ногой в пол чёткий, знакомый большинству русских мотив: «А иди ты на хер!»

Посыл был понят, и в ответ в пол опять затарахтели. После полуночи стуки затихли, казалось, что всё устаканилось. Несмотря на призывы Наташи раздеться и бурной любовью выразить «гадам» своё презрение, я так и сидел одетым часов до двух ночи на стуле, а потом так же одетым прилёг. В шесть часов утра я встал. Наташу разбудить мне так и не удалось, она не открывая глаз, стала пинаться ногами. Тогда я бесшумно открыл дверь и, выглянув на лестницу, посмотрел вниз - там было пусто. Тихо захлопнув дверь, я как кот, мягкими прыжками, в секунду спустился на два этажа. Начиная с третьего этажа, я шёл спокойно, а уж из подъезда вышел вальяжно, гордо, и не торопясь. Попробуй, докажи, откуда я! И подняв воротник пальто, я прогулочным шагом двинулся к общежитию.

В дверь общежития пришлось стучать довольно долго – дежурная тётя Маша спала и никого не ожидала в гости полседьмого утра. Извинившись, я наврал: «Только что из аэропорта!» - и прошёл к себе на второй этаж. Вот откуда меня уж никто не выгонит! Хорошо дома!

Днём я несколько раз заходил на кафедру химии и всё-таки застал Наташу. Она была в огромных солнцезащитных очках, не очень-то скрывавших густо напудренный фингал. «Дермаколов» тогда у нас ещё не было!

- Всё о'кей! – жизнерадостно воскликнула она. – Утром он снова позвонил в дверь, и я открыла. Первым делом он спросил про фингал, а затем уже про то, почему я его не пустила. Я и ответила, что приняла его за пьяного, хотя и сама была выпивши. Он простил меня, и мы даже немного поддали с утра. Приехал он всего на один день, вечером уезжает. Заскочил сюда он нелегально, его послали в командировку в Свердловск поездом, а он быстро самолётом – и сюда. Боюсь, как бы не заразить его, придётся напоить до поросычьего визга, чтобы не приставал. Мы-то уже свои, зараза к заразе не пристаёт! – успокоила она меня.

Мне ничего не оставалось, как принимать пачками тетрациклин с норсульфазолом. Весь вечер я просидел у Абросимовых, они никак не могли понять, почему я не у Наташи. Я придумывал всякие небылицы, - устал, дескать, надоело, надо же и у себя дома побыть. Лена хитро улыбнулась мне – подумала, наверное, что-то про «критические» дни. Как будто мы по-пьянке их замечали!

Гене пришла из Баку (его родины) посылка с фруктами, называемыми «фей-хоа». Я очень любил эти фрукты ещё по Грузии и ел их с удовольствием. Гена мне и надавал с собой этих, снаружи зелёных, а внутри красных, с сильным запахом йода фруктов, вкус которых описать трудно. Фрукты были уже немного перезрелые и мягкие, полежавшие, наверное, изрядно в ящике при пересылке.

А поздно вечером в общежитие прибежала Наташа, заскочила к Абросимовым, где тут же и рассказала, что муж приезжал. Лена, укоризненно посмотрела на меня; Абросимовы ведь про мужа знали, в отличие от меня. Мы забрали «фей-хоа» с собой, по дороге захватили выпивку, закуску и потопали на пятый этаж обмывать отъезд мужа.

- Не дала ему! – хвасталась Наташа, - напоила в усмерть и он почти не приставал. А потом – в Курумоч!

Мы постелили на матрасы чистые простыни и спешно легли «спать». Я изрядно задержался на матрасе Наташи и уже за полночь перебрался на свой.

Утром, часов в семь, меня разбудили вздохи и причитания Наташи. Горел свет, Наташа стояла на коленях над своим матрасом и плакала, почему-то разглаживая простыню руками.

Я вскочил и увидел, что простыня на том самом месте, как говорят, «в эпицентре событий», была вся в каких-то багровых пятнах с фиолетовыми каёмками, пахнущими больницей.

- Ты дала ему! - вскричал я, схватив даму за горло, - а меня опять обманула! Вот он тебя и заразил какой-то страшной болезнью, а самое худшее, что ты успела заразить и меня! Теперь бициллином не отделаешься!

Наташа с рыданиями призналась, что, конечно же «дала» ему, муж всё-таки, а обманула, чтобы не нервировать меня.

- Что теперь делать, что теперь делать! – причитала несчастная обманщица в отчаянии. Да и я был недалёк от этого – не хватало только этой новой «могилёвской» болезни, которую принёс

из этого города «наш муж» Игорь. До меня, кажется, стал доходить тайный и ужасный смысл названия этого города...

Я снял простыню, чтобы посмотреть пятна «на просвет» и обомлел: на матрасе лежали раздавленные в блин мои любимые фрукты – «фей-хоа»! Видимо, вечером я их второпях положил на Наташин матрас, а она, не заметив зелёных фруктов на фоне зелёного же матраса, накрыла их простыней. И тут мы их размолотили в блин в наших любовных схватках!

- Наташа, а ведь бутылка с тебя! – сказал я плачущей леди загадочным тоном. Леди повернула ко мне удивлённое, заплаканное, с фингалом лицо, а я поднёс к её носу раздавленные фрукты с непривычными запахом и для русского уха названием.

- Эти твою мать! – только и сумела произнести моя прекрасная леди.

- Маму не трогай! – пригрозил я ей, и послал её, радостную, в магазин - за бутылкой.

С тех пор непривычное для русского слуха название этой экзотической фрукты стало для меня ещё и неприличным...

Счастливая новогодняя ночь

Эффект двойной удачи – избавления от мужа и неизвестной болезни, поверг меня с Наташей в эйфорию, а она, в свою очередь, в загул. Мы и так вели не особенно скромный образ жизни, а теперь и вовсе перестали стыдиться общественности. Ходили на виду у всех в ресторан «Утёс», имевший в городе дурную славу, и напивались там до чёртиков. А по ночам бегали в этот же «Утёс», где у сторожихи Гали можно было купить пол-литра «Российской» за 5 рублей (вместо 3,62 в магазине).

Но неумолимо приближался Новый 1968 год. Про студентов мы (я то ничего, у меня занятий не было, а вот Наташа была задействована в учебном процессе!) совсем уже позабыли, как вдруг часов 9 утра в дверь квартиры зазвонили.

Наташа вскочила с матраса и, подбежав к двери, грозно спросила: «Кого носит в такую рань?».

Я не слышал, что ей ответили, но в комнату она вбежала резво и приказала: - Матрасы – в ту комнату, сам тоже! Забыла про зачёт, который назначен на 8 часов утра! Студенты припёрлись!

Я «мухой» оказался с нашими матрасами и подушками в маленькой комнате, туда же полетели пустые бутылки и остатки закуски, после чего дверь закрылась. По своеобразному гулу я понял, что в большую проходную комнату запустили группу. Платье и бельё Наташи валялись на её матрасе, и я понял, что она принимает студентов в тонком, старом и рваненьком халатике на голое тело! Хотя бы волосы в порядок привела, а то шиньон ведь на боку висит!

- Все заполните зачётки, чтобы мне осталось только подписать! – услышал я голос Наташи, не пришедшей ещё в себя после вчерашнего. Студенты, сопя, принялись заполнять: «Химия – Летунова – зачтено – 29.12.67», после чего доценту Летуновой, то есть Наташе оставалось только расписаться. Ведомость предусмотрительные студенты тоже принесли с собой. Наверное, лаборант помог, так бы не дали.

За десять минут с группой было покончено. Студенты говорили «спасибо», и по одному выходили на лестницу. Покончив с группой, Наташа, улыбаясь, вошла в маленькую комнату. Шиньон, как я и предвидел, был на боку. Наташа повалилась на матрас и покрылась нашим общежитийским («реквизированным», т.е. украденным) одеялом с головой. Мы проспали ещё часика два, после чего отправились на улицу в поисках пива.

В Тольятти, городе в Жигулях, где к историческому заводу, начавшему выпуск знаменитого «Жигулёвского», ходил городской автобус № 104, пива днём с огнём не отыщешь! Совдеповский парадокс, который я называю «шахтинским синдромом». Побывав как-то зимой в командировке в городе Шахты, где терриконы стоят прямо в городской черте, я замёрз в номере гостиницы. И на мой вопрос – в чём дело? – администратор ответил: «Угля нет!» А уголь можно приносить прямо с улицы вёдрами!

Но дело не в шахтинском синдроме, а в том, что я уже начинал спиваться и понимал это. Наташа - героиня! Я встретился с ней через четверть века после описываемых событий, и она

была жива-здоровая, даже продолжала работать доцентом. Правда, уже не в Тольятти. Но, как минимум, пара мужиков живших с ней после меня, померли от пьянства и такой жизни. Помер бы и я, если бы...

Если бы ни прибежал, запыхавшись, утром 31 декабря к нам в «берлогу» Гена Абросимов, и ни поставил бы меня в известность, что приехала моя жена и ждёт меня у Лены.

- Я сказал, что ты в институте, и что я приведу тебя!

- А я как, что я останусь на Новый Год одна! – захныкала Наташа.

Гена сказал мне: «Иди домой, а я с ней разберусь!».

Я «по-армейски» быстренько оделся и трусцой побежал в общежитие. Лиля еле узнала меня. Кожаного пальто и шапки она не видела вообще, а, кроме того, я уже с неделю не брился и оброс симпатичной чёрной бородкой.

- Это ты? – только и спросила изумлённая Лиля.

- Бороду отпускаю! – ответил я, и, будучи человеком исключительно правдивым, так и поступил.

Начиная с этого дня, я носил бороду в течение тридцати с лишним лет. Потом я сбрил её «под ноль», как и волосы, хотя всегда носил длинную, до плеч, причёску. Так я почти в пятьдесят лет коренным образом изменил свой имидж. А что меня побудило к этому – расскажу после.

Я привёл Лилю в мою комнату, и она, конечно же, сразу поняла, что комната нежилая. Всё покрыто слоем пыли, но были и другие, понятные только женщинам и разведчикам признаки. Вытряхнув простыню и одеяло, я после недолгих расспросов, положил жену отдыхать, а сам пошёл делать закупки к встрече Нового Года в комнате общежития.

К вечеру в моей комнате уже был поставлен большой стол, составленный из моего столика, двух тумбочек и большого листа текстолита. Его покрыли бумажной скатертью, поставили пять приборов – что-то от Лены с Генной, а что-то купили. Было шампанское, вино из Грузии, коньяк и водка. Даже «ёлка» - маленькая сосна, вырубленная мной в бору, метров за двести от общежития, тоже была.

Деньги мне платили, по моему понятию, огромные – за что только, непонятно. Портят людей «халаянные», не заработанные ими деньги, вот и меня за пару месяцев без работы, эти деньги чуть не сгубили. Если бы их не было, то я разгружал бы уголь или перетаскивал мясные туши, а не бросился бы в пьянство и разврат.

Но вернёмся к Новому Году: пять приборов – это для меня с Лилей, Гены с Леной и её пятнадцатилетней сестры, приехавшей из Саратова навестить родственников. Но пришлось поставить и шестой прибор – к Лене заявила «подшофе» Наташа и попросила не бросать её одну. Чуж, нас демонстративно познакомили Абросимовы – меня назвали Нурбеем Владимировичем, как положено – доцент с кафедры «Теоретическая механика». Наташа назвала себя, протянув руку для пожатия.

Сели за стол, налили шампанского, маленький сетевой репродуктор верещал - то из Москвы, то из Куйбышева, то из Тольятти. Наконец, пробил куранты всё-таки из Москвы, мы весело чокнулись и выпили, я стал открывать штопором бутылки с вином. Наташу вдруг «потянуло» на поэзию:

- Воткнём же штопор в упругость пробки,

Пусть взгляды женщин не будут робки!

- продекламировала она, немножко гнусаво. И вдруг обратилась ко мне: «Нури», - с просьбой налить там чего-то. Лиля мигом стрельнула в неё глазами, Лена толкнула ее под столом ногой.

Я удивлённо спросил: - Вы меня?

Та стала лепетать о том, что у неё в Казани был знакомый Нурбей, так его все называли Нури, и так далее... Но «слежка» за нашим поведением уже началась. Всё это не скрылось от малолетней сестры Лены, которая с нескрываемым любопытством наблюдала за словами, многозначительными взглядами, толчками ногой, и другими полными тайного смысла действиями взрослых.

И вдруг из репродуктора донеслась неизвестная доселе песня - «С чего начинается Родина...» Надо сказать, что песня эта и на выдержанных людей производила сильное

впечатление, а тут мы все выпившие, удалённые от любимой «малой» родины. Кто от Москвы, кто от Тбилиси, кто от Казани, кто-то от Саратова, к тому же, некоторые были уже с изрядно подпорченными нервами. И, не выдержав нервного, и мало ещё какого напряжения, Наташа громко разрыдалась. Лена бросилась её успокаивать, а Лиля, всё поняв, бросилась энергично царапать мне лицо, успев порядком его изуродовать!

Гена стал удерживать её за руки. Положение было критическое. Но «спасла» его малолетняя сестра Лены. Вскочив со стула с заплаканным лицом, она патетически обратилась к присутствующим:

- Послушайте, взрослые, я ничего не понимаю, объясните мне, пожалуйста, кто здесь кого любит?

Этот слёзный детский призыв поставил нас на место: мы все дружно расхохотались и продолжили выпивать, простив всем всё и забыв обо всём, кроме Нового Года. Под утро пьяненькую Наташу забрали Гена с Леной. Как они улеглись там вчетвером – остаётся загадкой. Я предложил, правда, «разбиться» на тройки, и оставить Наташу у нас, но не понимающая тольяттинских шуток Лиля, опять показала, было, когти...

Наконец, проводив гостей, мы с женой улеглись на узенькой общежитейской кровати, и, согласно брачному кодексу, я должен был исполнить свои супружеские обязанности. Но я их всё не исполнял. На вопрос жены о причинах моего воздержания, я не скрывая, сообщил, что боюсь заразить её, не будучи уверен в своей «стерильности». Лиля пристально посмотрела на меня, и поняла, что перед ней стояла альтернатива - либо снова вцепиться мне в лицо, либо примириться с реальностью. Но, подумав, решила:

- А, чёрт с ним, давай! – махнула она рукой, и я понял это, как руководство к действию.

Назавтра я купил в аптеке ещё триста тысяч единиц бициллина, новокаин, шприц, и Лиля сама вколола мне лекарство, правда, несколько преждевременно.

Тбилисские морозы

Мы договорились вместе поехать в Тбилиси. Лиля рассказала мне про увольнение Геракла и высказала мысль, что надо бы встретиться с Трили, может он предложит мне отдел, освободившийся «из-под» Геракла. На фоне моих неудач в Тольятти, я счёл это предложение дельным. Официально попросил отгул в счёт предстоящего отпуска, и до начала нового семестра – 7 февраля, я был свободен.

Поехали мы через Москву поездом: было решено проверить меня на «стерильность» в большом городе у платного врача. А такого я знал, по крайней мере, по табличке, вывешенной на бывшей улице Кирова (Мясницкой), напротив своеобразного здания ЦСУ, построенного по проекту великого Корбюзье. Табличка гласила – «Д-р Альф, венерические заболевания».

Приехав в Москву, мы сразу же зашли на Мясницкую, и я, отпустив Лилю погулять, не без трепета зашёл к доктору. Альф принимал прямо в своей квартире, ассистировали ему две женщины – пожилая и молодая, думаю, что это были его жена и дочь. Очереди не было, и я сразу прошёл в кабинет. Доктор оказался худощавым стариком лет под восемьдесят, почти слепым, но страшным матюгальщиком. Пациентов своих он называл на «ты», и говорил с ними сплошным матом, видимо те лучшего обращения и не заслуживали.

Я обрисовал ему симптомы моей болезни, но он прервал меня, как только я начал.

- Всё ясно – гоноррея! Лечился ли какнибудь?

Я, смакую подробности, описал, как мы сперва разводили бициллин водой из чайника на блюдечке, а получившуюся кашу пытались вколоть в «мягкое место». Ну, и как потом всё-таки вкололи миллион бициллина с новокаином, под обильный гарнир водки. Ну, и про заключительный укол в триста тысяч.

Доктор Альф прерывал мой рассказ такими матерными восклицаниями, что в комнату даже заглянула пожилая женщина и спросила, всё ли у нас в порядке. Альф отдышался и констатировал: «в общем, всё правильно, хотя могли оба и подохнуть!»

- Завтра с ночи задержи мочу, а утром пораньше приезжай ко мне. Постарайся водку не пить или пить поменьше!

Остановились мы с Лилей у дяди – он поместил нас в своей художественной мастерской, которую ему недавно выделили. Это была маленькая однокомнатная квартира гостиничного типа, без кухни, но с туалетом и умывальником. Там оказалось очень удобно, так как мы были одни.

Водку я всё равно выпил, но, тем не менее, мочу задержал. Утром, часов в восемь, едва удерживаясь от «протекания», я сел в такси и примчался к Альфу. На каждом ухабе, не в силах удержать, часть мочи я всё-таки терял. Сдерживаясь из последних сил, я поднялся-таки к Альфу и позвонил в квартиру. Дверь мне открыли, но к своему ужасу, я увидел в коридоре очередь из трёх человек. Понимая, что не удержу своей ноши, я попросил доложить, что пришёл больной с переполненным мочевым пузырём.

Альф принял меня без очереди. Подвёл к умывальнику и приказал наполнить по очереди три пробирки – в начале, в середине, и в конце процесса. Кажется, до этого он сделал мне массаж предстательной железы, надев резиновый напалчик и приговаривая: «Это моя работа!».

Альф выписал мне направление в лабораторию (которая почему-то оказалась на первом этаже прямо в доме, где жил доктор), сослепу переходя ручкой с бланка на клеёчатую скатерть стола. А я в это время поинтересовался, почему он просит больных помочиться в умывальник, хотя рядом стоял унитаз.

- Ты что, с деревни приехал? – Альф даже оторвался от писанины, - где ты видел, чтобы мужики в унитаз писали? Если есть умывальник, то мужик, если, конечно, он не дурной, всегда писает туда. Во-первых, не обмочит всё вокруг, а во-вторых, тут же подмоется, не отходя от «кассы»!

Альф вручил мне три пробирки, направление, взял деньги (не помню уже сколько, но немного), и сказал:

- Если всё в порядке – иди домой и впредь веди себя умнее, если нет – зайдёшь ко мне снова!

Ёжась от стыда, я понёс пробирки в лабораторию. Подойдя к окошечку, я не обнаружил там приёмщицы, и робко, жалобным голосом попросил позвать её.

- Маня, тебя тут опять сифилитик от Альфа спрашивает! – с нескрываемым презрением прокричала, кажется, уборщица.

Не торопясь и изобразив губами «куриную гузку», Маня брезгливо приняла у меня пробирки и направление.

- Завтра зайдите за результатом! – бросила она мне, и уже обращаясь к товаркам, продолжила – этот Альф совсем ослеп от старости – гляди, как он заполнил направление!

Весь день я нервничал, даже пошли в кино, чтобы отвлечься, а вечером зашли к дяде. Я рассказал ему о том, какова жизнь в Тольятти, как там хорошо и перспективно. Чувствуя, что я привираю, дядя ворчливо спросил, ужалив меня в самое сердце:

- Следующим, какой город будет – может Сыктывкар?

Утром я, дрожа от нетерпения, зашёл в лабораторию и назвал свою фамилию, прибавив: «от Альфа».

Маня вынесла результат анализа и передала бумажку мне в руки, как мне показалось, с уважением:

- Гонококков не обнаружено! – доброжелательно сказала она. Я бережно принял от неё бумажку, вежливо поблагодарил, и, выпячивая грудь от гордости, вышел из лаборатории.

- А ну, попробуйте назвать меня сифилитиком, и узнаете, что я ещё и мастер спорта по штанге! – бросал я немой вызов прохожим, но они бежали по своим делам, не обращая на меня никакого внимания. Справку же я заботливо сложил в паспорт, чтобы не потерять.

Вечером того же дня мы выехали в Тбилиси. А, уже подъезжая туда, мы были поражены, как видами из окон, так и разговорами, о том, что в Восточной Грузии небывалые морозы. Ночью было 22 градуса, такого не помнит никто! В городе, где преимущественно печное отопление, а

топлива-то и в помине нет! Это вам не Шахты, где уголь рассыпан по улицам, а в домах всё равно мороз!

Воздушные линии электропередач, не рассчитанные на такие морозы, порвались от перенапряжения. Вода в трубах замёрзла и разорвала их. Дома температура в комнатах – минус 5 градусов!

Я сбегал в керосиновую лавку и принёс два бидона керосина. Достали из подвала старую печку-«буржуйку», вывели трубу в вентиляционный люк, и топили «буржуйку» керосином, сидя всё время перед печкой и заливая туда керосин кружкой по мере выгорания. Детей отправили к родителям жены – у них был собственный дом на окраине Тбилиси с печью и дровами.

Днём я всё-таки сбегал к Трили на приём.

- Ра гатсухебс, бичо? («Что беспокоит, мальчик?») – псевдоласково спросил он меня при встрече.

Я рассказал, что, приехав в Тбилиси на несколько дней, не мог не нанести визита вежливости своему учителю...

Трили без интереса выслушал меня, задал для приличия ещё пару вопросов бытового плана, спросил про погоду в Тольятти. Я, не без ехидства, отвечал, что погода и температура там – такие же, как сейчас в Тбилиси. Но в домах почему-то тепло и идёт горячая вода.

Так мы расстались и больше не виделись. Потом я узнал, что как Трили рассчитывал, так и вышло. На очередных выборах его забаллотировали в вице-президенты, и он, как и предполагал, вернулся в институт директором. «Малахольный» Самсончик получил пинок под зад, Авель остался заместителем директора. Умер Тициан Тицианович вовремя, не дожив до войны, разрушения экономики и науки Грузии.

Пару слов о моём приятеле Маникашвили. После того, как его уволили уже из Комитета по науке, он опять запил и загулял. Вот тут-то сбылась вторая часть моего проклятья, которое слышали десятки людей. Первая его часть, если помните, состояла в том, что Геракла выгонят с работы через три месяца после моего ухода из института – и это сбылось даже на десять дней раньше предсказанного. Вторая же часть заключалась в том, что Геракл должен «потерять» один глаз после того, как его выгонят с работы.

И вот, в пьяной драке во время загула, Геракл и «потерял» один глаз. Ну, не в буквальном смысле слова «потерял» - выпал он, скажем так, сам собой из глазницы, и поминай, как звали, а выбили ему его приятели-драчуны. Пришлось вставлять стеклянный. Научный коллектив НИИММПМ был в шоке – проклятия опального абхаза сбываются, надо спасти Геракла – бывший «свой», всё-таки!

И вот несколько человек из НИИММПМ приезжают в Тольятти (это уже поздней весной 1968 года). Находят меня в политехническом и зовут выпить – давно, мол, не виделись, приехали, дескать, по делам на строящийся завод и нашли тебя. А выражения лиц у всех – странные. Ну, пошёл я с ними в гостиницу, выпили немного, а они как хором вскричат:

- Слуши, прасти Геракли, сними с него твои проклиати!

И рассказали о последовательном исполнении проклятий. Я пытаюсь всё обратить в шутку – не выходит, они продолжают требовать: «сними, да сними с него проклиати!».

Ну, тогда я, как бы всерьёз, сделав страшное лицо и подняв руку вверх, провозгласил: «Снимаю моё проклятие! Больше Геракла не будут выгонять с работы, если только не на пенсию, и больше не будет он «терять» своего, уже единственного глаза!».

Компания осталась довольной, и мы, выпив ещё, расстались.

И, надо бы сказать о последней моей встрече с Гераклом, которая состоялась в середине 80-х годов в Сухуми.

Я каждое лето навещал свою маму, которая в 80-х годах переехала жить в Сухуми. Помню, я очень тосковал и скучал в этом городе. Приятелей у меня там не было, подруг тоже. Вот и бродил вечерами по набережной Руставели, бесцельно рассматривая прохожих. И вдруг среди толпы я замечаю моего «заклятого друга» Геракла. Весь седой, обрюзгший пожилой человек, но как я могу забыть его – он мой благодетель – из-за него я так удачно уехал из Грузии.

Я уже жил и работал в Москве и благодаря участию в популярной телепередаче «Это вы можете» меня узнавали не только на улицах Москвы, но и в неосвещённых общественных туалетах Сухума. Поясняю – захожу как-то в сухумский туалет, а там кромешная темнота. Ну, я и матюгнулся изошрённо, пытаюсь пристроиться к стенке. А тут голос от кого-то, сидящего сбоку: «Профессор Гулиа, передача «Это вы можете», узнал по голосу!». Я так и рванул из туалета, даже не выполнив до конца своего дела.

- Батоно Геракл, - неуверенно позвал я, - ты ли это?

Он узнал меня, несмотря на бороду, мы обнялись, и я пригласил его к себе домой - выпить за встречу. Жила мама почти прямо у моря, пять минут хода от набережной. Мы зашли ко мне, мама была хорошо знакома с Гераклом – мы часто выпивали у меня дома в Тбилиси. Она быстро организовала закуску, чача была, и мы выпили с Гераклом основательно. А он всё старался у меня выпытать, знаю ли я про то, что он одноглазый.

- Посмотри мне в лицо, - говорит, - находишь ли ты в нём изменения?

Глаз стеклянный так и смотрит вбок, но я делаю вид, что не замечаю этого.

- Да поседел сильно, - говорю я, - а больше ничего не замечаю!

Он начинает плести что-то про КГБ, дескать, охотились за ним, пытались убить – базу подводит под отсутствие глаза, стыдно ему, что глаз в пьяной драке выбили. Ну и решил я над ним подшутить по сценарию грузинского писателя Нодара Думбадзе.

Мама постелила Гераклу постель в свободной комнате, он ложится, сильно выпивши, а я ему чашку с водой приношу.

- Я не пью воды ночью! – гордо отказывается от чашки Геракл.

- Да нет, батоно Геракл, это чтобы глаз положить! А то опять потеряешь и скажешь, что Нурбей виноват!

Что с ним было – это и истерика и неистовство вместе! Я же поддаю ему под дых и приговариваю: «Не делай гадости людям – глаза будут целее!» Поддаю по рёбрам: «Не присваивай чужой работы – рёбра будут целее!» Наконец, положил его, побитого, на постель, и он заснул. Утром же я сделал вид обиженного:

- Ну и драчун же ты, батоно Геракл! Никак не мог тебя спать уложить – то ты под дых мне дашь, то кулаком по рёбрам – раньше ты, выпивши, смиреннее был. Пришлось тебя силой укладывать! А про глаз – ни слова! Поднялся бедный побитый Геракл с постели, налил я нам по рюмочке опохмелиться, и расстались мы. Даже не знаю, жив ли он сейчас или нет.

В конце января я вылетел самолётом в Тольятти, твёрдо решив закончить беспутную жизнь и завоевать себе утерянное реноме. Поэтому с Наташей я и не встретился. По правде говоря, перестала она меня интересовать как женщина. Возвращаясь в Тольятти, я поймал себя на том, что всё чаще думаю о подруге Лены – «иностранке» Тамаре. То ли потому, что у меня уже была «англичанка» Тамара, и любовь с ней прекратилась на полпути, не получив логического завершения. То ли потому, что имя «Тамара» уже начало производить на меня своё магическое действие, продолжающееся всю жизнь. То ли дали знать реальная красота и женственность Тамары, мимо которых пройти было уж никак нельзя...

Встреча с идеалом

На кафедре я переписал своё расписание занятий – у меня был огромный поток, что-то около восьми групп или двухсот человек автомобильного факультета и несколько групп семинаров. Седьмого февраля кончились студенческие каникулы и начались занятия. Я стал готовиться к лекциям и с ужасом понял, что не могу запомнить наизусть выводы всех формул. Поэтому я писал для себя сокращённый конспект с формулами, куда решил заглядывать во время чтения лекций.

Меня вдохновлял при этом анекдотичный случай, происшедший в военном учебном заведении – Академии бронетанковых войск им. Сталина (теперь имени кого-то другого) в 50-х годах прошлого века. Вновь назначенный начальник академии, маршал бронетанковых войск Бабаджанян Амазасп Христофорович посещает лекции преподавателей. И один из них – опытный

профессор (по академическим канонам – старший преподаватель), решил «выпендриться» перед маршалом, и блестяще прочёл трудную лекцию, ни разу не заглядывая в конспект. После лекции его тут же вызвал маршал и учинил разнос:

- Что написано в объявлении на аудитории: «Лекцию читает преподаватель такой-то». А вы что делали – говорили наизусть? Выговор вам за это, и на будущее приказываю – лекции читать, а не выдумывать отсебятины!

Вот если кто-нибудь меня спросит, почему я заглядываю в конспект, то я ему и отвечу, что лекцию положено читать, а не говорить наизусть «отсебятину». Так, дескать, еще маршал Бабаджанян велел.

Наташа, видимо, не знала о моём приезде и не объявлялась. Зато я попросил Лену познакомить меня с Тамарой: «Хочу начать новую - культурную жизнь и общаться с культурными людьми!». Лена напомнила мне о том, что я женат, но познакомить согласилась.

- Тем более, что Тамара постоянно интересуется тобой и спрашивает про тебя. Твой «союз» с Летуновой просто бесит её: - Такой человек, - говорит, - и связался с этой пьянчужкой!

И вот однажды Лена находит меня на кафедре и радостно сообщает, что сегодня Тамара после занятий зайдёт к ней с Геной в гости. Я купил бутылку шампанского, подровнял перед зеркалом бороду, надел костюм с галстуком. Как раз сегодня было 23 февраля – мужской праздник, который пока ещё выходным не назначался. Лена дала мне условный знак – удар по батарее отопления, и я спустился вниз.

Тамара уже сидела за столом и с любопытством глядела на меня. Я знал, что она преподаёт немецкий, и, поклонившись, сказал:

- Гутэн абент! («Добрый вечер!»).

Тамара широко раскрыв глаза, быстро спросила:

- Шпрэхен зи дойч? («Вы говорите по-немецки?»).

Я, улыбнувшись, не очень интеллигентно ответил просто «найн». Все засмеялись, и первый барьер на пути знакомства был преодолён. Я рассказал, что приехал сюда из-за ссоры с начальником, а, кроме того, из-за невосприимчивости кавказского климата. - Морального, - добавил я, когда все сделали удивлённые глаза.

Тамара, с необычным отчеством – Яновна, поведала, что она из Москвы, окончила институт Иностранный языков, всегда хотела преподавать в вузе, но в Москве этого не получилось. Отец предлагал работать у него в «почтовом ящике» (директором которого он был) переводчиком, а это неинтересно. Вот и прочла, дескать, в газете объявление про наш институт, где дали сразу должность старшего преподавателя.

Я смотрел на Тамару и пытался найти хотя бы один изъян в её лице – и не смог. Зубы – жемчужные, ровные. Дождался, пока она встанет, осмотрел фигуру и понял – такого не бывает. Если она живой человек, то должен же быть хоть один недостаток – но я его не находил. Забегая вперёд, скажу, что я не нашёл ни одного изъяна и тогда, когда увидел её без одежды. Ну, хотя бы лишняя складка на животе или волоски на ногах! Нет, нет и нет – эталон красоты, и всё тут! Правда, эталон по тем годам.

Сейчас эталон – это рост 185 сантиметров при весе 55 килограммов. В те же годы это считалось бы просто уродством. Я знал девушку примерно такого же роста, весом даже больше, которая уже в начале 80-х годов, чуть не повесилась из-за своего роста – над ней все смеялись! Рост у Тамары был 170 сантиметров, а вес 60 килограммов; она была спортивна, имела первые разряды по плаванию и прыжкам в воду.

Но не только внешность её была идеальна. За весь вечер я не обнаружил ни одного искажения её русского языка, ни одного нарушения правил поведения за столом (локти на столе, нож в левой руке и т.д.), чем часто грешил сам. «Идеальной» была у неё и фамилия – Галицкая. Судя по внешности и поведению, она происходила именно из рода князей Галицких, а не из семьи крепостных, принявших фамилию своего хозяина. А то много таких Трубецких, Шереметевых, Строгановых, которые «ни ступить, ни молвить не умеют», да и по внешности даже вечером от троглодита не отличишь.

Я уже стал подумывать, о том, что она – инопланетянка, выполненная по идеальным эталонам человека и заброшенная в наш Тольятти для вхождения в контакт со строителями коммунизма. Но потом узнал, что она критически относится и к нашей Партии, и к Комсомолу. И уже потом я узнал, наконец, об её единственном физическом изъяне - ей когда-то делали операцию аппендицита. И у неё на соответствующем месте был небольшой шрамчик, между прочим, очень даже симпатичный. Кроме того, я узнал, вернее, догадался, что волосы в жгучий чёрный цвет она красит, так как «в натуре» Тамара – блондинка. Но все эти знания пришли ко мне только в своё время.

Мы быстро перешли на «ты», и когда я провожал её до дома (общежития, где она жила в комнате вдвоём с другой девушкой), в тёмном подъезде я сделал попытку её поцеловать. Но она ловко и не обидно для меня, увернулась, делая «страшные» глаза, и уже называя на меня «вы»:

- Не спешите, Нурбей Владимирович, не опережайте события!

На этом оптимистичном для меня заявлении последовало расставание. Мы с Тамарой стали встречаться, чаще всего для лыжных прогулок по лесу. Я практически не умел ходить на лыжах, ещё хуже, если это можно было себе представить, – кататься на коньках. Тамара учила меня и тому и другому. Мы проходили довольно большие расстояния по лыжне на узенькой лесной тропинке. А когда уставали, падали прямо в глубокий снег на спину, и лежали так, подставляя лицо яркому солнцу. Вот тут-то, вдоволь налюбовавшись лицом Тамары с закрытыми глазами и ярко освещённым солнцем, я тихо приблизился к её губам и поцеловал свой «идеал». Тамара с деланным испугом широко раскрыла глаза, потом, улыбнувшись, снова закрыла их и сделала вид, что она ничего не видит и не замечает. Так наши лыжные прогулки приобрели сексуальный оттенок.

Обучение катанию на коньках носило тоже некоторый сексуальный характер. Тамара медленно двигалась на коньках впереди меня, но спиной вперёд. Я же всеми силами старался догнать её – ведь она «плыла» всего на каких-нибудь полшага впереди, вытянув ко мне губы для предполагаемого поцелуя. Я, как краб, перевернутый на спину, сучил всеми конечностями, передвигаясь с ничтожной скоростью. И когда я уже изнемогал от физического и психического перенапряжения, Тамара позволяла себя догнать и прикоснуться к её губам. Все мои попытки присосаться к ним так, чтобы и отодрать было нельзя, кончались псевдострогим взглядом и переходом на «вы».

Тамара заведовала в институте лингафонным кабинетом. Там студенты, надев наушники, слушали через магнитофон правильное произношение. В кабинете было много электронной техники, и даже стоял вожделенный для меня объёмистый пузырьёк со спиртом, якобы для протирки электрических контактов. Мы обычно заходили в этот кабинет после лыжных прогулок, переодевались, снимали лыжи, и шли сдавать на кафедру физкультуры, где их получали под документы.

И вот в начале марта наступило одно солнечное и радостное воскресенье, когда мы, почему-то оба в очень приподнятом настроении в очередной раз пошли на лыжную прогулку. Мы чаще обычного падали на спину, целовались, делали вид, что боремся, катаясь по снегу. Неожиданно быстро закончив прогулку, Тамара, как обычно впереди меня на лыжне, спешно направилась к институту. Я – за ней. Там мы быстро прошли к кабинету, сняли лыжи, и я уже, было, прихватив обе пары, направился сдавать их.

Но Тамара опередила меня, и, зайдя вперёд, заперла дверь кабинета на ключ изнутри. Я в недоумении остановился. Тогда она достала пузырьёк со спиртом, две пробирки (из которых, видимо, и пили этот спирт мастера, вместо протирки контактов!), наполнила их, и одну протянула мне. Я, как загипнотизированный, взял её. Тамара чокнулась со мной и, удивительно сексуально подмигнув мне своим голубым глазом, выпила спирт. Как зомби, я опрокинул свою пробирку, и стал ждать дальнейшего развития событий. Тамара стала стягивать вверх свой лыжный свитер, и я сделал то же самое. Потом, когда она сняла свои тёплые лыжные шаровары, я понемногу стал догадываться обо всём.

Ещё не веря в самую возможность происходящего, я суетливо заспешил и разделся даже раньше, чем было нужно. Потом она аккуратно постелила нашу одежду на пол в закуток кабинета

и легла на неё, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Быстро, чтобы не исчезла эта волшебная феерия, я повалился на свой «идеал», и часто целуя её, без каких-либо прелюдий, стал спешно исполнять свои мужские обязанности.

- Не спеши! – целуя меня, уговаривала Тамара, - здесь мы в безопасности, не бойся!

Но я боялся не столько того, что кто-то войдёт, а почему-то не верил в происходящее, и спешил, чтобы вдруг всё это внезапно не прекратилось. То, чего опасалась Тамара, всё-таки произошло и очень быстро. Тогда она сильно, почти по-мужски обняла меня за спину и серьёзно сказала:

- Теперь не уйдёшь, пока и мне не станет хорошо! Прощтрафилсь, теперь отработывай! – И она стала энергично помогать мне «отработывать». Скоро всё пришло в норму, и «процесс пошёл» снова, только гораздо спокойнее. Нам «захорошело» практически одновременно.

У идеала всё должно быть идеально. Скажите, видели ли вы когда-нибудь у кошки хоть одно некрасивое, неэстетичное движение или нелепую позу? Нет, у этого животного всё получается красиво! Есть женщины, которые непроизвольно делают мученическое лицо, когда им «хорошеет», иногда дико закатывают глаза, громко кричат, и так далее, не мне вам об этом говорить! Но столь идеального конца этого прекрасного процесса я больше ни у кого не наблюдал. Полузакрытые глаза, рот в сладострастной улыбке, подбородок задран, и - лёгкие стоны, столь сексуальные и зовущие, что я чуть было не пошёл на «третий круг». Но – строгие глаза, лёгкий шлепок по спине, и с переходом на «вы»:

- Вы не перетрудитесь, майн лииб?

Я, чуть приподняв голову, стал сверху смотреть в глаза Тамаре. В них я увидел спокойствие, удовлетворённость текущим моментом, какую-то незыблемость, вечность, что ли, нашего бытия, всю историю человечества от первого грехопадения в раю, до нынешнего – в лингафонном кабинете.

Вдруг какое-то беспокойство подёрнуло ясные голубые глаза, и губы Тамары прошептали: «Ихь лиибе дихь, фергессе ду мир нихьт!» («Я люблю тебя, не забывай меня!»).

Боже, до чего ж красив немецкий язык! Никогда не думал, что я буду упиваться его верной и надёжной красотой! Ихь лиибе дихь! – это твердо, надёжно, навечно, это – до гроба! Это вам не «Ай лав ю!» - игривое, несерьёзное, полусутоливое, краткосрочное! Правда, когда эти слова произносила другая Тамара, Тамара-англичанка, тогда и они выглядели посolidнее!

Я многократно «сканировал» лицо Тамары. Сверху вниз и слева направо, переходя взглядом по её лбу, бровям, глазам, щекам и носу, губам, подбородку. Запоминал навсегда этот венец совершенства, чтобы тогда, когда вереница любимых образов замелькает передо мной в последний раз, я сумел бы разглядеть этот образ получше...

Вот уже треть века, как мы расстались, и она живёт в Германии в городе Дрездене, выйдя замуж за немца. Мы с ней изредка, очень изредка переписываемся общими фразами. Но я ни разу не позвонил ей и не заехал повидать её, хотя многократно проезжал Дрезден и знал её адрес. И друг мой, с которым мы обычно по делам проезжаем Дрезден по дороге из Ганновера в Циттау, зная причину моего волнения, предлагал мне заехать экспромтом к ней в гости. Но я не мог – мне было бы страшно увидеть её другой, услышать другой голос – ведь я знаю, что делают годы с людьми! А я хотел сохранить её образ хотя бы для «последнего мельканья» именно таким, каким я «отсканировал» его там – на фоне наших лыжных костюмов постеленных на полу закутка лингафонного кабинета!

Мы вышли из дверей института и не знали куда идти. Расстаться и пойти каждый к себе домой мы не могли. Ко мне в комнату Тамара зайти отказалась. Она знала, что там бывали Наташа и Лиля, ей почему-то претило зайти туда, и, видимо, лечь на ту же постель. Поэтому она, была-не была, повела меня к себе в общежитие. Мы взяли по дороге что выпить и чем закусить (помню банку огромных чёрных маслин!), и смело зашли в общежитие.

В комнате Тамары была соседка; она, сидя за единственным столом, готовилась к занятиям. Соседка преподавала физику, и звали её Людой. Чувствовалось, что она слышала про меня, так как удивлена не была. Мы выпили вместе по рюмке, потом Люда засобиравалась по

делаю. Тамара вышла её провожать, и до меня донеслись слова Люды: «Два часа вам хватит?» Тамара заперла за ней дверь.

Тамара поставила на стол фасонную цветную свечу (я впервые такую видел), погасила свет, и красиво сервировала стол, как это можно было себе представить в комнате общежития. Когда ритуал питья и закусывания был закончен (а это произошло довольно быстро), Тамара, отгородившись от меня дверцей шкафа, разделась и надела праздничное кружевное бельё. В нём она легла в постель. У меня кружевного белья не было, и я лёг, в чём мать родила. Она задула свечу, и мы снова оказались в непосредственной близости. Только в постели она позволила мне снять с себя бельё (кажется, это был пеньюар, хотя я в этих предметах мало смыслю!), и перейти к прелюдии.

В отличие от кабинетной встречи, прелюдия имела место, и место это было – что надо! Никогда раньше не занимался этими прелюдиями и полностью осознаю свою в этом ошибку!

Через два часа мы, уже одетые и спокойные, сидели за столом, и вяло пили чай. Дверь не была заперта, но Люда всё равно предупредительно постучала в неё. Люда с виду была простоватой женщиной лет тридцати; она работала старшим преподавателем и готовила диссертацию, связанную с трением в вакууме. Мы разговорились с ней, и я предложил ей поставить эксперимент по разделению различных видов потерь энергии при вращении тел. Это дало бы ей новый материал по диссертации, а я мог бы получить практический результат.

Дело в том, что я ещё в ЦНИИСе разработал магнитную подвеску вращающихся тел и запатентовал её (получил авторское свидетельство). Ко мне как-то обратился Ленинградский электромеханический завод (ЛЭМЗ) с просьбой внедрить эту магнитную подвеску на электросчётчиках – там вращающийся диск сильно изнашивал опоры. А на кафедре физики у Люды было помещение, вакуум-насосы, маленькие кольцевые магниты.

Люда заинтересовалась предложением и согласилась поработать со мной по науке. Ну, и, разумеется, мне было удобнее заходить к Тамаре в гости – Люда и для меня стала «своим» человеком.

Мы с Тамарой стали неразлучны, и всюду ходили вместе. Про нас даже шутили в институте: «Мы с Тамарой ходим парой». Я заметил ряд чёрточек характера Тамары, которые считал очень ценными для человека, и это утвердило во мне былую приверженность тем же принципам. Она было до педантичности точна. Мы однажды назначили встречу на скамейке у гастронома в пять часов вечера. Я пришёл даже заранее, но, как в Тольятти часто случается, внезапно началась гроза. Я заскочил в гастроном, и решил, что Тамара сделает так же. Но в магазине, я её не увидел, а когда минут через десять гроза прошла, и я вышел на улицу, то к своему удивлению увидел Тамару всю промокшую на скамейке. Она с презрением посмотрела на меня и спросила:

- Где и на который час мы назначили встречу?

Как я ни оправдывался, какие ни приводил доводы, она всё повторяла и повторяла свой вопрос, пока я не попросил прощения и не обещал: «Больше не повториться!». И я до сих пор остаюсь верен этому обещанию, правда, уже не с ней.

И ещё один случай – как-то я обещал Тамаре проделать некоторую работу и не успел закончить её к сроку. Она мне выговорила, как мальчишке: «Не можешь выполнить – не обещай!». Я решил «отомстить» ей, и как-то «подсунул» тоненький проспект фирмы на немецком языке. Попросил перевести за вечер, хотя бы вчерне. Там было страницы четыре с графиками, и Тамара обещала утром часам к одиннадцати принести перевод на кафедру. А проспект изобиловал такими терминами по магнетизму, что его и по-русски-то неспециалисту не понять.

Заранее предвещая победу, я прихожу точно к одиннадцати часам на кафедру к Тамаре и вижу её за своим столом, утомлённую и злую. Она брезгливо протянула мне проспект с вложенным туда переводом и сказала, что, так как она работала всю ночь и устала, то наша сегодняшняя встреча отменяется. Еле уговорил её не «казнить» меня столь жестоко! Я гордился этими чертами моей Тамары, но, по правде говоря, стал её немного побаиваться. Что не так - разнос неминуем!

С этой точностью, пунктуальностью, педантизмом и аристократизмом совершенно не вязалась другая черта её характера, даже не знаю, имеет ли она определённое название. Вот идём мы по улице: например, встретив у общежития, я её провожаю до института. И вдруг она останавливается и, вся зардевшись, говорит: «Я больше не могу! Придумай что-нибудь!» Я, уже понимая, о чём речь идёт, предлагаю ей пойти обратно в общежитие, но она отказывается: «Люда дома, а мы её уже вечером отправляли гулять!». Предлагаю зайти ко мне в комнату, но и это её не устраивает – эта постель, видите ли, «видела» других женщин! Да я уже несколько раз менял бельё, но это для неё не довод.

И мы бросаемся во дворы искать погреба с незапертым входом, и там, под капающим потолком, рискуя каждую секунду увидеть хозяина с ведром картошки, стоя, по-быстрому делаем своё дело. Но моменты были незабываемые – например, если капало сильно, то я накидывал Тамаре на голову свой пиджак!

А однажды, когда мы такого погреба не нашли, она просто потребовала, чтобы мы зашли в старый двухэтажный дом. Поднявшись на второй этаж, я должен был стучать в дверь, и, если откроют, то спросить, живут ли здесь Петровы, и уйти. А если никого нет дома, то мы взламываем дверь, и «по-быстрому» делаем своё дело. Я аж побледнел от страха, что мне придётся сейчас выбивать чужую дверь, но, видя глаза Тамары, я понимал, что сейчас буду делать это. Спасла положение железная лестница на чердак и незапертый люк. Там оказалось даже лучше, чем в погребе – по крайней мере, с крыши не капало. «Если спросят, что мы делали на чердаке, говори – пожарная инспекция!» – шепнула мне перед выходом Тамара. Но никто ничего не спросил.

Просто удивительно, что некоторое подобие такого сексуального нетерпения, я наблюдал только у Тамар – преподавательниц иностранных языков; у других Тамар ничего подобного не замечалось...

Но всё о Тамарах, да о Тамарах... А как же Наташа Летунова, что она, так и не встретила больше на жизненном пути Нурбея Гулиа? Да нет, встретила, но в своём обычном амплуа. Так, мельком, мы, конечно, виделись и в институте и на улице. Кивали друг другу, здоровались, но не останавливались. А тут вдруг на улице подбегает ко мне сзади Наташа, и прикрывает глаза ладонями.

- Тамара? – не сомневаясь ни на йоту, спрашиваю я.

- Тебе всё Тамару подавай, а Наташа не подойдёт? – без тени грусти или аналогичного чувства, проговорила смеющаяся Наташа, уже «подшофе». – Я тебе всё прощаю, - великодушно сообщила Наташа, - ты променял меня на достойную кандидатуру, она – первая красавица в нашем городе, и мне не стыдно за твой выбор. Я вынуждена отступить перед более сильной соперницей! – напыщенно проговорила Наташа. А потом запросто добавила:

- Зайдём ко мне, выпьем на дорогу, я улетаю до осени в Казань, устроила себе туда «повышение квалификации». Если не веришь – вот билет!

Я внимательно осмотрел билет на самолёт до Казани, вылет из Курумоча в 19³⁰. До Курумоча часа полтора, очереди и прочее – ещё час, то есть в пять часов вечера уже надо выходить из дома. А сейчас – три; ну, думаю, можно зайти по старой памяти, тем более до дома недалеко.

Взяли чего надо, поднялись. В квартире изменения минимальные, даже матрасы, и те лежат на полу.

- Ну, Нурбей, держись, помни, что ты любишь самую красивую девушку города, не опозорься, - убеждаю я сам себя, - может, Наташа затеяла провокацию!

Но провокацией тут и не пахло, а пахло тривиальной пьянкой. Выпили бутылку, закуски почти нет, Наташа только рукой махнула. Я же гордо показал ей свою справку, которую хранил в паспорте. Она потянулась за второй бутылкой, я её пытался ей не давать, но Наташа послала меня подальше, и отпила ещё. Я же ко второй бутылке даже не прикасался. Время - половина пятого. Наташа положила голову на стол; я приподнимаю её, мну уши (так поступают обычно для отрезвления), обдуваю газетой.

- Сейчас пойду, Нури, только дай на дорогу в туалет зайти! – взмолилась она. Я и дал. Проходит четверть часа, она не выходит. Стучу, зову – нет реакции. Ну, думаю, криминалом

попахивает! Ногой вышибаю дверь – моя «бывшая» сидит на унитазе со спущенными трусами и ... спит! Да, да - с храпом! Трясу за плечи, приподнимаю, - никакой реакции, только шёпотом послала меня на три буквы.

Что ж, я и оставил её досиживать. Написал «объяснительную записку», оставил на столе и вышел, захлопнув за собой дверь. Конечно же, она на самолёт опоздала. Но вылетела на следующий день. Подумаешь, всего делов-то!

Дела околонучные

Заручившись поддержкой Люды, а главное, её заведующего кафедрой Александра Дмитриевича Каратаева, я заключил хозяйственный договор с ЛЭМЗом на модернизацию электросчётчиков. Стоимость договора – десять тысяч рублей, да ещё они дали для опытов три счётчика. Перечислили аванс – две тысячи пятьсот рублей. И дело пошло.

Всё свободное от занятий дневное время я проводил на кафедре физики, работая в лаборатории. Люда, у которой было много «производственных» связей, помогала в изготовлении деталей. Магниты были очень хрупкими – они изготовлялись из феррита бария; обрабатывались лишь шлифовкой и электроискровым способом.

Три подвески дисков счётчиков были изготовлены меньше, чем за месяц. Сопротивление вращению уменьшилось раз в десять. Ещё бы – опоры в виде иголок (кернов) едва касались своих гнезд и не несли никаких нагрузок. Вся тяжесть диска воспринимали силы отталкивания магнитов.

Но такие счётчики с магнитной разгрузкой давно существовали за рубежом, были на них и патенты. Поэтому я решил, «подстраховаться» и запатентовать нашу схему. Была добавлена «подкладка» под нижний неподвижный магнит, изготовленная из биметаллической ленты (в духовках газовых плит такая лента в термометре). При нагревании счётчика в работе подъёмная сила магнитов чуть-чуть падает, а биметаллическая подкладка также чуть-чуть приподнимает нижний магнит. В результате диск остаётся на своём месте.

Около месяца счётчики «крутились» на кафедре, измеряя расход энергии, параллельно с эталонным измерителем мощности с записью её на ленту во времени. В результате и счётчики, и запись на ленте показывали одно и то же – работу в киловатт-часах. Два счётчика были с магнитной подвеской, один – стандартный.

Не нужно быть Эдисоном, чтобы догадаться, какие счётчики работали точнее – чем меньше потерь на трение, тем точнее работа. А за время работы приборов мы помещали один из счётчиков с подвеской в вакуум под колокол насоса, устраняя и потери на сопротивление воздуха, что пригодилось для диссертации Люды. Таким образом, она моё пребывание в общежитии только приветствовала, правда вместе с ней самой.

Тамара даже мрачно шутила, что она сама здесь «третья – лишняя», и нам с Людой надо бы сойтись из-за «производственной необходимости». Тогда Люда быстро смотрела на часы и тихо спрашивала Тамару: «Ну что, как обычно?» - и уходила.

Опыта работы по хоздоговорам у меня не было, и ЛЭМЗ «надул» нас. Я отвёз счётчики и оставил их там, вместо того, чтобы вызвать представителя завода и зафиксировать точную работу счётчиков. Или, по крайней мере, запломбировать счётчики и испытать их на заводе в моём присутствии. Завод же счётчики забрал, а деньги переслать отказался, мотивируя тем, что счётчики с подвеской (то есть почти без потерь на трение!) работают менее точно, чем обычные. Это, конечно же, абсурд, но денежки-то завод всё равно не перечислил!

Имея счётчики в своём распоряжении, я детально разобрался в их устройстве. В результате чего придумал, как, не прикасаясь к самому счётчику, а лишь включая в штепсель особое несложное устройство, замедлять вращение диска, останавливать его, и даже крутить назад. Когда завод, как сейчас говорят, «кинул» нас, я опубликовал схему моего устройства в журнале «Юный техник», имевшем тогда огромный тираж. Под псевдонимом «монтер Иванов» я

рассказал, что изобрёл «вечный двигатель». Который, якобы, позволяет «качать» электроны из Земли и выдавать энергию в сеть. Статью шутки ради опубликовали, эта шутка была правильно понята, и схема пошла «по рукам» многочисленных «монтёров Ивановых».

Даже двадцать лет спустя, я уже в Москве встретил мастера, продававшего моё устройство. Надо сказать, что к нему даже стояла небольшая очередь, желающих купить «вечный двигатель»! Я познакомился с мастером, и честно признался, что это я, под псевдонимом «монтёр Иванов» опубликовал схему продаваемого им прибора. Он, улыбаясь, вынул из ящика стола старый журнал «Юный техник» и показал мне статью.

- Если это действительно вы опубликовали, то большое вам спасибо! Я на этих приборах зарабатываю намного больше, чем по основному месту работы! – признался мастер.

ЛЭМЗ не разорился, на что я легкомысленно рассчитывал. Думаю, что если бы такое произошло в стране, где электроэнергия хоть кому-то, кроме «народа», принадлежит, и эта энергия имеет реальную стоимость, моя статья должна была бы тут же разорить производителей электросчётчиков, позволяющих себя «дурить». Но и сейчас ЛЭМЗ, да и другие заводы, правда, не причинившие мне вреда, продолжают выпускать счётчики, которые способен обмануть даже юный техник.

А ведь я, если честно признаться, придумал и то, как «нейтрализовать» действие своего устройства. Я даже написал в ЛЭМЗ письмо, с предложением купить схему моего «нейтрализатора», если имеют место попытки «управления» поведением счётчика. Но мне ответили, что выпускаемые ЛЭМЗом электросчётчики отвечают всем требованиям соответствующего ГОСТа, и ни в каких усовершенствованиях не нуждаются. Правда, это было году в 1969, то есть задолго до организации РАО ЕЭС и торжества капитализма в России.

Потерпев фиаско на электросчётчиках, но не на всей моей «науке», я решил претворить свою идею автомобильного «гибрида» на автобусах, где это было необходимо в первую очередь. Так как ближе всего от Тольятти был Павловский автобусный завод, я решил туда съездить в командировку.

Долетев из Курумоча до тогдашнего Горького (Нижнего Новгорода), я пересел на пригородный автобус и отправился в город Павлово-на-Оке, где производят всем известные ПАЗы.

Дорога – хуже я не видел, асфальт весь в дырках и ямах, покрыт толстым слоем жидкой грязи, хотя дело было что-то в мае. По дороге автобус остановился в городке Ворсма, где был завод по изготовлению ножей и хирургического инструмента. Наш автобус окружили колоритные дяди и, как дамы лёгкого поведения, распахнули перед нами борта своих пиджаков и плащей.

Я сперва не понял этого жеста, а, приглядевшись, увидел, что вся внутренняя поверхность этих бортов увешена... ножами. Ножи кухонные, охотничьи, финки с лезвием, вылетающим и вперёд и вбок. Я и сам когда-то сделал для себя огромный нож, с вылетающим вбок лезвием – но здесь была совсем другая работа! Ножи сверкали хромом и цветным пластиком. Не удержавшись, я купил за 8 рублей нож с вылетающим вперёд лезвием; такого у меня раньше не было.

Наконец, под вечер я добрался до Павлово. И опять же меня поразил «шахтинский синдром». В городе, производившим автобусов больше, чем где-нибудь в стране, курсировали несколько «развалюшек», переполненных так, что люди висели на всём, на чём висеть было и можно, и нельзя. Повис и я со своим портфелем и доехал до центра города, рассчитывая устроиться в гостиницу. Но гостиница была переполнена до боли знакомыми мне смуглыми гражданами с усиками и в кепках. Что они такой массой делали в Павлово – один Аллах знает!

Мне дали адресок бабки, которая за рубль сдаёт койку на ночь. И опять путешествие на совершенно разваленном ПАЗике по дороге, где должен был бы застрять и вездеход, на окраину города, где я едва нашёл дом этой бабки. Дом был сельского типа, с участком земли, и на этом участке вместо теплицы стояла огромная палатка, то ли самодельная, то ли военного образца. Бабка завела меня в палатку, где уже стояло штук двадцать раскладушек - и застеленных, и пустых. Под крышей палатки горела стоваттная лампочка, не выключаемая и на ночь. Бабка получила с меня рубль и выдала бельё: серое, в дырках с большими штампами; плоскую грязную подушку и байковое одеяло тоже со штампом.

Я поинтересовался у этой бабки, где можно поблизости перекусить – ведь я целый день не ел. Бабка с удовольствием ответила, что нигде: во-первых, потому, что мы находимся в пригороде, где магазинов нет; во-вторых, потому, что и в городе в магазинах тоже ничего, кроме хлеба, нет, и тот весь расходится утром. Варёную колбасу и российский сыр выдают по килограмму два раза в год по специальным талонам. Талоны же дают только работающим, и то по рекомендации парткомов. В столовых – только пиво и никакой еды. О ресторане у бабки сведений нет.

Я с ужасом слушал бабку, и честно говоря, не верил ей. Жить в таких условиях просто нельзя, а при этом ещё и выпускать автобусов больше, чем где-либо в другом месте в стране – это из области фантастики! Так я и заснул голодный и прямо под стоваттной лампой, а утром – прямиком на завод.

Созвонившись с главным конструктором по фамилии Жбанников, я прошёл на завод и встретился с ним – молодым обходительным человеком. Я не смог удержаться от вопроса, касающегося питания населения. Жбанников вздохнул и подтвердил почти всё, сказанное бабкой.

- Как же вы физически выживаете? – ужаснулся я. - Кто как, - уклончиво отвечал Жбанников, - ведь есть ещё и рынок, спекулянты всякие... Но вы можете пообедать в заводской столовой, там кое-что есть.

К моим деловым предложениям по «гибриду» Жбанников отнёсся скептически. На ПАЗах мало свободного места для размещения гибрида. Да и силовой агрегат приходит готовым. На знакомый мне ЛиАЗ он тоже не советовал обращаться – там внедряют гидромеханическую трансмиссию, и им больше ни до чего дела нет. А вот во Львов он посоветовал съездить – там головное КБ по автобусам, и все новые разработки проходят через них.

Я всё-таки зашёл в заводскую столовую, где меня накормили жидким супчиком без мяса, котлетами из хлеба с сильным запахом рыбы и мутным компотом, но уже со слабым запахом рыбы.

Выйдя с территории завода, я заспешил на автостанцию. При полном отсутствии закуски водка всё-таки продавалась, и количество пьяных с утра было огромным. Кое-как я купил билет до Горького, но до отправления автобуса оставалось больше часа. Пища с рыбным запахом дала себя знать, и я заметался в поисках туалета. Мне указали на какую-то дверь без надписи в здании автостанции. Зайдя туда, я обнаружил тёмный, узкий, длинный – метров в пять – проход, в конце которого на возвышенности, как трон, красовался огромный унитаз. Дверь была без запоров – ни крючка, ни щеколды – одна ручка, чтобы хоть прикрыть дверь.

Не успел я «орликом» взлететь на унитаз, как дверь распахнулась, и пьяный мужик, на ходу расстёгивая ширинку, попёр прямо на меня. Я соскочил с «трона», и, толкая мужика в грудь, задним ходом вышиб его наружу, заметив при этом, что глаза его были закрыты. Только я снова добрался до унитаза, та же сцена повторилась. Положение было почти безнадежным.

Но меня спасла природная изобретательность. Я вышел из туалета и стал искать верёвку, проволоку, цепь или что-то вроде этого. В мусорной куче я обнаружил грязную, но ещё прочную верёвку достаточной длины. Привязав верёвку к ручке двери изнутри, я уселся на унитаз, держа в руке её конец. Только я решил, что туалетный вопрос улажен, как снова слетел с унитаза носом вниз. Дверь рывком открылась, и очередной пьяный пролез в проход, расстёгивая ширинку.

Я рассвирепел. Придерживая падающие брюки одной рукой, я вышвырнул незваного посетителя наружу, и, выйдя с ним вместе, ногой сшиб ручку на двери туалета снаружи. Потом зашёл, захлопнул дверь, и крепко держа верёвку в руке, наконец, воспользовался унитазом. Так что, если вам пришлось побывать в те годы в туалете на Павловском автовокзале, и вы видели длинную верёвку, привязанную к ручке двери, а тем более воспользовались ею для защиты от назойливых посетителей – знайте, что это моё изобретение!

Из Горького поездом добрался до Москвы, чтобы встретиться там с Таней. Она всё ещё ждала меня, и я видел, как рада она была моему приезду. Как понять женскую душу? Правда, я убеждал Таню, что у меня «никого нет», и я занят только работой.

В сравнении с Тамарой Таня, конечно же, проигрывала, и это не могло не сказаться на страстности нашей встречи. Но Таню я тоже любил, просто любовь к красавице-Тамаре чуть-чуть

ослабила влечение к Тане. Но Таню, как и Лилю, я считал своими, близкими людьми, жёнами, что ли. Ну, а Тамару – последней, любимой женой. Вот такая азиатская ситуация получалась, при всей моей нелюбви к Азии и азиатскому менталитету.

Во Львов я полетел самолётом. Конечно же, я, как почти все, побаивался самолётов, но в этом рейсе я наблюдал просто панический страх перед полётом у моего соседа по креслу. Самолёт был КБ Антонова – «АН», кажется «АН-12». Я сидел у иллюминатора, сосед – рядом. При взлёте он, тщательно пристегнувшись, прикрыл глаза руками и дрожал крупной дрожью, как собака от холода. Когда самолёт оторвался от взлётной полосы, и шасси с треском убралось, сосед ожил. Он даже шутил и съел свой обед.

Но при подлёте к Львову с ним стало твориться нечто невообразимое. Он чуть не залез под кресло, если это можно было только себе представить. Его трясло, он, не стесняясь, стонал, как беременная женщина, закатывал глаза. Мы со стюардессой чуть ли ни силой его пристегнули, и он, повиснув на ремне, перегнулся вперёд, снова прикрыв себе глаза. С виду это был мужчина лет пятидесяти, еврейской внешности.

Когда самолёт приземлился, но ещё не остановился, сосед, потеснив меня, прильнул к иллюминатору, и с паническим выражением лица смотрел куда-то вниз. И только тогда, когда самолёт остановился, он откинулся на спинку кресла и выдохнул, казалось бы, кубометр воздуха.

- Молодой человек, вы не думайте, что я сумасшедший! Мы, то есть наш завод, эти «АНЫ» и выпускает. На них летать нельзя – это гробы с крыльями! Вы увидите, скоро они начнут падать массами. Это я вам говорю – не последний специалист на заводе! – прошептал сосед мне на ухо.

Фамилии своей и должности он не назвал, но костюм на нём был красивый, дорогой, а на лацкане пиджака какой-то значок с изображением «пузатого» самолёта. Действительно, вскоре после нашего разговора, через полгода, что ли, эти «АНЫ» стали падать, после чего их сняли с полётов.

Во Львове я двумя автобусами добрался до Львовского автобусного завода – ЛАЗа, на территории которого и находилось Головное КБ по автобусам. Улица Стрыйская, где размещался завод, была почти на краю города.

Меня принял начальник КБ – Карп Миронович Атоян, высокий красивый армянин. На беседу он позвал своего заместителя Рябова и опытного специалиста Нагорняка. Я рассказал об опытах по «гибриду» на УАЗике, показал фотографии. Будучи специалистами, собеседники тут же поняли меня, мы прошли в цех и осмотрели моторный отсек автобуса ЛАЗ-695. Справа от двигателя было предостаточно места для размещения «гибрида».

- Сдаётся мне, что мы залезаем в будущее лет на пятьдесят вперёд, - с улыбкой произнёс Атоян, - но больно уж интересно посмотреть на «гибрид» в работе! Что ж, старенький 695-ый у нас есть, берите чертежи автобуса, его данные. Нам нужно изделие в металле, установленное на автобусе. Сколько вам нужно времени и денег?

- Проектирование и рабочие чертежи – год; изготовление и стендовые испытания – тоже год; установка на автобус и испытания всей машины – ещё год. Оплата по процентовкам – по тридцати тысяч рублей в год; аванс – 25 процентов от годовой оплаты; в конце каждого года - отчёт – бойко распланировал я.

Вообще, это была чистой воды авантюра. У меня не было никакого КБ в Тольятти. За год даже в профессиональном КБ не изготовить технического проекта и рабочей документации на сложное изделие, включающее совершенно новые элементы – скоростной маховик, дискретный вариатор, редуктор с карданом к заднему мосту. Я понятия не имел, кто сможет в Тольятти изготовить такое чудо! А где стенд для его испытаний и помещение для этого? Я уже не говорю об испытаниях всего автобуса. Сейчас меня охватывает ужас от этого объёма работ, который я тогда и не представлял себе! И за такие ничтожные деньги – ведь на подобные работы в США будут тратить десятки миллионов долларов в год!

Ну, а какова альтернатива? Вообще не начинать такой работы? Ведь ясно, что никакой головной институт, тот же НАМИ, никогда не включил бы себе в план подобной фантастики! Но говорят, что «смелость города берёт». Договор был подписан, и я «королём» возвращался в Тольятти.

Находки и потери

Наступило лето – период сессии в институте, а затем и отпусков. Работу с ГСКБ – а именно так называлось Львовское КБ, я решил начать с сентября. А тут прямо с начала июня мне стали поступать тревожные сигналы от моих родных и друзей.

Первое письмо пришло из Тбилиси от Лили. Оказывается, к нашему домуправу Тамаре Ивановне приходил человек из КГБ и расспрашивал обо мне странные, с точки зрения домуправа, вещи. Люблю ли я деньги, женщин, выпивку, правильно ли сексуально ориентирован?

Тамара Ивановна отвечала, что деньги я не люблю, иначе бы занялся спекуляцией в Тбилиси, а не уехал строить коммунизм в Тольятти; из женщин люблю только свою жену, а выпиваю ровно столько, сколько и должен выпивать грузин. А то, что я не педераст, она, Тамара Ивановна, ручается головой. А ещё Тамара Ивановна добавила, что если нужно, то она может указать, кто у нас во дворе педерасты. Но другие педерасты почему то агента КГБ не заинтересовали.

Он взял слово с домуправа, что она оставит их разговор в тайне, но только он вышел за ворота, Тамара Ивановна прокричала через весь двор:

- Марго, Марго! – и когда мама выглянула в окно, так же громко сообщила ей, - сейчас приходил агент НКВД (она ещё не привыкла к так знакомой и любимой нами аббревиатуре – КГБ) и интересовался Нуриком. Спускайся ко мне, всё расскажу!

Второе письмо пришло от Тани. Оказывается и в общежитие, где я жил, тоже приходил агент КГБ и задавал те же вопросы Лукьянычу, и уже выпившим, Саиду и Моте (Жижкин притворился спящим и от ответов самоустранился). Соседи сказали, что деньги я люблю – а кто же их не любит? Баб тоже – а кто же их не любит? Водку тоже – а кто же её не любит? Насчёт сексуальной ориентации они ничего не поняли, но когда прозвучало слово «пидорась» (так они его услышали), то соседи это слово восприняли как мат, и со словами «сам ты пидорась» избили агента и вышвырнули его вон. А потом ребята позвонили Тани и всё ей рассказали.

- Берегись КГБ, - писала мне Таня, - эти черти кого хочут засадят, держись от них за километр! - переживала она, и по этой причине не очень следила за стилистикой текста.

Посоветовавшись с Тамарой, я зашёл в институтский отдел кадров, где было ещё две комнаты с надписями «Первый отдел» и «Второй отдел». Первый отдел мне показался надёжнее, и я заглянул туда. За столом у окна лицом ко мне сидел мужчина в штатском с военной выправкой, а по бокам комнаты лицами к стенам сидели за своими столами две дамы. Я подошёл к мужчине и представился. Он встал и, протянув мне руку, сказал: «Капитан Кузнецов!». Только я начал говорить с ним по существу, как капитан хорошо поставленным голосом приказал своим дамам: «Всем прошу покинуть помещение!», и дамы чётко, по-военному, чуть ли ни строем вышли из комнаты.

На мой рассказ капитан отреагировал спокойно и попросил пару дней на консультации. Я вышел от него с сознанием выполненного долга. Через два дня я нашёл на своём столе на кафедре записку, что меня ждут в Первом отделе.

После обычного приказа своим дамам, капитан Кузнецов посоветовал мне зайти в городской отдел КГБ к капитану Неронову, который в курсе дела и ждёт меня. Листок с адресом, номером комнаты и телефоном Неронова был вручён мне.

- Неронов, Неронов, - фамилия интересная, - подумал я, - не соответствовала бы она и привычкам капитана! «Знаковая» фамилия, как сказали бы сейчас. Неронов оказался мужчиной совершенно ординарной внешности, встретив которого на улице, никогда не узнаешь – таких тысячи. Но военная выправка при штатском костюме была. После рукопожатия, Неронов закурил сигарету и предложил мне: «Садитесь, курите!»

- Всё, сейчас вербовать будут, - подумал я и не ошибся.

- Биография у вас чистая, - медленно начал Неронов, - извините, но пришлось вас проверить по прежним адресам местожительства. Город у нас такой – много иностранцев! А среди

них... - Неронов выразительно помолчал, - сами понимаете, вы человек учёный! Они охотно общаются с нашими молодыми учёными, и что скрывать, пытаются их вербовать...

Я внимательно слушал, не отводя глаз от капитана Неронова. «Вот он – агент КГБ, такой, как в детективах описан, и в фильмах показан! Сейчас предложит сотрудничать – дёшево не дамся!» - решил я. И действительно, предложение о сотрудничестве поступило. Входить в контакт с иностранцами и доносить, если что...

Надо сказать, меня и самого интересовали иностранцы. Они жили в новой гостинице «Волга» (или «Волна», я уже позабыл!), мимо которой я, идя в общежитие к Тамаре, проходил, и видел их живые, выразительные лица за стёклами ресторана на первом этаже. На столах – Мартини, Чинзано, и всё такое импортное. «Простых» наших, туда не пускали, а ведь так хотелось!

И я, согласившись с Нероновым, что действительно оградить страну от происков империалистов надо, высказал своё видение вопроса. Где вступать с иностранцами в контакт? Не в женском же общежитии, где я живу. И не в нашей институтской столовой, где очередь на час.

– А вот если бы у меня был пропуск в ресторан «Волга» на два лица, - вкрадчиво предложил я, - и оплаченные посещения в нём, то очень даже можно было бы войти в контакт! Я сносно говорю по-английски, «второе лицо» - по-немецки, и думаю, что мы могли бы оказать посильную помощь...

Я уже мечтал о том, как мы с Тамарой познакомимся с какой-нибудь заграничной парой, договоримся с ней, что якобы они вербуют нас, а мы – их, и пьём-гуляем за счёт спецслужб! Мечта моя, наверное, так явно проступала на моём лице, что Неронов разочарованно поднялся со своего стула, пожал мне руку и сказал:

- Хорошо, мы подумаем, и если что – найдём вас!

- Приятно было познакомиться, - угодливо проговорил я, и добавил, - а за того вашего агента, которого мои приятели побили, вы уж, пожалуйста, простите! Парни необразованные, простые – а он «пидорась», да «пидорась». Обидно показалось!

- Если он дурак, то поделом ему! – уже раздражаясь, металлическим голосом закончил разговор Неронов.

- Дурак он или сволочь? – наверное, размышлял Неронов после моего ухода, - кандидат наук, учёный - значит не дурак. Остаётся одно – сволочь!

- Дурак ты, а ещё кандидат наук! – вспыхнула Тамара, когда я рассказал ей о моём предложении Неронову. – И не мечтай, что я с тобой буду вербовать иностранцев! А узнаю, что ты этим занимаешься – брошу тебя тут же!

Что ж, сигнала от Неронова так и не поступило. А бросила меня моя Тамара всё равно, этим же летом. Потому, что не могла не бросить. Но могла ли она представить себе, как ей повезло в жизни, что она это сделала - не знаю, скорее всего, нет.

А случилось вот что. Выделили мне квартиру - трёхкомнатную в новом девятиэтажном доме, как раз рядом с гостиницей «Волга» (или «Волна»), где так много незавербованных иностранцев. Четвёртый этаж, вид с лоджии на сосновый бор. Пройдёшь по бору около километра – пляж, берег Жигулёвского моря. В плавках можно из дома выйти, что мы потом и делали. А зимой – прямо на лыжах - и в бор, на лыжные тропы, где гуляли когда-то мы с Тамарой...

Так вот, нужно было срочно давать ответ – беру я квартиру, или нет. А Лиля велела мне самому ничего не брать, потому что надуют, и требовала вызвать её. Ну, думаю, приедет, даст согласие, и уедет. А нам с Тамарой будет в новой квартире раздолье.

Но видимо, в своих оценках обо мне, как личности, правы оказались оба «оценщика» - и Неронов, и Тамара. Хочу ещё раз предупредить неопытных: учёная степень не гарантирует того, что её обладатель не дурак, а увлечение Гёте и Кантом (с его «нравственным законом внутри него») - не гарантирует того, что знаток и почитатель этих гениев – не сволочь!

Я дал телеграмму в Тбилиси, и послезавтра Лиля была уже в Тольятти. Квартира ей понравилась, и я согласился её взять, но Лиля затеяла в ней ремонт. Обои, видите ли, не те, сантехника плохая, окна в щелях! Наташа, не раздумывая, въехала в новую квартиру, хотя там и обои с сантехникой были похуже, да и щели пошире...

Одним словом, не могли мы больше встречаться с Тamarой. Мне-то легче, я мог запить, чего не могла себе позволить Тамара. Но почти месяц она ходила в больших тёмных очках. Люда укоризненно говорила мне, что она плачет по ночам, глаза все красные - вот и носит очки.

- Люда, - спрашивал я соседку Тамары, - ты умная, ты всю нашу с Тамарой историю знаешь. Скажи, что мне делать, как поступить? Мне ничего путного в голову не приходит!

Люда только опускала глаза и тихо отвечала: «Не знаю».

Оставив Лилю разбираться с её ремонтом, я, уже в отпуске, уехал на месяц в Москву к Тане. А официально – консультироваться по докторской диссертации. Справедливости ради надо сказать, что и это последнее тоже имело место.

Ещё на съезде механиков в 1966 году я познакомился с известным учёным в очень близкой мне области знаний – динамики роторов (маховики и супермаховики – это и есть по-научному «роторы») профессором Бессоновым Аркадием Петровичем из института Машиноведения (ИМАШ) Академии наук СССР. К нему только поступил в аспирантуру талантливый молодой человек (ровно на год младше меня), которому руководитель ещё не выбрал тему. Аркадий Петрович загорелся идеей дать своему аспиранту тему по супермаховикам, причём переменного момента инерции.

Надо сказать, что тематика эта – очень сложная, я бы сказал, головоломная, мало кому понятная. Эксперименты с фотографированием при стробоскопическом освещении (попросту, как-бы при «остановленном» вспышкой молнии процессе перемотки гибкой ленты) в таком супермаховике, показали ряд совершенно необъяснимых явлений. Лента то начинала загибаться в петлю, то вообще складывалась и начинала наматываться в другом направлении. Эти эксперименты я провёл в Тбилиси ещё в 1966 году, но не смог дать им научного объяснения и отложил фотографии в «долгий ящик».

И Бессонов предложил своему аспиранту разобраться в этом явлении, теоретически исследовать его. Естественно, в один из ближайших приездов в Москву, я встретился с этим аспирантом. Но при первой встрече я не поверил в то, что аспирант так уж талантлив, как об этом говорил Бессонов.

Фамилия аспиранта была странная – Балжи, звали Моисей Юрьевич. Однако все товарищи называли его Мoneй, и я стал звать его так же. По национальности Мoneя был карайлар, это маленькая народность, всего около трёх тысяч человек, проживающая в Крыму, Литве и Польше. Их иногда считают евреями, но сами они отрицают это, но при этом приводят доводы малопонятные для большинства неевреев. Мoneя был хорошего роста, достаточно интересен, волосы имел густые и рыжие, ну и кожа на лице была соответствующая ярко-рыжим людям. Голубые глаза были всегда широко раскрыты, они обычно бегали туда-сюда, но иногда взгляд его надолго останавливался непонятно на чём, и все присутствующие начинали смотреть в ту же сторону. А там была стена или вообще неизвестно что. Одевался он всегда очень просто и как-то неряшливо, не придавая одежде никакого значения.

Вот этому аспиранту Мone я и рассказывал о таинственной задаче перемотки ленты в супермаховике, в то время, как он смотрел то в окно, то на потолок. Но часто переспрашивал, казалось бы, о совершенно ненужных вещах. Я уехал, будучи уверенным, что потерял время зря. Но в следующий же приезд в Москву, позвонив Бессонову, узнал, что Мoneя задачу мою решил, и что мне надо встретиться с ним. При этом Аркадий Петрович подчеркнул, что эта интереснейшая задача динамики роторов вполне может составить кандидатскую диссертацию Мoneи.

Помещалась лаборатория Бессонова в старинном готическом здании на бывшей улице Грибоедова, в центре Москвы. Здание странное, полное таинственных загадок. Чего стоит хотя бы то, что среди научных лабораторий на двери одной из комнат была надпись: «Квартира. Частная собственность. Просьба предварять ваш визит звонком». Оказывается, ещё Ленин в своей записке Совнаркому «подарил» эту комнату некоей знакомой молодой художнице, а потом она с мужем и семьёй жила там аж до построения коммунизма в нашей стране.

Лаборатория Бессонова входила в отдел академика Ивана Ивановича Артоболевского, и всё это размещалось на самом верхнем пятом этаже готического здания, причём высота пятого

этажа был равна современному девятому, не меньше. Моня принял меня, загадочно улыбаясь; он нарисовал на листе бумаги странные завитушки и спросил:

- У вас в эксперименте такого не получалось?

Я достал мои фотографии и поразился почти полному сходству завитушек, нарисованных Моней и линий, изображавших ленту на фотографиях. Труднейшая задача динамики была Моней разрешена. Наступил период нашего с Моней теснейшего сотрудничества и дружбы на четверть века, после чего он исчез неизвестно куда.

В середине девяностых он, уже известный учёный, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой, вдруг одномоментно бросил науку, кафедру, занялся бизнесом и ... пропал. То мы виделись с ним каждый день, жили - то я у него, то он у меня, делили и хлеб, и водку, и многое другое, и вдруг – Моня исчез. Пришёл как-то ко мне, сказал, что бросил науку, что я буду ругать его за это, и поэтому он ... исчезает с моего поля зрения. Я счёл это за очередной бред гения, но он перестал звонить сам, а на мои звонки в его квартиру, молодой мужской голос сперва просил представиться, а затем отвечал, что господина Балжи нет, и по этому телефону его не бывает.

- Послушай ты, пидор! – как-то спяну заметил я наглому молодому человеку, - передай Моне, что звонил такой-то, и чтобы он немедленно дал о себе знать, иначе подключу органы! Усёк, салага! – серьёзно добавил я, забыв расшифровать какие именно органы я собираюсь подключить.

Но это всё будет через четверть века, а пока я поехал в Москву консультировать Моню по его кандидатской диссертации и консультироваться с ним же по моей докторской. Лиля хорошо знала Моню, он и в Тбилиси к нам приезжал, и в Москве мы часто виделись вместе. Поэтому она хоть и знала, что я жить буду у Тани, но также знала, что и наука тоже будет продвигаться.

Целый месяц снова в Москве с Таней – это подарок жизни! Мы ходили на водохранилища купаться, гуляли по ВДНХ и Ботаническому саду, развлекались тем, что бросали кусочки «сухого льда», взятого у мороженщицы, в бутылку с портвейном и получали «крепкое шампанское».

Когда же я вспоминал Тамару и её образ, тот самый, который я так тщательно запоминал для дня смерти, этот образ, хоть и несколько заранее, но являлся мне. Я гнал его, и чем мог пытался заслонить его – наукой, вином, любовью с Таней. Ну, испорчу я себе настроение, а толку-то? Приеду в Тольятти, разберёмся!

Но разобрались и без меня. Тамара как-то вклинилась в состав туристической группы в ГДР, может даже переводчицей, и в Дрездене нашла себе ... мужа. Сперва не мужа, конечно, а «друга», но очень скоро они зарегистрировали свой брак, и Тамара уехала в Дрезден. Повезло немчуре, такую красавицу отхватил! Да что красавицу – это только малая толика её достоинств! Тамара оставила мне свой немецкий адрес и телефон, сказав, что мужа зовут Фриц. Не знаю, помнит ли кто-нибудь сейчас, но во время войны и долго ещё после неё немцев унижительно называли «фрицами». Как армян сейчас «хачиками».

- За фрица пошла, за фрица пошла – задразнил её я, на что она взглянула на меня чужими ледяными глазами и змеиным шёпотом спросила:

- Ты думаешь, у тебя имя благозвучнее? – и добавила, - если будешь писать, не упоминай о глупостях, а если будешь звонить, не пей перед этим!

Что ж, я не позвонил к ней ни разу, а если и писал, то без глупостей. Будучи в Дрездене, я как-то зашёл в кафе, но не выпить, а, пардон, совсем наоборот. И вижу, что туалетного кассира нет, а деньги все бросают в пластмассовую миску. Народу было мало, дай, думаю, ссыплю денежки себе в карман, Германия не обеднеет! Но потом пристыдил себя за свои «совдеповские» мысли и решил, по крайней мере, не платить – всё равно никто не видит.

Вышел из туалета гоголем, подошёл к выходу из кафе – а дверь не открывается! Дёргаю за ручку, чуть не отрывая её – тот же результат. Неужели у них, если за туалет не заплатил, дверь из кафе не выпустит! – холодея, подумал я. Быстро вернулся, дрожащими руками бросил аж пол евро в миску и – обратно. Вижу – в кафе кто-то заходит. Я - бегом к двери, подхватываю, чтобы не захлопнулась, и выхожу. Потом мне объяснили, что рукоятку надо было не на себя дёргать, а чуть сдвинуть - дверь и раздвинется сама автоматически.

А я уже представил себе ироническое лицо Тамары – дескать, не будешь больше хулиганить у нас в Дрездене, чай не у Пронькиных! Так-то, майн лииб!

Весёлая квартирка

В середине августа я вернулся в Тольятти. Квартира была готова к обитанию, но Лилю надо было куда-то пристраивать на работу. К тому же с сентября нужно было уже начинать работы по Львовской теме, а Лиля была конструктором с опытом. Опыт, правда, был отрицательный – кавказский, но всё же опыт. Лиля быстро смоталась туда-сюда, уволилась в Тбилиси, привезла трудовую книжку. Моя мама и тётя Нелли остались с детьми, их решили не срывать со школы. При наличии денег этот вопрос был разрешимым. Лилю «по-быстрому» устроили на кафедру сопромата ассистентом, я взял её на Львовскую тему конструктором. Сам как руководитель темы получал добавочные 120 рублей, а мы оба в сумме получали под семьсот рублей, что для нас было немислимо много. Поэтому маме отсылали достаточно.

Труднее было найти штатного конструктора, но Жорес Равва «уступил» мне своего конструктора Иру. Ректорат выделил нам комнату в соседнем корпусе, мы поставили туда кульманы. О персональных компьютерах тогда слыхом не слыхивали, но нас вполне устраивали и кульманы.

Я делал расчёты и эскизы, женщины переносили это всё на чертежи. Лиля сразу же подружилась на своей кафедре с ассистентом Тамарой - «молодым специалистом» из Кемерово. Ей было лет двадцать пять, она была того же роста и комплекции, как и Лиля – рост 160 см, а вес 55 кг, она тоже была крашеной блондинкой и носила очки. Разница была разве только в цвете глаз: у Лили - светло-карие, а у Тамары – серые. Фамилия Тамары-подруги была странной – Заец (да, да, не Заяц, а именно Заец!), да и отчество не лучше – Евграфовна. Сибирь, что поделаешь! Тамара была незамужем и жила в общежитии, кстати, том же, где когда-то проживала и моя Тамара. Так что про меня она знала, пожалуй, всё, и, конечно же, рассказала Лиле. Выпить и поболтать Тамара была непрочь, так что поначалу она засиживалась у нас допоздна, а потом стала оставаться и на ночь.

Мебели у нас было мало. Спальня и мой кабинет выходили в большой холл, где мы выпивали и смотрели телевизор. Кровать мы купили огромной ширины, почти во всю комнату, а для Тамары поставили в холле раскладушку.

Сперва я хотел приспособить Тамару для конструкторской работы, но она оказалась бестолковой. Учила только студентов решать задачки по сопромату, и то «безо всякого удовольствия». Но поболтать, посплетничать, пойти погулять втроём – всегда, пожалуйста. Казалось, мужики её вообще не интересовали, а вполне устраивала дружба с Лилей.

- От этой пьяни только дурную болезнь подхватишь, - так отзывалась она о тольяттинских донжуанах, - а ещё и сопрут, что плохо лежит!

Я вначале пытался избавиться от Тамары, она меня раздражала постоянной болтовнёй и сплетнями, но потом привык к ней и даже скучал, если почему-то её вечером не было. Найти себе подружку на стороне при жене было практически невозможно - в Тольятти все знали друг друга, да и я был ещё под впечатлением от моей, уехавшей к фрицам, красавицы-Тамары. Ну, а раз в месяц я обязательно ездил в Москву на два-три рабочих дня с захватом субботы и воскресенья. Тема своя у меня была, деньги на командировки тоже, и наша с Монеи наука шла высокими темпами. А останавливался я у Тани; таким образом – любовь у нас вновь стала регулярной, да и деньги появились, что немаловажно.

Каждый квартал нужно было ездить подписывать процентовку во Львов, а мне этого страшно не хотелось. Поездом долго, а самолётом быстро, но страшно. Вот и решил я посылать туда Лилю, как моего зама. Сам я в это время уехать в Москву не мог, так как остановилась бы работа в нашем маленьком КБ.

И вот рано утром Лиля должна ехать в Курумоч, а вечером мы выпили по этому случаю. Лилия и говорит Тамаре:

- Ты, пожалуйста, не оставляй его одного здесь – это такой кобель, что тут же кого-нибудь приведёт, или сам туда завалится! Чтобы все вечера и ночи был дома, а ты потом мне всё расскажешь!

Я попытался огрызнуться, но обе очкастые, как кобры накинулись на меня, и я решил не связываться. А потом подумал, что хоть по вечерам будет с кем выпить и поговорить. Как я уже говорил, заводить любовницу в Тольятти я не хотел, но то, чтобы закадрить Тамару, мне и в голову не приходило. Я её рассматривал как преданную подругу и шпионку Лили. Да и похожа она была на жену так, что я её считал, как бы, дубликатом Лили. Утром часов в семь, Лилия была уже готова и собрана в поездку. Мы с Тамарой проверили её билеты, финансовые документы, паспорт, и Лилия уехала, пока на лифте.

Я тут же зашёл в туалет, потом в душ, а Тамара осталась мотаться в холле. Выйдя из ванной, я зашёл к себе в спальню, и так как было воскресенье, надеялся поспать ещё часок-другой. Нырнув под одеяло, я с ужасом заметил, что я в кровати не один. Первой мыслью было то, что Лилия, решив меня почему-то разыграть, вернулась, а пока я мылся, легла в койку. Я приоткрыл одеяло и, к своему удивлению, увидел, что это была Тамара. Полностью раздетая, она лежала на боку и со страхом смотрела на меня.

- Ты что здесь делаешь? – с перепугу спросил я.

- Лежу, а ты что думал? – тихо ответила она.

До меня всё очень медленно доходит. Может она хочет спровоцировать меня на приставание, а потом доложит Лиле? – была первая мысль. – Но я могу сказать Лиле, что я просто перепутал её с ней - вот и... - эта глупая вторая мысль оборвалась на полпути, и я решил больше не думать. Раз баба в койке, надо действовать, а не думать. И я приступил к действиям без всяких прелюдий.

Тамара в постели вела себя вяло, просто подчиняясь мне и никак не выражая своих чувств, своего отношения к происходящему, что ли. Мы попробовали и так, и этак, вроде бы всё ей знакомо, но эмоций я не заметил. Я тоже решил особенно не расслабляться, и сдержал судорожные звуки, которые обычно сопровождали у меня окончание тайма, гейма, или может, правильнее, раунда. Я откинулся, сдавленно дыша. Тамара лежала неподвижно, с интересом глядя на меня.

- Тебе понравилось? – вдруг неожиданно спросил она. У неё был такой виноватый и жалобный взгляд, что я придвинулся поближе и поцеловал её.

- Могу повторить, если хочешь, - предложил я.

Она тихо кивнула. Желание дамы – для меня закон! Мне показалось, что Тамара немного освоилась, и даже украдкой стала помогать мне. Полежав и отдохнув после второго раунда, я решил спросить её:

- Тамара, честно, к чему ты всё это придумала?

Ничего не ответив, Тамара повернулась к стенке, и через некоторое время я понял, что она тихо плачет...

- Тома, Томуля, Томуленька, - неожиданно выпалил я целую вереницу нежных имён, - я не хотел тебя обидеть, но согласись, твоё поведение очень необычно. То ты ругаешь всех мужиков и обещаешь Лиле следить, чтобы я не изменял ей. А то сама ложишься со мной в койку, причём я чувствую, что тебе никакого удовольствия от этого нет. Я хочу понять, что тобой руководит в твоём поступке! Тамара снова повернулась ко мне, и вот что она поведала о своей жизни.

- В Кемерово меня, 18 летнюю студентку грубо изнасиловал мамин сожитель, бывший зек, мерзкий мужичонка лет пятидесяти. Пригрозил, что убьёт, если проболтаюсь маме. Пришлось мне перейти жить в общежитие. В институте на первом курсе стала встречаться с парнем, тоже студентом. Он требовал близости, а я не могла – эта близость была противна мне до тошноты. Наконец, уступила, еле сдерживаясь от позывов рвоты. Конечно же, такая девушка его не устроила, и он бросил меня сразу. Бросил, чтобы через несколько дней снова найти меня, и грубо, с матом, обзвав сукой, заявить, что подхватил от меня «дурную» болезнь. Он сказал, что в

вендиспансере знают мои координаты, и если я сама не явлюсь, меня будут искать, чуть ли ни с собаками.

- Больше месяца я ходила в вендиспансер, делала уколы. Ты не представляешь себе, какое это унижение! (- Уж конечно, не представляю! – подумал я). После курса лечения - так называемая провокация, тебя вроде снова заражают, я так это поняла. Начинает трясти всю, температура, тошнота! У меня совсем отбило охоту к близости с вашим полом. А на четвёртом курсе не удержалась - на производственной практике познакомилась с молодым инженером и около месяца встречалась с ним. Он мне понравился и внешне, и как человек. Но неизбежность полового акта с ним повергла меня в смятение. Наконец, на одной из встреч я сильно выпила, и он взял меня почти в отключке. Так повторилось несколько раз, после чего он меня тоже бросил, кому же нужна такая? Но бросил беременной, я тогда не умела предохраняться, да и как в пьяном виде это правильно сделать? Сделала аборт, ты - мужчина, не представляешь какая это травма – и физическая, и моральная! После этого я вашего брата на дух не подпускаю, и Лиля это знает, я ей всё рассказала...

- Послушай, а как же я? – последовал мой недоумённый вопрос.

- Я к тебе привыкла, ты для меня уже стал своим. Я не боялась, что ты изнасилуешь меня, и даже просто будешь приставать. Я поняла, что если не приучусь к половому акту с тобой, другого случая может и не встретиться. Какой мужик будет жить месяцами со мной в одной квартире, чтобы я успела привыкнуть к нему? И я заметила, что мне с тобой было нормально, а второй раз - даже хорошо. Конечно, я боялась, что такая холодная женщина может тебе не понравиться, и поэтому спросила, понравилось ли тебе. Я очень люблю Лилю, - поспешно добавила она, - и на тебя совершенно не претендую. Но ведь ей не повредит, если в её отсутствие я немного, - она замялась, - потренируюсь с тобой?

- Ладно, - согласился я, - тренируйся на здоровье, но как будем поступать, чтобы не «залететь»?

И я тут вспомнил, что Лилия делала один или два аборта, пока мы не стали использовать разные контрацептивы – контрацептин, никосептин, а если уж «залетали» - микрофоллин форте, синестрол... С Таней была та же история. Как не забеременели остальные – ума не приложу! Тогда же ни спиралей, ни гормональных препаратов у нас и в помине не было.

- Сейчас период не опасный, у меня только кончились месячные, - скромно призналась Тамара. А там – почитаю чего надо, да и ты подскажешь... Ты простишь меня, что я тебя совратила?

- Я то прощу, а вот Лиле будем признаваться, или как? – вопросом на вопрос ответил я.

- Давай «или как», - подумав, решила Тамара, - если она поссорится со мной, да и с тобой я не смогу встречаться, то повешусь! Мне же от тебя ничего не нужно...

- Кроме тренерской работы! – подначил я её.

Тамара засмеялась и стала в шутку «нападать» на меня, даже сумела «оседлать» меня, лежащего. «Это что-то новое, надо потренировать её и так», - решил я, и мы претворили это решение в жизнь.

Тамара всё больше раскрепощалась и каждый раз вела себя всё активнее. Воскресенье мы провели в непрерывных тренировках, и так притомились, что ночь проспали как брат с сестрой. Несколько дней командировки Лили были для нас «медовыми». Во вторник пришла телеграмма из Львова: «Процентовку подписала буду среду вечером целую Лилия».

- Ты посмотри, - заметил я Тамаре, - ведь не является внезапно, чтобы проверить, и даже предупреждает! Хотя о чём тут предупреждать, когда сама велела тебе оставаться со мной!

В среду мы встретили Лилю накрытым столом. Она прежде расцеловалась с Тамарой, а потом уже со мной. Тамара доложила, что эксцессов не было, только пил побольше. Я огрызнулся на неё и назвал Бенкендорфом, имея в виду, наверное, что я – Пушкин.

Так и жили мы полтора года с лишним до середины 1970. Это, пожалуй, было самое спокойный в личной жизни и продуктивный в науке период у меня. Я часто ездил в Москву, встречался с Таней и «делал науку» с Монею, мирно жил с женой в Тольятти и там делал «чудо

техники» для автобуса, а также активно вёл студенческую научную работу, а в свободное от других занятий время, «тренировал» Тамару.

Тренировки происходили, в основном, дома в отсутствие Лили. Кроме занятий, она должна была работать в КБ, то есть уходила с утра, а приходила после занятий, которые часто бывали и вечерами. Мы с Тамарой обязаны были присутствовать только на занятиях, что было достаточно редко, а в КБ я только забегал, проверяя, работают ли Лиля с Ирой, и давал им полезные советы. Так что времени на «тренировки» хватало.

Изголовье нашей огромной кровати было у окна, выходящего на прямую асфальтовую дорожку к крыльцу дома. Так что минуты три мы могли видеть любого, приближающегося к нашему крыльцу человека. Я вспомнил юношеские опыты по «мхитароскопу», в нужные моменты подвешивал соответствующее зеркало на окно, и мы оба, попеременно или вместе, заглядывали в него. Это, конечно, было не очень комфортно, но пикантности прибавляло. Правда, это зеркало нам по делу так и не понадобилось, Лиля ни разу не вовремя домой не пришла.

К весне 1970 года Тамара была уже нормальной женщиной. Конечно, страсти Тamar-«иностренок» или Тани, у неё так и не появилось, но реакция на близость с мужчиной была вполне адекватной. Как рассказывали злые языки про Екатерину Вторую, она в слове из трёх букв – «ещё» допускала четыре ошибки, выписывая его как «ишчо». Но Тамаре писать это слово не приходилось, а вот произносила она его достаточно часто, и именно «ишчо», подражая, видимо, императрице.

Нашу весёлую тольяттинскую квартиру сейчас я вспоминаю с удовольствием – в ней всегда было много солнца, любви и согласия! Но обстоятельства сложились так, что я понял - мне надо наострять из Тольятти лыжи.

Исповедь старого стукача

В осеннем семестре вместе с Лилей в наш институт поступили люди, с которыми судьба очень сблизила меня, как минимум, лет на десять. Первый из них – это Роман Фёдорович Горин, 1935 года рождения, защитил кандидатскую в Московском Горном институте, работал в Норильске на знаменитом комбинате имени Завенягина, откуда и приехал в Тольятти. Он поступил на кафедру теоретической механики; член Партии, женат, жена Тоня – дама весьма крепкая и полная, убеждённый член Партии. Двое маленьких детей – девочек.

Роман Фёдорович любил рассказывать о своей норильской жизни. Здесь были истории о потопах в шахте, о страшных трагедиях, разыгрывавшихся в непростых условиях Заполярного Севера. Но мне почему-то запомнился рассказ об одном партийно-производственном совещании на комбинате, о котором Роман рассказывал часто, с удовольствием и с немалой долей артистизма.

- Идёт совещание, каждый начальник высказывается о своих наболевших проблемах. И вдруг, распалённый речами своих коллег, к микрофону выходит субтильный старичок – начальник газомерной службы комбината имени Завенягина. С козлиной бородкой, похожий на «дедушку Калинина», начальник газомерной службы сразу «взял быка за рога».

- У нас, товарищи, наших газомерщиц часто используют не по своему прямому назначению (часто этих девушек – газомерщиц заставляли прибирать помещения и выполнять другую несвойственную им работу). А надо, товарищи, чтобы наших газомерщиц мы использовали, товарищи, только по своему прямому назначению!

«Товарищи» гоготали в зале, свистели и аплодировали. А старичок-газомерщик никак не мог взять в толк, почему люди смеются на призыв использовать наших газомерщиц только по их прямому назначению!

Тогда же на нашу кафедру поступила ассистент Кирпичникова Галя, 1940 года рождения, приехавшая из Новокузнецка. Не замужем, но ребёнка имела; девочка осталась с бабушкой в Новокузнецке.

На ту же кафедру приехала работать ассистентом по распределению из Курска, 23-х летняя выпускница Курского Политехнического института – Лида Войтенко со своим мужем Сашей, который устроился работать на стройку ВАЗа. У них был маленький ребёнок – сын Дима.

Роман Горин был не дурак выпить, и мы с ним быстро сблизились. Квартиру Гориним дали моментально, они и приехали-то, собственно, прямо на новую квартиру. С Тоней у меня сразу установились напряжённые отношения – она считала, что я спаиваю Романа, хотя дело обстояло как раз наоборот. Да и сам Роман имел с женой достаточно неадекватные отношения – то был заботлив и предупредителен, а то надолго исчезал из дома. Галя опытным чутьём определила потенциального кандидата на развод с последующим новым браком, и «положила глаз» на Романа. Тому Галя тоже понравилась.

Таким образом, у нас с Лилей и Тамарой появились новые друзья – Роман с Галей, которые быстро стали любовниками, а также Лида с Сашей. В нашей квартире поставили телефон, очень облегчивший жизнь, особенно мне с Тамарой. Теперь Лиля каждый раз, выходя из института, звонила домой, и мы с Тамарой делали так же. Лиля посчитала, что Тамаре спать на раскладушке неудобно, и «перевела» её на нашу необъятную койку, выделив ей место с краю. Моё место было у стены. Лиля спала посередине. Так что, если мне надо было в туалет, или куда ещё, то мне приходилось перелезть и через Лилю и через Тамару. Но я терпел это.

Главной причиной перехода Тамары к нам явился телевизор. Мы его поставили в ногах кровати, и вначале Тамара приходила просто посмотреть его вечером. При этом она ложилась на своё последующее «законное» место. Так как мы часто выпивали в постели, то Тамара столь же часто засыпала на своём месте, а потом ночью или под утро, выключив мелькающий и свистящий телевизор, отправлялась к себе на раскладушку. Теперь же всё равно телевизор выключала она, на правах крайней, но уже шла не в холл, а ложилась в нашу общую койку.

Если нам с Лилей после телепередачи приходило что-нибудь путное в голову, то она запросто говорила Тамаре, чтобы та шла помыться в ванную. Потом она же вызывала её из ванной назад. А часто Тамара на её приглашение помыться отвечала, что она спит, ничего не видит, ничего не слышит, и для верности затыкала уши ватой. Что ж, так было даже пикантнее, и Лиля перестала отсылать Тамару мыться. Зато, когда Лиля утром уходила на работу, Тамаре уже не надо было перебираться из холла в спальню, а лишь передвинуться на середину постели. То же самое, правда, в другом направлении, предстояло проделать и мне.

Так вот, одним из первых, к нам по телефону часов в пять вечера позвонил – не поверите – Михаил Ильич Стукачёв, и попросил у меня аудиенции. Мы с ним последнее время почти не общались, так как заведующим кафедрой стал Поносян. И вдруг – просьба о встрече. При этом Михаил Ильич спросил, есть ли у нас магнитофон, потому, что у него, по его словам, имеются интересные записи. Магнитофон у нас был, и я даже иногда разыгрывал с его помощью шуточки, наподобие московских общежитейских. Но мы с Лилей решили, что Стукачёв пьян, иначе для чего он упомянул о каких-то записях. Плясать камаринского, что ли, под эти записи решил? Мы ответили, что магнитофон имеется, но у нас в гостях Горин, Кирпичникова и Войтенко с его же кафедры.

– О, это очень хорошо! – каким-то странным задыхающимся голосом сказал Стукачёв и повесил трубку.

Мы посмеялись, но когда пришёл Стукачёв, нам стало не до смеха. Время было холодное, что-то двадцатые числа декабря, он зашёл в шубе, принес с собой целое облако пара. И прямо у порога упал на колени – как был в шубе, так и упал. Правда, снял шапку.

– Простите старого подлеца, старого стукача! – причитал он и бил лбом в пол.

Мы все подняли Ильича (так покороче и поконкретнее!) с колен, сняли с него шубу и усадили на кресло. Ильич отдышался, и, обещая быть правдивым как на духу, начал свою исповедь, обращаясь ко мне. Лиля, Горин, Галя и Лида сидели вокруг меня, Тамара вышла в спальню и включила телевизор.

- Когда вы пришли к нам на кафедру, все уже знали, что ректор обещал через полгода сделать вас заведующим. Мы совершенно вас не знали, слышали, что у вас готовая докторская и вы шибко грамотный. Помните, вы часто встречались и разговаривали с Поносяном? Вот он и

сказал мне, что попытается выведать у вас о ваших планах на будущее - своё и кафедры. А как-то утром он забегают ко мне в кабинет, глаза чёрные вытаращил, - дело, - говорит, - есть важное, выведать, - говорит, - я у него, этого негодяя все его планы! И посоветовал запереть дверь в кабинет, чтобы случайные посетители не помешали. Я чувствую, что сообщит он мне что-то важное, а потом, думаю, от своих слов откажется, и решил – дай, запишу его слова на плёнку, чтобы потом не отпирался. А у меня настольная лампа в кабинете заблокирована с магнитофоном, уж простите старого стукача, жизнь такая!

- Надо же, как у меня в общежитии – догадливый стукачок! – подумал я.

- Вот включаю я эту лампу и слушаю его, переспрашивая, чтобы погромче говорил и повторял. Вы позволите поставить бобину с лентой?

Я подготовил магнитофон к работе на воспроизведение на низкой скорости, как и была записана бобина (тогда ещё кассетные магнитофоны у нас были в редкость, преобладали магнитофоны с лентой на катушке или бобине, как в фильмах про Штирлица). Поставил бобину и нажал на клавишу. Качество записи было, конечно, не студийное, но все слова были понятны. Несколько мешал сильный кавказский акцент Поносяна, усилившийся, видимо от волнения. Реплики Ильича вообще были слышны отлично. Загробный тембр голоса Поносяна усиливал мрачное впечатление от прослушивания.

Вот, коротко, содержание записи:

«Гулиа пришёл ко мне в гости с этой пьяницей Летуновой с химии, видимо она – его любовница. Он сильно выпил, язык его развязался; я же не пил совсем и всё запомнил. – Мне, - говорит Гулиа, - не нравится, что здесь в институте еврейский притон. Тебе, как кавказцу, открою мой план, думаю, ты поддержишь меня. Я становлюсь заведующим кафедрой, срочно вступаю в партию, защищаю докторскую и получаю профессора. Кроме старого Абрама во всём институте ни одного доктора или профессора. У меня есть рука в министерстве, мы снимаем Абрама, и ректором становлюсь я. Горком партии будет только доволен, что ректором станет не еврей. Ну, а потом мы разгоним весь этот притон, и заменим евреев на кавказцев – грузин, армян, осетин, абхазов, азербайджанцев. Ведь квоты существуют отдельно для евреев, для грузин, армян и так далее! То есть мы можем весь институт сделать нашим! Ну, а прежде всего, надо избавиться от неграмотных неотёсанных преподавателей. Когда я стану завом, я тут же заменю их на моих друзей из Грузии – кандидатов наук, не могущих найти достойную работу и квартиру. А первым надо ликвидировать этого Стукачёва – он слишком много знает обо всех. Думаю, что он ведёт досье на членов кафедры, этого нам не нужно! И давай поливать матом и ректора, и его нацию, и вас, Михаил Ильич!»

«Я считаю», - продолжал гундосить магнитофон – «что я сделал вам устное сообщение и прошу довести содержание моего сообщения до ректора. А через день-два я и сам доложу ему об этом же. Но вы - заведующий, и вы должны первым оградить кафедру от такого проходимца! Когда буду докладывать ректору, я скажу, что сперва доложил вам по субординации и просил вас довести всё до руководства. И если вы не сделаете этого, то вы покроете проходимца, значит - и вы с ним заодно! А если ректор не примет мер, то у меня есть хороший компромат и на него!» – пригрозил Поносян.

- Что я пережил тогда, - продолжил Ильич, - но всё же решил пойти и доложить ректору. Я ведь только сказал, что был у меня Поносян и рассказал то, что вы слышали, предложив донести это до руководства – ректора.

Ректор во время разговора не поднял глаз от стола. «Спасибо, идите!» – только и сказал он. А уже назавтра Поносян зашёл с докладом к ректору сам, и тот рассказал ему, что я был у него.

– Иуда я, предатель, и поделом мне всё! – вдруг запрочитал Ильич.

- А что это – всё? – переспросил я у Ильича.

- А то, что он подал ректору докладную, что я не соответствую своей должности доцента, так как не имею учёной степени, научных трудов и веду занятия на недопустимо низком уровне. Он посещал мои занятия и как завкафедрой сделал такой вывод. Теперь меня не переизберут по конкурсу, а срок избрания – в феврале. А на моё место он уже подготовил кандидата наук из Еревана, по-русски почти не говорит, не преподавал ни дня! Так мне и надо, Иуде Искариоту,

предал я вас – и поделом мне! – снова запричитал Ильич и на глазах его показались слёзы раскаивающегося Иуды.

– Спасите старика, слугой верным, рабом буду вам! – и Ильич снова решил упасть на колени, но мы коллективно удержали его.

- Вот сволочь! – единодушно высказались все присутствующие в адрес Поносяна.

- Так, - решительно сказал я, - пишем письмо запорожцев султану, то есть присутствующих – Абраму. Снимем гада – Поносяна с должности и посадим туда вашего друга, то есть меня! Все проголосовали «за».

Я достал пишущую машинку «Москва», вставил туда пять закладок бумаги и посадил Лилю печатать.

«Ректору ТПИ тов. Рубинштейну А.С.

копия: в Партком ТПИ

копия: в Профком ТПИ

Заявление

Мы, нижеподписавшиеся, ...».

Не буду приводить бюрократических мелочей заявления, скажу только, в чём мы обвиняли Поносяна.

1. Принуждение к ложному доносу М.И. Стукачёва на доц. Н.В. Гулиа с непредоставлением конкретных доказательств обвинения (свидетельские показания, магнитофонные записи и пр.).

2. Разжигание национальной розни и антисемитизма в ТПИ.

3. Сбор компромата на ректора в виде порочащих его фотографий на отдыхе в Кисловодске.

4. Попытка несправедливого увольнения опытного преподавателя М.И. Стукачёва, как невыгодного свидетеля.

Резюме: требование разобраться в ситуации и наказать провокатора – доц. Поносяна Г.А.

Подписались все кроме Тамары, которая не присутствовала на собрании, и Лили - она хоть и присутствовала, но была с другой кафедры, и не её, вроде, это дело.

Наутро Ильич подал в канцелярию заявление и получил расписку на своём экземпляре. Днём я зашёл к Жоресу Равве, «по секрету» рассказал об антисемитских выходках Поносяна, о его доносе ректору, о сборе им компромата, и о том, что я не хочу работать с таким гадом, а хочу - с таким справедливым и хорошим человеком, как Жорес.

– Перейду на работу со своей темой и деньгами! – добавил я. – И ещё, - после защиты докторской обещаю не подсиживать вас, а претендовать на то место, которое ректор мне и обещал, - на «Теоретической механике».

Жорес матюгнулся в адрес Поносяна, и сказал, чтобы я писал заявление «по системе бикицер», потому что лекции читать некому.

Испорченный Новый Год

Подошёл Новый 1969 год. Мы с Лилей и Тамарой решили справить его втроём. Но потом Роман и Галя тоже «напросились» к нам.

- Надо усыпить бдительность Тони, - предложил Роман, - давай возьмём побольше бутылок, зайдём ко мне, напоим Тоню, а сами по-быстрому улизнём.

Я сдуру согласился. Мы взяли водки, пива, портвейна и шампанского. Роман жил от меня километрах в двух. Кроме того, между нами был довольно большой парк, который мы переходили, если шли пешком. Мы сели на транспорт и часам к восьми вечера зашли в квартиру к Роману.

Тоне не понравилось, что пришёл я, но она была довольна, что Роман собирается, как он сказал, встречать Новый Год в семье. Детишки – одна школьница, другая – лет пяти, крутились вокруг папы. Роман открыл водку и предложил выпить за старый год. Запили пивом. Ещё раз – за старый год, и снова запивка пивом.

Глупая Тоня выпила всё, что наливал Роман, да и не более умный я, делал то же самое. Тогда я не знал, что начинать надо с самого слабого напитка и пить, только повышая его крепость. После водки – пиво или шампанское – это хана! Но он-то действовал по плану, а я сдуру пил всё, что наливали. Сам Роман недопивал водку, нажимая в основном, на пиво.

Водка выпита, мы перешли на портвейн и шампанское. Роман предложил сделать купаж, смешав эти напитки. Получилось вкусно и мы пили «от души». Я заметил, что Роман вместо купажа пьёт снова пиво. И вот первый результат - Тоня с грохотом свалилась. Мы радостно подхватили её за руки-ноги и уложили в постель, а сами стали пить дальше. Дети пищали, и Роман шуганул их в детскую.

Только мы собрались идти, как Роман предложил выпить «на посошок», после чего я забылся.

Пробуждение моё было одним из самых кошмарных в моей жизни. Полутёмная и незнакомая комната, я лежу на спине одетый, в носках без ботинок. Слева – стена, справа какая-то дышащая гора, которая при ближайшем рассмотрении оказалась Тоней. Голова у меня и так шла кругом, а когда я понял, что зажат между стеной и Тоней, меня затошнило. Взглянув на часы, я понял, что встретил Новый Год в постели с Тоней. В ужасе я стал осторожно перелезать через огромную тушу Тони, и в это время она пришла в себя.

- Что ты на мне делаешь? – спросила она своим хриплым голосом, схватив меня за бока. Дети стояли рядом и молча смотрели на происходящее. – Где Роман? – прохрипела Тоня, но я с кислой улыбкой сообщил, что знаю это так же, как и она, так как проспал Новый Год вместе с ней в койке. Тоня встала, сняла с вешалки моё пальто, шапку, подхватила ботинки, и выбросила всё за дверь. Я вышел на площадку оделся, но проклятые ботинки так и не смог надеть без рожка. Я примял им задники и, как в шлёпанцах, вышел на улицу.

Было около часу ночи и свыше тридцати мороза с ветром. Ни транспорта, ни живой души. Деваться было некуда и я, собрав волю в кулак, пошёл домой. До парка я дошёл ещё туда-сюда, а там передо мной стала дилемма – идти вокруг или «напрямки». И я пошёл напрямки.

Ноги вязли в глубоком снегу, ботинки-шлёпанцы то и дело соскакивали с ног. Дул ветерок, заметая следы. Я подумал, что если остановлюсь или упаду, то обнаружат меня только поздней весной, когда растает снег. Таких «подснежников» в Тольятти, особенно в парках и на пустырях, находили весной десятками.

Волю – в кулак, и – только вперёд! Как я сумел преодолеть эти сугробы в парке – сейчас для меня загадка. Показалась гостиница «Волга», а там и наши белые дома. Из последних сил я добрёл до своего подъезда и вошёл внутрь, ещё не веря тому, что остался жив. Ноги промёрзли до костей, пальцы на руках не сгибались. Я вызвал лифт и понял, что меня сейчас вырвет. Щёки у меня раздулись, но я уже звоню в дверь. Дверь открывает заплаканная Лиля, и меня тут же вырывает на порог двери.

Но я улыбаюсь – я дома, значит спасён! Снова я среди своих, ужасная Тоня позади, позади тяжёлый путь в шлёпанцах, смертельные сугробы в парке, и ветер, заметающий все следы! Ко мне подошла Тамара, повела в ванную. Роман и Галя стыдливо сидели в углу комнаты.

- Ну и гад же ты, Роман! – только и сказал я ему, а Галя стала бить его кулаком по лысой голове. Но потом с моей подачи выпили за самый главный Новый Год – по Гринвичу, и все немного развеселились. Роман обещал мне «контрибуцию» - две бутылки шампанского.

День первого января мы высыпались у нас, кто-где. Но Роман вспомнил, что у Тони-то день рабочий, а значит младшая дочка – в детском саду. И чтобы показаться приличным человеком, он решил забрать её из сада сам. Мы выпили на дорогу и пошли в детский сад вместе, благо он был совсем рядом.

Зашли внутрь, Роману вывели его дочь. Но девочка увидев меня, в бешенстве набросилась и стала колотить кулаками по моим рёбрам и животу.

- Ты зачем вчера с моей мамой спал? – визгливо кричал ребёнок, - она после этого заболела! Воспитательница и пришедшие за детьми родители неприязненно косились на нас.

- Вы зачем с их мамой спали? – делая дьявольские ужимки, спрашивал меня Роман, еле удерживаясь от смеха, - она же после этого заболела! - Он подхватил кричащую девочку на руки, и мы вышли из детского сада.

Назавтра я, зайдя на кафедру, увидел там Поносяна с перекошенным от злости лицом.

- Ты зачем на меня жаловался? С ума сошёл, что ли? – с сильным армянским акцентом спрашивал он меня.

Хотел, было, я его послать к соответствующей матери, но только угрожающе сказал:

- Поговорим в другом месте!

Я собрал вещи из моего стола и перенёс их в КБ, на двери которого повесил надпись: «Лаборатория аккумуляирования механической энергии (ЛАМЭ)» при кафедре «Теория машин и механизмов». Со 2-го января я уже приказом был переведён на кафедру Раввы. По его совету взял себе вечерние группы. Во-первых, занятия в них преподаватели брали неохотно, а во-вторых, и это было главным, на вечернем отделении училось всё начальство среднего и высшего звена Тольяттинских предприятий. А мне надо было выполнять изделия в металле!

Жизнь пошла своим чередом. Утром – Тамара, днём – ЛАМЭ и чертежи, вечером – занятия, к ночи – ужин втроём, а потом – жена и сон в приятном коллективе. В месяц раз – моя поездка в Москву, в квартал раз – поездка Лили во Львов за деньгами; в год – публикация около десяти-пятнадцати моих статей и изобретений.

А примерно в мае рабочая документация на «гибрид» была готова. Я стал подыскивать среди студентов-вечерников достойного изготовителя и нашёл такого. Это был главный механик огромного завода «Волгоцеммаш». И этого человека, почти вдвое старше меня, с огромными знаниями и опытом, я должен был учить дифференциальным уравнениям движения звеньев механизма, планам скоростей и ускорений! Да, на фига ему эти планы скоростей, когда он должен был выполнять гораздо более важные планы, и в эти планы вошло и изготовление «гибрида».

Взглянув на чертежи, он тут же смекнул, как будет работать «гибрид», но также как и Атоян, сказал:

- Лет бы через пятьдесят такой, а сейчас не до этого!

Но чертежи принял, и тут же отправил их в своё КБ на «доработку».

- Нельзя в цех такие чертежи, Нурбей Владимирович, люди животы надорвут! – тихо сказал он мне, - а потом лечи их!

Я и сам знал, что надорвут, но где мне было взять опытных конструкторов, знающих производство, да и технологов, чтобы с ними постоянно советоваться! Раз десять мне пришлось посетить завод для консультаций, а к сентябрю мне привезли два экземпляра готовых изделий – «гибридов» для автобуса. И даже денег не взяли – к чему нам, - говорят, - ваши копейки!

А нам денежки пригодились, они лишними не бывают!

Летом я вынужден был находиться в Тольятти для посещения завода. Лили уехала на весь двухмесячный отпуск в Тбилиси к детям. А мы с Тамарой ходили на пляж через сосновый бор. Прямо в купальных костюмах с полотенцами через плечо и сумочкой с приятным содержимым. А дома нам вполне хватало ужина с вином и телевизора. Ну и «тренировок», разумеется.

К концу августа мы оба порядком соскучились по Лиле, которая и приехала к началу занятий. Она тоже по нам соскучилась, и мы были искренне счастливы встрече. А впереди меня ожидал трудный и последний учебный год в Тольяттинском политехническом институте.

Несостоявшийся коммунист «рвёт когти»

Наступил самый тяжёлый период научной работы – испытания «гибрида». Для этого нам выдали небольшое подвальное помещение с земляным полом, типа погреба, в строящемся здании механического цеха. Изделия, весом килограммов по 200 каждое, мы с помощью студентов перетаскивали в этот подвал.

Наши женщины – Лиля и Ира уже ничем не могли помочь работе, нужна была мужская сила и сноровка, и я взял на работу штатного лаборанта Славу. Он был очень спокойным и индифферентным человеком, но честно и усердно работал.

Естественно, никакого испытательного стенда у нас не было, приобретать его надо было годами по планам и разнарядкам, да и стоил он миллионы. Так что надо было, как северокорейские «чучхэ», выходить из положения «с опорой на собственные силы» и нашу природную русскую смекалку. Мы объединили два «гибрида» в одну установку, соединив их карданным валом. Маховик одного из «гибридов» соединили с мощным электромотором. Все эти агрегаты стояли прямо на земле без какой-либо рамы или фундамента, и закреплены на месте были вбитыми в землю колышками. Суть дела заключалась в том, что роль автобуса брал на себя один из «гибридов», а второй выполнял свою прямую задачу. Потом «гибриды» менялись своими функциями.

Например, разгоняли мы электромотором маховик одного из «гибридов» - это уже был аналог автобуса. Так же запас кинетической энергии, те же обороты на выходе. Соединяли этот маховик со вторым «гибридом» и энергия через вариатор «перекачивалась» в маховик этого «гибрида», а первый маховик останавливался. Вот вам и торможение автобуса с «перекачкой» его кинетической энергии в маховик второго «гибрида».

Затем энергия «перекачивалась» в обратном направлении – и этот процесс был имитацией разгона автобуса. Но легко на словах, а трудно на деле. Я скажу пару слов об испытаниях «гибридов», и тех испытаниях, которые выпали на долю самих испытателей. Только прошу всех, имеющих отношение к технике безопасности, охране труда, и вообще инженеров-практиков, пропустить этот раздел во избежание нервного срыва. Не верите, тогда читайте на здоровье!

Стендовые испытания гибрида

Постоянно рвалась стальная лента с «метанием» острых «кинжалов» в стены – это не срабатывала автоматика. Мы со Славой увёртывались, как могли, и не получили даже лёгких ранений. Кроме «кинжалов» от нашего стенда постоянно отлетали развинчивающиеся гайки, крепления и даже части карданов. Обороты были приличные – 6 и выше тысяч оборотов в минуту, и тяжёлые летящие «метеориты» выбивали из бетонных стен приличные куски. Но нам со Славой удалось увернуться и на этот раз.

Весной в подвал стали прорываться грунтовые воды. Подвал, конечно же, не гидроизолировали, и вода текла ручьями, прорывая бетонные стены. Когда резиновых сапог стало уже не хватать по уровню воды, и она стала подбираться к электрооборудованию (а вольт-то было 380!), мы нашли погружной насос и стали постоянно откачивать воду наверх, на стройку цеха. Но насос сам питался от 380-ти вольт и мы, стоя в воде, были уже заложниками не только «метеоритов», но и электричества. Кстати, уворачиваться от «кинжалов» и «метеоритов» по колено в воде стало гораздо труднее, но мы справились. Помог насос, уменьшивший этот уровень до щиколотки и даже меньше.

Но подлинным «ударом под дых» для нас оказалась... ртуть. Токосъёмники для измерений у нас были ртутными, и Слава достал где-то стеклянную бутылку с десятью килограммами ртути. Очередным «метеоритом» бутылка была разбита, и блестящие шарики, где-то объединившиеся в лужицы, распределились по всему подвалу. Слой воды и грязи не позволял собрать эти лужицы и шарики, засевавшие глубоко в щелях земляного пола. Что ж, пришлось применять смекалку - алмазным буром мы просверлили бетонный потолок подвала и вставили туда резиновый шланг воздушного нагнетателя. Чистый воздух под давлением поступал к нам в подвал, а пары ртути выходили через дверь наружу, на стройку цеха. Естественно, ни про «кинжалы» и «метеориты», ни про воду и ртуть, ни про силовые электропровода и моторы в мокром подвале, никто не знал. Подвал был удалён от института метров на сто, и сюда никто из руководства или представителей техники безопасности не заглядывал.

Наконец, весной 1970 года стендовые испытания закончились и мы, погрузив изделие, и все необходимые детали в огромный ящик, отправили его багажом во Львов заказчику работ – ГСКБ. А пол в подвале залили толстым слоем бетона, чтобы не дать ртути испаряться.

Я к этому времени уже принял решение «рвать когти» из Тольятти, и посчитал, что лучше пусть эти ценнейшие для меня изделия будут во Львове, чем их уничтожат без меня в Тольятти. А такое решение пришло ко мне в результате событий, имевших место после подачи нашего коллективного заявления руководству института.

Месяца через два была создана комиссия по рассмотрению заявления. Председатель комиссии – Лев Овсеевич Давидзон, член профкома, периодически беседовал с «подписантами», что-то записывал в свой блокнот и снова пропадал. Стукачёва не переизбрали по конкурсу доцентом, и он работал на птичьих правах простым преподавателем. А Поносян ходил по кафедрам со студенческими зачётками и направлениями, уговаривая заведующих поставить оценки двоечникам за преподавателей. И те, как ни странно, давали себя уговорить. Ведь Поносян тоже был заведующим, да ещё такой «трудной» кафедры – «Теоретической механики», где без взятки оценку хрена с два получишь!

Прошлой весной Поносяна назначили ответственным секретарем приёмной комиссии института, а осенью в институте появились кучки смуглых, одинаковых по внешности, как бы клонированных, студентов, которых объединяло одно – ни один из них толком по-русски не понимал. Чаще всего эти кучки толпились у кабинета завкафедрой «Теоретической механики», и уходили оттуда, радостно скаля зубы. Видимо, компромат, собранный Поносяном, был очень действенен. Или что-то ещё, что позволяло ему «процветать» в институте. Удивительно, что хоть и называли его все мошенником, жуликом, проходимцем, но помогали ему оставаться таковым, и даже продвигаться на этом поприще.

В Тольятти я понял настоящее значение иностранного слова «коррупция» в его российском смысле. Если в Тбилиси все «шахер-махеры» делались по знакомству, в порядке родственного обмена, со скрытой формой коррупции, то в Тольятти работал один чистоган.

Это вызывало во мне бурю протеста, но я вспомнил, что за изготовление моих научных «изделий» я сам, честный и неподкупный, ставил оценки моим вечерникам. А в чём разница? Ну, брали они взятки ассигнациями, квартирами, путёвками, а я – помощью в науке? Разница как между проституткой в борделе и проституткой «по вызову»! Нет, «рвать когти» из этого погрязшего в коррупции института, пока сам насквозь не стал продажным!

Через моего друга – коммуниста Романа Горина я познакомился и близко сошёлся с секретарём парткома института, достаточно молодым человеком по имени Володя, тоже не дураком выпить. И я и Роман постоянно рассказывали ему о безобразиях Поносяна, о нашем заявлении, но он только руками отмахивался:

- Ребята, бросьте вы эту бодягу, ничего у вас не выйдет! Для этого надо весь институт разогнать, а может и весь наш город! Тронешь этого «Поноса», так такой понос прохватит весь институт, что всё среднее звено и кое-кого из высшего затронет! А заявление ваше спустим на тормозах, как пить дать, спустим!

«Пить дать» мы умели, и хоть не соглашались с Володей, но, подумав, признали, что дело мы затронули неподъёмное.

- Тебе же я советую как друг - вступи в партию, пока я на этом месте сижу, - на очередном «выпивоне» разоткровенничался со мной Володя, - ты что, не знаешь – не бывает заведующих кафедрами беспартийных! Ты что хочешь, чтобы мы всякой беспартийной сволочи кафедры доверяли? А потом как воздействовать на них в правильном направлении? Прочти программу и устав Партии, приходи ко мне с заявлением, проведём как нашего человека! Тем более к столетию Ленина, в Юбилейный год, приём будет расширенным!

Этим «юбилейным годом» и 100-летием Ленина всем нам «прокомпостировали» мозги. Целый день по радио, телевидению и в газетах – одно и то же: столетие, юбилей, «живее всех живых», даже анекдот ходил по кухням:

«Ребёнка из школы для умственно отсталых пытаются научить говорить. – Детка, как тебя зовут? – в ответ только мычание. - Детка, кто твоя мама? В ответ – то же самое. И, наконец, спрашивают: - Детка, а какой сейчас год? На лице ребёнка отражается невероятная работа мысли, и он с трудом, но отвечает по складам: «Ю-би-лей-ный!».

С этими ленинскими днями у меня было связано интересное приключение в Москве. Как раз в самые торжества – а это конец апреля – я гостил у Мони дома. А спиртное тогда продавали только с 11 до 19 часов. Издевались над народом, как хотели! В воскресенье водку вообще не продавали, только вино. Как будто портвейном нельзя нажраться до чёртиков! Даже стихотворение народ сочинил:

«К коммунизму мы идём, жизнь стала прекрасная -
Всю неделю водку пьём, в воскресенье – красное!»

Для тех, кто забыл язык своего народа, хочу напомнить, что «красное вино» или просто «красное» - это любое вино, даже белое. А «белое вино» или «белое» - это тоже любой крепкий напиток, та же охотничья водка, перцовка или старка, хотя они отнюдь не белого цвета.

И как раз в начале седьмого вечера обнаруживается дефицит выпивки. Мобилизуют в магазин меня, как человека бывалого. Я надеваю своё «комиссарское» длинное кожаное пальто, кожаный треух, и с лицом, заросшим бородой, становлюсь в очередь.

У прилавка – огромная гудящая очередь, мелочь, падающая в грязь на кафельном полу, пересчитывание мятых рублей и сумки, полные стеклянной тары. Блажен, кто мир сей посетил... Меня одолевает сомнение в том, что я успею отстоять очередь до семи. А ведь меня ждут с водкой, верят в меня! И даже в очереди – Ленин, Ленин, Ленин... Я решился – будь, что будет!

- Что Ленин, что Ленин! – по-стариковски зашамкал я, - вам это только «юбилей», а я самого Ленина видел, живого!

Очередь замерла. Даже, нагнувшись за упавшей монетой, так и остались в полусогнутом состоянии...Немая сцена из спектакля «Ревизор», одним словом.

- Отец, проходи, тебе вне очереди, раз ты Ленина видел! – загудели полупьяные патриоты. А тут выискался принципиальный старикан: - Нет, - говорит, - пусть расскажет, где и как он Ленина видел!

Ну, я и рассказываю, что был, дескать, я латышским стрелком и состоял в охране Ленина в Кремле. Всех видел, не только Ленина. Сталина видел, Троцкого, который Бронштейн, Каменева, который Розенфельд, Зиновьева, который Апфельбаум. А до этого – Радомысльский, это чтобы не сразу, скачком - с Апфельбаума да на Зиновьева, а через Радомысльского, - имитирую я старческую болтливость.

- А как выглядел Троцкий? – экзаменует меня настырный старикашка. Надо сказать, что в то время мало кто видел портрет Троцкого, я же в детстве, когда гнал самогон, растапливая печь старыми газетами, видел фотографии этого «врага народа».

- А вот так, - отвечаю я, - бородка тощая и усы тараканьи, - ну, прямо как у тебя! Погоди, да не ты ли сам – проникший в наши ряды Троцкий-Бронштейн, а ну паспорт покажи!

Старикан стушевался, а меня на руках понесли к началу очереди. Получив своё, я уже зашамкал туда, откуда меня мобилизовали, как вдруг чья-то тяжелая рука легла мне на плечо. Я съёжился, решив, что в лучшем случае, сейчас начнут бить, а в худшем... Обернувшись, я увидел здорового, с ясными голубыми глазами, похожего на бравого солдата Швейка, мужика, держащего в руках авоську, наполненную бутылками с водкой. Горлышки бутылок торчали из ячеек авоськи во все стороны, и она напоминала морскую мину времён первой мировой войны.

- Отец, идём к нам, - радушно пригласил меня Швейк, - расскажешь, как Ленина видел!

- Спасибо, покорнейше благодарю, - зашамкал я старобольшевистским голосом, - но я спешу к моим латышским стрелкам! И я зашаркал ботинками по грязному апрельскому асфальту, подальше от места массового скопления трудящихся...

Я счёл доводы парторга Володи убедительными и взял в библиотеке программу и устав КПСС. Но, удивительное дело, я не смог «освоить» и нескольких страниц этих брошюрок. При чтении этого, лишённого всякого смысла текста, меня охватывал летаргический сон, да ещё, чего раньше никогда не бывало, с храпом! Как я ни старался, ничего не получалось.

Заявление я всё-таки написал и со страхом зашёл в кабинет с надписью «Секретарь парткома». Кабинет был побольше ректорского, ковровая дорожка вела, как на эшафот, к фигурному дубовому столу Володи. Я, было, обратился к нему на «ты» как обычно, но он быстро перебил меня: «Вы, по какому вопросу?»

- Вот заявление написал, - глупо улыбаясь, ответил я, подавая ему заявление: «Прошу принять меня в КПСС, потому что хочу состоять в передовых рядах строителей коммунизма...».

Володя брезгливо взял у меня заявление двумя пальцами и, взглянув на него, тут же вернул обратно.

- Перепишите, как следует, и тогда уж принесёте!

- Не понимаю, ошибок вроде нет... - удивился я.

- Перепишите перьевой ручкой и фиолетовыми чернилами! – строго, как двоечнику, пояснил Володя.

- Почему??? – чуть не завопил я, полагаю, что Володя меня разыгрывает.

- Потому, что Владимир Ильич Ленин писал своё заявление именно перьевой ручкой и фиолетовыми чернилами, пора бы знать! - назидательно пояснил Володя.

Меня прорвало:

- А если бы Владимир Ильич жил ещё раньше и писал бы гусиным пером по свинаячому пергаменту? Или клинописью по каменной плите? Вы что, шутите со мной?

- Всё понятно, - констатировал ледяным голосом Володя, - вы не созрели ещё до членства в нашей партии! Можете быть свободны!

Я хлопнул партийной дверью и оказался действительно свободным. Какое счастье, что Володя хотел заставить меня переписать заявление, а я заартачился! Какая удача, что я не «вступил» в то, во что вступать не следовало! Чем бы я оправдался потом перед самим собой, перед младшим поколением? Карьерного роста захотел? А ты сам добейся его своими силами и умом, а не «членством» - слово-то позорное какое!

Больше я на пьянки с участием Володи не ходил. И стал искать позиции для отступления. Были советы поехать в Братск, где была свободной одна из кафедр местного политехнического института; предлагали в Брянский институт транспортного машиностроения. Открылся я в своих намерениях и Лиде Войтенко. И она без всяких раздумий предложила мне подавать в Курский политехнический институт, который она недавно закончила. Там, вроде бы, до сих пор свободно место заведующего кафедрой теоретической механики. Лида часто ездила к себе домой в Курск и навещала своих друзей - преподавателей КПИ.

- Пиши письмо ректору КПИ немедленно! – посоветовала Лида, - а скоро я с Сашей должна туда поехать проведать родителей, вот мы и зайдём поговорить к ректору. А поступишь туда – и нас с собой возьмёшь, а то надоело мне уже в этом «зековском» Тольятти!

Я так и сделал, описав в письме всё, кроме моего конфликта в ТПИ. Недели через две Лида и Саша поехали в Курск и, вернувшись, сообщили мне, что в КПИ новый ректор набирает новую команду, а место заведующего кафедрой теоретической механики свободно, его временно исполняет преподаватель без степени, почти как было в ТПИ. Ректор, дескать, просит тебя срочно приехать к нему на собеседование, предварительно позвонив.

Чтож, в очередную поездку в Москву, я вечером сел на курский фирменный поезд «Соловей» и утречком прибыл в Курск. Был май, в Курске уже во всю распустились деревья и кусты – весна там наступает на неделю раньше, чем в Москве. Не торопясь, пешком дошёл до центра – а именно там располагался тогда КПИ, на коротенькой улице Челюскинцев. С собой я захватил всё, что нужно для подачи документов на конкурс, кроме, разумеется, характеристики. Зайдя в приёмную ректора, я представился секретарю. Она сообщила мне, что ректор ожидает меня, но просит зайти сперва в отдел кадров для решения формальных вопросов.

В отделе кадров меня встретил его начальник, приятный обходительный человек – Антон Антонович Томкович, конечно же, бывший сотрудник КГБ, чего он и не скрывал. Он подробно переговорил со мной, посмотрел документы, спросил о причине моего желания работать в КПИ. Я прямо и честно рассказал ему о причинах, побудивших меня к этому шагу, зная, что лукавить перед опытным кадровиком и кагебешником только вредно. Так и так, мол, хочу карьерного роста, так как намерен скоро защищать докторскую диссертацию, а этого роста в ТПИ мне не предоставляют. Хочу организовать научный коллектив, а это трудно сделать, не будучи заведующим кафедрой. Мне претит коррупция, процветающая в ТПИ, и я не хочу участвовать в ней.

- Достаточно? – спросил я, и Томкович, кивнув головой, вышел. Через несколько минут он снова вошёл и сообщил, что меня ждёт ректор. Намного позже, на одном из банкетов, где я случайно сел рядом с Томковичем, он рассказал мне, что ректор намеренно послал меня сперва к нему, чтобы узнать мнение опытного кадровика и разведчика. Томкович и сообщил ему, что, по его мнению, Гулиа – человек прямой, честный и умный.

- Хорошо, - переспросил ректор, - понять, что он человек прямой и честный вы могли, благодаря своим профессиональным навыкам. А откуда вы заключили, что он умный?

- При хорошем костюме у него была нечищенная обувь, - ответил Томкович, - поверьте, не будет умный человек затруднять себя такими мелочами, как чистка обуви!

Ректор, высокий, худощавый, славянской внешности человек, лет сорока пяти – Евгений Викентьевич Ковалёнок, принял меня очень дружелюбно, рассказал об институте, о том, что почти готов огромный новый корпус, куда и переведут кафедру теоретической механики; квартиру институт предоставит не раньше, чем через год. А пока – новое благоустроенное общежитие гостиничного типа со своим туалетом и душевой. Во взгляде и словах ректора чувствовалась большая доброжелательность, я понял, что понравился ему. Забегая вперёд, скажу, что я не ошибся в этом – он всегда поддерживал и выручал меня, хотя я своими «выходками» принёс ему много хлопот.

Я написал заявление с просьбой допустить меня к конкурсу на замещение вакантной должности заведующего кафедрой теоретической механики, и ректор завизировал его.

- Знаете, - под конец признался он мне, - когда вы письмом прислали список своих научных трудов и изобретений, я не поверил, что столь молодой человек может иметь их свыше сотни. И я поручил одному нашему завкафедрой проверить, существуют ли они вообще в природе, не выдуманы ли. Но всё оказалось точно!

Я что-то пролепетал про характеристику, но ректор – человек понятливый – быстро произнёс: «Дошлёте потом, подождёт!».

- Только не подведите, - глядя прямо в глаза, сказал он, пожимая мне руку на прощание, - если изберём – приезжайте обязательно!

- Железно! – твёрдо ответил я ему, и он долго смеялся мне вслед, всё повторяя: - Надо же, слово-то какое - «железно»!

Заседание Учёного совета, на котором должны были рассматривать мою кандидатуру, должно было состояться в двадцатых числах июня – перед отпусками преподавателей. Я затаился и стал ждать известий из Курска.

Последнее партсобрание

Тем не менее, жизнь у нас в Тольятти шла своим чередом. Прибавилось лишь то, что Роман и Галя периодически ночевали у нас, и им стелили постель у меня в кабинете на полу. Галя жила в комнате женского общежития и часто появляться там на ночь Роману было нельзя. Это было не очень удобно для нас с Тamarой, так как ей приходилось снова переходить в холл на свою раскладушку. И утром в эти дни она старалась уйти из дома пораньше. О нашей с ней связи никто не знал, ну а подозревать каждый мог что угодно, «в силу своей испорченности».

И вот в одно такое утро, когда я ещё лежал в постели, а Роман с Галей – на полу у меня в кабинете, я по старой привычке, взглянул в окно и увидел медленно идущую к нашему крыльцу... Тоню. Страх мой перед этой грузной коммунисткой с хриплым голосом, выгнавшей меня на мороз в Новый Год, был неописуемым. Я с истерическим криком вскочил с постели и, прикрывая подушкой низ живота, вбежал в кабинет. Мне почудилось, что Тоня может беспрепятственно войти в квартиру и лечь в мою постель, оттеснив меня к стене непреодолимой горой своего тела.

Трусливый Роман заметался, Галя тоже вскочила с постели, прикрываясь, как и я, но уже в двух местах. Роман был не только труслив, но и хитёр – жизнь научила!

- Галя, срочно к Нурбею в постель! Легенда: ты любовница Нурбея, а я стерегу вас от Лили! – скомандовал он, и мы в панике подчинились. Я быстро лёг на своё место у стенки, Галя – с краю. Бельё и одежду Гали, Роман забросил в спальню и приделался кое-как.

В ожидании звонка в дверь, Роман стоял возле спальни и внимательно смотрел на нас.

- Чего зенки-то таращишь? – по-дружески спросил я Романа, - а то встану сейчас! Я - женатый человек, ты на свою мерку всех не меряй! – выговорил я своего друга.

И тут раздались звонки в дверь – частые, продолжительные. Я заметался в койке, Галю затрясло, как в лихорадке. Каждый из нас вспомнил, видимо, аналогичные случаи из своей «прошлой жизни», и мы адекватно отреагировали. Роман грозно спросил: «Кто там?» и открыл дверь.

В дверь вошли грузной поступью гоголевского Вяя. Послышались росомашье ворчание Тони и укоризненный мат Романа.

- Она здесь, она здесь! – раздавался голос Тони, - я хочу на неё взглянуть!

Тут наша дверь распахнулась, и в спальню решительно ввалилась Тоня. За ней трусливо семенил Роман, и я заметил на его глазах слёзы, которые он размазывал кулаком по лицу. «Это что-то новое!» - успел подумать я, и привстал с постели, обнажив волосатую грудь.

- Ё-моё, так же и склещиться недолго! Это что, комиссия из парткома? – возмутился я.

- Как вам не стыдно! – истерически завизжала, в свою очередь Галя, - какое вы имеете право врывать в нашу личную жизнь! – вопила она, делая это очень естественно.

«Вот сучки эти бабы, - подумал я, - все до одной артистки погорелого театра!». И грозно прорычал: - Роман, убери свою партийную тётку и уберись сам, иначе мы продолжим при вас, - а это уже будет разврат, о чём я и доложу нашему другу Володе. Подглядывать, - а это называется «вуайеризм», - у нас в стране считается страшным развратом и карается по статье! – нагло соврал я, и толстую Тоню как ветром сдуло. За ней засеменил «плачущий большевик» - Роман, плотно закрыв за собой дверь.

- Что, может, воспользуемся своим правом? – в шутку спросил я вздрюченную Галю, но она только выпростала из-под одеяла руку с когтистыми пальцами, уже согнутыми в боевое положение.

- Шучу, шучу, - успокоил я её, - на хрена ты мне нужна, особенно сейчас, когда меня и Брижжит Бардо не сможет совратить!

Мы, деланно отворачиваясь друг от друга, оделись и вышли в холл. Роман и Тоня сидели за столом приобнявшись, и Тоня вытирала платком своему беспутному мужу слёзы. Галю забила истерика, и она шмыгнула в кабинет. Тоня извинилась передо мной за новогодний поступок, да и за сегодняшний визит.

- Я-то, дура, решила, что Роман с Галей спит, а он, оказывается, ваш покой охранял! – и заплакала, совсем как Роман.

Я оценивающе взглянул на неё и подумал, что по соотношению ума к собственному весу, она выше динозавров не поднялась.

- И кого только в партию принимают! – вздохнул я.

Я выпроводил парочку плачущих «партейцев», запер дверь, а Галя стала готовить завтрак. За чаем, она не удержалась и всё-таки спросила:

- И как вы это с Тamarой втроём живёте, Лиля-то не ревнует?

- Дура ты Галя, хотя и сопромат преподаёшь! – укоризненно устыдил я мою фиктивную любовницу, - ты же с Тamarой уже год на одной кафедре работаешь и не можешь понять, что для неё мужиков вообще не существует! И ещё что-то добавил в этом же роде, проникновенное.

А пока Галя, опустив взор в чашку чая, тихо извинялась, я с досадой сожалел о потерянном для нас с Тamarой утре...

Как я уже говорил, заявление наше «спустили на тормозах». Но мне не давало покоя то, что вся мерзость поступков Поносяна известна в институте только по слухам. Я не мог так покинуть институт, чтобы не заявить об этом громко, причём на каком-нибудь представительном собрании. Да и не только о Поносяне, но и о покрытии его руководством института, о коррупции в приёмной комиссии. А председателем её, кстати, всегда является ректор. Иначе как могли появиться у нас в студентах десятки смуглых «баранчиков», не говорящих по-русски, при таком высоком конкурсе, когда «отсеивались» местные тольяттинские ребята.

Но у меня не было на руках характеристики, необходимой для участия в конкурсе, и я решил эту характеристику получить. Написал прототип, так называемую «рыбу», и, зайдя на приём к ректору, оставил её, сказав, что хочу попытаться счастья в другом ВУЗе. Ректор, не глядя мне в глаза, обещал выдать мне объективную характеристику. И через несколько дней секретарь ректора, пряча глаза, выдаёт мне уже полностью подписанную характеристику, конечно же, отрицательную.

Сначала, правда, шёл текст из моей «рыбы», о том, какие курсы я читаю, сколько у меня трудов, что я веду договорную научную работу, и так далее. А в конце двумя строками добавлено, что я неуживчив в коллективе, склонен к кляузничеству, ложным обвинениям в адрес коллег, и тому подобное. И опять возник передо мной «русский вопрос» - что делать?

Я внимательно изучил характеристику – она напечатана с несколькими орфографическими ошибками, не говоря уж о пунктуации, на рыхлой некачественной бумаге. Я поправил эти ошибки на первом экземпляре, «по-ленински» - фиолетовыми чернилами и перьевой ручкой. Чернила расплылись, и листок выглядел очень непрезентабельно. И тогда я на своей пишущей машинке, на специальной финской бумаге, которая могла выдержать даже стирку в стиральной машине, перепечатал слово в слово всю характеристику, но уже без ошибок.

Опять же, зайдя к ректору, я предъявил ему его экземпляр с ошибками и пятнами правок, и новый, перепечатанный слово в слово на белой качественной бумаге. Абрам Семёнович тщательно сверил мой текст с предыдущим, и, убедившись в его полной идентичности, подписал его. Дальнейшие подписи – парторга и профорга ставились под подписью ректора почти автоматически.

И вот у меня на руках текст, отпечатанный на моей машинке на финской бумаге, которую можно и водой стирать, не то, что ластиком. Я аккуратно подтёр две «лишние» строки и на их место сочинил хвалебные, совпадавшие даже по числу букв – инициативен, принципиален, склонен к творчеству и организаторской деятельности, и тому подобное. Вставил бумагу поточнее в машинку и своим «родным» шрифтом допечатал две сакраментальные строки.

И вот я узнаю, что на определённый день в конце июня назначено итоговое открытое партсобрание в актовом зале института, где, между прочим, должны были принимать в партию Поносяна.

- Вот сволочь! – подумал я, - а меня-то как отговаривал от вступления туда!

- Спасибо тебе, Поносян, спасибо! – повторяю я про себя сейчас, но тогда я здорово окрысился на него за такое лицемерие.

Такого случая я не мог пропустить, и утром перед партсобранием, я как обычно последнее время, забежал на Главпочтамт - посмотреть, не прибыло ли мне чего-нибудь до востребования из Курска. Ожидаю автобус на остановке, сидя на деревянной скамейке, а когда он подошёл, встаю и почему-то оборачиваюсь на место, где сидел. И на скамейке ножом крупно вырезано слово «Курск». «Вот мистика!» - подумал я и решил, что сегодня уж точно будет известие из Курска. И действительно, из окошка «до востребования» мне подадут телеграмму:

«Поздравляем избранием обнимаем тчк Войтенко»

- Вот, что такое: «Радости скупые телеграммы» - теперь я знаю это! – вспомнил я слова Добронравова из его известной песни на музыку его же жены Пахмутовой.

Всё, для избрания даже характеристики не понадобилось, теперь я независим от ТПИ. Груз с «гибридами» уже на пути к Львову, я принят по конкурсу в КПИ. Теперь на открытом партсобрании они услышат от меня всё, что я о них думаю!

Я, загадочно улыбаясь, зашёл в актовый зал, и сидящий в президиуме «дядя Абраша», увидев меня, сразу же помрачнел. Галантно раскланиваясь с ним и Володей, я уселся в первый ряд кресел, обычно никем не занимаемый.

Терпеливо выслушав скучный доклад Володи от итогах учебного года и роли партийной организации в наших успехах, я сосредоточился, когда речь зашла о приёме в партию Поносяна. Кратко выступил ректор, положительно охарактеризовав главного шаромыжника ТПИ, а затем спросил зал:

- Кто-нибудь хочет высказаться? Думаю, что всё ясно и так!

- Нет, не ясно! – громко сказал я, и, подойдя к президиуму, спросил в микрофон: - А беспартийному высказаться можно?

«Дядя Абраша» что-то заворчал, заворочавшись в своём кресле, но я, не отходя от микрофона, громко пояснил:

- Товарищ Леонид Ильич Брежнев в своём выступлении на (и я назвал где именно!) предупреждал нас, что приём в партию – это не формальный, а принципиальный вопрос, требующий всестороннего обсуждения!

- Пусть говорит! – тихо, но слышно для меня шепнул Абраму Володя.

И я, уже законно становясь на трибуну докладчика, начал говорить столь возделенную для меня речь. Присутствующие сообщили мне потом, что она напомнила им речь Цицерона против Катилины, хотя откуда они могли её слышать сами?

Я начал с моего желания честно трудиться на благо ТПИ, и о провокации со стороны Поносяна, на что есть свидетели. Говорил о том, что Поносян отговаривал меня от вступления в ряды КПСС, чему тоже есть свидетели, а сам подал заявление при этом. Поносян добился неизбрания по конкурсу опытного преподавателя, бывшего завкафедрой Стукачёва, которого он использовал для опорочивания меня перед ректором – на это имеется заявление, подписанное самим Стукачёвым. Поносян, будучи ответственным секретарём приёмной комиссии, добился поступления по конкурсу, достаточно высокому, в наш институт, десятков ребят, почти не знающих русский язык. На каком языке они сдавали вступительные экзамены, и как они сдали экзамен по русскому языку? А ведь они из той же республики, откуда приехал Поносян. И последнее – Поносян говорил мне при свидетеле, что если ректор будет несговорчив, то у него имеется на него фотокомпромат, касающийся отдыха ректора в Кисловодске...

- Абрам Семёнович, - обратился я к ректору, - рассказать, чего именно касался компромат из Кисловодска?

О романе ректора многие знали, и в зале раздался смех. Ректор сидел весь красный, потупив голову. Поносян сидел в зале с цветом лица, соответствующим его фамилии. Зал слушал меня с таким вниманием, как будто я открывал им государственную тайну. А ведь почти все всё это знали...

- Я считаю, что такому человеку, как Поносян не место в Партии, да и в институте, а парторганизация должна сделать выводы и очистить институт от скверны, которая сегодня позорит, а завтра погубит наш институт! Не надо оваций! – в шутку добавил я и, раскланявшись с залом, сошёл с трибуны. Вопреки моей последней просьбе из зала раздались аплодисменты.

- Блеск! Чем не: «Квоускве тандем, Катилина, абутере патиенция ностра!» («До каких же, наконец, пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением!») Цицирона, - как потом мне заметят об этом присутствующие

Не ожидая результатов голосования, я покинул зал. Мне с ними больше не по пути! На Запад, на Запад! – говорил я себе, имея в виду, конечно же, Курск. Потом я узнал, что Поносяна всё-таки приняли в партию, при трёх голосах против. Один из тех, кто был против, стал потом секретарём парткома вместо Володи, другой ректором, вместо Абрама Семёновича; третьей была дама, просто симпатизирующая мне.

А интереснее всего то, что министерская комиссия, которая спустя несколько лет проверяла ТПИ и, найдя там массу злоупотреблений, в результате сместила ректора. И возглавлял эту комиссию ректор Курского политехнического института!

И как после этого не поверить в торжество Справедливости, хотя бы локальной?

Глава 6. Курский соловей

Ход конём

Опять мне удастся улизнуть от наступающего катка, грозящего «раскатать» меня в лист, столь тонкий, что подsunуть его в щель под дверью не было бы проблемой. На сей раз я нашел убежище в древнем русском городе Курске, с его провинциальной тихой жизнью, красивыми курянками – «горлинками», и по-отечески заботливым начальником – ректором. При этом, получив и карьерный рост! В Курске я заимею все условия для успешной защиты докторской диссертации, получения долгожданного ученого звания «профессора механики». Но, как обычно случается с людьми, имеющими «все условия», со мной приключилась утрата сдерживающих центров, и я «пошёл в разнос» по женской линии. Этот «профессорский синдром» стал причиной моего развода с женой, женитьбы на юном создании, и переезда в другой город, лучше которого нет на Руси, а по мне, так и во всём мире...

Перед отпуском, который начинался в первых числах июля, я подал заявление об увольнении, в связи с избранием по конкурсу в другой институт. Мне его с удовольствием подписали, и я стал готовиться к переезду в Курск. Я обещал, как устроюсь на работу, забрать в КПИ, кроме Лили - Тамару, Романа с Галей, и, конечно же, Лиду с Сашей.

Я належке выехал поездом в Москву, рассказал Тане и Моне о том, что я уже живу и работаю в Курске, причём с повышением. Таня была рада тому, что это вдвое ближе к Москве, чем Тольятти, а Моня заметил, что это «ход конём» в Москву – сперва длинный ход на Запад, а потом, вдвое короче – на Север.

- Хотя умнее всего было бы этот ход на Запад сделать в три-четыре раза подлиннее, тогда и на Север не пришлось бы заворачивать! – политически рискованно заметил Моня.

Из Москвы я «Соловьём» направился в Курск, где снова встретился с ректором и поблагодарил его за моё успешное избрание.

- Подумать только, было три претендента на одно место! – заметил мне ректор, - Совету пришлось выбирать одного из трёх. Пришлось замолвить за вас словечко, ваш козырь – это готовая докторская работа. В нашем институте только один доктор, да и то – пожилой. Это непорядок для «Политеха» в центре России! Да и вообще в Курске докторов наук – раз, два – и обчёлся!

Зашёл вместе с ректором на кафедру, и там, по чистой случайности оказались трое преподавателей, один из которых – Юрий Александрович Медведев, исполнял обязанности завкафедрой. Юрий Александрович – интеллигентный человек, спортивного склада, лет сорока пяти, бывший декан механического факультета, куда относилась и наша кафедра. Он буквально скрасил всё моё последующее пребывание в Курске, помогая и множество раз выручая меня. Но в этот раз мы только познакомились, и он показал мне распределение нагрузки на осень. Я выбрал себе крупный, человек на двести, поток и пару групп практики. Подав заявление о выходе на работу с конца августа, я вылетел самолётом в Киев, а оттуда – во Львов.

Во Львове, оказывается, получили наш огромный ящик с «гибридами», деталями, кое-каким инструментом и прочими полезными и нужными вещами. Но понятия не имели, зачем я это всё им выслал.

Я встретился с Атоянном и всё рассказал ему, напирая на то, что заведующий кафедрой сможет больше помочь делу, чем просто доцент. В конце концов, я уговорил его перезаключить договор с ТПИ на КПИ, а «гибрид» установить на автобус во Львове, прямо в ГСКБ. Действительно установка «гибрида» требовала разрезания несущего лонжерона автобуса, и замены его части новой фасонной деталью. А потом переоборудованный автобус предполагалось отогнать для испытаний в Курск.

Целый месяц я приходил в ГСКБ к 8 утра, переодевался в робу и работал «слесарем-консультантом», руководя действиями сварщиков и сборщиков. Чуть не покалечили автобус – с

перерезанным лонжероном, он накренился и чуть не свалился в смотровую яму вместе с «гибридом». Но всё-таки устоял.

- Жаль, что не свалился, возни было бы меньше! - в сердцах проговорил один рабочий, самый ленивый и бестолковый из бригады.

- Ах ты, сволочь Бандеровская, вредитель сучий, да я тебя за такие слова по стенке размажу! – накинулся я с кулаками на перепуганного работягу. Написал на него докладную Атояну и попросил заменить на добросовестного мастера. Меня стали побаиваться. Они поняли, что хоть я и в робе, но не их брат-пролетарий, а «из начальства». Быть заинтересованным в результатах работы – это, видимо, не для пролетариев!

Наконец, «гибрид» смонтировали и автобус, загруженный вторым «гибридом» и другим содержимым был готов к поездке. «Выпускать» его договорились по моему сигналу из Курска, когда будет ясна обстановка.

Из Львова я опять приехал в Тольятти и дождался приезда из Тбилиси Лили. Собрали мои вещички – книги, одежду, другие мелочи для общежитийской жизни в Курске. Лилю и друзей я обещал вызвать, как только договорюсь об их работе.

Тамару же вызывать отпала необходимость. Мои «тренировки» сделали своё дело, и она в отпуске встретила «свою судьбу» - неженатого мужика, инженера с ВАЗа, приехавшего из Киева. Они вскоре поженились и потом мы потеряли друг друга из вида.

Тамара как-то даже в конце августа зашла ко мне в гости одна, без сопровождающего, а Лилия ещё из Тбилиси не приехала. Тамара принесла с собой бутылку водки и зачем-то цветы. Мы приготовили омлет с помидорами и выпили бутылку за нашу былую любовь. Я предложил, было, Тамаре «вспомнить» молодость, но она поцеловала меня, поблагодарила за «помощь» в избавлении от фригидности, и попросила не нарушать её счастья и спокойствия.

- Вот, ханжи эти бабы! – подумал я, - а о моём счастье и спокойствии ты подумала, когда «совращала» меня! Но я согласился «не нарушать». С одной из самых мучительных проблем – как поступить с Тамарой? – всё решилось само собой.

Мало-помалу я позабыл Тамару. Но когда, бывало, смотрю по телевизору бесконечные повторы мультсериала «Ну, погоди!», и слышу знаменитое: «Ну, заец, погоди!», я вздрагиваю и лихорадочно повторяю: «Заец, Заец!» - да это же фамилия Тамары из Кемерово. Эх, какие были времена!

Теория и практика

Дисциплины кафедры, заведующим которой я стал, были мне достаточно знакомы – это теоретическая механика и теория машин и механизмов, что я, собственно и преподавал в Тольятти. Но я взялся вести только одну из них – наиболее тяжело дающуюся студентам теоретическую механику. Студенты не любят теоретическую механику из-за её сухости и скучности. Обычно лектор начинает доказывать какую-нибудь там нудную теорему Кориолиса, повернувшись лицом к доске, а студенты в это время играют в военно-морской бой.

Я же строил лекции по-другому. Доказательства теорем студент выучит и по учебнику перед экзаменами, а вот заинтересовать наукой должен его я – живой человек. И я, закрепив микрофон на воротнике (а в аудитории «амфитеатром» было 200-250 человек), громко спрашиваю зал:

- Как вы считаете, на Луну, которая вращается вокруг Земли, действует или нет центробежная сила? Кто считает, что «да» поднимите руки!

Почти все руки поднимают.

- Хорошо, - провоцирую, я их, - со стороны какого тела эта сила действует, не может же она давить из пустого пространства? А рядом – только Земля, выходит, со стороны Земли?

- Да-а-а! – как в детском саду отвечает огромный зал.

- Тогда как же получается, Земля отталкивает, что ли, Луну? Выходит, действует не закон всемирного тяготения, а закон всемирного отталкивания?

В зале неуверенный смех.

- Поэтому, все басни о реальных центробежных силах – просто враньё! А кто будет распространять эту дезинформацию – тащите его ко мне, разберёмся!

На перемене ко мне обязательно подходят взволнованные студенты. Их интересует практическая сторона дела.

- А как же в ГАИ нам говорят, что на автомобиль, когда он поворачивает, действует центробежная сила?

Начинаем разбираться.

- Со стороны чего может действовать на автомобиль эта центробежная сила, со стороны воздуха, что ли? С чем соприкасается автомобиль?

- С дорогой! – хором отвечают студенты.

- Тогда, если центробежная сила действует «от центра», то она должна на повороте прогибать шины автомобиля наружу. А все ГАИшники знают, да и вы тоже, что шины на повороте прогибаются внутрь, к центру поворота. Как это понимать?

Унылое молчание.

- Нет никаких центробежных сил, это всё бабкины сказки. Но с работниками ГАИ не спорьте, соглашайтесь!

Студенты начинают верить себе больше, чем учебнику, а это уже победа.

Или про другую басню из учебника.

- Вот вы видите рисунок «падающей» башни в Пизе, откуда Галилей, как видно из рисунка и понятно из текста, бросал шары на головы гуляющих внизу людей (Смех). Бросал шары лёгкие и тяжёлые, и сделал вывод, что и те и другие приземляются одновременно. Верите ли вы в это?

- В учебнике написано... - раздаётся нестройный хор голосов.

- Вот вы все – Галилеи, - привожу я убедительный довод, - и вы бросаете с высоты пудовую гиру и такой же по размерам комок ваты. Что приземлится быстрее?

- Гиря! – хором отвечают студенты

- Так сколько же пол-литр надо было выпить Галилею, чтобы сделать вывод о том, что гиря и вата приземляются одновременно?

- Десять! – раздаётся тот же хор.

Но тут нервно вскакивает очкастый отличник, подстриженный под полубокс, и начинает возражать:

- Так то же в воздухе, а Галилей имел в виду вакуум!

- А что мог знать Галилей о вакууме, когда его открыл только Торричелли, уже после смерти Галилея? - громовым голосом, усиленным микрофоном, заключаю я, - да и то в самом кончике своей барометрической трубки, где и шаров-то не побросаешь!

Когда ко мне попадал новый лекционный поток, а это 200-250 студентов в поточной, обычно расположенной амфитеатром аудитории, я выбирал взглядом самую красивую (с моей, конечно, точки зрения!) студентку, и читал лекции, глядя на нее, и, как бы, обращаясь к ней. Ее же, чаще всего, и спрашивал с места. Я считал, что это лучше, чем не глядеть ни на кого, или смотреть в потолок, например. А так красота студентки вдохновляла меня на живой разговор с аудиторией.

Помню, в Тольятти была как-то у меня такая «избранная» студентка Поплавская. Длинные прямые платиново-белые волосы, светло-голубые глаза, розовые губы – ну прямо картинка с сыра «Виола», да и только! Но не ответила она ни на один мой вопрос с места за весь семестр. Я уже решил, что красота и теоремы механики несовместимы, но снова «жизнь оказалась богаче планов», снова Вождь оказался прав. На экзаменах Поплавская неожиданно ответила на все вопросы. – Списала! – решил я, и начал экзаменовывать устно. Но и на устные вопросы она отвечала без запинки. – Мистика! – подумал я, и перешел к уравнениям Лагранжа 2-го рода, можно сказать, непостижимым для «нормальных» студентов... Но красивая студентка ответила и на этот вопрос. Я был совершенно сбит с толку.

- Поплавская, говори, в чем дело, ты же не можешь знать всю механику на «отлично», этого просто не может быть!

- Может! – неожиданно, глядя мне прямо в глаза, отвечает красавица. – Я это ради вас учила, ночами не спала – всё вашу механику учила, чтобы понравиться вам! – зардевшись и потупив взгляд, договорила студентка.

Тут уж пришла очередь покраснеть и мне. Смутившись на мгновение, я проставил в ведомость и зачетку студентке «отлично» и похвалил за усердие. Та посидела еще немного, а затем, неохотно поднявшись, ушла. Больше таких случаев в моей практике не было.

Мои студенты любили теоретическую механику, и среди них появлялись буквально «корифеи». В Тольятти у меня был студент Олег Федосеев, который уже на втором курсе решил неэйлеровскую задачу навивки гибкой ленты на цилиндр. Теперь он – заведующий кафедрой в том же вузе, где и учился. В Курске мой студент Иосиф Юдовский решил задачу полной передачи кинетической энергии от одного абсолютного твёрдого тела другому. Он на этой основе сделал две свои диссертации – и кандидатскую и докторскую, и открыл этот принцип со мной вместе, будучи моим студентом. С Иосифом (Осей) Юдовским мы потом стали близкими друзьями, но ещё позже – в 90-х годах он уехал в США, где стал крупным бизнесменом.

Меня, как и обещал ректор, разместили в преподавательском общежитии гостиничного типа. Блок из четырёх комнат с туалетом и душевой. Две комнаты занимала семья завкафедрой математики. Одну большую комнату – завкафедрой теоретической механики, то есть я, а одну комнату поменьше, соседнюю со мной – доцент Вячеслав Зубов с кафедры «Строительные материалы».

Я с соседями только вежливо здоровался и прощался – никаких попыток сближения или совместного ужина, так как в стране началась очередная борьба с бытовым пьянством.

А в октябре, прямо к моему дню рождения, прибыл из Львова автобус. Его припарковали прямо во дворе института, никакого гаража или другого запирающегося помещения в институте для этого не было.

Мне выделили комнату для лаборатории, куда мы с лаборантами перетаскивали «гибрид», чтобы не оставлять его ржаветь на воздухе. А автобус начали регулярно «обкрадывать» - то фару снимут, то подушки с кресел унесут. Воровство - неотъемлемое свойство коренных курян, да простят они меня за правду. Воруют всё, что лежит - и плохо, и хорошо. Москвич поленится возиться, а курянин не пожалеет времени и открутит. Москвич украдёт по-крупному - бульдозер, например, как у меня на испытаниях. А курянин возьмёт подушки с кресел, вывинтит шурупы, даже ветошь чистую, и то возьмёт.

Я «пристроил» автобус в гараж автохозяйства, директором которого был наш студент-вечерник. Так в этом гараже с автобуса сняли всё, что было можно – аккумуляторы, стартер, компрессор, я не буду больше перечислять этот горестный список. Правда, студент-директор всю эту недостачу восполнил, но сколько ушло нервов!

Испытания

Сразу пускать автобус в дорожные испытания я побоялся, и мы, опять же с помощью студентов-вечерников, приготовили эрзац-стенд для испытаний на месте. Мы приподняли ведущие задние колёса автобуса над землёй и прикрутили к ним по огромному маховику. Теперь, когда работал двигатель или «гибрид», автобус стоял на месте, а на бешеной скорости раскручивались огромные маховики, заменявшие движущуюся массу автобуса. Когда маховики начинали, раскручиваясь, свистеть от скорости, любопытные студенты разбегались прочь. Потом уже, по требованию инженера по технике безопасности, туповатой, упрямой и «выпившей» много моей крови, женщины северных народностей, мы закрыли эти маховики жестяным кожухом. Хорошо, что «инженерша» по технике безопасности слухом не слыхивала о том, что маховики могут и разрываться, иначе бы я так и не защитил свою докторскую диссертацию.

Сотрудники постоянно видели меня то лежащим под автобусом и примерзающим своим бушлатом к земле, то тащившим маховики или другие неподъёмные тяжести. По институту шла шутка: «Если обычный учёный от своей докторской диссертации получает инфаркт, то наш Гулиа получит грыжу!».

Прошли зима и начало весны. Стендовые испытания автобуса закончены. «Гибрид» художественно, но работает без метания «кинжалов». И вот, после майских праздников, 5 мая 1972 года мы вывели автобус на испытания. По дороге из общежития до института я специально купил билетную книжку на автобус, выбрал оттуда самый счастливый билет и прокомпостировал его. Сердце бешено колотилось, прокачивая целую Ниагару крови через мои сосуды, когда автобус медленно стронулся и направился на прямую и уединённую улицу Тускарную, где я наметил проводить испытания.

Автобус оборудовали закреплённым узкоплёночным киноаппаратом, который снимал дорогу, размеченную мелом по метрам. В поле зрения киноаппарата попадали также спидометр автобуса и тахометр от маховика «гибрида». К стойке в салоне были прикреплены колбы топливного расходомера. Управлял автобусом водитель Стасик Слепухов, а помогал ему и мне лаборант Славик Кулешов. «Главным кинооператором» был хозяин кинокамеры доцент Игорь Аникин, преподаватель нашей кафедры.

Стасик и Славик были хорошими ребятами, но склонными к загулам и выпивке. Славик прекрасно рисовал, а Стасик был прирождённым актёром. Оба участвовали в институтской самодеятельности. Никогда не забуду их интермедию, зрителем которой мне как-то пришлось быть.

Эта пьеска была разыграна в актовом зале института, в перерыве между выступлениями вокально-инструментального ансамбля и чтецов из той же самодеятельности. В переполненном зале сидел ректор, всё начальство, преподаватели и студенты.

И вот на сцену выходит Славик, переодетый старой деревенской бабкой, и Стасик, с приклеенной бородой – якобы печник, с тележкой, гружёной кирпичами. Бабка показывает печнику – вот здесь, мол, клади печь. Печник с грохотом начинает выгружать кирпичи. А бабка передумывает и показывает уже другое место. Опять погрузка и выгрузка грохочущих кирпичей. Но дурная бабка опять меняет место. Тогда взбешённый печник, ругаясь, начинает раскидывать кирпичи по сцене: грохот, пыль, смех в зале. А печник, видимо задетый за живое смехом в зале, хватается один из кирпичей и швыряет прямо в зрителей! Крик, шараханье, чуть не истерика. А кирпич, повертевшись в воздухе, медленно планирует на чью-нибудь голову. «Кирпич» оказывается склеенным из чертёжной бумаги и раскрашенным, как настоящий, художником Славиком!

Итак, мы на улице Тускарной, проходящей «под-над речкой» Тускарь, что впадает неподалёку в Сейм. Деревья стеной по обе стороны улицы; на ветках уже махровые ярко-зелёные листья. Солнышко достаточно высоко, что полезно для киносъёмки.

По моему сигналу Стасик трогает автобус, разгоняет его до скорости 50 километров в час и включает тумблер торможения «гибридом». Автобус плавно тормозит; слышен тихий свист разгоняющегося маховика и стрекот киноаппарата. Вот уже автобус едет со скоростью пешехода. Стасик останавливает его обычным тормозом и глушит двигатель. Снова сигнал – и Стасик переключает тумблер на разгон машины «гибридом». Автобус с неподвижным двигателем и выжатым сцеплением разгоняется до 30 километров в час, после чего Стасик отпускает сцепление. Двигатель с ходу запускается, и автобус разгоняется до 60 километров в час. Движение накатом, сбавление скорости до 50 километров в час, и весь цикл повторяется. Затем – уже при движении в другую сторону, на той же улице, для учёта возможного уклона или ветра.

Не верится – ни «гибрид», ни один из приборов не отказал!

Теперь делаем контрольный заезд уже только на двигателе, без «гибрида». Расходомер показал двойной перерасход топлива на контрольном заезде. Ура! Это – победа! Победа, зафиксированная на киноплёнке и актом, подписанным нами – участниками испытаний!

Автобус, с крупной надписью на бортах «Испытания», гордо завернул во двор института. Я, стоя в приоткрытых дверях, рукой приветствовал встречающих нас сотрудников кафедры и студентов.

Вечером в ресторане «Октябрьский», что близ института, я дал «банкет» для участников испытаний. Я был уже научен горьким московским опытом «необмытия» испытаний – или плёнка

порвётся, или ещё что-нибудь! Но мы «обмыли» испытания, и всё оказалось в порядке. Хорошо, что в жизни, нечасто, правда, но выпадают такие счастливые дни!

Гады! Начните жизнь сначала!

Можно подумать, что, будучи занятым «под завязку», я не имел никакой личной жизни! Да, вначале так оно и было. Потом я начал постепенно «вызывать» из Тольятти друзей. Первой приехала Лида, ей уже не терпелось попасть в родной Курск, да и место ассистента на нашей кафедре оказалось вакантным. В КПИ Лиду помнили, она была там «своей» и устройство её на работу прошло без проблем. Мне уже было веселее. Затем приехал Саша, он устроился мастером на завод. Мы начали ходить с ним в баню, и стало ещё веселее. Примерно в течение года удалось взять на кафедру гидравлики Романа, а на кафедру математики Галю.

Но с соседом по «блоку» - Вячеславом, я только вежливо раскланивался. Наконец, ближе к Новому Году не выдержал и пригласил его зайти ко мне. Оказывается, Вячеслав приехал в Курск из далёкого Биробиджана, это центр Еврейской АО. При этом он сам - далеко не еврей, а скорее наоборот. Он рассказал мне анекдот, как создавалась эта Еврейская АО. Кстати, АО – это не акционерное общество, а автономная область.

Так вот, созвал Сталин несколько ответственных еврейских товарищей и поручил им создать Еврейскую АО на дальнем Востоке и организовать там колхозы. Через несколько дней Сталин получает от них телеграмму: «Колхозы организованы тчк высылайте колхозников». Сейчас этот анекдот можно и не понять, но тогда он очень был смешным и актуальным.

После такого анекдота я напрямую спросил Вячеслава: «Водку пьёте?» Он внимательно посмотрел на меня, вышел из комнаты и через минуту зашёл обратно, держа завёрнутую в газету бутылку. Это была бутылка японского виски «Сантори». Я полез в тумбочку и достал такую же бутылку – в наш гастроном завезли японский виски. Мы поскребли по сусекам и нашли полбуханки хлеба, здоровенный кусок сыра, из которого ножом уже выскребли мягкую сердцевину, и пару яблок с подгнившими боками. В пустую бутылку налили «шампанское» - так называли мы холодную воду из-под крана для запивки виски, который оказался очень противным. Вонючий хлебный самогон – чего такой из Японии везти, такого и у нас полно!

Оказалось, что мы со Славиком, (так он стал называться после пары стаканов), вели одинаковую жизнь. Вечером, когда приходило время спать, тушили свет (так как занавесок на окнах не было), выпивали из горла бутылку портвейна, и, погрозив пальцем своему тёмному отражению в зеркале, ложились спать. Это было скучно и неинтеллигентно, и мы ещё раз убедились, что вдвоём выпивать веселее.

Славик по фамилии Зубов оказался неординарным человеком. Он был неплохим поэтом, только большинство его стихов были с матом. Да и стихи, которые он знал наизусть, тоже были подобного рода. Например, такая эпиграмма на поэтессу Веру Инбер:

- Ах, у Инбер, ах, у Инбер -
Что за шея, что за лоб!
Век смотрел бы на неё б!...
И так далее.

Затем, у Славика была непередаваемая, патологическая ненависть к советской власти. Он хотел (наивный человек!) собрать столько денег, чтобы положить их в сберкассу на срочный вклад, и жить только на проценты, которые составляли всего 3 процента годовых. Чтобы Славика можно было не работать на треклятую советскую власть. Он, видимо, не понимал, что, отдавая деньги в государственный банк под столь мизерный процент, он целиком попадал в рабство к государству. Славик мечтал собрать сумму, которая обеспечила бы ему зарплату доцента – 320 рублей в месяц. Но для этого ему надо было положить в сберкассу ни много, ни мало – 128 тысяч рублей! И он пытался, экономя на всём, кроме выпивки, честно накопить такие деньги. Надо

признать, что тысяч тридцать у него уже были, и он держал их в перевязанных бечёвкой пачках сторублёвых купюр, прямо в платяном шкафу.

На Новый Год ко мне заехала Лиля, и мы его справляли втроем со Славиком. Лиля приготовила лобио и другие кавказские блюда, включая, пхали и хули (я, припоминаю, уже извинялся за блюда с такими названиями, извинюсь ещё раз!). Водки было в изобилии. Славик поведал нам о его теории «стремления к естеству». Одежды на человеке должно быть как можно меньше, или её вообще не надо; есть надо без приборов прямо с земли, «сношаться» когда и где захочется, и т.д. А деньги – зло, их надо уничтожать!

И рослый, худющий Славик, прилично подвыпив, разделся до трусов, положил тарелки лобио, пхали и хули на пол; на пол же положил миску с налитой туда водкой. Передвигаясь на четвереньках и подвывая на лампу, он пытался есть кавказские блюда прямо с пола, даже без помощи рук, а водку лакать языком из миски.

Мы с Лилей задыхались от хохота. Рычащий и воющий Славик с перепачканной в лобио и свёкле мордуленцией, махая задом как пёс, весело ходил на всех четырёх конечностях по полу, пытаясь укусить нас за ноги. Он попытался, было, задрать ногу на нашу дверь, но мы открыли её и выставили звероподобного Славика в коридорчик перед туалетом. Там он уже «метил» стенку, когда на странные звуки выглянула жена завкафедрой математики, прозванная нами Росомахой, за схожесть по внешности и характеру с этим «симпатичным» зверьком.

Крик был такой, какой и десяток росомах издать были бы не в силах. Вся семейка выскочила за дверь и помогла вопить нашей Росомахе. Ещё бы – рослый худой зверь в трусах телесного цвета, с рычанием и воем, скалясь окровавленным (от свёклы!) ртом, «метил» дверь нашего туалета! Увидеть такое в Новогоднюю ночь и не стать заикой – дано не каждому!

Славик, конечно, тут же вскочил и забился к себе в комнату. Но минуты через три он, сильно шатаясь, но уже на двух ногах, ввалился к нам в комнату, держа в руках несколько пачек денежных купюр. Он, рыча и ругаясь матом, стал швырять в нас эти пачки, и деньги рассыпались по полу, как в американском боевике. Когда Лиля попыталась их собирать с пола, Славик захихнул остаток денег ей за воротник и вышел вон. Мы услышали, как заперлась изнутри его дверь.

Лиля подобрала все деньги и сложила их кучей на столе. Зрелище было феерическим – столько сторублёвых купюр зараз никто из нас в жизни не видел! А утром, часов в семь, кто-то жалобно заскрёбся в нашу дверь. Лиля открыла. Славик стоял в майке и шароварах, с лицом не вполне ещё очищенным от кавказских блюд с неприличными названиями.

- Я свои денежки к вам, случайно, не закидывал? – вкрадчиво спросил он, повидимому, опасаясь, что мы скажем «нет». Но, увидев кучу на столе, он успокоился. Насыпав купюры себе в подол майки, он пошёл назад, оправдываясь:

- Как выпью, начинаю деньгами швыряться – в буквальном смысле! Надо бы от этой вредной привычки избавляться!

Я так и не понял, от какой вредной привычки ему больше хотелось бы избавиться – от пьянства или швыряния денег?

Вскоре Лиля уехала, и мы остались опять вдвоём со Славиком. Мы гуляли с ним по паркам Курска, философствуя на возвышенные темы и выпивая, втихая от окружающих, портвейн. Особенно любили мы заходить в магазин «Колос», расположенный на той же улице, что и общежитие. Улица называлась «Выгонной», так как по ней выгоняли коров на пастбище, расположенное за строящимся новым корпусом института и нашим общежитием. Так что по утрам нас будило мычание проходивших коров. А потом улицу переименовали в «имени 50-летия Октября» - глупее и неуклюжее названия не придумаешь!

Так вот в магазине «Колос» всегда был большой выбор спиртного. Недаром в Курске говорили: «Мужики - в «Колос», а бабы – в голос!». У нас со Славиком на тот момент баб не было и мы смело и гордо заходили в «Колос». Взяв очередную бутылку, мы шли в ближайший сквер, расположенный на горке в конце улицы Дзержинского (бывшей ул. Троцкого), и сидя на деревянной скамейке, обсуждали, как строить жизнь, переехав в новый для нас Курск.

Говоря о горке, и вспоминая о воровитости местных жителей, я понял, почему Курск характеризовали как: «Две горы, две тюрьмы, а посередине – баня!» Я видел эти две горы, мылся в бане, что посередине, а двух тюрем так и не нашёл, а тем более, в них не сидел.

Говорили, что царь хотел построить в Курске университет, но местное купечество и другие граждане (по-старинному – «мещане») написали ему челобитную, где настоятельно просили не делать этого. Боялись неизбежных при этом «жидов, скубентов и прочих воров». Чтож, университет перенесли в Воронеж и это теперь - крупный, современный город, чего о Курске не скажешь. А воров, и прочих нежелательных категорий населения в Курске, тем не менее, – предостаточно!

И вот, после вина, выпитого на свежем воздухе, и философии, вызывающей усиленную работу мозга, Славику захотелось избавиться от продуктов распада при белковом метаболизме (не подумайте дурного – обмене веществ!), и он зашёл в расположенный рядом туалет с выгребной ямой. Но буквально через несколько секунд, ещё полностью не избавившись от продуктов распада, Славик выбежал оттуда и возбуждённо позвал меня:

- Посмотри, что здесь написано, это писал гений - это касается всех нас!

Я забежал в туалет, и на серой отштукатуренной стене прямо над расположенными в линию «очками», прочёл «вещую» надпись, выполненную красной краской крупными «печатными» буквами:

«Гады! Начните жизнь сначала!».

Хотя это и не было Валтазаровскими кровавыми словами: «Мене, текел, перес», предвещавшими гибель царя, но задуматься нас эта надпись заставила. А может, и, взаправду, начать жизнь сначала?

Но, из-за того, что, во-первых, надпись относилась к «гадам», каковыми мы себя не считали, а во-вторых – не так уж это легко сделать даже настоящим гадам, мы продолжили вести прежний образ жизни!

Изменения

В июне 1972 года я поехал во Львов отчитаться перед ГСКБ за полный цикл работ по договору, представить им данные испытаний и фильм. Экзаменов в этот семестр у меня не было и времени на поездку хватало. Так как я ехал поездом через Москву, то зашёл там в Министерство Автомобильной промышленности СССР, которое было расположено на площади им. Воровского. На этой площади и сейчас стоит карикатурный памятник этому Воровскому – советскому дипломату, убитому в городе Лозанне врагами советской власти. Площадь эта самая маленькая в Москве, и, думаю, даже в мире – меньше нашего тбилисского двора, где стоял дом моего детства.

Красивое и какое-то сексуальное с виду здание Министерства, в «мрачные годы царизма» было с красным фонарём у входа – это был крупный бордель. Вся внутренняя планировка здания напоминала об этом – запутанные узкие коридорчики, камин с топкой, выходящей в коридор, маленькие, уютные комнатки – необычайно подходили борделю, но никак не союзному министерству. Правда, сотрудники министерства говорили мне, что, чем занимались в этом здании раньше, тем занимаются и сейчас. Только в роли проституток сейчас выступают они - сотрудники министерства, а в роли посетителей – их начальство.

Это было правдой – разносы, которые учиняло своим сотрудникам министерское начальство, можно смело сравнивать с тем действием, которое совершалось клиентами над проститутками. И если проститутки хоть выживали после этого действия, то не все сотрудники министерства были так привычны к разносам – многие получали инфаркты и инсульты.

Почти на моих глазах, когда я был в это время в министерстве, один высокопоставленный специалист, молодой ещё доктор наук, получил такой разнос от Министра, бывшего гендиректора ВАЗа. С последним я не раз в одном купе ездил в Москву, и он тогда показался мне очень скромным и учтивым человеком, а вот после этого разноса вскоре молодой специалист скончался от инфаркта.

Но не будем о грустном. Я разыскал в министерстве начальника технического управления Главгавтопрома Давида Дмитриевича Мельмана, которому, в частности, подчинялись все

автобусные заводы. Это был высокий суровый человек, от разносов которого почти плача уходили директора заводов. Я слышал эти разносы и побаивался Мельмана, но со мной он оказался неожиданно учтивым. Посмотрев фильм, оценив результаты испытаний и обозвав меня гением, он тут же созвонился с замминистра (забыл фамилию, но тот тоже, как и сам Д.Д.Мельман вскоре умер, не выдержав сумасшедшей работы!), и повёл меня к нему.

- Вот молодой гений, который предложил устройство, вдвое сокращающее расход топлива на автобусах. Но главное – почти исчезают токсичные компоненты! (Этого я Мельману не говорил, но он оказался прав – последующие испытания показали, что токсичность выхлопа уменьшилась на порядок).

Замминистра просмотрел мой отчёт ГСКБ (фильма он смотреть не стал), и обратился к Мельману:

- Давид Дмитриевич, ты же опытный человек, где я возьму площади и кадры для выпуска этого изделия? Ты посмотри на телеграммы с заводов – они телеграфируют Косыгину, а он вот с такими резолюциями – Министру! Нет ни людей, ни площадей, ни материалов, ни комплектующих – ничего нет! – замминистра перешёл на крик, - и ты предлагаешь мне ещё эту петлю на шею! (мать, мать, перемать!).

И обратившись ко мне, замминистра уже спокойнее, но тоже на «ты», продолжал:

- Ты говоришь – топливо, а кому оно нужно – бензин четыре копейки за литр стоит - дешевле газировки! Да сливают его водители, чтобы норму не снижали, вот, целое озеро топлива под Москвой обнаружили! А экономия – это одни лишь разговоры умников и, взглянув на Мельмана, замминистра не стал говорить, кого ещё.

Я ожидал, что после таких слов замминистра меня заберут неподалёку отсюда (от площади Воровского до Лубянки – пара шагов!), но он завершил встречу словами:

- Продолжайте работу с ГСКБ, финансировать науку мы будем, но о внедрении – забудьте! Если, конечно, не придумаете такого, чтобы не выпускать самим, а покупать где-то можно было! Тогда ещё можно поговорить!

Мельман в хорошем настроении повёл меня к себе в кабинет.

- Давид Дмитриевич, извините, конечно, но это понимать как разнос? – не разобрал ситуации я.

- Это понимать, как одобрение, - пояснил Мельман, - разнос был бы слышен самому Воровскому.

Когда мы пришли в кабинет и получили возможность говорить спокойно, я изложил Мельману нечто новое. Дело в том, что начальник Главка Минстанкопрома, узнав о моих опытах с автобусом, предложил мне заняться другим типом «гибрида» - с накопителем в виде баллонов со сжатым азотом и гидроприводом. Все части этого устройства выпускались на Гомельском заводе «Гидропривод», где в руководстве был брат начальника Главка, а сам завод подчинялся тому же Главку. Ситуация складывалась идеальная! Мельман был в восторге.

- Езжайте во Львов, скажите им, что финансирование будет в нужном размере, заключайте договор и быстро проектируйте новый «гибрид»!

По дороге во Львов я заехал в Гомель и переговорил с братом начальника Главка. Брат тоже был автором идеи, и он взялся проектировать устройство, а потом изготовить его. Нужна была привязка к автобусу, к размерам свободного пространства, мощности, оборотам, органам управления так далее. Эту работу должен был проделать я.

Во Львове были довольны моей работой, но ещё больше были довольны рекомендациями Мельмана. Мы перезаключили договор ещё на три года, но на новый тип «гибрида» - гидравлический. Таким образом, научная направленность моей работы резко менялась – с маховиков и вариаторов я перешёл на совершенно несвойственную мне гидравлику.

И, наконец, я снова в Москве. В конце июня как раз в институте Машиноведения (ИМАШ) должен был защищать диссертацию Моня, и я хотел обязательно присутствовать на защите. В-первых – он мой друг, а во-вторых – моя тема. Должен же я знать, как отнесётся академическая наука и к тому и к другому!

Я пожил два дня у Тани и решил после защиты Мони (и банкета, разумеется!) ночным поездом ехать прямо в Курск. Даже взял билет на один из ночных поездов, так как через Курск, проходили десятки поездов южного направления.

Наши отношения с Таней стали спокойными и уравновешенными. Я чувствовал, что у Тани мужчины есть, но она, видимо, считая меня основным, гражданским мужем, что ли, давая «отбой» остальным на время моего приезда. Она, вроде, не тяготилась моим присутствием, но такого восторга от встреч, как раньше, не испытывала. Да что и говорить, мои чувства к ней были аналогичны, и к тому же мне было удобнее жить у Тани, а не скитаться по гостиницам. Проза жизни!

Но вдруг всё изменилось после защиты Мони, вернее после банкета. Защита, как и ожидалась, прошла отлично, а вечером был банкет в ресторане Дома Архитектора в самом центре Москвы

Ода профессионализму

Меня выбрали тамадой, я был в ударе, дело было знакомое, и вечер прошёл прекрасно. У меня уже был билет на Курск, поезд уходил точно в полночь с Курского вокзала, времени, чтобы добраться до вокзала было предостаточно.

Чтобы «выкурить» посетителей из зала часов в 11 вечера, уже начали гасить свет на секунду-другую, и вдруг при очередном «затмении» я почувствовал, что меня обняли за шею и поцеловали. А зажжённый вслед за этим свет, вырисовал передо мной стройную улыбающуюся женщину с загадочным и многообещающим взглядом.

Я узнал сотрудницу Мони, которой я заинтересовался ещё раньше, но познакомиться - никак не выходило. А тут – всё само собой. Звали эту сотрудницу Лорой.

Что произошло далее, вспоминается, как в тумане. Мы шли пешком на Чистые Пруды, где жила Лора, пели на ходу, и в перерывах между песнями мне даже казалось, что я слышу гудок моего, отходящего в Курск, поезда. Мы конспиративно поднялись на второй этаж бывшего генеральского особняка, где в огромной коммунальной квартире с десятком жильцов, в большой комнате с видом на Чистые Пруды жила Лора.

Мы выпили у Лоры какой-то странный напиток, который хозяйка приготавливала, сливая в одну бутылку всё, что оставалось от прежних выпивок. Но я тогда так и не понял, что пью, да и мне было всё равно. И тут я заметил, что на нас, с нескрываемым возмущением, широко раскрытыми глазами, со шкафа глядел огромный чёрный кот по имени Мур. Заметив взгляд кота, Лора как-то смутилась, а потом вдруг неожиданно предложила... выкупать Мура.

И вот - зрелище достойное кисти Босха или Гойи – два голых, сильно выпивших разнополых человека в огромной «генеральской» ванной, ночью моют большого чёрного, молчащего, отчаянно сопротивляющегося кота. Мур, надо сказать, разукрасил нас на славу, но под конец успокоился, и принял происходящее, как суровую действительность, а может даже рок. И после этого купания мы с Муром стали друзьями, по крайней мере, мне так показалось: он не мешал нам с Лорой лежать в постели, и заниматься чем нам хотелось.

Я прожил у Лоры безвылазно несколько дней. Не забыл я конечно и работу, позвонив наутро же Медведеву.

- Гуляйте спокойно, Нурбей Владимирович, - проговорил в трубку рокочущим басом Юрий Александрович, - здесь всё будет в порядке!

Наконец загул кончился, и я уехал в Курск. Но забыть этих волшебных дней, а особенно ночей, я не мог, и через неделю уже в отпуске, снова был в Москве. С вокзала я радостно звоню Лоре, но трубку берёт, казалось бы, совершенно чужой человек...

- У меня болит голова, не звоните сюда больше! – сухо проговорила Лора и повесила трубку.

Я понять ничего не смог, опыта общения с женщинами тогда у меня было не так уж много. И я совершил типичную мужскую ошибку - стал преследовать Лору. Мне удалось поймать её в ИМАШе на работе и вынудить пригласить меня домой. Но побыть наедине сколь-нибудь долго мы не сумели, так как сразу же в гости пришла её подруга Лена, и мы оказались втроём. Вернее,

вчетвером, так как с нами был Мур, не сводивший с меня сердитых глаз. Казалось, совместное купанье было забыто, и мы с Муром – снова антагонисты.

Меня поразили странные отношения Лоры с Муром, которым я не придавал значения в первую встречу. Лора, как бы, постоянно советовалась с котом, ну а тот выглядел таким начальником. Видели бы вы ужас Лоры, когда я попытался «шугануть» Мура, но тот и ухом не повёл.

Кончился вечер тем, что Лора с Муром неожиданно исчезли, оставив меня с Леной вдвоём. Видимо, так было задумано заранее, и «задумка» эта удалась. Потом от Лены я узнал, что Лора с Муром ушли на ночь к ней на квартиру. Как и следовало ожидать, времени мы с Леной не теряли, но душевно были далеки друг от друга.

Так происходило несколько раз, когда хозяйка с котом исчезали, и я оставался наедине всё с новыми подругами. И все эти подруги были осведомлены о странностях Лоры. Но, тем не менее, ночь проводили со мной, ведя себя так, как будто выполняли просьбу Лоры.

Мне это надоело, и я на несколько дней переехал к Тане, сказав, что только что прибыл из Курска. А затем снова «поехал» к Лоре. Но в этот мой «приезд» я, буквально, едва узнал Лору. Я увидел перед собой душевно смущённого человека. Реакции её были неадекватны, она стала бояться соседей, случайных голосов, слышимых только ею, даже электрического счётчика, который она считала «микрофоном инопланетян».

Оказывается, Мур исчез. Лора обвиняла всех подряд в похищении кота; хорошо, что у меня было железное алиби. Теперь, когда Мур пропал, Лора уже не боялась видаться со мной. Мы встречались и в её городской квартире, и на её даче, в подмосковном посёлке «Луч». Казалось бы, я должен был быть доволен, так как я находился в длительном отпуске, и мы могли видаться постоянно. И Лиля уехала в отпуск, как всегда, в Тбилиси, я же сослался на работу во Львове.

Меня смущала одна из странностей Лоры. Она заключалась в том, что Лора не любила встречаться и проводить время со мной (а потом я узнал, что и с другими мужчинами тоже) одна. Всё время встречи, было ли это на квартире или изредка на даче, с нами была одна из подруг Лоры. Чаще всех, почти в подавляющем большинстве случаев, это была Лена. Однако, когда я встречался отдельно с Леной, а было и такое, та не звала к себе ни Лору, ни кого-нибудь другого.

Лена была своеобразной натурой. Полька по национальности (девичья фамилия её – Лехницкая), она была интересной и внешне, и по поведению. Лет тридцати пяти (они с Лорой ровесницы, и обе старше меня почти на пять лет) среднего роста, фигуристая блондинка с тонкой талией, пышными бюстом и бёдрами, нежной белой кожей и голубыми глазами – она казалась идеальной сексуальной «моделью».

В компании она была «заводной»; однажды во время застолья в присутствии сотрудников Лоры, Лена, подвыпив, быстро разделась и, вспрыгнув на стол, «станцевала» танец живота. Я был в этой компании тоже, и был поражён смелостью, дерзостью, что ли, Лены. Мы заплодировали, но Лена, тут же оделась, и, скромно зардевшись, тихо извинилась перед компанией за свою выходку.

Лена нигде не работала, но догадаться об её профессии было несложно. Она даже, не только посвятила меня в свою профессию, но как-то я даже стал невольным её «сотрудником»! Однажды, после того, как мы погуляли по парку Горького, выпили вина и закусили, она заспешила, как мне показалось, домой на Таганку, где собственно, мы и провели ночь. Но по дороге она взволнованно рассказала мне, что у неё назначена встреча с должником, который всё обещает, но не возвращает ей денег. И Лена попросила меня выглядеть как можно воинственнее, чтобы испугать «должника»:

- Я скажу, что ты мой муж и боксёр, и если он не вернёт мне денег, то ты набьёшь ему морду!

Встретиться мы должны были у церкви Мартина-исповедника на Таганке, а напротив был дом Лены, и с места встречи даже было видно её окно.

- Мы встретимся, потом я с ним пройду домой, он вернёт мне деньги, и я снова выйду к тебе. А лучше – я выгляну в окно и позову тебя. Но ты ни в коем случае не должен подниматься ко

мне, пока я не позову тебя - ты спугнёшь его, и он не вернёт мне денег. Когда мы зайдём с ним в комнату, я открою окно, и ты будешь знать, что мы уже ведём переговоры.

Я слушал всю эту ахиною и верил Лене. Мы подошли к церкви, тогда там был какой-то архив, а около забитого входа уже стоял гражданин лет пятидесяти, элегантно одетый. Он весело, но без слов кивнул Лене и мне, она взяла его за руку и молча повела за собой, а мне жестом показала – жди, мол, здесь.

- Глухонемой, что ли, - подумал я, - но слишком весёлый для этого! Те обычно мрачные, - и я вспомнил Женю-штангиста. Я прождал Лену около часа; уже хотел или уйти или подняться, но, будучи педантом, решил всё-таки дождаться. И, наконец, Лена высовывается в окно и призывно машет рукой. Я миглом поднимаюсь на её второй этаж и захожу в квартиру. Лена весела – она напевает странную песенку:

«Ивушка зелёная – пьяная, весёлая -

Ты скажи, скажи, не тая,- где мои три рубля?»

Лена, определённо выпивши – кто же ведёт денежные переговоры, будучи выпивши?

- Виски будешь? – вдруг спрашивает Лена, и, не дождавсь ответа, достаёт из шкафа ополовиненную бутылку «Белой лошади» и разливает по бокалам.

- Так вернул этот хмырь тебе деньги? – недоумённо спрашиваю я Лену, - да и откуда виски, вчера вечером в шкафу ничего выпить не было?

- Ишь ты, детектив! – закокетничала Лена, - вернул, конечно, но не всё, ещё надо будет выбивать, - и она весело захохотала, - а выпить он принёс – обмыть передачу части долга!

- Он что, глухонемой? – наконец спросил я, удивляясь тому, как быстро Лена успела допить свой бокал.

- А ты что допрашиваешь меня, правда решил, что муж мне? – неожиданно ополчилась на меня подвыпившая Лена, - не глухонемой, а иностранец – для нас это почти одно и то же. Поэтому и виски принес, а не перцовую, как наши хамы...

Неожиданно до меня стало доходить – я же играл роль сутенёра! Она договорилась с клиентом о встрече, подошла с качком-сутенёром, который остался ждать её, и чуть что – в момент будет наверху... Так что, Лена – проститутка?

- Ты что, проститутка? – с интересом спросил я у Лены

- Как грубо, ты – провинциал! – захохотала Лена, - хорошо, я проститутка, а ты сутенёр! А твоя Лорка – что, не проститутка, что ли? Тебя это устраивает?

Я начал думать, устраивает ли меня это. Допустим, я сейчас пошлю Лену подальше и уйду. Ясно, что и Лора перестанет со мной встречаться. А я к ней, в отличие от Лены, испытываю и душевное влечение. Что они обе, как и их подруги – все проститутки, мне, ослу карабахскому, давно надо было бы догадаться.

Я вспомнил, как недавно поздним вечером, когда мы с Лорой и Леной втроём развлекались, в дверь квартиры неожиданно позвонили два раза. Это – Лоре. Она быстро встала и, накинув халат, вышла открывать. Я замер, прислушиваясь, но Лена растормошила меня. «Это невежливо - раззадорил даму и прекратил!» - деланно разыгрывала какой-то спектакль Лена. Она вдруг стала настолько страстной, так сексуально постанывала и повизгивала, что я перестал прислушиваться и вплотную занялся Леной.

Прошло минут пятнадцать, и Лора вернулась, по дороге зайдя почему-то в ванную. Она даже не заглядывала за занавеску, которая отгораживала кровать от остальной комнаты.

- У меня голова болит! – заявила нам Лора, - я приму цитрамон и посижу у окна, а вы продолжайте без меня!

Когда очередной раунд с Леной был закончен, та встала и подошла к Лоре. Они зашептались, и я запомнил только, что Лора ответила Лене: «В тёмной».

Теперь мне всё стало ясно. Какой-то нетерпеливый или пьяный клиент нево время припёрся к Лоре. Та не захотела его терять, и они сделали своё дело в тёмной комнате (без окон) для прислуги, которую использовала как чулан вся квартира. Дверь тёмной комнаты никогда не запиралась, и комната эта находилась прямо у входа. Помню, когда Лора как-то не захотела,

чтобы соседка увидела меня, то она спряталась со мной в эту комнату, и мы вышли только тогда, когда эта соседка зашла к себе. Так эту комнату и называли – «тёмная».

Итак, я попал к проституткам. Плохо это или хорошо? С моральной стороны – плохо, но ведь Травиата и Катюша Маслова – тоже были не лучшего поведения. Зато не будут требовать верности и женитьбы – это уже хорошо. Не забеременеют – это тоже хорошо, но могут заразить дурной болезнью – это плохо. Хотя я наблюдал, как Лена и Лора блюдают гигиену – и спринцовки разные, и пасты, и шарики... Даже огромную генеральскую ванну мы втроём «принимали» то с марганцовкой, то «метиленовым синим» - сильным антисептиком, придающим воде замечательный голубой цвет. А Натаха – доцент, и на тебе – заразила меня тривиальным триппером! Конечно же - с профессионалами лучше иметь дело, чем с неумехами-любительницами. И я понял – это меня устраивает! Только одно неясно – для чего я им?

Этот вопрос я задал Лене. Она задумалась, но ответила доходчиво и без смеха.

- Эти клиенты – наша работа, для нас они - не мужики. Нам даже наплевать, молод он или стар, блондин или брюнет. Лишь бы не был больным, психом или страшным уродом, как Квазимодо. Лучше всего иностранцы – мы знакомимся с ними на выставках, у гостиниц, через подруг. Они чистые, много не болтают, и не обманут, как наши хамы. Но повторяю, клиенты - не мужики! А тебя мы любим, особенно Лора. Ты, правда, молодой, наивный и глупый, - не обижайся, но это правда, я же твоей науки не касаюсь! Но зато – не хитрый врун, и не подлый, как большинство вашего брата – мужиков! С тобой всё можно – ты не пойдёшь хвастаться и болтать вокруг. Да и как мужик ты хорош – сильный, фигуристый, и в «этом» отношении – как племенной бычок, тебе и двух баб мало! – Лена захихикала. Ну, и защитишь бедных женщин, если надо будет!

Мы выпили виски «глухонемого» иностранца за наш симбиоз, и к вечеру, как верные друзья вернулись к Лоре. Так наша «развратная» жизнь продолжалась весь мой отпуск. Продолжалась она и после – я ездил в Москву каждую неделю – в четверг или пятницу выезжал, а в понедельник или вторник возвращался. Лекции у меня были во вторник, Учёные Советы и заседания кафедры – в среду. Так что, я управлялся. Науку я «делал» везде – и дома, и в Москве, и в поезде – голове-то думать не запретишь!

С Таней я встречаться перестал. Мы перестали звонить и писать друг другу, наша любовь умерла естественной смертью.

А что касается профессионалов, то они тоже разные бывают – и утерявшие душевные качества, и наоборот, обострившие их у себя. Лору-то и профессионалкой назвать нельзя – она и в личных отношениях и в сексе была как любовница. Ей нужна была душевная теплота, и она действительно, без ревности, но любила меня.

Лена же была профессионалкой высокого класса. Камасутру должна была писать именно она. Её быстрый взгляд, точные движения, до долей секунды выверенный вздох или стон – всё поражало талантом и отточенностью. Бывают гении дзю-до, или гении танца; она же - гений секса, секса профессионального.

Бывали ситуации, когда у меня с ней определённый нетривиальный акт затягивался и грозил превратиться в бесконечное мучение. Лена умела вовремя почувствовать, когда наступал наилучший, оптимальный момент для её вмешательства. Тогда, на секунду отвлекаясь от «дела», и, подняв на меня взгляд, она быстро произносила лишь одно слово – глагол в повелительном наклонении – и «миг последних содроганий» наступал тут же, незамедлительно!

Нет, я не назову этот глагол, я не хочу раскрывать профессиональных тайн специалистов! Нет, это не то, что вы подумали, это можно воспринять двояко, в том числе и как призыв к окончанию, прекращению действия. Нет, это и не другое - оно слишком пошло и даже где-то смешно. Это - единственное в своём роде слово - оно чисто, остроумно и неожиданно, поощрительно, задорно и чрезвычайно сексуально! Почти как «обло, огромно, озорно, стозевно и лайя» в эпиграфе у Радищева.

Гадайте - не отгадаете, если только не спросите у настоящих профессионалок! Боюсь, однако, что не осталось больше таковых! «Нет больше турок, остались одни проходимцы!» - как кричал с минарета Тартарен из Тараскона. Это его изречение мне очень по душе!

Матильда-Лора

Наши встречи втроём продолжались ещё год-полтора, а потом Лена постепенно отошла в сторону - мы ей наскучили. А с Лорой я продолжал встречаться. У меня в дальнейшем были и другие женщины в Москве, но с Лорой я прекратить отношений не мог. Вот и приезжал я к моей новой любимой женщине, но на день позже, а один «неучтённый» вечер, и одну «неучтённую» ночь проводил с Лорой.

Правда, с психикой у Лоры становилось всё хуже и хуже. «Голоса» беспокоили её всё чаще. Жертвами подозрений становились соседи. Вот, полковник Петров, дескать, тайно заходит к ней в комнату и «издевается» над цветами.

- Как же он издевается над цветами? – недоумевал я,
- Ты что, не знаешь, как издеваются над цветами? – искренне удивлялась Лора.

Я не знал этого, и мне становилось стыдно.

- А как же он заходит в комнату? - не унимался я.

- Ты разве не знаешь, что ключ лежит под ковриком? - раздражаясь, кричала Лора.

Как-то мы с Моней купили новый замок, и на перерыве вставили в дверь комнаты Лоры (она жила прямо у Чистых Прудов, рядом с ИМАШем). Ключи вручили Лоре прямо на работе и предупредили, чтобы она не клала их под коврик, а носила с собой - ведь в комнате жила она одна. А назавтра, придя на работу с перерыва, Лора во всеуслышание заявляет:

- Этот негодяй Петров опять издевался над моими цветами!

- Как, - закричали «мы с Петром Ивановичем», - то есть с Моней, - мы вставили тебе новый замок и предупредили, чтобы ты не клала ключ под коврик!

- Вы что, с ума сошли, как я могу не положить ключ под коврик? - бурно возмущалась Лора, но объяснить, почему она не может не положить ключ под коврик, она тоже не могла.

Смог объяснить всё только знакомый врач-психиатр, у которого мы попытались разузнать причину такого поведения Лоры.

- Ребята, - сказал врач, - вы хотите, чтобы место этого полковника Петрова занял кто-либо из вас? Тогда вставьте ей ещё один замок, и издеваться над её цветами будете каждое утро именно вы. Оставьте всё, как есть, и пусть «негодяй» Петров продолжает издеваться над этими несчастными цветами - и он и цветы к этому уже давно привыкли!

Как-то в конце июня, когда Лора уже жила на даче в посёлке «Луч», и ездила туда после работы, она пригласила меня заехать в пятницу к ней туда и провести с ней там выходные. Но я задержался в Москве и приехал на электричке в Луч, когда было уже темно. Я сильно устал, но дорогу знал хорошо: и по тропинке через лесок к дачному посёлку Дома Учёных, где был домик Лоры, ходить приходилось часто, правда, в дневное время.

Но на этот раз меня по дороге охватил жуткий страх. Я сколько мог, держался, а потом побежал. Ужас подгонял меня и, передвигаясь с такой скоростью, я давно уже должен был прибыть в посёлок. Но лес всё не кончался. Мне казалось, что прошло несколько часов, пока я не выбрался на поле, освещенное луной. Невдалеке я заметил некое сооружение, и, приблизившись к нему, с суеверным страхом увидел, в чистом поле ... огромные железные ворота, причём запёртые на замок! Ни стены, ни забора - одни только ворота в никуда!

Морально и физически раздавленный, я присел около этих ворот и просидел до утра. А утром даже не стал искать дачи Лоры, а дошёл до станции, сел на электричку и уехал в Москву. Я осознал, что наши с ней отношения – это дорога в никуда, и мне было об этом предупреждение. Больше мы с ней не встречались.

Вскоре я уехал в отпуск на море, а, приехав в Москву, узнал, что Лора погибла. Она почему-то шла по железнодорожному пути, не обращая внимания на гудки электрички. Поезд затормозить не успел...

А дальше идёт сплошная мистика, в которую я, как представитель точных наук, не верю. Или у меня на какое-то время «поехала крыша». Я прошу перенестись со мной вместе лет на

пятнадцать вперёд после гибели Лоры, в дом на Таганке (да, да на той же Таганке, близ дома Лены!), где жил я уже с третьей и, по-видимому, последней моей женой Тамарой.

К нам часто заходила в гости соседская кошка Матильда. Изящнейшее создание, с телом миниатюрной чёрной пантеры и маленькой умной головкой египетской богини-кошки Баст. Подбородочек и кончики лапок у Матильды были белоснежные, а большие тревожные и настороженные глаза - жёлто-зелёные.

Когда жена кормила Матильду, кошка с достоинством принимала пищу, была аккуратна и разборчива в еде, а, закончив трапезу, долгим взглядом благодарила Тамару за угощение. Меня Матильда при жене практически не замечала - смотрела как на комод какой-нибудь, или на другую громоздкую, но неодушевлённую вещь.

Но я-то знал нашу с Матильдой тайну. Стоило только жене в восемь утра выйти из дверей на работу, как Матильда чёрной молнией, совершенно незаметно для неё, проскакивала в квартиру. Я обычно долго, часов до десяти и даже дольше лежал в постели, а потом уж медленно поднимался и собирался на трудовой подвиг.

Так вот, с недавнего времени Матильда, незаметно для жены оказавшись в квартире, неторопливо шла ко мне и, глядя прямо мне в глаза, прыгала на кровать. Она забиралась под одеяло со стороны подушки, держа, тем не менее, голову наружу, прямо на уровне моих глаз. И начиналось традиционное, длительное, с час и более, «смотрение» друг другу в глаза. Я не знаю, что выражали мои глаза, я этого не видел, но глаза Матильды постоянно меняли своё выражение. Это была то настороженность с каким-то глупым интересом, то страстное любование мной с полузакрытыми глазами, то выражение лица (да, да, именно лица!) кошки принимало какой-то страдальческий оттенок, то в её глазах начинал появляться бесёнок чуть ли ни любовной игры. И всё это молча! Потом Матильда с головой уходила под одеяло, и, положив голову на мою согнутую руку, засыпала. Я лежал, боясь пошевелиться, чтобы не потревожить чудное животное, и часто сам засыпал вместе с нею. Волшебные, таинственные сны обуревали тогда меня, и я сам не мог объяснить себе своего состояния.

Наконец, Матильда просыпалась, бодро соскакивала с постели, шла прямо к двери, и требовательное: «Мяу!» заставляло меня без промедления открывать дверь. День захватывал меня в круговорот событий, и я забывал о Матильде до следующего утра. Наши молчаливые встречи наедине вошли уже в привычку, как вдруг... Матильда заговорила!

А произошло это так. В наш очередной сеанс «смотрения» друг другу в глаза, я стал ощущать буквальное «очеловечивание» взгляда Матильды. Это был чисто женский взгляд, выражавший интерес с примесью некоторого смущения и лёгкого испуга, такой примерно, когда женщине предлагают отведать какое-то новое, неведомое для неё необычное, но дорогое и деликатесное блюдо. Ну, устрицы, там какие-нибудь, или морские гребешки с трепангами заморскими, например... Вот так смотрела на меня Матильда, и вдруг я с удивлением и ужасом узнал этот взгляд... Нет, не может этого быть, ведь её давно нет в живых!

- Отчего же не может быть! - не раскрывая губ, промолвила, казалось бы, глазами Матильда, - жизнь ведь богаче любых мечтаний, - улыбнувшись её улыбкой, проговорила она её любимые слова.

Теперь сомнений не могло быть - это Лора, это моя подруга былых лет - Лора, давно трагически погибшая. Это был её взгляд, её улыбка, её слова!

Разговор и прощание

И вот я смотрю Матильде в глаза и чувствую, как реальное мироощущение покидает меня.

- Лора...- пытаюсь я позвать кошку, но она перебивает меня.

- Я - Матильда, и ты хорошо знаешь моё имя! Наверное, в меня и переселилась душа Лоры, может быть, я сама ощущаю себя Лорой, но ты видишь перед собой не женщину, а кошку Матильду, и называй меня, пожалуйста, так. Особенно при жене! - насмешливо добавила Матильда, как я уже отмечал, не раскрывая рта, одними глазами.

- Хорошо, Матильда, - покорно согласился я, - но скажи мне, что теперь мы должны делать, и вообще, как это всё понимать?

- А никак, - деловито ответила Матильда-Лора, если не хочешь прослыть умалишённым, не рассказывай об этом никому, особенно жене, - насмешливо, и как мне показалось, ревниво, добавила она. Мы будем иногда встречаться, наедине, разумеется, и сможем наговориться вволю. Но, как сам понимаешь, только наговориться! Если, конечно, не хочешь неприятностей!

Сказать по правде, иного, как только поговорить, мне в моём шоковом состоянии и не хотелось. И вот что «мысленно» рассказала мне в наши фантастические встречи удивительная кошка.

В кота Мура, как пояснила Матильда, была вселена душа любимого человека Лоры, первого её любовника - хорвата по национальности - Лора упоминала мне о нём, я знаю его имя и фамилию - Мехмет Тринич.

Человек этот умер давно, но Лора продолжала любить его и подчиняться ему. Разумеется, ему, то есть Муру, было не очень приятно видеть Лору с другим человеком, и он всячески противостоял этому. Исключение составляли случаи, когда Мура купали, или обливали водой. Тогда, из-за шокового состояния животного, душа, вселившаяся в него, не могла обладать достаточным влиянием. Это по опыту узнала Лора и иногда пользовалась этим приёмом. А, в остальном, она полностью находилась под диктатом своего возлюбленного, иначе говоря, Мура.

Куда Мур пропал, Лора, то бишь Матильда, так и не узнала. Большие подозрения были на соседе по коммуналке - полковнике Петрове, который не любил Мура, и мог похитить его, увезти, а то и убить вовсе. Лора получила вроде бы свободу действий, но душевное равновесие её было нарушено, и свобода ей уже была ни к чему.

И вот однажды, в то последнее лето, Лоре по телефону позвонил... голос её любимого, как если бы он был жив, и приказал срочно ехать на дачу в Луч, где он должен был ждать её. Но поезд дошёл только до города Чехова, а Лора не смогла дождаться следующей электрички, не вытерпела, и пошла пешком...

Вот такую историю бывшей хозяйки души, переселившейся в Матильду, молчаливо рассказала кошка. Душа переселилась не сразу, а только через несколько лет после рождения Матильды. Первое время сама Матильда не вполне осознавала это, но, познакомившись со мной, вдруг ощутила неожиданный интерес ко мне, как к старому знакомому. Во время наших встреч она вспоминала всё, что произошло с хозяйкой её души в жизни, и поняла, наконец, носителем чьей, конкретно, души она является. А, кроме того, она получила способность к телепатическому общению со мной...

Года через два, мы обменялись квартирами с семьёй моего младшего сына, переехав на новое место жительства. Покидая таганский дом, я зашёл к соседям повидать Матильду. Кошка грустно и укоризненно смотрела на меня, как бы обвиняя в бегстве от неё. Надо сказать, Матильда была здесь где-то права - от постоянных общений с ней у меня начала постепенно ехать «крыша», и расставание стало неизбежным. Мы потёрлись, как всегда, с ней носами, и расстались...

А недавно я снова побывал в таганском доме, уже не рассчитывая увидеть старушку-Матильду живой. Но, выходя из дома, я приоткрыл дверь подъезда и вдруг - чёрная молния! Матильда не замечая меня, прыгнула с карниза в открытую дверь.

- Матильда, Матильдочка! - позвал я, и мой голос от волнения застрял в горле.

Кошка резко обернулась, и, узнав меня, вспрыгнула обратно на карниз, оказавшись на уровне моего лица.

- Это ты, надо же, увиделись всё-таки! - ошарашено проговорила Матильда, - а я уже и не узнала тебя, думала, не встретимся больше!

Кошка взволновано оглядывала всего меня огромными глазами, влажными, то ли от волнения, то ли от старости. Видно было, что это уже очень немолодая кошка. Мне стало жаль её - как несправедливо, что кошки старятся так быстро и живут так мало. На кого они нас потом оставляют?

Мы постояли так с Матильдой несколько минут, влюблённо глядя друг другу в глаза.

- Ну, дружок, давай прощаться, - сказала, наконец, Матильда и подставила мне свой нос, - а то ведь долгие проводы - лишние слёзы!

Я потёрся носом об её влажный, холодный носик, и мы попрощались. Оказалось, что навсегда.

Матильда деловито проскользнула в щель двери, и я захлопнул подъезд. Стараясь не оборачиваться, я быстро пошёл прочь от дома, и вдруг слёзы начали душить меня. Счастливые женщины, они могут иногда выплакаться, а нас мужиков, слёзы душат - и всё! Ну да ладно, такова она - жизнь, и никуда тут не денешься!

А примерно через год после нашей последней встречи, снова побывав на Таганке, я узнал, что Матильду разорвали собаки. Не успела старая кошка быстро вскарабкаться на дерево! Печально и грустно!

Много загадок таит и сама жизнь, и психика человека. Мы, люди, по-видимому, находимся в самом начале постижения этих тайн. А нередко высокомерно думаем, что о чём-то знаем, и что-то понимаем. Это я, как учёный вам говорю!

«Электричество - это сила, хорошо изученная человеком», - писалось в одном научном журнале восемнадцатого века, когда об электричестве и азов-то не знали! Как кошка, глядящая на экран телевизора и наблюдающая там знакомые ей изображения, никогда не поймёт внутреннего устройства этого прибора и принципа передачи изображения на расстояние, так и мы, воспринимая отдельные картинки мира, никогда не постигнем его с той полнотой, как бы нам этого хотелось!

Диссертационная тягомотина

Испытаниями автобуса с «гибридом» на улице Тускарной была поставлена последняя точка в моей докторской диссертации. Я доработал её, переплёл её в коричневый коленкор, сократив текст до дозволенных размеров, так что том получился вдвое тоньше предыдущего. Теперь предстояло найти докторский диссертационный Совет, где я мог бы защитить работу.

В ИМАШе такой Совет был по специальности «Теория машин и механизмов». Конечно же, первым делом я доложил диссертацию в ставшем мне родным ИМАШе в отделе академика Артоболевского. Были в основном положительные выступления, но мой старый знакомый Арон Кобринский настоял, на том, что эта работа не относится к теории машин и механизмов.

Мне посоветовали кафедру «Теоретическая механика» Московского автомобильно-дорожного института (МАДИ). После переговоров с завкафедрой профессором А.А. Хачатуровым, я доложил работу и на этой кафедре. Но мне сказали, что работа не вполне по теоретической механике, а скорее, по теории автомобиля, и представлять её надо от кафедры «Автомобили». А на этой кафедре тогда работали одни корифеи и выдающиеся личности. Завкафедрой - Андрей Николаевич Островцев - профессор, легендарный Главный Конструктор ЗИСа; профессор В.В.Осепчугов - бывший Главный Конструктор Львовского автобусного завода; А.К. Фрумкин, А.С. Литвинов и другие - их имена я знал, как канонические.

Самой колоритной фигурой был, конечно, Андрей Николаевич Островцев - мрачный, молчаливый толстяк. Говорили, что он может выпить невероятное количество водки, оставаясь трезвым. В те годы, о которых я говорю, он был уже очень пожилым человеком.

И вот, я прихожу на переговоры с ним о возможности доклада на его кафедре. Я говорю, а Островцев смотрит на меня, не меняя выражения лица, и мне кажется, что он в мыслях находится уж очень далеко отсюда. Я закончил разговор, а он молчит и всё смотрит.

- Андрей Николаевич, так можно мне готовиться к докладу, или нет? - осторожно спросил я его.

- А что, готовься! - не меняя выражения лица, отвечал Островцев.

- А когда? - вкрадчиво поинтересовался я. И тут Островцев взорвался.

- Что ты пристаёшь ко мне, - неожиданным фальцетом закричал он, - сказал «да», а ты ещё чего-то хочешь! - видимо он принял меня за студента, да и по возрасту это можно было бы вполне сделать.

На крик заглянула секретарь кафедры и забрала меня с собой.

- Не обращайтесь внимания, Андрей Николаевич - добрый человек, он скоро отойдёт и забудет всё. А доклад ваш назначим на... и она перелистала перекидной календарь, - на май, после праздников, допустим на пятое...

- Надо же, - подумал я, - год назад пятого мая мне повезло на испытаниях автобуса, а что будет сейчас?

Это должно было случиться через месяц, и я отправился в Курск, оставив плакаты для доклада на кафедре МАДИ. Об этих плакатах надо бы сказать особо. Они были выполнены на листах ватмана, окантованного стальной лентой на клею. Ленту я нарезал из той, которая шла для изготовления супермаховиков - её у меня было много. Это делалось для того, чтобы я мог быстро развесить свои плакаты по стенам в любой аудитории, и они не покоробились бы. Но суммарный вес всех плакатов вместе с коробкой из листового дюрала превышал 60 килограммов. Но для меня это был «не вес», и я с ним справлялся.

В Москву я приехал заранее, на майские праздники, которые провёл в известной мне компании «Лора и Ко», с периодическим привлечением Мони. Нет, нет - только к застолью - Моня был очень целомудренным человеком, к тому же и женатым. Жену, правда, он не любил, но очень ценил семью - у него было двое маленьких детей, и из-за них он жил в семье и не изменял жене.

В результате, четвёртого мая вечером я так перепил, что видимо, отравился, и утром головы не мог поднять от подушки. А у меня ответственный доклад в МАДИ! Срочно звоню Моне - помоги! Тот заартачился поначалу, но всё же пришёл, и я с его помощью развесил тяжеленные плакаты. В голове всё перемешалось, и я с трудом представлял себе, о чём надо говорить.

Аудитория для доклада была достаточно мала, и «амбрэ», исходящий от меня, разнесся по ней очень быстро. По крайней мере, вся входящая в аудиторию профессура тут же начинала приноживаться. Вошедший последним, Андрей Николаевич, тоже долго приноживался, и, поняв, наконец, от кого исходил «вчерашний» запах, удовлетворённо присел.

Я «вошёл в образ» и сносно сделал доклад. Было много вопросов, учёных явно заинтересовала моя работа. Но на докладе присутствовал приглашённый с другой кафедры профессор В.А. Илларионов, и он высказал сомнение, подходит ли эта работа под специальность Совета МАДИ. Присутствующие заколебались.

И тут я взял слово. Был бы я трезв, я бы не решился. Но я трезвым явно не был, поэтому и высказался:

- Уважаемая профессура, цвет советской науки! Прошу вас, не бортайте меня! Меня бортанули в Тбилиси - я уехал оттуда! Бортанули в Тольятти - уехал и оттуда! Бортанули в ИМАШе - и вот я пришёл к вам. Если вы бортанёте меня сейчас - куда же я пойду? Мне после вас и дороги-то никуда нет! Клянусь рождением Бахуса! - в сердцах добавил я Серафимову присказку.

Зал расхохотался. Все подумали, что я для храбрости «поддал маленько», и это не претило им. Встал улыбающийся Андрей Николаевич.

- Что это мы вдруг такими принципиальными заделались? Прекрасная работа - дай Бог каждому, да и трудов свыше ста! Испытал автобус, грузовик, получил двойную экономию топлива - когда вы последний раз слышали о таком? Думаю, что сейчас это был первый и последний раз - нет больше таких результатов в автомобилестроении! Человек молодой, перспективный, я даже его со студентом разок перепутал, а мы хотим отослать его куда-то к чёртовой матери! Подавай на наш Совет, кафедра рекомендует! - громко сказал он мне, - только давай больше без Бахуса! Могут не так понять! - деловито посоветовал он мне.

После этого доклада я, естественно, ещё поддал, и Моня с Лорой едва довели меня до поезда. Вагон был международным, купе двухместное, а попутчиком неожиданно оказался... ректор КПИ - Евгений Викентьевич Ковалёнок, первый враг пьянства в институте. Моня и Лора никак не могли понять, почему это я так перепугался, увидев своего симпатичного соседа по купе. Но всё образовалось, а утром ректор даже довёз меня на своей машине до дома.

Началась тягомотина с представлением работы и всех сопутствующих документов в Совет. Это трудно даже тогда, когда сам работаешь в том же институте, где Совет. А если ты живёшь в другом городе, то подача документов в Совет кажется и вовсе невыполнимой задачей. То нет

одного человека, то другого, а это - холостой приезд в Москву. Правда, мои «холостые» приезды были не так уж «холосты», если по-честному.

За время подачи документов в Совет произошло много событий. Строители «сдали» новый корпус КПИ, рядом с общежитием и мою кафедру перевели в него, на «престижный» второй этаж. Мне выделили прекрасный кабинет. Славик Зубов получил квартиру, и мне передали его общежитейскую комнату тоже. Лиля переехала в Курск и устроилась на кафедру, где работал Славик Зубов.

Кстати, на этой небольшой кафедре оказались сразу три доцента со схожими фамилиями - Зуб, Зубов и Зубарев. Заведующий этой кафедрой, нервический холерик Привалов, жалуясь на отношение к нему со стороны преподавателей, выдал разок на Совете такой перл: «На меня точат зубы доценты нашей кафедры - Зуб, Зубов и Зубарев!», чем надолго лишил Совет дееспособности из-за гомерического хохота.

Наконец, нам дали большую трёхкомнатную квартиру в доме, расположенном напротив нового корпуса института через улицу Выгонную, то-бишь, какого-то там «летия» Октября. Можно было выходить из дома, услышав звонок в институте, и не опоздать на занятия. Лиля перевезла детей в Курск и определила их в школу. Учились они неважно и часто хулиганили, чем приносили мне дополнительные хлопоты.

Вот какие события имели место, пока я долго и нудно сдавал в Совет МАДИ соответствующие документы, печатал и рассылал авторефераты, «организовывал» получение отзывов. «Организовал» я и отзыв из США от коллеги - профессора Рабенхорста, занимавшегося в Университете им. Дж. Гопкинса буквально теми же проблемами, что и я. Мы с ним переписывались, обменивались книгами, отчётами до самого выхода Рабенхорста на пенсию - он был значительно старше меня по возрасту.

Кроме того, я не забывал и плановую хоздоговорную работу со Львовом - проектирование гидравлического «гибрида» в Гомеле закончилось, и там приступили к его изготовлению. Шёл июнь 1973 года, и я в очередной раз поехал в Москву, чтобы окончательно уточнить дату моей защиты.

Внезапная любовь

Будучи в Москве, я созвонился с моим знакомым Борисом Вайнштейном, и мы встретились во ВНИИСтройдормаше. Он, оказывается, защитил докторскую, и был «на подъёме» - весел, радостен. Познакомился и уже успел побывать в путешествии на Кавказ, с молодой женщиной по имени Тамара. Он её вовсю расхваливал - какая, дескать, она у него красивая, да «заводная», как его любит, только одно плохо - выпить не дура!

Услышав сакраментальное имя и такие выигрышные характеристики, я невольно заинтересовался Тамарой и предложил Борису встретиться вместе. Но он, как всегда, был занят, однако неожиданно предложил мне:

- А как у тебя насчёт баб?

Я насторожился, думая, что он хочет «подарить» мне Тамару. Но оказалось, что у Тамары «миллион» подруг и она может найти мне «бабу» на любой вкус. Борис, заметив моё тайное согласие, тут же подошёл к телефону и, набрав номер, попросил Тамару Ивановну. Разговор был весёлый, непринуждённый, часто пересыпаемый крепкими словечками. Наш, русский разговор!

- Какую тебе? - закрыв трубку, спросил меня Борис.

- Блондинку крашеную, в очках, рост 160, вес 55, возраст - около тридцати! - почему-то разом выпалил я, даже не подумав. До сих пор не возьму в толк, почему назвал такие параметры, и главное, почему это произошло автоматически, без обдумывания. Может быть, я вспомнил Лилю и нашу общую с ней подругу Тамару? Может, женщины такой внешности мне нравились больше других, теперь уже не знаю. Но удивлённый Борис вдруг недоверчиво спросил меня:

- А ты с моей Тамарой, часом, не знаком? Ведь ты в точности назвал её параметры!

Я замотал головой.

Тот же вопрос он задал по телефону и Тамаре. Между ними произошёл краткий обмен мнениями.

- Он в точности назвал твои данные, даже очки и возраст! Удивительно? Да я от тебя всего, чего хочешь, ожидать могу! Сама такая! Каков из себя? - Борис посмотрел на меня, - да чуть лучше крокодила! Докторскую скоро будет защищать, спортсмен! Да возраст Христа, когда мы, евреи, его распяли! Сама дура! Короче, - записывай, - шепнул мне Борис, - завтра в пять на остановке автобуса № 24 у метро «Дзержинская». Всё, пока!

- Обещала подругу привести, - таких, говорит, как собак нерезанных! Нет, хороша баба – без комплексов!

- А летом куда едете? - спросил я Бориса и, кажется, испортил ему настроение.

- Да путёвка у меня в Юрмалу с женой. А Тамара грозит, что, если я уеду с женой, а не с ней, она меня бросит и сойдётся с первым же попавшимся «кацошкой»! Прости, если тебя это задело, но ты же их сам не любишь?

В двойственном настроении я встречал назавтра 24-ые автобусы у метро «Дзержинская». Мне страшно хотелось увидеть Тамару, но не хотелось никаких знакомств с другими «бабами». «Бабы» у меня были, причём в требуемой режиссуре и исполнении. Захотелось, представьте себе, любви! Как Коле Остен-Бакену от Инги Зайонц, если я не перепутал имена друзей детства Остапа Бендера!

И вот наступил один из самых загадочных моментов в моей жизни – наконец, из дверей автобуса показалась та, которую я так хотел видеть. Путь её от подножки двери до асфальта длился долю секунды, но за это время я успел всем сердцем полюбить её. Да, это она, я знал её всю жизнь, я представлял себе каждую чёрточку её внешности и характера! А где же подруга? Хочу, чтобы никакой подруги не было! - сказал я, не знаю кому, и это исполнилось. Тамара, стройная крашенная блондинка в очках, улыбаясь во весь рот, шла ко мне одна.

- Привет! – подставила она мне щёку для поцелуя, - я - Тамара!

- А где же подруга? – спросил я, не веря своему счастью.

- Тебе что, меня мало? - удивлённо спросила Тамара, - если хочешь, считай, что именно я - подруга. Действительно, Тамара оказалась занятой и просила меня прийти к тебе одной! Но я - тоже Тамара, это такое распространённое имя!

Восторженно щебеча эту чушь, Тамара шла в направлении к площади Революции, я шёл рядом, держа её под руку.

- Куда мы идём? - позволил себе поинтересоваться я.

- В ресторан «Прага», - сообщила Тамара. - Я очень люблю его и хочу, чтобы мы отметили наше знакомство именно там. Если у тебя нет денег, то у меня они есть! Пока рано, и свободные места должны быть!

Сделав обиженный вид, я заявил, что деньги у меня тоже есть.

- Ты представляешь, наш Буся (она так называла Бориса) хочет перехитрить сам себя! - рассказывает мне Тамара по дороге. Он взял путёвку со своей «Розочкой-золотцем» на Рижское взморье, а мне предлагает поехать в Крым, куда мы раньше планировали отправиться летом с ним.

- Как, одной - в Крым - это же опасно, там обязательно пристанет какой-нибудь хлыщ, о чём он думает? - возмутился я.

- Да в том-то и дело, что наш Буся - не такой уж дурак! Ты знаешь, с кем он посоветовал мне поехать? С тобой! И сказал, чтобы подругу не брала сегодня с собой. - Понравься ему, - говорит, - и езжай с ним в Крым, он - человек порядочный, плохого не сделает! - А если сделает хорошее, - говорю, - это можно? - Да не признавайся мне в этом, и все дела! - отвечает.

- И как тебе они нравятся эти еврейские штучки? - возмущалась Тамара.

Еврейские штучки мне, откровенно говоря, нравились. Увидев Тамару и полюбив её за долю секунды, я уже готов был предать дружбу с «нашим Бусей». Обстановка складывалась так, что такое «предательство» законно могло быть отнесено к «выполнению просьбы друга», исходящей

из семейной необходимости. Голова у меня шла кругом, и спасти положение могла только «пол-литра».

Места в «Праге» действительно были, мы присели за столик в одном из малых кабинетов (давно не был в «Праге», не знаю как там сейчас). Тамара заказала сразу несколько бутылок крепчайшего, в 19 градусов, азербайджанского портвейна «Алабашлы».

- Закусывать чем будете? - учтиво поинтересовался официант, молодой парень.

- А нам «всё равно, чем блевать!» - напомнила Тамара официанту слова известного анекдота, на что официант закивал и заулыбался.

- Принеси, чего хочешь, нам, действительно, всё равно! - подтвердила свои слова Тамара.

Мы пили крепкий пахучий «Алабашлы» крупными глотками и обсуждали наш план. Тамара, вроде, говорит Бусе, что она «закадрила» меня, и я согласен ехать отдыхать с ней в Крым. Там она, якобы, будет «динамить» меня весь месяц, а по приезду в Москву объявит мне, что «она Бусе отдана и будет век ему верна!» И подберёт мне подругу по заказанным мной параметрам, для замены себя.

Как под бутылку складно всё получается, только диву даёшься! А после очередного бокала Тамара вдруг сняла очки и, глядя на меня слегка выпученными близорукими глазами, попросила:

- Поцелуй меня по-настоящему, пожалуйста!

Я незаметно набрал «Алабашлы» в рот и по-Мопассановски передал вино Тамаре тонкой, упругой струйкой при поцелуе. Тамара, оказывается, не читала рассказ Мопассана «Жизнь», и не знала «штучек» виконта, или еще кого там. Она была в восторге от этого новшества, и мы остаток вечера только и совершенствовали своё мастерство художественного поцелуя.

Едва держась на ногах, мы вышли на улицу, и Тамара остановила такси.

- До Ильинского довезёшь? - спросила она.

- Оплата в оба конца! - констатировал водитель.

Мы сели на заднее сидение и раскисли совсем. Тепло и качка совершенно доконали нас. Мы продолжали целоваться, и Тамара даже чуть не переступила грань дозволенного этикетом прямо в такси, но сон одолел нас.

- Приехали - Ильинское! Дальше куда? - разбудил нас водитель.

Тамара надела очки, стала смотреть в окно по сторонам и указывать водителю путь. Поколесив по просёлочным дорогам, мы подъехали к деревянному домику на опушке леса. Время было - за полночь. Я расплатился с водителем, и он уехал. Еле бредя по тропинке, мы подошли к дому, и Тамара стала барабанить в дверь.

- Валька, открой, это я - Тамара!

Мы уже думали завалиться спать на опушке, как дверь отворилась, и мужик в трусах вышел на порог.

- Вы кто? - строго спросил он.

- Я - подруга Вали, - ответила Тамара, - а вы?

- Я её муж! Ну и поздние же гости! - недовольно заворчал он.

А тут показалась и Валька - подруга Тамары, с которой, оказывается, Тамара не виделась несколько лет. Нас приютили, постелив на полу на кухне. Мы тут же отрубались, а за дело принялись лишь утром. Но было неудобно. Валька то и дело заходила на кухню - готовила мужу завтрак, отправляя его на работу. И ещё доняла собака - огромная овчарка, которая внимательно обнюхивала нам лица. Запах Алабашлы, наверное, ей понравился.

Так как я должен был утром зайти в Министерство к Мельману, я стал собираться вместе с Валькиным мужем. Тамара протестовала, но я всё равно ушел. Дошли с мужем Вали до электрички, он сошёл на следующей остановке, я же поехал в Москву. Всю дорогу, пока он не вышел, этот муж периодически повторял мне одну и ту же фразу:

- Ну, вы даёте!

После Министерства я заехал к Бусе в институт и рассказал ему фактографический материал. Неполный, правда. Выпили в Праге, нажрались до поросычьего визга, поехали почему-то в Ильинское. Просыпаюсь утром на кухне - вижу над собой огромную собачью морду. Выхожу с

мужем Вальки и еду в Москву. Приезжаю сюда к тебе. Всё! Я перешёл с Бусей на «ты», как он со мною много лет назад. А то – фактически родственники, «свояки», и всё на «вы»!

Он поохал, заочно пожурил Тамару за неумеренность в выпивке и вдруг посоветовал мне ехать с ней в Крым.

- Попьёте там, повеселитесь, поплаваеете. Ты можешь «кадрить» кого угодно, Тамара - тебе не помеха, но за ней следи - чтобы по-пьянке не сорвалась! Она мне очень дорога! А денег на дорогу и на отдых я ей дам, не беспокойся! Тебя в расход не введём!

Теперь у меня в голове была одна Тамара. Я быстро смотался в Курск, сделал необходимые дела, получил отпускные и, собрав портфель вещичек, уехал в Москву. Легенда - оргработы по подготовке к защите.

В Москве я тут же созвонился и встретился с Тамарой, познакомил ее с Моней, с которым у неё тут же возникла взаимная симпатия. Что и говорить, умела она привораживать мужиков! Купили билеты до Симферополя в двухместное купе международного вагона, а несколько дней до отъезда прожили в гостях у Мони.

В поезд взяли с собой наши любимые вина - «Мускат», портвейны «Айгешат», «777» и «Карданахи», да и «Мадеру» с «Хересом»! На закуску - апельсины, бананы и случайно попавшиеся нам плоды манго. Обедать ходили в вагон-ресторан. Это «свадебное» путешествие нам очень понравилось.

В Симферополе сели на троллейбус и доехали почему-то до остановки «Малый маяк», очень уж там показалось нам красиво! Подобрали жильё у русской женщины Веры, да ещё какое - с баней которую можно было топить когда угодно. Мы быстро нашли там друзей-москвичей, тоже «сладкую парочку», выдававшую себя, как и мы, за мужа с женой. Короче, погуляли на славу!

Через полтора месяца мы вернулись в Москву. Тамара взяла ещё месяц отпуска за свой счёт - она работала лаборантом в ВУЗе, где брать отпуск на всё лето было несложно. А оставшиеся полмесяца мы провели в подмосковном посёлке «Заветы Ильича», где Тамарина подруга уступила свою дачу. Сама же Тамара жила в посёлке «Мамонтовка» по Ярославской железной дороге, в трёх минутах ходьбы от станции.

Жила она в доме барачного типа на втором этаже с матерью и сестрой. У каждой было по комнате. Отопление - печное, вода - в колодце, туалет - метрах в ста. Природа - великолепная, недаром рядом находился «закрытый» санаторий для каких-то ответственных работников, кажется бывшая усадьба Саввы Мамонтова, русского промышленника и мецената.

Перед моим отъездом в Курск Тамара познакомила меня со своей сестрой - Любой и матерью - Полиной Андреевной, которую я тут же прозвал «тётёй Полли», ориентируясь на марктовского Тома Сойера. Мы немного по-семейному посидели за столом, и я выехал в Курск из дома Тамары безнадежно влюблённым человеком.

В начале сентября я должен был ехать в командировку в Волгоград с творческой бригадой газеты «Социалистическая индустрия» и надеялся уже скоро опять встретить свою любовь.

Болезнь и страсть

Газета «Социалистическая индустрия», куда я часто писал статьи технического характера, задумала агит-рейд в город Волгоград. Ну не произносит язык это название, и всё! Как Нефтеград, Зерноград, или Пищеград у Ильфа и Петрова. Для меня, миллионов других людей в России и за рубежом - это Сталинград. Тем более, этот город остался Сталинградом для других участников нашего рейда - Марины Павловны Чечневой - легендарной лётчицы, Героя Советского Союза, и членов редколлегии газеты – пожилых людей, фронтовиков.

Я прибыл в Москву рано утром, а поезд, которым бригада должна была отъезжать - вечерний. Конечно, я тут же поехал в Мамонтовку. С цветами, бутылочкой в портфеле и подарком - золотым кольцом-чалмой в кармане, я звоню в квартиру Тамары. Открыла мне дверь тётя Полли; вид у неё был печальный и расстроенный. Оказывается, назавтра же, после моего отъезда, Тамару забрала «скорая помощь» с сильными болями в животе. Отвезли в какую-то дальнюю областную больницу

и сделали операцию. Короче, Тамара в больнице, и я «лечу» туда. Люба объяснила мне, как ехать, и я помчался.

Больница помещалась в большом срубе с маленькими окнами и микроскопическими форточками. Внутри меня не пустили, диагноза не сообщили. Я понял одно, что больница гинекологическая. Неужели аборт?

«Ходячие» больные, к которым я обратился, пообещали мне позвать Тамару к окну. Я обогнул здание и стал ходить перед окнами. Вскоре в одном из окон я увидел Тамару. Она стала на стул, а я забрался на наружный подоконник, и мы увидели друг друга через микро-форточку. Поцеловаться так и не смогли. Я передал ей цветы и кольцо. Она вначале не поняла, что это, а потом, когда раскрыла коробочку, то протянула её обратно:

- Мне никто никогда не дарил колец, - тихо сказала она мне, и я увидел на её глазах слёзы.

Я запихнул коробочку обратно в форточку, и тогда уж она взяла её.

- Одиннадцатого сентября, утром, часов в десять, я буду в Мамонтовке, ты уже вернёшься домой? - успел спросить я. Тамара в ответ кивнула головой, и медсестры тут же «стационарировали» её со стула.

Вечером мы выехали в Сталинград. Выступали на предприятиях города, рассказывали, как хороша наша газета, а в заключение побывали в рыбнадзоре. Нас покатали на катерах по Волге, угощали «тройной ухой», а в дорогу подарили полиэтиленовый мешочек с икрой - килограмма на полтора.

Мы ели эту икру ложками всей бригадой, и так и не смогли доесть. Я рассказал про то, как мне в детстве пришлось есть с дядей Федулом целый таз икры, перемешанной с осколками эмали. Все очень смеялись - тема оказалась актуальной.

Утром одиннадцатого сентября поезд прибыл в Москву, и я не узнал города - он был в глубоком снегу. Клянусь, что не вру, можете свериться с Михельсоном! 1973 год, сентябрь, только что чилийский Пиночет сверг чилийского же Альенде, все лишь об этом только и говорили.

Добираюсь до Мамонтовки и вижу - у самой электрички меня встречает Люба, сестра Тамары. Я был удивлён - сколько же она простояла на платформе вся в снегу. Для чего это? Люба повела меня домой, на все вопросы отвечала вяло.

- Да, выписали. Да, она дома. Сам спросишь, как здоровье, я почём знаю!

Захожу в квартиру - на кухне сидят за столом Тамара с матерью, лица у обеих тревожные. Хотя Тамара парадно приодета и улыбается. Похудела она так, что на себя не похожа; встала - ноги не держат, шатается. Зашли мы в её комнату, а она с порога и говорит:

- Хочу тебе сразу сказать - диагноз у меня плохой! Так что можешь сразу бросать меня, чтобы не было потом хлопот и переживаний!

- В чём дело, в чём дело? - затряс я её за плечи, и она заколыхалась, как пьяная.

- В чём дело, в чём дело, - повторила Тамара. - Вырезали мне кисту с голову ребёнка величиной, а она переродилась на... - Тамара промолчала, - сейчас должны делать ещё одну операцию, в Онкоцентре на Каширке.

У меня помутилось в глазах, закружилась голова - чуть не упал.

- Ты понимаешь, что говоришь? - только и спросил я.

- Я-то понимаю, - грустно улыбнулась Тамара, - я уже смирилась. Это для тебя всё ещё в новинку, вот ты и в шоке. Скоро свыкнешься!

На её глазах заблестели слёзы. Тамара резко повернулась и, подойдя к двери, стала запирает её на ключ. Потом повернулась ко мне и начала медленно раздеваться. Я с ужасом смотрел на её действия, а потом - на любимый, обтянутый кожей скелетик.

- Хочу быть с тобой, может, в последний раз! - грустно проговорила Тамара.

Я быстро скинул с себя всё, и мы прилегли. Но ничего не получилось. Болевой синдром не позволил нам начать. Мы оделись и молча сели друг возле друга.

Потом Тамара надела свою телогрейку, в которой зимой бегала по утрам в туалет, и валенки. Мне дала тоже телогрейку и валенки тёти Полли. Мы напялили на головы какие-то вязаные шапочки и пошли гулять. Я был одет в поездку почти по-летнему, кто знал, что в начале сентября выпадет снег и будут морозы? Снег, кстати, простоял почти месяц.

Красота в Мамонтовке - сказочная! Но она была нам не в радость. Мы молча шли, и каждый думал о своём. Догадываюсь, где были мысли Тамары, а мне не давали покоя такие.

- Вот полюбил, так как никогда, даже в книжках не читал о такой любви - не то, что с первого взгляда, а с первого мгновенья, и тут же конец! Я знал, что болезнь эта никого не щадит, что онкоцентр, директором, которого тогда был академик Блохин, в народе называли «блехинвальдом». Этот диагноз - приговор!

Вот так невесело погуляли мы, потом переоделись, и я уехал. Лиля, видя в каком настроении я приехал, естественно, поинтересовалась, в чём дело. Скрывать я просто не смог бы, и рассказал всё. Увидел, как побледнело её лицо, как она лихорадочно стала думать о чём-то. Затем начала говорить по делу:

- Знаешь, у Войтенков есть свежий прополис, Сашин отец-то пчеловод. Прополис - это первое средство от этой болезни. Затем - чистотел. Я знаю, что в поле за институтом растёт чистотел, а так как в Курске снега не было, то его можно собрать - это тоже помогает. Надо что-то делать, не сидеть же так! - завершила она свой монолог.

Но потом не удержалась и добавила:

- Опять «Тамара»? Что это имя - твоя судьба?

Оказалось, Лилия как в воду глядела. Только не эта Тамара стала моей судьбой, и не следующая... Надо было стать настоящим «тамароведом», как прозвала меня Лилия чтобы, наконец, жениться в третий раз и, надеюсь окончательный, и, конечно же, на Тамаре!

В следующую же пятницу я, нагруженный шариками прополиса и венниками чистотела, приехал в Мамонтовку. Тамара была довольна - она верила в народные средства.

- Только неудобно как-то, получается, - призналась она, - и перед Лилей, и перед Бусей, я уже не говорю о его Розочке! Буся сильно переживает, даже плачет при встрече.

- Знает ли он что-нибудь про «это»? - неопределённо спросил я.

- Если ты имеешь в виду половую близость, - серьёзно ответила Тамара, - то не знает. Думает, что ты просто любишь меня - и всё!

Когда Тамару положили в Онкоцентр, мы с Бусей встречались у метро «Каширская», и шли к Тамаре вместе. Мы перезнакомились со всеми четырьмя пациентками, лежавшими в палате.

Особенно подружились мы с молоденькой женщиной лет двадцати, тоже Тамарой, по фамилии Подруцкая. Она получила «пузырный занос» (хориоэмпителому), живя со своим любовником. Ей тоже сделали операцию, потом долго мучили химио- и радиотерапией, потом отпустили домой. Там она и умерла вскоре.

Мы с Тамарой были на её похоронах. Губы покойницы все были покусаны. «Она терпела такие боли, что кусала губы», - призналась её мама, плача.

Мы навещали Тамару Подруцкую дома во время её болезни. Как-то почти перед смертью, она грустно сказала нам:

- А сегодня у, - и она назвала имя своего бывшего любовника, так или иначе виновного в её болезни, - свадьба. Он ведь сосед мой, и я всё знаю!

Моя Тамара узнала его адрес, и, проглотив стакан портвейна, вышла. Пришла она что-то через час, возбуждённая, но довольная.

- Я устроила им там скандал! - рассказывала Тамара. - Позвонила и вошла как гость, сказала, что по приглашению жениха. А потом, уже за столом, встала с бокалом вина и рассказала, что жених обманул меня - он был, якобы, моим любовником, и мы подавали с ним заявление в ЗАГС. Ещё рассказала про то, что он гулял и с моей подругой, тоже обещал на ней жениться, и даже назвала имя этой подруги. Сказала также, что он заразил её опасной болезнью. И высказав всё, что надо было, вылила бокал вина ему в лицо! Что тогда поднялось! Невеста кинулась царапать жениху харю, гости - кто куда, а я - за дверь. Ой, налейте что-нибудь, - попросила моя Тамара, - а то я возбуждена до предела!

Бедная Тамара Подруцкая тихо улыбалась, и было видно, что она довольна. На улице я спросил Тамару, правда ли то, что она нам рассказала, и та серьёзно ответила:

- За подругу мою я, кому хочешь, горло перегрызу!

В следующий раз мы видели Тамару Подруцкую уже в гробу с покусанными губами.

Моей Тамаре сделали операцию в октябре. Мы с Бусей и сестрой Тамары - Любой навестили её уже в палате. Тамаре сделали серьёзную операцию, называемую «гистеректомией». Мы спросили у Тамары, что можно ей приносить. И вдруг она сказала: «Водку или портвейн!»

Я быстро сбегал в магазин и минут через пятнадцать был уже опять в палате. Нам позволили остаться подольше.

- А теперь, - чуть приподнявшись от койки, сказала Тамара, - выпейте за моё здоровье и чтобы я долго жила!

Мы с удовольствием сделали это прямо из горлышка бутылки. А Тамаре по её просьбе, я дал пососать мой мизинец, обмакнутый в водку. Этого ей, на сей раз, хватило. Надо сказать, что тост, выпитый от самого сердца всеми нами, произвёл своё действие. С момента операции прошло более тридцати лет и, чтобы не сглазить, со здоровьем у неё всё нормально.

Другое дело, что уже более десяти лет мы не виделись - так повернулась жизнь. Но, если из тридцати отнять десять, то получится двадцать. Двадцать-то лет мы прожили в постоянных встречах, в большинстве своём отнюдь не платонических. А первые года три года мы прожили в любви, и любви страстной.

Не надо любить очень страстно! Такая любовь сопряжена с ревностью, ссорами, мордобоем, и чёрт знает ещё с какими пакостями! И чаще всего страстно любящие друг друга люди не связываются друг с другом браком. Боятся измены, боятся, что не переживут её, и так далее!

- Хорошее дело «браком» не назовут! - любила говорить Тамара. Вот и не связали мы друг друга браком, хотя любовь была такой, что на энергии её страсти можно было сталь варить!

Докторская защита

Про докторскую диссертацию в наших кругах тогда существовали, как минимум, два анекдота - весёлый и страшный. Начну с весёлого.

Одного доцента видят на работе с пухлым портфелем.

- Это что у тебя там, небось, докторская? - заинтересованно спрашивают коллеги.

- Да нет, ливерная! - разочаровывает их доцент.

И - страшный анекдот. Но тут нужна предыстория. В начале 70-х годов началось сильнейшее гонение на защиты докторских диссертаций. Всё пошло, как тогда было положено, с передовицы в газете «Правда». О том, что один жулик, дескать, из Еревана поехал защищать докторскую в Якутск, и за деньги защитился почти «по телефонной книге». И ВАК, которая должна была блюсти государственные интересы, тоже подалась соблазну коррупции.

И пошло-поехало. До половины докторских диссертаций заваливали прямо на защитах. А остальных диссертантов «давила» ВАК. Дело приняло просто угрожающие размеры, доктора наук и профессора стали просто «вымирать». В среднем, докторами наук и профессорами люди становились тогда (с утверждением, получением дипломов, аттестатов и пр.) годам к шестидесяти. А к этим годам люди, особенно мужчины, ох, как любят умирать - хлебом их не корми! И некому стало заведовать кафедрами, отделами в Академии Наук, руководить научными институтами. Не «хилым» же в научном отношении кандидатам наук!

И к концу 70-х годов «Наша Родная Партия» опять дала ход назад, милостиво разрешив докторам наук защищать свои диссертации. Надо же было так «повезти» мне сунуться со своей докторской в самое опасное время, да ещё с кавказской фамилией, из провинции, и в «юном» возрасте!

Андрей Николаевич Островцев похотывал надо мной:

- Тебе или лет десять назад надо было защищаться, или подождать ещё лет двадцать!

Но поближе к сути «страшного» анекдота. Снимают в это время старого «либерального» председателя ВАК и назначают нового - «сурового и непреклонного» председателя с «двойной» фамилией - Виктора Кириллова-Угрюмова, который должен был «давить» докторов.

И, наконец, уже сама суть «страшного» для людей, докторская диссертация которых находилась в ВАК, анекдота:

- Если председатель ВАК утверждает положительное решение по диссертации, то он подписывает «Кириллов», а если отрицательное - «Угрюмов»!

О, сколько ночей не давал мне заснуть этот гадкий, мерзкий, сочинённый низкими, подлыми, далёкими от науки людьми, анекдотишка! А сейчас вспоминаю - подумаешь, не всё ли равно - Кириллов или Угрюмов?

В эти-то годы ВАК «завалила» докторскую диссертацию Бориса Вайнштейна - нашего Буси, знакомого из Львова Бориса Генбома, ещё нескольких моих знакомых. Вот в такой обстановке я и должен был защищаться в Московском автомобильно-дорожном институте (МАДИ) 4 декабря 1973 года.

Дядя разрешил мне воспользоваться его «мастерской» для репетиций доклада и проживания в последние перед защитой диссертации дни. А утром 4 декабря в мастерскую зашёл бывший тогда в Москве мой друг Роман Горин и принёс две бутылки венгерского вина с «ведьмой». На бутылке была изображена ведьма - молодая и весьма сексуальная, верхом на метле. Мы выпили с ним «за успех безнадежного дела», погрузили в такси мои реквизиты. Это был пакет плакатов, весом в 60 килограммов, и модель «гибрида» почти в натуральную величину, но с ручным приводом, весом более 70 килограммов. Водитель, который хотел, было, помочь нам выгрузить наши вещи, аж оторопел - вы что, кирпичи везёте, что ли?

Защита должна была проходить в новом, выполненном амфитеатром, зале заседаний Совета, сданном строителями лишь накануне, и моя защита должна была быть в нём первой. Я льстил себя надеждой, что члены Совета не захотят омрачать стены зала провалом защиты.

А пока Роман Горин развешивает на стендах и стенах нового зала мои тяжеленные плакаты, я расскажу о ситуации с моей диссертацией перед защитой.

Пришло много положительных отзывов, даже из Америки от Рабенхорста, где он писал, что я сделал «значительный вклад в мировую науку». Добрые они, американцы! Но был и один отрицательный отзыв от «закрытого» профессора Красина из военной организации - Бронетанковой академии. Мы не были знакомы, но он был как раз оттуда, откуда профессор Р.В. Ротенберг дал мне отрицательный отзыв на изобретённый мной первый супермаховик.

Я-то получил через двадцать лет патент на это изобретение, а Ротенберг лишь нанёс ущерб нашей стране, которая могла бы продать патент за рубеж. Все развитые страны в это время патентовали свои супермаховики, в том числе и мой «друг» Рабенхорст из США. Но первый-то был мой, и этим патентом можно было бы торговать.

Ротенберг же вскоре после выдачи отрицательного отзыва уехал в Израиль и умер там. Я объяснил себе его поступок тем, что он был «скрытым агентом израильской разведки». Хорошо, а почему же Красин, не имея никакого отношения ни к израильской разведке, ни к моей работе, даёт тоже резко отрицательный отзыв? Этого так просто не бывает! К тому же отзыв написан человеком, либо толком не читавшим работы, либо не понявшим её напрочь. Думаю, что умный Красин, если бы прочитал работу, то обязательно понял бы её.

Но в научных «кулуарах» МАДИ мне объяснили, в чём дело. Очень жаль, что профессура наших ВУЗов весьма мало загружена делом, и в её свободные от продуктивных занятий мозги лезут такие замысловатые интриги! Профессор В.А. Илларионов, выступивший на кафедре против моей защиты, оказывается, был на своей защите докторской буквально «опущен» моим покровителем - «корифеем» Б.С. Фалькевичем. Илларионов, занимаясь транспортными проблемами в пчеловодстве, был весьма далёк от науки, но мёду, да и денег, у него было достаточно. Отзывов тоже. Но принципиальный Фалькевич, как выражались в «кулуарах», «раздел диссертанта до трусов», показав его примитивные сведения в науке. Защитить-то он защитил, а Фалькевича возненавидел. А заодно и того, кого Фалькевич поддерживал, кому дал прекрасный отзыв, и с кем у него много совместных трудов - то есть меня. В то же время Илларионов был дружен с Красиным, который особенной принципиальностью не отличался, часто ездил в Грузию оппонировать диссертации и гулял там на славу...

- Стоп, стоп - в Грузию, оппонировать! Тогда без Трили это не обходится, в одной же области знаний работаем! И я, после долгого перерыва, звоню Трили домой. Рассказываю, как живу, как

считаю его своим учителем, где собираюсь защищаться, и что Красин дал мне отрицательный отзыв. А Фалькевич и все остальные специалисты, даже из Америки - положительные.

- Красин, Красин, - после долгого молчания повторил Трили, - смотри как это на него непохоже! Знаешь что, - неожиданно заключил Трили, - встреться ты с этим Красиным и расскажи, что звонил мне, и я был удивлён его отрицательным отзывом. И что я даю на твою работу резко положительный отзыв, причём пришлю его с нарочным!

Я всеми способами начал искать встречу с Красиным. И, наконец, подловил его у входа в ВАК, где у него было совещание - он был влиятельным членом этой комиссии. Красин оказался невысоким человеком в военной форме с полковничьими погонами. Я представился и подарил ему мою недавно вышедшую монографию «Инерционные аккумуляторы энергии», между прочим, первую в мире по этой тематике! И сказал также, что получил его отрицательный отзыв, которому очень удивлён академик Трили...

- Трили, - удивился Красин, - а какое он к вам имеет отношение?

- Как - какое? - удивился, в свою очередь, я, - он мой первый учитель, у меня с ним десятки совместных трудов, под его руководством я работал и проводил испытания. Да и вообще он - мой родственник! - не удержавшись, соврал я. Мне стало окончательно ясно, что Красин не читал моей диссертации, иначе бы он не спросил, какое отношение ко мне имеет Трили...

Красин замялся и, после раздумья, сказал:

- Хорошо, я не приду на вашу защиту и не устрою разгрома, хотя обещал... - тут он прикусил язык, поняв, что сказал лишнее. Но я обещаю, что в ВАКе ваша работа пролежит долго! - почти радостно сообщил он, - меня назначают председателем секции, и я буду подробно знакомиться с вашей работой! - и дверь в ВАК захлопнулась перед моим носом.

Когда Красин весело и хвастливо сообщил мне, что его назначают председателем секции, и что он «завалит» меня в ВАКе, «что-то» заклинило во мне.

- Ишь, какой принципиальный выискался, - взбесился я, - в Грузии оппонируешь всякую «плешь» за пьянку-гулянку! Губишь жизнь молодому учёному, даже не прочитав его работы, трусливо избегаешь открытых конфликтов! Да ещё хвастливо заявляешь, что тебя назначают «большим начальником», и тогда уж ты добьёшь его!

Тут у меня помутилось в голове и наступило уже знакомое мне странное, потустороннее состояние. Лампы в коридорах потускнели, и я увидел в сумерках ссутулившегося молодого человека с портфелем, нерешительно стоявшего перед входом в ВАК.

- Нет, не бывать тебе председателем секции, агент международного сионизма! - послышался какой-то неживой, потусторонний голос, похожий на голос роботов из фантастических кинофильмов. И слова какие-то суконные, чужие! И причём тут «международный сионизм»?

Грозное обещание Красина звучало эхом в моих ушах, вызывая жажду мщения...

Но не сдержал Красин своего грозного обещания, да и не смог бы его сдержать. Не назначили его председателем секции, да и вообще вывели - «выгнали» из ВАКа! Злые языки утверждали, что Красин скрыл своё еврейское происхождение, а при назначении на столь ответственные должности, компетентные органы «роют» достаточно глубоко. Ещё не хватает, чтобы в нашей советской ВАК председателями секций были бы скрытые сионисты! Хорошо, что «злые языки» не были в нужное время у входа в ВАК и не слышали «вещего» роботизированного голоса. Иначе бы им стало известно, почему вдруг компетентные органы спохватились и начали «рыть» столь глубоко!

Но не «блокирован» пока Илларионов. А он, по словам «злых» языков», своими выступлениями на Совете «собирает» много голосов. Тогда я накануне защиты зашёл в лабораторию, где обычно бывал Илларионов. Он подчёркнуто вежливо встретил меня, пригласил присесть на студенческий табурет. Вокруг сидели два-три преподавателя с кафедры Илларионова, которые тут же направили уши.

- Виталий Алексеевич, - спокойно начал я, - я очень ценю ваше мнение, как выдающегося учёного. На заседании кафедры вы говорили, что по тематике моя работа не для вашего Совета. Но защита уже назначена на завтра, и если вы скажете, что сама работа не заслуживает быть докторской, она не годится, то я завтра же откажусь от защиты!

- Чёрта с два, - в действительности думал я, - ну, скажи сейчас, что ты рекомендуешь мне в последний день оказаться от защиты, да ещё при свидетелях, - я же всё это заявлю завтра на Совете. А где ты был раньше, почему раньше не предупредил диссертанта, не дал своего отзыва, наконец! Ты же - член Совета!

Илларионов внимательно посмотрел в мои честные, правдиво открытые навстречу ему глаза (а я долго тренировал такой взгляд перед зеркалом в мастерской своего дяди!), и оскалился в улыбке. Боже мой, как это лицо напомнило мне мордочку умного, расчётливого, решительного животного, живущего, преимущественно, в подполье и на мусорных кучах!

- Нет, почему же, мне лично ваша работа нравится, но ведь могут быть недовольны ею другие специалисты. Вот, например, известный учёный, член нашего Совета, профессор Красин, который дал отрицательный отзыв. Он будет завтра и выскажет своё мнение! - осклабился Илларионов.

- Размечтался, маразматик, - внимательно глядя в глаза Илларионова и кивая головой, подумал я, - Красина завтра не будет, он не хочет портить отношений с более влиятельными своими друзьями!

Я поблагодарил Илларионова и вышел.

Всё было готово к боевым действиям. Роман уже развесил плакаты, а я подтащил к столу на сцене свою, сверкающую хромом, тяжеленную модель. Члены Совета и гости уже занимали свои места, и я скромно присел на одно из гостевых мест. Места заняли и мои гости: дядя Жора, Лиля, её подруга Неля, которая привезла отзыв от Трили, Роман и даже почему-то оказавшийся в Москве Славик Зубов.

Учёный Секретарь зачитал мои данные и пригласил к докладу. Я отрепетировал доклад, и мне показалось, что и прочёл я его хорошо. Вопросов было много, почти все по существу дела - ведь работа-то действительно была новой в своём роде. Затем зачитали отзывы - все положительные, в том числе от академиков - Трили, Артоболевского, и из Америки, а также «ругательный» - от Красина. Выступили оппоненты, зачитали отзыв оппонировавшей организации - всё положительно.

Мне предоставили право ответов на замечания, и я выбрал только замечания Красина. А они были, кстати, не очень удачные, как только Красин мог подписать такую «лабуду»!

- Заключение о несоответствии работы докторской диссертации базируется, в основном, на том, что вариатор, на котором основан «гибрид» неработоспособен и КПД его равен нулю, - начал я. - И могу ещё сказать, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!

Я с помощью подбежавшего Романа взвалил тяжеленную модель на стол и раскрутил маховик рукояткой. Потом через вариатор передал его вращение другому маховику; затем перекачал энергию обратно, и так передавал энергию от одного маховика другому раз пять. Зал зачарованно молчал - такого «фокуса» никто никогда не видел!

- Вот такой гибрид был и на грузовике, и на автобусе. Вы только что убедились в работоспособности вариатора гибрида и в том, что КПД его отнюдь не равен нулю!

- Кстати, добавил я, - профессор Красин - член Совета, и очень жаль, что его сегодня почему-то нет. Он бы смог пояснить нам свои замечания лично!

И тут к микрофону выбежал взбешенный Илларионов. Он убедился, что Красин не пришёл, и решил сам идти напролом.

- Мне стыдно быть членом этого Совета! - решительно начал Илларионов и картинно помолчал.

- Стыдно - уходи, тебя не держат! - услышали все реплику Островцева из зала; послышался смех.

- Что за работу мы рассматриваем, какое отношение имеет она к нашему Совету? Да и в чём, собственно, сама работа? Какое имеет отношение маховик к автомобилю? Когда у нас в Курске занимались автомобилями, где там автомобильная школа? Автор - малограмотный изобретатель, а его работа - бред подмастерья! И отзыв получил почему-то из капиталистической Америки, а не из стран народной демократии!

В заключение Илларионов схватил со стола экземпляр моей диссертации и зашвырнул его под ноги сидящих в первом ряду.

Зал загудел от возмущения.

- Вывести его! - крикнул кто-то, боюсь даже, что это был Роман.

Мне надо было отвечать, и я вышел к микрофону.

- Насчет Курска, - начал я, - там я работаю только последние два года, когда диссертация уже была практически завершена. А выполнялась она в Москве - при школе профессора Фалькевича, в Тбилиси - при школе академика Трили и в Тольятти - автомобильной столице России! Остальные замечания уважаемого Виталия Алексеевича настолько трудны для восприятия подмастерья (смех в зале), что я не знаю, как и отвечать. Отзыв получил из США, потому, что там занимаются подобными проблемами. У меня, к сожалению, нет сведений, занимаются ли этим в Албании, на Кубе или Северной Корее, чтобы получить отзывы оттуда (смех в зале). Какое отношение имеет маховик к автомобилю? Да самое прямое - он имеется на каждом автомобильном двигателе, Виталий Алексеевич должен был бы хорошо знать об этом (смех в зале)! А главное - не далее, как вчера, я пришёл к Виталию Алексеевичу в лабораторию, и при свидетелях сказал ему, что если он считает мою работу недостойной, то я сниму её с защиты. Так ведь, Виталий Алексеевич?

Илларионов сидел весь багровый, опустив голову.

- И он ответил, что моя работа ему нравится, и мне нужно выходить на защиту. Значит, что-то случилось за ночь такое, отчего моя работа из хорошей превращается в бред подмастерья, а автор единственного отрицательного отзыва, член Совета Красин не является на защиту!

Из зала послышались хохот и аплодисменты. И тут начались выступления членов Совета. Они высказывали своё недоумение поведению Илларионова и одобряли мою работу, доклад, ответы на вопросы.

Началось голосование. Как и положено, отрицательно выступавшего члена Совета назначили председателем счётной комиссии. Чтобы потом не жаловался на её работу! Наконец, счётная комиссия закончила работу. К микрофону выходит мрачный Илларионов и начинает зачитывать протокол. Обычно зачитывают кратко: «за» «против» и результат. А он начал от Адама и Евы, чуть ли ни: «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...»

- Да ты читай по существу! - перебил его председатель Совета профессор Архангельский.

- Ах, вам не нравится! - взвизгнул Илларионов и опять начал читать сначала.

Архангельский махнул рукой, и все стали слушать Илларионова. Наконец он быстро пробормотал: «За» - пятнадцать, «против» - один, и стал протискиваться к выходу.

Меня стали поздравлять, но я быстро подбежал к двери и лицом к лицу встретился с Илларионовым.

- Спасибо, Виталий Алексеевич! - и с широкой благодарной улыбкой я протягиваю ему руку.

Тому ничего не оставалось, как, окрысившись, пожать мою протянутую руку, и сказать: «Не стоит! Пожалуйста!».

Кто видел эту сценку, чуть не подавился со смеху.

Но не думайте, что я забыл Илларионову всё это. Через несколько лет, я, уже профессор кафедры «Автомобили» Московского автомобилестроительного института, подробно изучу действительно малограмотный учебник В.А. Илларионова «Эксплуатационные свойства автомобиля» и опишу все его прелести в головном журнале ВУЗов «Вестник высшей школы». Вывод был суровым - учебник недоброкачественный, а автор - недобросовестный!

Сколько после этого посыпалось на меня анонимок руководству института - и все были напечатаны на одной машинке! И взятки-то я беру со студентов дефицитными покрывками, и заставляю работать их на своей даче за зачёты! А ни машины, ни дачи у меня тогда и в помине не было! На факты надо опираться, уважаемый профессор в своих пошлых «онанимках», на факты!

«Отмечали» мою защиту на новой квартире Мони. Тогда, опять же, в связи с гонениями на диссертантов, строжайше запретили обмывать защиту на банкетах, считая это скрытой формой

коррупции. Официально мы «обмывали» новую квартиру Мони, чего ещё пока не запретили делать. Присутствовали сотрудники лаборатории Бессонова (сам Бессонов был одним из моих оппонентов), ну и я с Лилей. Все тосты были исключительно за квартиру, только Лора неожиданно увенчала мою голову лавровым венком. Летом она отдыхала на море в Абхазии и привезла целые веники из лаврового листа, которые она сама наломала с кустов. Так я и сидел, как какой-нибудь император Марк Аврелий с лавровым венком на голове.

Кстати, о Марке Аврелии. В своих философских «Размышлениях» этот мудрый император заметил: «Наша жизнь есть то, что мы сами думаем о ней». А что я сейчас мог думать о своей жизни? Вот я, ещё молодой человек, только что завоевал, причем в серьезной схватке, высшую научную степень, на которую только может рассчитывать учёный. Академик – это всего лишь почётное звание, частенько присваиваемое не по делу. Почётным академиком может стать человек и вообще без учёной степени, достаточно далёкий от науки. Как шутят в научных кругах: «по чётным» он - академик, а «по нечётным» - овец пасёт! А «доктор наук» - законная высшая учёная степень, признаваемая во всём мире.

У меня есть хорошая работа в ВУЗе, где я занимаю наилучшую для ученого должность заведующего кафедрой. В Курске очень мало докторов наук, а такого молодого – ни одного! Меня там будут «на руках носить»! К тому же, моя научная работа – на взлёте. Имею семью, квартиру близ работы. Спортивен, силен, пользуюсь успехом у дам, полно друзей, «собутельников». В Москве – тоже друзья, научные связи, любовницы. К которым, кстати, жена меня совершенно не ревнует. Вот она сейчас сидит рядом с одной из них и весело обсуждает мой лавровый венок. Так что же я сам думаю о своей жизни – счастлив я, или нет?

В этот вечер я был, безусловно, счастлив. Мне улыбались все за столом, все поднимали бокалы за молодого учёного, за его дальнейшие успехи – научные и не только. Рядом с собой я видел счастливое лицо Лили и любящие глаза Лоры. Казалось бы – живи и радуйся!

Однако человек так устроен, что постоянно быть счастливым может быть только убеждённый строитель коммунизма или малахольный. Я не был ни тем, ни другим. Человек, быстро достигающий успеха, рискует потерпеть фиаско в жизни – об этом говорят судьбы почти всех «вундеркиндов».

Но в этот вечер, после безумно трудного дня, я об этом не думал. Мне было хорошо, я был счастлив, и не скрывал этого. А долго ли продлится это счастье – человеку знать не дано. Всё решается в высших, недоступных для нас сферах, и решения эти с нами не согласовывают!

«Пояс верности»

Но опустимся с «высших сфер» на замлю. Тамару выписали из больницы за несколько дней до моей защиты. Она даже приезжала в МАДИ и немного посидела в зале, где происходила защита, думаю, больше для того, чтобы посмотреть на Лилю. Тамара постоянно носила парик, так как её постригли наголо, когда делали химиотерапию. Конечно же, в постели она его снимала, но очень стеснялась своей бритой головы. А вообще - получилось очень сексуально! Потом даже мода пошла на бритые головы у женщин. Мы открыто встречались у Тамары дома, запираясь в её комнате. Тётя Полли, хоть и вздыхала, но не возражала.

Однажды даже мы увидели в окно, как в дом вошёл Буся. Это было так неожиданно, что мы едва успели отпрянуть от окна. Тамара в панике предупредила маму, что открывать дверь нельзя. Звонки в дверь продолжались довольно долго, и мы сидели почти в шоке. Наконец, кошмар прекратился, и мы увидели в окно, как Буся прошёл мимо дома. Открыв дверь, обнаружили полиэтиленовый пакет с бутылкой вина, тремя гвоздиками и запиской

- Сволочи! – гласила записка, - я знаю, что вы дома, я вас видел в окне. Хотя б дверь открыли, я так устал с дороги! Выпейте за меня, что я такой покладистый! - Буся.

В Курске меня встретили как героя. Женщины с восхищением смотрели на молодого «доктора», вызывая негодование Лили. А тут произошло, казалось бы, малозначительное событие. Стою я как-то у расписания экзаменов второго курса вечернего факультета, ищу свои

группы, и чувствую, что меня толкают локтём в бок. Оборачиваюсь и замираю от неожиданности – толкает меня улыбающаяся голубоглазая красавица лет двадцати, вылитая Мэрилин Монро.

- Ты из какой группы, что-то не припоминаю тебя такого! – обращается ко мне Мэрилин, а так как я молчу, продолжает, - чего, язык проглотил, что ли?

- Да я новый, даже группы своей не знаю! А язык проглотил, потому что такую красавицу увидел! – подыграл я Мэрилин.

Глаза девушки внимательно осмотрели меня и, видимо, осмотром остались довольны.

- Трепач! – весело заметила она и медленно пошла прочь от расписания, видимо рассчитывая, что я пойду за ней, но я остался на месте.

- Ладно, на лекциях встретимся! – обернувшись, сказала мне Мэрилин.

И мы встретились. Но не на лекциях, а у железнодорожной билетной кассы, где я стоял в «голове» огромной очереди. Мэрилин узнала меня и бросилась на шею.

- Где ты, дорогой, еле нашла тебя! – целуя в щёку, радостно щебечет она. А тихо на ушко, - возьми мне билет на Москву!

Я всё понял – не хочет в очереди стоять! И озорной план вдруг созрел у меня в голове. Я взял два билета в купе международного вагона и подошёл к стоящей поодаль студентке.

- Взял, отправление через полчаса, мы – в одном купе, - радостно сообщил я ей. Она полезла в кошелек за деньгами, но я попросил спрятать деньги, - в следующий раз ты мне возьмишь!

В портфеле у меня была бутылка душистого вина «Кокур», предназначенного для встречи с Тамарой. Но оказалось, что бутылка всё-таки пошла по её прямому назначению. Мэрилин Монро тоже оказалась... Тамарой! Что, имён больше нет, что ли? – поразился я. Но, узнав её имя, решил не сдаваться и идти до победного конца...

Томочка (так я стал её сразу же называть), удивилась, когда мы подошли к международному вагону, и это удивление усилилось, когда она узнала, что в этом вагоне удобные двухместные купе. Оказавшись со мной вдвоём, она немного утратила свою браваду, стала тихой и скромной. Но «Кокур» всё поставил на свои места.

Томочка осмелела, язык у неё развязался, и она рассказала, что работает секретарём у главного инженера одного из заводов (она назвала завод), и встречается с ним. Сейчас едет к нему в Москву.

- Он боится даже ехать вместе со мной, а в Курске мы и не встречаемся, так как он женат и она работает в Обкоме партии. Дрожит как цуцик перед ней! – с великолепным презрением высказалась Томочка. Старый, пятьдесят лет ему, но кобель ещё тот, - вздохнула девушка, - а откажешь – ищи другую работу! А так и отпускает, когда надо, и премии выписывает...

Я вспомнил, что знаком с этим человеком – мы не раз ходили в баню одной компанией. Зовут его Василием Митрофановичем, Васей. Это мрачный, замкнутый тип, страшный матюгальщик. Однажды он помогал мне в изготовлении какого-то стенда на его заводе, и при мне ругал проштрафившегося начальника цеха:

- Ты, ... твою мать, почему хороший завод позоришь? Да я тебя...! Мне нравилось, что он так суров с подчинённым, так как это было в моих интересах. Но столкнуться с ним, как с соперником по любви, мне не хотелось бы, от мата ведь не отмоешься...

Мы выпили ещё, и я решил поцеловать Томочку. Она с охотой позволила мне сделать это и отвечала на поцелуй всем телом. Мы провели хорошую ночь и были довольны друг другом. Обратно договорились ехать тоже вместе. Она дала мне свой телефон, я же наврал, что у меня телефона нет.

Как ни удивительно, а встреча с молодой красивой девушкой не затронула моей любви к Тамаре Ивановне. Мы, как и прежде, были нежны и страстны. Тамара долго была на больничном, а потом её перевели на инвалидность третьей группы и стали платить пенсию.

- С пенсионеркой гуляю, - шутил я с близкими друзьями.

Томочке же я сказал, что работаю на курском заводе тракторных запчастей – КЗТЗ, и учусь на вечернем, на том же курсе, что и она. А в начале семестра мы неожиданно встретились у входа в поточную аудиторию.

- Привет! – крикнула Томочка и кинулась мне на шею.

Студенты странно посмотрели на нас, а я не знал, как себя и повести. Кивнув ей, я быстро занял место у доски, а она, ошарашенная, села на передний ряд. Я начал лекцию. На перерыве она подошла ко мне и спросила:

- Теперь тебя на «вы» называть? Зачем наврал, что студент?

Мне ответить было нечего.

- Я позвоню тебе! – тихо сказал я и отошёл в сторону.

Узнав, что я, её преподаватель - «молодой доктор наук» - как меня называли в институте, Томочка зауважала меня ещё больше. Примерно раз в месяц по пятницам она ездила в Москву на встречу со своим «старцем» Васей. Он останавливался у своего друга, и Томочка приезжала к нему туда. А сопровождал её туда и провожал обратно в двухместном купе, конечно же, я.

И если «старец» боялся встречаться со своей юной пассией в Курске, то я же не был таким трусом. Иногда, хотя бы раз в неделю, я уговаривал Томочку прогулять занятия и встретиться со мной у моего приятеля. Этот приятель, преподаватель с моей кафедры, жил у своей подруги, а его однокомнатная квартира пустовала. Вот он и давал мне ключи от неё.

Конечно же, в «маленьком» Курске всё всем стало тут же известно. Всем, кроме моей жены Лили, хотя я этого боялся далеко не в той степени, как наш Митрофаныч. А тут мне - «повестка» в баню.

Периодически, по той или иной причине – дня рождения, повышения, выхода в отпуск, праздников – наша компания ходила в баню. В компанию входили кроме меня – наш проректор, пара-тройка заведующих кафедрами, инструктор Обкома партии и Митрофаныч.

С некоторым страхом я пожимал руку Митрофанычу. Но тот ничем себя не выдал. Мы парились, делали массаж друг другу, выпивали пиво и кое-что покрепче, и у меня уже отлегло от души. Но тут я, в свой черёд, лёг на каменное ложе для массажа и меня взялся массировать Митрофаныч. Спину он мне промассировал нормально, и я перевернулся лицом к нему. Он промассировал ноги, подобрался к животу, груди, шее. И вдруг я чувствую быстрый зажим моего горла руками Митрофаныча. Руки тут же разжались, но через пару секунд опять сдавили мне горло.

- Вась, ты, что охерел, что ли? – тихо спросил я его.

- Брось Тамару! – так же тихо, но зловещим тоном ответил мне «старец», - ты же, гад, женат!

- От такого слышу, - шепчу я ему, - ты сам, что ли, холостой?

Так мы во время массажа и не договорились. Но потом, когда мы «врезали» ещё по «ершу», я отвёл «старца» подальше, и «промыл ему мозги».

- Слушай, Вася, ты что хочешь, чтобы девчонка была только с тобой, ты же её отца старше? Другое дело, если вы поженитесь, но этим же и не пахнет! Да и встречаетесь вы нечасто, это не жизнь. Я – твой спаситель, если ты что-то понимаешь. Я вакуум в её жизни заполняю. А ведь его может заполнить её ровесник, жених, и тогда хана тебе! Ты мне водку должен ставить, за то, что я сохраняю сложившийся статус-кво. Перевести на русский?

Митрофаныч молча выслушал меня и вздохнул.

- Люблю я её, не знаю, что и делать! Убил бы жену, но греха боюсь, а развестись не могу – она же меня раздавит. Что мне делать? – этот суровый и некрасивый, как граф Жоффрей из «Анжелики», человек, тихо заплакал.

- Вась, твою мать, прекрати, люди увидят! – испуганно уговаривал его я, - хочешь, брошу её, если это надо! («Не дождёшься, хрыч старый!» – думаю я про себя).

- Нет, ты, пожалуй, прав! – вздохнул Митрофаныч, - но постарайся убедить её, чтобы не сошлась ещё с кем-нибудь, особенно с холостым. Я как-нибудь решу вопрос с женой, или удавлюсь!

И, забегая вперёд, доложу вам, что я-таки однажды действительно выручил Митрофаныча. А было это так. Почувствовал я, что у Томочки кто-то наклёвывается. Разок не смогла встретиться у моего приятеля, стала холоднее в постели. Лиля как-то уехала с детьми в Тбилиси на весенние каникулы, и я пригласил Томочку вечером ко мне домой. Её, видимо, заинтересовало,

как я живу, и она пришла. «Переспали», выпили. У неё, как обычно, развязался язык, она и сообщила мне, что завтра едет на неделю в Киев к подруге.

- С Митрофаньчем? – спрашиваю.

- Клянусь, что нет! – отвечает она убеждённо, – к подруге, и всё!

Хорошо, думаю, проверим.

- Тамара, ты знаешь, что такое «пояс верности»? – спрашиваю я.

Кивает, - слышала что-то.

- Так вот, если бы у меня был современный пояс верности, ты позволила бы мне его надеть на тебя? - продолжаю я, - для общения с подругой это не повредит, а с мужиком быть ты не сможешь!

- Надевай, если не веришь! – гордо согласилась Томочка.

- Тогда я просто заклею тебе это место! - объявил я ей.

- Как заклеишь, а писать как я буду? – испугалась девушка.

- Не бойсь, всё предусмотрено! – успокоил я её.

Я посадил Томочку на стул и снял с неё трусики. Она со страхом наблюдала за моими действиями. Достал маленький тюбик циакринового клея, того, который мгновенно твердеет, и растворить его ничем нельзя. Нашёл толстую авторучку «Паркер» и, не раскрывая её, ввёл, куда следует, примерно на половину длины. Томочка взвизгнула. Я надел резиновые перчатки, и быстро выдавив клей на волоски, обрамляющие её самое любимое мной место, мгновенно соединил их. Клей тут же затвердел, склеив даже пальцы перчатки друг с другом.

Я вынул ручку, с удовольствием поводил её у своего носа, и сказал обескураженной девушке:

- Теперь тебе можно будет общаться только с таким джентльменом, у которого член тоньше этой ручки. Но ведь это же совсем неинтересно! А приедешь «честной» - распломбирую тебя, срежу волоски – и буду любить, как Данте свою Беатриче! Поцеловав мою Томочку в «пломбу», я одел её и проводил домой.

- Будь паинькой в Киеве! – посоветовал я ей, - и знай, что я тебя жду в Курске!

Домой я возвращался довольный, что выполнил свой рыцарский долг за себя и за того парня, Митрофаньча, то бишь.

Автобусные катаклизмы

Через неделю Томочка вернулась из Киева, и мы встретились на квартире у моего приятеля. На все мои вопросы Томочка презрительно отвечала: «Сам увидишь!». И я увидел то, чего никак не ожидал - пломба цела! Напрашивалось два варианта ответа на эту ситуацию: первый – то, что Томочка действительно ездила в Киев к подруге; второй же я с гневом отмечаю, так как Томочка – юное провинциальное создание не допустило бы такого разврата. Не подсказывайте - и другого тоже!

Одним словом, пломбу я распечатал, место пломбировки обработал бритвой, и стал любить мою верную подругу, как средневековый рыцарь свою даму, даже ещё страстнее.

А новый «пояс верности» я хотел, было, запатентовать, но передумал. Всё равно никто за идею не заплатит, будут пользоваться тайно, и попробуй, подлови их!

Несмотря на все описанные, далёкие от научных изысканий действия, договор со Львовом выполнять-то было надо. Весной прибыл из Гомеля сложный гидрораспределитель с гидромашинной. Баллоны – гидроаккумуляторы, мы закупили в городе Людиново, Калужской области, а экспериментальные армированные шланги на давление 250 атмосфер – на военном заводе в Брянске. Помогал мне выполнять эту работу доцент с соседней кафедры - Толя Чёрный.

Конструкцию мы запатентовали и могли спокойно выполнять работу. Суть нового способа накопления энергии торможения автомобиля или автобуса состояла в следующем. Перед плановым торможением трансмиссия автобуса соединялась с гидромашинной, подключённой в режиме насоса. Гидронасос, вращаемый от трансмиссии автобуса, качает масло под давлением

250 атмосфер в баллоны гидроаккумулятора, сжимая там газ азот, уже находящийся под давлением в 150 атмосфер. В баллонах запасается энергия движения автомобиля, и тот останавливается. Нужно только вовремя застопорить машину, а то если зазеваешься, то она рванёт назад: ведь сжатый газ – та же сжатая пружина!

Затем шло переключение гидронасоса на режим гидродвигателя. Теперь в него запускалось масло под давлением, и гидродвигатель, вместо обычного двигателя, разгонял автобус. Одним словом, в принципе происходило то же, что и в маховично-вариаторном «гибриде», только вместо маховика были гидроаккумуляторы, а вместо вариатора – гидромашинка. Всё устройство получилось в несколько раз больше и тяжелее маховичного варианта, оно уже занимало всю заднюю часть салона автобуса. Но зато все части его можно было купить готовыми, о чём мечтал замминистра автомобильной промышленности.

Я понимал, что, как и в случае с маховичным гибридом, «смертником-испытателем» должен был стать я. Какое же я имел моральное право посадить рядом с адской машиной другого человека, и чтобы он еще и управлял ею? А главное – сел бы он туда сам?

Поэтому мы отгородили весь «задок» салона стальным листом, поставили туда эти бомбы-баллоны и соединили их гибкими шлангами в руку толщиной с гидромашинкой, расположенной под сиденьем. Хуже моего положения трудно было и представить. Я сидел на гидромашинке, в которой было 250 атмосфер давления, широко расставив ноги, а между моими ногами проходили гибкие шланги на те же 250 атмосфер. Это они только без давления были гибкими, а когда подавали давление, то у них наступала такая «эрекция», что в сторону не сдвинешь – твёрдые, как стальные! Всё оборудование – экспериментальное, гарантии на него не было!

Разорвётся баллон – снесёт голову на фиг! Но это полбеда. Оторвётся штуцер от шланга или порвётся сам шланг – а это было в сотни раз вероятнее – я мог бы остаться жив, но кому такая жизнь нужна? Вы не забыли, где проходили шланги? Они начинались примерно с уровня моих колен, проходили между ногами и уходили к гидромашинке, на которой я сидел. Прорвись хоть что-то – и сколько одних Тамар осталось бы без «техобслуживания», не говоря уже о других именах!

Особенный ужас вселял в меня мой новый дружок Федя Киров, увлечённый теми же идеями и считавший себя моим учеником. Он рассказывал про случай, когда прорвало такой шланг высокого давления, и тонкая струйка масла «впилась» в человека. В считанные секунды вся кровь у него из сосудов была вытеснена маслом! Ничего себе перспектива!

Федя Киров жил в Ильичёвске, городке-порте близ Одессы. Он настолько увлёкся моей маховичной тематикой, что бросил работу в порту, и организовал научно-исследовательскую лабораторию при одном из ВУЗов Одессы. Всё время он проводил в поездках ко мне и обратно в Ильичёвск. Федя был на несколько лет старше меня, не дурак выпить и погулять. «Свой в доску», одним словом. С ним связан целый этап в моей жизни. Этап яркий, но короткий – Федя Киров, к сожалению, погиб в авиакатастрофе, в одном из своих «челночных» перелётов, лет через семь после нашего знакомства.

Но как вы понимаете, я остался жив. Более того, то, что я сейчас женат, свидетельствует о том, что шланги во время работы не прохудились и не сделали меня кастратом. Но однажды я перепугался здорово. Все, кто хоть чуть-чуть знает автомобиль, поймут меня.

Испытания автобуса заключались в следующем. Во рту у меня был свисток, и для начала движения я свистел один раз. Стасик Слепухов трогал с места и разгонял автобус. Два свистка – он устанавливал нейтраль в коробке, а я подключал гидромашинку. Автобус останавливался, и Стасик ставил его на «ручник». Три свистка – автобус снимался с ручника, и с той же нейтралью в коробке разгонялся этак до 40-50 километров в час с подключённым к трансмиссии гидродвигателем. Вот и весь цикл.

Двигательный отсек сзади был открыт, шкивы двигателя были выкрашены «зеброй», и народ мог видеть, что автобус разгонялся без участия двигателя – тот был неподвижен! Этот автобус в конце 70-х годов множество раз был показан и в кино, и по телевидению. Чудо советской техники – экономится половина топлива, в десятки раз снижается токсичность выхлопа!

Все эти лозунги остались словами! Советская автомобильная техника начала своё медленное умирание, а за рубежом были свои решения и патенты.

Теперь о том, как я чуть ни стал импотентом, а в лучшем случае – заикой. Стасик Слепухов не выполнил мои указания в точности и оставил коробку включённой на первой передаче, лишь выжав сцепление при разгоне на «гибриде». Всё равно потом надо начинать с первой передачи! А тут такая тонкость – ведь коробка была постоянно соединена с ведущими колёсами автомобиля. И только нейтраль предохраняла сцепление от разноса.

Посудите сами – при 50 километрах в час колёса автобуса делают около 4,5 оборотов в секунду. Главная передача автобуса повышает эту скорость в 10 раз, а первая передача коробки – ещё почти в 8! В результате диск сцепления должен был разогнаться до 360 оборотов в секунду или почти до 22 тысяч оборотов в минуту! Но не разогнался он до этих оборотов, потому, что лопнул, разорвался как маховик на осколки, ещё раньше. Пробило картер сцепления, и так поддало меня сзади с пушечным выстрелом, что я стал готовиться к переходу в мир, лишённый страстей.

Но прошла секунда-другая; ощупывая себя, я убедился, что главные детали моего тела в порядке, потом ощупал голову – тоже цела. В чём дело? И до меня дошло...

- Стасик, твою мать, ты что, вместо нейтрали включил!

- Первую! – виновато отвечал Стасик, до которого тоже стал доходить смысл происшедшего.

Жёсткий мат стоял на улице Тускарной ещё минут пять, отпугивая ворон и случайных прохожих. До нового корпуса было километров десять; послали Славика в ближайший магазин за едой и, подкрепившись, начали ремонт прямо на улице. Автобус застопорило, его нельзя было даже тянуть на буксире. Я, как самый сильный, лёг на асфальт под коробку, а Славик сверху через лючок стал откручивать болты, крепящие картер сцепления к двигателю. Толя Чёрный контролировал ситуацию.

И что-то Славик затих. А мне уже невозможно держать коробку, она – килограммов сто со сцеплением, да ещё масло на лицо капает.

- Славик, твою мать, ты что, заснул там?

Молчание.

- Толя, посмотри, что, он спит там, я больше не могу! - простонал я, держа коробку на вытянутых руках из последних сил.

- Да он и правда спит! – с ужасом вымолвил Толя.

Оказывается, наш алкаш – Славик, при походе в магазин нажрался водки и заснул, оставив своего шефа под грузом. Я, истошно матюгаясь, опустил тяжеленную коробку с карданом себе на грудь, еле выбрался из-под неё и набросился с кулаками на своего обидчика.

- Убью гада! – кричал я, бегая за Славиком.

- Больше не повторится! – привычно отвечал он, ловко уворачиваясь от меня, даже в пьяном виде.

Я был взбешён. Стасик чуть не вызвал у меня инфаркт этим разрывом сцепления, Славик чуть не придавил меня коробкой передач. Да что это за сотрудники, всех поубиваю на фиг! Но, утомившись бегать за молодёжью, я присел на бордюр. Славик издали показал мне бутылку 0,8 литра портвейна, которую вынул из сумки с инструментом. Я стал подзывать его к себе пальцем. Но Славик, покачивая головой, поставил открытую бутылку на тротуар, рядом положил на газету плавильный сырок и отошёл в сторону.

Пришлось мне самому вставать и идти за бутылкой. Это было как раз то, что мне было нужно! Выпив из горлышка портвейна («Крымский красный» - 18 градусов, дешёвый), я откусил немного сырка и приказал ребятам:

- Чтобы всё было в порядке, иначе всех поубиваю и уволю! Нет, сперва уволю, потом поубиваю! Тьфу!

Я зашёл в заросли поближе к речке, постелил газету, на которой лежал сырок, и прилёг на густую мягкую траву. Летняя жара, бутылка «Крымского красного» и пережитые страхи сморили

меня. Я заснул, и, видимо, надолго. Потому, что когда Толя растолкал меня, дело шло уже к вечеру.

- Ребята поставили сцепление, правда, его картер пробит, но это пустяки. Ехать можно! Всё в порядке.

Ещё полностью не проснувшись, я сел в салон автобуса и погрозил пальцем уже протрезвевшему Славику.

- В следующий раз ты сядешь на этот гидравлический стул! – и я показал ему на моё место испытателя. Славик промолчал, но решительно покачал головой.

Мы доехали до института и поставили автобус в специальный загон, где вора́м до него было не добраться. Назавтра опять были испытания, и я опять сидел на своём «гидравлическом стуле», находя его лишь немногим комфортнее электрического. Почти все полезные показатели «гибридов» - маховично-вариаторного и гидравлического, совпали. И КПД, и экономия топлива и снижение токсичности (которое мы измеряли вместе с санэпидстанцией Курска), были очень близки для обоих типов гибрида. Только размеры и вес гидравлического «гибрида» были намного больше маховично-вариаторного. Зато, повторяю, почти все его части можно было купить. Дорого, но купить! А у маховично-вариаторного всё было намного меньше, проще и дешевле, но надо было делать самим!

Но когда я поехал в Министерство автомобильной промышленности докладывать о результатах испытаний, меня ждал печальный сюрприз. Покровитель мой - Д. Д. Мельман, оказывается, недавно умер; такая же судьба постигла и замминистра, с которым мы разговаривали. Обескураженный, я вернулся в Курск. Во Львове тему пока оплачивали, и мы с Толей Чёрным продолжали работы.

Забегая вперёд, проинформирую, что в развитых «капиталистических» странах (не на Кубе, не в Албании, и не в Северной Корее!), конечно, маховичные гибриды предпочтительнее гидравлических. Но привод, то есть, то чем у нас был вариатор, чаще всего электрический. И не потому, что электричество здесь очень подходит. Просто вариатора толкового пока нет. Но будет! По секрету скажу, что опытные образцы такого мы уже изготовили и испытали! Но до этого – ещё лет двадцать.

Щучья икра

Наступило лето - отпуск и пора спокойной любви. Чтобы без постоянных разъездов, конспиративных квартир и нелегальных встреч. Лиля – на Кавказ с детьми, а я – по «пробиванию диссертации в ВАКе», то есть в Москву к Тамаре. Тамара была уже вполне здоровой, активной, только волосы на голове росли очень уж медленно - их несколько раз ещё брили. Она начала уже прилично «поддавать», и что хуже всего, ревновать меня. К жене, к неизвестным ей женщинам из ИМАШа, к той, с кем я иногда езжу в поезде. Я несколько раз не позволял Тамаре провожать меня на вокзал, понимая, что увидеть Томочку со мной в двухместном купе она рада не будет. Это и вселило в неё подозрения...

Несколько раз она приходила в ИМАШ, якобы к Моне по научным вопросам. Но кому надо и не надо заявляла:

- Видите ли, я – любовница Нурбея Владимировича!

Лора была возмущена до предела.

- Как ей ни стыдно показываться в лаборатории, где все так любят и уважают жену Нурбея Владимировича! – такую мысль высказала она разок на «женсовете» лаборатории.

Моня хохотал до слёз:

- Нет предела женскому ханжеству! Кто-кто говорил бы, но только не Лора! Ведь вся лаборатория, даже весь институт знает, кто она тебе!

Тут самый раз вспомнить, что недавно перед самой защитой у меня завёлся в Москве друг, настоящий и близкий. Это был сотрудник одного из сверхсекретных КБ, с которым мы вели хозрасчётную работу по супермаховикам. А кроме сугубо научно-технических вопросов, мы

сошлись с ним на сексуальной почве (бога ради, не подумайте дурного!). Конечно же, он был знаком и с Лилей, и с Лорой, и с Тamarой, и с Томочкой.

Но Элия (это старинное еврейское имя), или как я его называл – Элик, был сексуальным гигантом. А для гигантского секса нужно иметь, кроме дамы, которую, как оказалось, найти было не так уж трудно, ещё и надёжного напарника-мужика. Который не разболтает всем, в том числе и жене (а Элик был женат, причём на очень доброй и красивой женщине!), да и не «наградит» ничем. И главное – надо было понравиться даме, которой уже нравится Элик.

И выбор Элика сошёлся на мне. Теперь я, приезжая в Москву, провожая Томочку или нет, утром же звоню Элику и узнаю - «задействован» ли я на сегодня. Если нет – иду с вечера к Лоре (для меня она всегда была свободна), и на ночь остаюсь с ней, одной, или как обычно.

Если же «задействован», то на ночь иду всё равно к Лоре, но перед этим, днём «отрабатываю» дружбу с Эликом. Дело в том, что успех в таком предприятии выпадает «фифти-фифти».

Встречались мы обычно на конспиративной квартире, которую Элик снимал или «одалживал» у друзей. Сценарий был таков – я ждал у дома, когда Элик и «девочка» зайдут в подъезд. Через минут двадцать я звонил в дверь. Парочка уже обычно сидела на кухне и выпивала. Мне наливали, я присаживался, выпивали ещё, а потом я выходил в туалет. В это время Элик и «девочка» уже заходили в комнату, «девочка» раздевалась и ложилась в постель. Я выходил из туалета и громко кашлял. Элик выходил из комнаты и объявлял вердикт.

Вариант первый (мрачно, с сожалением): «Девочка сказала, что ты ей физически неприятен! Прости, друг!». Мы целовались с Эликом, и я уходил к Лоре пораньше.

Вариант второй (радостно, скороговоркой): «Раздевайся на кухне и неожиданно войди минут через пять!».

Чего ради дружбы не сделаешь! Поступал как сказано, и бесстрашно входил... Не надо нездоровых эмоций, ничего сверхъестественного не происходило, вы все видели это миллион раз в соответствующих фильмах. Клянусь, что было всё так, как там, без существенных отклонений!

Иногда «девочка» не устраивала меня, тогда я тут же, после первой рюмки, отзывал Элика и говорил: «Элик, я столько не выпью и не сумею помочь тебе! Прости друг!». Мы целовались с Эликом, и я опять же уходил к Лоре пораньше.

Но были и нестандартные случаи. Как-то раз я уже готовился сообщить Элику, что столько не выпью, но он сделал ужасные глаза и сказал: «Это невозможно! Она помогла мне купить мебель, и я обещал ей групповуху! Кровь из носа, но надо!»

Тогда я зашёл на кухню снова, выпил стакан водки и снял с себя тельняшку. Элик выпил и тоже разделся по пояс. А надо сказать, что Элик - толстячок, такой жирненький, гладенький, красивый толстячок. Сама же «девочка» - еврейка, лет пятидесяти, упитанная и выглядевшая чуть старше своего возраста. Она сообщила Элику, что ни разу в жизни не изменяла своему мужу, судя по последующему, тоже жирненькому толстячку. И вдруг решила изменить, причём сразу с двумя – анекдот!

Вот сидим мы с Эликом раздетые по пояс, пьём водку, базарим о чём-то, а «девочка» глаз не сводит с меня, так и шарит взглядом по моему телу. «Радуетесь, дура, какое счастье ей привалило», - думаю я, - «такого качка поиметь за какую-то мебель!».

И вдруг «девочка» спрашивает меня:

- Извините, пожалуйста, вы не обижайтесь, конечно, но я хотела вас спросить, – вы что, больны чем-нибудь, а то у вас всё тело в буграх!

У Элика глаза на лоб вылезли:

- Дура, это же мышцы!

- А почему у моего мужа, или у тебя нет такого, наверное, молодой человек болен чем-нибудь?

Как Элик ни крутил пальцем у виска, как он ни призывал «девочку» вспомнить американские фильмы про суперменов, она была непреклонна.

- Я верю своим глазам, а не американским фильмам, которые я, к тому же, не смотрю. Ты привёл мне больного молодого человека! – твердила упрямая пожилая «еврейская девочка» - «аидиш киндер».

Я быстренько, пока «аидиш киндер» не одумалась, оделся и, поцеловав Элика, сказал: «Прости, друг, на этот раз я девочке, кажется, физически неприятен!».

Элик плакал и матюгался одновременно – весь труд, и труд тяжёлый падал теперь на него одного. Что ж, свою мебель самому и надо отрабатывать!

Сегодня ночью я был особенно нежен и предупредителен с Лорой...

А в другой раз произошёл курьёз совсем иного рода. Как-то один знакомый, уезжая в длительную заграничную командировку, уступил Элику свою квартиру в центре Москвы. И Элик нашёл девочку на всю ночь, о чём строжайше предупредил меня по телефону: «Явка обязательна!»

Что ж, обязательна - так обязательна, встретились вечером. Я оказался физически приятен «девочке», и она мне тоже. Упитанная, плотная спортсменка, лет тридцати, уже на тренерской работе. Сказала мужу, тоже спортсмену, что едет на день в командировку по спортивным делам в Калугу. Там вскоре должны проводиться соревнования, и надо было уладить формальности.

Мы улаживали эти формальности целую ночь, и о буграх на теле не было вопросов. Но главная суть не в этом, а в том, что Элик устроил для нас званый вечер со всякими деликатесами, в том числе и со щучьей икрой. Я никогда раньше не ел жареную щучью икру, и она мне очень понравилась, особенно под водку. Я съел её почти столько же, сколько и знаменитый дьячок из Уклейки. Ему говорили: «Батюшка, это не каша!», а он отвечал: «Сам вижу, сын мой, что не каша!». «Батюшка, это целковый стоит!». А он – «Стоит, сын мой, стоит!» - пока не съел всю икру.

Я, конечно, всю икру не съел, но уж лучше бы доел её до конца.

Назавтра Элик пригласил к себе в эту же квартиру на ночь меня с Тамарой. Я предупредил его, что Тамара страшно ревнива, и чтобы он вдруг не проговорился. Элик с пренебрежением выслушал меня и отрезал:

- Ты знаешь, кого ты предупреждаешь? У меня первая форма секретности, я государственными тайнами владею! А ты про бабу, про ревность!

Что ж, пришли мы вечером в гости к Элику. Я, якобы, только утром с поезда, весь вокруг Тамары увиваюсь, здороваюсь с Эликом, целую его, давно, дескать, не виделись. Всё путём!

Усадил он нас за стол, и надо же было ему опять предложить мне эту щучью икру. А мне она вчера так приелась, что я и отвечаю: «знаешь, мол, я с детства не люблю щучью икру».

- А как вчера, то полкило слопал, - заворчал Элик и осёкся. Так и остался стоять этот «сверхсекретный агент» с открытым ртом.

Тамара перехватила мой красноречивый взгляд Элику и медленно встала со стула. Я так же медленно встал со своего стула. Она быстро схватила столовый нож со стола и – ко мне. Я – от неё. Так мы и бегали вокруг стола (а он был большим и круглым) минут пять, пока Тамара не утомилась. Она положила нож, присела, улыбнулась змеиной улыбкой, и сквозь зубы сказала: «Тебе это так не пройдёт!».

Мы с Эликом горячо убеждали её, что это всего лишь шутка, что я никак не мог быть вчера здесь и так далее. Тогда Тамара попросила меня показать ей билет на поезд, на котором я прибыл. Билета, разумеется, не было. Номер поезда и время его прибытия я тоже точно назвать не смог.

И Тамара отомстила мне. Через много лет она призналась, что совратила Моню. Причём сразу же после вечера у Элика. Позвонила Моне в ИМАШ, как бы по делу, встретились и пошли к друзьям.

Но это случилось всего раз. Моня признал факт измены дружбе, но один только раз. Сколько она не соблазняла его на повторную встречу, Моня не поддавался.

Вот как вредна для любви щучья икра! Не было бы этой щучьей (так и хочется сказать «сучьей»!) икры, и не было бы измены мне сразу двух друзей – Тамары и Мони!

Это вы можете!

Одно время, что-то в середине 80-х годов, я стал необычайно популярен. У меня брали автографы прямо на улице, про меня снимали киножурналы, один из которых – «Человек с телеэкрана», был первым журналом с таким названием. Меня узнавали в очередях и пропускали вперед; узнавали в милиции и отпускали назад. Меня узнавали даже в общественных туалетах и за углом – с бутылкой. Прекрасные незнакомки сами стремились ко мне и, либо ломались ко мне домой, либо тянули к себе.

Множество курьёзных случаев было связано с этой «сверхпопулярностью», но самый необычный, произошёл в Германии уже в конце 90-х годов на презентации одной энергетической фирмы. Незадолго до этого у меня вышла в Германии научно-художественная книжка «В поисках энергетической капсулы», где был помещён мой портрет, да и телевидение ГДР раньше часто транслировало телепередачи с моим участием. Одним словом, я стал узнаваем и в Германии, что обнаружилось во время презентации.

Глава фирмы г-н Герхард Упхаус, удивлённый такой моей популярностью в Германии (кстати, сам он нашёл и «призвал» меня к делам своей фирмы, именно благодаря этой книге), водил меня с моим другом Сашей по праздничной «тусовке». Мы чокались и выпивали с гостями, где, кстати, г-н Упхаус и убедился в этой моей популярности.

Но вот он подвёл нас к импровизированной сцене, где выступали африканские артисты, и с уверенной улыбкой сказал: «Вот эти господа, г-н Гулиа, я уверен, вас знать уж никак не могут!». Это был негритянский народный ансамбль из какого-то африканского племени. Женщины в набедренных повязках и «топлесс», колоритный долговязый мужчина весь татуированный, разукрашенный краской, с кольцом в носу и шапкой из перьев, бил рукой в бубен, что-то пел своему, исполняя вместе с дамами танец своего племени.

Но каково было изумление г-на Упхауса, когда вдруг долговязый негр, перестав бить в бубен, буквально уставился на меня, и к удивлению присутствующей публики, сошёл со сцены и подошел к нам:

- Дратуйте, Дурбей Владимировит! – радостно проговорил он, протягивая руку, - я дак рад вас дес дстретит!

Мы обнялись; я налил стакан вина мужику с горящими глазами, в которых на фоне лица были видны только огромные белки, и мы выпили.

- Я даконтит удиверситет Патрис Лумумба в Модкве и всегда дмотрел вад по тедевидору! «Это вы модете» - был мой дубимый педедата!

Так вот оно что – это «свой брат», болельщик нашей передачи в бытность его студентом университета Дружбы Народов в Москве!

Телепередача «Это вы можете!» выходила в эфир, как минимум, два раза в неделю по центральным каналам: одна – оригинальная, другая – повтор. Шла она и по многим региональным каналам. Продолжительность передачи чаще всего была 45 минут, но в отдельные периоды она длилась больше часа. Постоянная аудитория зрителей составляла около 100 миллионов человек, а после каждой передачи телецентр получал многие тысячи писем. О нашей передаче говорил в своих выступлениях даже Президент Горбачёв.

Передача затрагивала почти все области жизни и интересов людей: самодельные автомобили, амфибии, летательные аппараты, музыкальные инструменты, кулинарию и оборудование для неё; медицину – роды в воде, ясновидение, таинственные явления и фантастические проекты, гипноз; домашнее творчество, сад и огород; даже сексуальные проблемы. Да это ещё я и половины всех тематик не упомянул! Поэтому контингент зрителей передачи был самым разнообразным: от детей с 7-8 лет до пенсионеров – самых страстных поклонников передачи. Кому сейчас свыше 30 лет, должны обязательно помнить нашу передачу!

Возникла она в середине 70-х годов прошлого века стараниями нашего первого ведущего – Владимира Александровича Соловьёва – души и сердца передачи.

Поначалу передача касалась только изобретений-самоделок, с неременной демонстрацией действующих образцов. Автор рассказывал о своём изобретении, показывал его в действии, говорил о перспективах. Затем следовало обсуждение устройства. В зале сидели

молодые специалисты, всесторонне эрудированные люди – Женя Островский, Никита Фаробин, Олег Катовский, Виктор Шумейко, Вика Калмыкова и другие. Особое место занимали такие неординарные люди, как Сергей Щербаков – здоровяк, богатырь с мрачным взглядом из-под нахмуренных бровей и фразами типа такой:

- Моя тёща – умная женщина, никогда бы не приобрела такую лабуду! (это насчёт какой-нибудь новой кастрюли, сковородки или дачной печки).

Или Валентин Архипов, «человек от сохи», калужанин, придумавший и построивший десятки необычных, почти фантастических земледельческих машин, озвучивавший голос «простого народа». Он же нередко читал свои стихи в стиле Василия Кирилловича Тредиаковского. Помните великолепные в своей неуклюжести стихи незабвенного Василия Кирилловича:

Стрекочущу кузнецу в златом блате суцу,
Золотому червецу по злаку ползущу...

А окончательное мнение об изобретении высказывало жюри, неофициальным главой которого был писатель, поэт и главный редактор популярного журнала «Техника-молодёжи» Василий Дмитриевич Захарченко. Кроме него в жюри сидели кандидаты наук – изобретатель Юрий Ермаков и теоретик Геннадий Зелькин.

Первое участие

И вот вдруг я получаю в Курске вызов на эту передачу. Дело в том, что в качестве «задела на будущее» мы изготовили детский маховичный автомобильчик. Он включался в сеть, маховик разгонялся, а потом ребёнок мог ездить на нём около километра. Фото этого автомобильчика обошло многие журналы, и Володя Соловьёв заинтересовался им для своей передачи.

Что ж, в назначенный срок в Москву выехала целая команда – я с автомобильчиком, водитель – сын Войтенков - Дима, лет шести, и его мама – Лида. Саша, немного ревнуя, погрузил нас в двухместное купе, и поезд повёз нас в Москву.

В Москве я впервые встретился с Соловьёвым - красивым, безукоризненно одетым человеком; мы обговорили сценарий выступления. Передача выходила в записи, которая длилась несколько часов. Я пригласил в студию Тамару и Моню – и для помощи, и «себя показать».

Технически всё прошло безукоризненно. Дима проехал несколько кругов, я показал, как автомобильчик «заряжают» и отметил, что такого же устройства могут быть и автомобили для взрослых. Вопрос обсуждался довольно бурно и, к сожалению, «скатился» совсем в другое русло - полезны детям или нет, вообще моторизированные средства транспорта. Щербаков, забывая всех своим могучим басом, гремел:

- Я не куплю для своего сына такую игрушку, пусть он лучше крутит педали – здоровее будет!

На это я предложил толстяку Щербакову отключить лифт в его доме, так он сам будет здоровее, да и, возможно, похудеет.

Василий Дмитриевич подвёл итоги, наш экспонат завоевал первое место (не помню уже среди чего), и я получил приз – транзисторный приёмник.

Передача выходила в эфир несколько раз, куряне были очень довольны, что их земляк «попал в телевизор». Раз уж я заговорил про передачу «Это вы можете!», расскажу, как складывались мои с ней отношения в дальнейшем, ведь эта передача стала существенной частью моей жизни в течение долгих лет.

Уже живя в Москве (а это произошло через года полтора после описываемых событий), я смотрю очередную передачу «Это вы можете!». С ужасом наблюдаю демонстрацию на ней безопорных движителей – «инерцоидов», с которыми я борюсь, как с личными врагами. «Инерцоид» - это современный заменитель «вечного двигателя», который сегодня изобретать стало уже «не престижно». А «инерцоид» - пока можно, его труднее «улучшить» в неспособность.

Я жду от жюри немедленного «разгрома» этого невежества, но жюри одобряет и благословляет эту химеру. Захарченко даже ожидает то время, когда «инерциды вместо ракет будут бороздить космическое пространство». Этого я уже не вынес – немедленно позвонил Соловьёву, и во избежание полной дискредитации передачи, предложил записать свой сюжет, разоблачающий «инерциды». Тот быстро согласился, а я, срочно изготовив «прибор Кавендиша» - крутильные весы, а также аналог инерцида, пришёл на запись.

Дело представили так, что прошлая передача давала возможность зрителям самим оценить реальность «инерцидов». А раз этого не последовало, то мы показываем их критический анализ. Я запускал «инерцид», как и в прошлой передаче по столу – он скакал быстро, как кузнечик. Кстати, все детские игрушки передвигающиеся толчками без приводных колёс – птички, лягушки, и им подобные – тоже «инерциды». При этом никто их не предполагает запустить в космическое пространство, чтобы «бороздить» его!

Но стоило мне привязать «инерцид» к одному краю коромысла крутильных весов, а на другом краю закрепить соответствующий противовес – «инерцид» разоблачал сам себя! Он беспомощно дёргался, будучи не в состоянии сдвинуться в какую-нибудь сторону. Всё дело в том, что на столе и другой поверхности, даже в воде, возникает некоторое сопротивление движению тел – то же трение. «Инерцид», кратковременно развивая большую силу в одном направлении, преодолевает это сопротивление и движется. В другую же сторону сила развивается маленькая, но длительная; она и не в состоянии сдвинуть прибор с места.

Каждый из нас может, если надо, сам стать «инерцидом», если встанет на сани, возьмёт в руки кувалду и будет колотить ею по задней части саней. При ударе сани будут передвигаться вперёд, а при замахивании молотом они просто не сдвинутся – сила трения удержит. В крутильных же весах почти нет никакого сопротивления – вот «инерцид» и становится беспомощным.

Я многократно выступал с лекциями перед изобретателями, демонстрировал им «инерцид» на крутильных весах, и как вы думаете, что они при этом делали? Они просто отворачивались в момент работы «инерцида», а потом говорили, что ничего не видели! Ну, как назвать такую болезнь – шизофрения или хитрость страуса, как известно, прячущего в невыгодных ему ситуациях голову в песок! Чуть позже я выпустил монографию «Инерция», где прямо на обложке был изображён опыт с «инерцидом» на крутильных весах. Думаете, это убедило горе-изобретателей? Ничуть!

Но поближе к передаче «Это вы можете!». Я убедил Соловьёва, что ему нужен в жюри хоть один эксперт, профессионально разбирающийся в механике, чтобы различные химеры либо не проникали на передачу, либо вовремя были разоблачены. Так я и вошёл в состав жюри.

Вскоре в этот состав был принят ещё автомобилист - Илья Туревский, и в таком составе жюри просуществовало много лет. Таким его и изобразил на своей карикатуре великий датский художник Херлуф Бидstrup. Стоит со своим самодельным автомобилем озадаченный изобретатель; напротив него за столиком, ведущий – Володя Соловьёв, а за ними – жюри. Вот тот, озверевшего вида мужчина в очках с чёрной бородой и в сванской шапочке, занёсший правую руку прямо над головой уважаемого Василия Дмитриевича – это я. С тех пор я сильно изменился – нет очков (прошла близорукость), нет чёрной бороды и волос (они поседели, и я их сбрил), нет даже сванской шапочки (её стали путать с еврейской «кипой», и я перестал её носить). Но озверелость осталась, это прошу учитывать!

Кто только ни побывал на наших передачах, с кем только ни столкнула меня судьба! Хорошо запомнился тогда ещё 94-х летний Л.С. Термен, изобретатель первого электронного музыкального инструмента - «терменвокса». Термен рассказывал, как однажды он буквально водил руками В.И. Ленина, обучая его игре на терменвоксе. «Руководил вождём мировой революции!» - опасно шутил он.

Оригинально прошла моя первая встреча с Л.С.Терменом. Меня делегировали встречать престарелого корифея и доставить его в студию. Я стоял у лестницы в помещении телецентра в Останкино, когда вдруг появляется Л.С.Термен, подходит ко мне и, почти как старик-Державин лицеиста-Пушкина, спрашивает: «Юноша, где здесь туалет?».

Наслышавшись о сыне легендарных А. Ахматовой и Н. Гумилёва – этнографе Льве Николаевиче Гумилёве, я с трепетом ожидал встречи с человеком, который для меня был символом русской интеллигенции. Но всё вышло несколько иначе.

Речь в передаче шла о кочевых народах, которые Гумилёв горячо защищал. А на моё замечание о том, что кочевники оставляют после себя лишь загаженную пустыню, он вдруг резко отреагировал:

- Молодой человек, а вам известно, что я профессор? Я вас на зачёт не допустил бы! – и всё это в микрофон. Несмотря на то, что Гумилёв грассировал на все буквы, и понять его было трудновато, я всё-таки его реплику «усёк», и тут же, тоже в микрофон парировал:

- А я не только профессор, но и доктор наук, к тому же - заведующий кафедрой, и с такими взглядами я бы никакого профессора до лекции не допустил!

Шум, смех в зале. Соловьёв мимо камеры грозит мне кулаком и делает страшное лицо...

«Досталось» от Гумилёва и Захарченко. Защищая русский быт, писатель упомянул русскую избу. На что Гумилёв, превозносивший юрту кочевников, строго спросил Василия Дмитриевича:

- А вы вообще-то русскую избу когда-нибудь видели?

Захарченко аж застонал от обиды и умоляюще посмотрел на Соловьёва:

- Володечка, зачем я должен терпеть такое?

А Володя и весь зал хохотали.

Встречались на передаче и люди откровенно безграмотные. Иногда я не выдерживал чьей-нибудь безграмотности, причём высокомерной, и, озверев, хватал стул или иной тяжёлый предмет и нападал на обидчика. Тот почти всегда позорно ретировался. Эти моменты Володя обычно оставлял в эфире – они вызывали «оживляж».

У того, кто помнит наши передачи, может остаться впечатление, что мы с Василием Дмитриевичем были антагонистами. На самом деле препирались-то мы чаще всего для пущего интереса. За исключением случаев, когда Захарченко требовал внедрения разработок кустарей-изобретателей нашими заводами. Как человек близкий к производству, я понимал, что это невозможно.

Пример: Кузов легкового автомобиля самодельщики чаще всего клеили из нескольких слоёв стеклоткани на эпоксидке. В лучшем случае вся эта склейка продолжалась неделю. А теперь представьте себе, что на ВАЗе внедрили бы этот метод. В год ВАЗ тогда выпускал не менее 660 тысяч автомобилей, в неделю – это около 15000. Где бы «сохли» целую неделю эти 15000 кузовов, и что стало бы со сборочным конвейером при этом? Тогда наши препирательства становились принципиальными.

Однажды в наш спор вмешался даже ЦК КПСС. Одному из секретарей ЦК КПСС, отвечающих за промышленность, показалось, что я таким образом охаиваю отечественное автомобилестроение (хотя его и надо было охаивать!). И он тут же после окончания эфира передачи, а это было около 11 часов вечера, звонит «суровому» и своему равному Председателю Гостелерадио Лапину, о том, что некий профессор в кожаном пиджаке из жюри «Это вы можете!» хулил нашу автомобильную промышленность.

- Узнать, навести порядок, доложить!

Лапин тут же ночью поднимает с постели Соловьёва и в ещё более действенных выражениях требует объяснений. Володя успокоил его, доложив, что агрессивный профессор – «свой человек» и полностью находится под «нашим» контролем. А мне Володя позвонил и сказал только:

- Сегодня ночью мне из-за вас попало!

А я передумал какие угодно сценарии этого «ночного назидания», но суть дела узнал только при личной встрече.

Мы с Василием Дмитриевичем хорошо «сошлись» на почве выпивки. Обычно, мы выпивку брали с собой, и, либо во время перерывов, либо, когда камеры «смотрели» не на нас, «пропускали» стаканчик – другой. Когда Володя замечал это, ругал нас нещадно.

А однажды, уже в начале «сухого закона» зимой 1985 года, мы с Василием Дмитриевичем, не придав этому закону серьёзного значения, принесли с собой выпивки на всю

нашу бригаду - жюри. После съёмок мы пригласили коллег отведать «чем Бог послал!», но те как-то вежливо отказались. Пришлось пить вдвоём – не пропадать же добру! Съёмки происходили в Институте Народного хозяйства им. Плеханова, и выпивать пришлось, почти как у Райкина - в «антисанитарных условиях» - в гардеробе. Гардеробщица стыдила нас и так, и этак, а мы только предлагали ей поддержать нашу компанию.

Была зима, страшный холод, и у «Волги» Василия Дмитриевича замёрзло лобовое стекло. Но, тем не менее, мы сели в машину, и Захарченко, опустив стекло левой двери, браво повёл машину, глядя в открытое окно. Таким образом он довёз меня до Таганской площади, близ которой я жил, и вдруг пронзительный милицейский свисток прервал наш кайф. К нам бежал ГАИшник в бушлате и меховой шапке со свистком во рту.

- Мы пропали! – патетически провозгласил Василий Дмитриевич и бессильно откинулся на сидение.

Разъярённый ГАИшник просунул голову в раскрытое окно, в нос ему «шибанул» концентрированный запах алкоголя, но вдруг... лицо его расплылось в широкой улыбке.

- Оба здесь, надо же! Чего же не попросили нас, чтобы довезли, зачем сами рисковали? – и ГАИшник стал рукавом бушлата оттирать лёд с лобового стекла.

Я вышел из автомобиля и заспешил домой. По дороге меня медленно обогнала «Волга». Машину вёл ГАИшник, а Василий Дмитриевич по-барски развалился рядом. Он опустил стекло и только успел сказать:

- Вот бл..., популярность, а!

Тогда же у Захарченко случилась большая неприятность. Он дружил с известным писателем-фантастом Артуром Кларком, жившим на острове Цейлон. И фантаст решил опубликовать в «Технике-молодёжи» свой новый роман целой серией статей, из номера в номер. Статьи стали появляться, их с интересом читали, и вдруг публикация резко оборвалась. А потом мы узнаём, что Василия Дмитриевича «снимают» с должности главного редактора журнала. В чём же дело?

Оказывается, «паразит» Кларк дал всем героям своего романа, имевшим русское происхождение, фамилии наших известных диссидентов. Эти герои как бы являлись их детьми, об этом свидетельствовали даже их отчества. Конечно же, не предупредить об этом своего друга было свинством со стороны Кларка. А наш Вася «прозевал» такую существенную для того времени деталь. Но бдительные «писарчуки» нашлись, и дело дошло до ЦК Нашей Любимой Партии. И Васю сняли... Он очень переживал случившееся. Участие в телепередаче хоть как-то сгладило шок от мгновенного прекращения его общения с людьми, читателями, обществом, через свой журнал.

И вот в июле 1990 года мы с Володей наметили «выездную» запись передачи из Киева, где я присмотрел хороший объект. В Киевском Гидропарке самодезьчики оборудовали почти полгектара территории, построенными своими руками тренировочными стендами. Это было бы самое масштабное творение самодезьчиков в наших передачах.

Но в конце июня, прямо во время эфира очередной передачи «Это вы можете!» мне домой позвонил наш администратор Саша Куприн. Я весело приветствовал его, но голос в трубке был сдержан и лаконичен: «У нас горе – Володя умер!»

Молодой, здоровый человек внезапно погиб от обильного инфаркта, который случился на даче. Это была первая для меня потеря столь близкого товарища, моего ровесника, потеря, так сильно изменившая течение моей жизни.

Ещё некоторое время передача, как бы «по инерции» продолжала существовать, сильно меняя свой «имидж». Сюжет из Киева мы всё-таки сняли, но ровно через год. Получился он хорошим. Но конец передачи был предreshён. Клуб наш, к сожалению, распался, и люди, более десятка лет бывшие столь близкими друг другу, расстались. Связывал всех нас наш дорогой друг и ведущий Володя Соловьёв. Без него всё потеряло свой былой смысл...

В конце 90-х годов была сделана попытка реанимировать передачу, и она на год вновь появилась в московском эфире под названием «Жизнь замечательных идей». Ведущим стал постоянный участник соловьёвской передачи - Женя Островский. По экономическим причинам эта

передача закрылась. Вскоре после закрытия передачи ушли из жизни молодой ещё Геннадий Зелькин и испытанный боец - «аксакал» Василий Захарченко. Я с трудом мог представить себе, что этот лежащий в гробу высокий худой человек – весельчак, жизнелюб, человек кипучей энергии, неутомимый и неугомонный Захарченко. Несмотря на солидную разницу в возрасте (он мне годился в отцы!), он мне был настоящим другом.

А чтобы сгладить траурный тон, я расскажу про очень весёлые съёмки моего новогоднего поздравления, где в последнем эфире передачи я поздравил москвичей с Новым 1998 годом прямо из проруби.

Узнав, что я «морж», телеканал ТВЦ, на котором транслировалась передача «Жизнь замечательных идей», попросил меня поздравить москвичей с Новым 1998 годом прямо из проруби.

Сценарий был несложен: в плавках, в красной шапочке Деда Мороза и при своей натуральной седой бороде, я должен был залезть в прорубь и спрятаться подо льдом. Снегурочка в купальном костюме – моя жена Тамара, тоже «моржиха», три раза ударяла по льду серебряным посохом и говорила: «Дед Мороз, вылезай, Новый год на носу!». Когда же я недовольно выбирался из проруби, ворча: «Кто меня разбудил, кто меня побеспокоил?», Снегурочка должна была сообщить мне, что пора поздравлять телезрителей с Новым 1998 годом. После чего я говорил: «Тогда чарку мне!», провозглашал поздравления и выпивал чарку. Для этого я забрал из дома свою «кровную» бутылку – 0,75 литра водки.

Но тут перед самыми съёмками ударили страшные морозы – ниже 30 градусов. Но не отменять же назначенного!

И вот мы всей съёмочной группой поехали на Красный пруд в Измайловском парке, где привыкли «моржеваться». Расставили аппаратуру, все приготовились, и я по команде режиссёра Жени Островского полез под лёд - ждать ударов посоха Снегурочки. Но... их всё не было. Задыхаясь, я вынырнул на поверхность и на всякий случай громко завопил: «Кто меня разбудил, кто меня побеспокоил?» А оказалось, что, занявшись перестановкой камеры, группа обо мне просто забыла. Снегурочка, она же Тамара, «для сугрева» налила мне чарку, и я снова полез под лёд. Секунд через двадцать послышались удары посоха, и я вылез. Произнёс, что было положено, и выпил чарку.

- Не пойдёт, не пойдёт! – закричал Женя. – Вы что, Снегурочку поздравляете? Обращайтесь, пожалуйста, не к ней, а на камеру!

Третий дубль снова не удался – я перепутал слова поздравления, но чарку, разумеется, испил до дна. На четвёртом дубле поначалу было всё хорошо, но я поскользнулся на лестнице и грохнулся о лёд, разодрав локоть. Рану залили водкой, остатки которой я допил для храбрости. На пятом дубле я уже сам не мог вылезти из воды, и на меня надели пояс с верёвкой, за которую незаметно тянули вверх. Но водка кончилась, и я отказался поздравлять без чарки.

Сердобольные зрители, к этому времени скопившиеся у проруби, великодушно предложили свою бутылку. Поэтому шестой дубль, прошёл нормально, за исключением того, что вместо слов «С Новым Годом!» я произнёс тоже три слова, но совсем других. Но «халявную» чарку всё равно выпил. На седьмом дубле я заснул прямо подо льдом, и меня не разбудили удары Снегурочки посохом. Тащили меня из проруби за верёвку всей съёмочной группой, причём активнее всех работала Снегурочка. Последнее, что я помню: как допивал дарёную бутылку прямо из горлышка.

Одеть меня так и не смогли – уложили на сиденье, покрыли моей же одеждой и привезли домой. Спал я два дня и проснулся как раз к Новому Году.

А тут передачу смонтировали. И когда мы со Снегурочкой смотрели её и слушали свои же поздравления, никаких мук творчества на экране заметно не было. Вспомните, может, и вы видели эту передачу и слушали мои поздравления из проруби. Можно ли поверить, что я при этом выпил почти полтора литра водки?

Снежный человек

Но вернёмся назад в 1974 год, когда я, проведя нервотрёпные для меня испытания автобуса, вышел-таки в отпуск и отправился в Москву. На юг Тамаре Ивановне ехать запретили врачи, но западное направление не возбранялось.

Тамара, уже не «пенсионерка», закончила учиться на вечернем отделении Плехановского института и работала в институте ВНИИТоргмаш. Я часто заезжал туда; познакомился я с начальником и сотрудниками Тамары. И среди последних возникла компания, пожелавшая поехать в отпуск на крайний запад нашей необъятной страны – в Калининградскую область. Буся был в курсе дела; ворчал, конечно, но разумной альтернативы предложить не смог. Для отдыха мы наметили город Светлогорск на Балтийском побережье; часть компании уже выехала туда, а часть, конкретно - я, Тамара и её начальник по прозвищу «Бугор», выезжала позже. Мы взяли четырёхместное купе, много выпивки, и выехали.

Бугор, как и его попутчики, были не промах выпить, и к ночи мы заснули без задних ног. Бугор, который сильно заикался, всё-таки сумел доказать, что ему лучше всего спать внизу, а нам с Тамарой – наверху. Потому что, если он заберётся наверх, то ему будет всё видно внизу, ну, а снизу верх не виден, полки-то не прозрачные!

Так мы и поступили. Тамара легла на полку над Бугром, я же - на противоположную. К середине ночи я проснулся и до утра сделал пару «ходок» на полку «визави». С утра начали выпивать снова и так увлеклись, что когда в наше купе постучали и спросили, не мы ли «бабу потеряли», мы и не сразу поняли, в чём дело. Выйдя за дверь, мы, к своему ужасу, обнаружили Тамару без намёка на одежду, и главное – без парика, весело пляшущую в коридоре. Тут же загнали её в купе, втащили на полку, пристыдили и, покрыв одеялом, продолжили наше занятие.

Поезд доезжал до Калининграда (Кёнигсберга), а дальше надо было добираться на пригородной электричке. Кёнигсберг почти у всех ассоциируется с именем философа Иммануила Канта; он жил, да и похоронен там.

Кант – один из моих любимых философов. Во-первых, потому, что он - великий механик и автор одной из первых космогонических гипотез. Во-вторых, потому, что он великий теолог, и я очень завидовал ему в этом. Богословие всегда привлекало меня, я даже в подражание Канту опубликовал своё доказательство бытия Бога. Так как прямо, «в лоб» доказать существование Бога невозможно, то я попытался сделать это как бы по-еврейски – «от обратного» («ад абсурдум»). Но это только для того, чтобы не отстать от Канта.

А если серьёзно, я считаю любые теоретические споры о том, существует ли Бог или нет, чистой воды идиотизмом. Это то же самое, если соберутся несколько «котов учёных» - старых драных котят, упитанных котиков и резвых котят, и они, усевшись перед телевизором, будут рассуждать о реальности или мнимости изображения на экране. Да как эти коты никогда не поймут смысла и технологии передачи изображения на расстояние, так и мы никогда не постигнем непостижимых для нас «высших сфер». А если мы высокомерно думаем, что достигли чего-то существенного в науке, особенно в науке о нас самих, то, как учёный (человек, имеющий полный джентльменский набор документов, официально удостоверяющих это!), уверяю вас, что мы выдаём мечту за действительность. Мы не знаем почти ничего!

Кант же мне нравится больше всего тем, что идею Бога он считает необходимой предпосылкой нравственности. Бедные, бедные атеисты – их жизнь безнадежна, пуста, лишена даже малейшего смысла. Ведь если ничего не было «до», и ничего не будет «после», имеет ли смысл этот миг – «сейчас»? Хотя это почти не мешает им так же весело пьянствовать и развратничать, как и нам, уверенным в себе «теологам». Мы-то знаем, что у нас есть будущее: ну, пожурят нас за прижизненные грехи, и определят куда-нибудь. Определят и их, правда, в места похуже, но они-то сами уверены, что висят над пропастью пустоты, что ничего-ничего их не ожидает. Бедные, бедные атеисты!

Знакомые из нашей компании, прибывшие в Светлогорск заранее, подобрали нам комнату, и мы с Тамарой устроились там неплохо. Расставили свои вещи по комнате, парфюмерию поставили на комод. Должен сказать, что хоть борода у меня и была, но шею я брил, причём электрической бритвой. А до бритья смачивал кожу особой жидкостью под названием «Пингвин» - раствор, кажется, квасцов в спирту, который ставил дыбом все волоски на шее и

других местах, которых касался. После этого бритвё – одно удовольствие. А почему я вдруг упомянул про жидкость «Пингвин»? А вот почему.

Поздним вечером, когда мы с Тamarой, уже выполнили свой «супружеский долг» и готовились спокойно заснуть, какая-то тень, бесшумно проникла к нам в комнату. Тамара чуть не завизжала от ужаса, но я быстро прикрыл ей рот рукой. Тень в полутьме начала шарить по комоду и, нащупала, наконец, мой «Пингвин». Тень понюхала пузырёк, а лосьон пахнул спиртом и одеколоном одновременно. Становилось интересно, неужели тень будет сейчас бриться? Но тень тихонько перелила «Пингвин» в кружку, которую держала в руках. Потом залпом выпила содержимое кружки, и тут уж нам пришлось срочно вскакивать с постели, включать свет, и оказывать тени первую медицинскую помощь.

Тенью оказалась наша хозяйка - она, видите ли, приняла мой «Пингвин» за одеколон и решила полечиться, потому, что у неё была «жога». От этой жидкости все волосы, которые, возможно, имелись у хозяйки в желудке, поднялись дыбом; она стала задыхаться и жалобно стонать. Я сбегал на кухню, набрал кружку воды и стал отпаивать хозяйку. Та выжила, но бриться я перестал – следующей порции «Пингвина» она не выдержала бы.

Нет, я это рассказал не для того, чтобы очернить хозяйку. Просто хотел показать, в какой компании мы жили. Конечно же, мы пили тоже, но не «Пингвин», и не по ночам. А так как в Светлогорске податься было некуда (в местный ресторан меня не пускали, потому, что я не взял с собой пиджака и галстука), мы ездили в Калининград. Там меня в ресторан пускали, в каком угодно виде. В зоопарк тоже, говорю я об этом потому, что мы туда зачастили.

Кроме того, что Калининградский зоопарк считался одним из лучших в Европе, там ещё можно было спокойно устроиться на скамейке и, глядя на наших братьев меньших, выпивать и закусывать. Особенно любили мы устраиваться перед бурым медведем, которого посетители научили показывать один неприличный жест за кусок хлеба. Мы смачивали хлеб портвейном, и мишка начинал нам показывать свой жест, причем с удвоенным неприличием.

Любили мы посещать и обезьянник. Почему мы, люди, любим смотреть на обезьян? Да потому, что ощущаем себя значительно культурнее и красивее их! Вы заметили, что люди, которые уступают в этих качествах приматам, не очень-то любят смотреть на них. Им остаётся любоваться разве что крокодилами!

И вот наступил день, оказавшийся для меня с Тamarой одним из самых весёлых в наш калининградский вояж. Как обычно, мы выпили с медведем, а потом перешли к обезьяннику. И там заметили одну небольшую клетку, которая оказалась не только свободной, но и с открытой дверью. Или она освободилась только сегодня, или просто мы её не замечали раньше. Когда Тамара выпивала, у неё в отличие от трезвого состояния, иногда возникали яркие, оригинальные идеи и мысли. Я полагаю, вы уже успели заметить это?

Так вот, идея Тамары заключалась в том, что «слабо» мне тихо раздеться и, пока никого поблизости нет, зайти в свободную клетку? И попытаться изобразить из себя гориллу, нет, шимпанзе, нет, Арон Гутана, или как там его? Гениальная мысль пришла сама собой – изобразить снежного человека, которого никто толком не видел, и поэтому не будут говорить, что, дескать, непохож!

Мы подобрали на мусорке кусок ровного картона от коробки и, изводя шариковую ручку, написали жирными печатными буквами: «Снежный человек. Возраст 30-35 лет. Пойман в окрестностях Калининграда. Не дразнить – опасно!».

Дождавшись, пока поблизости не было ни души, мы кусочками проволоки прикрепили эту картонку на клетку. Потом я в момент сбросил с себя одежду, и «мухой» влетел в клетку, закрыв за собой дверь и закрепив её той же проволокой.

Когда меня спрашивают, снял ли я тогда с себя трусики, то я, поражаясь неуместности этого вопроса, отвечаю на него вопросом же: «А видел ли когда-нибудь спрашивающий снежного человека в трусиках?» Да этого даже представить себе невозможно!

Раздетый, я мало, чем отличался от снежного человека нашей средней полосы. В калининградской местной газете была даже помещена выдержка: «Тело густо покрыто тёмной шерстью, на лице и голове также имеется избыточная растительность. Мышцы, обильно

присутствующие на теле, внушительные по размерам, выдают достаточно сильный экземпляр дикого животного. Наш калининградский «Йети» свободно передвигается по полу клетки на задних конечностях, иногда он быстро взбирается до потолка по ячейкам клетки и сильно трясёт её, при этом издавая нечленораздельные звуки».

Позволю себе здесь заметить одну неточность: звуки, которые издавал наш «Йети» были вполне членораздельные и даже цивилизные. Не представляя себе, какого рода звуки может издавать снежный человек, я вспомнил понравившуюся мне фразу из объявлений на сухумских магазинах: «Ахухахутра моапсыуэйт» («Торговля производится» - в переводе с абхазского). И я решил, что эта фраза, произнесённая с достаточно яростным выражением лица, достойна языка «Йети».

«А ху-хаху-тра! Моап-псы-уэйт!» - скаля зубы, ревел и рычал я, не рассчитывая, что возле клетки окажется знаток абхазского языка – таковых и в Сухуме немного.

Народ стал стекаться к клетке, и в этом немалая заслуга Тамары. Она стала разыскивать группки людей, подбегать к ним, возбуждённо крича: «Вы видели? Снежного человека видели? Только сегодня появился, недавно поймали, говорят!».

Народ гримасничал, повторяя за мной магические слова на абхазском: «Торговля производится». Тамаре пришла в голову удачная мысль, уговорить какого-то зеваку подать мне початую четвертинку водки. Я, ревя, принял её, неуклюже запрокинул над головой и сделал большой глоток. Подняв опять голову кверху, прополоскал себе горло и с диким бульканьем выпил водку. Народ ахнул: «Водкой горло полощет – во, сила!» Вторым глотком я, как институтский «малахольный» по прозвищу Фидель Кастро, прополоскал себе зубы и пустил водку тонкой струйкой в публику. Та шарахнулась в стороны.

Мне стали протягивать зажжённые сигареты. Я не люблю дыма, но фокус решил всё-таки показать. Оторвав от тлеющей сигареты «насусленный» кончик (мы, снежные люди, тоже брезгливые!), я быстро положил её себе на язык и спрятал в рот. «Съел горящую сигарету!» - восхитился народ. Затем открыл рот, выпустил клубы дыма, и пальцем «выстрелил» горящий окурочек в толпу. Толпа восторженно завывала.

В меня стали тыкать палками, «стрелять» окурками, и что хуже всего, я заметил людей, наставивших на меня объективы фотоаппаратов.

- Оставить своё изображение в таком виде? В городе великого Канта? Никогда! – твёрдо решил я, и грозным рыканьем предупредив народ, что торговля, несмотря ни на что, производится, сильно рванул дверь, и, сорвав проволочную петлю, вышел наружу.

Визг, вопли и мат сотрясли воздух, и толпы в момент не стало.

- Вот как надо в капстранах демонстрации разгонять! – успел подумать я, и стрелой бросился в кусты. Тамара – за мной. Через минуту аккуратно одетый джентльмен в очках, с бородкой и под ручку с красивой дамой, уже удалялся подальше от обезьянника. И никто даже заподозрить не мог в нем дикого «Йети».

Интереснее всего то, что четверть века спустя мне посчастливилось увидеть свою фотографию в клетке. А привёз её в Москву один мой знакомый, работавший в Калининграде на заводе электропогрузчиков. Ему удалось «щёлкнуть» меня в клетке, правда, снимок получился неважным.

- Чем-то на меня похож! – осторожно спровоцировал я на откровенность удачливого фотографа.

- Скажете тоже, Нурбей Владимирович – это же зверь дикий, а вы - наш уважаемый профессор! – широко улыбаясь, разубеждал меня земляк Канта.

- И то - правда! – вздохнув, согласился я.

Загул

Как-то, зайдя в комнату, где сидел Моня в ИМАШе, я не узнал помещения. Огромная комната была уставлена музыкальными инструментами, но не всеми, а только медными духовыми. Саксофонов, правда, не было, а валторны, трубы, тромбоны, и даже бас-геликон

присутствовали. И были ещё литавры – этикие латунные тарелки с ножным приводом. Нажмёшь на педаль, верхняя тарелка понимается, отпустишь её – опустится с торжественным звуком.

Объяснялось это скопление музыкальных инструментов институтской самостоятельности ремонтом какого-то склада. И перенесли инструменты туда, где имелось свободное место. Мона и я дули во все эти музыкальные трубы, но либо вообще не могли извлечь ничего, кроме хрипа, либо извлекались такие ужасные звуки, что становилось страшно за наш готический ИМАШ. Казалось, что от этих диких, первобытных звуков он может рухнуть, как некогда Иерихон.

Но вскоре инструменты унесли, но не все. Литавры-то Мона припрятал, и они навечно остались в лаборатории. А на мой вопрос – для чего Моне эти литавры, он, хитро прищурившись, ответил:

- А когда ты придёшь или позвонишь и скажешь, что тебя утвердили доктором, я подойду сюда и ударю в литавры!

Долго ли, коротко ли, но наступил день, когда я, по обыкновению, приехав в Москву, позвонил инспектору ВАК, назвал фамилию и поинтересовался, как мои дела.

- Вас утвердили! – неинтересным голосом ответил инспектор.

- Не может быть! – тут же парировал я, не веря своему счастью.

- Почему же? – уже заинтересовано спросил инспектор.

- Да нет, может, и утвердили, конечно, но мне хотелось бы получить об этом справку с печатью! – во мне проснулся бюрократ.

- А мы вам вышлем на домашний адрес через недельку-две! – успокоил меня инспектор.

- А нельзя ли сейчас получить такую справку от вас? – настаивал я.

- Хорошо, принесите открытку с заполненным вашим адресом и фамилией, я отмечу утверждение и поставлю печать! – уже раздражаясь, проговорил инспектор.

Я так и сделал. Инспектор, качая головой, унёс открытку куда-то, и вскоре появился, неся её обратно. На белой официальной открытке стояла прямоугольная печать: «Утверждено» и дата, проставленная ручкой. А в стороне – подпись и круглая печать: «Высшая аттестационная комиссия СССР».

Тут же была найдена двухкопеечная монета, и я по автомату звоню Моне в ИМАШ.

- Мона, литавры ещё стоят у тебя?

- А что? – совсем по-карайларски переспросил Мона.

- А то, что подойди и ударь в них! – приказал я, - с тобой, жалким кандидатом, говорит утверждённый доктор наук!

В трубке молчание, а затем – торжественный звук литавр.

Я-то ожидал, что Красин, став председателем секции, если не «завалит» мою диссертацию совсем, то промурыжит её годы. Но, как мне рассказал всезнающий Буся, Красина «завалили» самого, как я того ему и пожелал. Но ведь Бусю, Генбома и других знакомых «заваливали» в ВАКе и без «помощи» Красина. Кому же я обязан тем, что меня утвердили так быстро?

В первую очередь моему «заклятому другу» - Илларионову. Когда в комиссию ВАК пришли целые тома стенограмм выступлений почти всех членов Совета, и бессмысленное, но злобное «блекотанье» Илларионова, там обосновано решили, что работу достаточно подробно и пристально рассмотрел сам Совет, и нечего повторять его функции. Бусю, кстати, «завалили» как раз потому, что у него не было ни одного выступления в прениях. Работу его Совет принял «на ура».

И ещё была одна причина, о которой я узнал позже, на записи очередной передачи «Это вы можете!».

Обсуждалась автомобильная тематика. Моё внимание привлёк высокий худой старик с невероятно презрительным выражением лица, одетый в засаленную куртку и необыкновенной формы картуз. Странный старик интересовался всеми представленными автомобилями, заглядывая во все щели и пробую машины почти, что на вкус. Презрительное выражение на его лице при этом все усиливалось.

Неожиданно я оказался в одной группе с этим стариком. Разговор зашёл о кузовах – двух и четырёхдверных, и я почему-то решил рассказать незнакомому старику известную в

автомобильных кругах байку о том, как «Москвичи» стали четырёхдверными. Вроде бы, первая модель была двухдверная, и когда её показывали Сталину, он сел рядом с водителем, а сзади разместился главный конструктор завода. Машина сделала несколько кругов по заводскому двору, потом остановилась. Сталин сидел молча и не выходил. Главный конструктор подождал немного и говорит: «Товарищ Сталин, мне выйти нужно!». А тот отвечает: «Вам нужно, вы и выходите». А ведь выйти он не может без того, чтобы Сталин вышел сам и пропустил его. А тот выходить не хочет. Вот после этого и стали «Москвичи» делать четырёхдверными.

Рассказывая эту историю, я заметил, что вся группа как-то настороженно слушает байку, а старик смотрит на меня с явным раздражением. «Молодой человек», - обратился он ко мне, когда я закончил, - «знаете ли вы, кому рассказываете эту «лабуду?». «Нет, не знаю» - растерялся я. «Так вот знайте - я и есть тот главный конструктор, который сидел позади Сталина!»

Так я познакомился с профессором Борисом Михайловичем Фиттерманом, по его словам, конструктором первого «Москвича».

А Фиттерман смотрит пристально на меня и ехидно улыбается.

- А хотите ли знать, молодой человек, что я – ваш ангел-хранитель? – задал мне неожиданный вопрос Борис Михайлович.

Я аж рот раскрыл от удивления – вот и встретился, наконец, с моим ангелом-хранителем в лице этого еврейского старца.

- Мне направили вашу докторскую диссертацию из ВАК как «чёрному оппоненту». Знали, что я почти никому положительных отзывов не даю. А ваша работа мне понравилась. Она – смелая и ни на чью другую не похожа. Несколько преждевременная, правда, лет через пятьдесят ей бы появиться – в самый раз! Но положительный отзыв я вам дал, а сегодня и познакомился с вами лично! А вы мне байки про то, кто сидел позади Сталина, рассказываете!

Я с благодарностью пожал протянутую Борисом Михайловичем руку, и он показался мне красивее самого Алена Делона.

Как и следовало ожидать, я обмывал моё утверждение. В первый же день с Тамарой в ресторане гостиницы «Националь», в том старом корпусе-коробке, что уже разрушили. Познакомился и танцевал я там с очаровательной шведкой лет четырнадцати, не по годам рослой. Та, в свою очередь, представила меня своей маме, тоже очаровательной, тоже шведке, но лет тридцати. Не успели мы по душам разговориться по-английски, как подошла Тамара, и, надавав мне подзатыльников, увела прочь. Шведские «мать и дитя» хохотали от души.

А назавтра выпивали мы уже в ИМАШе, в лаборатории, при закрытых дверях.

- Что это ты всё с одной, да с одной ходишь? – недовольно спросил меня один из сотрудников Мони, давний мой приятель по имени Алик, - да ещё она и сюда повадилась ходить, «слопает» она тебя и не моргнёт! Хочешь новую бабу – молодую, лет двадцати? – предложил Алик, - сегодня же!

И он набросал план действий. Я звоню на работу к Тамаре, говорю, что выпиваю сегодня допоздна с друзьями и там же остаюсь на ночь. Алик звонит своей «бабе» – тоже молоденькой девушке и предлагает встретиться, только чтобы та привела свою подругу. Встречаемся и идём на квартиру к Алику, где две комнаты – на всех хватит.

Разгорячённые выпивкой и масштабом планов, мы пришли на место встречи и обнаружили только знакомую Алика по имени Люба. «Моя» по имени Люда должна была скоро прийти. Алик её хорошо знал, и что греха таить, имел на неё определённые планы. Тут в его голову пришёл гениальный вариант плана.

Он отозвал меня в сторону и спросил, нравится ли мне Люба. Получив утвердительный ответ, он раскрыл мне свой план. Мы берём в магазине чего надо, и я с Любой еду на квартиру Алика, ключ от которой он даёт мне. Сам же остаётся ждать Люду, и забирает её туда же. Но эта «легенда» - только для Любы. На самом же деле Алик и Люда едут к нему на дачу, на своё собственное свидание. А я остаюсь с Любой и поступаю с ней, как заблагорассудится.

Но «хотели как лучше, а получилось как всегда». Иначе говоря, Люба-то со мной пошла, а вот Люда идти с Аликом отказалась. Они поссорились, и Алик уехал один. Мы же с Любой, утомившись ждать друзей, стали выпивать сами. А тут позвонил Алик и сказал Любе, что он

сегодня к нам не приедет, и мы можем поступать, как захотим. Я услышал только, что Люба обозвала кого-то по телефону свиньёй.

Мы допили всё, что оставалось и легли спать. Люба произвела на меня отличное впечатление, и уже утром я предложил ей взять отпуск и ехать со мной на море. Она согласилась. Я заезжаю днём в Мамонтовку и беру свой портфель. Тёте Полли говорю, что с Тamarой всё согласовано.

Вот тут кончается всё хорошее и начинается один кошмар. В ИМАШ, где я сидел и точил лясы с Мoneй, звонит Тамара и строжайше приказывает мне прибыть в Мамонтовку. Иначе – она едет к Бусе на субботу и воскресенье! А у меня на шесть вечера назначена встреча с Любой. Не зная, что и предпринять, я иду на встречу с Любой и вместо блондинки Любы ко мне подходит тёмноволосая девушка и называет себя Людой. Говорит, что Люба занята и попросила её, как подругу, провести вечер со мной. Подруга мне тоже понравилась, и я приглашаю её в квартиру Алика, благо сам Алик на даче.

Она идёт со мной, мы почти не выпиваем, только разговариваем, а когда дело доходит до «дела», Люда начинает собираться домой, и, несмотря на мои протесты, уходит. Я – в прострации: в Мамонтовку ехать уже поздно, одному оставаться – ох, как не хочется. Звоню домой Любе – она уже ложится спать, у неё и у Алика есть ко мне важный разговор. Она с утра едет к нему на дачу и приглашает меня заехать туда же попозже, часам к двенадцати.

Время уже за полночь, выхожу из дома немного проветриться и привести мысли в порядок. Прохожу мимо телефонной будки и вижу – в ней стоит рослая, хорошо одетая красивая девка, почему-то босая, и пьяным голосом кричит в трубку:

- Гиви... твою мать, дай мне Шоту! Шота – ты? А где он? Тьфу, твою мать! – плюёт в трубку и бросает её висеть на проводе.

Я строго выговариваю ей, что так делать не следует, вешаю трубку, и замечаю, что с грузинами, да и вообще с кавказцами дело иметь опасно...

- Тебя как зовут? – вдруг спрашивает девица с отчаянным выражением на лице.

- Влип, - думаю я – это же курам на смех – советую не иметь дела с кавказцами, а сам – при таком имени...

И отвечаю ей по-еврейски - вопросом на вопрос:

- А тебя?

- Я – Маша! – пьяным голосом отвечает девица, выходит из будки, берёт меня под руку, - пошли!

- Куда? – в ужасе спрашиваю я.

- К тебе, ко мне – безразлично! Мне плохо - понимаешь? – заглядывая мне в глаза, быстро говорит босая Маша.

- Как не понять – самому плохо! – и я, взяв грех на душу, веду Машу в квартиру Алика.

Мы выпиваем, что осталось, а осталось почти всё; Маша рассказывает мне какую-то ахинею про её любимого Шоту и «пидораса» Гиви. Она плачет, целует меня и спрашивает - не грузин ли я, так как очень похож на её Шоту...

Маша сама тянет меня в койку, и ведёт себя там очень страстно, приходится даже прикрывать её рот, чтобы соседей не испугать. Потом мы выпили ещё и забылись.

Просыпаюсь я часов в шесть – Маши нет рядом. На цыпочках выхожу из комнаты, а моя рослая босоногая фея, в чём мать родила, роется в ящиках Аликиного комода...

Вот почему Шота «игнорирует» Машу – она же воровка! – доходит до меня.

- Маша! – громко крикнул я, и голая леди вздрогнула и выпрямилась, - у тебя туфли украли?

- Украли, - кивает она головой, как болванчик – украли!

- Но разве это хорошо, - продолжаю я, - вот ты и ходишь босая! Квартира эта чужая, понимаешь ли ты, подо что меня подводишь? Ложись! – как офицер солдату, приказываю я.

Маша забежала в «нашу» комнату и мигом исполнила приказ.

- До чего ж хороша девица – между делом думаю я – и красива, и страстна – а воровка! Да и проститутка, уж точно! Жалко, а какой любовницей могла бы стать!

Утром она выпила крепкого кофе, я – чаю. Даю ей двадцать пять рублей на туфли; не итальянские, конечно, но неплохие советские купить можно. И выпроваживаю с поцелуем за дверь. Мне пора ехать на дачу Алика, а это вёрст семьдесят на электричке, а потом пешком километра четыре.

Преодолеваю этот кошмарный путь, калитка на участке открыта, стучу в дом. Двери открывает Алик и таращит глаза от удивления:

- Что случилось? Пожар, ограбление?

- Да нет, с квартирой всё в порядке, а Люба – у тебя?

Глаза у Алика вытаращились по максимуму, и он только спросил:

- А с тобой тоже всё в порядке? Что ей здесь надо?

Тогда я пояснил ему ситуацию, и он всё понял.

- Девки сговорились, и решили нас проучить – пока тебя, да и мне, видимо, надо ждать подлянку! Хочешь, оставайся – погуляем, выпьем, а хочешь – иди, выясняй отношения!

Я поблагодарил и побежал на станцию. У меня начиналось состояние лихорадочной любовной гонки, такое состояние Цвейг называл «амок». Что делать? Звонить Любе, выяснять отношения? Ведь мы с ней договорились ехать на море. Кто лукавит – Люба или Алик? А вдруг Люба – у Алика на даче, спряталась в доме? Тогда зачем он приглашал меня остаться?

Еле дотерпел до прихода электрички, прибыв в Москву, наменял на вокзале двушек и принялся звонить.

У Любы в трубку ответил мужской голос, попросил назваться. А когда я это сделал, то голос послал меня матом подальше. Мне показалось, что был он с армянским акцентом. Тогда я снова набрал номер Любы, и когда услышал его «але?», то вслух вспомнил все самые грязные армянские ругательства. Я продолжал их вспоминать даже тогда, когда трубку повесили. Всё – Любу надо вычеркнуть!

Меня била лихорадка. Решено – звоню Бусе.

- Привет! – добродушно откликается Буся.

- Позови Тамару! – прошу я.

- Тамар – тебя! – кричит Буся, потом в трубке слышна какая-то перебранка, и Буся удивлённым голосом отвечает мне: - Не хочет подходить! Разбирайтесь сами, не впутывайте меня в свои дрязги! – уже кричит Буся и вешает трубку.

Я в бешенстве – куда податься? И вдруг я вспоминаю – Таня! Моя самая яркая любовь в молодые – аспирантские и даже «кандидатские» годы! Звоню.

- Таня, я в Москве проездом, так хочу видеть тебя, как, зайти можно?

В трубке долгое молчание, а затем Таня отвечает:

- Хорошо, заходите, Нурбей Владимирович!

Заметно, что она немного выпила. Бегу, лечу к Тане. Успеваю взять бутылку и цветы. Таня дома одна, но смотрит странно, говорит на «вы».

- По какому случаю вспомнили обо мне? – с вызовом говорит Таня, на глазах её блещут слёзы, - узнали, что замуж выхожу?

Я только рот открыл. Вот этого не ожидал! Хотя женщина она - молодая, красивая!

- За кого? – интересуюсь я.

- Ты его должен знать, - в вашем отделении ЦНИИСа работает, кандидат наук, - и Таня назвала фамилию.

Я припомнил невысокого крепкого человека, боксёра, кажется. Чуть старше меня, а вот как звать – забыл.

- Нурбей Владимирович, - Таня снова перешла на «вы» и голос её стал серьёзен, - подумайте, и если у вас отношения ко мне серьёзные, то я дам ему отвод!

Я опять остался с открытым ртом. Таня плакала, уже не сдерживая себя. Я открыл бутылку, налил ей и себе. Выпив, она успокоилась.

- Сколько пережила, ты же ничего не знаешь! – только начала Таня, и тут раздался звонок. Таня вышла открыть дверь и вошла на кухню вместе с женихом. Жених, подозрительно глядя на меня, кивнул, и вынул из портфеля бутылку водки.

- У тебя, я вижу, гости! – угрожающим тоном проговорил «жених», обращаясь к Тане.

- Брось ты, давай лучше выпьем! – предложил я и разлил мою бутылку по стаканам.

Молча выпили. Вдруг Таня, не выдержав напряжения, разрыдалась. Жених сжал кулаки.

- Уходите, Нурбей Владимирович, лучше уходите! – рыдая, причитает Таня, - ничего хорошего из этого всего не выйдет!

Я только хотел спросить, из чего это «всего» ничего не должно выйти, как получил резкий удар в челюсть. Из глаз - искры, сознание – сумеречное. Тут поднялся крик попеременно с матом. Опомившись, я схватился за холодильник и нанёс мой любимый удар ногой в живот обидчику-жениху. Тот падает, успев схватить меня за ботинок. А так как ботинок был без шнурков, то он свободно снялся и оказался в руках жениха. Зато нога осталась со мной. Таня обхватила жениха руками, не давая ему продолжать драку. Я осмотрелся, ухватил с холодильника непечатую бутылку водки и, хотел, было, врезать обидчику. Но потом передумал, сунул её за пояс, и как был без ботинка, так и выскочил за дверь.

Но это уже был не я, а неразумный, одичавший зверь. Я помнил квартиру Буси - на Сиреневом бульваре и решил ехать туда.

- Убью обоих гадов! – вертелась пьяная мысль в голове. Но всё-таки решил снова позвонить из автомата.

- Буся, я еду к тебе! – страшным, с моей точки зрения, голосом проговорил я, - убью и её, и тебя! Ждите расплаты! – добавил я и повесил трубку.

Таксист не хотел брать меня полу-босого с одним ботинком, но я авансом заплатил ему десятку, и тот поехал. Уже вечерело, смеркалось быстро. Я зашёл в знакомый подъезд, поднялся на третий этаж и позвонил в дверь. Никто не открывает. Прислушался – за дверью тишина, тогда я мухой слетал вниз к автомату, набрал номер Буси и повесил трубку на проводе. Снова мухой - на третий этаж к двери. Слышу, из квартиры доносятся длинные гудки. Вот сейчас поднимут, думаю, трубку, тогда я выламываю дверь и выполняю свой «кровавый план» - режу или душу обоим! Но трубку не берут, и я в недоумении спускаюсь вниз. Куда девать себя, я сейчас взорвусь, как бутылка с карбидом в канализации!

Мимо идут, обнявшись, трое парней, и шатаясь, горланят песни. Я подбегаю, молча кидаюсь на среднего, хватаю его за горло, пытаюсь задушить. Двое других, что по краям, опешили, но потом начинают колошматить меня, чем попало. Я упал, пытаюсь встать, но тут недодушенный средний наносит мне удар ногой в живот. Я снова падаю и теперь надолго – дыхание перехватило. Трое ушли, снова обнявшись и продолжая свою песню.

Приподнявшись, я прислонился к дереву. Нащупал бутылку – она цела и даже не выпала из-за пояса. Раскрыв рот, потрогал зубы, все вроде целы. Глаза тоже. Жизнь продолжается!

Вдруг вижу на дороге едущий навстречу мне УАЗик. Голосую – остановился. Глянув на меня, водитель решил, было, не брать, но я его упротил.

- Ребята, на меня напали хулиганы и избili. Довезите домой, заплачу, сколько скажете!

Подобрали, повезли.

- Ты хоть знаешь, на какой машине едешь? – весело спрашивает водитель, - это же «синий крест» - скорая ветеринарная помощь!

- Это уж точно по назначению! - нахожу я силы улыбнуться.

Дома (у Алика, разумеется!), я помылся и завалился спать. Проснувшись, что-то в полдень, я убедился, что практически цел, даже синяков нигде нет. Порылся в старых вещах Алика, нашёл подходящие ботинки, размером, правда, побольше моих. И снова стал думать свою думу – куда податься?

Вдруг мысль – Лора! Если, конечно, она не уехала на дачу. Звоню, с замиранием сердца слушаю гудки, и вдруг знакомый голос – сама подошла к телефону. Делаю голос повеселее и побезразличнее:

- Лора! А ты чего не на даче?

- Ха-ха-ха, - загадочно смеётся Лора, - а какие планы у тебя?

- Мои планы полностью совпадают с твоими! – отшучиваюсь я.

- Тогда приезжай! – тихо и загадочно зовёт она.

И вот через час я звоню в знакомую генеральскую квартиру на Чистых Прудах. В портфеле у меня «джентльменский набор» - две бутылки вина и цветочки. Лора встречает меня празднично одетая, накрашенная и надушенная, с многообещающим взглядом. В комнате на столе – праздничная закуска, включая мои любимые маслины.

- Ах, Лора, ты, видать, тоже «на голодном пайке»! – удовлетворённо подумал я, - тогда мы сегодня - «два сапога пара»!

Ничего другого мне сегодня и не надо было - всё происходящее в уютной и такой знакомой комнате Лоры было пределом мечтаний. «Хорошо, что не удалось убить вчера Бусю и Тамару!» - философски размышлял я, лёжа с Лорой, уже удовлетворённый.

А в понедельник утром мы с Лорой, как два голубка, вместе явились на работу в ИМАШ. Звонит телефон, и я привычно беру трубку.

- Алё?

На том конце пауза и после неё такой любимый низкий голос:

- Ты в порядке?

- А что? – как обычно, «не по-русски», ответил я.

- А то, что мы с Бусей сидели в кустах и всё видели. Как ты в одном ботинке с бутылкой водки за поясом гонял вверх-вниз по лестнице, как напал на чужих ребят, как они тебя отмузили, и как тебя забрала ветеринарная помощь! Что с тобой, чего ты хотел?

- Убить вас обоих хотел за прелюбодеяние, - с сожалением вздохнул я, - но, видишь, не вышло!

Мы помолчали.

- А теперь, - перешла на приказной тон Тамара, - немедленно приезжай во ВНИИТоргмаш, я хочу показать тебя народу, а то тут идут слухи, что ты меня бросил.

- Надо же, в Москве-мегаполисе, а слухи разносятся мгновенно, как в какой-нибудь Обояни! Однако, бегу! – полностью осознавая своё поражение, покорно сообщил я, и, поцеловав Лору, «почапал» в чужих ботинках во ВНИИТоргмаш.

Первым делом Тамара завела меня к Бугру, и, подтолкнув вперёд, сообщила:

- Слышь, Бугор - эта пьянь и рвань вернулась!

Бугор незаметно подмигнул мне, я тем же макаром ответил ему, и меня повели дальше. Тамара заводила меня в разные комнаты и кабинеты, где сообщала одну и ту же новость, иногда добавляя:

- А кто-то говорил, что эта пьянь и рвань меня бросила!

Тамара немедленно оформила отпуск и повезла меня в Мамонтовку. Появиться перед «тётей Полли» было для меня пуще ножа в печёнку, но я вытерпел и это.

- Проси у тёщи прощения! – похлопывая меня по темечку, приказала Тамара.

- Простите великодушно, больше не повторится! – скосив глаза и испуганно мигая, пролепетал я любимую фразу лаборанта Славика.

- Да ну вас всех к лешему! – отмахнулась тётя Полли, и я, кажется, был прощён.

Мы хорошо выпили, попели немного в два голоса и легли спать.

- Нет, гулять, конечно, хорошо, но дома лучше, спокойнее! – успел подумать я, уже засыпая после исполнения гражданско-супружеского долга.

Одесса

Я предложил Тамаре поехать на море в Одессу, вернее рядом – в Ильичёвск, к Феде Кирову, который постоянно приглашал меня в любом составе. Его жена Лера была демократичной женщиной, тем более Федя сказал ей, что Тамара моя жена.

Встреча в Ильичёвске была блестящей – вечером к нашему приезду стол был уже накрыт, а в качестве выпивки преобладало шампанское. Поддав, как следует, мы уже почти ночью всей компанией отправились купаться на море.

Меня всегда поражали беспечность и безрассудство нас – русских людей. Едва держась на ногах, мы чуть ли ни на четвереньках, как черепахи, заползли в море. Хорошо бы, как черепахи морские, а то - как сухопутные, мы тут же стали тонуть. Я только и делал, что вытаскивал на берег уже почти захлебнувшихся Тамару и Леру, да и Федю пришлось долго толкать к берегу, так как прибой не позволял ему выплыть. И это всё в кромешной тьме. Я аж отрезвел с перепугу.

По утрам я чаще всего ходил с Федей в его лабораторию – маленький домик на самом берегу моря. Там мы быстро решали возникающие научно-технические вопросы, и, оставив сотрудников работать, шли купаться. К этому времени к нам присоединялись Лера и Тамара. Вечером же мы занимались одним и тем же – выпивали в квартире или, что было романтичнее, «в хижине дяди Федеи», как мы прозвали лабораторию на берегу моря.

Фёдор очень любил Одессу, и мы часто наезжали туда. Мне Одесса не понравилась – люди там грубоватые, говорят очень громко, готовы обмануть тебя всегда и во всём. А женщины вообще ведут себя совершенно беспардонно.

Идём как-то всей компанией по пляжу, ищем место, где бы приземлиться. Видим – под большим зонтиком выпивает какая-то компания. И вдруг от компании отделяется и неровной походкой направляется ко мне жгучая брюнетка моего возраста в купальном костюме. Она машет рукой – остановись, мол.

Я стою в плавках и жду, что же будет дальше. А дама подошла, оценивающе оглядела меня с головы до ног и прокричала своей компании:

- Послушайте, этот чудака мне очень даже понравился!

И не обращая внимания на стоящих рядом Тамару и Леру, обнимает меня за шею и целует в засос. Я чуть губ своих не лишился от этого засоса – дама видимо, решила взять у меня пробу желудочного сока на кислотность. Я вырывался, как мог, и освободился только с помощью наших женщин. А одесская львица, помахивая окороками, снова пошла к своим под зонтик.

Или другой пример. Зашли мы как-то в этот хваленый «Гамбринус», что на Дерибасовской. И что в этом «Гамбринусе» находили Куприн, или кто-то там ещё, и восторгались им? Грязный подвал, пропахший прокисшим пивом и сигаретным дымом. С трудом нашли столик, смахнули с него рыбы скелеты и чешую, поставили свои кружки и положили раков. И тут же появляется фурия с грязной и мокрой тряпкой, обзывает нас «скотобазой», утверждает, что место нам не здесь, а «под Привозом». А затем начинает своей ужасной тряпкой вытирать столик, задевая наши кружки и наших раков. Я заметил, что у неё поранены почти все пальцы правой руки; пальцы были перевязаны грязными бинтами, а поверх них были надеты резиновые напальчники, похожие на детские презервативы. Вы после такого зрелища и такой встречи пришли бы снова в «Гамбринус»? Вот и я говорю...

Но настоящим шедевром нашего застолья в Одессе был вечер в ресторане, что на Морвокзале. Ресторан большой, красивый, стоял на сваях над морем. Выпили, конечно, неплохо, но чуть больше нормы. Я сижу, отдыхаю, Федя танцует с Лерой, а Тамара – с каким-то хмырём. Вдруг ко мне подкатывает наша официантка, толстая женщина лет пятидесяти и огорошивает меня:

- А вы знаете, что ваша жена вот там целуется с каким-то чудаком, - и официантка пальцем указывает куда-то вглубь ресторана, - а я-то думала, что она интеллигентная женщина!

Я взбесился – нашла, где свои пьяные замашки демонстрировать! Обнаружив Тамару с этим хмырём, я влепил ей пощёчину и, ухватив её за край декольте платья, вырвал полосу до самого подола. Платье так и упало с её плеч под аплодисменты присутствующих. Хмыря - как ветром сдуло. А Тамара, оказавшись в нижнем белье, не осталась в долгу - хватает с чужого стола пустую бутылку, и яростно разбивает её об мою голову. Крик, шум... Прибегает наша официантка и требует оплаты по счёту, прежде чем нас заберёт милиция.

Лера подколола платье Тамары неизвестно откуда взявшимися булавками, Федя вытер у меня с головы кровь, и мы, расплатившись, стали собираться уходить. Официантка провожала нас со словами: «А я думала, что вы такие интеллигентные люди!»

Вышли мы на площадь у морвокзала на остановку такси в весьма агрессивном настроении. Впереди нас в очереди была лишь одна компания, тоже четыре человека – пожилая еврейская чета и, видимо, их дети – мужчина и женщина нашего возраста.

Такси долго не было, и «антисемит» Федя стал приставать к пожилой чете (как оказалось, они отмечали «круглую» годовщину своей свадьбы), обвиняя их во всех бедах, в том числе и в отсутствии такси. В препирательства включились наши дамы и молодой еврей. А пока они ругались, я тихонечко отвёл молодую еврейку за щиток с каким-то объявлением, и мы затеяли с ней поцелуйчики, всё более увлекаясь этим занятием. Я до сих пор помню стремительно меняющееся выражение её иссиня-чёрных глаз – сперва гневное, потом испуганное, затем восхищённое, а под конец – какое-то мученическое.

Но тут крики с остановки такси прервали наше занятие, и мы побежали на помощь в разные воюющие лагеря.

Посреди площади на спине лежал Федя, его пытались ударить ногами молодой и старый еврей, а Лера, размахивала сумкой на ремне, отгоняя их от мужа. Тамара и старая еврейка растаскивали драчунов. Наконец, Федя поднялся и накинулся на обидчиков. В этот момент из одноэтажного здания морской милиции, расположенной на площади над самой кромкой воды, выбежали милиционеры и потащили всех дерущихся «до себя».

А мы с молодой еврейкой припоздали, и нас не забрали. С грустью, взглянув на щит, за которым нам так было хорошо, мы забарабанили в двери милиции – наша гражданская совесть взяла верх.

Вышедший милиционер пытался нас отогнать, но мы решительно заявили, чтобы нас тоже «забрали», ибо мы принадлежим к арестованным противоборствующим сторонам.

Сперва допрашивали еврейскую бригаду – с ними было всё ясно, это была явно потерпевшая сторона. Затем их выпустили в предбанник и запустили «агрессоров», то есть нас. У меня единственного с собой был паспорт, и я, помахивая им, подошёл к столу первым.

- Фамилия! – строго спросил лейтенант, составлявший протокол.

- Гулия, - ответил я, на что раздался весёлый гогот милиционеров.

- Это не твоим ли именем назван наш флагман сухогрузов? – сказал лейтенант, указывая куда-то вверх.

Под потолком комнаты было длинное окно, в которое ясно было видно название пришвартованного корабля: «Дмитрий Гулия». Я, конечно же, знал о таком корабле, и даже был знаком с его капитаном. Этот корабль был назван в честь моего знаменитого деда.

Стараясь не волноваться, я сказал, что корабль назван не моим именем, но фамилией уж точно моей, ибо Дмитрий Гулия – мой родной дедушка.

- А если я сейчас позвоню капитану и спрошу о тебе – он подтвердит?

Я ответил, что обязательно подтвердит, так как мы с ним хорошо знакомы – и я назвал имя, отчество и фамилию капитана.

Лейтенант захлопнул журнал протоколов, приветливо посмотрел на меня и предложил всем нам присесть.

- И чего вы связались с этими...! Лейтенант не стал вслух называть их обобщающим оскорбительным названием. Затем встал, вышел в предбанник и громко сказал: «Все свободны! И чтобы не хулиганили больше!» И, снова зайдя в комнату, он уже обратился к нам: «А если вам была нужна машина, зашли бы к нам, и мы вам помогли бы!».

Лейтенант вышел на площадь, где бедные евреи продолжали ждать такси. Он остановил первую проезжавшую мимо «Волгу», властно сказав водителю: «Отвезёшь их, куда скажут!» - и записал номер машины. Мы сердечно попрощались с милиционером, а бедные евреи с тоской провожали нашу машину взглядами. Я помахал рукой молодой еврейке.

- Пусть вообразит, что с начальником целовалась! – горделиво подумал я, и эта мысль согрела мне душу.

Водитель попался говорливый. Он горячо поддержал взгляды Фёдора на то, кто виноват в убывающем количестве такси в Одессе, а также в других наших бедах, включая отсутствие воды «в кране». А когда мы проезжали по длинной одесской улице «Цвинтер», он спросил нас, знаем ли

мы в Одессе улицу, по одну сторону которой сидят, по другую – лежат, а посередине – едут? Оказывается, это и есть улица «Цвинтер», по одну сторону которой – сплошные тюрьмы, а по другую – кладбище. И сама улица от этого последнего и получила своё название, ибо «Цвинтер» по-украински и есть кладбище. Так весело мы доехали до дома Фёдора в Ильичёвске.

Тамара взяла отпуск на месяц, а у меня отпуск – двухмесячный. Правда, я почти две недели отпуска провёл в Москве в различных загулах, но на недельку я оставался «не у дел». И я решил хоть последнюю неделю отпуска побыть добрым семьянином. И сделать это надумал так.

Родители моей жены Лили поменяли свой тбилисский дом на дом в городе Дунаевцы, Хмельницкой области. А это недалеко от Одессы. Вот и договорились мы, что Лилия на обратном пути заедет в Одессу, и мы погостим у Фёдора и Леры. А по легенде, я, сперва заеду к Фёдору один, чтобы разобраться с ним в научно-технических вопросах, а числа 15 августа Лилия подъедет в Одессу, я встречу её и отвезу в Ильичёвск.

Получилось так, что поезда в Москву и из Хмельницкого чуть ли ни встречались на вокзале Одессы. Тамара знала о прибытии Лили, а та про Тамару, конечно же, нет. Кое-как я проводил одну и встретил другую – тоже очкастую блондинку, так что они едва не столкнулись лбами.

Но сюрприз ждал нас в Ильичёвске дома. У Фёдора оказался в гостях начальник Ильичёвского порта, который и при Тамаре часто заглядывал на огонёк, и был знаком с ней, как с моей женой. Когда мы с Лилей приехали, начпорта, увидев Лилию, поздоровался с ней, как со старой знакомой. А Фёдор учтиво так начинает их знакомить. Лилия протягивает руку, а начпорта сердится:

- Вы что, все разыгрываете меня, что ли? Я же с супругой Нурбея Владимировича давно знаком. Ну, подтвердите же хоть вы, Тамара! – взмолился начпорта.

- Ах, Тамара! - зашипела Лилия и бросилась догонять меня вокруг стола. В отличие от «хилой» Тамары, гимнастка Лилия живо догнала меня и, как обычно, располосовала мне лицо. Начпорта так ничего и не понял, ведь Лилия с Тамарой были внешне очень похожи, но звали их, конечно же, по-разному.

Конфликт был вскоре улажен, мне смазали царапины йодом, и мы все весело сели за стол пить за прибытие Лили. Начпорта периодически вздрагивал, и как бы в шутку, приговаривал:

- Как это я вас сегодня разыграл, а?

Сексуальный домушник

В Курске меня после утверждения доктором «зауважали» ещё больше. Много прощали, например, избыточное «жизнелюбие» (в смысле вина и женщин), но были вещи, за которые я всё же подвергался критике.

Пару раз в год, кажется к 1-му мая и к 7-му ноября (если кто не помнит - это великие пролетарские праздники) подводились итоги «социалистического соревнования» (поясняю – это «муть голубая»). Победившая в соревновании кафедра награждалась денежной премией.

Я, как человек аналитического ума, решил разузнать, откуда «ноги растут» у этого премирования. Насчет аналитического ума я это не зря сказал. Студенты нашего института придумали стишок, за который ректорат и партком ругали в Обкоме Партии:

«Ума нет – иди в Пед,
стыда нет – иди в Мед,
любишь навоз – иди в Сельхоз,
ум аналитический – иди в Политехнический!»

Поясняю – в Курске было четыре вуза – педагогический, медицинский, сельскохозяйственный и наш – самый «аналитический» - политехнический. Ректорат и партком, получив «втык» за «чванство», боролись против этого стишка. Но, видимо, недостаточно, так как он был намалеван даже на фасаде института краской из аэрозольного баллончика. Так как я преподавал именно в политехническом, то сомнения насчет моего аналитического ума меня не глодали.

Уж если я упомянул о парткоме нашего вуза, продолжу, что секретаря парткома звали Володей. Он был моим сотрудником, работавшим на нашей кафедре доцентом, и более того –

моим другом. Лиля его хорошо знала по постоянным застольям у нас на квартире – сказывалась территориальная близость к нашему «аналитическому центру».

Когда Володю выбрали секретарем парткома, то «обмывать» назначение пришли, естественно, к нам. «Старый» коммунист Роман Горин, сам Володя, еще пара «проверенных» коммунистов, и я, как представитель беспартийных, уже сидели за столом, когда в разгар веселья, домой заявила Лиля.

- Опять пьянка, - возмутилась она, и применила «удар ниже пояса», - я в партком буду жаловаться!

Гомерический хохот всей нашей честной компании озадачил её.

- Зачем в партком, - давась от смеха, перебил её Володя, - жалуйся прямо мне, я с сегодняшнего дня – секретарь парткома!

- Ты – секретарь парткома? – изумилась Лиля, - пропал институт – все сопьются!

Но она ошиблась – все не спились. Даже из присутствующих за столом никто не спился. Но Володя выдал мне индульгенцию:

- Пока я секретарь парткома – можешь не вступать в партию, я тебе и так доверяю!

- Спасибо тебе, Володя, спасибо! Скольких унижений я избежал, не вступив в партию и на этот раз! Высший Разум, казалось, уберегал меня от вступления в то, во что вступать не надо!

Но вернёмся к моему аналитическому уму. Я разузнал, что очки для премирования по итогам соцсоревнования подводит так называемая АСУ (автоматизированная система управления), где имелись электронные вычислительные машины. Познакомившись с этой АСУ, я увидел, что там сидят нормальные, пьющие люди с развитым чувством юмора. Работники, а особенно, работницы этой АСУ так в шутку говорили про себя: «Я с АСУ!», что получалось очень смешно, особенно, если произносить эти слова слитно. Они и рассказали мне, что надо делать, чтобы законно занять первое место.

Например, защита докторской диссертации оценивалась в 3 балла, кандидатской диссертации в 2 балла, а научная статья и лекция для студентов в общежитии в 1 балл. Три лекции в общежитии и докторская диссертация – как говорят, «две большие разницы»!

За зданием института стояли три студенческих общежития. Мы – сотрудники кафедры – вечером ходили по блокам, где по 4 комнаты, и «выгоняли» студентов в коридор на «митинг». Ну, и проводили политбеседу типа «вопрос-ответ». Например, про американского президента тех времён Джонсона, не очень дружественного к нашей великой родине – СССР.

Вопрос: Как зовут собаку Джонсона?

Никто не знает, все в смущении. А мы строго поясняем:

- Собаку-Джонсона зовут Линдон!

Смех, веселье.

Староста блока расписывается в нашем журнале о проведении лекции, и мы идём дальше.

Так мы прочитываем до сорока лекций за «отчётный» период. А в результате – первое место и около двухсот рублей премии. С лихвой хватает, чтобы славно отметить премию всей кафедрой в ресторане «Октябрьский».

Пили только шампанское – это тогда считалось высшим шиком. И однажды я, открывая бутылку шампанского, вылетевшей пробкой разбил стеклянный витраж на потолке. Прибежал мэтр, чуть нас не выставили, как хулиганов. Обошлись денежным штрафом. Об этом случае не забывайте, мы ещё о нём поговорим!

А теперь о «критике». Обиженные «завы» других кафедр, прослышав о наших подлогах с лекциями, написали коллективную жалобу ректору, и что ещё хуже – в Обком Партии. Опросили студентов, а те и рассказали про «собаку-Джонсона».

Прихожу на кафедру – записка: срочно вызывает ректор. Не подозревая ничего плохого, поднимаюсь, захожу к нему в кабинет, сажусь напротив. Ректор улыбается, но какой-то недоброй улыбкой.

- Итак, Нурбей Владимирович, как зовут собаку Джонсона? – вкрадчиво спрашивает ректор.

- Мы всё – честно! – разволновался я, сразу поняв, в чём дело, - это только эпизод, лекции читали честно!

- Да здесь студенты были, всё рассказали про эти лекции! Совесть у вас имеется – сорок таких лекций «прочитать»!

Я понял, что признавать подлог нельзя. Нужно защищаться, как только можно.

- А что, языком сатиры и юмора уже нельзя бороться с империалистами? – не веря самому себе, сопротивлялся я.

- Ах, языком сатиры? А то, что меня в Обком вызывали и требовали уволить авантюриста-Гулиа, ты знаешь?

Ректор перешёл на «ты», это – плохо, успел продумать я, и был прав. Ректор сорвал с себя галстук и разорвал ворот рубашки. Он задыхался от гнева.

- Ну, уволю я тебя, а кому плохо сделаю? Квартиру тебе уже дали, отобрать невозможно. А число докторов в ВУЗе сразу упадёт вдвое и их средний возраст во столько же раз вырастет. Кого я накажу – тебя? Нет, себя же самого! Ты себе место найдёшь, в ту же Москву уедешь, как «обиженный». А я где нового доктора наук разыщу?

Крик был такой, что в кабинет вбежала секретарша. Ректор в этот момент уже сорвал с себя пиджак и топтал его на полу ногами. Секретаршу тут же, как ветром, сдуло.

- Как мне поступать? - спросил меня чуть успокоившийся ректор, – топтание пиджака, оказывается, здорово успокаивает.

- Объявите мне выговор, ведь это – первое официальное нарушение! – быстро посоветовал я ректору, - но поберегите себя, что я буду делать, если вы из-за меня умрёте от инфаркта?

- Хорошо, - примирительно сказал ректор, - только если надумаешь снова что-нибудь вытворить, приходи сперва сюда, посоветуйся! Пьёшь, со студентками трахаешься, а тут ещё – подлогами начал заниматься! Тоже мне – наука! – и взглянул на моё улыбающееся лицо, он заорал снова, - ты что, смеёшься надо мной, - вон из кабинета!

Я выбежал из кабинета, давась от истерического смеха – я не мог перенести зрелища – ректор, топчущий свой пиджак. Прoshмыгнув мимо изумлённых людей в приёмной, я забежал в кабинет секретаря парткома, чтобы отдышаться.

Володя был в кабинете один. Стенка его кабинета была смежной со стенкой кабинета ректора, крик донёсся и туда – Володя сидел встревоженный. Я отдышался, успокоился и рассказал об инциденте у ректора.

- Да я тебя хотел раньше предупредить – пишут, сволочи, друг на друга, а на тебя – тем более! Хотел всё внутри удержать, но в Обком написали, гады!

- А откуда у ректора сведения о студентке? – поинтересовался я у Володи, который давно был в курсе дела.

- Тоже пишут - и мне, и ректору! Ты только послушай, о чём люди пишут! – и Володя вынул из раскрытого сейфа лежавший сверху листок.

«В партком КПИ от члена КПСС доцента кафедры «Химия» (фамилия, имя, отчество)

Заявление

Прошу принять меры партийного взыскания к моему супругу, члену КПСС (фамилия, имя, отчество) за его некоммунистическое отношение к семье. Довожу до сведения парткома, что он меня до **этого** не ласкает, а после **этого** не благодарит.

С коммунистическим приветом – подпись».

- Нет, ты только представь себе, - у Володи от волнения затряслись руки – как он должен благодарить её после **этого**, - падая на колени и отбивая поклоны, запричитал Володя:

- Спасибо тебе, что дала мне правильно, по партийному! - Так, что ли?

Я никак не мог припомнить женщину с кафедры химии с такой фамилией.

- Да, такая невзрачная, полная блондинка, лет сорока пяти – волосёнки жиденькие, платье всегда коричневое...Ты такую не стал бы и запоминать, на что она тебе, когда у тебя есть красавица – Томочка!

Мне объявили выговор без занесения в личное дело. Но, видимо, этот выговор меня ничему не научил, потому, что я затеял новое дело, которое число писем в партком должно было увеличить на порядок.

Получилось так, что я влюбился. Да, да – в очередной раз. В очередной раз в Тамару, и в очередной раз в преподавательницу английского языка. Моя самая первая Тамара преподавала английский на филфаке МГУ.

Мне часто приходили отчёты от д-ра Рабенхорста из Университета Гопкинса в Сильвер-Спринге, США. Я отдавал их переводить на кафедру иностранных языков, для чего взял на хозяйственную тему опытную (а может, скорее, красивую) преподавательницу.

Как настоящий педант, я не отступил от своего стандарта: 160х55, моя ровесница, крашенная блондинка в очках. Сперва мы подолгу засиживались за редактированием переводов у меня в кабинете, и успели убедиться во взаимной симпатии. А затем, когда Лиля в очередной раз уехала во Львов с процентовками, я попросил у Тамары разрешения зайти поработать к ней домой. Я знал, что она разведена с мужем. Посмотрев на меня внимательно, она переспросила:

- Можно ли вам зайти ко мне домой? – и ответила загадочно, - вам, Нурбей Владимирович, всё можно! Только предупреждаю, вам у меня не понравится!

Жила Тамара в самом центре Курска – рядом с Обкомом Партии, на крутом берегу реки Тускарь, правда до самой реки было далеко.

Мы договорились о встрече. Я положил в портфель «джентльменский набор» и встретил Тамару у входа в Обком. Она проводила меня дворами до своего полуторазэтажного дома старой постройки. Комнатка её оказалась в полуподвале с окном, выходящим во двор.

- Подождите здесь, я зайду сама и открою вам окно. Вот так, придётся по-партизански! – огорчённо предупредила она.

Мне такое проникновение в жильё показалось хоть и романтичным, но странным. Открылось окно, подоконник которого чуть выступал над землёй, к окну из комнаты был придвинут стул, и я, оглядевшись по сторонам, шмыгнул внутрь.

Комнатка была маленькая, подоконник – в уровень груди, а окно – высокое, под потолок. Оказалось, что эта квартира Тамары – коммунальная, в ней жили ещё две семьи, одна из которых – пожилая пара, вызывала наибольшее опасение у Тамары. Женщина была смиренная и тихая, а вот её гражданский муж – выпивоха и скандалист.

Квартира была без удобств, вода во дворе, туалет деревянный с выгребной ямой. Вот так и жила рафинированная интеллигентка-филолог с оксфордским произношением. Сам я в Оксфорде, правда, не бывал, но так говорили коллеги Тамары.

Чтобы отличить эту Тамару от предыдущих, скажу, что фамилия её (по мужу) – Хвостова, а отчество – Фёдоровна. Интересный народ - куряне, они букву «ф» произносят как «хв», а словосочетание «хв» - как «ф». Слово «хвост» они сплошь и рядом произносят как «фост», поэтому фамилию Тамары они часто произносили как «Фостова», а отчество – как «Хвёдоровна».

Насчёт своего мужа и его фамилии Тамара вспоминала с иронией. Он был журналистом по профессии и работал в одной из местных курских газет.

- Графоман, как и его предок - поэт граф Хвостов, - вспоминала о нём бывшая жена, - на все текущие события отзывается в своей газетке заметками, часто даже стихами. Помните стишок графа Хвостова, посвящённый какому-то наводнению:

«И сотни крав лежали навзничь, ноги вздрав!»

Вот и мой бывший благоверный – Гелий Афанасьевич Хвостов, пишет в том же духе!

Но вернёмся к моему проникновению в комнату через окно. Спрыгнув со стула, я тут же отошёл от него, пока Тамара не зашторила окно плотной портьерой. Только тогда она включила свет, и мы сели за стол. Посидели с бьющимися от волнения сердцами пару минут, а потом я выставил «джентльменский набор». Тамара тоже достала кое-что из холодильника, и обычный для подобной «тайной вечери» пролог начался.

Мы почему-то спешили выпить, наверное, чтобы набраться храбрости. Был и брудершафт, с переходом на «ты», был тост за любовь (тот, который «до брака, после брака», и т.д.), за успех безнадёжного дела, а под конец – мопассановский шедевр с «братским» разделом вина.

Я понял, что Тамара Фёдоровна – женщина повышенного темперамента, и что она уже давненько одна. Блондинка-то она блондинкой, а едва заметные тёмные волоски на верхней губе о чём-то говорили. Вино кончилось, и Тамара нервически спросила, снова переходя на «вы»:

- Теперь вы что, пойдёте домой?

- Нет, - отвечал я, - жена уехала в командировку, и я могу не идти домой. Дети уже взрослые, лягут спать сами.

Тамара с удовлетворением восприняла эту информацию и как-то поспешно предложила:

- Тогда давайте же спать! – и мы как-то неинтеллигентно, в спешке, подминая друг друга, завалились на застеленную постель. Оказалось, что я не ошибся в оценке темперамента Тамары.

Потом уже, когда мы успокоились и, лежа, отдыхали в постели на раскиданном белье, Тамара, неожиданно рассмеялась и рассказала мне анекдот:

- Вопрос: что делают мужчины после полового акта? Ответ: пять процентов выпивают, пять процентов закуривают, а девяносто – бегут к жене домой. Ты к какой категории относишься? – спросила меня моя новая любовница.

- Пока – к первой, было бы что выпить! – степенно ответил я.

Выпить нашлось – Тамара оказалась запасливой. Спать, в прозаическом понимании этого слова, мы легли только под утро. Я как-то забеспокоился, и это не ускользнуло от Тамары.

- Хочу предупредить – ты сам ночью с туалетом не разберёшься, да ещё когда в темноте будешь влезать в окно обратно, за домушника могут принять! У нас осталось достаточно пустых бутылок, а утром мы их выкинем на помойку. Она-то рядом! – вздохнула Тамара.

- Отвернись только! – попросил я её.

Бутылки были укупорены их же «родными» пробками и поставлены в угол.

- Только не позабудь утром о содержимом бутылок, не попробуй **этим** опохмелиться! – серьёзно предупредила Тамара.

- Я вообще не опохмеляюсь! – так же серьёзно ответил я, и мы улеглись спать.

Развод

Я серьёзно увлёкся Тамарой, можно сказать, даже влюбился в неё. Интересно, что её корбило моё имя, и она называла меня «Ник», точно так же, как и моя предыдущая Тамара-англичанка из МГУ.

Приехала из Львова Лиля, и я, чтобы оправдать свои опоздания домой, рассказал, что хожу в зал штанги на тренировки. Причём, чтобы наверстать упущенное, тренируюсь каждый день. А прихожу «выпимши» потому, что «отмечаемся» с ребятами после тренировок – традиция!

Уходя на встречу с Тамарой, я брал с собой полотенце, тренировочный костюм, штангетки и пояс, а уже на улице дополнял всё это «джентльменским набором». Вечером же у Тамары я слегка смачивал водой свой костюм («пропотел на тренировке»), обильно смачивал полотенце («вытирался после душа») и приезжал домой. Иногда, когда я забывал увлажнять реквизиты у Тамары, мне приходилось это делать на улице.

Декан строительного факультета, мой приятель Толя Чижов, однажды утром, полушутя-полузабочено рассказывает мне:

- Еду под полночь мимо здания Обкома Партии и вижу: у водопроводной колонки стоит завкафедрой профессор Гулия и, поставив портфель на сугроб, стирает под колонкой полотенце, тщательно выкручивая его. Нурбей, ты в порядке, или нужна помощь?

Отвечать мне было нечего – даже самая буйная фантазия не могла подсказать мне ничего путного.

Так продолжаться долго не могло, и 19 ноября вечером Лиля выгнала меня из дома. Я три раза переспросил её: «Что, мне действительно уходить?» И она трижды подтвердила мне: «Да, уходи, мне надоело!»

Я, как был в спортивном костюме, накинув куртку, вышел из дома и поспешил к Тамаре. В голове был сумбур – неужели я взаправду, насовсем ушёл из дома, бросил жену и детей? А потом понял, что это раньше следовало сделать – между нами уже давно не было никакого

взаимопонимания. Малейшее разногласие сразу же перерастало в ссору с царпаньем «физиномордии» и обливанием меня вином, чаем, щами... Естественно, я заслуживал всего этого, но жить с семьёй я просто физически не мог. Как кот, которого вздумали бы кормить фруктами – просто подход бы, и всё!

У меня были совершенно другие представления о семейной жизни, и, по правде говоря, я в ней разочаровался. Но семью бросить не решался – думал, что так им будет хуже. Всё это было ошибкой – почувствовав несоответствие моего с женой менталитетов, надо было разбежаться немедленно!

Весь в этих мыслях я взволнованно шёл по улице Ленина, направляясь к Красной площади (да, есть такая в Курске тоже!), как вдруг яркая вспышка и пушечный грохот чуть не лишили меня сознания. Голова пошла кругом, и я схватился за дерево, чтобы не упасть. Что это – война, взрыв, глюки?

Нет, нет и нет – всё объяснялось гораздо проще. Сегодня, 19 ноября - День Артиллериста, и страна салютовала своим героям. А невзначай она салютовала ещё одному герою, нашедшему в себе силы, наконец, сделать решительный мужской поступок, прекративший садо-мазохизм в семье. И этот герой – я!

Одним словом, пришёл я под праздничный салют к Тамаре, а на душе отнюдь не празднично – не нанёс ли я им, «брошенным», вреда ради своего благополучия? Опять - дурак, хотя и профессор! Да разве справедливо основывать чьё-нибудь благополучие на угнетении или принуждении другого? По современным понятиям – нет!

Если ты такой уж благородный – помоги материально, а не своим унижением и рабством. Так что могу дать совет, который может кому-то и не понравиться: если нет вам счастья в семье – уходите немедленно, не поражайте семью плесенью лжи, лицемерия и ненависти! Но материально - семью обеспечьте и сполна, чтобы не причинить оставшимся без «кормильца» ущерба. Как на Западе, чего тут нового выдумывать-то?

Вскоре мы развелись через суд. А после суда забежали «отметить» развод в ресторан «Соловьиная Роцца», где и попробовали второй раз в жизни красное шампанское – белого не оказалось. Первый раз дефицит белого шампанского у нас был после регистрации брака в Тбилиси, и мы пили красное. А второй раз – при разводе! Теперь я за версту обхожу красное шампанское, видя в нём что-то зловещее.

Через неделю Лиля занесла мне на кафедру мой цивильный костюм и разные другие мелочи. А то я читал лекции в спортивном костюме. Кожаное «комиссарское» пальто, с которым в моей жизни было столько связано, и на поясе которого я чуть было ни повесился, жена мне не отдала – оно пошло детям на куртки. А вскоре меня выписали из полученной мною же квартиры, а куда – неизвестно, видимо «в связи с переездом на новое местожительство».

Забегая вперёд, доложу вам, что в те годы выписаться из квартиры «в никуда» приравнивалось к гражданской смерти. Я никуда больше не смог бы прописаться по той причине, что до этого я нигде не был прописан. Значит меня, как «вещи без места для неё», просто не существует. Аристотель смеялся над пустотой, как над «местом, без помещённых туда тел». Советская власть издевалась над непрописанными, как над «телами без мест, где они помещаются». Спас положение мой друг – проректор по хозяйственной части с музыкальной фамилией Алябьев, фиктивно прописавший меня в общежитие института.

Одним утешением для меня было тогда присвоение пресловутой ВАК мне учёного звания профессора механики.

Кстати, насчёт звания профессора. Получив докторскую степень, я тотчас подал в ВАК документы на звание профессора, иначе мне не повышали оклад. А вскоре из этой милой организации пришло письмо, что мне отказано в присвоении звания (запомните: учёную степень «присуждают», а звание – «присваивают!»), за нарушение такого-то пункта, такого-то Положения ВАК. А такого Положения в Учёном Совете вообще не оказалось.

Еду в Москву, прибегаю в ВАК – в чём дело? Симпатичная девочка лет восемнадцати из секретариата взяла в руки Положение и, водя карандашом по пунктам, нравоучительно сказала мне: «Читайте!».

«Документы должны представляться в ВАК в коленкоровом переплёте...»

- Да я же именно в коленкор их переплёл! – искренне возмутился я.
- Читайте, читайте! – перебила меня девочка, - какие же вы нетерпеливые!
- «... светлых тонов» - дочитал я.
- А у вас коленкор – синий! – констатировала девочка.
- Голубой! – возмутился я.
- Сами вы голубой! – разозлилась девочка, но тут же извинилась, заметив мою реакцию, - я не то имела в виду!

Поняв, что спорить бесполезно, я спросил, почему же в Советах нет этого Положения. Девочка отошла, видимо, к начальству, а потом подошла снова и смущённо ответила:

- Видите ли, мы забыли разослать это новое Положение по институтам. В ближайшее время разошлём.

Я чуть ли ни на коленях выпросил у девочки моё дело «на часок», оставив свой паспорт. Стремглав я бросился в ближайшую переплётную мастерскую, оказавшуюся подозрительно близко от ВАК. Хитрый переплётчик сказал мне, что работы много и велел позвонить через недельку-другую.

- Я приехал из Петропавловска-Камчатского! – взволнованно врал я, - сделайте, пожалуйста, сейчас, сколько с меня! - выпалил я одной фразой.

Переплётчик долго смотрел то на дело, то на меня, и назвал десятикратную сумму. Я тут же заплатил деньги и попросил поставить коленкор посветлее.

- Да тут мы специально белый коленкор приобрели, - улыбаясь, пояснил переплётчик, - ваш брат-учёный сейчас косяком сюда ходит!

Возвращая дело в белоснежном переплёте, я поинтересовался у девочки, зачем им коленкор светлых тонов.

- Видите ли, серьёзно заметила мне она, - мы на переплёте ставим тёмным маркером номер дела, а на тёмном коленкоре он будет незаметен...

Я не позавидовал моим коллегам с Дальнего Востока, того же Петропавловска-Камчатского, и счастливый уехал домой. Примерно через неделю меня утвердили в звании профессора.

«Абриёбшь аспорт абстазара»

Так как это утверждение давало существенный выигрыш в зарплате, я должен был «поставить баню» в своём клубе и «обмыть» аттестат профессора.

Мы собрались как-то вечером в своём постоянном составе. Меня заставляли окунать открытку с утверждением в напитки, которые я поставил, и с неё потекли чернила. Баня прошла весело. Вася сделал мне массаж и уже не душил, как раньше. Более того, он тихо поблагодарил меня за то, что я «оставил в покое» Томочку, и даже за то, что я «сохранил её честь» перед поездкой в Киев.

- Вот сучка, всё Васе рассказала! Ну и бабы пошли! – философски подумал я про себя.

Сам я действительно «оставил в покое» не только Томочку, но и других дам, с которыми периодически нет, нет, да и встречался, но даже «заморозил» свои отношения с мамонтовской Тamarой. Она искала меня всюду, но я просто прятался от неё. Та всё поняла, и временно отошла на все 100% к Бусе, чему тот был, безусловно, рад.

Под конец в бане остались только я и инструктор Обкома Партии по имени Володя – остальные разошлись по домам. «Что это, всех партийных начальников, начиная с Ленина, Володями зовут?» – подумал я. Инструктор, примерно мой ровесник, жаловался мне, что его против желания направили на работу в Курск из Москвы, где он родился и счастливо жил. На почве любви к Москве мы с Володей почувствовали себя родными; пили на брудершафт и целовались. Затем он заспешил:

- Давай зайдём сейчас в ресторан «Октябрьский», он недалеко! Хочу пропить взятку, которую мне всучили сегодня. Понимаешь, надеваю пальто, а в кармане – пачка денег! Кто положил, за что – ума не приложу! А чтобы жене не досталось, давай всё пропьём вместе!

Сказано - сделано. Мы вышли на улицу Троцкого, пардон, Дзержинского и Володя, не глядя по сторонам, стал посреди дороги, подняв руку. С визгом тормозов остановилась какая-то служебная чёрная «Волга». Водитель, разглядев лицо инструктора, живо открыл двери и пригласил нас сесть. Он что-то лакейски плёл инструктору, а тот только важно произнёс: «Ресторан «Октябрьский!»».

Минут через пять подъехали, выскочивший водитель резво отворил нам двери, и мы вошли в ресторан. Зал был почти пуст, время – позднее. Молоденькая вялая официантка неохотно подошла к нам и подала меню.

- Шампанского – десять бутылок! – приказал Володя, не глядя в меню.

- Шампанского нет! – устало произнесла официантка.

Володя внимательно посмотрел на неё и, тоном, не терпящим возражений, приказал:

- Девочка, позови кого-нибудь из старших, мэтра, кого-нибудь посерьёзнее, в общем!

А к столу уже неслась, переваливаясь, как утка, толстая женщина-директор ресторана.

- Какими судьбами, Владимир Никитич, а мы уже решили, что вы забыли нас! – гостеприимно улыбалась толстуха, - что кушать будете? – спросила она.

- Шампанского – десять бутылок! – повторил свой приказ Володя.

- Шампанского – быстрее! – бросила директор, стоявшей поодаль официантке с раскрытым от удивления ртом, и та умчалась.

Вскоре она принесла первые пять бутылок. Я с грустью рассказал Володе, как в прошлое посещение «Октябрьского» я случайно разбил витраж на потолке пробкой от шампанского. И что нас всех чуть ни выгнали из ресторана как хулиганов.

Володя, выслушав меня, взвинулся.

- Гады, жулики! Бей им витражи, открывай бутылки и бей – я отвечаю! – возбуждённо кричал Володя, и сам открывал бутылки, направляя их пробкой в витражи. И я старался тоже, но у нас ничего не получалось. То пробки попадали в переплёт витража, то не долетали, то хлопались в стекло недостаточно сильно. Потом я понял, что нам подавали охлаждённое шампанское для начальства, а пробки из такого «стреляют» не так сильно, как из тёплого - которое для «народа».

Все десять бутылок бесполезно были открыты. Посетители с интересом наблюдали за нами; официантка же безразлично смотрела на происходящее.

- Не везёт! – констатировал Володя, и, вспомнив поговорку: «Не повезёт – и на родной сестре триппер схватишь!» - захохотал.

Мы с трудом выпили «из горла» по бутылке шампанского и, шатаясь, вышли не расплачиваясь. Володя остановил какую-то машину, водитель которой, сняв шапку, поклоном приветствовал Володю.

- Отвезёшь его домой! – приказал инструктор, - а если что, сможешь дойти до дверей квартиры.

Я стал прощаться с Володей. Целуясь со мной, он внимательно посмотрел мне в лицо и спросил:

- Слушай, я тебя часто вижу по утрам в Обкоме Партии на первом этаже. Ты что там делаешь?

- Сказать честно? – спросил я.

- Как на духу! – серьёзно приказал Володя.

- В доме, где я живу с моей бабой, нет удобств, и мне приходится ходить «на двор» в буквальном смысле слова – там находится сортир с выгребной ямой. Но сейчас зима, и там над очком от большого числа посетителей выросла такая ледяная гора, что без альпинистского снаряжения забраться наверх невозможно. Беременные женщины и дети очень недовольны! А я, помня о заботе Партии, бегаю «на двор» в её Обком. Там очень чистенько, да он и от дома не дальше, чем наш сортир.

- Это что, правда? – спросил изумлённый Володя.

- Век сортира не видать, - укусив ноготь, поклялся я, - но, конечно же, сортира приличного, к примеру, как у тебя!

Мы ещё раз чмокнулись, я сел в машину, и повезли меня, как барина, домой. Водитель слышал наш разговор, и всю дорогу повторял с непонятной улыбкой:

- Вход в сортир только для альпинистов! Юмор!

Водитель, исполняя приказ Володи, решил всё-таки проводить меня до двери квартиры. Было очень скользко, и он боялся, что я упаду. Путь шёл мимо нашего «альпийского» сортира. Водитель глянул на ледяную, вернее, дерьмовую гору над очком, которая не позволяла даже прикрыть дверь, и ужаснулся.

- Юмор! – только и произнёс он.

Видя, что я остановился не у двери, а у окна в полуподвал, водитель, уже не удивляясь ничему, спокойно спросил:

- В окно, чай, будешь лезть?

- В окно, милый, в окно! Такова моя спортивная жизнь! Ты знаешь, как будет по-абхазски «такова спортивная жизнь»?

- Нет, - простодушно признался водитель.

- Запомни: «Абриёбшь аспорт абстазара!»

- «Абриёбшь!» - как во сне повторил водитель и, проснувшись, добавил своё неизменное, - юмор!

Ревность

Помня совет ректора сообщать ему о моих «выходках», я вскоре после ухода из дома зашёл к нему и стал витиевато подводить базу под разговор о новой квартире.

- Всё знаю! – перебил меня ректор, - мы живём в маленьком городе и работаем тоже не в МГУ. А потом этого и следовало ожидать: типично вузовская история. Преподаватель защищает докторскую, становится профессором – вот и подавай ему новую жену. Обычно женятся на красавицах намного моложе себя – вы что-то здесь сплеховали, Тамара Фёдоровна – ваша ровесница. Если честно, я ожидал, что вы уйдёте к этой студентке, с которой встречались. А потом попросите новую квартиру – я угадал, вы за этим сюда пришли? – раздражённо спросил ректор. – Но дать вам новую квартиру институт не может – не положено – и вы будете искать работу в другом городе.

Видя, что я замотал головой, ректор устало продолжил:

- И не пробуйте меня разубедить! Я значительно старше вас и вузовскую жизнь знаю наизусть. Новоиспечённый пожилой профессор женится на молодой, переезжает в другой город, получает квартиру, но в нагрузку получает инфаркт, а может и инсульт – кто как. Инвалидом он долго не живёт и оставляет молодой жене хорошую квартиру. Отличие вашего случая только в том, что вы сами молоды, а ваша избранница не юна. Интеллектом, что ли взяла? – заинтересовался ректор. Попытаюсь «выбить» однокомнатную квартиру, но не для вас, а для неё. Давать вам квартиру вторично - это криминал. А ей – можно, уж больно условия проживания у неё плохие! – успокоил меня ректор.

Меня поразила осведомлённость ректора обо всех сотрудниках института. Я же часто забывал имена и отчества даже преподавателей нашей маленькой кафедры.

- Нет, не бывать мне ректором, - подумал я, - и не надо! Не надо мне ваших почестей, не надо и ваших оплеух! – как говорил Шолом-Алейхем - мудрый еврейский писатель.

Моя личная жизнь, оказывается, живо обсуждалась не только среди преподавателей КПИ, но и в гораздо более широком круге лиц. Как-то еду в поезде в Москву, а со мной в купе какой-то начальник с Аккумуляторного завода. В лицо знаком, наверное, встречались на каком-нибудь городском «активе».

- Чем занимаетесь? – спросил я попутчика после формального знакомства.

- Да всё сплетничаем, - уныло ответил он, чем ещё в Курске можно заниматься?

- И о чём же сплетничаете? – поинтересовался я.

- Да всё о вас, Нурбей Владимирович, - честно признался попутчик, - больше интересных тем и нет!

- Вот скукотища-то! – подумал я с тайным удовлетворением.

Более того, эти сплетни приобретали не только надуманный и фантастический характер, но и физически влияли на судьбу людей, достаточно далёких мне.

Секретаршей у меня одно время работала девушка, студентка-вечерница из той же группы, что и Томочка. Как на грех – блондинка и, вы не поверите, тоже звали Тамарой. Я на неё почему-то внимания как на женщину не обращал, даже имя это как-то прошло мимо моего сексуального внимания.

И как-то, уже после моего ухода из дома, вдруг эта Тамара приходит на работу перекрашенная в брюнетку, чернее воронова крыла. Я даже не сразу узнал её. А на мой вопрос, почему она вдруг выкрасилась в такой необычный для Курска цвет, Тамара расплакалась, и призналась, что в группе все считают её моей любовницей.

- Блондинка, Тамара, на той же кафедре работаешь – и не любовница Гулии? Расскажи кому-нибудь другому!

Вот и выкрасилась в «отталкивающий» для меня цвет – чёрный. Не стал я огорчать её тем, что самая красивая Тамара в моей жизни была именно брюнеткой... А вскоре моя секретарша и вовсе уволилась с кафедры, хоть я и уговаривал её остаться и зарплату прибавлял.

Вот в такой атмосфере жили мы с Тамарой Фёдоровной, а отдушиной у нас было лето. И хоть у нас отпуск был двухмесячный, но и его не хватало для забвения курских сплетен и жилищных неудобств.

Тамара не очень любила жару и море, поэтому мы решили первый месяц отдохнуть на озере Селигер, а во второй – поехать на недельку в Санкт-Петербург (тогда Ленинград). Три путёвки в турбазу на Селигер достал Толя Чёрный (помните нервотрёпные испытания автобуса с гидравлическим гибридом?), и мы выехали туда втроём.

Нет, прошу вас, не надо плотоядно улыбаться! На сей раз, всё было культурно, чинно и благородно, хотя у наших коллег-туристов складывалось иное мнение. Их удивляло, почему мы жили в одном домике, хотя Толя спал в отдельной комнате. Им не давало покоя то, что Толя как огня боялся женщин, а они пытались «нахрапом» овладеть красивым и степенным брюнетом. Но он почему-то не замечал этих энергичных женщин! Женщин бесило то, что в походах мы всегда втроём садились в одну лодку, и два мужика-гребца приходилось на одну «бабу», в то время как иные лодки вообще оставались без единого мужика – гребли «бабы».

И, наконец, их шокировало то, что в тех же походах мы втроём спали не только в одной палатке, но и в одном спальном мешке «спальнике», правда, очень просторном. Они просто не замечали того, что Толя дежурил у костра первую половину ночи, а я с Тамарой – вторую. И в этот «спальник» мы ложились не сразу все, а поочерёдно – то мы вдвоём, то Толя – один.

Интересующиеся девицы подходили иногда к Толе с расспросами: простите, мол, великодушно, но не поделитесь ли вы с нами, что вы всё время втроём делаете? На что Толя совершенно серьёзно им пояснял, что мы – алкоголики, привыкли в своём городе всегда выпивать «на троих», причём именно в этой компании, и здесь не хотим бросать своей привычки.

- А то, что вы думаете, - продолжал Толя, - это чепуха, потому что алкоголь и секс – несовместимы!

Девицы серьёзно кивали головами, но уходили всё равно не удовлетворённые ответом Толи.

Но тут произошло событие, вызвавшее переполох в женской «фракции» турбазы, а она включала подавляющую часть контингента наших туристов. Приехавшая недавно красивая блондинка из Армавира поразила сердце Толи. Сам он стеснялся подойти к ней познакомиться, и поручил это мне. Но вдруг у Тамары проявилась отрицательная черта характера, которую я раньше не замечал, и из-за которой, как я понял, она и развелась с мужем. Черта эта – болезненная ревность и страшная, доходящая до абсурда, подозрительность при этом.

Видя, что я хочу подойти к красивой блондинке, Тамара посмотрела на меня тяжёлым взглядом, от которого я сразу почувствовал себя негодяем.

- Что, одной бабы тебе мало? – тихо прошипела она мне с оксфордским выговором, и сама пошла знакомиться с Аней – так звали блондинку. Вернувшись с ней, Тамара представила ей Толю, а потом уже и меня:

- А это – Ник, мой муж!

С этого момента Толя и Аня были неразлучны. Женская «фракция» изгнала Аню из своего общежития и Толя «поселил» её в своей комнате в нашем двухкомнатном домике. Мы жили весело, но Тамара не оставляла меня наедине с Аней.

И ещё совсем уже дикий случай проявление болезненной ревности у Тамары. К нам в домик заходили две студентки первокурсницы из Твери (бывшего Калинина). Девочкам было лет по восемнадцати, одна из них играла на гитаре, другая пела. Они выглядели как мальчишки-подростки – худенькие, сухие с короткой стрижкой. Их тянуло к нам, как к старшим, интеллигентным товарищам, с которыми можно было поговорить без водки, сальных анекдотов и мата. И Тамара всегда принимала их радушно.

Но как-то, уже после знакомства Толи с Аней, девочки опять пришли к нам – попить чаю, поговорить и попеть новые песни. Я отчего-то развеселился, стал подпевать им, шутить. И тут опять тот же тяжёлый взгляд Тамары и совершенно неожиданная реакция:

- Что, молодых девушек увидел, старый козёл? (это она мне-то!) Пустил слюну от похоти? Что ж, иди, трахай их, видишь, они уже готовы дать тебе, обе сразу!

Девочки вытаращили глаза, не понимая, шутит Тамара или говорит всерьёз.

- Ой, мы лучше пойдём! – пролепетали они и исчезли.

Потом Тамара извинялась и передо мной, и перед девочками, но они больше к нам не заходили. Но пока эти проявления у Тамары были эпизодическими, а потом, к сожалению, они стали учащаться и усиливаться. Но на Селигере их больше не было.

Была на турбазе русская баня, которую за всё наше пребывание топили всего один раз. Мы с Толей сумели протиснуться-таки туда. Веники достались нам почти без листьев, но, подвыпив, мы охотно «парили» ими друг друга. А наутро Тамара обнаружила у меня на боках, ближе к груди и животу, красные пятнышки, типа сыпи. Излишняя эрудиция иногда вредит, и «ходячая энциклопедия» - Тамара заподозрила меня в заболевании первой стадией сифилиса.

Я и сам знал, что недели через две после заражения этой болезнью нежные места на теле, чаще всего бока, покрываются красной сыпью. Но ведь я ни с кем «посторонним» не был уже давно, а попробуй, докажи это Тамаре! Слезы, упрёки, стенания... Мне даже показалось, что её не столько волновала перспектива заболеть этой сложной болезнью, как моя «измена».

Тамара тут же излила свои чувства пришедшему к нам Толе, на что он расхохотался и показал свои бока, тоже в такой же сыпи.

- Это мы вчера в бане исхлестали друг друга голыми вениками! – пояснил Толя, - что у меня тоже сифилис?

Я был прощён. Прощён-то прощён, но осадок остался! И этот осадок давал себя знать при каждой шутке с женщиной, даже при каждом взгляде на более или менее интересный объект противоположного пола.

- Старый сифилитик! (это уже вместо старого козла) - что слюни-то распустил на малолеток! Эта фраза, громко произнесённая где-нибудь в транспорте, мигом сгоняла «малолеток» с поля моего зрения. Видимо «малолетки» очень боялись сифилиса!

Сплотимся же под сияющим Магендовидом!

Вскоре я невольно отомстил Тамаре. Приятельница Тамары Лера была директором пошивочного ателье в Ленинграде, она и пригласила нас погостить у неё. Но она жила в спальном районе Ленинграда, занимая с мужем небольшую квартиру. А ателье её было в центре, в круглом здании бывших конюшен, близ речки, кажется Мойки.

Ателье располагалось на первом этаже, и огромное окно оттуда выходило на людный тротуар. Были видны даже ограда у речки, а поодаль – церковь «на крови». На этом месте было

совершенно покушение на императора Александра Второго. Ателье закрывалось в восемь часов вечера, а открывалось в десять утра. Директор и приходила сюда первой, и уходила последней.

В половине девятого вечера, когда в ателье уже никого не было, мы заходили туда с выпивкой и закуской. Лера встречала нас, и мы сидели все вместе в её маленьком кабинете. Потом она уходила домой, закрыв ателье на ключ, а мы проходили в основное помещение, зашторивали окна и выключали свет.

Мы садились на софу, бутылки и закуску клали на столик рядом, и как в кино, смотрели из тёмного помещения на улицу. Летом в Ленинграде тёмных ночей, как таковых и не было; нам были видны и прохожие, и красивое здание церкви, и ажурный мостик перед ней. Незабываемые вечера!

На ночь мы располагались на толстом паласе, на полу, и были весьма довольны шириной нашего ложа и его прочностью. Бельём Лера нас обеспечила. Утром к половине десятого мы были уже одеты, умыты, с собранными в газетный кулёк остатками пиршества. Даже позавтракать мы к этому времени успевали, так как Лера оставила нам электрический чайник. Она заранее открывала ателье, выпроваживала нас, прятала к себе бельё, а мы отправлялись гулять по Ленинграду.

Я не любил и сейчас не люблю посещений всяких там музеев и дворцов. Тут можно спорить – надо ли всем или не надо знакомиться с архитектурой и интерьером какого-нибудь дворца. Мне лично это неинтересно, я считаю, что непрофессионалы лезут не в свои дела, они «хочут свою учёность показать» потом перед знакомыми. Архитектору – архитекторско, дизайнеру – дизайнерско, а мне – вечер, а тем более ночь с блондинкой, даже на полу, милее всяких там чужих дворцов.

Но Тамара была другого мнения и потащила-таки меня в Павловск. Я страшно противился этому, и допротивился до того, что упросил её зайти в кафе по дороге. Как раз по левую сторону бульвара, ведущего во дворец, было маленькое симпатичное кафе, «Эльбрус» или что-то в этом роде.

Было одиннадцать часов утра, и вино, по правилам того времени, уже давали. Я приналёг на знакомый мне по убойной силе «Алабашлы» и скоро был «хорош». Оглядевшись вокруг, я увидел, что в кафе – одни евреи! Человек десять евреев сидели за большим столом и оживлённо что-то обсуждали.

- Ага! Небось, в Израиль хотят улизнуть! – решил я, и направился к их столу, составленному из нескольких столиков. До этого я достал чистый носовой платок и покрыл им голову, как истый иудаист. Во мне по-пьянке проснулся актёр. Тамара осталась сидеть за своим столиком.

- Шалом! – приветствовал я честную компанию.

- Шалом! – недоверчиво ответила мне компания.

- Вус эпес махт аид? – подняв глаза кверху, риторически спросил я честную компанию, и сам же ответил, - аид дрейцих! (на идиш это означает: «Что делает еврей? Еврей крутится!»).

- Он сказал «эпес» - это наш человек, это настоящий аид! – разволновался пожилой еврей с седыми пейсами. Чужак сказал бы: «Вус махт аид?», - Но мы просим вас говорить по-русски, здесь, к сожалению, не все понимают по-идиш!

На это я охотно согласился, не дав себя долго упрашивать.

- Я не знаю, о чём вы здесь говорите, но ехать надо! – так начал я свою речь, - мы, московские евреи, считаем, что больше этого терпеть нельзя! Я был в Курске, и там тоже так думают, - я указал на Тамару, - вот эмиссар оттуда!

Компания обернулась к Тамаре и по-родственному закивала ей.

- Что пить будете? – услужливо спросил меня пожилой еврей.

- Вообще то, я уже начал «Алабашлы»... - замялся я.

- Понятно, а закусывать? – продолжал еврейский аксакал.

- А что здесь имеется кошерного? - озабочено спросил я.

- О, за это вы не волнуйтесь! – успокоил меня аксакал.

- Тогда полагаюсь на ваш вкус, - закончил я эту тему, и перешёл к отъезду на Землю Обетованную.

Я мимолётно кое-что слышал о трудностях и хитростях отъезда на историческую родину и сейчас излагал их от первого лица. Дело в том, что в одну из моих поездок в Москву, я попал в купе (к моему ужасу двухместное!) с пожилой еврейкой из Америки, которая была в Курске в «агитпоездке». Она, видимо, приняв попутчика, то есть меня, за еврея, все мозги мне прокомпостировала перечислениями ходов и лазеек для быстрого выезда в Израиль. Вот они мне сейчас и пригодились!

- Не будем забывать, что наш Моше (пророк Моисей) сорок лет шёл на Землю Обетованную, сам не дошёл, но народ таки довёл! И мы не должны жалеть ни времени, ни денег на отъезд домой!

А подконец я рассказал собравшимся одну из наиболее эффектных баек в том же ключе:

- Нет, а вы слышали, как наша Голда перехитрила этих агоев (неевреев) при отъезде на родину? (речь шла о бывшем премьер-министре Израиля Голде Меир). Таки она взяла с собой всю свою старую мебель, потому, что мебель, видите ли, дорога ей была как память! А ящики, в которые упаковали мебель, забили платиновыми гвоздями. Чтобы я так жил, если кто-нибудь из вас отличит железный гвоздь от платинового, не по цене, конечно! И вот, я знаю, но говорят, она так вывезла пятнадцать килограммов платины, а платина костен (стоит) много дороже чем голд (золото)!

Пейсы заахали, заохали: «Да, Голда - наше золотце – это голова! Сейчас таких нет!».

Я держался из последних сил. Меня мутило – мусульманский «Алабашлы» никак не «ложился» с кошерной закуской. Последний мой тост я уже не помню – о нём мне рассказала Тамара. Вроде, я поднялся на слабеющих ногах, налил бокал «Алабашлы» и провозгласил:

- Так сплотимся же под сияющим Магендовидом (Звездой Давида, правильнее «Магендавида», но мне и моим друзьям ближе именно это произношение), который вывел нашего Моше и наш народ, куда ему было надо!

И выпив бокал, свалился без чувств под стол. Меня подняли, осторожно вынесли наружу и положили на бульварную скамейку, целиком спрятанную в кустах. Тамара обещала «моему народу», что побережёт меня от милиции и вытрезвителя. «Вынос тела» состоялся примерно в час дня. Проснувшись около семи вечера, я жалобно запросил воды и валидола, но услышал в ответ:

- Пьянь еврейская, я шесть часов сижу у тебя в ногах, как какая-нибудь Сара возле тела своего Абрама! Если ты не поспешишь, то ночевать будешь в питерской синагоге, а я пойду к Лере одна! – пригрозила Тамара.

Поняв, что сейчас шутки неуместны, я собрал последнюю волю в кулак, встал на неверные ноги, и, поддерживаемый Тамарой под руку, побрёл к станции, напевая печальную песню:

«В воскресенье мать-стару-у-ха,
К во-ро-там тюрьмы пришла,
Своему родному сы-ы-ну,
Пе-е-редачу принесла!»

Вот такой сионистской выходкой я отомстил Тамаре за необоснованную ревность. Отомстил, но не излечил её от этой досадной болезни...

Крамольные мысли...

Постепенно пылкая страсть к Тамаре Фёдоровне стала затихать, и печальную роль в этом сыграла её беспричинная ревность. Есть ревность – значит должна быть и причина, - решил я, и возобновил свои поездки в Москву. Во-первых, я действительно подзабыл свои научные связи в Москве, во-вторых, меня очень тяготило «замораживание» отношений с Тамарой Ивановной. Я её продолжал любить, и без неё мне было трудно. Да и вообще – вместо одной «взрослой» жены приобрёл вторую, да ещё и ревнивую – куда это годится для «вольного казака»?

Мой «побег» из семьи не остался не отмщённым «женской фракцией» института. Институтские дамы устроили настоящий бойкот Тамаре Фёдоровне, и та вынуждена была уйти с

преподавательской работы в бюро переводов при областной библиотеке. Надежда на получение квартиры от института накрылась окончательно.

Прибыв в Москву, я позвонил Тамаре Ивановне во ВНИИТоргмаш и попросил «аудиенции»

- Ресторан «Прага», семь вечера; встреча у входа, - получил я деловой ответ.

Тамара встречала меня так, как будто и не было перерыва в наших отношениях. Я во время «романтического ужина» рассказал, что разводился, и мне было не до поездок. Тамара внимательно посмотрела мне в глаза и поинтересовалась, чем был вызван этот шаг. Взгляд мой блудливо забегал, и я наплёл что-то про эффект «критической массы» отношений.

- Всё ясно! – жёстко сказала Тамара, - загулял в Курске, город маленький – вот и «критическая масса». А сейчас всё это надоело, и опять приплёлся ко мне! Что ж, я - женщина отходчивая и прощаю тебя!

Мы, как голубки, поцеловались прямо в зале ресторана, и поехали в Мамонтовку.

- Ну, что, зятёк, болтает тебя как дерьмо в проруби? – ехидно спросила тётя Полли, когда снова увидела меня в своей квартире.

- Маменька, не хамите профессору! - шутливо заметила ей Тамара и завела меня в свои апартаменты.

Знакомая любимая комнатка, зелень, лезущая прямо в раскрытое окно, наша постель, видевшая столько любви! Зачем было все это бросать и менять «шило на мыло», простите за вульгаризм! Жениться на Тамаре и переехать в Москву! Но тут же вспомнил Аликово: «Слопает она тебя и не моргнёт!», и немного притих в своих мечтаниях.

А утром, до похода в ресторан я, конечно же, посетил Моню в ИМАШе. Мой друг был возбуждён, восторжен и романтичен - оказывается, он познакомился с юной девушкой - художницей и влюбился в неё. И, как уверял Моня, она – в него тоже.

- Я тебя должен обязательно с ней познакомить, ты тоже влюбишься в неё! – плёл какую-то ахинею Моня. А может и не совсем ахинею – нация-то у Мони хитрая! Затеивает, небось, какую-нибудь комбинацию!

Дело в том, что Моня за долгие годы брачной жизни, практически не изменял жене, хотя и не любил её. Женился он «в отместку» своей любимой невесте, которая бросила его почти перед свадьбой и вышла за другого. Ну и Моня тут же женился на первой подвернувшейся девушке. «Одноразовое» соращение его Тамарой Ивановной, было единственной его изменой жене, если это можно так квалифицировать. А тут – невооружённым глазом видно, что влюбился.

Моня как на духу выложил мне, что его Ольга – француженка по национальности, внебрачная дочь скрипача-француза, учившегося в Московской Консерватории. Она необычайно талантлива – прекрасно рисует, поёт и играет на гитаре. Работает в Большом театре бутафором-декоратором. Ей всего двадцать один год, а выглядит она ещё моложе. Зато страстна необыкновенно: сама звонит в ИМАШ в лабораторию и прямо во время работы тащит его к себе домой на Таганку. Потом, правда, отпускает, опять же, на работу. Вечерами они могут встречаться лишь урывками – Моне надо спешить в семью.

- Так что, она тебе девушкой досталась? – поинтересовался я.

- Нет, какой там девушкой! – отмахнулся Моня. – Она успела переспать с такими известными артистами, - и Моня назвал мне две фамилии очень известных и любимых народом артистов с таким пафосом, как будто это он сам переспал с ними.

Назавтра я приехал из Мамонтовки в ИМАШ уже с собранным портфелем, готовый вечером уехать в Курск. Моня тут же повёл меня на встречу со своей Олей. Эта встреча, оказавшаяся роковой для меня, так и осталась у меня в памяти: солнечный, но не жаркий день, сквер перед Политехническим музеем, зелёная скамейка в сквере...

- Запомни – ты фотограф из ИМАШа, начальник фотолaborатории; я – работаю у тебя, ты мой начальник!

- Зачем тебе это враньё, ты же фотографировать не умеешь! – упрекнул я его.

- Так надо, так надо! – делая страшные глаза, прошептал мне на ухо Мони, потому, что со скамейки встало и направилось к нам интересное существо, увидеть которое я никак не ожидал.

По рассказу Мони я нарисовал себе портрет, этакой «девицы-вампа», страстной высокой брюнетки в теле, с яркой косметикой на лице и массивными серебряными украшениями на руках и шее. Ещё бы – француженка, художница, соблазнительница!

А к нам подошла с виду школьница, маленького роста худенькая блондинка с короткой стрижкой, огромными серо-голубыми глазами и полными розовыми губками. Форменная малолетка! Одета эта малолетка была в потёртый до дыр голубой джинсовый костюм и мальчуковые ботинки. Ни следа косметики, ни одного украшения! Было даже немного непонятно - девочка или мальчик это.

Она поцеловалась с Моней, за руку жеманно поздоровалась со мной и неожиданно низким голосом сказала:

- Привет, фотокоры! Как жизнь? – как будто мы были её сверстниками, а не солидными учёными, намного старше её возрастом.

- Да всё щёлкаем затворами, - осторожно ответил я, вспоминая, чем же всё-таки занимаются «фотокоры».

- А затворы-то всё оружейные! – подыграла мне Ольга, и я, смутившись, посмотрел на Монию.

- Скажите правду, мальчики, - Оля встала между нами, взяв нас обоих под руки, - небось, на КГБ работаете?

Я в ужасе отвёл взгляд с памятника Дзержинскому, стоявшему на площади перед зданием КГБ, и, в свою очередь, подыграл Ольге:

- Он, - я указал на Монию, - из Госстраха, а я - указав на здание КГБ, - из Госужаса!

Оля громко захохотала, а Монию шикал на нас, пугливо озираясь по сторонам.

- Приглашаю вас на пятнадцатый этаж в «Огни Москвы!» – вдруг предложил я. – Отличная погода, приятная встреча; посидим, выпьем, и может мне удастся завербовать Олю! – пошутил я. Долгий внимательный взгляд Оли дал мне понять, что шутка дошла до неё по своему прямому назначению.

Монию отказывался, тараща глаза и уверяя нас, что он на работе, но мы его уговорили. Я не знаю человека, которого первое пребывание в кафе «Огни Москвы» не восхитило бы, особенно если находишься на веранде. Хотя бы после «разгрома» гостиницы это чудо сохранилось, как впрочем, и сама гостиница! Оля была на пятнадцатом этаже первый раз, и на её художественную натуру это посещение произвело большое впечатление. Плюс шампанское и привлекательная компания.

Посреди трапезы Монию забеспокоилась и заспешил на работу. Оля хватала его за руки, что-то шептала ему на ухо, и до меня донеслось только слово «Таганка», но кавалер был неумолим. После ухода Мони, Оля матюгнулась на его счёт, и мы продолжили нашу встречу вдвоём.

Меня удивила коммуникабельность Оли – она первая перешла со мной на «ты», даже «брудершафт» не понадобился; сразу же стала использовать в разговоре «ненормативную» лексику, причём делала это с большим изяществом. Монию от её словечек аж в краску бросало – сам он, взрослый мужик, никогда не использовал мата. В довершение всего, Оля курила сигареты – и готов образ этакой интеллектуальной дюймовочки-«эмансипэ». И женственности в этом образе было маловато.

Наконец, мы покинули кафе, и Оля попросила проводить её домой. Поезда мои отправлялись поздно вечером, и мы прошли на Таганку пешком. Спустились на набережную Москвы-реки, перешли Устьинский мост через Яузу, и по Николаямской добрались до Земляного вала. Перешли его, и тут Оля остановилась у магазина.

- Давай зайдём ко мне и выпьем немного, - совсем по-детски, надувая губки, попросила Оля. - А то у меня ничего нет дома!

Мы зашли в магазин, купили вина - мадеры, которая, оказывается, нравилась нам обоим, и какую-то закуску, совершенно не интересовавшую Олю.

- От этого Мони ничего не дождёшься, - жаловалась мне Оля, - ни посидеть с ним, ни полежать толком не получается! Тут же бежит к своей нюшке! – обиженно надула губки дюймовочка.

Дом Оли размещался на Большом Дровяном переулке, в двух шагах от Садового кольца. Квартира на бельэтаже, двухкомнатная коммунальная. Оля занимала большую комнату с альковом, а соседка – старая бабка, «коммунистка», как называла её Оля, - маленькую.

- Вот и чёрного кобеля привела, - как бы невзначай пробормотала бабка, - а то всё рыжий ходит... Но Оля так шикнула на «коммунистку», что та серой мышью юркнула к себе в комнатку.

... и поступки

Огромная комната Оли была почти без мебели - в алькове узенькая тахта, посреди комнаты маленький стол, а у стены - полки, частично занятые книгами, а частично - посудой. На стене - гитара. Окно – нараспашку, и в него лезли ветки деревьев, растущих у самого дома. В это открытое окно хорошо был слышен бой кремлёвских курантов. Звуки в Олиной комнате были гулкими из-за пустых стен.

По дороге Оля начала рассказывать про свою жизнь, и этот рассказ продолжался дома. Оказывается, мама её «согрешила» с французом из Парижа, учившимся в консерватории. У неё родилась дочь, то есть Оля. А потом французский папа уехал к себе на родину в Париж, а Оля с мамой остались в Москве. Мама вышла замуж и ушла жить к мужу, а комнату свою оставила Оле. Как и фамилию – Филиппова; а отчество оставил папа – его звали Лери, и Оля была «Лериевна». Фамилию отца она не знала, но, если надо, обещала узнать у матери.

Ну и я, чтобы совсем не завратъся, рассказал Оле, кто я на самом деле, а для чего Моне было делать меня фотографом – не знаю.

- А чтобы просто соврать, он жить не может без вранья, - сердито проговорила Оля, - в первый же раз наплёл мне, что он импотент; пришлось доказывать ему обратное. Всю дорогу врёт – я-то ведь позвонила ему на работу и спросила, кем он работает. Узнала также, что он женат и имеет двоих детей. А ты? – вдруг спросила Оля.

- Я – вольный гражданин французской республики! – как зачарованный ответил я.

Эту фразу я с завистью повторял про себя много раз, а услышал её впервые в Сочи у одного из причалов на пляже. Я отдыхал как-то там с женой, и мы вечерком стояли на этом причале, по-семейному поругиваясь. А рядом стояла уже взрослая, лет сорока еврейская пара и тоже поругивалась на идиш. Она - полная яркая брюнетка, он - седоватый, породистый элегантный хлыщ в прекрасно сидящем на нём сером костюме. Хлыщ не знал, куда девать себя: он то отворачивается от Сары (так я прозвал её про себя), то отодвигался от неё. Но она упрямо становилась рядом и пилила его, ела поедом. Только и слышалось: «поц», «койфт», «дайне моме» («хвостик», «купи», «твоя мать»).

Когда она довела его уже до белого каления своими «дайне моме», хлыщ гордо выпрямился и хриплым баском спросил её на идиш: «Дайне моме лози какен мит фломен?» (вольный перевод: «А что, ты сама из панов?», буквально: «А что, твоя мама какает только цветочками?»).

И вдруг к причалу подруливает прогулочный катер-глиссер, хлыщ быстро сбегает вниз, запрыгивает в него, и оттуда громко кричит своей Саре:

- Мадам Люнгарс! Вы, наверное, забыли, что я – вольный гражданин французской республики! - катер газанул и тут же скрылся из виду, увозя машущего рукой хлыща в прекрасную даль, подальше от назойливой Сары...

Я так позавидовал этому хлыщу – неужели я так никогда и не смогу произнести эту гордую фразу – «я вольный гражданин французской республики!» И вот я в первый раз громко и гордо произнёс её...

Мы выпили ещё. Оля закурила. Вдруг она решительно затушила сигарету о тарелку и подошла ко мне. Сидя на стуле, я был лишь немногим ниже Оли. Она обняла меня за шею и стала чувственно целовать, мягко затягивая мои губы в свои. Вот этого-то я и не ожидал! Я пытался встать, но Оля силой усаживала меня снова.

Наконец, мне удалось встать, но Оля, обняв меня за спину, притянула к себе, и поволокла, да, да - поволокла к алькову. Эта почти невесомая школьница-дюймовочка волокла мастера спорта по штанге «у койку».

- Оля, - наконец не выдержал я, - а как же Моня? Что мы ему-то скажем?

- А мы ему ничего говорить не будем, не обязаны! – Оля настойчиво с каким-то нечеловеческим упорством продолжала тащить меня, и когда я упёрся сильнее, укоризненно посмотрела на меня снизу своими голубыми озёрами и прошептала:

- Теперь ты ещё скажешь, что и ты тоже импотент!

- Ну, уж нет, - подумал я, - этого ты от меня не дождёшься! – и дал увести себя в альков.

Оля оказалась не по росту страстной – Моня был прав. У неё не было ни начала, ни середины, процесса, у неё всю дорогу был один конец. И никакого контроля за поведением в постели: свою ладонь я постоянно прижимал к её губам, иначе бабка-«коммунистка» давно была бы рядом и замучила бы нас своими советами. Благо дверь в комнату мы так и не заперли.

Мы спонтанно засыпали, просыпались, вставали, выпивали вина, разбавленного водой, ложились снова, и я опять прижимал ладонь к её губам. Когда руки были заняты, я зажимал её губы своими и не позволял ей беспокоить соседей.

Утром я, мотаясь как тень, поднялся и попросил разрешения выйти на улицу - позвонить в Курск. Телефона в квартире Оли не было.

- Что Моне-то скажем? – успел я всё-таки спросить Олю, выходя из дверей.

- Ты уехал в Курск вчера вечером, а я пошла в гости к тёте, я постоянно хожу к ней – в ответе Оли чувствовался опыт, - сюда он не посмеет прийти, а на моей работе ответят, что меня нет. А тётин телефон он не знает. Успокойся, не съест тебя Моня - что за мужики пугливые пошли!

Я с почты позвонил домой Медведеву, потом на работу Тамаре Фёдоровне. Она ждала меня утром и беспокоилась. Легенда была для всех одинакова – не сумел достать билетов, но сегодня вечером выеду обязательно.

Когда я вернулся к Оле, она уже встала, сварила кофе и поджарила яичницу – яйца взяла в долг у «коммунистки». У Оли не было даже холодильника.

- Бабке сказала, что выхожу за тебя замуж, - похохатывая с сигаретой в зубах, обрадовала меня Оля, - и ты скоро переедешь жить ко мне. Чтобы не возникала, если ты будешь приходить!

- Оля, это же надувательство, а если придёт Моня? – недоумевал я.

- А бабка знает, что Моня мой любовник. А что, нельзя иметь и мужа и любовника? – опять, надув губки, возмутилась Оля.

- Ну и баба, - подумал я, - такого экземпляра я ещё не встречал! Да это же богема – гуляет, встречается с мужиками, поёт, играет на гитаре, работает в театре, ходит куда и когда хочет... Живёт как на облаке. Реальная жизнь её не касается, она её не хочет и замечать. И внешность инфантильная – школьница седьмого класса и то старше выглядит! Мужа и любовника ей подавай! – рассуждал я сам с собой.

А самого меня начала точить мысль, и от неё я не мог избавиться – а что, если мне действительно жениться на ней? Она очень молода, простодушна, умна, страстней женщины я ещё не встречал; терять мне нечего, а получить, кроме молодой жены, разумеется, я могу мечту жизни – Москву! Кто может этому помешать? Один Моня – решил я, ссориться с ним я ни за что не буду.

День мы с Олей провели, как и вчерашний вечер. Да, здоровье с этой дюймовочкой нужно иметь бычьё! Но такое у нас имеется, - хвастливо констатировал я. Оля проводила меня на поезд, и на полном серьёзе, надувая губки, просила не оставлять её надолго:

- Видишь ли, после тебя мне никого не хватит! Так что, ты развратил меня, и теперь не имеешь права бросать!
Я уехал в Курск в глубокой задумчивости...

Жених-самоубийца

Понятно, чтобы жениться на Оле, в Москве препятствием был Моня. Ну, а в Курске – Тамара Фёдоровна. От Тамары Ивановны улизнуть было намного проще – не впервой!

Через неделю – я снова в Москве. Для «понту» я реанимировал хоздоговорную тему с предприятием Элика, где соисполнителем включил ИМАШ, а конкретно – Моню. Элик был заинтересован в теме, так как она совпадала с финансируемым направлением на его предприятии. Моня готовил практическую апробацию для своей докторской диссертации, которую он уже начал писать. А я получал формальную причину ездить в Москву, когда только заблагорассудится.

Я с опаской ждал встречи с Монею - вдруг Оля проболталась! Но Моня встретил меня восторженно:

- Знаешь, Оля всю неделю только о тебе и говорила. Ты и умный, и красивый, и галантный! Постоянно рисует тебя «по памяти» - и Моня вынул из своего ящика рисунок карандашом на листке обычной писчей бумаги. Если бы я не знал, что это рисунок, я бы решил, что передо мной фотография. Это был творческий метод Оли – она в точности передавала каждую чёрточку на лице, каждую складку на одежде. При этом выдерживала все полутоны – чёрно-белая фотография, одним словом. Конечно же, на этом рисунке я был изображён очень выгодно – на лице было философское выражение человека, уставшего делать добро людям. Причём, на лице совершенно трезвом, чего, собственно, память Оли зафиксировать не могла бы – тут нужно было приложить воображение!

- Я бы сказал, что Оля влюбилась в тебя! – вдохновенно продолжал Моня, внимательно наблюдая за моей реакцией.

- Ну, хорошо, она влюбилась в меня, не она первая, не она последняя! – тоном усталого от успехов ловеласа отвечал я ему, - ну и что с этого? Это же твоя баба, да она и не в моём вкусе. Мне нужна «фемина», а это – то ли школьник, то ли школьница, да ещё и с сигаретой в зубах. Моня, а ей действительно двадцать один год, не связался ли ты с несовершеннолетней малолеткой? – поинтересовался я, опасаясь за Моню, а тайно – и за себя.

- Успокойся, я её паспорт видел! – ответил Моня, и вывел меня в коридор для какого-то секретного разговора. – Слушай, у меня к тебе предложение, только не отвечай мне сразу «нет», не подумав. Женился бы ты на Оле - и, видя, что брови у меня поднялись выше физиологического предела, быстро добавил, - фиктивно, разумеется, фиктивно! Ты прописался бы у неё – жилплощадь позволяет, и устроился бы на работу в Москве. Хватит тебе шастать по провинциям, заверши свой ход конём! А потом найдёшь себе другую жену, женишься хотя бы на своей Тамаре Фёдоровне. Или будешь «липовым» женатиком, чтобы никто из твоих будущих баб претензий не предъявлял – это же мечта ловеласа!

- Моня, я понимаю, что ты спишь и думаешь, как бы потрафить мне - спасибо тебе, друг, за это! А что ты, выражаясь на твоём карайларском языке, будешь иметь с этого? Иначе твой альтруизм вызывает подозрение!

Моня, наклонил голову, потупил взгляд и зарделся. Видно, тема эта его действительно волновала.

- Видишь ли, - Моня понизил громкость голоса до порога слышимости, – я не могу оставить семью, а жена не даёт мне встречаться с Олей. А я так люблю Олю, что жить не могу без неё...

Моня ещё больше наклонил голову и чем-то напомнил мне влюблённого Митрофаньча в бане. Ему впору было бы сейчас и слезу пустить. Я аж похолодел от ответственности за отводимую мне роль.

- Если Оля формально будет твоей женой, я смогу с ней встречаться как бы у тебя в гостях. И Капа (он с трудом произнёс это имя, обычно он говорил «жена») ни о чём не догадается. Ты же видишь, моё предложение обоюдновыгодное! – Моня решился, наконец, посмотреть мне в глаза, да и для Оли это выгодно, - горячо продолжал Моня, - это повысит её в глазах общества, она станет «профессоршей»! Да и материально ты ей сможешь – ведь такой брак немалых денег стоит!

Я всё больше понимал, с каким умным, но совершенно не знающим жизни человеком, меня столкнула судьба. Ведь реальная жизнь – не шахматы, тут одним анализом ходов дела не сделаешь!

- Хорошо, даже если я соглашусь, а Олю ты спросил? Ведь она тебе физиномордию за это исполосует! Уготовить юному созданию такую роль! – я чуть руки себе не заломил от фарисейского сострадания «юному созданию».

- Оля всё знает и согласна! – твёрдо ответил Моня, - ей тоже надоели фокусы моей Капы; только она категорически не хочет знать ни о каких деньгах с твоей стороны, она хочет помочь тебе совершенно бескорыстно! – добавил Моня.

- **Нам!** – поправил я и подумал, - Оля действительно умная девчонка, и авантюристка вдобавок!

- И последнее, Моня. Мы взрослые люди, и я хочу, чтобы мы всё предусмотрели. Дело затевается не на неделю, и не на месяц, а что, если мы с ней, по пьянке ли, по обоюдному согласию ли, конечно, без насилия с какой-нибудь из сторон, но начнём жить как мужик с бабой, что тогда? – задал я Моне вопрос «в лоб»!

И опять глаза «долу», опять девичий румянец.

- Я бы очень не хотел этого, - тихо высказался Моня, - но даже если это и произойдёт, ты же не будешь возражать, если я иногда буду приходить к вам, то есть к ней в гости?

- И будешь трахать мою жену? – жёстко добавил я.

- Послушай, брак-то будет фиктивным, всё это ведь будет понарошку! – всерьёз возмутился Моня.

- Шучу, шучу, - рассмеялся я, - на фиг она мне нужна, эта пигалица. Что я баб полноразмерных в Москве не найду, что ли?

Но и хитрая «пигалица», и вся эта авантюра с женитьбой меня увлекали всё больше. Честным и правдивым, и то относительно, в этой аванюре был только Моня. Мы с Олей должны были играть сволочные роли, выхода из создавшейся ситуации я не видел – не ссориться же с Монею. Или отказываться от брака, перспектива которого уже достаточно увлекла и «жениха» и «невесту».

- Но периодически ночевать у Оли мне придётся, - практично рассудил я, - а то бабка, да и другие соседи заявят, что, дескать, брак фиктивный, и всё такое. Брошу в комнате какой-нибудь надувной матрас, и буду спать на нём. А днём буду сдувать его и прятать – пусть бабка и соседи с подругами, которые нет-нет, да заглянут к Оле, видят, что койка-то у нас одна. Значит, и брак всамделишный!

Сказано - сделано! Мы зашли в «Спорттовары», и я купил там надувной матрас. Потом зашли в магазин на Николоямской (бывшей Ульяновской), взяли вина, закуски и зашли к Оле.

- Оба кобеля вместе! – вытаращив глаза, только и вымолвила бабка, выглянув из своей комнаты.

- Ошибаетесь, товарищ! – широко, по-партийному, улыбаясь, парировал я, - кобель только один – рыжий, - и я указал на Моню, - а я – жених! Прошу не путать!

Оля грозно «шикнула» на бабку и та, в изумлении, исчезла. Пока Оля с Монею готовили стол, я надул матрас. Я видел, с какой ненавистью Оля смотрела на это резиновое чудо, но развеселившийся Моня ничего не замечал.

Мы выпили за любовь, как положено – до брака, во время брака, после брака, вместо брака, и за любовь к трём апельсинам. Я и Моня держали бокалы в руках, а Оля чокалась своим с нашими. Со мной она чокнулась, когда я произносил слова «во время брака», а с Монею – при упоминании «любви к трём апельсинам». Но и это ускользнуло от внимания счастливого Мони –

его хитроумный план осуществлялся, и это вызывало у него эйфорию. Не думал он тогда, что этим хитроумным планом он перехитрил самого себя.

Потом Моня, сделав страшные глаза, заспешил домой, а Оля деланно пыталась его задержать и оставить. Я деланно пытался уйти прогуляться на полчаса в магазин, но Моня предложил выйти всем вместе, проводить его до метро.

- А там – хоть в магазин, а хоть в ЗАГС! – пытался пошутить он, но Оля надавала ему за это «шалабанов» по башке.

- Лапочка, ты же знаешь, что я сейчас не могу, лапочка, вот подожди немного, тогда... - выкручивался из своего положения Моня, протискиваясь к дверям.

Мы с Олей проводили Моню до метро (которое оказалось всего в пяти минутах ходу), а на обратном пути зашли в магазин. Когда мы вернулись обратно, я ласково улыбнулся опять высунувшейся из своей комнаты бабке, и она хитро подмигнула мне в ответ. Зайдя в комнату, я стал запирает дверь, Оля же с рычанием львицы набросилась на ни в чём не повинный матрас, и, выдернув из него пробку, стала топтать его ногами, выдувая воздух. Я протягивал к бедному матрасу руки, как бы пытаясь уберечь его, но жест мой был понят превратно.

- И не надейся! – прорычала Оля и потащила меня в койку.

Вскоре мы купили другую койку, по ширине занимавшую весь альков. Оля объяснила Моне, что подруги «не понимают, как на такой узкой кровати можно спать вдвоём с женихом». А на новой - и трое свободно улягутся!

Оля оказалась на редкость предусмотрительной...

Интересно и то, что мы с женой до сих пор пользуемся этой кроватью. Кровать, как скрипка, она не стареет, она – наигрывается. Коли так, то наша кровать – это наигранная, старинная, виртуозная скрипка Страдивари. Спать на ней – это спать на истории секса!

Если для Мони дело было сделано, то для меня – лишь наполовину. Надо было ещё как-то подвести Тамаре Фёдоровне «научную базу» под мой грядущий переезд в Москву. Я стал понемногу эту базу подводить. Дескать, в Курске с квартирой для нас ничего не светит по причине ухода Тамары из института. Да и я «подмочил» свою репутацию разводом. А у моего друга Мони...

И я пересказал Тамаре предложение моего друга Мони насчёт фиктивного брака, упирая на заинтересованность в этом Мони и Оли. Рассказал, как они безумно любят друг друга, и чего стоило Моне уговорить Олю на фиктивный брак. Как она сначала плакала и категорически отвергала эту авантюру! Потом заплакал уже Моня, и сказал, что тогда им, по всей вероятности, придётся расстаться. А напоследок, как в индийском фильме, заплакали они оба, и Оля, сказала, что согласна быть моей женой, фиктивной, разумеется. И тут заплакал уже я, чувствуя, на какую авантюру я иду, и как обижаю этим мою Тamarу.

И, чего, наверное, не случалось даже в индийских фильмах, заплакал и четвёртый участник событий – Тамара Фёдоровна. Ей не нравится эта авантюра, но она понимает, что лишиться счастья столько народу она просто не вправе. Тем более я заметил, что фиктивный брак с Олей – ненадолго. Она найдёт себе настоящего жениха, того же Моню, если он разведётся с женой, а я заберу Тamarу к себе в Москву. Но это была перспектива уже настолько далёкая, что мы её и не стали обсуждать...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! При ближайшем рассмотрении, паспорт Оли оказался «подпорченным». Об этом не знал даже Моня. Но у каждого, или почти у каждого из нас, имеется свой «скелет в шкафу».

Оказывается, Оля числилась замужем за одним известным (поменьше Нуриева, но из той же компании!) танцовщиком, которого обвинили по 121 статье УК в мужеложстве. Тогда за это сажали, и артистическая богема уговорила Олю фиктивно расписаться с ним, чтобы это помогло ему избежать наказания. Она ездила на суд (всё происходило в родном городе Нуриева), но спасти его не смогла, так как тот сам признался в своей нетрадиционной сексуальной ориентации. «Мужа» посадили, а штамп в паспорте остался. И чтобы развестись с этим «мужем» Оля затратила около года. Интереснее всего то, что «муж», которого Оля бескорыстно спасала, не захотел давать развода. Пришлось, по совету одного юриста,

«поискать» его в Москве и Подмосковье. А когда там его не обнаружат (да и не могли обнаружить, ибо тюрьма была совсем в другом месте), объявить его «пропавшим или умершим». Наконец, в сентябре следующего 1977 года Оля оказалась разведённой, и мы подали заявление в ЗАГС.

Июль я провёл на море с Тamarой Фёдоровной, где задался целью похудеть. Я располнел до 80 килограммов и считал, что это меня старит, хотя с моим ростом штангисты обычно весят даже больше. Диета моя позволяла всего два яблока и бутылку вина в день. Целью моей было сбросить 10 килограммов.

В последний день пребывания в Новом Афоне, где мы отдыхали, я взвесился на весах в парке. Весы показали 71,5 килограммов, что меня совершенно не устроило. Я усадил Тамару на скамеечку в парке и попросил подождать меня час. И как был в махровых шортах и майке, так и побежал на Иверскую гору, высотой около полукилометра. Бежал я поперёк дорог, петлявших по склону горы, цепляясь за кусты и кизилловые деревья. Задыхаясь, пробежался по дворику монастыря-крепости на самой вершине горы, и мухой - вниз. Мой махровый костюм был весь мокрый, пот стекал с него тонкой струйкой. Я разделся до плавок и взвесился: 69 килограммов! Цель была достигнута – сброшено более 10 килограммов!

Выкручивая мой махровый костюм, с которого потоком лился пот, я неожиданно ощутил головокружение и мелькание в глазах. Тогда я не понимал, что от такой интенсивной сгонки веса наступает кислородное голодание мозга. Но, не восприняв тогда предупреждение организма, я продолжал издеваться над ним – сидеть на диете, что чуть не окончилось летально.

Август мы с Олей провели в...подмосковном пионерлагере. Оказывается, Оля нанялась на лето в пионервожатые в этот самый лагерь, а в комнате оставила мне его адрес (я, разумеется, как жених, имел ключи от квартиры и комнаты). Этот же адрес имел и Мона, который чуть ли ни каждый день слал ей телеграммы из Сочи, где он отдыхал с женой Капитолиной и детьми. Телеграммы адресовались «пионервожатой Ольге» и содержали строчки из «поэз» Игоря Северянина.

В день моего приезда Оля получила очередную телеграмму и была в бешенстве – весь пионерлагерь читал эти телеграммы и хохотал над ними. Простим их – пионеры не знали запрещенного тогда «гения». Ну, скажите, как ещё они могли отреагировать на полученную в день моего приезда телеграмму:

«Как плодоносны зпт как златотрубны зпт снопы ржаные моих поэз вскл»

А ведь Оля не знала обратного адреса Мони и не могла запретить ему присылать ей такую чушь!

Оля жила в отдельном домике, где с согласия заведующей пионерлагерем, поселился и я. Первым делом мы съездили на почту, куда эти телеграммы приходили, и попросили их не доставлять. На почте нас поняли – они и сами ухохатывались над Мониными «телеграммопоэзами».

Дожливый август мы провели, развлекая пионеров: Оля играла на гитаре и пела пионерские песенки, а я показывал им общежитейские фокусы и делал стойку на столе, выпивая при этом стакан вина через соломинку.

В сентябре начались занятия и кончался третий квартал года – пора подписывать процентовку по научной работе во Львове. Лиля не захотела ехать, хотя я и держал её на теме, Толя Черный приболел, и я поехал сам.

С Тamarой Федоровной шли постоянные раздоры, доходящие до скандалов. А когда я начинал собирать вещи и уходить, она тут же примирялась со мной и упрашивала остаться. Все это было очень тяжело для меня, тем более, я-то знал, что обманываю Тамару.

В самом начале октября я выехал в Москву, чтобы затем поездом добраться до Львова, а потом вернуться в Курск «по-сокращенке» - через Киев. Как раз мы договорились с Олей подать заявку в ЗАГС в этот приезд, и я, не выдержав, рассказал Тамаре об этом как раз в вечер перед отъездом.

Весь вечер Тамара плакала и почему-то била вещи, в основном, купленные мной. Грохот стоял на весь дом – ещё бы – была разбита вдребезги крупная радиола, бились посуда, зеркала. Разбитое зеркало, означающее по народным поверьям смерть, произвело на меня очень тяжелое впечатление. Я выехал из Курска весь в печальных раздумьях и переживаниях.

Перед подачей заявления я зашел в ИМАШ, где, кроме Мони, который хотел пойти в ЗАГС вместе с нами, я встретил Элика. Тот только что купил «с рук» красивый синий костюм и добротный кожаный пояс к нему. Но костюм не «шёл» Элику – пиджак висел, а брюки почти не застегивались. Он уже не знал, что и делать – купленное «с рук» проще было снова продать, чем сдать обратно (не забывайте, что это было время сплошного дефицита, а продавца «с рук» называли страшным словом – «спекулянт»!) Я померил пиджак – он сидел на мне, как влитой, однако в брюки могли залезть двое таких как я! Но Элик вдел в брюки пояс, затянул его на мне – и получилось ничего! Я купил костюм вместе с поясом, оказавшимся необычайно длинным (запомните его – он еще сыграет роль в моей жизни!), и в этом костюме мы с Олей подали заявление в ЗАГС.

Вечером я выехал с Киевского вокзала во Львов, меня провожали Моня с Олей. Шёл дождь, и хоть он и не капал под дебаркадером вокзала, было прохладно. Моня обнимал Олю, надев на неё свой пиджак, и они выглядели очень счастливыми.

Сейчас придут домой и трахнутся с радости, что меня захомутали! – почему-то подумал я. У меня вызывал всё больше подозрений готовящийся «странноватый» брак. Что же ждать от него? Пока только болезненного разрыва отношений с Тамарой. А что дальше, когда этот брак зарегистрируют? А где я буду жить, если легкомысленная Оля вдруг найдёт себе кого-нибудь? А где работать? Ведь устроиться с места в карьер профессором – не так просто! Не пойду же я работать грузчиком или землекопом на кладбище, где всех подряд берут!

Под эти неоднозначные мысли отошёл поезд. Во Львове дождь шёл не переставая, а у меня ни плаща, ни зонта. А я был всё в том же костюме, купленном у Элика. Кое-как, на такси добрался до ГСКБ, подписал процентовки, а до отхода поезда – прорва времени! И вдруг я вспомнил, что сегодня – шестое октября, мой день рождения. Я всегда помнил об этой дате заранее, а тут – напрочь забыл! Тридцать восемь исполнилось, как Пушкину – почему-то провёл параллель я.

Я зашёл в кафе, взял вина, выпил за свой день рождения. Первый раз я его встречаю один, и как на грех – ни одного товарища, ни одного знакомого. Не идти же обратно в ГСКБ и предлагать практически чужим людям выпить со мной!

В кафе я попытался познакомиться с девушками, но был грубо «отшит». Хорошо, решил я, здесь – ладно, а завтра в Киеве я встречу с учеником – Осей Юдовским, с которым столько связано, которого я устроил в Киев на работу! Звоню Осе, он дома. «Ося, – говорю я, – сегодня выезжаю в Киев, завтра позвоню тебе, встретимся!» Но Ося, оказывается сегодня же вечером едет в Москву, билет уже взят, и отложить поездку нельзя, так как он сдаёт экзамены в аспирантуру.

– Вы же сами меня туда устроили, – напоминает Ося, – не срывать же поступление!

Я вспомнил, что действительно, рекомендовал Бессонову взять Осю, всё фактическое руководство аспирантом я брал на себя. Мы с Моней, преодолев кучу препятствий «по пятому пункту», добились его допуска к экзаменам. Кто из молодёжи не знает, что такое знаменитый «пятый пункт» – напоминаю, что под этим пунктом в советском паспорте была национальность. А Ося был евреем, и этим всё сказано.

До отхода поезда оставалось свыше трёх часов. Посидев ещё немного в кафе, я пошёл гулять по магазинам. В одном из них взял две бутылки вина, дешёвого, но крепкого – «Биле мицне». В народе его называли биомицином.

Магазин, где я брал вино, был с самообслуживанием. И вот, одновременно со мной, туда зашёл мальчик или, правильнее, парень лет восемнадцати, с признаками ненормальности. Таких детей обычно называют имбецилами или олигофренами. Учатся они в «спецшколах», работают на несложных специальностях. А этот парень схватил бутылку водки и спрятал её за пазуху. Это не укрылось от меня, и я стал наблюдать, что же будет дальше. Паренёк долго

ходил по магазину, надеясь запутать охрану. Но две здоровенные тётки-охранницы, конечно же, заметили воровство, и, пошептавшись друг с другом, стали ждать у выхода большого паренька. А тот, выходя, не показал, что взял. И тогда одна из тёток засунув руку ему за пазуху, достала бутылку, а вторая нанесла парню оглушительный удар по затылку.

Парень оказался слаб духом, он повалился на кафельный пол, покрытый жидкой грязью, и, катаясь по нему, вопил диким голосом. Тётки пинали его ногами, вымазывая в грязи, а парень, grimасничая от боли, истошно орал.

- Уже который раз ворует, никак не можем отучить! – жаловалась охранница публице.

И хоть я понимал, что она где-то права, но от увиденной картины тошнота подступила к горлу. Невозможно было смотреть на этого парня, который и не думал подниматься с грязного пола, некрасиво, с ужимками, плача, и размазывая грязь с кровью по лицу.

Я с омерзением вышел из магазина, и тут же на улице выпил «из горла» бутылку вина. Бросив «тару» в урну, я заспешил на вокзал, благо он был недалеко. Там зашёл на почту и отослал заказным письмом акты процентов в бухгалтерию КПИ. Выбросив квитанцию и хитро улыбаясь, я пошёл на перрон. До отхода моего поезда, который стоял на ближайшем пути, оставалось минут сорок. Но решение уже было принято...

Я прошёл в хвост поезда и даже дальше, где перрона уже не было, но решётчатая ограда продолжалась. Вдоль ограды росли мощные деревья, кажется липы. Я поставил портфель на землю и распоясался, придерживая огромные брюки рукой, снял с ботинок шнурки, и одним из них подвязал брюки, стянув петельки на поясе, чтобы они не спадали. Потом с трудом полез по решётке на ограду, держа ремень и второй шнурок в зубах. Там отыскал ветку покрепче и, опустив вниз ремённую петлю с пряжкой, стал шнурком крепить конец ремня к ветке. Помогли мне достаточно крупные отверстия, шедшие почти до самого конца ремня – в них-то я и продел шнурок для крепления.

Надёжно закрепив ремень на ветке, я спустился и достал вторую бутылку вина - не пропадать же добру! Сел на свой портфель и выпил эту вторую бутылку тоже «из горла». Поджидая, пока «дойдёт», я решил, что пора лезть на ограду в последний раз.

Но теперь это оказалось не так уж легко сделать – вторая бутылка сыграла свою роль, а кроме того, у меня исправилось настроение, и я стал подумывать, вешаться ли вообще... Захотелось в Киев, в мой любимый Гидропарк. Вспомнилась Москва, Оля и Моня, которые могут лишиться мужа и друга. Подумал о тёплом уютном поезде, о мягкой постели...

Я быстро достал перочинный ножик и, подпрыгнув, ухватился за ремённую петлю. Подтянув её на себя как можно ниже, полоснул ножом по ремню и отхватил его нижнюю часть. До отхода поезда оставалось около пяти минут. Спрятав ремень в портфель, я, петляя, побежал к своему вагону. Проводница подозрительно оглядела бородатого и хмельного пассажира в заляпанном костюме, перекошенных висящих брюках и ботинках без шнурков. Однако билет был в порядке, и в вагон меня пустили. Я упал на свою нижнюю полку и мгновенно заснул. Проснулся я только тогда, когда в окнах поезда засияло яркое киевское солнце.

В Киеве было тепло, сухо и солнечно. Я тут же сел на метро и через десять минут уже проезжал над великолепным Днепром, любуясь золотыми куполами Лавры. А ещё через несколько минут я был в моём любимом Гидропарке и побрёл к закусочной «Колыба».

Там мне выдали шампур с нанизанными на него кусочками сырого мяса, и я с удовольствием принялся сам готовить себе шашлык над длинным стационарным мангалом. Когда шашлык был готов, я взял бутылку «Ркацители» и прекрасно позавтракал.

А потом, раздевшись на пляже, выбил и вычистил свой костюм, вдел в брюки остаток ремня, который оказался как раз впору. Выйдя в город, купил шнурки и завязал, наконец, себе ботинки. После чего стал полностью готов к труду и обороне! И ещё раз дал себе крепчайшее слово джигита – ни в коем случае больше не вешаться. А если травиться – то только алкоголем!

Свадьба

Регистрация брака была назначена на конец ноября. А с нового 1978 года я решил и работать в Москве. Поэтому о работе надо было подумать заранее.

Моя советова́л идти к ним в ИМАШ, но, проработав в вузах почти десять лет, я начал понимать всю прелесть университетской жизни. Есть много преимуществ работы в вузах по сравнению с НИИ. Собственно, учёным больше деваться некуда – не на заводе же «вкальывать».

В вузах много свободного времени – в неделю у профессора заняты день-два, а в остальное время - делай, что хочешь. Оплата труда максимальная, столько официально нигде не платят. Постоянно общаешься с молодёжью, живёшь её жизнью – следовательно, не стареешь душой. Становишься мастером общения с аудиторией, что даёт неоспоримые преимущества в публичных выступлениях. Науку тебе не навязывают, как в НИИ, а ты выбираешь её сам. Чем хочешь, тем и занимаешься, а если найдёшь заказчика – завод, например, который даст за это деньги – ещё лучше. Любую научную консультацию получишь, не выходя из стен вуза. Нужен совет по химии: пожалуйста – на кафедру химии, по иностранному языку, физике, технологии – только зайти на соответствующую кафедру.

Короче говоря, преимуществ - столько, что ни о какой другой работе, кроме как в вузе, я и не думал. Хорошо только, если бы вуз был автомобильной направленности – ведь я специалист по автомобильным приводам.

Алик присутствовал во время моего с Моей обсуждения этих вопросов. Он высказал категорическое мнение: «Иди в Завод-втуз при ЗИЛе. Это настоящий автомобильный институт. Да и база какая - весь ЗИЛ!».

И я зашёл в этот институт, который располагался через улицу напротив первой проходной ЗИЛа, и прошёл в деканат, конечно же, автомобильного факультета. Декан - Хохлов Николай Григорьевич - принял меня очень дружелюбно. Как мне показалось, я его вполне устраивал. Молодой профессор, доктор наук, автомобилист – чем не желанный «кадр» для автомобильного вуза?

Мы договорились, что я подаю заявление на кафедру «Автомобили», так как там не было ни одного штатного доктора наук и профессора. А на теоретической механике, куда я, было, хотел устроиться, таковые имелись. Причём к занятиям надо было приступить уже с февраля.

Когда я выходил из деканата, мне встретилась секретарь декана Ира – серьёзная красивая девушка в очках. Да и по дороге до выхода почему-то попадались одни красавицы.- Сюда стоит поступать! – окончательно решил я, и больше ни в какой другой вуз не обращался.

К невесте я приезжал обычно утренним поездом. Покупал на Курском вокзале цветы и пешком шёл до дома – там минут 10-15 хода. И вот, приезжаю после почти месячного перерыва на революционные ноябрьские праздники в Москву. Покупаю у азербайджанцев три большие розы на длинных стеблях и бегу на Дровяной. Открываю дверь, а Оля лежит в постели. Обычно она к моему приходу уже встаёт. Целую её, и замечаю – что-то не так. Она вся какая-то сумрачная, глаза воротит.

Кладу цветы на стол и вижу, что одна роза отделяется от стебля и падает. Братья-кавказцы в очередной раз «надули» меня – посадили отпавший цветок на стебель, как на кол. Оля увидела это и горько усмехнулась – всё одно к одному! Поняв, что Оля вставать не собирается, я начал было раздеваться, чтобы лечь с ней.

- Не делай этого, - мрачно сказала Оля, - можешь не жениться на мне, но я тебе всё расскажу. – Я подхватила... и она назвала так хорошо знакомую мне болезнь, подаренную когда-то доцентом Летуновой.

- Оля, но для этого надо, как минимум, трахнуться с больным. Это Моей? – спросил я, не веря себе.

- Нет, ты что! – испугалась Оля, - но он теперь тоже знает об этом.

И Оля рассказала банальную историю о своей встрече в какой-то компании с совершенно неизвестным ей студентом. Они выпили, и он проводил Олю до дома, с заходом в

квартиру. И остался там до утра. Бабка – «коммунистка» была очень недовольна и обещала даже всё жениху «донести». А через несколько дней утром приходит медсестра из вендиспансера, застаёт Олю дома, и сообщает, что такой-то больной сообщил о связи с ней.

Оказывается, бравый студентик успел заразить какую-то замужнюю женщину, а муж у неё – человек «серьёзный». Почувствовав симптомы «африканского вождя», мужёнок заломил руки жёнушке и добился признания. Разыскал этого студента, набил ему морду и сообщил в вендиспансер. А там, под угрозой уголовного дела, разузнали о всех его связях.

Олю обследовали и начали лечить. Но не так, как лечился я, а по варварской «утверждённой» методике. Курс лечения – уколы каждый день, затем «провокация». Не проходишь её – опять курс лечения. И подписку взяли, что ни с кем никакого «баловства» - иначе уголовное «дело».

- Ты меня теперь бросишь? – надувая губки, печально спросила Оля. Я рассказала ей, как хотел повеситься во Львове, предчувствуя, среди прочего, подвохи с её стороны. И поведал ей, что уже болел этой болезнью, которая, к сожалению, иммунитета не даёт. И сказав, что всё-таки женюсь на ней, но попросил, по мере возможности, с «посторонними» больше не трахаться. С Монеи, дескать, разрешаю, а больше – ни с кем! Оля клялась и божилась, что теперь... Заклялась хрюшка на помойку не ходить!

Оля была страшно рада, что я простил её, но попросила меня либо уехать назад, либо пойти жить к Моне. Потому, что в диспансере предупредили – пить, как и трахаться, категорически нельзя!

- А чем ещё мы будем с тобой все праздники заниматься? – наивно спросила Оля, - я и вообще изведусь вся. К свадьбе излечусь – и тогда всё наверстаем!

Я оставил ей денег на свадебное платье, туфли, кольца, на другие расходы, и сказал, что уеду обратно в Курск. Так я и хотел поступить, но... Был последний рабочий день перед праздниками. Я зашёл в ИМАШ и увидел в лаборатории Элика. Монея тут же отозвал меня в сторону и с ужасом сообщил о болезни Оли. Рассказал, что он ходил проверяться, но у него всё в порядке. За кого он больше переживал, за себя или за Олю – непонятно.

Элик был очень рад видеть меня. У него, видите ли, сегодня не хватало партнёра по его сексуальным баловствам. Я дал согласие, Элик тут же позвонил, куда следует, и мы ушли. И я с удовольствием завалился с ним на его конспиративную квартиру. Не успели мы и «приложиться» к бутылке, как в квартиру позвонили, и радостный Элик впустил... сразу двух женщин. Рослые, в теле, как сейчас называют «тёлки», слегка поддатые, они ввалились в квартиру, принеся с собой запах духов и праздничную атмосферу.

Между тостами я спросил-таки на ушко Элика, что это означает, когда их две? Он очумело поглядел на меня и ответил, что это означает – каждому - своё, или, правильное, каждому - своя. Я, будучи педантом, всё-таки переспросил, что если так, то которая из них – моя?

- Выбирай! – бросил мне Элик и занялся разливанием вина.

Выбирать не пришлось, так как меня самого выбрали. Одна из дам, представившаяся Галей, села на софу рядом со мной и предложила выпить на брудершафт. Я не заставил себя уговаривать и, в очередной раз, вспомнил проверенный мопассановский способ. Галя аж завизжала от восторга – оказывается, она не читала Мопассана. Пришлось пить на брудершафт и со второй дамой – Ниной.

Элик же способа этого не признавал – если уж в рот попало вино, то расставаться с ним – грех!

Первую ночь мы переспали вчетвером у Элика, а на следующий день Галя забрала меня к себе на квартиру. Я поначалу подумал, что это какие-нибудь «девушки по вызову», а они оказались обычными «порядочными» незамужними женщинами, инженерами, сотрудницами Элика.

Мы с Галей – роскошной блондинкой, почти «Купчихой» Кустодиева, прекрасно сошлись во вкусах. Более того, она меня даже кое-чему научила в благодарность за мой мопассановский

поцелуй. Так сказать, «в порядке обмена передовым опытом», что было актуально в то социалистическое время. Галя пригласила меня заезжать к ней и впредь.

Закончились праздники, и я с тяжёлым сердцем поехал в Курск. Тамары я не застал дома. Зашёл к ней на работу, она была рада мне, сожалела, что устроила «обструкцию» перед отъездом. За праздники она поняла, что жизнь одна, и нечего её портить. Камень свалился с моей души, но ненадолго. Тамара знала, что двадцать седьмого – регистрация, и я ожидал к этому времени новых «концертов». И они выразились в том, что Тамара взяла недельный отпуск, как раз на время моей поездки в Москву, и отправилась в Киев.

Она заранее созвонилась со своим бывшим любовником, который там жил, и направилась к нему. Я знал о существовании такового, и, отправляясь в Киев, Тамара открыто заявила мне об этом. Дескать, если тебе можно жениться, то почему мне нельзя немного «пофлиртовать»?

У меня опять голова пошла кругом, от всех навалившихся на меня проблем. Я всё воспринимал всерьёз, и это было большой нагрузкой на мою «буйную головушку». А она (головушка) оказалась неготовой к таким перегрузкам, тем более в условиях моей жёсткой диеты.

Что ж, выехал я в Москву, встретился с Олей, которая, как оказалось, ещё была не готова исполнять свой супружеский долг. Или в диспансере издевались над ней, или она действительно не выдержала теста на «провокацию». Зато она приобрела длинное свадебное платье, почему-то зелёного цвета, лаковые туфли на каблуках и обручальные кольца с «алмазной гранью». Оля совершенно не умела носить платье и туфли на каблуках – она постоянно путалась в платье и спотыкалась на каблуках, тихо матюгаясь при этом.

К нам подъехал на такси Моня, а в ЗАГСе уже ждали нас Алик и подруга Оли – Зоя, свидетельница со стороны невесты. Моим свидетелем был Алик, так как Моня наотрез отказался от такой роли. Он счёл её аморальной – вот ещё моралист выискался – Жан Жак Руссо карайларского разлива!

Нас в темпе и весело зарегистрировали, сфотографировали, напоили шампанским, попотчевали Мендельсонами. А оттуда мы уже на двух такси поехали в ресторан «Седьмое небо» на Останкинской башне, где Моня и Алик, оказывается, зарезервировали места.

- Предупредили бы меня, черти, - возмутился я, - а вдруг я денег с собой не взял!

- Ничего, богатенький Буратино, - успокоили меня «черти», - мы бы тебе одолжили!

К сожалению, была облачность, и панорама Москвы не была видна. Сидели в круглом зале, как в самолёте – ярко светило Солнце, а внизу были облака. Солнце как-то нереально быстро двигалось вокруг нас, а это, оказывается, зал сам вращался на башне, как на оси.

Выпили шампанского за «советскую семью образцовую» и вскоре спустились. Время пребывания там было регламентировано. Выйдя из ресторана, пошли на квартиру Оли и там продолжили свадебную пьянку.

Зоя, красивая, но наивная девушка, подруга по «художественному цеху», всё приговаривала Оле: «Как я тебе завидую!». Я даже заметил Зое: «А где ты сама-то раньше была?», за что Оля сердито оборвала нас.

Настало время провожать гостей. Алик и Зоя, поцеловав нас, вышли из квартиры, а подвыпивший Моня всё не уходил. Он как-то глупо стоял у двери и моргал мокрыми глазами. Оля выталкивала его за дверь, а он пассивно сопротивлялся. Я предложил ему остаться, но разъярённая Оля уже грубо вытолкала его вон.

- Этого только сейчас не хватало! – в сердцах сказала она.

Мы остались вдвоём и снова сели за стол. Оля смотрела на меня грустным долгим взглядом ребёнка, которому из-за ангины не позволяют есть мороженого. А это «мороженое» сидит рядом за столом и издевательски посмеивается.

Я, шутя, рассказал Оле анекдот про комедию, драму и трагедию:

«Комедия – есть кого, есть чем, да негде!

Драма – есть где, есть чем, да некого!

Трагедия – есть кого, есть где, да нечем!»

- Так вот у нас, выходит – трагедия! – патетически заключил я.

Оля вскочила, ударила кулаком по столу и риторически спросила:

- Неужели так ничего и нельзя сделать?!

Я залез в карман, медленно достал из него блестящий пакетик и поводит им перед носом у Оли.

- Что это? – недоумённо спросила Оля.

Оказывается, она даже никогда не видела наших маленьких резиновых защитников. Слышала, что есть такие, но не использовала и даже в руках не держала их. А ведь они могли бы оградить Олю от постигших её, мягко выражаясь, неприятностей.

- Пардон, а как же ты предохранялась от беременности всю свою активную половую жизнь? – удивился я.

- Не такую уж и активную, - обиделась Оля, - я не предохранялась никак. Просто не беременела, и всё!

Я аж протрезвел от наивности теперь уже моей жены. Так она могла родить от кого угодно, да и может сделать это сейчас от Мони, и мало с кем ещё её потянет переспать. А я буду официальным отцом этому ребёнку! Надо как-то срочно учить её уму-разуму, а не то «подзалететь» могу и я сам.

«Резиновый друг» выручил нас, но не на сто процентов. Олю раздражали все эти лишние, с её точки зрения, манипуляции, и удовольствия от такого «разделённого» общения она не получила.

- Дитя природы, - думал я, - и это в Москве в конце двадцатого века! А ещё француженка!

В следующие дни мы занимались вопросами моей прописки у Оли в комнате, и я побывал ещё раз на месте своей будущей работы. Подтвердил, что прямо со второго января смогу приступить к занятиям (второе января был тогда рабочим днём; хорошо, что хоть первый день года стал уже выходным!). Трудностей ни с первым, ни со вторым вопросом не возникло.

А проблема, причем, как оказалось, роковая, была в том, что мне захотелось встретиться с моей «купчихой» Галкой. Олю-то и в койке не было видно, а тут – так много хорошего! Ну и придумал я легенду о том, что по работе мне нужно заехать на Серпуховской автозавод (тот, который выпускал мотоколяски). А оттуда уже в Курск, тем более, что это по дороге.

Оля проводила меня на электричку; я обещал заехать ещё пару раз в декабре и уехал. А по дороге вышел в Текстильщиках, благо Галка жила неподалёку – в Кузьминках. Конечно же, я предварительно созвонился и договорился с ней.

Шёл последний день ноября. Моросил дождь, но я был весел и доволен жизнью. Всё, намеченное планом, я выполнил, да ещё изыскал возможность и гульнуть! Ничто не предвещало драмы, которая чуть не стала трагедией.

Кризис и отъезд

Когда я вошёл в квартиру к Гале, то застал там и Элика с Ниной. Галка, зная о моём приезде, позвала их для компании. Все, конечно же, узнали, что я – молодожён, и шутиливо издевались надо мной. Элик, видимо, уже успел побывать с Ниной на своей конспиративной квартире, так как сидел спокойно, не «чудил» и даже периодически всхрапывал. Но водку пил как все. Нинка возбудилась, стала теревить своего «бой-френда», но тот признаков мужской активности не подавал. Нинка переключилась на меня, и вместе с Галкой они порядком замучили меня своими ласками и поцелуйчиками. Элик вышел в туалет и что-то долго не возвращался. Мы стали искать его, а Нинка даже внимательно заглядывала в унитаз, как будто он мог там спрятаться. Потом заметили, что нет его пальто и кепки – Элик «смылся».

Мы выпили ещё, и мои мощные подруги потащили меня «у койку». Койка была двухспальная, но и она показалась малой для такой компании, где мастер по штанге был самым миниатюрным её «членом» (простите за каламбур!). Я был игрушкой в руках моих милых толстущек, и надо сказать, мне очень это нравилось. Надо было только расслабиться и получать максимум удовольствия, что я и делал.

Никакого притворства, никаких игр в любовь, верность и прочих химер. Всем всё ясно, все получают друг от друга только то, что хочется в данный момент. Никаких мыслей о прошлом и будущем – только о прекрасном текущем моменте, как у наших «братьев меньших». Я имею в виду слонов, бегемотов, тигров, моржей и других милых «меньших» братьев, которые живут лишь сегодняшним днём.

Среди ночи я проснулся с сильной головной болью. С трудом перелез через кого-то из моих подруг, лежавших от меня по обе стороны, подошёл к столу в поисках оставшейся водки. Но остатков не было. Разбудив Галку, я пожаловался ей на головную боль и попросил что-нибудь выпить. У неё оказалось грамм двести медицинского спирта, который я и выпил прямо из бутылки. И странно – при этом не почувствовал крепости спирта, он не обжёг мне рта. Хочу предупредить – если у вас случится что-нибудь подобное, знайте – это плохой признак. Наступит белая горячка, или случится ещё какая-нибудь гадость!

Я забылся и заснул в своём мягком «ущелье». А утром проснулся от работающей бетономешалки в голове. Не взаправдошной, конечно, а полной её аналогии – мне чем-то энергично перемешивали мозги. Кроме того, я в постели обнаружил чью-то «лишнюю» руку. Рука лежала между мной и Галкой и никому из нас не принадлежала. Галка отказалась от неё, сказав, что руки у неё на месте, а я не ощущал её своей. Оказалось, что всё-таки эта «мёртвая» рука была приделана к моему правому плечу, но я, ни поднять её, ни пошевелить пальцами не мог. Более того, я стал щипать её левой рукой и не чувствовал боли. Прикосновение чувствовал, а боли – нет!

Хорошо, что ни я, ни мои дамы понятия не имели об инсультах, а то я бы умер от страха. Они безуспешно массировали мне руку, думая, что я отлежал её. Потом, как гомеопаты рассудили, что лечить надо «подобное подобным», разыскали-таки и налили мне водки. Я залпом выпил её, и перед моими глазами тут же замелькали окна. Они двоились и снова сходились вместе, голова закружилась и я, потеряв сознание, свалился на пол.

Нашел себя я уже лежащим поперёк постели. Рука оставалась прежней, но мне ещё слегка свело губы набок и затруднило речь. Я стал похож на какого-нибудь члена тогдашнего Политбюро, больше всего, пожалуй, на Громыко. Меня оставили отдыхать на кровати. Нинка, пожелав мне поскорее поправляться, собралась и ушла на работу. Галка же решила на работу не ходить, а присмотреть за мной. От скорой помощи я решительно отказался – могли забрать в больницу, а назавтра у меня лекция. К тому же, как я потом всё объяснил бы Оле.

Я полежал, попил аспирина, с головой стало легче. В середине дня Галка прилегла ко мне, и мы исполнили свой долг «по-ежовому». Что, вы не знаете, как это делают ёжики? Знаток говорят, что делают они это «очень-очень осторожно», чтобы не поколоть друг друга иголками. Но у нас была другая причина осторожничать – моя болезнь.

А вечером Галя, как заботливая жена, проводила меня на Курский вокзал и посадила в поезд. Полка, как назло, попалась верхняя, но я с ней справился. В Курске я не застал дома Тамары, она ещё «гуляла» в Киеве. Выпив чаю, побрёл в институт, не понимая, как я буду писать на доске мелом – рука была «чужой». По дороге, на бывшей улице Троцкого, я зашёл в Обкомовскую поликлинику. Я, как «номенклатурный работник», был приписан именно к элитным поликлинике и больнице, это спасло мне жизнь. В обычных поликлиниках были очереди, запись за неделю, безразличие к людям, и я бы подох, как бродячий пёс. Слава Партии родной, она ещё раз выручила меня, на сей раз своей медпомощью.

Без всякой очереди я зашёл к невропатологу и, извиняясь, что беспокою по пустякам, пожаловался на руку, которая не работает. А у меня, дескать, через час лекции, писать на доске надо. Укольчик бы какой-нибудь, чтобы рука заработала...

Врачиха быстро проверила мне руку, чиркнула по коже там-сям, и взволнованно заявила мне, что срочно кладёт меня в стационар. Этого я не ожидал – ведь я ещё хожу сам! Я, вскочив со стула, заявил, что тогда я просто уйду на лекцию, и буду писать левой рукой. От волнения кровь бросила мне в голову, и я зашатался.

- Хорошо, - неожиданно согласилась врачиха, - тогда я сделаю вам укольчик, как вы хотели, и отпущу вас на лекцию!

Она позвала медсестру, та чрезвычайно внимательно и ласково отнеслась ко мне, и сделала укол в руку. И предложила отдохнуть минутку.

Но через минутку я уже не мог двинуть не то что рукой, но и ногой. Язык еле ворочался во рту – я был полностью обездвижен, как несколько лет назад во время приступа белой горячки.

- Аминазин? – косноязычно спросил я врачиху, и она поддакнула:

- Аминазин, аминазин! А вам что, кофеинчику хотелось?

Пришли санитары с носилками, взвалили меня на них и отнесли в стационар, который был рядом, не выходя на улицу. Нет, в СССР жить было можно, если только ты – номенклатурный работник!

Я только продиктовал врачу номер телефона Медведева, чтобы она немедленно позвонила бы ему. Надо успеть подменить меня на лекции – поток 250 человек всё-таки! Разбегутся – так топот будет на весь институт! И сообщить Тамаре, чтобы не искала меня по моргам.

В палате мне сделали ещё пару уколов. Помню только, что подушка и матрас стали такими тёплыми и мягкими, словно лежал я на облаке. Блаженное состояние охватило меня, и я забылся. Если я пробуждался, мне снова делали укол, и я опять впадал в блаженство. Вот какие уколы, оказывается, делают партийным начальникам!

Пришёл в себя я только наутро следующего дня. Надо мной стоял врач – пожилой человек с суровым выражением лица. Первое, чем я поинтересовался, было то, как я ходил в туалет, если не поднимался с постели. Врач указал мне на «утку» под моей кроватью, и я прикусил язык. Довели мастера спорта до утки! Врач «чиркал» меня по телу. Стукал молотком, и, наконец, сказал:

- Я знаю, что вы профессор и доктор наук. Поэтому я надеюсь, что вы поймёте меня. У вас инсульт, хорошо, если ишемический, мы пока не знаем, есть ли гематома в мозге. Инсульт в левой части мозга, я полагаю, лучше, чем в правой, но вообще - это тоже плохо. Пока прямой угрозы жизни нет, но кто знает, что будет дальше. Кстати, извините, но вы лежите на койке, с которой до вас унесли в морг молодого – тридцати семи лет, человека с таким же инсультом, что и у вас. Говорю, чтобы вы были критичными к своему состоянию!

Старый садист ушёл, и я впервые ощутил прямую угрозу жизни. Когда вешался – этого почему-то не ощущалось. А сейчас панически хотелось жить, когда впереди столько дел, столько нового – Москва, новая работа, новая жена! И если выживу, но стану инвалидом, буду ли я нужен новой работе и новой жене?

- Нет, решил я, - этого не будет, потому, что этого не будет никогда! – повторил я про себя этот идиотский, но очень убедительный довод. – Шалишь, не сдамся, не на того напали! – чуть ли не вслух сказал я. И начал мобилизовать себя, как перед решающим третьим подходом к штанге, когда в двух первых подходах – нули. Хорошо спортсменам – постоянно мобилизуешь себя и привыкаешь к этому состоянию. А как быть хилякам - не спортсменам? «Если хилый – сразу в гроб!» - как пел Высоцкий.

Пришла медсестра, снова сделала уколы, и я заснул. Но уже не таким блаженным, а обычным сном, что мне не понравилось. Хотелось того «блаженного» укольчика, но медсестра сказала, что таких уколов больше не будет. На те, говорит, главврач на каждую ампулу разрешение даёт!

От сна меня пробудил неожиданный поцелуй в лоб. Я открыл глаза и увидел над собой человека в белом халате и такой же шапочке. Да это мой старый знакомый и собутыльник, хирург в этой же Обкомовской больнице – Лёша.

- Какой был человек! – причитал Лёша, и я почувствовал, что он «подшофе», - как же ты себя не уберёг!

- Почему был? – строго спросил я, - что такое «был»? Я был, есть и буду, мы ещё выпьем с тобой не раз!

- Нет, никогда ничего мы с тобой не выпьем! – тихо плакал хирург и безжалостно объяснял мне, - если ты и выживешь, ты – инвалид, у тебя меняется психика, ты только и будешь занят своим здоровьем и говорить ты будешь только о нём. Уж лучше умереть, но вовремя – как говорил писатель Вересаев, тоже наш человек – врач. Инсульт – это не игрушки! Какая выпивка после инсульта? – сетовал Лёша.

Хирург ещё раз поцеловал меня, на сей раз в щёку, и ушёл, причитая. Его визит заставил меня мобилизоваться ещё сильнее, как провокационный маневр соперника во время соревнований. Хотя я был уверен в его любви и искренности ко мне. А насчёт выпивки хирург оказался прав – выпить вместе мы так и не смогли. Потому, что он вскоре умер сам от внезапного инфаркта миокарда. Все под Богом ходим!

Со мной в палате – довольно крупной комнате, было ещё два пациента. Я лежал по одну сторону от входа, а они рядом друг с другом – по другую. Поближе ко мне лежал тяжёлый больной с инфарктом – кто-то из секретарей райкомов партии. Он мало шевелился и очень переживал, когда санитарка ставила ему утку или судно.

А второй пациент был симулянт. Это был бывший партийный «вождь» какого-то из сельских районов области. Его постоянно выписывали, а он заявлял: «Это дело у вас не пройдёт, я болен и буду жаловаться!».

Я удивлялся его поведению, но тот доходчиво объяснил мне, что я плохо представляю себе жизнь на селе. А здесь – его хорошо кормят, ухаживают, следят за здоровьем. «Здесь – санаторий, и я хочу подольше в нём оставаться!» - заявлял сельский «вождь».

Меня тут же пришли проведать Медведев, Толя Чёрный; конечно же, почти каждый день приходила Тамара. Даже Лиля как-то пришла и всю мою болезнь объяснила разводом с ней. Только и выговаривала меня за мой «аморальный» образ жизни. А что, при ней этот образ был более моральным?

Но совсем неожиданным для меня был визит Мони. Как он прознал про мою болезнь, так и осталось неизвестным. Может быть, он позвонил на кафедру, а там ему всё сказали? Но Мони снялся с места и приехал, нашёл меня здесь. Говорит, Оля сильно плакала, хотела приехать тоже, но Мони отговорил.

- Я думал ты будешь весь перекошенный, как товарищ Громыко, с остекленевшим взглядом, инсультник, одним словом! Вот я и боялся, что Оля увидит тебя таким и с ума сойдёт. Как она тебя любит, знал бы ты, просто бредит тобой! – тихо сказал мне Мони.

- Любит меня, а трахается с тобой? – пошутил я.

- Поверь мне, что нет, - серьёзно возразил Мони, - близко не допускает меня к себе, хотя ей уже можно, - добавил он по секрету. Что-то я рассчитал с вашей женитьбой не так! – рассеянно проговорил Мони, - но встретимся в Москве, разберёмся!

- Скажи Оле, что я приеду второго января! Сбегу отсюда, но приеду! Мне на работу надо со второго, - уверил я Монию.

А потом посетители прекратились – в Курске началась эпидемия гриппа. Мои соседи обросли бородой – парикмахера не пускали, а сами они – кто не мог, кто не хотел бриться. Тогда я взял у медсестры бритву, побрился сам, а затем побрил и моих соседей, сделав из них «испанцев» - оставил тонкую бородку и усики. Медперсонал хохотал над испанцами в палате, которую в больнице называли «Пронеси Господи!».

Потом я стал устраивать «хохмочки» с градусниками. В палате у нас висел большой спиртовой термометр, всегда показывающий 21 градус. Я ослабил крепления трубочки и спустил её вниз, так что термометр стал показывать 12 градусов. И срочно вызываю главврача – холод, мол, невероятный, дрожим все. Главврач, пожилой еврей, заходит к нам, смотрит на градусник и лицемерно говорит:

- Двенадцать градусов – вполне приличная температура!

В палату занесли пару «козлов» и включили для отопления. Тогда я поднимаю трубочку вверх и снова зову главврача – жарко, мол! Тот смотрит на градусник и заявляет:

- Тридцать градусов – вполне приличная температура!

«Козлы» выносят, а «испанцы» тихо хохочут.

Утром медсестра обычно заходила к нам с градусниками и чаем. Сунет по градуснику мне и моим соседям подмышку, поставит чай на тумбочку и выходит. Тут я тихо встаю с постели, достаю градусники у соседей из-под мышек, сую их на секунду в горячий чай, и снова подмышку. И тихо в свою постель.

Минут через пять медсестра вынимает градусники у больных. У меня-то температура нормальная, а, глянув на градусники моих соседей, она тут же в ужасе бежит из палаты. Через пару минут санитары выкатывают их кровати в коридор и везут в изолятор. Температура у одного – сорок один, а у другого – сорок два градуса. Это при эпидемии гриппа-то в городе!

Примерно через неделю рука у меня прошла, и я так сжимал ладонь врачу-садисту, что он начинал подпрыгивать. А на его жалобы отвечал – вы сами просили пожать вам руку! И действительно, он каждый раз протягивал мне руку и предлагал – пожмите мне ладонь большой рукой!

Мне стало скучно в больнице. Я бродил по корпусу, пил кислородные коктейли, искал спирт, безуспешно просил его у медсестёр. Наконец, нашёл его заменитель. Запершись в ванной, я открывал вентиль голубого кислородного баллона, который там всегда стоял, и дышал ледяным кислородом, вырывающимся оттуда. И получал какое-то эйфорически-полупьяное состояние, которое мне нравилось.

Наконец, терпению моему пришёл конец, и я явился к главврачу с ультиматумом. Или меня отпускают, или я убегаю отсюда через окно в больничном халате.

- Что ж, - благоразумно рассудил главврач, - тут не психиатрическая лечебница, мы никого насильно не держим. Вашего соседа мы никак не можем выставить отсюда, а вы сами не хотите лечиться! Напишите расписку, что вы уходите на свой страх и риск, и идите с богом!

Я так и сделал. Конечно, выписку из истории болезни мне не выдали на руки. В конце там была такая фраза: «некритично относится к своему состоянию, от анализов мочи и кала отказался».

Перед уходом меня проконсультировал лечащий врач по фамилии Холодных.

- Чувствую, что, выйдя из больницы, вы тут же будете выпивать, медсёстры говорили мне, что вы просите у них спирт. Много водки для вас вредно. Я дам вам таблетки транквилизаторов, которые вы по одной пейте с водкой. И действие её будет сильнее, и водки понадобится меньше, и опьянение не будет сопровождаться буйством. Везде плюс!

Я поблагодарил доктора и поступал так первое время. Очень даже экономично и кайфово получается! Молодец Холодных – толковый доктор!

В больнице состоялась ещё одна моя встреча, которой я так боялся. Я узнал, что в наше же кардиологическое отделение попал с микроинфарктом наш ректор Ковалёнок.

По-свойски, как больной к больному, я зашёл к нему в его одноместную палату с телевизором. Вот она – партийная субординация - у него и палата лучше!

Мы тепло поздоровались друг с другом, и я прямо сказал ему, что хочу скоро уехать в Москву.

- Как, вы не боитесь после такой болезни уезжать в другой город и поступать на новую работу? А вдруг вас там не возьмут, узнав про болезнь? – удивлённо спросил ректор.

- А я им просто не скажу про неё! – парировал его я.

Он посмеялся и заметил мне, что предвидел мой уход.

- Раз уж вы пошли здесь «вразнос», то я понял, что долго не задержитесь! Что делать, жизнь требует передвижений. Тем более – в Москву!

- Евгений Викентьевич, мы спланируем нагрузку кафедры на весенний семестр без моего участия, - добавил я, - нагрузка у меня так мала, что её и не заметят. А заведующим я советую назначить Юрия Александровича Медведева. Что греха таить, он фактически и исполнял эти обязанности!

Ректор согласился с этим.

- Что ж, до вашего отъезда я отсюда не выйду, - сказал ректор, - пожелаю вам счастья! И много не пейте! – добавил он уже мне на ухо.

Так мы дружески и расстались. Выйдя из больницы, я сдал дела Медведеву, рассказал ему о разговоре с ректором. Новый год я встретил вдвоём с Тamarой, а первого января вечером, взял свой неизменный портфель и уехал в Москву.

Когда поезд медленно отходил с перрона, а я всё смотрел в окно на остающуюся там Тamarу, и меня от волнения повело. Но состояние было знакомым, я мобилизовался и выстоял.

- Москва, Москва, люблю тебя как сын, как русский – сильно, пламенно и нежно? – удивлённо прошептал я сам себе. – Сбылась мечта... - я хотел добавить «идиота», но задумался, так ли это? – Конечно, идиота, а кто же кроме него мог так просто, за «здорово живёшь», уехать из Москвы в Тбилиси, потеряв право приехать сюда обратно?

И твёрдо, решительно сказал себе: «Да, да – сбылась мечта идиота!»

Глава 7. Добрый город

«Дважды москвич Советского Союза»

У моего дяди писателя Георгия Гулиа есть повесть «Весна в Сакене», за которую он получил Сталинскую премию. Главный герой этой повести – абхаз по имени Смел (смелый, значит!), и живёт он в абхазском селе Сакен. А потом этот Смел переезжает в Москву и про себя называет её «Добрый город». И новая повесть Георгия Гулиа так и названа - «Добрый город».

Для самого писателя Москва оказалась действительно добрым городом, как и для другого абхаза-писателя – Фазиля Искандера. Недаром абхазы так тяготеют к России, что все просят – возьми, Россия, нас к себе! А Россия всё не берёт, да не берет. Вот и приходится бежать сюда по одному!

Особенно нравилось мне в дядиных повестях то место, где Смел и его русская девушка гуляют поздно ночью вокруг Кремля и видят, что там светится только одно маленькое окошко. Не иначе, Сталин находится в этой комнате и работает там даже тогда, когда вся страна спокойно спит. Как нравилось мне это место в повести, как я его перечитывал, пуская при этом сентиментальную слезу! И думал – неужели я, как Смел, когда-нибудь возьму под руки красивую русскую девушку и буду ночами гулять с ней вокруг Кремля?

Что ж, теперь я, как «дважды москвич Советского Союза» мог делать это смело и заслужено. Да, звание это далось мне немалой кровью! Надо зарабатывать гордое звание москвича, а не то, что - родился в Москве сам собой, без всякого труда, и считаешься москвичом!

Это звание можно сравнить разве только с аналогичным гордым званием «дважды еврей Советского Союза». Звание такое получали те евреи, которые непродуманно, или, поддавшись вражеской агитации, соблазну, уезжали из СССР в Израиль. А, намучившись там, хлебнув полную чашу горя и страданий, снова с невероятными трудностями возвращаются обратно на родную советскую землю, и, обнимая, целуя её, произносят почти как Сципион Африканский: «Россия, я держу тебя в своих руках!». Что ж - и Сципион, и они оказались провидцами...

Прессу всей страны обошла тогда фотография пожилого еврея - Иуды Лазаретного, вернувшегося с исторической родины на советскую, и, лёжа на взлетно-посадочной полосе, целующего бетон родного аэропорта.

Ну, хватит о грустном! Для меня всё складывается прекрасно и радужно – любимый город, молодая жена, перспективная работа, верные друзья! Но это становится подозрительным, когда всё так хорошо...

Жёнушкины нравы

Подъезжая к Москве, я воспринимал все станции и полустанки, которые поезд пренебрежительно проходил без остановки, как свои, родные, подмосковные. Вот Текстильщики, а близ них – Кузьминки, где я месяц назад так опасно для здоровья погулял. А вот, мы проезжаем мостик через Язу, откуда видна церковь Мартина Исповедника, где я как сутенёр, караулил хитроумную путану Ленку. От этой церкви три минуты хода до моего нынешнего дома, вот даже видна высоченная труба от котельной в уже «нашем» доме!

Поезд подходит к Курскому вокзалу, но ни Мони, ни Оли не видно, хотя обещали, гады, встретить. «Начинаются сюрпризы!» - подумал я, и, вздохнув, вышел из вагона.

Двенадцать минут пешком – и я у «себя» дома. Открываю одну дверь, другую – пусто. Даже бабка - «коммунистка» не выглянула. Сажусь на стул, жду сюрпризов. И вдруг – с топотом, громкими восклицаниями и хлопаньем дверей, в комнату врываются мои «родственнички» - Оля и Моня. Оля кидается мне на шею, наносит множественные поцелуи, Моня тоже целует меня в щёчку... Опоздали, оказывается, к приходу поезда. Я даже не спросил, ночевал ли Моня здесь у Оли. Какое теперь это имеет значение? Я – среди своих, меня любят, чего же ещё надо?

Оля нашла, что я совсем не изменился – лицо ровное, речь нормальная, рука работает, как положено. Мы позавтракали, и я, оставив моих «голубков» дома, пошёл устраиваться на работу.

Встретился с Хохловым, он провёл меня на кафедру. Оказывается, там работает легендарная личность – Владимир Оттович Шмидт – сын знаменитого учёного и полярника Отто Юльевича Шмидта. Как я потом узнал, Владимир Оттович родился в Кремле, дружил в детстве с Василием Сталиным; между играми забегал в квартиру к Сталиным, где встречался с Иосифом Виссарионовичем.

Заведующим кафедрой тоже был знаменитый человек – Главный Конструктор ЗИЛа профессор Кригер Анатолий Маврикиевич. Правда, в своих вояжах между Токио и Парижем он редко бывал в Москве, а уж на кафедре – тем более. Но его обязанности бодро и бесплатно исполнял известный военный конструктор – профессор Сергей Фёдорович Комисарик. Работал на кафедре и бывший ректор Завода-ВТУЗа, известный двигателю, профессор Лызо Александр Павлович, по прозвищу «папа Лызо». Вот куда устроил меня на работу Хохлов!

Священный трепет охватывал сперва меня, когда я заходил на кафедру. А потом привык – все мы люди! Даже бесил Владимира Оттовича своими потёртыми джинсами, бородой и волосами до плеч. Как-то он даже бегал за мной вокруг стола с тортом, как в какой-нибудь кинокомедии. И у меня на Таганке он побывал, провозжая как-то подвыпившего профессора, то есть меня, домой.

Мой бывший студент Ося Юдовский поступил в аспирантуру ИМАШ, и часто бывал у нас дома. Я предпочитаю работать со своими учениками дома, они становятся настоящими членами моей семьи. Иногда даже и «сменщиками».

Уехав как-то уже из Москвы в Курск на выходные дни к Тамаре Фёдоровне, я оставил Осю у себя дома. В понедельник утром, приехав домой, я застал Осю с закатанными штанинами за уборкой квартиры. Посуда вся была перемыта, пол в комнате блестел. В холодильнике (который я уже успел купить, как приехал) – запас продуктов. «Неужели Оля становится настоящей хозяйкой?» - удивился я. Но Оля с серьёзным видом лежала в постели, накрывшись одеялом до подбородка, и курила.

Оля приказала Осе выйти на кухню и попросила меня присесть, мрачно пояснив:

- Чтобы ты не упал, когда услышишь новость!

Я тут же присел, и Оля медленно, цедя каждое слово и затягиваясь дымом, покаялась мне, что переспала с Осей.

- Ты же знаешь – я долго не могу без мужика! – без комплексов призналась мне молодая жена, - а он как раз был дома. Сопrotивлялся долго! – затянувшись сигаретой, добавила Оля, - Но он мне не понравился, и **это** произошло только раз!

Я вызвал из кухни Осю. Он понял, что мне всё известно, и, войдя в комнату, упал на колени и стал истово, как монах, креститься. Не часто увидишь еврея, крестящегося на коленях – я невольно рассмеялся.

- Простите, Нурбей Владимирович, я не виноват! – каялся Ося.

- Я понимаю, тебя изнасиловали! – съехидничал я.

- Всего один раз, - чуть ни плакал Ося, - а потом два дня мне твердили, какое я ничтожество по сравнению с вами! Но я перемыл все полы, в том числе в прихожей и на кухне, готовлю обеды, мою посуду, бегаю за сигаретами. Оля уже два дня не встаёт – я кормлю её с ложечки в постели!

- Врёшь! – перебила его до того молчащая Оля, - врешь, я вставала! В туалет ты, что ли, за меня ходил! – искренне обиделась Оля.

- Ну и жена мне попалась! – в очередной раз изумился я, - выходит, если её кормить в постели, ничего не заставляя делать, и сексуально «обслуживать», то она будет вставать разве только в туалет! – А если... - Нет, хватит плодить лежачих больных! – решил я и стянул с Оли одеяло. – А ну, вставай, бездельница, лентяйка, а, кроме того, и сама знаешь кто! Не то надаю сейчас подзатыльников по-кавказски!

Ворча, как маленькая россомаха, Оля поднялась и вместе с Осей приготовила завтрак. Пока я ел, она играла на гитаре и пела сочинённую ею же песню на английском языке.

- А ты говоришь, что я бездельничала! – сердито оправдывалась Оля, - я текст и музыку сочиняла!

Песня была действительно приятной на слух, не понял, правда, о чем она. О чем-то очень сложном и непонятном для простого русского человека.

После этого случая Ося бывал у нас лишь эпизодически, когда я приглашал. Работать «по науке» мы стали в ИМАШе или у меня на кафедре.

Но Олины сюрпризы продолжались.

Однажды, придя домой после занятий еще днём, я увидел в гостях у моей жены незнакомую, совершенно юную девушку с яркой еврейской внешностью. На шее у неё висела цепочка с магендовидом – на это в те годы мало кто решался. Оля с этой «аидиш киндер» («еврейским ребенком») пила сухое вино. Одна пустая бутылка уже лежала на полу, другая была чуть почата.

Я быстренько присоединился к девичьей компании и стал наверстывать упущенное. Вдруг «аидиш киндер» встает, подходит неверной походкой ко мне и шепчет, улыбаясь: «Дядя, я тебя хочу!»

Вытаращив глаза, я взглянул на Олю. Та мрачно сидела молча и, наконец, процедила:

- Я не возражаю, я же виновата перед тобой!

- Не бойся, дядя, я – совершеннолетняя, могу паспорт показать! – так же завлекательно улыбаясь, продолжает «аидиш киндер».

На какую-то секунду я чуть не поддался соблазну, но, решив, что так сразу не стоит делать из дома бордель, я предложил ей:

А не хочешь ли ты молодого айда, моего аспиранта? Гениальный парень! – рекламнул я Осю.

- Мы все гениальные! – парировала «аидиш киндер», - что ж, зови!

Я выскочил на улицу, позвонил по автомату в ИМАШ. К счастью, Ося оказался на месте. Через четверть часа он прибыл к нам, причём уже с бутылкой. Я стал рядом с Осей, обнял его за плечи и гордо провозгласил:

- Цвэймэ михитунэм («два друга» на идиш)!

«Аидиш киндер» расхохоталась.

- Ты произнёс это как негр по-китайски! Знаешь, есть грубоватая поговорка на идиш: «Майнэ поц ун дайнэ пунэм – цвэймэ михитунэм!» («Мой «хвостик» и твой лоб – два друга!»). Не отсюда ли ты взял своё выражение?

Я согласился, что именно отсюда. Элик часто использовал эту поговорку, и я захотел блеснуть своим знанием идиш перед юной еврейкой. Мы сели выпивать вместе, и я подвинулся поближе к Оле. Чувствуя, что разговор у молодых не клеится, я буквально прижался к жене. «Аидиш киндер», пошатываясь, снова подошла ко мне, и, взяв меня за руки, призналась:

- Дядя, а я всё равно хочу тебя!

- Девочка, - чуть ли ни в истерике вскричал я, - у меня молодая жена, не совращай меня, пожалуйста! Наш пророк Моше (Моисей) за это не похвалил бы!

Авторитет Моше подействовал, и «аидиш киндер», взяв за руку виновато улыбавшегося Осю, вышла с ним за дверь.

- Оля, ты брось у меня, вернее, у себя, бардаки устраивать! – строго предупредил я жену.

- Я же не для себя – для тебя стараюсь! – самоотверженно заявила Оля, - но если не хочешь - больше не повторится. Клянусь!

- Заклялась хрюшка... - ещё раз подумал я, и, конечно же, оказался прав.

Прошло месяца два, за которые я всё пытался приучить Олю к женственности. Заставлял её красить губы, подводить глаза, ухаживать за волосами, носить женскую одежду, а не джинсы с «гренадёрским» ботинками. Оля долго чертыхалась, спотыкаясь на каблуках, или попадая тушью в глаза, но эту пару месяцев она выглядела отлично. Тушь и тени выгодно

подчёркивали её большие глаза, помада – полные, красивой формы губы, ровные белые зубы. Отросшие волосы украсила модная причёска, платье и туфли на каблуках «вытянули» карманную фигурку вверх и придали ей девичью стройность. Особенно тяжело давалась мне борьба с курением: я доставал ей антеникотиновые жвачки и пластыри, воровал у неё из карманов сигареты и спички.

На какой-то момент мне показалось, что я заставил её стать женщиной, но всё рухнуло сразу. Оля как-то заявила опять в прежнем виде и с сигаретой в зубах. А на мой (простите за каламбур!) немой вопрос она мрачно ответила: «если я не нравлюсь тебе такой, можешь разводиться. Но ломать себя я больше не могу. Не вышло из тебя Пигмалиона!».

Хорошо хоть приучил её сдавать бельё в стирку. А то раньше она просто выкидывала грязное бельё и покупала новое. Естественно, своё «исподнее», да и её тоже, стирал я. Она считала стирку занятием, не достойным себя.

По вечерам у нас часто бывали гости. Приходили, в основном, театральные приятели Оли. Она почти в каждом театре была «своей» и знала многих известных актёров. Как-то к нам в гости нагрянула компания молодых актёров с театра на Таганке. Не смущаясь нашей коммуналкой, они быстро расставили бутылки на столе. Оля сняла со стены гитару и принялась петь свои песни. Я был зол на шумную компанию и, подвыпив, начал щедро материться. Вдруг один из актёров, усатый и похожий на грузина, спрашивает меня:

- Тебя как зовут?

Так как я был при бороде, то ответил:

- Называй меня Хоттабыч!

- Послушай, Похабыч, ты поменьше бы матюгаться не мог? – нарочито вежливо попросил меня «грузин».

- Называй меня правильно – Хоттабыч! – потребовал я.

- Перестань матюгаться – буду, а пока ты и есть Похабыч! – не сдавался «грузин». Его поддержали и другие, в том числе Оля.

Я, ворча: «ходят тут всякие», пошёл на уступки «народу», и по мере сил, прекратил материться. А потом, когда актёры ушли, Оля рассказала мне, что тот «грузин», с которым я препирался, был известным актёром Леонидом Филатовым.

- Это – большой талант, он и стихи пишет, ты о нём ещё услышишь! – пообещала мне Оля.

А вот насчёт бардака на дому, Оля свою клятву свою, конечно же, не сдержала. Однажды заявляется вечером вместе с необыкновенной подругой – великаншей двух с лишним метров ростом. Когда они вошли в дверь, я решил, что или одна - на ходулях, или другая – на корточках. Припомнился рисунок из пособия по кинологии: «Сенбернар и тойтерьер». Или из истории кино: «Пат и Паташон». Девушка была в брюках и обтянутой кофте, круглолицая синеглазая шатенка. Имя – до боли знакомое – Тамара.

- Я привела тебе самую высокую красавицу Москвы! – гордо провозгласила Оля, - рост Петра Первого – два метра два сантиметра!

Тамара-каланча, как я её сразу же прозвал про себя, поразила моё воображение – такой высокой девушки в моём «послужном списке» не было. Я уже немного «принял на грудь» и тут же попросил Олю пройти между ногами у Тамары. Великанша расставила ноги, совсем как Колосс Родосский, а Оля слегка пригнувшись, «проплыла» у неё между ног, как корабли между ногами Колосса. Мы выпили, вернее, добавили, потому что все были уже «хороши». Вдруг Оля вызывает меня на кухню, якобы, помочь ей.

- Хочешь, Тамара останется, а я уйду на ночь к тёте? – с горящими от авантюризма глазами, спрашивает Оля. - Ты ей понравился, она останется, если я уйду, мы договорились! – быстро прошептала мне на ухо жёнушка.

- Оля, для чего ты делаешь это? Мне непонятны твои поступки! – недоумевал я.

- Я тебя люблю и хочу, чтобы тебе было хорошо! – обосновала свой поступок Оля, и, поцеловав меня, выскочила за дверь.

Я зашёл в комнату и сообщил Тамаре, что Оля ушла к тётё. Тамара засмеялась и лицо у неё зарделось. Мы выпили с ней за любовь и поцеловались. Пришлось опять вспоминать старика Ги де Мопассана.

Тамара Ивановна, что из Мамонтовки, любила говорить, что постель всех уравнивает. Я очень боялся, что не слажу с Тамарой-каланчой, как какой-нибудь мопс с московской сторожевой. Но гениальная Тамара Ивановна опять оказалась права – в постели мы с великаншей оказались действительно равны. В самые ответственные «рабочие» моменты губы наши были математически точно друг пред другом. Оказывается, весь рост человека – в ногах. Длинные ноги – большой рост. Поэтому, если ноги убрать – в стороны, а лучше – вообще задрать вверх, то дама-великанша – прекрасная пара даже для коротышки. Великий коротышка, завсегда Мулен Руж – Тулуз Лотрек, говорят, тоже так считал.

Но утром, встретившись с Олей, я велел ей побожиться, что баб больше она мне приводить не будет.

- Мне с лихвой хватит тебя и Тамары, пока, по крайней мере! – честно признался я жене.

- Договорились, замётано! – быстро согласилась Оля, - баб больше не будет!

Месяца два мы прожили спокойно: гостей было не так уж много, и Оля никак не «чудила». Всё это время я раза два в неделю встречался с Тамарой-каланчой, или Марочкой, как я ее стал называть с подачи ее же мамы Вики. Встречались мы по вечерам у Марочки и ее мамы дома, что напротив китайского магазина «Чай» на Мясницкой, и я проводил у них ночь. Мама Вика была красивой блондинкой моложе меня и меньше меня ростом. Нетрудно предположить, что подконец моя любовь с дочки перекинулась на ее маму, а сама Марочка нашла себе другого и стала приводить его домой по ночам. А вскоре я решил, что удобнее и естественнее встречаться со своею собственной женой, которая и возрастом и ростом значительно меньше меня, чем с довольно большим коллективом. К моему увлечению, которое я не скрывал от жены, Оля относилась не то, чтобы терпимо, а даже с интересом. Может ее заинтриговала пикантность моих с Марочкой и Викой отношений, а может, что другое. Поймешь разве баб? Даже перестала приводить для меня девушек.

И вот, однажды вечером, уже после моего полного возвращения домой, приходит она под ручку с незнакомым мужиком. Оба чего-то улыбаются. Я здороваюсь, вежливо приглашаю гостя за стол, ставлю бутылку.

- Вова, - представился мне смазливый блондин лет тридцати пяти, - доцент института иностранных языков имени... Да не всё ли равно, чьего имени? Очень, очень рад с тобой познакомиться! – и улыбается белоснежной улыбкой.

Оля тихо хихикает. Вова присел рядом со мной, взял стакан и попросил:

- Называй меня, пожалуйста, тоже на «ты»! И давай выпьем на брудершафт за это!

Мы, скрестив руки, выпили, и Вова взасос поцеловал меня в губы. Я, вытаращив глаза, смотрю то на Олю, то на Вову, ничего не понимая. Оля почти давится от скрытого смеха. Вова нежно погладил меня по бороде и сладко прошептал:

- Какой красивый мальчик, я просто влюбился!

- Ребята, тут что-то не так, - недоумённо пробормотал я, вы что - пьяны, или дурите меня?

- Всё путём, - вдруг вступила Оля, - ты же сам просил больше тебе баб не приводить, вот я и привела красивого мужика! Чем он тебе не нравится?

- На предмет чего? – поинтересовался я, - и кто кого должен трахать, тоже поясните, пожалуйста!

- Ну, зачем же так грубо! – застеснялся Вова, - и что за слово «трахать», разве в этом смысл отношений! А почему нельзя любить друг друга, как друзья, как родные души? Нурбеша, - ласково назвал меня Вова, - давай станем друзьями! Разве это плохо? – Вова, говоря эти слова, нежно поглаживал мне руку, преданно заглядывая в глаза.

- Нурбеша – это ново! – заметил я, - ну, давай дружить, если хочешь, только не лапай меня, жена ведь смотрит, ревновать будет! Ну, что ж, тяпнем за вечную дружбу!

И мы «тягнули». Потом ещё. Водка кончилась, и Вова побежал в магазин.

Оля была возбуждена и страшно довольна. Пока Вова бегал в магазин, Оля горячо убеждала меня:

- Это нечто новое, сейчас вся творческая элита не отвергает это! Не обижай человека, он очень одинок, а трахаться совсем не обязательно!

Прибежал Вова, принёс литровку виски. Мы выпили за творческую элиту, за любовь до брака... и так далее, потом просто бормотали: «Бум!». Меня повело, хватаясь за всё, я поковылял к кровати и рухнул. Вова продолжил тосты с Олей...

Я проснулся часов в шесть утра – захотелось пить. Я заметил, что лежу поверх одеяла, а рядом лежит что-то непонятное, тоже одетое. Батюшки-светы, да это же мужик белобрысый! Откуда он здесь, да и где я сам?

Осмотревшись, я понял, что нахожусь в своей койке в комнате на Таганке. Где же Оля? Обернувшись, я увидел Олю, тоже одетую, на тахте, которая служила нам тайным ложем до женитьбы. Я перелез через мужика и, выпив воды, сдвинул Олю к стенке и лёг с ней. Постепенно стала приходить память, и я припомнил вчерашний вечер. Растолкав Олю, я приказал ей рассказать всё, как было.

- Ничего не было, выпили вы с Вовой, ну и завалились на койку вместе. Не бойся, вы оба заснули мгновенно, оба одетые, так что ничего и быть не могло! Вова – хохмач и хороший парень, не обижай его, как проснётся! А теперь поспим немного, голова болит! – попросила Оля.

У меня самого раскалывалась голова, и я заснул. Утром Вова зашепшил на свои занятия, и Оля его проводила. Я притворился спящим. Вова поцеловал меня в щёчку, Олю тоже, и ушёл.

Занятий у меня сегодня не было, и я решил выспаться. Мы разделись и перешли на широкую постель. Оля стала приставать.

- Или ты больше не будешь спаривать меня с бабами, мужиками, животными, растениями, или я не буду подаваться на твои приставания, то бишь - на любовь! – предупредил я Олю.

Оля клятвенно обещала не спаривать меня больше ни с кем, и я подался на её приставания, то бишь - на любовь.

Тамара «маленькая»

Вот, рассказываю я про нашу с Олей весёлую жизнь, а как же Моня? Ведь он всё это дело с моей и Олиной женитьбой затевал, как ширму для своих хитрых целей. Но Оля стала избегать встреч с Монею, и если и встречались с ним, то только в моём присутствии. Причём держала она его в «чёрном теле». А Моня смотрел на неё, моргал, и чуть ни плакал.

Однажды он осмелился перечить ей в чём-то. Оля вспылила и отчитала его:

- Как смеешь ты, несчастный кандидат наук, спорить с профессоршей? – И это было сказано без тени юмора.

Или как-то Моня разлил в комнате какую-то жидкость – чай там, или кофе. Оля тут же принялась отчитывать его за неряшливость. Она, дескать, день и ночь блюдёт чистоту жилья, а Моня только и «гадит» вокруг себя. Да, да, именно так и сказала - «гадит»!

Бедный Моня разорвал на себе белую рубашку (хорошо, что полетели только пуговицы!) и с истеричными причитаниями стал подтирать ею пол. Я отчитал Олю, заставил её пришить пуговицы «взад» и выстирать рубашку.

Был тёплый апрель. Я вечером, в первый раз после зимы, открыл окно и стряхнул вниз пыль с карниза. И из-под окна метнулась чья-то фигура.

- Моня! – разглядел я, - Моня, что ты здесь делаешь? Но Моня стоял неподвижно у дерева посреди двора.

Я выбежал во двор и подошёл к Моне. Он стоял у дерева с отсутствующим выражением лица, а из глаз его капали слёзы.

- Моня, ты что, пьян? – спросил я. Но тот только молча покачал головой. Я затащил его в комнату. Мы с Олей тормошили его, замучили его вопросами, но Моня не отвечал. Пытался улыбнуться сквозь слёзы, но глаза всё равно оставались печальными.

- Развожусь с Капой! – наконец выдал из себя, - не могу больше жить с ней. Я ночами стою у вас под окном, слушаю все ваши разговоры. Я знаю, что вы живёте друг с другом как муж с женой и обманываете меня. Когда вечером вы задёргиваете шторы, я становлюсь на ящик и подсматриваю за вами в щёлку. А зайти не могу – стыдно!

Я слушал моего друга, не зная, что и отвечать ему. Оля гладила его по голове и целовала в лицо, плача при этом. Индийский фильм, да и только! Оставалось разве только запеть всем вместе: «Дуния, а-а-а!» и заплясать босиком.

Но мы не стали этого делать, а «врезали» водки. Русские же мы, в конце концов – и я, и Моня – карайлар, и французенка Оля! На ночь мы Моню не отпустили. Я хотел, было, лечь на узенькую тахту, наше первое ложе, по-дружке уступив своё место Моне, но Оля запротестовала, и предложила улечься втроём на наше брачное ложе. Тогда мы с Монею оба замотали головами.

- Нечего разврат устраивать! – авторитетно, по-профессорски заявил я, и предложил бросить монету. Но Моня уже стелил себе на узенькой тахте.

Ночью Оля была активнее обычного, и мне едва удавалось затыкать ей рот. Я заметил, что Моня не спит и внимательно наблюдает за нами.

- Вуайерист херов! – подумал я, но решил, что это безобиднейшее из половых извращений.

Моня поселился у нас. После работы он приходил к нам, и мы ужинали втроём. Иногда он просился немного полежать на широкой койке: бока, видите ли, он отлежал на узенькой. Ну и лежал он на нашем брачном ложе, пока мы сами не заваливались туда спать. Я заметил, что Моня обычно лежит, уткнувшись носом в подушку, вынюхивая что-то.

- Фетишист чертов! – заключил я и решил, что годится всё, кроме садизма.

У Мони после смерти его отца осталась отличная двухкомнатная квартира у Филёвского парка. Туда он перешёл, уйдя от семьи. Но фактически с апреля он жил у нас с Олей.

А после майских праздников у нас на Таганке начался капитальный ремонт. Нас хотели отселить на край города, но мы не согласились. Формально мы продолжали жить в нашей квартире, а фактически перешли к Моне в Филю.

Бабку-«коммунистку» отселили в наш же дом, этажом выше, в пустующую комнату. Стало быть, в нашей квартире освободилась комната, и мы могли претендовать на неё. Моня первый «додул» до этого и вместе с Олей отправился в Райисполком требовать освободившуюся площадь. Мне было неудобно что-либо требовать от властей и я, отдав им паспорт, отказался идти вместе.

Олю и Моню подняли в Исполкоме на смех. Они сумели попасть к самому председателю, и тот заявил, что почти тридцать метров на двоих – это достаточно, ну а то, что муж – доктор наук и профессор – значения не имеет.

- А если бы он был токарем, то вы попросили бы отдельную комнату для станка? – осмеял их председатель.

Но Моня хорошо знал законы – учёным тогда полагалось дополнительно двадцать метров площади, причём неоплачиваемой. А главное то, что у него родственница – прокурор, и не простой, а бывший заместитель Генерального.

Последовал прокурорский запрос в наш Райисполком, и нас через неделю вызвали повесткой для получения ордера. Повестка начиналась так: «Поздравляем вас...».

Тогда уж я согласился пойти, забрать ордер – это можно! Но Моня на всякий случай сопровождал нас, чтобы мы чего-нибудь не «выкинули». Мы забрали ордер, расписались, сказали «спасибо», и ушли обмывать его к Моне.

Там у Мони не было, как у нас, двух коек в одной комнате. В большой комнате стояла широкая койка – на ней лежали мы, а в маленькой – узкая, там лежал Моня. А если честно, то первую половину ночи он не лежал, а стоял в дверном проёме, наблюдая за нами.

- Вуайерист чёртов! – шипел я ему, зажимая рот Оле, чтобы она не визжала или стонала слишком громко, - дрочмейстер херов! – пытался прогнать я его, замечая какие-то действия, несвойственные простому вуайеристу.

- Невозможно работать! – протестовал я, видя, что призрак Мони не пропадает из проёма.

- Оставь его в покое! – шептала мне на ухо Оля, - тебе было бы лучше, если бы он припёрся к нам третьим?

Я замотал головой, продолжая работать.

Хитрец Моня, задумав отвлечь меня от моей жены, стал, как это раньше делала Оля, приводить по вечерам к себе на квартиру дамочек. Боюсь, что это делалось с молчаливого согласия Оли. Что он говорил этим дамочкам, не знаю, но весь вечер он «сводил» меня с очередной гостьей. Иногда его затея удавалась, и я с гостьей оставался на ночь в одной комнате, а Моня с Олей, естественно, в другой. Мои попытки объединить всех «жильцов» квартиры в одном порыве в одной комнате и даже койке, отклика не получили. Вернее получили, но отклик был негативный.

Тогда я применил хитрость. Так как Моне я не мог запретить приглашать в его квартиру гостей, то я решил сильно снизить свою собственную котировку. Как только я слышал, что Моня пришёл с очередной подругой, я спешно натягивал на себя пижаму его покойного отца, бывшего весьма полным человеком. На живот и на зад я подкладывал по малой подушке, на голову надевал ночной колпак, тоже принадлежавший отцу Мони.

В таком карикатурном виде я и появлялся перед Мониной гостьей. Та, конечно, хваталась за сердце – видимо, Моня всё-таки сообщал гостье, что её приводят для знакомства с другом-спортсменом, молодым и красивым. Перед ней же предстával толстый стареющий джентльмен с оттопыренным задом и толстым брюшком, причём уже в ночном колпаке.

Но если гостья даже после такого знакомства сразу же не убегала, я демонстративно выдёргивал подушки и снимал колпак. Гостья была счастлива от такого преобразования и уже точно оставалась на ночь. Однако, желая сохранить семью и оградить молодую жену от явного разврата, я всё-таки уговорил Моню больше не приводить для меня дамочек. А для себя он и не хотел никого, потому, что любил Олю. Вот так мы и жили. Одно могу сказать – Тамар среди этих дамочек не было, ибо я вел строгий учет женщинам с этим роковым для меня именем.

Между тем, в мае месяце у меня произошла встреча, сыгравшая решающую роль в моей жизни. Я всегда хотел иметь дома кошку, особенно сиамскую, просто мечтал об этом. Но куда бы я её раньше привёл? В общежитие – нельзя. К Тамаре Фёдоровне – тоже. А в моей квартире в Курске было не до этого – или скандалы, или пьянки, или криминальный интим. Наконец-то я заимел большую квартиру, и настала пора заводить кошку.

В ИМАШе в соседней лаборатории работала женщина по имени Инна. Она общалась с Лорой и часто заходила в комнату, где бывал я. И когда речь зашла о кошке, Инна сообщила что, у её подруги Тамары (меня насторожило это имя и, как оказалось, не зря!), как раз имеется породистая сиамская кошка. Кошку эту оставила Тамаре её подруга, надолго уехавшая за рубеж работать. А создание это (имеется в виду кошка) беспокойное, за ней требуется тщательный уход. И Тамара хотела бы передать её ещё кому-нибудь «в хорошие руки». Инна созвонилась с Тамарой, которая работала в Президиуме Академии Наук СССР, и после работы мы пошли на встречу с ней. По дороге Инна рассказывала:

- Ты не думай, что если Тамара работает в таком месте, то она – академик или другой большой начальник. Она - сотрудница библиотеки, получает очень мало, живёт с дочкой, и на кошку у неё денег не хватает. Правда, дочка живёт у бабушки, а с мужем Тамара в разводе, так что тут у тебя может быть личный интерес и помимо кошки!

Инна рассказала, что Тамара по национальности болгарка, так как отец её болгарин, хотя и москвич. Он тоже в разводе с матерью Тамары, в общем, коллектив в её семье – женский.

Тут мы подошли к станции метро «Ленинский проспект», и у входа я увидел худенькую, небольшого роста девушку – смуглую, с тёмными волосами и глазами. «Точно – болгарка!» - подумал я и оказался прав – это действительно была Тамара. Губы у неё были полные, яркие, а

форма глаз – «а ля Людовик 14». То есть такая, когда у носа углы глаз приподняты, а у висков – опущены, иными словами «раскосые наоборот».

Эта «мышка» подошла к нам и тоненьким детским голоском поздоровалась.

- Оля выглядит школьницей, но хоть голос имеет низкий, - подумал я, - а у этой, что внешность, что голос - начальная школа. И как такая может ещё и дочку иметь, непонятно! Мы пошли по улице Вавилова и скоро подошли к дому Тамары. Жила она на четвёртом этаже, лифта не было, потолки высоченные - аж запыхались, пока поднялись.

По дороге мы с Инной зашли в магазин и я, по её совету, купил бутылку марочного коньяка. «Тамара пьёт только хорошие коньяки!» - предупредила Инна.

Квартира оказалась коммунальной. Тамара жила ближе всех к входной двери, её комната стеной выходила на лестничную клетку. Обстановка в комнате напомнила мне былую комнату Оли на Таганке. Присутствовал, правда, шкаф с дверцей, выпадающей каждый раз, когда его открывали.

Нас встретила красивая сиамская кошка; она промяукала пару раз басом и лениво пошла к кормушке, где лежало несколько небольших нетронутых рыбин. Кошка тосковала по хозяйке, почти не ела и вела себя беспокойно. Звали кошку Мелиской.

Животное мне понравилось, и мы решили «отметить» его передачу мне. Открыли коньяк, разлили по стаканам, а закусывать... оказалось нечем. Не было даже кусочка хлеба или рафинада. Тамара стала отбирать рыбу у Мелиски, но кошка возражала.

«Ни сам - гам, ни людям не дам!» - кошка шипела, царапалась, но свою рыбу не отдавала. Насилу отобрали, и Тамара быстро отварила её. А я держал кошку на руках и уговаривал её успокоиться. Рыба-то всё равно останется здесь, когда сама Мелиска уедет со мной. Так что зря она борется за свою еду. Но кошка царапалась и покусывала меня за руку.

Наконец, Тамара принесла рыбу, и мы выпили за передачу Мелиски. Коньяк с кошачьей рыбой – это что-то новое, но пошло ничего. Я запихнул Мелиску в авоську и понёс её на улицу. Там остановил такси, и мы с кошкой поехали к Моне в Филадельфию. Ибо я предполагал до окончания ремонта поддержать Мелиску у Мони.

Моня в восторге не был, тем более Мелиска буянила – она прыгала на шкафы, орала басом, царапала всё и всех вокруг. В довершение всего она «сходила» прямо на Монино одеяло, и взбешённый Моня потребовал экстрадиции Мелиски.

Что было делать – опять переговоры с Инной, Тамарой, и я ещё раз зашёл в знакомую мне уже квартиру, неся Мелиску в авоське обратно. Кроме неё я нёс с собой бутылку мадеры, но уже с закуской. Оказалось, что Тамаре вино нравилось больше крепких напитков, а коньяк любит сама Инна. Так раскрылась хитрость Тамариной подруги. А ещё Тамара курила, что ей совсем не шло. Я хотел приударить за ней, но из-за этого куренья чуть ни отложил своего намерения. Выпили, посидели, Мелиска злобно сверлила нас глазами со шкафа. Тамара была молчалива и проронила всего несколько фраз за весь вечер. Говорил, в основном, я. Договорились в выходные пойти купаться на пруд где-то на Юго-Западе. Туда часто ходили Тамара с Инной.

Пруд оказался в бетонных берегах, достаточно чистым и благоустроенным. И тут я увидел Тамару в купальном костюме, причём достаточно «бикинистом». Я был просто потрясён античной красотой её тела – это была настоящая древнегреческая богиня, не знаю только, какая конкретно. Чуть похудевшая Венера Милосская, только с руками и ногами. А если быть точным, то Тамара была буквально фотографической копией со скульптуры «Девушка-рабыня, выставленная на продажу». Это что-то из Древней Греции; может, ваял не сам Фидий, но кто-то из его компании – точно!

Одним словом, я забыл про курение и решил всерьёз приударить за Тамарой. Инна сперва сама толкавшая меня на это, почему-то была моим поведением недовольна и вскоре ушла домой. Мы гуляли до вечера, зашли в какое-то кафе неподалёку и даже целовались. Я проводил Тамару до дома, но наверх она меня не позвала.

Но своих «атак» я не оставил, и они вскоре увенчались успехом. Как-то, возвращаясь после концерта из Кремлёвского Дворца Съездов, я снова проводил Тамару домой. Мы хорошо

выпили в буфете Дворца, да и с собой захватили бутылку. Тамара снова, было, решила не звать меня наверх, но я попросил её пустить меня хотя бы в туалет.

Сходив в туалет под пристальным взглядом пьяной старухи-соседки, я зашёл в ванную. Но вышел, «обзираемый» уже всем старухиным семейством – дочкой, тоже Тамарой, слегка выпившей, затем Лёней - цыганом по национальности, но почти трезвым, и совершенно трезвым маленьким ребёнком-цыганёнком, а также собаками – хинном и пекинессом. В комнате, где жила вся эта весёлая семейка, были ещё и рыбки в аквариуме, но они решили не покидать своей естественной среды обитания из-за праздного любопытства.

Я вежливо сказал соседям: «Бон суар!» и зашёл к Тамаре. Уже заходя в комнату, я увидел, что дверь напротив приоткрылась и в ней показалась молодая, весьма красивая женщина. Мы, осмотрев друг друга, кивнули и зашли каждый к себе. То, чего так не хотела Тамара, сбылось – мы с соседями повидались.

- Теперь пойдут разговоры, - переживала Тамара, - они такие сплетники! Красавицу, кстати, зовут Людмилой, но она замужем! – язвительно добавила Тамара, заметив мой интерес.

Мы выпили бутылочку вина, прихваченную «из Кремля», и я стал приставать к Тамаре. Она как-то формально и по-провинциальному посопротивлялась, но силы были явно неравны. Всё что должно было произойти, произошло. А сразу же после «этого» Тамара заявила мне, что она была «против», и я её изнасиловал.

- Давай, - говорю, - сейчас позвоним в милицию и сделаем заявление. Все обстоятельства против меня! Пришли вместе, поздно и выпивши. Я зашёл в туалет под надзором соседей. Вместе распили бутылку, после чего я изнасиловал хозяйку. Бьюсь об заклад, что под дверью стояла и слушала всё перманентно пьяная соседка. Все факты работают против меня! – заключил я.

- Тогда давай спать! – спокойно предложила Тамара, что мы и сделали.

Это было роковой ошибкой. Оказывается, Тамара совершенно не предохранялась. Как и Оля, она была «дитём природы», ещё более наивным и безынициативным. Чтобы отличать мою новую Тамару от всех предыдущих, я прозвал её про себя «Тамарой-маленькой». Действительно, она была существенно меньше по габаритно-массовым показателям (простите за техницизм!) всех моих предыдущих Тамар, особенно последней – «каланчи».

Дома на меня сразу накинулись Моня и Оля: «Где пропадал всю ночь, почему не позвонил?»

- Да если бы я мог позвонить, я бы приехал! – соврал я. И потом, я создал вам условия для измены вашему мужу и другу. И надеюсь, что вы воспользовались этим!

Оля – в слёзы, Моня обвинил меня в цинизме и жестокости.

- Всё перевернулось вверх ногами в нашей дружной семейке, - подумал я, и предложил кончать пререкания. – Ну, нажрался у приятеля, вы довольны? Как-нибудь сведу вас с ним, он вам понравится!

Приём, который оказала мне Тамара, и наша первая ночь мне не понравились. Не вызывали восторга и соседи по квартире. Чтобы не встречаться с ними, я в дальнейшем выходил в туалет по ночам, ощупью добираясь в темноте туда и обратно. Походив к Тамаре ещё несколько раз до летних отпусков, я распрощался с ней до осени. Она без эмоций отпустила меня на лето, и мы расстались. А осенью просто не встретились, и, казалось бы, забыли друг про друга.

Мои безобидные шуточки

Лето я провёл с Тамарой Фёдоровной - искупал вину за долгое отсутствие. Поехали в Ильичёвск к Феде Кирову. На сей раз обошлось без драк и приводов в милицию. Зато была интересная встреча с известным учёным, создателем авиационной гидравлики, Трифоном Максимовичем Баштой. Я учился по его учебнику «Гидравлика и гидромашин», да и не только я - всё моё поколение инженеров тоже. Ему было далеко за семьдесят, но он сам вёл машину

аж с Киева. Федя был знаком с Баштой, пригласил его отдохнуть в Ильичёвск, а заодно и получить от него научные консультации.

Трифон Максимович приехал с супругой Галиной Прокофьевной Вовк, которая была крупной и высокой женщиной. Теперь, когда мемориальная доска с портретом Башты давно уже установлена в Киеве на стене института, где он работал, это уже не имеет значения, но большой учёный был и большим любителем выпить.

Супруга бережно охраняла его, но Трифон Максимович постоянно просил нас отвлечь её – позвать к телефону, на кухню, и тому подобное. И тут он мгновенно изловчался и выпивал всё, что стояло на столе рядом.

С криком «Тришка! Успел таки!» - супруга забежала в комнату, но отбирать было уже нечего – великий Трифон, обычно, действительно, «успевал». И сидел довольный, прищурив глаза, как сытый кот.

Федя как-то решил досадить мне за мою любовь к Сталину. Зная, что Башта сидел на «шарашке», Федя при мне спросил Трифона Максимовича, очень ли плохо ему было там.

- Было замечательно! – убеждённо ответил учёный. – Во-первых, надо мной не было надсмотрщиков, которые мешали бы мне выпить. Всё приносили из ресторана, и если нам что-либо из еды не нравилось, снимали шеф-повара. Затем, работать можно было круглые сутки, никто не мешал и не выгонял домой, как сейчас. Ни один из подчинённых не мог вякнуть, даже пискнуть против меня! Поэтому и сделали мы так много. Я считаю, - распалился Башта, - что так и надо делать важные вещи! За границей деньгами заинтересовывают, а для нас это не годится - деньги возьмут, а работать опять не будут! Нашего брата – сачка, надо силой заставляя, и во всём прав был товарищ Сталин!

Со всем небольшим опытом моей жизни, я бы трижды подписался под словами великого Башты. У нас честно вкалывать будет только творец нового, ему и денег не нужно. А пассивного исполнителя и деньгами не заставишь, если только не платить сдельно. Страх – вот лучший стимул для нас, ещё недавно бывших бесправными рабами. И при «царизме», и при социализме! Ни один народ, кроме рабов, не гадит в своих же подъездах, не ломает лифтов, дверей, лампочек, да всего, что сможет – только не в своей квартире. А если квартира коммунальная – только не в своей комнате! Нет, «шарашки» нужны, и я бы сам с удовольствием в них работал бы! Правда, не исполнителем, конечно! Да и какой из меня исполнитель, разве только сексуальных экзекуций!

Тамара продолжала ревновать меня ко всем, исключая, пожалуй, только Галину Прокофьевну. А потом мы приехали в Москву и закончили отдых в посёлке Расторгуево, что почти у Кольцевой автодороги. Электричка оттуда шла до самой моей работы минут тридцать, поэтому аренду дачи, которая была снята на август, я продлил и дальше. Зимой оплата была значительно ниже, и мне очень нравилось ездить туда кататься на лыжах и приглашать знакомых для работы. Как, например, Осю, который часто бывал там. Да и дам для досуга, что тоже было очень удобно. И Тамара Фёдоровна иногда наезжала туда на выходные.

В сентябре ремонт таганской квартиры был закончен, и мы с Олей снова переселились туда. Будучи развращён Олиными экспериментами по «спариванию» меня с подругами, да что греха таить, и всей предыдущей жизнью, я стал самостоятельно приводить домой подруг на ночь. Олю это почему-то бесило, она тут же уходила из дома, а меня просила «отпустить» даму до такого-то часа. А потом мы с ней договорились так: если я привёл даму, то ставлю мелом на входной двери кружочек – занято, дескать! А когда дама уйдёт, то я должен был этот кружочек стереть, и тогда Оля могла заходить домой. Телефона-то в квартире не было, а как ещё прикажете поступать? Оля всё это время просиживала в скверах или гуляла по улице неподалёку.

Но беда была в том, что кружочки эти я стирать забывал, либо к уходу дамы бывая уже усталым и пьяным, либо потому, что просто спал. И бедная Оля иногда ходила по улицам всю ночь. Утром она всё-таки заходила домой в истерике, рассчитывая встретить соперницу, а той-то уже с вечера не было! Оля очень обижалась на меня за эти забытые кружочки, просто простить не могла мне их. Даже намного позже, когда вспоминала про них, то начинала плакать.

Недавно из Америки приезжала, уже солидная такая, без былых причуд (Америка-то уму быстро научит, там не у Пронькиных...), ну и встретились мы за бутылкой шампанского.

- Всё, - говорит, - что было между нами плохого, я забыла; только эти меловые кружочки, как вспоминаю - плачу! Не могу, - говорит, - простить тебе этого!

Но я надеялся всё-таки выпросить у неё прощения когда-нибудь, не умирать же так, непрощённым! По телефону, факсу или e-mail'у, но выпрошу. Оля добрая, надеюсь, простит! И ведь выпросил-таки это прощение по телефону, совсем недавно отыскав её во Флориде, куда она переехала жить с новым мужем Юрой.

Подконец, Оля предупредила меня, что на кружочки она больше реагировать не будет, но я, конечно, позабыл это и привёл-таки подружку. Завёл в маленькую – бывшую «бабкину» комнату, где была узкая – резервная тахта, а тут Оля врывается. Шум, мат-перемат, так и расстался с подружкой «не солоно хлебавши».

Поэтому-то я и снял дачу в Расторгуево и на зиму, чтобы избежать этих сцен. Тамара Фёдоровна же, видя, что Оля и на лето отпускает меня, и на зиму в Расторгуево, поверила-таки, что брак у нас фиктивный. И, кроме того, я выторговывал у Оли право приводить, если надо будет, Тамару Фёдоровну на Таганку. Но только её одну!

А за её нетерпимость к приводу подруг, я иногда «проучивал» Олю. Просил, например, Моню лечь на наше брачное ложе к Олиному приходу и накрывал его одеялом, а кругом разбрасывал женское бельё. Оля бесилась и чуть однажды не задрала Моню прямо на койке.

Или, я как-то нашёл на улице ногу от женского манекена. Я утаил эту ногу от Оли, а потом однажды положил на наше брачное ложе свёрнутое одеяло, а к нему приставил эту ногу в чулке, спустив её носком на пол, прикрыв простыней «туловище» мнимой дамы. На столе оставил вино в бокалах, а сам остался в трусиках. На входных дверях же нарисовал заветный кружочек.

Жду жену, попиваю вино, читаю газету. И вдруг – слышу рычание и рёв дикого зверя – это Оля, увидев ненавистный кружочек, в ярости открывает дверь. Я выбежал в прихожую в трусах и стал умолять её не кричать – дама, дескать, уважаемая, жена «большого человека», притомилась и уснула. Не будить же её так грубо! Оля ворвалась в большую комнату, стрижка на её голове так и поднялась дыбом, как иглы у ёжика.

- А ну, сука, шалава, вставай сейчас же! – диким голосом закричала бедная Оля и схватила «суку» за ногу. А нога-то и отвалилась! Оля завизжала от ужаса, не понимая, в чём дело.

- Вот, ты ногу у человека оторвала, что теперь делать! – тараща глаза, завопил я.

Насилу Оля «врубилась» в суть дела, и тогда, схватив в руки первую попавшуюся тяжёлую вещь, а именно – книгу философа Гегеля «Феноменология духа», запустила ею в меня. А потом впала в длительную истерику. Долго после этого она видеть не могла эту ненавистную ей ногу, а я частенько, особенно при гостях, наливал в неё вино (нога-то была полая!), и, как из рога, пил из неё.

- Другие пьют рогом, а я – ногом! У нас демократия! – пояснял я недоумевающим.

К Оле в гости иногда приходил американец по имени Билл - хороший, но наивный парень. Оля учила его русскому, а сама при этом постигала английский. Дело было уже при Горбачёве и Рейгане. Познакомившись с Биллом, я налил вино в ногу (у того аж глаза вылезли из орбит!), и выпил за президента Рейгана. А затем налил вина туда же и предложил Биллу выпить за нашего президента Горбачёва.

Конечно же, Оля рассказала Биллу, что муж у неё известный учёный, доктор наук, профессор. Да Билл сам часто смотрел и любил нашу передачу «Это вы можете!», знал меня по этой передаче.

И этот серьёзный человек, учёный, предлагает Биллу выпить за президента Горбачёва из женской ноги! У Билла выступили на лбу крупные капли пота, но он, поблагодарив, отказался.

- Вы что, не пьёте вина вообще? – поинтересовался я.

- Нет, вообще пью, но конкретно в данный случай – нет! – отвечал Билл.

- Вы, что не уважаете президента Горбачёва? – продолжал я допрос.

- Нет, мы в нашей стране уважаем мистер Горбачёв, и я тоже! – горячо возразил Билл.
- Тогда почему же вы отказываетесь выпить из ноги, я же выпил за вашего Рейгана? – недоумевал я.

Капли пота уже стекали по лицу Билла.

- Это не есть традиция нашего народа – пить из ноги! – оправдывался Билл.
- А из рога пить можно? – допытывался я.
- Да, из рога пить этикет допускает! – согласился Билл.
- Из женской туфельки тоже можно пить? – поинтересовался я.
- Да, в исключительный случай раньше так допускалось! – подтвердил Билл.
- Так почему же из туфельки можно, а из самой ноги - нельзя? – демагогически вопрошал я.

Бедный Билл чуть ни плакал.

- Я не в состоянии отвечать на ваш запрос! – признал своё поражение Билл.
- Молодец, я испытывал тебя, ты оказался принципиальным, правильным американцем! – по-американски широко улыбаясь, констатировал я. – А теперь выпьем за США – самую демократическую страну мира! После нас, разумеется! – быстро добавил я.

Налив вино в бокал я вручил его Биллу, себе налил снова в ногу, и, чокнувшись, мы выпили.

- Да, у нас достаточно демократический страна! – простодушно подтвердил Билл, выпивая.

Я намеревался вечером идти в русскую баню, благо она была в двух минутах ходьбы – это «Тетеринские бани». Предложил и Биллу сходить туда вместе. Обещал потереть спину.

Бедный Билл вспотел опять.

- Отстань от Билла, а то получишь! – рассвирепела Ольга.
- А что получу, доллары? – поинтересовался я.
- Доллары у вас не являются платёжной валютой, их надо преобразовывать в рубли, так нас инструктировали! – толково пояснил нам Билл, и мы расстались - я ушёл в баню.

Если американцы все такие, как Билл, то как же там скучно! Как там живёт Оля, привыкшая к моему искромётному юмору? А мои ученики, уехавшие жить туда, дурят там своих сотрудников, признаваясь, что они, якобы, засланные агенты КГБ, и те им верят. Верят и бледнеют от страха! Добрые, порядочные, правдивые ребята – эти американцы! Только очень уж наивные. Как они ещё выдерживают наплыв наших ушлых «русаков» к себе – ума не приложу!

Итак, для интимных встреч я стал использовать дачу в Расторгуево, но покоя мне не было и там. Однажды уже в декабре, я выделил день специально для консультаций Осе Юдовскому. День мы с ним поработали, прерывая занятия прогулками по природе. Поблизости от дачи было кладбище (из-за чего я по вечерам боялся даже в туалет выходить), и небольшие озёра. Лёд на них был ещё гладкий, на нём – небольшой слой снега, который легко стирался ботинками, а под снегом лёд казался почти чёрным, и на нём можно было легко писать слова. И я, недолго думая, вывел ботинками трёхметровые буквы: «Долой КПСС!». Перепуганный Ося тут же принялся их лихорадочно стирать.

- Нурбей Владимирович, как вы можете такое писать, увидят с вертолёта – арестуют! – беспокоился Ося.

- А как узнают, что это мы писали? – поинтересовался я.
- Не мы, а вы, – поправил Ося, - а узнают по почерку; дайте мне защитить диссертацию, а потом пишите, что хотите!

Теперь, живя в Америке, мой ученик – миллионер Ося, наверное, уже не боится писать на американских озёрах: «Долой КПСС!». Если у них озёра вообще замерзают!

Вечером выпили и спокойно улеглись спать. А ночью, что-то часа в два, вдруг раздаётся стук в окно. Моя кровать была как раз близ него. Я испуганно вскочил, включил свет и посмотрел в стекло. А там маячило что-то зелёное и бледное лицо посередине, и окно-то, как раз выходит на кладбище.

- Кранты! – решил я, и с истерическим криком заметался по комнате, - не иначе – привидение!

Вскочивший на мои крики Ося всмотрелся в окно попристальнее и успокоил меня:

- Так то же Тамара Фёдоровна!

Ося знал Тамару Фёдоровну ещё по институту, да и по многочисленным встречам в Курске.

- А как она могла оказаться тут ночью? – не поверил я.

- Вот у неё и спросите! – посоветовал Ося.

Мы открыли дверь дачи и не без страха пустили замёрзшую Тамару внутрь. Она была в зелёном пальто и в мохнатой зелёной же шапке. Вина у нас уже не оставалось, но она привезла бутылочку мадеры с собой. Оказывается, она летела в Курск с Урала, где была в командировке. А самолёт сделал посадку в Домодедово, которое рядом с Расторгуево. Вот Тамара и решила навестить меня на даче, без какой-нибудь гарантии, что я в эту ночь именно там. Взяла такси и приехала. Что она делала бы, не застань меня здесь, даже не представляю! Поэтому я дал ей один ключ на всякий случай, если надумает вдруг меня ночью проверять, а на даче пусто. Хоть переночевать будет можно.

Застав меня с Осей, Тамара успокоилась, хотя продолжала подозрительно посматривать на нас. Тогда я и пояснил ей, что один здесь ночью я бы не остался и за кило золота. Не будь Оси, не попала бы она ночью на тёплую дачу, а делала бы нивесть что. И её грязные подозрения я отметаю напрочь! Мы переместили Осю в соседнюю маленькую комнатку и плодотворно переночевали. Вечером Тамара уехала в Курск поездом.

А ключом от дачи Тамара Фёдоровна не преминула воспользоваться. А получилось это так.

Встречая в ИМАШе Инну, я иногда спрашивал у неё про Тамару - маленькую.

- У неё всё о'кей! – говорила обычно Инна, - о тебе и не вспоминает, у неё много поклонников!

А тут как-то Инна призналась, что Тамара была беременна от меня и сделала аборт, причём очень поздний, и долго болела после этого. На мой вопрос, почему мне об этом ничего не сказали, Инна поинтересовалась:

- А чем бы ты смог нам помочь?

- Хотя бы деньгами, ведь это всегда нужно, врачу, там, заплатить, или на что другое... неуверенно сказал я.

- Аборты делают бесплатно, да и вообще мы здесь обошлись без тебя! – как-то вызывающе ответила Инна.

Так и не разобравшись, кто это **мы**, и кому это **нам**, я понял, что на восстановление отношений с Тамарой-маленькой, после всего произошедшего рассчитывать нельзя. И почему-то пригласил Инну в Расторгуево.

Она долго колебалась, но завтра была суббота – выходной день, и всё-таки согласилась. Инна несколько раз предупредила меня, чтобы я не думал приставать там к ней, и я уже пожалел, что пригласил её. Но, так или иначе, мы приехали в Расторгуево, взяли в сельмаге вина с закуской и пошли на дачу. Выпили, вышли погулять по глубокому снегу, вернулись, ещё выпили. И легли спать, каждый на свою койку. Я на свою – широкую, а Инна на Осину – узкую.

Как настоящий педант, я, дав слова не приставать, так и поступил. Заснул себе без всяких дурных мыслей. И вдруг среди ночи меня будят... поцелуем. Я уже был готов вскочить и кричать от страха, но увидел, что это Инна. Видимо, пожалела о сказанной фразе - «не приставай». Пришлось нарушить слово джентльмена, причём два раза – ещё под утро. Хотя приставанием с моей стороны я бы это не назвал, скорее это было «непротивление приставанию со стороны партнёра». А об этом я слова не давал.

В субботу мы встали поутру, выпили чаю, почистили зубы, сходили в туалет, который одиноко стоял в глубине двора, и выехали в Москву. Причём на вокзал шли «по сокращёнке» - Инна куда-то спешила.

На Павелецком вокзале мы расстались, и я заспешил домой – на Таганку. Оля ещё лежала, и пришлось к ней поприставать; к тому же я ей слова, запрещающего это делать, не давал.

Мы ещё лежали в кровати, когда прозвучал звонок в дверь. Оля, чертыхаясь, встала и отворила; через минуту она вошла в комнату и хмуро бросила мне:

- Это к тебе – Тамара Фёдоровна!

Я не поверил - ведь Тамара никогда не бывала на Таганке. Накинув халат, я вышел за дверь – Тамара почему-то никак не хотела заходить в квартиру. Наконец, она согласилась зайти и присесть на кухне. Я присел рядом, а Оля зашла в комнату. На лице Тамары было выражение высшей степени презрения, как у Станиславского в его мимических портретах.

- Я только что из Расторгуева, - медленно цедила она, - там горячий чайник, мокрые зубные щётки, женские следы на снегу до туалета – какая-то «киска» шла в туалет и обратно! Кого приглашал на дачу?

Я внимательно слушал Тамару, уверен был, что и Оля слышала её слова.

- Оля! – крикнул я, и послушная жена явилась передо мной, «как лист перед травой», - где я был ночью?

- Как где, - ответила Оля, - дома, разумеется!

- А вот Тамара утверждает, что я был в Расторгуево, да ещё с какой-то «киской»! А я тем временем спал у себя на квартире, в маленькой комнате, - подчеркнул я, чтобы Оля не перепутала, что следует говорить.

- А кто же тогда был в Расторгуево? – допытывалась Тамара

- Хорошо, - сказал я, - давай поедem в Расторгуево и там на месте разберёмся!

Мы собрались, и к неудовольствию Оли, уехали. Пока мы ехали, шёл сильный снег. А Тамара всё переживала, что следов «киски» не будет видно. Но она ошиблась. На участке действительно отчётливо были видны следы киски, но без кавычек, натуральной киски, от дверей в сторону туалета.

- Вот следы киски – милого животного, вот чайник – он холоден, а вот – зубные щётки, - они сухи! – констатировал я. – Где «вещдоки»?

Под натиском этих доводов Тамара сдалась. К тому же, она устала. Мы разделись (сняли верхнюю одежду), выпили вина, которое взяли по дороге. Потом снова разделись (на сей раз основательнее) и помирились действием.

Так мы мирились и отдыхали весь субботний день и в воскресенье до вечера, а вечером доехали до Курского вокзала, где я и посадил Тамару на Курский поезд «Соловей».

Домой я пришёл совершенно обессиленный. Но я был виноват перед Олей, и эту вину пришлось тоже заглаживать...

Наука

Может создаться впечатление, что я всё время только пьянствовал и тесно общался с дамами. Уверяю вас, это совсем не так! За время после защиты докторской вышли десятки моих статей, в основном в соавторстве с Монеи. Я уже защитил докторскую, теперь наступал черёд Мони, а у него трудов было недостаточно. Вот мы и навёрстывали упущенное. Было также получено около сотни авторских свидетельств на изобретения. Всего их у меня около трёх сотен, а данный период был самый плодотворный. До защиты докторской я выпустил всего одну монографию, правда, первую в мире по инерционным аккумуляторам. А уже после защиты вышли книги: «Инерционные двигатели для автомобилей» «Маховичные двигатели», «Накопители энергии», «Инерция», «Инерционные устройства в технике». И всё в хороших издательствах: «Машиностроение», «Наука», «Транспорт», «Знание». В один год вышли даже две книги в разных издательствах, но с одинаковым названием – «Накопители энергии». Одну из них я издал под псевдонимом – «Н. Маховичный». Весь юмор в том, что в ней я сурово полемизировал с вышедшей чуть раньше моей же книгой без псевдонима. И мне часто потом приходилось слышать: «А Маховичный считает, что это не так!». Тогда я уверял оппонентов,

что Н. Маховичный уже переменял своё мнение. «Откуда вы знаете?» - удивлялись «Фомы-неверующие». «А потому, что Н. Маховичный – это я и есть!» - и показывал квитанцию, где гонорар за книжку Н. Маховичного был выписан на моё имя. Большинство из этих книг было, затем переведено на иностранные языки и издано в Европе.

Но особенно дорога мне моя научно-художественная автобиографическая книга «В поисках энергетической капсулы», где я описываю свой поиск и разработку супермаховиков. Сто тысяч экземпляров книги были раскуплены мгновенно, и её переиздали таким же тиражом в «подарочном» варианте – с шикарной обложкой, в цвете, с художественными фотографиями и т.д. Немцы перевели её на свой язык и издали в Германии.

Благодаря этой книге я завязал с немецкими специалистами и бизнесменами тесные отношения. Более того, по этой же причине у меня появились в Германии друзья – супруги Саша и Лена. Несмотря на разницу в возрасте, они теперь одни из самых близких моих друзей.

Так что, если человек - выпивоха и повеса, то это ещё не означает, что он – бестолковый. Но я, пожалуй, даже зря начал об этом разговор, так как конца он не имеет.

Можно проводить тысячи примеров, когда выпивохи и повесы оказывались великими музыкантами, художниками, поэтами, учёными и даже политическими деятелями. Куда же уж дальше – великими спортсменами, чемпионами мира и Олимпийский игр. И не только шахматисты (Алехин, например), но даже и штангисты, что кажется совершенно невыносимым.

Я был знаком с одним из таких, величайшим спортсменом-самородком, выступавшим в среднем весе в 60-е годы прошлого века. Не называю его фамилии, чтобы не оскорблять его памяти – его уже нет с нами. Все, кто имел когда-то какое-нибудь отношение к тяжёлой атлетике, знают и помнят, кто был в эти годы чемпионом мира и Олимпийских игр в среднем весе. Он «бил» знаменитого американца японского происхождения Томми Коно, бывшего, кстати, моим кумиром. Я видел этого нашего великого спортсмена в Сухуми, где он был на сборах. Он днём тренировался, а вечерами крушил ларьки и другие мелкие постройки на берегу моря, как будто они были картонными. Да и людям лучше было не попадаться на его пути. Меня-то он не трогал, как «своего» (не подумайте дурного, я имею в виду - штангиста), а кое-кому перепало как следует. Это был человек-скала! Сибиряк, бывший золотодобытчик, он добыл максимум золота на соревнованиях. Но вино всё-таки погубило его.

В то же время, сколько людей совершенно непьющих, верных мужей и точных исполнителей – поразительно бестолковых! Я уже не говорю об их творческих возможностях. Но сам я, будучи заведующим кафедрой, предпочитаю иметь в коллективе непьющих, морально устойчивых сотрудников и преподавателей, чем талантливого пьянчужку и аморальщика! Знаем мы таких не понаслышке!

В конце 70-х годов я заметил среди своих студентов талантливого юношу и стал давать ему задания. Особенно хорошо получалось у него написание заявок на изобретения. Звали студента Сашей, фамилия была Серх. Так мы с ним получили авторские свидетельства на несколько десятков изобретений в области маховиков и приводов к ним.

А начали с оригинальной маховичной катапульты (для разгона самолётов с авианосцев и тому подобного), и назвали изобретение «Средство для разгона масс». Потому, что действительно разогналась какая-то масса – самолёт, ракета, просто груз и так далее. И на это изобретение пришёл запрос из... КГБ. Оказывается, там решили, что это средство для разгона масс... народных. То есть вышедшей на демонстрацию толпы, вроде водомёта. Но пришлось разочаровывать «товарищей» с Лубянки.

С Сашей мы скоро сошлись характерами. Он часто приходил ко мне домой, мы занимались наукой и нашими изобретениями. Ну, и «обмывали» свои успехи. Несмотря на разницу в возрасте – ему было около двадцати, а мне – под сорок. Вскоре и мой младший сын Леван, закончив службу в армии, приехал в Москву, где я устроил его на ЗИЛ, как тогда говорили «по лимиту». Леван часто бывал на кафедре и сумел покорить сердце нашей молоденькой красивой сотрудницы – Наташи. Они вскоре поженились, а Леван поступил учиться в наш институт на вечернее отделение. Работал он на ЗИЛе шофёром.

Леван был рослым, сильным и красивым юношей. Левану была не очень понятна моя дружба с его ровесником Сашей, и я «признался» ему, что Саша - мой внебрачный сын. Дескать, с мамёнькой его гулял, ещё будучи на студенческой практике в Москве, что совпадало по времени. Позже, когда Леван, да и я сам, познакомились с Сашинной мамой, она оказалась лет на десять старше меня. Леван высказал сомнение в моём отцовстве Саши, но я пояснил, что мне было 19, а ей 29, а это почти одно и то же.

Мы с Сашей вместе ходили в спортзал, даже выезжали в отпуск на отдых. Он с отличием окончил институт; я его взял к себе в аспирантуру и сделал его моим заместителем по всем кафедральным и научным делам. Саша был интересным высоким блондином с высокомерным видом и поведением. Все студенты от него бежали ко мне, пытаясь получить поправки. Но Саша перехватывал их по дороге и «карал» двойками, приговаривая:

- Нурбей Владимирович добрый, а я вот – злой, злой! – и расправлялся с молодыми бездельниками.

С Сашей мы впервые начали заниматься вариаторами и бесступенчатыми передачами, очень перспективными для автомобилей. Но и супермаховики мы не «забрасывали». На людях Саша со мной был на «вы», ну а «тет на тет» (как любили говорить в Тбилиси), тем более в застолье, он переходил на «ты». И иногда критиковал сурово, в основном, за мягкотелость. Это меня-то – и за мягкотелость! Можно только представить каким жёстким человеком был он сам.

Но основная научная работа и тесные взаимоотношения с Сашей ещё впереди. А пока не будем забывать, что идёт ещё поздняя весна 1979 года.

Второй развод. Жизнь продолжается

Моня, наконец, развёлся с женой, но свободным так и не стал. Капа звонила ему на работу, требовала немедленно явиться домой по той или иной причине. И тот «поджав хвост» бежал, куда ему велели. Оля с Мoneй начали подрабатывать на аудиторской работе; сейчас эта работа так называется, а в те времена они просто проводили ревизию бухгалтерских документов и их списание. Бухгалтерскую макулатуру вывозили грузовиками. Какое право они имели на эту деятельность – не знаю, вероятнее всего его не было, но зарабатывали прилично. Даже Сашу брали себе в «подмастерья», но потом я запретил уродовать студента.

Работа, а вернее «халтура», снова сблизила Олю с Мoneй, и в мае месяце Оля объявила мне, что едет отдыхать с Мoneй на всё лето. Сам Моня при этом трусливо прятался от меня, заявив по телефону, что если я разрешу, то они едут, ну, а если нет – так нет! Кстати, телефон нам к тому времени поставили, чему мы с Олей были страшно рады.

Мне не жалко было отпускать Олю – ничего нового или вредоносного Моня с ней сделать не мог бы. Но страх, что бестолковые в сексуальном отношении мои друзья могут «заделать» ребёнка, покоя мне не давал. Ещё бы – ребёнок будет считаться моим, если даже будет рыж, светлоглаз и странноват, как Моня. И я высказал свои опасения Оле.

- Тогда давай разведёмся! – просто предложила она.

Меня покорило её легкомыслие: то уверяет, что любит больше всех на свете, а то – давай разведёмся! Но предложение Оли мне понравилось своей полезностью; тем более, она заявила, что про развод мы никому не скажем. У меня создалось впечатление, что моим друзьям так хотелось поскорее умотать на море, что они на всё были готовы.

Моня сопровождал нас в ЗАГС, куда мне просто неудобно было показываться. Там была молодая и красивая начальница ЗАГСа - Марина. Она с такой симпатией отнеслась во время бракосочетания ко мне, что не хотелось огорчать её разводом. В результате Оля с Мoneй буквально втащили меня, сопротивляющегося, в приёмную к Марине, как раз тогда, когда она выходила из кабинета.

Оля была, естественно, не в свадебном платье, а в разодранном джинсовом костюме и кепчонке. Моня тоже был в своём обычном виде – мятых брюках и ковбойке с брезентовым рюкзаком за спиной. В рюкзаке было всё – книги, рукописи, плащ на случай дождя, продукты, которые попадались ему по дороге, и которые без особой очереди можно было купить.

Всклокоченные рыжие волосы и безумные глаза гения довершали портрет Мони. Моню часто «брали» на улице и тащили в вытрезвитель, хотя он был «трезв, как стёклышко», или «сухой как лист».

Марина тут же узнала меня и спросила, что нам надо.

- Вот, на развод меня ведут! – пожаловался я.

- Хорошо, заходите ко мне, - огорчённо пригласила нас Марина, - а этому что здесь надо? – и она сердито указала на Моню. Тот тут же выскочил за дверь, чуть ни прищемив свой рюкзак.

- Рассказывайте, в чём дело? – предложила Марина, усадив нас перед собой.

Оля стала возмущённо рассказывать, что я целые дни пьянствую и даже... На это «даже» я поднял кверху палец и спросил Олю:

- И мне тоже можно рассказать про твои «даже»?

Оля мотнула головой и продолжала.

- Хорошо, обойдёмся без «даже». Он не даёт мне свободы действий, не пускает меня...- и она осеклась.

- Куда не пускает? – ехидно переспросила Марина.

- На море с этим рыжим другом! – выпалил я.

Оля укоризненно взглянула на меня.

- Оля, ты же знаешь, что я всегда рублю правду-матку! – испуганно оправдывался я.

- Про матку бы помолчал! – презрительно бросила мне Оля, - а что, я не имею права ехать на море с другом без каких-нибудь грязных намёков? – обратилась она к Марине.

- Эх, а я полагала, что вы - серьёзные люди! Особенно вы, Нурбей Владимирович, вы произвели на меня такое солидное впечатление! Все сейчас разводятся, вот и я – начальник ЗАГСа, и представляете – тоже развожусь!

Я посмотрел на красивую, умную, добрую Марину и осторожно, «по-еврейски», спросил:

- И как скоро вы будете свободным человеком?

Мой вопрос взорвал Олю.

- Что, теперь Марине хочешь жизнь испортить? Вы, Марина, не верьте ему - такой алкаш, такой кобель, а подходит культурно, как Дон Жуан какой-нибудь!

Марина тихо хохотала, закрыв лицо руками. На крики Оли Моня открыл дверь в кабинет и оглядел всех безумным взглядом. Марина захохотала в голос, уже не прикрываясь.

- Всё ясно! – констатировала она, - с вами бесполезно говорить о супружеском долге, о браке, о семье; вы живёте на каком-то своём облаке, и у вас свои законы! Заходите, - она написала дату на бумаге, - и я вас разведу. Всё!

Мы развелись и Оля взяла назад свою девичью фамилию, - ей не нравилось, когда все спрашивали у неё: «А какая у вас нация?».

Развод отмечать на Останкинской башне не стали, ну, а дома выпили втроём прилично. Моню на радостях развезло больше всех, и он стал требовать, чтобы сегодня Оля легла с ним. Я не возражал. Но Оля огрела его, как и меня раньше, гегелевской «Феноменологией духа» по голове, отчего Моня мгновенно поумнел и улёгся на узкую тахту. Ну, а мы с Олей, по привычке – на наше брачное ложе.

Моня взял отпуск за несколько лет (он все последние годы не брал отпусков, гулял неделю-другую, просто не являясь на работу), и они уезжали на целый квартал – июнь, июль, август! Мне сказали, что будут звонить и рассказывать, где и как они отдыхают.

Я проводил «мою семью» на поезд, отправляющийся с Курского вокзала, мы ещё выпили в их двухместном купе (видать, подхалтурили прилично!), и грустный пошёл домой. Время было дневное, но я выпил, и делами заниматься не мог. Сижу так дома у телефона, брошенный молодой женой, которая, не стыдясь меня, уехала на море с любовником, и от мыслей этих чуть не плачу.

- Лора? – задумываюсь я, сняв трубку, - нет, там уже всё кончено! Галка с Нинкой? – хорошо бы, да воспоминания страшные – охота ещё один insult заработать? Тамара «маленькая»? – нет после всего, что произошло, мне туда хода нет. А почему именно

«маленькая»? Почему не обычная, то есть мамонтовская Тамара Ивановна. Тут даже в Курск ехать не надо!

Звоню во ВНИИторгмаш, с замиранием сердца жду ответа. И вдруг родной, низкий, необычайно красивый и сексуальный голос спрашивает: «Вам кого?».

- Томуля, ты простишь меня? – как можно жалобнее пролепетал я.

- Нолик, Ноличка! (она так иногда меня называла) – радостно прокричал голос на том конце провода, - да нечего нам прощать друг другу! Все хороши – кого не вороши! Где встретимся?

- Давай на Таганке, у входа в театр. Но ты не бойся, я тебя туда не поведу, там поблизости другой театр есть – двух актёров! – ответил я ей загадкой.

Договорились на пять вечера. Я сбежал в магазин, принёс чего надо. Прибрал брачное ложе, да и вообще в квартире. Потом уже вспомнил, что этого нельзя делать, пока уехавшие не доберутся до места. А если бы они во Владивосток поехали бы, то что, неделю сидеть в грязи? – разозлился я и решил, что все эти приметы – туфта. Но оказалось, что не совсем.

Стою я у театра на Таганке и размышляю – что за лапшу повесить на уши Тамаре. А потом решил – говорить только правду, ведь я же не профессиональный лгун. Тем более Тамара – свой человек, она всё поймёт и простит!

И вот из дверей метро выскакивает улыбающаяся Тамара и близорукими глазами в очках ищет меня. Я машу ей рукой, она перебегает дорогу, и мы встречаемся. Целую её, и ощущаю далёкий знакомый запах волос, кожи, вкус губ. Это же всё моё, родное! Это её голос – один из миллионов! Почему же моей женой была не она, а другая?

Странная штука – жизнь: человек предполагает, а Господь располагает! Вот я был законным мужем совершенно другой женщины, а теперь она катит в поезде с моим лучшим другом! Но тут я вспомнил признание «моего лучшего друга» Мони о совращении его Тамарой Ивановной и вернулся на Землю.

А на земле, на моей родной Таганской земле, рядом со мной – моя самая большая любовь! И мы бодрой походкой зашагали к Дровяным переулкам, где находился **мой**, заметьте, **мой** дом!

Тамара с интересом наблюдала, куда это я её веду, но вопросов не задавала. Но когда я открыл ключом входную дверь и впустил её в просторную квартиру, она не удержалась и спросила: «Чья это квартира?»

- Моя! – гордо ответил я.

Тамара молча включила свет и стала осматривать помещение. Внимательно посмотрела на широченную кровать в алькове, на рисунки, висящие на стенах. Фотографии не было ни одной, а рисунков – много. Здесь же не фотограф живёт, а художник! Рисунки были карандашом и пастелью; а изображён на них был один и тот же человек – я. В задумчивой позе, в плавках и со штангой, с рюмкой вина, а также замечательный динамичный рисунок, где я пляшу лезгинку с кинжалом в зубах под музыку Мони. Сам Мона с невероятно хитрой улыбкой и копной рыжих волос, как рыжий Мефистофель, играет на пианино дикую мелодию. А я уж под неё выплясываю! Всё, как и имело место быть в жизни!

Тамара, конечно же, узнала Моню, и удивлённо спросила, кто всё это рисовал.

- Художника приглашали, - уклончиво ответил я, - Водкина-Опохмелидзе по фамилии.

- А не Сутрапьяна или Стограммовича? – продолжила Тамара, хорошо зная притчу про хмельные фамилии, - а может, японца Токанава-Тояма?

Тамара осмотрела большую кухню, ванну в которой поместился бы сам «дядя Стёпа», а заодно и умылась.

- Соловья баснями не кормят! – провозгласила Тамара, садясь за стол на кухне, - наливай, если есть что!

- Ты забыла украинского художника Наливайко, - напомнил я, разливая вино по стаканам.

- За любовь после брака! – провозгласил я, и выпил свой стакан.

Тамара отпила свой стакан и недоумённо спросила: «Ты что, ещё второй раз не женился?»

- Обижаешь, я уже и со второй женой успел развестись! И вот, живу здесь, работаю в вузе в Москве.

- А я ещё не развелась! – вздохнула Тамара, - и я, в свою очередь, прикусил язык.

- За кем же ты замужем, за Бусей? – высказал я единственно возможный вариант.

- Держи карман пошире! – евреи со своими жёнами не разводятся, - за Лёшей-алкашом я замужем. Помнишь такого?

Я аж рот раскрыл от удивления.

- Чего удивляешься? Ты, что ли, сам по большой любви женился? Тогда почему так быстро развёлся? Да и вообще, может ли у тебя быть настоящая любовь к кому-нибудь, кроме меня?

- Нэт, нэ можэт, нэ за что! – переходя на кавказский говорок, решительно выпалил я.

- Вот и ладушки, - примирительно сказала Тамара, - мне тоже надоело в Мамонтовке жить и в туалет зимой за сто метров бегать! А так я вот разведусь, как ты, и квартиру в Москве получу. Потому, что наш с Лёшей дом на снос назначен!

- Тогда пьём за любовь до брака, имея в виду нашу с тобой большую любовь и, возможно, брак в будущем! – поправился я.

- Тогда компромиссный тост – за любовь вместо брака! – предложила Тамара, и мы дружно выпили.

Посидели мы неплохо, а потом отлично полежали на широком, нашем с Олей брачном ложе.

Вечером позвонил Ося, как обычно по научным вопросам. В разговоре с Осей мне в голову пришла практическая мысль. Я спросил Осю о его планах на лето. Он, конечно же, ответил вопросом на вопрос: «А что?».

- А ничего, хочу поехать с подругой летом в Киев, жилья не найдётся?

- Для вас – всегда пожалуйста! – обрадовался Ося, - летом я в Москве - осенью защита диссертации! Вы зайдите к родителям, они выдадут вам ключ от моей квартиры, я им позвоню. Вы – мой лучший благодетель и друг, родители молятся на вас!

Тамара была рада моему предложению съездить в Киев, она оказывается, там никогда не была. Мы с ней жили на Таганке до начала июля, а когда я вышел в отпуск, то мы поездом выехали в Киев. Нас приветливо встретили родители Оси (он, конечно же, сказал, что Тамара – моя жена), и выдали ключи от квартиры Оси.

Время мы в Киеве провели отлично. Побывали в Лавре, со страхом ходили по её подземным ходам с размещёнными там мощами святых. Были в знаменитой Владимирской церкви, расписанной Васнецовым, где на главных воротах изображён князь Владимир в плаще с орнаментом в виде множества свастики. Купались и загорали на Днепре в любимом мной Гидропарке и жарили шашлыки в Колыбе. А ещё – тренировались на стендах, воздвигнутых самодельщиками на берегу Венецианской протоки за мостом. Про эти стенды потом, уже без Володи Соловьёва, мы снимали очередную передачу «Это вы можете».

И, конечно же, посетили знаменитые «Курени» - ресторан на берегу Днепра, где мы сидели в курене с высокой конической соломенной крышей и смотрели на Днепр.

Так вот, посидев в этом курене за одним столом с парой, возможно тоже выдающей себя за супругов, мы познакомились настолько близко, что покинули ресторан, обменявшись партнёрами.

В эйфории я бродил со своей новой дамой по тропинкам днепровского склона и целовался с ней. Только почти через час мы вспомнили о наших любимых и принялись искать их. Нашли-таки их возле шоссе, сидящими и целующимися на пне.

Куда бы делась Тамара без ключа от квартиры в незнакомом городе - ума не приложу! Но это её не волновало, она сидела себе на пне и целовалась! Ну, взял бы её, допустим, этот парубок к себе на ночь (в чём я сильно сомневаюсь!), но ведь потом Тамара домой не попала бы, ибо адреса не знала! А я что бы с моей новой партнёршей делал, тоже не знаю! Да знаю, конечно, но разве это дело, когда твоя баба пропадает с кем-то?

В Москву мы вернулись в отличном настроении и хорошей форме. Тамара выглядела лучше, чем когда-либо раньше или позже. Мы пригласили Бусю на Таганку, он сперва ворчал опять что-то типа: «Одной семьёй живём...». Но потом он восхищённо оглядел Тамару – загорелую, стройную, отдохнувшую, в белом шёлковом платье, очень шедшем ей, и ревниво бросил:

- У хорошего хозяина, видать была, если расцвела так!

- Да уж, обслуживали по первому классу, не то, что некоторые! – начала было лезть на рожон Тамара, но я замял разговор по-кавказски:

- Обижаешь, дорогой, не для себя – для друга старался! – и я протянул обе руки к Бусе.

Посмеялись, выпили; Буся похвалил меня за «обратный» переезд в Москву и пожелал успехов. Он был очень огорчён провалом своей докторской в ВАКе и никак забыть про это не мог. На работе он стал раздражительным и агрессивным. И вскоре с ним поступили так же, как со мной в Тбилиси – не избрали по конкурсу. Буся был шокирован таким предательством коллег, но вскоре оправился и перешёл на работу в вуз. Там и успокоился.

Вуз – это золотое дно для умных людей. В НИИ можно до пенсии прослужить полным нулём и никто этого не заметит, а в вузе-то твоя дурасть тут же, после первой лекции будет оценена студентами. Умному в вузе – раздолье, свобода творчества, общение с молодёжью! О чём думают головастые люди, идущие работать в НИИ, а не в университеты – ума не приложу!

Тамара – Оля – Тамара

В начале сентября Оля с Моней приехали с отдыха в Москву. Прибыли они утром, и мы с Тамарой были дома. Оля, ещё не видя Тамары, уже была «на взводе», она покрикивала на Моню, а тот виновато суетился. Первым увидел Тамару Моня, он обрадовался ей, и они расцеловались. А тут вступила Оля:

- А это ещё кто такая?

- Давайте познакомимся, - предложил я, - Оля – любовница Мони, Тамара – моя любовница; остальные знакомы друг с другом достаточно близко!

Оля заворчала, но крыть было нечем. Я отозвал Олю в сторону и шёпотом сообщил ей, что Тамара временно поживёт со мной в маленькой комнате. А Оля, как я понимаю, будет жить с Моней в большой, или переедет к нему...

- Неправильно ты всё понимаешь, - перебила меня Оля, - я с Моней поссорилась, в лучшем случае мы будем просто знакомыми. Я полагала, что мы с тобой будем жить, как и раньше, только без регистрации. Но теперь мне надо заниматься другими делами...

Оля всхлипнула и сквозь слёзы сообщила, что она беременна.

- Успокойся, от Мони! – сказала она, видя, что у меня глаза вылезли на лоб. Мы устроились в Сочи в гостинице, - рассказывала Оля, - и этот чудак на букву «м» выдавал меня за своего сына-школьника. В гостинице поверили и поселили нас в одном номере. Тогда в Сочи у нас всё ещё было в порядке. А потом мы морем переплыли в Одессу, вернее, в Ильичёвск к Феде, и там уже я поняла, что залетела. Подождали ещё месяц, думали, может быть обойдётся, но нет – всё ясно, залетела! Советуюсь с Моней, оставим, говорю, первый раз, всё-таки. А он наотрез – ни в коем случае, иначе утоплюсь в море! Делай аборт – и всё! Так и порешили, поэтому я скоро лягу в больницу!

- Каким же я оказался предусмотрительным! – мысленно похвалил я себя, - что развёлся. Иначе Оля обязательно родила бы, и я, «средний по величине рогатый скот», всю жизнь... Как татары - мудрый народ, говорят: «Пять минут сигарга – на всю жизнь – каторга!».

Моня как-то засуетился и быстро ушёл, а мы отметили приезд Оли. Женщины быстро подружились, и к вечеру мы вместе пошли гулять по набережной Яузы, что была в пяти минутах хода. Оля, ложась спать, постелила себе в маленькой комнате на узкой тахте, а нам разрешила спать на широком брачном ложе (на котором собственно, я сплю и по сей день, но только совсем с другой Тамарой).

Скоро Оля легла в больницу, ей сделали аборт, но как-то неудачно, или что-то там обнаружили, поэтому задержали в больнице ещё на месяц. Мы с Тамарой регулярно посещали Олю в её палате, куда тайком приносили вино. А женщины из излишков своих обедов готовили закуску. Моря не посетил Олю ни разу – чего он боялся, не поймёшь!

Когда Оля вышла из больницы, то Тамара взяла над ней шефство. Она водила её по художественным вузам, чтобы Оля могла поступить туда. Были в Суриковском (что в двух шагах от нашего таганского дома), в Строгановском, Текстильном, где есть специальность художника по тканям. Но почему-то каждый раз Оля, приходя с собеседования, где она показывала свои работы, ложилась лицом вниз на постель и громко редела. В её работах специалисты «не нашли школы», понимаешь ли! А то, что рисунки всем нравятся, им наплевать!

Новый Год мы встретили втроём, и как ни странно, очень весело. Были сильнейшие холода, около сорока градусов мороза, все боялись и нос показать наружу. Тогда я разделся до плавок и босиком, сильно выпивший вышел во двор. Я там ходил, размахивал руками, пугал случайных прохожих. Дамы смотрели на мои подвиги в окно. Тогда я и узнал о своей нечувствительности к холоду, что позволило мне позже стать «моржом».

А уже поздней весной Тамара развелась со своим Лёшей и загуляла. То есть стала пропадать из дома. Мы с Олей переживали, но стали тайком от Тамары «встречаться». Если Тамара до часа ночи не приходила, то Оля перебиралась ко мне в брачное ложе.

Однажды Тамара пришла часов в семь утра, сильно выпивши. Высокомерно заявила, что выходит замуж за пожилого, но очень богатого человека по фамилии Вагин. Всё хвасталась: «Вагин приказал, Вагин послал», и тому подобное. Я разозлился.

- Слушай, - говорю, - а когда ты выйдешь замуж за него, то переменишь свою фамилию?

- Конечно, - гордо ответила ничего не подозревающая «невеста», - я буду госпожой Вагиной!

- Нет, дорогая, перемени ударение, ты будешь просто Вагиной! – убил я её своим каламбуром, - а если ты вагина, или по-русски ещё проще, то катись отсюда колбаской по Малой Спасской. А лучше – скажи «деду» - своему престарелому Вагину – «в Москву еду!» То есть из Мамонтовки – к нему, деду, в Москву!

И я, на радость Оле, выпроводил пьяную Тамару за дверь. Ну, не примет её «жених», поедет домой в Мамонтовку, это недалеко.

Мы снова зажили с Олей как прежде. Но она была уже учёной – попросила в больнице, чтобы ей поставили «спираль» против беременности. Так что мы были раскованы в своих действиях, не то, что раньше. Кроме того, очень раскрепощало меня то, что я уже не был связан с Олей брачными узами. Я, кажется, стал понимать грузина Коридзе, который «в нэволе нэ размножается»!

Летом мы поехали в Сухуми к маме в гости. Мой старший сын Владимир, который жил там же вместе с бабушкой, женился на своей институтской подруге Лене. Я, конечно же, не говорил, что развёлся, и мама ожидала мою новую жену Олю. Когда же увидела нас вместе, только спросила: «А кто этот мальчик?»

Оля быстро сошлась характерами с сыном и невесткой, ну а мама никак не хотела признавать Олю женщиной.

- Я слышала, что в Москве существуют однополые браки, неужели у вас такой, а? Как стыдно! – тихо говорила она мне.

Соседи по дому видели, как Оля в джинсах, закинув ноги на ветку олеандра, с сигаретой в зубах, «резалась» с сыном во дворе в карты. И они тоже отказались признавать в ней женщину, тем более жену «большого абхазского учёного». Гомосексуализм на Кавказе исторически широко распространён, и соседи решили, что я привёз на Юг своего «мальчика». Но они простили мне эту слабость, как «большому абхазскому учёному».

Вернулись мы в Москву – и не можем выйти из метро к своему дому, не выпускают. Мы вышли с Таганской-радиальной и увидели на площади огромную толпу народа. Мы решили, что это связано с Олимпийскими играми, но заметили, что все взоры направлены на Театр на Таганке.

- Что случилось? – невольно спросили мы у людей.

- Высоцкий умер! – ответили сразу несколько человек. Это было настолько неожиданно, что мы аж онемели.

- Власти убили, не иначе! – подумал я, - но формально оказался неправ.

Оля заплакала, мы постояли ещё немного, и пошли домой. Помянули любимого барда и занялись своими делами. Меня ждал трудовой год, а что ждало Олю – не знаю. Скорее всего, опять «халтура» с Моней, игра на гитаре и пение. Рисование Оля забросила, как только узнала у «спецов», что у неё нет «школы». Так всё оно и оказалось – «халтура» у Оли с Моней была, а былой близости с ним уже не возникало. Близость, зато, была у нас.

Я регулярно ходил в ИМАШ, нужно было работать с Моней по его докторской тематике. Ося успешно защитил диссертацию и уехал работать в Киев, на прежнее место. В Москву он приезжал часто.

Как-то я увидел Инну, она весело меня приветствовала и таинственно пригласила в свою комнату после работы. «Не иначе, понравилось в Расторгуево и хочет повторить!» - решил я, но ошибся. В шесть вечера я зашёл в комнату к Инне и увидел на столе колбу с какой-то жидкостью, бутылку газировки и два гамбургера. По какому-то случаю пьянка, и это неплохо!

Инна заперла дверь, чтобы не беспокоили уборщицы, и мы врезали за встречу. В колбе оказался спирт, его иногда выдавали, как мы шутили, для «протирки электронной оптики». Уже захмелели, а причины «застолья» я не обнаруживаю.

- Инна, - не выдерживаю я, - скажи, в чём дело, ты снова хочешь переспать со мной или к чему мне готовиться?

- Нет, - фыркнула Инна, - про это забудь, а вот красивую бабу я тебе «подобрала». Она, оказывается, как-то видела тебя и «не возражает»! Едем?

Кто же будет возражать против красивой бабы, тем более, что она сама «за»? Я позвонил Оле, предупредил, что еду по делам, и мы с Инной выпили за успех «безнадёжного дела». Если бы Инна знала, за какое «безнадёжное дело» она пьёт!

Мы остановили горбатый «Запорожец», который вела дама. Она согласилась подбросить нас, хотя предупредила, что только учится водить.

- Я езжу очень медленно, но зато не возьму с вас денег! – весело предупредила она.

Инна села с ней рядом и показывала дорогу. Почти через час я увидел, что мы подъехали к дому... Тамары маленькой!

- Инна, ты что мне голову морочишь! – вскричал я, - или я не вижу, куда мы приехали?

Инна поблагодарила даму-водителя, извинившись за мою горячность, и мы вышли.

- Я тебя веду к Людмиле, помнишь такую красивую женщину? – пояснила мне Инна. – Она с мужем развелась и сейчас свободна. А Тамару не бойся – у неё полно поклонников. Она ушла из Академии Наук и сейчас работает официанткой в ресторане «Охотничий». Ты представляешь, какой у неё там контингент? Приходит домой к часу ночи, а встаёт поздно, ты её и не увидишь.

Людмила действительно была очень красива, и я, будучи подшофе, зайти согласился. Пошли мы «через магазин», где я прикупил вина. Пока Инна звонила в дверь, я стоял поодаль с бьющимся сердцем. Наконец, Людмила открыла, и я прошмыгнул к ней в комнату.

Было около девяти вечера. Мы прилично набрались, сидели, шутили, смеялись. Было жарко в комнате, и я разделся до плавок. К тому же я так выглядел выгоднее, чем одетый.

Когда пьёшь много вина, извините, часто бегаешь «куда король пешком ходит». Я выразительно посмотрел на Людмилу:

- Иди так, там все спят, - успокоила она меня.

И я пошёл, карабкаясь за стены темных коридоров, с трудом вспоминая дорогу в туалет, когда я по ночам ходил туда из комнаты Тамары. После яркого света в туалете, дорога назад показалась ещё темней и запутанней. Я, напрягая всю свою память, шёл на «автопилоте»; наконец, я нащупал дверь и, открыв её, вошёл.

В комнате горел ночник, и у кровати почти раздетая Тамара снимала с себя чулки. Ничего, не понимая, я замотал головой. Тамара взглянула на меня и спокойно спросила:

- Нурик, это ты?

Я закивал, дескать, да, она не ошиблась.

- Откуда ты? – продолжала Тамара, не меняя тона.

- Из дому, вестимо, - с сомнением, ответил я.

- Прямо так в плавках и шёл? – не удивляясь, спросила Тамара.

- А то, как же! Нам, грузинам, всё равно... - но дальше не стал продолжать.

- Садись, коли пришёл, - пригласила Тамара и накинула халатик.

Я присел на детскую кровать с проваленной сеткой, и колени мои тут же оказались выше головы.

В таком положении застала меня разъярённая Инна, отворившая дверь без стука. С Тамарой она и не поздоровалась.

- Вставай, пьянь, мы тебя по всей квартире ищем! – кричала она, пытаясь натянуть на меня свитер, - уже думали, что ты в унитаз провалился!

- Инна, добрый вечер, - спокойно поздоровалась Тамара, - присядь, поговорим спокойно!

- Я в твоих советах не нуждаюсь! – сверкнула на неё глазами Инна и выскочила за дверь. Через минуту она забросила в дверь Тамары мои шмотки и исчезла.

Так я и остался на ночь у моей «рабыни, выставленной на продажу». Я повинулся, что ничего не знал о состоянии Тамары после наших встреч; к тому же Инна сказала мне, что я **вам** не нужен.

Тамара грустно улыбнулась:

- Как она здорово за нас двоих решила!

Потом Тамара без обиняков призналась, что она и сейчас беременна после лета. Она была на Азовском море в пионерлагере с дочкой. Сама устроилась на работу, а дочка отдыхала там же. Познакомилась с «вожатым» - и вот результат.

- Зато сегодня можно не опасаться, - рассудительно добавила она. Мы последовали этому совету и не ошиблись.

Утром я спросил Тамару, что заставило её перейти из Академии Наук в официантки.

- Хотела больше зарабатывать, - призналась она, - а оказалось ещё хуже. Обсчитывать клиентов я не могу, а обворовывают свои же. То скатерти украдут, то посуду. За всё платить надо, да ещё и откупаться – ведь предполагается, что официант обязательно обсчитывает клиента! Надо уходить – а то так и до тюрьмы недалеко. Уже вся в долгах!

Я оставил Тамаре сто рублей, что были у меня с собой, и решил зайти днём к ней в ресторан пообедать и разведать обстановку. Круглый, как цирк ресторан «Охотничий» был неподалёку от станции метро «Ботанический сад». Днём внутри было почти пусто. За дальним столиком «резались» в карты два клиента, за другими, составленными вместе, расположилась цыганская компания.

Узнав, какие столики обслуживает Тамара, я присел. Ждал долго, хотя народу не было. Наконец подошла невозмутимая Тамара, поздоровалась, спросила, что буду заказывать.

- Ты хоть узнала меня? – удивился я.

- Конечно, я же не пьяная! – спокойно ответила она.

Я заказал что-то и ожидал, что Тамара не возьмёт с меня денег. Но она долго считала, путаясь в расчётах, и, наконец, насчитала восемь двадцать. Я обиженно заплатил и обещал прийти к закрытию ресторана проводить её домой.

В полночь я подошёл к «Охотничьему». Люди заканчивали выходить из ресторана. Шёл бойкий разбор проституток, они перебежали от одного автомобиля к другому. Какие-то мужики пересчитывали пачки денег, передавая их друг другу.

- Бежать надо отсюда Тамаре, пока цела! – решил я.

Наконец, одной из последних вышла Тамара, и я взял такси. Таксист, точно решив, что я «снял» девушку, начал сальные разговоры. Потом понял, что мы давно знакомы и замолчал.

В комнату мы прошмыгнули незаметно. А утром Тамаре надо было опять рано вставать, и я решил остаться один. В туалет я, по привычке, вышел под утро, пока все спали, и сейчас

отдыхал спокойно. Часов в десять я предполагал встать, одеться, выждать пока в квартире всё затихнет, и потом тихо выйти, захлопнув за собой дверь.

Но вышло иначе. В комнату, резко отворив дверь, вбежали две маленькие собачки – хин и пекинес. Уставившись своими «нерусскими» мордами, они начали облаивать меня. Я отмахивался от них тапочкой, пока вечно пьяная старуха-соседка, ворча и рассматривая меня как экспонат, не выгнала собак из комнаты. После этого мне спать уже не захотелось, и я, быстро собравшись, ушёл.

Вскоре Тамара легла в больницу на аборт, и я навещал её там.

- Вот судьба-то какая у меня – навещать не от меня беременных! – подумал я и решил, что лучше всё-таки, когда не от меня. Греха меньше!

Я настоял, чтобы Тамара, как и Оля, вставила «что-то», предохраняющее от беременности, и теперь спокойно общался с моими «малогабаритными» дюймовочками. Чтобы не совершать «челночных» рейдов между Таганкой и Ленинским проспектом, я стал приводить Тамару домой. Оля была недовольна и не уступила нам широкое «брачное» ложе.

С молчаливой и замкнутой Тамарой-маленькой Оля общего языка так и не нашла. Она просто терпела её, раздражаясь по каждому случаю, а как-то всерьёз заявила Тамаре, что она тут не «прописана». Та же ей возражала, что с московской пропиской она имеет право находиться, с согласия жильца, в любой квартире города Москвы. Так мои дамы соревновались в знании бюрократического жилищного кодекса.

Однажды у нас в квартире произошла интересная встреча, после которой я решил всё-таки приходить к Тамаре домой самостоятельно. К Оле в гости приходили разнообразные типы и типчики. Однажды заявила «сладкая парочка» голубых, пассивная компонента которой, некто Сергей, давно уже был нашим общим знакомым.

Весьма представительный, интеллигентный и красивый парень, вызывал большой интерес девушек. Он же сам их терпеть не мог, относился к ним даже с брезгливостью.

Как-то я с Сергеем ехал в автобусе, и некая, очень интересная девушка толкнула его при повороте машины. Девушка с очаровательной улыбкой извинилась, но Серёга, весь взбешённый, стал кричать на неё, и, главное, спешно тереть и чистить то место на своём костюме, которого коснулась девушка. Та – чуть ни в слёзы, но я подмигнул ей и предложил толкнуть меня: «Мне это будет только приятно!» - сообщил ей я. Девушка хитро заулыбалась.

Так вот, «сладкая парочка», уже выпившая, расположилась за столом на кухне. Там же располагалась Оля, когда мы с Тамарой пришли и тоже присели за стол. Активная компонента парочки – Мишка, совсем ещё юнец прыщавый, безумно любил и ревновал своего Серёгу, ну а тот был непрочь пофлиртовать.

- Я – чёрная моль, я – летучая мышь..., - завлекающим голосом пел Серёга, строя мне глазки. Тамара с интересом наблюдала эту сцену, видно было, что она видит такое впервые. Сергей был очень красив, и я невольно залюбовался им.

Тут вышедший из себя юнец Мишка, не спускавший глаз со своей любви, взревновал, вскочил и стал кричать на меня:

- Что ты так смотришь на него? Бери, бери – я дарю его тебе! Я же вижу, что ты кадришь его!

Мы еле усадили нашего Отелло.

- Мишенька, почему ты так легко даришь меня ему? – томно произнёс Серёга, указывая на меня изнеженным, усталым жестом. – Ты что, уже не любишь меня больше? – и Серёга в очередной раз подмигнул мне.

Мишка упал на грудь Серёге и, обняв его, зарыдал. Серёга гладил его по голове и приговаривал:

- Не пойду я ни к кому от тебя, потому что я – твой навек!

Забегая вперёд, скажу, что родители Мишки настояли-таки, чтобы их сына забрали в армию, оторвав его от любимого. Ну, а пока они были в апогее любви. Хочу только признаться, что слово «апогей» использовано мной здесь лишь случайно, и оно не имеет ничего общего со словом «гей».

«Друзья» попросили оставить их на ночь, и мы положили их на нашу с Тamarой узкую тахту. Сами же мы – я, Оля и Тамара улеглись втроём на «брачное ложе». Но это был не сон, а мученье. Я лежал между моими дюймовочками и не знал, как себя вести.

Тамара спала, а Оля вся напряжённая, как струна, следила за каждым моим движением. Лежать на спине мне надоело, но как только я начинал поворачиваться набок к Тамаре, то меня хватили «за грудки» и возвращали на прежнее место. Не мог я свободно распоряжаться ни своими руками, ни ногами.

- Я не потерплю в нашей квартире разврата! – грозно прошипела мне на ухо Оля, чем вызвала мой гомерический хохот, разбудивший не только Тамару, но и спавшую в соседней комнате «сладкую парочку». Так вот, чтобы не приучать Тамару к «разврату» в нашей с Олей квартире, я отпустил её жить к себе, и навещался туда, предварительно позвонив по телефону. Я настоял, чтобы Тамара ушла из этого ресторана, откуда она уже начала приходить подшофе, и устроилась в НИИ, хотя там платили немного.

И ещё – Тамара одержала над собой важную победу – бросила курить. Одновременно и навсегда, сделавшись яростной противницей этого вредного и неэстетического занятия. Это был первый на моей памяти случай успешного отказа от курения.

Одни ЧП

Оля знала телефон Тамары; знала она и то, когда я бывал там. Поэтому часто звонила туда, в основном, когда не могла разгадать кроссворд. Оля решала эти кроссворды сотнями, причём аккуратно складывала и прятала уже заполненные. Она думала, что это когда-нибудь пригодится – продать, например, их в другую газету.

Поэтому я не удивлялся её звонкам даже в очень позднее время – обычно «заклинивал» кроссворд.

- Ты должен знать, – звонит в полночь Оля, – «физик, изобретатель барометра», наверное «Гей-Люссак»? Если считать тире за букву – подходит!

- Оля, во-первых, это – Торричелли; во-вторых, ты должна знать сама, что врачи не советуют прерывать половой акт, а ты меня вынуждаешь делать это, когда звонишь ночью; в третьих, почему тебе в голову лезут одни «геи»? Что, сексуально нормальных физиков, как, например, твой бывший муж, тебе мало? – поучал я любительницу кроссвордов.

Но сегодняшний звонок последовал сразу же после моего прихода к Тамаре, и у Оли был очень взволнованный голос.

- Звонила из Курска Лиля, твоя первая жена. Она сказала, что Леван пропал из части, где служил. Георгий Дмитриевич (мой дядя) уже в курсе дела, а Лиля будет в Москве утром, чтобы полететь в Ташкент.

Я немедленно оделся и выехал на Таганку. Леван недавно пошёл в армию, и его, как физически весьма сильного, забрали в узбекский город Карши, откуда обычно солдат посылали в Афганистан, где тогда была война.

Звонок дяде ничего не прояснил – Лиля получила телеграмму из части, что рядовой такой-то ушёл в «самоволку» тогда-то, и в случае его появления дома следует немедленно сообщить в часть. Утром Лиля прибыла прямо к дяде, и мы встретились. Я дал ей денег на самолёт, а сам решил встречать все поезда, прибывающие из Ташкента.

Дядя организовал у себя дома целый штаб из знакомых в Узбекистане. Даже «знаменитый» первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Рашидов занимался поисками Левана. Дядя был лично знаком с Рашидовым и звонил ему.

Прошла почти неделя, а о Леване ни слуху, ни духу. Военные из дядиного «штаба» сообщили ему статистику – если после исчезновения солдата проходит неделя и он нигде не объявился, то шансов, что он жив, очень мало.

Я уже с утра запил на кухне, как вдруг в дверь позвонили. Оля пошла открывать, и я слышу её радостный крик: «Ты посмотри, кто пришёл!» В дверях стоял Леван в военной форме; он смущённо улыбался и бормотал: «Я, кажется, что-то не так сделал!».

Я, как заворожённый, стоял перед Леваном и только повторял исконно русскую фразу, образно определяющую нашу с ним степень родства. Наконец, Оля прервала меня, и мы затащили Левана в квартиру. Он рассказал нам, как нашёл наш дом и квартиру. Оказывается, проезжая на автобусе с Курского вокзала, когда я провожал его на самолёт в Узбекистан, я указал ему на дом с большой трубой у подъезда и сказал, что сейчас живу там, на первом этаже. Обладая очень цепкой зрительной памятью, Леван сумел найти этот дом и пришёл к нам, обходя вездесущие патрули.

Оказывается, этот богатырь не выдержал издевательства «дедов», сбежал из части и тайно сел на медленный почтово-багажный поезд, идущий в Москву. Проводник, которому было скучно ехать одному, приютил его, и они всю дорогу пили водку в служебном купе.

Я тут же позвонил дяде и Лиле в Ташкент. Решили, что Леван даст покаянную телеграмму в часть, где сообщит о своём добровольном возвращении. Это чтобы не попасть под трибунал. А там дядя договорился со знакомым генералом, что тот возьмёт его к себе шофёром и будет лично курировать его. Леван незадолго до армии окончил шофёрские курсы и имел водительские права.

Мы дня два пили с Леваном. Потом он захотел посмотреть стереокино, о котором мечтал всю жизнь. А на моё замечание, чтобы он бросил эту блажь, Леван капризно отреагировал:

- Что, я зря из армии убежал, что ли?

После этого мы переодели его в «гражданские тряпки», надели мою синтетическую шубу (в Москве уже лежал снег), и Оля повела его в стереокино.

А я, даже не звоня Тамаре (о приезде Левана я ей сообщил тут же), побежал к ней домой. Дома её не оказалось, соседи сказали, что пошла в магазин. Я выбежал на улицу – и не знаю куда идти. Вдруг в переулке замечаю её знакомое зелёное (опять зелёное!) пальто. Я бросился к ней и вижу, что она тоже бежит ко мне. Мы аж столкнулись с ней, и давай на радостях целовать друг друга! Этот момент я часто вспоминаю и сейчас.

Через пару дней я посадил Левана на поезд «Москва-Ташкент» и велел не чудить больше. Проблем с армией у него уже не было.

Приближался Новый Год, и я раздумывал – с кем его мне встречать. В Курск ездить уже не хотелось; Тамара-маленькая встречала Новый Год с дочкой и мамой, где я был неуместен. Оля традиционно встречала этот праздник в семье тёти. Я уже подумывал возобновить отношения с Тамарой Ивановной, и если она ещё не стала женой богатея, то встретить праздник с ней.

Но тут вдруг мне звонит Элик и взволнованно предлагает встретиться в ИМАШе. Встречаюсь и вижу, что мужика так и распирает от желания высказаться. Мы вышли с ним в коридор, и Элик серьёзно пожимает мне руку: «Поздравляю тебя, ты породнился с Лениным!»

- Чего угодно ожидал, только не родства с вождём мировой революции, которого, к тому же, я принципиально не переносу. Спасибо, дорогой, может, расскажешь, как это меня угораздило! – поинтересовался я.

- Слушай сюда внимательно! – начал со своей любимой фразы Элик. У меня есть знакомый молодой генерал «из органов» по фамилии Ульянов. Мастер спорта по вольной борьбе и с виду качок! Правда, в голове всего одна извилина, ну от силы, полторы! Как говорят в нашем народе: «Баим поц ликт ауф дер пунэм!» (на идиш: «Будто «хвостик» поперёк лба лежит»). Кстати, у него жена здесь в ИМАШе работает – кандидат наук, Ликой зовут.

И вот этот Ульянов через свою жену Лику находит меня в ИМАШе и просит свести со специалистами по вентиляции. Что он собирается там вентилировать – бомбоубежище, или скорее свой коттедж, не знаю. Но помню, что твоя Тамара...

- Которая? – перебиваю я его, чтобы разговаривать предметно.

- Понимаю, ты же тамаровед! Докладываю – Тамара Ивановна, которая работает во ВНИИТоргмаше. Помню, что она как раз по работе занимается вентилицией, и у них есть бригада типа «шараш-монтаж» в этом направлении.

- Свою я, значит, вчера Ульянова и Тамару в кафе «Кудесница», что рядом, на Лермонтовской площади. Выпили по стакану коньяка, Тамару твою развезло. Но договориться

успели, телефонами обменялись. Выпили ещё, она что-то ему на ушко нащёптывать стала. Потом Тамара отзывает меня и просит ключи от моей «конспиративной» квартиры. «Ему, - говорит, - неудобно, он женат на какой-то твоей знакомой!»

- Дал я ей ключи, не мог же отказать твоей ближайшей подруге, - всерьёз заметил хитрец Элик, - а сегодня утром здесь же в ИМАШе их мне отдаёт сам Ульянов. И хвастает:

- Не успел двери запереть, она тут же кидается на меня, валит на койку, раздевает сама. «Ты, - говорит, - самый красивый мужик в моей жизни, одни чистые мышцы! Мой бывший тебе в подмётки не годится!» Ну, поползала она по мне, сколько надо, потом отвалилась, и мы стали выпивать. Я и спрашиваю, а кто это твой бывший? «Да это приятель Элика, доктор наук, мастер спорта по штанге!». Вот такая история имела место.

- Знаешь, Элик, - говорит Ульянов, - если бы не вентиляцию мне в коттедж устанавливать, ни в жисть с такой не стал бы! Как баба – никуда не годится, не возбудила она меня ни капли! Да и болтушка страшная, чёрт знает, что может наговорить!

- Ну, положим, он и сам болтун порядочный, даром что из «органов»! – высказал мне своё мнение о генерале Элик, и спрашивает:

- Что делать с Тамарой будем? Ведь это измена, предательство! – возмущённо провозгласил Элик, ударяя кулаком по перилам лестницы.

- А ничего, - спокойно ответил я Элику, - убью её как-нибудь при встрече!

А сам вскипел весь внутри - всё-таки и любил и ревновал я Тамару Ивановну бешено.

- А зачем же мне убивать свою любимую Тамару? – вдруг подумал я, - убить надо обидчика – генерала Ульянова! Или его жену трахнуть в отместку – она же здесь рядом - в ИМАШе! А лучше – и то, и другое! – стал распалаться я, и вдруг отчётливо представил Тамару, ползающую по голому телу здоровяка-генерала. От ярости у меня помутилось в голове, и я, как у меня уже бывало в экстремальных случаях, увидел себя и Элика со стороны, как бы с угла потолка.

В сумраке коридора застыли две фигуры – одна энергичного толстяка с кулаком, занесённым над перилами, а другая - моя, прислонившаяся к стенке, с понурой головой. Вдруг голова у моей фигуры поднимается, упираясь взглядом в толстяка и произносит чужим отрывистым голосом:

- Убивать Тамару не будем! А будем трахать жену Ульянова! Обидчик же мой сам себя погубит!

Постепенно я вернулся в своё тело и первое, что увидел – это вытаращенные глаза Элика.

- Что с тобой, ты вроде, как бы, не в себе? – Элик трясёт меня за плечи, - да и голос у тебя стал как у Буратино! Что ты сказал – будем трахать жену генерала? Я – не буду, а ты – как знаешь! Это интересно, но опасно! Что, думаешь, он застрелится с досады? Да он скорее тебя сам застрелит! Ты что, серьёзно всё это, или прикидываешься?

Но бурный поток эмоций Элика был прерван – в коридор вдруг выбежал Моня и позвал меня:

- Иди, Тамара Ивановна «на проводе»!

Таинственное существо - эта Тамара Ивановна! Всегда появляется вовремя, чувствует, гадюка, что о ней вспоминают. Я это много раз замечал! И тут возникла у меня идея разыграть её, а заодно и отомстить за измену.

Разговорился с ней, будто бы ничего не случилось, будто бы вчера вечером только и расстались. Приглашаю её на встречу в то же кафе «Кудесница» - вроде удобно, близко от ИМАШа.

Встречаемся, берём по стакану мадеры, выпиваем, а я и говорю:

- Спасибо тебе Тамара, спасибо! – и кланяюсь, чуть ли не лбом в стол.

- За что, дорогой? – вкрадчиво спрашивает Тамара.

- А за то, что породнила меня с вождём мировой революции! – серьёзно отвечаю я.

- Ты что буровишь, охренел, что ли? – занервничала Тамара.

- Тогда я расскажу тебе небольшую историю, посмотрим, как ты её прокомментируешь. Должен был я вчера срочно передать Элику один отчёт, ему сегодня его на работу возвращать надо. Звоню на его «конспиративную» - никого нет. А я как раз поблизости находился, дай, думаю, зайду и положу отчёт на стол. Ключи от этой квартиры у меня всегда при себе. Подхожу к дому и вижу – в подъезд входит здоровенный мужик и ты с ним рядом. Тебя сильно «ведёт», выпила, значит. Заинтересовался я - с кем и зачем моя любимая идёт в квартиру Элика. И тихо за вами поднялся. Вы захлопнули дверь, а я подождал немного и неслышно отворил её. Если что, извинюсь и скажу, что я тоже вхож сюда, ключи, дескать, имею. Но вы были в комнате, там и свет зажгли, а в прихожей – темно. Вы так были собой заняты, что на прихожую и внимания не обращали. Мужик рухнул на койку, а ты его раздевать кинулась. Раскидала шмотки по комнате и ну по нему сверху ползать, по голому-то! По мне, почему-то, ты так не ползала, у нас всё по-людски было! Всё бы ничего, но ты стала своего «бывшего» хулить. Ну, думаю, ты Бусю имеешь в виду, а ты и говоришь – доктор наук, мастер спорта, мол! Грустно мне стало, не захотел я эту вашу порнушку дальше досматривать, тихо вышел и закрыл за собой дверь. А сегодня утром в ИМАШе вижу того мужика, он Элику ключи передавал.

- Кто этот здоровый? – спрашиваю Элика.

- Это генерал Ульянов, - отвечает он с гордостью, - внучатый племянник самого Владимира Ильича!

- Поэтому я и говорю тебе, Тамара – большое русское спасибо, что породнила меня с вождем мирового пролетариата!

Тамара, молча, с ненавистью смотрела на меня, сжимая в руке стакан. Казалось, она хочет запустить им в меня. Но я поднялся, и, продолжая говорить: «Спасибо тебе, Тамара, спасибо!», спиной отошёл к выходу, а там уже дал дёру. От неё всего можно ожидать, когда она в ярости!

Новый Год в Марфино

Я снова зашёл в ИМАШ; мне стало ещё грустнее. С кем же мне Новый Год-то встречать? И вдруг кто-то подходит ко мне сзади и закрывает глаза ладонями. Меня взял ужас – так могла поступить только Лора, но её уже полгода как нет. Кто это? Я обернулся и увидел Инну. Но она же со мной разругалась у Тамары в комнате! Нет, ничего, улыбается.

- Ну, как у тебя дела с твоей официанткой? – первым делом спросила Инна.

- Да ничего, - ответил я, не обращая внимания на её интонацию при произнесении слова «официантка». – Кстати, она уже ушла с этой работы в НИИ.

- Старшим научным сотрудником? – с сарказмом спросила Инна.

- Нет, младшим! – без тени юмора ответил я.

- Где Новый Год-то встречаешь, небось, со своей...

- Научной сотрудницей, - подсказал я Инне, - Нет, она – с дочкой и мамой, а я вот свободен!

Инна чуть не подпрыгнула от радости.

- Ой, давай поедем в Марфино, там так хорошо, так весело! – защебетала Инна, - я там как-то встречала Новый Год – это прелесть! А какая там вокруг красота!

Инна рассказала, что в Марфино (это ближнее подмосковье) – пансионат, в который дают путевки на работе у друзей Инны. Там легко можно взять двухместный номер, а Новый Год встретить в столовой, которую на праздники преобразуют в ресторан. Всю организационную часть Инна берёт на себя, за мной только деньги.

Я согласился, и выезд был назначен на дневное время 31 декабря. Оле и Тамаре сообщил, что еду с друзьями по кафедре на подлёдный лов рыбы в профилакторий ЗИЛа. А сам встретился с Инной в назначенном месте (уже позабыл где), мы сели в служебный автобус и поехали.

Шутки, прибаутки, бутылка по рукам – и мы уже в Марфино. Инна взяла наши паспорта, и вскоре мы уже осваивали наш уютный двухместный номер со сдвинутыми друг к другу

кроватями. Я предложил, было, Инне опробовать койки в деле, но она отказалась, заявив, что у меня лишь одно на уме.

Странная женщина эта Инна! Я так и не понял, что у неё самой на уме. Едет с мужиком с ночёвкой на дачу и предлагает ему не приставать к ней. В результате пристаёт сама. Знакомит то с одной, то с другой своей подругой, живущими в одной квартире – дверь в дверь. Ссорится, а потом предлагает вместе встречать Новый Год. Устраивается со мной в одном номере и тут же заявляет, что у меня на уме одно, а у неё – что-то другое. Что же это такое «другое» у неё на уме?

Мы встретили Новый 1981 год в ресторане пансионата, и там познакомилась с компанией из двух женщин и одного парня. Парень был молодой, мрачный и какой-то нерусский. Он сопровождал одну из женщин и был похож на её охранника. Женщина эта была жгучей брюнеткой, лет тридцати пяти с резкими и властными движениями.

Вторая дама, тех же лет, русая с нежными чертами лица, весёлая хохотушка. Брюнетку она называла Луизой, а та её – Машей. У охранника было такое необычное имя, что я его даже не запомнил. Им, наверное, моё имя тоже показалось бы странным, поэтому я представился новой компании как Николай – Ник.

- Трепач! – резко отозвалась на моё новое имя Инна, но я заметил ей, что так меня крестили.

Мы изрядно выпили, причём я как-то органически влился в новую компанию, а к Инне подсел мужик, похожий на армянина, плохо говоривший по-русски.

Выпивка и танцы были в самом разгаре, Луизин охранник, вроде, начал «кадрить» Машу. Луиза отозвала Машу на минутку, и как мне показалось, дала ей за это «втык». Но я ошибся с «точностью до наоборот».

Я сидел и с интересом наблюдал шуры-муры Инны с армянином, как вдруг подошла Луиза и тихо шепнула мне на ухо: «Иди за мной, но чтобы заметно не было!». И, петляя между танцующими, она вышла в коридор. Я же, шагах в десяти, следовал за ней. Луиза дошла до какой-то комнаты, посмотрела на её номер, вставила ключ и открыла дверь. Быстро втолкнула меня внутрь и заперла дверь.

- Не бойся, это номер Маши! Быстро! – приказала она мне, и во мгновение ока разделась.

Я спешил как мог, но от Луизы, конечно же, отстал. Мы нырнули в свежую постель Маши и энергично предались делу. Я хотел поцеловать Луизу, но она отвернулась и прошептала: «Помаду размажешь!» Процесс был бурным и скоротечным, но, судя по всему, Луиза была удовлетворена. Она почему-то поблагодарила меня, что было для меня откровением, и невероятно быстро оделась.

- Ну, поговорим потом, - шепнула мне Луиза, - а теперь запри за мной дверь и минут через пять выйди. Ключи отдашь Маше. Если вдруг будут спрашивать – ты был у себя в номере и переживал за поведение своей сучки-Инны! И Луиза исчезла.

Запирая за ней дверь, я вспомнил исторический анекдот про жену герцога де ля Мера и барона д'Ариньяка.

Герцог, будто бы, расхваливает барону свою жену:

- Как моя герцогиня красиво одевается!

- А как быстро! – добавляет барон.

Точно, эту герцогиню звали Луизой.

Когда я вернулся в ресторан, то никаких изменений там не нашёл. Инна всё мило беседовала со своим кавказцем, попивая вино. Маша танцевала с нерусским охранником, а Луиза сидела одна и деловито закусывала, запивая газировкой. Меня поразило, что с момента нашего с Луизой ухода из ресторана прошло всего минут пятнадцать.

- Ну и стахановцы же мы! – с гордостью рассудил я.

Танец закончился. Охранник подошёл к Луизе, а я – к Маше. Та смотрела мне прямо в глаза, прыская от смеха.

- Ну, как, порезвились в темпе? Койка-то моя – в порядке? А то отвечать ты будешь!

Мы присели с Машей к краю стола, я прихватил бутылку вина, и мы выпили. Я, конечно же, спросил у Маши, кем приходится друг другу Луиза и этот нерусский парень.

- Здесь дело долгое! – отвечала Маша, - короче, Луиза замужем за подпольным миллионером. Он, кобель, сам гуляет, но жену ревнует. Вот и нанял парнишку с Кавказа охранником. Как он с этой работой справляется – сам видишь. Отпустил жену Новый Год справлять с охранником, а сам в загул пошёл.

- Кстати, - вставила Маша, - я сама тоже замужем, но муж у меня моряк, капитан, он больше в плаванье, чем дома.

- А я холост, вернее, разведён! – похвастался я, – вот, приятельница привезла сюда, а сама – видишь, что выделывает!

Маша внимательно посмотрела на меня, и вдруг спросила:

- Ключи от вашего номера у неё или у тебя?

- У меня, а что? – не понял я.

- Иди быстрее, забирай свои шмотки и айда - ко мне в номер!

- Ключи мои у тебя, не перепутай со своими! – хохотнула Маша. – А свои - отдашь Инне. Скажешь, что обиделся на её поведение!

Уговаривать меня было делом излишним. Шмотки – в портфель, дверь – на замок. Портфель оставил у Маши, а сам вызываю Инну на разговор. Она вся пьяненькая, встать не может, язык заплетается.

- Говори при нём, это – мой друг, от него секретов нет!

- Ещё лучше! – деловито констатирую я, - вот ключи, я уйду! Объяснять причину надо?

Инна покачала головой и как-то брезгливо взяла ключи. Я поклонился и ушёл.

Маша ждала меня у выхода из ресторана. Захватив бутылку вина со стола, я вышел, и мы дружно направились в номер, из которого я вышел полчаса назад. Постель оказалась ещё тёплой, что не ускользнуло от внимания Маши. В отличие от Луизы, Маша никуда не спешила; она была очень ласкова и обстоятельна.

- Луиза тебя похвалила и мне посоветовала – призналась Маша, - говорит, если бы ни этот чёрт нерусский, никогда бы его тебе не отдала. А так – пусть хоть подружке перепадёт, чем этой сучке Инне!

Мы с Машей почти не вылезали из номера. Даже еду заносили сюда, а вино брали в буфете. Иногда раздавался условный стук в дверь, и Маша осторожно открывала её. К нам врывается вся затравленная Луиза и мгновенно начинала раздеваться. Маша чаще всего заскакивала в туалет и сидела там, пока мы не выволакивали её обратно. Луиза второпях заметила как-то, что будь койка пошире, можно было бы порезвиться и втроём. После чего пулей выбежала из номера.

- Втроём, втроём, - передразнила её Маша, - даже не спросила, нравится ли мне этот разврат! А как это тебе нравится – вбегает, когда ей приспичит, как к себе, и подавай ей, видите ли, готовенького! Наглость какая!

Я заметил Маше, что подруга из-за этого «Мухтара» в затруднительном положении, а ей ведь тоже хочется! Сама-то она уступила своего мужика, так что не надо жадничать. Мы-то своё всегда возьмём - Луизу жалко!

В пансионате мы пробыли до второго января, после чего нас погрузили в автобус и отвезли в Москву.

Маша жила в Красногорске (это почти Москва), в двухкомнатной квартире с мужем. Расписание прибытий его корабля Маша знала наизусть, да и он всегда звонил из Ленинграда, когда прибывал туда. Детей у них не было, и мы договорились встречаться дома у Маши.

- Конечно, Луиза тоже нет-нет да припрётся ко мне, когда ты будешь у меня, с этим надо смириться! – вздохнула Маша – живёт-то она в моём доме. – Но тебя жалко, ты же не двуличный – всех подряд обслуживать!

Я тоже вздохнул, соглашаясь с Машей, но уверял её, что ради любви к ней я готов обслуживать и ещё пару-другую баб, при условии, что они будут симпатичными. Мы посмеялись над моими словами, как над шуткой. Но очень скоро обстоятельства сложились так, что «сказка

стала явью». Человек предполагает, а Господь располагает – вот Он и подбросил мне для испытания физических и нравственных сил ещё трёх (заметьте – не пару и не две пары, а среднее арифметическое между этими значениями!) дам, оказаться от которых было по разным причинам уже никак нельзя! Вот и получилось у меня – по бабе на каждый день недели! А виагру тогда ещё не продавали, так что приходилось, как в северокорейской «чучхе», опираться только на собственные силы!

Мое новое изобретение – Тамара Грозная

Я говорил уже, что изобретений у меня было около трёх сотен. Время от времени я появлялся в Госкомитете по делам изобретений и открытий, в Контрольном Совете при этом Госкомитете. То заявка оказывалась спорной, то изменения вносить приходилось, то ещё по какой-нибудь причине.

Как-то начальство Госкомитета предложило мне поработать внештатником в Контрольном Совете – и подработать можно неплохо, и опыт по экспертизе изобретений приобрести. Я согласился и вскоре уже раз в неделю ходил на коллегии Контрольного Совета – выслушивать спорные дела и принимать окончательные решения. Доктор наук, а к тому же автор большого числа изобретений – это для экспертизы очень весомо.

Заседания коллегий происходили в здании Патентной библиотеки и начинались часов в пять вечера, чтобы изобретатели смогли прибыть после работы. Иногородних вызывали, и в случае чего, даже оплачивали проезд. Коллегия обычно состояла из трёх членов – одного штатного сотрудника-куратора и двух внештатных специалистов.

Куратор вызывал посетителей и пояснял им правила рассмотрения заявки. Обычно это были: один или несколько авторов, патентовед, и государственный эксперт, выносивший оспариваемое решение. Эксперт докладывал суть заявки и зачитывал решение; авторы и патентовед оспаривали его, а мы выслушивали и мотали на ус. Потом мы удалялись на совещание и решали, что делать – то ли выдавать авторское свидетельство и наказывать эксперта, то ли поддержать его отрицательный вывод.

Потом зачитывали своё окончательное решение и составляли протокол. Это только на словах решение было окончательным, а на деле жалобы продолжались бесконечно. Таких коллегий могло быть за вечер до пяти, времени для этого отводилось до семи вечера, после чего здание библиотеки закрывалось, и мы уходили домой. В дневное же время внештатники приходили в библиотеку – работали с патентной литературой, писали протоколы решений.

Штатным куратором у меня первое время был молодой человек по имени Олег, быстро ставший моим другом. Сидели мы как-то с Олегом и сочиняли решение, а в комнату вдруг входит нечто такое, от чего у меня отвисает челюсть и из рук выпадает лист бумаги. Мне показалось, что комната осветилась золотистым светом, исходящим от этого «нечто». «Нечто» было необыкновенной красоты женщиной лет тридцати с ярко-золотыми волосами, небесного цвета глазами и ярко-розовыми губками. Кто видел этикетку от сыра «Виола», тот может представить себе эскиз или абрис этой женщины. Но действительность была куда эффектней этого абриса: улыбка, выражение глаз, поза, голос – всё это завораживало.

- Кто это? – только и спросил я у Олега.

- Это наша Тамара (опять, опять, опять – Тамара!), переводчица с английского из библиотеки. Фамилия у неё, как у шведского кинорежиссёра – Бергман. Не ты, Нурбей, первый, не ты последний из тех, кто терял сознание от одного взгляда на неё. Забудь и не пытайся! – грустно посоветовал мне Олег.

Милое создание ворковало с сотрудницами отдела, периодически бросая взгляды на нового человека, то есть на меня. Поворковав, Тамара-переводчица вышла, а я стал выталкивать Олега из комнаты:

- Пойдём, познакомишь меня с ней!

Олег вышел один и минут через десять вернулся, загадочно улыбаясь. Он вывел меня в коридор и рассказал о разговоре с Тамарой.

- Тома, ты понравилась нашему профессору! – затравливаю я её.
- Этот молодой и здоровый хмырь – профессор? – удивилась Тамара. Женат, наверное?
- Не угадала – недавно развёлся, квартира в центре! – продолжаю заводить я её.
- Врёшь, такого не бывает! – раззадорилась красавица.
- Бывает, Томочка, только долго такое состояние не длится! Спешу, и он попадёт именно в твои сети! – дразню я её.

- Замётано – знакомь! – решила Тамара, - зови его сюда.
- Да придёт ли, не знаю, - начинаю сомневаться я, - скромно уж очень!

Тамара аж вскочила от нетерпения.

- Тогда выведи его в коридор и стой с ним, а я пройду мимо и поздороваюсь, так и познакомимся. Он по-английски понимает?

- Я сказал, что понимаешь, так что готовься! – и Олег выволок меня в коридор.

Минут через пять, появляется наша красавица, глазами так и сверкает. Заметив нас, останавливается, и с американским выговором (никогда не был в Америке, как, впрочем, и в Оксфорде, но думаю, что именно из Америки такой выговор!) здороваются:

- Хэлоу, Олег! Хау ду ю ду, профессор?

Олег, улыбаясь, кивнул, я же решил поздороваться по всей форме:

- Хау ду ю ду? Вэри глэд ту миит ю! Май нэйм из Ник!

- Ой, мне надо решение писать! – забеспокоился Олег и убежал в комнату.

Мы отошли в конец коридора и начали общаться. Помню только, что разговаривая, мы, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. Она не отводила взгляда, да и я не решался этого сделать. Мы не заметили, как к нам подошёл Олег и спросил:

- Вы домой пойдёте, а то уже пять?

Мы, оказывается, простояли так свыше двух часов! О чём говорили – не помню, я был как под гипнозом. Тамара была классным специалистом по очаровыванию, а я и не хотел ей противостоять. Мы прошли пешком от Патентной библиотеки до Киевского вокзала по Бережковской набережной. Было тихо, падал редкий снег; я не верил, что рядом со мной находится такое совершенство, и что оно, в принципе, может быть моим. Мне показалось, что я всю жизнь смотрел не туда, встречался не с теми, любил не тех! Вот – женщина моей мечты, чудо со снежинками на золотых волосах, на золотых и не накрашенных ресницах...

На Киевском Тамара простилась со мной, сказала, что живёт в Кунцево, и что у неё сегодня ещё много дел дома. Она дала мне свой домашний телефон, а я ей – служебный. Живу, дескать, пока в одной квартире с разведённой женой, мало ли что она может ответить по телефону. По глазам вижу, что Тамара сомневается. Тогда я подвёл её к фонарному столбу, вынул паспорт, и, извинившись, попросил прочесть запись. Она внимательно прочла, но только спросила:

- Почему же вы сказали, что зовут вас Ник? А можно я буду называть вас «Нур»?

- «Нур» - это ново, - подумал я, и согласился, хотя и заметил, что крещён Николаем, а стало быть, я – Ник, особенно по-английски.

Домой я шёл уже «по уши» влюблённым в Тамару. Господи, опять и опять влюблён в Тамару. Это рок, это какое-то наваждение! Такого не бывает – это фетишизм чистой воды! В человека, наконец, влюбляюсь, или в имя?

Сегодня пятница – у меня день Контрольного Совета, просто я не остался на коллегую. Стало быть, никуда я уже не успеваю, и этот день, вернее ночь - для Ольги. Я иду домой и сплю с Олей. Она знает, что пятница – её день и ждёт его. В субботу днём я обычно приезжаю к Маше, та сообщает об этом Луизе. У Маши я нахожусь две ночи, а в понедельник рано утром уезжаю. Конечно же, всё это до приезда её мужа из плавания (не приехал бы он только неожиданно, тем более - ночью!).

В среду вечером я иду к Тамаре-маленькой и остаюсь на ночь – это у нас обговорено, и если нет никаких препятствий, то остаюсь и на следующую ночь. В моём распоряжении остаются две ночи – с понедельника на вторник и следующая. Это на все непредвиденные случаи –

встречи на «конспиративной» квартире у Элика, поход к Моне или другим друзьям с ночёвкой и тому подобное. А бывает, что эти ночи я «отдыхаю» дома с Олей.

В понедельник я снова в Контрольном Совете, конечно же, для того, чтобы видеть Тамару. Олег счастлив – я успеваю «расчистить» завалы решений, накопившихся почти за месяц. Не оформить решение вовремя – значит потерять месячную премию. Как мы только ни хитрили, чтобы успеть вовремя!

Помню такой случай – завалялось одно дело и обнаруживается оно только в последний день. Сегодня решение должно быть отправлено, иначе – прощай премия. Что делать? Нужна какая-нибудь отписка. А заявка на изобретение называется «Рюкзак». Что это такое? «Рюк» – это по-немецки «зад», а «зак» – мешок.

Роюсь в энциклопедическом словаре, торговой энциклопедии – нет такого слова. Может быть, есть «мешок»? Нет, и «мешка» тоже нет! А стало быть, нет и предмета, о котором можно вести речь. Такое предусмотрено в «Положении об экспертизе». Нет слова в словаре, значит автоматический отзыв заявки – не определён объект изобретения! Мы быстро строчим решение и регистрируем сегодняшним днём. Премия выиграна!

Автор, конечно, возмущён, – вы ребята, небось, с ума посходили, что такое «рюкзак» не знаете? Мы отвечаем, что знать-то знаем, а вот в энциклопедическом словаре такого слова нет. Давайте ссылку, где мы можем прочесть, что такое рюкзак. Переписка идёт, на письмо – по месяцу, а премия капает! Но эти бюрократические тонкости к моей новой любви никакого отношения не имеют.

Наконец, вызываю Тамару в коридор. Уходим в тупичок у окна и общаемся. Оказывается, и отчество у неё подстать фамилии – «Витольдовна», налицо скандинавские корни. Вот откуда картинка с сыра «Виола»! Далее, Тамара разведена, у неё дочка – школьница-первоклашка, и она не хотела бы, чтобы дочка видела в гостях чужого дядю, поэтому и не пригласила меня в пятницу. Но в понедельник её из школы забирает бабушка и ведёт к себе на ночь. Так что сегодня, если я свободен, то могу зайти к ней в гости...

Счастье само лезет в руки, ведь в понедельник я – «ничей»! Едем вместе домой к Тамаре, около дома у неё какой-то «спецмагазин», где всё есть. Загружаемся и поднимаемся в лифте на восьмой этаж. Квартира двухкомнатная, отлично ухоженная – Тамара хорошая хозяйка! Пока я смотрю телевизор, Тамара мгновенно готовит красивую закуску. Открываю шампанское, и – тост за любовь! Выбираем за любовь до брака, до нашего, разумеется! Всё очень культурно, чинно и благородно!

Пьём на брудершафт (ведь мы до сих пор на «вы») и целуемся. Тамара Мопассана читала и всё хорошо помнит, так что наивного восторга не было. В беседе с хозяйкой я жалуясь на нехватку времени для работы. Перечисляю Тамаре, сколько книг опубликовал за последнее время, сколько изобретений сделал.

- Да, - удивляется она, - и где только ты время на всё это берёшь? А ведь ещё занятия!

- Сижу допоздна, - вру я, - до двух-трёх ночи, а в выходные - весь день. Втянулся в работу – и вроде бросать нельзя! – не краснея, жалуясь я. Скоро должна выйти книга «Инерция», я тебе её подарю!

- А много ли за книги платят? – невинно интересуется Тамара.

- За лист – около ста – ста пятидесяти рублей, - рассказываю, а когда вижу изумленное лицо Тамары, поясняю - за печатный лист, а это около 16 страниц в книге. Вот новая книга будет около десяти листов, значит гонорар – тысяча пятьсот рублей.

- Всё равно хорошо, это мой годовой заработок! – подсчитывает Тамара.

Мне хочется выпить ещё, но Тамара убирает бутылку.

- Я так не хочу видеть тебя пьяным, весь шарм пропадает, - раскрывает своё кредо Тамара.
– Ты можешь сегодня не пойти домой? – загадочно спрашивает она.

- Могу, я же свободный человек! – гордо объявляю я.

- Тогда, если хочешь, можешь остаться у меня! – шепчет моя красавица.

- Хочу! – не веря в самую возможность этого, тихо отвечаю я.

- Тогда раздевайся и ложись! – включая ночник и выключая верхний свет, шёпотом советует Тамара, - а я зайду кое-куда!

Она заходит в ванную, а я тем временем быстро, пожалуй, даже быстрее Луизы, раздеваюсь, и – под одеяло. Жду, сердце вылетает из груди. Наконец в сумерках появляется белое стройное тело, оно быстро движется к постели, и шмыг ко мне!

- Вот это женщина, - успеваю подумать я перед тем, как логическое мышление покинет мою голову, - всё нужное успела сделать, не то, что мои бестолковые «дюймовочки»!

Тамара Витольдовна – фемина на все сто процентов – и красива, и умна, и сексуальна, и хозяйка хорошая, наверное, и мать замечательная. Одно только плохо – не переносит пьяных мужиков! Ну что ты будешь с ней делать, разве только обманывать, но это же грешно!

Предельное уплотнение графика

Я стал бывать у Витольдовны с понедельника на вторник, и это органически вписалось в мой график, тем более, после весёлой парочки «Луиза-Маша» хочется чего-то культурного и возвышенного, в нравственном, конечно, смысле этого слова.

Вскоре мой график сделался ещё напряжённее. А произошло это так. Как-то во вторник после работы в ИМАШе состоялась пьянка. День рождения чей-то, или что-то ещё. Позвали меня, тем более вторник как раз для таких случаев и предназначался. Подошла Инна, которая опять простила мне всё. Оказывается, у неё произошёл конфликт с её армянином, которого Инна оставила у себя в номере, но потребовала не приставать к ней. Армянин не вынес такого садо-мазохизма и устроил скандал. А мы с Луизой и Машей были так заняты, что, в отличие от всего пансионата, даже не слышали об этом.

Когда выпили прилично, Инна решила познакомить меня с ещё одной её подругой, на сей раз из ИМАШа.

- Она умница, кандидат наук, старший научный сотрудник, может, ты слышал – её фамилия Ульянова, Лика Ульянова...

- Ульянова, - переспросил я, холодея, - жена генерала Ульянова?

- Ты что, знаешь её мужа? – поинтересовалась Инна.

- Знаешь, мы с ним – дальние родственники; но Лика пока не знает об этом. Инна, я очень хотел бы познакомиться с Ликой!

Инна сбегала и привела бледную худенькую женщину лет тридцати пяти. Она чем-то напоминала монашенку – строгое выражение на красивом, как из мрамора изваянном белом лице, чёрное платье с белым воротничком, гладко причёсанные русые волосы.

Взгляд её почти постоянно был устремлён «долу»:

- Ну и жена у этого кобеля-генерала, - подумал я, - монашенка нетронутая! Может генерал, как тот Коридзе, «в нэволе нэ размножается!».

- Я хочу выпить за нашу Ликку Мизинову! – провозгласил я тост, поскольку меня выбрали, как обычно, тамадой.

- Я – Ульянова! – серьёзно поправила меня Лика, видимо, не очень знакомая с Чеховым.

- Ещё лучше, - вдохновился я, - за Ликку – родственницу вождя! Она столь же красива, как и умна, она – мечта Данте, Петрарки, а если говорить о присутствующих – то и моя!

За столом засмеялись и поддержали тост. Лика посмотрела на меня долгим взглядом и, привстав, чокнулась со мной. Вечер продолжался, я отпустил множество комплиментов по адресу Лики, обменялся с ней служебными телефонами.

А днём, после лекции, секретарь кафедры – красивая Ира (которая работала в деканате, когда я поступал на работу), сообщает мне, чтобы я позвонил в ИМАШ по такому-то телефону.

- Кому? – спросил я Иру

- Женский голос сказал, что вы сами знаете! – невозмутимо ответила Ира.

Звоню, хочу спросить, кто интересовался мной, но только я произнёс «алло», тихий женский голос сказал мне:

- Нурбей Владимирович, вы же обещали позвонить мне утром!

Вспомнил – это Лика Мизинова, вернее – Ульянова!

- Лика, я только что с лекций! Просто не мог раньше!

- Мне так и сказали, что вы на лекции. Вы можете подойти к памятнику Лермонтову, что около ИМАШа? – тихо, но настойчиво спросила Лика.

- Буду через час! Не поздно? – спросил я.

- Как раз! – последовал ответ.

Разные мысли лезли мне в голову, когда я стоял в скверике у памятника Лермонтову. Лика что-то хочет узнать у меня про своего мужа – была первая мысль. Я нужен ей по какому-то делу, вроде вентиляции в коттедже – это вторая мысль. А третья... но я не успел её сформулировать, так как неожиданно меня взяла под руку Лика и тихо сказала:

- Пойдёмте быстрее, здесь могут быть знакомые.

Мы завернули к сталинской высотке – тогда Министерству транспортного строительства, и пошли вправо мимо книжного и ювелирного магазинов. Там Лика завела меня в подъезд, и мы сели в лифт.

- Куда мы едем? – только и спросил я.

- Сейчас узнаете! – твёрдо ответила Лика, глядя мне прямо в глаза. – Вы помните, что сказали мне вчера вечером? Что вы любите меня с первого взгляда! Это – шутка? Не шутите с женщинами – эти шутки глупы и неприличны, как говорил Козьма Прутков. За эти шутки надо отвечать!

Мы вышли из лифта и Лика, достав ключ, открыла одну из квартир. Мы вошли внутрь, и я огляделся.

- Это квартира генерала Ульянова? – только и спросил я.

- Нет, это квартира моей подруги Люды, которая сейчас на работе! – засмеялась Лика и достала из холодильника початую бутылку белого вина.

И тут до меня стало доходить понемногу, что эта «монашка» - таковая только с виду, наверно, я её вчера раззадорил, и она загорелась идеей. Что ж, осрамиться нельзя – ведь она жена мастера спорта, здорового человека!

Мы едва успели выпить по бокалу вина, и я даже не вспомнил о старике Ги де Мопассане, как Лика, без всякого брудершафта, даже не переходя на «ты», обняла меня за шею и стала осыпать поцелуями. Ей так не терпелось, что она стала раздеваться, не прекращая целовать меня. Я не поспевал за ней. Раздевшись, Лика кинулась на застеленную постель и легла на спину, держа правую руку на сердце.

- Послушайте, как бьётся моё сердце, - задыхаясь, попросила она. Я приложил ухо к её груди и ощутил сильные, гулкие и необыкновенно частые удары, на опытный слух, не менее 120-130 в минуту.

- Это от страсти, я так хочу вас! – прошептала мне на ухо Лика, и мы прекратили мыслить и поступать логически, остался один инстинкт – верный, чёткий и безошибочный! В квартире мы были одни, а стенки в сталинских домах толсты, и я не стал даже прикрывать Лике рта. Мне были так удивительны эти крики и стоны от худенькой, казалось бы, слабой и хрупкой женщины, кандидата наук!

- Что ей мужа не хватает, что ли? – сверлила меня мысль, и я не знал, как удовлетворить своё любопытство.

Отдышавшись, я измерил частоту ударов сердца Лики. Лёжа – 100 в минуту, это очень много, но для нашей ситуации допустимо. Я попросил её присесть, измерил частоту ударов, потом встать, и сделал то же самое. Частота ударов почти не изменилась – ортостатический тест был ненормален. Я стал, было, подозревать патологию, но патологией этой была только страсть!

- Лика, твой муж, говорят, мастер спорта... начал я, но смех Лики прервал мой вопрос.

- Я смеюсь, потому, что ты перешёл со мной на «ты» без разрешения, - пошутила она. – Я знаю, что ты хочешь сказать – муж - здоровяк, а у жены хватает ещё сил искать связей на

стороне. Так? Мы с тобой теперь близкие люди, и я отвечу тебе. Ты знаешь, что такое в спорте «химик»?

- Тот, кто принимает стимулирующие средства, в первую очередь анаболические стероиды. Раньше был нирабол, а сейчас - это ретаболил, метандростенолон...

- Да, да – или просто «метан». Ты знаешь, сколько пустых упаковок из-под этого «метана» я находила каждый день дома? А как я сама делала ему уколы ретаболила? Это же масляный раствор, через тонкую иглу он не проходит, а толстых игл генерал, тогда ещё полковник, боялся. Так я грела этот ретаболил, и только тогда он медленно проходил через тонкую иглу в ягодицу моего Владислава – однофамильца вождя! Вот он и стал мастером спорта, чемпионом Москвы! Что скрывать, спорт помог ему повышаться по службе. Но его гипоталамус – есть такой центр в основании желудочка мозга – после длительного приёма допингов отказался выполнять свои функции. Он перестал подавать команды эндокринной системе в частности, на выработку тестостерона и других гормонов, необходимых мужику. Тебе понятно, что я говорю, ведь ты сам спортсмен? А знал бы ты, что было в первые два-три месяца, когда он только начал принимать анаболические стероиды! Он был неутомим в постели, число актов доходило до пяти-шести за ночь. И главное – желание или либидо, было у него постоянно. Это были фантастические месяцы в моей жизни! Я так привыкла к такому режиму, что потом, когда либидо упало почти до нуля, да и возможности тоже, я чуть с ума не сошла. Ты представляешь, ценой огромных усилий и выдумки, - Лика хитро улыбнулась, - я вызывала у него эрекцию, но она длилась какую-то минуту, не более. Ни он, а тем более, ни я, ничего не успевали за этот миг. И я стала изменять ему, иначе бы я просто свихнулась! Пока он был сильным мужиком, я не обращала внимания на его интеллект. А теперь, когда мой муж превратился просто в какой-то бесполезный шкаф, весь его интеллект, вернее его отсутствие, вылезло наружу. Я стала его просто ненавидеть, мне противно стало спать с этим сильным животным в одной постели. Вот мы и дошли до жизни такой. Он, конечно, знает, что я ему изменяю, обещал пристрелить, если поймает! Вот я и конспирируюсь, как могу.

- Лика, а сейчас у тебя есть кто-нибудь кроме меня? – почему-то задал я неджентльменский вопрос.

- А у тебя? – по-еврейски, вопросом на вопрос, ответила Лика, - вчера ты меня просто ошеломил своим интеллектом и юмором. Ты помнишь, что в любви мне признавался? И, вот, можно сказать, я за ночь тебя полюбила. Ну, а днём эта любовь только усилилась! – с улыбкой добавила Лика.

- Какое счастье, что я в своём дремучем Тбилиси так и не смог достать этих анаболических стероидов! – подумал я, - ведь я бы их стал принимать без раздумий, лишь бы побить мировой рекорд в жиме! Выходит, с Тамарой у Ульянова была одна видимость! Видать сильно понадобилась ему вентиляция в коттедже, если пошёл на такой риск – потерять репутацию!

- Сам-то ты как обошёлся без этой гадости? – поинтересовалась Лика, - ведь вы – силовики - поголовно сидите на допингах?

- В то доисторическое время, Лика, приходилось обходиться своим собственным тестостероном! – посетовал я. – Вот и результаты тогда были хилыми...

- Зато сейчас «нехилые»! – похвалила Лика и повалила меня на постель, совсем как Тамара её мужа Ульянова. Естественный тестостерон тут же дал знать о себе, даже в «перевернутом» состоянии...

Вот так график мой ещё более уплотнился. После Тамары Витольдовны – в ночь с понедельника на вторник - ночной отдых со вторника на среду (если Оля позволяла мне это!), а в среду после лекций мы с Ликой посещали квартиру подруги Люды. Вечером же в среду я бежал к Тамаре-маленькой.

Она стала с удивлением замечать, что я в нашу первую ночь, а именно в среду, слабее, чем в последующую, то есть в четверг. Я объяснял это тем, что почти за целую неделю бездеятельности, половая функция расстраивается – её ведь тренировать надо!

- Так тренируй её! – наивно посоветовала мне Тамара-маленькая, я разрешаю!

- С кем? – осторожно переспросил я её.

- Как с кем – с Олей! Ты же с ней живёшь в одной квартире, удивилась Тамара.
- Ах, с Олей, - вспомнил я, - да разве с бывшей женой потренируешься! – посетовал я и решил больше не развивать эту тему.

И, наконец, мой график в один прекрасный день уплотнился до предела. Предела как физического, вернее физиологического, так и временного – когда число еженедельно «обслуживаемых» дам, достигло числа дней в неделю. А случилось это вот как.

Во вторник утром, часов в десять, я после ночи с Тамарой Витольдовной обычно посещал ИМАШ. Мы с Моней коротко консультировались друг с другом по научным вопросам и хозяйственной теме с предприятием Элика. Затем уже я шёл либо к себе в Завод-втуз, который потом переименовали в МАСИ – Московский автомобилестроительный институт, либо в другие места. Вечер у меня был свободен, и я распоряжался им как хотел.

И вот подхожу я к готическому сводчатому входу в ИМАШ и вижу стоящую там Тамару Ивановну. Вид у неё был настолько решительный, что я уже задумал ретироваться. Кто её знает, как она может мне отомстить за разоблачение её интимных связей с родом Ульяновых!

Но Тамара Ивановна быстро подбежала ко мне и...с ходу рухнула на колени. Вот так на коленях, обхватив руками мои ноги так, что я не мог и сдвинуться, она смотрит на меня снизу вверх и скороговоркой повторяет: «Не бросай меня, обещаю, что не бросишь!».

Учёный люд, идущий на работу в ИМАШ, сперва шарахался от такой душещипательной сцены, но потом замирал в отдалении и наблюдал, чем же всё это кончится. А среди этого «люда» проглядывались и мои знакомые - известные русские и нерусские учёные.

Я быстро обещаю не бросать мою Тамару Ивановну, поднимаю её с колен и завожу в ИМАШ. Уже там, на пятом этаже (где лаборатория Бессонова), в полутёмном коридоре она попросила прощение за историю с «этим импотентом Ульяновым».

- Сорвалась, с кем не бывает! Очень уж он мне приглянулся своими мышцами. А внутри оказался гнилым – не мужиком вовсе.

- Ты не хочешь обсудить этот вопрос с его женой Ликой, она здесь, даже на этом этаже работает? – поинтересовался я.

- В любой момент! – глядя прямо мне в глаза, ответила Тамара.

Она также рассказала о новостях в её жизни. Старый хрен Вагин был изгнан из её жизни. Тамара получила прекрасную однокомнатную квартиру в новом доме у станции метро «Южная». И сказала, что любит она только меня, и верна только мне (кто бы сомневался!). Приглашала зайти в гости, причём именно сегодня – так как есть неотложное дело, и помочь могу только я. Уточнил у Тамары, опасное ли это дело и как мне планировать ночь - что сообщить Оле – приду я домой или нет.

- Сообщи, что не придёшь, а не получится, узнаешь, по крайней мере, с кем она трахается, пока нет тебя дома! – посоветовала опытная Тамара.

Пора сюрпризов

Тамара наскоро рассказала мне, что уже на новой квартире она завела любовника по имени Дима, лет на десять моложе её. А потом опять:

- Прости, прости, прости меня – сорвалась! Привязался он ко мне, как к матери. После работы приходит прямо ко мне домой, обедает, ужинает, спит у меня. Денег при этом не даёт. Сказал, что женат, детей нет; жена в длительной заграничной командировке, но вчера должна была приехать. А вечером этот Дима звонит и говорит, что всё рассказал жене и заявляет, что завтра хочет переселиться жить ко мне, даже чемодан упаковал.

- Мне он на фиг не нужен, да ещё чтобы жил у меня, как нахлебник, – возмущалась Тамара. А ещё - после него позвонила женщина, представилась женой Димы, и заявила, что придёт ко мне завтра вечером к восьми часам, вместе с Димой. Она, видите ли, хочет обсудить и выяснить, чем такая «старуха» приворожила её мужа, и что она, как жена будет бороться за него. Мне слова не дала вымолвить! Ты мне должен помочь, мы не один год знакомы, должны выручать друг друга. Мы откроем им дверь, я сделаю вид, что Дима мне незнаком, что всё это

какая-то авантюра. Тебя я представлю как мужа, ты возмутишься и прогонишь их. Вот и все дела! Ты же артист, тем более перевоплощаться в моего мужа тебе не так уж сложно!

Дом был рядом со станцией метро «Южная», седьмой этаж, квартира хоть и однокомнатная, но с большой кухней. В комнате – широченная кровать, отделённая ширмой; здесь же небольшой низкий стол с двумя креслами по обе его стороны. На столе – бутылка «Мадеры».

Я попробовал кровать – улёгся на неё и попрыгал. Удобная, импортная, матрас – ортопедический. Встал, откупорил бутылку, отпил немного, налил Тамаре. Узнал, что для гостей припасено ещё две такие же бутылки.

- Что-то я давно не перевоплощался в твоего мужа, – задумчиво сказал я, – боюсь, что позабыл, не получится!

Тамара намёк поняла, взглянула на часы – ещё и шести нет. Времени для перевоплощения – навалом! Ну, перевоплотились мы в супругов, так чтобы ещё на ночь немного доперевоплотиться осталось. Я опробовал ортопедический матрас. Ничего не скажешь – удобно!

Встали; я надел Тамарин махровый халат, она же лёгкий шёлковый халатик. На улице – конец марта, весенняя грязь, а в квартире – тепло и уютно. Не успели мы допить первую бутылку, как в дверь – звонок.

- Открой ты, открой ты! – в ужасе заметалась Тамара.

Я грозно спросил: «Кто там?» и заглянул в глазок. Там виднелись искажённые фигурки высокого мужчины и маленькой полной женщины. Приоткрыв дверь, я спросил, кого им нужно, всё-таки?

- Тамару Ивановну! – как-то стервозно проговорила женщина, и я впустил их. Гости выстроились вдоль стены, мужик поставил на пол чемодан. Тамара из-за моего плеча удивлённо осматривала «пришельцев».

- Разговорчик к вам будет! – так же стервозно продолжала толстая баба.

- Томуля – тапочки гостям! – приказал я, и Тамара послушно принесла их. Гости, раздевшись, переобулись, и я пригласил их на кухню. Мы сели за кухонный стол, и гость поставил на стол бутылку водки.

- Томуля, у нас в холодильнике «Мадера», достань, пожалуйста, да и рюмки с бокалами. Закуски какой-нибудь, да поскорее! – всё приказывал я, а Тамара, как покорная жена горца, серой мышью бегала по квартире.

- Итак, чем обязаны? – спрашиваю я гостей.

Дима, высокий моложавый мужчина, похожий на студента, очумело смотрит на меня; его жена – полная женщина, явно старше его, похожа на сову. Я так и прозвал её про себя – Совушка.

- Нам бы с Тамарой Ивановной, – проканючила Совушка, но я сурово прервал её.

- Тамара – моя жена, а в доме хозяин – я. Все вопросы – через меня! – продекларировал я.

- Мне, конечно, неудобно, но мой муж Дима, – она указала на очумевшего студента, – любовник вашей супруги...

Тут уж пришла очередь очумевать мне. Я встал, и, выпучив глаза, грозно вскричал, обращаясь к Тамаре:

- Это правда?!

Тамара же, привычным движением падает на колени и обхватывает мои ноги, точь-в-точь, как сегодня утром перед входом в ИМАШ. Лицо вверх, глаза молящие:

- Не бей меня, прошу не бей, я не знаю этих людей, не бей меня, господин! – «в страхе» лепечет Тамара.

И тут вдруг случилось непредвиденное. Совушка тоже бросается на колени, подползает ко мне, и, протягивая вверх полные руки, бубнит:

- Не бейте её, простите, не бейте женщину, пожалуйста!

Дима застыл за столом, как соляной столб. А я, рванул на себе халат, обнажив мышцатую и волосатую грудь, завопил благим матом:

- Всех порешу! И тебя, сучку, и хахалю твоего, и эту провокаторшу! Всем кровь пуццу! – и я ловко схватил со стола большой кухонный нож, которым Тамара резала колбасу.

Дима, как сидел молча, так молча и рухнул на колени передо мной, рядом с женой и любовницей. Этого я не ожидал. Надо было что-то делать. Я скинул с себя халат и зашвырнул его в угол. Играя мышцами, я поворачиваю нож остриём к себе.

- Или себя порешу, раз вы все такие культурные! – заорал я, неумело пытаюсь ткнуть себя ножом в живот, но подскочившие Тамара и Совушка не дают мне этого сделать. Они хватают меня за руку и пытаются вырвать нож. Побледневший Дима молча стоит на коленях, не в силах ничего предпринять.

Смех душит меня, и я могу испортить весь эффект. И тут я бросаю нож на пол и, закрыв лицо руками, захожусь в рыданиях, то бишь, в диком хохоте. Бегу в комнату и кидаюсь лицом вниз на постель. Тамара мигом откупоривает бутылку мадеры и «мухой» несёт её мне. А гостям приказывает:

- Садитесь за стол! – и те срочно подчиняются.

Я отпиваю вино из горла и вопросительно смотрю на Тамару. Та шепчет мне на ухо:

- Ты велик! Ты - Качалов, да нет – Мочалов, да нет – сам Щепкин Михал Семёныч! Но – заканчивай перевоплощение, а то дойдёшь до Отелло!

Я отпиваю ещё и кричу: – Халат мне!

Выхожу к гостям на кухню с початой бутылкой в руке и спрашиваю Тамару, указывая на Диму:

- Ты знаешь его?

- Нет, господин, в первый раз вижу!

- А ты - её? – спрашиваю я, на сей раз Диму.

- Да нет, откуда, впервые сейчас вижу! Жена до подлости довела – подавай ей любовницу - или развод! Не верит, что я один жил, её только и ждал! А телефон и адрес Тамары Ивановны у меня были в книжке записаны, она наш консультант по вентиляции в институте. Думаю – она женщина с юмором, простит, а тут на мужа напоролись! Простите великодушно, что так поступили с вами!

И супруги опять рухнули на колени.

- Хорошо, на сегодня прощаю! – свеликодушничал я. – Но вы играли в опасную игру! Вам повезло – напоролись на интеллигентного человека. Не рискуйте так больше! А теперь давайте выпьем мировую! – и я налил по полному стакану водки Совушке и Диме. Нам с Тамарой – по такому же, но мадеры.

- За любовь! – проревел я, - и пусть на дне этих стаканов останется столько капель, сколько мы желаем друг другу зла!

Дима проглотил водку, и Совушка, давясь, выпила всё. Для нас же с Тамарой, стакан мадеры – дело привычное. Я разлил остаток водки супругам и заставил их выпить. Дальше мы стали пить мадеру. Скоро мы все перецеловались и даже запели что-то.

- А может быть нам устроить «айнэ кляйнэ групповухэн» - пытался предложить я, но Тамара вовремя закрыла мне рот ладонью.

И вдруг Совушка стремглав сорвалась с места и бросилась в туалет. Но не успела – похвалилась в углу выпивкой и закуской. За ней кинулся Дима, подхватил её за спину одной рукой, чемодан в другую, и супруги исчезли за дверью. Я в глазок наблюдал, как Совушка уже на площадке продолжала свою похвальбу едой и питьём.

Но эту «похвальбу» Тамара прибрала только утром. Мы слишком выложились на перевоплощении, организм требовал разрядки и отдыха. Цель была достигнута – Дима с супружницей исчезли, и больше о себе не напоминали.

Решил я для присмотра за Тамарой, чтобы она больше богатых дедов и бедных студентов не кадрала, ходить к ней по вторникам. Вместо Оли, для которой у меня теперь оставалась только пятница.

Получил я встряску от Тамары Ивановны, подошёл черед Лики. Первые две встречи с ней прошли на высоте, мы почти влюбились друг в друга. Учёный человек – и в койке грамотен. Лика научила меня многому, чего я в свои сорок с лишним лет просто не знал. Порнофильмы тогда только стали появляться, да и то какие-то осторожные, а у меня даже «видака» своего не было. Что-то удавалось посмотреть у Маши в Красногорске, но, в общем, я был, конечно, профаном в «вычурном» сексе.

Лежим мы как-то с Ликой нормально, голова к голове. А она вдруг начинает поворачиваться ко мне «вальтом», ногами к голове, то есть. Я – поворачиваюсь за ней, ну думаю, подушка ей высока, или, что другое мешает. Но она смеётся – замри, лежи так! Только после я понял, что она хочет вытворить – моя учёная выдумщица! «Такой способ, - говорит, - «шестьдесят девять» называется, только произносится по-французски».

Ну, и разные другие штучки, от которых дети уж никак родиться не смогут, тоже показала.

- Эх, - думаю, - если бы в Азии и Африке народ был бы научен всему этому, то никаких противозачаточных средств не надо и демографические проблемы сами собой бы решились.

Я полагаю, что спад рождаемости у нас в конце 80-х и начале – 90-х годов был связан именно с распространением порнофильмов и обучением простого народа нетрадиционному сексу. Вот в Китае и Индии надо бы такие учения проводить, мигом бы рождаемость пошла на убыль!

Но я, кажется, заболтался. Так вот на третью встречу Лика прибегает запыхавшись, проскакивая мимо меня, и, не поворачивая головы, бросает на ходу: «Иди за мной». В лифт сели порознь, а к квартире Люды я подошёл один. Дверь открылась и Лика втащила меня в квартиру.

- Меня один тип преследует, - пожаловалась она, - проходу не даёт.

- Может набить ему морду? – простодушно предложил я, но Лика прервала меня.

- Фу, как грубо, точно как мой Владик! – фыркнула она. – Да что с вами – «силовиками» тонкие проблемы обсуждать. Вы все только одно и знаете: «морду, морду!».

Лика засмеялась, и, поцеловав меня, пригласила в постель. Меня всё время мучил вопрос – что, подруга Люда спала на том же белье, что и мы? Или Люда сама меняла это белье? Потому, что Лика никогда не перестилала постель. А потом меня взяло сомнение – а есть ли вообще «подруга Люда», или, что вероятнее, Лика снимает эту недешёвую квартиру. Но неужели только для встреч со мной? Но сегодня этот вопрос, вернее, его вторая часть, разрешилась сама собой. Потому, что не успели мы ещё разыграться, как следует, в дверь настойчиво позвонили.

Лика приподнялась и взволнованно прислушалась. Звонки настойчиво повторялись, причём по какому-то коду, вроде азбуки Морзе. Она встала и накинула халатик. Лика открыла дверь и тут же захлопнула её. Вошла с кем-то на кухню, послышался взволнованный быстрый разговор.

- Люда пришла домой за чем-то, - мелькнула у меня мысль, но «Люда» почему-то разговаривала совсем не женским баском.

Наконец ко мне заходит моя развратившаяся «монашенка» и, целуя меня, предлагает принять к нам в «компанию» третьего.

- Это очень хороший, чистый мальчик! Ты его наверняка видел в ИМАШе. Я ему не могу, не имею права отказать! Потом всё расскажу!

Я вспомнил «оргии» с Эликом и его дилетантками. Это же мука одна! Нам приходилось всё делать по очереди. Сперва, конечно, Элик - как хозяин, потом уже я - как «кооптированный». А сейчас, когда хозяйка - Лика, как будет строиться очередь?

Но очереди не потребовалось. В комнату вошёл, застенчиво улыбаясь, уже полностью раздетый знакомый аспирант Витя из соседней лаборатории.

- Здравствуйте, профессор! – зардевшись, проговорил он, и мы пожали друг другу руки. А мастерица – Лика уже расставляла нас на кровати друг перед другом, как шахматные фигурки, правда на коленях, а затем и сама «втиснулась» между нами. Мне понравилась моя позиция по отношению к Лике – она была уважительной для меня. Я понял это и улыбнулся Лике. Она понимающе подмигнула мне, и действие началось.

Потом, уже насмотревшись нескромных фильмов, я понял, что всё у нас было как по писаному; видимо, Лика имела доступ к генеральской фильмотеке и хорошо изучила её.

Но окончание акции было не так уж обычно. Я, пардон, успел завершить свои дела пораньше и «выпал» из творческого коллектива. Лика мигом развернулась на спину, обхватила Витю ногами за талию и притянула к себе. Руки она положила себе за голову, а подбородок задрала вверх, закатила глаза, и немного постанывая, задавала темп.

Эту фантастическую картину я не забываю до сих пор. Она мне здорово помогает, когда в общении с дамами вдруг сил начинает нехватать. Витя своей короткой белокурой бородкой водил по шее Лики, по её маленьким и упругим грудям с розовыми сосками. Он целовал её в раскрытый ротик, в глаза, в шейку, покусывал за задранный вверх нежный подбородок. А функциональные части тела продолжали свою ритмичную работу, как бы не обращая внимания на эти «телячьи нежности».

Вдруг Лика резко приподняла голову, глаза её широко раскрылись, взгляд был сосредоточен и направлен куда-то в пространство. Обхватив Виктора руками за спину и, царапая до крови острыми красными коготками, она стала притягивать его к себе. Судорожные стоны, совсем не коррелирующие с ангельской внешностью Лики, огласили квартиру. А тут к этой «музыке» прибавились ещё скромные, явно сдерживаемые, басовитые нотки её бородатого молодого партнёра.

Я, как законченный вуайерист, зачарованно наблюдал за этим необыкновенно красивым, полным божественной эстетики зрелищем. Я запоминал его малейшие нюансы, чтобы вспоминать потом. И, как оказалось, не зря!

Как говорится в народе: кончил дело – гуляй смело. Лика, закончив, по-видимому, очень важное для неё дело, разгулялась. Она велела нам приодеться, посадила за стол, налила вина и поставила закуску. Я по ходу дела поинтересовался диссертационной работой Виктора, дал ему ряд полезных советов. Лика корректно попросила нас «не болтать лишнего» в институте, и, заявив, что сегодня ей всё понравилось, предложила встречаться по средам вместе.

- Как скажет профессор, - опять скромно зардевшись, произнёс аспирант Витя, - он здесь старший, ему решать.

- Интересно, - обиделась Лика, - а я кто здесь такая?

- Ты самая младшая, самая красивая и беззащитная, - отвесил я неуклюжий комплимент, - мы оба будем верно служить тебе и защищать от невзгод, как родную сестру!

Лика, проворчав что-то про неуместность термина «родная сестра», осталась довольна подтверждением нашего статуса.

Сегодня же вечером я навестил Тамару-маленькую, и от неё тоже получил «сюрприз». Не могут дамы обойтись без маленьких сюрпризов - хлебом, как говорится, их не корми!

Всегда спокойная и невозмутимая, Тамара сегодня была как-то необычно возбуждена, казалось, даже немного пьяна. Мы выпили ещё, а когда дело дошло до койки, Тамара вдруг предложила мне сегодня лечь... «вальтом»! Я, вспомнив, Ликиного «вальта», или «шестьдесят девять», ужаснулся развращённости моей маленькой приятельницы, но дело, как оказалось, обстояло даже хуже.

- Я виновата перед тобой, - опустив голову, как проштрафившаяся школьница, сообщила Тамара, - я изменила тебе сегодня! Шла по двору, а там один мужик выгуливал собаку. Я спросила, что за порода, то да сё, а он пригласил меня к себе на чай. Кстати, он в нашем доме живёт, - обрадовала меня Тамара. - Оказалось, что не на чай, а на коньяк, и всё остальное получилось очень неожиданно... Мне теперь неудобно перед тобой, я не знаю, как правильно поступить...

- Но, по крайней мере, не спать же «вальтом», как импотенты или развратники. Что сообщила мне – правильно сделала! Но старайся сдерживать себя в дальнейшем, не иди на скорые компромиссы с нравственностью. А то одна мисс так часто шла на компромисс, что он у неё превратился в копромисс! – процитировал я известный каламбур. Но если этот хмырь «наградил» нас чем-нибудь, придётся, конечно, ему морду бить!

- Нет, он порядочный человек, женатый! – горячо вступилась за своего «новенького» Тамара.

- Плохо, конечно, что Тамара «слаба на передок», - подумал я, - но хорошо, что хоть признаётся! Выбирать не приходится, надо воспитывать коллектив, какой есть! – вспомнил я свою преподавательскую профессию.

Я понял, что у меня идёт «неделя сюрпризов» и приготовился к Олиному черёду. Он не заставил себя ждать. Придя домой в пятницу вечером, я не обнаружил ни Оли, ни записки. Правда, исчезла со стены гитара, что меня немного успокоило. На ночь моя бывшая жена не явилась. С одной стороны это хорошо, я хоть разок в неделю выплыву без исполнения своих «бывших» супружеских обязанностей. Но с другой стороны, я же беспокоюсь – ну, хоть записку оставила бы, или позвонила, наконец. А если бы это я пропустил «нашу» пятницу и не явился бы домой, вот был бы скандал!

- Всем можно несерьёзно относиться к договорённостям, кроме меня! – возмутился я, – вот и я тоже тогда начну сачковать и пропускать свидания!

А последний на этой неделе сюрприз, правда, приятный, преподнесли мне Маша с Луизой. Муж Луизы уехал в командировку на несколько дней, и она может на субботу и воскресенье остаться у Маши. И мои дамы встретили меня вместе, уже в пеньюарах и слегка выпившие. Мечта странствующего любовника!

Ближайшую ночь мы провели вместе, благо ширина кровати позволяла. Цвет волос в темноте не различишь, а по комплекции Маша и Луиза близки друг к другу. Так, что я их всю ночь путал, и это веселило моих дам. Они даже новую игру придумали. Задёрнув посылнее шторы, мы обеспечили в комнате почти полную темноту. И я должен был назвать имя той дамы, с которой в данный момент общался. Зажигали свет, и если я оказывался прав, то продолжал общаться с ней же. Если ошибался, то переходил в собственность к той, чьё имя называл. И много других милых шалостей придумывали мои изобретательные дамы, чтобы порадовать меня, себя, да и полезный опыт приобрести!

Дневное время в воскресенье мы потратили с пользой для культурного развития. Мы троём отправились из Красногорска через поле пешком в музей усадьбу «Архангельское». Этого нам запретить никто не мог. Посидев немного в ресторанчике, что был (а может, есть и сейчас) напротив входа в музей-усадьбу, мы, весёлые, пошли гулять по усадьбе.

Там я сделал два открытия: первое – у веранды, где выставлены бюсты римских императоров, Нерона перепутали с Веспасианом. По крайней мере, так гласили таблички под этими бюстами. Да чтобы их перепутать, водки нужно немеренно выпить! Нерона с его садомазохистической улыбкой и хитроумного крестьянина-вояку Веспасиана, зарабатывавшего деньги на общественных туалетах Рима! Деньги, видите ли, не пахнут – это его, Веспасианово! Будучи принципиальным и выпившим, я потребовал, чтобы таблички переставили. А в результате – все таблички под бюстами потом просто сняли. Чтобы хлопот поменьше было!

Второе открытие: в довольно глухом месте усадьбы стоит бюст – древнеримский «бородатый мужчина». А на шее у этого римлянина – полоска склейки. Видимо, когда-то ему «бошку» отбили, а потом приклеили. Дамы заметили, что этот бородатый мужик очень похож на меня.

И у меня возникла гениальная идея: снять восковую копию со «шрама» на шее мужика, заказать скульптору мою голову из мрамора с шеей, заканчивающейся этим же «шрамом». Прийти в Архангельское с новой головой, постараться спрятаться в кустах на ночь; ночью сбить башку этому бородатому, закопать её, а к оставшейся шее приклеить мою голову.

Вот и будет мне прижизненный памятник в Архангельском, а после смерти, можно будет под памятником втихаря закопать и капсулу с моим прахом. Будет и памятник посмертный; не каждому в Архангельском ставят такие!

А мои дамы оказались и похитрее меня: дескать, зачем эти бошки менять одну на другую, если они и так похожи! Просто всем, кому ни лень, будем говорить, что это тебе памятник установлен, и всё тут! Ты же и есть «бородатый и мужчина», а мы - свидетельницы,

что последнее – точно! И нечего, как сейчас говорят, волну гнать! – мои дамы, как всегда, проявили творческую выдумку.

Вот я и говорю – если увидите в Архангельском бюст с надписью «бородатый мужчина», то знайте, что это я в возрасте сорока двух лет.

Мы весело и дружно вернулись домой, на сей раз на такси. А дома пили за Нерона, за Веспасиана, и за мой прижизненный памятник в Архангельском. Ночь тоже прошла весело и дружно, почти как в Древнем Риме, если верить Апулею и его древнеримским коллегам по перу.

Садистические и мистические приколы Витольдовны

Но чемпионом по преподнесению мне сюрпризов была, конечно, Тамара Витольдовна, чего с первого взгляда и сказать было нельзя. Такая красивая, умная и хозяйственная! А, как оказалось, стержневости ей занимать не приходилось, и это был её главный недостаток. Прежде всего, это касалось её поведения в постели. Она была там настоящим эгоистичным диктатором. Об её эгоизме, вернее даже нарциссизме, говорило хотя бы то, что на мой довольно часто задаваемый вопрос (чаще всего именно в постели): «Томка, ты меня любишь?», она садистически отвечала: «Нет! Я – однолюбка и уже успела полюбить!» «Кого?» - возмущался я, прекращая телодвижения. «Успокойся, себя!» - говорила она мне с улыбкой инквизитора, и я, успокоившись лишь частично, снова возобновлял свою деятельность.

С одной стороны, в постели с ней было легко – нужно было только полностью утратить свою индивидуальность. Делай, как приказано – и всё! Например: «Энергичнее!», или «Перевернись на спину! Теперь обратно! Опускайся ниже! Ещё ниже, деревня! Вот так - молодец! Теперь перевернись! (недоумение: «а я уже разок ведь переворачивался?») По-другому перевернись, аул кавказский! Ну, чтобы изобразить цифру «69»! А ещё профессор! А теперь снова перевернись и меня саму переверни! Как, как – на животик, забыл, что ли?».

После традиционно бурного завершения (с её стороны!) этого сложного, изощрённого, но прекрасного действия, Тамара несколько минут лежала неподвижно, а потом обычно говорила:

- А теперь спать – мне утром на работу!

- А я? – следовал мой возмущённый вопль.

- А я, а я... – следовала пошленькая присказка в рифму, и приказ не шевелиться, а то...

Это «а то!» могло быть и переводом в другую комнату на досыпание, а то и вообще изгнание среди ночи на улицу. Однажды я осмелел и после такого «одностороннего» акта заявил своей жёсткой партнёрше:

- Томуль, я тебе новое имя придумал – Эмис!

- Это почему же Эмми? – заинтересованно переспросила Тамара.

- Не Эмми, а Эмис – «эгоистичная мастерица изощрённого секса» - смело расшифровал я аббревиатуру «Эмис», уже готовясь к репрессиям.

«Эмис» оценила моё творчество и внимательно посмотрела на меня своим раскрытым правым глазом (я лежал обычно справа от неё), не решив ещё, видимо, наказывать или поощрять меня за творчество. Я замер, как кролик перед очами, вернее одним правым оком удава, ожидая своей участи.

Однако на сей раз, глаз любимой женщины миролюбиво закрылся, Тамара повернулась ко мне спиной и милостиво разрешила:

- Ну, давай, если не передумал, только скорее!

Я согласно закивал головой в темноте и быстро приспособился к предложенной мне позиции, кстати, не такой уж плохой. Этот тайм (гейм, раунд и т.д.) был если не самым кратким, то, по крайней мере, одним из самых оперативных в моей жизни – я всё боялся, что моя Эмис передумает.

- А знаешь, - вдруг слегка повернувшись ко мне, прошептала Тамара, - можешь лучше называть меня просто «Мисс» - «мастерица изысканных сексуальных страстей». Не такая уж я «эгоистка», чтобы специально отмечать это. И слово «изощрённый» чем-то напоминает

«извращённый», «изысканный» - лучше. А «Мисс» - это даже как-то по-молодёжному. К тому же, я ведь действительно «мисс» - ты же меня замуж не зовёшь?

Я понял, что мне сейчас лучше всего тихо заснуть... Деспотизм моей мисс Тамары особенно касался вопросов выпивки. Когда я приходил к ней в понедельник вечером, то имел право принести из вина только бутылку шампанского. Больше не допускалось, и беда, если я позволял себе выпить самостоятельно, как говорят, «на вход». Никакие уловки не помогали, и Витольдовна, унюхав запах спиртного, изгоняла меня из квартиры, на радость Оле.

Она, кстати, объявилась на следующей неделе после ухода из дома. Но где обитала, так и не сказала. Я обзвонил её тётю, Моню, известных мне подруг, но нигде её не оказалось. Мне, правда, посоветовали не волноваться, ибо такие внезапные «уходы» за ней и раньше водились.

Я проявил максимум изобретательности, и всё-таки обманул бдительность Витольдовны. Купив в аптеке продаваемую тогда без рецепта спиртовую настойку травы стальника, крепостью в 70 градусов, я заложил с десятков пузырьков глубоко под ванну. А за ужином, уже выпив вместе с Тамарой по бокалу шампанского, я «залезал» рукой куда-нибудь в соус, и отправлялся в ванную мыть руки. Там, открыв кран, я с быстротой молнии лез под ванну, доставал пару пузырьков настойки и залпом выпивал её, запивая водой из-под крана. Пустые пузырьки же запихивал обратно под ванну, только в другой конец. Выйдя из ванной, я садился за стол довольный и продолжал допивать шампанское.

- Что это тебя с бокала шампанского так развезло? – подозрительно приняхивалась ко мне Витольдовна, но «не пойман – не вор!». Однако, сколько верёвочке не виться, а конец, известное дело, будет. Обнаружила моя мисс все мои пузырьки с остроумной латинской надписью: «Тинктура онанидис» (это по-латыни и есть «Настойка стальника») и предъявила их мне. И сколько я ни убеждал строгую даму, что «тинктура онанидис» - это просто лекарство от онанизма, не помогло. Я был изгнан, но через несколько дней помилован и призван снова. «Только без своих онанидисов!» – предупредила строгая кураторша.

Только и мы ведь не лыком шиты – своё соображение имеем! И я снова придумал, как перехитрить мисс Витольдовну. Сижу как-то за столом, ем прекрасные закуски, а в рот не лезет! Выпить, страсть, как хочется! И я набираю номер телефона Мони.

- Друг у меня заболел, надо спросить, как здоровье! – поясняю я моему куратору.

- Моня, как здоровье? – спрашиваю я, услышав его жующий голос в трубке. – Что, скорая помощь? И дома никого нет? погоди, я через полчаса – у тебя!

- Ты что с ума сошёл, какая скорая помощь? – испуганно бормочет по телефону Моня, но я уже лечу к нему.

- Томочка, с другом плохо, надо спешить! Я скоро приду, он рядом живёт! – одеваясь, информирую я Тамару.

- Попробуй только нажрись там, увидишь у меня! – уже на лестнице предупредила меня грозная мисс Тамара.

Я только рукой махнул и сел в лифт. От «Кунцево» до «Филёвского парка» - как говорят в народе «рукой подать и ногой поддать». Минут через двадцать я уже звоню Моне в дверь.

- В чём дело, ты что, с ума сошёл...

- Сойдёшь тут, - перебил я его, - когда ни капли выпить не дают. Что у тебя есть?

- Ты же знаешь – стальник в избытке! Сколько? – по-деловому подошёл к вопросу Моня.

- Моня, дорогой, я у тебя видел стеклянную кружку Эсмарха, далеко ли она? – спешно откупоривая пузырьки, спросил я (для тех, кто не знает – кружка Эсмарха - это ёмкость для клизмы).

- Ты что, шизанулся, зачем тебе кружка Эсмарха? – удивился Моня, но кружку достал.

Я залил туда грамм триста настойки стальника, разбавил таким же количеством воды, попробовал прямо из кружки на вкус и, закрыв краник на клистире, ввёл последний куда следует.

- Теперь себе налей, я же не алкоголик, чтобы пить один! – потребовал я.

- У меня нет второй кружки Эсмарха! – взвизгнул ошалевший Моня.

- Зачем? Зачем тебе кружка Эсмарха? Ведь у тебя нет ненормальной бабы, которая не позволяет тебе выпить. Ты – счастливый человек – у тебя сейчас вообще нет бабы! Никто не

экспериментирует над тобой, никто не командует тобой, никто не изменяет тебе, никто не исчезает из дома на ночь! Пей, дорогой, как человек – из стакана! – произнёс я пылкий, но выстраданный монолог.

Мы чокнулись с Моней – он своим стаканом, я – кружкой Эсмарха; я открыл краник и поднял кружку повыше.

- О, я понял! – вдруг взволнованно прокричал Моня, - я сделал открытие! Вот почему в песнях поют: «Поднимем кружки!» Видимо, в старину все делали так, как ты сейчас, и чтобы жидкость пошла в организм, поднимали кружки, как и ты! Но я не понимаю, зачем тебе сейчас понадобилось пить таким странным способом?

- Потому, что и у тех древних мужиков, как и у меня сейчас – бабы были садистками и не позволяли выпить, а по прибытию домой - обнюхивали. А этому способу меня знакомый шофёр научил из Тольятти. Ни один гаишник не мог догадаться, пока кровь на пробу, наконец, не взяли. Действует сильнее и запаха нет!

Я дождался, пока вся жидкость вытечет из кружки, потом вымыл её и поставил на место.

- Ты хоть закуси, там же больше поллитры! – и Моня протянул мне здоровенный огурец.

- Не влезет! – заявил я, критически взглянув на габариты огурца.

- Извини, зарпортовался! – пробормотал Моня, - а ведь выгодно – и закусывать не надо!

Я бегом бросился в Кунцево, ведь спиртное, употребленное таким образом, действует гораздо быстрее, чем через желудок. Когда я звонил в дверь Тамары, меня уже хорошо «забрало».

- Нажрался! – с кровожадной улыбкой констатировала мисс Тамара-грозная.

- Постыдись, филолог – тихо ответил я ей, - Моню без лифта на горбу тащил – не полезли носилки в лифт и санитары стали уезжать. А человек умирает – с животом что-то у него. Ну, взвалил я его себе на спину и потащил по лестнице! Устал, еле хожу, а ты: «нажрался, нажрался!» Можешь обнюхать, если не веришь!

Тамара Витольдовна деловито приказала: «Дыхни! – и по-овчарочьи обнюхала меня.

- Извини, погорячилась! – признала свою ошибку Витольдовна, и ласково пропустила меня к себе в квартиру.

- Знала бы, дурочка, где нюхать надо было, не то сказала бы! – мелькнула у меня крамольная мысль, но я тут же отогнал её.

Ещё один сюрприз устроила мне Тамара Витольдовна, но уже в октябре, и в городе Киеве. Предыстория такова. Защищал диссертацию у нас в МАСИ мой старый приятель из Киева Юра Дзюба. Я был у него оппонентом. Диссертация сама по себе была хороша, да и Юра был моим хорошим приятелем, так что расхваливал я его на защите, как мог. Мне даже нарекание от Совета было – «оппонент», для того, чтобы критиковать, а не расхваливать.

Одним словом, защита прошла блестяще, и Юра пригласил меня к себе в гости в Киев.

Летом мы с Тамарой Витольдовной уже были в Киеве, погостили у Оси Юдовского, там же где раньше я останавливался с Тамарой Ивановной. Конечно же, мне пришлось «отпрашиваться» у Оли и Тамары-маленькой, дескать, маму в Сухуме навестить надо.

А Тамара Ивановна сама отпросилась у меня на Чегет, где стала бывать последнее время. К Маше как раз приехал «на побывку» её муж-капитан, причём на всё лето. Лица же, как замужняя женщина поехала со своим генералом куда-то в военный санаторий. Страсть как не хотела ехать, но брак обязывает!

Вот мы и провели лето в Киеве. Конечно же, характер свой Тамара-грозная проявляла, но выгнать меня из Осиной квартиры она уже не могла. Более того, в Киеве она была подчёркнуто деликатной, уступчивой и ласковой. Прикидывалась, конечно же, по необходимости! Но ей настолько понравилось в Киеве, что она упростила меня взять её с собой ещё раз в октябре, как раз после Юриной защиты.

Мы остановились у Юры в его однокомнатной квартире в девятиэтажном доме на Нивках, а сам Юра на время нашего пребывания ушёл жить к другу. Только просил присмотреть за его собакой Найдой, которую к другу было взять нельзя. Мы выпили, конечно, у Юры; он

пробыл с нами до позднего вечера, чуть ли ни до полуночи, а потом поехал к другу. Я вышел во двор вместе с Юрой и Найдой, которую надо было выгулять.

Я вышел в майке и спортивных брюках, Найда сделала своё дело, и мы пошли обратно домой. Войдя в подъезд, я остановился, а куда дальше идти – не знаю! Ведь я не только не посмотрел на номер квартиры, а даже этажа не запомнил! Зрительной памяти – никакой, а, кроме того, я был сильно выпивши. Сели в лифт, я пытаюсь поднять Найдку, чтобы она хоть носом ткнула в нужную кнопку, но она только визжит и отбивается.

Вышли снова во двор: я знаю, что у Юры балкон выходит туда, что этаж не первый и не последний. А какой – хрен его знает, балконы все одинаковые. Начинаю кричать вверх: «Тамара, Тамара!». На балкон вышли две тётки: «Чего надо?».

- Ничего, я свою Тамару зову – отвечаю я.

- А ты не ори среди ночи, а поднимись к своей Тамаре и там с ней разговаривай! А то милицию вызовем!

Тогда мы снова зашли в подъезд – на дворе нулевая температура, весь дрожу от холода. Найда испуганно смотрит мне в глаза и подвывает. Что делать, садимся в лифт и останавливаемся на каждом этаже. Выходим в длинный коридор, подвожу собаку к каждой двери – вдруг узнает квартиру.

Наконец, на пятом этаже Найда уверенно свернула направо и пошла в самый конец коридора. Звоню в дверь, готовый к извинениям, но дверь открыла злорадно улыбающаяся Витольдовна.

- Что, пьянь, орёшь во дворе? Номер квартиры не мог запомнить? – стала она меня, замёрзшего, выговаривать. Найда аж залаяла на неё от возмущения.

- Ты слышала, как я тебя зову, и не вышла на балкон? – поразился я, - я же замёрзнуть мог!

- Одной пьянью меньше было бы! – неосторожно ответила Тамара, и схлопотала по синяку под каждым глазом. Правда, они стали видны только утром.

Я расшвырялся от такого предательства и стал одеваться, чтобы уйти. Куда и сам не знал, но только подальше от неё. Тамара же, сделавшись неожиданно ласковой, еле удержала меня, поведя прямо к койке.

Наутро, когда к нам зашёл Юра, она уже рассмотрела свои фингалы и очень переживала. Юра успокаивал её, но втайне был на моей стороне – это же надо, на балкон не выйти!

Ничего, купим большие тёмные очки и догуляем неделю в Киеве. Потом она даже вспоминала об этой поездке с удовольствием.

Ночной полёт

И самый таинственный, я бы сказал даже, мистический сюрприз «от Витольдовны», случился как раз в Новый 1982 Год. Объявив всем моим остальным дамам, что я опять еду на традиционный подлёдный лов рыбы, сам поехал на встречу Нового Года к Витольдовне.

К слову, мой женский коллектив, ни численно, ни персонально не изменился; поведенчески всё продолжалось почти в прежнем духе, даже дни «посещений» не изменились.

На новых женщин я уже смотреть не мог. Вернее мог, в смысле английского «мэй» - в моральном смысле этого слова. А вот в смысле того же английского «кэн» - ну, никак не мог, в физическом смысле этого слова!

Сами войдите в моё положение, и поймёте – это чистый турецкий султан со своим гаремом! Были, правда, преимущества – содержать этот весь гарем не приходилось, но присутствовали и недостатки – все «жёны», кроме двух, находились в разных местах и ничего не знали друг о друге. Конечно же, Оля знала обо всех и живо интересовалась моей сексуальной жизнью. На всякий случай, я её предупреждал, что кому говорить, если позвонят.

А красивую Иру, секретаря нашей кафедры, не предупредил – Заратустра не позволил – и получались курьёзы. Как-то, пока я был на занятиях, мне позвонили.

- Вам жена звонила, просила перезвонить домой! – невозмутимо сообщает Ира. Я смотрю на неё вопросительно и осторожно спрашиваю:

- А имени она не называла?

Ира не меняя выражения лица, уточняет:

- У вас, что – несколько жён?

Мне приходится ловчить, говорить, что с одной я уже развёлся, но она **ещё** меня своим мужем считает, а на второй только хочу жениться, но она **уже** считает меня своим... Я посоветовал Ире, как-нибудь похитрее узнать имя жены, если она позвонит ещё.

- Вам звонили две жены и обе Тамары, причём с разными голосами! – уже волнуясь, сообщает мне Ира на следующей перемене.

- Чёрт побери, что же делать? – спросил я у Иры, - посоветуйте же, хоть что-нибудь.

- Я советую попросить их называть номера телефонов, по которым надо звонить! – высказала гениальную мысль Ира. Я чуть не расцеловал её за такую мудрость.

- Итак, если в дальнейшем позвонит жена и попросит перезвонить домой, спрашивайте её, пожалуйста, номер домашнего телефона. У профессора, дескать, трудности с памятью, и он просит напомнить номер! – поучал я Иру, и она без улыбки воспринимала это.

Когда мы с Ирой сейчас, спустя двадцать лет, вспоминаем это – ухохатываемся! Но я немного отвлёкся от встречи Нового Года у Тамары Витольдовны.

Она кроме меня, позвала ещё двоих гостей - молодых супругов. Выпивки было много – сам тащил – всё начиналось неплохо. Как часто пишут: «Ничто не предвещало беды». Так как вина было много, а запретов не было вообще, то я конечно же, нажрался в своё удовольствие, и нажрался по-чёрному, в стельку, как сапожник, до чёртиков, до потери пульса... Ещё нужны синонимы? И устроил дебош с рукоприкладством. Это у меня бывает редко, но если случается, то протекает очень эффектно.

Последний раз, сильно нажравшись, я устроил добрый дебош в ресторане «Чернигов» в Киеве, во время летнего пребывания там с Тамарой-грозной. Дрались все – и стар и млад, причём все со всеми. Мне удалось в одном конце зала скорчить из себя «бедного еврейчика» и пожаловаться, что меня обижают. В другом же конце зала я изобразил из себя крутого антисемита, и призывал устроить «им» показательный погром «для науки».

Тамара вовремя сбежала с поля боя и наблюдала его со стороны. Она то плакала, то истерически хохотала, наблюдала за побоищем. Получив пару затрецин и разбив в кровь кулаки о чьи-то «физиономории», я ретировался, и тоже, стоя рядом с Тамарой, наблюдал бой со стороны.

«Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» - так говаривал Руставели, но в данном случае он был бы неправ. Я, хоть и наблюдал теперь бой со стороны, несомненно, был его организатором и стратегом. И я же, сбегав в ближайшее отделение милиции, первым сообщил о побоище в «Чернигове». То есть, я одновременно стал и миротворцем. Если кто помнит это побоище летом 1981 года в ресторане «Чернигов» (что в Киеве на Виноградаре), то знайте же, кто его автор!

Но дебош на квартире у Тамары вызвал бегство наших гостей, и моя грозная мисс гонялась за мной по квартире с туалетным ершом в руках. Тогда я надел свою мохнатую шубу, шапку, и, чтобы как-то развеселить Тамару, стал одетым под душ, как Ипполит из знаменитой кинокомедии.

Но это хоть и развеселило Тамару, но, будучи грозной, она всё-таки вытолкала меня за дверь квартиры, отхлестав по лицу унитаазным ершом. Время – без четверти двенадцать, скоро должны бить куранты. Поливая лестницу горячей водой, стекающей с моей шубы, я вышел на улицу, надеясь найти хоть какой-нибудь транспорт. А там – около тридцати мороза! Что делать? Возвращаться – никогда! Меня избили по лицу дерьмовым унитаазным ершом! Меня – мастера спорта, гордого русского учёного!

Я присел на скамейку возле подъезда, поднял мокрый воротник шубы, и... забылся.

Очнулся я, лёжа лицом вниз на каком-то мокром коврикe. Сзади веяло холодом, а над головой сетевое радио передавало бой курантов. Я прислушался – «Поздравляем с Новым Годом!» - весело проговорили чьи-то голоса по радио.

С трудом, приподнявшись на колени, я обнаружил себя... в своей собственной квартире на Таганке. Я лежал на коврикe в прихожей; входная дверь была открыта настежь, и ноги у меня даже высовывались за порог. На стене орало радио.

Я встал на ноги, захлопнул дверь, снял с себя шубу и шапку. Интересно то, что мокрая шуба нисколько не застыла, на ней не было ни сосулек, ни снега. Если я вышел, вернее, был изгнан, из дома Тамары без четверти двенадцать, минут десять я прокантовался на улице, на скамейке, то на весь путь от Кунцево до Таганки я затратил около пяти минут! Да за такое время и на реактивном самолёте не долетишь!

Я так испугался, что почти протрезвел. Звоню по телефону Тамаре, у которой был в квартире ещё пятнадцать минут назад. Она хватает трубку и спрашивает, где я. Говорит, что тут же за мной выбежала на улицу, но никого поблизости не обнаружила.

- Ты не поверишь, - сам не веря себе, говорю я, - звоню тебе из моей квартиры на Таганке.

- Опять врѣшь! – жѣтко заявила Тамара-грозная.

- А ты проверь, перезвони мне! – предложил я, и повесил трубку.

Через минуту раздался звонок. Изумлѣнная Тамара убедилась, что я за пять минут перелетел почти через всю Москву.

- Такого не бывает! – медленно произнесла она, конечно же, не веря в реальность происшедшего.

- Сам знаю, что не бывает, но объяснить не могу! Пока! – закончил я разговор и повесил трубку.

Я разделся, принял горячий душ, повесил сохнуть мокрую одежду. Но в голове всё вертелась загадка, не дававшая мне покоя. И тут вдруг я вспомнил сходный случай, происшедший со мной несколько лет назад, когда я ещё жил в Тольятти.

Как-то отдыхал я в турбазе на Волге близ Самары, тогда Куйбышева. Познакомился там с компанией молодых людей, выпили, и так как показалось мало, то решили вдвоѣм с одним из новых знакомых переплыть Волгу на моторке, чтобы купить там вино в сельмаге. Ширина Волги в этом месте километра два, а посреди реки – маленький песчаный остров. Вот и попросил я посадить меня на этом острове покупаться и позагорать, а приятель должен был на обратном пути меня забрать.

Проходит время – а приятеля всё нет. Я не знаю, что и подумать, вечереет уже, чайки с диким мяуканьем пикируют на меня (на острове они выводили птенцов). Перспектива остаться на острове на ночь в одних плавках маячила со всей реальностью. Пуститься вплавь – опасно. Волга – холодная река, к тому же сильное течение...И вот я в панике стою по колено в воде и вглядываюсь в темнеющую даль, как вдруг... Неожиданно помутилось в голове, и я почувствовал, что падаю.

Очнулся я опять же на песчаном берегу, ноги мои были в воде, а плечи и голова - на суше. Я вскочил и осмотрелся – впереди росли деревья, а сбоку виднелась пристань. Тут я понял, что оказался возле моей турбазы, то есть перенесѣнным почти через километр воды!

А приятель мой на обратном пути, оказалось, налетел на топляк, на лодке-моторке срезало штифт винта, и течение отнесло его далеко вниз...

После моего ночного полѣта из Кунцево на Таганку, я стал интересоваться, происходило ли подобное с кем-нибудь другим и нашѣл десятки подтверждений, что да, происходило! Люди переносились мгновенно – туда, куда им хотелось (как, например, мне), и куда не хотелось (например, Стѣпе Лиходееву из «Мастера и Маргариты» Булгакова).

Иногда люди исчезали совсем – не исключено, что они могли быть перенесены в середину океана или пустыни, в Арктику там, или Антарктиду. Может быть даже в Космос или вглубь Земли... Но обычно эти переносы бывали на расстояния от десятков метров до

нескольких километров, случай с Лиходеевым – уникален. Но там ведь его «переносил» сам Воланд...

А сколько таких переносов люди вовсе не замечали! Ну, закружилась голова, и очнулся человек не на этой стороне улицы, а на той. Или не у этого дерева, а у того. Кто придаст этому значение? Кстати, я заметил, что особенно часто «переносятся» люди в состоянии стресса или опьянения. А тут уже всё списывается на стресс или водку!

Ну, поверит разве жена клятвам пьяного мужа, не ночевавшего дома, что «нечистая сила» забросила его, на ночь глядя, на территорию какого-нибудь колхоза «Заветы Ильича»? А ведь это могло быть той же самой телепортацией!

Но должно же быть какое-то научное объяснение этим явлениям? Между тем научное объяснение этим явлениям есть, и дали его, в первую очередь, лауреаты Нобелевских премий, великие физики Эрвин Шрёдингер и Вернер Гейзенберг. В годы моей учёбы в вузе мы изучали уравнение Шрёдингера и «принцип неопределённости» Гейзенберга. Из этих положений следует, что нельзя определённо указать, где в настоящий момент находится та или иная элементарная частица. Более того, частица эта иногда может быть и сразу в двух местах. Положения квантовой физики часто предполагают существование «абсолютного Духа» - Бога, который и решает окончательно, где всё-таки находится эта частица.

Материалисты этого воспринять не могли и поэтому в 50-е – 60-е годы, когда я учился, физиков этих называли «реакционными», и скрывали многие философские выводы, следующие из их теории.

Так, например, Э. Шрёдингер в своих философских трудах описывал эту неопределённость или половинчатость нашей сути (я не цитирую, а рассказываю близко к тексту). В закрытом ящике находится кошка и там же помещён счётчик Гейгера, баллончик с ядовитым газом и частица радиоактивного вещества. Если последняя, будучи корпускулой, подействует на счётчик Гейгера, тот включит клапан баллончика, то кошка погибнет. Если же частица проявит свои волновые свойства (что вполне возможно из квантовой физики), то счётчик не сработает, и кошка останется жива. Но ведь эта частица и волна могут существовать одновременно, причём с вероятностью 50%, что является одним из главнейших выводов квантовой физики, которая уже давно принята всем миром. Стало быть, кошка и жива и мертва одновременно с вероятностью 50%, и только Бог может определённо (будем говорить «субъективно»!) решить - жить ей или нет. А этого не могли стерпеть материалисты.

Поэтому-то и были «преданы анафеме» у нас имена Шрёдингера и Гейзенберга, как философов. «Скрепя сердце» признавали мы, что в микромире, на уровне, например, электрона «принцип неопределённости» имеет-таки место, но не на уровне атома, а тем более «осязаемых» предметов. То есть электрону исчезать «здесь» и появляться «там» можно, а атому, а тем более молекуле – нельзя.

Но вот учёные из Массачусетского университета и Института стандартов и технологий (США), а затем и другие, показали, что законы квантовой физики распространяются на атомы и молекулы, то есть на макромир, на нас с вами.

В частности, в Институте стандартов и технологий сумели «раздвоить» атом гелия так, что он начал существовать сразу в двух местах. Специалисты утверждают, что в рамках существующей теории ничего не мешает и макросистеме, в частности, тому же человеку, «раздваиваться», «пропадать» в одном месте и появляться в другом. Так что может не «материалистическое», но почти научное объяснение моим ночным «полёту» и «заплыву», а также классическому «перемещению» из Москвы в Крым Стёпы Лиходеева, так подробно описанному Булгаковым, как ни крути, имеется!

Как видите, нет худа без добра. Не устрой я дебоша на Новый Год у Тамары, не выгони она меня пьяного и мокрого в ночь на тридцатиградусный мороз, не было бы моего полёта. И не стал бы я вникать в научную сущность этих таинственных явлений!

А, начав изучать физику, я так увлёкся ею, что позже написал и издал две книги по физике. Это толстая, под 500 страниц, «Удивительная физика», вышедшая в двух изданиях, и

потоньше – «Парадоксальная механика», где описаны многие удивительные явления, «имеющие место быть» в физике. Почитайте и убедитесь!

Мои подарки капиталистам-империалистам

Я уже говорил, что мы вели хоздоговорную тему с военным предприятием Элика. Это была малоденежная тема, заключённая только ради формальной связи с ИМАШем и военным предприятием, то есть между мной, Мoneй и Эликом.

Ещё я руководил одной темой, о которой стоит рассказать. Она была заключена по инициативе Министерства автомобильной промышленности (Минавтопрома) СССР, и касалась троллейбусов, которыми я никогда раньше не занимался. Но из министерства позвонили именно мне, зная мою любовь ко всякой экзотике.

Тема была довольно пикантной. Наши троллейбусы, выпускаемые заводом имени Моисея Соломоновича Урицкого в городе Энгельсе (сплошная масонская мировая революция!), правительство захотело продавать в страны Центральной и Южной Америки. Всем хороши были наши троллейбусы, только не могли... «убегать» от демонстрантов!

В вышеназванных странах народ, видите ли, столь эмоционален, что их хлебом не корми, а дай только надемонстрироваться. «Фиеста-си, трабаха-но!», или «Патриа о муэрте!» - и пошли толпы народа по улицам. Автомобили и автобусы в страхе разбегались кто куда, а вот троллейбусы, привязанные к проводам, замирали на месте. И народ их сталкивал в сторону, машины лишались питания, а без питания они - мертвы

Народ не мог и не хотел этого понимать, считал, что троллейбусы чем-то против че Гевары или команданте Фиделя, и поджигал их. Да, да, обливал бензином и поджигал! Я не шучу, там уже не до шуток, когда эти страны потребовали от нас троллейбусы «убегающие» от толпы, причём без проводов. А в Министерстве решили, что на такие фокусы только я и способен.

Дело в том, что на заводе-изготовителе (конечно же, им. Моисея Соломоновича!), уже пытались питать 550 вольтовый двигатель током от 24 вольтовой аккумуляторной батареи, имеющейся на троллейбусе. Но эти 24 вольта для огромного 550 вольтового двигателя, ну как бы вам сказать, подобны укусу комара в попу носорога!

И не хотел этот двигатель, привыкший к 550 вольтам, тащить троллейбус, тем более от свирепых демонстрантов, питаясь жалкими 24 вольтами.

Вы видели когда-нибудь легковой автомобиль, убегающий от опасности на стартёре? А я видел! Когда мой дядя, писатель Гергий Гулиа, решив «отметить» круглую цифру на спидометре своего «Москвича-401», остановил его, то это оказалось, как раз на железнодорожном переезде ветки Сухум-Келасури в Абхазии. Поезда не было, и мы «отметили» круглую цифру криком «ура!». А когда издали показался поезд, то обнаружилось, что двигатель заглух. Дядя в страхе включил первую передачу и на стартёре «убежал» от гудящего кровожадного поезда. Мне тогда было лет 12, и я хорошо запомнил этот приём.

Вот так же мы решили убежать на троллейбусе от демонстрантов. На троллейбусе, в отличие от автомобилей, стартёр не предусмотрен (там нечего запускать!), а мы всё равно поставили. От него – карданом к главной передаче, через плоскую, как галета, маломощную зубчатую пару. Завидя демонстрантов, даже если нет питания по проводам, водитель троллейбуса включает стартёр, и со скоростью демонстранта может ехать куда угодно, больше километра. И хватает для этого той аккумуляторной батареи, что уже имеется на троллейбусе. А на километровом пути обязательно встретится переулочек или двор, куда можно заехать, спасаясь от злой толпы.

Кстати, почти четверть века спустя, такой троллейбус, могущий проехать около километра без проводов, всё-таки построили в Москве. Но это – сложная и дорогая машина с тяжелой и мощной батареей аккумуляторов. Жаль, что наши инженеры не изучают опыта недалекого прошлого!

Это скоро сказка сказывается, а тему мы вели три года. Построили стенд, проверили, всё доказали, в Министерстве были счастливы. Теперь уж будут покупать наши троллейбусы пачками, раз они могут отходить от сети.

И дополнительные преимущества выяснились – такой троллейбус может легко переходить с линии на линию. А если захочет, то может тут же повернуть и, перейти на параллельные провода и поехать назад, или объехать аварийный участок, чтобы не стоять слоновьим стадом, один за другим, целые километры. Одним словом – конфетка, а не троллейбус!

О новом троллейбусе написали в международном журнале, поместили мой портрет, мы потирал руки в ожидании премии. Но её всё не было и не было. А потом я встретился с усталым скептиком с завода им. М.С. Урицкого, открывшим мне глаза.

- Вы знаете, сколько человек убивают током наши троллейбусы ежегодно? До десятка человек! Убивают током, когда происходит пробой изоляции двигателя. В дождь или сырую погоду человек наступает одной ногой на ступеньку, а другой ещё стоит на земле. Или, стоя на земле, хватается руками за поручень или двери. Всё, больше ничего не нужно – 550 вольт – и ваших нет! Поэтому вы, если жить хотите, то либо запрыгивайте в сырую погоду на подножку, либо спрыгивайте с неё сразу обеими ногами, а руки держите лучше всего «по швам». Чтобы току нельзя было через вас уйти в землю!

- Ужас какой-то! – поразился я, - а что нельзя ли изолировать вал двигателя от кардана пластмассовой втулкой? – предложил я.

- Сразу видно – умный человек, даром, что ли профессор! – уныло произнёс человек с производства и показал мне чёрную пластмассовую втулку, - такой, что ли?

Я глазам своим не поверил. Он показал мне то, о чём я только подумал!

- И в чём же дело, почему такие, не ставят на троллейбусы? – удивился я, - ведь спасли бы жизни десятков людей!

- Вот в этом-то и весь фокус – никто не хочет её делать, чтобы не отвечать! На троллейбусном заводе заявляют, что это не их профиль – всё электрооборудование они покупают готовым, а электромеханические заводы предлагают доукомплектовывать свои изделия на заводе-сборщике. А люди продолжают гибнуть! Так что и не надейтесь, вашу штучку не внедрят! Не успеет «убежать» от демонстрантов хоть один троллейбус, и полетят головы, у её изготовителя! Никто не возьмётся её делать, и никому не нужны эти многомиллионные прибыли. Кто увидит эти деньги? Кому они нужны? Всё равно они уйдут в Афганистан, Анголу или на помощь Острову Свободы. А быть уволенным или в тюрьму сесть всем неохота. Не ждите внедрения и вашей грошовой премии! Лучше продолжайте ваш договор по изучению, например, влияния подъёмов и спусков на дальность пробега троллейбуса от аккумуляторов. Получите на порядок больше денег, да и ответственности никакой! Вы полагаете, вас пощадят, если троллейбус с вашим устройством сожгут демонстранты?

Я ошарашено поблагодарил усталого производственника, пообещал, что бутылка за мной и перезаключил договор на изучение дальности пробега...

Ещё одна тема была у нас со Львовским ГСКБ по автопогрузчикам. Не тема, а сказка! Но ведь вы знаете, для чего мы рождены? Да, да, чтоб сказку сделать явью! Вы не поверите, если я расскажу, что нам поручили сделать «вечный двигатель». И даже дали за это порядочно денежек. Так слушайте, и не говорите потом, что не слышали!

В этом же Министерстве был один умный человек по фамилии Прокопенко. Он и предложил мне разработать погрузчик, который не будет расходовать никакой энергии для работы. А если нужно, то даже будет вырабатывать эту энергию.

Дело в том, что тысячи электро- и автопогрузчиков, особенно на железнодорожных товарных станциях, только и делают, что выгружают из вагонов контейнеры. После этого они чаще всего съезжают с пандуса и ставят контейнер на транспортер, который доставляет их на склад. И эти погрузчики заправляются топливом и заряжаются электричеством для работы.

А Прокопенко знал, что я занимаюсь маховиками и приводами к ним. Если вместо двигателя или электроаккумулятора на погрузчике будет стоять маховик, то его нужно будет

раскрутить только один раз. Подхватив и опустив груз, такой погрузчик только прибавит энергию маховику, раскрутив его потенциальной энергией груза. И этой энергии с лихвой хватит на подъезд погрузчика к транспортеру и обратно к вагону. Если «плечо» пробега короткое, то добавочную энергию надо будет даже «гасить» или отбирать, допустим, для зарядки аккумуляторов или иных целей. Получается как бы «вечный двигатель», которого, как известно, быть не может.

Но мы построили модель такого погрузчика, который работал, пока хватало контейнеров. Сами контейнеры служили как бы «топливом» для погрузчиков, разгоняя своим весом маховик. Экономия получалась бешеная!

Министерство дало денег, мы заключили договор с ГСКБ по погрузчикам, и я подключил к этой теме моего талантливого студента Сашу Серха. Мы выполнили чертежи устройства, в ГСКБ изготовили полноразмерную силовую установку, фактически прототип погрузчика, который мог работать без подпитки энергией. Но уже шёл развал промышленности, и работы были приостановлены.

Мы проводили также с Минавтопромом СССР работу по созданию маховичного 100-тонного самосвала для медных карьеров Узбекистана. Этот гигант, раскрутив маховик во время спуска порожнего автомобиля в карьер, должен был самостоятельно передвигаться на энергии маховика по дну карьера, не задымляя его выхлопными газами. А наверх уже его должны были вытягивать тросом большой лебёдки. Всё было готово к изготовлению гиганта, но СССР распался, и Узбекистан перестал иметь отношение к Минавтопрому СССР. В этой работе тоже самое активное участие принял Саша; он то и дело мотался по командировкам, объезжая заводы-изготовители.

Но диссертацию он защитил по совсем другой теме, которую тоже финансировал Минавтопром СССР. Представьте себе, что автомобиль или автобус подъехал к светофору. Машина стоит, а двигатель работает на холостом ходу. Топливо сгорает, а самые вредные выхлопные газы отравляют воздух. Разработанная нами маховичная система «стоп-старт» «глушила» двигатель, стоило только автомобилю остановиться. Но она и мгновенно запускала двигатель при нажатии на педаль газа (по научному – акселератора).

Построенная и проверенная в Москве, эта система показала экономию свыше 20% топлива и многократное снижение токсичности выхлопных газов. Саша поступил ко мне в докторантуру и скоро должен был уже защитить докторскую диссертацию, как развалился Советский Союз. И он предпочёл уехать в Канаду, опасаясь неопределенного будущего страны. Я потерял не только ученика, но и близкого друга. Его отъезд я воспринял как трагедию.

Ося Юдовский уехал почти одновременно с Сашей, но в США. Правда, он жил в Киеве, и мы уже общались с ним не так тесно. Он успел защитить докторскую диссертацию ещё в СССР, и предусмотрительно уехал только после этого. Так я потерял ещё одного ученика - доктора наук и друга.

Уехал и мой третий ученик – Володя Сергунин, который со мной вместе создавал и испытывал маховичные робототележки для ЗИЛа. Он предпочёл уехать в Германию. Третий нож в спину...Нет не мировой революции, как у Аверченко, а мне, в мою натруженную штангой и дамами спину. Четвёртый нож – это отъезд в Австралию ещё одного моего ученика, доктора наук, который переехал из Киева в Москву. Я затратил на него, правда, не так уж много сил, но я верил в его талант и надеялся на продолжение работ с ним. У нас с ним уже было несколько совместных изобретений.

А пятый нож запустила мне в спину моя Оля. Но я не имею права так говорить после запуска мной не одной дюжины ножей, ножей унижений, измен и издевательств в её хрупкую спину. Она уехала в Америку через Израиль, так как оказалась...еврейкой. Француженка Ольга Лерьевна к моему ужасу оказалась дочерью еврея по имени Лери (Ленин-Революция-Интернационал) и по фамилии Слуцкий, проживающего в США. К счастью, я узнал это уже после того, как проводил её из нашей страны. Устроив, по привычке, пьяный дебош на проводах, чем в очередной раз довёл её до слёз.

В своё частичное оправдание могу сказать, что я передал ей кругленькую сумму на обустройство за границей. Деньги были выручены моим честным трудом – изданием всех книг и проведением научных тем. Но и Оля не осталась в долгу – я оказался единственным хозяином Таганской квартиры.

Оля знала, что я - великодержавный шовинист, и решила сообщить о своей национальности только из-за границы. Уже потом, когда она приезжала в Россию, я спросил у неё, почему она скрыла от меня свою национальность. В ответ она, мрачно пряча свои глаза, ответила:

- А ты бы тогда не женился на мне!

И это было правдой.

С отъездом Оли пропал из моего поля зрения и Моня. Пропал, и найти его я не мог, как уже говорил об этом. Наверное, я для него был каким-то носителем Олиной любви, он воспринимал меня как какой-то фетиш от Оли. Как, например, её колготки, туфли или бюстгалтер, хотя я совсем не похож, по крайней мере, внешне, на эти три предмета женского туалета.

Дополнительными ножевыми ударами в спину, правда, запоздалыми и слабыми, были полученные мной позже сведения об учениках. Кроме Оси Юдовского, в национальности которого у меня никогда не было сомнений, два моих других ученика – Саша и Володя, тоже оказались евреями. А ведь так были похожи на своих – русских: оба – красивые голубоглазые и блондины!

Я почти окончательно утратил веру в людей и чуть было не стал мрачным мизантропом. Переживал я не один год, но потом оклемался, успокоился и снова завёл свою научную школу. Но уже основательно роюсь в биографических данных моих учеников! Ещё бы – хватит делать подарочки «дяде Сэму» и прочим капиталистам - империалистам! Не для них старался - воспитывал жену и ученичков, передавал им свои знания и опыт! Жаль, что мои талантливые ученики будут вкалывать на наших бывших идеологических противников, капиталистов-империалистов! Вся надежда на Олю – может она «закадрит» кого-нибудь из этих империалистов и покажет ему нашу русскую «Кузькину мать!».

Но до этих печальных событий ещё почти десять лет, а пока всё радужно, всё успешно, всё весело. И жизнь бьёт ключом, причём совсем не гаечным, и совсем не по голове!

Летняя смена Тamar

1982 начался однообразно – наука, новые изобретения, статьи, издание книги «Инерция» и написание автобиографической книги «В поисках энергетической капсулы». Несколько хоздоговоров, постоянные процентовки, отчёты, испытания. Лекции, курсовые и дипломные проекты. Научная работа со студентами – Сашей Серхом, Володей Сергуниным, Юрой Рямовым, Сашей Емелиным. Организовали при институте «Клуб изобретателей», председателем которого назначили меня. Где время бралось – ума не приложу!

Вечерами, а в среду, субботу и воскресенье – и днями - мои любимые дамы. Всем – забота, внимание, любовь. «Всю неделю вкалывал и вот сегодня вырвался, наконец, и к тебе!», – этой фразе они почему-то верили. Кроме Оли, которой уже стал надоедать постоянный состав «сводных сестёр», и которая советовала мне обновить его. Я же им был очень доволен, и всё бегал по заветному кругу.

Когда я впервые посмотрел фильм Георгия Данелия «Осенний марафон», я частично узнал в его герое себя. Но – мне бы его заботы! У него и баб-то было в три с половиной раза меньше, и хоздоговоров не было, и научную работу он вёл хилую, да и то – сроки срывал! Мою «двужильность» я объяснял спортивным прошлым, а также умением всё делать быстро. «Бис дат, кви цито дат!» (латынь – «вдвойне делает тот, кто делает быстро!»).

Статья занимала у меня не больше дня; изобретение – тоже, оформлением занимался Саша, заявки подавал я, в основном, с ним. Книгу «Инерция» я писал около месяца, но много времени ушло на работу с редактором и художником. Отчёты по хоздоговорам – всё оптом

писал примерно недели две. А остальное - это каждодневная жизнь и текущие заботы, победы и поражения. И не знаю, выдержал бы я такую моральную нагрузку, если бы ни сильнейшая релаксация с моими любимыми дамами! Будь она одной, хоть Мэрилин Монро, надоела бы тут же! Даже с моей любимой Витольдовной, которая скучать не давала, месяца не выдерживал, что в отпуске, что дома.

Случилось в этом году так, что муж Маши должен был приехать в конце мая, и быть в Москве аж до конца августа (он брал отпуск обычно на лето). Тамара-маленькая отправилась в пионерлагерь, расположенный в селе Ивановское, что возле известной теперь своими водами и водками Черноголовки. Лику муж забрал в санаторий в начале июня. Оля в это же время отправлялась отдыхать с тётёй и её семьёй. Тамара Ивановна, как обычно – на Чегет, и осталась в Москве у меня только мисс Витольдовна. Кстати, дочку она тоже отправляла в конце мая в пионерлагерь.

А к тому времени почему-то моей мисс приспичило стать миссис – «Уж, замуж, невтерпёж – пишутся через - ж без мягкого знака» - как написано в учебнике по грамматике русского языка. Да и я стал подумывать – не жениться ли мне в очередной раз. Женщина она красивая, умная и хозяйственная, правда, стержовная немного, но это, решил я, с замужеством пройдёт. Поэтому, получив от дам тайм-аут как минимум на месяц, а как максимум – на три, я решил предложить Витольдовне вариант. Поживём, дескать, вместе июнь, а в начале июля поедем в Сухум, где я познакомлю её с мамой и детьми, как мою невесту. Я даже письмо об этом маме написал и показал Витольдовне. Она подумала, согласилась, и я переехал жить к ней.

Что такое переехал? Забрал пару рубашек, всякую мелочь, рукописи – как раз портфель и набрался. Стали жить-поживать, но добра не наживать, ну почти, как муж с женой. Правда, иногда я видел кошмарный сон, и просыпался весь в поту от ужаса. Меня патологически пугал вариант, где я путаю дни недели и дам, «приписанных» к этим дням. Но потом привык. А вот Тамара, так и не смогла привыкнуть спать вместе. Стоило мне во сне повернуться, или не дай Бог, всхрапнуть (вообще, мне никто об этом не говорил, кроме Витольдовны), как Тамара просыпалась и пыталась перейти в детскую комнату.

Но это полбеда. А сама беда состояла в том, что я привык к определённом режиму сексуальной жизни, и этим замучил бедную Витольдовну. Как пелось в частушке времён кампучийской революции и коммунистического зверя-диктатора Пол Пота: «Загребу, замучаю, как Пол Пот Кампучию!». А, может, и не «загребу», а как-то иначе, покороче, что ли, позабыл уже.

Она сперва держалась из последних сил, а потом взмолилась.

- Не могу столько! И как ты только раньше всю неделю воздерживался?

Я объяснял непонятливой мисс, что я держался потому, что спал в постели один, а теперь, с такой красивой женщиной спать раздельно – преступление! Мы что, для того пожениться хотим, чтобы спать врозь? – задавал я Витольдовне провокационный вопрос.

Раньше на отдыхе тоже возникла подобная проблема, но там Тамара целый день отдыхала, а вечером выпивала со мной, и была, в общем, на взводе. А тут – работа, да и выпивать каждый день она отказалась. У меня, конечно, был маленький резиновый баллончик, вместо кружки Эсмарха, на всякий «пожарный» случай. Но Тамара стала буквально спаивать меня, чтобы я заснул и не требовал отдачи супружеского долга. Она плохо представляла себе режим жизни закалённого в питье и сексе хлыща, и чахла с каждым днём. Я оказался для неё, действительно, вроде Пол Пота для Кампучии.

- Послушай, мисс, может, пойдёшь ещё раз на компромисс? – шутливо уговаривал я мою «сожительницу» на очередное грехопадение.

- Знаешь, если мисс часто идёт на компромисс, то он превращается у неё в компромиссис! – съязвила мне она моей же любимой приказкой.

- Думаю, что это тебе не угрожает! – философски заметил я ей на это.

- Что ты имеешь в виду? – взвинулась Витольдовна.

- Успокойся, совсем не то, о чём ты подумала! – парировал я, - ты же не идёшь на компромисс, вот тебе ничего и не угрожает! – лицемерно успокоил я разволновавшуюся мисс.

Когда я решил брать билеты для поездки на отдых в Сухум, которые заказал заранее на начало июля, она мне позвонила на работу и сказала, неестественно скрипучим голосом:

- Дождь идёт, плохое настроение, ты знаешь, **я тут подумала, и решила** (это было её любимым выражением), не поеду я с тобой в Сухум. Приходи вечером, заberi свои вещи!

Я, конечно же, ожидал эти слова расставания, но только после отдыха в Сухуме. Однако лучше разобраться сейчас, чтобы не портить лета на ругань и упрёки. Тем более - в Сухуме, при всех. Что ж, пришёл вечером, и сложил вещички.

- Может, ляжем на прощание? – предложил я.

Тамара возмущённо указала мне на дверь. Пожав плечами, я вышел.

Дело в том, что, уезжая в Ивановское, Тамара-маленькая пригласила меня приехать к ней, уверяла, что там можно хорошо отдохнуть, и квартира на съём есть. Оставила «маршрутку» - как доехать и дала телефон директора пионерлагеря, по которому можно до неё дозвониться. Вечером же, придя домой я дозвонился до Тамары-маленькой и сообщил, что хочу приехать. Она искренне обрадовалась и сказала, что завтра же «забронирует» квартиру, вернее маленький частный домик.

А утром, часов в восемь, раздался телефонный звонок. Звонила Витольдовна, просила срочно встретиться у метро «Кунцевская»! Я был свободен, и через полтора часа уже стоял в назначенном месте. Тамара пришла нарядно одетая, хорошо причёсанная, «причепуренная» и надушенная моей любимой «Красной Москвой», где, как говорят, содержится мускус.

Увидев её, почувствовав этот знакомый запах, я так непреодолимо захотел с ней «у койку», что всё сжалось внутри, аж дыханье спёрло. «Спокойно, спокойно, джигит, - сказал я себе, - не давай себя оседлать! Ты сделал выбор, и не мельтеши теперь, как цанцар!» (цанцар или цанцари – грузинское слово, означающее человека малодушного, слабовольного, необязательного, у которого «семь пятниц на неделе», «перекати поле» и тому подобное. Не могу даже подобрать точного русского синонима!).

- Нур, сердце разорвалось на десять частей! – целуя меня, сладким, манящим голосом заговорила соблазнительница–Витольдовна. – Зря я тебя обидела, каюсь и беру свои слова назад! Давай сейчас пойдём домой, а потом поедem вместе в Сухум!

У меня так засосало внутри, что в глазах потемнело от желанья. «Вот она, сирена Одиссева, губительница мужиков!» – Твердил я самому себе. «Улисс выдержал, а ты, мастер спорта, силовик, и подашься! А Тамара-маленькая, бесхитростная и простодушная, зря будет ждать тебя! Обещал ведь, а ещё мнишь себя европейцем!».

- Тамара, у тебя семь пятниц на неделе, а у меня – только одна! Я уже обещал другой женщине провести с ней лето. Конечно, после того, как ты мне указала на дверь. Не я нарушил слово, а ты. И тебя не я подвёл, не подведу и другую женщину, которой обещал!

- Ах, ах, у тебя есть и другая женщина! – запричитала Тамара, - а я-то тебе верила!

- Ни ты мне девственницей не досталась, ни я тебе нецелованным! – жёстко сказал я Тамаре. Будем хоть честны и верны слову. Я обещал поехать с тобой и поехал бы, но ты отказалась. Тогда я дал слово другой, и теперь сдержу его, если теперь она сама не пойдёт на попятную. Такова уж наша мужицкая доля!

- А как же моё лето, мой отдых? Куда я поеду, ведь я уже вышла в отпуск! – проговорила Тамара: она облегчила мне расставание.

- Надо было думать, когда указывала мне на дверь! Чао, какао! – я «сделал ручкой» и зашёл в метро. – Господи, спасибо тебе, что не дал мне смалодушничать!

Этим же днём я прибыл в Ивановское через Черноголовку. Это сейчас мы знаем Черноголовку, как мощного производителя водки и газводы; а тогда тоже знали, но как посёлок весьма серьёзных физиков. Что-то они опасное для человечества производили, а что – не было дано знать простому народу.

Мы встретились в детском саду, и Тамара пошла показывать мне наш домик. Домик принадлежал местному жителю – Витьке-горбуну, доброму, но сильно пьющему парню. Сдал он

этот домик нам дешёво, а сам жил у какого-то приятеля. Комната в домике была одна, с койкой у печки, которую не топить было почему-то нельзя. Так что мы ночами просто плавали в поту от жары. Иногда Витька, уже сильно пьяный, приводил в домик своих друзей, и когда они допивались до положения риз, то оставались и на ночь. А нам приходилось перешагивать через валяющиеся на полу тела.

Туалет был во дворе, и туда нужно было проходить мимо собачьей будки, где на цепи сидела большая и свирепая с виду собака. Её пасть, при натянутой как струна цепи, находилась в миллиметре от тела человека, проходящего в туалет. И именно этого миллиметра не хватало разъярённому чудовищу, чтобы задрать насмерть страждущего. Поэтому иногда человек так до туалета и не доходил – страх делал своё дело раньше.

Но, несмотря на все эти страсти, всё было путём и весело. Сексуальный режим Тамару-маленькую, в отличие от Тамары-грозной, вполне устраивал. Не мешала даже жаркая печь, пьяные тела на полу, и свирепая собака. Тамара-маленькая всё воспринимала спокойно и как «подарок от Бога» - «Айнэ гутэнэ гебрэтэнэ ганц ист айнэ гутэнэ габэ фон Готт» - как любят говорить евреи на своём идиш.

Я привёз с собой фотоаппарат с автоспуском; мы наводили его на нашу койку, закрепляли и фотографировались во фривольных позах. Они подчас были настолько новы и оригинальны, что я таких не встречал даже в спецжурналах. Приятно сейчас бывает взглянуть на эти фотографии и вспомнить молодость. Телосложение у обоих партнёров было тогда на зависть – будь это сейчас, наши «фотки» можно было бы продавать любителям «клубнички».

Купались мы в озере, вода в котором была хоть и прозрачной, но с рыжим оттенком. Наверное, присутствовали соли железа или что-нибудь подобное. Тамара совсем не умела плавать, и я научил её этому искусству, именно в этом озере.

- Плыву, неужели я плыву? – удивлённо кричала Тамара, делая круги по озеру. Плавала она «по-собачьи», но очень быстро, почти как ильфопетровский Скумбриевич.

Я взял с собой в Ивановское томик Зоценко, и мы на полянке у озера читали книгу вслух, оглашая окрестности заразительным хохотом. Читаем так однажды, смеёмся и чувствуем, что потемнело как-то вокруг. Поднимаем взгляд – о, ужас! Над нами одни любопытные коровьи головы. Огромные, как «мичуринские» сливы, глаза коров, вернее, молодых тёлочек, с наивным любопытством уставились в книгу Зоценко - задние животные теснят передних, и рога «ближних» коров уже начинают тыкать нам в бока. Слюна из их ртов капала прямо на страницы нашей книги.

Тут я вскочил, схватил коврик, на котором мы лежали, и стал стегать им коров по любопытным мордам. Те же стали испуганно пятиться назад, и мы, освободившись из коровьего плена, быстро ретировались.

Оказывается, мимо проходило стадо; коровы – животные любопытные, они заинтересовались, что там такого смешного нашли эти хитрые люди, и решили сами проверить. После этого случая мы в самых интересных местах книги тревожно поднимали головы, оглядываясь - нет ли вокруг любопытных рогатых тварей?

На этой же полянке, мы иногда выпивали, приглашая в компанию подругу Тамары – Нину. Эта Нина, высокоинтеллектуальная худенькая женщина, была прирождённой спорщицей.

Пасущиеся рядом коровы и их пастухи слушали обрывки наших с Ниной фраз: «Монотеизм», «нравственная парадигма», «демиург», «теософия»... И другие, столь же непонятные, сколь совершенно бесполезные для коров и их пастухов, выражения. К общему знаменателю мы с Ниной никогда не приходили.

И чему только могли научиться пионеры и пионерки, многие из которых были уже великовозрастными, от такой вожатой? Им лучше бы послушать про гигиену секса, а то все кусты вокруг были увешаны использованными презервативами. А тут, видите ли, «нравственная парадигма»! Но вопросы секса для Нины были закрытой темой.

Вот так отдохнули мы с Тамарой-маленькой, почти что до самого сентября. С ней было в меру весело, в меру сексуально, и в меру спокойно. Никаких коллизий, сцен, скандалов упрёков, запретов, нравочений и других атрибутов сосуществования полов. Я **подумал и**

решил» (прямо цитата из мисс Витольдовны!), что для жизни это не так уж плохо. Витольдовне бы поучиться такой толерантности!

Кадры редуют

В конце августа мы вернулись в Москву, где меня ждал целый ряд сюрпризов. Прежде всего, дома я нашёл Олю с мужиком, которого она представила «своим другом Юрой». Еврейская внешность, возраст - чуть постарше меня. Юра как-то саркастически поздоровался со мной, сказав что-то вроде «премного наслышаны про вас». Оля, наверное, выболтала! Но, испытав моё костоломное рукопожатие, Юра стал вести себя поскромнее.

Оля наедине сообщила мне, что она будет жить у Юры, и освободит для меня квартиру.

- Можешь встречаться здесь с кем хочешь! – разрешила она мне, - и, вообще, - Оля перешла на шёпот, - я планирую уехать жить за границу! Да, да, не удивляйся! Юра – еврей, я выйду за него замуж и уеду с ним в Израиль, а там – в Америку! Но у меня к тебе две просьбы, как к другу и бывшему мужу. Первая – напиши справку, что я, как бывшая жена, нахожусь у тебя на содержании. Не таращи на меня глаза – иначе наша советская власть будет судить меня за тунеядство, я же официально не работаю! Вторая просьба серьезнее – я освобождаю тебе квартиру, поэтому собери мне, пожалуйста, денег на моё обустройство за границей. У тебя есть в запасе годик-полтора. Тысяч пятнадцать хватит, рублей, конечно!

- Один доллар – шестьдесят копеек! – глубокомысленно напомнил я Оле официальный курс доллара.

- Не надо, не надо! – возмутилась Оля, - на «чёрном» рынке за доллар аж три рубля дают!

- А на «белом», то есть при выезде за кордон – меняют шестьдесят копеек на доллар, – настаивал я.

- Господи, да не всё ли тебе равно, на сколько долларов я сумею разменять твои рубли! Чем больше дадут, тем лучше! – миролюбиво заключила Оля.

Я согласился собрать денег, благо я уже откладывал все гонорары за книги, оплату за научную работу и изобретения. У меня на сберкнижке уже было тысяч двадцать рублей. Конечно, комнату в коммуналке, что была у Оли, можно бы «купить» (то есть прописаться с уходом из неё бывшего жильца) тысяч за пять, не более. Но Оля для меня была близким человеком, я ей многим обязан, да и виноват изрядно перед ней. Итак, Оля исчезала с моего сексуального горизонта.

Далее, позвонив Тамаре Ивановне, я узнал, что она привезла с собой из Чегета жениха, который живёт у неё. Но она пока твёрдо не решила (а может, это он не решил!), выходить за него замуж, или нет.

- Прогоню – будем с тобой встречаться как раньше; выйду замуж – найду способ, как изменять мужу! – жизнерадостно сообщила Тамара. – А пока – беру «тайм аут»!

Но новость, которую я узнал в ИМАШе, была просто ужасной. Мне сообщили, что у Лики на море утонул муж – Владислав Ульянов. Это было ужаснее ещё и оттого, что опять сбылись мои слова, которые я сказал в своём «особом состоянии». И связь с Ликой, и гибель её мужа по собственной вине – всё было отражено в моих словах, произнесённых в присутствии Элика голосом Буратино! Я немедленно зашёл в отдел, где работала Лика, и едва узнал её. На её месте сидела осунувшаяся и, казалось, постаревшая женщина. Я чуть было не спросил её, где Лика. Она вышла, и мы уединились в закутке коридора.

Лика заплакала и закурила, хотя я раньше никогда не видел её с сигаретой.

- Ты всё знаешь? – спросила она меня.

- Знаю, но не всё, - тихо ответил я, - жду твоих комментариев.

- Итак, - вздохнув, начала Лика, - мы поехали в санаторий Министерства Обороны, что в Сухуме. Да ты, наверное, хорошо знаешь его? – я кивнул. - Владик прекратил приём анаболиков уже весной, страшно похудел, куда-то исчезли все его мышцы. Он начал «чистку» организма, хотел снова стать полноценным мужчиной и человеком. Ты знаешь, как это происходит? – я

снова кивнул. – Владик пил каждый день бутылку водки и много воды, а чтобы вывести эту воду, принимал мочегонное, причём в больших количествах...

- А калий? – быстро спросил я.

Ли́ка горько усмехнулась.

- Вот этого-то мы и не учли! И я хороша – кандидат наук всё-таки, должны же быть хотя бы элементарные познания в медицине! А Владик вообще советовался только со своими тупоумными «качками»! У нас же все сведения о допингах за семью печатями! Начнёшь у врача команды консультироваться, а тебя сразу заподозрят, на партсобрание вызовут! Тьфу! – вспыхнула Ли́ка. Вот так он и продолжал пить водку и много мочегонного. В туалет бежал каждые полчаса.

И в Сухуме у него вдруг начались судороги – то ногу сведёт, то руку. Я ему массаж делала, видела как он хочет избавиться от своей беды. Купили «но-шпу», судороги чуть поутихли. Обрадовались мы, что вроде всё как надо идёт. Я уже и водку вместе с ним пить стала, чтобы помочь ему.

- Знаешь, - как-то в постели признался мне Владик, - а я ведь почти что изменил тебе с год назад. Пристала некая женщина, как оказалось, любовница одного профессора и бывшего спортсмена-штангиста. Пришлось лечь с ней в постель – она без ума была от моего тела. – Тебе, - говорит, - в подмётки не годится мой бывший! А когда коснулось дела, как я ни старался - ничего не вышло. Пришлось сказать ей, что жена у меня красавица, а она – не в моём вкусе. Боюсь, - говорит, - что она своему «бывшему» всё расскажет, а он часто в твоём институте бывает. Пойдут гулять сплетни. Хотя бы уж скорее настоящим мужиком стать, всё сделаю для этого!

- И тут я совершила ошибку – сказала, что знаю этого «бывшего», и назвала твою фамилию, - призналась Ли́ка. – А потом уже ошибку роковую – выпила, дура, и призналась, что была с тобой. А он только и спросил: «Ну и как этот штангист в койке?» Я и сказала как.

Посмотрел Владик мне так пристально в глаза и повернулся к стенке.

- Может и прощу тебе это, когда опять мужиком стану, но только не сейчас! – прошептал он в стенку.

- А назавтра пошли мы с ним на море купаться, ты знаешь, там пляж весь в спасателях и наблюдателях. Было десятое августа...- Ли́ка всплакнула, и, утерев слёзы, продолжила, - плывём вместе, чувствую, Владик задыхается. Перевернулся он на спину, лежит, пытается отдышаться. Вдруг глаза его закатываются и тело как-то задёргалось. Я – к нему, голову поднимаю, чтобы не захлебнулся, ору благим матом, машу рукой. Помогите, мол, тонем!

Подоспели спасатели, вытащили Владика на берег, начали откачивать, а воды в лёгких нет! Подошёл врач, посмотрел и говорит мне: «Остановка сердца, мы бессильны!»

- И всё, делай что хочешь! Как это ужасно – все отошли в сторону, оставили меня одну с мёртвым мужем. Сама, дескать, и разбирайся с ним. Поодаль отдыхающие купаются, в волейбол играют... Нет, не по-людски всё это! Как антилопы в Африке – лев только задрал одну из них, а остальным - хоть бы хны! В Москве подтвердили – остановка сердца из-за дефицита калия. Принимаешь мочегонное – принимай и препараты калия! Говорят, от этого много спортсменов погибает, футболисты прямо на поле мрут! Нет, чтобы везде кричать, писать об этом, - держат в секрете, у нас, мол, в СССР допингами не пользуются! – снова взвинулась Ли́ка. Так он и не простил мне измену с тобой! Что делать теперь? – снова заплакала Ли́ка.

- Молиться, а что ещё? – высказал я то, что думал. – Тогда и я скажу тебе, раз такое дело. То, что ты жена Ульянова, только раззадорило меня. Я узнал, что моя любовница Тамара переспала с твоим мужем, мы с ней и поссорились из-за этого. И то, что она была восхищена его физическими данными – тоже знаю, мир не без добрых людей, а Владик имел неосторожность проговориться друзьям. Но про его беду я впервые от тебя узнал. Правда, потом и Тамара подтвердила это.

Конечно же, про моё «особое состояние» и слова, произнесённые голосом Буратино, я не сказал.

- Лика, ты молодая и красивая женщина, у тебя ещё всё впереди! – сделал я попытку успокоить её, - но знай, что «чистка» спиртом и мочегонным обычно не восстанавливает утраченных мужских качеств. В лучшем случае прекращается лишь тяга к анаболикам – это же своего рода наркотик! Если бы это вернуло твоё душевное равновесие, я бы предложил тебе руку и сердце, - соврал я, - но знаю...

Лика замахала руками, не дав мне закончить фразу.

- Прошу тебя – о былом ни слова! Если хочешь – будем просто друзьями, но знай, что теперь мне очень тяжело тебя видеть, так что лучше...

- Ухожу, ухожу, ухожу! – понял я намёк, а Лика вся в слезах пошла к себе в отдел.

После этого случая я дал себе слово «никогда, никогда...» не использовать мой страшный мистический дар – дар проклятия. Но, как говорится, заклялась свинья на помойку не ходить! Были ещё три случая, о которых мне хоть и тяжело вспоминать, но уж «раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!». Вернее, три последних огурца. Случаи эти лишены какой-либо романтики – ревности, там, или измены, как вышеописанный. И вполне можно было бы не брать греха на душу. Но уж – что было, то было!

Первый из них произошёл вскоре после гибели Владислава. Я встретился близ ИМАШа с друзьями - сотрудниками института. Прекрасно помню, где это произошло – у памятника Грибоедову на Чистых прудах. Там я и получил от них известие, что один хорошо знакомый человек, которому я доверял, подготовил «смертельный удар», который намеревается нанести мне завтра на Учёном Совете института.

Снова, как и раньше, закружилась голова, всё вокруг померкло, затихло, остановилось, я словно отодвинулся и откуда-то из-за пьедестала памятника Грибоедову услышал чужой и безучастный голос, исходящий из уст моего тела, стоящего в кругу друзей:

- Не успеет. Сегодня же вечером разобьётся на автомобиле!

Наутро я пришёл на работу с небольшим опозданием – помню, покупал полушубок, который для меня «отложили» в магазине. И сотрудники с каменными лицами сообщили мне, что слова мои с точностью сбылись - поздно вечером человек тот попал в автокатастрофу, причём погиб не один. Я тогда испугался, чуть голоса не лишился, и вспомнил случай с Владиславом...

Уже в начале девяностых годов в пятницу вечером вдруг звонит мне домой близкий человек, как говорится, «друг номер один» (не хочу называть по такому случаю его имя-фамилию, он хорошо известен читателю из предыдущего), и сообщает следующее. Некий влиятельный, молодой и жёсткий человек, хорошо мне знакомый, подсунул ему такую «свинью», что дальнейшее пребывание в нашей стране, то есть в СССР, становится для него если не опасным, то по крайней мере, бесперспективным. Услышав это, я понял, что могу лишиться одного из самых близких мне людей, да в результате и лишился, так как он уехал в США.

Произошло опять то же, что и раньше: в бешенстве я ударил кулаком по столу и взревел в трубку: «Да чтоб он сдох, гад...» - после чего, вспомнив прошлое, закрыл рот себе рукой, но было уже поздно. Наступили всё те же симптомы, и в тишине, полутьме и безвременье некто похожий на меня добавил, как потом мне рассказывал мой друг, «электронным» голосом: «от апоплексического удара!» Никогда раньше я этот архаический термин не произносил, но тем не менее в понедельник утром я узнал, что накануне наш недруг – молодой и внешне здоровый человек - умер от тяжелейшего инсульта.

А о последнем случае я жалею больше всего. Потому, что не к чему было мне прибегать к столь сильному оружию за, в общем-то незначительный проступок (а может и не проступок, а вынужденный поступок людей!). Но, вмешался наш родной, российский фактор – водка, и я считаю - преступление - было совершено.

Лет пять назад я часто ездил в командировку в один большой город к востоку от Москвы. Там, на крупном бывшем «военном» предприятии заинтересовались моими изобретениями и готовы были их внедрить на очень важном «изделии». Главным сторонником моего изобретения был сам руководитель предприятия, но и главный конструктор не отставал от него. Я только и

слышал от них ... «давай, давай!». Я и «давал» - часто летал, преодолевая страх, на самом ужасном для меня виде транспорта – самолёте, работал день и ночь. Мы даже подружились друг с другом, часто выпивали вместе, каждый мой приезд ходили в шикарную сауну при предприятии.

И вот, в последний мой приезд (а я ещё не знал, что этот приезд будет последним!) меня встретили особенно приветливо и ласково, особенно трогательно одаривали сувенирами и фотографиями нашей предыдущей встречи. И немедленно повели в сауну, так как прилетел я уже вечером. Там, как водится, выпили и даже фотографировались, прикрывшись, конечно же, полотенцами. А под конец запросто объявили мне, что моя тематика их больше не интересует, так как у них есть более выгодные предложения. Приезжать, конечно же, приглашали, но, увы, не по делу.

У меня весь хмель вылетел из головы. Я быстро закончил банные процедуры, сказал, что завтра же вылечу обратно в Москву, и холодно откланявшись, ушёл. Уже у себя в номере гостиницы почал бутылку дарёной «сувенирной» водки и, буквально, впал в бешенство. Потеряно время, труд, а главное – надежда. Ведь я верил, что в провинции будет легче «внедрить» моё предложение, чем в столице. Тем более с такими влиятельными друзьями! Я достал подаренную мне фотографию, в ярости смотрел на весёлые, радостные, хмельные лица друзей, теперь уже бывших! И снова как бывало и раньше, впал в своё «особое состояние», которое добром ещё никогда не заканчивалось. Все сдерживающие центры отключились, и я готов был на самое страшное.

Прежде всего, я «препарировал» фотографию, отделив себя и других - «невинных» людей, от «жертв». Делал я это перочинным ножом, так как не нашёл ножниц. Долго, внимательно смотрел в лица людей, ещё не подозревавших, что им угрожает, и злодейски улыбался. Затем открыл в ноже шило и с удовольствием проткнул своим бывшим друзьям глаза. Губы шептали совершенно неведомые мне слова заклятий, но шептали складно и без ошибок. Наконец, я мелко порвал обезображенные шилом фрагменты фотографии и утопил их в унитазе, сопроводив напутственными словами. Затем, не переставая улыбаться, допил дарёную «друзьями» водку, и лёг на постель. Наступило блаженное спокойствие, сознание правильно выполненного дела, долга, что ли.

Я быстро заснул и утром встал в хорошем настроении. На первом же самолёте вылетел в Москву, моля Бога, чтобы он не наказывал меня за содеянное, и чтобы я поскорее приземлился в любимой столице, которая стала мне ещё дороже.

В Москве я удесятерил свои усилия по реализации моего проекта и вскоре нашёл инвесторов в Германии. А года через полтора после последнего визита к моим бывшим друзьям, я «зашёл» на сайт их предприятия, чтобы узнать, чем всё-таки они занимаются. И с удивлением обнаружил, что и директор, и большинство из руководства предприятия – новые люди. Я позвонил в секретариат, где мне сообщили, что руководитель скоростно скончался почти год назад, а главный конструктор тогда же серьёзно заболел, стал инвалидом первой группы, и уволился. А новый начальник привёл новую команду...

Вот и всё! Страшно не хочется добавлять слово «пока», Бог даст, на этом и закончится! И так список жертв достаточен, да и невинные пострадали – в том автомобиле, что разбился, например. Теперь если кто-нибудь меня «доводит», то я просто тихо говорю ему: «Бог с вами!» или «Бог с тобой!». А недавно узнал, что именно эти слова говорил Сталин людям, которые его «доводили» ещё в 20-х годах. В 30-х он уже этих слов не говорил. Довели, видимо, окончательно...

Мне осталось только рассказать, как ушли с моего горизонта Маша с Луизой. Муж-миллионер бросил-таки Луизу. Их общую большую квартиру он оставил себе, а Луизе купил однокомнатную в Бирюлёво. Спорить с таким «крутым» мужем опасно, вот Луиза и уехала на громадное расстояние от Красногорска. К Маше она почти перестала приезжать. Так распалась наша весёлая троица...

С Машей я продолжал ещё некоторое время встречаться, но встречи эти были лишены прежней остроты и новизны. А вскоре они и вовсе прекратились – Маша нашла себе «молоденького мальчика» (так, по крайней мере, она сама мне сообщила) – студента. Маша

довольна, студент, по её словам, тоже. Вот так студенты сменяют профессоров на их «посту»! Что поделаешь – диалектика!

Жизнь моногамная

Вот так к зиме 1982 года я остался в несвойственной для меня моногамной связи не только с одной-единственной Тамарой, а именно с Тамарой-маленькой, но и вообще с женским полом. Поэтому на встречу Нового Года, ни на какой «подлёдный» лов рыбы я не поехал. Тамара-маленькая постоянно интересовалась моими планами на этот счёт, но я успокоил её. Зима, дескать, тёплая и лёд на нашей реке не установился.

Оля «выбыла» с Таганки, а мы Тамарой (буду называть её только по имени, так как других Тamar у меня уже просто уже не осталось!) стали жить там вместе. Это, разумеется, было удобнее, чем постоянно разбираться с пьяной старухой и её нерусскими собаками, цыганом-зятём, полупьяной дочкой и другими соседями Тамары. Включая красивую Людмилу, несостоявшаяся любовь с которой вернула меня снова к Тамаре.

На встречу Нового Года Тамара «достала» (не забывайте эру постоянного дефицита!) две бутылки вкуснейшей брусничной наливки. Это, конечно, помимо традиционного шампанского. 31 декабря вечером я заглянул в почтовый ящик и, помимо пары поздравительных открыток, нашёл письмо с конвертом издательства «Детская литература». Я туда ещё месяца два назад сдал свою рукопись книги «В поисках энергетической капсулы», и ждал решения на неё. Уверенный в том, что под Новый Год мне могут прислать только положительный ответ, я вскрыл конверт и огорчённо прочёл отказ. По каким-то мифическим причинам издательство отказывается в публикации книги, которую само же заказывало! Взбешённый я разорвал письмо на мелкие кусочки и стал топтать его. А тут Тамара довершила мой «кайф».

Желая, видимо, вспомнить своё официантское прошлое, Тамара разместила на маленьком подносе три бутылки - две с брусничной наливкой и шампанское. Затем, поставив этот поднос на одну руку и, пританцовывая, понесла поднос в большую комнату, где стоял стол. Но навыки официантки, имевшиеся у Тамары в минимальной степени, уже были полностью утрачены. Поднос соскользнул с руки, и по закону Аристотеля, первым упало на пол шампанское, а на него уже и наливка.

К сведению гуманитариев – Аристотель справедливо считал, что тяжёлые предметы падают быстрее лёгких (опыт Тамары - это лишнее тому подтверждение!). Галилей, вроде бы, бросая с пизанской «Падающей башни» тела разного веса, доказал, что это не так, и все тела падают одинаково. Но я раскопал первоисточники и показал, что Галилей этого не доказывал. Да и не мог бы этого сделать – бросьте сами с балкона утюг и подушку, что, они приземлятся одновременно? А потом я и сам доказал, что Аристотель был прав даже для безвоздушного пространства, где сопротивление воздуха не искажает картину падения.

Утверждают, что Ньютона активизировало на его открытие падение яблока на голову. Меня же - опыт, поставленный Тамарой, где все три бутылки были разбиты. Но первой всё-таки упала более тяжёлая бутылка шампанского, а на неё уже более лёгкие бутылки брусничной наливки. И я с ужасом наблюдал на полу кроваво-красную пенящуюся лужу, в которой среди осколков бутылок плавали клочки разорванного злосчастного письма.

До чего же полезны, бывают эти наблюдения для учёных людей! Они могут привести как к адекватным, так и неадекватным последствиям. Адекватным последствием, хотя и достаточно отдалённым, было математическое доказательство первоочерёдности падения на Землю тяжёлых тел по сравнению с лёгкими. Хотя это и противоречит «нерусским» учёным – Галилею и Ньютону, но, тем не менее, я не шучу. Не буду отсылать вас к моим многочисленным статьям, которые трудно и хлопотно искать.

Возьмите в любой крупной библиотеке мои книги по физике: «Удивительная физика» - 2003 и 2005 годов издания, и «Парадоксальная механика» - 2004 года, прочтите и убедитесь! Потенциальный православный, то есть почти русский Аристотель здесь больше приближался к

истине, чем католик Галилей или протестант Ньютон. Это ещё раз подтверждает гипотезу сталинских времен о том, что Россия – всё-таки родина слонов, и не только их!

Теперь о неадекватных последствиях. Сильнейший стресс, вызванный одномоментным лишением меня всей выпивки на Новый Год и «потерей» книги, всеми последствиями обрушился на его виновников. Поскольку с письмом я уже расправился, то осталось разделаться и с Тamarой. Одним движением я бросил её на кровать, и уже, было, хотел «пустить кровь», но потом решил, что это будет слишком быстрым и лёгким наказанием. И тут, вспомнив частушку про то, как жестокий Пол Пот расправлялся со своей Кампучией, стал проводить эту же экзекуцию с Тamarой. И делал это, как под бой курантов, так и под «Голубой (в буквальном смысле этого слова) огонёк!» Экзекуция длилась до самого утра, и я ставил кухонным ножом соответствующие зарубки на койке.

Утром же, когда прошло сильнейшее головокружение, достигнутое без капли спиртного, я подсчитал число зарубок. Оно оказалось двузначным и «круглым» - десять! Правда, десятая зарубка была поменьше других, что вроде бы, дало основание считать эту цифру девятью с половиной.

Так, до сих пор этот факт остался спорным для нас с Тamarой. Хотя в чём разногласие – в каких-то пяти процентах? Да это вполне приличная точность для современной науки, тем более, сексологии, скорее даже сексопатологии! Можно было, конечно, повторить эксперимент, но для этого нужно было бы, как минимум, уничтожить всё спиртное в доме под Новый Год, что, согласитесь, пахнет садизмом!

Судя по встрече Нового Года, этот год должен был быть для нас полным стрессов и гипертрофированного секса. Но, видимо, суеверным приметам верить нельзя. Прежде всего, сразу после праздников я созвонился со знакомым редактором издательства «Детская литература». Тот с извинениями сообщил, что такое письмо было отправлено мне только потому, что издательство забыло включить книгу в план выпуска на 1983 год. А если такое письмо не отправить, то виновные в этом останутся без премии. Книга же будет выпущена в самом начале 1984 года, она одобрена, и аванс скоро будет отправлен на мой счёт в сберкассе (тогда так назывался Сбербанк, а в Германии и сейчас используется аналогичное название – «Шпаркассе»).

На начало июня была назначена защита диплома Саши, и он, постоянно консультируясь со мной, стал завсегдатаем нашей квартиры на Таганке. Так как мы нередко, а если честно, то всегда выпивали с ним, Саша частенько оставался у нас и ночевать. А утром, в отличие от меня, ему трудновато было вставать.

Тамара же, уволившись ещё в конце прошлого года из своего НИИ Минералогии, всю весну устраивалась на работу в НИИ Технического стекла. То есть решила переqualificироваться из последовательницы «нерусского» Ферсмана, в продолжательницу дела «нашего» Ломоносова – известного «стекольщика». Ведь это он писал в стихах «служебную записку» своему начальнику:

«Те о стекле неправо думают, Шувалов,
Которые его чтут ниже минералов!»

Видимо, это двустихье произвело на Тамару такое сильное впечатление, что она решила покинуть НИИ Минералогии и перейти в НИИ Технического стекла. И претворяла намеченное в жизнь всю весну до лета в статусе безработной. Я с некоторым подозрением оставлял Сашу дома, наедине с его абстинентным синдромом и моей Тamarой. Тем более, их симпатия друг к другу и не скрывалась. Когда мы, выпивая вместе, доходили до расспросов: «Ты меня уважаешь?», и целовали друг друга, то Саша с Тamarой делали это с особой нежностью и длительностью. А кроме того, Саша всех женщин на кафедре, включая красивую Иру и мою будущую невестку Наташу, называл не иначе, как «Тамарочка». Ира деликатно обратила моё внимание на это, и я заинтересовался данным феноменом. Как-то спросил Сашу без обиняков, какие чувства он испытывает к моей Тамаре, раз всех вокруг называет её именем.

Но тот, глядя прямо мне в глаза преданным взглядом, ответил:

- А какие, по-вашему, чувства я должен испытывать к любимой женщине моего любимого руководителя?

Я счёл этот ответ достойным джентльмена, и мне стало стыдно за мой неинтеллигентный вопрос. А если даже у них имеется «лёгкий флирт», то и Бог с ними, пусть радуются жизни. Лишь бы от этого флирта дети не рождались! Но Тамара, как я уже упоминал, была застрахована от таких последствий. Кому же будет плохо, если двое людей, которых так люблю я, ещё будут любить и друг друга? Тогда чувство это будет логически замкнуто; пелось ведь в песне тех лет: «Любовь – кольцо!».

Но переводить это чувство в полный коллективизм отношений я считал, как минимум, преждевременным. Ведь студент – это ещё даже не аспирант, как, например, Виктор из ИМАШа. Это, скорее, ближе к школьнику, а это – табу для преподавателя!

Саша с отличием защитил диплом и стал готовиться ко мне в аспирантуру. Наступила пора отпусков, и я отпустил Тамару в её любимые пионерлагеря. Она ездила туда, чтобы вместе с дочкой отдохнуть, да к тому же, это засчитывалась ей как работа, так как туда посылали от предприятия. Дополнительным преимуществом было и то, что их – «вожатых» обеспечивали жильём, едой и заработком. Недостатком же были сами пионеры: в младших отрядах – слишком беспомощные и назойливые, а в старших – грубые и развязные (вспомним окрестные кусты в презервативах!).

Кафедральные шуточки

Осенью Саша поступил в аспирантуру. Сначала я наметил ему тему диссертации – маховичный погрузчик, и Саша энергично взялся за дело. Но тема «зачахла» из-за нехватки финансов у заказчика. Попытались сделать науку на гибридном «электро-маховично-бензиновом» автомобиле, но эксперимент был очень несерьёзным, почти фантастическим. Мы так перестарались, корректируя эксперимент в свою пользу, что наш автомобильчик, выходило, не потреблял, а выдавал бензин и электроэнергию.

И, наконец, подвернулась «живая» тема с маховичным «стоп-стартом», о котором я уже рассказывал. Саша прекрасно защитил диссертацию, а было это уже в 1986 году. Мне удалось выхлопотать для него место в докторантуру. К тому времени меня назначили заведующим кафедрой «Детали машин», где я сменил на этом посту Сергея Михайловича Борисова.

Помните красивого, славянской внешности учёного, который первым дал мне, тогда ещё студенту, положительный отзыв на изобретение? И вот, через тридцать лет после этого, он мне оставил ещё и кафедру. Бывает же так, что один человек всю жизнь делает другому только доброе. У меня таких людей было достаточно: Буся, Фёдоров, Недорезов, Медведев из Курска, декан, а потом ректор – Хохлов, конечно же, Сергей Михайлович Борисов. Даже удивительно, что при поддержке стольких влиятельных людей у меня были и промашки, причём существенные. Но они случались, в основном, в личном плане, и не мешали вести весёлую и динамичную жизнь на работе.

Есть анекдот про Сталина, посвящённый теме работы и шуток. Как-то в присутствии французского писателя-коммуниста Анри Барбюса, Сталин вызывает к себе коменданта Кремля и показывает ему какую-то бумагу.

- Вот, товарищ комендант, на вас поступило заявление, что вы – агент немецкой разведки. Придётся вас, товарищ комендант, расстрелять!

Комендант чуть ли ни в обмороке, а всех вокруг, в том числе и Барбюса, пот прошиб.

А Сталин лукаво так улыбнулся и говорит:

- Вот видите, товарищ Барбюс: мы большевики, оказывается, не только работать, но и пошутить умеем!

Вот так, или почти так, пытался и я совмещать напряжённую научно-педагогическую работу на кафедре с шуточками и розыгрышами.

Конечно, разыгрывать сотрудников так, как я это делал с Биллом, у меня не получилось бы. Они тоже не лыком шиты, и не так наивны, как американцы.

Были розыгрыши, совсем безобидные. Например, на двери нашей преподавательской была строгая надпись: «Уходя, гаси свет!». Тогда я приписал ещё одну запятую, и получилась настоящая угроза китайцам: «У, ходя, гаси свет!». Все смеялись, но за китайцев, как за «нацменов» - «национальное меньшинство» (!) вступился правозащитник Шмидт - сын академика Шмидта, и запятую стёрли. Не знаю, помнят ли об этом сейчас, но словом «ходя» дразнили в старое время китайцев, даже в стихах Есенина это прозвище встречается.

Были шутки и позлее. Работал у нас на кафедре доцент Туровский Григорий Матвеевич. Он почему-то считал, что я – еврей, ну, а я, соответственно, считал евреем его. Справедливости ради, надо сказать, что вся кафедра нас обоих считала евреями, хотя бы по внешности. Замечу, что этот доцент впоследствии эмигрировал, что подтверждает мою гипотезу его происхождения.

Вот мы и обменивались шуточками по этому поводу – прилюдно поздравляли друг друга с еврейскими праздниками, заговаривали друг с другом на идиш и так далее. Мы оба были юмористами, и не обижались друг на друга. Но я решил нанести Григорию Матвеевичу «смертельный» удар.

Приближалась еврейская пасха - «пейсах», и я пошёл в синагогу за мацой. Но не за простой, а «кошерной» - специально приготовленной под присмотром раввина. Синагога располагалась в Китай-городе на улице художника Архипова. Я то думал, что это какой-нибудь чисто русский Прокофий Дормидонтович Архипов, рисовавший быт бояр там, или крепостных крестьян. А оказалось то, что это живописец, звали которого Абрамом Ефимовичем, национальность – «да, а что?»!

- Метко выбрали место для синагоги! – подумал я, - или, может быть, улицу назвали под синагогу, всё равно - остроумно распорядились власти!

Я напялил на голову сванскую шапочку, похожую на еврейскую «кипу», и смело зашёл в синагогу. У прилавка, где продавали мацу, рядом с продавцом стояла толстая «тётя Сара», внимательно смотревшая на меня.

- Маца кошерная? - привередливо спросил я у продавца – типичного «дяди Абраши».

- Об чём речь! – горячо заступился тот за свою мацу, - пекли под наблюдением нашего ребе Шаевича, вот и сертификат об этом, - и продавец указал на этикетку к пакету мацы.

Я купил один пакет и уже было уходил, когда «тётя Сара» решила-таки «протестировать» меня. Она-то знала всех постоянных посетителей синагоги, но меня видела впервые.

- Ви не знаете, когда конкретно наступает в этом году наша пасха? – спросила она меня тоном экзаменатора.

- Зачем не знаю – ваша пасха конкретно наступает за неделю до нашей! – тоном отличника бердичевской школы, ответил я, и, «сделав ручкой» дяде Абраше и тёте Саре, вышел на улицу живописца Абрама Ефимовича Архипова.

Каюсь, немного мацы из пакета я съел – очень уж нравится она мне на вкус. А остатки вместе с пакетом запихнул в портфель доцента Туровского, пока в преподавательской никого не было. Наступил перерыв между парами, и в комнату зашли преподаватели, в том числе и сам доцент Туровский.

- Ну что, профессор Гулиа, мацой запаслись к вашему пейзажу? – любезно поддел меня Туровский.

- Про мацу бы молчали, Григорий Матвеевич, - укоризненно заметил я, - сами ведь только из синагоги, где её-то и брали! Агентура донесла! – авторитетно заявил я ему при всех.

- И куда же я эту мацу девал? – издевательски спросил доцент Туровский, - неужели съел всю?

- Было такое – съели малость, а остальное в портфель запихнули! Агентура опять же донесла! – твёрдо заявил я.

- Тогда смотрите все, как я уличу профессора во лжи! - патетически заявил Туровский и, раскрыв портфель, поднял его...

И тут из портфеля на пол выпадает пакет с мацой. Я быстро поднимаю его и начинаю рассматривать. «Маца кошерная, выпекалась под наблюдением раввина Шаевича» - громко читаю я на этикетке с печатью. Достав из пакета полоску мацы, я энергично захрустел ею.

- И даром, что кошерная! – согласился я, - хрустит-то как!

Я отдал ошарашенному Григорию Матвеевичу пакет с остатками мацы и посоветовал:

- Склероз надо лечить, ребе Туровский! А то агентура донесёт вашему ребе Шаевичу, что вы ведёте себя прямо-таки как антисемит!

Туровский был сражён навсегда. Он пытался было рисовать магеновиды на моих рукописях, класть мне на стол тору, но всё это было шито белыми нитками. А устроить мне более серьёзный казус, например, тайно сделать обрезание, он просто был не в силах. Так и эмигрировал неотмщённым...

Но однажды я устроил ему на кафедре такой розыгрыш, от которого слабонервные чуть не попадали в обморок. Пищевая соль хранилась у нас в химической баночке, на которой шутник-Туровский стеклографом написал её формулу: «NaCl». Я стёр одну букву – «l», написал вместо неё «N» и получилось «NaCN» - цианистый натрий, смертельный яд, которого, кстати, много на нашем базовом заводе-ЗИЛе, находившемся через улицу. Он там используется для цианирования – упрочнения стальных поверхностей.

Как-то во время какого-то общего ужина на кафедре, люди не обращая внимания на маленькое изменение в надписи на баночке, спокойно солили себе пиццу. А немного погодя, я, как бы невзначай, беру баночку и читаю: «Натрий це эн» - что это такое? – спрашиваю я у Туровского.

- Не «це эн», а «хлор»! – досадливо пояснил Туровский, но Шмидт уже выскочил из-за стола.

- Дайте сюда банку! – вскричал он, бледнея, - всем прекратить есть! – скомандовал Шмидт, увидев надпись на банке, - Ира – срочно вызывайте скорую!

Кому-то за столом стало плохо. Назревал большой скандал. Я тут же подхватил банку, и, высыпав порошок на ладонь, лизнул его.

- Да это же соль, обыкновенная поваренная соль, а шутник Туровский вместо «l» написал «N»! Цианистый натрий имеет совсем другой вкус! – пошутил я, но шутки никто не заметил. Все ополчились на Туровского, обвиняя его чуть ли ни в терроризме.

Я думаю, что если сейчас мои коллеги узнают, кто в действительности написал это, они могут меня побить. Но я так просто не дамся!

И вот - из такого шутника-затейника с каштановой бородой и такими же волосами до плеч (теперь я могу признаться, что постоянно красил и то, и другое, потому, что лет с тридцати начал катастрофически седеть), я превратился в брюзгливого, мрачного «римского менялу» с короткими, полностью седыми волосами, что на голове, то и на бороде. Брился я редко, и, как минимум, двухнедельные седые борода и шевелюра на голове у меня присутствовали. Постарел я лет на двадцать. Вот что делает с человеком роковая промашка, о которой речь пойдёт попозже.

Но этот кошмар начнётся только с начала 1987 года, будь он неладен! А пока на календаре июнь 1984 года, дела у меня идут отлично – аспиранты во главе с Сашей работают, Моня уже закончил свою докторскую, наука движется. Вышла моя автобиографическая научно-художественная книга «В поисках энергетической капсулы» в издательстве «Детская литература» тиражом в 100 тысяч экземпляров. Тираж, огромный по современным меркам, был тут же раскуплен, и издательство выпускает книгу в подарочном варианте – многоцветную, с цветными вставками и фотографиями, твёрдой обложкой, оформленной «под Палех», тем же тиражом. Заинтересованные немцы переводят книгу и издадут её в многоцветном варианте в Германии. Наша телепередача получает выход в эфир два раза в неделю по часу! Популярность – бешеная!

Гудауты

К лету я получил бесплатную путёвку в дом отдыха на Чёрное море в город Гудауты. Это рядом с Сухумом, и я смогу легко заехать туда после отдыха. Туда же должна будет приехать и Тамара-маленькая в конце июля.

До этого я никогда не бывал в домах отдыха и мало представлял себе, что это такое. Больницу я уже знал, там, вроде, лечат. На турбазе ходят в походы, но, в общем, это – бардак! Мне бывалые люди подсказали, что дом отдыха – тоже бардак, и это меня обрадовало. Но на всякий случай я взял с собой и работу.

Гудауты – маленький городок, и от вокзала до дома отдыха я дошёл пешком. В путёвке было записано, что это дом отдыха номер такой-то Совпрофа, или там чего-то ещё. А оказалось, что это – дом отдыха имени моего дедушки Дмитрия Гулиа.

Прямо в холле, куда нас запустили по приезду, на стене висела огромная, писаная маслом картина: «Д.И.Гулиа на могиле Тараса Шевченко». Там дедушка был изображён с обнажённой головой и развевающимися по ветру седыми волосами, стоящим у могилы Кобзаря на крутом берегу Днепра.

Поселили меня в одной комнате с восемнадцатилетним пацаном Мишей. Я был удивлён таким подбором контингента. Но мне пояснили, что присутствие солидного пожилого (это с их точки зрения!) человека не даст разгуляться юному созданию.

За стеной жила такая же пара – двадцатилетняя девушка и пожилая тётка лет шестидесяти. Кстати, меня с этой девушкой разделяла лишь тонкая стенка, сантиметров в пять толщиной. Можно сказать, что мы спали рядом, практически в пределах прямой досягаемости, если бы, конечно, не стена. Но обо всём этом я узнал попозже.

А пока я, сбегав за прекрасным портвейном «Букет Абхазии», пригласил Мишу отметить заселение. То есть я сходу начал воспитательную работу с молодёжью. Бутылок было много, Миша от страха ахнул и попросил позволения выйти. Через пару минут он появился с очаровательным созданием примерно его же лет, но противоположного пола. Я сразу же позавидовал Мише – девушка была стройной, красивой, с глазами цвета сирени и длинными русыми волосами. Этакая русалка, Лорелея в сухопутном исполнении. Девушку звали Ирой, и оказывается, именно она жила за стенкой в соседней комнате.

Мы выпили, закусили арбузом, который ещё раньше притащил Миша, выпили ещё, перешли на «ты». А затем Миша вдруг отпросился на море. И ушёл без Иры. Я с недоумением спросил у неё, почему он ушёл один, а Ира с не меньшим недоумением переспросила, почему она должна была уйти с ним. Оказывается, Ира вовсе не была девушкой Миши. Просто её соседка с места в карьер принялась читать Ире нравоучения, и та вышла отдохнуть от них в коридор. А тут возвращается Миша из туалета, куда, оказывается, он и отпросился.

- Чего скучаешь? – без обиняков спросил он Иру.

- Да соседка нудная попалась, всю плешь проела! – пожаловалась девушка.

- А идём к нам, у меня сосед – клёвый мужик, уже пить сели! – предложил Миша.

Вот так и появилась эта парочка у нас в комнате.

- Тогда что, продолжаем тосты? – недоверчиво спросил я.

- Золотые тосты продолжаются! – задорно проговорила Ира и подняла свой стакан.

Ира была приятно удивлена, когда узнала, что наш дом отдыха имени моего дедушки. И, рассмеявшись, рассказала, что на картине в холле волосы у дедушки развеваются в одну сторону, а листья на деревьях – в другую.

- Куда же ветер дует? – весело удивлялась Ира.

Мы с Ирой вместе искупались в море, пошли на ужин, где я поменялся местами с её соседом по столу. Потом гуляли вокруг танцплощадки, и Ира пригласила меня зайти и потанцевать. Я отказался, сказав, что не люблю танцы (причём «не люблю» - это очень мягко сказано!). Но я не обижусь, если Ира оставит меня и уйдёт танцевать одна. Она подумала и не пошла на танцплощадку.

Мы гуляли до позднего вечера, и когда я проводил Иру до её комнаты, в коридоре было уже безлюдно. Я узнал у Иры, у какой стены она спит. А потом сказал ей, что я сплю, вернее, лягу, а буду ли спать – вопрос, на расстоянии ладони от неё.

- Ира, я возьму сверло и проделаю дырочку между нами! – пошутил я.

- На уровне глаз или ниже? – серьёзно поинтересовалась Ира.

- И здесь и там! – стал заводиться я.

- Успокойся! – тихо сказала мне Ира и неожиданно поцеловала меня в губы, - стена нам не помешает. Но не сегодня! Иди к своему Мише и постарайся его не изнасиловать! – захихикала она и проскользнула к себе в дверь.

Конечно же, я никак не мог заснуть. Ощущение того, что не будь стены, я бы легко дотянулся до любой точки Ириного тела, не давало мне уснуть. Постучать в стенку я боялся – догадается старая карга-соседка. Я тихо скрёбся в стену, но ответа не получал.

Тогда я стал думать и гадать. Мне сорок четыре года, Ире - двадцать. Разница существенная, но не катастрофическая, тем более, я спортивен, выгляжу и одеваюсь по молодёжному. Учится Ира в Киеве в Политехническом, но живёт в общежитии, потому, что прописана у родителей в Конотопе. Русская, мечтает о Москве. Я сказал ей, что разведён, даже паспорт показал – там печать, что брак расторгнут. Такой молодой женщины у меня ещё не было, если говорить о серьёзных связях, а не об одной ночи. Я совершенно не сомневался, что близость у нас будет – не сегодня, так завтра. Ира – девушка умная, хорошо учится, думает о карьере всерьёз. Свой брат – технарь! И начитанная – я исподволь тестировал её – и «Фауста» Гёте, и Зоценко, и Рабле, и Ильфа с Петровым – всё читала. Даже «Манон Леско» читала, хорошо помнит и любит это произведение. С ней не соскучишься! Прекрасно плавает, занимается бальными танцами, даже участвовала в каком-то чемпионате.

Но – замужем. Муж – тоже из Конотопа, сейчас в армии, ещё год служить. Моложе её почти на год. Детей нет. Вот и все исходные параметры. Мне она откровенно нравится. На её фоне Тамара, та с которой я живу в настоящее время как с женой, начинает блекнуть. Но я не мальчик, хорошо помню обманчивость первых впечатлений.

- Главное – не шустрить! – мудро решил я и зевнул. Сон оказался сильнее эмоций, и я заснул.

На завтрак я не пошёл – не было аппетита. Я влюбился! Днём была экскурсия в Новоафонские пещеры. Я уже бывал в них не раз, а Ира – нет. Кто бывал там, тому не надо говорить о сказочном зрелище и сильнейших впечатлениях от подсвеченных разноцветными огнями подземных залов. И это под соответствующую музыку! Даже холод – плюс 11 градусов не снижает восторга от посещения пещер. Я, как человек бывалый, взял с собой бутылку и свитер для Иры. Всё оказалось кстати. Мы часто отставали от экскурсии, скрываясь за углом, пили вино из «горла» и целовались.

Приехали домой мы под вечер. Миша сидел в комнате и резался в карты с приятелем. Я шепнул ему на ухо, и мальчики исчезли. Ира тенью проскользнула в комнату, и я запер дверь. Нет, несмотря на юность, страстной она не была. Вела себя очень осторожно, постоянно прислушивалась, не стучат ли в дверь. В нужный момент прикрывала мне рот рукой: «Чтобы карга не услышала!» - пояснила мне Ира, когда я недовольно замотал головой. Я проявил заботливость, и успел спросить Иру, как поступать, чтобы не навредить ей.

- Об этом не беспокойся! – поспешно ответила она.

Когда всё было кончено я, привстав, оглядел это юное худенькое совершенство с не порусски тёмными сосками на девичьих грудях, задорным взглядом сиреневых глаз и чётко очерченным тёмно-розовыми губками ротиком. И не в силах сдержаться, рухнул опять на всё это совершенство...

Всё повторилось почти так же, как и в первый раз. Только под конец она уже не стала прикрывать мне рот рукой, а, захватив мои губы в свои, заглушила нежелательные звуки. Тут я головой уже не стал мотать, хотя задыхался, как и раньше.

К приходу Миши мы, уже остывшие и отдохнувшие, потихоньку потягивали «Букет Абхазии». Я проводил Иру до её двери – все два метра! – и, поцеловав, пожелал спокойной ночи. Сам я спал, как говорят, без задних ног. Но не только без них, но и без снов.

А назавтра мы с Ирой поехали в Новый Афон самостоятельно. Сойдя с автобуса, мы зашли в парк с прудом, в котором плавали белые и чёрные лебеди. Я показал Ире кафе

«Лебедь», где давным-давно мы сидели с самим поэтом Симоновым, и официант сказал нам свою великую фразу: «Земной шар к вашим ногам!».

Задумав ухватить лебедя за шею и извлечь его на берег, я уже подманил, было, его куском хлеба, как заметил, что к Ире подошёл рослый красивый милиционер в форме. Я испугался и побежал к ним.

- Ты – Нурбей Гулиа? – с улыбкой спросил милиционер.

- Да, а ты кто? – недоверчиво поинтересовался я.

- Меня зовут Иван или Ваня, а фамилия – как у тебя! Мы – родственники! Мы всегда смотрим твои телепередачи и гордимся тобой. Я хочу с тобой сфотографироваться на память!

Иван поманил к себе фотографа, который сидел поблизости, и дал ему «вводную». Фотограф стал расставлять нас поживописнее. Я представил друг другу Ивана и Иру.

- А кто тебе эта девочка? – спросил Ваня и вдруг догадался, - дочка?

- Бери повыше – жена! – с гордостью сказал я.

Ваня пустился в извинения, но я пояснил, что она несколько моложе меня, поэтому даже милиционер может ошибиться. Фотограф сделал своё дело, и Ваня пригласил нас посидеть в кафе «Лебедь». Мы пили «Псоу» и закусывали фруктами, совсем как тогда, тридцать шесть лет назад с мамой, дядей Жорой и Симоновым...

Ваня рассказал, что в Гудаутском районе живет много «гулиевцев», то есть людей с нашей фамилией.

- Хорошо бы нам всем встретиться! – высказал свою идею Ваня, - пока ты с женой здесь, кто знает, встретимся ли мы еще когда-нибудь!

Иван как в воду глядел. Молодой, здоровый начальник Ново-Афонского отделения милиции, Иван через несколько лет погибнет, сбитый на полном ходу машиной. Начнётся война с Грузией, в которой кто-то из родни и знакомых погибнет, кто-то переедет жить в Россию. А с Иваном, действительно, я больше так и не встретился.

Насчёт нашей «фамильной» встречи Иван предложил следующее. Он берёт на себя за сегодня-завтра договориться о, как он назвал, «съезде» гулиевцев в селе Куланурхва, близ Гудаут. Ваня рассылает «гонцов» по всей Абхазии и вызывает гулиевцев на съезд, который должен будет состояться послезавтра – в воскресенье. Куланурхва – родовое гнездо гудаутских гулиевцев, их там больше, чем в других районах Абхазии. Кроме того, жители этого села берут на себя обязанности и хлопоты принимающей стороны.

Ваня просил нас никуда не уходить из дома отдыха в воскресенье с утра, так как за нами приедет машина и отвезёт на съезд. Он попросил назвать ему номер нашей комнаты, но я поспешил заверить его, что мы будем ждать машину на скамейке у входа.

- Не стоит въезжать на территорию дома отдыха и искать нас, особенно если машина – милицейская, а посланник - в форме! – пошутил я.

Сам же я боялся разоблачения наших псевдосупружеских отношений с Ирой.

Съезд гулиевцев

И вот в воскресенье мы с Ирой едем в Куланурхва. Машина оказалась не милицейской, а обыкновенной «Волгой», которую вёл тоже Гулиа – другой мой дальний родственник. Через полчаса мы уже подъезжали к дому, как оказалось, отца Вани. Перед воротами на поляне уже стояли, как насчитала Ира, сорок три автомобиля. И они продолжали прибывать.

Иру мои родственники тут же определили на кухню – женщине не пристало находиться среди джигитов. На этой кухне под открытым небом уже толпились жёны и дочери гостей. Они с охотничьим интересом набросились на Иру с расспросами. Та только и прибегала ко мне: «Где мы живём в Москве?», или «Сколько комнат у нас в квартире?», и даже «Есть ли у нас дети и сколько их?». Конечно же, хитрые абхазские бабы сразу же смекнули, что Ира, по их терминологии - моя «пляжная» жена, но виду не подавали.

Меня же предварительно посадили с самыми почётными гостями – старцами не моложе восьмидесяти лет. Был среди них и мой полный тёзка – Нурбей Гулиа, перешедший столетний

рубеж. Но он смотрел на нас, как на детей, не заслуживающих интереса аксакала. Он, то и дело, топорщил седые усы, делал страшные глаза и привычно сжимал рукоятку кинжала, висящего у него на поясе.

Ещё до «посадки» за огромный праздничный стол нам подали вина – «изабеллу», которое готовил сам хозяин. Какой-то местный парень, видимо, молодой милиционер, помогавший хозяевам в их делах, задумал почему-то доказать, что москвич, то есть я, физически слабее местных джигитов. То он стул тяжёлый мне подаст за ножку, а я беру и долго разговариваю, держа его на весу. То гири двухпудовую притащит, и на свой позор, предложит мне соревноваться с ним в её поднятии. То затеет армрестлинг, и, сами понимаете, чем это для него кончалось. А всё это с интересом наблюдали женщины из открытой кухни и оживлённо обсуждали.

Наконец, мой соперник не выдержал и с криком: «Вах!» (не путать с латинской транскрипцией слова «ВАХ» - БАКС!), выхватил из-за пояса пистолет Макарова. Нет, не для того, чтобы от обиды пристрелить меня, а всего лишь, чтобы посоревноваться в стрельбе на меткость. Опытный Иван взялся организовать соревнования. На ветку дерева надели пустую бутылку из-под шампанского, и принялись по очереди палить по ней из этого ПМ'а. Но, то ли расстояние было велико, то ли подействовало выпитое вино, но никто в цель не попадал.

- Не подведу родную Москву! – поклялся я сам себе, держа пистолет в обеих руках. Так я стрелял из моего допотопного пневматического пистолета, переделанного под мелкокалиберный. Но мой был раза в два тяжелее, чем этот ПМ, поэтому я довольно твёрдо держал пистолет в руках и, конечно же, попал. Бутылка с грохотом разлетелась, и в наступившей тишине я слышу назидательный голос Иры из кухни: «А мой Нурбей не только сильнее ваших мужей, но и метче стреляет!».

Что тут поднялось! Милиционеры, задетые за самое живое, затеяли такую пальбу по горлышку бутылки, оставшемуся висеть на ветке, что Ивану, как начальнику, пришлось грозно скомандовать отбой.

Нас стали сажать за праздничный стол. Я потребовал, чтобы моя жена села рядом со мной. Старики долго совещались по этому поводу и решили: «Пусть садиться, но на полстула дальше от стола!» А ещё на полстула дальше посадили местную девочку Оксану, которая должна была подсказывать Ире, как ей вести себя за кавказским столом. Ни пить, ни есть этой девочке, в отличие от Иры, не полагалось.

Тамадой выбрали самого почётного гостя – профессора из Сухума Ризабей Гулиа. Он был уже достаточно стар и болен, но согласился приехать на съезд, раз такое дело. Пить он почти не мог, поэтому этот вопрос был как-то решён без нарушения кавказских «законов». То ли он только провозглашал тост, а свой рог передавал для выпивания специально назначенному для этого человеку, то ли как-то ещё похитрее. Первый тост Ризабей поднял за нашу большую и дружную семью гулиевцев. А дальше сказал такое, что заставило меня мигом забыть праздничное настроение.

- В прошлом году, отдыхая в санатории, я познакомился с пожилой русской женщиной из Смоленска, - Ризабей, подняв руку, пресёк раздавшееся, было, хихиканье. – И она, узнав мою фамилию, спросила, знал ли я Владимира Гулиа, который воевал рядовым в войне с Германией. Я ответил, что Володя Гулиа - мой родственник, и он погиб на войне. Женщина вздохнула: «Погиб, значит, всё-таки!», и рассказала следующее.

- Наши войска, отступая, оставили Смоленск. И вдруг, в уже занятом немцами городе, ко мне в домик на окраине Смоленска вечером постучался наш солдат. Я, на свой страх и риск, пустила его. Он объяснил, что пытается пробиться к своим, и попросился переночевать, назвав своё имя – Владимир Гулиа. А утром, уходя из дому в неизвестность, сказал, что у него в Тбилиси остались жена и младенец – сын. Владимир снял, висящую у него на шее на шнурке мягкую тужельку-пинетку и передал мне: «Я уже не надеюсь найти своих, боюсь попасть в плен. Не хочу, чтобы враги издевались над этим, дорогим мне предметом. После войны отошлите, пожалуйста, её по этому адресу», - и он оставил мне адрес, который я, конечно же, потеряла.

- Можно, я пришлю вам эту туфельку, она до сих пор у меня в Смоленске? – спросила у меня женщина. Я оставил ей свой адрес, и осенью прошлого года я получил эту туфельку. Она пролежала у меня до сих пор, ну а сейчас я с оказией взял её с собой!

И старик вынул из кармана плоскую, будто спрессованную, мягкую кожаную туфельку младенца, висящую на чёрном ботиночном шнурке. Я подошёл к Ризабею и он, поцеловав меня, передал эту реликвию мне под аплодисменты присутствующих. Почувствовав на мгновение, что мог испытывать мой отец, молодой человек, уже не надеявшийся выжить, отдавая чужой женщине свой самый дорогой амулет, я не смог сдержать слёз. Подходя к своему месту за столом, я заметил, что и Ира утирала слёзы. Я спрятал эту пинетку, а потом, кажется, передал её маме. Но в спешной эвакуации во время грузино-абхазской войны мама, видимо, не взяла её с собой в Москву. Во всяком случае, эта пинетка исчезла. Сколько лет незнакомая женщина хранила её у себя, а у нас, хозяев этой реликвии – свидетельницы мужества, любви, самоотречения, она пропала!

Ризабей был уже очень стар и болен; вскоре после этой встречи его не стало. Но он успел передать мне «весточку» от моего погибшего отца.

Упавшее, было, настроение за праздничным столом вскоре опять поднялось; пошли «золотые» тосты. Когда гости поднимали тосты за меня, они, все как один, говорили одни и те же слова:

- У тебя в Москве есть всё! Но нет там только маленькой Абхазии, где живут родные тебе люди! Не забывай её!

Ира даже поинтересовалась: «А что это такое у тебя в Москве «всё», которое есть? Как оно выглядит?». И я, целуя её, отвечал: «Много будешь знать – состаришься! А я хочу, чтобы ты всегда была такой же молодой и красивой, как сейчас!»

Застолье продолжалось долго, но и оно кончилось. Нас отвез домой один из родственников, живший в Гудаутах. Как он только мог вести машину после такого количества выпитого вина? Горцы – сильные духом люди! Особенно, если милиция – своя!

Этот же родственник назавтра повёз нас с Ирой на знаменитое озеро Рица и даже дальше, куда мало кто ездит. Дальше – это и выше, а там расположено горное село Авадхара. На окрестных горах лежал снег, я не удержался и полез вверх по склону, чтобы летом подержать в руках настоящий снег. Такое я испытал впервые: внизу – палящая жара, а здесь – ходишь по снегу!

Год спустя это впечатление было ещё разительнее: в Болгарии в её столице Софии, где я был в командировке, практически на территории города есть гора Витоша. И вот, в июле, когда в городе от жары всё плавилось, меня повезли на эту гору, где я ходил по снегу. Снег был крупнозернистый, как крупа, и колючий. А внизу, прямо под нами – изнывающая от жары София.

Дорога на Рицу удивительно красива. От трассы Батум-Новороссийск в районе Гагр дорога поворачивает направо, идёт некоторое время вдоль реки Бзыль. Потом уже начинаются серпантины в горы. По дороге встречается маленькое, величиной со зрительный зал театра, Голубое озеро. Говорят, что оно необыкновенно глубоко – за сотню метров, этим и голубой цвет объясняют. А может, это просто небо в воде отражается. Хотя и в Рице тоже небо, вроде, отражается, но вода там серая. Температура воды в Голубом озере – всего 6 градусов. Я не удержался, и, быстро раздевшись, полез купаться, несмотря на запрещающие надписи. Но, оказавшись посреди озера, я вспомнил, какая подо мной глубина. От страха я даже приподнялся над водой, и как катер на воздушной подушке, выбросился на берег. После этого случая я не решаюсь заплывать далеко даже в тёплое море или озеро. Тут же начинаю представлять, на какой высоте над дном я вишу, и меня буквально выносит на берег.

Раньше этого страха не было, и я лет в четырнадцать даже переплывал залив между Хостой и Кудепстой на Чёрном море. Несколько километров пути, да и берега видно не было – плыл по Солнцу. Как уставал, то переворачивался на спину и отдыхал. Не ведал я, какая подо мной глубина, даже в голову это не приходило! Прав, наверное, Проповедник – Экклезиаст, который говорил, что большие знания – это и большие проблемы. Если точнее, то: «...во многоя мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». На какого лешего я всю

жизнь только и занимаюсь тем, что умножаю познания? И не сказал бы, что очень скорблю при этом. Видимо, Экклезиаст имел в виду познания гуманитарные, а не технические. А я именно технические познания и приумножал - вот и веселился сдуру!

Но вернёмся к дороге на Рицу. Вскоре начинается Юпшарское ущелье – узкий каньон с высоченными отвесными скалами, куда и свет-то проникает с трудом. И в этом ущелье с бешеной скоростью несётся горная речка Юпшара, названная так по имени разбойника, похитившего девушку по имени Рица. Мрачнее места я не видел в жизни. В этом ущелье есть огромный камень, с которого, говорят, пел темнокожий американский певец Поль Робсон – мощнейший бас. Я представлял себе этот голос, сливающийся с гулом сумасшедшей Юпшары, заполняющей страшный каньон страшными звуками.

Однажды, несколько лет назад, проезжая с экскурсией по этому ущелью, я заметил впереди автобус и людей, столпившихся над стремниной. Мы высадились и узнали, что буквально несколько минут назад один из экскурсантов случайно упал в Юпшару. И мгновенно был унесён в ущелье, зажатое между скалами, где и дорога-то отходила в сторону. Искать и спасать несчастного было невыносимо. Экскурсовод и водитель составляли соответствующий акт, а мы отправились дальше. После этого случая мой страх перед Юпшарой превратился в ненависть – почему-то я воспринимал Юпшару не как стихию, а как злобное, беспощадное живое существо, наподобие крокодила или террориста.

Ссора

Гуляли мы с Ирой и по Новому Афону, на сей раз уже вдвоём. Я водил её известными мне тропами, в первую очередь, в келью Симона Кананита – апостола Христа. Это того Симона, на свадьбе которого Иисус воду превратил в вино. Симон после казни Христа бежал от преследователей в Колхиду, остановившись там, где сейчас Новый Афон, и поселился в пещере в скалах. Десятки лет он долбил себе келью в скале, прямо над своей пещерой, и выдолбил-таки. Эта келья с круглым отверстием вместо окна священна для христиан. Симон собирал деньги у местного населения на храм, проповедовал учение Христа. Но это население, вернее, худшая его часть, похитила сбережения Симона, а его самого убила самым варварским способом. На берегу бурной, но в отличие от Юпшары, доброй речки Псырцха, есть огромный плоский камень с углублением посреди него. Говорят, что именно на этом камне дикари убили апостола, размозжив ему голову, лежащую в этом углублении, камнем. Камень-плаха был всего в двухстах метрах от кельи, и, бывая на Псырцхе, я всегда загорал лёжа на нём. Причём голову клал именно в это углубление, представляя себя апостолом, над которым безумный дикарь уже занёс смертоносный камень.

Часто приходится слышать: вот вы, абхазы - дикари воровитые, даже апостола убили, украв у него деньги. А я на это отвечаю, что, во-первых, **мы** – русские, а во-вторых, в те времена абхазы, или, правильнее, абазги, жили себе ещё в Африке на территории современной Эфиопии. Затем они мигрировали через Красное море, Аравийские пустыни, Сирию, Ливан и так далее, на Северный Кавказ. Там и жили, пока не решили, покинув своих братьев – абазингов, поселиться на тёплом берегу Чёрного моря.

А абхазами в средние века назывались грузины или какая-то часть их. Царица Тамара-то была «царица Абхазская»! Потом уже абазги из-за труднопроизносимости этого слова были переименованы в абхазов, но сами-то продолжали называть себя по-прежнему – апсуа. Интересно, что вместе с апсуа прибыли из далёкой Африки и негры, решившие, видимо, попытать счастья вместе с белыми. Так и остались они в горных селениях Абхазии, не смешиваясь с белыми. Говорят они по-абхазски, считают себя «апсуа» - абхазами.

Многое из того, что я здесь сказал, взято мной из книги моего деда «История Абхазии». Большевики запретили её, как идеологически вредную. Видите ли, абхазы «просочились» к нам из-за рубежа! А может, ещё и завербованы были там Понтием Пилатом или царем Иродом! И книгу запретили, а деда – восьмидесятилетнего старца, почти слепого и глухого, заставили подписать брошюру-отречение: «О моей книге «История Абхазии». Там дед не своим слогом

кается, что его книга – сплошное надувательство, навеянное идеологически вредным влиянием абхазских националистов.

Видимо, большевики – сторонники «местного» происхождения абхазов, руководствовались эпосом «Сказание о нартах», где в своеобразной форме рассказывается о происхождении абхазских богатырей – нартов, а от них, по-видимому, всего абхазского народа.

А в этом эпосе сказано, что «мать народа» - Сатаней-Гуаша, как-то белила холсты на берегу реки Кубань. Затем, устав от работы, разделась донага и стала плавать на спине. А на другом берегу реки в это время находился пастух с мелодичным именем - Зартыжв. Этот Зартыжв, увидев обнажённую даму, получил такое либидо, что стал кидаться в реку, пытаясь её переплыть. Тем более, что Сатаней-Гуаша своими страстными криками призывала его к этому. Но, не тут-то было – сильное течение не позволяло влюблённому Зартыжву сделать это. Тогда, по обоюдной договоренности, Сатаней-Гуаша легла на берегу в соответствующей позиции, а пастух точным выстрелом из лука оплодотворил её. До этого, конечно, проделав кое-какие манипуляции с наконечником стрелы и своим мужским достоинством. В эпосе, безусловно, об этом сказано несколько аллегорически, но для современного человека тут всё понятно. Итак, абхазы не только местного происхождения, но и родоначальники искусственного осеменения, столь «модного» сейчас во всём мире!

Эти рассуждения, видимо, не давали покоя новым идеологам, и они не только заставили деда отречься от его «Истории Абхазии», но и написать перьевой ручкой и фиолетовыми чернилами заявление в родную партию: «...хочу участвовать в строительстве коммунизма, будучи в передовых рядах...» Значит, когда письменность своему народу создавал, он в «передовых рядах» ещё не был... Знал ли сам дед, что он отрекся от труда всей своей жизни и примкнул к «передовым рядам», я теперь сказать не могу. Скорее всего, вожаки «передовых рядов» не стали беспокоить упрямого старца. И всё сделали за него сами. Им не трудно помочь старику – они же «тимуровцы»!

Но я считаю «Историю Абхазии» единственно верной. Во-первых, потому, что больше «Историй Абхазии» никто не решался писать. Во-вторых, я утверждаю, что «учение моего деда всесильно, потому, что оно верно». Если мы семьдесят лет всей страной считали так про учение «инородца» Маркса, то имею же я право считать подобным образом и про учение моего родного деда!

Выходит, что ограбили и убили Симона Кананита не абхазы, или абазги, а дикари, которых эти же абазги прогнали, когда заселялись на территории нынешней Абхазии.

Вот такими притчами и рассказками потчевал я свою юную подружку, или «пляжную» жену, выражаясь словами злых горских женщин. Мы купались в ледяной Псырцхе, пили за память Симона Кананита, сидя на камне-плахе, и частенько удалялись в заросли колючей ежевики. Нет, не только для того, чтобы полакомиться сладкой ягодой, которую согласно известной песне, «рвали вместе». Ещё и для того, например, чтобы сменить мокрые купальные костюмы на сухие...

Как-то мы зашли на Ново-Афонский вокзал посмотреть расписание электричек. Гуляя вокруг вокзала, мы вдруг обнаружили, что идём по улице Гулиа. А я и не знал, что в Новом Афоне есть улица имени моего деда. И эта улица, вернее, её название, неожиданно помогло мне.

Возле вокзала, прямо на путях двое местных мужиков тянули куда-то за руки русских девушек. Одной удалось вырваться, и она звала вторую:

- Рая, ну что ты? Идёшь, или я одна пойду? – и в том же духе.

А эту Раю тянул куда-то местный мужик, внешне похожий на армянина. Рая и не шла с ним, но и не делала попыток вырваться. Второй мужик занял выжидательную позицию, и вся эта группа, стоя на путях, вяло препиралась.

Ира, увидев эту сцену, почему-то вышла из себя.

- Прекратите приставать к девушкам, оставьте их в покое! – крикнула она тёмным мужичкам, но те только рассмеялись в ответ. – Дикари кавказские, аборигены проклятые! – обругала их Ира, и «дикари» озлились. Непонятное слово «аборигены» они приняли за

страшное оскорбление, и в один прыжок оказались перед нами. Я загородил собой Иру и вспомнил весь запас бранных армянских слов. Вдруг несколько калиток на улице имени моего дедушки отворилось, и пять-шесть аборигенов, внешне почти неотличимых от первых двух, угрожающе расположились перед нами полукольцом. Дело запахло избиением. И тут, в безвыходном положении, я решил сыграть на названии улицы, где мы находились.

Я достал свой паспорт, который всегда носил с собой, и раскрыл его на своей фотографии:

- Смотри на мою фамилию, ты живёшь на моей улице! Тронешь меня или жену – будешь иметь дело с моим братом – начальником вашей милиции Иваном Гулиа, или с моим вторым братом – абреком Лёнчиком Гулиа.

Армяне, приблизившись, прочли фамилию в паспорте, посмотрели на фотографию, и испуганно отошли назад. Им всем был хорошо знаком начальник поселковой милиции Иван. А абрека Лёнчика они, к своему счастью, хоть и не знали лично, но слышаны о нём были достаточно. В любой момент абрек со своей дружиной мог спуститься с гор и обложить их данью. Это, конечно, было пострашнее брани, которой по-армянски обложил их я.

Мой далёкий родственник Лёнчик, был хорошо известен в Абхазии своими подвигами. Как-то милиционеры обложили данью ресторан, анонимно принадлежащий Лёнчику. Они каждый день навевались туда и бесплатно обедали. Так продолжалось года два, после чего милиционеры нарушили какой-то договор. Тогда Лёнчик разослал им открытки, где сообщал, что в его ресторане милиционеров два года кормили собачьим мясом. «Я всегда знал, что вы – собаки, и два года кормил вас мясом бродячих собак!» - гласило послание.

Ещё однажды его заклятые «друзья» милиционеры застали Лёнчика в конспиративном домике, где на столе стояло несколько тридцатилитровых бутылей с «контрабандным» спиртом, из которого на подпольном заводе делали коньяк. Лёнчик мгновенно опрокинул стол, все бутылки свалились на пол и разбились. Стоя по щиколотку в спирту, он достал зажигалку и пообещал, что при приближении к нему взорвёт дом. Милиционеры выбежали наружу, а Лёнчик, пьянея от паров спирта, простоял там несколько часов, пока жидкость не испарилась. Потом, как ни в чём не бывало, вышел к милиционерам. Улики испарились, а за битое стекло «калыма» не берут. И милиционеры ушли от него не солоно хлебавши.

Вот с каким героем предстояло иметь дело армянам, если бы они тронули брата абрека или его жену! Толпа тихо разошлась, а двое «зачинщиков» вернулись к своим русским подружкам, которые верно ждали их на путях и безропотно пошли с ними.

Всё закончилось «путём», но я попросил Иру впредь, если ей дороги её жемчужные зубки, шёлковая кожа и сиреневые глазки, не делать больше замечаний аборигенам. Если, конечно, дело происходит не на улице Гулиа, а сама Ира не находится рядом с «братом» милиционера Ивана и абрека Лёнчика!

Всё было хорошо и безоблачно. Но я не зря сказал, что Ира была очень начитана и помнила про Манон Леско. Она и сама была натуральной Манон Леско. Двадцати четырёх дней, видите ли, ей не хватило сохранять мне верность!

Я знал, что ей не терпится на танцплощадку и отпускал её, а сам, бесясь от ревности, напивался в своей комнате до чёртиков. Однажды даже, схватив дубину, раздетый по пояс (для устрашения танцоров мышцами и волосатой грудью), я ворвался на танцплощадку. Там я с трудом нашёл Иру, танцующую с каким-то хлюпиком, отнял её и уволок, погрозив дубиной потенциальным соперникам. Но Ира, используя женскую власть, испросила-таки у меня право ходить на танцплощадку. А я-то следил за ней, и обнаружил, что хоть она и уходила, якобы, на танцплощадку, там её не было. Это уже было изменой!

Рядом с моей комнатой, с другой от Иры стороны, жила одна в своём «угловом» номере толстая проститутка. Посетители лезли к ней почему-то по пожарной лестнице, проходившей рядом с её окном, по два-три за ночь – последовательно, конечно. Днём и вечером у неё был тайм-аут, и я, отпустив «мою Манон» на танцы, зашёл к толстушке поболтать. Она тут же охаяла мою пассивность, обзвав её тощей селёдкой и сукой. Оказывается, все, кроме меня, знали, с кем

ещё встречается Ира, и живо обсуждали наши с ней отношения. Они ждали, чем всё кончится, и жаждали крови. Так, по крайней мере, поведала мне толстушка лёгкого поведения.

- Солидный ты мужик, нет бы тебе с солидной бабой связаться, а ты сыкуху какую-то выбрал! – в сердцах высказала мне толстуха-легковуха.

Тут дверь её комнаты отворяется и в ней появляется разъярённая Манон.

- Тебе мало по десять кобелей за ночь, ещё и моего мужа захотела оприходовать! – заорала на толстуху Манон, и, схватив меня за руку, выволокла из комнаты.

- Ты успел её трахнуть или нет? – прижав меня к стенке, строго спросила Манон. Я испуганно замотал головой. – У неё же весь венерический букет, нам в поликлинике сказали! – шипела на меня Манон.

Она затащила меня в мою комнату, Мишка пулей вылетел в коридор. Это очень интересно и ново – акт с разъярённой от ревности женщиной. Я, правда, забыл спросить Манон о «венерическом букете» её другого любовника. Мы договорились, что Ира больше не будет ходить на танцплощадку, благо до конца отдыха осталось дня четыре. Но завтра же вечером она опять исчезла. Я заходил на танцплощадку, искал её, но не нашёл. В ярости зашёл я к себе в комнату и нажрался водки, но не опьянел, а только задурил себе голову.

- Убью! – решил я, - по-кавказски убью за неверность! И суд меня поймёт!

Я уселся на балконе и стал ждать возвращения Иры. Мне была видна дорожка ко входной двери корпуса. В полночь эта дверь закрывалась, и войти в корпус можно было только по толстухиной пожарной лестнице. Десять часов, одиннадцать, пол двенадцатого. Иры нет. Я почти протрезвел, и стал уже волноваться за безопасность моей возлюбленной. Без пяти двенадцать внизу появляется бегущая фигурка девушки. Это была Ира.

Я вошёл в комнату и сел за стол. Ира, запыхавшись, вбегает в комнату и – ко мне. Я встал и отстранил её от себя. Потом, спокойно указав на дверь, тихо и безучастно сказал: «Вон!». Мишка крепко – «без задних ног» - спал и ничего не слышал.

- Ты понимаешь, что говоришь? – вспыхнула Ира.

- Вон! – повторил я, вывел её, и запер за ней дверь. Я ликовал – сумел-таки преодолеть слабость, показал свой характер.

Утром я выждал, пока Ира уйдёт в столовую и, собрав шмотки, сообщил дежурной, что выбываю досрочно. Потом тихо спустился и быстро пошёл к выходу с территории дома отдыха. И тут у самых ворот, прямо навстречу мне – Ира.

- Нурбей! – позвала она и остановилась.

Я молча покачал головой и, обойдя её, зашагал дальше. Думал, что не выдюжу, остановлюсь, но сдюжил. Даже оборачиваться не стал, знал, что она смотрит мне вслед. Дошёл до остановки автобусов и сел на ближайший сухумский.

Несколько дней я пробыл в Сухуме без Тамары в компании мамы и старшего сына с женой. У них к тому времени уже был трёхлетний сын – мой внук. Внука назвали в мою честь Нурбеем и был он мне полной тёткой – имя, отчество, и естественно, фамилия у нас были одинаковы. Упреждая события, скажу, что у этого моего полного тезки уже есть дочь – моя правнучка – по имени Кинга, и живут они в Польше. Как, кстати, и сестра Нурбея-младшего, моя внучка Маргарита.

В маленькой Абхазии сплетни расходятся чрезвычайно быстро, и к моему прибытию в Сухум семья уже была наслышана о моей молодой жене. Зная, что от Тамары это не утаить, я во всём ей признался уже по дороге от поезда домой. Сказал, что чёрт попутал, и что всё вышло по-пьянке. А как протрезвел, мол, бросил всё и бежал в Сухум.

Скажу заранее, что Ира уже в сентябре позвонила мне из Киева, покаялась, и мы помирились. А вскоре она заявила в Москву и пришла к нам в гости. Как всегда, у нас был и Саша, почти ровесник Иры - года на три старше. Я их познакомил, они очень смотрелись вместе, и мы оставили их у нас на ночь, причём в отдельной комнате.

Но, как оказалось, зря. Он заявил потом, что она ему не понравилась, а она – что он ей. Но это было после, а весь вечер мы провели весело – выпили и вспомнили наши гудаутские подвиги. Ира в лицах рассказала про соревнования по стрельбе с милиционерами и свою

решающую фразу из кухни: «А мой Нурбей не только сильнее ваших мужей, но и метче стреляет!». Рассказала и про то, как старик Ризабей передал мне мою пинетку, которую отец носил на шнурке на шее, как амулет.

Уж лучше бы он уж не снимал её и не передавал той женщине - может, остался бы жив!

Ира поинтересовалась, что это такое есть у меня в Москве, про что, все как один, гости на съезде гулиевцев говорили: «У тебя в Москве есть **всё!**». И я указал Ире на Тамару и Сашу:

- Вот это всё, что у меня есть в Москве – любимая женщина и талантливый ученик - моя надежда! Разве этого мало?

Но почему-то мой талантливый ученик не произвёл впечатления на Иру. А может это она на него? Назавтра Ира уехала к себе в Киев, приглашала нас к себе в гости. Хотя и жила она в общежитии, но всё-таки пригласила. Правда, на приглашения откликнулся я один, да и то останавливался не у Иры, а у моего друга Юры. Туда же переселялась на время моего приезда и Ира.

Тамара прощала мне эти маленькие шалости с Ирой – она ей понравилась своей прямоотой, отсутствием комплексов, да и молодостью. Тамара тоже понравилась Ире, по-видимому, только первыми двумя качественными, потому, что была она на четырнадцать лет старше Иры.

Мы с Тамарой из Сухума съездили в Тбилиси к моим родственникам в гости. Я показал ей дом, где я жил в детстве, двор, где произошло столько далёких событий. Двор весь порос бурьяном, ужасный туалет был снесён. Меня поразило то, что все окна в доме были закрыты, и никто из соседей из них даже не выглянул. Немыслимая ранее ситуация! Более того, за полчаса, что мы гуляли по двору, и я рассказывал о прожитых здесь годах, никто не прошёл в дом и во двор, а также и обратно! Как померили все!

Показал я Тамаре и место расстрела демонстрации, памятник Эгнатэ Ниношвили, который защитил меня от пуль своей каменной грудью. Тамара поскребла пальцем дырки на этой груди, замазанные цементом. Мы побывали везде, что представляло хоть какой-нибудь для нас интерес – на горе святого Давида, у памятника моему деду в Ортачала, в пантеонах, церквах, ботаническом саду и зоопарке. Гуляли по моей любимой улице Плеханова, переименованной теперь на какое-то грузинское название.

Но весь Тбилиси напоминал мне мой старый дом – окна закрыты, соседей нет, «все ушли на фронт». Видимо это был знак к последующему упадку Грузии, и Тбилиси, в частности, наступившему после развала СССР, распрей и внутренних войн в этой стране.

Из Тбилиси мы все уже в конце августа вернулись в Москву. Купе наше было переполнено стеклянными «четвертями» с восьмидесятиградусной чачей. Мы тщательно скрывали от проводника эти бутылки, которых было не менее десяти. Ведь в них был практически чистый спирт, который горит как бензин. Коварство спирта в том, что он для своего горения требует почти втрое меньше кислорода, чем бензин и может сгорать даже в очень спёртых помещениях. Известны случаи, когда «проспиртованные» люди, пытаясь закурить, сгорали изнутри. Пары спирта, смешивались даже с небольшим количеством кислорода, находившимся в лёгких, сгорали там, и человек «выгорал» изнутри. Не балуйтесь спиртом и сигаретами одновременно! Это я, как бывший «химик» вам говорю!

Изобретательские шуточки

Но отдых - отдыхом, а работа продолжалась. Конечно же, «мы, большевики» кроме работы, любили и пошутить. Как происходили кафедральные розыгрыши и шуточки, я уже рассказывал. Но я ведь работал, ещё и в Контрольном Совете по изобретениям, и тут уже «шутить» приходилось с изобретателями. А они и сами были нередко большими шутниками.

У нас поменялся куратор от Контрольного Совета – теперь им стала очаровательная женщина-«дюймовочка» Галя Вронская. Кстати - классный специалист-эксперт, державший в ежовых рукавицах своих внештатников – меня и кандидата наук Забегалина. Коллегии под

предводительством Вронской были долгими и невыносимыми для нас, внештатников – больших «сачков», по правде говоря.

Больше всех допекали нас изобретатели с Украины и Белоруссии, особенно, если среди них были евреи. Они боролись до последнего, сидели часами, выискивая малейшую зацепку, чтобы выиграть процесс. Для чего им были эти авторские свидетельства - «филькины грамоты», ума не приложу!

Правда, и я сам их имел до трёх сотен, в основном, чтобы «застолбить» свой приоритет. Крупных вознаграждений за изобретения почти никто, кроме директоров и министерских работников, не получал, а премию в полсотни рублей государство платило сразу же, авансом. Худо-бедно, а я за свои триста изобретений в сумме получил-таки около пятнадцати тысяч рублей. А это тогда была стоимость кооперативной квартиры или трёх автомобилей «Волга».

Пользуясь своими знаниями патентных законов, я вынудил комитет по изобретениям отыскать в хранилище (расположенном где-то за Уралом) мою отказную заявку на первый супермаховик и рассмотреть её снова. Ведь отказали-то мне по полезности, а уже лет пятнадцать весь мир пользуется супермаховиками и не жалуется. Даже всемирные симпозиумы по супермаховикам созывают, в Италии, например. Благодаря полковнику Ротенбергу (царство ему небесное - умер в Израиле), до своей эмиграции успевшему отказать мне в изобретении по полезности, авторского свидетельства на супермаховик тогда я не получил. Мол, глупость это – мотать маховики из нитей и волокон, когда их нужно лить или ковать! Вот теперь мы и увидели, что весь цивилизованный мир их мотает, а не льёт или куёт, что я и предлагал ещё в 1964 году.

Одним словом, выудили мы эту заявку из хранилища и рассмотрели снова. Ну, и признали изобретением – получил я авторское свидетельство. А как раз прошло 20 лет со дня подачи заявки, и, стало быть, кончился срок действия патента. Таким образом, автором признали меня, приоритет – советский, а денежки, как всегда – «тю-тю!» Но и на этом спасибо Партии родной!

Видимо, нашим изобретателям с Украины и Белоруссии тоже были дороги советский приоритет и пятьдесят рублей премии, вот они и стояли насмерть. Мы под руководством Гали как-то провели уже три коллегии, и готовимся к последней – четвёртой. Запускаем изобретателя, достаём его «дело» и замираем – Галя тихо подчёркивает нам карандашом местожительство изобретателя и его фамилию.

Местожительство – город Бердичев, фамилия изобретателя – Жидец! Мы пропали - это на несколько часов! Взглянув на изобретателя, мы подтвердили наши самые худшие опасения. Вдоль стены ходил плотный невысокий человек лет сорока в помятом костюме и больших туфлях с задраными носами. Короткие штанины выдавали ядовито-зелёные носки, гармонирующие с зелёным же капроновым галстуком на резинке. Изобретатель на ходу что-то бормотал себе под нос, изредка поднимая к потолку чёрные, выпуклые, полные вековой скорби своего народа, глаза. Чёрная борода, пейсы и вьющиеся волосы шапкой довершали образ ортодоксального иудея, не хватало только фетровой шляпы или кипы.

- Товарищ Жидец! – упавшим голосом провозгласила Галя, и колоритный изобретатель, улыбаясь, подошёл к столу и сел напротив нас. Галя начала нудным тоном зачитывать ему состав коллегии, права и обязанности заявителя...

- О, я вас понимаю! – понимающе улыбнулся нам своими полными красными губами заявитель Жидец, и снова поднял глаза вверх. – Ви хотите рассказать нам наши права, а какие там могут быть права, когда есть только одни обязанности!

- Почему же? – возразила Галя и протянула заявителю листок с его правами.

- О, я вас понимаю! – и Жидец ласково прижал протянутую руку Гали к столу, - таки поймите же и ви меня! Мне ничего от вас не надо, я понимаю, что изобрёл галиматню! Мне только хочется поговорить с интеллигентными людьми из Москвы! Ви даже не представляете себе, как душно живётся у нас в Бердичеве, в этой провинции!

Нам даже показалось, что выпуклые глаза Жидца заблестели от навернувшихся слёз.

- Вот с кем мне поговорить в этом Бердичеве? С начальником бюро, у которого на уме одни гешефты? С директором, который антисемит, хотя в Бердичеве - это безнадёжное дело? С

женой, которая и по-идиш то плохо понимает, не говоря уже о по-русски? Мне говорят – Жидец, ты пишешь изобретения, ты что, хочешь за это почестей? А я отвечаю...

- А вы отвечаете: «Не надо мне ваших почестей, не надо мне и ваших оплеух!» – перебил я его.

- О, я вас понимаю! – кивнул мне головой Жидец и по-родственному заулыбался, - я понимаю, что вы тоже хорошо знаете Шолом Алейхема, и я даже знаю почему!

Тут я осёкся – кажется, заявитель принял меня за соотечественника. Проклятый нос, он меня вечно подводит!

- Не думаете ли вы, что ... - начал было оправдываться я, но теперь Жидец перебил меня.

- О, я вас понимаю, так хорошо понимаю! – с обворожительной улыбкой Жидец погладил мою руку и тихо пожал её. – Конечно же - не думаю – вы ученый интеллигентный человек, москвич, как я могу подумать про вас такое?

- Итак, какие у вас претензии? – прервала Галя излияния Жидца.

- Какие у меня могут быть претензии к интеллигентным людям, учёным людям? Это у вас должны быть претензии ко мне, что изобретаю всякую галиматню в своей провинции!

- Так вы подпишите согласие с решением? – не веря нашему счастью, тихо произнесла Галя.

- Я подпишу всё, что вы мне укажете, даже приговор на ссылку. Потому, что наш Бердичев - и есть ссылка для интеллигентного человека! – и Жидец покорно подписал везде, где указала ему Галя. Потом встал, счастливо улыбаясь, поклонился и ловким движением положил перед Галей плитку шоколада.

- За что, не надо! – завозражала, было, Галя, но Жидец быстро исчез за дверью.

Наши коллегии закончились, и мы засобирались домой. Спускаясь по лестнице, я шутил: «А сейчас, когда мы выйдем, от колонны отделится тень и со словами «О, я вас понимаю!» подойдёт к нам. Это будет тень интеллигента Жидца из Бердичева!»

Выходя на улицу, мы заметили у колонны тёмную плотную фигуру. Фигура отделилась от колонны и подошла к Гале. Это была фигура Жидца, но уже в пальто.

- Товарищ Вронская, можно отвлечь вас на минутку! – произнесла фигура, и Галя остановилась. Она с тоской посмотрела на нас и кивком головы отпустила домой. Мы трусливо заспешили, оставив нашего куратора на растерзание Жидца.

Весной 1985 года меня перевели уже в сам Комитет, чему я был немало доволен. Во-первых, этот Комитет на Малом Черкасском переулке был рядом с метро и близко от моего дома. Во-вторых, коллегии здесь были короче, а платили больше – мы здесь разбирали уже действия Контрольного Совета и отдельные далеко зашедшие жалобы. В Комитете я был «главным» по энергетике и транспорту, и, конечно же, именно мне доставались все «вечные» двигатели и прочая «галиматня», выражаясь терминологией изобретателя Жидца.

Курьёзов на этом поприще у меня было немало. Ну, например, срочно вызывают меня в Комитет на рассмотрение проекта «вечного» двигателя, автор которого не уходит и обещает взорвать себя, если ему не выдадут «патент».

Тогда терроризм был в новинку, и вместо милиции вызывали меня. Изобретатель - дремучий дед с большой седой бородой, уже много лет добивается расширения своей жилплощади, мотивируя тем, что его изобретение «не влезает» в маленькую теперешнюю квартиру. В поселковом Совете, куда дед обращался, отказались рассматривать изобретение, и сказали, что если будет «патент», то будет и разговор о квартире. Старик построил и представил нам работающую модель этого вечного двигателя. Как утверждал автор, этот вечный двигатель – «второго рода», и потому в отличие от рода первого имеет право на существование. Дед постоянно подчёркивал, что это - всего лишь модель, а реальное устройство еле влезет в трёхкомнатную квартиру.

Модель представляла собой герметичный сосуд, а попросту, пластмассовую бутылку, перегороденную пористой перегородкой, выполненной из обыкновенного дерева. Над перегородкой - слой жидкости; под перегородкой – слой воздуха, а уже под ним – снова

жидкость. Некоторое смущение вызывало то, что в качестве жидкости выбрана не дешёвая и недефицитная вода, даже не более дорогая, но куда более приятная водка, а дефицитный и пожароопасный бензин. Не солярка, не керосин, а именно бензин, видимо высокооктановый. Не им ли дед хотел взорвать себя?

Через перегородку пропущена тоненькая трубочка, причём её нижний конец находится в жидкости на дне бутылки, а верхний изогнутый конец – в воздушной полости, над той же жидкостью, которая покрывает пористую перегородку. Устройство очень простое, но самое удивительное в том, что из верхнего изогнутого конца трубочки постоянно капала жидкость, перетекавшая из нижнего слоя в верхний. Несомненно, совершается работа, с первого взгляда совершенно без преобразований энергии.

Это происходит совсем как у берёз весной, когда сок поднимается по стволу наверх и капает из дырочек в нём. Или как у плакучих ив, в жаркую погоду поливающих прохожих. На это и апеллировал изобретатель-бородач.

Но у деревьев корни в холодном грунте, а ветки греются солнцем и тёплым воздухом. Вот и совершается работа, как в тепловом двигателе. А здесь как?

Скорее всего, дед специально держал бутылку дома в тепле, где верхняя, большая полость наполнялась парами бензина, ну а при выставлении напоказ при комнатной температуре пар конденсируется в жидкость, давление в верхней полости падает, и жидкость засасывается снизу наверх.

Чтобы доказать свою правоту, я предложил автору вечного двигателя разгерметизировать свой сосуд, затем при постоянной температуре закрыть его и, не меняя температуры, продемонстрировать. Но дед не соглашался на это, заявляя, что лучше взорвёт себя вместе с нами. После долгой торговли мы сошлись на выдаче деду справки, что вопрос о «патенте» рассматривается, и о решении ему сообщат официально.

Или, после длительных жалоб и переписки с Контрольным Советом, приезжает изобретатель из Одессы и привозит с собой «действующий» безопорный движитель – «инерциод». Дыша густым перегаром, одессит показывает закрытую жестяную банку из-под кофе, из доньшка которой торчит электропровод. Дескать, в банке находится механизм, который, «без никакой опоры» создаёт тягу вверх, и этой тяги чуть-чуть не хватает для вертикального взлёта банки. Показывает совершенно невразумительный чертёж и грозно требует патента.

Что делать, выясняю, сколько там тяги не хватает, чтобы банка взлетела. Оказалось, что инерциод создаёт тягу граммов в двести, а банка весит примерно полкило; нехватает, значит, граммов триста. Подвожу к логическому выводу - а если мы взвесим банку со включённым механизмом, то, стало быть, она будет весить не полкило, а триста граммов? Изобретатель с этим соглашается.

Бежим на первый этаж в буфет, где идёт бойкая торговля сосисками. Умоляю буфетчицу взвесить вместо сосисок банку, включив провод в штепсель. После непродолжительного боя с очередью, согласие было получено. Ставим банку на весы – полкило. Включаем вилку в штепсель – в банке что-то заурчало, но вес тот же. Терпение очереди было исчерпано, и мы с изобретателем ретировались в отдел.

Спрашиваю изобретателя, неужели то же самое нельзя было сделать в Одессе, чтобы не тратиться на поездку в Москву. Молчит, чешет голову, вздыхает. Наконец, подписав протокол совещания, уходит подавленный. А через неделю от него приходит жалоба Председателю Комитета на то, что недобросовестный эксперт «обвесил» изобретателя на фальшивых весах.

Но подлинным шедевром экспертизы я считаю историю, происшедшую с изобретателем-генералом. Опять же, срочно вызывают меня в Комитет провести экспертное совещание по изобретению, которое сделал генерал-лейтенант. Ему отказали, так как изобрёл-то он «вечный двигатель». Генерал, превосходный старичок, весь при параде в боевых орденах, пришёл не один, а захватил с собой инструктора ЦК КПСС со Старой площади, благо это находилось рядом. И этот инструктор дал понять, что не позволит обижать боевого генерала, и чтобы мы «бюрократию кончали».

Положение аховое, а предлагаемое устройство – полный «финиш». Много маленьких и больших поршеньков, соединённых с колёсиками, а подконец – турбинка. Заливаем ведро воды, оно в системе поршеньков, каким-то одному генералу ведомым способом, превращается в два ведра и крутит турбинку. Одно ведро возвращается назад в систему, а другое даёт энергию. Несмотря на полную нелепость идеи, генерал с инструктором стоят насмерть. И тут меня осенило.

А время было, если помните, когда действовал сухой закон, водки не достать. Отзываю генерала в сторону и спрашиваю, будет ли его устройство работать, если в него залить не воду, а, например, водку. Генерал с подозрением, но твёрдо отвечает, что на любой, какой угодно жидкости устройство работает.

И я решился предложить ему построить модель изобретения, работающую на водке, и держать её дома в секрете. Залил бутылочку – получил две, да ещё и энергию дармовую. И так далее, без конца. И не надо никаким экспертам показывать, знаю мол, я их, сами мне говорили, что хотят похитить у наивного генерала его идею и тайком производить водку.

Генерал выслушал меня очень внимательно, потом подошёл к столу, закрыл свою папку, спрятал в портфель и сказал, что забирает изобретение обратно. Так как понял, что идея не годится и устройство работать не будет. Инструктор был в шоке, мои коллеги также, но в радостном.

После ухода генерала с инструктором, я рассказал коллегам-экспертам сказочку под названием: «Как один мужик генерала с инструктором обманул». И тут-то мы решились нарушить закон. Сухой, конечно, - выпили на радостях!

Шуточки на дому

«Мы, большевики», шутили не только на кафедре и с изобретателями, но были и чисто домашние шуточки, этакие розыгрыши на квартире. Всё началось с жестоких розыгрышей Оли при помощи манекеновой ноги. Потом были шуточки с американцем Биллом, опять же с привлечением этой же ноги, но уже в качестве кубка для вина. Но постепенно нога в качестве элемента шуточек себя исчерпала, и нужно было искать новые объекты.

Материал для квартирных шуточек подсказало телевидение. Как-то я неожиданно для себя «открыл вечный двигатель с человеческим лицом». Таковым оказался диск, закреплённый на подставке в подшипниках, или как его называют в учебниках физики – «скамья Жуковского». В спортмагазинах его именуют «диск грация». Он должен легко вращаться, иначе описанного ниже эффекта не последует.

Этот диск, который мне изготовили в родном Индустриальном университете (бывшем Заводе-вузе, бывшем Автомобилестроительном институте), я поставил в углу прихожей. Но в этом углу пол оказался слегка наклоненным, что и обусловило моё «открытие». Встав на этот диск, я почему-то начинал самопроизвольно раскручиваться, всё быстрее и быстрее, пока не сваливался на пол. Как профессор механики, я был шокирован таким необъяснимым поведением диска. До середины ночи я вскакивал на этот диск, а он через минуту опять же сбрасывал меня на пол.

К утру я нашёл решение. Оказывается, человек на наклонной плоскости самопроизвольно стремится стоять вертикально. При этом центр его тяжести поднимается, а диск, свободно поворачиваясь, стремится опустить этот центр. Человек не сдаётся, и снова «поднимает» центр тяжести, ну а диск, тоже не сдаваясь, делает своё дело, и человек раскручивается на диске всё быстрее, пока не слетает с него. Конечно, если на этот диск поставить не живого человека, а статую, то он вращаться не будет. Но человеку-то кажется, что диск сам его раскручивает.

Поразительный эффект этого диска я показал по телевидению в нашей передаче. Но, каюсь, не удержался и назвал этот диск новым «вечным двигателем». Дескать, дома я ставлю на него гиру, и диск вращается, производя электричество.

Мы вынесли этот диск на улицу и предлагали прохожим стать на него и удержаться. Так как наклон диска был практически незаметен, прохожие соглашались и через минуту слетали с него в самых нелепых позах. Они поднимали диск, рассматривали его, убеждались в том, что мотора в нём нет, и недоумевали.

А потом на телевидение тысячами пошли письма с просьбой передать или продать секрет «вечного двигателя». «У нас на селе часто отключают электричество...» - так или похоже начинались письма. Всем, оказывается, нужен «вечный двигатель», любят у нас в стране всё вечное и даровое...

Пришлось даже делать специальную передачу с «разоблачением» моего фокуса. Но тогда моим изобретением заинтересовались владельцы, редких тогда, частных кафе и аттракционов. Представьте себе – вам предлагают получить бутылку вина, простояв за небольшую плату, на диске всего лишь одну минуту. Вы охотно соглашаетесь, особенно если одну бутылку вы уже выпили. И падаете с диска под хохот окружающих. Вы заводитесь, осматриваете диск, убеждаетесь, что здесь всё без обмана и становитесь снова. Вас буквально «подпирают» другие, уверенные в своих эквилибристических способностях, а денежки-то текут в кассу хозяина диска...

Так вот, несколько дисков я продал людям, специально приехавшим за ним из Прибалтики и даже из США. А потом поставил такой диск дома. Денег за пользование им я не брал, но поспорить на бутылку предлагал. Становился на диск сам в позу статуи и показывал, что удержаться на нём несложно. Потом на диск становились гости, а чем это оканчивалось, было понятно из того, что перепивались за время этих опытов мы по-чёрному.

Показывал я по телевидению и мои светящиеся краски, приготовленные по упрощённой рецептуре и технологии. Я показывал свою квартиру, где на потолке и стенах были росписи в виде звёздного неба, Луны и комет, незаметные при свете и сияющие в темноте. Стрелки часов, коробки со спичками и лекарствами, выключатели, ручки дверей и другие важные объекты были выкрашены этими красками. Ночью, не зажигая света, по светящимся стрелкам-указателям можно было легко добраться до туалета, ванной, шкафчика с лекарствами...

В ответ на эту передачу пришли опять тысячи писем с просьбами дать или продать рецептуру красок. Я отпечатал рецептуру на листе бумаги, размножил в сотнях экземпляров и рассылал желающим наложенным платежом. Вы не поверите, но мне надоело каждый день получать на почте переводы. Очень дорого за этот листок я запросить не мог – совесть не позволяла. Оценил я его что-то бутылки в две водки по тем ценам, разумеется. И в день получал в среднем бутылок по десять - деньгами, конечно же. Ходил на почту как на работу.

Потом раскрыл свой секрет, опубликовав рецептуру в газете «Аргументы и факты», имевшей тогда неслыханный, наивысший в мире тираж. Письма постепенно прекратились, но звонят насчёт красок до сих пор. Я только сообщаю день и год выхода в свет газеты с моей рецептурой – ищите сами в библиотеках. Нет, неинтересно зарабатывать деньги однообразной и нетворческой работой!

А вот дома я вешал за дверьми мою тёмную одежду с нарисованным этими красками скелетом. Когда звонили - тушил свет и открывал дверь. И навстречу гостям начинал шевелить конечностями светящийся скелет. Или, наскоро переодевшись в эти одежды, «вырубив» свет в квартире, появлялся перед встревоженными темнотой гостями. Беременные женщины и дети были бы очень недовольны, но я их в гости к себе не приглашал.

Но наиболее весёлые шуточки я устраивал в «зеркальной» сауне, которую оборудовал у себя в квартире. Это была сауна-гриль, доселе неизвестная в банном деле. Я утеплил наш альков, который был около 3,5 метров в длину и 2 в ширину, поставил стенку и сделал в ней дверь. А всю внутреннюю поверхность получившейся комнатки оклеил алюминиевой фольгой, включая пол и потолок. Тогда хватало двух электрокаминов по киловатту, чтобы через полчаса температура в этой сауне поднялась до 70-80 градусов. Но это были не те градусы, что в обычной сауне. Мощное инфракрасное излучение, отражаемое зеркальными стенками и потолком, буквально «поджаривало» посетителей, заставляя их непрерывно потеть. К тому же, я

поставил туда и ультрафиолетовую «кварцевую» лампу, и посетители, надев, конечно, тёмные очки, к тому же и загорали.

Заходит, допустим, уже раздетый гость в сауну, начинает «париться», а тут свет гаснет, начинает мигать красная «мигалка» и сигналить гудок. Дверь при этом оказывается запертой. Гость начинает стучать в стену и голосить. Вообще, моя сауна с зеркальными стенами и инфракрасно-ультрафиолетовой подсветкой проводила жутковатое впечатление на посетителей. И я это впечатление иногда использовал для таких жестоких розыгрышей.

Надо сказать, что ко мне часто приходили на дом, причём без звонка, совершенно незнакомые люди. Чаще всего это были горе-изобретатели, сподвигнутые к этому визиту нашими телепередачами «Это вы можете!» Как они узнавали мой адрес, остаётся загадкой.

И вот однажды вечером, когда мы с Тamarой сидели за телевизором, в квартиру позвонили. В глазок было видно лицо явно кавказской национальности, и я решил дверь не открывать. Но звонки зачастили так назойливо, что я сердито приоткрыл дверь на цепочке. В образовавшуюся щель тотчас же просунулась рука с бутылкой шампанского. Голос с южным акцентом сообщил, что хозяин этого голоса приехал поклониться «великому человеку из телевизора», которого знает и уважает весь Дагестан.

- Ну, ладно, - думаю, - пёс с ним, пусть поклонится, выпьем на ночь шампанского и отпустим гостя с миром!

Но, видимо, я подзабыл знакомые мне с детства кавказские манеры. Гость зашёл, снял туфли, в носках прошёл на кухню, куда я его пригласил, раскупорил бутылку, налил вино и провозгласил тост, от которого моя природная скромность была слегка уязвлена. Термины - «великий», «гениальный», «знаменитый», претили мне, но я с ними ещё мирился. Но когда гость назвал меня «известным на весь Кавказ», я возмутился. Меня даже и за кордоном признают, что мне этот «микроскопический» Кавказ! Но вида не подал.

А затем гость непринуждённо положил на стол отпечатанную на машинке рукопись и попросил разрешения прочесть мне избранные отрывки из его новой пьесы под названием «Заклятый брат». Суть пьесы состояла в том, что главному её действующему лицу не давал покоя его брат-близнец с криминальными наклонностями. То с женой его переспит, то в долг у соседей барана возьмёт, от лица своего брата, разумеется. «Хорошего» брата звали Ахмед, а «плохого» или «заклятого» - Мамед. Для чего моему гостю было всё это читать мне, я так и не понял, но я вдруг оказался в роли чеховского редактора, слушающего пьесу г-жи Мурашкиной.

Гость увлечённо читал:

Ахмед: - Как ты посмел, Мамед, опозорить наш род кровосмешением?

Мамед: - Наш род, Ахмед уже давно опозорен тем, что мы с тобой, хоть и братья, но не равны! Ты - председатель колхоза, а я - простой колхозник!

Ахмед: - Мамед, если ты пожелаешь, то можешь сесть в мой кабинет, а я пойду работать за тебя!

Мамед (грязно хохочет) - Нет, Ахмед, меня на эту удочку не поймашь!

Я понял, что гость собирается читать всё до конца, и тихо шепнул Тамаре, чтобы та включила сауну. Потом спросил его многозначительно, причём на «ты»:

- Как зовут-то тебя?

- Султан! – охотно представился гость.

- Так вот, Султанчик, - вздохнул я, - хороший ты, конечно, человек, но зря зашёл ко мне.

Кто дал тебе мой адрес?

- Один друг звонил на телевидение... - «забегал» глазами Султан.

- Так вот, Султанчик, тебе не тот адрес дали. Эта квартира – секретная, проще говоря, экзекюторская. Сегодня ко мне должен был явиться резидент, пароль – бутылка шампанского. Я и решил, что ты и есть резидент. А тут получается конфуз! Из-за тебя настоящий резидент войти побоялся. На телевидении я для «понта» работаю, сам-то я разведчик. Боремся, понимаешь, с врагами строя, а находим их на телепередачах. Потом приглашаю врага сюда. А отсюда он уже никогда не уходит. Идём со мной – пригласил я ошалевшего Султана.

Я открыл дверь сауны, и перед бедным Султаном предстала картина мифологического ада. Обжигающее излучение, сиренево-красные зеркальные стены, шипенье кварцевой лампы...

- Это – крематорий, тебе понятно? – Султан быстро закивал головой. – Здесь я сжигаю трупы врагов, температура – пять тысяч градусов, остаётся только горсть пепла. Фу – и нет ваших! На свою беду, Султанчик, ты припёрся ко мне, как и поступать с тобой – не знаю! Вот и радистка, - я кивнул на Тамару, - тебя уже видела!

- Что ж, посоветуюсь с руководством! – вздохнул я, снимая трубку телефона. Бледный Султан стоял навытяжку передо мной.

- Соедини с Первым! – приказал я трубке.

- Здравия желаю, товарищ Первый, это Артист! Дело такое – заявился ко мне на явочную квартиру некий Султан... Да нет, не должность, это имя такое! Фамилия как? – быстро спрашиваю я у Султана.

- Казимагомедов, эффенди! – кланяясь, проговорил Султан.

- Квазимагомедовэффенди! Ну и фамилия! – говорю я в трубку.

- Да нет, эффенди, без «в», просто Казимагомедов, а эффенди – это по-нашему «господин», это ты – «эффенди»!

- Что делать-то будем? – спрашиваю я в трубку. - Как обычно? Да как не понять – понимаю! Да жалко его, вроде невредный, пьесы пишет! Что - жалко у пчёлки? Шутить изволите, товарищ Первый, а мне грех на душу брать! Поступать по обстоятельствам на свой страх и риск? Как не понять, да страшно за риск! Слушаюсь! – подтянулся я и повесил трубку.

- Задал ты мне задачу, Квазимагомедов, не знаю, что и делать! Придётся, видно, тебя всё-таки грохнуть! – вздохнув, решаю я.

Бедный Султан внезапно падает на колени и начинает поспешно кланяться и в этих поклонах целовать меня в тапочки.

- Прости, эффенди, пожалей, эффенди! – только и бормочет Султан между поцелуями.

Тамара не выдерживает ситуации и раздражается истерическим хохотом.

- Вот и радистка зарыдала! – констатирую я, - думаешь, ей легко подтаскивать со мной вдвоём трупы в крематорий, а потом выметать оттуда пепел! Вот и плачет, бедняжка!

Султан удвоил частоту своих поклонов и поцелуев.

- Ладно! – хлопнул я рукой по столу, - не приму греха на душу. Иди отсюда, Квазимагомедов - я тебя не видел! И ни слова никому, молчи, «как рыба об лёд!» - невольно скаламбурил я. А то – пять тысяч градусов! И пепел – фу – и нет ваших! То-то же!

Султан (конечно же, не по должности, а по имени!) подхватил свои туфли и, как был в носках, так и выскочил за дверь. Даже рукопись свою позабыл на столе.

- Надо же – «Заклятый брат»! – листал я напечатанные без признаков орфографии страницы: Мамед переспал с женой Ахмеда! Тогда и Ахмед мог позволить себе сделать то же самое с женой Мамеда! А почему-то не сделал? Совесть не позволила, или может, жена Мамеда была страхолюдиной?

- Да что я это, рехнулся что ли, всерьёз анализирую эту лабуду! - рассердился я и выкинул злосчастную пьесу на помойку, разорвав предварительно листки на части. Чтобы, грешным делом, бомжи не читали и не морочили себе головы!

Чернобыль

Мы постоянно созванивались с Ирой, и я зачастил к ней в командировки. В Житомире должен был летом состояться первый Всесоюзный симпозиум по маховичным накопителям энергии, и меня избрали в Оргкомитет. Надо сказать, что необычайно вовремя.

Заседал Оргкомитет, преимущественно, в Киеве, и я по делу и не очень ездил туда. Жил я у моего друга Юры, который на это время уходил к другу. Таким образом, у нас с Ирой была в распоряжении квартира. Муж её был ещё в армии, и мы чувствовали себя раскованно. Облазили весь Киев – побывали во Владимирской церкви, Софийском соборе, Кирилловской церкви,

Киево-Печёрской лавре. Часто ходили в Ботанический сад – не тот маленький, что в центре, а в большой – выше Выдубицкого монастыря. Нравилось нам бывать в Зоопарке. Запомнилась грациозная красавица-кошка на длинных ногах – сервал, не достаивавшая нас даже взглядом. И пернатые соседи – огромный чёрный ворон и орёл-бородач. Глупый орёл с красными от гнева глазами кидался на сетку к ворону, а тот спокойно и ловко вырывал клювом через сетку у орла по пёрышку и складывал кучкой у себя в клетке.

Но особенно любимым местом для нас был, конечно же, Гидропарк. Мы переходили через Венецианскую протоку, спускались направо и оказывались в царстве самодельных тренажёров. Сотни тренажёров занимали площадь около полугектара, и почти всё это соорудил своими руками и за свои средства хрупкий молодой человек, носящий знаменитую фамилию – Кук. Не знаю, был ли он потомком великого мореплавателя, но дело сделал грандиозное. Удивительное состояло в том, что сам Кук не пользовался этими тренажёрами, только регулярно ремонтировал их. Для меня его поступок так и остался загадкой – я бы на такое не решился.

Кук занял своими тренажёрами очень удобное место, а коммерсанты-шашлычники попытались вытеснить оттуда тренажёры, как не имеющие права на существование. Землю-то под них никто не выделял! Но на этих тренажёрах «работали» не самые слабые люди Киева, а тяжёлых палок и арматурин вокруг было предостаточно! Шашлычникам пришлось отступить, и после ремонта своих палаток, перейти на бюрократический метод борьбы.

Как раз в это время я написал в один из центральных журналов крупную статью «Земля Кука» и отослал экзепляр этого журнала в киевский исполком, который занимался тяжбой. И вскоре, к сожалению уже без Володи Соловьёва, мы сняли передачу «Это вы можете!», целиком посвящённую «Земле Кука». Ира «случайно» попала тогда в объектив телекамеры: красивая девушка на качелях, на которой надолго остановился тогда «взгляд» телекамеры – это она.

После эфира передачи, имевшей в Киеве большой резонанс, шашлычники сникли и нашли себе другое место. Меня же особенно «зауважали» завсегдатаи спортгородка, конечно же, и сам Кук.

Но как всё меняется! Когда Украина получила независимость, я не воспринял этого всерьёз, и первым же летом приехал снова в Киев. Надпись «Слава КПСС!» которая была выполнена масляной краской на бетонной стене спортгородка была заменена на «Слава Киеву!». Я порадовался этому, и стал, как ни в чём не бывало, тренироваться. Но заметил изменения в отношениях старых товарищей – они неохотно отвечали мне по-русски, стали называть на «вы».

Поразил меня и Кук – завидев его, я бросился к нему, как к другу, но в ответ было лишь официальное рукопожатие. Не придав этому значения, я по-дружески угостил его бананом. Юрий Васильевич Кук принял банан и поблагодарил. Но, закончив тренировку и вновь подойдя к будке, где обитал Кук, я уже не нашёл его там. А банан мой лежал на скамейке у будки. Не принял угощения от «москаля»!

В спортгородке каждое лето устраивали соревнования среди посетителей, и я постоянно участвовал в них. Но судейская «коллегия» теперь отказалась допустить меня к ним – дескать, соревнования не имеют статус международных! Я чуть не онемел от возмущения, но потом голос вернулся ко мне, и я высказал «судьям» всё, что я о них думал. А под конец вспомнил шашлычников и нашу борьбу с ними. Допустили таки!

Я показал первый результат – иного для мастера спорта и быть не могло. Мне выдали, как положено, гвоздичку и бутылку «горилки», а в грамоте вместо «I место» написали «III место». Первые два места присудили местным. Я чуть в драку не полез, но мне пообещали аннулировать не только результат, но и бутылку. На это я не согласился, а, отойдя в сторону, ножичком аккуратно подтёр на грамоте цифру III, сделав из неё I. Уходя из спортгородка, и уже выпив бутылку, чтобы её нельзя было «аннулировать», я показал «судьям» мою грамоту в новом исполнении и поучительно сказал:

- То-то же!

Это было моё последнее посещение спортгородка, да и Киева тоже. Ещё не хватало, чтобы меня там называли иностранцем или визу потребовали! Но вернёмся на несколько лет назад.

Итак, летом 1985 года я приехал в отпуск в Киев. Месяц побыл с Тamarой, а когда её отпуск кончился, проводил её на поезд и остался один. Сказал, что хочу потренироваться в спортгородке и тому подобное. Конечно, Тамара знала про Иру, но дипломатично не вспомнила её.

В начале августа был день рождения Иры. Мы задумали отметить его необычно – посреди Днепра. Накануне, купаясь в Днепре возле метрооста, мы обнаружили большой островок отмели, где можно было стоять по пояс в воде. И мы решили, на удивление купальщикам и удильщикам на берегу, доплыть до этой отмели, и, поставив выпивку и закуску на надувной матрас, отметить там день рождения.

Сказано - сделано. Назавтра мы принесли с собой надувной матрас, надули его на берегу, и, на всякий случай, привязали к нему шнурками бутылки за горлышки. Потом положили на него закуску, одежду и поплыли к отмели, координаты которой хорошо запомнили. Но на островок и намёка не было. Зря я нырял – дна так и не удалось нащупать. Течением нас стало сносить к мосту, опрокинуло матрас. Одежда и закуска оказались в воде. Хорошо, что бутылки были привязаны. Похватав мокрую одежду, Ира поплыла к берегу, а я – за ней с матрасом и бутылками. За нами внимательно наблюдали с берега купальщики и удильщики.

- А мы думали, вы собрались поплыть на Подол! – разочарованно сообщили они нам, когда мы в растрёпанных чувствах выбрались на берег. Оказывается, наблюдатели хорошо знали, что такие отмели периодически намываются и тут же сносятся быстрым Днепром снова. Но мы-то с ними не посоветовались!

Мы развесили сушить одежду, документы и деньги на ветки деревьев, я сбегал за закуской в ближайшую палатку, и мы всё-таки отметили день рождения Иры. А когда одежда и деньги подсохли, мы «доотметили» праздник в ресторане «Млын» («Мельница»), что через Венецианскую протоку от спортгородка. Матрас, конечно же, сдули и положили в сумку.

А окончательно «доотмечали» событие уже дома у Юры. Ире тогда исполнилось 22 года, мне же было 45. Я был старше неё более, чем в 2 раза! Сейчас эта разница примерно только в полтора раза, и с годами она всё убывает. Время работает на мужчин!

А в середине августа мы с Ирой отправились на Киевское водохранилище в турбазу близ посёлка Дымер. Там уже отдыхал Юра, и он зарезервировал для нас домик. С нами поехали наши общие с Юрой друзья, имевшие катер. Они путешествовали по водохранилищу, останавливаясь, то тут, то там – где понравится.

Как-то я решил прокатиться по новым местам с ними на их катере. Ира побоялась ехать в незнакомые места и осталась купаться на пляже. К вечеру я обещал приехать. Друзья забрали меня, и мы «пошли» на катере в район города Чернобыля, в залив, где в водохранилище впадают две реки - Уж и Припять. Говорили, что из-за атомной электростанции в этом заливе вода теплее, чем везде.

Обратно я решил возвращаться своим ходом, попрощался с друзьями и отправился гулять самостоятельно, осматривая красивые места. Перед обратной дорогой я решил искупаться. Сложил и спрятал одежду под приметным деревом, завалив её сверху листьями лопуха для конспирации, и, полностью раздевшись, пошёл купаться. Вокруг не было ни души, и я мог позволить себе такую вольность. Второго такого приятного купания мне трудно припомнить. Я, кажется, ощутил тепло Чернобыльского атома. Вода, действительно, была под тридцать градусов. Слева в залив уходило огромное негреющее красное солнце, спокойная красота берегов буквально усыпляла меня. Прележав на спине около получаса, я понял, что меня слегка отнесло течением, которого я раньше не замечал. Я перевернулся, отыскал глазами моё «приметное» дерево и вскоре подплыл к нему. Но... лопухов под ним не оказалось, как и моей одежды. Лопухом оказался я сам: теперь, в положении голого инженера Щукина, мне предстояло отыскать «приметное» дерево среди сотен других таких же. И я побрёл по пояс в воде (по вполне понятной причине!) вдоль берега.

Быстро темнело. Я понял, что разыскать мои лопухи сегодня уже не смогу. Стало холодать. Лежать на сырой земле в голом виде – опасно и стыдно. Плыть всю ночь по заливу – тоже опасно. Оставалось, как и инженеру Щукину, одно – пропадать, но пропадать я решил всё-таки там, где потеплее. Вскоре я отыскал небольшую копну сена, зарылся в неё и заснул...

И снился мне ужасный сон. Будто я нахожусь в долине реки после наводнения. Вокруг грязь, я бреду весь голый в этой грязи по колено. А вокруг разбросаны трупы животных – кошек, собак, и даже людей, видимо, утонувших при потопе. Я еле вытаскиваю ноги, меня засасывает тина, вот я провалился по бёдра и понимаю, что уже не выберусь...

Я с криком проснулся. Над горизонтом медленно вставало опять же красное негреющее солнце, как мне показалось, с той же стороны, что и заходило вчера. Поняв, что совершенно заблудился, я выбрался к воде и, пугаясь каждого звука, стал обходить одно дерево за другим. А вот и мои лопухи – они действительно были на виду, и дерево – самое высокое, как я только этого вчера не заметил! Быстро одевшись, я с каким-то неприятным осадком покинул место моего черныбыльского ночлега. Выйдя на дорогу, я сел на автобус и добрался до Дымера, а там и до турбазы, куда прибыл ещё до полудня.

Ира и Юра, не дождавшись меня вечером, чуть не забили тревогу. Но так как и друзья, с которыми я уехал, тоже где-то заночевали, то искать меня пока не начинали.

Рассказал друзьям про своё приключение и про сон. Юра не придавал этому сну значения, а Иру он испугал. Она пояснила, что хождение по грязи, а тем более трупы во сне – это предвестие печальных событий.

Так оно и оказалось, только семью месяцами позже. Не дай Бог находиться на том месте, где я видел сон, через эти семь месяцев! 26 апреля 1986 года произошла Чернобыльская трагедия, и невестка Юры с его внуком провела лето у нас с Тамарой в Москве. В Москве же у своих знакомых остановилась и Ира. Кто мог, тот уехал из Киева, чтобы переждать это опасное лето. Мы с Ирой продолжали встречаться в Москве, конечно же, только днём. Выручал, как всегда, Моня. Про то, что Ира в Москве я Тамаре не сказал, чтобы не нервировать её.

Сюзи

В начале сентября Ира уехала продолжать учёбу в Киеве. К новому 1987 году уехали в Киев родственники Юры, и мы почувствовали себя в нашей таганской квартире необычайно просторно. Но уж лучше бы они продолжали оставаться у нас, тогда может быть, я не совершил бы огромной промашки в своей жизни. А возможно, так и было нужно Провидению, для того, чтобы я стал тем, кем сейчас и являюсь. А случилось вот что.

Тамара не реже раза в неделю уезжала к своей матери с дочкой, и нередко оставалась там на ночь, а то и на две. И я чаще всего использовал эти моменты, приглашая к себе давних, а то и случайных знакомых.

Наша телепередача «Это вы можете!» была тогда в зените славы. После записей, которые происходили обычно в большой аудитории – чаще всего в студии Останкино или на ВДНХ, у меня оказывалось достаточно новых знакомых дам. Выбрать из них подходящую и пригласить посмотреть мою чудо-сауну, труда не составляло. Бывало, что для этого девушки даже оставляли своего кавалера, с которым пришли на запись. «Вот, бл..., популярность!» - как говаривал мой старший друг - писатель Василий Захарченко. А Тамара же обычно в эти дни уходила к матери, во-первых, потому, что меня не было дома весь вечер, а во-вторых, я сам способствовал этому.

Вечер мы с новой знакомой обычно проводили, как сейчас говорят, в «тестировании» чудо-сауны, заготовленного заранее шампанского, а под конец - и друг друга. Утром мы пили – кто кофе, а кто пиво, и разбегались, иногда даже не обменявшись телефонами.

Конечно же, я читал газеты и слушал сообщения, про ужасную болезнь – СПИД, но считал её пока делом Африки. Разных там - Заиров, Зимбабве, Мозамбиков и так далее. Но, на всякий случай, держал в ящике письменного стола презервативы, хотя в самые ответственные моменты про них забывал. Да и девушки хороши – нет, чтобы самим вспомнить

о безопасном сексе, бесстрашные они какие-то! Или влияло то, что мы оба были сильно выпившими и в охотничьей эйфории.

В те годы моя сексуальная жизнь, кроме Тамары, с которой я жил как с женой, и этих спонтанных встреч, сводилась к периодическому посещению ещё двух Тамар – Ивановны и Витольдовны. Если звонила Витольдовна, которая в очередной раз «прощала» меня, я обычно бросал всё и бежал к ней. Даже Тамара-маленькая своими слезами не могла удержать меня от этого. Меня тянуло к Витольдовне что-то, чего я до сих пор не могу понять. Ведь я даже сейчас часто вижу её во снах. Правда, вижу и Олю, и Ивановну, не говоря уже о Тамаре-маленькой. У Витольдовны, как и раньше, не засидишься – хорошо, если удавалось ночь провести вместе. Утром мы, обычно ссорились и разбегались. Бывало при этом, иногда, и рукоприкладство, конечно же, с её стороны.

Звонила иногда Ивановна. Чаще всего, если у неё что-то там портилось по электричеству, или мебель надо было перетащить. Конечно же, по телефону она мне этого не говорила, а только по приезду, после рюмки-другой. Характер у моей старой подруги испортился, и редкая встреча обходилась опять же без рукоприкладства, но на сей раз с моей стороны. Любила она доводить до белого каления – хлебом её не корми и мадерой не пои! Но, после побоища близость была особенно остра и чувственна.

Вот и весь ограниченный «ассортимент» моих сексуальных утех в Москве - не то, что несколькими годами раньше! Ездил я и в Киев к Ире, но это нечасто, хорошо, если раз в два месяца на недельку. Правда, в Киев я ездил и летом на отдых.

И вот однажды – говорю, и сам замираю от волнения в ожидании роковой встречи – я возвращаюсь с очередной записи передачи, причём один. Не всё коту масленица! Ещё со студии я позвонил Тамаре, убеждая её пойти домой, но получил отказ.

Злой и обиженный, я выхожу из метро у Театра на Таганке. Домой не хочется, к тому же мы с Василием Захарченко прилично выпили «на выход». Оглядываю милых дам, стоящих возле выхода метро, и вдруг вижу... негритянку. Высокая, худая, очень тёмная, с миллионом тонких косичек. Днём бы, да на трезвую голову – испугался! А тут – ничуть!

Подхожу, здороваюсь по-английски, и с места в карьер предлагаю: «Лет ас гоу хоум ту ми – дринк э литтл! Ай лив ниир!» («Пойдёмте ко мне домой, выпьем немного! Я живу близко!» Англичане, простите меня за «инглиш», но я ведь был выпивши!). «Виз плежар!» («С удовольствием!») – отвечает мне «красавица южная», и мы в обнимку идём ко мне.

По дороге я обнаружил две вещи – негритянка, которую звали Сюзи, немного пьяна, а к тому же, она ни слова не понимает по-русски. Или притворяется. Мы добавили шампанского, я включил сауну. Сюзи была приятно шокирована. После сауны мы допили всё, что оставалось, и я забылся.

Утром просыпаюсь от сильной головной боли. Пытаюсь определить, где я. Но потолок так высоко, что я ничего не понимаю. Поворачиваю голову налево и – о, ужас! – рядом со мной лежит нечто голое, чёрное с оранжевыми ладонями и змеями вместо волос.

- Всё, - думаю, - я на том свете, или ещё хрен знает где! Оказывается, лежим мы с негритянкой голые на паласе на полу - поэтому и потолок так высоко. Понемногу память стала возвращаться ко мне, и я покрылся холодным потом. Негритянка – значит Африка, а Африка – это СПИД! Одна надежда – вдруг мы по-пьянке забыли о «любви».

Бужу мою пассивно как можно аккуратнее, и нарушая все законы языка, спрашиваю: - Милая, а у нас была любовь вчера?

- Оф коурс, дарлинг! («Конечно, дорогой!») – отвечает Сюзи без тени беспокойства.

- Всё пропало! - думаю я, не находя рядом и следа презервативов.

За утренним кофе я спросил Сюзи, откуда она приехала. Она назвала какое-то государство, в котором уж точно была буква «з». То есть, в числе самых спидоопасных в Африке!

Я по-быстрому выпроводил Сюзи и принялся названивать в антиспидовую лабораторию Вадима Покровского, что на Соколиной Горе. Телефон у меня был давно записан. Связавшись с кем-то из лаборатории, я спросил, когда сегодня можно прийти на обследование.

- В чём проблемы? – спросил меня недовольный мужской голос.
- Да переспал с негритянкой без презерватива! – с досадой доложил я.
- А негритянка-то – наша? – спросил голос.
- В каком смысле «наша»? – не понял я.
- Живёт она в СССР или приехала откуда-то? – с раздражением проговорила трубка.
- Приехала из Африки, - ответил я, - страна какая-то с буквой «з». Заир или Зимбабве, а может – Мозамбик!
- Это всё плохо! – упавшим голосом ответил телефон, - всё очень плохо!
- Так когда можно на анализ? – забеспокоился я.
- Через полгода, не раньше! – ответил голос, - когда появятся антитела. У нас другого оборудования нет. Но даже и через полгода антитела могут не появиться, они могут вообще не появиться, а человек – инфицирован! – голос раздражался всё больше, - думать надо было, когда ложитесь с африканкой! – и человек повесил трубку.

Потом, когда я услышал голос Вадима Покровского по телевизору, я понял, что, видимо, по телефону говорил со мной именно он. Положение у меня было аховое. Никаких «концов» Сюза у меня не было, да если бы и были, что бы я с ней делал? Тамара должна прийти сегодня вечером. Как мне с ней поступать? Жить, как будто ничего не произошло, или признаться во всём? Тем более, я Тамаре уже стал всё рассказывать про свою личную жизнь. Решил покаяться, всё равно я по-пьянке во всём бы признался позже. Ожидаю истерики, упрёков, слёз. Тамара выслушала мои признания молча, сидя на стуле и опустив глаза в пол.

- Что ж, - наконец подытожила она, - жили вместе, а если надо – и умирать вместе будем. Где ты, там и я! Не надо было тебя одного оставлять, тем более выпившего, тут и моя вина. Жизнь продолжается, а теперь давай выпьем! – резюмировала Тамара.

Другим Тамарам я ни о чём не рассказывал. Как бы невзначай предложил пользоваться презервативами, но был осмеян. Более того, поехал я и в Киев, где продолжал встречаться с Ирой. Ира снова сошлась с мужем, с которым, было, «разбежалась», но и меня не бросила.

Я не понимал, что делаю. Взрослый, достаточно умный человек – и совершает поступки преступника! Ведь не было исключено, что я инфицирован. Тогда, кроме Тамары-маленькой, которая добровольно согласилась так рисковать, я мог погубить ещё двух Тамар и одну, совсем молодую ещё, Иру. И если сторонние сексуальные контакты двух Тамар ещё под вопросом (хотя какие тут могут быть вопросы?), то Ира официально живёт с мужем. Стало быть, кроме женщин, должны погибнуть и их сексуальные партнёры. А у этих партнёров - свои партнёрши, и так далее. И вот во всём буду виноват один я!

Голова шла кругом. Постигание этой страшной истины приходило как-то не сразу, а постепенно день за днём, неделя за неделей. Я стал читать труды по вирусологии о восприимчивости различных фенотипов к вирусу иммунодефицита человека. Стал изучать симптомы заболевания – сильное похудание, на 10-12 килограммов, опухание лимфатических желёз, кашель. Анализировал методы задержки перехода латентного периода болезни в активную форму. Прочёл в зарубежной научной литературе о пользе укрепления иммунитета холодными обливаниями и моржеванием.

Пока морозов не было, я заполнял ванну холодной водой и ложился туда минут на пять-семь. Советую попробовать эту процедуру, и тогда вам ничего больше в жизни не будет страшно!

В конце июня я решил пойти на сдачу анализов, на Соколиную Гору. Вместе с Тамарой мы вошли во двор инфекционной больницы и нашли флигель, куда тянулась длинная очередь. Это и была лаборатория, где брали анализы на СПИД. Мы попытались пристроиться в хвост, но вся очередь тут же обернулась и уставилась на меня.

- Что, скрытой камерой снимать будете? – раздражённо заворчала толпа, - кто пустил сюда телевидение?

Мы всё поняли и быстренько ретировались. Меня в очередной раз узнали и совсем не там, где хотелось бы. Тогда я решил изменить свой «имидж» до неузнаваемости - сбрил бороду и длинные, до плеч, волосы. На один римский персонаж – бородатого мужчину из

Архангельского – я перестал быть похожим, но поразительно стал напоминать другой, тоже римский, знакомый мне из учебника латыни. Это был римский меняла, мужчина с бритыми бородой и волосами на голове. Мошенничество и обман были просто прописаны на его лице.

Я вспомнил грузинский термин – «коса» или азербайджанский – «кёса», который означает «безбородый обманщик». Интересно, что нет термина «бородатый обманщик», а термин «безбородый обманщик» можно выразить одним словом! Вот на такого «кёсу» я и стал похож. Никогда не думал, что борода так хорошо скрывает мошеннический тип лица, надо посоветовать нашим олигархам немедленно отпустить бороды!

Что ж, на этот раз в очереди меня не узнали. Мы сдали кровь, результат должен был быть известен через три дня. Я не знал, куда девать себя эти три дня. Продумав все варианты, я пришёл к выводу, что если анализ будет положительным, я, прежде всего, убиваю Тамару, чтобы не мучилась и не подвергалась позору. Затем убиваю двух других Тamar, из тех же альтруистических побуждений. Пока не поймали, еду в Киев и убиваю Иру с её мужем. После этого, естественно, убиваю себя.

Когда я уже должен был звонить в лабораторию, я весь трясся от страха, Тамара спокойно доедала свой обед. Меня взбесило это спокойствие, и я сообщил Тамаре о моих планах в случае положительного анализа. Она очень возмутилась, и сказала, что это – самоуправство и самодурство, но обед, всё-таки, спешно доела.

Я дозвонился до лаборатории и сообщил номера анализов. Жующий голос лаборанта попросил подождать и замолк. Молчание продолжалось минуту, другую, третью... Я понял – анализ положительный, и лаборант сейчас срочно направляет к нам на дом санитаров, чтобы те силой забрали нас в больницу...

Наконец голос ответил, безразличным тоном сообщив, что анализы отрицательные. Я выдохнул, наверное, кубометра два воздуха, и с ним моё беспокойство. Срочно побежал в ближайшую церковь (Покрова Богородицы, что на Лыщиковой Горе), и страстно молился – благодарил Спасителя.

У Тамары отпуск был в августе, и мы решили поехать в Сухум, благо у меня там родилась внучка Маргарита – надо было взглянуть на неё. А в июле Тамара отпустила меня в Киев к Юре, потренироваться в спортгородке в Гидропарке.

Встречаться с Ирой стало трудно – она жила с мужем, снимали квартиру. Он временно прописался в Киеве и подрабатывал там, как мог. Но жили они, по словам Иры, плохо. Юра, видя, что я поселился у него один, не стал никуда уходить, и мы жили вдвоём. Вот и встречались мы с Ирой днём у Юры на квартире, пока он был на работе. А в выходные дни и этого нельзя было сделать.

Как-то мы пошли с Ирой в Гидропарк. Я решил искупаться, но Ира удержала меня от этого – дескать, вода в Днепре ещё радиоактивная. На людях мы решили особенно не появляться, взяли выпивку – закуску и сели в кустах. Я с досады перепил, а тут ещё пошёл дождь. Ира побежала спасаться от радиоактивных, как она говорила, осадков под мост, а я остался лежать на пляже, на топчане. Она тащила, тащила меня под мост, но я заупрямился, и так пролежал под дождём.

А завтра мы встретились в Пуще-Водице, зашли в чащобу и занялись тем, чем положено заниматься в чащобах. Было жарко, я весь вспотел, а потом тут же искупался в пруду. Вечером у меня поднялась температура, а на утро я попытался излечиться в терме (сауне с температурой до 140 градусов), что была при бывшем заводе «Большевик». Но мне стало в бане плохо, я даже там упал, разбившись до крови. Вот так скомкано и в неудобствах мы провели с Ирой дней двадцать, а потом я уехал обратно в Москву. У меня постоянно держалась невысокая температура, и я начал кашлять.

В Сухуме я уже заболел серьёзно, с температурой, и вызванный врач констатировал бронхит. Так и провалялся дома целый август. В Москву вернулся весь больной. На работе меня перестали узнавать, кроме того, что у меня уже не было бороды и волос, я похудел на 12 килограммов. В паху, подмышками и на шее опухли лимфатические узлы, и был постоянный кашель. Спать я практически перестал, и исчез аппетит.

Сейчас я подозреваю, что получил-таки свою дозу облучения, когда лежал в Гидропарке под дождём и купался в Пуще-Водице. Но симптомы лёгкой лучевой болезни и СПИДа так похожи, что я перестал сомневаться и окончательно поверил, что инфицирован. У меня развился психоз - характерные подозрительность и мнительность. В медицине он получил название «спидофобии», оказывается, такое случается с мнительными людьми частенько.

Мы с Тамарой постоянно ходили сдавать кровь, но я не верил отрицательным результатам. Я стал мрачным, раздражительным, всё свободное время лежал, отвернувшись к стене. Но была в этом и польза - я начал моржеваться зимой и регулярно тренироваться, поднимая штангу в зале. Перестал ездить в Киев и встречаться с Ирой, а в Москве прекратил ходить к моим Тамарам – Ивановне и Витольдовне. Имидж мой изменился неузнаваемо - из весёлого, бесшабашного бородача, гуляки и повесы, я превратился в мрачного, нелюдимого трезвенника, борца за собственное здоровье и нравственность. Меня перестали узнавать даже в нашей телепередаче – чужой бритый «лысый» мрачный мужик, никак не коррелировал со знакомым весёлым и агрессивным профессором.

Я стал снова подумывать о своих страшных кровавых планах. Целые дни я валялся в постели, вынашивая ужасные подробности и постоянно принимая транквилизаторы. И вдруг, не выдержав напряжения, я вскочил с постели и помчался в церковь Николы на Болванах, что прямо за метро «Таганская». Чтобы просить чуда – спасти меня и моих дам от смертельной напасти. И – вы не поверите – случилось настоящее чудо! На том же самом месте, что и в прошлый раз, я встречаю... Сюзи! Я узнал ее, я узнал бы ее среди тысяч негритянок, я столько думал о ней все это время!

Подбегаю к ней, окликаю, а она шарахается от меня – не признает. Я же так радикально изменился за это время! Она уже начала звать людей на помощь, но я упрямился и уделит мне хотя бы минутку. Оказывается, она сносно говорит по-русски. Или дурачила меня тогда, или подучила с тех пор.

– Сюзи, – умоляющим голосом говорю я ей, – вспомни меня, я – Ник, я был с черной бородой, мы провели ночь у меня дома. Я так искал тебя (я решил применить хитрость, чтобы вынудить Сюзи сделать анализ крови), оказалось, что я инфицирован ВИЧ. Видишь, как я выгляжу. Я боюсь, не заразил ли тебя! Тебе надо сделать анализ крови, обязательно!

– Ник, – взволнованно отвечала мне Сюзи, – я очень огорчена твоими проблемами, я полагаю, ты не знал об этом, когда пригласил меня к себе. Но ты не беспокойся за меня – я здорова, я регулярно сдаю кровь на анализ, когда приезжаю с родины сюда, это обязательно. И, кроме того, мы же с тобой не занимались сексом, ты что, не помнишь? Ты же был сильно пьян и сразу же заснул!

– Как же, я ведь спросил тебя утром: «имели ли мы любовь вчера?», и ты ответила: «конечно, дорогой»!

– Английский надо получше знать! – жестко ответила Сюзи. – Ты, видимо, перепутал «йестеди» и «туморроу». Ты меня утром на дурном английском спросил: «Дорогая, будет ли у нас любовь завтра?». Ну а я, чтобы не огорчать тебя, ответила: «Конечно, дорогой!» Успокойся, ты не мог меня заразить! Повторяю, я очень сожалею, что с тобой все так получилось!

Сюзи сама поцеловала меня на прощанье и поспешно ушла.

Конечно же, я тут же сообщил Тамаре о встрече и разговоре с Сюзи, чем немало ее обрадовал.

Вскоре я встретил своё пятидесятилетие. Было хорошо, что тогда все мои ученики были при мне, и я свой день рождения отметил в их окружении. Чувствуя, что моя мисс Витольдовна нравится Саше (он был просто поражён её красотой, когда мы случайно встретились с ней), я умело познакомил их, и они с первой же встречи сошлись. Я выпил, заснул в одной из комнат её квартиры, а они остались наедине в другой. Счастливы они были года два-три, искренне любили друг друга. Это, несмотря на то, что Витольдовна была на десять лет старше Саши. Злыдня Витольдовна даже заявила мне, что со мной она только «развратничала», а по Саше – «тащится». Неплохой лексикончик для переводчицы с английского! Я даже на время поссорился с ней за такие разговоры.

Дела моржовые

Я сказал, что начал моржеваться с холодных ванн. Препротивное дело, доложу я вам - ни пошевелиться толком, ни согреться в движении. То ли дело плавание в свободной воде, пусть даже и в холодной.

Осенью 1987 года, что-то в ноябре, мы с Тамарой пошли на пруд в парк «Кузьминки», взяв с собой термометр. Я поболтал им в воде и установил, что температура воды - шесть градусов. «Вполне приличная температура!» - как сказал бы главврач курской Облбольницы. В пруду уже успели при нас выкупаться несколько человек.

- Что я - лысый, что ли! – почему-то подумал я, и, хотя и был «лысым» - стриженным «под ноль», раздевшись, полез в воду. Никаких неприятных ощущений, столь характерных для холодной ванны. Поплавал с минуту, потом растёрся полотенцем, и тут же почувствовал, как разлившаяся по телу теплота, усугубленная водкой с салом, взбодрила меня и подняла настроение.

Тамара, несмотря на мои уговоры, на сей раз в воду не полезла. Но мы стали регулярно, почти каждый день, по утрам ездить в Кузьминки, где я купался. Уже в декабре, когда тоненький, гладкий и очень острый лёд затянул поверхность пруда, мы с Тамарой рано утром уже возвращались с моего моржевания. Я назвал это купанье таким термином потому, что на поверхности воды уже был лёд. Во время замерзания воды и во время таяния льда весной, температура воды минимальна, и на пресных водоёмах приближается к нулю. Когда лёд уже достаточно толстый, температура воды под ним уже около четырёх градусов. Правда, отличить ноль от четырёх градусов при моржевании невозможно – обжигает и эта, и та вода. Состояние у меня было бодрое и благостное, негреющее солнце стояло низко на восточной стороне горизонта.

Вдруг послышалось тарахтенье трактора и нас обогнал «Беларусь» с прицепом, в котором ехали двое парковых рабочих. Завидев нас, они что-то стали кричать. Я не расслышал и жестами стал переспрашивать. Трактор остановился, и до меня дошли слова рабочих:

- Уматывай в Израиль, а бабу нам оставь!

Вот и аукнулся мне этот Израиль - опять нос, видимо, сыграл злую шутку со своим хозяином! А пока я показал крикунам жест рукой по локоть: «вот, дескать, это вам, а не бабу!» Пролетарии привстали, но мне они показались недостаточно понятливыми, поэтому я продублировал мой жест уже ногой, указав им на их брата по разуму. Ногу надо было согнуть в колене достаточно сильно, но я постарался.

Получилось очень обидно и пролетарии, выпрыгнув с прицепа, направились вразвалочку ко мне.

- Тамара, беги за милицией, - быстро проговорил я, и стал шарить глазами по сторонам, ища подходящее оружие против пролетариата. Я увидел палку, торчащую из мусорного бака, резво подбежал к нему и стал вытаскивать. Палка по мере вытаскивания всё увеличивалась в толщине, и скоро у меня в руках оказалась настоящая палица Ильи Муромца. Размахивая ею, я с криком самурая бросился на обидчиков. Они отступили, запрыгнув опять в прицеп, и трактор снова затарахтел.

- Пронесло, - решил я, но ошибся. Трактор развернулся и на всех парах понёсся навстречу мне. – Задавить хочет, что ли? – рассуждал я, ища глазами Тамару. И увидел её поблизости у беседки с группкой старушек, моционящих по утрам. Тамара взволнованно указывала старушкам в мою сторону. Я приободрился - свидетели расправы будут и неплохие.

Я поднял палицу и стал ждать приближения трактора.

- Перебью стёкла, как только приблизится, а выйдет кто-нибудь, то зашибу и его! Свидетели есть, все видели, как они напали первыми, причём с помощью трактора, - рассуждал я сам с собой.

Трактор подъехал ко мне вплотную, остановился, и из него вышел тракторист. Пролетарии наготове сидели в прицепе. Я не буду дословно приводить наш диалог с

трактористом, скажу только, что пара-другая печатных слов всё-таки была. Таковыми были: трактор, Израиль, баба, свидетели, под суд. Пришлось вспомнить мои состязания того же рода с целинными трактористами, где я, как известно, выиграл.

- Так бы и сказал! – соглашается тракторист и снова залезает в кабину. Под улюлюканье старушек трактор с прицепом ретируется. А я сделал вывод, что с моим носом и без бороды, в малолюдных местах лучше не появляться. Сейчас меня от националистов выручает бритая голова, я становлюсь похожим на скинхеда. А когда по дороге попадаются нацмены, то я надеваю кепку и выставляю напоказ свой нос. Но что-то вроде палицы в руках в любом случае всё равно иметь надо!

Однако вернёмся к первоначальному предмету нашего разговора – моржеванию. Сам я начал заниматься этим от страха заболеть СПИДом. Но, познакомившись со многими моржами, разговаривая с ними, я понял, что просто так, «за здорово живёшь», моржами не становятся. Нужен какой-то стресс, толкающий человека в прорубь.

Одна пожилая женщина постоянно болела пневмонией, медицина оказалась бессильной, она кинулась в спасительную прорубь и выздоровела. Молодую женщину бросил муж, у неё началась истерия, а спасла, разумеется, прорубь. Мужчина-наркоман решил завязать с «наркотой» и призвал на помощь прорубь. И так далее, и тому подобное...

Спустя два года, когда я уже стал опытным моржом и начал делать по два-три захода в прорубь зараз, решила искупаться и Тамара. Она не рассчитывала на такую смелость, но однажды после моего купания, когда мы выпили, она, наконец, отважилась. Но так как купальника у неё не было, то полезла в прорубь «в чём мать родила». Лицемерные посетительницы Кузьминок подвергли её остракизму, но не сразу, а только после того, как разглядели стройную фигуру Тамары. Толстых, кривых и артритных старух, купающихся голыми, они не критиковали.

Но даже после остракизма Тамара продолжала моржевание в Кузьминках. Меня поражает до сих пор психология Тамары: ей трудно встать утром, трудно взяться за изучение компьютера, трудно отказать себе в поедании сладостей. Но одновременно бросить курить, после долгих лет увлечения этой заразой, она смогла. Это был единственный случай мгновенного и бесповоротного отказа от курения среди моих знакомых. Начать моржеваться – одновременно и бесповоротно, она тоже смогла. А сколько наших друзей, поддавшись нашему примеру, лезли в прорубь, в эйфории вылезали из неё, но вторично этого опыта не проводили!

Научившись чувствовать себя в проруби как дома, я начал эксперименты по заплывам под лёд. Это уже когда мы, испробовав с десяток различных водоёмов и прорубей, остановились, наконец, на Красном пруду в Измайловском парке. Красным он назван не только потому, что он прекрасен, а ещё и потому, что в допетровские времена торговцы мясом мыли его перед продажей в этом пруду, окрашивая воду кровью в красный цвет.

Лёд из-под воды необыкновенно красив – этакие хрустальные купола над тобой, сказочная картина. И кислороду в холодной воде требуется меньше, поэтому погружение может длиться подольше, чем в тёплой. Я сперва отплывал от проруби метра на три-четыре, и тут же возвращался. А к весне уже проплывал метров до десяти. Как-то уже в начале апреля я поспорил, что проплыву от проруби до достаточно большой лунки метрах в пятнадцати. В лунку, оставшуюся от рыбаков-подлёдников, можно было просунуть голову, набрать воздуха, и вернуться снова назад. Спор был крупный – две бутылки водки, правильнее – самогона, так как всё ещё доживал «сухой закон». Принесли даже фотоаппарат, чтобы фиксировать моё появление из лунки.

Погода была солнечная; погрузившись в воду, я отчётливо видел столб света, идущий от проруби, и такие же столбы поменьше – от лунок. В том числе и от той, куда я должен был вынырнуть. Я отдышался, проделал необходимую в этих случаях гипервентиляцию лёгких (часто задышал до головокружения), и нырнул. Но, к моему ужасу, световые столбы от отверстий во льду исчезли. Оказывается, Солнце зашло за тучку. Я поплыл назад, заглядывая вверх, но лунки нигде видно не было. Решил, было, вернуться, но и прорубь исчезла из виду, и

это всё из-за зашедшего за тучку Солнца. Что делать? Я понял, что спор может закончиться трупом.

Вспомнил, как прошлой весной милиция извлекала из талой воды труп утопленника, провалившегося когда-то под лёд. Зрелище было кошмарное. А теперь я могу запросто утонуть подо льдом с множеством лунок и даже прорубью, в десяти метрах от Тамары и моих товарищей-моржей. А они даже не будут знать, где конкретно я нахожусь, чтобы помочь. Положение аховое!

И я решился таранить лёд головой. Заплыл поближе к берегу, стал на дно и упёрся головой в лёд. Из всех сил отжался ногами о дно и, преодолевая боль в позвоночнике, поддерживая голову снизу руками, я давил в лёд темечком. Лёд приподнимался над водой, трещал, но не поддавался. Тамара вспоминала потом, что лёд на пруду «ходуном ходил». Оказывается, погружённый в воду на девять десятых лёд не так уж трудно слегка приподнять из воды, но не целиком – он весит многие тонны.

Воздух в лёгких от мышечной нагрузки катастрофически кончался, и уже начинались судороги. В эти моменты, при смертельной опасности, сила человека может многократно увеличиться. Я надавил на лёд с этой огромной силой, и он, захрустев, пробился. Но отверстие оказалось так мало, что я смог просунуть туда только руку. Изнемогая, я руками стал обрушивать края образовавшейся лунки, чтобы туда можно было просунуть голову. На берегу и с пристани люди видели мои потуги, но не понимали, как можно мне помочь. Тот, что был с фотоаппаратом, один за другим снимал кадры моей борьбы.

Окончательно задыхаясь, я почувствовал, что в плавки как бы пролилась горячая вода. Кровь – откуда? Но я тут же понял, что это не кровь, а другая жидкость, истекающая обычно перед самым утоплением. Через несколько секунд в голове потемнеет и уйдёт сознание.

Преодолевая боль, я сунул голову в лунку и, что было сил, отжал ногами. Обламывая края лунки, моя окровавленная голова показалась надо льдом! Выпучив глаза, я лихорадочно вдыхал воздух, потом уже осознав, что это – спасение. Ребята сбегали за ломиком в бывший домик спасателей, а ныне хранилище спортивного инвентаря, и, проваливаясь в воду, обломали лёд вокруг меня. Я на животе выполз на лёд и ящерицей дополз до берега. Вспоминают, что первыми моими словами были: - А водку-то я выиграл!

Я боялся, что мне не зачтут появление из внештатной лунки, но ребята без возражений зачли мне результат. Тамара дала ещё на одну бутылку, и «гонец» побежал за самогоном.

Приобретённый опыт помог мне основать новый вид спорта – пробивание льда головой из-под воды. Правда, единственным спортсменом в этом виде, был пока я один. Фотоснимки получились, их с большой юмористической статьёй корреспондента опубликовали в газете «Московский комсомолец», а мне тогда было не до юмора!

Почин этот подхватили другие газеты и журналы, даже известный «Огонёк». Статьи о моём подвиге обычно назывались, как и модная тогда книга Виктора Суворова (Резуна) – «Ледокол».

А через несколько лет телепередача «Времечко» заказала мне эту ломку льда головой. Когда ледовая обстановка подошла, я позвонил на телевидение, и съёмочная группа выехала на Красный пруд. На сей раз, мне сразу привязали к поясу верёвку, чтобы в случае чего вытащить из воды. Но всё прошло гладко, я даже не ободрал лица. Показал в телекамеру кусок льда, вышибленный головой – толщина была сантиметров пятнадцать. Правда, лёд уже был рыхловат, но по нему ещё спокойно ходили люди.

Этим же вечером передача была показана в эфире, а потом её повторяли неоднократно. Даже в Германии, как мне сообщили оттуда. А телекомпания АТВ назначила мне приз за этот подвиг – два миллиона рублей. Сейчас трудно сказать, сколько это долларов или современных рублей, но на хорошее кожаное пальто для Тамары хватило. Даже осталось мне на кожаную же куртку.

Когда директор АТВ отсчитывал мне премию в присутствии журналистов и пожелал удачи, я в ответном слове сказал фразу ставшую потом «крылатой».

- Зря говорят, что в России учёный не может своей головой денег заработать! Очень даже может, если постарается!

Наступил 1991 год. У моего младшего сына Левана и его жены Наташи родилась дочка – Ксения. Интересно, что точно через год, 14 августа 1992 года у них родилась вторая дочка – Мария.

Время шло тихо, страна медленно погружалась в разруху и голодуху; о вине я уже и не говорю – всё ещё агонизировал «сухой закон». Я где-то в газетах прочёл прогноз английского астронома Д. Уайтхауза, который из-за ожидающегося максимально большого количества пятен на Солнце в августе 1991 года, прочил катаклизмы на Земле. Но пока их не было. И вот, наступило 19 августа 1991 года.

ГКЧП

Утром часов в 7 утра мне позвонил взволнованный Саша и спросил, слушаю ли я сейчас радио, или смотрю ли я телевидение. Я ответил, что ещё сплю, и в чём, вообще, дело, если меня так рано будят.

- А дело в том, - отвечал Саша, - что Президента Горбачёва сняли, в стране переворот, и что теперь будет – никто не знает. По телевизору – «Лебединое озеро» и короткие сообщения о чрезвычайном положении!

Я бросился к телевизору; увидев фрагменты из балета, выключил его, и включил репродуктор, работающий от городской радиосети. Ну и услышал, что Президент Горбачёв по состоянию здоровья не может исполнять своих обязанностей, и его функции берёт на себя некто Янаев. Вводится чрезвычайное положение и образован ГКЧП – Госкомитет по чрезвычайному положению.

- Всё! – подумал я – начинаются репрессии, расстрелы, суды – «тройки», концентрационные лагеря. А название-то какое мерзкое – НКВД кажется музыкой по сравнению с ГКЧП!

Я тут же включил приёмник и нашёл спасительные «голоса». Как они были дороги нам, когда захотелось всерьёз знать правду! И тогда я впервые услышал слово «путч» относящийся к Советскому Союзу. Не в Чили, не в Испании, или там, Португалии, а у нас, в СССР – путч!

Выйдя на улицу, я обнаружил, что большинство мелких магазинов закрыто, и на них висят объявления, что Президент Ельцин призвал к неповиновению ГКЧП. Народ на улицах был малочисленен, вял и подавлен.

Постепенно по приёмнику стали ловиться голоса и изнутри страны - начали вещать какие-то доморощенные радиостанции, призывающие саботировать указания ГКЧП.

- Кажется, не всё потеряно, - решил я, - раз кто-то ещё пытается барахтаться!

Снова включил телевизор – показывали этих «красавчиков»-путчистов, сидящих в ряд за столом, как на скамье подсудимых. Камера поймала и увеличила руки Янаева, которые явственно и довольно сильно тряслись! Этот кадр показывали несколько секунд.

- Тамара! – крикнул я, - смотри, как у этих сволочей трясутся руки! Это конец – они проиграли! У победителей ещё никогда руки не тряслись!

Я тут же сообщил о своём открытии Саше, но он только хмыкнул.

- Перепили вчера, вот и трясутся! – констатировал он и тоже оказался прав. - И Янаев, и Павлов пили во время путча «в усмерть».

Похожий на Иудушку Головлёва Председатель КГБ Крючков своим внешним видом не сулил ничего хорошего. Тупым боровом глядел в телекамеру министр обороны Язов. Министр внутренних дел Пуго выглядел испуганным и подавленным. Какая-то тёмная лошадка Бакланов, и ещё какой-то там хмырь...В общем, криминальная «компашка», да и только... Я весь день провёл у приёмника. А вечером позвонил Саша и спросил:

- Нурбей Владимирович, вам не кажется, что наше место сейчас у Белого Дома?

- Эх, Саша, я уже стоял у одного такого дома в Тбилиси, пока пулемёты не заработали. Потом бросился бежать... Ничего мы не значим без оружия! Но если ты решился, то и я пойду. Тебе есть больше чего терять, ты моложе! – рассудил я.

И стал собираться. Взял бутылку самогона (водку-то достать было трудно - спасибо Горбачёву!), сала, хлеба. Оделся во всё немаркое, надел непромокаемую куртку, так как с утра моросил, не переставая, холодный мерзкий дождь. Звоню Саше, но оказывается, он передумал. Я и рад был – обойдёмся, значит, без трупов! Договорились пойти туда утром.

Вечером мы узнали, что несколько танков перешли на «нашу» сторону и охраняют Белый Дом. На один из этих танков взобрался Ельцин и произнёс свою знаменитую речь. Народ строит баррикады, окружает непроходимыми преградами – автобусами, грузовиками, брёвнами, подступы к Белому Дому (Дому Правительства РСФСР).

Утром мы с Сашей встретились и поехали к Белому Дому. Противный дождь не прекращался, мы вымокли, пока дошли. Подойдя к белому Дому, мы увидели отдельные кучки людей под полиэтиленовыми покрывалами, в плащах, и под зонтами. Мы зашли в подъезд дома неподалёку, и стали решать – что делать дальше?

Вдруг сильный рёв заставил нас вздрогнуть – это запустил свой двигатель один из стоящих неподалёку танков. Прогрев двигатель и, видимо, согревшись сам, экипаж заглушил двигатель.

Простояли мы так примерно до полудня. Вызвали по телефону Тамару Витольдовну. Она пришла, принесла термос чаю. Мы выпили самогона, закусили салом, запили чаем. Саша и Тамара Витольдовна вскоре удалились по своим «неотложным» делам; я же поехал домой к своей, теперь уже единственной, Тамаре.

К вечеру узнали из сообщений по радио, что есть первые жертвы – трое молодых людей. Честно говоря, я ожидал стрельбы, боя и большого количества погибших. В Тбилиси, без каких-либо серьёзных причин войска убили под тысячу молодых людей. А здесь – противостояние властям!

Но с каждым часом сообщения по радио были всё оптимистичнее, всё радостнее. Вскоре заработало и телевидение, закончив трансляцию Лебединого озера. Хорошо потом выразился Зиновий Гердт: «Больше я никогда не пойду на этот балет!»

Двадцать первого августа стало ясно, что ГКЧП проиграл. Дождь прекратился, светило тёплое солнце, весёлый и оживлённый народ сновал по центру Москвы. Лозунги и стихи на тему дня виднелись на стенах зданий.

- Забил заряд я в тушку Пуго! - прочёл я на стене дома на Арбате.

Бедный Пуго – это был единственный человек чести из этого протухшего заживо ГКЧП. Он покончил жизнь самоубийством, осознав, что проиграл. За что только жену свою тоже застрелил – непонятно! Остальных, кого в постели нашли пьяными по-пороссячье, кого в бане – в таком же состоянии. Послали самолёт за Горбачёвым, героем этого рейда был Руцкой. Привезли бледного от страха Президента с семьёй.

- Как чувствуете себя на советской земле? – первым делом обратился к нему корреспондент с микрофоном.

- А что, Крым уже не советская земля? – осторожно поинтересовался Горбачёв, и корреспондент извинился. Как в воду глядел Президент!

Потом были огромные демонстрации, пьянки, митинги. После затхлой советской жизни это было совершенно незнакомое нам чувство свободы, вседозволенности, что ли. Народ был пьян даже без вина. На митингах, в толпе, люди были вежливыми и предупредительными друг к другу – чувствовалось, что это собрались единомышленники. Врагов в толпе не было!

Враги были на Старой площади в ЦК КПСС. Я видел лица этих людей, когда их выпускали из зданий ЦК. Шли они сквозь узкий проход в толпе, и каждый из толпы готов был плюнуть в проходящего. Лица были с мёртвыми, но, тем не менее, полными ненависти глазами. Потом ожили, гады, даже миллионерами заделались некоторые. Не идеи руководили ими в советское время, а, простите, расчётец!

Но и среди победителей были люди разные – откуда же взялись «демократы», обворовавшие своих же сторонников, присвоившие бывшую «социалистическую» собственность?

Атеисты говорят, что Бога нет, и он обществу не нужен. Кант же считал, что даже если невозможно доказать существование Бога, он необходим для нравственности людей, для их нормальной жизни. И с какой бы толстой свечкой не стоял в церкви «новый русский», или просто ворюга, обобравший своих же близких, я не поверю, что это верующий. А иной, может, в церкви и раза не был, а в душе его жив нравственный закон, о котором говорил Кант. А говорил Кант, что его удивляют две вещи – звёздное небо над головой и нравственный закон внутри него!

Жаль, не часто встретишь таких людей, как Кант! «Нет больше турок, остались одни проходимцы!» - как орал с минарета небезызвестный Тартарен из Тараскона.

А жиденькая цепочка функционеров из ЦК КПСС, всё текла и текла сквозь толпу, унося свои пожитки – сменную обувь, какие-то папки, телефонные аппараты, посуду.

- Через несколько часов перестанет существовать КПСС – эта преступнейшая из организаций за всю историю! – громко вещал через мегафон из милицейской «Волги» голос демократа Сергея Юшенкова.

- Да, стоит жить на свете, хотя бы для того, чтобы услышать такие слова открыто, не шёпотом на кухне! – подумал я.

Увы, конечно же, демократии в современном смысле слова у нас не получилось. Уж очень силён был в нас советский менталитет – «совок», как его грубо, но совершенно справедливо называют. Ещё Маяковский писал так про разграбление барских усадеб крестьянами:

- «Тащ в хату пианино, граммофон с часами!».

Тащили предметы, совершенно не нужные в быту, а уж если речь заходила о деньгах... Вот и хапают наши демократы эти денежки у «своих же ребят», без всякой демократической совести! Но будем думать, что если мы всё-таки пойдём по цивилизованному пути развития, то лет так через двести-триста станем всё-таки нормальной демократической страной. Да ещё с российским колоритом!

Венчание и свадьба

Рассыпался СССР, начались реформы Егора Гайдара. Инфляция была сумасшедшей, мы никак не могли привыкнуть к ценам. Зарплаты отставали от уровня цен, их индексировали, но недостаточно. Молодёжь, чувствуя, что пахнет палёным, наострила лыжи за кордон.

Первым из моих учеников рванул на Запад - в США Ося Юдовский. За ним уехал один из моих учеников – Павел, аж в Австралию. Следующим был Володя – мой аспирант, недавно защитивший кандидатскую диссертацию. Он уехал на стажировку в Германию и остался там. Защитив докторскую диссертацию, исчез из моего поля зрения Моня. Он уволился из ИМАШа, перестал заниматься наукой, ушёл в коммерцию. И исчез – не звонил, не отвечал на звонки. Поговаривали, что и он смотался на Запад...

Мы с Сашей осуждали такие поступки наших близких коллег, но задержать их не могли. Ни денег, ни перспектив – ничего не было для этого. К этому времени я, уже заведующий кафедрой «Детали машин», «сколотил» свою научную школу и жил нормальной жизнью зрелого учёного. У меня были любые специалисты: теоретик высшего класса – Моня, хитроумный изобретатель – Ося, блестящий конструктор – Саша, деловой человек – Володя, и универсал – Павел.

И вот я лишаюсь их, одного за другим. Вся надежда на Сашу. Он поступает в докторантуру и начинает спешно готовить докторскую диссертацию. Потом вдруг остывает к науке и отдаляется от кафедры, от меня. Я звоню ему, не даю покоя, требую объяснений. Наконец обращаюсь за разъяснениями к Тамаре Витольдовне. И она признаётся мне, что Саша все дни изучает английский язык – наострил лыжи в Канаду. Я почувствовал себя капитаном

тонущего корабля, с которого сбегает на шлюпках вся команда, да и не только она, но и корабельные крысы...

Разговор начистоту только обострил ситуацию – здесь (в России, то бишь), нет будущего, перспектив. Кафедра, которую я хотел «передать» Саше после защиты им докторской, ему и даром не нужна. Что он с ней будет делать, если денег не платят?

- А как же твой учитель, как же я? – запаниковал ваш покорный слуга, - меня что, подыхать здесь оставляете, гады?

- Нурбей Владимирович, я открою вам военную мудрость – из окружения выходят по одному! – поучительно сказал мне Саша. – Да, вы учили меня уму-разуму, но и я вносил свою посильную лепту в наше общее дело. Разве не так? И я чувствую себя свободным в своих поступках!

- А что тебя в Канаде, ждут, что ли? – напрасно пытался я испугать Сашу.

- Нурбей Владимирович, - пристально глядя мне в глаза, отвечал Саша, - когда вы «правили» мою биографию в отделе кадров, чтобы я мог поступить в аспирантуру, вы же знали, что я еврей?

- Какой ты еврей, окстись, я же сделал тебя русским, я крестил тебя, наконец! – взмолился я.

- Ну и получился я евреем-выкрестом, а это ещё хуже, чем обычный еврей. Вот по еврейской линии у меня и обнаружили родственники в Канаде, и они зовут меня!

- Боже, а ведь он прав! – холодея от убийственной правды, подумал я. – Ведь и Ося, и Володя, а теперь и Саша – ведь я знал, что они евреи! Но я заставлял забыть их самих об этом, «правил» им биографии, крестил, внушал принципы великорусского шовинизма! И вот – в трудный момент всё стало на свои места – природу не обманешь! Точно как у моей второй жены Ольги, притворявшейся всю жизнь француженкой!

И попался на это я, цитирующий Фейхтвангера близко к тексту! Как я не оценил предостережения великого писателя, знавшего евреев не понаслышке! А теперь они все оставили меня на тонущем корабле – одного! Ради денег, ради сытой жизни – не ради науки, которой там они и не собирались заниматься! Ой вэй, горе мне, горе! – чуть не запричитал я, как старый, брошенный своими детьми еврей.

А почему же, собственно, я - один? – спросил я сам себя. – А Тамара? Она-то пока со мной и, видимо, бросать не собирается, если не бросила даже под страхом СПИДа. И евреев у неё в роду нет: из нерусских – одни болгары. Всё – надо скорее жениться, даже венчаться, чтобы не ушла, не бросила одного, как мои ученики!

Я был в панике. Потом, гораздо позже, я понял, что отпуская учеников по свету, я как бы разбрасываю свои, простите, семена на, простите, унавоженную почву, и, дав всходы, они прославят меня на чужбине. Получается патетически, но это, в принципе, так. И в разговоре упомянут – вот, был, дескать, у меня мудрый учитель, он так-то говорил, и так-то делал! И в статье отметят, и в лекциях, в докладах, в отчётах – вот и будет обо мне знать и говорить в далёкой стране «всяк сущий в ней язык».

Ученики потом звонили мне из своих стран, рассказывали о своих успехах, поздравляли с днями рождений. Ося Юдовский прислал даже свою фотографию среди снегов Аляски – скучает, поди, по нашим морозам! Они-то, наверное, читают мои труды и радуются – дескать, жив ещё старый разбойник! А я всё жду – когда кто-нибудь из них получит Нобелевскую (или «шнобелевскую», как любил шутить Ося Юдовский) премию. Или станет гендиректором концерна «Дженерал Моторз», чтобы внедрить там мои коробки передач. Или миллиардером, чтобы подарить старому учителю, хоть одну тысячную долю своего состояния, а мне больше и не надо!

Но это всё смех, причём сквозь слёзы. А вот венчаться действительно надо! И я осторожно так, намёками, говорю Тамаре, что хорошо бы, наконец, узаконить наши отношения. И обвенчаться, чтобы потом, на небе (а я не сомневаюсь, что мы попадём именно туда!) оказаться в одном департаменте. Но Тамара отвечает:

- А так, что ли, жить нельзя?

- Всё, - думаю, - и она задумала покинуть меня, уедет ещё куда-нибудь в Софию или Пловдив, по линии родственников, потом ищи-свищи!

- Нет, - говорю, - я не какой-нибудь обормот, чтобы незаконно жить с бабой на стыд всем соседям! А что родственники скажут, какой пример молодым мы подаём? И имею ли я право воспитывать молодёжь, если сам незаконно сожительствую?

- Ты что вдруг моралистом заделался, снова с негритяжкой переспал, что ли? – поинтересовалась Тамара.

- А вот чтобы ни мне, ни тебе не повадно было к разврату обращаться, предлагаю обвенчаться в церкви и закрепить наш брак на небесах! Без всяких там Мендельсонов!

Правда, тут возникла неожиданная трудность – моё отнюдь не христианское имя. Крестили меня, конечно же, христианским именем Николай, но в паспорте записано совсем другое – Нурбей. А свидетельства о крещении у меня не было, тогда не выдавали.

Как положено, подали сначала заявку в ЗАГС. Я так боялся, что меня узнает начальница ЗАГСа - красивая Марина, но страхи оказались напрасными. Учреждение это перенесли в другое место, и Марины там не оказалось. Дали нам пару месяцев на размышления. Я даже возмутился – что, пятнадцати лет, которые мы прожили вместе – мало, ещё двух месяцев не хватает? Но закон – есть закон!

За эти два месяца я договорился со священником в ближайшей к нам церкви о венчании. Это была маленькая старинная церковь Покрова Богородицы, что на Лыщиковой горе. Священник, как и Тамара, оказался тоже болгарин по национальности, и звали его - отец Иоанн Христов. Наметили венчание на 5 июня, прямо после ЗАГСа. Все эти два месяца Тамара шантажировала меня, если что не так – не пойду, мол, за тебя замуж! Но я терпел – намеченное надо было реализовывать непременно!

5 июня нас по-быстрому расписали в ЗАГСе. «Именем Российской Федерации» нас объявили мужем и женой. Смешно, ей Богу – почти как «именем революции»! А просто, по-человечески нельзя? Женщина-инспектор уже, было, собралась нажать музыкальную кнопку, но я с улыбкой незабвенного Жидца из Бердичева прижал её руку к столу и прошептал: «О, я вас понимаю! Но пожалуйста, нам без Мендельсонов. Мы сейчас в церковь идём!»

- Ну и правильно, - обрадовалась она – так и надо!

- О, конечно же, я вас понимаю! – чуть было не продолжил я «арию Жидца» - Конечно же, без Мендельсонов быстрее, а то там вон какая очередь брачующихся ещё!

Своим «шафером» я попросил быть преподавателя нашей кафедры Виктора Клокова, с которым успел подружиться. Тамаре подобрал «подружкой» тоже Тамару, но Витольдовну, с которой я успел мою Тамару познакомить. Они давно были знакомы заочно, и сразу перешли на «ты».

Заходим в церковь, а смущённый отец Иоанн говорит нам, что сегодня праздник - Троица, в общем невенчальный день. Наметили венчание на 11 июня, и, не солоно хлебавши, отправились «отмечать» пока штампы в паспортах.

Наступило 11 июня 1993 года. Погода была солнечная, тёплая. Замечу, что 5 июня было холодно и моросил дождь. Прибыли в церковь всей компанией, а там перерыв. Нашли отца Иоанна, тот позвал регента, который как-то не по-русски стал торговаться:

- Хор я уже отпустил, теперь нужно всех по телефону вызывать, такси оплачивать!

- Сколько? – коротко спросил Клоков.

Регент назвал сумму, сейчас она будет выглядеть странной и непонятной. Какие-то там большие тысячи, это долларов около ста. Я отдал ему деньги.

Подошёл звонарь.

- Звонить будем? – спросил он почему-то Клокова.

- Сколько? – просто, по-русски спросил Клоков.

- Сколько не жалко, - занялся звонарь.

Мало разбираясь в непонятных для меня деньгах, я протянул ему сто рублей. Вполне приличная сумма, но пару лет назад. Звонарь так и остался с вытаращенными глазами.

- Он иностранец, в наших деньгах не разбирается, - пояснил Клоков и дал звонарю тысячу. «Потом отдашь!» - прошептал он мне.

Осталось узнать у самого «главного» - отца Иоанна, сколько подбодает заплатить ему. Но спросить об этом у него я не решился - выручил Клоков. Он же и заплатил, не забыв прошептать мне: «Потом отдашь!».

Хор оказался на месте без такси, отец Иоанн позвал помощников, и обряд начался. Помощник принёс какие-то короны, но священник строго приказал ему: - неси царские!

Принесли «царские» короны – ажурные, большие. Витольдовна – красивая и торжественная, несла корону над головой Тамары; Клоков, чуть не засыпая на ходу – над моей. Добрый отец Иоанн, давая нам с Тамарой испить вина, налил в чашу столько кагора, что я прилично захмелел.

Запел хор ангельскими голосами, зазвонили колокола, отец Иоанн водил нас вокруг аналая – всё было очень торжественно. У Тамары даже навернулись на глаза слёзы от значительности момента. Подконец отец Иоанн выдал нам свидетельство о венчании, подписанное размашисто – Христов. «Почти Христос!» - простодушно заметил отец Иоанн.

Меня записали с моих слов Николаем, никаких справок не потребовали. Хорошо, что у Тамары оказалось «легитимное» имя, а ведь могли назвать какой-нибудь «Лениной» или «Октябриной». Тогда опять хлопоты!

Закончив обряд венчания, мы отправились пешком домой, благо идти было минут пять. Клоков отстал немного, а потом, к нашему удивлению, подошёл вместе с отцом Иоанном, уже одетым цивильно. Тот перекрестился на огромное распятие, висевшее у нас на стене, и мы сели за стол. Отец Иоанн поначалу пытался поучать меня цитатами из Евангелия. Но, видя, что я, подхватывая их, продолжаю наизусть, махнул рукой, и мы принялись за вино.

Мне было страшно находиться в такой непринуждённой обстановке с таким большим «начальником» - посредником между Богом и нами, грешными. А потом вино сделало своё дело, и мы подконец, сидели чуть ли ни в обнимку, напевая псалмы царя Соломона.

Но всё кончается, кончилось и наше свадебное застолье. Начались будни женатого человека. Поначалу мне казалось, что это невозможно – долго сохранять сексуальную верность одной женщине. Несколько раз я был очень близок к грехопадению, но либо случай, либо сам Господь Бог предотвращали это.

То в сауне, где уже было готово свершиться грехопадение, гаснул свет, и приходилось вызывать электрика. А в сауне третий, тем более электрик, как известно, обычно лишний. То сильно перепивал в номере гостиницы, где был не один, и дама оставалась неопороченной, а я уходил с молитвами благодарности.

Ну, а последний (может, и не во всей жизни, а только хронологически!) случай просто мистический. Одним словом, так сложились обстоятельства, что я оказался «в койке» с одной старой (не в смысле возраста, а скорее давности знакомства) и очень темпераментной подругой. Причем я решил, что если мы бывали близки и раньше, то есть до моего венчания, то, вроде, и греха меньше. А в самый ответственный момент в этой самой койке я вдруг слепну на правый глаз. Совсем как злодей Савл, он же потом – праведный апостол Павел. Только он ослеп сразу на оба глаза, а я – на один, греха, было все-таки меньше. Моргаю, моргаю – проморгаться не могу. Темнота полная – как после выстрела «световой пушки».

И вот вместо любовных утех – скорая офтальмологическая помощь в клинике, что возле площади Маяковского. Операцию на глазу пришлось делать, и теперь со зрением все в порядке. Со зрением- то все в порядке, а с мыслями крамольными – нет!

Вот я все время недоумеваю – отчего ко мне несправедливость такая? Ведь Господь, еще при изгнании Адама и Евы из рая, обещал людям полную свободу действий. А ответ за все – лишь на Страшном Суде. Почему же меня, как малое дитя, Он постоянно курирует – туда «низзя», сюда «низзя»! За то – шлепок, за это – подзатыльник! То электрика в сауну пошлет, то слепоту в койку. Никакой жизни! Дал бы, как другим, возможность погрешить вволю, а там уже на Страшном Суде я бы «оптом» за все отчитался!

Но жизнь идёт своим чередом – не на сексе едином свет клином сошелся. Ушли с горизонта старые и появились новые ученики, а также книги, патенты, спортивные успехи. Уже в 64 года я выжимал вес, который не поднимал за всю свою спортивную карьеру – 140 килограммов. Никогда раньше я не писал и издавал в год по четыре книги, причём довольно сложные и объёмные. А недавно – было и такое. Следовательно, жизнь продолжается!

Но, признаюсь – жизнь без грехов, особенно сексуального характера, достаточно скучна и однообразна. Хотя когда-то «завязывать» с этими грехами надо! А о скучной и однообразной жизни и рассказывать-то неохота, потому, что речь тогда пойдёт только о непрерывных рабочих буднях. Почти как в скучную и однообразную эпоху социалистического реализма. Не то, чтобы сама жизнь стала совсем неинтересной – это не так, даже, может, она сделалась более целенаправленной и содержательной, что ли. Но и квантовая физика очень даже целенаправленна и содержательна – а попробуйте-ка выслушать повествование о ней без сна с храпом!

Поэтому на венчании и свадьбе, как это сплошь и рядом делается в наших русских и даже «ихних» - нерусских сказках, я и хотел завершить байки о своей жизни и «подвигах». Но, не тут-то было! Жизнь, как любил говорить «отец народов», оказалась, действительно, богаче «всяческих планов»!

Любовь запоздалая, эпистолярная

Прежде, чем запускать новую машину в серию, её надо обкатать. Ну, чтобы разные там недочёты выявить, подправить что-то. И вот я решил «обкатать» свою рукопись в Интернете, чтобы потом публиковать книгу с учетом замечаний и пожеланий читателей. Разместил я мою рукопись в известной «библиотеке Мошкова» (www.lit.lib.ru), а также в литературном портале «Лавровый Лист» (www.lilit.ru), там же, где ранее размещал другие мои опубликованные художественные книги.

Отклики читателей не заставили себя ждать. Они приходили мне по e-mail'у не только из России, но и с Украины, Германии, США и даже далекой Австралии.

Владислав Мохов, бывший житель Тбилиси, а теперь австралиец, вспомнил почти все, описываемые в книге события, и почти всех, описываемых там, участников этих событий. Оказывается, мы учились с ним в одной школе, поступили в один институт, даже работали в одном здании, расположенном посреди поселка курдов. Письмо Владислава Мохова исполнено ностальгических воспоминаний о Тбилиси, о Грузии, о наших общих знакомых.

Один из читателей, успешный московский бизнесмен, так расчувствовался, что притащил ко мне домой галлон прекрасного виски в красивейшем сосуде, и так как сам недавно бросил пить, возложил трудную задачу по опустошению этого сосуда на меня. Но, какие наши годы – справился и с этим, правда, не за один «подход».

Профессор, и одновременно крупный бизнесмен из США, эмигрировавший ещё из СССР, позвонил мне и сказал, что из-за моей книги он на день не вышел на работу – не мог оторваться, пока не дочитал её до конца. Похожее письмо было от кандидата наук из Киева – он пишет, что как будто встретился со своим старым другом и единомышленником. Но все эти звонки и письма были от мужчин. Чтож, а представительницы прекрасного пола, так и остались равнодушными к моей жизни? Как бы не так!

Письма одной из читательниц по имени Тамара настолько затронули мне душу, что я не выдержал, и поместил их в книгу, в сопровождении моих ответов на эти письма. Письма эти, касающиеся моей личной жизни, пришли в «Лавровый Лист», и были размещены там, как и мои ответы на них. Но прежде, чем читать эти письма, я порекомендовал бы читателю снова заглянуть в книгу, в самое начало раздела **«Роковой клуб мукомола»**, где описана, казалось бы малозначительная сценка знакомства с девушкой по имени Марина, проживавшей в общежитии возле станции «Подлипки». Итак, письма...

Дорогой «Лавровый Лист»!

Прочла размещённые в «Лавровом Листе» книги Нурбея Гулиа, и, честно, была и восхищена и шокирована ими. Такого я раньше не читала. Особенно понравилась мне книга «Любовная исповедь тамароведа», что ещё более усугубляется тем, что я тоже – Тамара.

Но меня насторожила неясная национальная принадлежность автора. Например, на с. 24 книги он заявляет о себе:

«Грузин – первый сорт! Мегрел называется, мы на Чёрном море живём, - хвастался я, хлопая себя кулаком в грудь, совсем как это делает самец гориллы, который живёт ещё несколько южнее».

Стало быть, автор – грузин, а также мегрел, или мегрелец, как их тоже называют.

На с. 16 автор признаётся, что он является внуком Дмитрия Гулиа – абхазского писателя и поэта, значит автор – абхаз.

На с. 193 автор говорит:

«Мы, московские евреи, считаем, что больше этого терпеть нельзя!».

Здесь автор сам утверждает, что он – еврей.

И, наконец, на с. 304 читаю слова сказанные автором от первого лица:

«А я на это отвечаю, что, во-первых, мы – русские...».

Так значит, автор – всё-таки русский. Так как эта ссылка даётся позже всех, то заключаю, что автор под конец всё-таки стал русским...

Полная неразбериха!

Всё это, а также то, что на с. 38-39 высказывалось опасение, что злополучные тяжеловесные «грации» при насилии над автором в прачечной, могли повредить ему «рабочий орган», натолкнуло меня на сочинение эпиграммы на автора (в подражание не кому-нибудь, а самому Пушкину!), которую я хотела бы поместить на Ваш портал, вместе с этим обоснованием моего поступка. Одним словом, и для автора, и для читателей его книг.

Эпиграмма на Нурбея Гулиа

*Полугрузин, полумегрелец,
Полуеврей (заметен сквозь одежды
его полуобрезанный конец),
Полуабхаз, но есть надежда,
Что стал он русским под конец!*

Тамара

Ответ Тамаре на её эпиграмму

Эх, Тамара! Попала ты, как говорят в литературных штампах, не бровь, а в глаз!

Неясность в моей «национальной принадлежности» настораживает больше всех меня самого. Как выпью, бывалочи, вечерком, вспомню о моей «нации», так и начинаю настораживаться.

Дед мой по отцу – Дмитрий Гулиа – действительно абхаз. Более того, он – создатель письменности, алфавита, литературы, театра и т.д. и т.п. своего народа. Так что, по прямой мужской линии – я абхаз. Жена этого деда – моя бабушка – мегрелка. Выходит, я и – мегрел.

По материнской линии дед мой – Александр Егоров – русский граф. А бабушка моя, то бишь, графиня, уже грузинка, причём самой горной и свирепой народности – мохевка. Вот так я стал представителем четырёх национальностей, о которых упоминал в своих книгах.

Но открою вам мой «страшный» секрет, о котором и сам-то узнал не так давно. Прабабушка моя по материнской линии, мать бабушки-графини, оказалась чистокровной еврейкой. Казалось бы, подумаешь, все мы немножко евреи, все ведь от единого предка... Но «фишка» в том, что у

евреев национальность передаётся по матери. И это справедливо - мало ли, кто отец – генетических тестов-то раньше не было.

Рассуждая таким образом, я понял, что и бабушка моя – графиня, и мама – графская дочь, да и я, грешный – тоже еврей. И никого не интересует эта ненадёжная мужская линия!

Вот так к моим четырём прибавляется ещё одна, я бы сказал, основополагающая нация – еврейская. Вот это всё я, с чисто еврейской прямоотой и правдивостью, правда, в завуалированной форме, отразил в моих книгах. И попался на острый язычок Тамаре.

Эх, Тамара! Попалась бы ты сама мне на жизненном пути пораньше (до венчания, разумеется, с моей третьей женой Тамарой!), быть бы тебе, как минимум, в моём «тамароведческом» списке. А как максимум, возможно и законной женой! Вот тогда тебе не надо было бы замечать сквозь мои одежды то, что ты так профессионально узрела своим зорким оком!

А может, всё же рискнём, согрешим, а потом замолим свой грех? Кто из нас без греха? Ведь есть чисто научный резон согрешить – разгадать физиологическую загадку моего «полуеврейского» происхождения, так остроумно поставленную в твоей эпиграмме!

Нурбей Гулиа, тамаровед.

Я – твоя самая первая Тамара!

Эх, Нурбей! Это в ответ на твои: «Эх, Тамара, да эх, Тамара!» Позволь уж обращаться к тебе по имени и на «ты», поскольку мы перешли на такую форму общения уже более сорока лет назад, после нашего первого брудершафта. Просто ты, наверное, успел меня позабыть, иначе бы отразил нашу с тобой встречу в своей «Любовной исповеди тамароведа».

В своём ответе на мою эпиграмму ты пишешь в Лавровом Листе:

«Эх, Тамара! Попалась бы ты сама мне на жизненном пути пораньше..., быть бы тебе, как минимум, в моём «тамароведческом» списке. А как максимум, возможно, и законной женой! Вот тогда не надо было бы замечать сквозь мои одежды то, что ты так профессионально узрела своим зорким оком!» (Речь идёт о твоём «полуобрезанном конце», что из эпиграммы).

И предлагаешь мне согрешить с тобой. Да мы сделали это уже сорок с лишним лет назад, а в твоём «полуобрезании» виновата я сама, потому так уверенно и пишу об этом. Позволь напомнить тебе, как это всё произошло.

Весной, перед майскими праздниками 1963 года мы познакомились на танцплощадке в парке Лосинки или тогда города Бабушкина (что теперь в районе метро «Бабушкинская» в Москве). Я была с подругой Милой, с которой жила в одной комнате в общежитии возле станции Подлипки. Ты же был со своим другом Володей. Мы познакомились, выпили немного прямо в парке в кустах и решили продолжить это достойное занятие и дальше. Ты предложил зайти в общежитие, где ты жил, и которое, как я поняла из твоих книг, называлось «Пожарка». Твой сосед по комнате уехал отмечать праздники к себе на родину, и комната была бы в нашем распоряжении.

Мы с Милой согласились, сели на ныне несуществующую электричку-«трёхвагонку», и через несколько минут приехали в посёлок «Институт пути», где и находилась «Пожарка».

Вот в этой-то «Пожарке» и был наш первый брудершафт, разумеется, с поцелуем, после которого мы с тобой перешли на «ты». Потом «золотые тосты» продолжились, а вскоре дело дошло и до кровопускания. К счастью, небольшого. Вышло всё так. Ты, уже в хорошем подпитии, стал рассказывать анекдот, хорошо известный в то далёкое время. Пересказываю его.

В Советский Союз приехал в гости лидер дружественной нам тогда Бирмы по фамилии (или имени?) У Ну. Так вот, понравилась тогда этому У Ну одна балерина из Большого театра, он влюбился в неё, и решил взять её к себе в гарем. И спрашивает, что она хотела бы с него за это. А той неохота в Бирму, да ещё в гарем, она и решила предъявить У Ну явно невыполнимое условие.

- Видите ли, - говорит балерина, - я женщина очень страстная и мне необходимо, чтобы у моего мужа «хвостик» (как ты, Нурбей, называешь **это** в своих книгах!) был не менее тридцати сантиметров).

У Ну долго думал, а потом вздохнул и решительно ответил:

- У Ну любит, и У Ну отрубит!

На эту фразу народ тогда весело смеялся. Все-то полагали, что ему вытягивать этот «хвостик» придётся, а тут, оказывается, обрубить надо!

А я в шутку задаю тебе аналогичный вопрос, дескать, если ты, Нурбей, меня любишь (а ты постоянно уверял тогда, что любишь меня, причём «безумно!»), то готов ли ты тоже обрубить свой «хвостик» как У Ну?

- На какой длине? – серьёзно спросил ты.

- А хотя бы на половине того, что попросила балерина! – смело ответила я, полагая обратить всё в шутку.

Но ты решительно достал свой ужасный нож с «выстреливающим» лезвием, вручил его мне и твёрдо сказал:

- Режь здесь, ты ведь – Резник!

Тут я должна пояснить, что моя фамилия – Резник, и Нурбей уже знал об этом. Он даже посмеялся над тем, что так якобы называют человека в синагоге, который делает обрезания.

Я приняла нож, и со злодейской улыбкой приготовилась делать обрезание. Мила с Володей с ужасом смотрели на меня, а я, раззадоренная выпитым и пикантностью положения, взяла, да и легонько полоснула лезвием указанное место. Ножище оказался острым, вот и произошло кровопускание. Небольшое, конечно же. Мы бросились прижигать ранку (небольшую царапину) йодом, потом хотели даже наложить повязку, но передумали.

Мила, видя, что дело пахнет керосином, схватила Володю и утащила с собой в Подлипки. Мы же, дорогой Нурбей, остались одни, и грешили всю ночь с 30 апреля на 1 мая, и почти весь пролетарский праздник – 1-е мая. Это, несмотря на царапину, или неудавшееся обрезание, «полуобрезание», одним словом. Шрамчик-то хоть сохранился, интересно посмотреть бы?

А вечером поехали мы с тобой ко мне в Подлипки и продолжили праздник уже у меня в общежитии. Потом пришли в гости знакомые ребята, и случилась ссора. Ты, Нурбей, полез в драку, и тебе порядком намяли бока. А тем временем девчата вызвали милицию, и тебя забрали. Мне даже не позволили пойти с тобой в отделение, куда тебя потащили.

Вот мы и расстались. Ни ты больше не приехал ко мне в Подлипки, ни я к тебе в Пожарку. И телефонами не обменялись, да и были ли, они в Пожарке не знаю, а у нас в общежитии их точно не было. А, судя по твоей «Любовной исповеди», ты вскоре познакомился со своей *второй* Тамарой, которую ты считал *первой*.

Забыл ты, что ли, про меня вообще или только имя моё запомнил? Ведь ты меня Тамарой, или Марой, как я тебе представилась, почти не называл, а всё Резник да Резник! Но ты сам – ладно, а как же Голос, который назвал Томочку Грубер твоей первой Тамарой, мог перепутать? Ведь реально твоей первой Тамарой, как я поняла, была именно я!

- Правды взыскую! – так и хочется возопить словами персонажа из одной литературной пародии, - где справедливость? Народ, читавший твои книги, знает про других Тамар, а я ведь была первой!

Я надеюсь, что в следующих изданиях «Тамароведа», если они будут, или в твоей следующей книге про любовь, ты исправишь свою ошибку. Тогда и число Тамар станет уже «круглым» - десять, да и справедливость будет восстановлена!

Не ищи встречи со мной. Я хочу, чтобы ты запомнил меня молоденькой и красивой, как 44 года назад. И желательно с ножом в руках, готовую произвести тебе «полуобрезание»!

Твоя первая Тамара по фамилии Резник.

Ответ Тамаре Резник, или о субъективности вещей Голосов

Эх, Тамара! Не буду нарушать уже накатанный стиль наших обращений друг к другу. И зачем только ты назвалась Марой! Вот я и решил, что ты – Марина, и не упомянул тебя как Тамару в моей «Любовной исповеди тамароведа». Но обещаю свою ошибку исправить, правда, пока не знаю как. Может, сочиню поэму о нашей встрече, выдержанную в пятистопном ямбе. Чтобы подчеркнуть значительность этого события. Например, так:

«Помни, Тамара, о ночи бессонной в «Пожарке»,
О ране глубокой, тобой нанесённой, не позабудь!»

Конечно же, я вспомнил и нашу встречу, и нашу скоротечную общежитейскую любовь! Как же я могу её забыть – об этом настойчиво напоминает мне и «шрамчик», который ты так хотела увидеть, и изрядно намятые твоими друзьями мои бока (одно ребро «таки» было сломано!), и тёплое дружеское общение с милицией станции Подлипки.

Нет, даже прогрессирующий склероз не даст мне забыть твои чёрные с сумасшедшинкой глаза, причёску «каре» и занесённый нож. Над чем, над чем? Над всем, над моим всем! О, моя Тамара-Резник, моя «аидиш киндер», моя Фамарь, моя Суламифь! Нет, я не ищу новой встречи с тобой, я не хочу лицезреть «бабу Мару» вместо моей юной красавицы из общежития станции Подлипки. Вся моя долгая и, можно сказать, экспериментальная жизнь убедила меня в том, что не надо встречаться «по новой» с любимыми своей юности и даже молодости. Весь кайф будет испорчен от замены пронесённого через годы и где-то даже отретушированного образа «юной девы» на ... Даже не хочется произносить на что! Может, я и не прав, но это моё кредо!

Но я должен горячо поблагодарить тебя, о первая в моей жизни Тамара, сказать тебе моё «большое русское спасибо», за очень важный вывод, сделанный мной по фактографическому материалу твоего письма. Ты мне пишешь:

«Но ты сам – ладно, а как же Голос, который назвал Томочку Грубер твоей первой Тамарой, мог перепутать! Ведь реально твоей первой Тамарой, как я поняла, была именно я!». И я вспоминаю описанную и в «Русском декамероне...», и в «Любовной исповеди...» мою первую ночь с преподавательницей английского из МГУ - Томочкой Грубер, и Голос, идущий таким тёплым туманным облаком со стороны Красной площади. Действительно, я явственно помню, как этот Голос медленно, как далёкий громopodobный Фантомас, рассмеялся и добавил: «Нет, это твоя первая Тамара, но у тебя, их будет достаточно!». Что же, Голос, сам Голос – ошибался? Хорошо, мог ошибаться я, грешный, посчитав Мару Мариной, а не Тамарой, но Голос, Голос, идущий с небес, причём не простых, а над Красной Площадью, Кремлём, можно сказать «кремлёвский Голос», разве мог ошибаться?

Эти рассуждения повергли меня в сомнения, даже панику. Ведь я, как, наверное, и все мы, считаем вещие Голоса, которые отнюдь не так уж редки, чем-то объективным, идущим чуть ли ни прямо от Бога. А тут – на тебе – Голос, как и я сам, знать не знал о моей первой Тамаре, и ошибочно провозгласил Томочку Грубер первой оной! Что же получается – вещие Голоса, оказывается, субъективны, они исходят от того самого человека, который их и слышит. Причём их не слышат другие – ведь сама Томочка Грубер даже не проснулась от громopodobного Голоса! А раз они субъективны, то и их предсказания не неизбежны, как рок, а всего лишь являются скрытым путеводителем для самого человека, субъекта, от которого они и исходят. Я не буду даже перечислять великих и не очень людей, которые слышали эти Голоса, и, оказывается, сами же исполняли их предсказания, как под гипнозом. Но они вполне могли и послушаться повелений Голоса, если бы знали, что он исходит от них самих. Вот Пушкин услышал этот Голос, который предсказывал ему гибель от рук высокого блондина, из уст гадалки-цыганки. И сам искал встречи с этим блондином, пока не нашёл Дантеса... А ведь мог просто посмеяться над словами гадалки и не заплатить ей денег. И тогда услышал бы от неё совсем другие Голоса!

Спасибо тебе Тамара, большое, уже не только русское, но и общечеловеческое, за открытие, неизменным соавтором которого ты, безусловно, являешься!

Нурбей Гулиа, тамаровед-аналитик

Вот такими посланиями обменялись мы с Тамарой Резник, в результате чего я усомнился в объективности «вещих» Голосов. А потом подумал – не слишком ли сразу и опрометчиво «предал» веру в Голос, тот, что слышал я, по крайней мере?

Во-первых, какие есть у меня основания верить девушке, назвавшейся Марой, что она действительно Тамара, а не Марина, Мария, Марта и т.д. Что, теперь встречаться с ней и просить показать паспорт? Глупо и смешно, к тому же она в своём послании просила «не искать встреч» с ней. Да и мне самому не очень-то хочется увидеть вместо красивой юной Марины пенсионерку «бабу Мару», пусть даже и Тамару по паспорту.

Во-вторых, хоть Тамара Резник и утверждает, что она – «моя первая Тамара», но смысл этого утверждения неконкретен. Я помню, что в мою холостяцкую узенькую общежитийскую койку мы с ней ложились, а утром с неё вставали. Но совершили ли мы то, после чего Голос имел бы все основания считать Тамару Резник «моей» - не помню. Тем более, что «рабочий орган» был травмирован. А простое совместное лежание в одной койке, ещё не даёт оснований объективному Голосу, как, например, самой Тамаре, считать её «моей».

И последнее – а вдруг Голос считает первой ту Тамару, с которой я просто раньше познакомился? А познакомился с Тамарой Грубер я раньше, чем с Тамарой Резник, хоть и «переспал» позже. Вот и сомневайся теперь в объективности моего Голоса, да и вообще всех «вещих» Голосов!

Конечно, если бы можно было бы вызвать этот Голос снова и, не опасаясь его гнева, расспросить его подробнее, что он имел тогда в виду! Но это нереально...

Кстати, я недавно побывал в том самом проходе, где жила Томочка Грубер, видел окна её тогдашней квартиры. Почти ничего не изменилось, только двор отгородили железной изгородью. Теперь я не смог бы прятаться у противоположной стены в виде барельефа! Да и теперь мне этого уже не нужно!

Хэппи энд и формула счастья

Вот и внесли мы ясность, а вернее – полную неясность, в отношении объективности «вещих» Голосов и численности моего тамароведческого списка. Если верить Тамаре Резник (при условии, что она действительно Тамара, а что – Резник, в этом я не сомневаюсь, судя по её поступку!), то Тамар у меня уже не девять, а десять! Вечно у меня с Тамарами неясности с цифрами «девять» и «десять»! Вот и число зарубок на моей (между прочим, и ныне действующей!) койке – то ли девять, то ли десять. Помню, мы с Тамарой-маленькой, будущей женой, сошлись на цифре «девять с половиной» (всё же на единицу больше чем у Феллини!). Придётся, по-видимому, и число Тамар в моём списке считать – девять с половиной, причём Тамара-жена будет при этом восьмой-с-половиной!

Исполнил я и моё обещание Тамаре Резник – обязательно упомянуть о ней в моей новой книге, вернее, в её новой редакции.

Хорошо, с женским вопросом закончили, а как же наука, творчество? Ведь остановилось моё повествование на венчании и свадьбе, так как дальнейшая жизнь казалась мне уже скучной и неинтересной. Но, не тут-то было! Вот, уже и пол-Тамары к списку добавилось; были даже попытки адюльтеров, правда вовремя пресекаемые и наказуемые Высшими Силами вплоть до слепоты.

Но творчество-то, творчество продолжалось! Я уже рассказывал, как мои изобретения хотели освоить на одном бывшем «военном» предприятии и, как я несколько лет напряжённой работы отдал этому делу. А также о том, чем это всё закончилось для двух руководителей предприятия, хотя моя вина в этом не может быть доказана никаким судом, кроме Страшного!

Я же в депрессию впадать не стал, а начал искать союзников уже не в России, сильно подорвавшей свою экономику дефолтом 1998 года, а «за бугром». К тому времени у меня уже начали налаживаться связи с Германией, но исключительно по накопителям энергии. Дело в том, что изданная в Германии на немецком языке моя книга «В поисках энергетической капсулы» произвела неожиданное воздействие не на старших школьников, для кого предназначалась, а на

учёных и промышленников. Сперва меня вызвала немецкая аэрокосмическая компания DLR и предложила участие в создании накопителя энергии для космического аппарата. Но Германия сама не выиграла тендер на проект, и моё участие в нём отпало автоматически. А затем меня пригласила энергетическая фирма SEEBA для разработки супермаховичных накопителей к ветроэлектростанциям. Разработки продолжались несколько лет, и я ездил в Германию почти каждый квартал. Однако оказалось, что реально создать такие накопители под силу только мощной промышленности США, и, кстати, эти изделия сейчас производятся там рядом фирм.

Но за время работы с фирмой SEEBA я не прекращал своих разработок по вариаторам в России, в частности, с автозаводом ЗИЛ. С невероятными трудностями мне с учениками удалось изготовить и испытать новый «адаптивный» вариатор, какого раньше в технике не было. Но мысль пошла дальше, и я разработал так называемый супервариатор, который обещал быть прямо-таки чудом техники. Многим специалистам казалось, что такого вообще не бывает, и что это противоречит законам механики. Нужен был эксперимент, а эксперимент стоит денег и немалых. Вот здесь и помог «добрый гений» из Германии, глава фирмы PlanBau г-н Упхаус, который выдал на изготовление супервариатора необходимые деньги. Большую помощь в этом оказал мой бывший земляк и сосед – мы жили в Москве в соседних домах – Саша Хагин, который переехал жить в Германию. Мы с ним стали близкими друзьями и помимо работы, но без него я в Германии был бы беспомощен, и, как говорится «без языка».

Итак, деньги были, но надо было изготовить самый сложный механизм, за который никакие заводы не хотели браться. Или требовали задаток, превышающий всю выданную сумму. И я с моим аспирантом Иваном Бессудновым исколесили всё Подмосковье в поисках «дешёвого» предприятия-изготовителя. И нашли-таки подобное в Калужской области, рядом с посёлком Товарково, там, где нет даже асфальтовой дороги.

Неутеплённое помещение с электрическими калориферами, станочки в пальто и меховых шапках, полы в дырках, куда проваливались не только крупные детали, но и ноги. Часть оборудования вообще стояла на дворе под навесом, в частности, шлиф-машина. О туалете и говорить нечего: он был образцово-показательным, в смысле того, что все образцы можно показывать через щели окружающим во дворе. А главной достопримечательностью была вышка часового с автоматом, возвышающаяся над всем предприятием. Дело в том, что предприятие граничило с тюрьмой, а вышка ей и принадлежала.

Но когда мы показывали в Германии фотографии технологического процесса изготовления супервариатора, где, например, доводку деталей производил я сам во дворе на шлифмашине в сугробах снега, это произвело шок. Шок усилился, когда мы сказали, что если мастер не справлялся с задачей, то мы отправляли его напрямик... в тюрьму. И показывали нас на фоне тюремной вышки и улыбающегося часового с автоматом на ней. Конечно, это было шуткой, но это понятно нам с вами, а не немцам, слышавшимся о России чёрт знает чего...

Одним словом, супервариатор сделали, даже для себя один экземпляр «сварганили» – про запас. Испытали – тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить – то что надо. Отправили в Германию, испытали его там. Все довольны, всё О.К. Подали заявки на патенты, за деньги PlanBau, разумеется. Оставалась реализация изобретения, или как у нас принято называть – «внедрение».

И тут заболевает наш «гроссшеф» г-н Упхаус и на время отходит от дел фирмы. Патенты остаются неоплаченными и... пропадают. Сами-то бумажки остаются, но пропадает их действие. А кто будет внедрять, то, что ему не принадлежит? Как тут не впасть в депрессию? Вот и впал, я, по крайней мере. И перешёл, как говорится, на литературно-преподавательскую работу.

Чем хороша работа в университете – так это своей незыблемостью, что ли. Рушатся государственный строй, экономика, проекты, судьбы людей, а университеты – стоят. Даже учебные программы не меняются, если конечно, дисциплины не социальные. Кафедра атеизма быстро перестроилась в кафедру религиоведения, кафедра научного коммунизма, чтобы не соврать, в кафедру рыночной экономики. А ведь преподают то же самое – Бога нет, учение Маркса всесильно, потому, что верно, а верно – потому, что всесильно... Люди-то на кафедрах остались прежними!

На моей же кафедре все по-прежнему - контактные напряжения остались теми же, что и при их первооткрывателе Герце, то же касается зубчаток и винтов. Вариаторы и маховики, правда, изменились, но в этом виноват я сам... И процент талантливых студентов – тот же, есть из кого выбирать учеников.

Но творческую энергию куда-то девать было надо, вот я и стал писать книги. Как учебники, так и научно-популярные книги – «Удивительную физику», «Удивительную механику», даже «Парадоксальную механику». И, чего никто не ожидал, даже художественную литературу: трилогию - «Русский декамерон...», «Любовная исповедь тамароведа» и «Друзья дороже!», которую я полностью издал в 2006 году. Более того, почти закончил и эту, довольно объёмистую книгу, за исключением двух последних разделов. Вот как полезны бывают временные депрессии и отлучения от изобретательской работы – появляются другие продукты творчества!

Всё это литературно-педогогически-депрессивное состояние продолжалось – могу точно назвать дату – до 27 марта 2006 года. Я запомнил её не только потому, что это – день рождения моей первой жены. Что поделаешь – дни рождения всех моих жён помню наизусть! В этот день произошёл крутой поворот в моей жизни. «Крутой» во всех смыслах этого слова – и в старом и в новом.

Но прежде, чем рассказать об этом «крутом» повороте, я опять поплюю трижды через левое плечо: «Тьфу, тьфу, тьфу!» – чтобы не сглазить.

Да, кстати, а почему это вдруг даже крещеные люди от сглаза и прочих напастей плюют через левое, а, не дай Бог, через правое плечо? И даже не только плюют, но и щепотку соли бросают, а согласно некоторым источникам, пытаются даже... помочиться через то же левое плечо. Последнего, правда, я лично делать никому, кроме виртуозов, не советую, особенно прилюдно, во избежание неприятностей. А все дело в том, что за нашим правым плечом постоянно находится ангел-хранитель, который защищает нас от всяких напастей. Уж поверьте, народная мудрость врать не будет! А за левым плечом стоит нечистый, лукавый, искуситель, если угодно – Анчутка, назовем его хоть так, чтобы только не упоминать его настоящего имени. Иначе услышит – и тут как тут! Так вот, на этого Анчутку следует плевать, швырять солью и другими вредными для здоровья вещами, пардон, мочиться и делать ему другие гадости, чтобы он сам не успевал это сделать первым!

Итак, поплевав вволю на этого Анчутку, я продолжу рассказ о крутом повороте в моей жизни, происшедшем аккуратно в день рождения моей первой жены, а именно – 27 марта 2006 года.

А произошло вот что. Накануне позвонил мне приятный мужской баритон с до боли знакомыми интонациями и акцентом. Говорящий явно принадлежал к «кавказской национальности», причём к той её части, которая проживает в Абхазии. Но абхазом говорящий быть не мог, так как в его речи не было характерных свистящих звуков, а также потому, что мелодия или «т्यों» его речи явно не принадлежали абхазу. «Т्यों» речи абхаза напоминает хорей в стихотворении (помните: «абриёбшь аспорт абстазара», причём каждое слово ударное!). Речь грузина певучая, в грузинском языке нет никаких ударений. А речь мегрела настолько своеобразна – от чисто испанских «блестящих» звучаний («Ир сапатонс таркаль осурепи танс ибонс»), до комических («Исидоре, нахулия скани чемодани!») – что её определит каждый, кто с ними когда-то общался.

Так вот, говорящий со мной был явно мегрелом, что он тут же подтвердил, назвавшись: «Саная Энвер Сергеевич». Господин Саная сказал, что звонит мне по просьбе, или поручению его шефа – председателя Совета Директоров одного инновационного холдинга, с предложением встретиться и обговорить деловое предложение.

Надо сказать, что к этому предложению, я поначалу отнёсся скептически. Потом оказалось, что позвонить мне попросили именно Саная, как моего земляка, что ли, чтобы вызвать положительные ностальгические эмоции. Но ещё в молодости обжѐвшись на Грузии, я перестал верить всему, что с ней связано. Кроме Сталина, конечно. И зря, потому что помимо Сталина, надо было бы безоглядно поверить и Саная тоже.

Но так или иначе, встреча была назначена на 27 марта 2006 года у меня в университете (МГИУ). Причём Саная сказал, что приедет со своим шефом. В назначенное время я спустился в

проходную и стал ждать гостей. На переговоры я взял своего аспиранта Ивана Бессуднова, который уже имел опыт коммерческих общений. Время шло, а гости задерживались. Я уже было перепоручил одному из студентов встретить гостей и проводить в мой кабинет, как вдруг дверь проходной распахнулась и вошла троица, которую нельзя было спутать ни с какой другой.

Первым шёл человек, явно говоривший со мной по телефону. Это был невысокий, плотный, добротнo сбитый мегрел, так как перепутать эту национальность с другой «специалисту по кавказским нациям», каковым я себя считаю, было невозможно. Один из самых древнейших народов на земле, чудом уцелевший, мегрелы сохранили какие-то фрагменты внешности, по которым их всегда можно опознать. Конечно, если мегрельская кровь здесь не разбавлена до гомеопатических соотношений. Энвер Сергеевич Саная оказался человеком флегматического плана, что достаточно редко для мегрелов. Чаще всего это сангвиники и холерики, легко возбудимые и быстрые люди. Речь мегрела – одна из самых быстрых в мире, но только не у Саная, который разговаривал с обстоятельностью римлянина или американца.

Второй из троицы был личностью явно примечательной, таких у нас в стране встретишь нечасто. Худенький, изящный, чрезвычайно подвижный человек лет пятидесяти с постоянной весёлой и доброжелательной улыбкой на лице. С небольшой бородкой и коротко стриженный, он всем своим видом и осанкой напоминал испанца, или кого-нибудь ещё из южно-европейских народов. Так непринужденно, искренне, и в то же время, с достоинством улыбаться, да и вообще вести себя, мог только потомственный европеец, причем именно южный. Ожидая характерного для нынешнего времени и места большого начальника коммерческой структуры – полного, отёкшего, с одышкой, распальцованного матюгальщика с мрачным красным лицом, я какое-то время был в недоумении – кто же из этой троицы «главный»?

Потому, что третьим шёл очень уж молодой, но серьёзный человек интеллигентной и утончённой наружности, с очень внимательным, я бы сказал, цепким взглядом огромных карих глаз. Он точно не мог быть начальником, потому, что был очень молод и, главное, шёл третьим. Ну, вторым ещё можно – первый, дескать, дорогу второму указывает, а третьим – уж никак не получается. Вот я и решил, что начальник не приехал, а Саная захватил с собой двух специалистов – весельчака для «разрядки» обстановки, и серьёзного – для переговоров.

По дороге нас чуть не сбивали с ног студенты, бежавшие куда-то с субсветовыми скоростями, но мы дошли-таки до моего кабинета целыми. И уже по визиткам, которыми мы обменялись, я понял, что начальником, а именно Председателем Совета директоров холдинга, к тому же Помощником председателя Комитета Госдумы России, был именно весёлый испанец с бородкой.

Фамилия «испанца» была Бабин, имя-отчество Владимир Александрович, а серьёзный молодой человек оказался его сыном – Алексеем, занимавшим одну из ответственных должностей в этом холдинге.

Вышло так, что Бабиным попался на глаза журнал «Популярная механика», № 3, 2006 года, где была большая статья про мои изобретения. Изобретения, видимо, понравились Председателю, внимательно следившему за российской наукой и техникой, особенно в области экологии двигателей и автомобилей. И вот оперативность: прочли статью в мартовском номере журнала, а 27 марта мы уже были знакомы.

О чём был разговор – пересказывать не буду. Скажу только, что после ухода гостей я спросил Ивана, бывает ли такое в жизни? На что получил ответ, что такого в жизни, по крайней мере, нашей, российской, не бывает. Даже, вероятнее всего, и на Западе такого ожидать трудно. И мы решили, что всё это нам приснилось.

Но последовало приглашение в холдинг и сон стал переходить в реальность. У меня появилось ещё одно место работы в офисе рядом с Колонным Залом Дома Союзов, в пяти минутах ходьбы (быстрой!) от Кремля. Я смог заняться своим непосредственным делом – наукой и изобретательством, не тайком или обманом, а явно и даже финансируемо. Смог привлечь к этой же работе своих учеников – учёного со степенью – Сергея Юркова, без степени, конструкторов, моих аспирантов – уже упомянутого Ивана, и Диму Воробьева, студентов – из них одного чрезвычайно талантливого – Сашу Лаврентьева. Даже одного академика «привлекли» (в

хорошем, конечно, смысле!) к работе над нашей темой. Подробность, совершенно невыносимая в наше время – у кого не было достойной квартиры – дали. По выбору – которая понравилась. Верите? Нет? Да и я до сих пор верю с трудом. Смотрю на Кремль из окна офиса, где я работаю техническим директором и научным руководителем, и – не верю. Почти как великий Станиславский, но он не верил своим актерам, а я – сам себе!

Чтобы я – «дважды москвич Советского Союза», бывший «горец», оказался так близко от Кремля и занимался своим «родным» делом, казалось невыносимым. Правда, я вспомнил, что уже был один «горец», который оказался не то, чтобы близко от Кремля, а в самом Кремле, в его «сердце», и занимался он не чужим, а тоже своим «родным» делом. И, может, кому-то и не нравилось это «родное» дело, но всем ведь не угодишь! А громадная страна встала даже не с колен, а с полного нокаута и сделалась самой великой, мощной и грозной державой за исторически короткий срок. Правда, лишившись «горца», она стремительно откатилась назад, может не до полного нокаута, а только до нокадауна. И всё из-за того, что на месте «горца» волею судьбы оказался даун, доведший страну до нокадауна, простите за каламбур! Но сейчас мы все замечаем, что выходим, наконец, из нокадауна, а даунов близко к власти не допускаем, стало быть, возможно, дойдём до потерянного уровня.

Но хватит о даунах, да нокадаунах! О себе хотел бы сказать, что может и я, как бывший «горец», а ныне – «дважды москвич Советского Союза» (см. соответствующий раздел книги, который так и называется), оказавшись поблизости от Кремля, смогу принести хоть какую-то ощутимую пользу людям. Например, в области перспективного привода – супервариаторов и супермаховиков. И я рад хотя бы тому, что кроме явно «непечатных» (а поэтому и не вошедших в эту книгу!) слов и выражений, смог, так сказать, явочным порядком ввести в техническую и патентную литературу два «печатных» слова – супермаховик и супервариатор. Это – мои изобретения, которыми я горжусь. Первое уже широко используется (нет, не радуйтесь, не в России, а пока только в США!), а второе – продвигаем при поддержке холдинга под названием «НовЭко», что в «двух шагах» от Кремля.

Скажите честно, кто-нибудь из читателей поверил мне? Нет? Да я и сам, как уже говорил, с трудом верю в происходящее со мной. Ну, в Америке, в Японии, ну, маловероятно, но в Германии... Но чтобы у нас в России, где «раздавить» изобретателя – дело чести и героизма, имело место такое? Нет, это, скорее всего, фантазии и «глюки». И я, зная, что в жизни, в нашей обычной, не из книжек и глянцевого журналов, жизни, такого не бывает, начинаю думать, что это всё – сон. И потому нашёл себе «отдушину» во снах. Как горожанин привыкший дышать выхлопными газами, попав на чистый воздух, ищет выхлопную трубу, чтобы припасть к ней и немного подышать привычным «перегаром».

Ну а сны, мои сны – это сама жизнь! Настоящая советская, постсоветская или какая угодно, но связанная с советским периодом, захватившим из моей жизни более, чем полвека. Сны почти одинаковые, состоящие из нескольких серий, только иногда меняющих свою последовательность. Вот сейчас утро, я только что проснулся от обычного своего «многосерийного» сна. Суббота, спешить никуда не надо, и я записываю свой сон, так похожий на все другие. Вечером, как всегда, прилично выпил – иначе не засну до утра – и свалился в постель. Итак – сны.

Серия первая. Спортивные соревнования по моей любимой штанге. Я в обычной форме: трико «финка», широкий пояс, штангетки. Мотаюсь туда-сюда, не могу найти ни свою команду, ни своего тренера. Все вокруг – чужие, странно одетые люди. Они не замечают меня, не отвечают на мои вопросы. Иногда, сталкиваясь со мной, ошалело таращатся, но тут же отходят в сторону. Странное помещение – зал, битком набитый людьми, которые стоят даже на помосте, судей нигде не видно.

- Зачем я пришёл сюда, что я буду делать, когда вызовут, я ведь совсем забыл движения, я опозорюсь! – такие мысли терзают меня, но я не ухожу, потому, что дисциплинированный.

Вдруг, откуда-то появляется мой тренер – Арсен Галоян, и спешно тащит меня к помосту.

- Где ты, твой подход, тебя уже вызывали – давай, давай!

- Арсен, я не размялся, я не знаю какое сейчас движение, не знаю какой на штанге вес – как же я подойду? И потом – я забыл, забыл что как выполняется! А если это – рывок, то я и вообще

сейчас не смогу его сделать... - но мой лепет тренера не волнует. Он, продолжая своё: «давай, давай!», выталкивает меня к помосту, я попадаю в свет софитов и обнаруживаю... что я совсем голый! Куда-то исчезли и «финка», и пояс, и даже штангетки. Я – в чём мать родила! Зрители начинают хохотать, но Арсен, вместо того, чтобы дать мне хоть какую-нибудь одежду прикрыть «срам», продолжает подталкивать меня к помосту. И вот я вижу штангу – странную, совсем не такую, к какой я привык. Огромные, почему-то квадратные блины, толстенный гриф, который я и обхватить-то не смогу. Ужас пронизывает меня, я поворачиваюсь и бегу – куда, сам не знаю, и... просыпаюсь!

Подпрыгиваю в койке почти на метр, дико озираюсь. Я у себя в спальне. Полумрак. Часы на стене показывают полвторого, настольные – на пять минут больше, будильник – на пять минут меньше. Я всегда боюсь проспать, и «обкладываю» себя часами. Рядом – жена, последняя, законная. Она безмятежно спит, слегка посапывая. Наверное, смотрит во сне телевизор, или решает кроссворд – это её любимые занятия. Я успокаиваюсь, отпиваю глоток воды (или вина), из чашки на столе в голове кровати и засыпаю снова.

Серия вторая. Корпоративная вечеринка, пьянка, одним словом. Я никак не могу найти свой столик, своих друзей, с которыми приятно было бы выпить. Дамы, дамы, я даже замечаю среди них всех трёх своих жён, ещё молодыми, разумеется. Они приветливо машут мне руками, но к себе не зовут. Я попадаю в какую-то раздевалку, где пальто и шубы уже не висят, а лежат навалом. Пробираюсь через эти мягкие горы и передо мной – каморка с занавеской, вроде помещения для гардеробщицы. Отдвигаю занавеску и вижу – моя красавица Тамара Грозная в огромном махровом тёмно-сером халате, руки в карманах, презрительно-вызывающе смотрит на меня. «Опять нажрался!» - говорит её взгляд. Я в испуге пытаюсь ретироваться, но её короткий возглас: «Нур!» - останавливает меня. Я оборачиваюсь и вижу – моя красавица распахнула полы халата и раздвинула их на вытянутых руках. Голое, стройное, белое-белое тело, зовущий взгляд. Рвусь к ней, но халат запахивается, как дверь лифта или метро. «Иди, прежде разденься. Куда прёшься в пальто!» - отрезвляет меня голос Грозной, и я плетусь обратно в гардероб. Но попадаю опять в зал, причём в компанию совсем юных девушек, вроде студенток. Они окружают меня, нежно смотрят в глаза, а одна даже увлекает меня в угол, и, кажется, не просто так...

- Разве нам можно, - лепечу я, - ведь ты ещё совсем молодая!

- А почему нет, - отвечает юная нимфа, - сейчас свобода – всё можно!

И я уже предвкушаю столь желанное соитие, как вдруг появляется моя вторая жена Оля, что сейчас в Америке, сама не старше студентки, хватает меня за руку и уводит. Я сержусь на неё, но думаю, что и с ней самой было бы неплохо... Тем более, что она загадочно улыбается и ведёт, ведёт меня куда-то за руку.

Но вот она внезапно исчезает, словно растворяется в воздухе, а я нахожу себя на грязной поляне с жиденькими кустиками, загаженными пластиковыми бутылками, газетами, прочим мусором. А прямо в лицо мне смотрят наглые глаза улыбающегося типа, явно маргинальной внешности. Я, с воем обманутого самца, вцепляюсь в типа, душу его, выламываю ему руки, но он продолжает нагло улыбаться. Понимая, что он неистребим, я в ужасе отшатываюсь от него и... просыпаюсь.

Такой же, как и после первой серии, подскок от койки, такой же дикий взгляд на часы – не опаздываю ли куда-нибудь. Три часа ночи – плюс-минус пять минут. Самый кошмарный час – время наибольшей активизации оборотней, вурдалаков, упырей и прочей нечисти. Отпиваю глоток воды (вина), убеждаюсь, что рядом спит улыбающаяся во сне жена (видимо, решила-таки кроссворд!), и снова засыпаю.

Серия третья. Защита очередной диссертации. Зачем мне каждый раз снится эта серия про защиту – ума не приложу! Ведь диссертации, как кандидатскую, так и докторскую, мне больше защищать не надо - я проделал это ещё в ранней молодости. Но во сне я каждый раз развешиваю плакаты, докладываю, спорю с оппонентами, отвечаю на вопросы. И вдруг появляется какой-то хмырь, урод очкастый с крючковатым носом, но очень авторитетный и вещает:

- Товарищи, нарушен регламент, я подсчитал, кворум не обеспечен!

Или: «тема не входит в компетенцию Совета, нет кооптированных членов Совета по узкой тематике» - ну и подобную белиберду.

И члены Совета почему-то начинают огрызаться и вякать на меня, как будто это я им сорвал кворум или регламент.

- Лишить степени, отменить защиту, уволить с должности, не допускать к конкурсу!

Я бешусь и накидываюсь на хмыря очкастого:

- Ах ты, крыса учёная, ах ты урод носатый, кого это лишит степени? Вот сейчас врежу тебе по-профессорски!

И я со всей силы бью «урода» томом диссертации по голове, он падает, я топчу его ногами, и с ужасом обнаруживаю, что это – профессор Илларионов, который когда-то выступал «против» на защите моей диссертации.

- Но он же теперь – покойный, значит, я бью ногами мертвеца! – посещает меня мысль, от которой я холодею и ... просыпаюсь.

Отскок на метр, дикий взгляд, без четверти пять, глоток воды (вина). Рядом жена спокойно спит, опять же, посапывая над кроссвордом. Переворачиваю мою подушку холодным потом вниз и снова засыпаю.

Четвёртая серия – производственная. Неимоверным «непосильным» трудом собранное изделие – машину, сегодня надо испытать при комиссии. На сердце тяжесть – машина явно недоделана, есть огрехи, может сломаться при испытаниях. Я пытаюсь разобрать и осмотреть её снова, чтобы исправить, какие ещё можно, огрехи. Разбираю – и холодный пот снова прошибает меня – нет важнейшей детали. Где она, как найти её? И слышу – в соседней комнате кто-то работает на заточном станке, точит что-то на наждачном круге. Крадучись, вхожу в эту комнату, и вижу - мой же лаборант уродует на круге самую важную и ответственную деталь машины.

- Ты что делаешь собака, ты что делаешь паразит? – ору я на него, трясусь за воротник, и вижу – лаборант пьян, вдребезги, в стельку, как сапожник, по-пороссячему, по-чёрному, и т.д. и т.п. Пьяно улыбаясь, лаборант показывает мне деталь, изуродованную сваркой, которую он пытался зачистить на круге, чтобы скрыть шов.

- Простите великодушно, больше не повториться! – бормочет он, продолжая улыбаться. – А комиссия уже идёт...

Опять – вся череда событий, сопутствующих кошмарному пробуждению. Но уже пора вставать – время! Осторожно, чтобы не разбудить жену, которая ещё будет решать кроссворды часов до десяти, я перелезаю через неё и бреду в ванную принимать душ.

Только под душем, я начинаю понимать, что все эти ужасы происходили во сне. И что не надо мне выступать на соревнованиях, защищать ненужные диссертации, бегать за бабами (набегался уже, пора и отдохнуть!), бить пьяного лаборанта. Всё плохое – прошло, оно уже в безвозвратном прошлом, и «отрывается» мне во снах, к несчастью, постоянных. А в жизни осталось только самое хорошее – законная, причём любимая, жена; любимая работа; умные, работающие студенты; интеллигентные коллеги; доброе, толерантное начальство; надёжные, покрашенные ярким лаком мои изобретения. Вот так всё и будет продолжаться до конца жизни, до самой смерти – лёгкой и безболезненной: по-пьянке ли, в койке ли – во сне или, что ещё лучше, за приятным занятием, либо мгновенной, когда не успеешь врубиться – что к чему.

Конечно, так в жизни бывает редко, но ведь бывает для кого-то, почему же и мне не может так подфартить? Но тогда это уже чрезмерно, непривычно счастливая жизнь. А сейчас, когда всё вроде в порядке, я не чувствую себя чрезмерно счастливым, как например, сразу же после первого полового акта с новой, причем любимой, женщиной. Так – наступает прилив счастья, а потом отступает – приходит обыденщина. А это отступление счастья и начало обыденщины ощущается как депрессия. Отчего же депрессия, когда, в общем, всё хорошо?

Пора разобраться по-профессорски, что же вообще такое – счастье?

Счастье бывает разное – семейное, любовное, спортивное, криминальное, нетрадиционное – всего не перечислишь. Мне, по крайней мере, в последнее время, ближе всего счастье творческое. Хотя и вышеперечисленные его разновидности не были мне чужды в жизни. Так что же такое счастье творческое? Как поступать творческому человеку, чтобы быть счастливым?

Чтобы последовать совету Козьмы Пруткова «Если хочешь быть счастливым – будь им!». Или из первоисточника – Лоренцо Медичи (Великолепного): «Счастья хочешь – счастлив будь, нынче, завтра – безразлично!».

Опыт моей жизни подсказывает, что не надо слишком уж энергично самореализовываться в раннем возрасте, быть вундеркиндом, что ли. Иначе такого вундеркинда, если он хоть немного ослабит вожжи творчества, могут ждать неприятные потрясения. Я сам, к сожалению, стремился быть таким вундеркиндом, но мои недруги (спасибо им!) во время «обламывали» меня. Но иногда мои затеи удавались.

Например, я достаточно рано защитил кандидатскую диссертацию – она была у меня готова чуть ли не за год до окончания аспирантуры, то есть года через два после окончания вуза. А после защиты наступила как бы пустота в жизни – главная цель на тот период была достигнута, а новых больших целей было немного. И я надумал покинуть Москву и поехать куда-нибудь далеко в Сибирь на лесосплав, например, чтобы увидеть «другую жизнь и берег дальний». Но в результате сделал ещё большую глупость – дал уговорить себя уехать на малую родину – в Тбилиси и работать там на благо грузинской науки. Мне там, как известно хотя бы из этой книги, быстро показали «кузькину мать». Я бежал оттуда и, как коммивояжер из Шолом Алейхема, стал ездить по городам и весям, получая сразу же много новых целей и новых проблем.

А после защиты докторской, что случилось тоже достаточно рано, опять наступили пустота и отсутствие больших целей. А также недругов, которые уже не помогали как «санитары судьбы», а вынудили меня броситься во все тяжкие в область гедонизма, да так, что я заработал инсульт на почве удовольствий. Но друзья не дали мне «свихнуться» окончательно, позвали снова в Москву и помогли найти достойные цели. Так я стал «дважды москвичом Советского Союза». А с недругами я уже научился бороться методами, хоть и жестокими, но объективно данными мне от природы.

Поэтому, юные друзья мои, я советую вам сохранить свои силы и не расходовать себя в ранней молодости на немедленное получение славы, высоких должностей, больших денег и т.д. Копите знания, опыт, имейте терпение и своевременно достигайте реальных высот, которые вы сможете не только удержать, но и превзойти. Не начинайте еду с самого вкусного, чтобы потом оставшееся вызывало у вас только тошноту и, пардон, «обратную перистальтику». Десерту – время после обеда, а не до него. Запомните главное – успехи в жизни должны только ускоряться с годами. Жизнь, на мой взгляд, должна напоминать гонку со старта особых гоночных автомобилей - драгстеров или дрегстеров, которые всю свою дистанцию (очень короткую, между прочим!) проходят с ускорением. Так, с ускорением успехов нужно прожить и жизнь, кстати, по вселенским меркам, тоже не очень длинную! Вот вам и алгоритм счастья – жить нужно ускоренно! А формула ускоренного движения по жизни - и есть формула счастья!

А теперь осталось только попрощаться с теми читателями, которым хватило терпения пройти вместе со мной по моему жизненному пути. Хочу сказать им «пока!» на их родном языке. Причём том, на котором мне удалось перемолвиться с их «носителями» в реальной жизни – по делу, дружбе, любви. Только не по вражде, потому, что врагам не говорят «пока!», а совсем другие вещи!

Итак, друзья мои, носители своих языков и диалектов, я прощаюсь с вами в хронологическом порядке, в том, в котором знакомился:

Нахвамдис, абзиарас, джгирорда, мнац баров, до побачення, сервус, зай гезунд, гуд бай, чао, о ревуар, ауф видерзеен, грюс Готт, чууз, до видзення, ансян хика цеё, лехит раот! И, конечно же – до свидания, до встречи, пока!

На 4-ую стр. обложки подпись под фотографией

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, когда кажется, что Фортуна окончательно отвернулась от тебя, а друзья – позабыли, когда все твои усилия разбиваются в прах и выхода не видно – не теряй головы, не бросайся в панику. Продолжай спокойно и методично делать, «что должно» и знай, что «вода долбит камень не силой удара, но частым паденьем». Никогда не лги, в том числе и себе самому, не предавай друзей и любимых, если даже они провинились перед тобой. Не теряй чувства юмора, главным образом по отношению к самому себе, будь предельно самокритичен. Не изменяй любимому делу, если даже оно пока приносит тебе лишь неудачи и насмешки.

И тогда Высшие Силы помогут тебе - придет удача, и ты будешь счастлив! Утверждаю это, хотя бы на своем личном опыте, как ученый, как Профессор Механики, наконец!

Нурбей ГУЛИА